

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929362 5

14

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοῦς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε κοίησαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προεγεγονότων ἀνδράκων
ἐν τοῖς ἐπιγεγομμένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένῳ τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.

Socrat. apud Xenophont.

ТОМЪ СОРОКЪ-ШЕСТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1841. ✓

253603

ALLEN L. BROWN
TILDEN CLONOWYNSK
F. 1000

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

за то, что в отпечатанном представлено было в Императорский Комитетъ уваженное
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1840 года, апреля 30 дня.

Цензоръ А. Фрейлингъ.

Цензоръ А. Крыловъ.

Цензоръ А. Очкинъ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

БЕДУИНЫ.

Скажи мнѣ, сынъ пыльныхъ пустынь, Бедуинъ,
Куда ты спишишь средь родимыхъ равнинъ?
Не гласъ ли воскресшій пророка зоветь
Вновь къ битвамъ, гдѣ слава, гдѣ рай тебя ждетъ?
Не хочешь ли снова ты хлынуть ордой
И царства низринуть могучей рукой!
Не снова ль собираются дати степей
Повергнуть пол-мира десницей своей,
Среди Исагана воздвигнуть свой тронъ,
Иль гордымъ гдаалгамъ дать новый законъ?
Надъ шумящимъ Дуаро колесо водрузить

Волной океана коней напоить ?
 Не снова ли будетъ изъ странъ Альджезира
 Властительъ Багдада снати-льникомъ міра ?
 Не снова ли увидятъ Альгамбры оады
 Могучіе Абенсераджей ряды,
 И звучныя пѣсни любви огласятъ
 Златые покои гренадскихъ палатъ.

Но нѣтъ, о дѣти Магомета !
 Вашъ славный путь уже свершенъ,
 И вы ужъ не владыки свѣта,
 И ваша слава — только сонъ !
 Ужъ не откликнетесь вы снова
 На зовъ победы и вождей ;
 Не чтобы міру дать основы,
 Не бросите родныхъ стеней.
 Нѣтъ! смолкла слава халифата ;
 Пришли другія племена,
 И среди славнаго Багдада
 Не ваши вьютъ знамена.
 Арабовъ сила позабыта ;
 Гаруповъ время протекло ;
 И, вмѣстѣ съ властію разбитой,
 Въ пыли ихъ гордое чело.
 Съ своими дивными садами,
 Чертогъ Альгамбры золотой,
 Давно оставленный ужъ вами,
 Стоитъ безмолвный и пустой.
 Не слышатся въ немъ пѣсней клики,
 Мхомъ обросли его столпы :
 И гдѣ гренадскаго владыки
 Рабовъ послушнымъ толпы ?
 Гдѣ вы, Хеджаза ополченья,
 Которыя, такъ быстро, страхъ
 Вносили въ дальнія владѣнья ?
 Гдѣ вы, могучіе въ болахъ ?
 Вы все потябли въ битвахъ, съ славой ;

Востока мощные сыны,
 Когда пошли на бой кровавый
 Порабощенныя страны.
 Когда онъ въ крови омыли
 Стыдъ въковыкъ своихъ оковъ,
 Потомки ваши позабыли
 Законъ, и славу праотцовъ;
 И если по степи несется
 Теперь свободный Бедуинъ,
 Онъ не за вѣру къ битвѣ рвется, —
 Ужъ онъ не міра властелинъ, —
 Не къ бранной славы онъ стремится,
 Не предлагаетъ Алкоранъ:
 Нѣтъ, онъ теперь такъ быстро мчится,
 Чтобы ограбить караванъ!....

I-ВЪ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

=

Ахъ, ты дѣвица, звезда ясная,
 Полюби меня!
 Въдъ безъ тебя тоска кручинушка
 Лежитъ на сердцѣ.
 Все не мило мнѣ, ненаглядная,
 На бѣломъ свѣту!
 Только ты, моя душа дѣвица,
 Тѣшишь молодца.
 Ахъ, какъ взглянешь ты, радость дней моихъ,
 Въ лицо милому:
 Мнѣ глаза твои, съ доволокою,
 Краше звездочекъ,

Что горять и блестать во полночи!

А твоя коса,

Коса русая, коса длинная

Краше золота!

Ахъ, какъ взглянешь ты, разкрасавица,

Въ глаза милому, —

И горить огнемъ, и кипить ключемъ

Кровь горячая....

Полюби же ты, мое солнышко,

Меня колодца;

И — прости тогда жизнь разгульная

Молодецкая!

Д. ЧЕРНЕЦКІЙ.

БЫЛОЕ.

Прошли тѣ дни, когда, тревоги полный,
 Я былъ поклонникомъ живыхъ страстей;
 И дружбою святой одушевленный,
 Въ толпѣ предателей я видѣлъ все друзей;
 Когда красавица волшебнымъ взоромъ
 Сжигала сердце мнѣ невѣдомымъ огнемъ,
 И ласками и сладостнымъ укоромъ
 Напоминала всё о чемъ-то неземномъ;
 Когда глаза коварной огневые,
 Казалось, говорятъ мнѣ тихо: «Не забудь!»
 Улыбка, взглядъ и кудри златыя
 Тогда любовью мнѣ волновали грудь.

Теперь не то! Какъ-будто предъ могилой,
 Съ тоской на все надземлю мрачный взоръ,
 И жизни путь, и грустной и постылой,
 Меня тягчить, какъ-будто злой укоръ.

И. Т-СКИЙ.

ЗАВѢТЪ.

Гдѣ бѣ ни былъ я; куда бѣ властитель-рокъ
 Ни заносилъ послушный мой челнокъ;
 Гдѣ бѣ ни былъ я, въ высокои ли палатѣ,
 Съ вельможами, въ алмазахъ и звѣздахъ,
 Иль въ рубицѣ, въ простой смиренной хатѣ;
 За плутомъ буду ли на отческихъ поляхъ,
 Иль на конѣ, подобно славнымъ дѣдамъ,
 Летать съ мечомъ ко славы и побѣдамъ,
 Иль мирно жить подъ кровомъ тишины,
 Въ кругу друзей, въ объятіяхъ жены;
 Гдѣ бѣ ни былъ я, — по моему завѣту,
 Призванію, друзья, не измѣню!
 И пусть пройду и чужды и странены свѣту,
 Но пѣсенъ даръ до гроба сохраню.
 Я буду пѣть! и задушевнымъ пѣньемъ
 Природу всю привѣтствовать любя;
 Гдѣ бѣ ни былъ я, — на все вокругъ себя,
 Хочу смотреть съ священнымъ вдохновеніемъ.

А. ЛЕОНОВЪ.

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

=

Безъ зависти, люди, я вамъ уступлю
 И золота груды, и чашу блаженства,
 И славу, и почеть, и весь совершенства.
 Безъ грусти, безъ жалобъ, я вамъ уступлю
 Земную всю роскошь, златыя убранства,
 И все, что васъ тѣшитъ въ полуденной странѣ;
 Все вамъ и все ваше на этой землѣ!
 А мнѣ — одну сажень подъ нею пространства.

Пора мнѣ, о люди! окончить мой путь; —
 Такъ много страдалъ я скитаясь межъ вами!
 Не разъ упивался своими слезами!
 Пора мнѣ, о люди! пора отдохнуть!
 Давно я извѣдалъ все ваши коварства,
 Богатство и слава не нужны ужъ мнѣ;
 Все вамъ и все ваше на этой землѣ!
 А мнѣ — одну сажень подъ нею пространства.

А. ТОМЬЛОНСКІЙ.

НОЧЬ ВЪ ВЕНЕЦИИ.

Ночь южная, прелестнѣйшая въ мірѣ,
Набросила таинственный покровъ
На воды и дворцы, на Ponte de' Sospirî,
На много черныхъ мачтъ и бѣлыхъ парусовъ.
Весь городъ спалъ, а въ дремлющемъ эфирѣ,
Какъ виноградъ заоблачныхъ садовъ,
Стѣснившись въ серебряныя грозды,
Висѣли свѣтлыя полуденныя звезды.

Ни звуку въ воздухѣ, ни свѣчки на окнѣ;
На ложѣ облаковъ спитъ вѣтеръ ароматный
Незыблемая тишь въ воздушной глубинѣ;
А на землѣ сонъ мертвый, благодатный.
Гондола не скользитъ по зеркальной волнѣ,
И стройный гондолеръ, своей рукою статной,
Въ ее лазоревое зыбкое стекло
Не погружаетъ гибкое весло.

Безмолствуетъ старинный замокъ дождей.
Два существа лишь только въ немъ не спятъ :
Властолюбивый дождь, да левъ въ гранитной кожѣ.
И статун, съ нѣмыхъ дворца аркадъ,
Съ своихъ высокихъ каменныхъ подножій,
На спящую Венецію глядятъ,
Да въ горделивомъ Rio del Palazzo
Не дремлющія волны всё струятся.

Какъ пеленой обложенъ небосклонъ
Тучь мраморныхъ громадныхъ колманн.
Ихъ неподвижный рой безмолвно изумлень,
И зеркаломъ воды и дивными мостами
И дивной площадью, гдѣ въ цвѣтникахъ колоннъ
Скрытъ величавый храмъ, построенный выками.
Тотъ пяти-главый сонникъ, что въ морѣ облаковъ
Всегда купаетъ пять сѣдыхъ свонкъ головъ.

О какъ часы ночные хороши!
Въ нихъ и любить вольнѣе и отраднѣй!
Ночь пахнетъ розою! въ таинственной тиши
И лилія и пальма ароматнѣй!
На сонныхъ улицахъ не видно ни души;
Ночь южная дня жаркаго прохладнѣй.
Ночь лучше дня, — ночь женщина! Она
Вся для любви и нѣги создана!

П Р О З А.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬЕРОЛЬ.

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

III.

РОМА BARBERINA.

Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.

(РИМСКАЯ ПОГОВОРКА КРИВОГА).

РИМСКІЯ ГЛАВЫ.

Эпизодъ второй.

Ad libitum.

(Предостереженіе.)

(Этотъ второй эпизодъ, какъ и первый, имѣетъ тѣсную связь съцѣлымъ, но какъ въ немъ размѣщено множество подробностей слишкомъ частыхъ, относящихся собственно къ исторіи художества и художниковъ

XVII столѣтія, то я позволилъ себѣ поставитъ въ заглавіи эпиграфъ *ad libitum*: то есть, всѣ «Римскія главы», имѣющія особую нумерацію, могутъ быть при чтеніи пропущены читателемъ, если для него почему либо подробности художественной исторіи могутъ показаться не занимательными и утомительными. Но, чтобы не прервать нити самаго разсказа, я счелъ нужнымъ въ немногихъ словахъ изложить содержаніе «Римскихъ главъ», во сколько онѣ имѣютъ неразрывную связь съ цѣлымъ. Такъ:

Вслѣдствіе приказанія Людовика XIII, знаменитому французскому художнику Николаю Пуссену послано было въ Римъ приглашеніе черезъ посредство капитана д'Орбиньи, отправленнаго къ папѣ съ политическими депешами. Папа Урбанъ VIII, стараясь подражать великимъ своимъ предшественникамъ, покровительствовавалъ художествамъ, воздвигалъ замѣчательныя зданія, и потому весьма былъ опечаленъ вызовомъ Пуссена въ Францію. Не желая ни имѣть личныхъ съ Франціей неудовольствій, ни отпустить Пуссена, Урбанъ употребилъ близкихъ его друзей къ отвращенію художника отъ повздки въ Парижъ. Весь Римъ раздѣлялъ мнѣніе папы. Пуссенъ, съ одной стороны, полагаясь на покровительство папы и другихъ сильныхъ людей, съ другой не желая быть ослушникомъ королевской воли, далъ непрямой отвѣтъ: онъ обещалъ явиться въ Парижъ, но не опредѣлялъ срока. Избѣгая личнаго свиданія съ капитаномъ, который, по важности политическихъ депешей, спѣшилъ возвратиться въ Францію, Пуссенъ, оставилъ дома письмо, скрылся въ предмѣстіяхъ, и возвратился тогда уже, когда, по его разсчету, капитанъ долженъ былъ уѣхать изъ Рима. Опасаясь съ нимъ повстрѣчаться, Пуссенъ пошелъ въ противоположную своему дому сторону, и на площади Ротунды сошелся съ капитаномъ де-Вальеролемъ, который, по извѣщаніи, переехалъ въ Римъ, гдѣ удобнѣе и скорѣе

могъ получить какія-нибудь свѣдѣнiя: объ оставленной дочери. Узнавъ, что Пуссенъ ѣдетъ въ Францію, Валлероль объяснилъ ему свои несчастiя, и Пуссенъ согласился взять его съ собою въ Парижъ подъ видомъ слуги, чтобы онъ могъ отыскать свою дочь и немедленно, уже съ нею, переѣхать въ Италию. Еще одно обстоятельство: въ Римѣ Пуссенъ нечаянно познакомился съ Ванъ-Дейкомъ и нечаянно обидѣлъ фламандскаго художника, сказавъ, что въ Римѣ, изъ современнаго, ничего нѣтъ любопытнаго по его, то есть, по портретной, части. Урбанъ, не видя средствъ удержать Пуссена въ Римѣ, поручилъ кардиналу Барберини, своему брату, увѣдомить аббата Мазарини, что онъ не получитъ кардинальской шанки до возвращенiя Пуссена изъ Францiи.

Теперь читатель, если ему угодно, можетъ прямо перейти къ главѣ двадцать шестой.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

(Римская I.)

Нищій.

Солнце закатилось; длинныя тѣни отъ колоннъ и статуй, разсыпанныхъ въ садахъ Медичи, исчезли, — все стало плотною, неразрывною тѣнью, сумракомъ: и лавровыя аллеи, и богатые вестибулы, и весь этотъ чудный Римъ, увѣнчанный куполомъ Петра, который такъ резко очертился на сѣнемъ горизонтѣ. Вдали, какъ декорация, вырѣзанная изъ картона, чернѣли Аппенины; воздухъ дрожалъ, струился безъ вѣтру; казалось, все улег-

лось, упокоилось вмѣстѣ съ солнцемъ; даже собесѣдники смолкли: каждый призадумался, каждый ушелъ, улетѣлъ въ далекія страны, гдѣ то же солнце видѣло его рожденіе, да не то же небо питало возрастающія силы юности. Въ Римѣ какъ-то и солнце царственнѣе, и воображеніе легче, и душа шире. Разлетѣлись думы собесѣдниковъ, и долго не могли возвратиться и облечься въ тихія рѣчи. Нѣтъ! этихъ тайныхъ, иногда бессмысленныхъ, разорванныхъ, думъ не повторяютъ уста: для нихъ нѣтъ словъ, онѣ разрываются вздохомъ!.... и этимъ-то тихимъ, тайнымъ, вздохомъ, однимъ за другимъ, собесѣдники облегчили стѣсненные груди.

— Клаудію, сказалъ Пуссенъ, положивъ руку на плечо юноши, который не сводилъ глазъ съ отуманеннаго Рима: перестань, Клаудію!.... не упомнишь, и въ картинѣ будетъ не то.

— Ахъ, учитель! отвѣчалъ Клаудію, дайте наглядѣться: вы можете по волѣ наслаждаться природою во всякое время; вы можете иногда и передѣлывать природу; и это мы знаемъ. Нерѣдко мнѣ удавалось забываться передъ вашимъ пейзажемъ, и мнѣ казалось, что это видъ изъ окна: беру шляпу, бѣгу туда, въ эту роскошную долину, гдѣ каждый кустъ впиталъ отъ зною, гдѣ такъ сочна и жирна почва, такъ окладисто каждое дерево, такъ свѣжо отъ воды!..... Выхожу.... передо мной грязная улица!.... И тогда только вспомню, что я видѣлъ пейзажъ Пуссена.

— Послушай, Клаудію, сказалъ Пуссенъ: мнѣ досадны твои рѣчи.

— Можетъ-быть; только мнѣ до вандей досады нѣтъ дѣла, и если я заработаю треста ефимковъ, или, по крайней-мѣрѣ, тысячу ливровъ, тогда закажу вамъ пейзажъ и буду съ него учиться.

— Помилуй, Клаудію! да тебѣ надо бы прежде заняться рисованіемъ; ты не умѣешь порядочно начертить носа.

— Да что мне въ носъ! отвѣчалъ Клаудіо. Ужъ конечно, въ картинѣ вашей, гдѣ младенца Моисея пускаютъ на волю, фигуры не стѣютъ группы деревъ что возлѣ.... Что чловѣкъ? Бѣда не велика, если онъ не лучше природы. Но дерево, учитель, дерево! Когда такого дерева не сыщешь вокругъ Флоренціи, во всемъ Провансѣ: а оно дерево; да еще и какое! лучше самого себя!..... Да что мне послѣ этого люди? Меньше травы, которую они мнутъ такъ безбожно.... И что въ томъ, когда вы искусно освѣтите чловѣка? Ровно ничего. Ни какого эффекта! А дерево, а зелень, а роскошную долину, а далекія горы!..... Уходятъ, уходятъ.... конца нѣтъ! Чудо!... Терпѣть не могу людей, точно такъ же какъ этой проклятой лошади Августино Тасси, которую иду теперь кормить тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлъ всю жизнь самъ питаться. Она ѣстъ мою траву: понимаете? Она ѣстъ мое время.... Прощайте!

Клаудіо ушелъ. Пуссенъ призадумался, Жакъ Бланшаръ смѣялся, Стелла не сводилъ глазъ съ Пуссена, прочіе всё-еще смотрѣли на Римъ, хотя онъ представлялся сплошною сѣрою массой, и только одинъ куполъ терялъ формы и эффекта. Облака, будто сочиненныя Пуссенемъ, живописно покрывали небо, умножая мракъ и величіе вечера.

— Чудакъ! сказалъ Бланшаръ: онъ не притворяется. Онъ точно такъ думаетъ, и вы увидите, что этотъ пирожникъ добьется до чего-нибудь важнаго, умнаго.

— Но не геніальнаго, отвѣчалъ Пуссенъ. Люблю гордость, но не умышенное уничиженіе. Онъ и конюхъ, и поваръ, и краскотѣрь у Августино Тасси; мы всё предлагали ему помощь и независимое существованіе. Кардиналъ Барберини и кардиналъ Массими оба сулили ему пенсію: не хочетъ! Я нарочно заходилъ къ Тасси: тотъ самъ стыдится своего слуги; и, правду сказать, начатки Желѣ гораздо лучше картинъ учителя.

— Вы шутите съ Тасси, сказалъ Валентино, а Бере-

тини взглянь его въ новый дворецъ малые плафоны писать.

— Да когда же Беретини возьметъ въ помощники порядочнаго художника? замѣтилъ Пиедро Теста: онъ и самъ будто стекла расписываетъ.

Всѣ молчали.

— Печальный вѣкъ для художествъ! продолжалъ Теста, и глаза юноши сверкали, голосъ дрожалъ: Гверчино, Альбани и Гвидо-Рени въ Болоньѣ; Доменикино, Ривера и Ланфранко въ Неаполь. Никого изъ маститыхъ учителей нѣтъ въ Римъ; школа въ рукахъ этого хватуна кортонецкаго; великіе мрутъ съ голоду, а этотъ прозрачный живописецъ и Бернини съ своей архитектурной рѣзбой или рѣзною архитектурой, вотъ главы художества, вотъ Римская школа!.... Римская школа!

Снова послѣдовало продолжительное молчаніе. Вдругъ, раздался рѣзкій голосъ, котораго до-того не слышно было въ бесѣдѣ:

— Ради святаго Антоніо и святаго Джакомо, моего патрона, дайте милостыню Джакомо Болоньскому!

Всѣ встали и вышли изъ темнаго портика на встрѣчу знаменитому нищему. Луна озарила собраніе; болѣе сорока челоувѣкъ наперерывъ старались подать Джакомо, кто что могъ; шляпа его наполнилась мѣлкими деньгами. Нищій усялся на травѣ, поставилъ шляпу возлѣ себя и началъ считать деньги; спѣшилъ, ошибался и снова начиналъ пересчитывать.

— Не уходите, кричалъ онъ вслѣдъ отходившимъ: ради самого Бога и моего патрона Джакомо, не уходите! Меня ограбятъ! Жена на воду глядитъ и все видитъ; Не уходите! я съ вами до дому добреду. А на порогъ у меня три креста; сундукъ освятилъ отецъ Антоніо; замокъ въ церкви три дни лежалъ. Дома я не боюсь, а дорогóй, дорогóй....

Художники поглядѣли другъ на друга. Въ это время изъ-за облаковъ вслыла луна, и печальныя лица ху-

дожничковъ, озаренныя серебрянымъ свѣтломъ, представляли самую выразительную историческую картину, которую можно бы назвать картиной единодушнаго сожалѣнія. Нищій, первый, это замѣтить и затѣялся.

— Вотъ, если бы во время оно, сказать оныя, продолжая смяться: я бы васъ, господа!

— А что бы вы? спросилъ Андрей Саки.

— Взялъ бы живыхъ, вотъ, какъ стоите, цѣпными гвоздиками приколотилъ бы куда-нибудь на дѣло, и подписалъ бы по-латыни *Flagellatio*.

— Отчего же *Flagellatio*?

— Да развѣ ваше почтительное сожалѣніе не есть испытаніе? Подали милостыню, такъ и ступайте.

— Но вы сами требовали, почтительно сказалъ Пуссенъ, чтобы мы проводили васъ домой.

— Да, да! отвѣчалъ нищій, вскочилъ, и, взявъ Пуссена подъ руку, пошелъ такъ поспѣшно, что всѣ съ трудомъ едва могли за нимъ слѣдовать.

Нищій говорилъ всю дорогу, говорилъ очень много; но, къ удивленію всѣхъ собесѣдниковъ, Пуссенъ сталъ съ нимъ спорить. Миновали уже *Porta del Popolo* и приближались къ Испанской Площади, которая тогда еще не была украшена великолѣпной Глобифероуской лестницей, но дворецъ Пропаганды уже былъ на своемъ мѣстѣ. Нѣсколько гостиницъ и заборы норвѣжскихъ построекъ окружали одну изъ прекрасѣйшихъ нынѣ площадей Рима; вся площадь покрыта была народомъ; у многихъ гостиницъ стояли дорожныя экипажи и дорожныя лошади. Испанская Площадь уже и въ то время была мѣстомъ пристанища для иностранцевъ: всѣ духотешественники останавливались въ плохихъ ея гостиницахъ. Сдѣлки, справки, извѣстія, новости, даже политика, все это можно было найти на Испанской Площади по захожденіи солнца. Только здѣсь Римъ терять свой важный, религіозный характеръ и походилъ болѣе

на Римъ Августа, съ все-какими обычаями, о которыхъ упоминаетъ Гораций: Ионанская гостинница, лучшее тогда частное зданіе на всей площади, стояла впускъ, и между другини дожами; освѣщенными внутри и частію снаружи, казалась необитаемымъ, заколдованнымъ домомъ. Зато гостинница Французовъ снизу доверху была освѣщена множествомъ огней и преисполнена посѣтителями. На ея балконъ выставленъ былъ масляный бумажный щитъ съ изображеніемъ орла и съ французскою надписью à l'Aigle Noir. Передъ крыльцомъ, слуги проводили лошадей, и не оставалось сомнѣнія, что новые гости изъ Франціи пожаловали къ Черному Орлу. Примѣтивъ это, многіе изъ нашихъ собесѣдниковъ вскрикнули — «Новости! новости изъ Франціи!» — и бросились къ гостинницѣ.

— Вы не любопытны? спросилъ нищій: Николо, вы не любопытны?

— Ни мало! Въ Франціи у меня нѣтъ ни одного родственника; нѣтъ даже хорошаго знакомаго. Я Римлянинъ.

— Смотрите же, не будьте Коріоланомъ!

— Это почему? спросилъ удивленный Пуссенъ.

Нищій взялъ его за руку и таинственно сказалъ:

— У меня отъ жены перешла способность къ колдовству, и я, не знаю почему, потовъ спорить, что Франція прислала за вами. Но, смотрите, не будьте Коріоланомъ.... Ага! вотъ, вотъ она!.... и это, по-вашему, хорошо?

Съ этими словами нищій схватилъ Пуссена за обѣ руки и повернулъ къ водомету, украшающему площадь Испанскую. Площадь: онъ имѣетъ видъ барки, обливаемой со всѣхъ сторонъ водою и потому называется Баркаччіа.

— Что за смыслъ? Варка хороша на водѣ, а не подъ водою. Что это можетъ значить?.... Я растолкую: это кораблекрушеніе вкуса. Берити съ Урбаномъ и съ

Петромъ Кортонаскимъ топить красоту въ грязной водѣ грязнаго водопровода.

Пуссенъ улыбнулся. Ницій продолжалъ :

— Я васъ за одно не люблю, Николо : за равнодушіе. Какой вы Італііанецъ ! можно ли не сердиться на гострство вашего времени ? По-крайней-мѣрѣ смѣйтесь, какъ Французъ..... Какъ это скучно !.... Вы человекъ безъ націи.

— Вамъ сказано, сказалъ кто-то на дурномъ италіанскомъ языкѣ, кутаясь въ широкій плащъ и навалинувъ на глаза широкую шляпу : что Nicolo Pissino — Рималянинъ.

— Тедеско ! закричалъ ницій : не перебивать Дикая-мо Болоньскаго ! онъ самъ уважаетъ древность, но не хотѣлъ бы, въ человекѣ живомъ, встрѣчать мертвой античной статуи. Мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, а я еще живу и говорю правду ; и говорю правду, потому что не равнодушенъ къ правдѣ, и гуляю ночью, потому только, что слишкомъ люблю свѣтъ. Видали вы мои картины ?..... Я не пишу уже лѣтъ двадцать : куда ! больше !..... Живу милостыней, потому что слишкомъ любилъ свѣтъ, правду..... Видали вы моего « Святаго Петротія » ? Видали ?.... А ?.... что ?.... То-то же !

И ницій сталъ смѣяться съ такимъ самодовольствіемъ, какого никогда можетъ-быть не чувствовалъ Рафаэль, окончивъ самую счастливую изъ своихъ картинъ.

— Надо же такого несчастія ! продолжалъ онъ, вдругъ переѣхавъ и положеніе и голосъ ; выпрямился, принявъ гордую, благородную, осанку, снявъ шляпу, поправилъ волоса. Увидите ! Петру Кортонаскому закажутъ для Ватиканской Базилики картину ; непременно закажутъ. Горькое сближеніе ! Варвары ободрали Римскія церкви : Барберини обезображиваютъ произведенія Брамантовъ и Буонаротти руками поденщиковъ ! И пришла же Петровской Церкви тяжкая доля !.... Въ церковь Урбана она должна быть охоточе ! Надо же

самого нечестна! Я удивился шесте прекраснаго таланта именно въ царствованіе Барберини. И, знаете что, я имѣю подозрѣніе... Да! да!... Я увѣренъ, я дѣлать расписку... Барберини! ночью, третьяго марта, послѣ полуночи; похищали меня прекраснѣйшій талантъ... Не я ли, а кто-нибудь въ дворцѣ или на виллахъ я отъниму мой талантъ! Они его спрятали, они заграбили способности не у меня одного: они завистливы! Урбаа: карандашомъ чертитъ свои болѣзненные мечты, а камешкомъ Бернини и краскотѣрь кортонскіи испробуютъ ихъ, какъ умѣютъ. Нѣтъ, Николо: картина твоя «Муки Святаго Эразма», написанная для Ватиканской Базилики, очень хороша. Ты въ этой картинѣ умница! Но моя будетъ не хуже. Прощай!

Ничій пошелъ и воротился.

— Николо! Николо! А зачѣмъ ты только на этой одной картинѣ подписалъ свое имя? Стыдно! Пиши такъ, чтобы поглядѣть на картину, — и довольно: это Пуссина! Вотъ такъ ты пишешь пейзажи!

— Джакомо! отвѣчалъ Пуссенъ, я подписалъ потому что считалъ себя недостойнымъ стоять на ряду съ великими учителями, и боялся, чтобы невѣжда, по незнанію, не оскорбилъ ихъ великой памяти, приписывая имъ слабый трудъ слабаго художника.

— Хорошо, Николо! Правду говорятъ: ты скромный умница. Но, вспомни, кому не заказываютъ теперь картину для Ватиканской Базилики!... Какъ зовутъ этого Француза, что корчитъ Караваджіо? Заказали ему «Муки святыхъ Процесса и Мартиніана»: ей! заказали... И это все дѣлаютъ Барберини! Постой! я ихъ!

И ничій отправился прямо къ дворцу Барберини, недавно оконченному.

— Не забудь среднихъ лѣтъ, тотъ самый который былъ вынесенъ въ разговорѣ нишаго; подошелъ къ Пуссену, въ предѣлахъ руку, къ шлѣдѣ, почтительно, сказалъ:

— Позвольте спросить, я человекъ прїѣзжій: кто этотъ Джакомо Болонскій?

— Анибалъ Караччи, отвѣчалъ Пуссенъ, называлъ этого Джакомо красою и славой болонской школы, соперники непобѣдимымъ Титаномъ, дѣти добрымъ колдуномъ, жена сумашедшимъ, а постороніе Джакомо Каведоне Болонскимъ.

— Странно! Отчего же Рубенсъ не сказалъ мнѣ объ немъ ни слова?

— Вы ученикъ Рубенса? спросили художники.

— Да! отвѣчалъ сухо Фламандецъ. Я найду въ Римѣ работы этого чудака?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пуссенъ. Надо ѣхать въ Болонью.

— Я съѣзжу. А завтра позвольте мнѣ посѣтить вашу мастерскую.

— Милости просимъ! Но я долженъ знать имя и фамилію моего посѣтителя. Иначе не пускаю. Любопытные — враги художниковъ.

— Такъ я у васъ не буду, отвѣчалъ Фламандецъ, отворачиваясь отъ него нѣсколько всторону.

Помолчавъ, Фламандецъ опять спросилъ съ обычнымъ равнодушіемъ:

— Скажите, какія мастерскія въ Римѣ открыты для иностранныхъ художниковъ?

— Для художниковъ всѣ. Но это названіе имѣетъ слишкомъ обширный смыслъ.

— Вы, Римляне, отвѣчалъ Фламандецъ, дѣлаете изъ художества какое-то таинство; мы его считаемъ приятнымъ искусствомъ, которое не унижаетъ благороднаго.... Общество художниковъ считаемъ обществомъ лучшимъ между другими, а первымъ его условіемъ снисходительность и вѣжливую готовность подѣлиться съѣзднями и опытомъ.

Фламандецъ отошелъ, нагнувъ шляпу до самыхъ глазъ, завернулся въ плащъ и глядѣлъ на воду, обливающую Барраччіо.

— Логика въ словахъ художника, сказалъ Пуссенъ, признакъ истиннаго таланта. Но видно, что вы еще не познакомились съ Римомъ.

— Дятого-то я и прїѣхалъ изъ Антверпена и прямо изъ гостиницы пошелъ въ Медицейскіе Сады, въ знаменитую аенискую школу знаменитаго Пуссина. Слушала, а знакомиться было не мѣсто; радовался, да обвинять васъ было, кажется, не кстатн; разговаривался.... и досадно!

— Да полно досадовать! престоудушно отвѣчалъ Пуссенъ. Приходите ко мнѣ; только скажите свое имя.

— Я не король, никогнито не ѣзжу, а имя мое не придастъ ни какого особеннаго вѣсу моеи фигурѣ; вы увидѣли меня въ первый разъ, и въ первый разъ услышите такое имя. — Антоній Ванъ-Дейкъ, сказалъ Фламандецъ и опять отвернулся.

— Фламандскій Тиціанъ! фламандскій Тиціанъ! закричали художники.

Ванъ-Дейкъ съ изумленіемъ слышалъ восклицанія, и не могъ вымолвить слова.

— Видите, Антоніо! сказалъ Пуссенъ улыбаясь: Римъ не Парижъ, а отъ Антверпена, кажется, подалеко. — Знаете ли, господа, что Парижу столько же извѣстенъ Ванъ-Дейкъ, какъ Ванъ-Дейку Джакомо Болонскій!

— Безъ сравненій, мой господаиъ! безъ сравненій! Случайное незнаніе не есть еще невѣжество, грубо и хмурясь замѣтилъ Ванъ-Дейкъ.

— Конечно! безъ малѣйшей досады отвѣчалъ Пуссенъ: и какъ вы удостоили меня своихъ вопросовъ, то мой долгъ отвѣчать обстоятельно, такъ, чтобы вы могли воспользоваться моими словами: Римъ нынѣ весьма богатъ отличными художниками; нѣкоторые передъ вами на-лицо, и вы слышаете вдругъ много знакомствъ, только сократите несносныя формы фламандскаго этикета.

— Между художниками и во Франціи нѣтъ этикета,

сказалъ Ванъ-Дейкъ и снова повернулъ голову къ Бархатчин.

— Во-первыхъ, продолжалъ Нуссенъ не останавливаясь : выдаю вамъ моего Андреуччио, котораго мнѣ снискамъ зовутъ Андреемъ Сакки : попросите, чтобы онъ показалъ вамъ своего «Святаго Ромуальда». Вотъ вамъ два Француза, Жанъ Стелла и Валентенъ, мой друзья. Валентена обидѣлъ Джакомо Болонскій : его картина для Ватиканской Базилики превосходная вещь, хотя и я съ нимъ спору за пристрастіе къ Караваджіо. Вотъ еще Французъ, Жакъ Блашаръ : да онъ только и думаетъ о Валенцін, а соперникомъ считаетъ только Александра Турки Веронскаго ; и съ нимъ я иногда спору.

— Я вижу, прервалъ Ванъ-Дейкъ, кровь не перереждается ! Въ Римъ вы мнѣ указываете на французскія знаменитости !

— Позвольте, позвольте ! Вотъ вамъ Пьетро Теста. Объ немъ Рубенсъ, вѣрно, ничего не сказывалъ, а жаль, что онъ его не знаетъ : мой Пьетро совершенная противоположность вашему учителю. Иногда, подумаешь, что онъ пишетъ не днемъ, а въ сумерки, при лампѣ особеннаго свѣту.... Вотъ вамъ и соотечественники!.... Объ немъ, я думаю, знаютъ все фландрскія ратуши.... Францискъ Кеноа : онъ у насъ такъ и прослылъ Фланманцемъ.... Петра Беретини нѣтъ съ нами ; ему некогда : да объ немъ сегодня вы много слышали. А вотъ еще Гримальди : только онъ съ моимъ Клаудіе за дерево отгадутъ голову Лаокоона ; да и вообще.... признаться ли?.... по большей части въ Римѣ мало проживъ. Впрочемъ, мы все вамъ покажемъ. Милости просимъ, милости просимъ!.... а пока, простите!

Нуссенъ ушелъ съ Валентеномъ и Стелла, прачіе остались разсматривать Фланандскаго Тициана, который еще болѣе надвинулъ на глаза щипцу и сквозь зубы ворчалъ съ досадою :

— Не давай часу! Что же? Я ужь кромя портрета и сочинить ничего не сумью! Это хотья ты сказать чьоли? Постой же! Я тебѣ сдѣлаю исторію. Потоди, Фламандцы!

1. Тогда значительно умножалась: иные получили письма изъ Франціи и разсказывали новости; иные не получили, ни какой вѣсточки, досадовали и проклинали альпійскія горы. Фламандцы, слышавъ имя Ванъ-Дейка, со всѣхъ сторонъ сбѣгались къ Баркаччин и наконецъ увлекли своего Тиціана въ гостинницу.

2. — Пойдемъ, пойдемъ! кричалъ Іоганнъ Мель (Meel), глядя за руку новаго знакомя, который ворчалъ и повивался съ неохотою: пойдемъ! я васъ познакомлю съ римскимъ виномъ, которое такъ же плохо какъ и римскіе художники. Я выпилъ сегодня семнадцать фулътъ, и, когда слышалъ, что вы бесѣдуете съ этими господами у Баркаччин, выпилъ осемнадцатую и бросился спасать васъ.

— Я не пью.... Меня....

— Не пьете! Да какъ можно не пить въ Италиі, гдѣ вино дешевле нашихъ трубокъ!

— Не пью. Но меня взбѣсилъ этотъ французскій Рафаэль; я ему написалъ историческую картину.

— Знаю, знаю, кричалъ Мель: у нихъ всегда на языкѣ лексиконъ таинствъ и трудностей.... Всѣ съ ума сойдутъ, какъ Джакомо Болонскій. Нѣтъ, землякъ! тутъ есть художники, только не эти. Тутъ есть Питтеръ Лааръ, слышали вы?

— Нѣтъ!

— Не слышали? Просто, Рафаэль. Италианцы прозвали его Бамбоццо. Ну, пусть уродъ — нашъ Лааръ: да что они взяли? Бамбоццо перейдетъ въ роды и роды. Вспомни на картину, нельзя не смѣяться, хоть бы прізналъ съ хохоронъ любовницы. Чортъ!... просто, чортъ! Оди-тава, въ гостинницѣ, не могъ встать: перебилъ, а ума не потерялъ. Вы услышите, какъ онъ говоритъ...

есть у него другъ, Итальянецъ Черзонци, тоже мастеръ на бамбочиады: такъ изовутъ его Микель-Андреа бамбочиады; да ужъ это изъ завсегдѣ къ Питтеру. Куда ему до Питтера! А хорошо, хорошо!... Всегда шетъ съ нами.... Питеръ, Питеръ! гостя привели.

И Медъ почти насилью втащилъ Ванъ-Дейка въ грязную римскую таверну.

— Попался въ руки къ дьяволу! сказалъ Сакки, глядя вслѣдъ толпѣ Фламандцевъ.

— Да это вашъ ученикъ, сказалъ Тесла.

— Нѣтъ! его учитель — Сатана. Вы знаете, что Медъ на послѣдяхъ со мною сдѣлалъ? На большой картинѣ, назначенной для дворца Барберини, въ одну ночь всѣ платья расписалъ бамбочиадами! И злость, и смѣхъ! Только, на всякій случай, я его прогналъ.

— Художники смѣялись. Мимо кружка ихъ прошелъ кто-то. Опустивъ голову, незнакомецъ съ глубокимъ вздохомъ сказалъ :

— Эвелина!.... Ни какого извѣстiя!.... Боже! когда мы увидимся!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

(Римская II.)

Palazzo Barberini.

Дворецъ Барберини бивсталъ безчеленными огнями. Вся площадь была покрыта каретами, носилками, лошадьми, носильщиками, юными солдатами, которые развѣзали по владѣнн и по всѣмъ примыкаю-

идти въ ней уличать, удраивали лебодытый на-
радъ, толпившійся со всѣхъ сторонъ по дверцу, въ
тотъ день только оконченному.

— Что это у нихъ? кричала молодая усатая матрона
съ Транстевере, кормя грудью двухъ дюжинъ мальчи-
ковъ подъ открытымъ небомъ благословеннаго города.

— Конклавъ, или Соборъ на Тедесковъ, или пляска
въ тихомолку, — отвѣчалъ молодой человекъ съ чер-
ными кудрями до плечъ, босой и съ обнаженными до
локтя руками. Рубашка его была на груди растегнута;
подъ ней висѣлъ на снуркѣ мѣдный крестъ, а за поя-
сомъ длинный ножъ и кошелекъ. Лицо его носило
цвѣтъ ржанаго хлѣба, но черты лица и черные глаза
были прекрасны. Матрона глядѣла на него пламен-
но, страстно, и отъ дыханія ея стало жарко дѣтямъ.

— Какъ бы не такъ! въ полголоса сказалъ высокій
мужчина въ красной курткѣ и красныхъ чулкахъ: ви-
далъ я его и на заднихъ лѣстницахъ не въ одномъ до-
мѣ съ гербами!

Матрона взглянула на красную куртку также пла-
менно, но это было пламя злости.

— Красные чулки! задыхаясь сказала она: видно ты
въ этихъ домахъ на посылкахъ служишь; всю моло-
дежь нашу знаешь.....

Красные чулки отворотились и стали говорить о по-
стороннихъ вещахъ съ черной мантией, прикрывавшей
длинную, тонкую, фигуру клерика монастыря Святаго
Сильвестро, который наказывалъ розгами учениковъ,
по усмотрѣнью учителей.

— Что это у нихъ? спросили красные чулки.

— Соборъ о балдахинѣ Петровской Базилики, отвѣ-
чала съ особенною важностію мантия.

— Да отчего же въ невозмъ дворецъ? Онъ еще не
освященъ и святѣйшій отецъ туда не переехалъ.

— Сегодня, только сегодня была инавгурація и во-

жить монастыряхъ получены гранжаты о благополучномъ окончаніи новаго папскаго жидиша.

— Такъ папа здѣсь и жить будетъ? спросила матрона.

— Здѣсь, здѣсь, моя горлица! отвѣчалъ клерикъ, протягивая руку къ ея подбородку.

Но кто-то сильно оттолкнулъ руку, и тѣснился впередъ, говоря что-то весьма скоро и не понятно. Клерикъ смутился, и отдернувъ руку, толкнулъ красныя чулки, которые въ длинныхъ и грубыхъ своихъ башмакахъ, наступили на голыя ноги молодого человека; тотъ въ свою очередь оттолкнулъ ихъ на ноги матроны и суматоха завязалась.

Ничій, причина безпорядку, закричалъ громко — «Люди, смирно!» — и всѣ бросились на виновника общей ссоры; толпа раздѣлилась на партіи, но Каведоне не спешилъ оправдываться. Онъ сложилъ руки на груди, правую ногу поставилъ нѣсколько впередъ, голову откинулъ назадъ и съ невозмутимой важностью сказалъ: — «Дети! неужели вы меня не узнаете?» Этотъ вопросъ привелъ въ робость самыхъ дерзкихъ. Вся молча на него смотрѣли; наконецъ матрона рыкнулась спросить, кто онъ.

— Я? съ бѣшенствомъ закричалъ Каведоне: кто я? Ты меня не знаешь, молочница, когда я тебя видалъ не въ одной мастерской монхъ ученикомъ и не въ такомъ сложномъ платьѣ?... По-проще, по-проще....

Джакомо смѣялся. Матрона перекинула дѣтей на руки молодого человека, и, потерши руки, сжала ихъ въ могучіе кулаки и бросилась на Джакомо; но мантия и красныя чулки съ примѣтнымъ удовольствіемъ схватили матрону и, во все продолженіе дальнѣйшей сцены, несмотря на ея крики и ругательства, не надѣстно почему, не вынускали изъ попечительныхъ объятій; вѣроятно, боялись за дряхлаго нищаго. Каведоне принялъ прежній важный видъ, и сталъ читать нравствен-

нозъ наставленіе съ таинствомъ шараго, съ такими рѣзкими тѣлодвиженіями, что толпа забыла дворець и даву, обрѣзанная огнями изъ оконъ барбериніевскаго палацо, окружила Джакомо и загородила дорогу. Изъ прострѣйки къ осбѣдней капуцинской церкви вышли люди съ факелами, и скоро подошли къ толпѣ, которая не могла видеть ихъ приближенія. — «Дорогу! дорогу!» закричалъ передовой. Толпа въ страхѣ разступилась, и огнями своимъ оттолкнула Джакомо къ самому крыльцу дворца. Каведоне забылъ все, и уличную рѣчь свою, и обиды, и хотѣлъ войти во дворець; но дюжій привратникъ изъ Швейцарцевъ не пустилъ его. Завязалась новая ссора; между-тѣмъ факелы освѣтили крыльцо; и кардиналъ Барберини, братъ папы Урбина VIII, вышелъ изъ простыхъ носилокъ. Каведоне обратился къ нему, и съ особенною скоростью сталъ говорить:

— Помилуйте, эминенца! ваши люди похожи на вась! ни какого уваженія къ художнику! Вы развратили Римъ, выгнали всѣхъ великихъ живописцевъ изъ столицы, наняли толпу поденщиковъ и украсили ихъ титулами. Того назвали архитекторомъ, того первымъ живописцемъ, того привратникомъ, того воспитателемъ: но вѣдь это все поденщики: я вамъ ручаюсь, если угодно, дамъ расписку.

— Любезный сынъ, съ важностью отвѣчалъ кардиналъ: не хорошо старику поносить достойныхъ людей; уйди съ миромъ и принеси завтра исповѣдь духовному отцу твоему.

Каведоне преклонилъ правое колено и далъ дорогу суровому капуцину. Кардиналъ вошелъ въ блистательно освѣщенные сѣни. Каведоне за нимъ, Привратникъ снова загородилъ ему дорогу.

— Эминенца! закричалъ Каведоне, я ничего те буду говорить о барбериніевскихъ геніяхъ, только позволите сказать одно слово его святѣйшеству.

Капуцинъ улыбнулся и тихо сталъ подниматься по

редикельной лѣстницѣ, украшенной античными статуями и мраморнымъ львомъ.

— Эминенца!... постойте, эминенца!... такъ подайте милостыню Джакомо Болоньскому!

— Да здравствуетъ Джакомо Болоньскій! заравляла толпа, и по всей площади раздавалось громкое «Браво!»

— Джакомо Болоньскому? сказалъ кардиналъ, оставаясь на первой площадкѣ лѣстницы. — Обѣ двери, привратникъ! обѣ двери!.... Для Каведоне всегда открыты дворцы и келіи Барберини!

— Тѣ-то же! съ гордостью сказалъ Каведоне, толкая Швейцарца и входя въ сѣни. — Понимаешь ли теперь, что ты оселъ?

— Понимаю, почтительно отвѣчалъ привратникъ.

— Тѣ-то же! — Я вамъ очень благодаренъ, эминенца, говорилъ Каведоне, догоняя кардинала: не за себя, но за улицъ людей много, и такое дерзкое обхожденіе какого-нибудь альпійскаго козла могло оскорбить Римлягъ. — Понимаешь ли? прибавилъ Каведоне обращаясь къ Швейцарцу.... тѣ-то же!

— Пойдемте, пойдемте! сказалъ капуцинъ: его святѣйшество будетъ весьма радъ вамъ.

— Я надѣюсь! гордо отвѣчалъ Каведоне, и пошелъ быстро на лѣстницу, но еще разъ оглянулся на привратника и проворчалъ: — Альпійская сова!....

Прямо съ лѣстницы вошелъ онъ съ кардиналомъ въ главную залу дворца Барберини. Около двадцати кардиналовъ окружали папу. Урбанъ сидѣлъ въ высочайшихъ креслахъ и глядѣлъ на плафонъ; множество лампъ и свѣчей, разставленныхъ на подвижныхъ пирамидахъ, освѣщали еще сегодня оконченную живопись. Петръ Кортонскій, Беретини и еще нѣсколько человекъ художниковъ стояли по-одаль, не сводя глазъ съ лица святѣйшаго отца.

— Братъ Франческо! сказалъ Урбанъ, подымаясь съ

кресель и сдвигавъ при шага на встрѣчу кардиналу : мы ожидали васъ, и не смѣли произнести приговора.

— Я привелъ еще одного судю, отвѣчалъ кардиналъ, смиренно кланаясь.

— Всѣ съ изумленіемъ посмотрѣли на оборваннаго нищаго; но благородное лицо Каведоне, изрытое морщинами, гордая осанка, остатки желтовато-бѣлыхъ кудрей, все это еще болѣе увеличивало любопытство и удивленіе ; огненные взоры Джакомо впились въ потолокъ, и онъ, какъ-будто забывъ, что находится передъ лицомъ папы, сталъ размахивать руками, шляпой, защищаясь отъ яркаго блеску пирамидъ, и съ улыбкой спросилъ не сводя глазъ съ плафона :

— Это такъ и писано чтобы смотреть ночью?... а?

Всѣ улыбнулись. Папа и Беретини покраснѣли, одинъ отъ досады, другой отъ стыда. Никто не успѣлъ отвѣчать чудаку. Онъ самъ разрѣшилъ вопросъ свой,

— Нѣтъ, нѣтъ ! эту машину можно смотреть и днемъ.

— Если позволятъ, грозно сказалъ папа.

Всѣ приняли суровый видъ ; одинъ капуцинъ улыбался.

— Не позволятъ, потери нѣтъ ! Въ Римѣ, не во дворецъ Барберини искать образцовъ.

— Кто этотъ дерзкій бродяга? гнѣвно спросилъ Урбанъ.

— Джакомо Каведоне, спокойно отвѣчалъ самъ нищій не сводя глазъ съ плафона, и при переходѣ на другую сторону, толкнулъ кардинала Массими.

Урбанъ раскохотался и пошелъ къ старичку; кардиналы двинулись толпой за папой; услышавъ шаги, Каведоне протянулъ руку и сказалъ :

— Отсюда гораздо лучше! несравненно болѣе эффекта.

И онъ хотѣлъ уже взять Урбана за руку и поставить

его на свое мѣсто; но кардиналы бросились между нихъ, оттолкнули Каведоне, въ недогласа говоря ему : «Святѣйшій отецъ, святѣйшій отецъ!» Старикъ повернулся съ юношеской быстротою и упалъ на колѣни. Урбанъ остановился.

— Ваше святѣйшество!.... бормоталъ Каведоне.

— Приими пастырское благословеніе мое, несчастный сынъ, и буди съ нами яко въ домъ отца твоего!

Каведоне молился. Урбанъ ожидалъ окончанія молитвы; кардиналы приняли видъ почтительнаго сожалѣнія; одинъ капуцинъ улыбался.

Каведоне всталъ, оглянулся, поклонился на всѣ четыре стороны и съ комическою важностью сказалъ....

— Прощайте!

— Куда же? спросилъ Урбанъ.

— Въ Болонью. Я видѣлъ святѣйшаго отца и теперь не боюсь колдовства моей жены.

— Но я хотѣлъ показать вамъ весь дворецъ мой; вы еще его не видали.

— А, покажите, покажите, не мѣшаетъ! съ ребяческимъ простодушіемъ отвѣчалъ Каведоне : пойдѣмъ!

Урбанъ улыбнулся и сказалъ :

— Но прежде надо наградить художника за трудъ, который сдѣлалъ и на васъ такое сильное впечатлѣніе.

— Преумно! замѣтилъ Каведоне тѣмъ же тономъ : только не золотомъ ; испортите.

— А чѣмъ же?

— Прикажите ему въ награду не писать болѣе ничего.

— Это почему?

— Потому что онъ лучше этого плафона ничего не напишетъ.... Да, Піетро! Вѣрь старику, не напишешь! И за плафонъ я сердитъ : ну, да Богъ съ тобой! много хорошаго. Пойдемъ смотрѣть дворецъ.

— Беретини, сизъгаъ Урбанъ, обращаеъ къ своему любимому живописцу : благодарю!.... а награда будетъ; мы подумаемъ. Пойдежь!

Папа ушелъ во внутренніе покои; за нимъ развязно и свободно, будто старинный знакомый и домашній человекъ, первый шелъ Каведоне, размахивая шляпою; потомъ капуцинъ съ другими кардиналами, наконецъ художники и прислужники. Каведоне, входя въ каждую комнату, вертѣлся и оглядывался.

— Шею сломаешь : такъ много хорошаго! говорилъ онъ, и опять вертѣлся на одной ногъ. Но, примѣтивъ картину, изображающую Святаго Антоніо Корсини, писанную Гвидономъ Рени, онъ остановилъ шествіе восклицаніями и прыжками; нѣсколько разъ перестанавливалъ подвижную лампу; наконецъ съискалъ свѣтъ, сложилъ руки, отошелъ по-дальше, и спокойно разсматривалъ мастерское произведеніе.

— За этимъ я и пришелъ! Надобно, ваше святѣйшество, и мнѣ что-нибудь написать достойное мозаики въ Петровскую Церковь, а въ Латеранскій — не хочу. Гвидо Рени писалъ эту картину для Латеранскаго Собора; а я напишу «Муки Святаго Джакомо» въ Петровскую.... Позвольте, ваше святѣйшество.... Не будетъ годиться, не берите; но благословите.

— Весьма буду радъ, отвѣчалъ Урбанъ : но съ однимъ условіемъ.

— Назначьте тысячу, все исполню.

— Условіе нужно для успѣху. Вы должны писать картину въ родной вашей Болоньи.

— Кто подсказалъ вашему святѣйшеству это одно невозможное условіе? Вы знаете, я вамъ говорилъ, кажется : тамъ у меня врагъ, жена; она сейчасъ закол-

дуетъ колотъ, кисти, краски; и Каведоне, который теперь гордится нищенствомъ, оскорбитъ искусство новымъ безславнымъ трудомъ!

— Не опасайтесь. Съ вами нами благословеніе!

Каведоне бросился на колѣни, и, дѣйственный знаменитѣль кресла, всталъ, поправилъ волосы, надѣлъ шляпу и пошелъ, не въ обратный путь, а впередъ, въ садъ, думая покон.

— Зачѣмъ ты назначилъ это странное условіе? спросилъ капуцинъ шопотомъ, тихо слѣдуя за напой.

— Зачѣмъ ты привелъ этого сумасшедшаго? спросилъ его папа.

— Затѣмъ чтобы успокоить народъ. Ты знаешь, какъ его любятъ и уважаютъ. Ты слышалъ на площади?— Привѣтствовали, не меня, а Каведоне, отвѣчалъ капуцинъ.

— Теперь я дамъ отвѣтъ на твой вопросъ, сказалъ Урбанъ. Условіе, которое я ему назначилъ, освободитъ Римъ отъ невольнаго возмутителя. Народъ не увидитъ болѣе знаменитаго нищаго.

Каведоне вернулся со страннымъ спокойствіемъ; увидавъ папу онъ снялъ шляпу, и, слѣдуя за нимъ съ неописаннымъ веселіемъ, хвалилъ все на-повалъ, былъ необыкновенно разсудителенъ и послѣдователенъ въ разговорахъ. Капуцинъ пересталъ улыбаться и сомнительно поглядывалъ на несчастнаго, считая его хитрымъ притворщикомъ. Но Каведоне скоро оправдался. Едва вошли въ покой, украшенный знаменитою картиною Николая Пуссена:

— Римъ! закричалъ онъ: Римъ! погляди, какою ты былъ! — Я ни когда не воображалъ, ваше святѣйшество, чтобы можно было изъ одного и того же произведенія сдѣлать и превосходную картину и превосходную книгу. У меня колѣни гнутся передъ дѣйствительнымъ царствомъ этой удивительной картины.... Этотъ господинъ, умираетъ; этотъ другой дол-

жесть быть настоящим его другъ, онъ клянется отмстить, непременно отмстить за его смерть: и только отмстить; не правда-ли? Посмотрите, умирающій долженъ быть великій человекъ, а по-крайней-мѣрѣ важный, потому что домъ его величественнѣе вашего дворца. Такая архитектура, я думаю, лучше всѣхъ новѣйшихъ памятниковъ зодчества. Постройте городъ по картинамъ Пуссино: онъ будетъ величественнѣе древняго Рима, великолѣпнѣе Александри! Дивлюсь, какъ можно строить послѣ Пуссино!.... А этотъ умирающій дѣйствительно человекъ важный; у него есть другъ, одинъ другъ, какъ и у меня, какъ и у всякаго бѣдняка; но онъ ктому еще и вельможа, потому что у него много друзей.... Настоящіе? О нѣтъ! Одни изъясняютъ притворное сожалѣніе; на другихъ написано только любопытство. Они пришли въ часъ смерти: надѣются, что онъ успѣетъ еще продиктовать кодицилъ въ ихъ пользу.... Тутъ же, гдѣ-нибудь, есть и консулъ; я вижу знаки; а вотъ, кажется, и *praefectus urbis*.... Чего же лучше? такіе свидѣтели!.... и въ курію завѣщанія носить не надо.... Но этотъ человекъ не только вельможа: онъ герой. Посмотрите, какъ онъ спокойно умираетъ! Онъ Римлянинъ! Оскорбленная гордость требуетъ мести.... Онъ добръ: посмотрите какъ сожалѣетъ объ немъ его семейство, и какъ это сожалѣніе не похоже на живописную гримасу, которую безъ различія пола и возраста, бросаютъ на присутствующихъ при картинной смерти... Книга!... поэма!... натура! Вельможа! Нѣтъ, вы ошиблись: онъ высокой крови. Посмотрите, какъ царственно величіе всего семейства!... Вспомнилъ, вспомнилъ! Такъ умиралъ Германикъ!

Всѣ молчали. Папа особенно былъ доволенъ достоинствами картины, объявленными Джакомо Болоньскимъ.... Голосъ Каведоне остановился на такой нотѣ, которая непременно обѣщала продолженіе рѣчи; и, дѣйствительно, Каведоне расхохотался и сталъ говорить:

— И я жалѣлъ, что лишился моего прекраснаго таланта!.... Лучше просить милостыню, нежели проповѣдывать въ пустынь. Кто пойметъ тебя, Николо? кто оцѣнить твои ученныя изысканія, ихъ дивное приложеніе къ искусству?.... Можетъ-быть во Франціи ты будешь счастливѣе.... Сомнѣваюсь; но, дай Богъ успѣху.

Урбанъ посмотрѣлъ на своего брата Франческо съ изумленнымъ видомъ. Капуцинъ, не понимая значенія этихъ взглядовъ, подошелъ къ брату....

— Ты слышалъ? спросилъ Урбанъ шопотомъ: такъ это не тайна? Плохо.

— Я не знаю, о чемъ ты говоришь.

— Да, да! я забылъ сообщить тебѣ важную и неприятную новость. — Пойдемъ, громко прибавилъ Урбанъ, и всѣ тронулись въ путь.

Лѣстница въ библіотеку шла улиткой; Джакомо оставился.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, я не пойду.... Колдуны только строятъ такія лѣстницы въ лачужкахъ, потому что мѣста мало; и колдуны всегда молоды.... Нѣтъ, я не пойду: того гляди, обвалится.

Всѣ смѣялись.

— Я не трусь! сказалъ оскорбленный Джакомо, и бросился на верхъ какъ серна.

Урбанъ не могъ сохранить своей важности, и также разсмѣялся; но поступокъ Джаномо набавилъ дряхлыхъ кардиналовъ отъ тяжкаго воздушнаго путешествія; Урбанъ отпустилъ всѣхъ, кромѣ брата и Бернини, и пошелъ съ ними въ библіотеку. Тамъ уже прогуливался Джакомо, рассматривая пятьдесятъ тысячъ томовъ книгъ и рукописей; бросаясь изъ одного угла въ другой; вынулъ огромный фолиантъ и сталъ читать. Библіотека, какъ и весь дворецъ, была освѣщена лампами и свѣчами. Урбанъ, не прерывая чтенія Джакомо, сѣлъ у окна и усадилъ капуцина; Бернини стоялъ у дверей.

— Этотъ экземпляръ полнѣе, громко разсуждалъ самъ съ собою Каведоне : мнѣ объ немъ много еще сегодня говорилъ Пуссино, но и тотъ, что у Санъ-Сильвестро де-Монте-Кавалло, тоже довольно хорошъ. Маттео Цоколини, впрочемъ, писалъ какъ коншка, и я удивляюсь терпѣнію Пуссино; онъ прочелъ всѣ рукописи Маттео, сдѣлалъ выписки и замѣчанія. Да это еще ничего : онъ прочелъ всѣ книги Аль-Гасина, Вятеліона, Альберта Дюрера и Альберта!.... Послѣ этого, неудивительно, что онъ понимаетъ перспективу: а насъ учили Болонскіе школьники! — Нечего смотрѣть, въ заключеніе сказалъ Каведоне, ставя книгу на мѣсто: разомъ всего не прочтешь. Пора домой.

— Погодите, сказалъ Урбанъ. Вы знакомы, какъ я вижу, съ Пуссино : часто видитесь?

— Изрѣдка, ваше святѣйшество. Онъ работаетъ, а я тупеядецъ, прошу милостыни; вотъ почему и сходимся рѣдко.

— Я полагаю, онъ уважаетъ васъ.

— Еще бы! Пуссино — человекъ.

— Что онъ? ничего не говорилъ о Парижъ?

— Онъ и думать забылъ о Франціи; у него отечество — Форумъ, друзья и братья — антики; жена, домашніе — жившисъ и книги.

— Вы полагаете, онъ не поѣдетъ?

— Не зовутъ; но и тогда, кажется, не поѣдетъ.

— Какъ вы думаете? онъ полезенъ и для Франціи здѣсь : онъ руководствуетъ молодыхъ Французовъ и въ искусствѣ и въ жизни. Мнѣ не хочется отпустить его, но удерживать не прилично. Людовикъ XIII зоветъ его: онъ долженъ повиноваться королю. Мнѣ мѣшаться въ это дѣло не ловко. Надо чтобы друзья, которыхъ онъ уважаетъ.... понимаете ли?

— Совершенно понимаю, ваше святѣйшество, и иду къ Пуссино.

— Постой : потрудитесь отдать ему и грамматику королевскую, и письмо де-Нойё, которые присланы съ прочими бумагами отъ нашего кардинала Ришліё.

— А если меня ограбятъ дорогой ?

— Правда, сказалъ капуцинъ: это легко можетъ случиться. — Позвольте, ваше святѣйшество, отнести ихъ мнѣ, а Джакомо пусть потрудится сходить впередъ и предупредить Пуссино, не говоря, что письма уже получены.

— Весьма умно. Иду.

— Постойте : а мы съ вами увидимся, передъ отъездомъ въ Болонью ? спросилъ папа.

— А вотъ я прошусь съ Пуссино, выскляюсь, схожу въ Ватиканъ, сниму мѣрку для картины, и зайду къ вашему святѣйшеству проститься.

— Не забудьте же, сказалъ съ улыбкой Урбанъ.

— Какъ можно ! сказалъ Джакомо, надѣлъ шляпу и пошелъ.

— Новое доказательство дружбы Ришліё ! сказалъ шопотомъ капуцинъ. Лувръ — его затѣя.

— Нѣтъ, другъ мой, отвѣчалъ Урбанъ также тихо : тамъ есть у насъ врагъ, который на меня сердится, но, если онъ успѣетъ отнять у меня Пуссино, не видать ему кардинальской шапки, пока папа Урбанъ на ватиканскомъ престолѣ.

Джакомо возвратился.

— Прикажете проводить меня по другой лѣстницѣ, сказалъ онъ папѣ : страхъ беретъ. Я всё думаю что въ ахъ сходить приходится.

— Проводи его, Піетро ! съ примѣтной досадой сказалъ Урбанъ.

— Да позвольте спросить, ваше святѣйшество, кто приглашаетъ во Францію Пуссино ? Король или тотъ кардиналъ-гугенотъ ?....

— Вотъ мѣтко ! въ полномъ удовольствіи восклик-

нужь Урбанъ : конечно, если бы я зналъ, что въ душѣ этого епископа люсонскаго все религіи перемѣшалось честолюбіе, никогда бы не быть ему княземъ Церкви. Кардиналь-гугенотъ!

Урбанъ смѣялся.

— Такъ онъ приглашаетъ Пуссино?

— Конечно онъ, хотя подъ именемъ короля.

— Ну, такъ можно и не вѣхать.

— Конечно можно; но на васъ вся надежда.

Бернини стоялъ близко, потому что Урбанъ позвалъ его для проводовъ Джакомо; вслушиваясь въ разговоръ, онъ почтительно преклонился и сказалъ:

— Ваше святѣйшество, я полагаю, что вызовомъ Пуссино въ Парижъ мы обязаны аббату Мазарини.

Урбанъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Бернини и сказалъ:

— Великій зодчій, ты, какъ Рубенсъ, будешь великимъ посломъ, если умѣешь отгадывать тайныхъ дѣйствователей безъ видимыхъ причинъ.

— Гораздо проще, ваше святѣйшество: я также, съ кавалеромъ д'Орбиньи, получилъ письма изъ Парижа и все искалъ случая имѣть счастье представить ихъ вашему святѣйшеству.

— Какія письма? тревожно спросилъ Урбанъ, и, пробѣжавъ бумаги, съ досадой воскликнулъ:

— Аббатъ Мазарини предлагаетъ Бернини ежегодно двѣнадцать тысячъ экю, и всевозможныя выгоды, отъ имени короля и кардинала?... Нѣтъ Пьетро! Богъ создалъ тебя для Рима, а Римъ для тебя..... Не пушу!

— Въ письмахъ была записочка къ кардиналу Бани, сказалъ архитекторъ, но его эминенція теперь въ легациі. Я не знаю, можетъ-быть и въ ней есть какое-либо вредное для Рима предложеніе.

— Подай.

Урбанъ прочелъ записку, улыбнулся и, обращаясь къ брату, сказалъ весело :

— Поздравляю васъ съ новымъ кардиналомъ, Джулио Мазарини! Прочтите.

Капуцинъ подошелъ къ ближайшей лампѣ, и прочелъ слѣдующее :

«Благодѣтель и другъ! Предложеніе мое любезному Бернини вынуждено обстоятельствами. Кардиналъ и королева настоятельно требовали, чтобы я пригласилъ въ Парижъ лучшихъ италіянскихъ художниковъ. Бернини мнѣ другъ, они это знали; но его святѣйшество лишится гениальнаго чловѣка и вѣрнаго слуги и потому употребите все средства, мой благодѣтель и другъ, и не пускайте Пиетро въ Парижъ: польза и удовольствіе святѣйшаго отца должны быть нашими единственными законами. Вашъ — Джулио.»

— Счастливъ Мазарини, сказалъ Урбанъ, если этой записки не успѣлъ прочесть Ришліё. — Джакомо! теперь ступайте къ Пуссино, но, не забудьте: все, что здѣсь слышали — тайна.... Кардиналъ Маза....

— Позвольте, ваше святѣйшество, почтительно прервалъ капуцинъ, отводя Урбана всторону. — Ты опасаешься: можно будетъ сдѣлать его княземъ Церкви, но назначьте условіе. Между аббатомъ и кардиналомъ Мазарини лежитъ послѣдній подвигъ.

— Какой, Франческо?

— Пусть постарается возвратить намъ Пуссино какъ можно скорѣе, потому что намъ неловко удерживать его теперь въ Римъ, если онъ самъ не захочетъ у насъ остаться..... А я постараюсь увѣдомить о томъ Мазарини такъ, что и Ришліё не догадается. Письма изъ Испаніи въ свернутыхъ картинахъ, отправленные къ Мазарини тайными его агентами, везены черезъ Италію; я ихъ читалъ: неужели Ришліё не прочелъ ихъ по-моему?..... Плохое средство..... Гдѣ твои новыя книги?

Капуцинъ разсмотрѣлъ кучу ново-изданныхъ книгъ, выбралъ одну, и, подходя къ Урбану, спросилъ :

— Согласенъ?

— Amen! отвѣчалъ папа, и всѣ разошлись.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЯ.

(Римская III.)

Пуссеновскій вечеръ.

— Дома жена? спросилъ Пуссенъ у служанки, прихвѣтно испуганной, и растрепанной.

— Нѣтъ, отвѣчала она съ особенною поспѣшностью. Приходилъ Гаспаро за нею отъ вашего тестя; у нихъ сегодня гости.

— И у нея гости! сказалъ Пуссенъ друзьямъ указывая на Марианну.

Пуссенъ самъ добылъ огня и зажегъ древнюю мѣдную люцерну.

— Ступай, Марианна; ты мнѣ не нужна; можешь заниматься чѣмъ хочешь, пока жена прійдетъ.

Марианна заперла двери и исчезла.

Пуссенъ поставилъ люцерну на продолговатый столъ; по сторонамъ стояли двѣ деревянныя скамьи со спинками, каждая другой формы, и съ особенно удобнымъ выдолбомъ въ сидѣньѣ; потомъ принесъ небольшую злуску вазу, и началъ въ нее жать лимоны. Стелла и Валентень уже сидѣли въ глубокихъ скамьяхъ: Валентень продолжалъ сердиться на Джакомо и доказывалъ Стелла, что онъ написалъ свою картину совершенно хо-

ромно. Раздался стукъ. Пуссенъ отворилъ двери; вошли Кенес, Сакки, Черкеджи и еще нѣсколько художниковъ.

— Мы никогда не наговорились, сказалъ съ улыбкою Пуссенъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Черкеджи, мы никогда не наслушаемся.... Я прямо изъ трактира, гдѣ проповѣдуетъ Лааръ. Пока говорили о Рубенсѣ съ прѣзжимъ Годландцемъ, я слушалъ; но, когда стали рассказывать о парикахъ и длинныхъ волосахъ какого-то смилоръ-альдермана, котораго отлучили въ Англии отъ Церкви за четыре лишнія кудри, что онъ придѣлалъ къ своимъ собственнымъ волосамъ, я ушелъ.

Пуссенъ вышелъ въ небольшой садъ и сорвалъ нѣсколько штукъ лимоновъ; общество умножалось. Опять стукъ : кардиналъ Масени. Опять стукъ : кардиналъ Маффеи. Черезъ нѣсколько времени пришелъ и Гаспаро.

— Что, жена у васъ? спросилъ Пуссенъ.

— Нѣтъ; она сегодня и не бывала.

Пуссенъ горько улыбнулся и, продолжая жать лимоны, посмотрѣлъ лукаво на кардиналовъ.

— Не правда ли, сказалъ онъ: женщины одарены въ высочайшей степени тонкимъ предчувствіемъ? Что имъ дѣлать въ художнической бесѣдѣ? Для насъ помѣха, для нихъ скука! И вотъ жена предчувствовала свое положеніе : ушла; ей теперь не скучно, а насъ никто не связываетъ.

— Нельзя не подивиться вашему хладнокровію, сказалъ Маффеи : жена ваша такъ рѣдко васъ видитъ, хотя вы всегда почти дома.

— Скажите лучше, что я очень рѣдко ее вижу, хотя я почти всегда дома. Кругъ ея знакомства такъ обширенъ, что я даже не могу сохранить въ памяти однихъ именъ всѣхъ ея подругъ. Но, какъ бы то ни было, я не хочу мешаться въ дѣла моей жены. Говорятъ про

нее слишкомъ много дурнаго, по-крайней-мѣрѣ столько, что я начинаю уже вѣрить ея добродѣтели, въ которой увѣряетъ меня и Гаспаро.... Да вотъ, онъ знаетъ, что я женился на сестрѣ его изъ благодарности. Милостивый, ласковый пріемъ чужому человѣку безъ имени и состоянія, отеческая попечительность во время болѣзни, прекрасныя качества всего семейства Дюгё, очаровали меня : я считалъ женитьбу на одной изъ дочерей почтеннаго человѣка свидѣтельствомъ моей благодарности и уваженія. Она тогда не любила никого; и меня тоже. Минули годы: мы забыли, что не можемъ влюбиться другъ въ друга; это намъ жить еще не мѣшаетъ, а я вывелъ заключеніе, что надо свататься тогда, когда женское сердце совершило періодъ дѣвичей любви.... Надобно дожидаться въ женщинѣ періода любви супружеской. Я былъ глупъ, и теперь не взыскиваю.

Пуссенъ вышелъ.

— И живетъ, и говоритъ, какъ пишетъ! сказалъ Черкоцци. Меня просили написать бамбочіаду изъ его домашней жизни : рука не поднимается!

— Я самъ написалъ на себя бамбочіаду, сказалъ Пуссенъ, входя и держа въ одной рукѣ продолговатый сосудъ изъ простой глины, а другою указывая на портретъ, висѣвшій на стѣнѣ.

Художники съ изумленіемъ глядѣли, то на портретъ, плохо освѣщенный большимъ свѣтомъ люцерны, то на Пуссена, который спокойно изъ своего глиняннаго сосуда вливалъ воду въ этрусскую вазу. Гаспаро покраснѣлъ и, заикаясь, сказалъ Пуссену :

— Николо! это послѣдній сосудъ, который вы сдѣлали?

— А что, не нравится?

— Напротивъ, прекрасно!

— Постой, увидишь ковши; сегодня на зарѣ писать нельзя было, такъ я и обшаргалъ мои ковши по способу

Аль-Гасниа... и весьма удачно: ни одной трещины! У меня теперь ковшой дюжина : довольно; завтра выгнать для молодых немранцев горшки, на одну идею, но въ каждомъ будетъ иная модуляція.

— Но такъ вы разрушаете симетрію, замѣтилъ кардиналъ Массини.

— Симметрія—врагъ вкуса; разнообразіе есть природа, міръ, вселенная. Посмотрите, какъ несимметрически убрано не боразномѣрными звѣздами. Говорятъ, будто и планеты всѣ разнаго объема и формы. Поглядите на лѣсъ, на море: одно дерево и одна волна не похожи на другую волну и на другое дерево. Гармонія, согласіе, это дѣло другое: но симметрія не есть согласіе, а однообразіе. Гармонія не можетъ быть въ тождествѣ, а въ логическихъ, причинныхъ отношеніяхъ двухъ или болѣе противоположныхъ предметовъ. Напримѣръ, два бойца равной храбрости напали другъ на друга: и тотъ и другой подняли кулаки; оставили другую руку; у обоихъ также сверкаютъ глаза, также волоса щетинятся; также упирается нога: и нѣтъ картины, а есть симметрія. — Гаспаро, принеси ковши. — Вы увидите какъ важны въ искусствѣ модуляціи на одну и ту же идею; и Римляне понимали эту гармонію противоположностей: вы можете замѣтить это тонкое чувство вкуса въ разнообразіи древней посуды, домашней утвари, нѣкоторымъ образомъ и самыхъ зданій.

— Всѣ такъ, сказалъ Черкоцци, но гдѣ же бамбочада?

— Посмотрите хорошенько; возьмите свѣчу: сами увидите, а говорить не слѣдуетъ.

Черкоцци взялъ лучерну и освѣтилъ портретъ: онъ еще не былъ оконченъ; лицо было совершенно отдѣлано; на стѣнѣ, за Пуссенемъ, уже была надпись:

*Effigies Nicolai Poussini,
Andelyensis, pictoris, anno....*

но годъ еще не былъ вытѣвленъ. Вдали окно; въ окнѣ женщина: въ ней легко было узнать жону Пуссенъ. Ее обвиняли неизвестныя руки. Черноцци снялъ бамбочаду и, полча, поставилъ ложерну на прежнее мѣсто.

— Чтѣ? не правда ли? спросилъ Пуссенъ, вливая сотовый медъ въ этрусскую вазу.

— Замысловато! отвѣчалъ Черноцци: но зачѣмъ въ вашихъ рукахъ свертокъ бумагъ, а не кинжалъ?

Пуссенъ улыбнолся и не отвѣчалъ, потому что вошелъ Гаспаро съ ковшами.

Больше всѣхъ хвалилъ ковши Кеноа и, конечно, болѣе всѣхъ имѣлъ на то права. Пуссенъ поставилъ вазу по-серединѣ стола, подкатилъ большую кушетку безъ спинки и боковъ, съ тремя подушками, и, несмотря на присутствіе двухъ кардиналовъ, возлегъ по-древнему, упираясь грудью въ подушки.

— Удивительно, сказалъ Маффеи, какъ это вы, обожая Римъ и его обычай, не любите и его недостатковъ! Ваше пристрастіе походить на слѣпую привязанность къ женщинѣ, а тогда и недостатки любовницы намъ дороги.... Какъ, напримѣръ, вы не любите вина?

— Кто вамъ сказалъ? Напротивъ, я выцѣиваю ежедневно малый соедъ, вытѣпленный моимъ другомъ Кеноа, но только за обѣдомъ, послѣ труда, а не употребляю его какъ подателя мыслей въ умной бесѣдѣ; конечно, быстрѣе разумъ, развязнѣе языкъ, но на-завтра я глупъ. Въ жизни нужна симметрія или, лучше сказать, порядокъ, въ каждомъ днѣ разнообразный, но въ двухъ дняхъ почти тождественный. Встать съ солнцемъ — удовольствіе; трудиться до полудня — блаженство; принять пищу, когда ѣсть хочется — наслажденіе; потомъ читать избранныхъ писателей; минуетъ жаръ, отрадная прогулка; вечеръ, отрадная бесѣда; и голова, не утомляясь, не перестаетъ работать, добывать свѣ-

двѣни.... Все это настоящая идея настоящаго искусства.

— Мнѣ кажется, сказалъ Черкоцци, я читаю эту идею, когда гляжу на ваши пейзажи. Жаль, что ихъ не бывало въ природѣ!

— Никогда, отвѣчалъ Пуссенъ: никогда! Аристотель говоритъ, что поэту позволено представлять невозможное, лишь бы оно было лучше возможнаго. Но я, однако жъ, долженъ сказать, что между натурой и искусствомъ нѣтъ ни малѣйшаго различія; искусство не можетъ перейти предѣловъ, которые оно само себя начертало, потому что свѣтъ познанія, который, какъ даръ природы, разсыянъ тамъ и сямъ, обнаруживается въ разныхъ людяхъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена: этотъ свѣтъ познанія, говорю, самъ есть не что иное какъ правила искусства; но замѣтьте, весь этотъ свѣтъ, или по-крайней-мѣрѣ большая часть его, никогда не можетъ быть въ одномъ человѣкѣ; вотъ почему искусство не во всѣхъ своихъ частяхъ въ одномъ отдельномъ произведеніи бываетъ согласно съ природою. Возьмите искусство въ цѣломъ, во всей суммѣ его произведеній: вы не найдете ни какого различія съ природою; потому-то, скажу, я не понимаю, какой «новости» требуютъ нынѣшніе писатели отъ художниковъ. Новость въ живописи не заключается въ томъ, что я изобразилъ предметъ, котораго до меня не представляли; бо-всѣмъ нѣтъ: она, просто, заключается въ хорошеѣмъ и новомъ расположеніи и выраженіи предмета. Причашеніе Святаго Джироламо превосходно написалъ Агостино Караччи, а Доменикино, въ своей картинѣ, былъ много новъ, потому что въ томъ же сочиненіи умѣлъ сообщить фигурамъ новыя выраженія и движенія. Если живописецъ хочетъ поразить зрителя чѣмъ-либо чудеснымъ; напрасно введетъ онъ въ картину чрезвычайныя и непостижимыя новости; нѣтъ, пускай употребитъ весь свой геній и обработаетъ предметъ во всѣхъ

отношеніяхъ, такъ, чтобы предметъ казался совершеннымъ, превосходнымъ самъ по себѣ; чтобы можно было сказать — *malegiam superabat opus*. Конечно, въ этомъ случаѣ мало одного только сочиненія : надобно озаботиться и о формахъ; но не забывать, что форма предмета различается по впечатлѣнію или поцѣли. Нѣкоторые предметы производятъ смѣхъ, другіе ужасъ, и такъ далѣе; и этотъ смѣхъ, этотъ ужасъ — вотъ ихъ формы. Что касается до красокъ въ живописи, то, по моему мнѣнію, онѣ похожи на лезь, которая легко убѣждаетъ : ддятого же и красота стиховъ нужна въ поэзіи.

— Вы каждый вечеръ дарите насъ новыми замѣчаніями о живописи, сказалъ кардиналъ Массими : ваши вечернія бесѣды составили бы полнѣйшій кодексъ правилъ художества ; можетъ-быть, обнарудовавъ мысли свои о искусствѣ, вы бы остановили то несчастное направление, къ которому поклоняется наше время.

— Нѣтъ ! нельзя исправить пороковъ, какъ нельзя испортить добродѣтели, отвѣчалъ Пуссенъ. Въ природѣ все разсчитано ; даже породы животныхъ исчезаютъ, можно сказать, пирамидально, какъ, слѣдуя той же фигурѣ, раздраждаются новыя : такъ и въ художествѣ. Пирамида, изъ точки неизвѣстной, разраслась въ вѣкъ Льва X. Цѣлые города художниковъ, и художниковъ достойныхъ ! Въ одно время Рафаэль, Микель Анджело, Тиціанъ, Корреджіо, Леонардо да-Винчи, фра Бартоломео, Джорджоне, Альбертъ Дюреръ, Гольбейнъ, Тинторетто, Джуліо Романо, и прочіе, и прочіе.... Второй вѣкъ, или второй ярусъ, пирамиды уже и по объему и по достоинству : три Караччи, Доминикино, Альбани, Гвидо Рени, Каведоне. Нашъ, третій ярусъ, прости любезный Черкоцци, уже занимается бамбочадами.... Я прощаю шуткѣ, какъ люблю читать Гомера наизуанку ; но не люблю поэмъ героическихъ сдѣланныхъ наизуанку изъ площадныхъ сказокъ арлекина ; а, съ

немногими исключеніями, это характеръ нынѣшней живописи.

— Кардиналъ, съ улыбкой сказалъ Массими, обращаясь къ Маффеи : и мы сегодня видѣли на одномъ потолокъ большую историческую, или героическую, бамбочіаду.

Маффеи сдѣлалъ видъ, будто бы не слышитъ, и сталъ шептаться съ Черкоцци. Раздался ужасный стукъ, у дверей, такъ, что многіе не усидѣли на мѣстахъ. Пуссенъ всталъ, взялъ со стола луцерну и, оставляя общество въ потьмахъ, пошелъ отворить двери.

— Кто тамъ?

— Сдѣлай милость, отвори по-скорѣе: черти стали по улицѣ ходить; я ужасный трусъ, и ночью никогда не путешествую.

По голосу легко было узнать Каведоне. Вошедши въ сѣни, Каведоне выглянулъ еще разъ на улицу и со смѣхомъ сказалъ :

— Что взяли, черти!

— Опять станеть ругаться, несносный старичишка! сказалъ Валентенъ, услышавъ голосъ Джакомо.

— Милости просимъ, милости просимъ! ласково говорилъ Пуссенъ, вводя гостя въ залу.

Каведоне комически раскланивался и наконецъ усѣлся вдали, у окна, одинъ, какъ-будто скромничая.

— Пожалуйте! тутъ есть мѣсто, говорилъ Пуссенъ, ложась на свою кушетку.

— Покорнѣйше благодаримъ; намъ и тутъ хорошо, отвѣчалъ Джакомо, вставъ и почтительно кланяясь.

— Объ чемъ мы говорили? началъ Пуссенъ : да! о бамбочіадахъ. Вотъ, Джакомо скажетъ, какъ прежде, при Караччи, хлопотали о защитѣ вкуса отъ нашествія Караваджіо. Я уважаю публику, какъ ее называютъ многіе; но я уважаю ее изъ сожалѣнія, какъ невольнаго грѣшника. Вотъ, публика-то и не понимаетъ, что значитъ въ живописи новость, потому что для этого нуженъ высшій свѣтъ познанія. По инстинкту она тре-

буетъ новости, и уродливость считаетъ самую свѣжею, отрадною новизною : во Франціи не нравится Пинтуриккіо, а понравился Рубенсъ.

— А теперь, сказалъ Джакомо, нравится Вуэ, а не понравится Пуссино; я дамъ расписку, если не вѣрите. А ужъ, вѣрно, соблазнять тебя, Николо! Я думаю теперь и рѣчи въ Парижѣ только что про тебя. Впрочемъ, я живу давно; десятками видѣлъ философовъ: каждый презиралъ дары Фортуны до случая; каждый терялъ свою философію отъ женской улыбки, вельможеской ласки, мытарскаго кошелька.... отъ разныхъ причинъ; и какъ ни любишь Римъ, какъ ни счастливъ въ Римѣ, а напиши король слово, пришли денегъ кардиналъ-гугенотъ, и завтра у крыльца аркадскаго живописца будетъ стоять веттурино, а жена укладываетъ въ повозку все, что не нужно въ дорогъ.

— Вы ошибаетесь, Джакомо! Слово честнаго Римлянина, ни за что не повѣду во Францію!

— Увидимъ!

— Увидите! Начто Французамъ Пуссино, когда у нихъ Симонъ Вуэ, съ шегольской кистью, съ красками столь свѣжими, яркими, какъ цвѣта, украшающіе луга въ швейцарскихъ долинахъ, съ римскою славою? Не забудьте: и Вуэ писалъ для Ватиканской Базилики. Да и начто мнѣ Французы! Жизнь моя у нихъ была цѣпью неприятностей, досадъ, обидъ, болѣзней и нищенской бѣдности.

— А всё-таки поѣдешь! сказалъ Джакомо.

— Повторяю вамъ, дорогій Джакомо, какъ уважаю васъ и всѣхъ достойныхъ учителей моихъ, какъ уважаю золотую мою независимость, слово Римлянина : не повѣду!

Раздался стукъ. Пуссенъ опять вышелъ съ люцерной и почтительно ввелъ кардинала Барберини. Всѣ встали, кромъ Каведоне, который махалъ капуцину шляпой и, когда глаза ихъ встрѣтились, Каведоне съвѣ-

леть такую мину, которою капуцинь шольеф остался довольнымъ. Онъ усвляея воуль пуссенновской кушетки.

— Все старье знакомые! сказалъ кардиналь, окинувь сьрыми глазами общество. А давно я у васъ не былъ., Пуссено! давио! Но вы не должны взыскивать. Представить не можете сколько работы! Его святѣйшество взялъ на себя окончаніе Ватиканской Базилки и фамильнаго дворца, а на меня возложилъ тысячу мелочей, такъ, что въ день едва успѣваю осмотрѣть работы; но я не ропшу, не жалуясь.... Въ короткое время Римъ значительно похорошѣеть. Собираемь приступитъ къ розыскамъ и раскапываніямъ на древнихъ виллахъ....

— Ахъ! пора, пора, пока природа и руки невѣждъ не уничтожатъ безчисленныхъ и чудныхъ остатковъ! сказалъ Пуссенъ со вздохомъ.

— На все нужно время, деньги и руки, отвѣчалъ Барберини, по обыкновенію улыбаясь. Времени мнѣ остается не много; не знаю, гдѣ меня покоронятъ, потому что у меня есть намѣреніе умереть въ Иерусалимъ. Денегъ, право, нѣтъ; едва могу расплатиться..... а руки.... кажется, все свободныя и способныя руки цѣлой Италіи работаютъ въ Римъ.... Скажу вамъ, между прочимъ, пріятную новость. Балдахинъ утвержденъ. Онъ будетъ изъ коринфскаго мрамора,

— Да откуда его возьмете? спросилъ съ изумленіемъ Пуссенъ.

— Найдемъ, найдемъ! А балдахинъ великолѣпный! Берини отличился.

Художники улыбнулись: эта общая улыбка не ускользнула отъ зоркаго капуцина, и онъ продолжалъ:

— Его святѣйшество утвердилъ уже давно рисункъ; завтра будетъ осматривать модель въ настоящую величину.

— Одинъ? спросилъ Каведоне.

— Да съ кѣмъ же? спросилъ сурово Барберини.

Каведоне расхохотался и отвѣчалъ :

— Я не ожидала такого вопроса от вашей эминенции. Ведь вы съ Урбаномъ ничего въ этомъ не смыслите. Это наше дело! Вотъ, я... что-нибудь могу сказать; Валентино, Стелла, Черноци, Кенос, а, больше всѣхъ насъ, Пуссино.... Право, не хорошо, ваша эминенция! Ну, воображите, что бы сказали врачи, если бы вывздумали исполнять должность повивальной бабки!

Художники съ трудомъ удерживались отъ смѣху. Неумолчный Каведоне продолжалъ :

— Вотъ и сегодня мы съ вами видѣли плафонъ; ну, дали бы вы поправить рисунокъ Пуссино... и эта картина была бы вполне достойна папскаго дворца; а то, сами посудите, цѣлый олимпъ таскаетъ принадлежноти фамильнаго герба Барберини.... Я было подумалъ, что это дворець какого-нибудь барона-гугенота.

Капуцинъ задумался и почти невольно обмолвился:

— Да! и Доменикинъ то же думаетъ....

— Развѣ еще въ Римѣ? спросили съ участіемъ почти всѣ.

— Нѣтъ! но вѣроятно видѣлъ рисунокъ и написалъ объ немъ свое мнѣніе къ командору дель-Поццо.

— То-то новость! сказалъ Каведоне, садясь на свое место и надувшись: украшаютъ Римъ по своему разумію; у порядочныхъ людей и святыхъ не спросятъ!

Кардиналь Массими, желая прервать дерзкія рѣчи Каведоне и вывести капуцина изъ смущенія, спросилъ особенно громко:

— А что это сегодня мы командора дель-Поццо невидимъ?

— Видно, отвѣчалъ капуцинъ, у его святѣйшества просить позволенія заказать Кортонскому новую картину; послѣ плафона художникъ сталъ не-свободенъ.

— Нѣтъ! сказалъ Пуссенъ: я увѣренъ, что онъ считался, и вѣрно еще сегодня окончитъ свои замѣчанія на Фуккида.... Кажется, подѣхала карета.... Стучать. Это онъ!

И Пуссенъ ввелъ командора дель-Поццо.

— Вы кстати пожаловали, сказалъ Барберини. Пуссино гордится вашею дружбою, illustrissime.

— Скажите лучше, eminentissime, Поццо гордится дружбою Пуссино. Что я? — богатый Римлянинъ, и только; умъ или скупость отцовъ моихъ оставили мнѣ порядочный достатокъ, но Богъ даровалъ охоту употребить его, не на разрушительныя удовольствія, а на лучшія наслажденія; и, конечно, дружба съ Пуссино была необходимостью: мы оба хотимъ быть Римлянами старыхъ временъ и живемъ въ одномъ городѣ.

— Последнее условіе разорвано, сказалъ Барберини.

— Какъ! спросили Пуссенъ и Поццо.

— Король зоветъ васъ въ Парижъ.

— Зловѣщій вѣстникъ! невольно воскликнулъ Валентель, поглядывая на Джакомо.

— Святѣйшій отецъ поручилъ мнѣ, сказалъ Барберини, передать вамъ бумаги, полученные сегодня на имя ваше вмѣстѣ съ другими. Кавалеръ д'Орбиньи завтра отъѣзжаетъ назадъ съ отвѣтами и ожидаетъ вашего. Святѣйшій отецъ желаетъ знать, если вы позволите, содержаніе.

— Оно коротко, отвѣчалъ Пуссенъ; теперь я не могу ѣхать во Францію, потому что я обязался на срокъ окончить многія работы въ монастыри.

— Къ сожалѣнію, это не препятствіе, отвѣчалъ Барберини: мы, въ угодность христіаннѣйшему, можемъ приказатъ монастырямъ оторочить, или даже и вовсе не беспокоить васъ дешевыми заказами; не только можемъ, но и должны.

— Но ужъ мнѣ, сказалъ командоръ, вѣроятно его святѣйшество не захочетъ запретить, чтобы я не требовалъ отъ Пуссино моихъ «Семи тавиетъ». Вы знаете, что эти картины — вѣнецъ Пуссино; онъ ни гдѣ, кро-

мъ какъ дома, писать ихъ не можетъ; еще остается три картины, труднѣйшія.

— Особенно «Бракъ», замѣтилъ Пуссенъ, какъ-будто предчувствуя, что эта картина будетъ слабѣйшею изъ семи и дастъ начало пословицѣ — *хорошій бракъ и въ живописи труденъ*.

— И какъ хотите, продолжалъ командоръ, я не выпущу Пуссино изъ Рима, пока онъ не кончитъ всѣхъ семи. Пусть Франція понесетъ отъ того самыя чувствительныя потери; пусть объявитъ войну всѣмъ державамъ Европы; пусть отъ невольнаго отказа Пуссино умретъ Ришліё и его пажъ Мазарини: все, что угодно, а Пуссино я не пушу.

— Командоръ, но въ такомъ случаѣ, отказъ можетъ быть только временнымъ, а ѣхать всё-таки надобно.

— Со-временемъ! отвѣчалъ командоръ: но вы знаете, *éminentissime*, что значить у Французовъ «со-временемъ»? Четыре дня, и они отложатъ попеченіе: къ нимъ заѣдетъ какой-нибудь Фламандецъ, или Италіанецъ безъ славы: они утѣшатся; разлюбятъ Пуссино, котораго не знаютъ, и о которомъ судятъ по гравюрамъ, и по римской его славъ.... Тогда Пуссино можетъ у насъ остаться, хоть до втораго Пришествія.

— И такъ... воскликнулъ Барберини съ трудомъ скрывая удовольствіе.

— Я во власти вашей, отвѣчалъ Пуссино: конечно если вы меня не защитите, я долженъ ѣхать.... и потому предаю себя вашему покровительству.

Въ словахъ Пуссино замѣтна была грусть, страхъ, досада, и надежда, что могучіе покровители выручатъ. Командоръ всталъ съ мѣста, и съ видомъ досады и неудовольствія началъ ходить по комнатѣ. Когда онъ подошелъ къ Каведоне, тотъ шопотомъ сказалъ ему:

— Философъ, а струсилъ!

— Кого: не испугаетъ необходимость ѣхать къ Варварахъ! подхватилъ командоръ: гдѣ казнить кардина-

ловъ, герцоговъ, даже князей королевской крови по приговорамъ купленныхъ судей? гдѣ на каждаго честнаго человека есть два подлеца, — одинъ доносчикъ, другой клеветникъ? гдѣ классъ художниковъ еще ремесленной цѣхъ, а его управа — убранные титулами невѣжды? Зовутъ, просятъ, приглашаютъ, общаются, и, если не казнятъ, такъ сошлютъ, не сошлютъ, такъ замучатъ, не замучатъ, такъ выживутъ: послѣднее еще изъ всѣхъ золъ лучшее, но дорого стоитъ.... Какъ онъ хочетъ, но у меня есть контрактъ, правильный, законный. Онъ не можетъ окончить «Семи тайнствъ» въ Парижъ! Если этого не захотятъ понять невѣжды, такъ въ томъ же контрактѣ сказано, что Николо Пуссино, въ настоящемъ 1639 году, обязанъ расписать альфреско мою галерею.... ее уже оканчиваютъ.... сверхъ-того два образа : я долженъ ихъ отослать въ мою приходскую церковь, ex voto.

Пуссенъ покраснѣлъ, слушая, какъ храбро лгалъ командоръ; онъ бормоталъ что-то, но такъ несвязно, что не было возможности разобрать словъ. Джакомо хохоталъ, приговаривая :

— Не трусь, не трусь, Николо!.... а въ Парижъ поѣдешь!

— И любопытенъ я знать, спросилъ командоръ, что они предлагаютъ Пуссино? Думаю, золотыя горы!.... Общать и не исполнить, это исторія французскаго народа.

— Конечно, конечно! сказалъ Барберини, доставъ бумаги и подавая Пуссино, который всталъ для ихъ пріянія : пріймите, прочтите громко.

Пуссино прочелъ слѣдующее :

«Дано въ Фонтенблô, пятнадцатаго января 1639 года. Дорогой и возлюбленный! Многіе изъ приближенныхъ слугъ Нашихъ донесли Намъ какое великое уваженіе приобрѣли вы, и какое высокое мѣсто занимаете между самыми знаменитыми и превосходными живо-

«списцами всей Италиі. Желая, по примѣру предковъ,
 «сколько возможно, содѣйствовать къ украшенію коро-
 «левскихъ дворцовъ, приглашая ко двору Нашему лю-
 «дей, нынѣ первенствующихъ въ искусствѣ, которыхъ
 «достоинство виднѣе наиболѣе тамъ, гдѣ такъ дорожать
 «нимъ, Мы пишемъ настоящее письмо, и объявляемъ, что
 «Мы избрали и утвердили васъ ординарнымъ нашимъ жи-
 «вописцемъ, и что впредь желаемъ употребить ваши та-
 «ланты по сему званію. Дятого Мы желаемъ, чтобы
 «вы, по полученіи сего, распорядились о немедленномъ
 «отъездѣ туда, гдѣ услуги, какія вы окажете, будутъ
 «столько же уважены, какъ ваши произведенія и до-
 «стоинства уважаются тамъ, гдѣ вы нынѣ проживаете.
 «Съ симъ вѣсть Мы приказали господину де-Нойе, со-
 «вѣтнику въ Нашемъ государственномъ совѣтѣ, секретарю
 «Нашихъ повелѣній и начальнику зданій, съ болъ-
 «шею подробностью изъяснить, сколько Мы дорожимъ
 «вами, и какія пользы и выгоды хотимъ извлечь изъ ва-
 «шего здѣсь пребыванія. Ктому Мы присовокупимъ
 «только: да сохранить васъ Богъ подъ своимъ покро-
 «вомъ.»

«ЛЮДОВИКЪ.»

Пуссино поцѣловалъ королевскую подпись.

— Добрый король! сказалъ онъ съ примѣтнымъ чув-
 ствомъ.

— Не вѣрьте, сказалъ Подцо. Продиктовано кардина-
 ломъ, который увѣрялъ въ безконечной привязанности
 королеву Марію Медичи, отправляя ее въ ссылку; пла-
 калъ надъ несчастными жителями Ла-Рошели, подни-
 сывая приказъ по артиллеріи произвести на другой день
 второе болѣе выстрѣловъ нежели въ тотъ день, въ ко-
 торый онъ плакалъ. А что же пишетъ государственный
 совѣтникъ? Прочтите ужъ за-одно.

Пуссенъ читалъ:

«Рюэль, четырнадцатаго января 1639 года.»

— Ага! сказалъ командоръ, вотъ откуда приглашеніе.

Совѣтникъ посоветовался съ кардиналомъ, какъ искуснѣе обмануть живописца философа. Послушаемъ; любопытная политическая переписка.

Пуссенъ продолжалъ:

«Государь мой! Лишь-только король сдѣлалъ мнѣ честь, возложивъ на меня должность начальника своихъ «зданій, первую мою мыслью было воспользоваться «всею властью, мнѣ его величествомъ пожалованною, «чтобы возстановить уваженіе къ искусствамъ и нау- «скамъ; и какъ я имѣю особенную страсть къ живописи, «то и рѣшился ласкать ее какъ пламенно любимую жен- «щину и подарить ей первыя мои попеченія. Вамъ из- «вѣстно, черезъ посредство вашихъ друзей, пребываю- «щихъ за Горами, а равно изъ писемъ, которыя я про- «силъ ихъ написать къ вамъ отъ моего имени, что я тре- «бую справедливости отъ Италіи. Она должна вамъ дать «сеше нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ. Вы догады- «ваетесь, что подѣлимъ я разумью господина Пуссена и «сеше какого-либо превосходнаго италіянскаго живопис- «ца. Желая сдѣлать извѣстнымъ то уваженіе, какое ни- «стаетъ король къ вашей особѣ и ко всемъ людямъ, какъ «вы, рѣдкимъ и добродѣтельнымъ, я просилъ друзей «вашихъ написать къ вамъ и то, что я подтверждаю на- «стоящимъ письмомъ моимъ; оно вамъ послужитъ пред- «варительнымъ ручательствомъ въ точномъ исполненіи «даннаго вамъ обѣщанія, пока съ пріѣздомъ вашимъ я «не отдамъ вамъ въ руки подлинныхъ грамматъ и пове- «слѣній королевскихъ. И такъ, я вамъ пошлю тысячу экю «на путевыя издержки. Каждый годъ я прикажу вамъ «выдавать тысячу экю жалованья; выгодное помѣщеніе «въ королевскомъ дворцѣ, въ Луврѣ, въ Парижѣ или «въ Фонтенеблѣ, по вашему назначенію: я прикажу «убрать его приличною мебелью для вашего пріѣзда, на «первый случай, если хотите. Все это зависитъ отъ ва- «шего желанія. Вы не будете писать нивъ плафонъ, ни «въ сводахъ; срокъ вашего пребыванія ограничивается,

«ко вашему желанію, пятью годами, но я увѣренъ, что вы, подышавъ воздухомъ отечества, съ трудомъ рѣшитесь его оставить. Вотъ условія, вамъ предлагаемыя. Вы сами ихъ желали. Остается назначить еще одно: именно, что вы не будете писать для кого бы то ни было безъ моего позволенія, потому что я приглашаю васъ для короля. Не хочу совершенно лишить васъ возможности сдѣлать что-нибудь пріятное и частнымъ людемъ; нѣтъ, я прошу только, чтобы вы писали для насъ съ моего вѣдома. Затѣмъ, пріѣзжайте къ намъ здоровыми и веселыми, и будьте увѣрены, что вы найдете у насъ болѣе удовольствія, нежели сколько ожидаете.»

«дѣ-Ноїе.»

— Изъ этого лукаваго письма, сказалъ командоръ, я вижу, что васъ уже и прежде приглашали такъ называемые друзья.

— Никто! отвѣчалъ Пуссино. Одинъ мой добрый Шантлу, и здѣсь въ Римѣ, и потомъ письмомъ изъ Парижа, дружески совѣтовалъ мнѣ возвратиться въ отечество; но объ этихъ условіяхъ я въ первый разъ слышу: это, какъ вы сказали, политика новыхъ временъ.

— Безстыдная политика!.... и, конечно, эминенца, вы упомянете въ своемъ отвѣтѣ, что Пуссино не изъявлялъ ни какихъ желаній, не предлагалъ ни какихъ условій.

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ капуцинъ: мы имѣемъ свою политику, и въ настоящее время ссориться не станемъ: давно ли Французы были подъ Казаломъ? Сколько усилій, жертвъ, потерь, чтобы выжить иностранцевъ изъ Италіи! Честнѣе другихъ дѣйствовала Франція; намъ надобно беречь дружбу кардинала. Наше мнѣніе откровенно и ясно: Пуссино долженъ ѣхать не медленно въ Парижъ; пять лѣтъ не вѣчность: а то

гда онъ будетъ совершеннымъ хозяиномъ своего времени.

— Онъ не поѣдетъ, *eminentissime*.

— Какъ угодно, *illustrissime*! Я сказалъ наше мнѣнiе. Мы сдѣлали свое; а завтра по-утру кавалеръ д'Орбанны прійдетъ за отвѣтомъ. Скажите ему, что хотите, отвѣчайте де-Нойе, что угодно; мы сдѣлали свое шумы-ваемъ руки.

Кардиналъ всталъ; Массими и Маффеи также; Пуссенъ лежалъ въ раздумьѣ; художники не спускали съ него печальныхъ взоровъ, какъ-будто онъ угадывалъ въ африканскія степи, на жертву голоднымъ львамъ и тиграмъ.

Джакомо взялъ со стола луцерну и сказалъ:

— Я проведу васъ, кардиналы, а онъ пускай полома-етъ голову; эта задача труднѣе перспективы и мудренѣе всѣхъ книгъ Цокколини.... Я думаю, въ этомъ во-просъ меньше смыслу чѣмъ въ Ницероновой книгѣ *Tamaturgus opticus studiosissimus*, или въ Вителие-вой: *De naturâ, ratione et projectione radiorum visus, luminum, colorum, atque formarum, quam vulgo per-spectivam vocant*. Я зналъ объ книги наизусть, когда еще былъ съ талантомъ; теперь помню только заглавiя. *Eamus igitur, eminentissimi*.

Пуссенъ улыбался, прочiе смѣялись; одинъ коман-доръ былъ золъ по-прежнему. Кардиналы уѣхали; по-слѣднiй вышелъ Массими. Четыре богато одѣтыхъ но-сильщика подставили носилки; два ливрейные лакея освѣщали путь фонарями; шесть лакеевъ позади, съ ко-роткими алебардами, ожидали шествiя. Пуссенъ свѣтилъ въ дверяхъ.

— Не беспокойтесь! не беспокойтесь! говорилъ Мас-сими: къ вамъ совѣстно ѣздить. Мнѣ, право, жалъ-ко, любезный Пуссине: какъ не имѣть хоть одного слуги!

— А я сожалѣю о вашей эмигранци, что у васъ такъ

никого лишнего людей, которыхъ вы приглаждаете къ праздности.

— Всякій разъ я получаю, любезный Пуссено, какой-нибудь урекъ на дорогу. Прощайте!

— Сегодня едва-ли не лучший! отвѣчалъ Каведоне, помогая Пуссену запереть двери.

— Ну, теперь мы одни, сказалъ Джакомо, возвращаясь въ залу и ложась на мѣсто Пуссена: совѣтъ, я председатель. Мое мнѣніе—сказать кавалеру д'Орбиньи: Поехалъ къ чорту! я Римлянинъ и боюсь гугенотовъ въ кардинальскихъ шапкахъ.

Совѣтъ продолжался за полночь; разошлись, ничѣмъ не рѣшили, а Пуссено, отпустивъ гостей легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ; на зарѣ онъ написалъ коротенькую записку:

«Священный долгъ Француза повиноваться своему королю. Священный долгъ человека — исполнить свои обязательства; ни нарушу ни того ни другаго. Николо Пуссено. Римъ, пятнадцатаго февраля 1639 года.

Обернувъ суркомъ и приложивъ печать, Пуссенъ написалъ къ де-Нойе, отдалъ письмо служанкѣ, приказалъ вручить его кавалеру д'Орбиньи, а самъ взялъ карандаши, папку и ушелъ въ поле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

(Римская IV.)

Рожунда.

Въ гостиницѣ Чернаго Орла, на высокой галерей, у входу въ покои, нанятые кавалеромъ д'Орбиньи, столы науподоби, босей и подвязанный веревкой. Было

еще очень рано. Канниганъ спалъ. Слуга, на той же галерей, чистилъ разноцвѣтныя мантин и жамзолы, и развѣшивалъ кружевыя фрезы для шеи и сапоговъ; Весь Римъ еще былъ погруженъ въ глубокий сонъ; невозмутимая тишина царствовала на улицахъ уже не всемирной столицы. Только изрѣдка доходилъ едва внятный отдаленный стукъ: и монахъ и слуга старались къ нему прислушаться, но не могли угадать его причины.

— Садитесь, святой отецъ, сказалъ слуга по-французски.

— Благодарю! отвѣчалъ кануцинъ на томъ же языкѣ, и снова послѣдовало молчаніе.

Слуга, продолжая чистить платье, видимо хотѣлъ завязать разговоръ, и сталъ думать вслухъ.

— Почисти всѣ!.... А зачѣмъ всѣ?... Развѣ мы такъ долго останемся въ Римѣ?..... Не твое дѣло!.... Вотъ то-то и есть. Господинъ слугъ никогда ничего не скажетъ, а потомъ оба въ дуракахъ.... Да присядьте, святой отецъ; мнѣ нелзя: видите, сколько работы!

— И, кажется, напрасной, замѣтилъ монахъ.

— Напрасной? Гмъ! какъ я одѣну сегодня капитана на мой ладъ, такъ вы не скажете, напрасно. Мы во Флоренціи денька три прожили у кавалера Пальфи: такъ посмотрѣли бы вы! Молодая жена кавалера такъ глазами за капитаномъ и ходитъ. Они, правда, и прежде были знакомы на родинѣ, въ валентинской долинѣ, помнится въ Сондріо.... Да ужъ если бы я капитана теперь не одѣлъ по-своему, такъ и старая любовь не помогла бы. Ужъ это, просимъ извинить!.... Въ Парижѣ баловъ нынче мало, а когда случатся, такъ мой капитанъ всегда первый, а Сень-Марсъ второй. Вотъ люди, святой отецъ! Кажется, оба шеголять умѣютъ, а друзья.... большіе друзья.... Да! вотъ что значитъ хорешая, старая, кровь.... Да! такъ не напрасно!....

— Напрасно, потому что вы сегодня же отправитесь въ обратный путь.

— Сегодня?... Да вы какъ знаете?

— Такъ случилось.

— А! позвольте!.... черезъ Флоренцію?

— Тамъ какъ себѣ хотите.

— Ну, такъ черезъ Флоренцію, святой отецъ, черезъ Флоренцію. Тамъ мы съ недѣлку погуляемъ; можетъ-быть и кавалеръ, того.... Плохъ, плохъ! дай Богъ ему до Петрова дня дотянуть.... Дальній срокъ.... Черные говорили, что и до Пасхи, того.... а далеко ли, кажется?... Ахъ, ты Господи! капитанъ проснулся....

Слуга ушелъ и скоро возвратился.

— Святой отецъ, того, пожалуйста къ капитану.

Капуцинъ вошелъ въ небольшую прихожую, откуда, черезъ стеклянную дверь, увидѣлъ капитана, который лежалъ и потягивался на кровати.

— Пожалуйста, пожалуйста, ворчалъ слуга: капитанъ всегда такъ принимаетъ. Онъ безъ причудъ.

— Кто тамъ? закричалъ д'Орбиньи.

— Мы, мы, капитанъ, съ отцомъ.... Какъ васъ зовутъ?

— Бруно.

— Съ отцомъ Бруно.

— Войдите!

— Что вамъ угодно? спросилъ капитанъ по-италиянски.

— Я принесъ отъ его эминенціи, кардинала Барберини, нѣкоторые бумаги.

Капуцинъ подалъ свертки. Д'Орбиньи пересмотрѣлъ нѣкоторыя и вскочивъ, закричалъ:

— Лошадей, лошадей! Мы ѣдемъ сегодня, сейчасъ.

— Кардиналъ просилъ вручить аббату Мазарини нѣбольшія посылочки отъ Берини и отъ себя.

— Отдайте, пожалуйста, моему Роху, а я долженъ еще сходить къ Пуссену за отвѣтомъ, когда онъ намъ ренъ выѣхать изъ Рима.

— Онъ отложилъ это намѣреніе, сказалъ отецъ Бруно по-французски.

— Какъ! онъ смѣетъ послушаться?

— Нѣтъ, капитанъ; онъ будетъ отсрочивать. Итальянцы научатъ его всѣмъ изворотамъ....

— Вы развѣ, отецъ Бруно....

— Французъ, капитанъ, и весьма знаю, что любезное отечество не увидитъ Пуссена.

— Этого быть не можетъ! Гдѣ онъ живетъ? Я его уговорю.

— Если вамъ угодно, я могу служить проводникомъ. Но сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Развѣ у васъ такъ много лишняго времени, капитанъ?

— Какое тутъ лишнее время! Срокъ, назначенный для доставленія кардиналу депешей не позволяетъ мнѣ заняться и своими дѣлами... Впрочемъ, день, другой... Потѣмъ надо будетъ навестать скорой ѣздой, а дорога пренесносная. — Рохъ, одѣваться!

Д'Орбиньи одѣлся и вмѣстѣ съ капуциномъ отправился къ Пуссену. Они нашли лаконическую записку, а самъ художникъ былъ далеко.

Окрестности Рима справедливо называются Полею, Агег. Красивая пустыня, усыпанная обломками древняго величія, Римское Поле не похоже на окрестности Флоренціи или Неаполя; но виллы римскихъ богачей сдѣлали изъ поля чудесную цѣпь чудесныхъ садовъ и зданій. Пуссенъ, въ сотый разъ, разсматривалъ этотъ живой лексиконъ своихъ пейзажей, но впервые съ какою-то грустью, сожалѣніемъ, досадою. Карандашъ не прикосался къ бумагѣ. Пуссенъ стосковался въ благодатной пустынь, возвратился въ городъ, но домой не пошелъ, боясь повстрѣчаться съ капитаномъ д'Орбиньи. Безъ цѣли бродилъ онъ по улицамъ Рима: всѣ дома и ставни были заперты; ни живой души не встрѣтилъ Пуссенъ въ самыхъ многолюдныхъ кварталахъ; издали только доходили до него крики работниковъ

и стукъ молотовъ. Онъ скоро открылъ причину шуму и, ступивъ на площадь Ротунды, едва вѣрнулъ глазамъ своимъ. Высокія лѣса закрывали портикъ Пантеона; множество народу, какъ мухи, лѣзились въ деревянной паутинѣ; огромныя бронзовыя розеты, украшавшія потолокъ портика, съ трескомъ скатывались на площадь по деревянному искусственному косоугору; груды камней, обросшихъ высокою травою, покрывали еще не расчищенную площадь Ротунды. На огромныхъ вѣсахъ папскіе солдаты вѣсили розеты. Приставъ въ широкополой шляпѣ отмѣчалъ въ тетрадь и черной краской надписывалъ на каждой розетѣ вѣсъ и клеймо.

— Последняя! закричали работники, и розета остановилась не вдалекѣ отъ Пуссена.

— На вѣсы! сказалъ приставъ, отмѣтилъ въ книгѣ, написалъ на розетѣ клеймо и вѣсъ, и подошелъ къ работникамъ. — Вырывай остальные гвозди! закричалъ онъ, и отъ многочисленности работниковъ и удобства лѣсовъ гвозди посыпались дождемъ.

— Какъ не загорятся лѣса подъ ногами этихъ святотатцевъ! закричалъ Пуссенъ.

Приставъ и работники не могли слышать этого восклицанія отъ стуку гвоздей и молотовъ, но возлѣ, изъ травы, поднялась тощая фигура Каведоне.

— Николо! Николо! говорилъ Джакомо, прыгая къ Пуссену съ камня на камень: ты пришелъ посмотреть, какъ тебя грабятъ Барберини? Вконецъ, не правда ли? Мало того, что они укр лѣ съ форума три храма и построили sic nominatus дворецъ; мало того, что перетасили туда изъ Термъ древнюю живопись.... бронзу Пантеона. Бронзу Пантеона!... и твой Jupiter Топнавъ молчитъ, и Марсъ медлитъ, и Вулканъ не вступится за работу своихъ циклоповъ! Шутки всторону, а раззорять древность могутъ только Варвары.

— И пословица, которую я вчера слышалъ, весьма

справедлива! сказалъ незнакомецъ, сидѣвшій позади Пуссена на камнѣ.

— Какая пословица? съ живостью спросилъ Каведоне. Пословицы — моя страсть; я самъ сочиняю пословицы: есть у меня десять превосходныхъ; чистая древность!... съ Плавтомъ поспорять.

— Такой не выдумаете!

— Сдѣлай дружбу; милостыни не давай, а скажи пословицу.

— Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.

— Bravo! bravo! хлопая въ ладоши кричалъ Джакомо. Ахъ, я болванъ! какъ мнѣ это не пришло въ голову!

И, подбѣжавъ къ приставу нѣсколько разъ прокричалъ ему на ухо:

— Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini!

Солдаты гонялись за Каведоне, но онъ исчезъ быстро серны.

Пуссенъ стоялъ въ задумчивости, глядя на огромныя груды бронзы, покрывшія большую часть площади.

— Любопытно, велика ли добыча? сказалъ онъ.

— Спросимъ, отвѣчалъ незнакомецъ, и оба подошли къ приставу.

— Сколько пушекъ выйдетъ! толковали между собою солдаты.

— На глазомѣръ не угадаешь, а надо-быть придется другую крѣпость строить; у Ангела не помветаетъ.

— Дураки! замѣтилъ приставъ, съ важностью сводя итоги: эта бронза пойдетъ вся на балдахинъ въ Ватиканскую Базилику.

— Коринѣскій металлъ!... вотъ вашъ коринѣскій металлъ! сказалъ Пуссенъ тихо и печально. Во-истину, Варвары!

— Шутить, дядя! сказалъ солдатъ: тутъ, чай, тысяча тысячь фунтовъ.

— Да, безъ малаго, съ улыбкой отвѣчалъ приставъ, окончивая счисленіе.

Т, XLVI. — Отд. I.

— А въ самомъ дѣлѣ сколько, дядя?

— А вотъ сейчасъ. Сорокъ пять тысячъ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ.

— Ухъ! гляди изумленные солдаты: да хорошо ли ты считаешь, дядя?

— А вотъ повѣрю. Да; не иначе. Однихъ гвоздей — девять тысячъ триста семьдесятъ четыре фунта.

— Римъ! съ гордостью воскликнулъ Пуссенъ: и это малѣйшій изъ твоихъ памятниковъ.

Приставъ и солдаты съ насмѣшкой посмотрѣли на Пуссена и стали нагружать бронзы на фуры, со всѣхъ сторонъ наполнявшія площадь. Наконецъ пріѣхали Бернини, и еще нѣсколько человекъ папскихъ чиновниковъ и помощниковъ главнаго архитектора. Осмотрѣвъ добычу Бернини подошелъ къ работникамъ и закричалъ: «Долой лѣса!» Не прошло полу-часу, и величественный портикъ открылся изумленнымъ взорамъ незнакомца.

— Жаль! сказалъ онъ: зачѣмъ вчера я не видѣлъ Пантеона! Еще можно было бы судить объ его величии.

Прикажите черезъ три года, отвѣчалъ изъ травы Джакомо: и вы не найдете слѣдовъ древняго Рима: я дамъ расписку! Зато у всѣхъ Барберини будетъ по три дворца, да по три загородныхъ дома, да у каждой изъ любовницъ по одному дворцу и по одной виллѣ. Симплициссимуса будетъ третій Римъ: Рома Барберина. Но пристыжу я ихъ! Я сказалъ будочнику, что тутъ живетъ и, помните мое слово, сейчасъ, отъ художника до кожевника, въ Трастевере, гдѣ я почевалъ третьяго дня, все прибѣжитъ выручать твою бронзу Пуссеню!

Услышавъ имя своего собесѣдника, незнакомецъ всталъ съ камня, на который было усѣлся, и почтительно поклонился Пуссену. Тотъ отвѣчалъ поклономъ и казалось, все кончилось между ними. Между тѣмъ предъ

сказаніе Джакомо сбылось : со всѣхъ сторонъ валла чернь на Площадь Ротунды. Обозъ двинулся, но толпа заступила дорогу : больше всѣхъ шумѣли проводники, особенный классъ, котораго остатокъ до сих поръ еще встрѣчаете въ чичеронахъ ; тогда онъ составилъ роль цеха, имѣлъ старшину, болѣе именованнаго атамана разбойниковъ членовъ на трагическаго членника. Тогда удивлялась. Наведено въступилъ въ своихъ укрѣпленій и принялъ начальство надъ разбойничью чернью. Беринни, примѣтивъ народное волненіе, съѣлъ на лошадь, и съ трудомъ провѣжалъ впередъ, крича :

— Пропустите! пропустите! Эта бронеукрѣпленія трамъ изъ чичеронъ, во время местнаго войны священныя апостоловъ Петра и Павла въ Ватиканской базиликѣ!

Чернь повалилась на землю съ жонгами : первый примѣръ подалъ Каведоне, въ все время какъ провозили членовъ въ драгоцѣнныя грузомъ, чернь не поднималась ; наконецъ, какъ-будто опомнившись, бросилась за обозомъ, стирала волью и шуйкою вытаскивала съ собою броню. Каведоне пошелъ впередъ за толпою. Онъ и бѣдѣ бѣдѣ притѣвлялъ съ десертномъ солдату и множествомъ брони ; да на двухъ камняхъ сидѣли еще Пруссы и незнакомецъ.

— Прекрасная подтаны! скажи, пожалуйста, не французски.

— Сказалъ Ротунда для меня еще лучше, оставилъ Пруссино : я нерѣдко просиживалъ въ ней наладу, бѣгая отъ него, (его рѣшѣнъ) жерелью, иромомъ и дрочей. Зайдемъ въ Пантеонъ, тамъ довольно уютно ; тамъ я знаю много друзей. Незнакомца было довольно Ротундой, а тамъ являлись тогда мушкетеры и денщики, которые праймилъ напѣть собою много чужестранники, какъ необходимо было въ жизни въ Римѣ. Пруссы тотчасъ замѣтили, что, выходя изъ Пантеона, спросилъ незнакомца :

— Пожелаю со мной? сказала Пуссенъ.
 — Пожалуй; только мнѣ совѣстно брѣмнать у васъ дорогое время.
 — Нѣтъ, мнѣ не до работы. Я долженъ ѣхать во Францію: король зоветъ; я долженъ повиноваться, и вся моя философія исчезла. Такой тоски во всю жизнь мою я не испытывалъ.

— Когда вы ѣдете? спросилъ незнакомецъ доброй.
 — Объ этомъ я самъ себя спрашиваю безпрестанно, и никакъ не могу дать отвѣту.

— О! какъ бы я желалъ быть на вашемъ мѣстѣ; я прилетѣлъ бы въ Парижъ, отыскалъ бы мою Эвелину; на руки, мой господинъ, на руки схватилъ бы ее, и убѣжалъ подь облака, куда-нибудь на Риги или другую швейцарскую гору.

— Это, вѣрно, ваша жена?
 — Нѣтъ, отвѣчалъ Валероль: жена умерла въ день моего изгнанія!

Пуссенъ остановился и взглянулъ на Валероля съ участіемъ; тотъ продолжалъ:

— А Эвелина, единственная дочь моя, бѣгавшая въ рукахъ отца Виганда, пріора кармелитскаго монастыря. Но вотъ уже прошелъ мѣсяць: на двадцать моихъ писемъ, ни какого отвѣту! Сношенія Рима съ Парижемъ не прерывны. Приѣзжаю въ Римъ, уведомляю томъ Виганда благовременно семью письмами: никакого вѣстия!...

— Нельзя ли вамъ помочь? сухо сказалъ Пуссенъ.

— Можно, отвѣчалъ Валероль.

— Какъ?

— Взять меня съ собою въ Парижъ, подь видомъ слуги; изъ Парижа ѣхать меня въ Римъ за кѣмъ-нибудь; я уеду съ Эвелиной и... прости, Франція! Все это не будетъ стоить вамъ ни одного эку: благородный Видомъ прислать денегъ всѣмъ магнатымъ, подружкамъ своимъ.

— Тутъ есть, **Пуссенъ**, **Пуссенъ**, **Пуссенъ**! —
— Я въ жизнь мою никогда не имѣлъ дѣла —

— Что за бѣда!... рѣшились взять для дороги.

— Конечно, конечно... **Блентъ!** Но, пожалуйста не брать
какъ разъ **Зовутъ?**

Жоржъ де Вальерольтъ драгунскій капитанъ.

— **Пуссенъ!** —
— **Пуссенъ!** —

— **Пуссенъ!** —

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

(*Римская Улоследица*)

Ватиканская Базилика.

— **Пуссенъ!** —

Новые знакомцы пришли на площадь **Петра и Павла**. Тамъ еще, на бѣлуху, ни **Берниньской Колоннады**, ни **ре-ликодельныхъ фонтановъ**, и едва ли не было лучше. На **наперки Базилики** они еще разъ постройдали **Джакомо**: онъ спорилъ и чуть не дрался съ **упрямыми сторожами**.

— **Слышите, г-нъ, дѣшавая мышъ!** кричалъ онъ: **здесь не просите, это святыня!** онъ меня угрожалъ **висеть для этой базилики картину**. **Слышите! Осторож!**

— **Гляди,** отвѣчалъ сторожъ, **тутъ военные пристава ходятъ, ни смѣять бы тебѣ въ потмахъ при солнцѣ!**

— **Ахъ, ты рожа изъ красной глинны!** **тегга спотта** работы **Бернини!** я тебя разобью какъ **ночную посудину**. **Возьми!** кричалъ **Джакомо**, и оттолкнулъ старика.

— **Поспой, умрутъ тебя!** говорилъ сторожъ и хотѣлъ удрать **вдальню** **теперидей**.

— **Видишь, столяръ подошелъ** **Пуссенъ** съ **Ва дьеро** **де Пуссенъ** **Продуцья** **Джованни**! **сказалъ** **таско** **Пуссенъ** это нашъ знаменитый **Джакомо Каведоне Болонскій**.

— ома! Иди, иди, эн гоня! в зячонилон в роч а жофт? бану ; и вь Болонья; пераъ по поода картина готова; но вы ея не удалите; вы будете въ Царикъ. Прощайте!

Каждому хотѣлъ уже уйтъ; но двери дрятора, сдѣлаго Себастьяна, открылись, и вошелъ папа въ содруженіи кардинала Барберини, кавалера дель-Поцца и Пьетро Кордонесаго.

— Святѣйшій отецъ! сказалъ Пуссенъ; весь присутствующіи преклонились.

— Урбанъ; какъ-будто не замѣтая присутствующихъ, подходилъ къ серединѣ, откуда всѣ работники почти тельно удалились въ безвѣрные проходы храма. Вся базилика совершенно была окончена внутри въ томъ видѣ, въ какомъ представляется и днѣ, кромѣ нѣкоторыхъ монументовъ и огромнаго балдахина надъ гробомъ святыхъ Апостоловъ. Бернини установилъ на мѣстѣ деревянную вызолоченную модель, въ настоящую величину: она стояла, по книгамъ, до ста тысячъ римскихъ скуди. Огромная полотно, закрывади, ее отъ любопытныхъ взоровъ; суорокъ отъ креста, былъ въ рукахъ Бернини, и, когда папа подошелъ довольно близко, полотно слетѣли и великолѣпнѣйшій алтарь съ величественнымъ балдахиномъ представился изумленнымъ глазамъ зрителей. Папа и спутники остановились: долго в молча въ они добовались на созданіе величаго, который, преклонясь, стоялъ у первой ступенки своего произведенія и казался не больше мухи.

— Кавалеръ Бернини; сказалъ ласково папа; вы не обидѣли безсмертнаго Буонароти! Вашъ балдахинъ достоинъ купола, куполъ балдахина!

— Джакомо Болоньскій стоялъ, разинувъ ротъ, и безпрестанно дышалъ. Резонансъ въ другой церкви отъдалъ на ухапане. Джакомо, не однократными отголосками. Папа съ улыбкой сказалъ ему:

— А, бунтовщикъ!.... и ты здѣсь! Поглядя, развѣ не стоить этотъ балдахинъ, бронзы Пантеона?

— Не стоить, ваше святѣйшество, не стоить, чихая

отвѣчалъ Джакомо : кажется не стоить ; позвольте.... Право, я не умѣю дать себѣ отчета, зачѣмъ этотъ балдахинъ?... то есть, какая его цѣль?... то есть, какая въ немъ нужда?... у мѣста ли онъ? Балдахинъ покрываетъ алтарь, воздвигнутый надъ честными мошами святыхъ Апостоловъ.... (и съ этимъ словомъ, преклонивъ правое колено, сказалъ скороговоркою:) СВЯТЫЕ Апостолы Петръ и Павелъ, молитесь Бога за насъ! — Если для этого, продолжалъ онъ, вставая : такъ, по моему, довольно было буонаротьевскаго купола ; человекъ не сумѣетъ лучше покрыть святыню : а этотъ храмъ въ храмъ, что-то лишнее, мелкое какъ людское тщеславіе. Будетъ дорого стоить, вотъ и всё-тутъ! Конечно, затѣя не безъ мысли, исполненіе не безъ изящества : но зачѣмъ эти спиральныя столбы, когда во всемъ храмъ царствуетъ благородный, чистый вкусъ? зачѣмъ эта смѣсь стилей? Не понимаю! Хвалить будутъ ваше святѣйшество, только не Джакомо Болонскій.

— А ваше мнѣніе, Пуссино? сказалъ Урбанъ, ни мало не оскорбленный словами Джакомо.

Пуссино преклонился и отвѣчалъ :

— Маститый художникъ, честь и слава болонской школы, имѣетъ нѣкоторыя основанія, весьма справедливыя. Конечно, гармонія архитектуры всего храма нарушена спиральными колоннами и композитнымъ орденомъ, особенно подъ куполомъ Буонароти. Но она нѣсколько уравновѣщена въ размѣрахъ и мысли. Я полагаю, вышина балдахина на-глазъ болѣе ста футовъ.

— Сто двадцать четыре пальмы, замѣтилъ Урбанъ.

— Я почти угадалъ ; значить, балдахинъ выше Лувра.

— Неужели? съ довольною улыбкою спросилъ Урбанъ.

— Пропорція угадана; а угадать размѣры подъ такимъ куполомъ и сообразно съ этими пролетами, это уже дѣло большаго таланта. Въ мысли едва-ли еще не болѣе похвалы заслуживаетъ созданіе балдахина; ко-

нечно, смѣшно подкладывать подъ чужую работу свои собственные идеи, но иначе быть независимаго сужденія, и кавалеръ Бернини позволить мнѣ сказать, что я думаю.

— Слава моя — въ похвалѣ Пуссина, и слышать ее изъ устъ знаменитаго художника-философа величайшая награда, отвѣчалъ Бернини.

— Просимъ, просимъ, съ нетерпѣніемъ прервалъ Урбанъ.

— Этотъ храмъ воздвигнуть для храненія честныхъ мощей святыхъ Апостоловъ; все прочее новое, недавнее; древность — единственная, и она должна быть означена явственно мѣстомъ и формою. И не знаю, отъ чего вздумалось Карлу Мадерно оставить мысль Буонароти и продолжить церковь въ латинскій крестъ: это уже ошибка; главный алтарь надъ главной святыней пересталъ быть средоточіемъ храма, чѣмъ онъ былъ у Буонароти, и даже у самаго Браманте, по первоначальному плану. Но Мадерно не былъ такъ искусенъ чтобы совершенно испортить великія мысли. Несмотря на продолговатость креста, куполь и внутренне размѣры ротунды, по-неволь, дѣлаютъ ее видимымъ средоточіемъ, и лучшаго мѣста для главной святыни невозможно было придумать. Это главное мѣсто должно быть и главнымъ алтаремъ по необходимости, да съ востока и запада, съ сѣвера и юга, богомольцы видятъ святѣйшаго отца, намѣстника святаго Петра и главу Западной Церкви. Это, что до мѣста, что до формы: стиль церкви — намъ современный, или, лучше сказать, это стиль эклектическій, избранный изъ лучшихъ образцовъ архитектурнаго искусства. Но святыня — древность полутора тысячи лѣтъ: она должна быть заключена въ драгоценнѣйшемъ ковчегѣ, или кивотѣ, по подобію ковчега Древняго Завета. Храмъ есть дань благодаренія всей Церкви первенствующимъ ея Апостоламъ, и храмъ безпрекословно

и достойно выразить эту идею. Святница этого храма — древность, и хранилище ее должно говорить о томъ формами: другихъ способовъ выражения я не знаю. Такимъ образомъ форма кивота должна носить печать древности; но только печать, потому что точное подражаніе древнимъ киваріонамъ было бы уже безобразно и не согласовалось бы съ цѣлымъ. Въ древней базиликѣ сто мраморныхъ колоннъ окружали киваріонъ, какъ свидѣтельствуемъ Григорій Турскій, кроме колоннъ, которыя поддерживали самый кивотъ: множество замѣняло изящество, и оно согласовалось и съ базиликой и съ современнымъ вкусомъ. Кавалеръ Бернини искусно заимствовалъ съ колоннъ, четырьмя, сохранивъ въ формѣ древность и сообщивъ древней формѣ некоторое, возможное, изящество. Въ томъ мрачнаго, таинственнаго, киваріона, онъ поставилъ высокій балдахинъ, свѣтлый, какъ мысль настоящаго, не гонимаго, но уже господствующаго, христіанства. Такимъ образомъ идея древности и киваріона сохранилась; изящество и гармонія не пострадали... Вотъ мое мнѣніе.

— Не могу не порадоваться, сказалъ папа, что обстоятельства отсрочили вашу поѣздку въ Парижъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Пуссенъ изумился. Напуцинъ улыбался. Вальероль чуть не заплакалъ. Одинъ Поццо сохранялъ видъ совершеннаго равнодушія.

— Проповѣдуйте, продолжалъ Урбанъ, опустивъ глаза: ваши мысли должны освѣщать путь намъ, невѣждамъ. Все наше знаніе заключается въ любви и уваженіи къ художествамъ: если мы ошибаемся, то потому только, что не всегда можемъ получать совѣты отъ Пуссеновъ.

Пуссенъ преклонился. Поццо былъ въ восторгѣ. Капуцинъ улыбался.

— Командоръ и кардиналъ Барберини, сказалъ папа, тиара сохранить мое имя въ исторіи; но вы обезсмерти-

— ли себя покровительствомъ Пуссино и другихъ достойнымъ художникамъ. Пріймите меня въ вашъ прекрасный триумвиратъ.

— Вашему святѣйшеству, замѣтилъ капуцинъ, стоитъ только умножить заказы, и я полагаю....

— Сынъ мой Людовикъ отнимаетъ эту возможность. Постарайтесь, Пуссино, скорѣе окончить Лувръ и призжайте къ намъ, въ Римъ, строить и расписывать новое зданіе, по собственному вашему разумѣнію, безъ малѣйшаго со стороны нашей вмѣшательства. Нужныя суммы будутъ отпускаемы изъ нашего казначейства: вы будете совершеннымъ хозяиномъ всѣхъ работъ. Я убѣжденъ, что, если бы дали подобную свободу Буонароти, намъ бы не досталось ни малѣйшей доли въ великой славы быть строителями Ватиканской Базилики.

— Осмѣлюсь спросить, ваше святѣйство....

— Тайна, тайна, любезный Пуссино!.... пока вы не раздѣляетесь съ Французами. — Пиетро, сказалъ Урбанъ обращаясь къ Бернини: благодарю и благословляю!

Папа ушелъ съ кардиналомъ. Поццо слѣдовалъ за ними, но Пуссенъ остановилъ его.

Командоръ, я уѣду завтра же.

— И вы не поняли, добрый другъ, отвѣчалъ Поццо, что и у насъ завелась риндѣвская политика!.... Когда вы возвратитесь изъ Парижа, объ этомъ новомъ зданіи никто уже и не вспомнить! Это мѣткая приманка для гения, и только.

Командоръ ушелъ. Пуссенъ схватилъ за руку Вальероля, и посреди безмѣрной базилики стоялъ въ безвольномъ раздумьѣ. Сомнѣнія волновали мудреца-художника. Видно, съ обстоятельствами не суждено ладить ни какой философѣ!

— и ежедневной —

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Западн.

Простите, дорогие читатели: вижусь; это моя слабость. Хочу все рассказать, и оттого невольно увеличивается объемъ моихъ многостраничныхъ произведеній. Вижусь, но не извиняюсь, то есть, не прошу прощенья, потому что разказъ мой долженъ быть для всѣхъ, а изъ этихъ всѣхъ, для многихъ, будетъ занимательна, предшествовавшая картина художествъ въ Италіи. Семнадцатый вѣкъ еще былъ въ значительной зависимости отъ Рима. Урбанъ умѣлъ поддерживать нравственное вліяніе ватиканскаго престола, на всю Европу. И это вліяніе, съ помощью фаунтовъ, простиралось невидимо, непримѣтно, до Швеціи и Шотландіи. Художества и литература были главнѣйшими проводниками папизма. Во Франціи, усиливаясь, построить монархію, увлеченный системой, не обсудивъ ея со всѣхъ сторонъ, не зная самъ, что творить, Ришліе именно подкапывалъ основанія монархической власти и религіи. Бичъ вассаловъ и завоеватель Ла-Рошели, онъ уничтожилъ высшее дворянство, оплотъ престола, и поколебалъ религію, допустивъ разрывъ во все сословія какъ политическое средство всеобщаго безсилія и новинченія. Многие противники ришліевской системы, удаливъ и кардинала, приложили его средства для того только чтобы прикрыть свои вѣрныя замыслы, и другимъ удалось обмануть своего друга весьма удачно.

Д'Орбиньи нашелъ въ Парижѣ все по-старому. Кардиналъ былъ доволенъ капуциномъ Барберини; но аббатъ Мазарини примѣтно огорчился тѣмъ, что капитанъ д'Орбиньи не привезъ ему кардинальской шапочки, о чемъ премного хлопотали и Ришліе, и король, и королева, и дундѣи, и все, все, потому что Мазарини былъ любимъ и уважаемъ всеми. И тѣни ришліевской гордо-

сти и надменности въ обществѣ, въ обществѣ любимицъ. Любезность, вкрадчивость, тонкость, все это дѣлало его очаровательнымъ молодымъ челоукомъ, хотя абатику давно уже было за-тридцать. Мазарини никто не считалъ честолюбцемъ, никто его не боялся; многие лукаво или открыто связались съ нимъ. Говорили, и говорили, что онъ никого не обманетъ и назначитъ на свое мѣсто Мазарини, почитали это шуткой, шекровомъ тайны, и тому подобныя. Молодежь вѣровала абатика за вольты правы, что некоторымъ образомъ и ее оправдывало. Мазарини въ этомъ отношеніи боялся строгости Людовика XIII, и сколько могъ покрывалъ свое поведеніе тайной и паружною неблагодарностью. Вотъ почему сегодня абатикъ боится: вѣроятно, ему приснился дурной сонъ; или перешелъ въ дружеской бесѣдѣ съ чувствомъ вспомнилъ о блестящемъ вѣдѣ Бокингемъ, или, можетъ быть, что онъ не могъ придти въ голову молодого аббата въ началѣ семидесятаго вѣка и во Франціи!

Капитанъ д'Орбанны откланивался. Мазарини проводилъ его до стѣнъ, съ видомъ совершеннаго разстройства. Онъ какъ боленъ, говорилъ, являясь въ бѣдѣ, въ бѣдѣ. Видъ его былъ бледнѣе, чѣмъ обыкновенно, и онъ казался, какъ будто бы, въ какомъ-то разстройствѣ, въ какомъ-то разстройствѣ. д'Орбанны ушелъ, больной въ дорбанны, и скоро разрывалъ посылки; камитъ пылали; бѣдѣшки и другая исчезали; столъ наполнился бѣдѣшками и тараконци и лаара, рисунками Руки Бернини и Веретини. Съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ абатикъ одну бумажку, ставилъ ее на свѣтъ, грѣлъ на огнѣ: ни какого признаку письма. Наконецъ, взялъ онъ большую книгу, послѣднюю посылку: на первомъ листѣмъ «летѣ сверху было написано «BIBLIOTHEQUE Françoise de Veretini»; перевернувъ этотъ листъ, Мазарини съ

удивленіемъ прочелъ, «*Junii, Dissertatio theologica philologica de coma.*»

— Обь волосахъ! воскликнулъ онъ. Что за вздоръ!... Но это не даромъ.

И тщательно перелисталъ всю книгу. Ни какого признаку.

«Не можетъ быть!» подумалъ онъ, и возвратился къ первому листу. Освидѣтельствовавъ его, Мазарини придвинулъ книгу къ огню, и симпатическія чернила, по чернѣвъ, уложились въ явственный четыре латинскія строчки въ видѣ марціаловой эпиграмы: это была точно эпиграма, самая злая, самая обидная; всь услуги Мазарини забыты: кардинальской шапкѣ назначался неопрехлѣнный срокъ и трудное условіе!

— Проклятый капуцинъ! сказалъ Мазарини; мнѣ шапка нужна теперь, сейчасъ, сію-минуту. Ришлѣ — какъ ты; родъ болѣзни — самый умный, рѣшительный, безъ дальнихъ сомнѣній.... А что такое аббатъ?... и аббатъ въ Парижѣ?... хоть бы онъ умѣлъ творить чудеса.... De Coma?... Да это капуцинское двусмысліе! Дѣло не обь волосахъ, а обь коммъ, о запятой... И, точно, запятая!....

— Обынарный живописецъ Депортъ, тихо сказалъ слуга за дверьми.

— Проби!.... хоть разъ кстати! сказалъ Мазарини, вынулъ первый листъ, скомкалъ, и — въ ротъ.

Продолжая жевать письмо Барберини, аббатъ разтворилъ обь половинки дверей и, бросивъ книгу, усѣлся за столъ съ римскими новостями.

— Эмиценца! сказалъ Депортъ, входя и раскланиваясь.

«Чтобъ васъ чортъ побралъ, художниковъ! подумалъ Мазарини: еще дразнять!» — Садитесь, садитесь, сказалъ онъ громко: я ужасно боленъ. Мнѣ такъ скучно! Вотъ, получилъ изъ Рима тму новостей, и не могу преодолѣть лѣни, пересмотрѣть эти забавныя, умныя

друзья Давид и Чарошца. Что нового, добрый землякъ?

— Много, много, эминенца!

— Напримѣръ? спросилъ Мазарини, попеременно задавая, то рхая.

— Король вчера не на шутку поссорился съ Сень-Марсомъ.

— Въ который разъ?

— Ну, этотъ разъ не хорошъ. Полагаю, будетъ разрывъ: король вышелъ изъ себя и хотѣлъ писать, жаловаться кардиналу....

— Только-то! Ну, такъ не будетъ разрыву.

— Вы увѣрены?

— Ручаюсь. Я буду въ Рюэль сегодня или завтра, и помирю всѣхъ.

— Вы надѣетесь?

— Надѣюсь упросить моего благодѣтеля: онъ такъ добръ!.... пожуритъ господина великаго по-отцовски; тотъ исправится: вотъ и всё-туть.

— Какъ бы это было хорошо!

— А почему, осмѣлюсь спросить?

— А потому, что господинъ великій мнѣ другъ.

— А мнѣ врагъ.

— Не стыдно ли вамъ, эминенца! Я знаю, вы меня считаете кардиналомъ, и вы не ошиблись. Хотите ли знать?.... скажу откровенно: я будущій кардиналъ, по расчету и по чувству патриотизма. Кажется, депо.

— Вашу руку, добрый Депортъ! вашу руку!... Надѣюсь, раскаяваться не будете. Такъ Сень-Марсъ мнѣ не врагъ?

— Какъ это могло прийти вамъ въ голову?

— Ага! такъ онъ уже раздумалъ быть первымъ министромъ Франціи?

— Что вы это говорите?

— Нѣтъ, это онъ говорилъ Машенькѣ де-Лормъ, а она.... (Мазарини зашнулся.)

— Да, мадам, и буду на вас смотреть. Но, если моего благодателя привезут сюда, то это мое скучное место, вы думаете, я буду считать себя счастливымъ человекомъ?... Мученикомъ; и только!... Все мое утѣшеніе — искусство. Рубенсъ пишетъ ко мнѣ о какомъ-то Ванъ-Дикъ; онъ теперь въ Римѣ; оттуда ѣдетъ въ Парижъ. Бернини далъ слово прѣхать. Пьетро Кортонаскій собирается въ дорогу. По-крайней-мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, я поддержку славу моего благодателя.... дворець Мазарини не уступитъ кардинальскому, если не обширностью, такъ по-крайней-мѣрѣ изысканствомъ. Я убью всѣхъ здѣшнихъ художниковъ; решительно уничтожу доглазыхъ интригантовъ, сплетниковъ, доносчиковъ, лазутчиковъ, мерзавцевъ... Не правда ли?

— Конечно, эминенца; Симоень Вуз....

— Нѣтъ! всѣ, всѣ... И, въ особенности, я буду преслѣдовать тѣхъ, которые вздумали преслѣдовать мою домашнюю жизнь. Не знаю, кто они, но тогда все откроется. Да! любезный Депортъ, вы мнѣ поможете открыть моихъ неприятелей.

— Эминенца, отвѣчалъ Фидлиппъ, поблѣднѣвъ: это также бабы сплетни.... и охота вамъ вести знакомство съ этою устарѣлою прелестницею! будто только и женщины что Машенька де-Лормъ!

— Я съ нею не знакомъ; видѣлъ ее разъ и, признаюсь, лучше женщины я не видывалъ и въ Итали.

— Вы шутите, монсеньоре. Она дважды уже была удостоена Вашего посѣщенія; четырежды вы осчастливили ее позволеніемъ быть у васъ; и я никакъ не могу понять причины, почему вы таетесь отъ лучшаго и другаго добродѣтеля.

— Азвотъ потому, что это дворянъ! я долженъ быть откровеннымъ; вы, въ то время, когда я говорю вамъ о дѣйствіяхъ, събѣжали съаркавскими Французомъ.

Вместо того чтобы содействовать въ шрапнельно-кашго-либе изъ нашихъ великихъ художниковъ, вы такъ деятельно хлопотали о Пуссене.

— Правда, правда; на-видь это ошибка, но въ существъ это расчетъ.

— Какой расчетъ?

— Надо сперва уронить Вузъ и всѣхъ стариковъ, потому что они составили общество противъ всякаго иностранца; они слишкомъ сильны. Италияца они запутають въ сѣтяхъ, приготовятъ публику, подожгутъ еще неуслышенную мечь къ нашей нации, и останутся въ прежнихъ креслахъ. Противъ Пуссена, ихъ козни безсильны: Франція гордится Пуссеномъ; клеветамъ ихъ не повѣрятъ; на-дѣль они будутъ побѣждены въ два въ три мѣсяца. Король, кардиналъ, де-Нойе, теперь только сомнѣваются въ ихъ способностяхъ: прїѣдетъ Пуссентъ, и ничтожность ихъ обнаружится вполне, уваженіе къ нимъ исчезнетъ безвозвратно. Тогда надо уронить и выжить самого Пуссена и расчистить дорогу соотечественникамъ. Люди торжественно переходятъ изъ религии въ религію: жаль, что нельзя съ некоторыми рядами переходить изъ нации въ націю!.... тогда ваше министерство было бы надежно, а безъ этого, помните мое слово, Французы не простятъ вамъ происхожденія.

— Въ этихъ словахъ, любезный Депортъ, я слышу голосъ истинной дружбы.... Но если пребываніе Пуссена въ Парижѣ сопряжено со вредомъ мнѣ, и дамъ, и каждому Италиянцу, если для меня необходимо, чтобы онъ сегодня прїѣхалъ, а завтра возвратился въ Италию....

— Мошенничество — порокъ, а дѣлая хитрость съ патристическою цѣлью — добродѣтель. Это аксіома, утвержденная всеми философами.

— Что вы отнынь хотѣли сказать?

«Машаевность» — хитраетонъ за дѣльными средствами, умная хитрость сама творить ихъ.

— Вы еще не понимаете!

→ Невозможность — такая же мечта какъ и возможность; и то и другое — крайности; поворотить оглобли пуссеновской повозки... тутъ нѣтъ возможности; остается изобрести средства.

— Какія же, любезный Деспортъ?

— Пусть прїѣдетъ: онъ самъ ихъ откроетъ. А пока, мы должны въ публичномъ мнѣнїи приготовить Пуссесу легкую побѣду, не надъ его, а надъ нашими врагами. Побѣдитель послѣ генеральнаго сраженія всегда слабъ, и свѣжая сила всегда его одолѣетъ. Ришлїе послалъ Густава-Адольфа для побѣдъ; пришло время, и... кто знаетъ!... можетъ-быть самъ кардиналъ въ него встрѣлеть.

→ Машаевъ!...

→ Машаевъ не былъ мошенникомъ, но образцомъ той добродѣтели, о которой я говорю.

— И такъ....

— И такъ, за дѣло, эмищенца! Вы будете въ Рюэль: вотъ первый случай.

Вошелъ слуга и что-то на ухо шепнулъ Мазарини. Аббатъ покраснѣлъ.

— Проси въ ротунду, сказалъ онъ вставая: любезный Деспортъ посидите здѣсь, намъ надо еще переговорить.

Мазарини надѣлъ щегольской бархатной кафтани и лавалъ съ огромной брилліантовой пряжкой въ несколько тысячъ динровъ, римскую тонсуру прикрылъ турецкой шапочкой; вытеръ лицо и руки духами, и исчезъ за обоями.

«Конечно» носнику! разсуждалъ Деспортъ: дѣло еще не кончено; онъ не въ моихъ рукахъ, потому что всѣ его открывенія ложны; что-нибудь другое прикрито

крайней-мере скрывать истину; и вы принадлежите къ
 моему расчету; главный же недостатокъ моего расчета
 есть писать женщины: Яббалъ у Миланту опившись сидитъ
 три картины Буэрришъ, и вы пойдете; жон глаза свои не
 выньте изъ портрета младшей герцогини; ни одной изъ
 обожаемыхъ вами дамъ ее величества. Жонсно, (изъ
 красота; изъ величия; изъ души. Ну сена!; жон всё-таки не напи-
 шеть!; похвалитъ; выслушавъ; и т. д.) —

— А вы велики, что у меня много обещаний? ..

— Приворожи дамину, приворожи! Вы же любите
 лжи, и вы сами вольны любить, и вы можете любить
 себя.

— Дяволю! воскликнулъ Маварини, вскрикнувъ съ

красотою; эта клевета, основанная на уваженіи, можетъ
 къ женщинамъ ..

— Не бойтесь этой клеветы, дамнина! Но если у
 васъ въ самомъ дѣлѣ есть грѣшки, такъ вы не умаете
 покрыть ихъ, притворною, но страстною, безумною, лю-
 бовію къ невинной дѣвухкѣ. Это возвыситъ ваше до-
 стоинство въ кругу женщинъ, возбудитъ полезную для
 васъ ревность, а гдѣ эта ревность будетъ опасна, тамъ
 можно открыться въ притворствѣ, даже предупредитъ ..

— Вы говорите; хотите быть, жонны; другимъ ..

— Участіе, жонсноре; живое участіе въ герцогини
 соретятвенникѣ, которому суждено прославить уль
 Италици; а также и разсѣять .. Можеть быть, ке
 гда дѣлается убѣдять васъ въ моей искренности, а я дѣлаю
 у кардинала Маварини жонны; съ вашей амнецию, какъ на-
 зывали покойнаго отца Юсифа, свѣтлица и друга Рин-
 ліе.... Кардиналь и отецъ Юсифъ имѣли дѣло съ муж-
 чинами. Но король не надеженъ....

— Ужасъ беретъ меня, вы говорите ..

— А другая беретъ участіе, когда вы дѣйствуете!

— Острые слова и искренность ..

— А всё-таки искренность. Напримеръ, какъ вы думаете, да являе ли искусство или языкъ?

Мазарини, помогалъ, отвѣчалъ :

— Надо быть во-крайней-мѣрѣ Депортійъ, если не лично Локъ, чтобы разгадывать ваши намѣренія.

— Однако итъ?

— Не знаю! не знаю! И такъ довольно загадочъ.

— Вотъ за чѣмъ: я открылъ школу живописи; гдѣ два мѣсяца ученики мои съдѣлали огромные успѣхи, особенно одинъ портеронный живописецъ, весьма одаренный человѣкъ съ отличными способностями. Вы должны поддержать мою школу.

— О! на это я ничему не пожалѣю.

— Ничего пока и не нужно; только позволеніе моему Альфреду снять съ вашей эминенціи портретъ и право школы моей считаться подъ особеннымъ вашимъ покровительствомъ.

— Да почему вы объ этомъ не просили кардинала?

— На это есть важныя причины, монсеньоре, и вы легко ихъ отъищете: королю это не будетъ пріятно.

— Признаюсь вамъ, я терпѣть не могу сидѣть для портрета.

— Три четыре присѣста, не болѣе: а какая живопись!... полюбуйтеся; я нарочно принесъ послѣднюю работу моего Альфреда.

Депортъ всталъ, взявъ изъ угла свертокъ, и глазамъ Мазарини представился образъ совершеннѣйшей красоты; одушевленный высочайшею живописною поэзіей. Аббатъ вспыхнулъ, и, не спуская глазъ съ очаровательнаго лица незнакомаго, въ восторгъ воскликнулъ:

— Какая превосходная фантазія!

— Какъ, фантазія?

— Конечно это не портретъ живой женщины.

— Помните! да это портретъ моей воспитанницы.

— Вашей воспитанницъ? спросилъ съ изумленіемъ аббатъ.

рини, схвативъ Депорта за руку. И она здѣсь? въ Парижъ? и я еще ея не видѣлъ?....

— И не увидите, эминенца, вы человекъ опасный, отвѣчалъ сухо Депортъ, свертывая полотно.

— Что вы дѣлаете?.... Дайте полюбоваться.

— Ничто! Я уже расхожусь въ моей спешности. Такъ иногда мы, и кидь сминьленне, шлатиръ деревозе, сивоада яинности!.... Минь и въ голову не придетъ дню, что вы можете влюбиться въ портреты!.... Ужели здѣсь, консьенера, оставимъ этотъ разговоръ.

— Оставимъ!.... оставимъ! отвѣчалъ Мазарини; но доставало послѣдней глупости! влюбиться въ портреты и хотѣть читать писемъ съ рынку, тѣмъ и такъ уже чести мнѣ маркизъ де-Жокъ съ тайною бравадой!.... Это значило бы уронить мое достоинство, и испортить репутацію при дворѣ, погубить расположение!.... А что?.... этотъ портретъ стѣбитъ газетамъ!.... Продайте!

— Не продажный портретъ, эминенца, а фамильный; я не живу права распродавать!....

— И это весьма справедливо.... Вы будете сегодня къ Риозу?

— Ничто; и прямо отъ васъ яду къ королю; иная обѣда его величество будетъ заниматься жидоншею!.... И мнѣ пора.

— Да; если его величество въ Сентъ-Жерменъ, такъ пора... Я не смѣю васъ удерживать.

Распростались. Депортъ, приходи богатый; некая Мазарини, улыбался и тихо ворчалъ: «Время! ты — мой!»

Мазарини съ улыбкой уселся передъ своимъ каминомъ и также шепталъ: «Время! она — моя; ты — мой; и приходи!»

предложилъ: а съставке не шло въ глаза. Дюбоа дабы узнать правду въ глаза ему, и, какъ будто разбудило ласка къ живописерскому дучину. Онъ протянулъ руку къ окну. Дюбоа подошелъ и увидѣлъ тѣтъ же: самый возмущенный пейзажъ; въ вѣтухъ видѣтъ: сени-исороченныя еловы самый грустный; самый пустынный!

— Дюбоа, тихо сказалъ Людовикъ, пойди погоди въ краски; солнце опустилось: эта пустыня такъ похожа на монастырскій дворъ, такъ хорошо освѣщена вечернимъ солнцемъ, такъ согласна съ печальнымъ сердцемъ, мечтающимъ о тишинѣ иноческой обителя!...

Дюбоа поставилъ треножникъ и особеннаго устройства кресла, которыя были изобрѣтены двумя механиками, будто бы для большаго удобства рукъ живописца, и оставлены немедленно послѣ изобрѣтенія; принесъ палитру изъ монашескаго египетскаго дерева, прилагая къ дару Ришдѣ какимъ-то эмиромъ. Но, увы! на палитрѣ краски окаменѣли. Ни король, ни Дюбоа не могли помочь горю.

— Вотъ, видана, любезный! сказалъ король: вѣтъ твой система!... Благодаренія, добро, польза... все это слышно; а краски засохла! Благодаренія, добро, польза! а Сенъ-Маръ бжучаетъ, не хочетъ понимать мои желанія, пойдетъ туда, куда я хочу, и, въ придачу, говоритъ еще грубости; кардиналъ играетъ мои слабостями... кардиналъ хочетъ влезть царствовать... жель запереться въ монастырѣ; и дѣлаешь изъ монашенокъ величественную вѣту; отецъ Сиромондъ обладаетъ интимъ о набойной шедрости; братъ Гастонъ — каждую ночь въ Парижѣ въ кругу буйныхъ развратныхъ дворнягъ, и осмѣливаетъ своего короля не брать ни одного изъ нихъ; собираются для дѣла, о как не умѣютъ выбрать людей; не умѣютъ хранить тайны!... И чѣмъ это кончится? а чѣмъ обещать окомъ говорить и видѣтъ последние!... Вотъ, Дюбоа! И вотъ

свѣтла! А чѣмъ изжигу; что такое? Блгоуспѣшнѣе
наши мнѣ. И чѣмъ, скажетъ исторія? окажи
у мнѣ Государь, авторъ отдачи: справедливѣе и люде-
ннѣе Справдливому;

— Ты надѣялся на твои записки, добрый Любоа!
Я сиривалъ ихъ какъ сокровище, какъ государствен-
ную драгоценность.... Но кто поручится, что мой соб-
ственный сынъ не предастъ ихъ пламени!

— Государь, поблѣднѣвъ отвѣчалъ Любоа: надобно
принять рѣшительныя мѣры.

— Противъ Анны Австрійской? противъ жены моей?
противъ матери будущаго короля Франціи?

— Государь, я въ отчаяніи!

— И я тоже.... Надобно умножить экзemplары, по-
слать списки въ Гагу, Лондонъ и Римъ, въ вѣрныя
руки....

— Великая мысль!.... я займусь этимъ. А между-тѣмъ
мы можемъ распросить у д'Орбиньи, кому въ Римѣ
можно довѣриться.

Король горько улыбнулся и сказалъ:

— Другъ мой! это значило бы преславное са-
мизгъ уничтожить рукопись. Д'Орбиньи — капитанъ
моей гвардіи, другъ Сенъ-Марсу, родня моей Аурели:
все это такъ; но кардиналъ ему довѣрилъ важныя дѣла
въ Римѣ, и я ни въ чемъ уже не вѣрю д'Орбиньи.... Уду-
шительный вечеръ!.... Погляди, какъ хорошо освѣтилась
эта куна деревъ, что у правой дорожки.... Не подошла
ли она на общество молодыхъ людей, когда ихъ осадитъ
внезапная, но минутная, радость?

— Если бы я умѣлъ дѣлать стихи, тогдѣсь мнѣ дало бы
высшаго величества слышать бы я содѣлъ.

— Подойдѣ неро! Поштыгаемъ. — Любоа! Любоа!
это, скажетъ, мой Флѣгъ? скажетъ королю, укажетъ
мнѣ живо.

— Боже такъ, какъ величествомъ
— Песенка, какъ задумана.

горе! Будемъ мы садъ яичекъ... а краски засохли! Дезортъ.

Дюбоа посмалъ за Дезортемъ, а самъ короулся къ королю.

— Намъ тебѣрѣ будетъ веселѣе, сказала короля : мы отплатимъ Сентъ-Марсу.... Пусть гуляетъ : прокулетъ самъ конозавля, мажисту, и все... я готовъ на это рѣшиться.... Твѣнно, ты ! Дюбоа !... не говори никому!

Вошелъ Дезортъ.

— Прекрасно ! прекрасно, Филиппъ ! съ улыбкой, сказала Дюдовикъ : а краски засохли!

Дезортъ не отвѣчалъ ни слова, изъ длиннаго кармана вытащилъ плоской ящикъ, развернулъ, и подавъ королю лужую походную палитру, которая составляла крышку : самый ящикъ былъ наполненъ превосходнымъ приборомъ отлично приготовленныхъ красокъ.

— Что это ? спросилъ король.

— Мое сочиненіе, ваше величество. Въ отлучкахъ, въ путешествіяхъ, въ походахъ, это очень удобно. Карандашъ не можетъ сохранить всей игры освѣщенія и колориту : вотъ я и придумалъ походныя краски съ ламповымъ устройствомъ ; человекъ, разъ въ день, долженъ переворачивать ящикъ, и краски сохраняютъ свой жидкій видъ и не осѣдаютъ ; складныя кисти, перья съ карандашами, замасное масло ; дюжина тряпочекъ изъ плотнаго батисту, перспективный приборъ по правиламъ Альберта Дюрера, и линейка съ градусами : все тутъ есть ; раскиньте линейку и она будетъ служить подпоркой для руки, муштабелемъ.

— Превосходно ! превосходно ! сказала короля разсѣянная женщина : признами сделать такой же и для меня.

— Надъ этимъ я собственно трудился для вашего величества. Я въ походахъ на бѣшено ; сверхъ того, отмылся доложить вашему величеству, шварто : экзеку :

...: упрямый... из... Ма... королю...
 ...: II ...
 ...: д...
 ...: ...

...: ...
 ...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

...: ...

«...вашего величества! Не даром ли? Вот так-то ячучу: я ругаюсь.... Следственно, онъ пусть?... Ничего не бывало!... Разъ, два, три... палка! Видъ, два, три... другая! Разъ, два, три... противъ! На каждой есть что-то въ родъ винта. Сложилъ. Теперь, беру изъ Аустаго лишка отъ шарикъ и навинчиваю! Раскидываю.... трепыхниль! Беру эти два крючка и палку : вродь ва-ши.... моляръ!»

Дюбоа искренно кохоталъ отъ удивленія ; мораль съ улыбкой поглядывалъ то на Дюбоа, то на Денерта ; окусникъ продолжалъ :

— Сажусь; у меня есть моляръ, палтра, шпатель, краски.... Да на чемъ же я буду висать?... Вынимаю изъ ящика рамку. Вы видите: безчисленное множество гвоздиковъ, вверхъ остриемъ, покрываютъ всю четыре палочки оставляющія рамку. Теперь вынимаю полотно.... разъ, два, три, четыре, пять, шесть; все разной величины. Возьмемъ на-угадъ пумерь противъ, наклеимъ каждую досечку на край хлыста. Теперь, изъ ящика вынемъ послѣднюю вещь : винтъ съ четырьмя кружками. Замечивая: досечки расколетъ ; колотъ. Натянуть.... все готово!... Не угодно ли попробовать, ваше величество?

— Безподобно! безподобно! говорить король рамира-тризан все время : а какъ теперь служить казаль?...

— Ничего нить легча, ваше величество, отъ казаль. Денертъ и лигору клежилъ все въ ящикъ, вотъкъ всегда испусти выдвинулъ первый ящикъ съ красками, правые подрѣзы втораго, поставилъ все приборъ на красочный столъ, пятицелью отступилъ, и сказаль:

— Походная мастерская его величества, для монархаго походу, не боится воды и дороги, съвѣя ругать-ся.

— Отъ, очень благодарна сказаль король. Какъ же мы повднемъ, Санта-Марта?

— Какъ прикажетъ, ваше величество.

— Сдѣлай дружбу, отправь объѣздъ моихъ вѣрствъ, еще свидѣния, а ты выйдешь завтра или послѣ завтра! —

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Это почему?

— Надеждъ мнѣ Парижъ и загородные дворцы. Въ полѣ, подъ шатрами, больше воздуха.

Людовикъ покачалъ головою и съ улыбкою сказалъ:

— Большую голову лечить вътеръ.

— И пуля, прибавилъ Сенъ-Марсъ.

— Безъ пророчествъ, маркизъ! Вы будете при нашей особѣ.

Сенъ-Марсъ вздохнулъ.

— Что значить этотъ вздохъ?

— Такъ, ваше величество; сгрустнулось. Не всегда и не всѣхъ мы оставляемъ охотно.

— *Eheu, fugaces, Posthume, labuntur anni!*... Все пройдетъ; и къ грусти можно привыкнуть.

— Позвольте мнѣ, ваше величество, съѣздить сегодня въ Парижъ проститься съ друзьями.

— Съ какими друзьями? Зачѣмъ, маркизъ, вы забѣли эту безнужную челядь? Вы не исполнили моей просьбы.... И какіе друзья!... Марсѣ, Скарронъ, Вальзакъ, Воатюръ.... все знаменитости Райбульетскаго Дворца и гостиниой Маріонъ де-Лормъ! Все это люди, такъ сказать, неумалимы. Честолюбивъ безъ способностей, вотъ стихія нашихъ писателей, вотъ источникъ дѣлать библіотекъ, червь, который изощряетъ ихъ элоквиція, а самъ жевать ихъ баряце.... Вы задебриваете этихъ истинныхъ талантовъ, забывая, что у нихъ есть уши, — казнить ихъ парализуетъ не порочаешь!... Если — въ этихъ друзьяхъ, я не съ ринитомъ не пушу.

— Нѣтъ, государь; я хотѣлъ откланяться: я дозволю и проститься съ де-Ту и некоторыми дѣлами.

— А теперь я цоваль.... и у меня есть другіе вѣдѣния: сказалъ король; завтра, Сенъ-Марсъ, вы будете въ Парижѣ и проститесь.

— Превосходно, ваше величество, но только издержки... Да нельзя ли, Филиппъ, обратиться къ кому-нибудь изъ герцоговъ, изъ моихъ роскошныхъ вельможъ?...

— Перестаньте, Оувъ-Мартъ!... Ну, каково, Филиппо, каково идеть твоя школа?...

— Превосходно, ваше величество, но только у насъ недостаетъ Мцената. Кардинала я не смѣю безпокоить; притомъ же онъ теперь ужасно скупъ. Впрочемъ, кажется, надо будетъ прибѣгнуть къ его эминенціи. Иначе намъ будетъ трудно!

— Я готовъ помочь тебѣ; но только издержки... Да нельзя ли, Филиппъ, обратиться къ кому-нибудь изъ герцоговъ, изъ моихъ роскошныхъ вельможъ?...

— Герцоги перевелись, ваше величество.

— Да, да! со смѣхомъ сказалъ король: скажи лучше, ихъ извелъ кардиналъ..... Большая заслуга!... Что правда, то правда... величайшая заслуга!... А сколько, полагаешь, нужно для твоей школы?

— Чтобы образоватъ каждый годъ отъ десяти до двадцати художниковъ, надобно, ваше величество, по крайней мѣрѣ, тысячъ три экию.

— Я готовъ бы... Да у насъ есть много богатыхъ баръ изъ старыхъ аристократовъ! И сколько клериковъ кардинала обогатили герцогствами и графствами, не только едними титулами, но и поместьями!

— Все обидели, ваше величество: флорентинцы и савойцы и венецианцы.

— Ничья! Я не могу тебѣ помочь. Если бы, не Луиръ и другое дѣло!... А ты знаешь, чего онъ будетъ стоить!

— Я бы стрѣлокъ ожидало Нуссола. Необходимо станимкой не было! Кардиналъ уверяетъ, будто Луиръ надо отдавать тѣмъ, чтобы Европа, изумилась: а въ востокъ не послать: тамъ канонъ гнузданъ! Кому это дастовство! Мнѣ въ востокъ только къ вачинитъ, попросить Луиръ, истрѣлать влюбленную проклятому кавалеру... и ни въ Богъ-жизель! что, предидеть въ челоу и! Не ли! давай!...

Мы очень бедны.... А жить, алаки! Луиръ или рѣдъ... Вѣ

Дура и скучно в душев... И когда онъ придетъ, этотъ Пуссенъ?... Ничего не слышно?

— Капитанъ д'Орбинья возвратился изъ Рима и хочет представиться вашему величеству, я имѣю счастье докладывать, сказалъ Любоа.

— Сень-Марсъ, введите д'Орбинья. — На жиста!

Король сѣлъ въ кресла. Любоа отогнулъ кавалерскіе, вдушимъ во внутренніе покои, Деморъ и дружинъ, и всѣ молчали. Сень-Марсъ отворилъ двери и громко провозгласилъ имя, фамилію и званіе кавалера. Д'Орбинья вошелъ и остановился.

— Подражаемъ васъ, капитанъ, со счастливымъ окончаніемъ даннаго вамъ порученія. Что новаго въ Римѣ?

— Его святѣйшество поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вашему величеству отеческое свое безпокойство о вашемъ здоровьѣ, передать васъ моему благословенію, и удостовѣрить, что всегдашнія молитвы возсылаются съ римскихъ алтарей о долгоденствіи и счастіи вашего величества.

— Принимаю съ признательностью, отвѣчалъ Любоа. Что нашъ Пуссенъ? когда придетъ?

— Живописецъ Николай Пуссенъ побѣждаетъ изъ Рима общимъ уваженіемъ, отъ святѣйшаго отца до послѣдняго изъ черни. Онъ съ восторгомъ принялъ приказаніе вашего величества; но Италияныя, усматривавъ единственно его оставить Римъ, употребили всю хитрости и обольщенія чтобы удержать у себя Пуссенна, но сдѣлали въ немъ недоброжелательности изъ Французамъ, сомнѣніе въ искренности нашей, и я узналъ, изъ французскихъ источниковъ, что онъ вовсе оставилъ намереніе прийти во Францію. Нельзя обвинять великаго Пуссенна злонравности его несамизна; но итальянскія пристрастія могутъ поколебать самаго разумительнаго человека. Искусство мое сопряжено было съ политическими порученіями, которыя не терпѣли ни какого делегата.

ства и я не могъ даже лично переговорить съ Пуссеномъ; его спрятали отъ меня, и я полагаю, что надобно потерять терпѣнность, послать человека, хорошо знающаго художнику и пользующагося его довѣрiемъ, если не дружбою.

— Чего же лучше? попросите отъ меня Шантлу! Онъ и такъ хотѣлъ вхвать въ Римъ. Пусть ѣдетъ, и, во что бы то ни стало, пусть привезетъ Пуссена... За усердiе благодарю; за успѣхъ въ порученiяхъ полнѣйшее спасибо, вѣроятно, васъ не оставятъ безъ награды. До свиданiя. Не забудьте о Шантлу. — Дюбоа!

Дюбоа растворилъ обѣ половинки дверей, и король, выгнувъ головой, удалился съ нимъ во внутреннiе покои.

Д'Орбиньи и Сень-Марсъ какъ-будто того только и ожидали: схватились за руки и бросились къ окну.

— Ну, что? наконецъ идутъ твои дѣла, селядонъ? спросилъ Сень-Марсъ.

— Слава Богу! слава Богу!.... Я видѣлъ во Флоренцiи мою Марiю. Какъ она похорошѣла! И, кажется.... я не радуюсь чужому несчастiю.... но Пальонъ безнадеженъ, и Марiя.....

— Послушай! сказалъ Сень-Марсъ грустно: со свадьбой лучше бы обождать, пока не рѣшимъ участи Люццера.

— Я полагаю, къ тому времени....

— Что за вздоръ! Какъ-можно надвѣяться на успѣхъ!

— Что съ тобой, Сень-Марсъ?

— Не знаете, где мѣсто! Д'Орбиньи, ты здѣсь въ Парижѣ?

— Сию-минуту. Я обѣщалъ еще сегодня побывать у одной дамы, незнакомой, но весьма занимательной. Марiя рассказала мнѣ объ ней цѣлую повѣсть.... Ты и не воображаешь, что вокругъ насъ дѣлается.

— Хорошо, хорошо, ты мнѣ расскажешь. Ну, а отъ этой дамы?

— Проще туда!

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія! Поѣдешь.

Сент-Марсъ схватилъ за руку Депорта, во все это время стоявшаго по-одаль, и потащилъ его въ свою комнату.

— Не позволяйте, позволяйте, маркизь, сказала Депортъ, пробѣгая переднюю: надо захватить эту драгоценность; проклятый испанскій походъ помѣшалъ показать ее королю.

— А что это?

— Увидите, увидите! отвѣчала Депортъ, схвативъ свертокъ, стоявшій въ углу и побѣжалъ за Сент-Марсомъ.

— Исполните! сказалъ маркизь входя въ свою комнату: сбѣгай къ Генриеттѣ, и вели ей отцу осѣлать лошадей.

— Увидите, маркизь, старый Жеромъ когда-нибудь васъ выдастъ!

— Чортъ его возьми! Я долженъ быть сегодня въ Парижѣ, во что бы то ни стало. Если Ришліё не попустилъ, и войска дѣйствительно тронулись къ испанской границѣ, то завтра къ вечеру мы будемъ далеко отъ Парижа.

— Маркизь! если это уже не избѣжно, сказалъ Депортъ, побѣжайте со мной. У меня карета съ плотными занавѣсками и съ превосходными лошадьми.

— Прекрасно! — Одѣваться!

Сент-Марсъ одѣвался. Депортъ сидѣлъ у стола, и, съ улыбкой глядя на красиваго маркиза, спросилъ:

— Не правда ли, маркизь; а хотѣлось бы по дороге сбѣжать къ Генриеттѣ? Что вамъ за охота волочиться за этими неопрытными красавицами королевской дворца?

— Ахъ, Депортъ, эти вѣнцы ослѣпляютъ! Во-первыхъ, сидѣлица —

романтическое лицо, и Скюдери дороге заплакала бы за такой аршиналъ.

— Скажите скорее Шуссодъ или н: имя супруга натуры.

— Правда, правда! Да я ревнивъ, и на тебя, Филицъ, братья н: влюбилъ; ты вѣдь н: несколько можешь на прав... А что же ты еще не показала твоей драгоценности?

— Посмотрите, маркизъ.

Депортъ развернулъ портретъ. Сень-Марсъ долго глядѣлъ съ восторгомъ на прелестную дамушку.

— Хороша! сказала: очень хороша! слишкомъ хороша!... но опасна. Я избѣгаю такихъ женщинъ: невольно попадешь въ ловушку!... Что тогда сказать?

— Такъ-то я вамъ и позволю, маркизъ, влюбиться въ мою Эвелину!

— Равнъ дочь?

— Воспитанница, маркизъ; такъ, приемышъ... Вы готовы? Вдемъ.

— Вдемъ, Депортъ, вдемъ!

Вошелъ Любоа.

— Вы еще не уѣхали, дорогой мой другъ? сказала Любоа Депорту: вотъ вамъ подарочекъ отъ короля.

— Табакерка, осыпанная брилльянтами! сказалъ Сень-Марсъ, улыбаясь. Неслыханная щедрость! Хорошо, что ты не аббатъ, не прелать: а то надо бы было тебя опасаться.

— Я смущенъ королевскою милостью; эта бездѣлица, право, не стоила....

— Государь приказалъ вамъ подумать, нельзя ли уменьшить расходы на школу; на одну тысячу государь рѣшился!

— Долomite его величеству, что я постараюсь вовсе избавить моего государя отъ излишнихъ расходовъ и не прешунитесь, цена вскакиваетъ война не доволнитъ казны короля.

Сенъ-Марсъ расхохотался.

Дюбоа съ неудовольствиемъ поглядывалъ на великаго, и обращаясь къ Депорту, сказалъ:

— Весьма умно, любезный другъ? Кто доволенъ ма-
шинъ, тотъ получитъ много.....

— Общаний, прибавилъ Сенъ-Марсъ: Мы испытали
цѣнность этихъ заемныхъ писемъ, которыя выдаетъ
скудость и недовѣрчивость, надѣясь ими купить усер-
дїе и пожертвованїя.

— Прощайте, любезный другъ, сказалъ Дюбоа съ до-
садой, пожалъ руку Депорта, и ушелъ, хлопнувъ две-
рью.

— Дерзкій лакейшка! сказалъ Депортъ: лезетъ въ
друзья! Вотъ наша Франція! Вотъ уваженіе къ худож-
никамъ!

— Вдемъ, вдемъ, Депортъ! Мы найдемъ средства
отомстить Дюбоа; онъ былъ и такъ уже въ страхъ: по
воей милости, король потребовалъ у него «Записки». Но
эта мечь не удалась: она только увеличила милость къ
нему Тринадцатаго. Надобно выдумать что-нибудь по-
умнѣе, и это мы сдѣлаемъ общими силами. Вдемъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ:

Встрѣчи.

Гаръ-Нювъ сидѣлъ на мраморномъ лѣвѣ и курить
трубку. На другоѣ лѣвѣ сидѣлъ Гойко и считалъ звѣз-
ды. Погода была холодная, но ясная; на площа-
ди — тихо; на улицахъ также; нзрѣдка проходили пѣ-
ше, но каретъ и носилокъ не было видно. Наконецъ
милъ Святитаго Роха проигралъ и пробылъ десять, и улица

Сентъ-Онорé и примыкавшіе къ ней переудки доподулись людьми и досылками. Жужжа какъ пчелы, расплодился люди. Гарь-Піонъ всталъ, потушилъ трубку и сказалъ молчаливому собесѣднику:

— Сходи, черный! принеси фонарь! Господа сейчасъ будутъ: комедія отошла.

— Я не слуга въ этомъ домъ, отвѣчалъ Гойко, не трогаясь съ мѣста.

— Постой же: коли не слуга, я тебя провожать буду прикладомъ моего солдатскаго ружья. Слышишь?... принеси фонарь!

— Не сердись, Гарь-Піонъ; ты служишь бабамъ, такъ за ними и гляди: а мои господа сейчасъ прѣдутъ; еще успѣю устать. Сегодня безсонная ночь: можетъ-быть на этомъ лѣвъ и ночевать прѣидется!

— Чортъ же тебя возьми! сказалъ Гарь-Піонъ, и пошелъ самъ за фонаремъ.

— Взаимно! отвѣчалъ Гойко отворачиваясь.

— Посмотрите, вскричала Джудита, какая у насъ въ домъ исправность: Гарь-Піонъ на крыльцъ, Жаннета на лѣстницъ, и оба съ огнями! Но, Альфредъ! перестаньте разговаривать.... Полно, полно! Ступайте домой! Ступайте къ вашему Корнелю.... Боже сохрани, увидить Депортъ!.... Ну, довольно прощаться! Завтра увидимся.

Дамы ушли на лѣстницу. Альфредъ исчезъ.

— Что, Гарь-Піонъ? спросила Джудита: не былъ никто?

— Никто.

— Странное дѣло! Онъ писалъ, что будетъ въ театрѣ. Я нарочно пошла сегодня въ Риццѣвскій Дворецъ.... Мнѣ не до комедіи.... А онъ не явился!

— Кто? спросила изумленная Эвелина.

Джудита не отвѣчала, но, обратясь къ Гарь-Піону, сказала ласково:

Любезный другъ, потрудись взять фонарь, а не

крыльце обождать нашего гостя. Онъ прїѣдетъ въ каретѣ, въ зеленомъ плащѣ, при шпагѣ, въ розовомъ камзолѣ съ золотыми шнурами; шляпа съ тремя разноцвѣтными перьями.

— Такъ что прикажете сказать ему?

— Проси къ намъ, проводи, и только.

— Слушаюсь! А больше никого не пускать?

— Никого.

— Слушаюсь.

— Кто это къ намъ будетъ, Джудита?

— Чего ты испугалась, Эвелина? Я его жду съ нетерпѣніемъ, съ радостью.... Но у тебя, мой другъ, измялась прическа.

— Въ театрѣ было такъ жарко!

— И ваши локоны....

— Поправь, поправь скорѣе!

И объ хлопотали о взаимномъ приведеніи въ порядокъ разстроеннаго туалета.

Гарь-Пионъ взялъ свое ружье, фонарь, и вышелъ на крыльцо. Гойко, увидавъ его съ обещаннымъ оружіемъ, соскочилъ съ крыльца и остановился въ десяти шагахъ.

— Эй, смотри, Гарь-Пионъ! умрешь даромъ!... умрешь какъ собака!

— Да что ты, колдунъ, что ли?

— Какъ Богъ святъ, умрешь! Больше не скажу ни слова.

— А кто его знаетъ! сказалъ Гарь-Пионъ тихо: можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ!.... Что онъ жидъ, это видно; а ужъ если жидъ, такъ, вѣрно, всякое зло знаетъ. — Ну, садись, садись! примолвилъ онъ громко: да если на колдовство пойдетъ, такъ, гляди, не боюсь!

Гарь-Пионъ переместился и перекрестилъ ружье.

— Теперь не заколдуешь!

— Ну, да не хитеръ же ты, Гарь-Пионъ! сказалъ Гойко, востыясь на льва.

— Да и не дуракъ, слава Богу!

— Дуракъ, Гарь-Пионъ, дуракъ! Кому ты служишь?

— Эвелина де-Вальероль, дочери моего капитана.

— Нѣтъ, не ей, а этому Децорту; да еще и безъ денегъ.

— Да на что мнѣ деньги? Сѣтъ, одѣтъ.....

— Ну, не глупъ ли ты? Вотъ теперь пойдетъ тутъ въ домъ такое волочительство, что и въ Содомѣ не бывало: а ты бы со всѣхъ лучшихъ денюгу; съ самаго хозяина противу каждаго гостя вдвое.

— Что ты бредишь?

— Тебѣ денегъ не нужно; отдавать бы ихъ мнѣ.

— Вотъ сумасшедшій! И, право, прикладомъ дресну, хотъ бы на мѣстѣ умереть!

— Не горячись, а выслушай. Мнѣ деньги нужны; жону надо выкупить.

— Да гдѣ она?

— Не твое дѣло; а я бы тебѣ, каждый день сказывалъ, что съ Эвелиной дѣлать хотятъ.

— Да что съ нею дѣлать хотятъ? Известное дѣло — выдадутъ за Альфреда, вотъ и всё-тутъ.

— Ахъ, ты, солдатская простота! Ты, братъ, напихалъ ушницъ расчеловѣкъ и не смѣкаешь.

— Да поди ты къ Антихристу!

— Нѣтъ, туда твоя госпожа пойдетъ, какъ така, знаешь, прелестница....

Гойко скатился съ дѣла отъ сильнаго удара прикладомъ и на вѣрстѣ ступенькѣ, лежа, кричалъ о помощи. Гаръ-Цювъ всталъ и, поднявъ ружье, сказалъ:

— Крикни еще разъ, и то будетъ послѣдній; душу выколочу!

Гойко замолчалъ, всталъ, оправился, хотъ бы бѣжать, но, почувствовавъ, что сильная рука держитъ его за воротникъ, сказалъ ласково:

— Вотъ видишь ты, мой дорогой усъ! а тебя добромъ предупреждалъ, а ты.... Тише, тише; я молчу, не дѣши; самъ увидишь.

— Откуда тебѣ такой разговоръ, аи кому дѣлать? Лово-

ра! А чего ради, ну бу, по лому же стану имъ въ колес-
 чать и н.
 «Убой, не скажу ни слова! Замети, все уга-
 ешь! Мнѣ нужны деньги, и я поклялся, что, не сказавъ
 слова, не одѣлаю услуги, безъ платы».

— Врещь! скажешь, какъ я стану спрашивать.
 Вдругъ подъѣхала нарядная карета.

— Дома мосье Депортъ? спросилъ кто-то, отдергивая
 оконныя занавѣски.

— А какъ вы одѣты, государь мой? отвѣчалъ Гарь-
 Пюнь выпустивъ Гойко и схвативъ фонарь.

— Что за дурацкій вопросъ? Говорятъ тебѣ, дома ли
 мосье Депортъ?

— Въ Сеть-Жермень, отвѣчалъ Гойко! надобно быть,
 черезъ часъ будетъ домой.

— Скажи, что аббатъ Мазарини къ нему забѣдетъ еще
 сегодня; сечь дворян!

Гарь-Пюнь, свѣтя въ карету, проворчалъ: «Что не
 гости!»

Мазарини увидалъ; Гойко стоялъ на переднѣйшомъ
 мѣстѣ. Гарь-Пюнь усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

«Вотъ одинъ ужеи былъ!... дай хоть цару дѣвочки»
 скажу за чѣмъ, говорилъ Гойко.

— Провались ты сивозвѣзю! Не просить; сами
 узнаемъ.

— Да какъ не вовремя! да не ловко! узнаешь, такъ и
 будешь въ Бастилии гнилье, сухари вѣсти! Правда, честь
 велика!... въ компаніи съ маршаломъ де-Вассомпьеръ!

— Дома мадамъ Депортъ? спросилъ кто-то изъ кар-
 еты.

— А какъ вы одѣты?

— Посмотри.

— Милости просимъ!... милости просимъ!

И Гарь-Пюнь ввелъ незнакомца въ гостиную, за-
 перши прежде двери съ крыльца.

— Простите, юларовательная Джулиета, если я...

лился такъ трудно безпокоить васъ моими посвященіемъ, король задержалъ меня въ Сентъ-Жермень, и я не могъ прѣхать въ театръ по обещанію; сказалъ капитанъ д'Орбини:

— Милостивая госпожа, закричалъ Гаръ-Шюнь голосомъ докладчика: какой-то аббатъ Мазарини только-что прѣзжалъ къ москѣ Депорту; черезъ часъ будетъ бѣжать.

Джудита поблѣднѣла; Эвелина смутилась; капитанъ улыбнулся и продолжалъ:

— Надѣюсь, что онъ меня здѣсь не застанетъ!

— Напротивъ: если я смѣю умолять васъ объ чемъ-нибудь именемъ моей подруги и сестры, то, ради Бога, останьтесь. Ваше присутствіе необходимо. Что, моя добрая Марія, здорова?

— Не совсѣмъ. Мой бѣдный Пальфи также боленъ, боленъ онасно.

— Вы, вѣрно, объ немъ сожалеете? Конечно, грѣхъ: а ужь не безъ мысли, какъ бы поскорѣе отправился Пальфи къ предкамъ и Марія сдѣлалась мадамъ д'Орбини. Не скромничайте! Мнѣ обо всемъ писала Марія. И съ вами, конечно, есть письмецо?

— Я забылъ, Джудита. Глядя на васъ, конечно, простительна подобная неисправность.

— Благодарю за шутку, и молю васъ продолжайте такъ шутить при моемъ мужѣ, при всѣхъ, если это вамъ не будетъ скучно.

— Вы позволяете?

— Шутить?.... сколько угодно!.... Но что пишетъ Марія?.... Такъ! я не ошиблась!.... твой отецъ въ Италіи.

— Батюшка!

— Первая моя любовь, Эвелина! потому-то сказала Джудита. Но Марія не могла его видѣть; онъ пробылъ во Флоренціи четыре часа и уѣхалъ въ Римъ. Добрая

Марія! она хочетъ уведомить его, гдѣ находится Эвелина, но требуютъ у меня подробностей. Какъ послать ихъ? Помогите, д'Орбиньи!

— Нѣтъ ничего легче. Послѣ завтра ѣдетъ въ Римъ Шантлу за Пуссеномъ : приготовьте письмо, онъ отдастъ его Маріи вмѣстѣ съ моимъ.

— Нельзя ли написать прямо въ Римъ? сказала Эвелина.

— Нѣсколько дней долбе, но върнѣе черезъ Марію; она для Джудиты сдѣлаетъ все на свѣтѣ, даже сама поѣдетъ; а Шантлу и безъ-того много порученій отъ короля и кардинала: неравно забыть.

На улицѣ послышался стукъ кареты, и черезъ нѣсколько секундъ вошли въ гостиную Депортъ съ Сенъ-Марсомъ.

— Сенъ-Марсъ! съ удивленіемъ воскликнулъ д'Орбиньи.

— Здравствуй, д'Орбиньи! Вотъ неожиданная встреча!

— Имъю счастье, сказалъ Депортъ, представить вамъ, маркизъ, мою жену и мадамозель Эвелину де-Вальероль.

Сенъ-Марсъ ловко поклонился дамамъ; тѣ отвѣтили почтительнымъ поклономъ.

— Позвольте, капитанъ, сказала Джудита, представить вамъ моего мужа, Филиппа Депорта, о которомъ вы такъ много слышали.

— Имъю величайшее счастье рекомендоваться, говоритъ Депортъ: и не знаю, какъ благодарить случай...

— Очень радъ вашему знакомству, сказалъ д'Орбиньи, протягивая руку: мы уже видѣлись у короля.

— Милости просимъ садиться, отвѣчалъ Депортъ, подавая кресла.

Всѣ уѣлились и бесѣда, самая пустая, ничтожная, продолжалась болѣе полу-часу. Д'Орбиньи былъ гораздо старше Сенъ-Марса; не тотъ долженъ былъ уступитъ ему

въ любезности, увлекательной, откровенной, легкой и легкой. Сень-Марсъ походилъ на ученика, вынужденнаго на срокъ изъ коллегіума; глаза великаго разбѣжались, онъ находился въ величайшемъ затрудненіи; Эвелина, дѣйствительно, была прекрасна какъ ангелъ; красота Джудиты, развязность, огненные взоры, невыразимая пріятность улыбки, гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на юношу, которому женскій соблазнъ еще не сдѣлался приторнымъ; притомъ же положеніе великаго въ свѣтъ и отношенія его съ Депортомъ обѣщали легкую, скорую побѣду: а на походъ, куда думать о правильной, медленной, осадѣ дѣвичьяго сердца!.... Но и Эвелина такъ мила, такъ невинна, такъ похожа на Марію Неверскую!.... по-больше простоты, больше этой очаровательной, вѣрной чувствительности, которая оправдываетъ поэтическое сравненіе женщины съ розой, опустившей розетку на такую головку. Депортъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на собесѣдниковъ, искоса только на одного д'Орбиньи. Посщенія капитана онъ не могъ себѣ объяснить ничѣмъ, и терялся въ догадкахъ. Д'Орбиньи не замѣчалъ ничего, и влилъ Сень-Марса, притѣсно побуждая его въ глазахъ Джудиты. Великій наконецъ рѣшительно былъ отрезанъ отъ хозяйки и, отъ нечего-дѣлать, отъ досады, прилежно занялся Эвелиной. Умъ и важность молодой де-Вальеродъ поразили его мѣтко, въ самое сердце; онъ началъ задумываться, глядя на Эвелину; д'Орбиньи подшучивалъ надъ нимъ; Депортъ торжествовалъ: во всю бесѣду онъ не произнесъ ни одного слова, какъ-будто его не было въ комнатѣ. Все, по его мнѣнію, шло даладъ, какъ вдругъ раздался стукъ у крыльца, и въ гостиную вошелъ аббатъ Мазарини. Всѣ встали, но аббатъ за высокимъ д'Орбиньи и Сень-Марсомъ не могъ разглядѣть дамъ.

— Любезный другъ, сказалъ онъ Депорту, который почти въ дверяхъ его встрѣтилъ: представьте мнѣ давшую женѣ и допросите дѣвиценыя, что дѣла такъ поздно

васъ, обезпачилъ. — Ахъ!.... здравотвуйте, маркизъ! — Капитанъ! и вы здѣсь?.... Какое пріятное общество!

И Сень-Марсъ, и д'Орбиньи, были изумлены прива-домъ Мазарини. Сень-Марсъ съ бѣшенствомъ глядѣлъ на хозяина. Блѣдный, испуганный, Депортъ не зналъ куда дѣваться, что сказать. Въ замѣшательствѣ, схвативъ за руку Мазарини, онъ тащилъ его иъ жень и съ трудомъ могъ произнести нѣсколько разъ сряду :

— Монсеньоре.... Монсеньоръ Джуліо.... Мазарини.

— Мы знакомы, сказала Джудита такимъ голосомъ, что всѣ вадрогнули.

— Maledetta!.... стуча зубами и посинѣвъ, проворчалъ Мазарини.

Депортъ выросъ отъ ужаса и пятился на корточкахъ къ уголку комнаты. Эвелина, дрожа, обняла Джудиту, и спрятала головку за плечи несчастной. Сень-Марсъ схватилъ за руку д'Орбиньи и, казалось, глядѣлъ и слушалъ всѣмъ своимъ существомъ. А Джудита?....

Она стояла какъ мраморная статуя : смертная блѣдность смѣнилась багровымъ румянцемъ; руки поднялись и пальцы съежились, какъ когти разгнѣванной тигрицы. Мгновение, — и она закричала истерическимъ голосомъ — « Traditore! », и упала безъ чувствъ на софу. Эвелина упала съ нею, обливая слезами несчастную.

— Вдемъ, д'Орбиньи! сказалъ Сень-Марсъ.

◆ Нельзя!.... я далъ слово Джудитѣ.

— Насъ ждуть!

— Трагедія сейчасъ кончится.

Мазарини уже опомнился и, подходя къ Сень-Марсу, спросилъ :

— Съ кѣмъ это она нашла во мнѣ такое ужасное сходство?

— Съ капитаномъ Джуліо Мазарини, сказалъ д'Орбиньи.

— Ахъ, да! весьма быть можетъ.... Мой племянникъ, капитанъ Мазарини, говорятъ, какъ двѣ капли воды

похожъ на меня; но теперь не время ее разувѣрять.... Любезный Депортъ! отложимъ объясненіе; отложимъ и дѣло, за которымъ я пріѣхалъ.... Вы должны теперь употребить все супружескія средства и ласки, чтобы успокоить несчастную. А мы, господа, мѣшать ему не будемъ : не правда ли ?

Все это было сказано такъ мягко, такъ плавно, что даже Сень-Марсъ повѣрилъ, и пошелъ за аббатомъ, таща за руку д'Орбиньи. Но капитанъ, которому отъ Маріи очень хорошо была извѣстна вся исторія Джудиты, повиновался съ трудомъ легковѣрному Сень-Марсу и повторялъ сквозь зубы : « Tradittore! Tradittore! »

MEMENTO MORI.

=

Что наша жизнь? и что мы сами?
Подумаешь, такъ кинетъ въ жаръ!....
Рѣшу вопросъ двумя словами:
Мы — торгоши, а жизнь — товаръ.
Кто ею не-хотя торгуетъ,
Кто оштомъ вдругъ всю продаетъ;
Кто самъ обмануть, кто плутуетъ....
А смерть какъ кредиторъ идетъ;
Идетъ, не зная состраданья,
Представитъ вексель для взысканья:
Жизнь съ молотка, — и ты банкротъ!
Пропалъ товаръ, а съ нимъ доверье
Къ талантамъ, къ счастью, къ уму:
Ступай, банкротъ, на новоселье,
Ложись-ка въ тѣсную тюрьму.
На спросятъ тамъ, кто ты, откуда,
Бѣднякъ, или тысячи имѣлъ:
Лежи, банкротъ, лежи, покуда
Не дашь, на выкупъ, добрыхъ дѣлъ.
Ты былъ богатъ: а гдѣ же злато?
Съ собою много ли приносъ?
Или въ нуждѣ выкупилъ ли брата?
Отеръ ли нѣмъ тоже вдовыихъ слезъ?
Ты былъ могущъ: а заплата ли,

Отъ притѣснителя, сиротъ?
 Отъ сильныхъ слабого спасалъ ли?
 Щадилъ ли кровь людей и потъ?
 Ты былъ въ чести : а могъ ли въ правъ
 Ее заслугой приобрести?
 Не низостью ль пробился къ славъ?
 Не подлостью ль вошелъ ты въ честь?....
 Отнюдь не думая объ этомъ,
 Въ дѣлахъ благихъ все медлимъ мы;
 Зимой говоримъ : «Вотъ лѣтомъ»!
 А лѣтомъ скажемъ : «До зимы»!
 Но спросятъ *вдругъ*, такъ тутъ-то что же?....
 Мурашки побегутъ по кожѣ,
 Придетъ конечная бѣда,
 И вспомнимъ поздно ужъ тогда,
 Что мы пловцы на чуждомъ морѣ,
 Гдѣ фаросъ нашъ — Memento mori !

Н. ВОЛКОВЪ.

НЕ ЗНАЮ ОТЧЕГО.

Не знаю отчего, но грустно мнѣ весной :
 Ни рощи темныя, ни яркой блескъ цвѣтовъ,
 Ни зеркальный ручей съ серебряной волною,
 Ни этотъ сводъ небесъ съ лазурной вышнейю,
 Не навиваютъ прежнихъ сновъ.

Не знаю отчего, но видъ разцвѣтшей розы,
 Красавицы весны, мнѣ въ сердце льетъ печаль,
 Въ душѣ туманныя настраиваетъ грезы,
 И на нее смотрю невольно я сквозь слезы,
 И мнѣ ее какъ-будто жаль.

Не знаю отчего, но только лишь проглянетъ
 Цвѣтка душистаго волшебная краса :
 Смыслъ увиданія мой взоръ искать въ немъ станетъ,
 И мнѣ всё кажется, что скоро онъ завянетъ,
 Что жизнь его на полъ-часа.

Не знаю отчего, но звуки пѣсни стройной,
 Которыя въ саду льетъ ночью соловей,
 Я слушаю всегда съ мечтою безыкойной,
 И дышетъ грудь отъ нихъ томительно и знойно,
 И тяжело душѣ моей.

Не знаю отчего, но вѣчно не забудетъ
 Душа тоску свою на пиръ весны принесть.
 Не оттого ль, что жизнь во всемъ весна пробудитъ ?
 Не оттого ль, что все цвѣсти съ весною будетъ,
 И что лишь ей одной не цвѣсть ?

И. ГРЕКОВЪ.

ЭЛЕГІЯ.

=

Где въ вечерній часъ затеплится звезда,
 Надъ вершиной скалъ, и въ зеркаль пруда
 Разной искрою привѣтно отразится :
 Та въ душѣ моей невольно загорится,

И тайной силою, волшебная, влечеть
 Къ угрюмымъ тѣмъ скаламъ, къ равниамъ свѣтлыхъ водъ.
 Душа моя кипитъ, полна воспоминаній:
 И дни бывальхъ грезъ, всѣ дни очарованій,
 Какъ привидѣнія полночною порой
 Изъ гроба своего, встаютъ передо мной.
 Пустыни милый край, нагорная дорога,
 И мѣльница въ углу пруда, и у порога
 Семья зеленая развѣсистыхъ березъ,
 И этотъ гулъ воды, спадающей съ колесъ,
 И эти хижины, покрытыя соломой....
 Все дышетъ жизнію, когда то мнѣ знакомой!
 Все сердце грустное зоветъ туда, назадъ,
 Въ тѣ дни, куда мечтать возможенъ лишь возвратъ!
 И долго, долго я, завѣтной думы полный,
 Смотрю какъ темныя, чуть плещущія волны
 Колеблютъ тихое мерцаніе лучей
 Звѣзды, знакомой мнѣ, звѣзды души моей.
 Тамъ, я встрѣчаю часъ, когда за рошей дальней
 Проглянетъ ликъ луны и блѣдной и печальной,
 Тотъ незабвенный часъ, когда окружена
 Толпой подругъ своихъ являлась тамъ она
 И также въ доно водъ задумчиво смотрѣла,
 И счастья звѣздой душъ моей горѣла.
 И ярко предо мной откроется вся даль
 Минувшихъ дней моихъ, и тихая печаль
 Слезу горячую тѣснить изъ глазъ невольно:
 И сердцу моему и сладостно, и больно!

Н. ГРЕКОВЪ.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬЕРОЛЬ.

=

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

=

IV.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

..... A due morti mi avvicino.
D'una so certo e l'altra mi minaccia.

(MICHEL-ANGELO BUONAROTTI.)

=

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Аудиенція.

Въ Тюильрійскомъ Дворцѣ собрался дворъ, ожидая прибытія короля. Королева въ отдаленныхъ покояхъ готовилась къ посѣщенію неприятному, тягостному. Кардиналъ Ришліе, въ особой комнатѣ, больной, немощный, сидѣлъ въ креслахъ; его окружали де-Ноё, Шавиньи, Мазарини, канцлеръ, и другіе чины. Шандлу и кавалеръ д'Орбиньи, въ большой залѣ, въ слѣбкомъ оконѣ, тихо разговаривали. Депортъ, въ другомъ

окиъ, рассказывалъ какому-то нарядному придворному, преклонныхъ лѣтъ, объ успѣхахъ своей школы, о ничтожности и педантизмѣ Вуэ и его товарищей. Нарядный, къ несчастію, самъ дѣлалъ дрянные очерки перомъ и слылъ при дворѣ художникомъ: всѣ альбомы придворныхъ дамъ были обезображены его перомъ. Каждый праздникъ онъ подносилъ королю и королеву по одному рисунку, и получалъ въ награду милостивое слово, иногда и приглашеніе къ охотѣ или къ туалету. Онъ былъ счастливъ, и рисункамъ не было конца. Вуэ неосторожно произнесъ какъ-то свое мнѣніе о произведеніяхъ наряднаго господина, и съ тѣхъ поръ непримиримая вражда возникла между отцомъ французской живописи и маркизомъ Дезюмидъ: такъ назывался нарядный. Маркизь немало помогалъ намѣреніямъ Депорта, самъ не зная того: онъ разносилъ по гостиннымъ тѣ клеветы и обвиненія, которыхъ Депортъ не рѣшался выпускать въ свѣтъ подъ своимъ именемъ. Они разговаривали дружески, потому что предметъ разговора ласкалъ ихъ общую злобу. Между-тѣмъ, вошелъ маршалъ Шатильонъ съ выраженіемъ досады и неудовольствія. Д'Орбиньи замѣтилъ его, оставилъ Шантлу и, взявъ маршала за руку, повелъ въ смежный покой.

— Отчего вы не были въ Бульионскомъ Дворцѣ? спросилъ д'Орбиньи: я полагалъ, что васъ нѣтъ въ Парижѣ.

— Я сидѣлъ, господа, по вашей милости, въ Брюлль, и слушалъ длинныя наставленія кардинала, какъ дѣйствовать противъ герцога Бульионскаго.

— Неужели онъ уже знаетъ о возмущеніи?

— Какъ-нельзя лучше! Мѣстные свѣдѣнія всѣ у него. Но-счастію, ему неизвѣстно, что у Бульиона въ Парижѣ есть сильные и умные друзья.... А что, герцогъ Орлеанскій былъ съ вами?

— Представьте! мы съ Сень-Марсомъ были у одной знакомой дамы. Неожиданное происшествіе насъ разо-

шло; было еще рано, но мы не хотѣли ждать показаться и отправились въ Бульионскія палаты. Входящъ: и что же? Гастонъ Орлеанскій сидитъ уже за столомъ съ толькою друзей!

— Вотъ мнѣ и не нравится эта толпа, Генрихъ! Твой соименникъ тоже дѣлаетъ глупости; завелъ себя какого-то Депорта, весьма подозрительнаго чловѣка.

— Извините, маршалъ! Вы знаете, что всѣ парижскіе жида на нашей сторонѣ.

— Благодарю за общество! сказалъ Шатильионъ, отворачиваясь.

— Успокойтесь! эта мѣра необходима; жида изъ нашихъ тайнъ не знаютъ ни одной, а мы получаемъ весьма важныя и замѣчательныя извѣстія. И мудрый Эвоа приставилъ къ Депорту какого-то весьма умнаго и проворнаго слугу.

— Смотри, Генрихъ! вы ведете свое дѣло какъ дѣти и, вѣроятно, кардиналъ уже знаетъ о вчерашней бесѣдѣ въ Бульионскомъ Дворцѣ.

— Какъ бы не такъ! Въ главномъ этажѣ Бульионскаго Дворца играла музыка; всѣ люди герцога были собраны съ женами, дочерьми и знакомыми; плясали до утра и, по причинѣ бала у герцогскихъ людей, никто не обращалъ вниманія на наше собраніе. Фонтрай стоялъ у калитки: онъ знаетъ всѣхъ нашихъ и показывать дорогу.

— Такъ заговоръ, по вашему мнѣнію, идетъ удачно?

— Бульионъ своимъ возстаніемъ нѣсколько повредилъ нашему дѣлу. Надобно было дождаться, пока война съ Испаніей не разгорится въ полной силѣ, но вы, маршалъ, уведомили Бульиона, что войска выступятъ двѣдцатаго, а между-тѣмъ онъ вышелъ вчера, почти черезъ мѣсяцъ, и Бульионъ ошибся въ расчетъ. Впрочемъ, мы велели отправить Фонтрайа сегодня же въ Испанію съ предложеніемъ мирнаго трактата отъ имени

Гастона и французскаго дворянства. Мнѣ поручено вамъ объ этомъ уведомить.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Сообразитесь на-мѣсть. Само счастье назначило васъ начальникомъ военныхъ дѣйствій противъ герцоговъ Бульионскаго, Соассонскаго и молодаго Гвиэа, котораго такъ обидѣлъ кардиналъ въ лицѣ Маріи Неверской.

— А онъ, безъ шутокъ, сватался?

— Да; но кардиналъ отвѣчалъ Гвиэу, что Марія принадлежитъ Франціи, какъ орудіе ея политики.

— Какъ иногда и умные люди дѣлають глупости! Этимъ онъ оттолкнулъ отъ себя и Сенъ-Марса.

— Рѣшительно. Теперь мы можемъ на него вполне полагаться. Боюсь одного: не опоздалъ ли онъ сегодня въ Сенъ-Жерменъ?... Тогда король узнаетъ о возстаніи герцога Бульионскаго отъ кардинала, а это будетъ плохо. Надо было убѣдить короля, что не одинъ только Ришдѣ могутъ знать тайны государственныя, и что пора его миновалась.

— Кажется, вріѣхалъ король.

— Да; шумъ.... Пойдемъ въ залу.

Король вошелъ въ покои, гдѣ сидѣли королева и Марія Неверская. Церемоніальныя привѣтствія окончились.

— Вы влете, ваше величество? спросила Анна Австрійская не безъ трепета.

— Вы сильно препятствуете, королева, но это минутная опѣрочка; и накто уже вамъ помогать не будетъ. Я найду средства лишить французскую королеву возможности вредить своему государству.

— Государь!

— Оставьте, государыня, ваши оправданія. Братъ мой, Гастонъ, и герцоги дѣйствуютъ по вашему желанію и въ согласіи съ вашими Испанцами. Все утѣшеніе въ томъ, что они называютъ себя князьями мира. Пожалуй, миръ! Но жить предлинну условія, которыя вашему величеству не понравятся. Тогда маркизъ де-Кокъ и всѣ рыночные писатели посмѣются. Нечего дѣлать! вы заставляете.

— Клянусь вамъ, государь....

— Ахъ, перестаньте! Сколько клятвъ я уже имѣлъ терпѣніе прослушать! Позвольте узнать о здоровьѣ моего сына.

— Онъ здѣсь, ваше величество, онъ здѣсь.

И ребенокъ дофинъ, въ сопровожденіи дамъ и нянекъ, вошелъ въ комнату.

— Я думаю ты уже выучилъ много словъ? спросилъ король, взявъ на руки сына: какъ тебя зовутъ?

— Людовикъ Четырнадцатый, отвѣчалъ весьма чисто дофинъ.

— Пока еще не Четырнадцатый, сказалъ король, нахмуясь и поставивъ ребенка на полъ. — Вотъ, чему его учить! съ досадой продолжалъ онъ, обращаясь къ Сенъ-Марсу: пойдемъ, а то еще услышимъ что-нибудь хуже....

— А, mon cousin! воскликнулъ король, входя въ комнату, гдѣ сидѣлъ кардиналъ съ Мазарини и совѣтниками. Занемъ вы безпокоитесь? Я хотѣлъ самъ быть у васъ.

— Дѣла большой важности, ваше величество.

— Послушаемъ, послушаемъ, отвѣчалъ король, обращаясь къ Сень-Марсу. — Садитесь, мой советъ, садитесь.

Ришліё не садился, пока Сень-Марсъ не подастъ кресла королю.

— И такъ! сказалъ король, глядя на потолокъ.

— Все мои старанія сохранить миръ внутри государства остаются безуспѣшными, оттого что милосердіе и добросердіе нерѣдко мѣшаются въ нашу политику. Врагъ общественнаго порядка и личный врагъ высшего величества, герцогъ Соассонскій, проживалъ съ дозволенія вашего въ Седанъ, у герцога Бульёнскаго. Государь, вы изволите припомнить, я не соглашался; но вашему величеству угодно было назначить изгнаннику срокъ пребыванія въ Седанъ не болѣе четырехъ лѣтъ. Истекли четыре года; я потребовалъ выдачи герцога Соассонскаго...

— И неужели вы думали, прервалъ король, что благородный Французъ выдастъ челоуѣка, который пришелъ искать у него покровительства? Вы знали послѣдствія вашего требованія напередъ, и нашли выгоднымъ довести моего добраго вассала до крайности! Бульёнъ въ полъ; испанская армія пойдетъ на него: маршалъ Шатильонъ получитъ сегодня же мои приказанія. Вы должны быть довольны нами, mon cousin; мы уволили васъ отъ труда заниматься военными дѣлами, когда здоровье ваше такъ слабо; берегите драгоценное здоровье, берегите его для испанской войны.

Король съ Сень-Марсомъ вышли въ большую залу. Оглушенный неожиданной энергіей короля, Ришліё побавровѣлъ, колика стала мучить его нестерпимо, лицо исковеркалось; но ни одинъ звукъ не обнаружилъ его страдальческаго положенія. Черезъ минуту онъ даже улыбнулся и приказалъ нести себя домой. Между-тѣмъ, король увидѣвъ Шантлу, обратился къ нему и ласково спросилъ :

— Когда вы ѣдете?

— Я хотѣлъ откланяться вашему величеству.

— Счастливейшей дороги, и уснѣху! Во что бы то ни стало Шавтау, во что бы то ни стало! — Шатильионъ, а вы когда ѣдете?

— Куда, ваше величество?

— На войну?

— Ожидаю приказаній.

— Вы ихъ получите сегодня ввечеру.... и не медлите ни одного дня!... Успѣхъ зависитъ отъ быстроты. Донесите мнѣ прямо въ Ренсъ о вашихъ побѣдахъ.

Поговоривъ еще съ нѣкоторыми изъ придворныхъ, король вышелъ съ Сень-Марсомъ. На лѣстницѣ встрѣтили ихъ Гордъ и Дюбоа.

— Гордъ, сказалъ король, сегодня ты поѣдешь со мной; а Сень-Марсу некогда: ему надо прощаться съ друзьями. — Не такъ ли?

— Если ваше величество позволите....

— Ступай, ступай, шалунъ! я за тобой пришлю Горда.... Но куда?

— Я ему скажу, ваше величество,

— А почему же не мнѣ?

— К чему вамъ знать мои тайны?

— Конечно, конечно! Можетъ-быть моему слуху и неприлично слышать названія лицъ, которымъ господинъ Великій удостоиваетъ своею дружбой. Ну, говорите, говорите: я не слушаю.

— А послѣ спросите у Горда.

— Какъ тебѣ не стыдно, Сень-Марсъ!

— Простите, государь! — и тихо на ухо сказалъ онъ Горду: — Въ Вандомскомъ Дворцѣ.

Между-тѣмъ Дюбоа подошелъ къ королю и сказалъ:

— Ваше величество, кардинала понесли изъ дворца чуть не мертвого.

— Мы его огорчили, Дюбоа; но дѣль ни какихъ средствъ выдержать. — Довдемъ, Гордъ, повдемъ.
— Во Дворецъ Риццѣй! крикнулъ Дюбоа, задергивая занавѣски, служившія вмѣсто дверей, и карета тѣмъ тронулась.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Тайна.

Сень-Марсъ не обманулъ Горда и отправился къ Депорту. Какъ и вчера, на мраморныхъ львахъ сидѣли тѣ же Гаръ-Піонъ и Гойко, и, увидавъ Сень-Марса оба вскочили. Маркизь вынулъ кошелекъ и каждому далъ по червонцу. Гойко спряталъ свой быстро; Гаръ-Піонъ чинился; но Сень-Марсъ приложилъ еще два и сказалъ ласково:

— Старому солдату не грѣхъ взять подарочекъ отъ молодаго капитана.

— Правду изволите говорить, капитанъ: моего господина вѣтъ, такъ пожалуй я и вамъ послужу; только не въ этомъ домѣ.

— А почему, мой добрый драгунъ?

— Не скажу, а знаю.

— Ну, такъ доложи своей госпожѣ, что пришелъ маркизь д'Эффиа, великій конюшій его величества.

Гаръ-Піонъ вытянулся въ столбъ и нѣсколько мгновеній не могъ произнести ни слова; потомъ, какъ-будто опомнясь, надѣлъ шапку, пошелъ къ дверямъ крыльца и, оборотаясь къ Сень-Марсу, сказалъ:

— Хоть бы самъ король, не пушу.

— Что это значитъ? со смѣхомъ спросилъ Сенъ-Марсъ:

— Капитанъ оставилъ дочь на мой руки: такъ ужъ извините! У бѣдной дѣвушки теперь нѣтъ другаго защитника.

— У какой дѣвушки? спросилъ Сенъ-Марсъ. Я хотѣлъ видѣть госпожу Депортъ: имѣю порученіе отъ мужа; онъ остался во дворцѣ, а тутъ есть королевское дѣло.

— Милости просимъ, господинъ капитанъ! милости просимъ, ваше сіятельство!.... Сейчасъ доложу; пожалуйста, пожалуйста. Тутъ вамъ ожидать не приходится.

Гойко хохоталъ, глядя на проводы Сенъ-Марса.

— Пустилъ сокола въ птичникъ! вскричалъ Гойко, выирая со смѣху: а червонцы помогли! Черный народъ, какъ грязная руда, любитъ носить свѣтлые металлы.

Гаръ-Пионъ возвратился и опять сѣлъ на свое мѣсто.

— Ну, теперь купи у меня языкъ, сказала Гойко.

— А на что?

— Увидишь.

— Скажи: стобитъ, такъ и безъ уговору заплачу.

— Вотъ, видишь.... На тебя можно положиться: заплатишь. Дѣло вотъ въ чемъ. Депортъ сводитъ и свою жену и госпожу твою съ этими господами.

— Да зачѣмъ?

— За деньги, за вѣсь, за силу. Такіе люди чортъ знаетъ куда попадаютъ! Мой отецъ продалъ мою жену за пять сотъ червонныхъ сыну вотъ этого самаго герцога Вандомскаго.... Да грѣхъ ихъ попуталъ! Ночью ушли отъ меня Сару. Я все узналъ, но поздно. Съ ножомъ въ рукахъ добылъ я у отца тайну. Бѣгу; не тутъ-то было: слѣдъ простылъ. На третій день уже открылъ я, что жена не досталась молодому развратнику, но что городскіе стрѣлки ее захватили со всѣми людьми герцога,

и въ тюрьму... Я въ ратушу.... Голова — человекъ уни-
 ный.... «Недзя, говорить: сегодня мы выдвали всѣхъ
 Вандомовъ изъ Парижа по приказанію кардинала; ма-
 ди ихъ нужны для уголовнаго дѣла; а Сару да можно
 бы выпустить, да надо выкупить».—Какой выкупъ? — «Да
 видишь, любезный: вѣдь она жидовка....» Я клялся,
 божился: голова не вѣрилъ. — «На цыткъ, говорить,
 все узнаемъ; а выпустить можно, по человечеству, изъ
 состраданія; можно.... да она жидовка: такъ ратушѣ
 прійдется очищать себя за эту милость объѣдями и ми-
 лостыней: вѣдь это разорительно; жечь также дѣшево
 дорого стобитъ: длинный церемоніаль; такъ мы бы и
 рады выпустить, да на свой счетъ этого сдѣлать не мо-
 жемъ: пусть посидитъ, а можетъ-быть Богъ помретъ
 тебя промыслитъ пять сотъ червонныхъ. Тогда, дѣло
 другое! А не достанешь, такъ мы ее пристроимъ. Дѣла-
 че молодежь щедра, и намъ заплатитъ за содержание
 и расходы, а грѣхъ на себя прійметъ.» Изверги! подумалъ я;
 молилъ, просилъ: голова смѣялся. Въ отчаяніи,
 я прибѣжалъ къ отцу; но его уже не было; нечего и съ
 деньгами, съ моими и съ своими вещами!.... Сдѣла-
 поръ я каждый день вижу Сару, отдаю годовыя деньги:
 онъ уже началъ служить объѣди. Но бѣдность моя
 горькая.... и ста червонныхъ еще не успѣлъ заплатить:
 а уже четыре мѣсяца! Дай Богъ годовыя здоровья! Не-
 крайней-мѣрѣ особая комната, хорошая пища. И у де-
 ня теперь нѣтъ другой квартиры; я живу въ темницѣ.
 — На, тебѣ, всѣ три! сказала Гарт-Піонъ, подавая
 Гойкѣ полученные имъ червонцы.

Гойко плакалъ и целовалъ руки Гарт-Піонца.

— Давай плутовать вмѣстѣ, сказалъ Гарт-Піонъ;
 здось насчитимъ голову.... Только послушай, Фидмилъ:
 вѣдь ты жидъ!

— Человѣкъ! отвѣчалъ жадобно Гойко.

— Ну, коли жидъ, такъ еще не человѣкъ.... да ужъ
 такъ и быть! Кармедитъ Симонъ отпустить такой гракъ;

а если ты не человекъ, такъ живъ человѣкомъ быть это не помѣшаетъ.

— И я тебя называлъ дуракомъ!... ты умнѣ какъ раввинъ! Ты умнѣ многихъ богатыхъ людей.

— Можетъ-быть; если умъ въ честности..... Посмотрѣть, что дѣлаютъ господа!

— Ступай, Гаръ-Пионъ! Теперь я твой слуга до гробу!

Гаръ-Пионъ пошелъ на верхъ; Гойко, отирая слезу, сказалъ вслѣдъ драгуну:

— Ногоди, служивый: эти три червонка вырастутъ тебѣ же въ прокъ. Ты будешь благодаренъ не-человѣку.

Гойко уселся на прежнемъ мѣстѣ и не снусалъ глазъ съ улитки.

—

Сень-Марсъ вошелъ неожиданно, когда Эвелина читала новую комедію Корнеля, «Вдова». Она отъ души хохотала, но изъ восторга комическаго перешла въ трагическій ужасъ увидавъ Великаго.

— Маршавъ! сказала она трепещущимъ голосомъ, собираясь уйти.

— Простите, если я прервалъ ваше пріятное чтеніе. Что это вы читали?

— «Вдова», комедія Корнеля.

— И вамъ не скучно?

— Напротивъ, я хохочу все время, какъ ребенокъ. Такъ смѣшно!

— Право?

— Ей Богу!

— Вы, вѣрно, не читали Скаррона?

— Джудита не позволяет.

— Не позволяет? О, какая неумъстная скромность! Я вамъ подарю экземпляръ одного сочиненія Снаррена, писанный собственной его рукою.

— А я его сонгу не читавши.

— Такъ я вамъ и не подарю.

— И не дарите.

— Такъ я вамъ лучше подарю мое сердце.

— Это чье твореніе?

— Божіе! Но вы лукавы, очаровательная Эвелина; вы смѣтаетесь, потому что въ самомъ дѣлѣ смѣшно дарить, что уже давно принадлежитъ вамъ.

— Давно? Я васъ не понимаю, маркизь.

— Не хотите понять. О, я знаю, что вамъ прокричали про меня наши рамбульетскія совы, эти блистательныя писательницы, сплетницы высшаго круга!

— Я не знаю ихъ, точно такъ же какъ и васъ, маркизь.

— Не притворяйтесь!... не притворяйтесь! Вашъ умъ, ваша начитанность, слогъ вашего разговора, все измѣняетъ вамъ. Я слишкомъ опытенъ, и самъ принадлежу иногда къ рамбульетскимъ «разбравъ».... Но съ вами сердце говоритъ откровенно: ваши глаза уничтожаютъ способность къ блистательной лжи; ваша улыбка обезоруживаетъ уста подготовленнаго оратора.... съ вами по-новому складывается скромнымъ, новизнымъ....

Эвелина расхохоталась.

— Чему вы смѣтаетесь? спросилъ Сень-Марсъ.

— Да вы говорите изъ комедіи Корнеля: только въ прозѣ!

Опытный волокита смѣшался; лукавая улыбка Эвелины еще болѣе умножила его смущеніе.

— Это потому вамъ кажется, что вы никогда не любил, сказалъ Сень-Марсъ, оправаясь.

— Ваша опытности не ошиблась.

— Вотъ, видите! Полюбите, и вы признаете въ словахъ моихъ искренность.

— Я послѣдовала бы вашему совѣту, маркизь; но, говорить, еще рано.

— Самое лучшее время! Но какъ бы я желалъ, чтобы изъ одержанныхъ побѣдъ вамъ понравилась послѣдняя!

— А я полагаю, маркизь, что первая слаще.

— Кто же этотъ счастливецъ?

— Надобно справиться; теперь не помню.

— Забудьте его, Эвелина, и помните, что побѣдитель тогда счастливъ, когда умѣетъ остановиться въ своихъ завоеваніяхъ.

Опреметью вбѣжалъ Депортъ и, остановясь возлѣ Сень-Марса, не могъ произнести ни слова.

— Что съ вами, любезный другъ?

— Ступайте въ вашу комнату! сказалъ строго Депортъ схвативъ за руку Эвелину, но она не обращала ни какого вниманія на бѣшенаго Филиппа и съ ласкою сказала Сень-Марсу:

— Простите, маркизь, за невѣжливость: только теперь вспомнила!.... прошу садиться.

И она села; Сень-Марсъ сѣлъ возлѣ ея. Вошла Джульета, отменно одѣтая, и, какъ нишняя роза въ полномъ цвѣтѣ, помавая росею головною, усѣлась между Эвелиной и Сень-Марсомъ.

— Продолжайте, продолжайте, сказала она, рукою удерживая Сень-Марса въ креслахъ: я слышала вашъ разговоръ и пришла учиться. — Садитесь, Депортъ. Что это при гостяхъ вы всегда стоите? Какая дурная привычка!

Филиппъ сѣлъ. Сень-Марсъ засмѣялся и сказалъ Джульетѣ.

— Какъ это съ вашимъ умомъ вы не исправите моего друга? Онъ ужасно робокъ.

— Врожденное! съ коварной улыбкой отвѣчала Джудита : ня потеряла надежду....

— А мнѣ казалось , что вы способны передѣлать самую непокорную природу.

— Вамъ это показалось , добрый маркизь : а я и себя не могу еще передѣлать. Напримѣрь , вчера , зтогъ аббатъ такъ испугалъ меня....

— Вы узнали его , Джудита , и въ этомъ платьѣ?

— Именно меня и перепугала его одежда ; со смерти отца и матери я такъ боюсь въ домъ своею....

Джудита не окончила : вошелъ Гаръ-Пионъ и доложилъ , что какой-то господинъ Гордъ , придворный его величества , спрашиваетъ господина великаго.

— Король всегда намъ жѣшаетъ ! проворчалъ Сенъ-Марсъ.

Джудита вздохнула. Сенъ-Марсъ , съ рѣшительностью , почти вскрикнулъ :

— Не пойду !

Гаръ-Пионъ ушелъ.

— Промѣнять такое общество на скучную сенъ-жерменскую бесѣду!.... Согласитесь , очаровательныя дамы , что это убійственно ; стѣнитъ отчаяннѣ , обмороку.... если бы намъ позволено было падать въ обморокъ.

— Вы очень любезное дитя , отвѣчала Джудита : но ужъ мнѣ не приходится участвовать въ ваникъ дѣтскихъ шалостяхъ и огорчать добраго короля , лишая его любимой игрушки.

Сенъ-Марсъ вспыхнулъ.

— Ни за что не пойду ! сказалъ онъ рѣшительно.

— Оставайтесь , отвѣчала Джудита , взявъ за руку Эвелину и уходя изъ комнаты , но бросивъ на Сенъ-Марса такой взоръ , котораго и соборъ мудрецовъ не растолковалъ бы психилогически : оставайтесь ; намъ пора въ церковь.

— Любезный Депортъ , твои дамы свели меня съ ума ! сказалъ Сенъ-Марсъ , когда дамы ушли.

Депортъ молчалъ.

— Я не вижу большаго преступленія, если нахожу въ тѣхъ бесѣдѣ цѣлое море истиннаго, чистаго, наслажденія.

Депортъ молчалъ.

— Ты мнѣ позволилъ навѣщать твою семью?

— О, если бы я могъ запретить вамъ, маркизъ, проходить мимо оконъ моего дому!

— Это почему?

— И вы еще спрашиваете! сказалъ Депортъ, почти плача. Какія намѣренія могутъ оправдать ваше желаніе?

— Какъ знать, Депортъ! Можетъ-быть я имѣлъ честь разговаривать съ двумя будущими герцогинями! Грядущее закрыто! И чѣмъ эта Комбалё, эта герцогиня Эгильюнская, лучше твоихъ дамъ? Такая же бѣдная французская дворянка. Племянница кардинала Ришліё, и только!

— Это одно изъ тѣхъ обѣщаній, о которыхъ вы говорили въ Сень-Жерменъ?

— Дай срокъ, Депортъ, значительно отвѣчалъ Сень-Марсъ: и я докажу.

Вошелъ Гаръ-Піонъ.

— Господинъ Гордъ говоритъ, что король дожидается васъ уже въ Лувръ.

— Прощай, Депортъ! Мы успѣемъ переговорить. Приѣзжай въ Сень-Жерменъ.

— Когда прикажете!

— Сегодня; сейчасъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Условіе.

Сень-Марсъ ушелъ съ Гарь-Піономъ.

— Куда пошли дамы? спросилъ Сень-Марсъ на лѣстницѣ.

— Извѣстное дѣло, отвѣчалъ Гарь-Піонъ, въ церковь....

И онъ вѣроятно бы сказалъ все, если бы Гойко не дернулъ его сзади за полу.

— Въ какую церковь? спросилъ Сень-Марсъ.

— Оно бы можно сказать вамъ, маркизь, отвѣчалъ Гойко, да господа не приказывали.

— Вотъ тебѣ, любезный другъ!

Сень-Марсъ сунулъ Гойкѣ денегъ.

— Чтѣ, Гарь-Піонъ, вѣдь маркизь насъ не выдастъ!

Гарь-Піонъ покраснѣлъ и закрутилъ единственный свой усъ.

— Ну, товарищъ! капитанъ, и уходя, своихъ не забываетъ.

И нѣсколько золотыхъ монетъ зазвенѣли въ рукѣ Помпея.

— Только не выдайте, капитанъ! отворотясь говорилъ Гарь-Піонъ: по сосѣдству, къ Святому Роуху.

— Ради Бога, маркизь, спѣшите! сказалъ Гордъ, скидавшій Сень-Марса на крыльцѣ.

— Да какъ же я поспѣшу безъ носилокъ или безъ кареты!

— Далекѣ-ли!

— Пѣшкомъ!..... Покорнѣйше благодарю!... у меня нога болитъ.... Я потащусь шажкомъ, а вы бѣгите и пришлите за мною носилки къ церкви Святаго Роха.

Гордъ бросился со всехъ ногъ по улицѣ, верча про-
себя :

— Капризный мальчишка! Старше дворяне должны
бегать за посланками для безбородаго любинца!

Джудита и Эвелина изъ притвора церкви видѣли,
какъ вошелъ Сень-Марсъ и осматривалъ всѣхъ мо-
дельщицъ.

— Не станемъ, сказала Джудита, оскорблять святы-
ни грѣшными мыслями и насмѣшками. Пока онъ
ищетъ насъ въ противоположномъ притворѣ, уйдемъ.

Сень-Марсъ обошелъ все притворы, все скамин, и
съ досадой вышелъ на паперть, гдѣ Гордъ стоялъ уже
съ посланками.

— Меня обманули! сказалъ онъ съ досадой. Впро-
чемъ, у меня есть еще съ кѣмъ увидѣться передъ отъ-
ѣздомъ. Воатюръ не даромъ говоритъ, что число, мною
избранное, самое счастливое. Семь любовницъ и одна
любовь : это верхъ Овидіева искусства!.... Но зачѣмъ
онъ это пишетъ! Проклятыя его письма читаютъ всадъ
отъ гостиной Рамбульетскаго Дворца до уборной ко-
ролевы.

— Король сердится, замѣтилъ Гордъ, и Сень-Марсъ,
вскочивъ въ посланки, закричалъ со злостью :

— Несите, несите!

— На что это похоже, Сень-Марсъ? сказалъ король.
Вы заставляете меня дожидаться два часа въ этомъ

двухъ Лувръ, гдѣ бы я не желалъ оставаться минуты! Пусть кардиналъ дѣлаетъ съ вами, что хочетъ; пусть назначитъ васъ маршаломъ противъ Бульона; все, что ему угодно. — Гордъ! вы победите со мной въ Сенъ-Жерменъ, а маркизъ потрудится отнести эту записку къ кардиналу.

Король ушелъ съ Гордомъ, бросивъ на столъ запечатанную записку. Въ галереѣ Людовикъ остановился и спросилъ :

— Ну, что Сенъ-Марсъ ?

— Задумался, отвѣчалъ Гордъ.

— Можетъ-быть и со всемъ обдумается! Кажется, я скитрица удачно. Вдемъ, вдемъ, Гордъ!

Сенъ-Марсъ точно задумался: но объ чемъ? Письмо Воатюра опять пришло на умъ молодаго волокиты.

— Семь! Нѣтъ, Воатюръ. Не семь, а десять.... Но тринадцати никогда не будетъ! И эти двѣ..... О, какъ еще далека побѣда!.... Конечно, Джудита.... Но передъ отъѣздомъ надобно кончить это дѣло.... надобно увѣриться....

Сенъ-Марсъ спряталъ записку, и побѣжалъ почти бѣгомъ по длиннымъ галереямъ, говоря съ дѣтскимъ веселіемъ :

— Слава Богу, хоть отсрочку подарилъ король! Часа два три промедлить можно.

—

— Что это все значитъ, Джудита? спросилъ Депортъ, когда Джудита, возвратясь изъ церкви, и не снимая своего богатаго костюма, вошла въ гостинную съ Эвелиной.

— А что такое?

— Да я ничего не могу понять въ вашемъ поведеніи!

— Да и не трудитесь, Депортъ! Мои загадки замысловатѣе вашихъ. Сколько лѣтъ я плакала и одиночествовала какъ вдова Корнея!.... Мнѣ понравилась философія вчерашней комедіи, и я рѣшилась послѣдовать совѣтамъ житейскаго мудреца. А вы, сдѣлайте милость, не мѣшайте въ мои дѣла, какъ я не мѣшаюсь въ ваши, и повзжайте куда-нибудь, потому что вы скоро будете лишнимъ въ нашемъ обществѣ.

— Нѣтъ, Джудита! не забудьте, что подъ нашимъ попечительствомъ сирота; за ея нравственность мы отвѣчаемъ. Можно ли мнѣ позволять, чтобы невинная Эвелина смотрѣла на такіе примѣры безстыдства и соблазна? Скажите, когда вы успѣли познакомиться съ Мазарини, съ д'Орбиньи?... съ однимъ поссориться, съ другимъ подружиться? Какъ мужъ, я требую отчету.

— Но вы пропустили Сень-Марса, Депортъ. Я не уступлю его Эвелинѣ: клянусь, не уступлю! Онъ мнѣ нравится; онъ еще ребенокъ, и я займусь его воспитаніемъ.

— Но какъ это вы.... до-сего-времени такая скромная, такая постоянная.... И вдругъ три любовника!

— А мнѣ казалось, что я угождаю вамъ, помогаю вашимъ намѣреніямъ; строю ваше счастье и судьбу дѣтей моихъ!..... Неужели жена такого важнаго придворнаго, королевскаго любимца, должна оставаться при мѣщанскихъ нравахъ, съ уличными приемами, и въ вангъ вѣкъ не имѣть ни одного любовника, когда у другихъ знаменитыхъ дамъ считаютъ ихъ дюжинами?... Вотъ, Эвелина, благодарность за наши старанія! Такъ я никогда не буду маркизой, герцогиней, даме дворянкой? Посмотрите: Фукиеру король подарилъ шпагу: а вы совсѣмъ безъ честолюбія, Депортъ! Я это замѣтила, и сама принялась за дѣло.... Я рада даже съ Мазарини помириться, но только цѣною шпаги моему Филиппу.

— Ангелъ мой, Джудита, наконецъ ты въягася за умъ!

— Другъ мой, лѣта — самые убѣдительные совѣтчики.... Но ты сегодня сидишь дома, а теперь одинъ день стоить года?

— Твоя правда. Прощай!

— Прощай, мой другъ! Не правда ли, и тебѣ и мнѣ теперь веселье?

— Я въ раю, Джудита!... И ты сегодня же увидишь, какъ я тебя хорошо понялъ!

Депортъ, выходя на улицу, встрѣтилъ Сень-Марса уже на крыльцѣ своего дому.

— Ахъ, маркизъ! вы опоздали одной минутой, сказалъ опечаленный Депортъ: онъ уѣхали за городъ съ какимъ-то кавалеромъ.

— Какъ! А вы не знаете, кто онъ?

— Да какое мнѣ дѣло! Дряхлый богачъ; пусть дурачится: на этихъ Адонисовъ я гляжу сквозь пальцы.

— Куда же вы теперь?

— Есть небольшое дѣло; а потомъ въ Сень-Жерменъ, по обыкновенію.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте! А я на-минутку къ кардиналу.

Оба бросились, каждый въ свою карету, и разъѣхались.

— **Ординарный живописецъ Филиппъ Депортъ!** ска- залъ за дверьми слуга.

— **Всѣ двери настѣжь!** закричалъ Мазарини, вско- чивъ съ кресель.

— **Теперь вы мнѣ родной,** говорилъ аббать, обнимая Депорта : но такой, съ которымъ надо вести тяжбу до конца жизни.

— **Нельзя ли, monsieur l'abbé,** кончить полюбовной сдѣлкой? отвѣчалъ Депортъ сухо и холодно.

Аббать взбѣсился и закричалъ :

— **Можно, неаполитанскій каменщикъ, можно!... если не хотите опять висѣть: только не на потолкахъ!**

— **Кчему такая горячка, капитанъ!** Не знаю, ктѣ бу- деть въ накладъ. Шантлу еще не увхалъ, и король бу- деть просить святѣйшаго отца о бѣдной Джудитѣ....

— **Вы съ ума сошли, любезный Депортъ!** Скажи вышли изъ моды, и я слишкомъ долго шадилъ васъ.... Но приступимъ къ сдѣлкѣ прямо, откровенно; отле- жимъ тонкости политической науки, все, въ сторону: насъ должно занимать только дѣло.... Во-первыхъ, мен- дѣти должны мнѣ быть выданы сегодня же.

— **Этотъ пунктъ можете рѣшить съ Джудитой.**

— **Но она не согласится меня видѣть.**

— **И! перестаньте, monsieur l'abbé!** Это только, такъ, отъ внезапности.

— **Стефано! Стефано!** закричалъ Мазарини : одѣ- ваться.

— **Э, нѣтъ, аббать!** позвольте!... **Даромъ ни шагу!** Гдѣ залого вашей скромности?

— **Возьмите, назначьте все, чтѣ хотите!**

— **Безъ шутокъ, аббать?**

— **Безъ шутокъ!**

— **Такъ этотъ крестъ будетъ мнѣ залогомъ.**

Депортъ схватилъ каноническій крестъ, лежащій на столѣ.

— Нельзя, Депортъ! сказалъ Мазарини, побѣднѣвъ.
 — Нельзя иначе, аббатъ. На другія условія я не соглашаюсь.

— Дайте мнѣ его на минуту.

— Ни на мгновеніе.... Угодно?

— Нѣтъ!

— Такъ прощайте!

Онъ положилъ крестъ на свое мѣсто.

— Извольте, извольте!... такъ и быть! съ улыбкой сказалъ аббатъ, взявъ крестъ, и пожалъ дружинку; смертная блѣдность покрыла лицо Мазарини; онъ бросился къ дверямъ и въ бѣшенствѣ закричалъ:

— Гдѣ, гдѣ онъ?

— Въ моихъ рукахъ! отвѣчалъ Депортъ, показывая горсть плотно сложенныхъ бумажекъ.

— И пока въ моемъ домѣ! сказалъ аббатъ, заперъ двери и положилъ ключъ въ карманъ.

— Но какой же залогъ вы можете предложить мнѣ взаменъ этихъ ничтожныхъ бумажекъ? спросилъ Депортъ, протянувъ руку съ записками въ растворенное окно.

— Все, что вамъ угодно! Герцогство, когда буду министромъ.

— Такъ пока вы будете министромъ, не угодно ли пожаловать мнѣ шпагу.

— И только? спросилъ обрадованный Мазарини.

— Только, на-сегодня. Шпага — ключъ къ моему дому; все прочее зависитъ отъ Джудиты: вы съ ней поладите! Она готова помириться.

Кто-то постучался у дверей.

— А, кстати, Стефано!... носилки! я ѣду къ кардиналу, сказалъ Мазарини громко, а потомъ, понизивъ голосъ: за дворянствомъ Депорту.

— Кардиналъ уѣхалъ въ Рюэль, отвѣчалъ Стефано.

— Такъ лошадей!

— Вотъ ваши тайны, аббатъ. До свиданія! Не забудьте условія.

— Слава Богу! говорилъ Мазарини, оставшись одинъ в во второй 'разъ пересчитывая бумажки : отдѣлался довольно дешево!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ВТОРАЯ.

Рюэль.

Кардиналъ лежалъ въ постели въ углу обширной залы рюэльскаго замка; де-Нойё сидѣлъ въ той же залѣ за столомъ и писалъ. Въ противоположномъ углу стоялъ кардинальскій оркестръ, лучший въ то время во всей Франціи, и наигрывалъ различныя сочиненія Модюи и Кусто. Кардиналъ дремалъ; но коварная улыбка не оставляла крѣпко сжатыхъ губъ его. Кошекъ цѣлое стадо играло на коврахъ. Окна были завѣшены. Тишина прерывалась однообразными, безцвѣтными, гармоніями оркестра, и это какъ-будто усиливало мрачность печальной залы.

— Довольно! сказалъ кардиналъ, когда музыканты окончили съ полъ-дюжины піесъ : отдохните.

Музыканты, положивъ инструменты, удалились.

— Брось, де-Нойё! Право, надоело! И тебѣ пора ѣхать.

— Всегда, ваша эминенція, послѣ побѣды дѣлаетесь лѣнливыми, отвѣчалъ секретарь : а если еще и мы зальнимся, такъ ваши блистательные подвиги не принесутъ ни какихъ послѣдствій.

— Нѣтъ, де-Нойё, это сотая побѣда, и сладость уснѣха съ каждою уменьшается.... Мы помирились съ ко-

ролетъ; правда: но онъ не выдалъ донесчика, того, кто уведомилъ его о седанскомъ возмушеніи.

— Надо настоятельно распросить Сень-Марса.

— Ахъ, де-Нойё! жалобно сказалъ кардиналъ: на Сень-Марса я давно уже не полагаюсь; онъ лжетъ мнѣ безсовѣстно, скрываетъ королевскіе разговоры. Онъ слишкомъ старъ въ службѣ: она ему надовла. Бывало, я зналъ отъ него малѣйшія подробности; всѣ восклицанія короля онъ собиралъ слѣпо и приносилъ ихъ сюда, въ эту самую залу, безъ зову, каждый день. Теперь я долженъ посылать за нимъ. Приставилъ ты къ Сень-Марсу дядьку, этого Сентъ-У: да что въ томъ пользы!... они видятся разъ въ день, и то не всегда; и, если я не ошибаюсь, Сень-Марсъ замѣшанъ, вовлеченъ, въ бульионскую исторію.... Но, де-Нойё, пора тебѣ вхатъ. Нельзя ли въ Сень-Жермень какъ-нибудь открыть донесчика?

— Я прикажу Депорту.

— Именно, именно..... Только надо его поощрить чѣмъ-нибудь.

— Я много думалъ объ этомъ, но вотъ бѣда, что онъ какъ живонисецъ — самый ничтожный, безталанный человекъ, и нельзя придумать предлога для награды. По Лувру онъ мнѣ помогъ: признаюсь; перессорилъ всѣхъ, и заставилъ самого Вуэ просить о своемъ увольненіи.

— Конечно, ты не колебался?

— Ни одной минуты!... Но представьте и мое положеніе: Вуэ отказался, Пуссенъ не ѣдетъ; а галерея лежитъ въ развалинахъ.

— Шантлу привезетъ Пуссена.

— А если тотъ не согласится?

— Я послалъ съ нимъ надежныхъ слугъ.

— Но что скажутъ?

— И это ты спрашиваешь!... Что скажутъ? Скажутъ, что прикажемъ.

— Но посланники....

— Одинъ шведскій сумасбродъ заливаетъ объ этомъ къ Оксеншернъ посланіе въ латинскихъ стихахъ: стихи будутъ скучны, потому что нѣтъ ничего скучнѣе философскихъ стиховъ: не дочитають; а Пуссенъ, изъ приличія, принужденъ будетъ заняться дѣломъ.... Но, де-Нойё, не забудь, что Лувръ долженъ быть монументомъ Ришліё, а не арсеналомъ, на который онъ такъ теперь походитъ. Еще: не упускай изъ виду, что король полагаетъ, будто онъ на зло мнѣ вызвалъ Пуссена.... Ну, поѣзжай, поѣзжай; а по дорогѣ вели подать лампы, и пусть позовутъ Корнеля; онъ опять что-то склеилъ: пусть прочитаетъ; а тебѣ надобно ѣхать.... Брось, говорю!

— Сейчасъ; ваша эминенція позволите мнѣ окончить статью въ газету о возмущеніи Бульёна.

— Я какъ-будто предчувствовалъ, что ты занимаешься, чего не нужно! Я увѣренъ, что король уже написалъ статью собственноручно и послалъ къ газетчикамъ.

— Но она не была еще у вашей эминенціи.

— Весьма естественно; потому что газетчики не успѣли прислать.... Поѣзжай, поѣзжай!.... а мнѣ пришли лампы и Корнеля.

Де-Нойё исполнилъ приказаніе кардинала. Лампы зажглись и освѣтили въ углу залы мрачную фигуру съ длинными лаконами у висковъ; темя, откуда волосы уже сбѣжали, покрывала шапочка; веротнички не ровно выходили отъ шен и висѣли на черномъ одностороннемъ камзолѣ; подъ черной, изношенной, мантией срывалась шляпа и толстая тетрадь; рѣдкіе усы дурно осѣняли губы, на которыхъ, казалось, не бывало никогда улыбки.

— Здравствуй, мой благой приемать! сказалъ кардиналъ съ влюбной улыбкой: мнѣ первому?... не правда ли?

— Кто же лучше вашей эминенціи можетъ оценить трудъ музы? отвѣчалъ Корнель.

— А верно обнимываешь!.... Племянница мнѣ уже говорила....

— Обь отрывкахъ, можетъ-быть, которые я имѣлъ счастье случайно прочесть моей благодѣтельницѣ герцогинѣ наизусть.

— Но, по-крайней мѣрѣ, моей племянницѣ, которая, такъ же какъ и я, покровительствуетъ руанскаго Сенку....

— Въ Руанѣ некому играть моихъ піесъ.

— А въ Парижѣ много счастливыхъ соперниковъ.

— Ни одного, съ гордостью сказалъ Корнель.

— Какъ, ни одного! спросилъ кардиналъ, подымаясь съ постели.

— Кромъ вашей эминенціи.

— То-то же! Я вѣдь имѣлъ время привыкнутьъ къ лести.

— Заслушались, ваша эминенція, и откровенное мнѣніе моего Корнеля смѣшиваете съ панегириками тайныхъ враговъ.

— Полно, полно! Садись; читай.

— Корнель самъ взялъ небольшой налой, покрытый атласною подушкой съ кружевами, и поставилъ у постели кардинала; поправилъ лампы устлся, и началъ читать.

— «Полиевктъ мученикъ, христіанская трагедія.»

— Вотъ это твое дѣло!.... а то писать Сидя!.... Ужъ извини, до сихъ поръ немогу понять какъ ты могъ написать такую плохую піесу!

— Кто же безпривыченъ! И если бы я зналъ, что Сидя навдечетъ на своего отца такое продолжительное возмодованіе....

— Совсѣмъ не продолжительное, потому что я и забываю про Сидя, не лишилъ тебя милостей, и даже принялъ посвященіе Горация, хотя и эта піеса, и Синия, извини, еще далеки отъ Ротру и Котеллѣ, и еще нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеній. Я тебя не унижалъ ни въ какомъ случаѣ, и даже назначилъ ятвымъ авто-

ромъ, для сочиненія театральныхъ пьесъ, вмѣстѣ съ Этоалемъ, Боароберомъ, Котеллѣ и Ротру. Изъ этого ты видишь, что я тебя считаю человѣкомъ съ талантомъ; но что правда, то правда : самонадѣянность тебя погубить!

— Я еще такъ недавно изучаю правила, что не успѣлъ совершенно ихъ себѣ усвоить.

— А! признаешься?... Такъ зачѣмъ же, по угламъ, нападаешь на такихъ людей, которые никогда не погрѣшили противъ правилъ, а по таланту выше тебя?... Да и развѣ я даромъ учредилъ Французскую Академію, этотъ храмъ литературной Весты?

Корнель улыбнулся. Ришліе опять привсталъ.

— Чему ты смѣешься? Не хочешь ли и ты подражать маркизу де-Коку? Не думаешь ли и ты, подобно литераторамъ Сентъ-Мишельскаго Мосту, что я устроилъ академію, для того чтобы она превозносила меня похвалами и защищала отъ нападеній маркиза и другихъ рыночныхъ цасквилантовъ?... Я не преслѣдую судомъ моихъ площадныхъ непріятелей : я отвѣчаю имъ самъ, собственноручно, безъ вашей помощи.

«Да, подумалъ Корнель : но съ помощью Бальзака!»

Кардиналъ какъ-будто прочиталъ въ душѣ Корнеля.

— Бальзакъ! Я знаю, кому я обязанъ этой глупой клеветой. Виноватъ ли я, что Бальзакъ и Ноде влюбилъ въ книгу Маккіавеля и, какъ умные люди, умѣли смотрѣть на наше время съ надлежащей точки зрѣнія?... Я имъ не могъ дать взаймы ума и слогу!... Кажется такъ?... И удивляюсь, какъ это, до-сихъ-поръ, никому не пришло въ голову приписать мои трагедіи кому-нибудь изъ академиковъ!

— Они слишкомъ оригинальны, замѣтилъ Корнель, и не походятъ на произведенія господъ академиковъ.

— Ну, вѣтъ, отвѣчалъ кардиналъ, скромничая : и Котеллѣ, и Ротру, писали нѣсколько въ моемъ родѣ....

Да, да, я теперь вспомнилъ: маршалъ Марильякъ говорилъ въ Италиі, будто я купилъ мои піесы у Ротру!... Но я за это не сердился.

«Такъ! подумалъ Корнель : простилъ, когда голова Марильяка скатилась съ эшафота!»

— Одно меня утѣшаетъ, сказалъ кардиналъ послѣ минутнаго молчанія : что у тебя мнѣ не удалось купить ни піесы ни похвалы..... По-крайней-мѣрѣ ты самъ этимъ хвасталъ.

— Я, ваша эминенція? я?...

— Полно, полно! Богъ съ тобой! читай!

— Нѣтъ, сказалъ Корнель съ жаромъ : это рѣшительно клевета! Съ тѣхъ поръ какъ я имѣю счастье принадлежать вашей эминенціи....

— Читай, читай! Для стиховъ у насъ времени не много.

— Аббатъ Мазарини пріѣхалъ освѣδοчиться о здоровьѣ вашей эминенціи, сказалъ секретарь, отворивъ двери.

— Проси. А ты возьми свою рукопись и посиди въ библіотекѣ; я позову тебя.

Мазарини смѣнилъ Корнеля.

— Добрый вечеръ, Мазарини, сказалъ кардиналъ. Чтѣ? вы имѣете ко мнѣ дѣло? Если нѣтъ, такъ не хотите ли слушать новой трагедіи Корнеля?

— Хотя я не жалуя вашего Корнеля, однако, служить вашей эминенціи собесѣдникомъ, это уже счастье; гораздо удивительнѣе видѣть въ васъ омытнаго и бѣглаго филолога нежели владыку Европы.

— Напрасно вы не любите Корнеля! Высокій, но гордый, талантъ, которымъ управлять труднѣе нежели Франціей.... Прочли вы послѣднюю записку, которую я написалъ для васъ?

— Я ее выучилъ наизусть.

— Это — предисловіе, или первыя страницы большаго сочиненія, собственно для васъ, мой другъ. И, если я

не ошибаюсь, оно вскорѣ будетъ вамъ нужно : недугъ мой усиливается, кашель также, припадки горячки стали чаще. Врачи меня ласкаютъ полнымъ выздоровленіемъ, но надо быть слишкомъ легковѣрнымъ чтобы не видѣть близости гробу, какъ ни хотѣлось бы оттолкнуть его подальше ; если бы можно сторговаться, я купилъ бы себѣ только десять лѣтъ, и дѣло французской монархіи было бы выиграно.

— Помните, Мазарини, сказалъ кардиналъ послѣ продолжительнаго молчанія : вамъ прійдется разрушать вторую половину непріятелей монархіи. Это не аристократія, которая уже ищетъ при дворѣ мелочныхъ должностей и стряпаетъ заговоры противъ меня въ темныхъ корридорчикахъ, у келій придворныхъ дамъ..... самые дерзкіе..... отъ-нечего дѣлать.... и это занятіе доставилъ имъ я ; проводятъ все свое время въ кабачкахъ по предмѣстіямъ Парижа и гоняются за особеннаго роду женщинами, которыхъ число, благодаря счастью, размножилось довольно чтобы занять мысли и дѣйствія французскаго дворянства. Честолюбивѣйшіе спорятъ о томъ, кому на слѣдующій мѣсяцъ владѣть сердцемъ Машенки де-Лормъ.... И я совѣтовалъ бы вамъ, Мазарини, уступить имъ эту прелестьницу ; вы и меня связываете, и себѣ можете повредить въ глазахъ Людовика.

«Старъ и боленъ, подумалъ Мазарини, а ревнуетъ!»

— Не заботьтесь о дворянахъ, продолжалъ кардиналъ : они поставлены на такую соблазнительную дорогу, съ которой не сманять ихъ, ни Генрихъ IV., ни Карлъ Великій. Но вамъ предстоитъ борьба съ тѣми кастами, между которыми трудно водворить средства, разрушающія силу, и, признаюсь вамъ, выборъ мой палъ на васъ : потому болѣе что предстоящая борьба требуетъ всей вашей хитрости : а вы одарены этимъ качествомъ въ высочайшей степени, вы обманываете даже меня.

— Ваша эминенція!...

Т. XLVI. — Отд. I.

— Полно, Мазарини! я говорю это безъ упрёка, потому что, гдѣ нужно, и я съ вами дѣлалъ и дѣлаю то же, ... Съ моею смертію должны возникнуть новыя вопросы, и вопросы, которые обнаружатся только послѣ моей смерти; но, чтобы вы могли предвидѣть ихъ, вамъ мало моихъ комматныхъ наставленій: вамъ надо дѣйствовать, принять участіе въ управленіи, и потому сегодня, при второмъ нашемъ свиданіи съ королемъ, его величество пожаловалъ васъ совѣтникомъ: и завтра побѣжайте въ Сень-Жерменъ, вмѣстѣ съ другими, принять приказанія короля передъ его отъѣздомъ.

— Какъ! развѣ король ѣдетъ?

— Въ испанскій походъ не удалось, такъ ѣдетъ въ Ренсъ чинить въ городъ судъ и расправу.

— Я уже и не благодарю вашей эминенціи за отцовскую обо мнѣ заботливость; но это бремя, которое вы почти насильно на меня возлагаете, будутъ сильно оспаривать....

— Надѣюсь, не королева! А, между нами, она ближе всѣхъ къ власти, и вы не сердитесь, если я принужденъ былъ недавно напомнить, что Ришліё еще не умеръ.

— Говоря откровенно, урокъ ей нуженъ и для меня.

— Видите, *mon sieur*! видите, какая у васъ правительственная сообразительность!.... мы поссоримся, а вы насъ помирите!

— Я одного не понимаю: почему ваша эминенція даете извѣстность своимъ намъреніямъ насчетъ меня?

— Вы шутите, Мазарини! вы очень хорошо знаете мое мнѣніе, но хотите услышать его въ словахъ! Весьма просто: Франція и Европа должны привыкнуть къ этой мысли, и, когда вы пріймете управленіе дѣлами государства, никто не будетъ думать, что случалась гвѣйдствительная перемѣна: Ришліё умеръ, а все еще продолжаетъ управлять Франціей по тѣмъ началамъ, на которыхъ основалось ея счастье и величіе! Всякій

другой такъ бѣденъ умомъ, что захочетъ дѣйствовать по-своему: и въ одинъ годъ потеряны всѣ плоды моихъ трудовъ.... а, не забудьте, что многія мои дѣйствія, или еще въ цвѣту, или только поднимаются изъ земли нѣжными отпрысками. Одинъ Мазарини столько умнѣе и глубокѣе! что, насаждая свое, дастъ возможность ошлодотвориться моимъ начинаніямъ.

— Великій человѣкъ!.... О! если бы вы могли видѣть самую будущность, а не однѣ только надежды!

— Любезный сынъ! въ государственной опытности пріобрѣтается и нѣкотораго рода способность къ предвѣднію.

— Боюсь, что на первомъ шагу великимъ и безкорыстнымъ намѣреніямъ вашей эминенціи помѣшаютъ любвицы.

— Куклы! Я ихъ самъ выкроилъ и спилъ, самъ и выброшу: пустыки!

— А на рынкахъ говорятъ сильно про министерство Сень-Марса и де-Ту.

— Де-Ту лишень мною всѣхъ должностей, удаленъ отъ двора, и вотъ, посмотрю, можетъ-быть пошлю его куда-нибудь съ порученіями: людей съ безпокойнымъ умомъ и острыми талантами надо употреблять такъ, чтобы они могли дѣйствовать этимъ умомъ и этимъ талантомъ безъ эпитетовъ. Безпокойство ума можно передѣлать въ тщеславіе, острогу въ хитрость: надо подумать, нельзя ли изъ де-Ту сдѣлать хорошаго посла; только, изъ ученыхъ рѣдко выходятъ порядочные государственные люди. Вотъ и примѣръ на-лицо: шведскій посланникъ..... Что касается до Сень-Марса, то слѣдуетъ только разлучить его съ Де-Ту, отыскать ему красавицу въ королевскихъ паркахъ или въ сень-жерменскомъ предмѣстьѣ, выдать замужъ Марію Неверскую, и честолюбіе господина великаго лишится пищи.

Впрочемъ, онъ, я думаю, и самъ понимаетъ нелѣпость подобныхъ предположеній.

— О, напротивъ! онъ-то и проговорился; а де-Ту такой глупости никогда не сдѣлаетъ.

— А! проговорился? спросилъ кардиналъ, уставивъ на Мазарини свои сѣрые глаза и крѣпко сжавъ губы.

Послѣ мгновеннаго молчанія кардиналъ продолжалъ:

— Какъ же я объ этомъ ничего не знаю? Пожалуй, они въ самомъ дѣлѣ составятъ кабинетскій заговоръ, а объ немъ узнаю подъ ножомъ убійцы! И такъ меня недавно засталъ врасплохъ герцогъ Орлеанскій!.... Я три дня молился потомъ, и благодарилъ Богородицу за трусость Гастона.... Нашумѣлъ, накричалъ, хватался за эфесъ, и все кончилось тѣмъ, что онъ же оставилъ Парижъ, а теперь пріѣзжаетъ въ столицу тайно и боится своей тѣни. Надо бы его разъ попугать.... да я боленъ, а безъ себя нельзя позволить такой шутки.... Такъ Сень-Марсъ проговорился?.... Гм!.... нечего дѣлать, надобно его образумить, вымыть голову, и онъ успокоится.... Главная наша забота, Мазарини, должна быть маленькая шапочка, а прочее уладимъ....

Мазарини вздохнулъ.

— Не печальтесь! сказалъ Ришліѣ : Шантлу привезетъ ее вмѣстѣ съ Пуссеномъ. На этотъ разъ хитрости и библіотека Барберини не помогутъ. Ну, теперь мы довольно наговорились; станемъ слушать.

Мазарини сдѣлалъ видъ, будто ничего не понялъ и, вставъ, сказалъ почтительно :

— У меня есть просьба, въ которой ваша эминенція мнѣ вѣрно не откажете.

— Разумѣется! отвѣчалъ кардиналъ.

— Подарите вашему Депорту дворянство.

— Съ удовольствіемъ! Я и самъ думалъ, какъ бы поощрить этого способнаго челоуѣка : но не овладѣеть ли и этимъ пресмыкающимся твореніемъ демонъ честолюбія?

— Нѣтъ! Я въ этомъ убѣдился. А онъ намъ нуженъ.

— Скажите, неужели вы ходатайствуете за него изъ благодарности за похищеніе сожженныхъ писемъ?

— Именно! отвѣчалъ Мазарини, нѣсколько смѣшавшись: и въ похищеніи любовныхъ писемъ я замѣтилъ его расторопность. Жаль, что онъ принесъ только пепель: какъ бы ваша эминенція поохотали, если бы могли прочесть ихъ содержаніе!

— А чтò такое?

— Да это письма отъ его жены!

— А! такъ вотъ заслуги для полученія дворянства.

— Ваша эминенція!.... каюсь.... но умоляю.

— Смѣшно! сказалъ Ришліё, садясь за письменный столъ и пиша записку: кардиналъ помогаетъ аббату въ любовной интригѣ!

— Каждая минута бесѣды съ вами, сказалъ Мазарини, увѣряетъ меня, что я нашелъ отца въ вашей эминенціи.

— А я наследника, вполне достойнаго, отвѣчалъ кардиналъ, улыбаясь и ложась на постель. — Но, продолжалъ онъ: какимъ образомъ вы познакомились съ женою Депорта?

— Это исторія капитана Мазарини, а я не хочу, чтобы она стала извѣстна въ Парижѣ. Тайна стоить дворянства.

— Справедливо, мой другъ; потому что, закрыть ее иначе, значило бы потерять способнаго Депорта.

Помолчавъ нѣсколько, Ришліё продолжалъ весьма важно, размырно, лежа и зажмуривъ глаза:

— Ну! теперь вы должны быть довольны. Я сдѣлалъ все, чего вы желали, но я не доволенъ вами сньюре Мазарини! Да, да! я недоволенъ вами! Вы получили отъ герцога Оливареса въ картинахъ письма. Ихъ содержаніе: ходатайствовать за герцога Вандомскаго и его друзей, покровительствовать герцогамъ Орлеанскому, Соассонскому, Бульионскому, Гви-

зу, и всѣмъ бунтовщикамъ, или князьямъ Мира; тамъ были кони съ писемъ королевы-матери; тамъ были золотыя горы обѣщаній.... Конечно, вы поемъялись предложеніямъ, но вы сожгли письма. Второе: капуцинъ Барберини, на книгъ, увѣдомилъ васъ о постыдномъ условіи, безъ чего, по его мнѣнію, вамъ не бывать кардиналомъ. Ложь!

Рука Ришліё поднялась и стукнула по налою. Кардиналъ продолжалъ :

— Ложь! Вы будете кардиналомъ. Я исправлю вашу хитрость, дамъ ей другое направленіе, окончу ваше воспитаніе: а капуцинъ больно ошибется!... Ну, теперь давайте руку.

И Ришліё довольно сильно пожалъ дрожащую руку Мазарини.

— Вы сердитесь, ваша эминенція?

— Вы еще живы, свободны.... значитъ, я простилъ васъ.

— Благодаритель!

— Мосьё д'Эфіа, маркизь де-Сенъ-Марсъ, доложилъ секретарь.

— Чтó за чудо? Безъ приглашенія! Уйдите Мазарини въ библіотеку и потолкуйте съ Корнелемъ. И его приласкать не мѣшаетъ. Онъ хвалитъ меня противъ сердца: такъ не худо благовременно заставить его приготовить похвалу и для васъ.... Ступайте, ступайте! Сенъ-Марсъ идетъ!

Вошелъ Сенъ-Марсъ и, не произнося ни одного слова, подалъ записку кардиналу.... Ришліё прочелъ; лицо старика побагровѣло, страданія скорчили уста, но не помѣшали вѣтать и принять видъ ужасный.

— Чтó это значитъ, Сенъ-Марсъ? До чего вы дошли! Вы вывели изъ терпѣнія добрѣйшаго короля, заставили жаловаться!

— Ничего не знаю, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, опустивъ глаза и снявъ шляпу.

— Что вы дѣлали въ Вандомскомъ Дворцѣ?

— Волочился за хорошенькими.

— А въ Бульонскомъ?

— Тоже.

— Тоже? Но васъ не видали на лакейскомъ балѣ.

— Я былъ въ маскѣ.

— Снимите же ее теперь, Сень-Марсъ! Слышите? Снимите; нето я сорву, и будетъ худо.

— Господинъ кардиналъ! вы такъ привыкли казнить герцоговъ, что маркизовъ считаете ниже черни изъ предмѣстій.

— Это что? это что? закричалъ кардиналъ, и губы его посыпѣли, задрожали: вы слишкомъ много себя позволяете! Не забывай, что я устроилъ твое счастье, и что я могу слишкомъ скоро его разрушить: если ты не будешь себя вести съ бодльшимъ благоразуміемъ и съ почтительностію, то я тебя велю выгнать какъ лакея изъ Сень-Жерменя!

Сень-Марсъ вспыхнулъ и рука невольно повернулась къ шпагъ, но ея не было: она осталась въ передней, въ рукахъ стражи. Кардиналъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и сталъ звонить. Сбѣжались пажы и люди: кардиналъ успокоился.

— Не удастся, мерзавецъ! сказалъ кардиналъ тихо; ты не каешься, и я сажусь писать записку о твоёмъ увольненіи.

Сень-Марсъ опомнился. Естественное чувство мгновенно увлекло его, но онъ припомнилъ просьбы Маріи, совѣты друзей, и отвѣчалъ почтительно:

— Никогда бы я не желалъ, чтобы ваша эминенція были на моемъ мѣстѣ! Вамъ было угодно поставить меня подъ эту пытку: и виноватъ ли я, что огъ нея нестерпимая боль? Научите, какъ вести себя?

— Ты умѣлъ быть и услужливымъ и почтительнымъ: куда это все дѣвалось?

— Израсходовалось, ваша эмиценція; израсходовалось.

Сень-Марсъ сказалъ это съ такимъ комическимъ выраженіемъ, что кардиналъ невольно улыбнулся.

— Нельзя ли занять этихъ качествъ у кого-нибудь, пока подрастутъ собственные?

— Постараюсь, но только вы поддержите меня.

— На меня ты не можешь жаловаться, а я на тебя могу; да не буду, а при случаѣ раздѣлаюсь.... Береги себя, Сень-Марсъ! — Я помирю тебя съ королемъ, продолжалъ Ришліё, развернувъ свою записку и донисывая еще что-то : но, смотри, Сень-Марсъ, безъ шутокъ повторяю тебѣ, береги себя! Отдай эту записку королю и заѣжай на-дняхъ для отчета.

— Я постараюсь достойно отблагодарить вашу эмиценцію за всѣ милости.

— Ступай! ступай! Старайся удержаться въ королевской милости; на твое мѣсто я еще никого не искалъ: а прискаты не долго. Прощай.

Сень-Марсъ скрылся, кардиналъ легъ и сказалъ тихо:

— Позовите Мазарини и Корнеля!

Чтеніе трагедіи началось и продолжалось безъ дальнѣйшихъ препятствій. Секретарь докладывалъ о пріѣздѣ разныхъ лицъ, но всѣмъ отказывали по поводу занятій военными дѣлами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ТРЕТЬЯ.

Мистерія.

Было очень поздно, но король, противъ обыкновенія, еще былъ совершенно одѣтъ : шляпа и короткая

мантія уединенно лежали на двухъ подушкахъ. Въсь дворъ былъ отпущенъ; только Дюбоа, сонный, торчалъ въ одномъ углу комнаты, а въ другомъ чинно стоялъ Депортъ, не сводя глазъ съ беспокойнаго Людовика. По всему Сенъ-Жермену часы проиграли и пробили десять.

— Еще полъ-часа, можетъ-быть и часъ! сказалъ Людовикъ, ходя по комнатѣ. — Ну, что, Филиппъ? много новостей въ Парижъ? что говорятъ про Бульюна?

— Я не вдаюсь въ эти разговоры, ваше величество! Мое дѣло кисть, школа, служба.

— И прекрасно дѣлаешь! Если бы каждый былъ занятъ только своимъ дѣломъ, благоденствіе Франціи не нуждалось бы въ этихъ кровавыхъ средствахъ! Я написалъ сегодня объ этомъ въ газету. Не знаю, напечатаютъ ли; а, кажется, мнѣ удалось изложить этотъ вопросъ весьма хорошо, вразумительно: такъ и де-Нойё не напишетъ. А кстати, пріѣхалъ ли де-Нойё?

— Давно, ваше величество, отвѣчалъ Дюбоа: и, полагаю, уже спитъ.

— Спитъ?... Кардиналисты не спятъ: это мы съ тобой ложимся въ девятомъ часу; а кардиналисты работаютъ.... Я считалъ де-Нойё человѣкомъ правдивымъ; но воздухъ кардинальскаго дворца заразителенъ. И Сенъ-Марсъ не ѣдетъ!.... вѣрно посадили его въ рюэльскую башеньку на замокъ.... Желалъ бы, очень желалъ бы!

— Ваше величество, робко произнесъ Депортъ: съ вашимъ небеснымъ сердцемъ можно простить молодости. Сенъ-Марсъ такъ васъ любитъ, такъ мучится, что не умѣетъ угодить вамъ, государь!... по-необходимости, онъ избралъ меня своимъ наперстникомъ, и если что возмущаетъ его нѣжныя чувства, такъ это униженіе, къ которому принуждаютъ его сильнѣйшіе.

Король улыбнулся и, послѣ мгновеннаго размышленія, отвѣчалъ:

— Онъ самъ построилъ себя эту клѣтку; надо было слѣдовать моимъ намѣреніямъ, угадывать мои желанія, а онъ и до-сихъ-поръ ничего понять не хочетъ: оскорбляетъ меня непроизвольными связями, волочится за всѣми садовницами и лѣсничихами..... вѣтренъ какъ кокетка: и въ какое время?... именно тогда, когда бы слѣдовало думать да думать. Вотъ и попался!... Я не виноватъ.... онъ долженъ мстить не мнѣ.

Король покраснѣлъ, сказавъ это; потомъ, обращаясь къ Дюбоа, спросилъ :

— А что Гордъ ?

— Не возвращался еще отъ газетчиковъ.

— Любезные друзья, поскучайте со мною ; пожертвуйте одною ночью... Но, Дюбоа, если не ошибаюсь....

Дюбоа, не трогаясь съ мѣста, поглядѣлъ на окно и сказалъ торопливо :

— Точно такъ, ваше величество, ушелъ во внутренніе покои.

— Ступай, Филиппъ, и сторожи Горда: когда онъ прійдетъ, приходите ко мнѣ оба.... Нѣтъ, лучше обождите : я позову васъ.

Прошло нѣсколько минутъ : двери изъ внутреннихъ покоевъ растворились, вошелъ незнакомецъ и за нимъ всѣ двери, одну за другою, кругомъ залы, кто-то заперъ ключемъ. Король самъ опустилъ огромные занавѣсы оконъ и, обращаясь къ незнакомцу, шопотомъ сказалъ :

— Рѣдкое счастье, *carissime!* Благодарю за готовность!

Незнакомецъ былъ среднихъ лѣтъ и средняго росту; въ чело наморщилось отъ неутомимаго мышленія, уста хранили улыбку довольства, внутреннее спокойствіе отражалось на умномъ лицѣ. Король взялъ его за руку и посадилъ впртнѣя себя въ широкія кресла.

— Мы давно не видались, сказалъ король.

— Больше года, ваше величество, въ такой бесѣдѣ....

— Да въ церемоніальныхъ нашихъ свиданіяхъ я и не подхожу къ вамъ!.... боюсь навлечь подозрѣнія. Не рассказывать же мнѣ кардиналу, что онъ обязанъ сохраненіемъ министерской власти вамъ.... Но, мудрый Гуго, я не могу его оставить на этомъ мѣстѣ долже: онъ не долженъ бы раздѣлять королевства съ королемъ; надо бы хлопотать о мирѣ, о тишинѣ; а я только и слышу о возстаніяхъ моихъ вассаловъ, которые любятъ меня, и которыхъ я люблю. Посмотрите, что получилъ я сегодня отъ Бульиона! Прочтите, мой добрый Гуго! прочтите! Герцоги объявляютъ войну, не мнѣ, а кардиналу, министерской хитрости, за меня, за мою независимость, за права лицъ и народа.

Гуго ванъ-Гроотъ, или Гроціусъ, — такъ назывался незнакомецъ, — прочитавъ письмо, положилъ его на столъ и хранилъ молчаніе.

— Избавьте меня отъ кардинала! Согласитесь заступитъ его мѣсто, и вы увидите, какъ я буду рѣшительнѣе.

— Государь, отвѣчалъ Гроціусъ: я не забылъ вашихъ благодарній! Я помню, какъ вы спасли меня отъ плахи и не выдали моей бѣдной головы на жертву голландскому фанатизму. Я нашелъ при дворѣ вашемъ все, но, въ придачу, и ненависть кардинала. Преслѣдованія Ришліё были нестерпимы: онъ гваллъ, не меня, а мои мысли, мои мнѣнія, особенно, когда я, сидя въ Парижѣ, посредствомъ печати, сталъ защищать права европейскихъ державъ противъ Франціи.

— Зачѣмъ же вы это дѣлали, Гуго?

— Я считалъ обязанностью говорить о томъ, что не было извѣстно, ни королямъ, ни министрамъ, а между тѣмъ было естественнымъ закономъ всѣхъ ихъ дѣятельностей. Книга моя «De Jure belli et pacis» удостоилась одобренія величайшаго изъ министровъ нашего времени: Оксеншернъ усвоилъ ея начала, и Швеція съ тѣхъ

поръ легко и удобно разскаеть Гордіевы узлы европейской политики, къ общему удовольствію. Когда нигдѣ меня не понимали, а въ Парижѣ преслѣдовали, королева Христина и Оксеншерна одни оцѣнили безкорыстіе моихъ намѣреній, пользу моей дѣятельности, и подарили мнѣ жизнь со всей ея полнотою. Швеція спокойна; могущество ея значительно, безъ обиды, безъ нарушенія правъ другихъ государствъ; наши сношенія мирны, тихи, честны, и я почитаю себя вдвойнѣ счастливымъ, во-первыхъ, потому что нѣкоторымъ образомъ послужилъ поводомъ къ этой честной политической системѣ, во-вторыхъ, что не лишенъ возможности на-дѣлѣ доказывать справедливость моихъ положеній и успѣшною дѣятельностью, по тѣмъ же правиламъ, быть полезнымъ и пріятнымъ слугою моей королевы и другомъ моего благодѣтеля. Государь, простите, если я осмѣлюсь отклонить отъ себя измѣну, которая бы унизила меня и въ глазахъ вашего величества.

— По-крайней-мѣрѣ не лишайте меня совѣтовъ въ столь важномъ выборѣ. Меня упрекаютъ въ нерѣшительности, въ пристрастіи къ кардиналу. Глупцы! Кѣмъ замѣню я человека, который столько лѣтъ борется съ интригами, клеветами, вліяніемъ матери моей, жены, брата?... Много, много въ его пользу!..... Но онъ мнѣ надобѣнъ.... Онъ строилъ мнѣ государство: теперь разрушаетъ.... Пора его миновалась.... Жестокости, какія онъ себѣ позволилъ.... Нѣтъ, мудрый Гуго, я не хочу кардинала! Я требую вашего совѣта.....

— Я совѣтую вашему величеству отложить этотъ выборъ до смерти кардинала. Цѣль его прекрасна, но средства оскорбляютъ человѣчество и ведутъ совершенно къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Государь! не утверждайте его приговоровъ.

— Но онъ дѣйствуетъ посредствомъ судебной власти

ншихъ судовъ и парламентовъ , такъ , что я не имѣю случая и времени употреблять мое верховное право помилованія.

Гуго Гроціусъ вспомнилъ странное поведеніе короля съ матерью, заключенною сначала въ крѣпость, потомъ изгнанной , когда все зависѣло отъ одного слова Людовика ; вспомнилъ дѣло Марильяка, маршала Франціи, котораго , за клочокъ сѣна , казнили на Гревской Площади ; вспомнилъ Монморанси.... Вездѣ право помилованія могло имѣть свое дѣйствіе , но мудрый Гуго зналъ характеръ короля : онъ зналъ , что Людовикъ убѣжденъ въ крайности своего положенія , и отвѣчалъ :

— Лишите кардинала возможности быть столь поспѣшнымъ.

— Нѣтъ ! нѣтъ ! Къ хитрости я не способенъ ; я не хочу кардинала вовсе : а эти полу-мѣры вовлекутъ меня только въ борьбу, скучную и бесполезную. Я устану и буду побѣжденъ ! Увольте меня отъ этого послѣдняго стыда.

— Государь ! откажитесь отъ испанской войны !

— Что вы ? что вы , любезный другъ ?

— Иначе , государь , вы никогда не рѣшитесь разстаться съ вашимъ министромъ : одна и та же страсть васъ соединила на-вѣки. Но ; скажите , ваше величество , и простите моему простодушію : какія причины и основанія этой войны ? Права народа и величества нигдѣ не пострадали ; война стремится къ нравственной цѣли , увидитъ домъ Австрійскій : чѣмъ можно оправдать эту цѣль ? неужели желаніемъ возвыситься на его нѣтъ и , какъ онъ , нарушить равновѣсіе Европы , настѣтъ постоянныхъ кровопролитій и потерь французскаго народа ?

— Я не хочу кардинала , и , можетъ-быть , когда его не будетъ , я соглашусь съ вами. Не скрою : во мнѣ застыли рыцарскія страсти ; даже отъ охоты я начинаю отвѣкать ; хотѣлъ бы царствовать , но мнѣ нужна по-

мощь, однородность, чистота чувствъ моего министра; и если молодежи нашей удастся, что она задумала, я вѣсному де-Ту.

— Какъ, государь! привставъ и торопливо спросилъ Гуго : такъ вы извѣщены объ этомъ заговорѣ противъ кардинала, о которомъ самъ онъ ничего не знаетъ и, можетъ-быть, ничего не узнаетъ?

Но какимъ образомъ вы, Гуго, могли объ немъ провѣдать?

— Случайно, ваше величество : по сношеніямъ заговорщиковъ съ изгнанниками; а изъ нихъ многіе живутъ у насъ въ Швеціи.... Но, ваше величество, если вамъ уже извѣстно, такъ не мѣшало бы, кажется, арестовать заговорщиковъ.

— Что вы? что вы, любезный другъ? Какое мнѣ дѣло! Одного люблю я какъ сына, хотя и неповорнаго; другаго ненавижу, хотя онъ мнѣ и братъ; а третій будетъ хорошимъ министромъ. Прочіе—двѣтъ французскаго дворянства.....

— Государь! я вамъ долженъ платить искренностью, и признаюсь : съ такимъ министромъ Франція погибнетъ....

— Съ де-Ту!

— Съ де-Ту, ваше величество.

— Да вотъ я у васъ съ полъ-часа добиваюсь, кого же назначить на мѣсто Ришліё?

— Если на простой вопросъ надо дать простой отвѣтъ, такъ по моему мнѣнію, ваше величество, аббата Мазарини.

— Вы полагаете?

— Онъ пойдетъ по слѣдамъ Ришліё къ той же цѣли; но, съ его гибкимъ умомъ, съ постояннымъ желаніемъ учиться, съ желаніемъ заслужить любовь короля и Франціи, онъ перемѣнитъ средства. Франція выигрываетъ втрое столько у себя дома, сколько она терпѣтъ при Ришліё вѣдъ своихъ предѣловъ.

Нѣтъ, Гуго! нельзя! Онъ Италіионецъ: а вспомните, что въ мое царствованіе надѣлали Италіянцы! Насилу избавился; и никогда не перестану я сожалѣть о моемъ дорогомъ конетаблѣ.... И если бы не капризъ, не тайный развратъ, не злое сердце.... я возстановилъ бы санъ конетабля. Но, можетъ-быть, съ молодостью уйдутъ и недостатки возраста. Я не теряю надежды, и главное, кажется, кленется: я ихъ поссорю съ кардиналомъ, сдѣлаю непримиримыми врагами....

— Если ваше величество считаете только Француза достойнымъ замѣнить кардинала, въ чемъ я совершенно согласенъ, то вы, государь, имѣете сокровище, какое Богъ даруетъ не каждому вѣку.

— Ради Бога, Гуго, кто онъ?

— Рене Декартъ.

— Гдѣ онъ?.... въ Парижѣ?

— Нѣтъ, государь! онъ видѣлъ примѣръ на мнѣ; и благовременно, продавъ все свое имѣніе во Франціи, переехалъ въ Утрехтъ.

— Генеръ вы сами видите, каково мнѣ отъ кардинала! Онъ удаляетъ всѣхъ способныхъ людей изъ государства. Декартъ, умный человекъ, въ Голландіи; Пуссенъ, великій живописецъ, въ Италіи; де-Ту безъ мѣста.... И я узнаю объ этихъ людяхъ отъ постороннихъ, случайно или насильно!... Вы знакомы съ Декартомъ?

— Мы въ перепискѣ какъ ученые.

— Напишите къ нему, чтобы онъ немедленно явился ко двору моему; напишите, что слухъ объ его учености проникъ въ сенъ-жерменскій монастырь, какъ называется Сенъ-Марсъ мой дворецъ, и что я его вознесу и прославлю.

Гуго Гроціусъ улыбнулся и всталъ, потому что и король, окончивая послѣднюю рѣчь съ нѣкоторою торжественностью, оставилъ свое мѣсто.

— Мы едва ли съ вами скоро увидимся, сказалъ ко-

роль : я ѣду въ Ренсъ , можетъ-быть завтра , но буду совершенно спокоенъ насчетъ приглашенія Декарта. Онъ написалъ много ?

— Весьма много, но до-сихъ-поръ издалъ только одну книгу, «О Методъ».

— Пришлите мнѣ ее отъ имени какого-нибудь изъ моихъ дворянъ: да вотъ!.... отъ имени Депорта. — Еще разъ благодарю васъ, прибавилъ король, привѣтливо кланяясь Гроціусу.

Шведскій посланникъ подошелъ къ дверямъ, но они были заперты.

— Ахъ, да ! я и забылъ объ нашихъ предосторожностяхъ, сказалъ король, позвонилъ, и Дюбоа увелъ Гроціуса черезъ внутренніе покои, по тайной лѣстницѣ.

Занавѣсы королевскаго кабинета , одна за другой, повисли на золоченыхъ вѣтвяхъ, и окна освѣтились.

— Не знаю, сказалъ Гроціусъ, зачѣмъ мои люди положили со мною этотъ узелъ? А! вѣрно полагали, что я буду ночевать въ Сенъ-Жерменъ. Посмотримъ, что тутъ? Вся принадлежности моего вечерняго уединенія.... А! кстати, вотъ и она со мной!

Гроціусъ взялъ книгу , завернулъ ее въ бумагу, написалъ : «Отъ дворянина Депорта», отдалъ Дюбоа, наказавъ скорѣе отнести къ королю, а если есть чужіе, не говорить отъ кого.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Ложная тревога.

Дюбоа засталъ короля въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Гордъ подробно рассказывалъ, въ какое вос-

хитрости привела газетчиковъ статья, написанная Людовикомъ, какъ они пересчитывали строчки, набросанныя королемъ, и утверждали, что эта статья—образецъ политическаго слогу, но къ завтрашнему дню напечатать въ Gazette de France находили невозможнымъ, и просили дозволенія отсрочить до слѣдующаго разу.

— А знаешь ли, Гордъ, сказалъ съ улыбкою король: почему они не успѣютъ этого сдѣлать сегодня? Ишь надобно показать статью въ Рюэль.... Но, дастъ Богъ....

Людовикъ замолчалъ и захохоталъ, прочитавъ надпись на оберткѣ книги, присланной Гротомъ.

— Ты дерзокъ, Филиппъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Филиппу: какъ это ты самъ себя пожаловалъ въ дворецъ?

Депортъ не на-шутку испугался, и не зналъ что отвѣчать королю. Первая мысль, что Мазарини употребилъ какую-нибудь хитрость, чтобы обвинить его въ глазахъ короля, мелькнула въ головѣ Депорта, но, не замѣчая въ лицѣ Людовика ни малѣйшаго признака гнѣва и неудовольствія, совершенно запутался въ догадкахъ и лепеталъ несвязныя слова:

— Я.... я.... ваше величество.... Фукиерръ.... интриги....

Король недолго любовался на замѣшательство Депорта: развернувъ книгу, онъ съ изумленіемъ пробѣгалъ страницы, гдѣ въ каждомъ словѣ находилъ силу, новизну, пареніе могучаго и великаго разума....

Король пересматривалъ книгу изъ конца въ конецъ; напоследокъ громко прочелъ первое положеніе новой metody, повторенное потомъ и въ другикъ сочиненіяхъ Декарта: «Чтобы достигнуть истины, надо разъ въ жизни освободиться отъ всѣхъ полученныхъ уже мнѣній и востроить снова, съ самыхъ основаній, всю систему своихъ познаній.»

— Последнѣ, сказалъ король со вздохомъ. Но справед-

лино! Наше ученіе, наше воспитаніе — чужое платье, которое никогда не бываетъ шпору; начнешь передѣлывать по себѣ: пока пригонишь, оно уже — лохмотья!

Вошелъ Сень-Марсъ забрызганный грязью, и съ лицомъ, на которомъ было написано глубоко уязвленное самолюбіе и злобная рвительность. Онъ подалъ королю письмо кардинала и отошелъ къ Горду, не вымолвивъ слова. Король съ улыбкой смотрѣлъ на него и, обратясь къ Депорту, сказалъ въ полъ-голоса:

— Посмотри, какъ онъ мнѣ служить!

Развернувъ письмо, король значительно поглядѣлъ на Депорта; уста его сложились въ непріятную улыбку; послѣ минутнаго молчанія онъ сказалъ сухо:

— Мосьё Депортъ, вы будете посѣщать насъ только въслѣдствіе письменныхъ нашихъ приказаній.

Смертная блѣдность покрыла лицо Депорта.

«Мазарини, подумалъ онъ: это твоя услуга! но ты не зналъ, не предвидѣлъ, что клевета твоя застанетъ меня въ Сень-Жермень, и что я оплачу тебѣ....»

— Государь, сказалъ громко Депортъ: не понимаю причины такой немилости и осмѣлюсь....

— Нѣтъ, право, ничего! сказалъ король: предосторожность.... порядокъ.... церемоніаль.... и только! А мы останемся къ вамъ по-прежнему милостивыми.

Депортъ заплакалъ и произнесъ съ чувствомъ:

— Право, я ни въ чемъ не виноватъ, ваше величество! Клянусь Богомъ, ничего не знаю! Убей меня громъ Господній, ничего не знаю!

— Фи! сказалъ съ неудовольствіемъ король: какъ тебѣ не стыдно Филиппъ?... Ты искалъ повышенія въ нашихъ милостяхъ черезъ посредство кардинала, когда мы сами тебя открыли и такъ быстро возвысили въ званіе, котораго добиваются первые таланты Европы!

— Клянусь Богомъ, не искалъ, не говорилъ ни слова, и

знать не знаю кому я обязанъ этимъ неожиданнымъ покровительствомъ.

— Неужели? спросилъ изумленный король: вѣрно сама судьба жалуешь тебя въ дворяне. Великій человекъ по ошибкѣ назвалъ тебя дворяниномъ; теперь Ришліё просить о дворянствѣ Депорту: право удивительно!

Депортъ воскресъ. Глаза сверкали. Отъ искренняго страха и отчаянія онъ перешелъ въ притворный ужасъ.

— Злобные люди! сказалъ онъ, отирая слезу: что я имъ сдѣлалъ? Нашли кому завидовать!.... Бѣдному живописцу! Я какъ-будто предчувствовалъ, что они найдутъ средства унижить меня въ глазахъ моего государя и.... помните, маркизъ?... я говорилъ вамъ объ этомъ, а вы меня еще успокоивали, говорили: «Да, да, клеветать будутъ, да государь привыкъ къ ихъ пронкамъ, не обидитъ». Вотъ, видите, что они со мной сдѣлали!

— Трусъ! сказалъ король ласково: что же? Сдѣлали тебя дворяниномъ, и только.

— И лишили вашихъ милостей.

— Не правда! Подражай имъ: они тебя сдѣлаютъ маркизомъ и все будутъ думать, что удачно подкопался подъ нашу пріязнь.... а ты вотъ что сдѣлай: позжай завтра же въ Рюэль, поблагодари кардинала и пріѣзжай ко мнѣ: вмѣстѣ посмѣемся.

— Государь мой и благодѣтель! сказалъ Депортъ, бросающъ къ ногамъ Людовика.

— Хорошо, хорошо! сказалъ король вынимая шпагу и ударивъ ею по плечу Депорта. Встань. Ты благороденъ, и умѣй отомстить тому, кто въ томъ сомнѣвался.

Сказавъ это, король не обращалъ уже ни какого вниманія на пышную благодарственную рѣчь, которая лилась изъ устъ Депорта, и продолжалъ читать письмо кардинала.

— Кардиналъ уведомляетъ меня, сказавъ королю, обращаясь къ Сенъ-Марсу : что вы увѣрили его, будто имѣете большое желаніе угождать мнѣ во всемъ ; а между-тѣмъ вы этого не дѣлаете по одной статьѣ, о которой я просилъ кардинала поговорить съ вами, именно, насчетъ вашей лѣности.

— Да, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ : кардиналъ мнѣ говорилъ объ этомъ. Но я на этотъ счетъ не могу исправиться и лучше вести себя не умѣю.

Король разсердился и сказалъ :

— Человѣкъ вашего званія долженъ думать о томъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ предводительствовать войсками ; вы сами изъявили мнѣ это желаніе : а лѣность совершенно тому противна.

— Это желаніе и въ умъ мнѣ не приходило.

— Не приходило ?

— Никогда !

Король отворотился съ неудовольствіемъ, помолчалъ нѣсколько, какъ-будто желалъ Сенъ-Марсу дать время опомниться, и опять началъ :

— Лѣность дѣлаетъ человѣка ко всему неспособнымъ ; лѣность хороша у Марѣ : тамъ всѣ совершенно преданы только удовольствіямъ ; вы между ними воспитаны. Но, если не хотите оставить такой жизни, надо возвратиться къ Марѣ.

— Я готовъ.

— Если бы я не былъ умнѣе васъ, то знаю, что вамъ отвѣчалъ бы наэто. Кажется, вамъ не слѣдовало бы такъ говорить съ вашимъ благодѣтелемъ.

— Увольте меня, государь, отъ вашихъ благодарній ! Возьмите ихъ назадъ ! Быть только Сенъ-Марсомъ, право, пріятнѣе чѣмъ быть великимъ конюшимъ. Жить иначе, какъ угодно, я не могу.

— Расположеніе вашего духа не позволяетъ мнѣ болѣе васъ слушать, и вы мнѣ сдѣлаете пріятность, если избавите меня отъ вашего присутствія.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Сень-Марсъ, и ушелъ. Въ остались въ изумленіи. Одинъ король улыбался и сталъ писать.

— Гордъ, поди сюда! сказалъ король.

Гордъ подошелъ, и король прочелъ письмо къ кардиналу, сохранившееся до-нынѣ въ подлинникѣ, съ котораго, съ буквальною точностью, списанъ весь этотъ разговоръ Людовика съ Сень-Марсомъ.

— Чтѣ? не такъ? спросилъ король, окончивъ чтеніе.

— Чистая истина, отвѣчалъ Гордъ.

Король дописалъ еще нѣсколько словъ и, отдавая Депорту, сказалъ :

— На, Филиппъ! Эта довѣренность еще болѣе утѣнитъ твоихъ враговъ. Отвези это письмо къ кардиналу!

Рано по утру доложили кардиналу о пріѣздѣ Депорта. Рипшлѣе прежде всего сталъ спрашивать обо всѣхъ обстоятельстахъ отношеній Мазарини съ женою Депорта; но умный Филиппъ изумился и просилъ кардинала защитить его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій аббата.

— Главное мое несчастіе, говорилъ онъ : жена и воспитавница ; обѣ хороши собой ; но, я надѣюсь, молодость возьметъ верхъ и сдѣлаетъ Мазарини соперникомъ Сень-Марса.

— Какъ! спросилъ кардиналъ съ особенно довольною улыбкою : такъ ты и Сень-Марса увлекъ въ сѣти?

— Случай, ваша эминенція.

— Мой другъ, дѣла перемѣняютъ свой видъ. Слушай, Депортъ, и рачительно исполни.... Представь

ннѣ свидѣтельство, въ которомъ бы не могъ никто сомнѣваться, что Сенъ-Марсъ влюбленъ въ твою воспитанницу!.... Не теперь, конечно, не теперь, потому что король сегодня увезетъ его въ Ренсъ.

— Послѣ такой ссоры?

— Притворная ссора, любезнѣйшій: я опять буду просить короля о прощеніи! Меня не поймаютъ. Вотъ, мы съ тобой должны поймать Сенъ-Марса!

— Но Мазарини....

— Не бойся! Мазарини не будетъ соперникомъ Сенъ-Марса.... Я ручаюсь.

— Въ такомъ случаѣ еще хуже; онъ будетъ ухаживать за женой.

— А глаза и я на что? Будь спокоенъ.... Только свидѣтельство, письмо, что-нибудь, новѣрное, положительное, несомнѣнное! Ступай. Мнѣ некогда.

—

Было уже очень поздно. Весь Сенъ-Жерменъ находился въ волненіи; множество придворныхъ толпились на крыльцѣ; дорожніе экипажи наполняли дворъ и улицы; весь суетились; увидѣвъ Депорта, многіе голоса закричали: «Пріѣхалъ! пріѣхалъ!»

Дюбоа махалъ Депорту платкомъ на встрѣчу. Въ растворенномъ окнѣ показался король съ Сенъ-Марсомъ и также сдѣлалъ Депорту знакъ рукою.

Опряметью вбѣжалъ Депортъ въ большую залу, гдѣ было много дворянъ и придворныхъ. — «Король васъ ждетъ; за вами остановка.... Спѣшите!... Спѣшите!...» кричали ему со всѣхъ сторонъ незнакомыя лица. Депортъ, едва переводя дыханіе, вошелъ къ королю.

— Рассказывай, рассказывай! сказалъ король, садясь.

— Нечего рассказывать, ваше величество. Я вошелъ и сталъ благодарить кардинала. «Не за что! Не за что!» отвѣчалъ онъ : ступай съ Богомъ!» — Но я не могу угадать причины такихъ благодѣяній, говорилъ я....
— «Ступай прочь, съ досадою говорилъ кардиналъ: мнѣ некогда.»

— Попался! со смѣхомъ сказалъ король: не и ты, Филиппъ, кажется струсилъ....

— Ахъ, ваше величество! я, право, не могу опомниться отъ такого приему.

— А что же онъ сказалъ на письмо?

— Право, не помню!.... Да! приказалъ вамъ, господинъ великій, немедленно прѣхать въ Рюэль.

— Подождеть! отвѣчалъ Сенъ-Марсъ.

— Подождеть, прибавилъ король, до нашего возвращенія изъ Ренса! Вдемъ.... Прощай Филиппъ! — Сенъ-Марсъ! надо чтобы охота была не въ далеку отъ насъ. Если вздумается дорогою позабавиться.....

— Я уже распорядился, ваше величество; слово, и все будетъ въ готовности.

— Вдемъ, Сенъ-Марсъ! сказалъ король и ушелъ.

— Вдемъ, ваше величество..... — Филиппъ! скажи своимъ дамамъ, что я ихъ обожаю....

— Объихъ, маркизъ?

— Пока, объихъ.

— И не простились съ Эвелиной?

— Не успѣлъ! Ты самъ видѣлъ, какая вчера была буря.

— Напишите ей два слова.

— Плохой ты знатокъ въ любовныхъ сношеніяхъ! До писемъ еще далеко.

— Сенъ-Марсъ, Сенъ-Марсъ, вдемъ! раздавался голосъ короля изъ залы.

— Бѣгу! отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, и дѣйствительно побѣжалъ въ садъ.

Депортъ остался одинъ въ комнатѣ и въ окно смотрѣлъ на королевскій отъездъ. Сень-Жерменъ опустѣлъ, но Депортъ долго стоялъ въ раздумьѣ.

— Кто васъ пойметъ, люди! сказалъ онъ громко, со вздохомъ. Хитрость легко понимаетъ хитрость; но шипящія престоудшныя вѣстунковъ она разобрать не въ силахъ..... Увезли мою пташку; вчера поссорилсь, сегодня помирился. Въ кого влюбился Сень-Марсъ? въ жену или въ Эвелину? И! полно! влюбился ли еще? И остался одинъ, безъ нищи, безъ дѣятельности....

— Утѣшьтеся, мосьё Депортъ : я съ вами ; мои условія исполнены; исполняйте ваши.

Депортъ чуть не упалъ отъ испугу : то былъ Мазарини.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ПЯТАЯ.

Бѣгство.

Знойное полуденное солнце раскалило дома и мостовую Рима. Нигдѣ не было замѣтно ни одной кареты, ни однѣхъ носилокъ. Только вдоль домовъ, подъ узкою тѣнью отъ карнизовъ и выпусковъ, люди ползли на Испанскую Площадь къ аустеріямъ, и то по одиночнѣ; тихо, медленно. Пуссенъ несъ въ платкѣ мраморные куски; де-Вальероль тащилъ за нимъ мраморную ногу.

— Мнѣ, право, совѣстно, капитанъ! говорилъ Пуссенъ, положивъ свой тяжелый узелъ у Баркаччи на Испанской Площади и стараясь освѣжиться брызгами водомета.

— Да у васъ ноша тяжелѣе, отвѣчалъ капитанъ, при-

ставилъ ногу въ бассейнъ и отирая потъ, обливавшій лицо его.

— Мнѣ кажется, я снесъ бы Пантеонъ на плечахъ къ мою мастерскую, если бъ мнѣ его подарили.

— Однако, полдень. До дому пять шаговъ; отдохнемъ лучше въ прохладныхъ комнатахъ.

— Да! если дадутъ отдохнуть посѣтителю.... а нечего дѣлать, пойдемъ. И художники собираются въ аустерин на обѣдъ; заговорятъ. Пойдемъ!

Не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ Гаспаръ Дюгё прибѣжалъ къ нимъ на встрѣчу.

— Николо! Николо! кричалъ онъ издали: гости приѣхали.

— А что? не говорилъ я! сказалъ Пуссенъ съ досадой. — Какіе гости?

— Шантлу изъ Парижа.

— Ахъ, какъ я радъ! воскликнулъ Пуссенъ.

— И я тоже, сказалъ тихо Вальероль. — Не за нами ли?

Шантлу стоялъ подъ навѣсомъ и, увидѣвъ Пуссена, пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Не могу обнять васъ, говорилъ Пуссенъ: дорогіе кусочки мѣшаются! — Возьми ихъ, Гаспаръ! — Какими судьбами, дорогой Шантлу? Скажите, на долго ли?

— Отъ васъ зависитъ, отвѣчалъ Шантлу.

Всѣ вошли въ комнаты.

— Если такъ, я начну сочинять для васъ надгробный памятникъ; потому что и себя и васъ я хотѣлъ бы похоронить въ Римѣ.

— А я пріѣхалъ просить васъ въ Парижъ, отъ имени короля и кардинала.

Всѣ вздрогнули.

— Небо моего счастья опять помрачилось, сказалъ Пуссенъ съ грустью. Но я надѣюсь на вашу дружбу, Шантлу: вы посоветуете мнѣ, какимъ образомъ избѣ-

нуть этой ужасной необходимости! И, скажите: давно ли наши господа Французы стали такъ постоянны въ своихъ намѣреніяхъ?

— Когда дѣло идетъ о славѣ націи, Французы всегда тверды и постоянны.

— Это доказываетъ продолжительное министерство Ришліё, сказалъ Гаспаръ, поглядывая на Вальероля.

Капитанъ бросилъ на него умоляющій взглядъ и скрылся.

— Молодой человекъ! не судите такъ опрометчиво о великихъ людяхъ.

— О великихъ извергахъ, сказалъ Дюгё, и ушелъ.

— Кто этотъ молодой человекъ? спросилъ Шантлу.

— Братъ моей жены, Гаспаръ Дюгё, котораго скоро будутъ называть Гаспаромъ Пуссенемъ. Я его усыновлю.

— Зачѣмъ же онъ такъ сердится на кардинала?

— За меня! Все семейство Гаспара здѣсь; а по милости Ришліё, по волѣ кардинала, онъ долженъ съ нимъ разлучиться, потому что бѣзъ меня не останется въ Римѣ.

— Такъ вы готовы ѣхать въ Парижъ и освобождаете меня отъ необходимости употреблять хитрости, убѣжденія, просьбы, и прочая, и прочая?

— Ѣхать я долженъ, но, не скрою отъ васъ, я не перестану думать какъ бы избавиться отъ этого путешествія.

— Да что вы такъ разлюбили Францію? Римъ, вашъ Римъ, вотъ царство Генсерика и Вандаловъ! Что у васъ сдѣлали съ Галилеемъ? что сдѣлали съ сочиненіями Декарта? Не говорю о писателяхъ: вспомните, что у васъ играютъ на театрѣ подъ секретомъ!

— Римъ, отвѣчалъ Пуссенъ, академія художествъ, и прекрасно дѣлаютъ, если не позволяютъ другимъ отраслямъ человѣческаго знанія возвышаться насчетъ художествъ.

— Вы покраснѣли. Такъ ваши чувства несогласны съ словами?...: Не правда ли?

— Вру?... вы угадали.... Но если люди и въ Римѣ повсюды, поборники омыраченія, такъ зато камни, стѣны Рима, разливають неугасаемый свѣтъ, котораго не омырачить ни какая сила.

— Вы можете изъ Парижа сдѣлать тоже.

— Вы шутите, Шантлу!....

— Ни мало! По-крайней-мѣрѣ вы начнете. Я знакомъ со всею школою нашего Вузъ, и способности молодыхъ Французовъ меня удивляютъ; тѣло есть, не достаетъ души, и само небо васъ воздѣляло въ Римѣ чтобы нанести ему смертельный ударъ въ Парижъ. Такъ дѣти варварскихъ королей возрастали въ державномъ Римѣ на гибель своему тирану. И не досадно ли смотреть на эту монополию Рима, въ области, которая должна принадлежать всемъ равно! Гдѣ есть люди, тамъ должны быть и всѣ средства для ихъ нравственной жизни, точно такъ же какъ и для ихъ пищи.... Книгопечатаніе вырвало у наукъ эту исключительную таинственность, но, въ художествахъ, гравюра — плохое средство. Римъ стоитъ на землѣ вулканической; младшіе города исчезли: кто поручится, что рука природы не опрокинетъ семи холмовъ столицы художествъ и не покроетъ страшнаго Мавзолея зловоннымъ озеромъ, отъ котораго далеко разбѣгутся даже дикіе звѣри?... Помпея, Геркуланъ, Пестумъ — не далекіе сосѣди.... И на прошедшей недѣлѣ, говорятъ, подземные удары слышались въ римскихъ окрестностяхъ!

Пуссенъ сѣлъ и, положивъ голову на руки, впалъ въ глубокое раздумье. Прошло нѣсколько безмолвныхъ мгновеній. Великій художникъ всталъ и, откинувъ назадъ голову, съ гордостью отвѣчалъ:

— Останется исторія!

— Прекрасное утѣшеніе, когда все погиваетъ!

— По крайней мѣрѣ не отъ руки невѣжества. Но оставимъ этотъ разговоръ и пойдемъ обѣдать.

— Не могу, дорогой Пуссенъ! Я долженъ явиться къ кардиналу Варбернини. Можетъ-быть и его святѣйшество удостоитъ меня выслушать.... После обѣда, если позволите.

— Пожалуйте кушать, сказалъ капитанъ, отворилъ двери и почтительно остановился за ними.

— Ступайте! ступайте! вы отдохните, а мнѣ надо сѣсть, сказалъ Шантлу и вышелъ.

Пуссенъ хотѣлъ идти за нимъ, но Вальероль бросился и отворилъ двери. Провожая Шантлу, капитанъ почтительно спросилъ по-италіянски :

— Позвольте узнать, синьоре, какъ васъ зовутъ и гдѣ изволили остановиться : неравно барину понадобится.

— Зовутъ меня просто Шантлу, а остановился я на Испанской Площади у Чернаго Орла.

«Хорошій признакъ! сказалъ Шантлу про себя : философъ завелся слугою!»

— Что съ вами, капитанъ? я васъ не узнаю, сказалъ Пуссенъ Вальеролу.

— Вы ѣдете въ Парижъ. День службы моей начался, по условію....

— Съ-тѣхъ-поръ какъ вы живете въ моемъ домѣ, я и забылъ объ этой шуткѣ, которая насъ познакомила на площади Ротунды.

— Пуссенъ! неужели вы пошутили?

— Я видѣлъ невозможность вашего возвращенія въ Францію и хотѣлъ дружбой залечить раны вашего сердца. Замѣьте, что я даже не любопытствовалъ узнать обстоятельство вашего дѣла, боясь вскрыть язвы, которыя, казалось, заживали.

— А я только о томъ и думалъ, когда вы поѣдете во Францію и когда доставите мнѣ блаженство быть вашимъ слугою!

— Почтенное упрямство, Вальероль! Но я не желаю бы доставить вамъ этого блаженства собственнымъ несчастіемъ.

— Молчу, молюсь и надъюсь! Пожалуйте кушать.

За обѣдомъ Пуссенъ старался шутить, говорить о постороннихъ предметахъ, и каждый разъ превращалъ разговоръ о поѣздкѣ въ Парижъ. Жена Пуссена, милостивая Француженка, не могла надивиться, отчего мужъ не соглашается ѣхать въ Парижъ. Тамъ ожидали ея удовольствія, самыя соблазнительныя для женщины: французскіе кавалеры, путешественники, такіе милые, развязные! говорятъ такъ красно, что иногда нельзя понять о чемъ они думаютъ! такъ хорошо умѣютъ они скрывать свои ощущенія! какіе тамъ театры, балы!... жена Пуссена въ Парижъ важнѣе многихъ герцогинь: чего добраго! самъ Людовикъ будетъ къ ней не равнодушенъ: вѣдь онъ любилъ же дѣвицъ д'Отфоръ и Лафайетъ! Быть равнодушной женой равнодушнаго мужа стало ей привычкой; но теперь она его ненавидѣла: Пуссенъ смѣялся надъ парижскими обычаями, надъ костюмомъ Шантлу, и восхищался кусками разбитой статуи!....

— Пойдемъ, сказалъ онъ, въ мастерскую, всталъ изъ-за стола и ушелъ съ Вальеролемъ.

Жена расплакалась. Гаспаръ журилъ сестру и проклиналъ Ришліё.

— Мастика портитъ видъ, а статуя прекрасна! говорилъ Пуссенъ, отходя отъ стола, на которомъ стояла склеенная статуйка смѣющагося Бахуса.

— Я полагаю, можно выгнать мастику на легкомъ огнѣ; мраморъ сойдетъ отъ недостатка въ воздухѣ между кусками и отъ тонкости въ словъ мастики Бахусъ получитъ первоначальную цѣлость; останутся признаки, швы: да это не бѣда. Слава Богу, голова ужь дѣла!..... Какую я напишу вакханалию!.... и подарю....

— Кажется Ришліе? сказалъ Вальероль, очищая грязную ногу отъ земли и травы.

— Вы шутите, капитанъ!.... Удивительно, какъ это Урбанъ, который корчитъ знатока и покровителя художествъ, не займется раскапываніемъ виллы? Мы, шутя, сегодня нашли два сокровища: а если бы поискать съ толкомъ и, главное, съ средствами.... Будемъ молчать, Вальероль, а черезъ недѣлку опять отправимся гулять куда-нибудь по-дальше. Каждый день нельзя: замѣтять; и Урбанъ завладѣетъ сокровищами, пока никому не принадлежащими. Я не воръ, и дѣйствую согласно съ римскими законами: *Res nullius cedit primo occupanti*.

— Да вы развѣ не думаете ѣхать въ Парижъ?

— Боже меня сохрани!

— Но если всѣ ваши покровители отрекутся? Шантлу потребуетъ отъ васъ рѣшительнаго отвѣта именемъ короля.

— О! тогда дѣло другое. Но я надѣюсь умилюстить Шантлу.

Шантлу вошелъ въ то самое время въ мастерскую вмѣстѣ съ Гаспаромъ, и слышалъ послѣднія слова.

— А я надѣюсь умилюстить васъ, Пуссенъ, сказалъ онъ. Вы, вѣрно, не захотите разлучить меня съ семействомъ на всегда!

— Какъ, Шантлу!

— Безъ васъ я не имѣю права возвратиться во Францію.

— И я тоже! сказалъ тихо Пуссену Вальероль, проходя мимо него съ жаровней.

Пуссенъ опустилъ голову и безмолвно глядѣлъ на Вахуса.

— Римъ мнѣ улыбается въ этомъ антикѣ, сказалъ онъ съ грустію: а я долженъ ѣхать, Богъ-знаетъ куда, Богъ-знаетъ зачѣмъ!... Нѣтъ! дѣлайте, что вамъ угодно, я не повѣду.

Прошло нѣсколько дней въ безуспѣшныхъ переговорахъ. Шантлу успѣлъ вездѣ, только не у Пуссена; даже командоръ дель-Поццо согласился отпустить своего друга, но только на три года, и былъ счастливъ, что умѣлъ выторговать нѣзъ сроку почти половину. Шантлу соглашался на все, разсыпалъ обѣщанія, но Пуссенъ былъ непоколебимъ. Съ печалію видѣлъ онъ, какъ покровители, которые съ такимъ жаромъ и такой хитростью сами прежде создавали пренятствія къ поведѣнью его въ Парижѣ, теперь толпами собирались къ нему по вечерамъ и уговаривали согласиться на предложенія Шантлу. Пуссенъ заперъ двери своего дому. Шантлу и покровители отпирали ихъ назойливымъ упрямствомъ. Пуссенъ притворно слегъ въ постель. Каждый присылалъ своего врача, и у постели Пуссена, цѣлые дни лучшее общество Рима ожидало его выздоровленія. Наконецъ Пуссенъ выздоровѣлъ, и обманулъ радость друзей своихъ. Въ нѣсколько часовъ весь Римъ узналъ о необыкновенномъ событіи. Толкамъ не было конца; догадки сыпались дождемъ.... напрасно!... Пуссенъ исчезъ изъ Рима.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ-ШЕСТАЯ.

Вилла Альдобрандини.

Однажды, ввечеру, въ гостиницѣ Чернаго Орла, съѣла толпа Французовъ и уничтожила итальянское вино гомерически. Въ углу былъ небольшой буфетъ, и слуга, для принятія приказаній посѣтителей. Шумъ отъ французской бесѣды былъ слышенъ по всей площади. Вошелъ Вальероль и спросилъ у слуги:

— Что? никто на дьякъ не прѣзжалъ изъ Франціи?
 — Никто! Вотъ сидятъ послѣдніе!... Они прѣехали съ этимъ господиномъ Чантелупо.

— Какъ! все? спросилъ изумленный Вальероль.

— Все; да они еще не все, потому что шести человѣкъ здѣсь нѣтъ.

— А гдѣ же остальные?

— А каждый день въ-очередь ищутъ какого-то господина, который убѣжалъ изъ Рима.

— Сколько же ихъ всѣхъ?

— Ровно двѣ дюжины.

— Сколько же было нужно повозокъ для такого путешествія!

— У нихъ всего осемь повозокъ; все свои.... и просвѣщенные.

«Наужели это дворъ Шантлу? я никогда не слыкалъ что Шантлу такъ богатъ!» подумалъ Вальероль, подошелъ къ собесѣдникамъ, и разговорился съ ними; вынулъ, свѣлъ, и внимательно сталъ разсматривать ихъ лица: все были одѣты какъ порядочные люди, изъ гаремъ-го состоянія; но изъ разговоровъ и ухватокъ было замѣтно, что платья на нихъ — чужія: по произношенію, рѣдкіе принадлежали къ парижскому округу; все обнаруживало какую-то тайную цѣль. «Слѣзные орудія ужасной воли! подумалъ Вальероль: зачѣмъ вы здѣсь?...»

— Чортъ возьми! сказалъ Французъ въ красномъ плащѣ, съ огромными усами: когда намъ сдѣлали нарядъ, я звалъ славнаго Гарь-Шюна. Известное дѣло! Хитрая годовка: онъ какъ-разъ бы отыскалъ этого сумасшедшаго, что вторую недѣлю отъ насъ скрывается.

Вальероль затрещалъ и ласково спросилъ:

— А ты знаешь Гарь-Шюна?

— Какъ же мнѣ его не знать! Каждый день въ дворцовой Галерей мы съ нимъ табакъ покушаемъ у одной и той же торговли.

— И въ этомъ все ваше знакомство?

— А чего еще?

— Отчего же онъ съ тобой не повѣхалъ?

— Да много причинъ. Во-первыхъ, говоритъ, не хочу служить кардиналу; во-вторыхъ, почему знать, можетъ и дѣло не чисто; а, главное, у меня, говоритъ, на рукахъ осталась госпожа молодая: такъ надо беречь пуше глаза, пока прїѣдетъ капитанъ.... Последнее еще куда-сюда; а ужъ первыя двѣ причины — вздоръ. Какое намъ дѣло? Кто насъ нанялъ, тотъ и отвѣчай: а мы дѣйствуемъ по условію; взять такъ взять; не обижать такъ не обижать; не выпустить не выпустимъ: вотъ и все тутъ.

— А не знаешь ли у кого живетъ Гаръ-Піонъ?

— Говорилъ, да изъ ума вонъ.... Какой-то важный и умный человекъ.

Вальероль былъ такъ счастливъ, такъ веселъ, что приказавъ подать нѣсколько сосудовъ вина и просилъ мылить за здоровье добраго своего прїятеля, Помпея Гаръ-Піона.

— Именно, Помпей! какъ теперь помню! говорилъ красивый: Помпей.... Такъ его и торговка называла.... Помпей! Помпей Гаръ-Піонъ!... совершенно такъ.... А тебя, дружокъ, какъ зовутъ?

— Меня? спросилъ съ улыбкой Вальероль, и, позволя себѣ пошутить съ невѣждами, прибавилъ: Юлій Кесарь Гаръ-Піонъ!

— Чортъ возьми! такъ какъ же ты приходишься Помпею?

— Племянникъ.

— Племянникъ? Такъ давай еще вина!

— Съ удовольствіемъ. Вина!

— А у кого слушаешь?

— Да вотъ у нашего, у Француза, Николая Пуссена.

— Пуссена! закричали все и вскочили съ мѣстъ : лови его! онъ вѣрно знаетъ, куда Пуссенъ спрятался!

Вальероль уже былъ далеко, когда на Испанскую Площадь высыпали изъ аустеріи пьяные Французы и кричали: «Лови! лови Гарь-Піона!... Юлія Кесаря!... племянника!...»

Изъ улицы появился папскій жандармъ, изъ аустеріи вышелъ Шантлу, и кое-какъ успокоили разгнѣванныхъ Французовъ.

Недалеко отъ Рима есть городокъ Фраскати, образовавшійся изъ тускуланскихъ развалинъ. Особенно здоровый воздухъ былъ причиною, что кругомъ и въ самомъ городѣ римскіе богачи завели прелестныя виллы съ изящными дворцами и роскошными садами. Въ отчизнѣ Катона Ценсора доживалъ въкъ свой кардиналъ Альдобрандини среди превосходныхъ произведеній искусства, наукъ и природы. Былъ уже вечеръ: солнце не граде, но золотымъ шаромъ тонуло въ роскошной весенней зелени вѣтвистыхъ платановъ. Кардиналъ сидѣлъ въ широкихъ креслахъ и слѣдовалъ глазами за утопающимъ солнцемъ. Пуссенъ оканчивалъ рисунокъ съ Доменикиновой фрески, украшающей виллу Альдобрандини.

— Забавно! говорилъ кардиналъ : мнѣ снилось, или я на яву мечталъ, будто Пуссенъ когда-нибудь посѣтитъ старика въ тайномъ убѣжищѣ Доменикина; но никогда не думалъ я, что увижу его, какъ Чампьера, добровольнымъ изгнанникомъ изъ Рима отъ преслѣдованія

исполнѣя вѣдговъ своихъ. Любовь ваша къ Италии — лучшая похвала нашей несчастной отчизнѣ: вы сильны еще нравственно; и только немощность правителей и раздробленіе края мѣшаютъ благоденствію полу-острова.

— Ахъ, эминенца! сказалъ со вздохомъ Пуссенъ: вѣтъ на свѣтъ существуютъ политика, границы, войска! Неужели міръ никогда не будетъ государствомъ братій, державой Христа?

— Философъ! не съ нашими страстями думать объ этомъ! Блаженъ, кому средства позволяютъ въсколко локтей земли обнести высокою стѣною, по-выше человеческого росту, чтобы глаза проходящихъ не соблажались завистью, и за стѣною устроить себѣ небольшой рай изъ деревьевъ, цвѣтовъ, свѣжей воды, душистыхъ травъ, снокойныхъ комнатъ и безцѣнныхъ произведеній науки и искусства. Долголѣтіе и счастье принадлежності только совершеннаго уединенія. Даже другъ нерѣдко возмущаетъ тишину райской обители!... Я не успѣлъ еще совершенно разлучить себя со вѣшнимъ свѣтомъ, и уже нерѣдко сержусь на послѣдній мой недостатокъ, состраданіе; но благословляю его, когда небо посылаетъ возможность подать руку помощи Доменикинамъ и Пуссенамъ! Впрочемъ, это себлюбіе.... Художникъ въ моемъ уединеніи — новая книга, новая картина.

Стало совсѣмъ темно. Пуссенъ положилъ карандашъ и опять сказалъ со вздохомъ:

— Что теперь думаютъ обо мнѣ въ Римѣ?

— Вотъ лишняя мысль для нашего счастья! Не должно никогда думать о томъ, что объ насъ думаютъ другіе. Эта дума — мать тщеславія, честолюбія, самолюбія, лжи, хитрости, коварства, и многихъ другихъ пороковъ; она врагъ добродѣтели, которую мыбггге присоединяютъ къ числу пороковъ подъ именемъ себлюбія. Я люблю думать о томъ, что думаютъ другіе, но

не обо мнѣ, а о природѣ. Римскіе себлюбцы сѣгли еочиненія Картезія, а я отъ нихъ въ три недѣли сдѣлался умнѣе.... Но я не стану спорить съ Римлянами: я даже не скажу имъ, что читалъ Картезія; даже, смотря по обстоятельствамъ, если замѣчу, что они возмущаютъ мое спокойствіе вопросами, я похваляю ихъ до стунокъ.

— Ужасная мудрость!

— А я отъ нея счастливъ! Вы замѣтили, Пуссино, что у меня въ большой залъ слишкомъ много скульптуры, и что однѣ статуи лишаютъ эффекта другія? Постарайтесь разставить ихъ по вашему разумѣнію во всемъ дворцѣ. Для меня двойная выгода: наслажденіе съ новыхъ точекъ зрѣнія, и экономія наслажденія. Вы совершенно правы: когда я бываю въ залъ, я всегда затруднешь выборомъ: чѣмъ любоваться?

Вошелъ секретарь кардинала и доложилъ, что слуга Пуссино спрашиваетъ его.

— Это мой добрый Вальероль; одинъ онъ только знаетъ мое убѣжище.

— И напрасно! замѣтилъ кардиналъ: безопасность потеряна. Зачѣмъ оставлять какую-нибудь связь съ людьми, отъ которыхъ бѣжимъ? какой-нибудь слѣдъ для ихъ завистливаго и чуткаго обонянія? Даже мысленныя сношенія опасны: они могутъ возбудить раскаяніе, сожалѣніе, и тому подобное.

Пуссенъ вышелъ и встрѣтилъ Вальероля съ веселымъ лицомъ.

— Что, капитанъ? всѣли довольны моимъ поступкомъ?

— Какъ-нельзя больше! отвѣчалъ Вальероль: потому что рѣшились на послѣднія мѣры; рѣшились употребить насиліе.

— Что вы, что вы, капитанъ? на что это похоже?

— На повелѣнія кардинала Ришліё.

И Валлероль рассказал все, что съ нимъ случилось въ гостинницѣ Чернаго Орла.

Пуссенъ задумался.

— Но какъ они меня отыщутъ? спросилъ онъ, послѣ мгновеннаго молчанія.

— Да все Фраскати знаетъ объ нашемъ пребываніи навѣдлѣ, а люди Шантлу уже въ Палестринѣ, и спрашиваютъ вездѣ, гдѣ можно; я обогналъ ихъ.

— Но кардиналъ меня не выдастъ!

— На это не полагайтесь, любезный другъ, сказалъ секретарь, который въ это время вышелъ отъ кардинала: Альдобрандини слишкомъ дорожить своимъ сношею съ папой и ссориться съ папой не будетъ; а если узнаютъ, что вы здѣсь, выхлопочутъ цѣлую буллу.

— Изъ всего я вижу, что мнѣ приходится вѣхать; необходимость печальная, но я не упрекну себя, что я самъ согласился на мое несчастіе. Пусть меня украдутъ.... Ну вотъ, любезный Валлероль, помогите моимъ врагамъ, и мы уѣдемъ вмѣстѣ!

— Вы не шутите?

— Я рѣшился.... Но еще одно условіе: безъ Гаспара я не поѣду.

Шантлу сидѣлъ одинъ въ высококомъ мезонинѣ въ гостинницѣ Чернаго Орла. Рано утромъ, страдая бессонницей по милости Пуссена, онъ перебиралъ въ головѣ своей какими средствами открыть его убѣжище; изъ Неаполя и Флоренціи, изъ Генуи и Венеціи, отовою-

ду полученъ уше присла : нигдѣ не видали Прусса...
Кто-то постучался у дверей.

— Войдите, сказалъ Шантлу, и вошелъ Вальероа.

— Верно ты пришелъ жаловаться на немцы людей?
сказалъ Шантлу.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Вальероа : а пришелъ просить
нельзя ли окончить эту исторію.... Вы только измуча-
те людей, а ничего не узнаете.

— Любезный другъ, но я безъ Прусса не могу
жить!

— И я тоже; а страхъ, какъ хочется побывать на ро-
динѣ. Только я вамъ скажу, что добромъ вы Прусса
не возьмете; а развѣ силой. Если бы вы рѣшились на
это средство....

— Все истощено; лишь бы только найти его, я рѣ-
шился на эту неприятную мѣру.

— Одно желаніе возвратиться на родину не заставитъ
меня измѣнить тайнѣ моего добраго господина.

— Все, что хочешь, Жанъ! все, что хочешь!

— Какъ вы это соблазнительно говорите, мосѣ Шант-
лу! Да я боюсь, вы еще его убьете, какъ онъ станеть
защищаться....

— О! этого случиться не можетъ; я буду впереди....
Но гдѣ онъ? Ради Бога, гдѣ онъ?

— Пойдите! Вы скажете, что вы хотѣли меня пы-
тать, и только ужасъ мученій....

— Конечно! конечно!

— Но, вотъ бѣда! Какъ мы возьмемъ Гаспара?

— Да зачѣмъ намъ Гаспаръ?

— Такъ прійдется съ дороги возвращаться, или посыл-
ать за Гаспаромъ.... Безъ него онъ и силой не по-
дастъ.

— Что же намъ дѣлать?

— А вотъ что : черезъ два часа мы будемъ съ Гаспаромъ на мосту della Solfatara : велите насъ схватить на дорогѣ, и тогда за Пуссеномъ.... Но ужъ такъ, чтобы прямо и въ дорогу!...

Вечерело. Пуссенъ возвращался съ горы, гдѣ въ древности находились тускуланскія виллы; весь Римъ и море были видны съ виллы Руфинельской, и Пуссенъ замѣтилъ, что подъ горой, у лѣсу, остановилось много повозокъ, изъ которыхъ высыпало около двадцати человѣкъ: впереди шелъ Шантлу. Первая мысль: бѣжать; но Пуссенъ вспомнилъ разговоръ съ Валлеромъ, и съ гордостью и спокойствіемъ ожидалъ Шантлу и его людей.

— Шантлу! вы нигдѣ не дадите мнѣ покою? сказалъ Пуссенъ.

— Кромѣ какъ въ Парижѣ! отвѣчалъ Шантлу.

А люди, окруживъ Пуссена, почтительно ожидали дальнѣйшихъ приказаній своего начальника.

— Это похоже на насиліе!

— Не доводите до этой ужасной мѣры.

— Помните, Шантлу, что я повиновался вооруженной силѣ.

— Считайте, какъ хотите, нашъ поступокъ, но лошади готовы и мы объѣдемъ Римъ еще сегодня ночью.

— Безъ Гаспара и моего слуги я не могу ѣхать.

— Они въ повозкахъ, отвѣчалъ Шантлу: со всѣми вещами, которыя намъ казались необходимыми для вашей поѣздки.

— Но жена....

— Она затруднила бы только путешествіе ; но завтра намъ посланникъ обо всемъ ее увѣдомитъ и будетъ заботиться объ ея нуждахъ и спокойствіи.

— Такъ нѣтъ уже ни какого средства?....

— Ни какого, отвѣчалъ Шантлу.

Пуссенъ протянулъ руки къ Риму, заплакалъ и, отерши слезу, сказалъ Шантлу съ трагическою важною :

— Ведите меня въ темницу !

Шантлу повиновался.

=

II.

ПОСТРАДШАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВИТТОРИЯ АККОРОМБОНА.

РОМАНЪ ЛЮДВИГА ТИКА *.

Лѣтомъ, 1575 года, семейство Аккоромбона жило въ загородномъ домѣ, въ прелестномъ Тиволи, чтобы, въ продолженіи знойныхъ дней, наслаждаться пріятною прохладой и великолѣпнымъ видомъ на каскады шумящаго Тевероне. Мать семейства, высокая, гордая Римлянка, которая и въ преклонныхъ лѣтахъ не утратила силы и слѣдовъ красоты, безъ богатства, управляла домою съ такой осмотрительностью и искусствомъ, умѣла придать всему окружающему такой видъ довольства и достоинства, что гости, часто знатные, охотно проводили время въ ея обществѣ, гдѣ встрѣчали образованность, музыкальное и поэтическое дарованіе, и даже ученость. Умная, почтенная хозяйка была душою всего дому : ея присутствіе вселяло уваженіе во всѣхъ домашнихъ и гостяхъ. Она гордилась своимъ благороднымъ происхожденіемъ такъ же какъ и своимъ

* VITTORIA ACCOROMBONA. Ein Roman in fünf Büchern, von Ludwig Tieck. Breslau, 1840. Zwei Theile.

ми дѣтьми. Покойный мужъ ея былъ въ Римѣ уважаемымъ правовѣдомъ и съ честію велъ важнѣйшія судебныя дѣла въ государствѣ, разбиралъ и рѣшалъ тяжбы первыхъ сановниковъ. Еще отецъ его, также въ качествѣ адвоката, приобрѣлъ любовь и уваженіе Римлянъ, и оба; отецъ и сынъ, были въ близкихъ сношеніяхъ съ князьями; патриціями и знаменитѣйшими учеными и литераторами всѣхъ италіанскихъ государствъ. Такимъ образомъ домъ Аккоромбона сталъ извѣстенъ, и рѣдко проѣзжій иностранецъ бывалъ въ Римѣ, не познакомившись съ достойною матерью этого семейства.

Величайшее удовольствіе сеньора Аккоромбона находила въ кругу своихъ дѣтей. Старшій сынъ, съ помощію покровителей, въ числѣ которыхъ первымъ считался могущественный Фарпезе, уже достигъ званія аббата, и мать надѣялась вскорѣ поздравить его съ прелатурой, быть-можетъ даже съ кардинальствомъ: онъ былъ весьма уважаемъ за ученость и любимъ за свѣтское обращеніе. Марцелло, второй сынъ, былъ праву необузданнаго: онъ по нѣскольку дней проживалъ въ горахъ, не давая матери отчету, какъ и съ кѣмъ проводилъ время, потому что считалъ униженіемъ повиноваться женщинѣ. Заботливая мать употребила все свое вліяніе на знакомцевъ, чтобы доставить этой буйной головѣ мѣсто полковника въ папской гвардіи, а Марцелло, съ своей стороны, всѣми мѣрами старался устранить отъ себя эту честь: онъ не могъ разстаться съ дикою волей и не терпѣлъ ни какой подчиненности. Фламинію, младшій сынъ, представлялъ совершенную прѣтвѣположность строптивому Марцеллу: слабый и нѣжный тѣломъ, скромный какъ дѣвушка, онъ былъ покорнымъ рабомъ своей матери, которую обожалъ, и которой мановеніе, взглядъ, были для него законами. Фламинію былъ въ домѣ нѣчто въ родѣ управляющаго или прикащика; онъ имѣлъ надзоръ за слугами, велъ хозяйственныя счеты, исправлялъ комиссіи и ѣздилъ

хлопотать по дѣламъ. Любезный и услужливый Фламиніо былъ любимцемъ всѣхъ дѣвушекъ, о расположеніи которыхъ однако жъ мало заботился. Казалось, что онъ отдалъ всю свою привязанность сестрѣ, нилой Витторіи. Чужой человекъ скорѣе почелъ бы его за страстнаго любовника чѣмъ за брата красавицы.

Витторія, дѣйствительно, была красавица. Едва достигнувъ семнадцати-лѣтняго возрасту, она ростомъ уже равнялась съ матерью; правильныя, благородныя черты ея блѣднаго лица слегка оживлялись нѣжнымъ румянцемъ, который, при малѣйшемъ волненіи души, исчезалъ совершенно или разгорался до того что милая, прелестная дѣвушка превращалась въ дивную, роскошную волшебницу. Увидавъ Витторію, когда она, въ раздумьѣ, сидѣла, опустивъ голову на бѣлоснѣжную руку, полу-скрытую темными, блестящими волнами шелковистыхъ кудрей, Тиціанъ отдалъ бы ей преимущество передъ всѣми красавицами, которыхъ написалъ. Но ни Тиціанъ ни Апеллесъ не передали бы взгляду, живости и выраженія ея черныхъ огненныхъ глазъ, осѣненныхъ, по странной прихоти природы, бѣлокуроыми, почти бѣлыми, блестящими рѣсницами, которыя казались золотыми лучами двухъ звездъ, грозныхъ въ гнѣвѣ и невыразимо очаровательныхъ при улыбкѣ.

Сяньора Джулія Аккоромбона хотя равно заботилась обо всѣхъ своихъ дѣтяхъ, и всѣмъ, при ограниченныхъ средствахъ, дала отличное воспитаніе, однако жъ любила Витторію болѣе другихъ, и на ней основывала самыя блестящія свои надежды. Она удивлялась необыкновенной памяти и восхищалась замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ своей дочери.

Все семейство сидѣло въ залѣ, когда Марцелло взялъ шляпу, пристегнулъ шпагу и хотѣлъ проститься съ матерью.

— Куда ты опять? спросила она.

— Надѣстите пріятелей. Утро прекрасное : вы, вѣрно, тоже пойдете гулять, и не замѣтите моего отсутствія,

— Я слышала, что ты воднишься, въ горахъ, съ буйнымъ Амброзіо, возразила мать. Этотъ опасный чело-вѣкъ, говорятъ, въ связяхъ съ бандитами, которые беспокоятъ окрестности Субіако.

— Помните! да нынче бандитомъ называютъ всякаго, кто не имѣетъ чести быть школьнымъ учителемъ, калуциномъ или стряпчимъ.

— Марцелло! строго сказала синьора Джулія, взявъ шляпу изъ рукъ сына и положивъ ее на столъ : не забывай, что твой отецъ и почтенный дѣдъ были стряпчіе.

— Трудно забыть : ихъ имена вписаны въ столькихъ досадныхъ книгахъ, что ужъ ради одного этого чувствуешь охоту приняться за другое ремесло.

Онъ схватилъ шляпу и вышелъ такъ поспѣшно, что гнѣвная рѣчь матери замерла на устахъ. Фламиніо всталъ и заперъ дверь, которую бѣжавшій распахнулъ настежь. Витторія отвела глаза отъ книги, чтобы нѣжною улыбкою разсѣять огорченіе матери.

— Что ты объ этомъ думаешь? спросила синьора Джулія.

— Я уже давно думаю, что надобно дать ему волю; силой его не покорить. Мужское самолюбіе и гордость его не терпятъ повинovenія женщинъ. Чѣмъ больше ты будешь увѣщевать его, тѣмъ меньше онъ будетъ слушать. Оставь его, показывай видъ, что не заботишься объ немъ, и онъ самъ образумится : онъ тогда будетъ воображать, что дѣйствуетъ по своей доброй волѣ.

— Хорошо такъ! Только не нажить бы бѣды, сказала мать со вздохомъ.

— Это, какъ и все, въ волѣ Провидѣнія. Во всякомъ случаѣ, Марцелло ужъ поздно перевоспитывать.

— Откуда у этого мальчишки такая строптивость?

продолжала мать. Отецъ его былъ тихъ, скромнъ, уступчивъ, врагъ всякаго буйства..... Откуда.....

— Вѣрно, отъ тебя! сказала Витторія смѣясь.

Мать встала, подошла къ окну, посмотрѣла нѣсколько минутъ въ поле.

— Вотъ Камилло Маттеи опять идетъ, сказала она, отвернувшись отъ окна: не понимаю, чего ему здѣсь нужно, такъ часто.....

— Ахъ, онъ такой милый! воскликнула Витторія: съ нимъ такъ весело пошутить, потрунить надъ нимъ; онъ такъ добродушенъ и простъ, что нельзя не полюбить его.

— Вотъ еще! чѣмъ можетъ понравиться человѣкъ необразованный, простой до глупости, и притомъ низкаго происхожденія, безъ имени и безъ званія?

— Оставь его, милая маменька; онъ нравится мнѣ, и вѣдь у насъ въ домѣ: спроси только няню или стараго Гвидо, они тебѣ скажутъ, какъ Камилло добръ и ласковъ.

Синьора Джулія принудила себя принять веселый видъ, когда Камилло вошелъ. Онъ почтительно раскланялся и робко остановился середь комнаты, пока подошелъ Фламиніо и завелъ съ нимъ разговоръ.

— Камилло, сказала Витторія, вы желали видѣть очерки съ картинъ, которыми Фарнезе украсилъ свой новый палацо Капрарола. Вотъ эта прекрасная тетрадь: онъ, вчера, прислалъ намъ ее.

Камилло перелистывалъ тетрадь, и сказалъ потомъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Я мало знаю толку въ этихъ прекрасныхъ вещахъ. Военныя сцены и сраженія вообще мнѣ не нравятся. Конечно, Рафаэлева битва Константина, или Аттила....

— Чудакъ! воскликнула Витторія, полу-шутя, полу-сердито: будто кромя Рафаэля никто не смѣетъ и на свѣтъ выйдти!

— Пойдемте гулять, сказала синьора Джулія, взявъ

шлячку: пойдёмъ къ виллу д'Эста, полюбоваться еще разъ на великолѣпныя украшенія новаго палаца и на красоты саду.

— О, нѣтъ! вскричала Витторія: что въ этихъ крошечныхъ барельефахъ, стриженныхъ аллеяхъ и маленькихъ фонтанчикахъ?..... Пойдемте лучше къ водопадамъ, къ Меценовой виллѣ, къ гроту Нептуна! Тамъ по-крайней-мѣрѣ есть природа и есть красоты, которыя стоятъ вашихъ маленькихъ фонтанчиковъ.

Фламинію подалъ руку матери, а Камилло пошелъ съ Витторіей. Замѣтно было, что молодой человекъ чувствовалъ себя ничтожнымъ подлѣ великолѣпной красавицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливымъ, что смѣлъ идти съ нею объ-руку, такъ, запросто, дружески.

Взойдя на холмъ, близъ каскадовъ, мать и сынъ сѣли подлѣ тѣнию маслицъ и бродили глазами по окрестности. Витторія прошла далѣе, чтобъ потѣшиться шумнымъ паденіемъ вспѣнной воды. Вдругъ, изъ-за куста показался кроликъ, приостановился и быстро покатился черезъ лужайку за другой кустъ. Витторія побѣжала за бѣленькимъ звѣрькомъ и бросила ему вслѣдъ пестрый мячъ, который несла съ собой. Мячъ полетѣлъ съ холма, къ рѣкѣ, которая въ этомъ мѣстѣ, на значительной глубинѣ, неслась съ стремительной быстротой и черезъ нѣсколько шаговъ образовала водоворотъ, называемый «Гротомъ Нептуна». Боясь, чтобы мячъ не упалъ въ воду, Витторія побѣжала за нимъ такъ проворно, что Камилло едва могъ поспѣть за нею, и такъ неосторожно, что, добѣжавъ до краю, вмѣстѣ съ блестящею игрушкой уцала въ волны. Камилло, въ ужасѣ, вскрикнулъ и бросился тудаже, схватилъ красавицу и черезъ минуту отчаянной борьбы, въ которой у малорослаго, щедущаго юноши явились силы гиганта, вынесъ ее, на отлогомъ мѣстѣ, на берегъ и положилъ на траву. Скоро Витторія пришла въ себя отъ обмороку. Блѣдная, но съ нѣжною улыбкою, благодарно взгляну-

ла она на своего избавителя и подала ему дрожащую руку. Камилло, еще оглушенный страхомъ, обезумѣвшій, съ восторгомъ и трепетомъ цѣловалъ прекрасную руку.

— Чѣмъ мнѣ отблагодарить тебя? спросила Витторія. Вместо отвѣта, Камилло напечатлѣлъ горячій, додгій поцѣлуй на устахъ дѣвушки. Она не противилась. Только когда онъ снова и съ большимъ жаромъ бросился цѣловать ее, она отвернулась и слегка ударила его кончиками пальцевъ по разгорѣвшемуся лицу. Камилло опомнился. Теперь только увидѣлъ онъ, что шляпка и шейный платокъ Витторіи унесены рѣкою, вмѣстѣ съ мячикомъ, черныя кудри распустились, вода съ нихъ струилась по бѣлымъ плечамъ и почти совершенно обнаженной дѣвственной груди; мокрое платье, разорванное во время борьбы съ волнами, въ беспорядкѣ обляцляло прелестныя формы стройнаго стана.

— Пойдемъ къ маменькѣ, сказала Витторія вставая и, по возможности, стараясь прикрыться.

Въ это время Фламиніо и синьора Джулія показались на верху крутаго холма. Коково же испугались они, когда увидѣли Витторію и Камилло мокрыхъ съ головы до ногъ. Камилло въ короткихъ словахъ, рассказалъ о случившемся. Фламиніо поблѣднѣлъ и такъ ослабъ, что долженъ былъ прислониться къ дереву; мать истощалась въ благодареніяхъ спасителю своей дочери.

— Пойдемте скорѣе, дорогой другъ, примолвила она: переодѣньтесь; Фламиніо дастъ вамъ своихъ платьевъ; согрѣйтесь въ теплой постель. Позвольте намъ позаботиться о томъ, чтобы ваше великодушіе не заставило васъ слечь въ постель.

Камилло поблагодарилъ за предложеніе, но отказался. Онъ увѣрилъ синьору Джулію, что чувствуетъ себя очень хорошо, что онъ совершенно счастливъ, и убѣжалъ домой, къ дядѣ.

Семейство Аккоромбона имѣло въ Римѣ весьма мно-

такъ знакомыхъ, и вѣсть о приключеніи Витторіи, естественно, разнеслась съ большими преувеличеніями. Многіе присылали навѣдаться, или пріѣзжали сами, удостовѣриться жива ли она. Одинъ Камилло не показывался. Онъ былъ боленъ и лежалъ теперь въ горячкѣ. Синьора Джулія, узнавъ объ этомъ, послала ему искуснаго врача, а дядь его значительную сумму денегъ, чтобы дать страждущему всякое возможное пособіе. Потомъ, когда Камилло выздоровѣлъ, она предложила уже ему самому и денегъ и свою рекомендацію къ многимъ знатымъ лицамъ. Она уговаривала Камилло вступить въ духовное званіе, и краснорѣчиво описывала всѣ выгоды, ожидавшія его на поприщѣ, котораго целью могла быть кардинальская шапка или даже папская тіара. Синьора Джулія подкрѣпляла свои доводы разительными примѣрами, въ которыхъ, конечно, въ то время, недостатку не было. Она знала, что за такую услугу, какую оказалъ ей семейству Камилло, наградить или заплатить трудно, и опасалась, чтобы избавитель не посягнулъ на совершенное обладаніе спасенною, и потому всѣми мѣрами старалась удалить его. Но молодой человекъ рѣшительно объявилъ, что не хочетъ и не можетъ посвятить себя духовному званію. Предложенныя деньги онъ, однако жъ, принялъ, потому что былъ бѣденъ и иначе не видѣлъ возможности продолжать ученье. Черезъ нѣсколько дней онъ отправился въ Римъ, въ академію, съ радужными мечтами и блестящими надеждами. Исполнились ли его надежды, осуществились ли мечты, — достоверно не извѣстно. Только онъ уже не возвращался въ домъ Аккоромбона.

Между прочими знакомыми, приходившими осведомляться о состояніи здоровья Витторіи, явился однажды и Чезаре Капорале, извѣстный поэтъ и старинный другъ ихъ семейства. Мать и дочь встрѣтили его съ непритворною радостію.

— Слава Богу! вы живы и здоровы! сказалъ онъ, по-

жимая имъ руки съ обычнымъ простодушiемъ: а мнѣ, въ Римѣ, сказали, что вы всѣ переселились къ синьору Нептуну, который, сказать мимоходомъ, вовсе не живетъ въ такой дрянной рѣкѣ. Вотъ было плачу-то между римскими шеголями! Да скажите, пожалуйста, кто это взвелъ на васъ такую небылицу? Кто это назвалъ васъ мертвою, тогда какъ вы еще похорошѣли во время нашей разлуки?

Синьора Джулія въ короткихъ словахъ рассказала гостю все происшествіе.

— Но оставимъ это, прибавила она: слава Богу, все счастливо кончилось! Расскажите намъ лучше, что у васъ новаго въ Римѣ.

— Что новаго? Право, не знаю. Кажется все идетъ по старому: папа Григорій вѣчно стругаетъ свой новый календарь, кардиналы интригуютъ, бандиты разбойничаютъ, и между-прочимъ одинъ изъ нихъ недавно пойманъ со всей своей шайкой.

— Который? Гдѣ? спросила Джулія.

— Говорятъ, въ Субіако. Это извѣстный головорѣзъ Амброзіо. Бандиты, ночью, ворвались въ домъ градоначальника, разграбили имущество, а самаго его увели въ горы, чтобы тамъ отомстить ему за гоненіе разбойниковъ. Милиція, однако жъ, открыла слѣдъ и захватила всю шайку.

Синьора Джулія задумалась, и Капорале не могъ понять, отчего эта новость ее разстроила.

— Это ужасно, сказала Витторія, какъ разбойники съ каждымъ днемъ умножаются, оттого что нѣкоторые лица имъ покровительствуютъ. Почти всякая фамилія имѣетъ своихъ отчаянныхъ приверженцевъ и, при малѣйшемъ поводѣ, открыто ведетъ войну съ другими.

— Да, сказалъ Чезаре, эти Орсини, Колонна, Флорентійцы, Феррарцы,—всѣ имѣютъ наемныя шайки бандитовъ въ римскихъ владѣніяхъ, и папа смотритъ сквозь пальцы, потому что чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ

для искорененія зла. У знатныхъ Италіянцевъ грабежи и убійства считаются чуть не славными подвигами; личная безопасность гражданъ и право собственности зависятъ отъ произвола разбойниковъ; почти каждый принужденъ вступать въ союзъ съ которою-нибудь шайкой, чтобы не подвергаться нападеніямъ всѣхъ.

— Я боюсь подумать объ этомъ, сказала синьора Джулія: страшно! Такимъ образомъ имущество и жизнь всякаго зависятъ отъ случая, и мы каждую минуту можемъ сдѣлаться жертвою неистовства грабителей! Когда вспомню объ этомъ, всѣ страшные рассказы, слышанные въ дѣтствѣ, невольно возникаютъ въ памяти, и душа дѣлается рабынею вздорныхъ созданій разстреленнаго воображенія, и ребяческій страхъ вздымаетъ горой волосы.

— Нѣтъ, маменька, вскричала Витторія: не браните, не презирайте привидѣній и поэтическаго трепету, который овладѣваетъ душой при слушаніи волшебной сказки: я ихъ такъ люблю! Впечатлѣніе, которое производятъ легенды о блуждающихъ душахъ, привидѣніяхъ и демонахъ, такъ освѣжительно, пріятно, точно прохладный утренній вѣтеръ пронесется по лѣсу и встрепенетъ каждымъ листкомъ. Если мнѣ явится какое-нибудь привидѣніе, оно, конечно, испугаетъ, но и обрадуетъ меня. Я съ величайшимъ наслажденіемъ испытала бы этотъ испугъ. Я довольно часто обдумывала возможность такого приключенія, и увѣрена, что перенесла бы его мужественно. Нѣтъ, въ царствѣ духовъ и привидѣній далеко нѣтъ тѣхъ ужасовъ, какіе возможны въ дѣйствительномъ мѣрѣ.

— Какъ вы это понимаете, прекрасная поэтъ-амазонка? спросилъ Капорале.

— Страшная картина, отвѣчала дѣвушка, преслѣдуетъ и пугаетъ меня съ давнихъ поръ. Мнѣ представляется, что я одна, середь глубокой ночи; родные далеко, спятъ; слуги распущены; я хочу погасить лампу,

лечь въ постель.... Вдругъ, являются передо мной ужасные злодѣи, разбойники, съ черными лицами и грозными оружіями; я отворачиваюсь, кричу, кличу на помощь... но отовсюду подступаютъ страшныя, незнакомыя фигуры, сверкаютъ блестящіе кинжалы. Нигдѣ нѣтъ спасенія, нѣтъ помощи; слова замираютъ на губахъ, дыханіе останавливается, грудь надрывается отъ бѣшенія сердца, я лишаюсь послѣднихъ силъ, падаю, но ясно вижу какъ убійцы подходятъ ближе и ближе.... Видите, я съ ума схожу отъ ужаса, когда только говорю объ этомъ.... А можете ли вы сказать, что не случается ничего похожаго на это? Мы всѣ слыхивали о такихъ нечаянныхъ нападеніяхъ и убійствахъ....

— Полноте, полноте, Витторія! Вы меня пугаете, возразилъ Капорале. Успокойтесь, удалите, бросьте эту странную грезу вашего пылкаго воображенія. Вашъ рассказъ и во мнѣ пробудилъ старую глупость: я, видите, никакъ не могу отстать отъ смѣшнаго суевѣрія, что подобная мечта, если долго и постоянно занимаешься ею, по непостижимымъ законамъ какой-то тайной магіи, наконецъ можетъ осуществиться. Ради Бога, оставьте эту игру воображенія.

Синьора Джулія содрогнулась.

— Развѣ наша душа, посредствомъ воображенія, въ состояніи сама создать что-нибудь подобное? сказала она послѣ минутнаго молчанія. Или это только способность предугадывать неизбѣжное въ будущемъ, что превращается въ сонныя видѣнія и не ясный страхъ, которые точно предупреждаютъ и готовятъ насъ къ несчастіямъ?

Этотъ разговоръ, въ томъ же духѣ, продолжался до самаго вечера. Стемнѣло. Капорале началъ прощаться. Вдругъ послышался сильный стукъ въ дверь. Слуга отворилъ, и Марцелло, разстроенный, блѣдный, въ безпорядочной одеждѣ, вбѣжалъ въ комнату.

— Боже мой! что съ тобой? что случилось? воскликнула Джулія.

— Скройте меня, на нѣсколько дней, чтобъ никто не зналъ, поспѣшно проговорилъ Марцелло. Га! Капораде!... Ну, веселый поэтъ, вѣрно, не будетъ предателемъ.

Мать ходила взадъ и впередъ по залу, рыдая и ломая руки. Она совсѣмъ потерялась.

— Мой сынъ бандитъ, разбойникъ! Голова его опънена!... О! Боже мой, въ чемъ я, бѣдная погрѣшила, что Ты такъ тяжело караешь меня!... Не за то ли, что я, какъ мать Гракховъ, видѣла величайшее сокровище свое въ дѣтяхъ, что я гордилась ими, что желала, чтобы мнѣ въ нихъ завидовали,...

— Полноте вадеръ молоть, грубо вскричалъ буянь: милые сыночки хвастуны Корнелии потомъ убиты же какъ измѣнники и бунтовщики. Что тутъ толковать! лучше скройте меня скорѣе.

Разстроенная, убитая, мать повела сына въ отдаленную комнату, откуда былъ входъ въ глубокой подвалъ. Капораде предложилъ увѣзть Марцелло на другое утро, въ своей каретѣ, въ Римъ, откуда онъ всего удебитъ могъ бѣжать, но пріѣхавъ въ назначенный часъ, уже не засталъ его: Марцелло въ ту же ночь исчезъ, не сказавъ ни кому ни слова.

Спустя нѣсколько дней, синьора Джулія получила убійственную вѣсть, что Марцелло вторично захваченъ съ бандитами. Поговаривали о ссылкѣ и казни. Несчастливая мать тотчасъ же собралась и поѣхала со всѣмъ семействомъ въ Римъ, чтобы посредствомъ друзей и покровителей спасти свое имя отъ позору. Но она встрѣтила большія препятствія: почти всь, даже враждебныя между собою партіи, соглашались въ мнѣніи, что полицейскія и судебныя мѣры были доселѣ слишкомъ слабы, и что, для общаго блага, необходимо дать народу и бандитамъ поразительный примѣръ строго-

сти. Старинный другъ и покровитель семейства Аккоромбона, могущественный Фарнезе, тоже не могъ или не хотѣлъ открыто вступиться за преступника, употребить, можетъ-быть безуспѣшно, все свое вліяніе въ пользу ничего не значущаго молодого негодяя, и тѣмъ подать своимъ многочисленнымъ врагамъ поводъ очеркнуть себя въ мнѣніи народа. Онъ утѣшалъ однако жъ Джулію и общалъ, посредствомъ своихъ клеветовъ, протянуть дѣло, чтобы выиграть время, впродолженіи котораго обстоятельства могутъ намѣниться, и можетъ-быть откроется какое-нибудь средство спасенія.

Синьора Джулія чувствовала сколько ей самой повредило передъ Фарнезе дурное поведеніе сына. Она понимала, что знатный вельможа не могъ безопасно вмѣшаться въ подобное дѣло, и приходила въ отчаяніе. Видя ея глубокую скорбь и слезы, Фарнезе ласково взялъ Джулію за руку и сказалъ :

— Постоите, мнѣ пришла мысль. Сходите, на-удачу, къ Монтальто : этотъ старикъ любитъ слыть за великодушнаго защитника, любитъ обращать грѣшниковъ в утѣшать страждущихъ. Онъ можетъ расположить въ вашу пользу Медичи, а тотъ Карла Борромер и губернатора римскаго, сына папы Григорія, такъ, что судьи пропустятъ вашего сына или, въ крайнемъ случаѣ, дадутъ ему возможность убѣжать.

Съ такую слабою надеждой синьора Джулія должна была оставить палацъ Фарнезе. На пути къ дому она перебирала мысленно всѣхъ своихъ знакомцевъ, чтобы найти, кто лучше можетъ ввести ее къ кардиналу Монтальто, котораго она едва знала и никогда не видывала въ обществѣ.

Между-тѣмъ Витторія навѣстила одну изъ своихъ пріятельницъ, на возвратномъ пути заходила въ церковь и теперь также шла домой, въ сопровожденіи старой няни. По выходѣ изъ церкви, въ ближайшей улицѣ, ей повстрѣчалась толпа щеголевато одѣтыхъ моло-

дыхъ людей, посреди которыхъ шелъ стройный; но женоподобный, блѣлокурый юноша, средняго роста, съ выраженіемъ легкомыслія и безпечности въ голубыхъ глазахъ и на довольно обыкновенномъ, ничего не значущемъ, лицѣ. Витторія хотѣла кликнуть его: такъ онъ былъ похожъ на Камилло; но еще шагъ, и она увидѣла, что ошиблась: въ этомъ молодомъ человѣкѣ не было и слѣда той простоты и добродушія, которыя такъ нравились Витторіи въ другъ ея дѣтства; она даже испугалась, когда летучая улыбка на его лицѣ вдругъ превратилась въ выраженіе грубаго нахальства и гнѣву, потому что онъ въ это время поссорился съ однимъ изъ товарищей и грозилъ ему кулакомъ. Толпа прошла мимо, и Витторія обрадовалась, увидавъ подходящаго Капорале.

— Кто этотъ молодчикъ, что такъ странно ведетъ себя на улицѣ? спросила Витторія, продолжая путь съ вѣчно веселымъ поэтомъ: это должно-быть какой-нибудь избалованный знатный матушкинъ сыночекъ, который хочетъ придать себѣ вѣсу жалкими выходками чванства. Эти смѣшные люди часто, изъ пустяковъ, затѣваютъ ссоры, которыя потомъ кончаются большими несчастіями.

— О, не безпокойтесь! отвѣчалъ Капорале: это самое миролюбивое созданіе въ свѣтѣ; онъ никому не сдѣлаетъ вреда. Онъ новичокъ въ Римѣ, и воображаетъ, что вѣтренымъ своевољствомъ барича и мнимымъ забіячествомъ придаетъ себѣ вѣсу въ глазахъ публики. Онъ особенно старается выказать свою удачу, когда замѣчаетъ, что его видятъ женщины, и это была только маленькая импровизація въ честь вамъ, прелестная Витторія.

Дѣвушка захохотала. Капорале продолжалъ.

— Этотъ щеголь происходитъ отъ бѣднаго крестьянскаго семейства; онъ воспитывался въ школѣ небольшого городка, и потомъ у езуитовъ, на счетъ дяди, ко-

торый наконецъ призвалъ его въ Римъ, чтобы посмотреть, куда будетъ годенъ племянничекъ. Это синьоръ Перетти. Добрый дядюшка его — старый, дряхлый кардиналъ Монтальто.

Въ это время позади разговаривающихъ раздались пронзительные крики многихъ голосовъ. Капорале оглянулся и съ удивленіемъ увидѣлъ молодаго Перетти, который бросился къ нему на грудь, блѣдный какъ смерть, дрожащій отъ страху. «Быкъ! быкъ!» кричалъ онъ, едва переводя дыханіе. Витторія спокойно взглянула вверхъ улицы и, взявъ Капорале за руку, во-время успѣла заставить его отойти къ сторонѣ, вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, который всё-еще держался обѣими руками за ея провожатаго. Мимо ихъ промчался огромный быкъ, таща за собою длинную веревку, которую оборвавъ убѣжалъ съ бойни. За быкомъ гнались мясники и ребятишки, конные и пѣшіе, съ крикомъ и гарканьемъ.

— Опасность миновала, синьоръ Перетти, сказалъ поэтъ : успокойтесь, вы ужь давно промчался.

— Нашъ домъ не далеко, прибавила Витторія : войдите, если угодно, оправтесь и отдохните нѣсколько.

Они вошли, и въ дверяхъ служанка шепнула, что въ залѣ уже есть одинъ гость, его сіятельство, могущественный синьоръ Луиджи Орсини. Витторія поблѣднѣла и едва внятно прошептала: «Это чудовище страшнѣе бышенаго быка!» Неистовый Луиджи Орсини былъ одинъ изъ поклонниковъ Витторіи, которая ненавидѣла и трепетала его : онъ былъ не нѣжный вздыхатель, но деспотъ, который не просилъ, а повелительно требовалъ ея руки, и страшно грозилъ въ случаѣ отказа. Графъ легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ вошедшихъ, быстро смѣрляя молодаго Перетти презрительнымъ взглядомъ и, когда всѣ сѣли, обратился къ Витторіи съ отрывистымъ вопросомъ :

— Вы, вѣроятно, получили мое письмо.

— Да; отвѣчала она безъ замѣшательства.

— И?..... что жъ? спросилъ графъ почти съ крикомъ.

— Что могу я отвѣчать? Что сказать вамъ? говорила Витторія тихо: вамъ извѣстенъ мой образъ мыслей; въ тотъ вечеръ, передъ нашимъ отъѣздомъ въ Тиволи, вы помните, я сказала вамъ свое мнѣніе. К чему повторять нѣсколько разъ то, что мучительно выговорить и однажды.

— Ха, ха, ха! довольно странно! вскричалъ графъ съ громкимъ хохотомъ: я, потомокъ одного изъ знатнѣйшихъ домовъ, богатый и смѣлый, я, передъ которымъ сотни людей трепещутъ, я предлагаю свою руку, свое богатство и знатность бѣдной мѣщанкѣ, у которой нѣтъ ничего кромѣ смазливаго личика и беленькихъ ручекъ.... Въдѣ я сумасшедшій! мнѣ стѣитъ выбрать любую дѣвушку, въ фамиліяхъ князей и герцоговъ....

— Такъ выбирайте же! вскричала Витторія, возвратя свою гордость и смѣлость: кто съ принуждаетъ называться бѣдной, ничего не заслуживающей мѣщанкѣ? Я почту за счастье и большую милость отъ вашего сѣятельства, если никогда болѣе не увижу васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ Орсини въ бѣшенствѣ: однако жъ, можетъ-быть я еще увижу васъ у ногъ моихъ, на колѣняхъ, съ просьбою избавить вашего милаго брата отъ висѣлицы.

— Это ужъ слишкомъ! воскликнула Витторія внѣ себя. Вонъ!.... Извольте тотчасъ выйти!.... Вы подлый, презрѣнный челоувѣкъ.... я васъ презираю!.... Вонъ отсюда!

Орсини вскочилъ; можно было опасаться, что дерзкій сдѣлаетъ что-нибудь ужасное. Капорале бросился и удержалъ его. Съ выраженіемъ неописаннаго презрѣнія графъ обернулся и молча посмотрѣлъ на старика, потомъ сказалъ:

— Милый испрохонеть, ты смеешь и ваташь за меня?

— Конечно, возразилъ Капорале съ гнѣвомъ : покуда въ состояннн дѣйствовать рукой или ногой, я, до послѣдней капли крови, буду защищать женщину, моего друга, отъ насилія и дерзости кого бы то ни было.

— Подлый рабъ ! вскричалъ графъ и вырвался изъ рукъ Капорале.

— Графъ, сказалъ тотъ спокойно: я человекъ свободный, независимый ; въ нашей провинціи меня почтали выборомъ въ губернаторы.

— Да, да ; я знаю , что ты губернаторъ двухъ дюжныхъ девушекъ. И если я пошлю двадцать челоуѣкъ своихъ слугъ, то они сожгутъ домъ господина губернатора, а самого его на цѣпи притащутъ въ мой замокъ. Но ты слишкомъ мелокъ и презрителенъ : не хочу марать рукъ. — А отъ васъ, сннъора Витторія, я не отстану, хотя бы вы обошлись и еще недостойнѣй. Слова женщины не оскорбляютъ. Демонъ, который распалъ во мнѣ страсть къ вамъ, укажетъ мнѣ и средства овладѣть вами. Такъ или иначе, но вы должны быть мои.

Онъ выбѣжалъ изъ залы и, въ дверяхъ, чуть не опрокинулъ сннъору Джулію. Витторія, рыдая, бросилась на грудь матери, которая тоже пришла со слезами. Капорале утѣшалъ обѣихъ сколько могъ, хотя самъ въ ту минуту не видѣлъ ни какого средства спасенія. Молодой Церетти раскланялся и въжливо просилъ о позволеніи повторить свое посѣщеніе и продолжать знакомство, начатое притакнхъ странныхъ обстоятельствахъ. «Дѣйствительно, прибавилъ онъ почти про себя, при выходѣ: плохая въ Римѣ полиція : бѣшеные быки рыскаютъ по улицамъ, и сумашедшіе графы врываются въ мирныхъ гражданъ!»

Дело о бандитахъ долго оставалось нерѣшеннымъ : судъ и допросы шли медленно ; видно было, что каса-

Т. XLVI. — Отд. II.

долое и достигшихъ знатныхъ, которые хлопотали о проволочкѣ, чтобы успѣть оградить себя или своихъ родственниковъ отъ бѣды и позору. Между тѣмъ знаменитый Фарнезе часто навѣщалъ семейство Анкоронбеда, и то обнадеживалъ, то пугалъ несчастную мать. Однажды онъ пришелъ во время отсутствія Витторіа, и сеньора Джуліа замѣтила, что онъ взволнованъ, чѣмъ-то занятъ и притомъ нѣсколько разсѣянъ, какъ-будто кочетъ и не рѣшается сообщить ей свои мысли : Фарнезе по два раза начиналъ и вдругъ опять прерывалъ разговоръ, наконецъ, какъ-бы собравшись съ силами сказалъ :

— Что вы рассказали мнѣ объ Орсини, истинно испугало меня, и я, право, не знаю, чѣмъ вамъ помочь и какою подать совѣтъ. Естественно, что ваша дочь превращаетъ его : о бракѣ съ нимъ нечего и думать, какъ онъ ни богатъ и не знатенъ. Даже если бъ Витторіа и не противилась, я никакъ не совѣтовалъ бы : участь этого молодого изверга будетъ страшная. Онъ непременно долженъ погибнуть, потому что каждую минуту дерзко вызываетъ опасность, не слушаетъ ни чьего совѣту, и для него точно будто нѣтъ закона. При всемъ томъ, кто теперь въ состояніи обезоружить его? У Орсини столько приверженцевъ, такихъ же головорезовъ, извѣстныхъ и незнатныхъ, не говоря уже о наемныхъ бандитахъ! всѣ они, по первому его мановенію, готовы исполнить самый отчаянный замыселъ. Онъ не боится самаго папы. Кто же въ состояніи устроить его? Кто васъ защититъ?

— А вы сами, почтенный другъ?... Развѣ такой могущественный вельможа не можетъ вступиться за своихъ любимцевъ?

— Любезная Джуліа, сказалъ Фарнезе со вздохомъ : наше могущество, наше вліяніе очень шатко; вся жизнь наша проходитъ въ непрерывной борьбѣ съ интригами и происками. Иногда побѣдишь, иногда остаешься по-

блженнымъ. Вчера былъ довольно спянь, чтобы вос- торжествовать надъ самымъ опаснымъ врагомъ, сего- дня не удастся дать желаемый оборотъ самому ничтож- ному дѣлу. Вотъ, на примѣръ, всѣ мои адвокаты зна- ютъ, что я непременно хочу, что далъ строжайшій приказъ, уничтожить всѣ происки и попытки враговъ, которые, на зломнѣ, подъ предлогомъ вины Марцелло, хотятъ лишить васъ послѣдняго имѣнiя.... Я употре- бляю всѣ возможныя усилiя, и при всемъ томъ..... при нынѣшнихъ обстоятельствахъ..... боюсь, чтобъ вы не проиграли дѣла....

— Господи! воскликнула Джулія, поблѣднѣла какъ полотно и опрокинулась на спинку кресла. — Нище- ты и голоду еще не доставало! шептала она, судорож- но сжавъ руки опущенныя на колѣна.

— Не отчаявайтесь, другъ мой, сказалъ Фарнезе на- клонившись къ Джуліи и ласково взявъ ее за руки : въ случаѣ несчастiя, у васъ есть богатые друзья, ко- торые не дадутъ вамъ терпѣть нужды.

— Не дадутъ терпѣть нужны?... Жить подавай- сь!... милостивей!... Боже мой! Боже мой!...

Несчастная закрыла лицо руками и зарыдала. Фар- незе всталъ, обнялъ ее одной рукой и старался утѣ- шить.

— Не правда ли, сказалъ онъ, когда Джулія нѣсколь- ко успокоилась : не правда ли, вы мой другъ, Джулія? вы доверяете мнѣ, и вѣрите, что я все сдѣлаю и въ се- стоянiи сдѣлать для тѣхъ, кого называю своими?

— На васъ моя единственная надежда : если вы оставите насъ, мы погибли совершенно.

— Дайте же мнѣ возможность дѣйствовать открыто и всѣми силами въ вашу пользу, чтобы я, не дѣлаясь сѣвнымъ, могъ испытывать для васъ самое невоз- можное.

— Какъ вы это понимаете?

— Видите, продолжалъ онъ нѣжно, многіе имѣютъ

своихъ, которыхъ не только защищаютъ, но дѣлаютъ богатыми, могущественными, часто, если обстоятельства благоприятствуютъ, даже независимыми.... И.... если бъ вы согласились.....

Синьора Джулія обратила на него испытующій взглядъ.

— Я слышалъ отъ самой Витторіи, продолжалъ Фарнезе, что она ненавидитъ оковы брака, и по своему желанію никогда не выйдетъ замужъ. Она права. Какое счастье найдетъ такое гениальное, высокое существо въ обыкновенномъ союзѣ? Ей нужны блескъ, роскошь, царское великолѣпіе; ея обширному уму должно имѣть вліяніе на дѣла кабинетовъ. Знаменитая Біанка Капелло пришла во Флоренцію бѣдною изгнанницей, а теперь, обожаемая всѣми за умъ и красоту, управляетъ герцогомъ и герцогствомъ! Витторія еще прекраснѣе и даровитѣе этой Біанки.... Я, правда, не герцогъ, но надѣюсь скоро быть чѣмъ-нибудь больше.... я и теперь могу подарить вамъ который-нибудь изъ своихъ палацовъ, здѣсь, въ Римъ, или за городомъ, напримѣръ великолѣпную Капраролу; я окружу васъ блескомъ и пышностью, которыхъ не уступятъ богатству Біанки. Видите ли, я люблю Витторію; страсть моя съ каждымъ днемъ возрастаетъ.... Не торопитесь отвѣтомъ, дайте мнѣ все высказать.... Когда вы такимъ образомъ будете принадлежать мнѣ, когда мы будемъ соединены тѣснѣйшими, нѣжными узами, я даю вамъ честное слово, клятву, что употреблю всѣ свои силы, все могущество для удовлетворенія вашихъ и моихъ желаній. Тогда меня не оставовятъ ни свѣтскіе князья, ни папа, ни курія. Вы знаете мою исторію, знаете, что уже были случаи въ моей жизни, когда я дѣйствовалъ неустрашимо. Отъ васъ теперь зависитъ мое и ваше счастье : одно слово, и вы будете богаты и знатны. Я сдѣлаю вашего старшаго сына прелатомъ, Фламинію получить почетное

мѣсто, и Марцелло, которому теперь угрожаетъ казнь, будетъ свободенъ и богатъ.....

— А Витторія будетъ прелестницей? глухо проговорила Джулія, бросивъ на Фарнезе такой огненный, презрительный взглядъ, что тотъ смутился и покраснѣлъ; взоръ его опустился въ землю, губы трепетали.

— Синьора, сказалъ Фарнезе, оправившись: вы выросли въ свѣтъ и имѣли возможность наблюдать его. Оглянитесь, и вспомните прошедшую и настоящую его исторію. Кто была Лукреція Борджія, которая стала уважаемою герцогинею феррарской, передъ которою даже великій Бембо съ страстнымъ вздохомъ преклонялъ колѣна? Вы, умная женщина, возможно ли чтобы вы имѣли о вещахъ такіа мелкіа, мѣщанскія, понятія? Знатность и блескъ заставляютъ молчать всякаго: кто осмѣлится порицать союзъ вашей дочери со мною? Если бъ мое званіе позволяло, я съ радостію предложилъ бы ей руку, но теперь могу отдать ей только любовь. А это чувство, этотъ союзъ развѣ не довольно священны? Вы знаете, вы сами испытали, что значитъ любовь..... вы тоже любили графа Питтиліано..... Вы краснѣете: полноте! к чему притворство?.... Не отвѣчайте, не торопитесь; обдумайте хорошенько мои предложенія и помните только, что я вамъ другъ, что я желаю вамъ добра.

Онъ нѣжно поцѣловалъ ея руку и пошелъ. Въ это время дверь отворилась и показалась Витторія, въ сопровожденіи Капорале и молодого Франческо Перетти.

— Что этотъ мальчишка дѣлаетъ у васъ? сказалъ Фарнезе, быстро воротившись: изъ него сонный калека Монтальто, его любезный дядюшка, вѣрно, не успѣетъ сдѣлать ничего путнаго. Напрасно онъ не оставилъ его въ свинопасахъ.

Взглянувъ нѣжно на Витторію, съ презрѣніемъ на молодого Перетти, и дружески пожавъ руку Капорале, Фарнезе важно вышелъ изъ залы, мимо низко по-

клявшихся слугъ. Витторія, со своими провожатыми, прошла въ другую комнату.

— О, негодяй!.... такъ-то ты!.... шептала Джулія смотря вслѣдъ Фарнезе, и въ изнеможеніи, ломая руки, опустила въ кресла.

Въ комнату Витторіи раздался громкій смѣхъ. Этого звука какъ-бы ножомъ пронзилъ сердце Джуліи.

— Такъ!.... такъ все на свѣтъ! воскликнула она: здѣсь отчаяніе, а тамъ, за толкою стѣной, безпечный смѣхъ и веселье!....

Она отперла дверь и позвала своего стараго, испытаннаго друга, простодушнаго и честнаго Капорале. Они сѣли, и, въ судорожномъ волненіи, со слезами, несчастная мать начала разсказъ.

— Не мучьтесь напрасно, возразилъ Капорале: я знаю все. Фарнезе, вчера вечеромъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, пригласилъ къ себѣ въ карету, приказалъ кучеру объѣхать по-дальше, чтобъ протянуть время, и налилъ передо мной все свое сердце, разсказалъ про свои намѣренія, про свою кипучую страсть, со всеми подробностями, и я, не имѣя возможности уклониться отъ его довѣренности, противъ воли принялъ роль его повѣреннаго.

— Что же вы думаете?.... Что же намъ дѣлать?

— Все, или ничего.

— Какъ это понять?

— Надобно или съ благодарностію принять его предложеніе, или отказать, бороться съ нимъ на смерть; да, на смерть: дѣло отчаянное. Витторіи остается развѣ только выйти за Орсини: тотъ сумѣетъ защитить свою жену огнемъ и кинжаломъ. Инаго средства я не вижу. Которое-нибудь предложеніе вамъ надобно принять, нето вы во всякомъ случаѣ погибли. Не думайте, что дѣло остановится на угрозахъ, когда и Фарнезе начнетъ грозить. Онъ давно видѣлъ приближеніе этой минуты, и довольно хитеръ, чтобъ не упустить удоб-

наго случая. Онъ, какъ можно больше, и чувствами и изъ выражалъ мнѣ во всемъ, называясь моимъ собственнымъ другомъ, съ жаромъ пожималъ руки, обнималъ, превозносилъ мой неизмѣримый поэтический талантъ, и давалъ слово доставить болѣе почетное мѣсто, притомъ моею великой особѣ, такъ, что я, по нѣмой милости, могу назвать въ завѣдѣ.

— Не правда ли, вскричала Джулія прозвательно и въ тонѣ : не правда ли, на свѣтѣ еще есть друзья, настоящие друзья?

— Я во всю ночь не могъ спать. Никогда еще жизнь моя представлялась мнѣ въ этомъ странномъ свѣтѣ. Что, подумаешь, честь и совесть, когда такіе люди какъ Фарнезе издагаютъ передъ изумленнымъ слушателемъ свои безнравственные, подлые замыслы, такъ спокойно и смѣло какъ математическую теорему?

Капорале хотѣлъ уйти, но Джулія умоляла его остаться : ей страшно было въ своей семьѣ. Старикъ не охотно исполнилъ этотъ долгъ дружбы. Онъ чувствовалъ, что совѣты тутъ были бы безполезны, опасался новыхъ непріятныхъ сценъ, и ктому же самъ былъ утомленъ потрясеніями, которыя произвели на него всѣ эти сдѣленія бѣдствій, обрушившіяся на его друзей. Джулія повела его въ комнату Витторіо. Фламиніо не было : онъ пошелъ проводить Перетти, который навязалъ ему свою неразрывную дружбу. Джулинка казалась очень веселою; она смѣялась и, нежъ ежъ, кормила своихъ любимыхъ голубей крохами хлѣба.

— Дитя, чему ты радуешься? спросила мать, съ трудомъ выговаривая слова.

— Тому, что я, словно Цирцея, опять поймала нового обожателя, который клянется, что важная, несокрушимая, пламенная любовь приковала его къ жонкѣ поганъ, гдѣ онъ можетъ жить безъ пищи и питья, притомъ какъ саамандра, однимъ огнемъ моихъ прекраснѣйшихъ глазъ. Онъ хотѣлъ вывудить у дяди солгасіе на-

ваша брати, или умереть самою ужаснѣйшею смертию. Опы въ полчася насказалъ мнѣ большае глумленіе нежели другіе мои обожатели, бывало, въ цѣлую недѣлю.

— Ты скоро забыла графа Орсини, замѣтила мать.

— Первый испугъ прошелъ, такъ мнѣ и этотъ Радамантъ смѣшонъ. Онъ любитъ понеистовствовать, и умаетъ выражать свою важность только угрозами и проклятіями. А потюдя немного, узнаешь, что всѣхъ этихъ Сакринантовъ и Роландовъ можно править однимъ умнымъ и спокойнымъ взглядомъ.

— Оставь голубей, сядь къ намъ, сказала Джулія: пора перестать забавляться пустяками, когда мы стоимъ на краю гибели, безъ защиты и помощи, когда нищета, позоръ, смерть, со всеми своими ужасами, стоять за дверьми!

— Пока во мнѣ есть душа, судьба моя въ моей рукѣ. Я не боюсь умереть!

— Умирать не такъ-то легко и просто!....

И Джулія, дрожащимъ голосомъ, который постепенно становился тверже, начала разсказъ о процессѣ, который онъ, вѣроятно, проиграютъ, а съ нимъ вместе лишатся всего имѣнія; о близкой казни сына, о нищетѣ, о возможности насилія со стороны Орсини, и наконецъ о предложеніи Фарнезе.

— Теперь ты знаешь все, заключила она: не истощайся же въ безпользномъ гнѣвѣ, а подумай, лучше, что надобно дѣлать.

Джулія и Капорале съ трепетомъ ожидали ужасной сцены. Какъ же они изумились, когда Витторія осталась совершенно спокойною, даже стала еще хладнокровнѣе презираго.

— Что жъ такое, мамонька, сказала она наконецъ почти насмѣшливымъ тономъ: я ожидала Божь-вѣсть какіяа пудель! Мы не можемъ убѣжать въ чужую землю: у насъ нѣтъ средствъ; здѣсь нѣтъ ни кого, кто былъ

защитилъ насъ отъ угрожающей опасности; отъ несправедливости, насилія и даже смерти. Для чего же не принять предложенія нашего лучшаго друга, могущественнаго Фарнезе, который можетъ избавить насъ отъ всякой бѣды и еще осыпаетъ богатствомъ, блескомъ, который спасетъ брата и составитъ счастье всего нашего семейства? Для чего же не согласиться на его требованіе, когда пожертвована буду одна я? Тебѣ известны мои понятія о бракѣ; ты знаешь, сколько разъ я просила тебя не принуждать меня къ замужству, потому что мнѣ ненавистно это рабство, этотъ торгъ, гдѣ мужчина пріобрѣтаетъ себѣ женщину въ собственность, которою можетъ располагать по произволу, какъ своею одеждой или домашней утварью. Любви я не знаю, потому что не видала еще мужчины, который бы заслуживалъ моей любви, которому бы я могла отдаться всею душой, который бы былъ достоинъ и довольно силенъ, чтобъ быть моимъ покровителемъ и опорю въ жизни: все они, все, которыхъ я знаю досель, даже самые лучшіе и благороднѣйшіе, поселяютъ во мнѣ отвращеніе, если подумаю о соединеніи съ ними на всю жизнь. Какъ бѣдны и жалки эти души, алчущія ничтожныхъ богатствъ и мишурнаго блеску почетной, служащія только своему самолюбію и тщеславію! какъ мелки и презрѣнны эти люди, ищущіе только грубыхъ чувственныхъ наслажденій въ женщинахъ, передъ которыми ползаютъ и которыхъ въ души презираютъ!.... Но ты говоришь, что каждая женщина непременно должна вступить въ этотъ союзъ, должна вести это рабство: это ея назначеніе, цѣль ея существованія; такъ ужь если мнѣ непременно должно быть проданною, то не всё ли равно какъ и кому я буду продана, Орсини или Фарнезе?

— Я не признаю тебя болѣе своею дочерью, холодно сказала мать, и вышла изъ комнаты.

Капорале былъ такъ изумленъ, что не зналъ; двѣ-

справедливо ли слышать все это, и хорошо ли разлу-
щаться.

— Оставьте меня! вскричала Виттория, вдруг зары-
дав и бросившись въ кресла : оставьте меня одну....
Моя участь не быть ни кѣмъ понятою!

... Между-тѣмъ въ палацъ Монтальто происходила дру-
гая сцена. Старый кардиналъ сидѣлъ погруженный
въ думу; племянникъ его, Франческо Перетти, сму-
щеннѣй, стоялъ въ отдаленіи, въ другомъ углу ком-
наты; глаза его были красны и влажны, замѣтно бы-
ло, что онъ недавно плакалъ. Долго царствовало мол-
чаніе. Наконецъ старикъ прервалъ его.

— Вся моя плана рушатся, надежда на радость не-
чезаетъ. Съ тѣхъ поръ какъ я увидѣлъ тебя, негодна-
го, мной овладѣла непонятная любовь къ тебѣ : въ те-
бѣ хотѣлъ я вознаградить свое бѣдное семейство, сво-
ихъ родителей, которые умерли раньше нежели я былъ
въ состояніи сдѣлать что-нибудь для нихъ. Въ тебѣ я
хотѣлъ осчастливить брата и сестру, въ тебѣ хотѣлъ я
положить основаніе, на которомъ моя фамилія могла бы
впоследствии воздвигнуть зданіе своего величія и мо-
гущества. Я радовался твоему приѣзду и считалъ тотъ
день счастливейшимъ въ моей жизни. Но я жестоко
ошибся : ты слабъ, почти безхарактеренъ, боишься
труда и проводишь время всего охотнѣе въ разеѣваніи и,
что всего хуже, въ дурномъ обществѣ. Ты презираешь
науки, которыя должны бы, современемъ, доставить
тебѣ уваженіе согражданъ и почетное мѣсто; всѣ учи-
теля, какъ ни желали бы польстить мнѣ, жалуются на
тебя и отнимаютъ у меня послѣднюю надежду вывести
тебя въ люди.

Перетти подошелъ и съ покорностью всталъ передъ
старикомъ на колѣни.

— Дядюшка! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ :
позвольте мнѣ поцѣловать вашу благодѣтельную руку.
Простите, просите, заблудшему въ послѣдній разѣ! Я

исправлюсь, я впередъ буду лучше пользоваться вашими и отеческими наставленіями; только...

— Да, да, только позвольте молокососу жениться! вспыльчиво вскричалъ кардиналъ; не доставало еще этой глупѣйшей глупости, какую можетъ сдѣлать бородатый мальчикъ. Ты хочешь жениться? управлять домою и семействомъ? Но хватаетъ ли у тебя ума управлять самимъ собою?

— Любезный, добрый дядюшка, говорилъ Франческо, взявъ старика за руку: повѣрьте же мнѣ, что эта любовь не ребяческая прихоть! Ваше согласіе сдѣлаетъ меня счастливѣйшимъ человекомъ, и заставитъ еще болѣе любить и уважать васъ.... Съ тѣхъ поръ какъ увидѣлъ несравненную Аккоромбона, я совершенно перемѣнился и исправился: я бросилъ прежнее общество, которое вы справедливо порицаете; я теперь узналъ, какъ благородные люди должны жить и чувствовать. Когда вы возведете меня на эту высшую степень моего счастья, я, вѣрно, заслужу ваше одобреніе своимъ стараніемъ. Если жъ вы не позволите.... Охъ! безцѣнный, обожаемый дядюшка.... вы называете меня слабымъ, и это правда.... но, если вы останетесь неулыбчивымъ, моя слабость превратится въ отчаяніе, и.... моя погибель неизбежна....

Онъ снова зарыдалъ и упалъ на колѣна передъ лядею. Тотъ не шевелился, и нѣсколько времени спокойно смотрѣлъ на молодаго человека, потомъ, въ раздумь, сталъ играть его бѣлокурыми кудрями.

— Говорятъ, эта дѣвушка съ сильнымъ и смѣлымъ характеромъ, сказалъ онъ наконецъ довольно ласково: я никогда не видалъ ея, но хорошо зналъ ея честнаго и благороднаго отца. Если правда, что объ ней разсказываютъ, то какъ же такая даровитая и гордая женщина будетъ любить и уважать тебя?

— Братъ ея, Фламинію, которому я открылся; подаетъ мнѣ надежды. Онъ мнѣ обѣщавалъ страстно

характера своей сестры. Витторія презираетъ Луиджи Орсини, который уже давно съ мольбами и угрозами требуетъ ей руки; она ему отказала, и признается, что ожидаетъ счастья въ супружествѣ только съ человекомъ тихаго и скромнаго нраву.

— Такъ да благословить тебя Господь! сказалъ кардиналъ, снова положивъ руку на голову молодаго человека : да исполнить онъ твои надежды! Но ты знаешь, Франческо, что я не могу дать тебѣ богатствъ, не многое могу сдѣлать для тебя. Поговори съ матерью Витторіи и принеси мнѣ согласіе обѣихъ. Можетъ-быть отъ этого брака родится счастье твое и всего нашего семейства. Витторія отвергла знатнаго и сильнаго Орсини, это подастъ мнѣ хорошее объ ней мнѣніе. Ступай теперь.

Франческо былъ такъ восхищенъ, что не зналъ какъ вышелъ изъ дому и очутился на улицѣ. Одинъ изъ прежнихъ собутельниковъ остановилъ-было его, но Перетти, не отвѣчая, съ презрѣніемъ отвернулся и полетѣлъ къ дому Аккоромбона.

Синьора Джулія была одна въ своей комнатѣ. Она нѣсколько оправилась отъ удара и спокойно обдумывала свое положеніе. Въ крайнемъ случаѣ, она хотѣла скрыться въ Абруццо, къ одной изъ своихъ родственницъ, чтобы тамъ, въ уединеніи, жить обломками инѣнія, которыя успѣетъ спасти. Но такая жизнь и ей тоже казалась не лучше смерти : ей страшно было подумать, что она заживо погребетъ себя и молодую дочь въ дикомъ пустырѣ, лишится привычныхъ удовольствій въ хорошемъ обществѣ, лишится со временемъ даже средствъ къ существованію. Возбужденное воображеніе шире и шире разрисовывало неутѣшительную картину; Джулія снова начала впадать въ уныніе. Поэтому передъ ней точно загорѣлась новая заря, когда Перетти, въ попыхахъ, вбѣжалъ въ комнату и объявилъ согласіе своего дяди. Джулія отвѣчала мо-

каждому человѣку очень ласково и обаятельно его воспринималъ. Невозможно было придумать лучшаго средства разомъ избавиться отъ всѣхъ преслѣдованій. Она пошла въ комнату Витторіи, которой не было дома. Франческо простился, сказавъ, что прійдетъ вечеромъ, узнать рѣшеніе своей судьбы.

— Не забудьте, однако жъ, синьоръ Перетти, повторила ему Джулія : что кардиналъ долженъ исполнить нѣкоторыя наши требованія, иначе вашъ бракъ съ моею дочерью невозможенъ.

Перетти ручался, что цѣлый міръ будетъ перевернуть, если того потребуешь Витторія.

Нѣсколько дней спустя, на паперти одной изъ римскихъ церквей толпилось много народу. Выходила новобрачная, окруженная родными и знакомцами. Вслѣдъ за Перетти и Витторіей шли синьора Джулія, Фламиніо и Марцелло, богато одѣтый, здоровый и румяный. Молодая казалась такою величественною и прекрасной, что ея малорослый, щедушный мужъ совершенно исчезалъ передъ нею, былъ, просто, ничтоженъ, почти смѣшонъ.

— Я вамъ припомню это! сказалъ кто-то, въ полголоса, позади Витторіи. Не стыдно ль выйти за такого человѣчка?.... Но мы еще увидимся, несмотря на строгій запретъ.... увидимся!

Витторія въ испугъ оглянулась. За нею стоялъ буйный Луиджи Орсини.

Такимъ образомъ спокойствіе въ семействѣ Аккоробона было восстановлено. Молодой супругъ чувствовалъ себя счастливымъ, Витторія жила тихо и мирно, предаваясь домашнимъ трудамъ или чтенію любимыхъ авторовъ; то она играла на лютнѣ и пѣла звучнымъ голосомъ нѣжныя пѣсни, изъ которыхъ многія сама сложила; то писала письма къ друзьямъ. Многія сонеты и канцоны были въ то время напечатаны ея друзьями, только безъ ея имени; многія сочиненія Вит-

тории и теперь еще, въ ружонвикъ, хранится въ библиотекахъ Италіи. Она казалась веселой, довольной своею однообразною жизнью.

Домъ Аккоромбона, теперь Перетти, болѣе нежели когда-либо сдѣлался сборищемъ ученыхъ и диллетантовъ. Всѣ съ энтузіазмомъ говорили объ умѣ, добродѣтеляхъ и талантахъ прекрасной Витторіи, и эти посвященія замѣчательныхъ и знатныхъ людей, импровизация, музыка и пѣніе, иногда ученые и философскія разсужденія, остроумные споры, превратили домъ Перетти въ храмъ музъ, въ которомъ находили отрадное удовольствіе люди пожилые и юноши. Фарнезе, который, какъ ловкій свѣтскій человекъ, искусно вывернулся изъ неприятнаго положенія, въ какое сталъ-было по поводу своего нескромнаго предложенія, навѣщалъ гостепріимное семейство по-прежнему, и даже еще чаще, потому что встрѣчалъ тутъ многихъ друзей, знакомцевъ, и находилъ болѣе пріятное препровожденіе времени чѣмъ прежде. Онъ былъ всегда скромнень и въжливъ; ничто не обличало его прежней страсти; можно было подумать, что онъ совершенно отъ нея исцѣлился. Съ Перетти онъ обращался очень дружески, приглашалъ его къ себѣ, запросто, на вечернія собранія, и молодой человекъ ходилъ бы часто, если бы его не удерживалъ дядя, старшій Монтальто. Кардиналъ все болѣе и болѣе сближался съ домомъ Медичи, а тѣ были въ открытой враждѣ съ домомъ Фарнезе, и Монтальто не могъ желать, чтобы неопытный племянникъ водилъ дружбу съ сильнѣйшимъ противникомъ своей партіи; онъ предостерегалъ его отъ клятвности и въроломства новаго пріятеля и совѣтовалъ удалиться отъ человека, который съ необыкновенною ловкостію и искусствомъ умѣетъ скрывать злобу и коварство подъ личиною добродушія.

Синьора Джулія, со времени свадьбы, замѣтно удалилась отъ дочери, и обходилась съ нею совсѣмъ ина-

че противъ прежняго : она чувствовала, что Виттория, въ новой эпохѣ своей жизни, должна быть совершенно независимою и самостоятельною. Назалось также, что послѣ всего, предшествовавшаго браку Витторини, между матерью и дочерью поселилась недоверчивость, такъ, что онѣ столько же избегали взаимной встрѣчи, сколько наблюдали другъ за другомъ. Обѣ чувствовали, что прежнія безусловное доверіе и важная привязанность исчезли : обѣ души испугались одна другой, и, отъ этого испугу, взаимно отчуждились. Оставаясь на-единѣ онѣ всегда говорили только о литературѣ или о вещахъ совершенно постороннихъ. Старшій Аккоромбона, аббатъ, принялъ почти непріязненное положеніе къ матери, за бракъ сестры. Онъ при всякомъ случаѣ, говорилъ о Монтальто съ пренебреженіемъ, обращался съ молодымъ Перетти съ явнымъ презрѣніемъ, всѣми силами старался угождать могучему Фарнезе, который, въ свою очередь, тоже отличалъ молодого аббата.

Монтальто, посвящавшій почти все время своимъ духовнымъ обязанностямъ, посѣщалъ племянника очень рѣдко, и то только въ такіе часы, когда зналъ, что не застанетъ никого чужихъ. Всего пріятнѣе была ему бесѣда съ Джуліей, которую онъ уважалъ за умъ и образованность; Витторини старикъ чуждался, какъ будто робѣлъ, хотя и удивлялся ея красотѣ и талантамъ. Слабому Фламинію онъ любилъ давать отеческія наставленія и дружескія совѣты, но пыллаго Марцелло избегалъ, избегалъ даже благодарности молодого человека за спасеніе жизни, потому что стыдился своего благодѣянія. Марцелло чувствовалъ, что присутствіе его непріятно старому кардиналу, и обыкновенно уходилъ изъ комнаты, когда входилъ Монтальто.

Капорале, когда находился въ Римѣ, бывалъ у нихъ очень часто. Онъ сдѣлался необходимымъ всѣмъ членамъ семейства, потому что каждый находилъ въ немъ ис-

прежнего и благородного друга. Но привязанность старика не вела къ Витторіи до обожанія. О брачном состояніи ея онъ никогда не говорилъ съ нею: Витторія сама избѣгала рѣчи объ этомъ предметѣ. Капорале былъ всегда ласковъ съ молодымъ Перетти, и даже старался оказывать ему уваженіе, хотя часто находилъ довольно смѣшнымъ, что въ домѣ, гдѣ господствовали искусства, поэзія и ученость, гдѣ собиралось отборнѣйшее общество, — мѣсто хозяина занималъ неартистичный юноша съ ограниченнѣмъ умомъ.

Однажды, Капорале, уходя отъ Джуліи и Витторіи, воротился на вероугъ и попросилъ позволенія ввести къ нимъ одного изъ своихъ пріятелей.

— Я недавно познакомился съ нимъ, во время своихъ маленькихъ странствованій, въ Альбано; путешествовалъ съ нимъ по горамъ, былъ у него въ Порта-Капена, гдѣ онъ, по странной прихоти, живетъ почти безъ прислуги, хотя, кажется, имѣетъ довольно большое состояніе. Я много рассказывалъ ему объ васъ и онъ чрезвычайно желаетъ быть вашимъ гостемъ. Но мой пріятель что-то въ родѣ мизантропа и, по-видимому, особенно ненавидитъ большой свѣтъ. Услыхавъ, что Фарнезе часто бываетъ у васъ, онъ уже почти раскаялся въ желаніи познакомиться съ вами, однако поручилъ мнѣ просить позволенія прійти, когда вы будете одни. Завтра вечеромъ, кажется, у васъ никого не будетъ. Вы позволите привести этого чудака?

— Осторожно, сказала Витторія; только берегитесь, любезный Капорале, не приведите къ намъ какого-нибудь бандита, который насъ, пожалуй, убьетъ и ограбитъ.

— Ничуть, прекрасная Витторія, возразилъ Капорале, громко захохотавъ: мой пріятель совсѣмъ не на то похожъ. Донъ Джузеппе хотя долго не сказывалъ мнѣ своего имени, однако жъ наконецъ открылъ, что онъ богатый ломбардскій купецъ, и ушелъ изъ Венеціи отъ

чуны, которая тамъ свирѣпствуетъ, какъ вамъ известно.

— Ты забыла, Витторія, сказала мать, что завтра Челю Малеспина придетъ, и Боккалини, молодой другъ снѣбора Капорале.

— Ну, эти не помѣшаютъ, возразилъ Капорале: однако жъ я скажу ему объ этомъ; пусть, какъ хочетъ, придетъ или подождетъ до другаго времени.

На другой вечеръ семейство Аккоромбона сидѣло собравшись въ залъ и ожидало поваго гостя. Первый явился молодой Боккалини, усердный поклонникъ поэта Капорале; вскорѣ потомъ пришелъ и Малеспина, недавно занявшій должность секретаря при герцогѣ Франческо, въ Флоренціи. Онъ былъ молодъ, хорошъ собой, краснорѣчивъ, и казался счастливымъ своимъ вступленіемъ въ большой свѣтъ, гдѣ вдругъ увидѣлъ многія вещи совсѣмъ съ иной стороны, противъ того какъ смотрѣлъ на нихъ прежде. Онъ теперь рѣзко подшучивалъ надъ такими предметами, которые за годъ налагали на него почтительное молчаніе. Сверхъ-того молодой человекъ былъ сведущъ въ литературу и лично знакомъ со многими учеными.

Наконецъ вошелъ и Капорале съ своимъ новымъ пріателемъ. Тотъ привѣтствовалъ всѣхъ съ ловкостію свѣтскаго человека, наставлялъ много лестнаго о своемъ желаніи лично познакомиться съ знаменитою Аккоромбона, и о своемъ настоящемъ изумленіи при видѣ, что мода далеко не все сказала объ ея красотѣ. Къ Джуліи онъ былъ весьма внимателенъ; не забылъ и Перетти, ни двухъ гостей; словомъ, съ перваго разу поставилъ себя, посредствомъ изящнаго обращенія и образованной любезности, въ пріятное отношеніе со всеми.

Малеспина рассказывалъ о Флоренціи, Боккалини пересѣивался надъ нѣкоторыми римскими учеными и новыми знаменитостями, Капорале старался смягчать его слишкомъ рѣзкіе приговоры, а Витторія была такъ ис-

ключительно занята наблюдениемъ за новымъ гостемъ, кокорого странность возбуждала и привлекала ея любопытство, что едва принимала участіе въ общемъ разговорѣ. Джулія тоже вглядывалась въ него, и старалась припомнить, не встрѣчала ли гдѣ-нибудь этого высокаго, стройнаго мужчину, съ огненнымъ, повелительнымъ взоромъ. Перетти смутился, робѣлъ передъ нимъ, и говорилъ еще меньше обыкновеннаго.

Зашла рѣчь о нѣсколькихъ, недавно появившихся и еще неконченныхъ пѣсняхъ Тассова «Освобожденнаго Іерусалима», которыя приводили всѣхъ въ восторгъ; потомъ заговорили о поэзіи вообще, и Капорале попросилъ Витторію импровизировать на какую-нибудь тему, чтобы нѣсколько удовлетворить любопытству донъ Джузеппе, который много наслышался объ ея необыкновенномъ талантѣ. Но Витторія не согласилась; она предложила каждому прочесть какое-нибудь стихотвореніе, и сама, въ свою очередь, хотѣла представить одно изъ послѣднихъ своихъ сочиненій на судъ слушателей. Капорале тотчасъ же вынулъ изъ кармана нѣсколько листовъ и прочелъ двѣ три главы своего комическаго стихотворенія о садахъ Мецената. Потомъ Фламиніо продекламировалъ нѣсколько стиховъ, вѣроятно, исправленныхъ сестрою. Синьора Джулія звучнымъ голосомъ врочла нравственную канцону, а Перетти явился съ пѣсней о блаженствѣ деревенской жизни, которую прочелъ запинаясь и такъ невѣрно, что можно было по справедливости усумниться въ томъ, что онъ самъ сложилъ ее.

— Синьора, сказалъ донъ Джузеппе, обращаясь къ Витторіи, когда до него дошла очередь: я въ жизнь свою не написалъ ни одного стиха, и теперь ничего не припомню, кромѣ одного мѣста изъ извѣстной всему міру сказки о трехъ апельсинахъ. Въ этомъ волшебномъ стихотвореніи говорится о желѣзной двери, которая плачетъ и жалуется на то, что должна ужасно скрипеть, потому что, не знаю сколько-то вѣковъ, не была

смазана масломъ. Я нахожу въ себѣ много сходства съ этою дверью. Мнѣ тоже надобно подождать музы, которая смягчила бы мое горло и сдѣлала его способнымъ говорить стихами. Пріймите это воспоминаніе о стихотвореніи за стихотвореніе, и мою шутку за правду.

Витторія отыскала листокъ въ своемъ портфѣлѣ и сказала :

— Я вамъ прочту стихи, которые сама не знаю какъ назвать, балладой, романсомъ или, просто, шуткой. Вы сами назовете какъ хотите.

Она прочла стихотвореніе, котораго смыслъ мы передадимъ здѣсь въ прозѣ.

«Простился молодой князь со своего невестою. Она съ нѣсяцъ была обручена съ нимъ. Онъ думалъ только объ ней, и ѣхалъ въ горы, къ отцу, извѣстить его о скоромъ прибытіи невестки.

«Не оставляй меня, умоляла красавица : я предчувствую бѣду. Къ чему ѣхать именно теперь? — Такъ должно, сказалъ князь, нѣжно цѣлуя ее : наша любовь съ улыбкой переждетъ эту разлуку.

«Нѣтъ, говорила она жалобно : я не увижу тебя больше. Когда, вчера вечеромъ, темныя тучи быстро бѣжали по небу, я видѣла въ нихъ все страшныя лица, обезображенныя дикимъ злорадствомъ. Это мрачныя тенія судьбы, демоны, которые подстерегаютъ тебя. Они хотятъ разлучить насъ, погубить тебя! Они злые, опасаются, что ты осчастливишь свой народъ. Они хотятъ свѣять только зло.

«Привидѣнія не существа, у нихъ нѣтъ ни жизни ни силы, сказалъ князь : такъ не трепещи же, не бойся, моя милая. Мы любимъ другъ друга, и никакой демонъ любви нашей не потревожитъ. Твое тѣло здорово, но воображеніе предаетъ. Чѣмъ больше ты страшисься, тѣмъ больше я люблю. Добрый духъ всегда побѣдитъ.

«Почему ты знаешь? говорила она, и тѣснѣе сжимала его въ объятіяхъ. Они не доброе замышляютъ на насъ; я это поняла изъ всѣхъ сновъ своихъ. Ты моя жизнь, мое

настоящее и будущее счастье : если тебя не станеть, что жъ тогда будетъ со мной ?

«Тутъ подвели князю любимаго коня, выюргаго, вороного. Какъ князь любилъ благородное животное, такъ и лошадь была предана господину совершенно : она не разъ спасала его отъ смерти. Привязанность животныхъ къ человеку удивительна.

«Въ глубокой долинь, въ котловинъ утесовъ, поросшей теркнень и ядовитыми вельями, жиле въ уединеніи три вѣдьмы. Удовольствія ихъ были — бѣда, гибель и болѣзнь. Пламя пожара, обхватившее хижну бѣдняка, среди темной ночи, было для нихъ праздничнымъ блескомъ. Отчаянный, когда встрѣчался съ ними, служилъ вѣдьмамъ шуткомъ, надъ которымъ онъ забавлялись. Онъ часто видѣли молодаго князя и любили его, потому что онъ былъ красивъ и могучъ, и всѣ, вопреки обычаю своему, старались угодить ему. То одна являлась въ видѣ Цыганки, чтобы доворожить ему ; то другая приходила въ видѣ нищій ; а третья, самая злая и дикая, ласково вызывалась проводить его кратчайшимъ путемъ. Но какъ ни льстили онъ, какъ ни нѣжно пѣли, какъ ни кланялись и улыбались своими притворными лицами, князь не обращалъ на нихъ вниманія, и любовь вѣдьмъ превратилась въ горькую желчь и ядовитую ненависть.

«Вотъ онъ скачетъ на ворономъ конѣ, сказала Алруна, что съ желтою кожею, съ сверкающими глазами и черными косматыми волосами. — И конь тоже красивъ, сказала дѣвятица Гельдруда, у которой длинный клыкъ торчалъ далеко черезъ бѣдную губу. — Какъ онъ бѣдетъ копытомъ ! Земля дрожить досюда ! молвила злая Гудула, которая вела дѣтей, и мертвыхъ или истощенныхъ болѣзнью клала ихъ опять подъ ноги плачущимъ матерямъ. — Я отомщу ему за всѣхъ насъ ! пронзительно вскричала Алруна : смотрите ! онъ не увидитъ больше стараго отца, не увидитъ своей прекрасной невесты !

«И ужасная вѣдьма, невидимая, стала на пути. Тамъ, на углу лѣсу, гдѣ не было ни святаго креста, ни изображенія Пречистой Дѣвы. Вотъ раздался топотъ и звонъ межъ утес-

сли; развѣвается по вѣтру плащь красиваго всадника; лѣсъ благоухаетъ, птицы поютъ.

«Страшная вѣдьма скидаетъ одежду. Чудовище является передъ духами : смертныя глаза не видятъ ея, но зловѣщія сестры веселятся отвратительной красотой своей подруги. Какъ черная, сухая хворостина, стоитъ она на окраинѣ лѣса, какъ темно-желтая ядовитая змѣя, стоящая на хвостѣ, какъ гадкое, высоко взбѣжавшее зелье, отъ котораго отворачивается утренній вѣтеръ и плачетъ заря, что должна освѣтить недостойное.

«Вотъ, князь молодой уже близко. Онъ поетъ веселую пѣсню; темныя кудри вьются по вѣтру и ласкаютъ загорѣлую щеку. Онъ слагаетъ любовную пѣсню и восклицаетъ : О, какъ прекрасна природа ! какъ восхитительна весна и какъ счастливъ я !

«Вотъ князь къ чудовищу ближе и ближе. Глаза вѣдьмы горятъ радостью. Однимъ скачкомъ она очутилась позади его; коричневыя ноги ея гадко отсвѣчаютъ отъ чернаго коня; широкій кривой ротъ страшно улыбается, бѣлыя зубы блестятъ. Чтобъ лучше держаться, она охватила грудь всадника сухою костлявой рукой, съ острыми ногтями. Не знаетъ князь, что съ нимъ дѣлается : онъ не видитъ вѣдьмы, но сердце его трепещетъ, конь содрогается. Вотъ понеслись они, конь широко вздуваетъ ноздри, храпнуть, такъ что лѣсная оса въ страхъ отлетаетъ въ сторону.

«Куда ты, мой конь ? кричитъ утрашенный юноша : ты сбился съ пути. Но конь закусилъ удила и не слушаетъ ни шпоры ни кличу. Вѣдьмы смотрятъ въ злобномъ восторгѣ какъ конь и всадникъ несутся черезъ пни и камни, черезъ поросшія вѣсомъ скалы. Всадникъ въ страхъ озирается; онъ хочетъ освободить грудь отъ сжавшихъ ее невидимыхъ когтей, и не можетъ. Невзловая вѣдьма сжимаетъ коня костлявыми когтями, бьетъ острыми пятами; конь несется шибче и шибче; жесткія, щетицистыя волосы вѣдьмы метлой торчатъ на вѣтеръ. — Какой злой духъ погоняетъ коня моего ? кричитъ князь : кто сжимаетъ мнѣ грудь и сердце желѣзными когтями ? Стой же, пшеница ада ! И съ гигантскою силой осадилъ онъ коня. Конь дрожитъ какъ осиновый листъ; а за всадникомъ желтая вѣдьма, щелкнувъ зу-

бамп, понзидя пятки въ бока скакуна, и тотъ, взвившись, понесся назадъ, къ заколдованному кругу, къ ладонной котловинѣ. Конь, разбитый, падаетъ; умирающій князь обращаетъ послѣдній взглядъ на свѣтлое синее небо, и видитъ маленькое легкое облачко, которое, оплакивая его, тихо несетя мимо.

«И вотъ онъ, чудовища, стоятъ, блуждая жадными взорами, и радуются своему проклятому дѣлу. Что имъ за нужда, что отецъ печалится и умираетъ отъ сокрушенія сердца, что невѣста плачетъ и въ каждомъ юношѣ видитъ трупъ мертвеца !....

«Такъ, многихъ, невидимый демонъ въ дикой злобѣ гонять къ гибели. И чѣмъ прекраснѣе и благороднѣе жертва, тѣмъ яростнѣе и ужаснѣе врагъ, который ее преслѣдуетъ, самъ не зная за что.

«И это люди, близорукие смертные, называютъ потомъ судьбою, неизбежнымъ рокомъ! О, если бы можно было открыть имъ глаза, чтобы они увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!»

— Что это? вскричалъ старый стихотворецъ: откуда вы взяли такой печальный предметъ? И можно ли читать такую вещь въ веселомъ собраніи поэтовъ?

Донъ Джузеппе, казалось, былъ противнаго мнѣнія: онъ хвалилъ стихотвореніе.

— Конечно, говорилъ онъ: это немножко мрачная, но вѣрная, картина нашей жизни. Впрочемъ, я поставилъ себя въ обязанность удивляться всему, что дѣлаетъ и говоритъ синьора Перетти.

Когда обратились къ Малеспини, онъ сказалъ, что, по примѣру донъ Джузеппе, просить извиненія, не смѣя выдавать себя за поэта въ такомъ обществѣ.

— Да мало было бы пользы, если бъ я и дерзнулъ на это, прибавилъ онъ: у меня нѣтъ съ собою стиховъ, а память слишкомъ слаба, чтобы читать наизусть. Но, если вы позволите, я расскажу вамъ, для переменны, маленькое, само по себѣ не важное, но забавное происшествіе, которое случилось при нашемъ дворѣ. Голъ-

ко я принужденъ напередъ просить у дамъ извиненія, если мой разсказъ, какъ вообще комическіе разсказы, будетъ кое-гдѣ, мѣстами, не совсѣмъ строго нравственный.

— Почти все можно разсказывать, замѣтилъ Капорале: если только самъ разсказчикъ и слушатель не ищутъ безнравственной потѣхи въ неблагопрістойномъ.

— Совершенно справедливо, замѣтила синьора Джулія: поэтому именно я называю невинными многихъ изъ нашихъ писателей, которые не одобряются другими. Безнравственнымъ надобно бы называть только того, кто для соблазну другихъ самъ въ себѣ возбуждаетъ грубую чувственность.

— Такъ я осмѣлюсь разсказать вамъ эту шутку со всѣми подробностями, сказалъ Малеспина.

Въ нашей столицѣ, съ давнихъ поръ живетъ чудакъ, который творитъ множество глупостей, часто становится посмѣшищемъ всѣхъ, и при всемъ томъ имѣетъ справедливыя притязанія на уваженіе: это старій Канеджіани, феррарскій посланникъ при нашемъ дворѣ, человекъ длинный, тощій, блѣдный, съ обрюзглымъ лицомъ и впалыми глазами. Иногда, когда задумается, фізіономія его принимаетъ видъ истинно жалкій; когда же развеселится, то такъ широко разинетъ большой ротъ своего тощаго лица, что ужасъ беретъ. Но это пугало, эта гремушка, которую природа произвела въ шуточныйъ часъ, на смѣхъ другимъ своимъ созданіямъ, этотъ Канеджіани нисколько не замѣчаетъ того, что онъ смѣшонъ, и такъ занятъ собою, что считаетъ себя красивымъ, милымъ, остроумнымъ, и потому чрезвычайно любитъ танцовать на праздникахъ, корчитъ любезника, остряка, и не отказывается ни отъ какой шутки или шалости, часто выдуманной молодыми повѣсами только для того чтобы позабавиться надъ странностью тѣлеснаго старика. Величайшая слабость посланника состоитъ въ томъ, что онъ думаетъ, будто никакая

женщина не может не влюбиться въ него, если онъ того захочетъ. И тѣ, часто, для шутки, дурачатъ старика, нѣжничаютъ, разумѣется, чтобы потомъ осмѣять его. Но всенародно онъ посвятилъ свое чувствительное сердце преимущественно остроумной и прекрасной герцогинѣ Изабеллѣ, которая тоже, для виду, отвѣчаетъ на его нѣжности и ставитъ старика въ такія смѣшныя положенія, что эта шутовская связь принадлежитъ къ числу придворныхъ забавъ.

— Кто эта Изабелла? спросилъ донъ Джузенпе, внимательно слушавшій рассказчика.

— Она сестра нашего великаго герцога и жена герцога Брачьяно, знаменитаго Орсини Паоло Джіордано, который, какъ вамъ извѣстно, отличился во многихъ походахъ. Эта дама можетъ-быть первая красавица при нашемъ дворѣ: многіе отдають ей преимущество передъ знаменитою Біанкой Капелло.

Но я возвращаюсь къ разсказу. Въ залѣ владѣтельной герцогини, во время послѣдняго карнавала, случилась презабавная сцена. День былъ пасмурный, и герцогиня, обыкновенно серьезная, задумчивая, предложила танцы и игры, потому что предполагала повеселиться. Стали танцовать. Конеджіани тоже кривлялся вслѣдъ за живыми, легкими движеніями другихъ, и отчаянно любезничалъ съ герцогиней Изабеллой. После танцевъ пѣли, потомъ занялись игрой-скороговоркой, которая производила изъ обыкновенныхъ словъ, нѣсколько разъ сряду скоро выговариваемыхъ, самыя уродливыя, часто смѣшныя, часто двусмысленныя рѣчи; кто ошибался въ игрѣ, заинался или сказывалъ не то слово, того, какъ школьника, били по ладони маленькой вызолоченной лопаточкой. Много жестокихъ ударовъ попало бѣдному синьору Конеджіани: дама, занимавшая должность экзекутора, не шутила съ нимъ, колотила провинившагося безъ милосердія, такъ, что тотъ съ самыми уморительными гримасами и ужимками

потиралъ красныя, распухшія руки о платье. Потомъ предложили игру въ обезьяны, mattacini, въ которой одинъ изъ играющихъ прыгаетъ, скачетъ, дѣлаетъ разныя движенія, а другіе должны подражать ему и дѣлать точно то же. При этой сумасбродной игрѣ дамы, разумѣется, остаются только зрительницами. Мужчины снимаютъ плащи и остаются въ камзолахъ, небрежномъ костюмѣ, отъ котораго стройные молодые люди выитрываютъ, а тощій, сухой, жидконогий скелетъ принимаетъ видъ настоящей обезьяны. Въ этой странной игрѣ корифеемъ былъ родственникъ герцогини Изабеллы, графъ Тролій Орсини, видный, красивый, ловкій молодой человекъ, отъ котораго всѣ наши женщины сходятъ съ ума. Онъ изобрѣталъ самыя необыкновенныя скачки, положенія и движенія, и всѣ играющіе должны были повторять его маневры. Но какъ красивому молодому человеку, который умѣетъ владѣть своими членами и знаетъ, что можетъ позволить себѣ, удается облагородить и придать изящную форму даже пошлымъ фарсамъ, такъ въ синьорѣ Конеджіани самое обыкновенное движеніе казалось уродливымъ, а комическое, просто, гадкимъ. Можете себѣ представить радость и восхищеніе рвзвой молодежи и прекрасныхъ зрительницъ! Я никогда не видывалъ, чтобы великая герцогиня хохотала такъ какъ въ этотъ вечеръ. По окончаніи игры, Конеджіани, разторвшійся отъ кривлянья и радости, подсвѣлъ къ своей обожаемой герцогинѣ Изабеллѣ, въ твердой увѣренности, что выказалъ передъ нею всѣ свои прелести, всю свою очаровательную ловкость. Она пожимала ему руки, и похвалами поддерживала его въ уморительномъ заблужденіи.

— А супругъ Изабеллы также участвовалъ въ этихъ остроумныхъ играхъ? спросилъ донъ Джузенпе.

— Вы, кажется, не знаете, что герцогъ Браччано уже нѣсколько лѣтъ не бывалъ во Флоренціи: онъ, если

на въѣходѣ, живетъ то тамъ, то здѣсь. Говорятъ, онъ никогда не любилъ своей жены, и она, вѣроятно, платила ему тѣмъ же. Герцогъ Франческо тоже рѣдко бываетъ въ собраніяхъ у своей супруги. У нашей знати это не рѣдкость, и едва замѣчается... Но позвольте мнѣ перейти къ той странной исторіи, къ которой все сказанное мною служить однимъ введеніемъ, чтобы познакомить васъ съ моимъ героемъ.

У Тролія есть молоденькая, хорошенькая любимица, которая живетъ напротивъ дому Конеджіани, такъ, что тотъ можетъ ежедневно видѣть ее, изъ окна въ окно. Старый вѣтренникъ дотога поглядывалъ на свою миленькую сосѣдку, что воспламенился страстію къ ней, не въ ущербъ своей платонической любви къ герцогинѣ. Какъ его воздушные поцѣлуи, миганья и мерганья съ каждымъ днемъ возрастали, то рѣзвая дѣвушка рассказала объ этомъ своему Тролію, и тотъ подпрыгнулъ отъ радости. Онъ приказалъ своей милой Лизѣ быть съ Конеджіани ласковою, подать ему надежду, что онъ современемъ одержитъ побѣду. Повѣса тотчасъ составилъ планъ чтобъ позабавиться надъ самонадѣяннымъ старикомъ, и сообщилъ этотъ планъ своей кузинѣ, герцогинѣ Изабеллѣ. Та, дама веселая и бойкая, любитъ поохотать, и охотно согласилась помочь Тролію одурачить своего нѣжнаго пастушкѣ, тѣмъ болѣе, что видѣла въ этомъ средство избавиться отъ его навязчиваго и смѣшнаго поклонничества, которое уже началось надѣдать ей. Маленькую Лизу уговорили назначить посланнику свиданіе, у себя въ квартирѣ. Конеджіани, разумѣется, явился, и, расхаживая по залѣ въ ожиданіи и предчувствіи наслажденія, восхищался мыслию, что обманетъ красавца Тролія. Наконецъ, горничная пришла сказать счастливицу, что его ожидаютъ. Онъ, трепеща, едва ступая по ковру, отправился въ комнату Лизы, подкрался въ темнотѣ къ завѣтному ложу, и очень удивился, нашедши красавицу спящею.

Онъ смѣлъ это притворствомъ и началъ ее будить, но напрасно; она храпѣла такъ усердно, что старикъ приходилъ въ отчаяніе. Наконецъ, однако жъ, ему удалось разбудить свою милую. Но, представьте себѣ его изумленіе, когда она, замѣтивъ подле себя мужчину, стала что есть силы кричать на какомъ-то непонятномъ языкѣ, и его ужасъ, когда сбѣжавшіеся накрикъ люди принесли огня и освѣтили передъ нимъ полу-раздѣтую, черную, безобразную негритянку. Люди вывели пугливую красавицу и, ни слова не говоря, оставили старика одного и въ недоумѣніи, что все это значитъ. Онъ уже хотѣлъ-было итти требовать объясненія, какъ вдругъ изъ-за занавѣса алькова вышли двое мужчинъ. Конеджіани окаменѣлъ: въ одномъ изъ нихъ онъ узналъ свою обожаемую герцогиню Изабеллу, а въ другомъ Тролія. Изабелла сначала осыпала несчастнаго упреками, какъ настоящая оскорбленная любезная, потомъ, вмѣстѣ съ Троліемъ, осмѣяла его и ушла такъ же тайно какъ пришла. Старикъ былъ совершенно уничтоженъ, убитъ; онъ не смѣлъ произнести ни слова въ свое оправданіе. На другой же день это приключеніе было известно всему двору, разумѣется, утаено только имя герцогини, и несчастный подвергся безчисленнымъ насмѣшкамъ и объявленной немилости Изабеллы, на которую не смѣлъ даже жаловаться.

— Если этотъ анекдотъ не выдуманый, замѣтила савьора Джулія, то надобно признаться, что при нашемъ дворѣ происходятъ довольно странныя потѣхи!

— И я признаюсь, сказала Витторія, что не понимаю герцогини Изабеллы. Не понимаю, какъ прекрасная, образованная, умная дама можетъ проводить время въ такихъ пошлыхъ шуткахъ. Развѣ она не чувствуетъ, что, выставляя стараго Конеджіани на посмѣшище, сама лишается уваженія людей благомыслящихъ. Люди благородные и возвышенные должны быть всего осторожнѣе въ выборѣ общества и занятій, потому что они

всего легче могут пострадать отъ дурнаго. Посредственности не нужна такая строгая разборчивость: она защищается сама собой.

— Справедливо, сказалъ донъ Джузеппе: ограниченнаго человѣка ни гениальный не поднимаетъ до уровня съ собою, ни петодяй не превратитъ въ злодѣя. Чѣмъ живѣе, благороднѣе душа, тѣмъ легче она подвержена испорченности.

Собесѣдники разстались, потому что было уже поздно. Джузеппе простился съ Витторіей съ замѣтнымъ волненіемъ, медлялъ, значительно взглядывалъ на нее и просилъ позволенія повторить посѣщеніе.

— Какъ много а обязанъ вамъ, сказалъ онъ дорогой, взявъ Капорале за руку: какъ много я долженъ благодарить васъ, что вы ввели меня въ это семейство, и какъ счастливы вы, что съ давнихъ поръ пользуетесь его дружбой! Эта Витторія — истинное чудо. Мнѣ никогда еще не случалось встрѣтить такой красоты, такого величія и благородства въ женщинѣ. Какой разговоръ! какой тактъ! какое наслажденіе только смотреть на нее!.... Но, скажите, ради Бога, какъ это она вышла за такого мелкаго человѣчка какъ Перетти? Чтó ей вздумалось быть женою бумажной куклы, которая годится только для мебели? Развѣ мать ея много можетъ ожидать отъ родства съ Монтальято? Кардиналъ, конечно, старикъ набожный и уважаемый, но онъ никогда не будетъ имѣть большаго вліянія: онъ дряхлъ и слабъ.

Капорале отвѣчалъ только поверхностно, потому что не хотѣлъ открывать всѣхъ семейныхъ обстоятельствъ Витторіи человѣку, котораго еще очень мало зналъ. Джузеппе продолжалъ восхищаться даровитою красавицей, припоминая почти всѣ ея слова и движенія.

На утро Капорале съ стѣсненнымъ сердцемъ пошелъ къ своимъ друзьямъ. Онъ встрѣтилъ Витторію въ саду.

— Ну, что? вскричала она, отъезжая навстрѣчу.

— Здравствуйте, признала поэтъ.

— Только-то? А я думала, вы скажете мнѣ что-нибудь новое или по-крайней-мѣрѣ замѣчательное... Ахъ! другъ мой, я всю эту ночь не спала, и если на мигъ не закрывала глаза, то передо мной вѣсносились образы древнихъ героев.... Такъ я действительно видѣла истиннаго мужчину!

— Во снѣ? спросилъ Капорале.

— Что за вопросъ! вскричала она живо: вы говорите не какъ поэтъ, а какъ лавочникъ, который привикъ все мѣрять на аршины. Я говорю о донѣ Джузеппе; вашекъ пріятель, и радуюсь, что опять увижу его или по-крайней-мѣрѣ услышу объ немъ.

— Вы военламеняетесь, возразилъ Капорале очень серьезно: если бѣ Джузеппе былъ человекъ молодой, и Богъ-вѣсть что подумалъ бы, а то вѣдь онъ почти мнѣ лѣтъ.

— Думайте, что хотите! проговорила она быстро и съ неудовольствіемъ: вѣчно слышу я одну и ту же избитую пѣсню о молодости и старости. Кто же молодъ? Неужто мой древній, давно умершій муженекъ Перетти, потому только, что у него бѣлокурые волосы и румяныя щеки? Всѣ толкуютъ о безсмертіи, о высокомъ достоинствѣ души, и всѣ почти отдають преимущество ей одеждѣ, грубой внѣшней оболочкѣ. Молодость! Но гдѣ же истинная молодость если не въ безсмертной душѣ?... Теперь я начинаю чувствовать, хотя еще и не ясно понимаю, чѣмъ можетъ быть любовь. И когда это небесное явленіе, этотъ высочайшій даръ Божій падеть на мою долю, — кто дерзнетъ его оспаривать у меня? Кто имѣетъ право требовать, чтобы я отвергла его? Кому я обѣщала, что буду любить человека, которому меня продали? Любить! Да развѣ я знала, что значить любовь?

— Бѣдная, сказалъ Капорале; теперь я самъ начинаю

опасаться, что ваше шуточное предположеніе оправдалось, что я дѣйствительно ввелъ въ заблужденіе стараго бандита. Подумайте, я зашелъ сегодня къ Джузеппе.... все заперто. Наконецъ, послѣ моего продолжительнаго стуку, какая-то старушка отвергаетъ и говорить, что донъ Джузеппе, чѣмъ свѣтъ, уехалъ, невѣдомо куда. Это, говорить, его привычка. Ни одна душа не знаетъ хорошенько, кто онъ и чѣмъ занимается: дома молчаливъ какъ могила, и спрашивать никто не смѣетъ. Словомъ, донъ Джузеппе — загадка. Куда и за чѣмъ онъ уехалъ, когда еще сегодня хотѣлъ непременно видѣть васъ, какъ увѣрялъ меня вчера? когда онъ говорилъ объ васъ, о вашей красотѣ и дарованіяхъ съ такимъ восторгомъ?... Вы такъ же мечтаете объ немъ какъ онъ объ васъ, такъ можетъ-быть вы не разгадаете ли загадки?

— Теперь только я знаю, что я несчастна, сказала Витторія со вздохомъ: доселѣ я только предчувствовала это.

Она склонила голову на плечо друга и заплакала.

— Не видать его больше!... Онъ можетъ-быть измѣнникъ, убійца!... Но что за нужда!... Если онъ и не прійдетъ, если онъ даже преступникъ или бродяга.... моя душа навѣкъ принадлежитъ ему.... Вы понимаете меня, Капорале! вы прожили столько же лѣтъ сколько онъ, но вкусили ли вы напитокъ безсмертія? Нѣтъ, вы зачерствѣлый, холодный старикъ... но при всемъ томъ добрый. Знали ли вы любовь когда-нибудь?... Я увѣрена, что нѣтъ.... Вы такой чудакъ!

Она отбросила назадъ свои темныя кудри, унавшія на лицо, тихонько оттолкнула Капорале, съ громкимъ хохотомъ убѣжала и скрылась въ бесѣдку, въ концѣ аллеи. Капорале съ изумленіемъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ и качая головой сказалъ почти съ досадою :

— Неприятное дѣло быть противъ воли повѣреннымъ

людей, которые выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ!

Донъ Джузеппе, узнавъ на-канунъ, что Малеспина возвращается въ Флоренцію, пришелъ къ нему рано утромъ и предложилъ ѣхать вмѣстѣ, потому что и ему случилась нужда съѣздить туда по дѣламъ. Предложеніе принято съ удовольствіемъ, и они отправились. Дорогою молодой человекъ говорилъ почти безъ умолку, и охотно отвѣчалъ на разспросы своего товарища, котораго, казалось, очень занимали его рассказы о флорентійскомъ дворѣ.

— Въ вашемъ вчерашнемъ рассказѣ, сказалъ между прочимъ донъ Джузеппе: многое осталось для меня непонятнымъ, и я даже сомнѣваюсь, могло ли все это быть. Однако жъ вы, кажется, хорошо знаете флорентійскій дворъ и, вѣроятно, сами бывали при этихъ пошлыхъ играхъ.

— Конечно, отвѣчалъ Малеспина. Но, синьоръ, если вы не жили при италіянскихъ дворахъ, то и не знаете, что можетъ породить скука и пресыщеніе.

— Согласенъ; но всё-таки я не могу понять поведенія герцогини Изабеллы. Отношенія Тролія Орсини къ жевѣ Брачьяно кажутся мнѣ подозрительны. Онѣ должны быть очень близки, когда молодой повѣса, по-видимому, не обращаетъ ни какаго вниманія на ея званіе, и смѣетъ доводить ее до такихъ предосудительныхъ ночныхъ прогулокъ и переодѣваній.

— Почтенный синьоръ, возразилъ Челіо, вы смотрите на эти вещи слишкомъ строго. Какъ великая герцогиня, которая собственно только по имени живетъ въ супружествѣ, часто, отъ скуки, досады и ревности, ищетъ развлеченія въ пошлыхъ играхъ и безсмысленныхъ увеселеніяхъ, — такъ и Изабелла. Мужъ ея, герцогъ Брачьяно, человекъ во многихъ отношеніяхъ отличный, но къ любви, вѣроятно, неспособный. Мужество свое онъ рано доказалъ въ службѣ венеціанской

республикѣ, и нынче еще, не болѣе какъ три или четыре года тому, онъ приобрѣлъ много славы въ войнѣ съ Турками. Но бѣдная жена очень мало видала его.

— Вы не знаете его лично? спросилъ Джузеппе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Челіо : онъ уже нѣсколько лѣтъ не бывалъ въ Флоренціи ; но всѣ знавшіе его, отзывались объ немъ съ уваженіемъ. Притомъ его и боялся : онъ крутъ, говорятъ, и неумолимъ въ гнѣвѣ ; даже великій герцогъ Франческо робветъ передъ нимъ. Герцогъ Браччано также нѣсколько прихотливъ : онъ живетъ то въ Римѣ, въ великолѣпномъ домѣ, гдѣ своею роскошью помрачаетъ всѣхъ вельможъ ; то путешествуетъ много, переезжаетъ съ мѣста на мѣсто, подъ чужимъ именемъ, безъ свиты и даже безъ прислуги. А объ женѣ и не думаетъ. Онъ, говорятъ, женился на ней по разсѣту и никогда не любилъ. При дворѣ же у насъ завелся легкомысленный тонъ, въ которомъ примѣромъ служить самъ великій герцогъ со своей любимицей, Біанкой Капелло. Такъ мудро ли, что Изабелла вдумала позабавиться не совѣмъ скромною шуткой.

— Дѣти есть у нея?

— Только двое, сынъ и дочь. Она сама почти ребенкомъ вышла замужъ.

— Но какъ это возможно, началъ опять Джузеппе : какъ возможно, чтобы Троліи, который вѣдь слыветъ же за обожателя герцогини, осмѣлился познакомиться такую особу съ своей наемной любимицей? Что должна объ немъ думать Изабелла, если она его любитъ? И откуда же опять такая непонятная довѣрчивость, если ихъ отношенія не непозволительныя? Вотъ загадка, которой я никакъ не могу рѣшить.

— Потому что не знаете нашего двора! вскричалъ Челіо смѣясь; потому что вы смотрите на вени совѣмъ съ иной точки. Когда молодой графъ открываетъ герцогинѣ свою связь съ другою, то это и доказываетъ,

что они оба ищутъ только развлеченія и забавы : иначе она бы ревновала и удалила его отъ себя.

— Но переодѣваться мужчиной! ходить по ночамъ, одной, съ молодымъ человѣкомъ, въ чужой домъ!

— Вспомните, сказалъ Челіо почти съ неудовольствіемъ, вспомните, что только такимъ образомъ можно было разыграть задуманную шутку. Притомъ, Изабеллы ни кто не видалъ и не узналъ кромѣ Троліо и Конеджіани, котораго ей хотѣлось пристыдить.

— Ну, пожалуй, сказалъ Джузеппе : что мнѣ за дѣло до всей этой глупой исторіи! Но мужъ герцогини, вѣрно, нашелъ бы нѣсколько предосудительною ея ночную прогулку, хотя и съ дальнимъ родственникомъ, и то, что она съ нимъ прячется по темнымъ угламъ, и то, наконецъ, что она безстыдно присутствуетъ при неблагопристойныхъ сценахъ. Все это заставляетъ предполагать въ ней легкомысліе, съ которымъ я никакъ не могу согласить понятія о добродѣтели женщины.

— Вотъ чудной человѣкъ! вскричалъ Малеспина. Говорятъ вамъ, что никто и не думаетъ порицать или осуждать герцогини Изабеллы за то, что она позволяла себѣ подшучивать надъ тщеславнымъ старикомъ Конеджіани. Всѣмъ извѣстно, что поведеніе ея безпорочно, и злословію нѣтъ никакого повода. Если у насъ кто ведетъ себя предосудительно, такъ это Элеонора, супруга принца Пьетро. Она ни на что не обращаетъ вниманія, не уважаетъ ни какихъ приличій, и даже не старается скрывать своего позору. Мужъ ея, конечно, еще хуже : водится съ самымъ низкимъ, подлымъ народомъ, предается разврату въ грязныхъ харчевняхъ, не знаетъ ни чести ни совѣсти, и подалъ своей погибшей женѣ первый примѣръ. Самъ великій герцогъ негодуетъ на недостойное поведеніе безнравственной четы, но ничего не можетъ сдѣлать съ братомъ, потому что боится его неистоваго нраву, а легкомысленная Элеонора дерзко насмѣхается надъ всѣми совѣтами и

Т. XLVI. — Отд. II.

предостереженіями. Писали даже къ отцу ея, въ Неаполь, чтобы тотъ обуздалъ Элеонору, и хотя умърилъ бы зло, если не въ состояніи уничтожить его. Тепѣрь всѣ въ ожиданіи, чѣмъ все это кончится: кто говоритъ о разводѣ, кто утверждаетъ, что Элеонору заключать въ монастырь.

Долго еще говорилъ Малеспина о разныхъ обстоятельствахъ семейства герцога, о придворныхъ интригахъ и сплетняхъ, но донъ Джузеппе уже не слушалъ. Онъ часто измѣнялъ расположеніе духа, то былъ веселъ, то задумчивъ и даже мраченъ. На вопросы Челіо онъ отвѣчалъ, что ожидаетъ непріятныхъ вѣстей по своимъ торговымъ дѣламъ. Немного не доѣхавъ до Флоренціи, путешественники остановились на постояломъ дворѣ, гдѣ донъ Джузеппе простился съ своимъ товарищемъ, сказавъ, что долженъ навѣстить, въ горахъ, своего дядю. Тутъ завязался у нихъ споръ изъ-за учтивости. Ломбардецъ хотѣлъ заплатить такую большую часть путевыхъ расходовъ, что ничего не оставлялъ на долю Флорентійца. Малеспина противился, но Джузеппе настаивалъ такъ твердо, почти повелительно, что тотъ принужденъ былъ согласиться.

— На прощанье, сказалъ наконецъ донъ Джузеппе: пріймите отъ меня совѣтъ, стоящій больше ничтожной суммы, о которой мы напрасно спорили: если вы человекъ придворный, то не рассказывайте всего, что знаете и видите, особенно чужимъ людямъ.

— Синьоръ, возразилъ Челіо съ досадою: мнѣ бы надобно поблагодарить васъ за добрый совѣтъ, да не знаю, какъ начать. Я секретарь его свѣтлости, великаго герцога, и заслуживалъ бы быть повѣреннымъ, если бъ разболталъ самую малѣйшую, ничтожную, тайну; следовательно, я умѣю молчать, гдѣ нужно. Но то, что я рассказывалъ вамъ въ Римѣ и у Перетти, рассказываютъ ребятишки у насъ на улицахъ.

— Хотя бы и такъ. Часто иной много бы далъ, чтобъ

веротить необдуманное слово, самое ничтожное. Отъ излишней разговорчивости легко можно попасть въ зависимость людей, съ которыми не желалъ бы вовсе имѣть дѣла; по-крайней-мѣрѣ кто очень легкокъ на языкъ, на того умный клеветникъ можетъ взвалить всякую небывальщину.

Они разстались, оба не совсемъ въ приятномъ расположеніи духа.

—

Великій герцогъ Франческо былъ занятъ работою въ своемъ кабинетѣ, и секретарь его, Челіо Малеспина, читалъ ему какую-то бумагу, когда вошелъ пажъ съ докладомъ о пріѣздѣ герцога Паоло Джіордано Брачьяно. Франческо видимо испугался и съ выраженіемъ досады сказалъ въ полголоса :

— Брачьяно?... Откуда?... Зачѣмъ онъ такъ неожиданно явился во Флоренцію?... Это какъ громовый ударъ съ яснаго неба....

Онъ подалъ знакъ, пажъ вышелъ. Обѣ половинки двери растворились, и высокій, могучій герцогъ, въ блестящей парадной одеждѣ, вошелъ съ царскою важною. Франческо, съ выраженіемъ живѣйшей радости на лицѣ, поспѣшилъ на встрѣчу и сердечно обнялъ его. Секретарь выпучилъ глаза и готовъ былъ провалиться сквозь землю: вошедшій герцогъ Брачьяно былъ не кто иной какъ его спутникъ изъ Рима, мнимый купецъ лангъ Джузеппе. Пока герцоги привѣтствовали другъ друга, Малеспина, блѣдный, трепещущій, поспѣшилъ уйти. Онъ понималъ, что всего благоразумнѣе будетъ не говорить ни кому ни слова о вечерѣ, проведенномъ въ Римѣ, и о своемъ новомъ знакомствѣ.

Разставаясь съ зятемъ, Брачьяно объявилъ, что на-

дерево провести нѣсколько времени съ женою, въ одномъ изъ своихъ охотничьихъ замковъ, что хочетъ помириться съ нею, заняться воспитаніемъ сына, и сделаться настоящимъ отцомъ семейства, вступить въ состояніе, котораго еще не испытывалъ въ своей жизни Франческо слушалъ герцога съ двусмысленной улыбкой, какъ-будто иначе понимая его рѣчи.

Герцогиня Изабелла приняла мужа съ видимымъ замѣшательствомъ: она нѣсколько лѣтъ не видала его и вовсе не надѣялась на это возвращеніе. Изабелла почувствовала не доброе, и не могла побѣдить своего страха, хотя герцогъ былъ ласковъ и привѣтливъ какъ никогда не бывалъ прежде. Въ тотъ же день сдѣланы нужныя распоряженія, и они отправились. Герцогъ взялъ съ собой только нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ и егерей; герцогиня двухъ или трехъ дѣвушекъ и свою мамку: предположено было жить въ охотничьемъ замкѣ въ совершенно сельской простотѣ и спокойствіи. Торжественною тишиною и молчаніемъ приняли супруговъ удивленный замокъ и приставленные къ нему служители. Робко и съ стѣсненнымъ сердцемъ вошла Изабелла въ свои покои, изъ оконъ которыхъ открывался видъ на окрестные холмы и лѣсъ.

— Что это значитъ, спрашивала она сама себя: что всѣ эти деревья, скалы и стѣны навѣваютъ на меня холодную дрожь? Я уже бывала здѣсь, и меня радовала уединенная бесѣда съ природой.... а теперь.... какой-то ужасъ овладѣваетъ мной....

Около сумерекъ поднялась буря съ грозой. Ввѣтеръ страшно гудѣлъ по лѣсу и съ трескомъ ломалъ толстыя сучья; вѣковыя деревья съ скрипомъ качались на корняхъ; зашумѣлъ проливной дождь, сверкнула молнія, раскатился громъ, и нѣсколько стеколъ, звѣня, полѣтели на мощный дворъ замка. Супруги съ ужина, герцогиня со страхомъ, герцогъ съ весельемъ: борьба стихій всегда радовала и восхищала его.

Поздно вечеромъ прибылъ гонецъ изъ Флоренціи, старый камердинеръ Изабеллы.

— Съ чѣмъ ты? кто тебя прислалъ? спросилъ его Браччано.

— Простите, монсиньоръ, отвѣчалъ старикъ, что я являюсь передъ вами мокрый и грязный, прямо съ дороги; но въ городъ пришло извѣстіе, что въ старомъ замкѣ Медичи, въ Кафаджіоле, принцесса Элеонора скоропостижно скончалась.

— Какъ! вскричала Изабелла, и поблѣднѣла словно полотно.

— Отчего она умерла? спросилъ Браччано спокойно.

— Отъ біенія сердца. Принцъ Піетро самъ, съ величайшею поспѣшностію, привезъ эту печальную вѣсть. Принцъ, однако жъ, не печаленъ, а дикъ и бѣшенъ какъ всегда. Оттого много ходитъ разныхъ толковъ, а онъ и не возражаетъ, какъ-будто молча признается, что, какъ говорятъ, самъ, своими руками, задушилъ жену, чтобы наказать ее за дурное поведеніе. Такая месть жестока и ужасна!

— Да, конечно, сказалъ Браччано, это непростительное бѣшенство. Элеонора, правда, попирала ногами добродѣтель и даже приличіе, она обезчестила славное имя Медичи и домъ Толедо, но Піетро всё-таки поступилъ какъ неистовый бандитъ. Конечно, непростительно, что она рядилась мужчиной, замаскированная бѣгала въ ночное время по городу, по чужимъ домамъ, принимала участіе въ неприличныхъ сценахъ, заводила непопозволительныя связи съ безнравственными покесами и легкомысленно унижалась до сообщества съ рабами и невольницами, — все это непростительно, но убить! собственными руками!.... Этимъ варварскимъ именіемъ принцъ только запятналъ себя.

Герцогъ отпустилъ старика, приказалъ ему отдохнуть, поужинать и лечь спать, чтобы на утро опять

ѣхать въ городъ. Изабелла сидѣла за столомъ полу-мертвая. Комната становилась ей тѣсною. Однако же она принуждала себя ѣсть то, что мужъ предлагалъ ей съ ласковымъ видомъ; что онъ говорилъ, она не слышала.

Вдругъ герцогъ остановилъ глаза на женѣ и задумался. Въ воображеніи его возникъ свѣтлый, величественный образъ женщины, передъ которою Изабелла была только блѣдною тѣнью. Тяжко было ему вспомнить, что судьба и обстоятельства раздѣлили ихъ раньше нежели допустили познакомиться между собою, что они оба должны подчиняться необходимости, которая тяготитъ ихъ.

Онъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ взялъ шпагу, охотничье ружье, и вышелъ, сказавъ, что идетъ прогуляться. Бродить по лѣсу, послѣ грозы, хотя бы и ночью, было величайшимъ его наслажденіемъ. Изабелла въ безмолвномъ отчаяніи ломала руки. Она пошла ходить по комнатамъ : въ переднихъ, у каждой двери, стояли молчаливые, незнакомые ей, слуги; съ суровыми, строгими лицами. Тутъ пришла старая мамка и таинственно подала Изабеллѣ записку итти въ спальню, гдѣ они могли говорить безопасно. Увидѣвъ себя на-единѣ съ герцогиней, мамка шепнула :

— Возьмите этотъ листокъ! Старикъ, пришедши, сказалъ, что только за тѣмъ пріѣхалъ съ печальною вѣстью, чтобы, хотя съ опасностію жизни, доставить вамъ эту записку. Его, правда, щедро наградили, но жизнь все-таки дороже.

Изабелла съ трепетомъ взяла бумагу. Она узнала по-черкъ и прочла слова : «Ради Бога, бѣгите! бѣгите, тотчасъ какъ получите это!»

— Куда? какъ бѣжать? вскричала Изабелла въ отчаяніи : окна высоки, въ лѣсу не найдешь дороги,

нѣтъ лошади, нѣтъ проводника.... если бѣ этотъ старикъ....

— Невозможно! возопила мамка : я уже была у его двери; его заперли. Куда ни посмотри, вездѣ караульные, все егеря, съ ружьями.... Мы словно въ какой крѣпости.

Изабелла, въ страхѣ, ходила отъ окна къ окну, чтобы открыть возможность побѣга, но все напрасно. Герцогъ возвратился, и старая мамка оставила свою госпожу.

— Однако жѣ холодно стало, сказалъ Брачьяно, поставивъ ружье въ уголъ и снимая перчатки : ладно остерегаться такой быстрой переменны погоды. Подумай-ка! добрый старикъ, который съ такой безразсудной поспѣшностью прискакалъ сюда съ горестнымъ извѣстіемъ, такъ разгорячился дорогой и потомъ такъ простудился во время грозы, что теперь ужъ лежитъ мертвый въ своей комнатѣ.

Изъ груди Изабеллы вырвался глухой, судорожный стонъ, который потрясъ все ея тѣло. Въ ту минуту мимо дверей шла ея любимая горничная, Стелла. Услыхавъ крикъ госпожи, она вбѣжала и видѣла, какъ Брачьяно заботился о страждущей еупругѣ : онъ поддерживалъ ее въ объятіяхъ и говорилъ :

— Она утомилась въ дорогѣ, испугалась грозы, и вѣрно оттого занемогла..... съ ней, кажется, съладся ударъ.

Стелла терла обмершей герцогинѣ виски, и та, поднявъ умирающій взглядъ на любимицу, пожала ей руку и прошептала чуть внятно : — У меня.... останься!....

— Она безпрестанно становится слабѣе, сказалъ Брачьяно : ты видишь мой страхъ, Стелла. Скорѣй, скорѣй, бѣги, возьми у моего егеря-мейстера эликсиръ, который я отдалъ ему, на случай, если мнѣ понадобится на охотѣ. Скорѣй!

Стеллѣ показалось, будто Изабелла хочетъ удержать

ее, сказать что-то, но не можетъ. Брачьяно закричалъ опять; — Видишь, какъ жена моя страдаетъ..... бѣги! Стелла полетѣла.

— Смотрите, сказалъ герцогъ шепотомъ, вотъ записка Тролио выпала изъ-за вашего корсету. Зачѣмъ вы не изорвали ея?

Стелла бѣгомъ, дрожа отъ страху, возвратилась, но нашла дверь запертою. Она погремѣла замкомъ, постучала, и ей послышался будто плачь, потомъ споръ, потомъ опять рыданія.... вдругъ все стихло.

— Кто это заперъ? спросилъ Брачьяно, отворивъ дверь. Бѣдная!.... Посмотри, она умираетъ!

Герцогиня лежала на полу. Стелла стала послѣ нея на колѣни, приподняла прекрасную голову госпожи своей, и терла ей лобъ и виски крѣпкимъ эликсиромъ. Она видѣла на лицѣ и-шеѣ умирающей синія пятна, и замѣтила, что глаза ея опухли и на выкатѣ. Стелла приняла еще одинъ блуждающій, мутный взглядъ своей госпожи, потомъ послышался слабый вздохъ.... и Изабелла лежала мертвая въ объятіяхъ горничной.

— Умерла! вскричалъ Брачьяно жалобно: да! плачь, плачь, бѣдная Стелла: ты потеряла ласковую, великодушную госпожу.... А я, несчастный! только что нашелъ ее и снова теряю! Я пришелъ сюда, чтобъ насладиться домашнимъ счастіемъ съ милою женой.... и возвращаюсь въ городъ скорбящимъ вдовцомъ.

Стелла была внѣ себя, другія служанки ужаснулись, услыхавъ страшную вѣсть. — Она простудилась въ дорогѣ! — Въ этомъ замкѣ такъ сыро! — Ее испугала страшная гроза и ужасная вѣсть! — Сильное волненіе причинило ей ударъ! — Герцогъ неутѣшенъ!.... говорили между собой женщины.

Всѣ возвратились въ городъ. Брачьяно впередъ, за нимъ поѣздъ съ покойницей. Тамъ только-что была назначена церемонія погребенія Элеоноры Толедо, какъ уже начались приготовленія къ другой, еще болѣе

лышкой. Братъ Изабеллы шелъ за гробомъ, рука объ руку съ Браччано, и оба, казалось ласково утѣшали другъ друга : видно было, что они стали дружнѣе чѣмъ когда-либо. По выходѣ изъ церкви, Браччано замѣтилъ въ толпѣ секретаря Челіо Малеспина и, мимоходомъ, сказалъ ему въ полъ-голоса :

— Не правда ли, теперь опять есть что поразсказать ?

Малеспина содрогнулся и исчезъ въ толпѣ.

Между-тѣмъ, въ Римѣ, кардиналы Монтальто и Фернандо Медичи, по непріязненному положенію своему въ отношеніи къ властолюбивому Фарнезе, болѣе и болѣе сближались.

Семейство Аккоромбона, по наружности, было спокойно и счастливо. Фламиніо надѣялся вскорѣ получить хорошее мѣсто, обещанное кардиналомъ Монтальто, который старшему брату его, Оттавіо, уже доставилъ прелатуру. Такимъ образомъ синьора Джулія видѣла многія свои надежды исполненными, и спокойно могла бы наслаждаться подъ старость счастливымъ довольствомъ, если бы къ чашѣ ея радостей не было подмѣшано горечи. Сколько Оттавіо не былъ обязанъ кардиналу, но оставался неблагодарнымъ и даже обнаруживалъ явное презрѣніе къ старику. Онъ открыто присоединился къ интригующей партіи Фарнезе, потому что надѣялся больше выиграть черезъ этого пылаго и дѣятельнаго человека чѣмъ черезъ дряхлаго Монтальто. Оттавіо рѣдко являлся къ сестрѣ, и находилъ удовольствіе въ томъ, что обращался презрительно съ нею и особенно съ Перетти. Съ матерью онъ безпрестанно ссорился за сестрино замужство, которое на-

зываетъ униженіемъ. Пыдкія страсти, отличающіе почти всѣхъ членовъ этого семейства, выражались у Оттавіо гордостью и высокомеріемъ. Потому и матери и сестрѣ пріятнѣе было вовсе не видѣть его, чѣмъ слушать безпрестанныя порицанія.

Умная мать также не могла не видѣть, что устрашающій ея бракъ дочери не заслуживалъ и названія брака. Витторія только-только терпѣла своего мужа : она не могла не презирать его слабости и ничтожества. Но самое тяжкое горе причинялъ матери Марцелло, котораго не могли смирить ни любовь ни строгость. Онъ снова ввязался въ ссору съ какимъ-то повѣсой, ранилъ его на дуэли и бѣжалъ изъ Рима, чтобы по-прежнему присоединиться къ шайкѣ бандитовъ. При первомъ словѣ просьбы огорченной матери за недостойнаго сына, Монтальте пришелъ въ бѣшенство : онъ проклиналъ безчувственность и безсовѣстность сумаброды, очень сожалѣлъ, что уже избавилъ его однажды отъ вѣсилницы, и однажды навсегда запретилъ произносить его имя въ своемъ присутствіи.

Естественно, что въ Римѣ, въ обществахъ, очень много говорили о нечаянной смерти Элеоноры и Изабеллы, случившейся почти въ одно и тоже время. Не многіе вѣрили, что причиною тому была болѣзнь. Синьора Джулія съ содроганіемъ смотрѣла на поступокъ мужей этихъ несчастныхъ.

— Я никогда не видала герцога Браччано, говорила она, но воображаю его ужаснымъ. Убійство слабой, беззащитной женщины, гораздо чудовищнѣе жестокости и варварства, какія можетъ себѣ позволить мужчина противъ мужчины.

— Часто, замѣтила Витторія, подобный поступокъ долженъ быть приписанъ случаю, который неизбежно развивается самъ собою изъ обстоятельствъ. Изъ разсказа Малеспины мы ясно могли видѣть, что Иза-

белла была женщина: ничтожная. Если такое жалкое существо и погибнетъ, то можно, конечно, покалѣть, но потеря всё-таки не велика. А мужъ... О! конечно, его можно и должно порицать; но зачѣмъ же ужасаться его? Вините же лучше принятыя нами обычаи, вините честь или превратное понятіе о чести, этотъ черный, туманный призракъ, ради котораго уже надо столько жертвъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, надобно коротко знать причины, обстоятельства и отпущенія этого дѣла, чтобы произнести объ немъ сужденіе. Я не хочу ни защищать ни оправдывать герцога, потому что не знаю его, но, конечно, не буду неправъ въ мнѣніи, что всякая любящая женщина должна чувствовать передъ лицомъ мужа извѣстный страхъ, который возвышаетъ и освящаетъ тайну любви. Этотъ страхъ — только высшая степень уваженія женщины къ истинному мужеству любимаго. Какъ бы хорошо супруги ни понимали себя взаимно, есть граница, на которой они должны оставаться другъ другу если не со всѣмъ чуждыми, то, по крайней мѣрѣ, таинственными, и эту-то границу стережетъ страхъ. Мужчина тоже никогда не можетъ совершенно понимать женщины. Недостижимая для него высшая степень нѣжности, преданности и самопожертвованія поселяетъ въ немъ почти такое же чувство, какое женщины внушаютъ высокія качества мужчины.

Такая рѣчь не могла быть пріятна Джуліи, потому что каждое слово падало какъ-бы насмѣшкою на слабаго Перетти. Тутъ торопливо вбѣжалъ камердинеръ, и доложилъ о пріѣздѣ герцога Браччано. Синьора Джулія, хотя привыкла принимать многихъ знатныхъ гостей, порядочно смутилась. Витторія вскрикнула, когда высокая, благородная фигура герцога, въ изящномъ фриурномъ костюмѣ, показалась въ дверяхъ; мать оцѣлила отъ изумленія.

— Прекрасныя синьоры, сказалъ Браччано своимъ

звучнымъ, чистымъ голосомъ : вы должны принять меня какъ стараго знакомаго, если моя просьба сколько-нибудь важна для васъ. Вы ласково приняли невѣстнаго донъ Джузеппе: зачѣмъ же чуждаться, когда онъ придетъ подъ настоящимъ своимъ именемъ.

— Не жестоко ли это, ваша свѣтлость, возразилъ Джулія, оправившись отъ замѣшательства : не жестоко ли, что вы обманули и насъ и добраго Капорале, чтобы теперь позабавиться нашимъ смущеніемъ ?

— Ваша дочь, синьора, кажется, вовсе не смущена, отвѣчалъ герцогъ. Впрочемъ вы приписываете мнѣ извѣреніе, которое мнѣ нисколько не свойственно. Я уже нѣсколько недѣль жилъ въ Римѣ инкогнито, по своей привычкѣ откидывать иногда всѣ свои отношенія къ свѣту и обществу, чтобы познакомиться по-короче съ людьми. И такимъ образомъ я познакомился съ достойнымъ Капорале, которому обязанъ искреннею благодарностью, потому что пріобрѣтеніе вашей дружбы считаю счастливейшимъ случаемъ въ моей жизни.

Дамы старались отвѣтить такимъ же обязательнымъ привѣтствіемъ и потомъ дѣйствительно продолжали бесѣду съ герцогомъ какъ съ старымъ знакомцемъ. Но Витторія по-временамъ вдругъ умолкала и задумывалась : взоръ ея устремлялся на гостя, она сравнивала свои первыя чувства, при встрѣчѣ съ нимъ, съ теперешними, она чувствовала себя счастливою и вмѣстѣ несчастною.

Было уже поздно, когда гость ушелъ. Ждали Перетти : его не было. Онъ имѣлъ привычку поздно возвращаться изъ общества, которое было не изъ лучшихъ, но никогда еще онъ не замѣдлялъ приходить столько какъ въ этотъ вечеръ. Вдругъ, передъ домомъ послышался шумъ. Отперли дверь и встрѣтили нѣсколькихъ незнакомыхъ людей, которые принесли Перетти, тяжело раненаго въ дракъ.

Мать вздохнула : ей казалось рѣшеннымъ, что она

уже никогда не найдетъ того, что называла истиннымъ счастьемъ. Она ушла въ свою спальню почти съ ропотомъ на судьбу. Призвали врачей, и Витторія всю ночь оставалась у больного, который, судя по его жалобамъ, жестоко страдалъ. На утро обнаружилась сильная горячка, которая очень озаботила медика, присланнаго кардиналомъ Монтальто. Витторія не отходила отъ постели мужа : она почти вовсе не спала, съ величайшею заботливостью сама дѣлала перевязки, давала ему лекарства и питье, утѣшала и старалась облегчить его страданія, когда онъ стоналъ отъ боли. Она никого не принимала, не являлась въ гостиной. Брачьяно повторилъ посѣщеніе, но Витторія не показывалась ему, ни даже своему старому другу Капорале. Мать, молча, дивилась дочерней строгой добродѣтели, къ которой долготъ не считала ее способною въ такой высокой степени.

Прошла недѣля. Перетти сталъ поправляться.

— О, обожаемая Витторія ! воскликнулъ онъ однажды : я не въ состояніи выразить, какимъ никакимъ, ничтожнымъ, чувствую себя въ сравненіи съ тобой ! Я знаю, я чувствую, что недостоинъ тебя, высокая, благородная женщина ! Я молю Бога, чтобы онъ помогъ мнѣ хоть сколько-нибудь заслужить обладаніе такимъ сокровищемъ !....

Витторія взглянула на него строго и отвѣчала :

— Ты ожидаешь, Франческо, чтобы я, по обыкновенной вѣжливости, возражала и ласково опровергала твое самообвиненіе. Но этого я не могу и не хочу : ты теперь довольно силенъ для того чтобъ выслушать истину. Да, Франческо, ты существо слабое и ничтожное : рано рушились твои твердыя намѣренія. Но нужно и говорить, что я никогда не любила тебя : ты то знаешь. Но и то, что ты называлъ своею вѣчною, неизмѣнною страстію, угасло въ нѣсколько дней. Это не упрекъ : я не жалуясь на твое безсиліе : я ожи-

дала этого, и утѣшаюсь именно тѣмъ, что ждала не долго. Почему же намъ, въ тишинѣ и съ общаго согласія, не расторгнуть узъ, которыхъ никогда не следовало бы связывать? Я останусь твоей сестрой, услужливой подругой, заботливой хозяйкой, но никогда уже не буду твоей женою. Это тѣмъ болѣе необходимо, что я очень хорошо знаю, какія общества ты предпочитаешь. Ты предаешься разврату съ буйными людьми и низкими прелестницами, возвращаешься отъ этой сволочи обкраденный, больной, полумертвый и опозоренный, следовательно, — если въ тебѣ есть сколько-нибудь чувства, — не можешь ожидать, чтобы я не оградила себя отъ такого мужа. Никто, ни даже мать моя, не будетъ знать о нашемъ уговорѣ; но если ты станешь жаловаться, то, будь увѣренъ, Церетти, что я тотчасъ уйду въ монастырь или хоть въ дѣсь, къ какимъ звѣрямъ, лишь бы только укрыться отъ тебя.

Франческоискоса посмотрѣлъ на Витторію, потомъ закрылъ глаза и проворчалъ что-то о послушаніи жены мужу, о супружескихъ обязанностяхъ. Витторія встала и бросила на него острый, презрительный взглядъ.

— Не знаю, сказала она, смѣяться ли мнѣ или презирать тебя какъ самага негоднаго червяка? Ты смѣешь говорить о супружескихъ обязанностяхъ! Ты напоминаешь мнѣ о святости брачнаго союза, и хочешь заставить меня раздѣлять эту святыню съ самою грязною тварью! Ты хочешь, чтобы я добровольно предамъ себя поруганію! Нѣтъ, этого не будетъ! Это невозможно, особенно съ тѣхъ поръ какъ я узнала, что значитъ любовь и что значитъ истинный мужчина.

— Кто же этотъ истинный? робко спросилъ Церетти.

— Назвать тебѣ его, чтобы ты, своимъ слабымъ умомъ, попытался обсудить, достоинъ ли онъ моей любви? Развѣ я спрашиваю объ именахъ твоихъ дѣлавицъ?

— Такъ ты хочешь совершенно отдаться этому избранному, несмотря ни на приличія, ни на честь?....

— Будь спокоенъ, возразила Витторія съ сердцемъ : я сохраню твою честь лучше тебя. Честь!.... О, люди! какимъ языкомъ говорите вы?.... Мнѣ бы, конечно, не надобно знать, однако жъ я знаю, что ты и братъ Оттавіо готовы продать мою и свою честь высококому Фарнезе, если бы только я была довольно низка, чтобы согласиться на ваше желаніе. Что, не правда?.... Прощай же, спи спокойно; и не сомнѣвайся, что я исполню свое намѣреніе. А ты теперь, съ моего полного согласія, можетъ предаваться по-прежнему всѣмъ неистовствамъ, какія только внушитъ тебѣ твое слабое воображеніе.

Она ушла и Перетти остался съ порядочнымъ запасомъ для размышленій.

Перетти выздоровѣлъ, и въ домъ все пошло по старому. Самымъ частымъ гостемъ былъ герцогъ Браччяно, который все болѣе и болѣе увлекался нравственными и пластическими красотами Витторіи. Однажды вечеромъ, по уходѣ его, молодая женщина вышла въ садъ, сѣла на свое любимое мѣсто и, при ясномъ свѣтѣ луны, написала нѣсколько небольшихъ стихотвореній, въ которыхъ выражала свое чувство, свою душу, тѣ трогательныя признанія, что въ минуту сладостной грусти жемольно изливаются изъ страстнаго, поэтическаго сердца. Въ домъ всѣ спали, кругомъ все было тихо. Витторія сѣдела близъ стѣны отдѣлявшей домъ отъ улицы. Вдругъ, она слышитъ шумъ, какъ-будто кто шевелится за стѣной. Она вошла въ комнату, чтобы выглянуть изъ окна, которое, однако жъ, было

такъ плотно заперто, что она не могла отворить. Трудясь около окна, Витторія снова услышала легкой шумъ и какъ-будто храпѣнье, и прислушиваясь различила, что звуки эти раздаются въ какой-нибудь тѣсной комнатѣ. Проходя далѣе по стѣнѣ, она вдругъ почувствовала подававшуюся подъ рукой пуговку, придавила ее, и съ изумленіемъ увидала, что отперла потайную дверь въ совершенно неизвѣстный ей кабинетъ. Съ минуту она не знала, что дѣлать, позвать ли кого или просто уйти. Наконецъ рѣшилась взять свѣчу и войти. Какое же было ея удивленіе и ужасъ, когда она увидѣла тамъ спящаго въ креслахъ Марцелло. Она поставила свѣчу на столъ и разбудила его.

— Ты?... сестра?... Ты здѣсь?... Ты тоже открыла фокусъ?

— Да; нечаянно. Но что ты здѣсь дѣлаешь? Какъ ты попалъ сюда?

— О! я часто бываю тайно въ вашемъ домѣ. Твой маленькой Перетти всегда отводитъ мнѣ квартиру въ бесѣдкѣ, что вотъ здѣсь, возлѣ, и отъ которой ключъ у него. Старая Урсула тоже знаетъ объ этомъ, и молчитъ какъ могила. Разъ, недавно, я пришелъ: Перетти не было, а старуха позабыла обо мнѣ, и я, бродя ощупью по саду и дому, попалъ въ залу и нечаянно открылъ это миленькое убѣжище. Это твой тесть, Монтальто, устроилъ для себя, когда строилъ домъ. Здѣсь слышно все, что говорится въ залѣ и даже на улицѣ. Тутъ старикъ, думаю, много кое-чего подслушалъ. Дверь отпирается очень легко: передъ нею, вѣроятно, стояла прежде какая-нибудь мебель. А отдавая вамъ этотъ домъ, Монтальто, должно-быть, забылъ задѣлать ее. Однако жъ мнѣ пора идти. У тебя ключей нѣтъ, такъ надобно черезъ стѣну лѣзть пока темно.

Марцелло осторожно заперъ потайную дверь, вышелъ въ садъ. Тамъ онъ еще разъ воротился и шепнулъ сестрѣ:

был Буретти-Франческо это была... и другие...
 нуженекъ.... о! это тоже не мало... Буде
 сего... и онъ не имѣетъ имнѣтъ.

Мир... О вѣснѣ... Франческо...
 какъ герцога Франческо съ знаменитою Біанкой Капори.
 республикѣ и и гдѣ...
 ракины. Подому на удивительны...
 в послѣднее время...
 брачно...
 жившійся въ заключеніи, пропѣлъ...
 особености своего друга Капорале.

Кагда не уарба...
 особены...
 каковы...
 труды...
 цѣль...
 смыслъ, находить во всемъ...
 видѣли, слышали или читали, находили...
 любовь...?

- Гдѣ и какъ я ни...
 стоиства человека и величія...
 Т. XLVI. — Отд. II.

субlimeго верши... И если неспроста тут такъ что
небо и пророки, а не ты мода? ... ! О ... а значе...

Съ такими чувствами герцогъ однажды одинъ, дру-
щель на обществую лядь (Наритъ) Ома, пошла
Витторію одну въ залъ. Другихъ никого не было, да-
ма. Она продолжала писать свои стихотворенія и такъ
была занята, что уже тогда замѣтила гостя, когда онъ,
наклонившись черезъ ея плечо, прочелъ лежавшій
передъ нею листокъ. Она удивилась, однако жъ не
спустила и не разсердилась; увидавъ себя одну съ ли-

онъ. Если бы я теперь была, смущена или рада, а не
на, сказала она, какъ могли бы подумать, и вѣдѣть об-
думанная игра, которую я устроила, чтобы показать
вашимъ бражки, новыя метталы. Но вы знаете, что
я не могла ожидать, что вы сами увидите, что она не
жестко придетъ сегодня. ...
... Да, не такъ счастье я, аристократъ, и наконецъ я могу
наладивъ блаженствомъ быть съ вами въ единствѣ. И
прочелъ я эту тайную мысль; отдрите жъ прочтете и в-
весь!

... Они прочтете ихъ, прочтете признаніе страстной инди-
цины, и въ восторгъ ухватъ къ вѣтерамъ (Спринтъ) и в-
пе, а вѣдѣния обожженой, онъ (проданъ) и вѣдѣния
на единственнѣй блаженному (вѣдѣния) отъ небытия
свѣтлѣ. Она склонилась надъ нимъ, и вѣдѣния (вѣдѣния)
на каждую руку за это вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния. (Оби-
медлала) ...
... (Гуль) и вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния
и вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния (вѣдѣния)

— Его святости дурно? спросилъ онъ бросивъ двѣдѣ-
нны, вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния (вѣдѣния) —

Витторія безъ страху поднявъ глаза, герцогъ вѣдѣния
не вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния (вѣдѣния)
и вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния (вѣдѣния) и вѣдѣния (вѣдѣния)

Напротивъ, мнѣ никогда еще не было такъ хоро-

ше: ваша сестра прочла и въ нѣсколько изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній, которымъ такъ прекрасны, что я только на коленяхъ могъ выразить свою благодарность. Вы видите, я не стыжусь признаться, что очарованіе поэзіи можетъ расплавить и твердое сердце мужчины.

— Всѣ-таки это явленіе довольно рѣдкое, возразилъ Оттавіо съ коварною улыбкой. Да и нѣтъ, бестрица, эти прекрасныя октавы, или сонеты; я посмотрю, произведутъ ли они на меня такое же дѣйствіе.

— Ты этихъ стиховъ не поймешь, отвѣчала Витторія холодно, встала и заперла листки въ шкафъ.

— Конечно, сказалъ Оттавіо; я не посвященъ во все глубокія таинства поэзіи, я не такой большой знатокъ; однако жъ то, что приводитъ великихъ знатоковъ въ такой непомерный восторгъ, должно же быть сколько-нибудь понятно и невѣждѣ.

— Не всегда, возразилъ Браччяно, взявъ шляпу и готовясь идти: бываютъ минуты, когда восторгъ поэзіи легче проникаетъ въ душу нежели въ другія; болѣе холодныя, минуты.

— Должно быть такъ, и ваша святость, со времени смерти прекрасной супруги, естественно, болѣе нежели прежде расположены къ слезамъ и чувствительности.

— Сашьоръ, сказалъ герцогъ близко подступая къ Оттавіо и устремивъ на него острый взглядъ; я не зналъ, что мы съ вами такъ коротки, чтобы вамъ можно было извѣстно что-нибудь о состояніи моей души. Я очень остороженъ въ довѣчivosti и дружбѣ.

Герцогъ гордо вышелъ. Оттавіо елъ прочтѣвъ стры и сказалъ съ торжественною важностью:

— Я позволялъ здѣсь оцѣнѣ, служавшей можетъ быть вступленіемъ къ другой, которая еще менѣе терпѣтвѣ ердѣвѣлей. Такъ уже теперь, такъ рано, ты, слабодушная сестра, начинаешь забывать честь нашего дому?

— Не красясь, съ ледяною холодною устремленна Викторія неподвижный, презрительный взглядъ на брата.

— Не могу выразить, какъ глубоко я презираю тебя, сказала она наконецъ.

Оставя дерзко выдержавший гордый взглядъ герцога, теперь съ смущеніемъ опустилъ глаза въ землю и покраснѣлъ.

— Такъ холодно ты можешь сказать мнѣ это! Прости, вѣрнѣе, отъ съ трудомъ.

— Что я должна сказать это брату, тому, которому былъ слѣдовало быть моею опорой и защитой, который лежалъ подъ сердцемъ моей матери, это, вѣрнѣе, раздало мнѣ сердце; но теперь я уже спокойна. Это стоило мнѣ довольно смертныхъ мукъ, которыя не стану описывать тебѣ; твоя душа ограждена отъ всякой боли горючаго. Твое лицемеріе меня не обманетъ. Ступай теперь, расскажи ему, что ты видѣлъ и воображалъ видѣть. Что мнѣ дѣло! Вы всѣ добрыя и ясные, дѣтвора видятъ меня въ такое положеніе, что я только сама себя обязана отчетомъ, слѣдовательно, вамъ я не прикажусь предписывать мнѣ образа поведенія.

— Я боясь не понимаю, сказала Оттавіо въ смущеніемъ, какъ докторато, вѣрнѣе, не могу оправиться и пишу сказать, а какъ ты говоришь?

— Викторія не удостоила его отвѣту, ушла въ свою комнату, и въ этотъ день не показывалась болѣе въ гостиной.

— Синдора Джулія уже издавна привыкла ко всякимъ домашнимъ разстройствамъ, которыя Викторія находила нужными. Не даже и не удивляло, что супруги ищутъ совсѣмъ не явныи манеръ требовать обычай, законъ и религія. Они были вездѣ, врозь и сходились только въ чужихъ, въ гостиной. Въ обществахъ Викторія показывалась исключительно въ сопровожденіи герцога. Брашно, въ немъ, благоприятствовало имъ привычекъ, и тогда обыкновеніе, которое не дозволяло супругамъ

сидеть чужде дома въвѣтъ. Брачьяно! хотя быль ечи-
стѣе взаимною любовью Витторія, однако жъ не до-
вольствовался этимъ: онъ хотѣлъ обладать ею совер-
шенно, и мучился жестокою ревностью глѣдя на Пе-
ретти, который былъ недостойнъ своего сокровища.

Ришелье молодежь устроила маскарадъ, въ которомъ
быль и Перетти. Его до утра нельзя было и ожидать.
Джулия, по нездоровью, рано ушла спать; принимать
никого не велѣли, и Витторія, оставшииъ совершенно
одна, предалась своимъ мечтамъ въ ожиданіи Брачьяно;
съ которымъ условилась провести этотъ вечеръ, безъ
докутныхъ свидѣтелей. Она такъ была увѣрена въ
тврдости своей воли, что нѣсколько не опасалась ни
ночной тишины, ни страстныхъ волненій, и Брачьяно
зналъ ее такъ хорошо, что шель на свиданіе, не питая
ни какихъ новыхъ надеждъ.

Урсула, повѣренная ихъ, по данному знаку, впусти-
ла переодѣвутаго герцога. Онъ печально, задумчиво сѣлъ
подъ Витторія, и послѣ нѣкотораго молчанія ска-
залъ:

— Неужели ты еще долго будешь спонорно смотреть
на нашу жалкую жизнь? Неужели ты не можешь ры-
питься на одинъ мужественный ударъ, чтобы проло-
жить намъ новую дорогу? Развѣ мы не можемъ уйти
въ Венецію, въ Тоскану или даже во Францію? Все,
что я имѣю, у ногъ твоихъ. Мои связи доставятъ тебѣ
всѣмъ почетный пріемъ. Между-тѣмъ, кто знаетъ, что
можетъ случиться здѣсь съ слабымъ и хворымъ Перет-
ти; тогда я передъ всѣмъ міромъ объявлю тебя своею
супругой.....

— Милый, отвѣчала она, я не разъ уже говорила те-
бѣ объ этомъ мое истинное мнѣніе и твердую, неизмѣн-
ную, волю. Этотъ мнимый бракъ, правда, ничтоженъ:
я никогда не признавала его, а съ-тѣхъ-поръ какъ знаю
тебя, считаю вовсе не существующимъ. И Перетти не
свѣтъ укорять, хотя и знаетъ, какъ я презираю, даже

предвещивает его. Но я не могу осеорбить своей невесты, которую, в безъ того, снѣдетъ тайная печаль. Благотѣ съ тобой? А твое семейство, Флоренція, князь Игали? Къ той шумъ, какую тревогу они поднимутъ! Какія прят слѣдованія это навлечетъ на насъ, и особенно на мою женщину въ такихъ случаяхъ, всегда становится второю жертвою. И что тогда будетъ съ нами? Тебя огорбятъ, ударятъ, я потеряю спокойствіе, доброе имя, и, наша любви, которую мы называемъ и можемъ называть единую, упадетъ въ изнеможеніи.

— Полю, полно! вскричалъ Брачядно: ты права, и не права. Если ты часто будешь такъ говорить, я дождусь буду подозревать, что ты меня не истинно любишь. Не обижай меня! воскликнула Витторія, прижавшись къ нему съ умоляющимъ видомъ.

— Милая, сказалъ Брачядно, опять дондъ уемя, слезу съ золотистыхъ рѣсницъ красавицы: но развѣ междуя потребовать развода? Вѣдь ты, конечно, можешь представить уважительныя причины.

— Молчи! молчи! вскричала она: ты убиваешь меня. Я безстрашна, смѣла и даже дерзка, если нуженъ, однако жъ, всѣхъ этихъ отвратительныхъ допросовъ, сомнѣній и судебныхъ разбирательствъ супружескаго да да не вынесу.... Я лучше на открытой площади, вонжу себя кинжалъ въ грудь.... Но ты только шутишь, милья. Да если бы я даже была довольно безстыдна, чтобы выставить себя на такой позоръ, что мы выиграемъ? Папа и кардиналы вступятся за Монтальте и Перетти, твои и мой враги употребятъ противъ насъ всѣ возможныя усилія, и, черезъ нѣсколько лѣтъ, быть можетъ, судъ рѣшитъ, что меня, за безбожіе, должны заключить въ монастырь.

— Она, сказала его, шутила и шала, такъ, что онъ самъ развеселился и вскричалъ, А что, если я пушусь на варварство? если я уволю тебя насильно?

— Вот это дело! — вскричала Виттория с восторгом, и мы, ринувшись вперед, поехали бы с тобой дальше и дальше, на край света, пока пристали бы наконец къ необитаемому острову на Тихомъ Океанѣ, — къ совершенному необитаемому, только развѣ въсколькими обезьянами, — а тамъ мы имѣемъ вино, сладкіе плоды, прекраснѣйшіе нѣвты будутъ расти для насъ въ изобиліи, среди роскошной флоры. Потомъ, мы внезапно найдемъ тамъ стараго волшебника, который отдастъ свое искусство и всѣхъ своихъ друзей въ наше распоряженіе. Онъ намъ будетъ доставлять вкусныя яства, отборныя вина, прекрасныя платья, даже великолѣпный дворецъ, маленькіе миленькіе сараи и саамандры будутъ намъ прислуживать, — и ни одного злаго духа, ни одного злаго демона на всемъ островѣ. Самыя сильныя и искусныя женщины будутъ намъ ткать красивыя ткани, а другіе, маленькія, вышивать ихъ чудесными узорами. Ты будешь ѣздить на охоту въ красивомъ экипажѣ, запряженномъ оленями, или мы вѣдь будемъ кататься въ лодкѣ, будемъ удить рыбу, подъ напѣвы оловья, подъ журчанье ручья, — и такъ мы будемъ жить, жить, въ любви и счастьи, пока оба станемъ старыми и слабыми. Не правда ли, это будетъ очень много и притомъ очень просто! Мы такъ и сделаемъ.

— Да; и между обезьянами нашего острова будетъ одна миленькая мартышкой больше, когда придетъ твой супругъ, сказалъ Врачано, слегка ударивъ болтунью по ослѣпительно белой шеѣ. Не понимаю, какъ это делается, что все тебѣ такъ пристаю! У твоей колыбели, какъ говорятъ Греки, стояли всѣ граціи съ даромъ боговъ. Ты Геба и Юнона, Паллада и Венера, и, — что выше всего этого, — обворожительная, единственная Виттория!

— Ласкаться! сказала она ударивъ его по губамъ, и толмась же поцѣловала.

Онъ взявъ ее руку и любовался ею; она играла его

— Ну, что же? — сказала Урсула, — да, пожалуй, такую
 дичку, потому раскуталась косяк в темных волосах и
 на брыжи плечи. Оба шалели как бы от счастья. Фарнезе
 была испуганная Урсула и шепнула ей (чтобы умолчала

— Синьоръ Перетти идет! И слышит, слышит, слышит
 раскутанный въ плащъ! И влезла въ нее, как въ щель,
 они уже у двери. Боже мой, что заварь! Удъ выгнать

Старуха побежала спрятаться какъ блудница въ по-
 лотъ, чтобы ее не застали.

— Да, что же делать? — повторила Викторія, — где дяденька?

— Зайдемъ прятаться? — вскрикнулъ гордый Браччони:
 разве я рабъ? Если я ихъ обоняю, новоруки мои вы-
 жаломъ, то они, вѣрно, оба будутъ молчать, и этимъ эти

— А я? — вскрикнула Викторія, — а наше донья? —
 доброе имя?

Тутъ она вспомнила маленькій кабинетъ, который
 недавно открыла, уладила въ стѣну, втолкнула гла-
 герцога, показала ему дружину и, догасивъ свѣтъ, сажу,
 поспѣшно ушла. Только-что она затворила за собой
 дверь, въ другую вошелъ Перетти со своимъ товари-
 щемъ.

Перетти, послѣ двору, не твердо стоялъ на ногахъ.
 Поль плащомъ у него была потайной кошелекъ, а онъ по-
 жегъ свѣчи, оглянулся въ залъ и понялъ историческо
 закрывать все двери.

— Теперь мы безопасны, сказали они тихе.

Незнакомецъ раскуталъ и снялъ плащъ. То была
 переодѣтый Фарнезе.

— Надѣюсь, что вы сдержите свое обещаніе, ска-
 зать онъ.

— Садитесь, высокопочтенный синьоръ, сказали за-
 пинаясь Перетти; истинно и почти очевидно, что я не
 могу долѣе стоять, потому что, концы концовъ, чело-
 вѣкъ во всѣхъ вещахъ и наслажденіяхъ въ состоянии
 вынести только известную мѣру, одинъ больше, другой
 меньше, смотря по тому, сколько у него станетъ силъ.

— Завтра вы очень рано встанете и отправитесь в путь, и не забудьте взять с собой все необходимое, а также и деньги, которые вы получили в подарок от государя. И помните, что вы должны быть всегда готовы к тому, чтобы исполнить свой долг перед государем и перед людьми. И помните, что вы должны быть всегда готовы к тому, чтобы исполнить свой долг перед государем и перед людьми. И помните, что вы должны быть всегда готовы к тому, чтобы исполнить свой долг перед государем и перед людьми.

— Я терю терпение, сказала Фарисей. Разъясните мне, почему вы так долго не приходите ко мне? —

— Потому что я занят своим делом, сказала Фарисей. И я не могу прийти к вам сейчас. —

— Какое дело? — спросила Фарисей. —

— Дело, которое касается моего здоровья, сказала Фарисей. —

— Какое же дело? — спросила Фарисей. —

— Дело, которое касается моего здоровья, сказала Фарисей. —

— Какое же дело? — спросила Фарисей. —

— Дело, которое касается моего здоровья, сказала Фарисей. —

— Какое же дело? — спросила Фарисей. —

— Дело, которое касается моего здоровья, сказала Фарисей. —

— Какое же дело? — спросила Фарисей. —

— Дело, которое касается моего здоровья, сказала Фарисей. —

— Вы знаете, сказала Фарисей, что вы очень рано встанете и отправитесь в путь, и не забудьте взять с собой все необходимое, а также и деньги, которые вы получили в подарок от государя. И помните, что вы должны быть всегда готовы к тому, чтобы исполнить свой долг перед государем и перед людьми. И помните, что вы должны быть всегда готовы к тому, чтобы исполнить свой долг перед государем и перед людьми.

— Нет! Вы увидите: не только в словах, но и в действиях Фарнезе. Херезе также решено! Скажите мне только, когда вы дойдете. Она будет стаскива в башня, а вы же и на гражу такъ, что вы изумитесь своему великодушью; потому что страсть моя къ Витторіи неизмерима! Однако жъ мнѣ пора идти. Проводите меня. Я думаю, скоро ужъ свѣтать станетъ.

Онъ закутался въ плащъ, а Перетти отыскалъ въ карманѣ ключъ. Лишь только они вышли со свѣтлой изъ залы, Браччано, слышавшій каждое слово, оставил кабинетъ, осторожно заперъ его, и тихо ступая пошелъ вслѣдъ за уходящими. Они подошли по узкому корридору къ выходу на улицу. Перетти отомкнулъ, Дверь безъ шума отворилась, и Фарнезе поспѣшно вышелъ. Въ это же мгновение Браччано задулъ свѣчу, и оттолкнувъ Перетти, тоже выскочилъ и пустился въ противоположную отъ Фарнезе сторону. Перетти не зная что съ нимъ дѣлается: трепеща, чуть живой, заперъ онъ дверь, отправился въ свою комнату, и всю ночь не могъ заснуть отъ страха.

Напрасно Перетти ломалъ себѣ голову догадками, кто бы это такъ подозрительно прятался въ его домъ. Онъ думалъ, думалъ, и наконецъ, въ тревожномъ волненіи, имѣлъ неблагоразуміе рассказать объ этомъ Фарнезе. Тотъ въ ужасѣ и отъ гнѣвомъ вскочилъ со стула!

— Какъ! вскричалъ онъ, вы заманиваете меня тайно, ночью, въ свой домъ, я иду съ вами, потому что питаю къ вамъ полное довѣріе... и что же? Тамъ меня подстергаютъ убійца, или, по крайней мѣрѣ, человѣкъ подозрительный! Меня могли бы убить: я былъ безоруженъ. Какую славу доставили бы мнѣ подобная таинственная смерть? Но вы жавъ ли я подозревать, что вы сами злодѣи, замѣшники! который, въ своемъ сумрачномъ аріаніи, велелъ мнѣ въ сѣти, чтобы лишитъ жизнь? Ваше извѣстное странное поведение почти подтверждаетъ это. Вы были трезвы, когда эти домысли

досе не былъ въ обществѣ: этихъ вещей тайны и свидѣльствъ предоженихъ: тогда выслушалъ Франческо доверчиво: изъ общаго. Общннго сликъ, не вразумилъ, когда погугривъ: какъ изъяснить?

— Перетти отъ души рискнулъ: въ своей опрочетенности: въ вѣсѣ совѣта и помощи, которнхъ бжидѣлъ отъ своего покровителя, онъ получилъ жестокий ударъ: и долженъ былъ страшиться мщенія. Онъ извѣдалъ сколько горя, и клялся въ своей честности и безотанъренности.

— Я готовъ вѣрить вамъ, сказалъ наконецъ Франческо: и вы можете мнѣ доказать свою невинность тѣмъ, что на этой же недѣлѣ переедете въ Тиволи. Если прнпрятіе удастся, мы будемъ совершенно примирены: и вы можете быть увѣрены въ моей дружбѣ: если же нѣтъ, то вы не уйдете отъ моего мщенія: никто и ничто не спасетъ васъ отъ моей руки.

На-каунъ дня отъѣзду въ Тиволи, семейство Перетти никого не принимало и легко спалъ раньше обыкновеннаго. Франческо возвратился домой, въ сумерки не очень трезвый и спалъ какъ убитый. Только дѣскольо слугъ оканчивали еще приготовления къ дороге.

— Какое волгунош посланикъ: кричалъ: слуга въ чернотѣ. Огнеран. Человѣкъ довольно подозрительной дружжести требовали: немедленнаго свиданія: съ бранномъ дому, снльорома Перетти, которому имѣеть отдать весьма пушистую бумагу. Дарскій посланикъ не смѣлъ: никакнхъ возраженій, и слуга принужденъ былъ проводить его въ комнату барина. Не легва былъ разбудить: отягченнаго внивыми снами. Наконецъ онъ однокоркъ проснулся. Зажгли свѣчи: Перетти увидѣлъ посланикомъ: итродилъ Мерини, своего новариннаго: въ разныхъ дѣлахъ, однесо нѣтъ: снмалъ въ величайшнхъ: ища: у дитоннаго: р. мененннковъ: въ Врвнн. Онъ бѣжалъ: письмо. Перетти прочелъ:

необходимая; а ты и сама получишь еще; развешивая на Мотте-Караале, въ известной степени. Благодосъ некто, трети крайне важное, которое уничтожаетъ для крайней марда, существенно измѣняетъ первое наше распоряженіе. Известный, котораго ты столько же любишь, сколько страшишься, надѣется на твой непрременной приходъ. Завтра, ты самъ знаешь, уже будетъ поздно. Если тебѣ дорого собственное благо, то поспѣй къ твоему

«Марцелло».

Перетти съ величайшею неспышностью ольма, при- звалъ слугу, приказавъ ему, идти съ собою, въ фане- домъ. Между-тѣмъ весь домъ подвинулся на ноги. Въ залу Перетти встрѣтилъ пану и лису.

— Францеско! вскричала Джулія въ испугѣ: куда же такъ поздно ночью! Вѣдь вы идете?

— Нужно. Я споре вернусь, отвѣчалъ онъ.

— Францеско, остановись! прокричала Вилвория: если ты спалъ-нибудь, уважайся моего просьбу; остановись! Ты знаешь, какъ опасны наши улицы въ эту пору, и Гвидо геронты, что за тобой; прѣждь въ этотъ мѣсяцъ и ный мошенникъ Морина. Подожди, до крайней марда утра: мы можемъ идти въ скоординированныхъ часахъ и даже завтра.

— Ты не знаешь, дѣла! возразилъ встревоженный Перетти, у котораго земля подъ ногами горела: что ты запустишь о Морина? Твой братъ Марцелло зоветъ: можешь быть даже идесть о его жизни.

— Успокойте имя Марцелло; Джулія вбранила его утѣсу.

— Несчастный! прошепталъ безумецъ! Онъ еще осмѣливается входить въ городъ! Онъ несетъ голову шаху!...

— Не беспокойтесь, онъ не такъ глупъ, возразилъ Перетти. Да что! Вѣдь это не въ первый разъ! Онъ по своему дѣлу иду въ домъ и здѣсь въ домъ.

— Боже мой, Боже мой! вскрикнула Джулія, совер-

не шло, переставшая, и покладывая голову на грудь, и впадая в безчувственность на бледномъ лицѣ, температура ея возросла, просидя въ такомъ положеніи нѣсколько слабей поблѣзи. Она жавъ руки, въ отчаяніи, упала она на колѣни и, судорожно схвативъ Франческо за полу плаща, молила:

— Останьтесь! Всѣми святыми заклиная васъ, останьтесь! Вы идете на свою погибель!... Дочь! Витторія! стань со мной на колѣни, плачь, проси упряма, безумнаго, чтобы онъ остался съ нами!

Джулия взошла, схватила дочь за оба плеча и сильно преклонила ее. Витторія повиновалась нехотя, однако и вступила на колѣни вместе съ матерью.

— Останься! безумишь, обманься! Мое проклятіе последуетъ за тобой, если ты ступиши за порогъ! Нетъ ли цѣпей, чтобы заковать самисебя?!

Поблѣдившіе слуги со страхомъ смотрели на эту необыкновенную сцену. Старая женщина крестилась и говорила молитву. Но Перетти толкнулъ жену ногой, вырвалъ полу плаща изъ рукъ Джулии съ такою силой, что та удиралась, ликуя объ мраморный полъ. Перетти выскокинулъ за дѣрзкія слова. Глухая баба и проворчалъ Перетти улыбаясь на улицу и закутываясь въ плащъ.

Ночь была темная; шелъ мелкій дождь. Фанкони Слуга горѣлъ тусклыми красными очками. Въ нѣсколько минутъ негакъ легъ Монте-Кавалло, раздались оныя выстрѣлы разомъ. Перетти упалъ. Слуга бросился бѣжать. Нанъ слышно даясь въ подолѣ изъ ложища, который слабо стоналъ. Семь шпагъ вонзились въ его грудь, и Перетти надвинулъ больше. Убийца удобнѣе вралъ, что онь мертвъ, и молча разошлись въ разные стороны.

Въ залѣ Ватикана собрались оуди. Президентомъ былъ назначенъ Фарнезе, его товарищами Карль Беррадо и

Фарнезе, Мелани. Далеко было убийство сеньора Франческо Перетти, въ которомъ Викторія Аккорсобола, вдова Перетти, была обвинена какъ соумышленница. Мотивовъ не было. Онъ не являлся этого процессу, описавъ вѣрныя партіи и интриги, которыя могли бы пронасти отъ нечаяннаго открытій, и вынести въ дело много значительныхъ особъ, пострадавшихъ дѣломъ Перетти. Умный старикъ просилъ, было папу предоставить все суду Божию. Но Григорій, а бывша меллицейская партія, къ которой въ этомъ мѣсяцѣ присоединился и Фарнезе, непременно хотѣли отыскать и казнить убійцу съ яркимъ строгостію, Викторію потребовали къ первому допросу. Она явилась. Вся наумилась при взглядѣ на пошедшую. Вместо скорбящей, унылой, смущенной дамы, имъ предстала величавая красавица во всемъ своемъ блескѣ. Она была въ богатомъ нарядѣ, украшена драгоценностями. Никогда, ни въ какомъ обществѣ, она не выказывала такой роскоши.

— Такъ-то вы, г-нъ, являетесь въ этомъ почтенномъ собраніи? началъ Борромео: не скорбящей вдовой, а разряженною невѣстой, смѣлою герцогиной вы приходите къ намъ! Это ли ваше раскаяніе? этакъ ли хотите вы примирить грозную тѣнь супруга?

— Если бѣ я была такъ, какою многіе изъ моихъ судей хотѣтъ выставить меня, отвѣчала Викторія гордо и твердымъ голосомъ: то я заранее облумела бы эту минуту, и приготовила бы нарядъ и слезы, способныя расположить васъ къ состраданію къ несчастной вдовѣ. Но испугъ и горе такъ внезапно настигли меня, что я забыла все искусственныя и обычныя приготовления. Я надеюсь въ лучшее, чѣмъ имѣю, потому что этотъ день долженъ доказать мою невинность.

Не дожидаясь знака или позволенія судей, она сѣла на единственныя незанятыя кресла.

Одинъ изъ судей всталъ и громкимъ голосомъ прочелъ обвиненіе. Онъ рассказывалъ о бракѣ молодого Пе-

раздѣлю Викторію; и тогда укажи мнѣ Марцелло.
 Моего же вѣдѣнаго стрѣльца и друга; а также и друга
 другихъ; верою съидеши мнѣ и на грады твои; но не
 зная Викторію; однако жъ; являю тебѣ сына сына
 дяди. Тихой и уединенной жизни; и при чинѣ; и вѣнчан
 ной свадьбы; предвѣщаю шумныя; и многолюдныя собра
 ныя; превратила свои домъ въ политическую академію;
 въ собраніе знатныхъ и иностранцевъ; и иностранцевъ;
 предаваясь неумеренному управленію и въ бытіи и шу
 тливости; и странности; предосудительныя разсужденія;
 выдаваемыхъ въ амальгемскія разсужденія. Она и мнѣ
 едѣла пренебрегалъ молодость дупротою; что чѣмъ
 ослѣпилъ проводилъ время въ своего дому. Друзья
 своимъ оубъ часто жаловались; что его унижаютъ въ
 мѣстѣ передъ вѣнчаніемъ; и вѣнчаніемъ; и молодой че
 ловекъ вѣнчаніемъ изъ мѣстѣ любитъ; но чѣмъ; тамъ
 укажи образы. Дивно уже тогда слыха; что Вик
 торія желаетъ избавиться отъ шума; и тогда
 бити вступити въ другой; еще смущающій; собою. Одна
 жда Перетти уже былъ царь; и тогда; кто
 ронъ иокричатъ подозрѣніе. Дивно также старіи
 братъ Викторію; и тогда; и тогда; и тогда; и тогда;
 гласи съ сестрою и матерью; и матерью; и тогда;
 дѣно. И тогда; и тогда; и тогда; и тогда; и тогда;
 Марцелло; и тогда; и тогда; и тогда; и тогда;
 Эгои Марцелло; и тогда; и тогда; и тогда; и тогда;
 синари. Перетти на мѣсто; и тогда; и тогда; и тогда;
 помиривши Марцелло; и тогда; и тогда; и тогда;
 Перетти; и тогда; и тогда; и тогда; и тогда;
 до въ послѣдній разъ съ обреченныя на смерть; и
 жемъ; обрѣла его проклятіями. Мать ея; и тогда;
 кусно вела заговоръ. Убиты; и тогда; и тогда;
 въ скрившѣ; и тогда; и тогда; и тогда; и тогда;
 согласившійся съ преступною сестрою и безбожною ма
 терью на погубель невиннаго.

Тутъ у входа въ залу поднялся шумъ. Высокій мужъ

чина силою распахнулъ объ половинки дверей, оттолкнулъ служителей и гордо вошелъ. То былъ герцогъ Браччано, въ великолѣпномъ нарядѣ, украшенный всѣми знаками своего достоинства. Онъ небрежно поклонился разомъ всему собранію. Витторія покраснѣла, склонила голову и улыбнулась. Судьи смутились отъ этого неожиданнаго прихода, и одинъ изъ нихъ поспѣшилъ спѣсать герцогу мѣсто. Не найдя другихъ креселъ, онъ подошелъ къ Витторіи, какъ-будто намѣреваясь заставить ее встать, чтобы уступить мѣсто знатнѣйшему. Но герцогъ самъ взялъ стоявшую вблизи небольшую скамью, постлалъ на нее свой дорогой, шитый золотомъ плантъ, и сѣлъ подлѣ Витторіи.

Тогда Витторія встала и приблизилась къ судьямъ.

— Къ крайнему сожалѣнію я не вижу въ этомъ высокопочтенномъ собраніи добродѣтельнаго кардинала Монтальто, сказала она твердымъ голосомъ: ободренная взоромъ старца, котораго глубоко уважаю, который некогда любилъ меня, я еще легче уничтожила бы всѣ эти ничтожныя, бессмысленныя обвиненія, и какъ прахъ страхнула бы съ себя клевету. Моя почтенная, добродѣтельная мать, которая припесла всю жизнь свою на жертву дѣтямъ, которая была любима и уважаема всеми, кто ее зналъ.... она убійца? И отчего? почему? Развѣ она когда-либо искала возвышенія или богатства низкими или подлыми средствами? Вся ея жизнь, исполненная пожертвованій, доказываетъ противное. Дѣло известно всему городу, и я смѣю напомнить, что ни я ни она не приняли предложеній и не отвѣчали на исказательства молодого, богатаго и знатнаго Луиджи Орсини, который грозилъ даже насиліемъ. Если бы мы хотѣли блеску и богатства, то тутъ намъ, можно сказать, навязывали ихъ. Достопочтенный Фарнезе многіе годы зналъ мою мать, и смѣю сказать, даже былъ всегда ея другомъ: онъ всегда почиталъ и уважалъ ее. Пусть онъ теперь скажетъ, считаетъ ли это пошлое обвиненіе достойнымъ

вниманія. Да, я называю его пошлымъ, и высокопочтенное собраніе проститъ мнѣ это выраженіе; я не нахожу другаго, болѣе вѣрнаго. Пусть такъ, я не любила Перетти; но знаетъ ли добродѣтельный Борромео и славный Медичи, что имѣла причину любить его? Любилъ ли онъ меня? Былъ ли онъ мнѣ мужемъ? Не оскорблялъ ли онъ меня самымъ жестокимъ образомъ? Но я никого не стану обвинять. Если Марцелло, — мой несчастный братъ, который причинилъ мнѣ первое и величайшее горе въ жизни, — если онъ, какъ кажется, былъ въ союзъ съ убійцами, то непостижимо, отчего, по одному слову его, Перетти безумно побѣжалъ на назначенное мѣсто. Онъ, вѣрно, питалъ къ Марцелло полное довѣріе, дружбу, и былъ съ нимъ въ заговоръ, Богъ знаетъ, на какое дѣло. Я проклинала Перетти, да, признаюсь откровенно, я проклинала безумца, когда онъ, въ ту страшную ночь, несмотря ни на просьбы ни на убѣжденія, убѣжалъ, бѣшено оттолкнувъ мою почтенную мать, которая со слезами и отчаяніемъ обнимала его колѣна. Что касается собственно до преступнаго замыслу избавиться отъ мужа, въ которомъ обвиняютъ меня, то пусть обвинитель станетъ ко мнѣ лицомъ къ лицу, и я, — если меня къ тому принудятъ, — вмѣсто признанія и покаянія, въ свою очередь произнесу обвиненіе, которое можетъ-быть приведетъ въ смущеніе и трепетъ самаго дерзкаго. Мнѣ извѣстно, что случилось въ ночь, когда Перетти, въ нетрезвомъ видѣ, воротился домой изъ маскараду раньше нежели мы его ожидали. Можетъ-статься возможно будетъ вывести вѣроятное заключеніе, что эта ночь была приготовленіемъ къ той, которую мы всѣ оплакиваемъ.

Последнія слова она обратила къ Фарнезе, потому подошла совсѣмъ близко и устремила на него огненный прозительный взглядъ, котораго никто еще не бывалъ въ состояніи вынести. Фарнезе видимо смутился, руки его дрожали, онъ поблѣднѣлъ и не от-

звать ни слова. Борромео и Медичи, какъ внимательные наблюдатели, все видѣли и еще болѣе догадывались. Они поняли теперь, что дѣло было совсемъ не такъ, какъ имъ представляли.

— А мой образъ жизни? продолжала Витторія: развѣ подозрительно, предосудительно заниматься поэзіей и философіей? Непозволительныя разговоры?... Кого оскорбили эти разговоры? Все это, и поэзія и беседа, было единственною причиною, — какъ онъ самъ говорилъ тысячу разъ, — что могущественный Фарнезе такъ часто и охотно проводилъ время въ нашемъ семействѣ. Вотъ мое оправданіе, которое, если нужно, могу выразить еще опредѣленное. Пусть высокопочтенное собраніе произнесетъ судъ.

Всѣ были видимо смущены: они совсемъ не того ожидали. Самые предубѣжденные должны были сознаться, что только невинность можетъ говорить такъ смѣло и гордо. Стали подозрѣвать, что тутъ скрывается какая-нибудь, еще менѣе пріятная, тайна. Могучій, мужественный Фарнезе, который съ торжествующимъ морадствомъ требовалъ процессу, сидѣлъ тихій, смущенный, почти робкій. Самые недальновидные замѣтили, что обвинительные пункты противорѣчатъ сами себѣ. Всѣ молчали. Витторія одержала полную побѣду. Тутъ всталъ герцогъ Браччано, поклонился собранію и обратился къ Фарнезе, который показывалъ видъ будто внимательно отмѣчаетъ нѣчто важное въ своей записной книжкѣ.

— Вы, почтенный другъ мой, сказалъ Браччано громко: лучше всего можете доказать добродѣтель и невинность этой благородной вдовы. Если же ваше молчаніе должно значить, что вы противнаго мнѣнія, если свѣтѣйшій отецъ и коллегія кардиналовъ потребуютъ доказательства процессу, — то объявляю, что я въ состояніи открыть настоящаго убійцу, что я и сдѣлаю непременно, когда меня доведутъ до крайности. Но, повторяю,

это будетъ крайность: я употреблю все свои силы, все личное вліяніе и богатство, жизнь и кровь свою, на спасеніе и защиту оклеветанной невинности. Тогда пусть будетъ, что будетъ. Мои противники могутъ взять послѣдствія на свою отвѣтственность. Тогда, однако жъ, и открою также, какъ и гдѣ я узналъ, на что хотѣлъ употребить бѣднаго Перетти одинъ знатный и сильный человекъ. Когда это откроется, то сомнительно, чтобы кто-нибудь, не исключая и благороднаго дяди, сталъ слишкомъ сожалѣть объ участи погибшаго.

Все молчали и смотрѣли на Фарнезе, который напрягалъ все силы, чтобы не потерять присутствіе духа. Отецъ былъ уничтоженъ: на что Витторія только намекнула, то Браччано ясно высказалъ, то есть, что герцогъ самъ слышалъ въ ту ночь подлый уговоръ Перетти со своимъ покровителемъ. Браччано, небрежно отдавъ поклонъ собранію, пошелъ изъ залы. Одинъ изъ писарей догналъ его.

— Ваша святлость, вы забыли свой планъ, сказалъ онъ рабскино, готовясь поднять и подать его.

— Пусть лежитъ. Я не привыкъ уносить съ собой стульи, на которыхъ сижу.

Герцогъ вышелъ.

— Я принужденъ, по совѣсти, подтвердить все, что говорилъ благородный герцогъ и сама добродѣтельная вдова, сказалъ Фарнезе, вставъ съ мѣста. Я считаю ее совершенно невинною, и объявляю, что насъ ввели въ заблужденіе ложные доносы.

Отецъ также оставилъ собраніе. Тутъ поднялся Медичи и сказалъ:

— Витторія Аккоромбона, вдова Перетти, мы объявляемъ васъ совершенно невинною и не подверженною никакому подозрѣнію въ убійствѣ вашего супруга. Но въ настоящее безпокойное время, преслѣдуемая сильными врагами, притѣсняемая дерзкими искателями вашей руки, которые, какъ вы сами сказали, не

пренебрегаютъ ни какими средствами, наша обязанность отлучить васъ на некоторое время отъ свѣта, чтобъ обезопасить вашу жизнь и честь. Вамъ понятно, что въ домъ кардинала Монтальто вы долже оставаться не можете, и притомъ не найдете тамъ нужной безопасности. Губернаторъ римскій, племянникъ и представитель свѣтской власти святѣйшаго отца, окажетъ вамъ честь и лично проводить въ замокъ Святаго Ангела, гдѣ отведетъ вамъ приличное жилище. Вы идете въ этотъ замокъ не какъ въ темницу, но какъ въ истинное убѣжище отъ клеветы и дерзкаго нападенія. Святѣйшій отецъ умиловится и возвратитъ вамъ полную свободу какъ-скоро позволятъ обстоятельства.

При выходѣ, губернаторъ встрѣтилъ и отвезъ Витторию въ замокъ, гдѣ она на нѣсколько времени была отлучена отъ друзей и недруговъ. Известно было, что она уже обручилась съ Браччано, и потому Медичи употребили все усилія, чтобъ воспрепятствовать браку, отъ котораго могли потерять значительную часть наследства двѣ герцога отъ первой жены, ихъ родственницы.

Надъ Римомъ разразилась новая бѣда. Насталъ ужасный голодъ, какого дотолѣ ни кто не запомнилъ, и который довелъ до отчаяннiя несчастныхъ жителей, и безъ того не безопасныхъ отъ грабительства бандитовъ. Бѣдному человѣку невозможно было, даже при величайшемъ трудѣ, добыть себѣ необходимый, насущный хлѣбъ. Въ такомъ бѣдствiи, человѣкъ превращается въ звѣря, и нельзя придумать, чего бѣ изступленная чернь не сочла тогда позволительнымъ. Невозможно описать всѣхъ ужасовъ, происходившихъ ежедневно въ несчастномъ городѣ. Шайки бандитовъ, среди бѣлаго дня, бродили по улицамъ, убивали и грабили безнаказанно.

Знатные помещали ихъ въ своихъ палацахъ, подѣ предлогомъ охраненія себя отъ наслія голодной черни. Фарнезе выходилъ и вывезалъ изъ дому всегда въ сопровожденіи толпы нанятыхъ вооруженныхъ бандитовъ, которыхъ одинъ страшный видъ приводилъ въ трепетъ всѣхъ встрѣчныхъ. Престарѣлый Григорій думствовалъ безпрестанную убыль своихъ силъ и приближеніе смерти. Онъ приходилъ въ отчаяніе, что всѣ мѣры къ восстановленію порядка были тщетны. Страшные бандиты, предводимые объединившимися графами и баронами, открыто покровительствуемые богатыми вельможами, считали убійство и грабежъ почетнымъ промысломъ и не боялись ни какого суда.

Буонкомпандо, губернаторъ римскій, старался помочь папѣ, и совѣтовалъ употребить строгую, рѣшительную мѣру, чтобы разомъ уничтожить зло. Привали начальника сбирровъ, Боцела, велѣли ему собрать и вооружить всю свою команду, и захватить всѣхъ находящихся въ городѣ бандитовъ. Тѣхъ, которые скрывались въ палацахъ знатныхъ, вытребовать добромъ или взять силою, потому что право убѣжища давно уже было отнято папою у этихъ домовъ, и дворянство употребляло во зло старинный обычай, чтобы подѣ этимъ предлогомъ скрывать служившихъ ему убійцъ и грабителей. Боцела исполнилъ приказаніе, и можно было надѣяться на скорое возвращеніе тишины и порядка. Голодъ уменьшился. Но Боцела, ободренный нервнымъ успѣхомъ, поступилъ слишкомъ опрометчиво. Пришедши въ палацъ графа Раймунда Орсини, который, по примѣру другихъ, держалъ у себя нѣсколько человекъ наемной вольницы, Боцела требовалъ немедленной выдачи бандитовъ. Графъ оскорбился тѣмъ, что сбирры осмѣливались вступить въ его домъ безъ предувѣдомленія, и обошелся съ начальникомъ ихъ презрительно. Тотъ, опираясь на свою обязанность и повелѣніе папы, сталъ рубить. Дѣло происходило на дворѣ палаца.

Графъ только-что возвратился домой съ прогулки со своими товарищами, графами Савелли и Рустичуччи. Произошелъ шумъ. Раймундъ отвѣчалъ на дерзость Боцеллы ударомъ хлыста по лицу. Тотъ приказалъ своимъ людямъ стрѣлять. Залпъ раздался и три графа упали съ лошадей.

Весь Римъ взволновался. Дворянство сочло этотъ поступокъ сбирровъ оскорбленіемъ своихъ правъ, посрамленіемъ и насильствомъ. Знатные и не знатные, богатые и бѣдные возстали противъ злоупотребленія. Всѣ кипѣли мщеніемъ. Недоставало только предводителя, чтобы привести въ исполненіе ихъ шаткіе планы. Вызвался Луджи Орсини, который уже нѣсколько времени былъ женатъ на прекрасной и умной Леоноръ Савелли, и по-видимому смягчилъ-было свой строптивный и буйный нравъ. Но представился случай, и Луджи сталъ такимъ же бѣшенымъ какъ былъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ, по праву, могъ считать себя оскорбленнымъ болѣе всѣхъ другихъ : одинъ изъ убитыхъ былъ его родной братъ, другой — зять. Орсини повелъ шайки бандитовъ и присоединившихся къ нимъ дворянъ. Прежде всего напали на Боцеллу и его отрядъ. Началась страшная рѣзня. Почти всѣхъ сбирровъ перебили безъ пощады. Тутъ же попались многіе несчастные обыватели, по одному подозрѣнію, что они переодѣтые сбирры : бѣшенная толпа не пускалась въ продолжительные расспросы и не дождалась доказательствъ. Распаленный неистовымъ пиромъ, кровожадный Орсини шелъ мимо Ватикана съ своимъ товарищемъ и другомъ, графомъ Пиньятелло, однимъ изъ самыхъ звѣрскихъ предводителей бандитовъ. Они встрѣтили сына римскаго губернатора, молодого Вителли, и убили его передъ глазами смотрѣвшаго изъ окна папы, отъ котораго онъ только-что вышелъ. Но это убійство придадо дѣлу другой оборотъ. Самые друзья Орсини ужаснулись. Многіе оставили его — громко порицали. Замѣтивъ, что большин-

ство партіи покинуло его, Дуиджи могъ предвидѣть свою участь, и рѣшился бѣжать съ шайкою, которая осталась ему вѣрной. Забравъ наскоро все свое золото и драгоценности, онъ послѣднимъ оставилъ городъ, Пана объявилъ графа Дуиджи Орсини бунтовщикомъ, разбойникомъ и убійцей, и отрубилъ его голову.

Витторія ничего не слыхала объ этихъ безпорядкахъ. Она жила въ совершенномъ спокойствіи и уединеніи, затворницей, но не арестанткой въ замкѣ Святаго Анджела. Она занимала довольно большую, владѣніе убранную, квартиру. Губернаторъ былъ къ ней весьма ласковъ, внимателенъ, и предупредительно исполнялъ малѣйшія ея желанія. Витторія понимала очень хорошо, что ее арестовали только для того чтобъ разлучить съ герцогомъ Браччано : его семейство и Медичи не напрасно опасались, что онъ на ней женится, и что такимъ образомъ часть имѣнія Браччано перейдетъ къ новымъ наследникамъ. Освободившись съ торжествомъ отъ процесса, Витторія предоставила рѣшеніе своей судьбы времени. Теперь, покуда, ей было довольно и того, что она обрученная невѣста челоуѣка, котораго уважала и любила.

Браччано принужденъ былъ общать папѣ и Медичи, отказаться отъ союза съ Витторіей. Съ этимъ условіемъ процессъ былъ прекращенъ. Герцогъ видѣлъ, что несвоевременная настойчивость могла ему только повредить : женившись на вдовѣ Перетти немедленно по смерти ея мужа, онъ могъ озлобить папу, возстановить противъ себя всѣхъ родственниковъ и даже потерять въ народномъ мнѣніи. Все, что злые враги Витторіи могли выдумать, получило бы видъ вѣроятности. Видимы были бы только настоящія дѣйствія, а тайныя причины должны были остаться скрытыми, следовательно, и онъ и жена его навлекли бы на себя общее негодованіе, даже подверглись бы гоненію и опасности. Такимъ образомъ объ эти сильныя души дол-

жины были покориться обстоятельствамъ. Онъ не охотно склоняли гордое чело; однако жъ, судьба, которую они вызвали на бой, всё-таки побѣдила.

Въ спокойномъ и почти приятномъ отшельничествѣ, изъ души Витторіи исчезла вся горечь. Она пришла къ состоянію, въ которомъ самый сильный духъ охотно предается страдательному бездѣйствію. Это не уныніе, не безсильное отчаяніе: душа добровольно предается утѣшительному сну, приятному забвенію, чтобы собрать силы къ новымъ, быть-можетъ близкимъ, бурямъ. Только однажды гнѣвъ ея пробудился со всею силою. Старшій братъ, Оттавіо, съ позволенія губернатора, велѣлъ доложить о себѣ, и убѣдительно просилъ свиданія. Витторія не удовольствовалась отказомъ, но еще написала записку, въ которой жестоко упрекала брата въ низости.

О Марцелло не было слуху. Фламиніо продолжалъ служить секретаремъ у герцога Браччано, а несчастная мать, отягченная горемъ, совершенно отрелася отъ свѣта. Она роптала на себя, на людей и на небо: она не могла спокойно покориться своей участи. Джулія часто отказывалась видѣть даже сына своего Фламиніо: ее раздражалъ его слабый, неопредѣленный, характеръ. На герцога Браччано она была зла, и гордо отвергла помощь, которую онъ великодушно предлагалъ. Къ Оттавіо Джулія обнаруживала явную ненависть, и не пускала его на глаза, сколько онъ ни добивался свиданія съ нею. Такимъ образомъ, оставленная всеми друзьями и подругами, она жила совершенно одна, больная тѣломъ и душою. Однажды, Фламиніо, въсколькo дней не видавшійся съ матерью, пришелъ и нашелъ ея квартиру пустою. Синьора Джулія пропала безъ вѣсти, и всѣ розыски, во время смутъ и беспорядковъ, остались тщетными.

Оттавіо, непрерывно преслѣдуемый демонами самолюбія и гордости, съ нѣкотораго времени чувствовалъ

себя несчастнымъ: лучшія его надежды, пламенные желанія не исполнились. Партія Монпальто отступилась отъ него за брата Марцелло и смерть Перетти; папа гнѣвался; Медичи никогда не были къ нему расположены, но хуже всего его оскорбило то, что и Фарнезе, на покровительство котораго онъ основывалъ всѣ свои планы въ будущемъ, не только рѣшительно отказался, но оказывалъ ему явную неприязнь: Герцогу Браччано онъ не смѣлъ показываться, потому что тотъ зналъ его двусмысленный характеръ, и ненавидѣлъ за зло, причиненное Витторіо. Сама сестра не приняла его, когда онъ пришелъ помириться съ нею. Мать также не пускала его на глаза. Даже Фламинио не хотѣлъ его видѣть. Сердце его уже было почти сокрушено, когда онъ узналъ, что мать пропала безъ вѣсти. Долго онъ искалъ ее напрасно, потому до него дошелъ слухъ, будто она уѣхала въ Тиволи. Оттвѣтію отправился туда.

Домъ, въ которомъ некогда жило семейство Аккоромбона, Оттавіо нашелъ пустымъ и наглухо заколоченнымъ. Долго бродилъ онъ по окрестностямъ и обращался съ бесполезными разспросами ко всякому встрѣчному. Наконецъ, слабый, утомленный болѣзнію и горемъ, увидалъ онъ, у небольшого дому, стараго приходскаго священника, подошелъ къ нему, сѣлъ у воротъ на каменную скамью, и съ трудомъ выговорилъ свой обычный вопросъ. Старикъ почти съ ужасомъ узналъ въ своемъ блѣдномъ, истощенномъ и уныломъ гостѣ высокомернаго, надменнаго Оттавіо, который, еще будучи аббатомъ, никогда не удостоивалъ его взгляду. Мысль о непостоянствѣ человеческого счастья холодной дрожью пробѣжала по членамъ старика. Онъ насилу могъ оправиться отъ изумленія.

— Какъ вы знаете, гдѣ живетъ она? повторилъ Оттавіо слабымъ голосомъ.

— Отцаъ знате, отвѣчалъ патерьъ : въ послѣднее время только я одинъ живящій ея.

— Что съ ней? Здорова ли она? спокойна ли?

— Теперь она совершенно спокойна.

— Такъ пойдемте же,.... только дайте мнѣ прежде стаканъ воды.

— Зайдите ко мнѣ, сеньоръ, торопиво возражалъ патерьъ : почтите мой долгъ своимъ присутствіемъ, выпейте немного вина, это подкрѣпитъ васъ.

— Нѣтъ, не хочу; дайте воды; отвѣчалъ Оттавіо.

Старикъ вошелъ въ домъ. Тутъ и Оттавіо вспомнилъ, что это тотъ самый патерьъ Винченцъ, съ которымъ онъ некогда обходился съ такимъ пренебреженіемъ. Это былъ дядя Камилло-Матсен. Трешущею рукою взялъ Оттавіо поданную воду и, выпивъ, съ умиленіемъ возвелъ глаза къ небу.

— Какъ жестокосерды и неблагодарны мы, люди; говорилъ онъ : какое наслажденіе, какая отрада, какая благодать для слабаго и жаждущаго заключается въ одной струѣ прохладной воды! Въ искусствахъ и наукахъ, въ высокихъ храмахъ и великолѣпныхъ палатахъ, вездѣ мы ищемъ слова Предвѣчнаго, и не видимъ его, когда оно безпрестанно окружаетъ насъ, не видимъ, когда оно въ каждое мгновеніе расточаетъ передъ нами благодѣтельные дары свои!

— Они пошли.

— Но здѣсь уже послѣднія строенія, сказалъ Оттавіо, выходя со своимъ проводникомъ изъ городу : развѣ она такъ далеко поселилась.

— Мы сейчасъ будемъ на мѣсть, отвѣчалъ патерьъ тихо.

— Они вошли на кладбище. Новая могила была обложена зеленымъ дерномъ.

— Здѣсь бѣдное сердце ея обрѣло миръ! сказалъ Винченцъ.

— Оттавіо обратилъ блуждающій взоръ на старика; не

тѣмъ унять на долѣни, обидѣть могилу и зарыдать. Онъ плакалъ и молился съ востынымъ раскаяніемъ, и скоро тѣмъ же манеръ успокоиле отъ тревожной буети міра и бурныхъ страстей. Черезъ нѣсколько дней на- зоръ Винченцъ подождать его рядомъ съ матерью.

Между-тѣмъ, въ Римъ, папа Григорій тоже умеръ. Собрался конклавъ. Все съ потерпѣніемъ ждали рѣше- нія выбора. Многіе радовались смерти Григорія, пото- му что считали его алабость и нерышительность глав- ною причиною всѣхъ золъ; другіе, которые пользова- лись его любовью и благодѣянiami, искренно оплаки- вали человеколюбиваго государя.

Лишь-только смерть Григорія стала извѣстною, гер- цогъ Браццано, уже приготовившійся на этотъ случай, тотчасъ поѣхалъ, со всею пышностію своего сана, въ сопровожденіи многихъ знатныхъ и омовъ людей, къ губернатору, въ замокъ Святаго Ангела, и потребовалъ своей невѣсты. Буонкомпаньо сначала не хотѣлъ-было выдать Витторію, но не зная, кто будетъ преемникомъ покойнаго папы, и будетъ ли самъ онъ утвержденъ въ своей должности, не смѣлъ оскорбить герцога отка- зомъ. Герцогъ съ торжествомъ повезъ свою возлюблен- ную прямо въ церковь, а оттуда въ свой дворець. Че- ревь нѣсколько дней они уѣхали въ Швейцарію.

Послѣ многочисленныхъ сальщаний, споровъ и ин- тригъ, конклавъ избралъ наконецъ на Ватиканскій престолъ кардинала Монтальто, который принялъ имя Сикста Пятаго. Многіе подали голоса въ его пользу, потому что считали его безсильнымъ, слабымъ, и на- дѣялись управлять его именемъ. Иные уступили, въ той увѣренности, что дряхлый, больной старикъ ско- ро умретъ, и, слѣдовательно, подастъ имъ новую на- дежду. Иные перешли на его сторону только длятого чтобы противустать хитрому и честолюбивому Фарне- зе. И такимъ образомъ постоянная, пламенная мечта Монтальто осуществилась: онъ возсѣлъ на престолъ, у

подвожій котораго владыки міра преклоняли колѣна! Но каково же было изумленіе конклава, когда они, вмѣсто слабаго, больнаго, робкаго старика, увидѣли подъ тѣлою сильнаго, могучаго, повелительнаго князя Церкви, который съ первыхъ минутъ показалъ, что умѣетъ властвовать и обладаетъ силою; чтобы заставить уважать свою власть. Многіе, помогавшіе ему стать на эту степень, желали, чтобы было возможно переменить выборъ, но уже поздно. Фарнезе и многіе другіе, оказывавшіе презрѣніе къ молчаливому и терпѣливому Монтально, были въ крайнемъ смущеніи и страхѣ.

Страхъ распространился и по всему Риму. Искони велся обычай, что новый папа, въ день своего въѣзжанія, милуеалъ преступниковъ, заключенныхъ въ темницы. Того же ожидали и теперь. Многіе изгнанники явились сами, чтобы принять участіе въ общемъ отпущеніи старыхъ грѣховъ и преступленій. Но Сикстъ, твердо рѣшившись положить конецъ безчинствамъ, повелѣлъ всѣхъ достойныхъ смерти казнить въ самый день вступленія своего на престолъ. Всѣ просьбы и заступничества были тщетны. Всякій, у кого совѣсть была нечиста, спѣшилъ скрыться изъ Рима. Въ провинціи, по строжайшему повелѣнію папы, поступали съ виновными точно такъ же неумолимо какъ и въ столицѣ, потому что кто изъ блюстителей законовъ оказывался нерадивымъ, тотъ самъ подвергался ихъ строгости. Пощады не было никому, и Римъ вскорѣ принялъ иной видъ. Порядокъ и тишина были восстановлены.

На берегу озера Гарды, близъ маленькаго городка Сало, жилъ герцогъ Браччано съ своею женою. Витторія читала, цѣла, шептала; онъ слушалъ ее, охотился,

и, вмѣстѣ съ нею, бродилъ по живописнымъ окрестностямъ. О такой простой, индивидуальной жизни много можно разсказать: въ спокойномъ, безмятежномъ счастьи людей мало пищи для воображенія поэта и для всякаго посторонняго челоуѣка мало занимательности. Уединенное жилище супруговъ не давалъ почти никто чужой. Мимобродомъ они побывали въ Венеціи, и республика предлагала храброму герцогу почетное мѣсто полковника. Герцогъ былъ тронутъ почестію, однако жъ отказался. Витторія явилась въ знаменитомъ городѣ въ полномъ княжескомъ блескѣ, и брачно съ гордостію и удовольствіемъ смотрѣла на дань, просимую дожемъ и знатными патриціями красотѣ и талантамъ его супруги. Ученые и поэты также воскурjali передъ Витторіей оміамъ похвалъ и лесть, потому что пѣсни ея, хотя напечатанныя безъ имени, были извѣстны во всей Италіи.

Фламинію жилъ въ Палауъ, гдѣ распорядился устройствомъ палаца, въ который брачно намѣревался переехать на зиму. Герцогъ туда же велѣлъ явиться и другому брату, Марцелло, который, получивъ черезъ могущественнаго и знарнаго зятя хорошее состояніе, принядся за порядочную жизнь. Лѣто прошло, но счастливыя еще не думали оставлять своего прекраснаго уединенія.

Была осень, и одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ дней, какіе встрѣчаются только въ южныхъ горахъ. Брачно хотѣлъ одинъ прогуляться по лѣсу. Витторія осталась дома и сидѣла за работою въ залѣ, передъ открытыми окнами. Поэтическая душа ея была такъ поддана любви, что ей мало было изліянія передъ милымъ: она и въ отсутствіи его повѣрляла свои мечты и чувства бумагѣ. Начинало смеркаться. Витторія, отъ пламенныхъ восторговъ перешла къ тихой грусти, которая крадывается въ сердце челоуѣка даже въ самыя счастливыя минуты жизни. Долгое отсутствіе мужа начина-

до гравежить ее. Воспламененному воображенію вдругъ предстала возможность опасности, и Витторія затрепетала. Она встала, чтобы затворить окно отъ холоднаго вечерняго воздуха, и оглянувшись увидела у двери, въ полумракъ, маленькое сѣрое существо. Полагая, что это какой-нибудь нищій колека, Витторія хотѣла позвать слугу, чтобы приказать дать ему милостыню. Но сѣрая фигура поднялась и погрозила пальцемъ. Долгополая сѣрая одежда ея висѣла какъ на жерди, широкіе рукава болтались вкругъ сухихъ и тонкихъ костлявыхъ рукъ, лицо походило на лицо могильнаго выходца и темный взоръ горѣлъ неестественнымъ огнемъ. Витторія подошла ближе, чтобы удостовѣриться, что это человѣкъ, и хотя смѣло устремила на него глаза, однако жъ не могла удержатся отъ тайнаго страху.

— Что тебѣ? кто ты? спросила она.

— Остерегись.... шепнулъ чуть слышно человѣчекъ : онъ.... теперь....

Витторія подступила, но рука ея коснулась только стѣны : не было никого, кто бы могъ говорить, но мѣстоэто стало еще темнѣе. Витторія на мгновение остановилась въ недоумѣніи, опомнилась, и выбѣжала изъ дому, въ лѣсъ. Было уже почти темно. Витторію точно велъ невидимый проводникъ; она не сомнѣвалась, что найдетъ мужа, и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ встрѣтила его, въ сопровожденіи другаго мужнины, на котораго онъ опирался. Витторія бросилась въ объятія супруга.

— Слава Богу, ты со мной! вскричалъ онъ : теперь мнѣ легче.

Витторія не знала, что сказать.

— Благодарю васъ, что проводили меня, продолжалъ брачяно, обратившись къ незнакомцу.

Витторія оглянулась. Лѣсъ былъ въ томъ мѣстѣ рѣже. Она взглянула на провожатаго, и вдругъ необыкновенно сильнымъ ударомъ сплибда его съ ногъ.

— Подымайся! вскричала она : ты и здѣсь не дашь мнѣ покою!

— Браться неужился.

— Видь это разбойникъ Морини! продолжала Витторія : это тотъ злодѣй, что принесъ Перетти роковую записку отъ моего несчастнаго брата. Впослѣдствіи Марцелло часто и убѣдительно просилъ меня остерегаться этого пегодя : онъ наемникъ нашихъ враговъ.

— Морини! вскричалъ Брacciaно.

— Но тотъ уже скрылся. Они хотѣли преслѣдовать, однако жъ Брacciaно едва держался на ногахъ отъ слабости. Витторія проводила его домой и уложила въ постель. Послали въ городъ за врачами. Витторія между тѣмъ сидѣла у изголовья мужа, который, несмотря на изнеможеніе, не могъ заснуть.

— Что съ тобой? заботливо спросила Витторія : ты такъ блѣдень.... руки дрожать.... скажи, что случилось?

— Я опасаясь, что неосторожно вдался въ свѣи своихъ враговъ, отвѣчалъ герцогъ : ты узнала Морини, и это подтверждаетъ мою мысль. Кажется, ихъ коварная хитрость удалась..... О Витторія! мы всѣ слабые, немощные люди. Когда одна глупость оставляетъ насъ, является другая, и мы охотно принимаемъ ее. О! конечно, это была ложь, когда я говорилъ, что любовь твоя—все для меня. Иначе я не поддался бы такъ безразсудно своей слабости. У ме давно занимался алхиміей съ зятемъ, великимъ герцогомъ. Нѣсколько ни разсуждали умные люди, меня никакое доказательство еще не могло убѣдить, что превращеніе грубыхъ металловъ въ золото не возможно. Нѣсколько лѣтъ я не думалъ объ этомъ. Но недавно, здѣсь, въ лесу, встрѣтилъ старика, который собиралъ травы. Мы разговорились; онъ разказалъ мнѣ кое-что о свойствахъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ, что мнѣ показалось новымъ. Жилища своего старика не хотѣлъ показать, и вообще былъ не очень ласковъ :

ловить; материя: или видя въ Времи одиавъ жонно
 ови филодрозались шоре безразудноймю слабостию
 Я чулшину; кто оправленъ я доити на одимовъ. Шю
 ваиль, вероятно, будеть безмелна:
 и Выгу же ночь авилое неслелно протей.

Настала зима, зреля года, въ верхней Неали, сур
 вою ав печальное, холодное и дождливое. Герцогъ
 Брачяно былъ некороненъ. Много носилъ объ немъ
 слуховъ. Были ли это Орсии, или враги во Флорен
 ции, или друзья умершаго венаго въ Паризь Трелин, ко
 торые заманили его въ сѣти и отравили, — остался не
 ривненъ. Хижины, въ которой престодили иними
 чаридайства, при всевозможныхъ стараніяхъ, не оты
 скани. Человекъ, котораго Витторія признала за Ма
 рини, исчезъ съ тѣхъ поръ совершенно. Книже, счита
 ющія себя самыми разсудительными, полагаю, что гер
 цогъ умеръ отъ горячки, и что его страданія показанія
 были следствія болышеннаго востанія души и рас
 страскиаго воображенія. Окозники до чудесъ, напре
 тили, утверждали, что призрани въ загадочной, нечел
 нудной лажинь; — посредствоиъ ли мага или друиикъ
 сверхъестественнымъ образомъ, — действительно на
 явились герцогу и показали ему все его прежніи преступ
 ления, и что его убили не ядоити и старения, а чер
 замія пробужденной совести.

Витторія перебила свое горе, какъ возвышенныя
 души обыкновенно переносятъ тяжкія нещастія. Ничто
 не видяль ея слезъ и не слыхаль ея жалобы; не
 счастье ея было слишкомъ велико. Она съ твердостью
 покорилась судьбѣ. Жизнь ея была кончена: она про
 жила счастливо одну весну, лѣто и осень, и вѣстерь
 немножкѣ мѣсяцахъ заключалось все истинное ея

существовали. Теперь она думала лишь о том, как
 получить отъезд, отъезд, счастье.

Виттория заняла назначенный, нужную комнату въ
 Падую. Магистратъ города, высшее дворянство, также
 некоторые знатныя семейства, изъ Венеции, съ благо-
 сласиемъ привѣтствовали переездъ Витторию Браччано, и
 обещали ей защиту и безопасность. Она была окру-
 жена множествомъ слугъ и всѣхъ, кто составлялъ
 свиту и принадлежность знатной дамѣ. Герцогъ
 еще заранѣе адъюль духовную, въ которой завѣщалъ
 супруга: всѣ свои капиталы, деньги, драгоценности,
 серебро, конюшню, все движимое имѣніе, и подарилъ
 въ Падую. Духовная была поручена покровительству
 герцога Альфонса Феррарскаго и некоторымъ другимъ
 знатымъ лицамъ, потому что Браччано не былъ основа-
 ния не доверялъ своимъ родственникамъ, фамилии Ор-
 сини и Медичи. Всѣ прочія владѣнія и банкя герцога
 оставилъ своему сыну Виргинію, дѣтъ Изабеллы, сестры
 великаго герцога Флорентинскаго. Следовательно, по
 справедливости, нельзя было сказать, что покойный
 герцогъ слишкомъ многого лишилъ своихъ дѣтей въ
 пользу второй жены.

Высшее общество падуиское охотно готово было при-
 влечь Витторию въ свой кругъ, если бы она сама хотѣ-
 ла. Но она предпочла уединеніе и, изрѣдка, бесѣду съ
 нѣсколькими учеными и духовными лицами. Кто ис-
 пыталъ великія несчастія, тотъ, со своимъ осиротѣ-
 лымъ, обидѣннымъ сердцемъ охотнѣе обращается къ
 Источнику вѣчной любви, который впервые открыва-
 ется чловѣку въ скорбяхъ. Поэзія и искусства не
 оставляли бѣдную, но это были уже не тѣ веселыя и
 пріятныя игры, что прежде теперь они служили ей
 посредниками, посредвателями любви и благодати
 Витторіи.

Однажды, въ день назначенный для приѣзда вѣнско-
 го посольства, на дворъ герцога Браччано, Витторіи

риваломинья и Пальмазо Пятто, который душевно не-
 лалъ посмотреть на богатую и знатную герцогиню, что
 когда питавшую къ нему дружбу. Витторія могла по
 улыбнуться смущенно все еще робкого и невольнаго Ка-
 милю. Она старалась успокоить его, призывъ къ
 прежней дружбѣ. Онъ наконецъ оправился, съѣлъ съ-
 гда, и рассказалъ о своемъ дядѣ, Винченцѣ, кото-
 рый, по милости Оттавіо, члѣдованіе его, омытъ на-
 охничковъ, омытъ занятными члѣдованіе; потомъ
 о своемъ дядѣ былъ въ Римѣ, гдѣ онъ, перемѣ-
 нившись съ перколиями баронами, попалъ въ црп-
 ну: Бандитовъ. Былъ схваченъ и проведенъ въ скрѣще-
 лить на галерахъ. После всего этого онъ князь ошлѣ-
 свободе въ Римѣ, но, когда Смерть Надвигъ віару, пре-
 нужденъ былъ уйти подальше отъ грава, такъ же какъ
 Пандоломини, Шпэрра, Лундэки Орсини, и другіе бан-
 диты еишу предводители.

— Сивьръ Лундэки теперь въ Падубъ, заключилъ онъ?

— Здѣсь? вскричала Витторія съ ужасомъ.

— Да, онъ живетъ въ палацѣ Барбариго, со всею
 своею храброю дружиной. Республика съ нѣкотораго
 времени приняла графа въ службу и черезъ нѣсколько
 дней отошлетъ его въ Корфу, въ качествѣ военнаго гу-
 бернатора.

— Въ Корфу?... Скоро? спросила герцогиня нѣсколь-
 ко успокоенная.

— Я думаю, отвѣчалъ Камилло: говорятъ, что Вене-
 ции тамъ угрожаютъ нападенія Турковъ, и она сдѣ-
 шить помѣстить на этомъ островѣ храбрый гарнизонъ
 и хорошаго начальника.

На другой день порѣ этого разговору, явился и самъ
 Орсини, второму, какъ брату мужа, Витторія не мо-
 гла отказать въ первомъ свиданіи. Онъ сталъ мужемъ
 сивниве, суровые, на багровомъ диванѣ являющій бы-
 лъ нѣсколько смѣтливъ, достигъ явнымъ омытосын Отта

хорошо знала, что Виттория, при входе его, изре-
кстала, и старался быть какъ-можно любезнѣе. —

— Прекрасная невестка, сказала онъ, любя и добло-
вилъ ее руку: я долженъ видѣться съ вами, хотя сто-
итъ между-быть и не совсѣмъ приятно. Я пришелъ
исполнить вамъ мое обязательство о потерѣ благород-
наго человека, котораго всѣ мы, Орривини, безпрекослов-
но считали главнымъ главою нашего семейства, ко-
торога воли почти всегда была для насъ закономъ, и
которому самые дѣла и насъ оказывали почтитель-
ное повиновеніе.

Виттория съ удивленіемъ посмотрѣла на гостя и хотѣ-
ла подтвердить все, что онъ говорилъ о высокихъ ка-
чествахъ ея мужа.

— Вы стали еще прекраснѣе, герцогиня, продолжалъ
Людвикъ: время безельно передъ вами, ваши черты
стали величественнѣе. Вамъ надобно какъ-можно спе-
ше сбросить эти траурныя одѣжды: онѣ такъ воз-
мущаютъ блескъ вашихъ прелестей, что не дадутъ
вамъ проходу отъ поклонниковъ.

Виттория устремила на него строгій взглядъ, кото-
рый однако жъ соскользнулъ безъ дѣйствія съ холод-
ной, неизмѣнной улыбки Орривини.

— Не гнѣвайтесь на меня, прекраснѣйшая герцогиня,
продолжалъ онъ: конечно, вы и прежде встрѣчали не-
мало нещастіе, следовательно, я нынче тоже не могу ожи-
дать лучшаго. Вы, правда, стали вдовою и по-прежнемъ
свободны, но какая нинѣ была бы теперь польза
изъ вашей любви, когда я уже женатъ? Убить
жену, чтобы сдѣлаться достойнымъ другой красавицы,
было бы слишкомъ жестоко, когда и говорятъ, что лю-
бовь жестока въ срединѣ другъ другу. Въ молодости
я баловалъ вамъ подобный задоръ. Вспомните, какъ
странно я вамъ трясся. А теперь нинѣ опасно на само-
глупость, если иронія и сарказмъ не будутъ

— Орсини захотѣлъ; Витторіа, которую вы не любите, и отвернулся.

— Однако жь, поговорить о дѣлѣ, а именно о другъ дунади: адвокаты, конечно, сообщать вамъ, прокрадкой недостатка, что я объявилъ возраженія на духовную каждаго супруга, въ пользу моего бѣднаго племянника: Виргиніо, и великій герцогъ флорентинскій, тамъ же какъ Фернандо Медичи и строній, сиревальский; папа, конечно, не понуетътъ пострадать сиротѣ.

— Въ этихъ вещахъ, возразила Витторіа, и такъ: мало понимаю, что должна просить васъ обратитесь къ моимъ адвокатамъ, или къ дожу и герцогу флорентинскому, которые объявили себя моими покровителями.

— Я на этихъ дняхъ ѣду въ Корфу, и самъ тоже не могу хлопотать, продолжалъ Орсини. Но, скажите, ради Бога, что вамъ дѣлать съ огромною конюшнею тасого знаменитаго наездника и охотника, наковъ была ваша супруга? Куда вамъ такая прохость лошадей? Вотъ, если бы вы были такою же ретивой амазонкой какъ Маргарита Пармская, то эта статья завѣщанія была бы еще понятна.

— Охъ опять захохоталъ.

— Оставьте это, сіятельный графъ, сказала Витторіа: я надѣюсь, что мы, своимъ порядкомъ, согласимся во всемъ нужномъ.

— Еще объ одномъ позволите напомнить. Вашъ другъ всегда былъ великодушень и парвовать, онъ любилъ, какъ вамъ извѣстно, великолюбію и роскошь, и такъ кинуть образомъ однажды я долженъ былъ помочь ему въ нуждѣ довольно значительнаго суммою, на которуя я имѣю отъ него законный документъ. Эти деньги вы теперь очень щеголихидсь бы, при отъѣздѣ въ Корфу. Я думаю, что великого серебра почти достанетъ на поощреніе атопа долу. Что касается до дамскихъ и шпальдственныхъ драгоценностей, то почти невозможно:

тебя вынудил гордыня и сардинская почва. Ты утонула впереди нас въ историческую руину.

Виттория встала, графъ тоже.

— Тамъ меня хотятъ сорвать сработы? спросила она безъ смеху, но устремивъ на Орсини твердый взглядъ. Я уже знала, что лучше не стану вмешиваться въ это дело. Прямо и мой высочайше законченный прусскій рыцарь-окончилъ меня или противъ меня: во всякомъ случаѣ я безусловно продаю ихъ суду.

Она дала знакъ, что отпускаетъ документъ и встала.

— Не отпускайте меня съ тѣмъ, кто прелестна и похваста, сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ: позвольте мнѣ замечать почтительный поцелуй на вашей чудной ручкѣ. Мнѣ опята-таки смашно... не сердитесь... Помните тотъ день, когда вы обвинялись съ извѣстнымъ Перетти? На мажорты я стоялъ за вами, въ гнѣвъ и бѣшенствѣ; страсть моя была такъ сильна; что я готовъ былъ разорвать нижнюю юбку и вать въ волосы женки. Я сказалъ вамъ тогда, что мы еще увидимся! Вотъ мы, конечно, и увидимся, и толкуемъ по-приятельски, канъ старые кунцы, о деньгахъ и денегамъ.

Но уходъ дерзкого, Виттория готова была уйти въ пустыню, въ лѣсъ, чтобы не видать ни одного чужеземцаго лица. Она привела своего стряпчача, стараго, поттеннаго человека, который совершилъ условленныя, доказавъ, что она не можетъ проиграть такъбы, поверясь, потому что была рѣшительно никакого законнаго повода изменить какую-либо статью духовной аар-вторыхъ, которая что высочайше законны герцогаши, ради собственноръ своей чести, не могутъ допустить оскорбленія ея правъ. Что же касается до уплаты миннаго долгу, которой требуетъ Орсини, то, если документъ не подложный, графъ имеетъ обратиться къ главному наследнику, въ Виргинию.

Графъ Лундичи, напротивъ, возвратился раздосадованный отъ своего стряпчача, который ему показавъ

— Господи! молила она : помилуй мнѣ одну, только одну минуту забвенія моея потеря, чтобы я могла собрать силы для дальнейшихъ страданій....

Но лишь-только протягивала руку къ книгѣ, дѣлая движеніе или брала кусокъ пищи въ ротъ, ей казалось, будто Браччано стоитъ надъ и смотритъ на нее грустными, потухшими, прощальными взорами, который такъ глубоко запалъ въ ея душу.

Насталъ вечеръ. Наступила ночь. Витторія попеременно читала, работала и молилась въ своей комнатѣ.

— Было ли бы мнѣ такъ тяжело, говорила она сама себя, если бъ на груди моей лежало милое дитя отъ него?

Витторія взяла свѣчу и пошла въ залу, гдѣ висѣлъ портретъ Браччано. Она подошла къ картинѣ и вдругъ вслушалась пронзительный крикъ : передъ нею стоялъ страшный, огромнаго росту человекъ, съ начерченными лицомъ и зѣвскими глазами. Витторія хотѣла бѣжать, ей загородило дорогу другое, такое же, страшныице; явилось третье, четвертое : ее окружила цѣлая толпа швергевъ, съ начерченными лицами или въ маскахъ.

— Боже ! вскрикнула она : ужасный сонъ моего дѣтства исполняется !

Изъ крику оя приближалъ Фламминю. Но лишь-только онъ отворилъ дверь, злодѣи бросились и зарубили его. Марцелло, идущій по слѣдамъ брата, увидѣвъ это, быстро бросился назадъ и высочилъ изъ окна на улицу, чтобы бѣжать за помощью.

— Ты умрешь ! сказала трепещущей Витторіи чудовище глухимъ голосомъ.... и палачъ равнодушно выхватилъ иижалъ въ грудь несчастной.

Между-тѣмъ другіе уже разломали шкафы во всѣхъ комнатахъ, выбрали золото, серебро, драгоценности, все, что могли найти, и все скрылись такъ-же тихо какъ пришли.

Орсини, по-видимому спокойно, ожидалъ означенія: оубъ, непонятно почему, не хотѣлъ самъ быть при убійствѣ. Исполнителемъ проклятаго дѣла былъ тигръ Пиньятелло.

Марцелло съ трудомъ отыскалъ и собралъ, среди глубокой ночи, нѣсколькихъ сбировъ. Но когда они пришли, убійца уже не было. Всѣ слуги въ палаццѣ лежали скрученные и связанные, съ заткнутыми глазами; нные чуть дышали отъ страху.

Съ зарею слухъ объ ужасномъ убійствѣ разнесся по всему городу. Толпа любопытныхъ пришла посмотреть на кровавую сцену. Графъ Орсини тоже пришелъ съ громкимъ сѣтованіемъ. Онъ приказалъ выставить группы въ ближайшей церкви. Фламиніо былъ такъ изрубленъ, что его съ трудомъ можно было узнать. Дѣло было дотога ужасное, и исполнено съ такою дерзостью, что не могло не встревожить венеціанскаго сената. Подозрительнаго привратника палаца схватили и пытали. Камилло Маттеи, находившійся въ числѣ наемниковъ Орсини, явился самъ и доказалъ, что зналъ о заговорѣ, но не имѣлъ возможности предупредить его.

Между-тѣмъ Орсини, какъ близкій родственникъ, взялся за распоряженія и, несмотря на общій ропотъ, похоронилъ убитыхъ, почти безъ всякой почести. Утвердившись въ подозрѣніи, магистратъ потребовалъ его къ допросу, но онъ надменно отказался отвѣчать, ссылаясь на свой знатный родъ, на званіе полководца республики и даже на свою скорбь по убитой родственницѣ. Но въ то же время былъ перехваченъ его посланецъ, на дорогѣ въ Римъ, съ письмомъ, собственной руки Орсини.

«Все кончено; мы ее прибрали къ рукамъ. Ротозвонъ адъютантъ мы дурачимъ какъ слѣдуетъ. Она считаютъ Мени доннагого ребенкомъ. Пришлите только нужныхъ людей, какъ мы условились.»

Письмо взяли, посланнаго тайно заключили въ тем-

виду. Между-тѣмъ Орсини съ своею шайкою диковатъ являлся надъ сѣтымъ магистратомъ, котораго заставилъ молчать. Но какъ же онъ удивился, когда увидѣлъ, что палацъ его окружаютъ сбирры, ворота города заперты, никого не выпускаютъ. По улицамъ ходилъ герольдъ, который громегласно вызывалъ, подл опасеніемъ смертной казни, всѣхъ, кто зналъ что-нибудь объ этомъ убійствѣ. Въ ночь на двадцать третье декабря Витторія была убита; утромъ, въ семь часовъ, перваго дня Рождества, изъ Венеціи прибылъ Брагадино, съ неограниченнымъ полномочіемъ отъ сената, во что бы то ни стало, схватить графа Луиджи Орсини, живаго или мертваго.

Ударили въ набатъ, собрали всю вооруженную силу города и осадили палацъ Барбариго, чтобы взять его приступомъ, если Орсини не сдастся добровольно. Но онъ со своею шайкою загромоздилъ входы, завалилъ двери, и объявилъ, что будетъ защищаться до послѣдней капли крови. Осаждающіе навели пушки; сбѣжавшійся народъ кричалъ, набатъ гудѣлъ, по всѣмъ улицамъ слышался звонъ оружія. Раздался залпъ, и городъ дрогнулъ отъ отголоску. Ядра сшибли нѣсколько колоннъ и часть стѣны. Осажденные стрѣляли изъ оконъ ружьями и пистолетами. Мимо ихъ, по заламъ, бѣгалъ бѣшеный Орсини, съ обнаженною шпагою, раздавалъ приказанія, подстрѣкалъ своихъ сподвижниковъ въ злодѣйствахъ, и кричалъ : « Война ! война ! Пейте крови ! » Раздался второй залпъ ; разрушилась еще часть стѣны, весь палацъ пошатнулся, многіе бандиты попадали, кто въ залу, кто изъ окна на улицу. Орсини оробѣлъ. Онъ приказалъ своему секретарю махнуть изъ окна бѣлымъ платкомъ.

Передъ судьями Орсини старался показывать равнодушный и безпечный видъ : онъ обошелся съ ними чрезвычайно ласково и привѣтливо. Отдавая шпагу, онъ говорилъ : « Жаль ! Не то бы было, если бъ я по-

слушавшись совету Пиньятелло и бросился на вылазку. Потомъ Луиджи подошелъ къ камню, взялъ ножницами и хладнокровно началъ стричь ногти.

На третій день его задушили въ темницѣ.

Графъ Пиньятелло, злодѣй который такъ хладнокровно убилъ Витторію, казненъ на площади. Многихъ бандитамъ отсѣкли головы, другихъ повѣсили. Никогда дотолъ Падуа не видывала столькохъ казней. Такъ справляли тамъ праздникъ Рождества въ 1586 году.

Камилло, менѣе виновный и добровольно отдавшійся въ руки правосудія, былъ посланъ на два года на галеры.

Когда Сикстъ узналъ о страшномъ провѣствіи и строгомъ судѣ, то потребовалъ отъ венеціанскаго правительства выдачи Марцелло, который принималъ участіе въ убійствѣ Перетти. Сенатъ не могъ или не хотѣлъ отказать, и Марцелло тоже казненъ въ Римѣ.

Такъ угасъ и вскоре былъ забытъ весь родъ Аккоромбона. Клевета помрачила некогда славное и уважаемое имя Витторіи : современники и потомство сообщаютъ объ ней лишь недостаточныя и двусмысленныя извѣстія. Величіе и благородство слишкомъ часто бывають непризнаны и очернены мелкими, ограниченными, людьми.

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯКЪ.

ИЛИ

COUSIN GOEFFREY .

=

РОМАНЪ ГУКА.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Гораций Сентъ-Джонъ былъ джентльменъ хорошей фамилии и съ порядочнымъ состояніемъ, не такой богатый и знатный, какъ многіе изъ его университетскихъ товарищей, однако жъ всѣ они ласкали и отличали его, такъ, что я не помню между ними ни одного спѣсиваго барича, который бы не поставилъ себѣ за честь явиться къ Горацию на завтракъ, или на ужинъ, или на разгульную вечеринку, хотя завтраки, ужины и вечеринки Горация бывали вообще очень умеренны, потому что онъ рѣдко находилъ въ такой милости у фортуны, чтобы съ честью принимать знатныхъ и богатыхъ гостей. Между-тѣмъ, гдѣ бы ни явился Гораций, всѣ бросались къ нему на-встрѣчу, пожимали ему руку, улыбались, приветствовали. Что жъ это значитъ? или онъ былъ

... of Cousin Geoffrey, of The Old bachelor A novel. Edited by Theodore Hook. London. 3 vols.

Т. XLVI. — Отд. II.

очень любезенъ? очень словоохотливъ? очень ученъ? Помилуй Богъ! ни то, ни другое, ни третье! А вся тайна въ томъ, что Горацій Сентъ-Джонъ никогда не расплачивался за ласкательства и что въ его лицѣ, во всей его наружности и въ поступкахъ, было нѣчто.... какъ бы это сказать? было нѣчто такое, ~~какъ будто~~ бы Горацій Сентъ-Джонъ говорилъ или думалъ: «Я знаю, что я подальше васъ, господа!.... гмъ!»

Не вообразите, впрочемъ, что Горацій Сентъ-Джонъ былъ медвѣдь въ обществѣ. О, нѣтъ! напротивъ! Съ бѣднякомъ, съ несчастнымъ, съ человѣкомъ преслѣдуемымъ судьбою, онъ никогда не говаривалъ безъ участія. Но у него были свои привычки: онъ любилъ сбивать спѣсь съ боловней счастья, которымъ всѣ кланялись съ колыбели; любилъ выводить наружу ничтожество баричей, которые слыли полу-богами въ своемъ деревенскомъ захоlustьѣ; любилъ обличать прощепцовъ, срывать маску съ задушевныхъ пріятелей, готовыхъ на все, чтобъ доставить вамъ случай поскорѣй промотаться, и охотно подшучивалъ надъ тѣми любезниками, которыхъ сколько ни щелкайте по носу, они все улыбаются. Пуще же всего, у него была страсть прошколивать молодыхъ франтовъ, которые, въ модной прическѣ, съ усиками, съ бородками, пѣтушатся или своєю знатной породой или лишней копѣйкою въ карманѣ. Изъ этого благосклонный читатель видитъ, что Горацій Сентъ-Джонъ былъ не дурной человекъ.

Женщины, въ особенности, держали сторону Горація Сентъ-Джона, называя его прекраснымъ мужчиной. И въ самомъ дѣлѣ, онъ могъ назваться прекраснымъ, если тому не мѣшаетъ холодное, нѣсколько строгое, выраженіе фізіономіи.... Но женщины знаютъ въ этомъ толкъ лучше насъ, и если онъ признали Горація прекраснымъ, такъ намъ ужъ и говорить нечего. Лучше сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній на его костюмъ. Горацій одѣвался вообще очень щеголевато, по модѣ, такъ

кни-всему. Онъ, казалось, презиралъ мелочнымъ щегольствомъ, состоящимъ въ безотчетномъ подражаніи послѣдней модной картинкѣ. На немъ всегда было что-нибудь да не такъ, но это «не такъ» вѣсѣмъ правилось: оно шло къ нему; и когда равнодушный, холодный Гораціи Сентъ-Джонъ заговаривалъ съ какой-нибудь хорошенькой женщиной, замужней или дѣвицей, то она ставила его вниманіе выше вѣсѣхъ напыщенныхъ фразъ и заученныхъ любезностей самаго известнаго деида.

— Какъ это мудро, что вы съ сестрой не сдѣлали впечатлѣнія на Гораціи! говорила леди Саквилль своей дочери, бесѣдуя съ ней *solo voce* въ углу большой залы, на чельтенгемскихъ минеральныхъ водахъ, когда миссъ Гертруда осталась безъ кавалера на контрдансѣ. Право, это престранно! ни Кларина невинность, ни твоя ловкость, вѣсѣмъ на него не подѣйствовали. Онъ былъ словно деревянный, и при восхожденіи солнца, и при вечерней зарѣ, и весной, и лѣтомъ, и осенью....

— Погодите, мамеыька, отвѣчала высокая и жеманная миссъ Гертруда, стараясь казаться веселою, но худо скрывая свою досаду: вотъ прійдетъ зима; она будетъ счастливѣе: зимній холодъ, я думаю, больше гармонируетъ съ характеромъ мистеръ Сентъ-Джона.

— А я думаю, перебила леди Саквилль: что вы съ Кларой сами всему причиной. Ты ужъ слишкомъ неприступна, а она черезъ-чуръ спяходительна. Надо держаться середины, мой ангелъ. Будь я, напримеръ, дѣвушка,.... о! я заставила бы въ себя влюбиться! я не пожалѣла бы ничего, я убила бы себя на то, чтобъ достигнуть цѣли.... Но посмотри, кто это идетъ сюда съ букетомъ? Ты знаешь этого мужчину? Не про него ли говорила Клара, что всеъ ухаживаетъ за ней въ Брайтонѣ?.... А! да это, кажется, тотъ джентльменъ, что вчера поминутно проѣзжалъ мимо твоего окна.

— Точно такъ. Это сэръ Крезъ Хонтеръ, мой канцлеръ на прошлой недѣлѣ.

— Клара увѣряла меня, что онъ ищетъ себя повѣсты.

— Кажется.

— Онъ идетъ прямо къ тебѣ. Смотри жъ, держи себя хорошенько, гляди весело, будь мила. Но я шучу, мой ангелъ, прибавила леди Саквилль ласковѣе : я увѣряю, что ежели на свѣтъ есть дѣвушка, которая можетъ ему понравиться, такъ ты ужъ, конечно, сумѣешь это сдѣлать.

— Какъ, маменька? въ мои лѣта?

— Фуи, Гертруда! кто говоритъ о лѣтахъ на балѣ! Повѣрь мнѣ, что Клара двоюродная сестра твоя, Бланка, даромъ что онъ обѣ моложе тебя, не произведутъ такого впечатлѣнія на сердце мужчины. Въдъ мужчина влюбляется не справляясь съ ариѳметикой. А въ лѣтахъ женщины самыя лучшія тѣ, когда въ ней больше приманокъ. Одна перестаетъ нравиться между тридцатымъ и сороковымъ годомъ; другая, напротивъ, тутъ то и приобретаетъ съ каждымъ днемъ новыя прелести. Полно, мой ангелъ, кто въ хорошемъ обществѣ, говоритъ о лѣтахъ!

Между-тѣмъ сэръ Крезъ, котораго чельтенемскіе насмѣшники сравнивали съ тыквой на двухъ лучникахъ, работалъ въ толпѣ, наполнявшей комнату, чтобы добратъся до мѣста, гдѣ онъ видѣлъ леди Саквилль и дочь ея.

— Поздравляю тебя, шепнула леди : онъ очень дурень : немножко толстоватъ, низокъ, но это ничто помяв. неуклюжаго мужа виднѣе жена, если она выскла и стройна, какъ ты.

Въ это время предметъ ихъ вниманія случайно попался съ прекраснымъ Гораціемъ Сентъ-Джаномъ. Гертруда не могла не замѣтить разности между ними; сазы навернулись у нея на глаза; она поблѣднѣла.

— Ты съ ума сошла! сердито шепнула ей маменька: вспомни, что у тебя двѣ сестры, обѣ моложе тебя, ни гроша приданаго, и, что всего важнѣе, ты отъ меня зависишь.

Бѣдная дѣвушка сдѣлала надъ собой жестокое усиліе и кое-какъ улыбулась сэръ Крезу, который поднесъ ей огромный букетъ цвѣтовъ и примолвилъ, что это произведеніе его собственныхъ оранжерей въ Бомсфордѣ. Леди Саквилль высыпала ему три короба комплиментовъ, и подѣ предлогомъ намѣренія отыскать «рзвущку» Клару, оставила его насладиться блаженнымъ tête-à-tête съ своей старшей дочерью.

Сэръ Крезъ, прежде всего, счелъ нужнымъ подвигнуться ближе къ миссъ Саквилль.

— Мнѣ было бы очень пріятно, миссъ Саквилль, показать вамъ мои бомсфордскія заведенія.

— Ахъ! очень бы желала ихъ посмотреть. Ежели это такъ же прекрасно, какъ вашъ экипажъ, которому въ Брайтонѣ всѣ удивлялись.....

— Вы мнѣ льстите, миссъ Саквилль, сказалъ восхищенный толстякъ. Конечно, лошади обошлись мнѣ дорого, о! ужъ какъ дорого!....

— И вы мастерски правите. Я страхъ боюсь лошадей, но когда съ вами, то мнѣ такъ хорошо, что я готова хоть на край свѣта.... Что вы смотрите на этотъ цвѣтокъ? вѣрно узнаете его? Да, это тотъ самый, который вы мнѣ подарили въ Брайтонѣ; помните? Я увѣрена, что онъ достался вамъ отъ какой-нибудь хорошенькой дамы.

Сэръ Крезъ съ радости покраснѣлъ какъ піонъ.

— Неужели это тотъ самый?

— Что же тутъ удивительнаго? Ахъ, какой на васъ прекрасный жилетъ! и волосяная цѣпочка!.... волосяная! Ну, сэръ Крезъ! теперь вы меня не увѣрите, чтобы вы не были влюблены. Это ясно. Жаль только, что

я узнаю это, какъ нарочно, въ такое время, когда сама начинала мечтать....

— Вы?

— Да, я. Но, нужды нѣтъ! мы еще можемъ остаться друзьями, и если вы мнѣ скажете имена всѣхъ красавицъ, которыя вздыхаютъ по васъ, я тоже назову вамъ всѣхъ своихъ обожателей. Хотите?

— Милое созданіе!.... Но я прозакладую свой лучшей брилліантовый перстень, что вы не пересчитаете мнѣ всѣхъ, кто васъ любитъ.

— Почему же? Вотъ, слушайте: лордъ Физъ Альбертъ, полковникъ Физъ-Огль, сэръ Джесперъ Эйвельмъ, капитанъ Ловель, Горацій Сентъ-Джонъ....

— И Горацій Сентъ-Джонъ! подхватилъ сэръ Крезъ, съ благоговѣніемъ.

— Да, и Горацій Сентъ-Джонъ. Можетъ-статься, онъ и самъ не знаетъ, но я увѣрена.

— Ахъ, миссъ!.... Однако жъ вы всё-таки не назвали одного человѣка, который умираетъ отъ любви, глядя на ваши прелести.

— Кто же это? спросила Гертруда, опутивъ голову къ букету и смотря изъ-подлюбыя на своего собесѣдника. Кто же это?.... Неужели въ-самомъ-дѣлѣ? Неужели вы?....

Сэръ Крезъ пыхтѣлъ и краснѣлъ, собираясь съ силами.

— Послушайте, сказалъ онъ наконецъ: мой домъ убранъ отлично, но въ немъ нѣтъ одного украшенія... украшенія, котораго нельзя купить никакимъ богатствомъ. Смѣю ли надѣяться?.... Улыбнитесь.... Взгляните.... Дайте мнѣ жить! Могу ли я завтра пріѣхать къ вашей матушкѣ?

Гертруда нѣсколько секундъ молчала, потупивъ глаза, какъ-будто въ смущеніи; потомъ приподняла голову, взглянула съ улыбкою на сэръ Крезъ и сказала:

— Да.

Серъ Крезъ не чувствовалъ себя отъ восторга, сдерживая съ своего пальца дорогой брилліантовый перстень и надвигая его на палецъ Гертруды.

— Милое свиданіе! повторилъ онъ, едва переводя духъ. Пойдемте ужинать. Я васъ угощу такъ, что и пари не кушаютъ того, что вы будете кушать. Пусть это обойдется мнѣ во сто фунтовъ.

И счастливый серъ Крезъ, взявъ Гертруду подъ руку, повелъ ее къ матери. Бѣдняжка! онъ попалъ въ сѣть, которую замѣтилъ бы всякій школьникъ, вретивавшій пятокъ романовъ и поплясавшій на пяти лондонскихъ вечеринкахъ. Но серъ Крезъ былъ настоящимъ дядя: вѣчный житель деревни, сирота безъ всякаго состоянія, онъ случайно разбогатѣлъ черезъ наследство послѣ бездѣтнаго дяди, и только-еще дебютировалъ въ свѣтѣ, хотя находился въ интересномъ возрастѣ пятидесяти пяти лѣтъ отъ рожденія. Проведи онъ курсъ другой на водахъ, можетъ-статься его и не поймала бы такая сирена, какъ миссъ Гертруда; но, къ несчастію, или къ счастью, это были первые шаги его въ обществѣ, и Гертрудѣ достался самый богатый призъ въ лотереѣ жениховъ того года.

Леди Саквилль остановила счастливую чету.

— Клара танцуетъ съ Болліономъ, сказала она: не знаю, куда дѣлалась Бланка.

— Я здѣсь, тетинька, отвѣчалъ мелодическій голосокъ за ея спиной. Мы съ Вилли играли въ той комнатѣ. Бѣдненькому случно: на него никто не обращаетъ вниманія.

— А вы-то? подхватилъ маленькій Вилли: что мнѣ за надобность до другихъ? Пойдемте! вы общались танцовать со мной галопъ. Да пойдемте же!

Малютка обхватилъ стройный станъ дѣвушки, и они пошлись по залѣ. Гораций Сентъ-Джонъ стоялъ молча отъ мѣста, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ. Онъ забывалъ необыкновенную пріятность голоса Бланки.

подобостествовала въглянуть на лице ея, а выраженіе совершенно новое появилось въ его холодной, неподвижной физиономіи, когда онъ сталъ слѣдить глазами за танцующей Бланкою. Она такъ привѣтливо смотрѣла внизъ на своего маленькаго партнера! длинныя, блонкурные локоны ея такъ хорошо развѣвались около свѣжаго дѣвчьяго лица! въ физиономіи ея было столько игры! прозрачныя щеки ея горѣли здоровьемъ, на губахъ порхала улыбка.

«Кто это?» подумалъ про себя Гораціи Сентъ-Джонъ.

Между-тѣмъ Бланка, кончивши танецъ, остановилась и уронила перчатку. Вопреки своей важности, Гораціи чуть не сбилъ съ ногъ одного весьма почтеннаго джентльмена, чтобы поднять ее : но шалунъ Вилли выхватилъ добычу изъ его рукъ и подалъ Бланкѣ. Она сухо поклонилась Горацію и ласково улыбнулась мальчику. Чортъ возьми! что это за поклонъ? Можетъ-быть во всей залѣ, даже во всемъ Чельтенгемѣ, не было другой женщины, которая бы кланялась съ Гораціемъ такъ невнимательно. Ему стало досадно. Хозяйка дому, по просьбѣ оскорбленнаго гордеца, подвела его къ Бланкѣ, и онъ просилъ ее сдѣлать ему честь протанцовать съ нимъ контрадансъ, который тогда составлялся.

— Покорно благодарю, отвѣчала Бланка : я устала; я не буду танцовать этого кантраданса.

— Такъ можетъ-быть слѣдующій, сказалъ Гораціи тѣмъ вкрадчивымъ голосомъ, которому, по его мнѣнію, ни одна женщина не могла противиться.

Бланка подумала.

— Нѣтъ, сказала она : я совсѣмъ не хочу танцовать.

Хозяйка взглянула на нее съ удивленіемъ. Гораціи Сентъ-Джонъ въжливо поклонился и отошелъ.

Когда, по окончаніи бала, леди Саквилль съ дочерью и влѣявшицей ожидали своего экипажа, и сэръ Крестъ пыталъ, тараньась на цыпочки, чтобы накинуть наивъ

на жлоба своей прелестной невесты, Герраций съ необыкновеннымъ усердіемъ услуживалъ самой леди.

— Я думаю, сказала она, не поминая этой услужливости: я думаю, васъ нечего и просить, чтобы вы завтра ѣхали съ нами на загородный пикъ-никъ, который составляетъ сэръ Крезъ? Вы всегда отказываетесь.

— Позвольте на этотъ разъ поспорить. Я сочту за честь принять приглашеніе.

— И будете?... въ самомъ дѣлѣ?

— Непременно. Можетъ-статься я еще удостоюсь счастья услужить кому-нибудь своимъ экипажемъ.

— О! разумеется. Вотъ моя племянница....

— Позвольте мнѣ, тетенька, ѣхать съ вами, сказала Бланка.

— Хорошо. Мы все это завтра устроимъ. Такъ вы будете? Смотрите же! мы васъ ждемъ къ двумъ часамъ.

— Не опоздаю ни минутой.

И Сентъ-Джонъ съ улыбкою посадилъ леди Саквилль въ карету, потомъ хотѣлъ подать руку Бланкѣ, но та предпочла опереться на руку сэръ Креза Хонтера.

— Вотъ счастливый вечеръ! сказала леди Саквилль, когда двери кареты захлопнулись и экипажъ покатился. Я сама себя не помню отъ радости! Сэръ Крезъ сватается къ Гетрудь, мессиръ Боллионъ очевидно ухаживаетъ за Кларою, а Бланка, — ужъ этого я и понять не могу! Бланка завоевала сердце непобѣдимаго Геррація Сентъ-Джона!

Но оставимъ леди Саквилль предаваться своимъ мечтамъ и перенесемъ въ другое мѣсто.

Поэты и, — прости ихъ Господи! даже сочинители пьесъ, удивительно пристрастны къ лунѣ. Они называютъ ее кроткою, свѣтлою, задумчивою, стыдливою; но какъ разберешь хорошенько, то, право, все это сущая лесть. За луною водится большой недостатокъ: она холодна. Посмотрите, какими равнодушными, безчувственными глазами смотрятъ она на несчастія чело-

вдовца. Дибодыки ли разлучены на службу жизни, вдова ли осиротела съ малютками, дитя ли рыдаетъ на отцовской могилѣ, жена ли тоскливо жалеетъ мужа, бѣдная ли дѣрушка оплакиваетъ камбаника, или несчастный игрокъ рветъ на себя волосы, пустивши по миру свое семейство, — ей всё равно! Та горестно поднимаютъ къ ней глаза, наполненные слезами, а она отвѣчаетъ имъ вѣчно одной и тою же улыбкой, — той ясной улыбкой, которою приветствуетъ она и счастливую чету, и прославленнаго героя, и епископа мудреца. Когда я вижу, какъ луна проливаетъ свой серебряный свѣтъ вдоль улицъ большого города, на раззолоченные чертоги богачей и на хижинны нищихъ, на жалкіе пріюты несчастія и на угрюмыя стѣны, за которыми томится окованное преступленіе, мнѣ всегда кажется, что она, просто, смѣется надъ нами. Ксчастію, въ большихъ городахъ, за исключеніемъ астрономовъ, мало тайныхъ людей, которые съ размышленіемъ глядятъ на луну и могутъ подмѣтить ея насмѣшку. Однако жъ, хоть мало, а есть-таки подобные люди, и вотъ одинъ образчикъ этого роду наблюдателей.

Въ отдаленной части Лондона, въ небольшомъ домѣ, передъ раскрытымъ окномъ, стоитъ женщина среднихъ лѣтъ, которую можно назвать типомъ жены-Англичанки: прекрасная, но безъ суетности, величавая, но безъ гердости, одно изъ тѣхъ благородныхъ созданій, которыя ставятъ всю свою славу въ томъ, чтобы заслужить привязанность мужа, посвящаютъ ему и дѣтямъ весь свои дарованія, и мило, не для ослѣвленія постороннихъ, а для украшенія своего домашняго быту, для удовольствія и счастья милыхъ сердцу. Холодный, сырой воздухъ врывается въ растворенное окошко и предательски осушаетъ шю, плеча, грудь этой женщины; но она, въ задумчивости, не примѣчаетъ того; она стоитъ неподвижно, прислушиваясь къ малѣйшему шуму шаговъ, которые раздаются въ тишинѣ ночи; закло-

нельзя разсмотрѣть каждаго пролежка, идетъ съ трепещущимъ сердцемъ, не остановится ли онъ у дверей, и надрагиваетъ каждый разъ, когда услышитъ звонъ колокольчика. И такимъ образомъ она стоитъ не часъ, не два, а нѣсколько часовъ. Чего жъ она дожидается? Это жена, мать семейства : она ждетъ мужа, котораго страстно любить и за котораго бьется.

Эднъ Форстеръ, сирота хорошей фамили, известная въ свое время красавица, наследница капитала въ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, вышла замужъ за капитана Сентъ-Обайна по старинной методъ любви, любя его пламеннымъ сердцемъ девятнадцати-лѣтней дѣвушки, которая видѣла въ немъ предметъ своей первой, единственной, страсти. Капитанъ Сентъ-Обайнъ былъ братъ еспанціонской подруги; онъ обладалъ примѣчательной красотой, умомъ, благородствомъ характера, но, къ несчастію, у него въ головѣ гнѣздилась мысль объ одномъ важномъ процессѣ, который, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ непременно выиграть и разомъ обогатиться, если бы имѣлъ деньги на хлопоты; а какъ Сентъ-Обайнъ былъ бѣденъ, то онъ сдѣлался картежникомъ и, что почти всегда случается, совсемъ проигрался. Эднъ, свидѣтельница его отчаянія, въ эту минуту почувствовала болѣе чѣмъ когда-нибудь, что она питаетъ къ нему такого роду привязанность, которая рѣшаетъ судьбу всей жизни, и, не задумавшись, отдала ему свою руку. Сентъ-Обайнъ поклялся обожаемой женщинѣ никогда болѣе не играть въ карты, и держалъ слово. Но одна ли игра разорительна? Молодая чета, въ упоеніи любви и блаженства, позабыла про экономию, безпрестанно заботясь только о томъ, чтобы доставлять удовольствія другъ другу, и мало-по-малу истощила свое небольшое состояніе. Ктому жъ, капитанъ снова замянулъ о процессѣ : нашла одинъ адвокатъ, который поддерживалъ его воздушные замки и вѣдь вѣдомъ другу, желающего ему добра, вымани-

валъ у него деньги. Миссрисъ Сентъ-Обайнъ-запечатанъ наконецъ, что они видимо разоряются, но, не смѣя отвѣдывать мужа, потому что имѣние было ея, она только тѣмъ старалась отдалить роковую минуту, что начала соблюдать строжайшую экономію въ домѣ, не позволяя себѣ никакихъ удовольствій, отказываясь даже отъ необходимаго. Увы! что можетъ сдѣлать бережливость жены, если мужъ расточителенъ? На ту пору обманщикъ адвокатъ умеръ отъ апоплексіи, и по смерти его открылось, что онъ не сдѣлалъ ничего въ пользу процесса, а Сентъ-Обайнамъ пришлось опять расплачиваться. Эта послѣдняя издержка совершенно разорилъ семейство. Одинъ дальній родственникъ, котораго звали запросто братцемъ Джоффри, помогъ капитану, ссудивъ его небольшою суммою. Сентъ-Обайнъ, съ отчаянія, пошелъ въ картежный домъ, поставилъ все на одну карту и выигралъ. Въ немъ пробудилась уснувшая страсть: мечты и надежды возникли. На другой день снова пошелъ онъ играть, но счастье ему уже не благопріятствовало. На третій день онъ проигралъ не только все, что имѣлъ съ собою, но и послѣднія крохи состоянія жены своей, ея серги, кольца, домашнее серебро. Оставалась бездѣлица въ заемныхъ письмахъ въ какого-то банкира; но Сентъ-Обайнъ, терзаемый отчаяніемъ, въ одну безсонную ночь придумалъ вѣрный расчетъ, посредствомъ котораго надѣялся возвратитъ весь свой проигрышъ. Игроки очень похожи на помиданыхъ, особливо несчастные игроки, потому что несчастіе, во всякомъ случаѣ, ослабляетъ силу разсудка. Жена умоляла мужа не жертвовать послѣдней бездѣлкой; но куда годится бездѣлка, если и уцѣлеть? Сентъ-Обайнъ былъ увѣренъ въ своемъ расчетѣ, не послушался, ушелъ, и вотъ уже четвертый часъ ночи, а бѣдная женщина напрасно ждетъ его подъ раскрытымъ оконкомъ.

— Дверь въ комнату тихо отворилась, и прекрасная си-

надвѣтъ-лѣтняя дѣвушка, подойдя къ мистрисъ Сентъ-Обайнъ, спросила, не больна ли она. Та залилась слезами и не могла выговорить ничего, кромѣ словъ:

— Юлія!... твой отецъ!...

— Что съ нимъ, маменька? вскричала Юлія, поблѣднѣвъ и затрепетавъ всѣмъ тѣломъ.

Мать замѣтила свою неосторожность, обняла дочь, увѣряла, что съ отцемъ ея ничего не можетъ случиться, и успокоивая такимъ образомъ испуганную дѣвушку, дошла до того что и самой ей стало легче. Какъ вѣтокъ, поднимающій свою чашечку послѣ бури, Юлія приподняла голову съ груди матери и устремила на нее взглядъ, въ которомъ улыбалась любовь и надежда.

— Только-то? сказала она вполголоса. О, маменька! будьте увѣрены, что все пойдетъ хорошо. Ежели папенька такъ долго не возвращается, значитъ, что онъ выигрываетъ, можетъ-быть много. И почему жъ ему не выигрывать? Онъ такой умный!... О! я увѣрена, что папенька принесетъ много денегъ. Тогда ему наконецъ удастся доказать свои права по этому дѣлу, о которомъ онъ такъ давно хлопочетъ; мы опять разбогатѣемъ; у насъ опять будутъ и слуги, и экипажъ, и большой домъ; мы станемъ давать балы и совершенно затнимъ гордую тетеньку, леди Саквилль, и сестрицу Гертруду, которыя всё объ насъ такъ жалѣютъ. Какъ жала, что Бланки нѣтъ дома! и она бы вмѣстѣ съ нами порадовалась.

— Я ужъ поехала за Бланной, сказала мистрисъ Сентъ-Обайнъ, невольно улыбаясь вѣтреннымъ мечтамъ своей дочери. Но я боюсь, мой другъ, прибавила она со вздохомъ: что Бланна воротится не на радость и счастье, а на слезы и изгнаніе.

— А что жъ, маменька? подхватила Юлія: хоть бы намъ и въ самомъ дѣлѣ прошлось переехать въ Францію? Развѣ мы тамъ не можемъ быть счастливы? Говорятъ, во Франціи удивительно дешево жить. При-

— тоже мать Бланшети: уйдемъ дѣлать все, что кажи нужно, а вы, мамейна, я уверена, если бы вы попробовали, дѣлали бы все, что нужно для папеньки.

Мистрисъ Сентъ-Обайнъ опять не могла удержаться отъ улыбки.

— Сверхъ-того, продолжала Юлія: Бланша и я можемъ продавать свои рисунки. Гости, которые у насъ бывали, говорили всегда, что если бы мы захотѣли, то могли бы составить себѣ огромное состояніе художественными занятіями.

— Бѣдная Юлія! ты еще не знаешь какъ надобно ценить такіа слова.

— Но братецъ Джозефи? Онъ вѣдь не лстыць, а и онъ говоритъ тоже, что менъ слыли лучше всѣхъ, какія печатаютъ въ альманахахъ; что я могла бы разбогатѣть отъ своихъ сочиненій.

— Братецъ Джозефи, мнѣ кажется, влюбленъ въ тебя.

— Неужели?... Бѣдновѣкій!... Но станешь лучше говорить о нашемъ житьѣ. Бланша такая красавица! я уверена, что она выйдетъ замужъ за богатаго, добраго и прекраснаго герцога, или графа, или маркиза; да и я....

Юлія робко взглянула въ зеркало, и оно подтвердило недосназанную мысль дѣвочки, отразивъ въ себѣ прелестное лицо, освѣщенное; темными локонами, черные огненные глаза и малиновый ротикъ, въ которомъ былъ видѣнь рядъ жемчужныхъ зубовъ.

— Тсъ! шепнула мистрисъ Сентъ-Обайнъ, приближаясь, словно мертвая; я слышу поцѣлку твоего отца. Ступай въ свою комнату, Юлія. Я также уйду въ свою. Не то, онъ огорчится, что мы бездомались и ждали его такъ долго.

Посылавъ дочь, мать вошла къ себѣ въ спальню и легла въ постель. Первая мысль ея была — благодарность Провидѣнію, что мужъ наконецъ воротился; по-

тѣмъ она стала думать о развѣжъ его игрѣ, и составлять планы для будущаго, на случай ежели они въ конецъ разорились. Шумъ шаговъ въ комнатѣ надъ ея спальней показывалъ, что Сентъ-Обайнъ тоже не спитъ. Она услышала, что онъ выходитъ по лѣстницѣ, отвергаетъ дверь кабинета, который былъ подлѣ ея спальни, и потомъ опять удаляется. За этимъ наступила совершенная тишина : бѣдной женщинѣ съдѣлалось страшно, смутныя мысли начали тѣсниться ей въ голову, сердце задылось кровью, душа что-то предчувствовала. Не владѣя собой, мистрисъ Сентъ-Обайнъ встала и пошла въ кабинетъ, куда входилъ мужъ ея. На столѣ лежить лоскутокъ бумаги. Она беретъ и читаетъ:

«Прощайте мои милые! я васъ навсегда оставляю. Чувствую, что друзья охотнѣе вамъ помогутъ, когда съ вами не будетъ недостойнаго, который былъ причиною всѣхъ вашихъ несчастій.»

Бумага выпала изъ рукъ мистрисъ Сентъ-Обайнъ, голова ея закружилась. Однако же она не совершенно потеряла присутствіе разсудку, и, чувствуя, что всякая улетающая секунда можетъ нанести роковой ударъ, бросилась въ комнату мужа.

Дверь была не плотно затворена. Несчастная вошла и остановилась въ темномъ углу, хотѣла говорить, не могла : языкъ не повиновался, голосу не было, дыханіе прерывалось, сердце трепетало. Мужъ ея сидѣлъ тутъ. Вѣроятно, онъ собирался итти куда-то, потому что на немъ была шинель и шляпа. Мистрисъ Сентъ-Обайнъ не видѣла лица его : онъ сидѣлъ наклонившись. Руки его судорожно дрожали, изъ стиснутыхъ губъ вылетали звуки отчаянія. Наконецъ онъ всталъ и, не замѣчая жены, подошелъ къ окошку, взглянулъ на небо, отвернулся и хотѣлъ итти изъ комнаты, но дойдя до дверей, сталъ на порогъ, отгинулся назадъ, упалъ на колѣни и нѣсколько минутъ стоялъ въ этомъ положеніи, не произнося ни слова.

— Господи! скажэдъ онъ наконецъ : Господи! защити ихъ!... будь отцомъ моимъ дѣтямъ!... Дѣти! жена! милыя мои!... простите! завѣки простите!

Ксчастію, въ это время два ручья слезъ облегчили грудь мистрисъ Сентъ-Обайнъ. Она бросилась къ мужу, обняла его и прижала къ себѣ съ безумною радостью человека, который вдругъ нашелъ потерянное сокровище. Сентъ-Обайнъ, въ испугъ, вскочылъ и устремилъ на нее глаза, но она висѣла у него на шеѣ, даскала его и насильно вытащила на середину комнаты.

— Другъ мой! говорила она : жизнь моя! душа моя! чѣмъ я это заслужила? Лучше убей меня съ разу; это будетъ гораздо милостивѣе, чѣмъ предать меня медленнымъ мукамъ отчаянія, которыя кончатся тоже смертью....

Голосъ ея перервался, и она, безъ чувствъ, упала къ ногамъ Сентъ-Обайна. Онъ вздрогнулъ : ему въ самомъ дѣлѣ показалось, что она уже умерла. Несчастный поднялъ ее, положилъ на софу, сталъ на колѣни. Горячія слезы мужчины оросили блѣдное лицо женщины, которая была для него такъ драгоценна. Онъ смотрѣлъ на нее при лунномъ сіяніи, пробовалъ, бьется ли ея сердце.... Нѣтъ! оно не бьется, это нѣжное сердце, которое такъ любило его! и эта рука, расточавшая ему ласки, уже не отвѣчаетъ его пожатію! эти уста, которыя никогда на него не роптали, не произносятъ ни слова!... Умерла! умерла!... Сентъ-Обайнъ позабылъ все другія горести и свое намѣреніе, позабылъ цвѣтѣи свѣтъ.

— Эдмъ! Эдмъ! вскричалъ онъ, въ отчаяніи.

Но она не подавала ни малѣйшаго признаку жизни.

— Эдмъ!...

Луна по-прежнему обливала своимъ серебрянымъ свѣтомъ помертвелое лицо женщины. Эдмъ лежалъ бездыханна и недвижима. Сентъ-Обайнъ напрасно при-

смотривался и прислушивался. Ничего! въ комнатѣ тихо, какъ въ могилѣ.

— Боже мой!... Эднень!...

Онъ почти безъ памяти обхватилъ обѣими руками тѣло жены своей, и, судите объ его радости! она открыла глаза и вполголоса произнесла его имя. Стоя на колыняхъ, несчастный признался ей, что онъ не могъ долѣе переносить своего положенія, что безропотное терпѣніе ея еще больше усугубляло упреки его собственной совѣсти, что, наконецъ, онъ рѣшился бѣжать.

— Бѣжать!... Боже мой, да куда же бѣжать? Чтѣ ты надъ собой хотѣлъ сдѣлать?

— Отчаяніе дѣйствуетъ безъ плана, моя милая. Я хотѣлъ только бѣжать, а тамъ, скитаться ли нищимъ, или умереть,— всё-равно! лишь бы не быть причиною новыхъ несчастій моего семейства. Я думалъ, что друзья станутъ охотнѣе помогать вамъ, когда меня съ вами не будетъ. Я оставилъ тебѣ письмо къ братцу Джофри: онъ, вѣрно, возьметъ васъ подъ свое покровительство.

— Но теперь, мой другъ, ты ужъ бросилъ это ужасное намѣреніе: не правда ли? То, чтѣ было всего хуже въ нашей судьбѣ, теперь миновало: мы пережили самое горькое. Будущность намъ улыбается: мы еще насладимся счастіемъ. Мы уѣдемъ въ Францію, ставемъ жить въ бѣдности, въ униженіи, но виѣсть. Развѣ этого мало для насъ?

— А наши дѣти, Эднень?

— Чтѣ жъ, наши дѣти? Да будетъ надъ ними благословеніе Божіе! Юлія и Бланка такъ неприхотливы, добры; я увѣрена, что онѣ будутъ совершенно довольны возлѣ отца и матери; а Ліонель.... Но мы объ немъ подумаемъ: кто-нибудь изъ нашихъ друзей поможетъ ему прожить въ Оксфордѣ до окончанія университетскаго курса.

Не станемъ повторять всего, о чемъ говорили не-

счастливые и въ то же время счастливые супруги. Бѣдный Сентъ-Обайнъ спалъ въ эту ночь покойнѣе, нежели во многія предъидущія ночи, когда голова его была наполнена мучительными думами о томъ, какъ бы поправить свое состояніе. Теперь эти думы исчезли, надежды поблекли, желанія умерли, но въ ушахъ его раздавался сладкій голосъ Эдионъ, и сердцу было какъ-то легко.

Между-тѣмъ сама Эдионъ провела всю ночь въ бессонницѣ, плакала о прошедшемъ, съ трепетомъ помышляла о будущемъ.... Но что прошедшее? что будущее? Ей надо было думать о настоящемъ: одно настоящее, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, должно быть предметомъ всѣхъ ея попеченій. Эдионъ понимала это, и, осушивъ слезы, рано утромъ вышла изъ своей комнаты: передъ ней была перспектива хлопотливаго, тяжелаго дня. Одно изъ самыхъ важныхъ дѣлъ, которыя надо было устроить, состояло въ томъ, что въ этотъ самый день оканчивался срокъ ихъ квартиръ, а хозяйка, женщина вздорная и корыстолюбивая, напередъ уже объявила, что не позволитъ имъ прожить у себя ни однихъ лишнихъ сутокъ, если они не заплатятъ за цѣлый мѣсяць. Мистрисъ Сентъ-Обайнъ послала къ ней Юлію: дѣвушка возвратилась съ отвѣтомъ, что мистрисъ Крибберъ ни подъ какимъ видомъ не соглашается на отсрочку; и щеки дѣвушки горѣли какъ жаръ, на глазахъ трепетали слезы; замѣтно было, что хозяйка наговорила ей дерзостей. Оскорбленная мать рѣшилась идти сама. Съ безпокойствомъ, она, бѣлой рукой своей, дернула колокольчикъ у дверей мистрисъ Крибберъ и съ отвращеніемъ вошла въ ея грязныя комнаты. Странно было видѣть вмѣстѣ этихъ двухъ женщинъ: одна, высокая, благородная, въ утреннемъ кисейномъ шафрокѣ, стояла посреди комнаты и говорила гармоническимъ голосомъ; другая, какой-то деревянный обрубокъ, въ изорванномъ ситцевомъ платьѣ, съ мужице-

натымъ лицомъ, надъ которымъ торчали салыныя пачильотки изъ-подъ грязнаго полотнянаго чепчика, сидѣла на обломанномъ диванѣ и отвѣчала ей отвратительнымъ карканьемъ.

— Хорошо! сказала наконецъ мистрисъ Сентъ-Обайнъ, стараясь сохранить видъ спокойствія, тогда какъ отчаяніе грызло ея бѣдное сердце: мы выѣдемъ сегодня же изъ вашего дому. Но я поставлю себѣ обязанностью предупредить всѣхъ нашихъ друзей, чтобы они не имѣли дѣла съ женщиной, которая такъ далека отъ всякой вѣжливости.

— Ваши друзья! закричала мистрисъ Крибберъ. Ха-ха-ха! ваши друзья!... Хороши ваши друзья!... Вотъ друзья! прибавила она, выдернувъ изъ кармана кошелекъ и звеня деньгами.

Мистрисъ Сентъ-Обайнъ не слыхала этихъ послѣднихъ словъ, потому что была уже въ корридоръ. Она вышла отъ хозяйки твердою поступью, но когда добралась до своихъ покоевъ, то униженіе, которое ей суждено было перенести отъ этой ничтожной женщины, совершенно лишило ее присутствія духа, и она со слезами упала на грудь своей доброй Юліи.

Въ полдень Провилъніе послало имъ неожиданную утѣху. Вся семья, въ томъ числѣ и Бланка, возвратившаяся отъ леди Саквилль, сидѣла въ тѣсномъ кружку и горевала, не зная, какъ выйти изъ затрудненія: вдругъ послышался стукъ у воротъ. Сентъ-Обайнъ выглянулъ изъ окошка и вскрикнулъ отъ радости.

— Это онъ! Самъ Богъ посылаетъ намъ Джоффри. Я соберу всѣ свои силы, чтобъ просить его о пособіи.

Братецъ Джоффри былъ высокій и нѣсколько дородный мужчина, очень пріятной наружности, которая съ перваго взгляду располагала всякаго въ его пользу. Недостатокъ волосъ на головѣ раскрывалъ выпуклости, которыя, по мнѣнію френологовъ, заключаютъ въ себѣ органы добродушія и любезности; лобъ его былъ вы-

сокъ, черты лица правильны, выраженіе физиономіи благородное и откровенное, голосъ твердый и рѣшительный, но пріятный. Вообще, въ братцѣ Джоффри было все, чтó нравится въ свѣтскомъ мужчинѣ, а люди, знавшіе его коротко, увѣряли, что онъ и по дунѣ заслуживалъ того уваженія, той пріязни, которыя внушалъ своимъ обращеніемъ. За нимъ была одна слабость: онъ хотѣлъ чтобы всѣ думали, будто ему въ самомъ дѣлѣ столько лѣтъ, сколько кажется по лицу, то есть, около тридцати девяти, тогда — какъ старинные друзья его говорили, что онъ уже лѣтъ десять увѣряетъ, будто ему тридцать девять лѣтъ.

Связь его съ семействомъ Сентъ-Обайнъ началась съ давняго времени. Когда еще Бланка и Юлія были дѣтьми, онъ нянчилъ ихъ на колыбельхъ и болталъ съ ними по цѣлымъ часамъ; онъ любилъ прислушиваться къ ихъ дѣтскому лепету: его плѣняла ихъ красота и врожденная граціозность; въ ихъ ребяческихъ разговорахъ онъ находилъ отраду и удовольствіе, которыхъ напрасно искалъ въ свѣтскихъ обществахъ. Мистрисъ Сентъ-Обайнъ, не имѣя большаго знакомства, была очень рада видѣть у себя челоуѣка образованнаго, знавшаго всѣ примчія свѣта. Братецъ Джоффри долго путешествовалъ и прекрасно говорилъ по-французски и по-италіански. Въ бесѣдахъ съ своими молодыми подругами, онъ выправлялъ ихъ французскій выговоръ и шутилъ научалъ ихъ понимать италіанскій языкъ. Душою любилъ обѣихъ прекрасныхъ дѣвочекъ, онъ, кажется, обнаруживалъ однако же нѣкоторое предпочтеніе къ Юліи. Онъ называлъ ее своей маленькой женой, своей чернобровой куколкой, своей красавицей. Юлія улыбалась на эти ласки, принимая ихъ съ дѣтскою радостью и довѣренностью. Но, пришло время, братецъ Джоффри сталъ употреблять ихъ рѣже, только тогда, когда былъ на-единѣ съ Юліей, и Юлія перестала ужъ улыбаться, начала стыдиться, краснѣть. Иногда ей бы-

вало даже какъ-будто страшно слышать подобная названія, и она нѣсколько разъ хотѣла сказать брату Джоффри, чтобы онъ вовсе не употреблялъ ихъ, но боялась показаться не благодарною или жеманною.

Наконецъ, когда Юлія, изъ маленькой дѣвочки, сдѣлалась взрослою дѣвницей, ей стало казаться, что братецъ Джоффри питаетъ къ ней чувство совсѣмъ не такое, какъ къ Бланкъ. Легкомысленная не могла устоять противъ врожденной суетности : ей было очень пріятно видѣть себя предметомъ вниманія такого мужчины, какъ братецъ Джоффри; но она любила его по-прежнему, по-ребячески, смотрѣла на него, какъ на друга своего дѣтства, отдавала справедливость его уму, вкусу, прекрасному обращенію, а никогда не думала поощрять любви его.

Внезапное появленіе брата Джоффри въ бѣдственную минуту, нанесло ей какой-то непонятный ударъ. Она вскочила и убѣжала въ свою комнату. « Боже мой! думала она : братецъ Джоффри поможетъ батюшка единственно изъ любви ко мнѣ. О! я готова заплатить ему за это всѣмъ, чѣмъ онъ захочетъ, готова быть ему другомъ, служанкой, но.... любить его какъ мужа.... этого я не могу. »

— Юлія! Юлія! кричалъ братецъ Джоффри, подойдя къ лѣстницѣ, которая вела вверхъ, въ ея комнату : подите сюда. Маменька имѣетъ въ васъ нужду.

Бѣдной дѣвушкѣ показалось, что въ голосѣ Джоффри есть что-то необыкновенное. Она вздрогнула. Не сватается ли онъ?... Юлія рѣшилась отказать на-отрѣвъ, и, однако жъ, — кто растолкуетъ эти причуды женскаго сердца? — прежде нежели спустилась съ лѣстницы, подошла къ зеркалу, чтобы поправить свою прическу.

Но войдя въ общую комнату, она застала тамъ одну мать.

— Ахъ! что такое? не новое ли несчастіе? вскричала она, увидѣвъ, что мистрисъ Сентъ-Обайнъ плачетъ.

— Нѣтъ, моя милая, отвѣчала та: это слезы не горести, а благодарности. Братецъ Джоффри... О! какъ онъ добръ, великодушенъ! Богъ да благословитъ его! Братецъ Джоффри сдѣлалъ болѣе, нежели мы смѣли надѣяться. Онъ не сталъ ждать, чтобы отецъ твой началъ просить его, а самъ вызвался на все, безъ всякой просьбы. Онъ тотчасъ же далъ денегъ, сколько надобно на переездъ нашъ въ Францію, обѣщалъ помогать и впередъ, взялъ на свое попеченіе бѣднаго Лиюнея, а теперь пошелъ вивствъ съ отцомъ разсчитаться съ хозяйкой.

— Богъ да благословитъ его! повторила Юлія, вполголоса, отирая слезы.

— Ахъ, Юлія! продолжала мать: теперь наконецъ я вижу, какъ онъ тебя любитъ. Онъ твой, совершенно твой, если бы ты еще побольше ободрила его привязанность, то я увѣрена....

— Побольше, маменька! Да развѣ я ободряла его привязанность?

— Конечно, моя милая. Ты всегда показывала, что тебѣ пріятно его вниманіе, ты дарила ему свою лучшую работу, аккуратно переписывалась съ нимъ, когда онъ бывалъ въ отсутствіи, всегда очень радовалась, когда онъ пріѣзжалъ.

Юлія залилась слезами. Она не могла равнодушно слышать, что мать съ такимъ спокойствіемъ говорить о ея бракѣ съ Джоффри.

— Маменька! вскричала она, бросаясь на грудь мистрисъ Сентъ-Обайнъ: пощадите меня! не принуждайте! Я люблю брата Джоффри, уважаю его; но.... это не то! я не могу быть ему женой.

Мистрисъ Сентъ-Обайнъ въ смущеніи посмотрѣла на дочь свою, но въ это время вошелъ братецъ Джоффри и объявилъ, что хозяйка, изъ уваженія къ его прекрасному экипажу, позволяетъ имъ остаться еще на одинъ день въ ея домѣ. Юлія, при первой возможности, ушла

вверхъ, гдѣ Бланка приготовляла все къ отъѣзду, и двѣ молодыя дѣвушки имѣли между собой разговоръ, въ которомъ послѣдняя не безъ удивленія услышала, что слезы, рыданія, всхлипыванія и всѣ прочія принадлежности ужаснаго отчаянія, съ какими Юлія вошла въ комнату, были только слѣдствіемъ мысли, что, можетъ-статься, за нее хочеть свататься братецъ Джоффри.

— Полно правда ли это? сказала Бланка, которая съ своей стороны не замѣтила никакихъ «явныхъ признаковъ страсти» брата Джоффри и была расположена болѣе посмѣяться надъ суетностью сестры своей, нежели сожалѣть объ ея несчастіи.

— Онъ, кажется, сказала она, никогда не говорилъ, не писалъ ничего такого, изъ чего бы ты могла заключить, что онъ думаетъ на тебѣ жениться.

— Это правда, отвѣчала Юлія: но онъ на меня такъ смотритъ, такъ со мной обращается...

— Ха-ха-ха! Не сердись, милочка, что я разсмѣялась, сказала Бланка, цалуя сестру. Но ежели ты привязываешься къ такимъ бездѣлицамъ, то что же было бы съ тобой въ свѣтъ? Тамъ всѣ мужчины смотрятъ и говорятъ, словно влюблены по уши, а отвернутся, — и горя мало! Въ каждомъ углу они болтаютъ одно и то же, каждой женщинѣ строятъ куры. Это ужъ такъ водится! и если ты станешь вѣрить всѣмъ ихъ пустякамъ, такъ будешь ужась смѣшна. Да, Юлія, тебѣ не мѣшало бы немножко познакомиться съ превратностями жизни, прибавила Бланка, съ важностью, на которую, по ея мнѣнію, она имѣла полное право, потому что прогостила три недѣли у тетки своей, леди Саквилль, на чельтенгемскихъ водахъ.

— Спасибо тебѣ, мой ангелъ! отвѣчала Юлія: ты меня успокоила. А то я было ужъ рѣшилась откровенно поговорить съ братцомъ Джоффри: мнѣ казалось, что лучше заранѣе предупредить его о моемъ образѣ мыслей,

тѣмъ довести до того чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, котораго я не могу принять.

— Ай, ай! что ты это? Боже тебя избави! Ты такъ поставила бы себя въ пресмѣшное положеніе. Вотъ тебѣ однажды навсегда правило : не говори ничего такого, о чемъ у тебя не спрашиваютъ. Куда бы ты дѣлась отъ стыда, если бы высказала ему все, что у тебя на умѣ, а онъ притворился бы не понимающимъ, или спросилъ: «Да съ чего вы это взяли, сударыня?»

— Въ-самомъ-дѣлѣ!.... Ахъ, Боже мой, какъ я глупа! Что бы я надѣлала? Не понимаю, какъ мнѣ пришла въ голову эта мысль? Однако же я всё-таки буду съ нимъ какъ-можно холоднѣе.

— Холоднѣе? подхватила Бланка : холодиѣе съ тѣмъ, кому мы такъ много обязаны! Полно, Юлія! суетность тебя сводитъ съ ума. Пойдемъ внизъ, и, ради Бога, будь по-прежнему ласкова съ братцомъ Джоффри. Не бойся ничего.

— Но ты не оставишь меня съ нимъ одну.

— Не бойся, говорю тебѣ.

Бланка обняла Юлію и насильно увлекла въ комнату, гдѣ Сентъ-Обайнъ и жена его разговаривали съ братцомъ Джоффри. Последний описывалъ свое свиданіе съ мистрисъ Крибберъ и помиралъ со смѣху, перерывавшая ея ухватки.

— Я не замѣчаю, чтобы онъ очень тосковалъ отъ любви къ тебѣ, шепнула Бланка на ухо Юліи, которая потупила глаза и не отвѣчала ни слова.

Между-тѣмъ-разговоръ шелъ своимъ чередомъ, и веселость брата Джоффри какъ-будто возрастала съ каждой минутой. Юлія слушала его съ замѣшательствомъ, и только изрѣдка взглядывала на сестру, отвѣчавшую ей лукавой улыбкой, какъ-будто желая сказать, что она теперь еще болѣе прежняго убѣждена въ его равнодушіи. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли такъ притворяться? можно ли такъ спокойно говорить о скоромъ отъѣздѣ Сентъ-

Обойдешь во Францію, сможешь разлука съ Юліей ему тяжела? Наконецъ, онъ подошелъ къ Бланкъ, съ нѣжностью взявъ ее за руку, и сталъ благодарить за всѣ удовольствія, которые доставляло ему ея общество.

— Вамъ, милая Бланка, и вашей сестрицѣ, я обязанъ счастливейшими часами моей жизни, сказалъ онъ: и вы, конечно, не откажетесь принять отъ меня эту бездѣлку, въ залогъ той искренности, съ которою я васъ благодарю.

Онъ вынулъ изъ кармана двѣ коробочки съ жемчужными уборами, и, подавая ихъ Бланкъ, прибавилъ въ полголоса:

— Когда вы надѣнете на себя одинъ изъ этихъ уборовъ, то пусть ваши мысли хоть на минуту обратятся къ человѣку, который готовъ бы самъ броситься въ море за этимъ жемчугомъ, чтобы показать вамъ и вашей сестрицѣ, какъ нѣжно онъ обвѣхъ васъ любить. Вы, Бланка, старшая, такъ вы и выбирайте, что вамъ больше понравится; а мое сердце не умѣетъ васъ различить.

«Не умѣетъ различить! подумала Юлія. Такъ этакъ-то онъ меня любить! Я для него тоже, что Бланка.»

И когда эта мысль зародилась въ умъ молоденькой дѣвушки, то на глазахъ ея выступили слезы, а щеки покрылись румянцемъ оскорбленной гордости. Между тѣмъ Бланка раскрыла обѣ коробочки, начала хвалить вещи, благодарила брата Джофри, и спрашивала его мнѣнія, которая изъ двухъ феронверокъ будетъ ей больше къ лицу. Досадуя на себя за новое чувство, которое закралось ей въ душу, Юлія подошла, чтобы помочь Бланкъ въ выборѣ, и сказала:

— Какъ намъ благодарить васъ, любезный братецъ, за все, что вы дѣлаете? Вѣрно, куда бы мы не уехали, у насъ не будетъ такого друга.

— Полноте, сестрица! отвѣчалъ Джофри. Человѣка иногда цѣнятъ тѣмъ выше, тѣмъ меньше онъ для насъ дѣлаетъ.

Юлія похвасталась. Въ лицѣ и голосѣ брата Джозефи было выраженіе гордости, которая ее поразила. Считая его своимъ обожателемъ, она не находила въ немъ ничего привлекательнаго и не признавала его достойнымъ своей руки; но когда открылось, что она была въ заблужденіи, что братецъ Джозефи совсѣмъ о ней и не думаетъ, онъ сдѣлался ей и милъ и любезенъ и уменъ и даже хорошъ.

— Позвольте, сестрица, сказалъ между-тѣмъ братецъ Джозефи: посмотримъ, какъ эта френъерка будетъ сидѣть на вашей прекрасной головкѣ. Надѣньте, пожалуйста.

Юлія взяла френъерку, надѣла, и съ удовольствіемъ замѣтила передъ зеркаломъ, что это ей очень къ лицу.

— Видите, братецъ, сказала она: что на мнѣ это не такъ хорошо, какъ на Бланкѣ? Она блонкура, а цвѣтъ лица у блонкурыхъ ничего не теряетъ, даже и въ сравненіи съ жемчугомъ.

Маленькая кокетка не разъ слышала, какъ братецъ Джозефи говаривалъ, что на его глаза, смуглыя и черноволосыя дочери юга несравненно прекраснѣе свѣрновыхъ женщинъ, у которыхъ, подъ блонраморнымъ цвѣтомъ кожи, лежитъ холодное, ледяное, сердце, и потому вовсе не была приготовлена услышать слѣдующій отвѣтъ:

— Извините, сестрица! Я не отдаю брюнеткамъ безусловнаго преимущества надъ блондинками. Напротивъ, я готовъ утверждать, что блондинки вообще меньше тщеславны, меньше самолюбивы, и что свѣтлыя волосы, близна лица и тонкій румянецъ означаютъ прекрасный женскій характеръ, а въ голубыхъ глазахъ есть что-то небесное.

Сказавъ это, братецъ Джозефи отвернулся къ столу, взялъ гитару и запѣлъ вполголоса старинную французскую пѣсню: *Les yeux noirs et les yeux bleus*, — и когда дошелъ до послѣднихъ стиховъ, въ которыхъ гово-

рится, что «черные глаза означают хитрость, а голубые добродушіе», то пожалъ руки обвѣмъ сестрамъ и примолвить:

— Какъ бы то ни было, мои безцѣпныя сестрицы, а вашу нежной трубадуръ равно любить и добродушіе и хитрость, когда они олицетворились въ такихъ милыхъ созданіяхъ. Вонъ, ваша папенька съ маменькой гуляютъ въ саду: пойдите и мы туда же.

— Сейчасъ, отвѣчала Бланка: только я сбѣгаю приказать кой-что насчетъ укладыванія нашихъ вещей.

— Чѣтъ, сестрица, останьтесь. Милая Юлія, вѣрно, будетъ столько добра, что сдѣлаетъ это за васъ, а мнѣ надобно посоветоваться съ вами о новыхъ сѣдинахъ, которыя у меня показались.

Юлія пошла вверхъ и дорѣгою думала: «Какъ я глупа! просила сестру не оставлять меня съ нимъ наединѣ, а онъ и самъ этого не желаетъ!» Юлія отдала приказанія горничной, подошла къ окошку и увидѣла, что братецъ Джоффри, прогуливаясь подъ-руку съ Бланкой, вдругъ остановился и подаетъ ей цвѣтокъ. «Я не чувствую къ нему ни малѣйшей любви, сказала она мысленно: но не могу не сознаться, что онъ прекрасный мужчина. Понравиться ему — большая честь для всякой женщины! Я имѣла самолюбіе приписывать себѣ побѣду и — глупая! жалѣла объ этомъ! Слава Богу, что онъ ничего не знаетъ. Надѣюсь, Бланка не перескажетъ ему о моемъ дурачествѣ. Но, странно, что и маменькѣ пришло въ голову, будто бы онъ влюбленъ въ меня. Впрочемъ, матери часто бываютъ ослѣплены.... Однако жъ, что это значитъ?.... Онъ идетъ за ворота! Какъ! неужели онъ уѣдетъ, не простившись со мной!»

Юлія побѣжала внизъ и, признаться, была бы въ большомъ затрудненіи, если бы мать спросила у нея, куда она такъ свѣзнить и отчего раскраснѣлась. Но мистрисъ Сентъ-Обайнъ сказала, что братецъ Джоффри

повъхалъ съ мужемъ ея дѣлать кой-какія покупки, хлопотать о паспортѣ, и воротится вмѣстѣ съ нимъ къ обѣду. Въ самомъ дѣлѣ, когда наступило время садиться за столъ, прекрасный экипажъ брата Джоффри остановился у воротъ, и онъ съ Сентъ-Обайномъ вошли въ комнату, неся множество узловъ и свертковъ съ разными вещами, нужными для дороги. Тутъ послѣдовала новая сцена благодарности. Братецъ Джоффри былъ такъ невженъ, такъ заботливъ, такъ предупредителенъ, что не забылъ никакой бездѣлки. Онъ накупилъ всего, что могло понадобится отъѣзжающимъ, взялъ мѣсто на пакетботъ, отправлявшемся въ Діеппъ, нанялъ лошадей для перевозки багажу въ гавань, и обѣщалъ самъ пріѣхать завтра рано поутру, чтобъ доставить туда Сентъ-Обайновъ въ своемъ экипажѣ. Мистрисъ Сентъ-Обайнъ и двѣ дѣвушки со слезами благодарили его, и чувство, которое проникло при этомъ случаѣ въ сердце Юліи, было уже не простая признательность, не простое уваженіе, дружба, но почти любовь.

Послѣ обѣда, сестры, оставивъ отца и мать съ братомъ Джоффри въ одной изъ заднихъ комнатъ, стояли въ гостиной подъ раскрытымъ окномъ, обращеннымъ на дворъ. Кустъ розановъ широко разросся у самой стѣны дому, и какъ окно было въ нижнемъ этажѣ, то вѣтви съ распустившимися цвѣтами совершенно скрывали двухъ дѣвушекъ и врывались въ комнату. Вдругъ, Бланка и Юлія услышали громкій голосъ, который показался имъ обѣимъ знакомымъ. Вскорѣ затѣмъ тяжелые шаги раздались на крыльцѣ, двери начали хлопать, и въ комнату вошелъ, или, если угодно, вбѣжалъ высокій молодой человекъ, очень красивой наружности, но въ одеждѣ чрезвычайно дурнаго вкуса, съ усамн, съ цѣпочками при нижней пуговицѣ жилета, и съ большими пучками кудрей, висящими на затылкѣ и на вискахъ нѣтъ-подъ шляпы, надѣтой на-сторону. Хлыстъ,

аниоры и сѣрый слой пыли на шатъ, показывали, что онъ прѣхалъ издалека.

— Лионель! вскричали объ дѣвушки въ одинъ голосъ: Лионель! ты ли это? откуда взялся? какимъ образомъ?

— Прѣхалъ верхомъ, милочки, отвѣчалъ молодой человѣкъ. А вы?... а! sub rosa!

Въ семнадцать лѣтъ дѣвица расцвѣтаетъ
Какъ роза, пышный лѣтній цвѣтъ,
И, кромѣ розы, не встрѣчаетъ
Соперницы — въ семнадцать лѣтъ!

И говоря это, молодой человѣкъ дернулъ одну длинную вѣтку, отчего розовые листочки посыпались на обѣихъ дѣвушекъ.

— Послушайте, однако жъ, прибавилъ онъ, давъ каждой изъ нихъ по поцѣлюю и обхвативъ обѣихъ за тонкія талии: послушайте, мои розы, лилей, фіалки и прочая! я васъ не выпущу до-тѣхъ-поръ, пока вы не дадите мнѣ слова, что меня не задумаютъ нравоченіями.

— Ай! ай! закричала Юлія, стараясь вырваться изъ неосторожныхъ объятій: перестань, Лионель! Здѣсь братецъ Джоффри. Неравно онъ войдетъ: на что мы похожи.

— Но дадите ли слово?

— Пусти меня!

— Даете ли слово? Не то, не пушу, а такъ вотъ и поведу васъ обѣихъ въ ту комнату.

— Ну, хорошо, я согласна, отвѣчала Юлія въ испугъ.

— Пожалуй и я тоже, примолвила Бланка.

— Вепе. Такъ не смотрите же на меня словно испуганные зайцы, а скажите лучше, нѣтъ ли у насъ чего новаго? Что pater? что mater? получили ли мои письма? какъ думаютъ о томъ, что я очень вылинялъ?

— Вылинялъ? я не понимаю, что ты хочешь сказать, отвѣчала Бланка. Говори яснѣе.

— Ахъ, какъ я рада что ты прѣехалъ! повторила между-тѣмъ Юлія, не заботясь о неясности рѣчей Ліонеля, а только радуясь его прибытію. Маменька хотѣла къ тебѣ писать.

— Да, писать, подхватилъ молодой человѣкъ: чай, все наставленія, проповѣди. Вотъ то-то и есть! А я вылинялъ.

— Да что ты все твердишь «вылинялъ»? спросила опять Бланка. Что это значитъ?

— Вылинялъ?... О милая простота! блаженная невинность! Ха-ха-ха-ха!

— Ну, Ліонель! ты нынче престранный: совсѣмъ переѣвился съ того времени, какъ былъ здѣсь. Я бы тебя не узнала, если бы встрѣтила гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Что на тебѣ за сюртукъ? Весь изношенный, выпачканный.

— Это изношенный? Помилуй, Бланка! Это самый модный сюртукъ, какой только есть въ цѣломъ Оксфордѣ; это мой первый номеръ.

— Боже мой! До чего ты дошелъ! Что скажетъ маменька!

— Маменька можетъ сказать что ей угодно. Я вылинялъ.

— Опять вылинялъ! Да растолкуешь ли ты намъ, что это такое?

— Ха-ха-ха! Онѣ все не понимаютъ. Вылинялъ, моя милая, значитъ неприятное состояніе человѣка, когда его надобно.... какъ бы сказать? надобно его, какъ старую мѣдную кастрюлю, полудить. Тетерь понимаешь ли?

— Полудить?

— Да, полудить. Вѣдь ты знаешь, что такое полуда? Ну, какъ не знать? ты здѣсь хозяйничаешь, по семи разъ въ день бѣгаешь въ кухню.

Объ дѣвушки съ изумленіемъ смотрѣли на Ліонеля,

а онъ улыбался съ видомъ сожалѣнія къ ихъ просто-сердечію.

— Такъ, извольте видѣть, сказалъ онъ : дѣло идетъ, какъ я имѣлъ смѣлость замѣтить, о полуженіи, о полудѣ. А самая лучшая вещь послѣ полуды, это ссуда. Только, чтобы пользоваться ссудою, надо имѣть кредитъ. Теперь ясно ли ?

— Ахъ, Ліонель! ты говоришь что-то мудреное. Ты задолжалъ ? Такъ ли ?

— Такъ, такъ, моя умница ! Вотъ, видишь, какъ это не трудно понять : только надо стараться. Примѣчаніе и вниманіе, — съ ними преодолѣваются все науки. Но это бы еще ничего, что я задолжалъ ; а то худо, мои канареечки, что мнѣ перестаютъ вѣрить въ долгъ.

— Боже мой ! Боже мой ! И ты говоришь объ этомъ такъ равнодушно ! сказала Бланка. Но знаешь ли, Ліонель, что папенька и маменька сами теперь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ? Они рѣшились посылать къ тебѣ только по полтора ста фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

— Полтора ста фунтовъ въ годъ ! ты съ ума сошла, Бланка.

— Нимало. И мнѣ кажется, что полтора ста фунтовъ очень довольно, чтобъ жить приличнымъ образомъ.

— Вотъ мило ! Да развѣ я хочу жить приличнымъ образомъ ? Съ чего они взяли ? Мнѣ надо вино : я человѣкъ меланхолическаго расположенія.

Меня всегда терзаетъ скука,
Мнѣ жизнь — тоска, мнѣ время — мука,
И веселитъ меня одно
Креманъ, шампанское вино !

какъ говоритъ Молли Джонсъ, очень милая дѣвочка : она живетъ подлѣ меня, недалеко отъ университета, въ той же улицѣ, на углу, въ четвертомъ этажѣ.

— Ліонель ! что ты болтаешь ? Если бы ты зналъ.....

— Про Модли? О! я все знаю. Да мнѣ какая надобность?

— Если бы ты зналъ, въ какомъ положеніи наше семейство!

— А что?

— Мы разорились. Папенька съ маменькой говорятъ, что имъ нечѣмъ бы было жить, если бы не братецъ Джоффри. Онъ помогъ намъ, и мы завтра ѣдемъ въ Діеппъ, чтобъ тамъ кое-какъ существовать небольшимъ доходомъ съ дому, который только одинъ и уцѣлѣлъ отъ всего имѣнія.

— Какъ?... Неужели?

— Да, Ліонель! это къ сожалѣнію сушая правда. Мы, просто, нищіе.

— Нищіе! вскричалъ дрожащимъ голосомъ молодой человекъ. Бѣдная матушка! батюшка!

На глазахъ его выступили слезы, а щеки, за минуту до того свѣжія и румяныя, покрылись смертною блѣдностью.

— Бѣдная матушка!.... Разорились!.... Нищіе! повторялъ онъ, повѣсивъ голову и закрывши лицо руками.

Бланка сама испугалась этой внезапной переменъ и хотѣла его утѣшить, но онъ ничего не слушалъ и побѣжалъ въ ту комнату, гдѣ сидѣли его отецъ и мать съ братцомъ Джоффри.

Несмотря на вѣтренность и нескромную жизнь, Ліонель былъ въ душѣ добрый, честный, благородный и чувствительный малый. Онъ искренно уважалъ своихъ родителей и нѣжно любилъ сестеръ, особливо Бланку, которая пользовалась нѣкоторымъ на него вліяніемъ, потому что была благоразумнѣе и солиднѣе чѣмъ Юлія самъ онъ. Послѣ трогательной встрѣчи съ отцомъ и матерью, онъ со слезами обнялъ брата Джоффри и старался, сколько можно порядочнѣе, выразить ему чувство своей признательности за помощь, которую тотъ

оказалъ всему ихъ семейству. За этимъ послѣдовалъ, какъ водится, семейный разговоръ : толки о будущемъ образѣ жизни, планы, соображенія, совѣты, наставленія. Все кончилось тѣмъ, что братецъ Джоффри, узнавъ количество долговъ, надѣланныхъ Лионелемъ, далъ ему займы двѣсти фунтовъ стерлинговъ, для расплаты съ своими кредиторами, и Лионель, полу-веселый, полу-печальный, простился и уѣхалъ, шепнувъ Юліи : — «Будь ласкова съ братцомъ Джоффри; люби его : онъ лихой малой. Я безъ него вылинялъ бы еще пуще.»

Проводивъ сына, мистрисъ Сентъ-Обайнъ отправилась съ Бланкой сдѣлать еще кой-какія покупки, самъ Сентъ-Обайнъ ушелъ въ свой кабинетъ, и братецъ Джоффри остался на-единъ съ Юліей. Она была глубоко растрогана его поступкомъ съ Лионелемъ, но еще медлила выразить свои чувства, потому что помнила оскорбленіе, нанесенное ей дѣвичьей суетности, и думала, что благодарность ея не будетъ имѣть значительной цѣны въ глазахъ брата Джоффри. Между-тѣмъ братецъ Джоффри сидѣлъ у стола и разсматривалъ гравюры, на которыхъ были представлены хорошенькія женскія головки. Казалось, онъ вовсе не замѣчаетъ ея присутствія : новое оскорбленіе для кокетки! Она подошла къ фортепіано и заиграла вальсъ : онъ всё не обращаетъ вниманія. Она запѣла какую-то народную пѣсню : тоже. Наконецъ, Юлія подошла къ столу, наклонилась къ книгѣ, которую разсматривалъ братецъ Джоффри, и улыбнулась.

— А! это головка въ томъ родѣ, которая вамъ такъ нравится : блондинка безъ самолюбія и тщеславія.

— Да, безъ самолюбія и тщеславія, отвѣчалъ братецъ Джоффри, шутливымъ тономъ, отдвигая длинныя, темныя локоны Юліи, которые упали на гравюру. Это лицо, прибавилъ онъ, не смотрѣло бы равнодушно на разлуку съ человѣкомъ, для котораго такъ долго была мила его улыбка. Мнѣ кажется, что въ глазахъ этихъ

есть слезы, что эти щеки готовы поблѣднѣть отъ со-
страданія къ горести ближняго.

— Не знаю, почему вы приписываете это однимъ го-
лубымъ глазамъ, возразила Юлія. Я думаю, напротивъ,
что чувствительное и признательное сердце можетъ
быть такъ же и у брюнетки, какъ у блондинки.

Братецъ Джоффри взглянулъ на Юлію : изъ глазъ
ея текли слезы, щеки ея были блѣдны.

— Юлія! вскричалъ онъ : лучше бы вы рѣзвились
надъ жерломъ огнедыщущей горы, чѣмъ шутить стра-
стями моего бѣднаго сердца. Вы теперь смотрите на
меня такими глазами, какъ-будто вамъ и въ самомъ
дѣлѣ грустно. Ежели вы меня обманываете, ежели это
притворство, о! въ такомъ случаѣ вы ужасная, злая
кокетка.... Но я не хочу вѣрить этому. Нѣтъ! кокет-
ство не можетъ быть такъ очаровательна.

— Братецъ, сказала Юлія : дружба, которую я....

— О! перебилъ Джоффри : не говорите мнѣ о друж-
бѣ. Зачѣмъ говорить о ней человѣку, который обожаетъ,
боготворить васъ! Послушайте, Юлія, прибавилъ онъ,
взявъ ея дрожащую руку : мы завтра разстанемся и
долго не будемъ опять одни. Скажите мнѣ, можете ли
вы принять сердце, въ которомъ любовь къ вамъ не
угаснетъ до послѣдней минуты жизни? можете ли вы
отдаться человѣку, который готовъ умереть за васъ?
можете ли вы любить, уважать и дѣлать только то-
го.....

Въ эту минуту послышались шаги мистрисъ Сентъ-
Обайнъ, и братецъ Джоффри выпустилъ руку Юлія,
а она поспѣшно убѣжала къ себѣ наверхъ. Запершись
въ своей комнатѣ, бѣдная дѣвушка начала горько пла-
кать : мысль, что пустое, но неизвѣннтельное кокет-
ство можетъ навязать ей мужа, котораго она не лю-
битъ, или нанести рану чувствительности человѣка,
который питаетъ къ ней самую пламенную любовь и
который сверхъ-того другъ ея семейства, благодѣтель

ея отца, матери, брата и собственный ея благодѣтель, — эта мысль пробудила въ ней чувство стыда и привела ее въ краску.

На другой день всѣ встали раньше обыкновеннаго и тотчасъ собрались къ отъезду. Братецъ Джоффри сдержалъ слово, являсь за нѣсколько минутъ до назначеннаго времени. Юлія ясно видѣла, что ему хочется возобновить вчерашній разговоръ и тщательно старалась избѣгнуть этого, а какъ женщины, по словамъ знатоковъ, всегда успѣваютъ въ томъ, чего желаютъ, то и ей было не трудно успѣть въ своемъ желаніи. Братецъ Джоффри, видя, что ему никакъ не удастся остаться на-единѣ съ Юліей, взявъ лежавшую на столѣ карту, и сказавъ, что хочетъ загадать ей загадку, написалъ нѣсколько словъ и подалъ Юліи. Дѣвушка прспѣшице отошла къ окну, потому что ту же минуту почувствовала, какъ щеки ея налились горячимъ румянцемъ. Всѣ, кромѣ Джоффри, были въ суетахъ и не могли заикнуть, что съ нею дѣлается. На картѣ были написаны слѣдующія слова :

«Подумайте хорошенько о томъ, что я вамъ вчера говорилъ. Въ мои лѣта было бы безразсудно обратиться къ вашимъ родителямъ, не увѣрившись напередъ, что вы согласны. Роль отчаяннаго любовника простительна только юношѣ. Оставьте въ секретъ все происшедшее между нами. Помните, что я добровольно отказываюсь отъ наслажденія васъ видѣть, отъ всего, что мнѣ дорого. Для васъ единственно остаюсь я въ Англии, чтобы заботиться о Міонелѣ, хлопотать по дѣлу вашего батюшки и устроить, какъ я надѣюсь, достаточное состояніе для всего вашего семейства. Одна награда, которой я прошу за это : пріймите меня ласково, когда я приѣду въ Діеппъ.»

Юлія съ ужасомъ увидѣла, что рука ея была цѣной всѣхъ услугъ брата Джоффри для ихъ семейства. Первая мысль ея состояла въ томъ, чтобы тотчасъ же

сказать ему, какъ невозможно пожертвованіе, котораго онъ отъ нея требуетъ; но она вспомнила о Либеллѣ, объ отцѣ и матери, обо всемъ, и остановилась. Не вѣне того, боясь, чтобъ молчаніе ея не было принято за согласіе, она хотѣла написать отвѣтъ братцу Джоффри, и съ этимъ намѣреніемъ сѣла къ столу, взяла перо и бумагу, хотѣла начать... и не знала съ чего. Братецъ Джоффри подошелъ къ ней, взялъ изъ дрожащей руки ея свою карту и тихонько кинулъ ее въ огонь. Юлія подняла на него глаза и увидѣла, что онъ блѣденъ, какъ мертвый. Ей хотѣлось успокоить его какимъ-нибудь знакомъ, но онъ поспѣшно отворотился въ другую сторону. Между-тѣмъ коляска подѣхала къ крыльцу: всѣ засуетились, говоря: «Пора! пора ѣхать!» — и Юлія, не написавши ни слова, должна была, вмѣстѣ съ прочими, принять услугу брата Джоффри, который подавалъ дамамъ шали, салоны и другія дорожныя принадлежности.

— Богъ тебя наградить, мой другъ! сказалъ Сентъ-Обайнъ сквозь слезы, пожимая руку братцу Джоффри. Благодарите его, Эдиель! благодарите, дѣти! Прощай, мой любезный, незабвенный братъ, благодѣтель! Доставь намъ удовольствіе обнять тебя какъ-можно скорѣй въ нашемъ изгнаніи.

— Но всѣ ли будутъ мнѣ рады? спросилъ братецъ Джоффри.

Отъ отвѣту на этотъ вопросъ зависѣла судьба его. Юлія, увлекаясь чувствомъ благодарности, вскричала: О! разумѣется всѣ.

— Благодарю васъ, Юлія, сказалъ братецъ Джоффри, взявъ ея руку и крѣпко прижимая ее къ губамъ. Она догадалась, какъ онъ перетолковалъ ея невольное восклицаніе, и въ замѣшательствѣ шепнула: «Радъ Бога! позвольте мнѣ поговорить съ вами.» Но братецъ Джоффри не слышалъ этого; кому же мистрисъ Сентъ-Обайнъ плакала и просила его за Либеллѣ; онъ дол-

женъ былъ оборотиться къ ней, а черезъ нѣсколько минутъ все семейство катилось уже въ спокойной коляскѣ брата Джоффри, тогда какъ онъ самъ, оставшись у подъезда, махалъ имъ платкомъ и провожалъ ихъ глазами, до тѣхъ поръ пока могъ видѣть.

На пакетботѣ, который понесъ Сентъ-Обайновъ къ берегамъ Франціи, было множество пассажировъ, въ томъ числѣ одинъ высокій и сухошавый старикъ, съ преспѣсивой походкой и важной физиономіей, которому сопутствовали четыре, также высокія, блѣдурыя, сѣроглазыя дочери. Они цѣлую ночь провели на палубѣ, то прогуливаясь, то сидя около своей кладн, на которой было написано аршинными буквами имя «Вайтгедъ.» Намъ надобно познакомиться съ ними короче, потому что они будутъ играть не маловажную роль въ дальнѣйшемъ развитіи этой исторіи. Сэръ Цезарь Вайтгедъ былъ отставной военный, получалъ половинное жалованье, и этимъ, не блестящимъ, доходомъ, съ присовокупленіемъ къ нему бѣздѣлки, которою леди Вайтгедъ пользовалась отъ своего хутора въ Ирландіи, содержалъ въ Діеппѣ семейство, состоявшее изъ жены и семи взрослыхъ дочерей. Бѣдность не мѣшала однако жъ ихъ расположенію къ роскоши : Вайтгеды хотѣли казаться людьми съ достаткомъ и подражать богачамъ. Это отчасти облегчалось для нихъ необыкновеннымъ характеромъ, которымъ ихъ наградила природа. Всѣ они были удивительно смышлены и храбры, не обращали вниманія на нѣкоторыя условія общества и умѣли какъ-то извлекать пользу изъ ничего. Дѣвушки, напримѣръ, сами мастерили башмаки, чулки, платья, шляпки, для себя и для матери, съ необычайною быстротой, изъ старыхъ матеріаловъ, но всегда по самой послѣдней модѣ, съ величайшимъ изяществомъ и нарядностью. Даже сэръ Цезарь, — подъ секретомъ, разумѣется, — не имѣлъ другаго портнаго, кромѣ своихъ рукодѣльныхъ дочекъ, и ежели его фраки, панталоны

живеты, не отличались особенной ловкостью покроя и чистотой шва, зато нельзя опровергнуть той истины, что никто болѣе его не хвастался своимъ костюмомъ, плодомъ трудолюбія и досужливости его потомства. Говорятъ даже, будто дочери завѣдывали также батюшкиной прической, и упражняли свое остроуміе въ вырѣзываніи для него изъ бумаги воротничковъ, которые нельзя было узнать съ полотняными, но во всякомъ случаѣ, къ чести ихъ надо замѣтить, что сэръ Цезарь Вайтгедъ всегда казался очень щеголевато одѣтымъ, если на него смотрѣли въ извѣстномъ разстояніи.

Объ экономіи, которую наблюдало это примѣчательное семейство въ своемъ житѣ, и говорить нечего: никакое описаніе не дастъ о ней вѣрной идеи. Еще за долго до того времени, когда Діеппу суждено было сдѣлаться колоніей безденежныхъ англійскихъ джентльменовъ, Вайтгеды купили тамъ за дешевую цѣну большой старыи домъ; который досужія миссъ Вайтгедъ собственноручно расписали, обили, вызолотили и убрали въ изящнѣйшемъ вкусѣ. Вечеромъ это жилище казалось великолѣпнымъ, и съ перваго взгляду никакъ нельзя было замѣтить фантазмагоріи. Только время и опытъ открывали наконецъ, что подушки набиты соломой, на полахъ не ковры, а расписанная клеенка, шкапъ не съ книгами, а съ доской, на которой нарисованы книжные переплеты, стѣнные часы — произведеніе той же кисти, мебель — подкрашенная, занавѣсы — мнимо-кисейные; однимъ словомъ, въ домѣ Вайтгедовъ все было мнимое, обманчивое, устроенное только для виду, отъ сушеной травы, которую досужія миссъ Вайтгедъ разливали въ видѣ чаю, до снятаго жидкаго молока, въ которое ихъ искусныя ручки подмѣшивали муку, чтобъ оно играло роль густыхъ сливокъ.

Но съ помощью этой фантазмагоріи, сэръ Цезарь Вайтгедъ выдавалъ себя за знатнаго человѣка, а жена

го безпрестанно толковала о своемъ ирландскомъ ба-
онствѣ, и находились люди, которые имъ вѣрили, или
ритворялись, что вѣрятъ, потому что нѣкоторыя изъ
миссъ Вайтгедъ были не дурны, а для французскихъ
офицеровъ, квартировавшихъ въ Діеппъ, всё-таки ве-
злѣе было проводить время съ этими дѣвушками, чѣмъ
между собой, въ дымящихъ казармахъ. Такимъ обра-
зомъ домъ сэръ Цезаря сдѣлался извѣстнымъ во всѣхъ
юлкахъ : въ немъ всегда толпилось нѣсколько егерей,
гренадеровъ, артиллеристовъ, которые любезничали
съ прекрасными Англичанками, позволяли себѣ гово-
рить имъ все, что приходило въ голову и читали съ ни-
ми Богъ-знаетъ какія книги. Подъ ихъ руководствомъ
перемчивыя миссъ Вайтгедъ сдѣлались философками,
либералками, вольнодумками, и какъ полки, квартиро-
вавшіе въ Діеппъ, перемѣнялись всякую зиму, то обу-
чался въ послѣдовательномъ порядкѣ въ разныхъ пол-
кахъ, онѣ приобрѣли множество разнообразныхъ свѣ-
дѣній, научившись, между-прочимъ, кое-какъ болтать
по-нѣмецки, по-итальянски и по-испански, смотря по
тому, Нѣмцы, Италиянцы, или Испанцы были въ чис-
лѣ офицеровъ, проводившихъ у нихъ каждый ве-
черь.

Бланка и Юлія не могли не обратить вниманія на
это семейство. Четыре дѣвицы Вайтгедъ, въ шляпкахъ,
которыя издали казались соломенными, а въ самой
вѣщи были изъ тисненой бумаги, павлинились преумо-
рительнымъ образомъ, свысока поглядывали на дру-
гихъ пассажировъ, громко разговаривали между собой,
повторя безпрестанно имена герцоговъ, графовъ, мар-
кизовъ; потомъ начинали перешоптываться, оправляли
одна на другой пелеринки и съ любопытствомъ смо-
трѣли на одного молодого Англичанина, который про-
хаживался взадъ и впередъ мимо того мѣста, гдѣ си-
дѣли Сентъ-Обайны. Въ наружности этого молодого
человѣка было что-то аристократическое : высокій

ростъ, стройный станъ, ловкія удвѣтки, правильныя черты, нѣжный цвѣтъ лица и мягкіе свѣтлорусые волосы, въ красивыхъ кольцахъ раскинутые надъ бѣлымъ лбомъ и голубыми глазами, показывали въ немъ человека знатнаго происхожденія. Сверхъ-того этотъ прекрасный незнакомецъ имѣлъ при себѣ не меньше прекраснаго товарища, большую ньюфундлендскую собаку, которая то слѣдовала за своимъ господиномъ, то живописно лежала на палубѣ и не сводила съ него своихъ умныхъ глазъ. Четыре дѣвицы Вайтгедъ попеременно смотрѣли на него въ два лорнета, съ мѣдными ручками и разбитыми стеклами, которые представляли нѣчто въ родѣ мозаики и, вѣроятно, давали не очень правильное понятіе о предметахъ. Онъ часто шептали что-то сэръ Цезарю, и сэръ Цезарь, въ качествѣ папеньки, который былъ долженъ охотиться за женами, наконецъ нашелъ способъ заговорить съ незнакомцемъ, подразнивъ украдкой его собаку, такъ, что она начала лаять на его дочерей.

— Цезарь! молчать! закричалъ незнакомецъ, стараясь усмирить своего ньюфундленца.

— Цезарь? съ удивленіемъ повторилъ счастливый родитель семи дочерей. О! такъ мнѣ надобно познакомиться съ теской. Очень пріятно, сэръ, сказалъ онъ, подойдя къ незнакомцу и сильно трясъ его руку: меня зовутъ также Цезаремъ. Сэръ Цезарь Вайтгедъ, имѣю честь рекомендоваться. Пріимите въ ваше расположеніе....

И говоря это, сэръ Цезарь продолжалъ изъ всей мочи трясти руку незнакомца, съ присовокупленіемъ къ тому величественныхъ поклоновъ и благосклонныхъ улыбокъ. Незнакомецъ молча отвѣчалъ на его привѣтствія.

— Я хочу самъ, непременно самъ, представить васъ моимъ дочерямъ, сказалъ наконецъ сэръ Цезарь: позвольте узнать ваше имя.

— Монтегио Вайндемъ, отвѣчалъ незнакомецъ.

— А! мистеръ Вайндемъ! миссъ Вайтгедъ, миссъ Антонія, миссъ Джеральдина, миссъ...

Замѣтно было, однако жъ, что сэръ Цезарю, ожидавшему услышать отъ знакомящаго какое-нибудь древнее дворянское имя съ графскимъ или герцогскимъ титуломъ, было непріятно называть его просто «мистеръ». Дѣвицы Вайтгедъ, послѣ обыкновенныхъ обрядовъ перваго знакомства, тотчасъ раздвинулись и усадили Вайндема между собой, такъ, что молодому человѣку было бы трудно вырваться, тѣмъ болѣе, что сэръ Цезарь, помѣстившись насупротивъ, рѣшительно загородилъ ему дорогу. Бланка и Юлія видѣли всѣ эти фокусы, и послѣдняя изъ нихъ принимала большое участіе въ молодомъ человѣкѣ, потому что она ужъ давно примѣчала за нимъ, и подъ вліяніемъ своего дѣвичьяго кокетства и любопытства, старалась отгадать, кто онъ таковъ и влюбленъ ли онъ, или свободенъ. Между тѣмъ небо покрылось тучами; сталъ накрапывать дождикъ. Всѣ пассажиры, одинъ за другимъ, начали удаляться въ каюту: только Вайтгеды, привыкшіе переносить бури въ жизни, мужественно удерживали свою позицію, ограничились тѣмъ, что спрятали свои бумажныя шляпки въ картонныя коробки и покрылись яркоцвѣтными, но изорванными, платочками. Юлія и Бланка сошли за другими внизъ, гдѣ отецъ и мать ихъ сидѣли съ самого отплытія пакетбота изъ гавани. Скоро явился туда и Вайндемъ. Между людьми хорошаго общества есть какъ-будто условныя примѣты, по которымъ они, съ перваго взгляду узнаютъ другъ друга. Всѣ они, менѣе или болѣе, знакомы между собою: одного встрѣчали въ свѣтъ, о другомъ слышали, третьяго знаютъ потому, что онъ мавѣстенъ всѣмъ. Такъ точно и Сентъ-Обайцъ съ молодымъ Вайндемомъ, хотя до сихъ поръ ни когда не видали другъ друга, тотчасъ же замѣтили, что они, какъ говорится, одного поля ягоды.

Перемена погоды и прекрасный Нью-Фундлендъ легко подали поводъ къ разговору. Сентъ-Обайнъ, съ истинно-англійскимъ примодушнѣмъ, замѣтилъ, что дождикъ очень великъ, а Вайндемъ, съ такою же вѣрностью характеру своей націи, отвѣчалъ, что скоро опять разгуляется. Потомъ перешли къ собакамъ, къ ея красотѣ, къ ея удивительнымъ способностямъ; пересчитали всѣхъ извѣстныхъ собакъ, принадлежащихъ или принадлежавшихъ разнымъ богатымъ и знатымъ людямъ. Это навело ихъ на разговоръ о лондонскомъ обществѣ, произнесено было нѣсколько знаменитыхъ именъ, но молодой человекъ говорилъ только о будущемъ, а не о прошедшемъ : казалось, что прошедшее для него вовсе не существуетъ, и хотя по всему было видно, что онъ принадлежалъ къ высшему сословію, однако жъ ни одна изъ его рѣчей не обнаружила, чтобы у него были связи въ знатномъ кругу, а когда Юлія, нетерпѣливо желавшая проникнуть настоящее положеніе молодаго человека, старалась заставить его проговориться, то онъ сказалъ, вздохнувши : « Чтò касается лично доменя, я только потомокъ Адама и Евы, не болѣе ».

Наконецъ перемена погоды вызвала нѣкоторыхъ пассажировъ опять на открытый воздухъ. Вайндемъ, вышедъ на палубу и былъ тотчасъ атакованъ Вайтгедами, которые въ нѣсколько голосовъ заговорили съ нимъ съ разныхъ сторонъ. Сэръ Цезарь успѣшилъ объяснить ему причину постояннаго пребыванія своего на палубѣ, которая причина состояла въ томъ, что онъ не заплатилъ за право быть въ каютѣ.

— Въ каютѣ всегда толпа такого народу, съ которымъ неприлично быть моимъ дочерямъ, сказалъ онъ : миссъ Вайтгедъ очень разборчивы, понимаете? Жена моя, леди Вайтгедъ, никогда не простила бы мнѣ, что я ввелъ ихъ въ общество черни, и это очень естественно, потому что леди Вайтгедъ близкая родственница лейсттерскому епископу и лорду Гренди, понимаете ?

Молодой человекъ едва ли понималъ силу доказательствъ краснорѣчиваго сэръ Цезаря, но зато онъ почувствовалъ къ нему искреннее состраданіе, когда этотъ знатный господинъ жаловался, что на палубѣ нельзя имѣть ничего горячаго, а между-тѣмъ онъ и дочери его очень прозябли. Сдѣлавшись съ шкиперомъ, Вайндемъ уговорилъ Вайттедовъ спуститься въ каюту, велѣлъ подать чаю и пригласилъ ихъ принять въ немъ участіе. Любезность его простиралась дотого что онъ пригласилъ также и Сентъ-Обайновъ сдѣлать честь его холостой пирушкѣ. Тѣ не имѣли причинъ отказать. Всѣ сѣли вокругъ стола. Миссъ Вайттедъ долго мѣрля глазами Юлію и Бланку, но сэръ Цезарь, услышавъ, что Сентъ-Обайнъ знакомъ съ нѣкоторыми вельможами, о которыхъ онъ самъ зналъ по газетамъ, нашелъ, что дочери его безъ униженія своего достоинства могутъ быть въ этомъ обществѣ, и все пошло какъ-нельзя лучше, подъ веселымъ предсѣдательствомъ молодаго Вайндема.

Между-тѣмъ въ другомъ углу каюты сидѣли толстая женщина и худенькій, блѣдный, щедущій мужчина.

— Годнотъ, сказала первая: что жъ въ самомъ дѣлѣ? неужели я должна сидѣть тутъ одна, какъ кукушка, когда другіе пассажиры такъ веселятся? Вотъ Богъ наказалъ меня муженькомъ! И цѣлую-то жизнь нянчиться съ такимъ безсловеснымъ!....

— Полно, душенька! отвѣчалъ благополучный супругъ этой прелестной особы: полно, мой ангелъ! ты себя разстроишь, будешь больна. Что же мнѣ надобно дѣлать?

— Что ему дѣлать? Вотъ прекрасный вопросъ! Что ему дѣлать? Ты видишь, что на жену твою не обращаютъ вниманія, и спрашиваешь еще, что тебѣ дѣлать? Стыдись, сударь! Пошолъ! скажи этой компаніи, кто я. Высокородная мистрисъ Годнотъ не такая женщина, на которую можно не обращать вниманія. Слышишь?

Слышу, моя душечка, слышу; но....

— Что тамъ за но?

— Но сэръ Цезарь и безъ того знаетъ, кто ты, моя душечка.

— Ну такъ что жъ? Ты видишь, что онъ веселиться съ этими пассажирами, а я торчу здѣсь одна. Отчего это? Оттого что ты заранѣе не разговоришься съ сэръ Цезаремъ. Тебѣ надо было давно съ нимъ сойтись, такъ жена твоя и не дремала бы въ этомъ углу! Пошолъ, говорю! скажи имъ, что высокородная мистрисъ Годнотъ желаетъ присоединиться къ ихъ обществу. Или нѣтъ! стой! ты не сумѣешь. Я пойду сама.

— Ахъ, пожалуйста, моя душечка!

«Уродъ!» проворчала мистрисъ Годнотъ, и вставши съ своего мѣста, хотѣла подойти къ нашимъ прежнимъ знакомцамъ, какъ вдругъ пароходъ дрогнулъ, и она, наткнувшись на своего маленькаго супруга, отскочила назадъ.

— Ты вѣчно суешься подъ ногами! сказала она сердито.

— Но ты, моя душечка....

— Ты! ты!

Мистрисъ Годнотъ была готова поколотить мужа; однако жъ, нечего дѣлать! ей прійшлося оправлять свой туалетъ, прежде нежели она могла подойти къ столу, гдѣ Вайтгеды, можно сказать, отдавали полную справедливость чаю, булкамъ, жаркому и другимъ яствамъ, которыми угощаль ихъ любезный незнакомецъ.

— Вѣроятно, вы не знаете этихъ жалкихъ Годнотовъ? сказалъ сэръ Цезарь, наклонившись къ уху Вайндема, и въ то же время таща съ блюда кусокъ говядины.

— Папенька, позвольте мнѣ куриную ножку, сказала миссъ Антонія.

— А тебѣ, Джеральдина? спросилъ предусмотритель-

ный папенька, удовлетворивъ просьбу одной дочери и обращаясь къ другой: тебѣ что, Джеральдина?

— Мнѣ крылышко, папенька.

Сэръ Цезарь положилъ ей крылышко, и отвернувшись опять къ Вайндему, повторилъ свой вопросъ:—Вѣрно вы не знаете этихъ бѣдняжекъ Годнотовъ и не захотите съ ними знакомиться?

— Почему жъ? Кто они?

— Мистрисъ Годнотъ, отвѣчалъ сэръ Цезарь едва выговаривая слова, потому что ротъ его былъ набитъ говядиной: мистрисъ Годнотъ жена того блѣднаго карлика, что пошелъ, вонъ видите, въ заднюю каюту. Я знакомъ съ ними, но такъ, не коротко, понимаете? Они бываютъ у леди Вайтгедъ, но какъ жена моя, по своимъ связямъ, не можетъ принимать всякого, понимаете? то я и писалъ къ епископу лейстерскому, чтобы онъ меня увѣдомилъ, знаетъ ли онъ Годнотовъ, потому что они непременно должны быть ему извѣстны, ежели только что-нибудь значатъ. Но его степенство отвѣчаетъ мнѣ, что онъ ихъ не знаетъ, никогда и не слыхивалъ, рѣшительно никогда.

— Но кто же они такіе? спросилъ опять Вайндемъ.

— Они, отвѣчалъ сэръ Цезарь: они, вотъ видите, я могу рассказать вамъ это очень подробно. Мистрисъ Годнотъ была прежде гувернанткою или нянькой въ домъ лорда Мекъ-Севиля, шотландскаго пера. Случилось однажды, что лордъ отлучился изъ замка, а она въ это время и обвинчалась съ полу-умнымъ девятнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, вторымъ его сыномъ, высокороднымъ Александромъ Скантилендсомъ. Лордъ, возвратившись домой, разумѣется, очень разсердился, велѣлъ любезную невѣстуху согнать со двора, а высокородный Александръ Скантилендсъ простудился и умеръ, оставивъ послѣ себя молодую вдову, высокородную мистрисъ Скантилендсъ. Чтобы утѣшить себя въ этомъ преждевременномъ вдовствѣ, бѣдняжка переѣхала въ

Брайтонъ, наняла себѣ домъ на берегу моря, стала принимать гостей, выдавала себя за богатую женщину, и съ помощью такой штуки и имени высокородной мистрисъ Скантилендсъ, подцѣпила въ мужья какого-то стараго холостяка изъ низкаго происхожденія, по имени мистеръ Годнотъ. Они переселились во Францію и живутъ теперь въ Діеппѣ, гдѣ завели у себя родъ трактира, и держатъ нахлѣбниковъ. Мистрисъ Годнотъ выдаетъ себя Французамъ за настоящую леди, и старается всячески, чтобы ее считали самою знатной Англичанкой въ цѣломъ Діеппѣ. Но жена моя, леди Вайтгедъ, получивши извѣстіе отъ епископа, что его сестрство не знаетъ Годнотовъ, удержалась отъ короткихъ связей съ этой дамой. Впрочемъ, леди Вайтгедъ самая добрѣйшая, снисходительнѣйшая женщина въ цѣломъ мірѣ, и потому мы всё-таки иногда бываемъ у Годнотовъ на вечерахъ, которые они даютъ по вторникамъ.

— А весело на ихъ вечерахъ? спросилъ Вайндемъ, который, какъ казалось, желалъ войти въ это общество, надѣясь видѣть тамъ любопытныя сцены.

— Нѣтъ, отвѣчалъ сэръ Цезарь: чего вы хотите? Бываетъ музыка, экартѣ; но, между нами сказать, общество очень сѣренькое: смѣсь Французовъ и Англичанъ, фанты. Леди Вайтгедъ и я, никакъ бы не могли допустить, чтобы наши дочери ѣздили въ такой домъ, но молодежь хочетъ веселиться, понимаете? и мы были принуждены....

— Но у нихъ должно быть пресесело, сказалъ Вайндемъ. Я непременно познакомлюсь съ этими Гугенотами, Гогентотами, Годнотами, какъ вы ихъ называете?

— Будьте осторожны, мой другъ, отвѣчалъ сэръ Цезарь, пріятельски положивъ руку ему на плечо. Про Годнотовъ идетъ очень не хорошая слава. Разумѣется, я съ своей стороны ничего не говорю, понимаете? и леди

Вайтгедъ тоже ничего не говоритъ. Но берегитесь, чтобъ они васъ не поддѣли. Я ихъ знаю.

— О нѣтъ! я не боюсь быть обманутымъ. Что жъ касается до злословія, то мнѣ какое дѣло? в притомъ я такъ ничтоженъ, прибавилъ молодой человекъ, взглянувъ на Юлію: что злословіе, вѣрно, не обратитъ на меня никакого вниманія. Нѣтъ, я непременно съ ними познакомлюсь.

Юлія не проронила ни слова и внутренно сердилась на прекраснаго незнакомца за его малодушіе. Между тѣмъ сэръ Цезарь, пошептавшись немощко съ Антоницей, вдругъ обратился къ Вайндему съ совѣтомъ, совершенно противоположнымъ тому, что онъ говорилъ прежде.

— Впрочемъ, обдумавши все хорошенько, скажутъ онъ: обсудивши ваше положеніе въ Діеппѣ, гдѣ вы не имѣете никого знакомыхъ, я нахожу, что вамъ, точно, всего лучше нанять квартиру у Годнотовъ, и ежели вы согласны, то мое посредничество....

— А какъ они меня поддѣнутъ? перебилъ Вайндемъ.

— Вспомните, отвѣчалъ сэръ Цезарь: вѣшайте, мой молодой другъ, что я съ своей стороны про нихъ ни слова не говорю. Напротивъ, долгъ справедливости требуетъ сказать, что у насъ въ Діеппѣ, изъ всѣхъ тѣхъ, кто беретъ къ себѣ нахлѣбниковъ, это самые лучшіе люди, превосходные люди!

— А нехорошая слава? злословіе?

— Злословіе? Отъ него въ Діеппѣ никакъ не уйдете. Народъ все праздный: больше нечего дѣлать, какъ злословить. Но что касается до Годнотовъ, имъ надобно отдать справедливость, я не слышалъ, чтобъ они про кого говорили.

Въ это время мистрисъ Годнетъ, послѣ маленькой перебранки съ мужемъ, высладала его къ собесѣдникамъ.

— Вотъ и прекрасно! вскричалъ сэръ Цезарь: мистера

Годнотъ самъ къ намъ подходитъ. Здравствуйте сэръ! мое почтеніе! я только-что про васъ говорилъ: всё ужь ждалъ вогъ этого молодца господина, моего искреннаго пріятели, чтобы онъ шелъ къ вамъ въ нахлебники.

— Покорно благодарю.... Много чести, отвѣчалъ Годнотъ, пискливымъ и слабымъ голосомъ. Милости прошу завтра откушать, если.... если, прибавилъ онъ робко оглядываясь назадъ: мистрисъ Годнотъ.... утвердить мое приглашеніе.

Но мистрисъ Годнотъ, давно уже слѣдя за Вайндемомъ, успѣла возъиметь о немъ высокое мнѣніе, и потому безъ малѣйшаго спору подтвердила приглашеніе мужа, наговоривъ молодому человѣку тысячу равныхъ любезностей, между-тѣмъ какъ сэръ Цезарь, отвѣдая сторону Антонію, шепталъ ей:

— Да! тебѣ пришла очень счастливая мысль. У Годнотовъ нѣтъ дочери, такъ ему тамъ не въ кого будетъ влюбиться, и, сверхъ-того, когда онъ будетъ у нихъ жить, то мы, по знакомству съ нимъ, еще чаще прежняго: станемъ ходить изъ Годнотамъ. Точно! тебѣ пришла счастливая мысль. Этотъ молодой человѣкъ, по кому видно, долженъ быть очень богатъ и хорошей семьи: слѣдственно, намъ не стыдно.... Желалъ бы я, чтобы онъ влюбился въ Джеральдину.

Антонія, насчетъ этой послѣдней статьи, имѣя свою теорію, но промолчала, мысленно давая себѣ обѣтъ спустить противъ Вайндема всѣхъ гонимыхъ вожетства, хотя бы вѣрный родитель оттого лопнулъ съ досады. Машутинъ небо снова одѣлся тучами, подулъ ветерокъ, море заволновалось.... Прошло полчаса, и вода, къ изумленію сухопутныхъ жителей, пльвшихъ на пароходъ, начала со всѣхъ сторонъ подниматься огромными массами, которыя шумѣли, боролись между собою и всплескивались на налубу. Наступила страшная буря. Всѣ струсили: кто падаетъ въ обморокъ, кто бросается на колѣни, кто блѣднѣетъ и дрожитъ, принимаясь

въ углу. Самъ шкиперъ перепугался, потому что онъ былъ очень жалкій морякъ, а пароходъ и экипажъ не подавали ему большой надежды. Только Вайтгеды, которые, какъ мы ужъ замѣтили, были привычны къ разнаго роду бурямъ, опять сохранили спокойствіе, и выбѣжавши на палубу, въ общей суматохѣ, похватили чужія вѣщи, шали, салоны, платки, разумѣется, все ошибкою и съ полной готовностью возвратить хозяевамъ, ежели съищутся «таковые». Но буря становилась поминутно сильнѣе, сильнѣе; безпорядокъ увеличивался; пароходъ трещалъ; страшныя, косматыя волны рѣзали и ходили черезъ палубу, пассажиры кричали въ отчаяніи, а шкиперъ и матросы ничего не дѣлали, перепугавшись болѣе своихъ пассажировъ. Въ эту минуту всеобщаго ужаса, Вайндемъ явился на шканцахъ и звучнымъ голосомъ, котораго не могла заглушить сама буря, закричалъ шкиперу:

— Стыдись! прилично ли Англичанину трусить моря? Женщины плачутъ и просятъ помощи, а ты не трогаясь съ мѣста! — Пьяницы! продолжалъ онъ, обернувшись къ матросамъ: что вы стоите? что не работаете? По мѣстамъ, негодяи! Если вашъ шкиперъ баба, такъ слушайте меня! Я беру на себя команду. Надежда не потеряна; мы еще можемъ спастись. Помогай мнѣ, кто боится Бога и любитъ ближняго.

— Я хочу вамъ помогать! сказалъ нѣжный голосъ подлѣ Вайндема.

Оглянувшись, молодой человекъ увидѣлъ Юлію, которая стояла, словно вдохновенная, съ разгорѣвшимся щеками и огнемъ во взглядѣ.

— Вы?... что вы можете сдѣлать?

— Что-нибудь.... все.... Только научите.

— Хорошо! сказалъ Вайндемъ: подите же къ этимъ плачущимъ женщинамъ, успокойте ихъ, сведите въ каюту, будьте ихъ ангеломъ-утѣшителемъ, пока я стану здѣсь употреблять всѣ свои силы, чтобъ спасти пароходъ.

Юлія исполнила волю молодого человека. Между тѣмъ онъ командовалъ экипажемъ : матросы очнулись отъ своего ужасу и бездѣйствія; вдали ужъ видна была діеппская гавань; но наступила ночь, гавань исчезла въ мракъ, а буря не унималась и опасность съ каждымъ мгновениемъ увеличивалась.

— Я все исполнила, сказала Юлія, являсь опять возле Вайндема : онъ внизу, сидятъ смиренно, молятся. Что теперь надобно дѣлать ?

— Чудное созданіе ! вскричалъ Вайндемъ, съ изумлениемъ отступая отъ дѣвушки.

— Что надобно дѣлать ? повторила она, схвативъ его руку.

— Что дѣлать ?... Но подумайте о себѣ : вы безъ шляпки, безъ шали, съ 'открытой шеей. Вѣтеръ такъ и реветъ : вы простудитесь.

— Что дѣлать ? спросила еще разъ Юлія, не слушая его предостереженій.

Онъ накинулъ на нее свой плащъ. Въ это время раздался пушечный выстрѣлъ : то былъ отзывъ на выстрѣлы съ бѣдствующаго парохода. Скоро Вайндемъ и Юлія увидѣли нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, двигающихся въ темнотѣ. Молодой человекъ приказалъ еще выпалить. Свѣтъ началъ быстро приближаться; изъ черной мглы ночи вышли очерки мачтъ и другихъ снастей. Черезъ пять минутъ нѣсколько большихъ шлюпокъ причалили къ пароходу, и Вайндемъ спустилъ въ одну изъ нихъ Юлію, Бланку и ихъ родителей. Вайтгеды попали въ другую. Шали, салоны и платки, которые они захватили ошибкою, остались при нихъ, потому что въ той шлюпкѣ не оказалось хозяевъ.

На другой день послѣ этой ужасной ночи, солнце давно уже осыпало золотыми лучами веселый Діеппъ, а Юлія, утомленная ночными трудами, еще покоилась крѣпкимъ сномъ на мягкой постелѣ въ гостиницѣ, гдѣ остановилось ея семейство и многіе изъ

другихъ пассажировъ. Наконецъ шумъ, говоръ, бѣготня, скрипъ дверей, стукъ экипажей, разбудили ее. Она встала и подошла къ окну. О! какъ все прекрасно! Море, за нѣсколько часовъ бѣшеное, смирно лежало въ безбрежномъ пространствѣ, сливаясь вдали съ горизонтомъ; небо, на которомъ еще недавно катились страшныя, черныя тучи, теперь было ясно, безоблачно; солнце величественно шло по голубой выси; вдали видѣлись бѣлые паруса кораблей; изъ гавани неслись веселыя пѣсни матросовъ; набережная кипѣла народомъ всякаго званія, полу и возрасту: моряки, купцы, рыбаковы, Французы и иностранцы, женщины и дѣти, — все суетилось, разговаривало, шумѣло..... Юлія нѣсколько минутъ, въ безотчетной радости, любовалась этой картиной жизни и красоты. Богъ-знаетъ о чемъ она думала: мысли ея были въ разбродѣ, онѣ ни на чемъ не останавливались; но въ тоже время въ воображеніи Юліи безпрестанно возникалъ образъ прекраснаго молодого человѣка, который такъ мужественно боролся съ прошедшею бурей, и которому она можетъ-быть обязана спасеніемъ своей жизни.

Бланка, весело вбѣжавъ въ комнату, вывела сестру изъ этого пріятнаго состоянія задумчивости безъ мыслей. Она сказала ей, что въ гостинницѣ всѣ давно проснулись, что мистрисъ Сентъ-Обайнъ ужъ свегла знакомство съ одной молочницей, купила прекрасныхъ сливокъ, приготовила завтракъ; что отецъ ихъ ходилъ навѣдываться о пароходъ и воротился безъ всякаго извѣстія; что мистеръ Вайндемъ встрѣтился ему въ гавани, пришелъ къ нимъ и нѣсколько разъ уже спрашивалъ объ Юліи. Говоря послѣднія слова, Бланка улыбалась и лукаво смотрѣла на сестру; та краснѣла.

— Дай же я тебѣ уберу волосы, сказала Бланка. Вотъ мое платье, моя пелеринка: все это тебѣ.

— А ты? спросила Юлія.

— Я останусь въ своемъ плафокѣ. Мнѣ сегодня

нѣтъ надобности наряжаться, отвѣчала Бланка, цалу сестру.

Черезъ нѣсколько минутъ двѣ дѣвушки вошли въ комнату, гдѣ сидѣли ихъ отецъ, мать и Вайндемъ. Юлія была совсѣмъ розовая, переступая черезъ порогъ, и покраснѣла еще больше, когда глаза ея встрѣтились съ пламеннымъ взглядомъ молодаго человека. Странныя приключенія прошедшей ночи, и короткость, начавшаяся между ними такъ скоро и къ которой она сама подала первый поводъ, приводили ее въ смущеніе. Молодой человекъ тоже казался разстроеннымъ, говорилъ мало, почти не смотрѣлъ на Юлію. — «Отчего онъ такъ молчаливъ? думала она. Видно, участіе, которое онъ показалъ ко мнѣ ночью, происходило только оттого что я была въ опасности». И Юлія рѣшилась обращаться съ нимъ какъ-можно холоднѣе, а Вайндемъ, съ своей стороны, думая, что она вѣрно раскаивается въ довѣренности, которая была ею обнаружена къ неизвѣстному и бѣдному путешественнику, разсудилъ совсѣмъ не говорить съ Юліей, отвернулся къ Бланкѣ и началъ осыпать ее комплиментами.

Вотъ, какова эта молодежь! Не успѣетъ еще порядочно влюбиться другъ въ друга, а ужъ мучить себя сомнѣніями!

Прежде нежели завтракъ былъ собранъ, явился сэръ Цезарь Вайтгедъ съ женой и пятыю дочерьми, Антоніей, Джеральдиной и тремя новыми, которыхъ Сентъ-Обайны еще не видали. Онъ пришелъ навѣдаться о здоровьѣ друзей своихъ, познакомить съ ними второе отдѣленіе своего семейства, и предложить имъ услуги, ежели Сентъ-Обайны имѣютъ въ чемъ-нибудь надобность. Прекрасныя миссъ поднесли мистрисъ Сентъ-Обайнъ корзиночку винограду, говоря, что это рѣдкій, удивительный виноградъ, доставшійся имъ по особому случаю, и не подозрѣвая того, что горничная Сентъ-Обайновъ видѣла, какъ онъ покупали его на рынкѣ,

ю свои конфекты за фунтъ. Миссъ Антонія храбро вступилась между Юліей и Вайндемомъ и начала предлинную похвальную рѣчь храбрости и присутствію духа, которыя онъ показалъ въ прошедшую ночь.

— Я никогда не забуду, что обязана вамъ спасеніемъ своей жизни, сказала она вполголоса, наклонившись къ уху молодаго человека. И если когда-нибудь, прибавила она, смотря на него съ нѣжностью: ежели когда-нибудь мнѣ представится случай отплатить вамъ за это одолженіе, если вы будете чувствовать нужду въ другѣ, въ участіи.... въ сочувствіи.... нѣжнаго, любящаго сердца, то.... вспомните ту, которая....

На этомъ словѣ прекрасная миссъ вдругъ замолчала и поднесла къ глазамъ тонкій батистовый платокъ, который, по его рѣзкой противоположности съ прочимъ костюмомъ, можно бы было почестъ чужимъ, если бы на одномъ углу не зіяли верхковыя буквы и цифры: *Антонія Вайтгетъ, № 24.*

Юлія не обратила на это большаго вниманія, но когда Вайндемъ вышелъ съ Антоніей на балконъ и тамъ оставался на-единѣ съ нею болѣе полу-часа, бѣдной дѣвущкѣ стало страхъ тяжело на сердцѣ, и она, убѣжавъ въ свою комнату, принялась горько плакать.

Между-тѣмъ сэръ Цезарь, держа голову къверху, говорилъ о своей значительности въ Діеппѣ, и благосклонно вызывался оказать Сентъ-Обайнамъ всякое покровительство. Леди Вайтгедъ, описывала мистрисъ Сентъ-Обайнъ свою тоску по отчизнѣ, вздыхала и возводила «оки» на небеса, жаловалась на недостатокъ въ Діеппѣ хорошаго общества и исчисляла подробно всѣ мнѣния красоты своего ирландскаго хутора, называя его, по обыкновенію, баронствомъ, съ романическимъ именемъ «Пустыньки».

— Ахъ, Пустынька!... Ежели бы вы знали мою Пустыньку!... Что здѣсь за жизнь? Такъ ли жила я въ Пустынькѣ?... О! какъ бы я желала, чтобы вы видѣли

это прелестное, очаровательное местоположеніе, мою милую Пустыняку!

Мистрисъ Сентъ-Обайнъ предложила имъ завтракать. Они отказались, говоря, что завтракали ужъ дома, и потомъ съѣли все бывшее на столѣ. Сэръ Цезарь сказалъ, что онъ съ Антоніей и Джеральдиной приглашенъ сегодня обѣдать къ Годнотамъ. Леди Вайтгедъ съ тремя остальными дочерьми должна была воротиться домой. Впрочемъ, это ее не очень печалило: она знала, что Антонія съ Джеральдиной принесутъ ей гостинцевъ. У Вайтгедовъ было такое обыкновеніе: мать, смиренная женщина, сидѣла по большей части дома, а отецъ съ дочерьми ходилъ по гостямъ, и эти семь фуражировъ въ юбкахъ всегда приносили домой порядочную добычу, такъ, что иной разъ не нужно было посылать на рынокъ, особливо за лакомствомъ, и часто случалось, что гости, пришедшіе къ Вайтгедамъ, имѣли удовольствіе кушать у нихъ тѣ же фрукты, которыми сами, нѣсколько дней назадъ, угощали своихъ гостей.

Но возвратимся къ нашей милой кокеткѣ, Юліи. Въ горькихъ слезахъ, она сидѣла, опершись на окошко, и думала.... думала, сама не зная о чемъ. Какое ей дѣло, что молодой человекъ такъ ласковъ съ Антоніей и такъ холоденъ къ ней? имѣетъ ли она право требовать отъ него особеннаго вниманія? Знакомые только со вчерашняго дня, они совершенно чужды другъ другу. Юлія тысячу разъ ворочала и переворачивала эти мысли, находила ихъ основательными, рѣшилась не думать, совсѣмъ забыть о Вайндемъ, и въ то же время думала всё о немъ, всё о немъ! Случайно глаза ея, наполненные слезами, обратились на улицу и она увидѣла.... Боже мой! она увидѣла, что Вайндемъ выходитъ подъ-руку съ Антоніей изъ ихъ дому. Нѣтъ! этого она уже не въ силахъ перенести. Сердце Юліи сжалось,

дыханіе остановилось, и бѣдная дѣвушка, вскочивъ съ мѣста, бросилась на постель, лицомъ въ подушку.

Часъ спустя, Бланка застала ея въ томъ же положеніи.

— Юлія! что съ тобою?

Юлія молчала.

— Да говори, сестрица! что съ тобой случилось?

Бланка насильно приподняла ея голову и взглянула ей прямо въ глаза.

— Ты плачешь?

— Да, мнѣ нездоровится.

— Бѣдняжка!... А мистеръ Вайндемъ пришелъ къ намъ обѣдать.

— Развѣ онъ не остался съ миссъ Антоніей Вайтгедъ?

— Я говорю тебѣ, онъ пришелъ къ намъ.

— А миссъ Антонія?

— Миссъ Антонія? Почему я знаю, куда она дѣлалась? какая намъ до нея надобность?

Бланка пристально посмотрѣла на сестру и дѣвичье сердце растолковало ей тайну.

— Такъ вотъ что! сказала она съ улыбкой, лаская Юлію. Нѣтъ, душенька, нѣтъ! мистеръ Вайндемъ не пошелъ съ миссъ Антоніей; онъ только довелъ ее до угла нашей улицы, потомъ былъ въ магазинахъ и, возвратившись къ намъ, сказалъ маменькѣ: «Мистрисъ Сантъ-Обайнъ, сдѣлайте милость, позвольте мнѣ обѣдать сегодня у васъ. Мнѣ здѣсь такъ весело!» Маменька, разумеется, была очень рада, и мистеръ Вайндемъ у насъ обѣдаетъ. Пойдемъ же? ужъ поставили кушать.

— Нѣтъ, Бланка, я не пойду: я не здорова.

— Э! полно дурачиться.... Но какъ же мы кончимъ со шляпками?

— Съ какими шляпками?

— Ахъ! я и забыла сказать. Мистеръ Вайндемъ, увидѣвши, что твоя шляпка пропала ночью, съ позволенія маменьки даритъ тебѣ новую. Затѣмъ онъ и ходилъ въ

магазины; но модистки заговорили его : онъ не знаетъ, что выбрать, и привелъ сюда дѣвушку съ двумя картонками, чтобъ ты сама выбрала ту шляпку, которая тебѣ больше понравится.

Юлія съ удивленіемъ и молча слушала эту новость. Вайндемъ обращался съ нею такъ холодно, и вдругъ дарить шляпку! Не бойсь, онъ не подарилъ шляпки Антоніи, или Джеральдинѣ, даже и самой Бланкѣ. Но Бланка, Джеральдина, Антонія не потеряли своихъ шляпокъ : зачѣмъ же имъ дѣлать такіе подарки? Хорошо! однако зачѣмъ же ему дѣлать такой подарокъ и Юліи? вѣдь онъ ей ничѣмъ не обязанъ? что жъ это значитъ? не значитъ ли это особеннаго расположенія, участія, дружбы.... любви?.... Пока Юлія старалась мысленно разрѣшить эти сомнительные вопросы, проворная Бланка успѣла сбѣгать внизъ и воротилась съ дѣвушкой, которая несла два картонки.

— Смотри! выбирай! сказала она, подавая ей двѣ прекрасныя шляпки.

Юлія не знала что дѣлать. Ей хотѣлось бы не взять ни той ни другой, но когда сама мистрисъ Сентъ-Обайнъ позволила Вайндему сдѣлать ей этотъ подарокъ, то съ ея стороны было бы не учтиво отвергнуть его. Трепещущими руками она надѣла передъ зеркаломъ одну шляпку, и Француженка изъ магазина заахала отъ восторгу; она надѣла другую : та заахала еще пуще : « Ah, comme c'est charmant! ah, comme c'est joli! Mademoiselle est coiffée comme un ange! » И комплиментамъ ея конца не было. Послѣ нѣкотораго размышленія, Юлія наконецъ сдѣлала выборъ.

— Ну, что жъ? сказала ей Бланка. Теперь тебѣ надобно сойти внизъ. Мистеръ Вайндемъ умираетъ отъ нетерпѣнія полюбоваться на тебя въ этой шляпкѣ. Какая ты хорошенькая!

Она обвила Юлію своими бѣлыми ручками, поцѣловала въ разгорѣвшуюся щеку и увлекла съ собой внизъ.

Вайндемъ встрѣтилъ ее восклицаніемъ. На этотъ разъ онъ уже не былъ такъ молчаливъ, какъ поутру. Юлія ясно видѣла, что она ему нравится : сердце ея примирилось съ молодымъ человѣкомъ, на глазахъ готовы были выступить новыя слезы, только не горести, а удовольствія. Обѣдъ былъ веселъ. Послѣ обѣда, капитанъ задремалъ въ креслахъ, мистрисъ Сентъ-Обайнъ занялась письмомъ къ своему милому Ліонелю, а Бланка съела съ работой къ окну, и такимъ образомъ молодой человѣкъ съ Юліей, помѣстившись у стѣнки, были, хотя не одни, но могли однако жъ пользоваться всеми прелестями уединеннаго разговора, не опасаясь любопытныхъ свидѣтелей и не терпя того замѣшательства, которое было бы для нихъ неизбѣжно при свиданьи на-единѣ. Въ физиономіи Юліи господствовала какая-то томность, щеки ея то вспыхивали, то блѣднѣли, глаза были безпрестанно потуплены; но это несравненно сильнѣе дѣйствовало на сердце Вайндема, нежели самая блестящая и цвѣтушая живость. Чтобы не мѣшать дремлющему отцу и пишущей матери, они разговаривали между собой въ полъ-голоса, и, какъ обыкновенно случается у любовниковъ, которые недавно влюбились и не успѣли объясниться, разговоръ ихъ упалъ на поэзію, которая изстари была истолковательницей всѣхъ любовныхъ дурачествъ.

— Вы такъ много знаете наизусть прекрасныхъ стиховъ, сказалъ Вайндемъ : что я почти увѣренъ, вы и сами иногда сочиняете.

Юлія покраснѣла.

— Ахъ ! позвольте, позвольте мнѣ услышать что-нибудь изъ вашихъ собственныхъ сочиненій ! продолжалъ молодой человѣкъ, замѣтивъ, что догадка его была справедлива, и давая волю любопытству любовника, которое всегда желаетъ заглянуть въ душу своей возлюбленной.

— Но я, право, не сочинила ничего, что может интересовать васъ, ничего героическаго, ничего веселаго.

— Что бы вы ни сочинили, меня все будетъ интересовать. Прочтите, пожалуйста.

И Вайндемъ просилъ такъ убѣдительно, умолялъ такъ нѣжко, что Юлія наконецъ принуждена была уступить и прочла ему свое стихотвореніе подъ названіемъ «Кипарисы.»

Между-тѣмъ, въ домъ Годнотовъ, куда отправились сэръ Цезарь Вайтгедъ и двѣ его дочери, происходила сцена совсѣмъ въ другомъ родѣ. Общество, которое тамъ собралось, было настоящее общество вавилонскаго столпотворенія. Оно состояло изъ дамъ и мужчинъ, молодыхъ и старыхъ, дурныхъ и хорошенькихъ, въ числѣ которыхъ, однако жъ, не было ни одной особы, готовой согласиться, что она уже поблекла и устарѣла. Не упоминая о прочихъ, мы означимъ только тѣхъ, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія и могутъ попасть на сцену при описаніи дальнѣйшихъ приключеній. Здѣсь, на первомъ мѣстѣ, является мистрисъ Бартонъ, высокая, толстая, громоздкая вдова пятидесяти осьми лѣтъ отъ рожденія, увѣрявшая всѣхъ, что ей только сорокъ четыре. Съ нею были двѣ дочери: Луиза, отъ перваго брака, взрослая дѣвушка лѣтъ тридцати пяти, и Юстина, или какъ ее всѣ называли, Тинни, отъ втораго, дитя двадцати семи лѣтъ, рѣзвушка, шалунья, идолъ своей нѣжной маменьки. Луизу велъ подъ-руку капитанъ Снефоль, а Тинни—капитанъ Григзби, оба страшные усача, отличные храбрецы, непобѣдимые воины, съ красными носами, съ разноцвѣтными ленточками въ петлицахъ и съ половиннымъ жалованьемъ за-пазухой. Цѣль и назначеніе этихъ двухъ капитановъ, при домѣ мистрисъ Бартонъ, были покрыты мракомъ неизвѣстности. Не должно однако жъ думать, чтобы капитаны искали ключей къ сердцамъ Луизы и Тинни, потому что они уже нѣсколько лѣтъ водятъ ихъ

водь-руки и сопровождаютъ мистрисъ Бартонъ во всѣхъ ея поездахъ въ Англію и обратно въ Діеспъ, живутъ всегда въ одномъ съ нею домѣ, объедаютъ за ея столомъ и не тратятъ ни копѣйки изъ своего половиннаго жалованья.

За семействомъ мистрисъ Бартонъ съ непобедимыми капитанами, слѣдуетъ маленькій, кругленькій, краснощекой мосьё Дюбоа, Французъ, весельчакъ, любезникъ, готовый всегда пѣть, танцовать, играть на гитарѣ или на флейтѣ, а, если нужно, такъ и кричать пѣтухомъ, или лаять по-собачьи, лишь бы доставить удовольствіе обществу. Ему было около сорока пяти лѣтъ, но когда его спрашивали объ этомъ щекотливомъ предметѣ, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Я не то что другіе: откровенно сказываю сколько мнѣ лѣтъ. Знаю, что ни кто тому не вѣритъ, но мнѣ уже тридцать пять; да, милостивые государи! полные тридцать пять лѣтъ, *trente-cinq ans biens sonnés!*» Онъ былъ прежде военнымъ, потомъ торговалъ, но разорился во время революціи, какъ всѣ вообще Французы, которымъ не съ чего было разоряться, и посѣщалъ домъ Годнотовъ въ надеждѣ плѣнить какую-нибудь достаточную вдову.

За нимъ слѣдуетъ мистеръ Визеръ, Англичанинъ, старикъ. Онъ давно страдалъ сильнымъ удушьемъ, безпрестанно кашлялъ, кряхтѣлъ, и всё жаловался на свои безчисленныя болѣзни, однако жъ никогда не пропускалъ случая занять лучшее мѣсто, умѣлъ обращать все въ свою пользу, и потомъ извинялся своими ужасными, мучительными болѣзнями, если было одному ему хорошо, а всѣмъ другимъ дурно.

Послѣ этого олицетвореннаго эгоизма, надобно указать на двухъ вдовъ, на мистрисъ Дашвудъ и на мистрисъ Фетфуль. Мистрисъ Дашвудъ увѣряла, будто ей только двадцать три года, но въ самомъ дѣлѣ ей было около тридцати лѣтъ; мистрисъ Фетфуль, напротивъ, доказывала, что ей сорокъ пять, а въ сущности она была

сорока девяти. Первая была веселая, живая, разная женщина, одъвалась по модѣ, не совсемъ скромно, и выказывала безъ дальнихъ околичностей желаніе поимать себя мужа; послѣдняя, напротивъ, являла собой образецъ смиренія, не носила никакого кромѣ чернаго платья, цѣломудренно потупляла глаза, глубокомысленно покачивала головою и съ соболъзнованіемъ дивилась легкомыслию мистрисъ Дашвудъ. — «Боже мой! говорила она: вдовѣ ли дѣло эти наряды и удовольствія? Сердце вдовы должно быть въ могилѣ покойнаго мужа, а платье безпрестанно напоминать ей, что со временемъ прійдетъ и ея конецъ.» — Полноте, мистрисъ Фетфуль! перебивалъ въ такихъ случаяхъ мистеръ Визеръ. Что это за охота вамъ толковать всегда про могилу? Вы знаете, какъ у меня нервы разстроены.

И мистрисъ Дашвудъ съ своей стороны тоже не могла хорошенько понять, зачѣмъ мистрисъ Фетфуль такъ часто говоритъ про могилу. — «Ежели сердце ея въ могилѣ мужа, думала мистрисъ Дашвудъ: такъ зачѣмъ же она отъ нея такъ далеко уѣхала?» Веселая вдова очень чистосердечно рассказывала о своей прежней жизни, а печальная не любила пускаться въ подобные разговоры. Платье ея было хотя черное, однако жъ стоило несравненно дороже всякаго цвѣтнаго, и горничная ея увѣряла, что неутѣшная вдова проводила половину сутокъ за зеркаломъ, тогда какъ мистрисъ Дашвудъ въ пять минутъ накалывала себя цвѣты. Впрочемъ, обѣ дамы были особы весьма любезныя, достойныя всякаго уваженія, и не безъ денегъ.

Въ установленное время, все это общество, съ присовокупленіемъ къ нему многихъ другихъ лицъ, о которыхъ мы не упоминаемъ, сѣло за столъ. Разговоръ, естественнымъ образомъ, склонился на новыхъ пріѣзжихъ, на Сентъ-Обайновъ и на Вайндема.

— Я очень рада, что у насъ заведутся порядочные люди, шепнула одному изъ своихъ сосѣдей мистрисъ

Бартошъ, сидѣвшая между двумя непобѣдимыми капитанами. Бѣдная моя Тини умираетъ отъ скуки въ нашемъ обществѣ. Что за варвары! что за Самоѣды! Вотъ, хоть бы эта Джеральдина Вайтгедъ : посмотрите, какой кусище она положила къ себѣ на тарелку. Что это? Ахъ, Всемогущій! цѣлая гусиная нога! И она беретъ ее въ руки! Фу! какая гадость!

— Миссъ Антонія не такъ много кушаетъ, осмѣлился замѣтить капитанъ Григзби: и она, право, не очень дурна, держитъ себя прилично.

Мистрисъ Бартошъ грозно взглянула на своего собеседника.

— То есть, прилично только для здѣшняго круга, прошепталъ онъ, пробѣвши.

— Непременно завтра же представляюсь этимъ привѣжнимъ, кричалъ между-тѣмъ москѣ Любоа. Я умѣю жить въ свѣтѣ! Когда есть дѣло, хорошо! я человекъ солидный, не позволяю себѣ ни малѣйшей неаккуратности. Но ужъ что касается до соблюденія правилъ общепитія, такъ это для меня свято! Я не знаю другаго мужчины, который бы былъ такъ любезенъ, какъ я.

— Да, да! что и говорить! отвѣчала мистрисъ Дашвудъ. Какъ вамъ не познакомиться съ Сентъ-Обайнами? вѣдь тамъ, говорятъ, двѣ премилыя миссъ.

— Боже мой! шепнула мистрисъ Фетфуль сосѣду своему мистеръ Визеру: какая безстыдная эта Дашвудъ! У нея только и на умѣ, что волокитство. А не подумаетъ о томъ, что рано ли, поздно ли, всѣмъ намъ, — о, Господи! — всѣмъ намъ придется разстаться съ міромъ и лечь въ могилу.

— Мистрисъ Фетфуль! добрая мистрисъ Фетфуль! пожалуйте мои слабые нервы, отвѣчалъ мистеръ Визеръ. Что это у васъ за манера, говорить о смерти? Сдѣлайте одолженіе, достаньте мнѣ цѣлаго рябчика. Покорно благодарю, мистрисъ Фетфуль. Нельзя ли еще грибовъ? они такъ хорошо смотрятъ. Покорно благодарю.

— Я бьюсь объ закладъ, что у васъ ужь есть виды на этихъ миссъ Сентъ-Обайнъ, продолжала мистрисъ Дашвудъ.

— Почему жъ и не такъ? отвѣчалъ Дюбоа. Я на этотъ счетъ держусь философн. О! я страшный философъ! я другой Аристотель! По-моему, чѣловѣкъ независимый, свободный, любезный и умный, однимъ словомъ, такой чѣловѣкъ, какъ я.... понимаете? Вы вѣрно, и сами не прочь отъ того, чтобы пріютить куда-нибудь свое сердце?

Мистрисъ Дашвудъ громко захохотала.

— Чтó за наглая женщина! шепнула другая вдова. Нѣтъ, мосьё Дюбоа, прибавила она вслухъ: мѣсто покойнаго мужа не должно быть никому отдано.

— Да, подтвердила мистрисъ Бартонъ: мужнино мѣсто не должно быть никому отдано.

— Разумѣется, пока онъ еще живъ, отвѣчала мистрисъ Дашвудъ, взглянувъ на двухъ нешобъдимыхъ капитановъ. Какъ вы объ этомъ думаете, сэръ Цезарь?

— Не могу вамъ сказать, отвѣчалъ сэръ Цезарь величественно: я желалъ бы знать мнѣніе на этотъ счетъ дядюшки леди Вайтгедъ, лейстерскаго епископа.

— Ахъ, мой другъ! ежели ты будешь писать къ епископу, подхватила леди: такъ, пожалуйста, попроси, чтобъ онъ съѣздилъ въ Пустыньку, посмотрѣлъ, все ли тамъ въ исправности. Ахъ, Пустынька! Какъ бы я желала, мистрисъ Бартонъ, чтобы вы видѣли мою милую Пустыньку.

— Эта Вайтгедъ мнѣ страхъ надѣвла съ своей Пустынькой, сказала вполголоса мистрисъ Фетфудъ. Уи-ремъ, все останется.

— Мистрисъ Фетфудъ, ради Бога, не разстранвайте меня такими ужасными мыслями, сказалъ мистеръ Визеръ, едва выговаривая слова, потому что ротъ его былъ набитъ грибами. Позвольте мнѣ еще рябчика.

Такимъ образомъ гости мистрисъ Годнотъ бесѣдовали у нея за обѣдомъ, и обѣдъ кончился; начались забавы; мосьё Дюбоа предложилъ поиграть въ фанты. Въ это время сэръ Цезарь мигнулъ своей второй дочери. Читатели уже знаютъ, что онъ имѣлъ особые виды на Джеральдину, то есть, хотѣлъ именно ее, а не Антонію, отдать за Вайндема. Джеральдина поняла его знакъ. Они украдкой вышли изъ гостиной Годнотовъ, принимая всѣ предосторожности, чтобъ Антонія не замѣтила ихъ побѣгу. Но миссъ Антонія была себѣ на умъ, и когда величавый сэръ Цезарь съ Джеральдиной входилъ въ комнаты Сентъ-Обайновъ, оказалось, что и она тутъ же.

— Вотъ и мы здѣсь! сказалъ сэръ Цезарь, усѣвшись въ спокойныя кресла, съ которыхъ Сентъ-Обайнъ всталъ, чтобъ принять гостей, и укладывая свои огромныя ноги въ огромнѣйшихъ сапогахъ на рѣшетку каминна: вотъ и мы здѣсь! Ну, какъ вы проводите время?

— Очень хорошо. Благодарю васъ, отвѣчала мистрисъ Сентъ-Обайнъ.

— Очень хорошо? повторилъ сэръ Цезарь. Эти слова напоминаютъ мнѣ одинъ анекдотъ въ нашей фамиліи. Надо вамъ сказать, что фамилія Вайтгедовъ изстари славилась красотою женщинъ. Вотъ, изволите видѣть, одна изъ моихъ почтенныхъ прабабушекъ, знаменитая въ свое время красавица, леди Кренфордъ, которая, говорятъ, была дружна, даже очень дружна — хе — хе — хе! съ нѣкоторымъ....

— Не прикажете ли чаю? спросила мистрисъ Сентъ-Обайнъ, не любопытствуя знать приключеній красавицы леди Кренфордъ, хотя впрочемъ всѣ эти приключенія, какъ и сама леди, существовали только въ воображеніи сэръ Цезаря.

— Нѣтъ, покорно благодарю, отвѣчалъ сэръ Цезарь. А если можно не множко побезпокоить вашу прекрас-

вую дочку, примолвилъ онъ, обращаясь къ Бланкѣ : такъ позвольте мнѣ попросить чашечку кофе, какимъ вы подчивали меня сегодня поутру.

— Прикажи сварить кофе, сказалъ мистрисъ Сентъ-Обайнъ.

— Ахъ! у васъ нѣтъ готоваго? Ну, да что за дѣло! они тотчасъ сварятъ. — Малой! вскричалъ сэръ Цезарь возшедшему слугѣ : малой! двѣ чашки самаго лучшаго кофе. — Извините, сударыня, что я такъ смѣло распоряжаюсь. Это потому что здѣсь все меня знаютъ и сдѣлаютъ лучше, когда я самъ прикажу.

Мистифкація! его не зналъ не одинъ слуга въ гостинницѣ.

— Нѣтъ ли у васъ здѣсь меду? спросилъ сэръ Цезарь у Бланки.

— Нѣтъ. Прикажете? я веду подать.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь. — Малой! большую бутылку меду.

Между-тѣмъ Антонія и Джеральдина повели правильную атаку на молодаго Вайндема : одна съѣла возлѣ него съ правой стороны, другая съ лѣвой, между нимъ и Юліей.

— Вы читали какіе-то стихи? спросила Джеральдина. Ахъ, прочтите опять! Я обожаю стихи, прибавила она, устремивъ масляные глазки на Вайндема.

— Миссъ Юлія читала свое сочиненіе, отвѣчалъ онъ.

— А! такъ вы сочинительница?

— Если нѣсколько рѣшѣ дадутъ мнѣ право на это имя.

— Почему жъ и не такъ? подхватила Антонія. Ты знаешь, Джеральдина, я сама....

Она немножко замялась. Но молодой человекъ, думая, что стихотворенія миссъ Вайтгедъ должны быть очень забавны, началъ убѣдительно просить, чтобъ она что-нибудь прочла. Антонія подумала, помолчала и прочла превосходную строфу, въ которой

звучными, гармоническими стихами выражалось чувство самой пламенной и восторженной страсти. Юлія и Вайндемъ остолбенѣли отъ удивленія.

— Это ваши стихи? спросила Юлія, не узнавая Бироновой мелодіи, потому что она, хотя много читала, однако жъ не могла всего помнить.

— Я не имѣю обыкновенія присвоивать себѣ что не мое, отвѣчала миссъ Антонія обидѣвшись.

— О! да.... Пожалуйста, не сердитесь. Но ваши стихи такъ хороши! Я такъ поражена! ослѣплена....

И бѣдная Юлія думала про себя : «Ежели она сочиняетъ такіе стихи, то Монтегю вѣрно ее полюбитъ. Какъ-можно не любить женщины, которая умѣетъ такъ чувствовать и выражать свои чувства?....» Она пристально посмотрѣла на Антонію : миссъ Вайтгедъ въ самомъ дѣлѣ была не дурна, и голубая шляпка очень шла къ ея бѣлому лицу, оживленному яркимъ румянцемъ. Юлія взглянула на себя въ зеркало : какая разнища! ея щеки блѣдны, глаза томны, волосы убраны такъ небрежно. — «Нельзя и осудить его, ежели онъ выберетъ не меня, подумала она : я ничего не значу, въ сравненіи съ этой блестящей красавицей....» Чудное дѣло, какъ женщины, не исключая и самыхъ умныхъ, ошибаются иногда въ томъ, чѣмъ онѣ могутъ цѣнить мужчину! Юлія, сравнивая себя съ Антоніей, теряла всякую надежду тронуть сердце Вайндема, а Вайндемъ, напротивъ, въ это-то самое время, и посредствомъ такого же точно сравненія, убѣждался, что Юлія единственная женщина, которую онъ можетъ любить и которая достойна любви его.

Между-тѣмъ стихотворческій успѣхъ Антоніи подстрекнулъ Джеральдину, и она рѣшилась подражать примѣру сестры. Она была совершенно увѣрена, что Антонія прочла чужое стихотвореніе. Счастливица! у нея былъ какой-то сентиментальный обожатель, который поднесъ ей тетрадку разныхъ стишковъ, тщатель-

но переписаннымъ на почтовой бумагѣ. У Джеральдины не было такого обожателя, она ничего не читала, и единственное стихотвореніе, которое ей случилось завердить наизусть еще въ дѣтствѣ, была известная всѣмъ баллада про храбраго витязя Алонзо и прекрасную царевну Имоджену. Но Джеральдина не знала, до какой степени известна эта баллада, и рѣшилась присвоить себѣ изъ нея нѣсколько куплетовъ.

— Любите ли вы веселыя сочиненія? спросила она, еще плотвѣе подвигаясь къ Вайндему.

— Очень люблю, отвѣчалъ онъ. Но мнѣ кажется, это родъ самый трудный.

— Потому-то я и написала сегодня одну веселую поэмку. Мнѣ хотѣлось узнать, могу ли я сочинять въ этомъ родѣ. Вотъ, послушайте.

Антонія вытаращила глаза: она также знала, что сестра ея ничего съ роду не писывала; но Джеральдина, не смѣшавшись, начала декламировать:

На конѣ, покрытомъ пѣной,
Поздней вечера порой,
Мчитъ красавицу герой:
Ее звали.....

— Имодженой, подсказала Бланка, съ улыбкой подходя къ Джеральдинѣ.

Джеральдина смутилась, замолчала и не знала что дѣлать. Сестра, желая подать ей помощь, вѣдувала объявить, будто бы Джеральдина, большая охотница до проказъ, хотѣла только посмѣяться и назвала своими чужіе стихи. Это было очень не впопадъ: Джеральдина, вмѣсто того чтобъ сказать спасибо услужливой сестрицѣ, разсердилась.

— Эти стихи столько же мои, какъ тѣ твои, сказала она, бросивъ сердитый взглядъ на Антонию.

Антонія закусила губы; глаза ея затрыгали, брови нахмурились, и должно полагать, что между сестри-

дами произошелъ бы весьма откровенный разговоръ, если бы имъ не подали какого-то лакомства. Не имѣя возможности браниться и ѣсть въ одно время, онъ, изъ благоразумнаго предпочтенія послѣдняго первому, положили до времени свою ссору, а между-тѣмъ ихъ паничка, выпивши кофе, наѣвшись булокъ и осушивъ всю бутылку меда, всталъ и началъ прощаться.

— Мнѣ очень жаль, что я такъ рано долженъ разстаться съ вами, сказалъ онъ мистрисъ Сентъ-Обайнъ: но Годноты ни подъ какимъ видомъ не соглашались насъ отпустить, если мы не дадимъ честнаго слова воротиться къ ужину. Кстати, вы ужинаете, мистрисъ Сентъ-Обайнъ?

— Нѣтъ, никогда, сэръ.

— Такъ пойдите, дѣти, сказалъ онъ своимъ дочерямъ, и хотя миссъ Антонія желала остаться у Сентъ-Обайновъ, однако жъ принуждена была послѣдовать за родителемъ, потому что онъ соглашался оставить ее не иначе, какъ вмѣстѣ съ Джеральдиной, а эта, будучи очень огорчена паденіемъ своимъ съ заемнаго Пегаса, рѣшилась непременно уйти.

Пропустимъ печальное обстоятельство, что мистрисъ Годнотъ, предвидя возвращеніе Вайтгедовъ, велѣла подать ужинъ цѣлымъ часомъ раньше обыкновеннаго, и такимъ образомъ заставила сэръ Цезаря обмануться въ своихъ надеждахъ. Поспѣшимъ лучше къ Сентъ-Обайнъ.

Не подозрѣвая Антонію въ авторскомъ воровствѣ, Юлія продолжала быть печальною и задумчивою. Наконецъ, мать замѣтила ея разстроенный видъ, и, приписывая это нездоровью, велѣла ей идти спать. Дѣвушка повиновалась, и сидя одна въ своей комнатѣ, слышала оттуда, какъ Монтегю прощался съ ея семействомъ. Прошло нѣсколько дней: мистрисъ Сентъ-Обайнъ хлопотала о наймѣ квартиры; Юлія продолжала токовать и тихонько плакать. Мало-по-малу однако жъ

сердце ея начало успокаиваться : Вайттеды , по какому-то случаю , не показывались на сцену ; напротивъ того Монтегю , жившій въ одной гостинницѣ съ Сентъ-Обайнами , приходилъ къ нимъ всякій день , разговаривалъ съ Юліей , оказывалъ ей особенное вниманіе , и горизонтъ ея сталъ проясняться , слезы обсохли , на губахъ снова появилась улыбка . Между молодыми людьми водворились тѣ милыя отношенія , та пріятная короткость , которая составляетъ переходъ отъ простаго знакомства къ дружбѣ , или предшествуетъ полному объясненію любовниковъ ; та короткость , когда любовники , еще не высказавши взаимно чувствъ своихъ , уже понимаютъ другъ друга , знаютъ взаимно смыслъ каждаго взгляда , движенія , и , не стараясь быть вмѣстѣ , невольно сходятся при всякомъ удобномъ случаѣ , чтобы обмѣняться нѣсколькими словами , ничтожными по наружности , но имѣющими для нихъ особенное значеніе и прелесть , въ которой они и сами не могутъ дать себѣ отчету .

Въ одинъ день все семейство Сентъ-Обайновъ , въ сопровожденіи Монтегю , отправилось осматривать приисканныя квартиры : отецъ съ Бланкою пошли въ одну сторону , мать съ Юліей и съ Вайндемомъ въ другую .

— Вы здѣсь будете жить какъ царица , говорила хозяйка одного дому , увиваясь около мистрисъ Сентъ-Обайнъ , которая заботливо разглядывала всякую мелочь , между-тѣмъ какъ Юлія и Вайндемъ разсыянно стояли подъ окномъ и смотрѣли на море . Вотъ для васъ шкафъ съ посудой : чайникъ , кофейникъ , чашки , все , что прикажете . Утромъ вамъ захотѣлось кофе ? Хорошо ! вы кличите свою горничную : вотъ кофейникъ и чашки . Вамъ угодно чаю ? Прекрасно ! вы кличите горничную : вотъ чайникъ и чашки . Видите ли какъ все удобно ? И цѣна — только четыре тысячи франковъ , только четыре тысячи ! Не правда ли ? дешево ?

— Но я не вижу кухни, замѣтила мистрисъ Сентъ-Обайнъ.

— Чайникъ, кофейникъ, чашки, словомъ всѣ удобства! Вѣдь это стоитъ четырехъ тысячь въ годъ?

— А кухня? Пожалуйста, покажите мнѣ....

— Вы здѣсь будете словно въ раю: все подъ руками. Кличите свою горничную, и у васъ все есть: чашки, чайникъ, кофейникъ....

— Но кухня? Мнѣ нужна кухня.

— Кухня? Ктò же объ этомъ думаетъ? Англичане не держатъ дома стола, берутъ изъ трактира.

Мистрисъ Сентъ-Обайнъ пошла вонъ. Хозяйка кричала вслѣдъ, что она отдаетъ всѣ комнаты, и съ чайникомъ и съ кофейникомъ и съ чашками, за три тысячь, за двѣ, за полторы, но все это не произвело ни какого дѣйствія, и она закричала: — «Ну, такъ чортъ же съ вами!.... Экія эти Англичанки! вотъ дуры! вотъ мерзкія! вотъ скупыя!»

И такимъ образомъ мистрисъ Сентъ-Обайнъ пересмотрѣла понапрасну больше десяти домовъ, не найдя ни въ одномъ изъ нихъ тѣхъ удобствъ, которыхъ искала ея англійская привычка къ комфорту. Здѣсь не доставало одного, тамъ другаго. Какая-то краснощекая Француженка, у которой не была проведена вода въ поком, говорила, что женщинѣ, думающей о своей наружности, никогда не надобно умываться водой, а довольно отирать лицо сухимъ полотенцемъ, въ чемъ и ссылалась на свѣжесть собственной своей красоты, или красоты. Другая увѣряла, что она отдаетъ въ наймы пять комнатъ съ коврами, и когда у нея спросили, гдѣ же эти ковры, показала на одинъ протоптанный и изорванный, говоря, что его можно переносить съ собой изъ комнаты въ комнату.

Наконецъ, однако жъ, имъ посчастливилось отыскать одну, довольно порядочную, квартиру. Они пришли туда въ то самое время какъ ее осматривали Блан-

ка и Сентъ-Обайнъ. Квартира понравилась всему семейству. Торгъ былъ конченъ въ десять минутъ, условіе сдѣлано, и капитанъ, съ обыкновенною своею опрометчивостью, предложилъ Вайндему жить вмѣстѣ съ ними, такъ какъ въ квартирѣ было одной или двумя комнатами болѣе нежели сколько требовалось для ихъ семейства.

Мистрисъ Сентъ-Обайнъ значительно посмотрѣла на мужа. Она была очень хорошо расположена къ Монтегю, но она была мать, умная, осторожная Англичанка, и мысль поселить молодаго, неизвѣстнаго, прекраснаго мужчину подъ одной кровлей съ пылкими и чувствительными дѣвушками, показалась ей однимъ изъ тѣхъ необдуманыхъ плановъ, которые могутъ родиться только въ вѣтренной головѣ ея мужа. Между-тѣмъ, Юлія также слышала отцовское предложеніе и сердце ея трепетало въ нетерпѣливомъ желаніи скорѣй узнать Вайндемовъ отвѣтъ. Она сама чувствовала, что отецъ поступаетъ неблагоразумно и что Монтегю, не зная его характера, имѣетъ право перетолковать слова его въ весьма невыгодномъ смыслѣ; но съ другой стороны, ей представилось удовольствіе видѣть Монтегю всякій день, всякій часъ, и бѣдная дѣвушка колебалась между стыдливостью и надеждой, невольно уступая послѣдней. Какова же была ея досада, когда Вайндемъ холодно отклонилъ предложеніе отца ея, говоря, что онъ ужъ условился съ Годнотами жить у нихъ въ домъ. — «Какая я дура! думала про себя Юлія: какъ я его ненавижу! Отказывается отъ папенькинаго предложенія! и подѣ какимъ предлогомъ? что уговорился съ Годнотами. Промѣнять меня... то есть, насъ..... на Годнотовъ! О, какъ я его ненавижу!»

— Папенька, сказала она: вы напрасно говорите, что у насъ есть лишнія комнаты. А гдѣ же мы съ Бланкой поставимъ свое фортопіано? гдѣ будемъ принимать гостей? Да притомъ, хоть бы у насъ и въ самомъ дѣлѣ

были лишнія комнаты, такъ вѣдь братецъ Джоффри хотѣлъ пріѣхать: неужели вы не пригласите его остановиться у насъ?

— Да, конечно. Я было и забылъ. А когда будетъ Джоффри?

— Вѣроятно, скоро. Я его жду не дождусь. Здѣсь такъ скучно. — Мистеръ Вайндемъ, вы не знакомы съ братцемъ Джоффри? Онъ прекрасный, преловкій, прелюбезный мужчина. Вотъ, вы увидите.

— Вѣрю, сударыня, отвѣчалъ Монтегю, нѣсколько удивленный вопросомъ: онъ долженъ быть точно человекъ прекрасный, ежели вы его хвалите. Молодъ онъ?

— Да, еще столько молодъ, что нравится женщинамъ, и въ то же время онъ очень старъ по своей опытности, познаніямъ и умѣнью жить въ свѣтѣ. Я не знаю, гдѣ онъ не бывалъ, чего не видалъ, чего не знаетъ.

— И вы говорите, что онъ хорошъ собой? спросилъ Монтегю улыбаясь.

— Очень хорошъ, отвѣчала дѣвушка. Римскій окладъ лица, черные глаза, прекрасные волосы и отличная фигура.

Юлія не сочла за нужное упомянуть, что братецъ Джоффри былъ нѣсколько лысъ и нѣсколько толстоватъ. Монтегю еще продолжалъ улыбаться, но уже чувствовалъ, что ему становится какъ-то неловко.

— А скоро онъ будетъ? спросилъ онъ у Юліи.

— Надѣюсь, отвѣчала она. Я къ нему напишу, что намъ скучно и онъ тотчасъ пріѣдетъ.

«Она съ нимъ переписывается!» подумалъ Вайндемъ, и эта мысль, онъ самъ не зналъ отчего, усилила еще больше его дурное расположеніе.

— Пашенька, говорила между-тѣмъ Юлія: пойдѣмте домой. Я забыла приказать приготовить къ вечеру мое бѣлое платье.

— Развѣ ты куда собираешься?

— А какъ же, папенька? къ Вайтгедамъ, на музыкальный вечеръ.

— Кажется, ты не хотѣла?

— Да,.... но я передумала. Я не знала, что тамъ будетъ много гостей и танцы и все. Мнѣ непременно хочется быть у Вайтгедовъ.

— Пожалуй, мой другъ.

— А вы приглашены, мистеръ Вайндемъ? спросила она, обращаясь къ молодому человѣку.

— Приглашенъ, отвѣчалъ онъ: но мнѣ не хочется быть на этомъ вечерѣ. Я думаю, тамъ будетъ скучно.

«Скучно! подумала Юлія: скучно тамъ гдѣ я!.... Да это просто обида!» Разгнѣванная дѣвушка позавела, что она сама, за нѣсколько минутъ, точно такъ же отозвалась о музыкальномъ вечерѣ Вайтгедовъ.

Монтегю проводилъ Сентъ-Обайновъ до дверей ихъ дому. Юлія раскланялась съ улыбкой, которая такъ же была похожа на улыбку удовольствія, какъ поддельная роза на живую; но она рѣшилась казаться веселою, и казалась, хотя слезы ежеминутно были готовы выступить у нея на глаза. Войдя въ свою комнату, она позвала горничную и велѣла приготовить себѣ бѣлое платье. Сердце ея сильно билось, кровь волновалась; она ходила взадъ и впередъ, говорила, пѣла, смѣялась. Бѣдненькая! какъ ей было тяжело! Мистрисъ Сентъ-Обайнъ и Бланка долго не соглашались ѣхать къ Вайтгедамъ; онѣ сомнѣвались, чтобы тамъ былъ званый вечеръ: сэръ Цезарь только мимоходомъ говорилъ что-то о музыкѣ, но не настаивалъ на приглашеніи. Однако жъ Юлія умоляла, просила, и онѣ поѣхали.

Ожиданіе ихъ сбылось: у Вайтгедовъ и помину не было о званомъ вечерѣ. Человѣка три пѣхотныхъ офицеровъ практиковали дѣвиць Вайтгедъ во французскомъ языкѣ, при тускломъ мерцаніи двухъ сальныхъ свѣчъ. Прелестныя миссъ выпучили глаза и сдѣлали недовольную мину при входѣ разряженныхъ Сентъ-Обайновъ:

во всему было видно, что онъ вовсе не рады прибытію нежданныхъ гостей. Сэръ Цезарь въ халатъ и въ панталоткахъ выглядывалъ изъ другой комнаты; леди Вайтгедъ спала : ее разбудили и она смотрѣла на мистрисъ Сентъ-Обайнъ такими глазами, какъ-будто отъ роду ея не видывала. Только Антонія и Джеральдина, воображивъ, что можетъ-быть вслѣдъ за Сентъ-Обайнами прійдетъ и Вайндемъ, почли нужнымъ выбѣжать въ свою комнату, чтобъ сдѣлать нѣкоторыя важныя перемѣны и пополненія въ туалетъ. Приведя въ блестящее состояніе свою наружность, миссъ Антонія раскрыла сокровищницу своего ума и познаній, начала толковать о французскихъ классикахъ и романтикахъ; критиковала Шекспира, разбираала Вольтера. Сестра ея, Фибе, рывушка въ бѣленькомъ платицѣ, соскучилась и ушла спать, а Пруденція изъяснила догадку, что Сентъ-Обайны, вѣрно, ужь пили чай, и выслушавъ ихъ благодарность, не упоминала больше объ этомъ предметѣ.

Между-тѣмъ Юлія, ожидавшая найти у Вайтгедовъ гостей и мечтавшая о побѣдахъ, чувствовала себя очень не въ духъ. — «Но онъ прійдетъ, думала она : вѣдь онъ знаетъ, что мы здѣсь». И каждый разъ, какъ дверь отворялась, сердце ея замирало, щеки покрывались румянцемъ, голосъ дрожалъ; но Вайндема всё не было. Она съ нетерпѣніемъ встрѣчала всѣхъ, кто входилъ въ комнату : сперва вошелъ оборванный слуга, Піерро, за ключами, потомъ сэръ Цезарь, въ великолѣпной прическѣ, потомъ опять Піерро, съ двумя лишними свѣчками, потомъ Антонія, съ «вышеупомянутыми» пополненіями и исправленіями въ костюмъ, потомъ Джеральдина, съ такими же перемѣнами : только одинъ Вайндемъ не входилъ..... Юліинъ захотѣлось плакать.

Не нужно говорить объ утомительной скукѣ длиннаго вечера. Сэръ Цезарь былъ боленъ кашлемъ и лечилъ себя единственно разговорами о своемъ старомъ

другъ, лейстерекомъ епископъ, а леди Вайтгедъ говорила, что если бы она была въ своей милой Пустынькѣ, такъ у нея тамъ есть одно удивительное растеніе, которое въ одинъ часъ исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней, особливо отъ ревматизма, следовательно и отъ кашля.

Въ концѣ вечера прелестная миссъ Вайтгедъ, съ знаменитомъ своихъ пѣхотныхъ обожателей, разыграла одинъ знаменитый концертино, и тѣмъ довершила всѣ мученія пытки, которую перенесли ихъ гости. Между офицерами былъ одинъ молодой человекъ, изрядный собою, и воображавшій, что онъ первый красавецъ въ подсолнечной. Ему угодно было замѣтить прелести младшей миссъ Сентъ-Обайнъ : съ увѣренностью въ своихъ достоинствахъ и въ неодолимомъ искусствѣ покорять сердца женщинъ, онъ благоволилъ ею заняться. Будь тутъ же и Монтегю, можетъ-статься Юлія слушала бы этого любезника ; но Монтегю не было : зачѣмъ же она станетъ слушать?... Но вотъ, слава Богу, приличіе позволило Сентъ-Обайну оторваться отъ разсужденія о краснорѣчїи епископа, а мистрисъ Сентъ-Обайнъ отъ подробнаго описанія красоты Пустыньки. Они поднялись и стали прощаться. Юлія рѣшилась не плакать, и не плакала то тѣхъ поръ пока не осталась одна въ своей комнатѣ.

— Отдохнули ли вы отъ вчерашняго балу? спросилъ у нея Монтегю на другой день поутру.

Юлія думала увидѣть его кающима, печальнымъ : вѣсто-того онъ казался спокойнымъ и съ улыбкою смотрѣлъ на нее своими ясными глазами.

— Покорно благодарю, отвѣчала она, покраснѣвъ во всю щеку.

— Вы много танцовали? устали?

— Нѣтъ.... А вы не были?

— Не былъ. Вы и не замѣтили этого? Впрочемъ, не мудрено! въ такой кучѣ гостей, легко просмотрѣть человека, который насъ не интересуеть.

— Тамъ не было кучи гостей : такъ, небольшое общество, занимались музыкой, разговаривали.

— То есть, было то, чего вы ожидали, и вамъ было весело.

— О! очень весело.

— И вашъ прекрасный нарядъ произвелъ свой эффектъ?

— Да, конечно, отвѣчала Юлія, засмѣявшись : тамъ былъ какой-то маіоръ, обожатель миссъ Антонін, много офицеровъ, очень любезные молодые люди, особенно одинъ, мосьё Адонисъ де-Белльтетъ.

— И всѣ эти господа готовы пасть къ вашимъ ногамъ, со всѣми своими блестящими военными подвигами?.... А уменъ мосьё Адонисъ де-Белльтетъ?

— Если подъ словомъ «уменъ» вы разумете «насмѣшливъ», такъ нѣтъ, но ежели для того чтобъ быть умнымъ человѣкомъ, довольно быть милымъ и любезнымъ, такъ да.

— Я думаю, однако жъ, что онъ немножко насмѣшливъ.

— Вы съ нимъ знакомы?

— Знакомъ. Онъ сегодня уморилъ меня со смѣху, рассказывая о вчерашнемъ вечерѣ у Вайтгедовъ. Мнѣ очень досадно, что меня тамъ не было.

Юлія увидѣла, что она попалась въ просакъ; но какъ теперь выпутатся? На эту пору подошляла мистрисъ Бартонъ съ утреннимъ визитомъ, разумется, въ сопровожденіи своихъ непобѣдимыхъ телохранителей. Смущенная и раздосадованная Юлія успѣшила занять гостями, какъ-будто и Богъ-знаетъ какъ имъ обрадовалась. Между-тѣмъ Монтегю, поговоривъ немножко съ Бланкой, ушелъ. При прощаньѣ, онъ ни слова не сказалъ Юліи, да и хорошо сдѣлалъ, потому что она не отвѣчала бы ему, или заплакала. Мистрисъ Бартонъ, по выходѣ молодаго человѣка, углубилась въ дѣтки о его званіи и положеніи въ обществѣ. По ея мнѣнію, это былъ вопросъ чрезвычайно важный : она

полагала что человекъ, который не объявляетъ про себя ничего, кромѣ того, что его зовутъ Монтегю Вайндемъ, подаетъ поводъ къ самымъ невыгоднымъ о себѣ заключеніямъ; что въ немъ должно таиться что-то не доброе; что всякія съ нимъ сношенія неприличны, знакомство опасно; и что она почитаетъ нужнымъ строжайше запретить своей милой Тини разговаривать съ такимъ человекомъ и даже сходитья съ нимъ на разстояніи десяти футовъ. Непобѣдимые капитаны вѣрно вторили ея голосу: одинъ отважился на предположеніе, что Монтегю долженъ быть парикмахеръ, потому что всегда хорошо причесанъ; другой съ своей стороны думалъ, что Монтегю бѣглый актеръ, потому что знаетъ много отрывковъ изъ Шекспира. Юлія, за минуту передъ тѣмъ сердитая на Вайндема, теперь защищала его съ необыкновеннымъ жаромъ. Таковы женщины!

Какъ бы то ни было, размолвка молодыхъ людей продолжалась около мѣсяца. Ни тотъ ни другая не обнаруживали желанія примириться, и, будучи вмѣстѣ, казались безпечными, равнодушными и веселыми, хотя Юлія и поплакивала втихомолку, когда оставалась одна. Но у нея было пропасть воли надъ собственными своими чувствами; она умѣла притворятся совершенно поженски. Сердце ея разрывалось отъ горести, а она улыбалась, и улыбалась такъ мастерски, что Монтегю сталъ не шутя сомнѣваться, полно заслужилъ ли онъ отъ нея что-нибудь болѣе минутнаго предпочтенія. Онъ видѣлъ ее веселою, шутливою, окруженную услужниками и обожателями; она перестала говорить о поэзии, никогда не бывала дома одна, никогда не выходила прогуливаться иначе какъ съ отцомъ или съ матерью, и часто рядомъ съ ней шелъ какой-нибудь молодой человекъ, сегодня одинъ, завтра другой, чаще всѣхъ прекрасный мосьё Адонисъ де-Белльтегъ. Монтегю долженъ былъ вмѣстѣ съ другими смѣяться при ея остроумныхъ шут-

какъ, которыми она разливала вокругъ себя веселость и удовольствіе; порою онъ дѣлался предметомъ ея милыхъ сарказмовъ, отшучивался сколько у него доставало умѣнья, или въ свою очередь самъ нападалъ на нее, дразнилъ ее множествомъ обожателей, которые за нею ухаживали, вспоминалъ про ея любезнаго брата Джозефи, спрашивалъ, скоро ли онъ пріѣдетъ и какъ она встрѣтитъ его.... Разбирайте этихъ любовниковъ!

Однажды Монтегю просилъ ее что-нибудь спѣть.

— Что же вамъ спѣть? Хотите любимый романсъ мосьё Адониса?

— Нѣтъ, нельзя ли меня избавить отъ любимыхъ романсовъ этого франтика?

— Почему же? у мосьё Адониса прекрасный вкусъ.

— Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы вы въ самомъ дѣлѣ такъ думали.

— Напрасно: я именно думаю, что у мосьё Адониса прекрасный вкусъ, не такой, какъ у нашихъ Англичанъ, которые во всемъ ищутъ только однихъ ошибокъ и недостатковъ. Признаюсь, мнѣ очень приятно, послѣ житья съ угрюмыми Англичанами, видѣть около себя милыхъ людей, которые не подстерегаютъ каждаго моего слова и не перетолковываютъ по-своему каждаго моего шагу. Я люблю Французовъ: они умѣютъ нравиться и быть любезными.

— Правда, отвѣчалъ Монтегю. Однако жъ, знаете ли что? я всё-таки думаю, что эти господа, которые умѣютъ нравиться и быть любезными, не заслуживаютъ быть любимыми.

— Да, есть люди, которые не любятъ никого и не находятъ ничего лучше себя. Они смотрятъ на всѣхъ съ высоты своего мнимаго величія. Ихъ судъ похожъ на то, какъ-будто они глядятъ въ зрительную трубку: чтобы увеличить чужіе недостатки, они смотрятъ въ нее съ одного конца, а чтобы уменьшить свои, поворачи-

вають другинь. Но мы съ вами зафилософовались. Полно! Я сего вамъ любимый романсъ Адониса.

И Юлія, сѣвъ къ фортепіано, запѣла прекрасную Беранжерову пѣсню : Ange aux yeux bleus.

— Нравится ли вамъ это? спросила она, кончивъ пѣсню.

— Вы поете прекрасно, отвѣчалъ Монтегю. Но я не люблю французскихъ романсовъ.

— А! вы очень хитро намекаете, чего вамъ хочется. Но я не люблю англійскихъ пѣсенъ.

Монтегю улыбнулся.

— Прощайте, миссъ Юлія, сказалъ онъ. Можетъ-статься мы долго не увидимся : у меня случилось одно неважное дѣло, которое, однако жъ, заставитъ меня на нѣсколько времени отказаться отъ удовольствія быть у васъ.

Юлія промолчала, и Монтегю вышелъ. — «Она ни когда меня не любила», повторялъ онъ мысленно, прохаживаясь по берегу моря и смотря на его голубую поверхность. — «Онъ ко мнѣ совсѣмъ равнодушенъ», сказала сама себѣ Юлія, входя въ свою комнату и отирая слезу. Она начала думать, что Монтегю человекъ нечувствительный, съ сухой и черствой душою; а онъ старался увѣрить себя, что Юлія кокетка и что онъ ее презираетъ.

Еще до ссоры съ Вайндемонъ, Бланка и Юлія иногда, вмѣстѣ съ нимъ, хаживали гулять къ кунальнямъ, гдѣ стоялъ домикъ одного бѣднаго рыбака, у котораго была дочь, дѣвочка лѣтъ семи, хорошенькая какъ ангелъ. Бланка и Юлія очень любили ее и, всякій разъ, проходя мимо рыбацѣй хижины, останавливались поговорить съ милымъ ребенкомъ. Часто онъ приносилъ своей любимицѣ лакомства; Монтегю всегда дарилъ какую-нибудь монету. Разъ, — это было недѣли двѣ спустя послѣ разговору, который описанъ выше, — онъ приходитъ поутру къ Сентъ-Обайнамъ и сказывается,

что три дня уже не видалъ Нинеты на обыкновенномъ мѣстѣ передъ хижиной. Бланка, которая была одна въ комнатѣ, тотчасъ подумала, что вѣрно бѣдная дѣвочка захворала, и просила его зайти въ хижину навѣдаться. Монтегго обѣщалъ исполнить ея просьбу въ этотъ же вечеръ и прійти сказать что узнаеть. Но случилось такъ, что передъ наступленіемъ вечера сестры пошли гулять и непримѣтно очутились вблизи отъ купаленъ. Тутъ Бланка вспомнила о порученіи, данномъ ею Вайндему, и пересказала обо всемъ Юлія.

— О! такъ пойдемъ скорѣе домой, сказала Юлія: не те мистеръ Вайндемъ подумаетъ, что мы нарочно сюда пришли, чтобы съ нимъ встрѣтиться.

Но впрочемъ нежели Бланка успѣла что-нибудь отвѣтить, къ нимъ подбѣжалъ маленькій братъ Нинеты. Онъ сказалъ, что сестра его точно нездорова и описалъ признаки ея болѣзни.

— Бланка! вскричала Юлія, поблѣднѣвъ и задрожавши всею тѣлою: это гнилая горячка. Мы должны предостеречь Монтегго. Онъ, не зная, войдетъ прямо въ хижину и заразится. Конечно, продолжала она скрывавшись: мистеръ Вайндемъ для меня посторонній, но изъ челоуколюбія, изъ состраданія....

Бланка очень хорошо знала, что Монтегго не совсемъ посторонній для сердца сестры ея, и потому охотно согласилась дожидаться его прибытія, чтобы не допустить войти въ хижину. Нѣсколько разспросовъ по сосѣдству подтвердили догадку Юліи: Нинета, точно, была больна гнилой горячкой; въ хижину не входилъ никто, кромѣ доктора. Одна добрая старушка очень трогательно описывала положеніе бѣднаго семейства, и Юлія съ живѣннѣе участіемъ слушала ея рассказъ, какъ вдругъ, оглянувшись на хижину, увидѣла, что Вайндемъ подходит къ ней изъ-за роши, не замѣчая своихъ знакомыхъ. Она хотѣла закричать, но ужасъ лишилъ ее голоса. Не зная сама что дѣлаетъ, она кинулась за Вайн-

домомъ; Бланка побѣжала за ней; но первая неслась съ быстротою ласточки и вбѣжала въ хижину въ то самое время, какъ молодой человекъ, не видя ее, вошелъ въ двери. Ужасъ обхватилъ Бланку : она остановилась и смотрѣла на хижину. Черезъ нѣсколько секундъ Юлія, блѣдная какъ мертвецъ, показалась изъ дверей, ведя за руку Вайндема.

— Монтегю! Монтегю! говорила она, прерывающимися голосомъ : здѣсь зараза.... вы погибнете.... можетъ-быть, о Боже мой! можетъ-быть, я уже опоздала.

И несчастная залилась слезами.

— Чтѣ такое, Юл... миссъ Сентъ-Обайнъ! спросилъ молодой человекъ. Чтѣ такое? повторилъ онъ, относясь къ Бланкѣ, когда Юлія отвела его на нѣкоторое расстояние отъ хижины, а сестра ея опомнилась и подошла къ нимъ на встрѣчу.

Ему объяснили въ чемъ дѣло.

— И вы рисковали своей жизнью, чтобы спасти меня! вскричалъ Вайндемъ, схвативъ руку дѣвушки. О Юлія!.... милая, добрая Юлія!.... взгляните на меня, отвѣчайте мнѣ.

— Бланка отошла отъ нихъ, чтобы отдохнуть подъ деревьями.

— Вамъ можетъ показаться страннымъ мой поступокъ, отвѣчала Юлія, не смѣя поднять глазъ на Вайндема : но если бы я увидѣла и всякаго другаго изъ своихъ знакомыхъ.....

Тутъ голосъ ея оборвался и слезы не дали ей говорить.

— Миссъ Сентъ-Обайнъ, сказалъ Монтегю, удерживая ея руку, которую она хотѣла отнять : извините, что я вѣселялся, будто вашъ геройскій поступокъ даетъ мнѣ право надѣяться, что вы захотите возвратить мнѣ мое прежнее расположеніе. Помните день, продолжалъ онъ съ печальною нѣжностью, отъ которой трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу Юліи : помните тотъ счастливый

день, когда вы так ласково улыбались..... папенька наш предлагалъ мнѣ жить въ одномъ домѣ съ вами?

— Такъ что же, сударь? спросила Юлія : это была необдуманная мысль одного папеньки; ее никто не поддерживалъ.

— Но съ этого дня, миссъ Юлія, вы перемѣнили со мной обращеніе, вы сердитесь на меня, и — знаете ли? сердитесь безъ всякой причины.

— Сержусь? сказала Юлія, обидѣвшись и не скрывая своего гнѣву. Съ чего вы взяли? Что мнѣ на васъ сердиться? Вы всегда были съ нами очень учтивы и притомъ совершенно посторонній для меня человекъ.

— Нѣтъ, о нѣтъ, миссъ Юлія! не называйте меня постороннимъ. Конечно, мы съ вами недавно знакомы, но сердце, какъ бабочка, можетъ прожить цѣлую жизнь въ одинъ день. Вы знаете, что мое сердце любитъ и будетъ долго долго любить васъ. Не смѣю думать о томъ, чего оно могло бы надѣяться въ вознагражденіе своей страсти : если вы справедливы, вы не заставили бы его долго томиться въ мучительной неизвѣстности; вы показали бы, что я долженъ забыть всѣ мечты свои, или ошастливили бы меня сладкой увѣренностью въ мое блаженствѣ. Но, замѣтивъ какъ дороги для меня тѣ минуты, которыя я проводилъ въ вашемъ обществѣ, вы, можетъ-статься, какъ женщина, оскорбились моимъ равнодушіемъ, съ какимъ я отклонилъ отъ себя предложеніе жить съ вами въ одномъ домѣ.

Быстрота и жаръ Вайндемовой рѣчи не позволили Юлія нерервать ее, чтобы сдѣлать возраженіе, которая требовала ея оскорбленная гордость.

— А признаться ли вамъ? продолжалъ между-тѣмъ молодой человекъ : отказъ мой былъ тяжкое, горестное жертвованіе. Не смѣйтесь : улыбка недовѣрчивости, въ каждую минуту, когда я раскрываю вамъ всю свою душу, можетъ меня свести съ ума. Вы думаете, что я

отказался потому только, что ужь сдѣлалъ условіе съ Годнотами?

— Это очень удовлетворительная причина, сказала Юлія.

— Нѣтъ, миссъ Сентъ-Обайнъ, не удовлетворительная, очень не удовлетворительная, когда дѣло шло объ отказѣ отъ величайшаго для меня блаженства: отъ удовольствія видѣть васъ всякій день, всякій часъ, слышать вашъ голосъ, знать, что вы тутъ, такъ близко подлѣ меня. Нѣсколько фунтовъ стерлинговъ неустойки легко избавили бы меня отъ всякихъ обязательствъ съ Годнотами. Но.... миссъ Юлія, мы съ вами оба такъ молоды! а свѣтъ такъ злорѣчивъ!... Живучи подъ одной кровлей съ вами, я не могъ бы не измѣнить чувствамъ своего сердца: злословіе завладѣло бы вашимъ именемъ; а если бы притомъ мнѣ еще не удалось внушить вамъ взаимности, то.... Боже мой! сколько несчастій обрушилось бы на ваше семейство, несчастій, которыхъ нельзя ничѣмъ отвратить!... Миссъ Юлія, продолжалъ Монтегю, съ благородною гордостью: честный человѣкъ долженъ беречь доброе имя той, которую онъ.... уважаетъ. Я сдѣлалъ что могъ, и теперь высказалъ вамъ все откровенно, во-первыхъ, потому что я не заслужилъ вашего гнѣву, а во-вторыхъ, потому что вы, какъ я начинаю думать, чувствуете ко мнѣ отвращеніе. Но надежда упорна, миссъ Сентъ-Обайнъ, и теперешній вашъ поступокъ, ваша человѣколюбивая заботливость о моей безопасности.... Однимъ словомъ, миссъ Юлія, останетесь хоть друзьями.

Юлія взглянула на Монтегю: онъ былъ блѣденъ, глаза его сверкали, какъ молнія. Молодой человѣкъ подалъ ей руку. Невольно, почти невольно, она положила въ нее обѣ свои, и слезы въ два ручья хлынули изъ ея черныхъ глазъ на блѣдныя щеки. Выйдемъ до смерти хотѣлось прижать ее къ сердцу, но въ это время мистрисъ Сентъ-Обайнъ съ мужемъ показались въ

въ некоторомъ отдаленіи и кликали дочерей. Юлія поспѣшно отерла слезы и приняла руку, которую подалъ ей Монтегю. Всѣ вмѣстѣ пошли домой. Дорогою, ей казалось, что Вайндемъ тихо прижимаетъ къ себѣ ея руку; она слышала бѣеніе его сердца. «Онъ любитъ меня! были слова, которыя безпрестанно твердила она мысленно : онъ любитъ меня! И какъ я его люблю! какъ я его уважаю!»

Отецъ и мать, узнавъ обо всемъ случившемся, были, естественнымъ образомъ, очень встревожены, не заразились ли молодые люди, но, къ счастью, все прошло безъ непріятныхъ послѣдствій, а къ довершенію общаго удовольствія, и маленькая Нинета тоже скоро выздоровѣла.

Ларошфукó сказалъ, что любовь исправляетъ кокетокъ; и въ самомъ дѣлѣ, женщина, ежели она влюбится, то есть, влюбится по-настоящему, нѣжно и страстно, теряетъ желаніе прельщать другихъ мужчинъ. Такъ было и съ Юліей : поведеніе ее внезапно перемѣнилось; она еще пѣла, шутила, кокетничала : могло ли и быть иначе, при живости ея нрава, при ея красотѣ? Но теперь эти пѣсни, эти шутки и прочія уловки кокетства Юліи, были устремлены уже не на всѣхъ вообще мужчинъ, какъ прежде, а на одного Монтегю; она хотѣла нравиться, но только ему одному. Между-тѣмъ, исключительное предпочтеніе одного человѣка не могло, однако жъ, переломить и мгновенно исправить ея врожденный характеръ. Многія женщины тѣмъ болѣе стараются показать наружно свою независимость, чѣмъ глубже онѣ внутренно сознаютъ, что благополучіе ихъ зависитъ отъ одного избраннаго счастливца. Къ числу этихъ женщинъ принадлежала Юлія. Она боялась, чтобы Монтегю не сдѣлался для нея тираномъ, и часто притворялась легкомысленною, разсѣянною; умышленно выказывала ему холодность, которая была совершенно чужда ея сердцу, и парочно присвоивала себѣ

капризы, которыхъ она не имѣла, но которые, не менѣе того, должны были приводить въ отчаяніе ея любезнаго.

Съ другой стороны, должно признаться, Юлія была нѣсколько избалована. Постоянная, пламенная, покорная любовь брата Джозефи, приучила ея къ мысли, что всякое ея слово, малѣйшее ея желаніе должно имѣть высокую цѣну и быть закономъ, святынею, въ глазахъ человѣка, который любитъ ее. Напротивъ того, Монтегю былъ олицетворенная отвращенность: онъ чистосердечно высказывалъ свое мнѣніе, хотя бы оно не согласовалось съ мнѣніемъ Юліи; онъ позволялъ себѣ спорить съ нею, не одобрялъ нѣкоторыхъ ея поступковъ, отказывался выполнять нѣкоторыя ея просьбы и желанія, не хвалилъ то ея прически, то ея платья, платье, о которомъ братецъ Джозефи сказалъ однажды, что если бы она въ немъ явилась въ высшемъ лондонскомъ обществѣ, то въ одинъ мигъ покорила бы сердце перваго корифея моды, молодаго, богатаго и прекраснаго графа Кастльтона. Все это, разумется, были такія вещи, къ которымъ Юлія не могла скоро привыкнуть. Поступай Вайндемъ другимъ образомъ, кажись онъ покорнымъ рабомъ, безотвѣтнымъ исполнителемъ ея прихотей, она также превратилась бы вся въ искреннюю и кроткую нѣжность; но Монтегю осмѣливался противорѣчить, и Юлія не хотѣла ему уступить. Избалованная дѣвушка не понимала, какъ человѣкъ, нѣжно ее любящій, рѣшается спорить съ нею; она думала, что любовникъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ любовникъ, долженъ находить въ ней все прекраснымъ, очаровательнымъ, восхитительнымъ. Вотъ, каковы женщины! Будь слѣпъ: онъ любитъ; а осмѣлся открыть глаза, такъ онъ ихъ выцарапаютъ.

Мало-по-малу Сентъ-Обайны познакомились со всеми лучшими домами въ Діеспѣ, и Юлія увидѣла себя между людей, которые могли доставлять ей удоволь-

ствіе своимъ обществомъ. Она проводила время разсыянно : вчера была на гулянь , сегодня собирается на обѣдъ, завтра на вечеръ ; танцы, пикъ-ники и загородныя поѣздки; шумъ, разговоры и всякія игры. Монтегю не постигалъ перемѣны въ ея поведеніи : недогадливому и въ голову не приходило, что она хочетъ въ своемъ любовникѣ видѣть раба.

Такъ пролетѣло два мѣсяца, и хотя молодые люди любили другъ-друга много, думали одинъ о другомъ еще больше, а страдали и мучились еще еще больше, однако жъ между ними не было взаимнаго согласія, и они держались въ томъ же другъ отъ друга отдаленіи, въ какомъ находились по пріѣздѣ въ Діепцъ.

Однажды Сентъ-Обайны были приглашены на большой вечеръ. Любовники въ это время какъ-то поладили больше обыкновеннаго, и потому Юлія дождалась праздника съ большимъ нетерпѣніемъ. На-канунъ, Монтегю вызвался прійти въ три часа, чтобы передъ обѣдомъ сдѣлать съ Бланкой и Юліей одну довольно отдаленную прогулку пѣшкомъ.

— Не забудьте же : въ три часа! были послѣднія слова Юліи, когда они разставались.

Счастливица убѣжала въ свою комнату и предалась мечтамъ объ удовольствіяхъ, которыя ея ожидали завтра. О! какой восхитительный день! съ трехъ часовъ она будетъ вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ, а вечеромъ они опять встрѣтятся въ бальной залѣ, станутъ говорить, танцовать! Въ избыткѣ чувствительности, она сознавалась внутренно, что иногда была очень несправедлива, слишкомъ сурова къ своему любезному, и рѣшилась завтра вовсе переродиться : она хотѣла быть мягкой, доброю, благосклонною.... Богъ-знаетъ, чего не хотѣла она : Юлія и сама еще не умѣла начертить плана своего завтрашняго поведенія, и въ упоеніи кинулась на постелю, взяла и раскрыла книгу, держала

ее больше полу-часа и не знала, что это за сочинение : всеядныя грезы сна слились съ мечтами ея на яву.

На другой день Бланка , со всею одѣтая для прогулки, вошла къ ней въ комнату.

— Три часа ?

— Нѣтъ, еще два.

— Только два !....

Юлія не хотѣла одѣваться : время будетъ казаться ей еще медленнѣе если она одѣнется рано. Однако жъ, надобно было приняться за тоалетъ. Вотъ она готова со всею.... О, Боже мой ! да когда же прійдутъ эти негодные три часа.

Наконецъ, три часа пробило, а Монтегю не является; двѣ минуты четвертаго, а его пѣтъ; прошло, или проползло, еще десять минутъ, — всё нѣтъ !

Юліи стало досадно и удивительно.

— Наши часы бѣгутъ, сказала ей Бланка.

«А его любовь, видно, отстаётъ!» подумала Юлія.

Прошло еще четверть часа.

— Я раздѣнусь, сказала нетерпѣливая дѣвушка: мистеръ Вайндемъ не будетъ.

Со слезами на глазахъ, она хотѣла итти раздѣваться, но Бланка начала ее уговаривать, просила быть спокойнѣе, подождать.

— Сдѣлай мнѣ одолженіе подожди еще съ полъ-часа.

Юлія съѣла; чтобы одолжить сестру, она готова была дожидаться, но для цѣлаго свѣта не могла дожидаться спокойно. Въ это время къ нимъ пришелъ Сентъ-Обайнъ.

— Миетриссъ Бартонъ захала спросила, не хочеть ли кто изъ васъ съ нею прогуляться : у нея одно свободное мѣсто въ коляскѣ.

— Я! я! вскричала Юлія. Подите, папенька, скажите ей, что я ѣду. — Прощай, Бланка! Ежели онъ прійдетъ, скажи, что я и къ обѣду не ворочусь домой; скажи, что ужо, вечеромъ, я буду танцовать первую кадрили съ....

нужды нѣтъ съ кѣмъ : только скажи, что я ангажирована.

Бланка не могла и не хотѣла болѣе ее останавливать. Юлія прокаталась съ мистриссъ Бартономъ до шести часовъ. Возвратившись домой къ обѣду, она узнала, что Монтегю совсѣмъ не являлся, и это разсердило ее тѣмъ болѣе, что мистрисъ Бартономъ видѣла его въ первомъ часу съ сэръ Цезаремъ и тремя миссъ Вайтгедъ : следовательно, причиной его проступка была не болѣзнь, не дѣла, однимъ словомъ, не что такое, почему бы онъ заслуживалъ извиненія. Со слезами на глазахъ и съ досадою въ сердцѣ, Юлія собралась на балъ, дала себѣ обѣщаніе кокетничать со всѣми мужчинами, и не сказать ни слова съ Вайндемомъ. Она легко могла исполнить это намѣреніе. При первомъ появленіи ея въ залу, всѣ глаза обратились на прелестную дѣвушку, которой необыкновенно тщательный туалетъ, пламенный румянецъ досады и твердая рѣшительность произвести впечатлѣніе придавали тысячу новыхъ красотъ. Собраніе было многолюдное : тутъ величались всѣ діеппскія знаменитости, всѣ наши знакомые, кромѣ однихъ миссъ Вайтгедъ. Но отсутствіе ихъ выкупалось другими, болѣе интересными, особами, въ томъ числѣ однимъ молодымъ человѣкомъ, по имени Робертомъ Моррѣ. Познакомимся съ нимъ по-короче.

Робертъ Моррѣ, юноша двадцати двухъ лѣтъ, былъ потомокъ старинной дворянской фамиліи, носивъ бѣдныхъ родителей. Потерявъ отца еще въ колыбели, онъ остался на рукахъ бѣдной матери, которая растратила послѣднія крѣхи своего состоянія, желая приличнымъ образомъ воспитать сына. Робертъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, обнаруживалъ особенную склонность къ изящнымъ искусствамъ : геній живописи благословилъ его колыбель. Не смѣя насиловать врожденнаго призванія, мать дала Роберту полную волю. До девятнадцатилѣтняго его возраста они прожили въ одномъ малень-

комъ англійскомъ городкѣ, терпѣли нужду и горе, холодъ и голодъ : добрая мать всѣмъ жертвовала и ни что не роптала, лишь бы милое дитя ея утвердилось на прямой дорогѣ къ счастью и славѣ, которыя манили его вперед. Но какой славы можно добиться въ узднемъ городѣ? Собравши въ кучу свои пожитки, распродавши все лишнее, а можетъ-статься и половину нужнаго, бѣдная семья отправилась въ Лондонъ, гдѣ Робертъ думалъ усовершенствовать свой талантъ. Зablужденіе! столица непривѣтлива къ таланту, когда у него нѣтъ никакой посторонней опоры. Робертъ съ величайшимъ трудомъ могъ пріискать кой-какія жалкія средства для упражненія своего дарованія, и то ему не удалось сдѣлать большихъ успѣховъ, а между-тѣмъ вся сумма, вырученная продажей послѣднихъ пожитковъ, была истрачена. Чтобы спасти мать свою отъ голодной смерти, молодой человѣкъ сталъ продавать небольшіе рисунки; сверхъ-того, хозяинъ одной литографіи пригласилъ Роберта, какъ хорошаго рисовальщика, заниматься въ его заведеніи, и такимъ образомъ бѣдняки стали жить, не терпя большихъ недостатковъ. Но это было нето, о чемъ мечталъ молодой художникъ и чего желала мать его, убѣжденная въ несомнѣнномъ талантѣ сына. Встрѣтивъ горькую неудачу въ Лондонѣ, Робертъ началъ мечтать о Парижѣ : тамъ художества пользуются бѣльшимъ покровительствомъ ; тамъ, для усовершенствованія своего таланта, не нужно такой пропасти разныхъ условій, которыя не относятся къ дѣлу, но не менѣе того такъ могущественны, что безъ нихъ нельзя сдѣлать шагу. Наконецъ, благопріятное стеченіе обстоятельствъ доставило имъ случай переселиться въ Парижъ. Робертъ началъ учиться съ особеннымъ прилежаніемъ, работалъ денно и ночно : утро проводилъ передъ образцами великихъ старинныхъ художниковъ, послѣ обѣда рисовалъ дома на продажу, а ночью читалъ, чертилъ, вы-

писывалъ разныя мѣста изъ историческихъ и археологическихъ сочиненій, или составлялъ планы для будущихъ картинъ своихъ. Слѣдствіемъ всего этого былъ чрезвычайный, неизвѣстный, успѣхъ; но въ то же время здоровье его ужасно разстроилось отъ усиленныхъ трудовъ, безпрестанныхъ думъ и безконечныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. По совѣту врача, онъ переехалъ съ матерью въ Діеппъ, гдѣ чистый приморской воздухъ и морскія купальни могли возстановить его падшія силы. Дѣйствительно, Робертъ какъ-будто ожилъ въ провинціальномъ уединеніи. Нѣсколько удачныхъ портретовъ, безъ большаго труда доставили ему средства къ спокойному существованію. Робертъ принялся за три историческія картины, которыя хотѣлъ послать на выставку въ Лондонъ; между-тѣмъ свободныя часы его пролетали въ прогулкахъ по берегамъ моря, въ созерцаніи величественныхъ красотъ природы и въ удовольствіяхъ общества: Робертъ былъ принятъ въ нѣкоторыхъ домахъ и, какъ молодой человекъ, не могъ противиться заманчивости общественныхъ удовольствій.

Бланка и Юлія никогда еще не видала бѣднаго художника, но онѣ знали подробно его исторію, и потому мудрено ли, что имъ было очень пріятно встрѣтить его на этомъ балѣ? Красотъ такъ прилично усыпать цвѣтами путь генія! Двѣ дѣвушки почли за долгъ обратить на него особенное вниманіе, быть съ нимъ привѣтливѣе нежели со всякимъ другимъ; но Юлія, въ то самое время какъ она старалась показать Роберту свое высокое уваженіе къ его таланту, всё думала о Вайндемъ. Монтегю не было; оскорбленная дѣвушка не могла не замѣтить также, что не было и семейства Вайтгедъ.

Но при началѣ первой кадрили Вайтгеды явились. Несмотря что хозяйка дому не знала ихъ, сэръ Цезарь поставилъ себя въ обязанность пріѣхать для засвидѣтельствованія ей своего почтенія, и пріѣхалъ не одинъ:

за расчесаннымъ парикомъ его, двигался огромный чепецъ великолѣпной его сожигательницы; за нею вертѣлись, прыгали и шумѣли миссъ Антонія, миссъ Джеральдина, миссъ Пруденція, миссъ Фибе, миссъ Анна и миссъ Елена, въ замово-перешитыхъ платьяхъ. Юлія съ изумленіемъ смотрѣла на эту толпу, но, судите объ ея чувствахъ! вслѣдъ за Вайтгедами явился и Монтегю!... Оскорбленная дѣвушка еще болѣе утвердилась въ своемъ намѣреніи не говорить съ нимъ ни слова.

Здѣсь намъ пора, однако жъ, раскрыть читателямъ великую тайну, которая заставила Вайндема не прійти, по уговору, къ Бланкъ и Юліи, и явиться на балъ въ аррьергардъ семейства Вайтгедъ.

Былъ только второй часъ по полудни, но молодой человекъ, вспоминая улыбку и взглядъ, съ которыми Юлія вчера приглашала его, не могъ усидѣть дома и пошелъ къ Сентъ-Обайнамъ. Задумавшись, не обращая ни на кого вниманія, онъ проходилъ мимо многолюднаго рынку, какъ вдругъ слышитъ: «Здравствуйте сэръ!» — и въ то же время около него раздалось нѣсколько голосовъ, которые говорили въ запуски другъ передъ другомъ: «Здравствуйте сэръ!... здравствуйте сэръ!» Это были Цезарь Вайтгедъ, миссъ Антонія, миссъ Пруденція и миссъ Джеральдина.

— Пойдемте къ намъ завтракать, сказала миссъ Пруденція.

— Покорно благодарю. Мнѣ надобно къ тремъ часамъ быть въ другомъ мѣстѣ.

— Къ тремъ? До трехъ еще долго.

Миссъ Антонія повисла у него на лѣвой рукѣ, миссъ Джеральдина на правой.

— Вы не можете отказаться. Это будетъ невѣжливо.

— Но я отозванъ.

— И я отозванъ на завтракъ къ Годнотамъ, сказалъ сэръ Цезарь, который самъ себя туда отозвалъ. Пожалуйста, мистеръ Вайндемъ, проводите моихъ дочерей.

Дѣвицамъ такого званія ити однимъ неприлично, а мнѣ пора : Годноты, я думаю, давно меня дожидаются.....

Монтегю былъ принужденъ уступить. Времени до трехъ часовъ оставалось еще довольно, и онъ думалъ, что успеетъ отдѣлаться. Въ домъ Вайтгедовъ на него напали другіе члены семейства. Комната была загромождена мольбертами, вездѣ стояли натянутые на рамы холсты, а вонь отъ лаку и варенаго масла такъ и обдавала входящаго.

— Садитесь ко мнѣ, сказала ему леди Вайтгедъ. Пруденція велитъ подать намъ что-нибудь завтракать ; между-тѣмъ я расскажу вамъ, какія перемѣны хочу сдѣлать въ своей Пустынькѣ. Садитесь, пожалуйста.

— Но прежде посмотрите сюда, перебила миссъ Джеральдина.

— И сюда! и сюда! и сюда! подхватило еще нѣсколько голосовъ.

Монтегю долженъ былъ осмотрѣть по очереди всѣ произведенія талантливыхъ миссъ Вайтгедъ : одна показывала ему портретъ своей маменьки, очень похожій на мопса, другая ландшафтъ, съ голубыми оттѣнками, третья корзинку съ какими-то фантастическими цвѣтами, а четвертая голову Юлія Цезаря, которую нельзя было отличить отъ головы обезьяны.

— Прекрасно! прекрасно! повторялъ Монтегю, думая про-себя, какъ бы ему поскорѣе вырваться изъ этого омота.

Но видно похвала его была соблазнительна : старая леди Вайтгедъ, усадивши его рядомъ съ собою, принялась чертить перомъ какія-то каракули, выдавая это за видѣ дому въ Пустынькѣ, а между-тѣмъ миссъ Антонія и миссъ Джеральдина тащили его, каждая въ свою сторону, говоря, что онъ нарисуетъ его портретъ.

Не имѣя возможности сопротивляться, потому что для этого оставалось только развѣ вступить въ руко-

пашный бой съ прекрасными миссъ Вайтгедъ, Монтегю свѣтъ противъ мольберта Джеральдины, но лишь только она успѣла привести его въ надлежащее положеніе, что было сопряжено съ большой проволочкой времени, потому что миссъ Джеральдина находила весьма пріятнымъ трогать Вайндема за лицо и за голову, какъ вдругъ Пруденція провозгласила, что готовъ завтракъ. Надобно было идти въ столовую. Тамъ гостепріимная леди Вайтгедъ прочла обстоятельный ланнегирикъ каждому кушанью, и очень жалѣла, что Монтегю никогда не бывалъ въ Пустынькѣ, потому что Пустынька истинный рай для охотниковъ до густыхъ сливокъ и сыру. Монтегю слушалъ, дѣлая надъ собой неимоверныя усилія, чтобы проглотить что-нибудь изъ расхваленныхъ блюдъ. А время летѣло, летѣло! После завтраку, прекрасныя миссъ, несмотря ни на какія отговорки, засадили несчастнаго опять передъ мольбертъ, и Джеральдина, снова ощупавши его щеки, начала выводить огромную голову въ полъ-аршина, которой онъ не успѣлъ и измѣрить по движеніямъ художницы, какъ замѣтилъ, что Антонія, сидя съ другой стороны, тоже выводитъ голову еще больше.

Что дѣлать въ такихъ бѣдственныхныхъ обстоятельствахъ? Монтегю рѣшился выдержать пытку и задумался о своей возлюбленной. Мечта перенесла его въ домъ Сентъ-Обайновъ, оттуда на балъ. Онъ позабылся что сидитъ у Вайтгедовъ, и воображалъ себя возлѣ Юліи, въ большой залъ. Какая тѣснота, шумъ! какой ослѣпительный блескъ, пестрота, движеніе! сколько народу! какъ всѣ заняты! Никто и не думаетъ о любовникахъ, уединившихся посреди многолюдства. Боже мой, какъ онъ счастливъ! Юлія совсѣмъ перемѣнилась: она слушаетъ его внимательно, отвѣчаетъ ему ласково, нѣжно. А какъ она хороша! Боже мой, какъ она хороша!

— Смотрите, носъ! сказала миссъ Джеральдина, слѣ-

ляжи смѣлый штрихъ по фигурѣ, въ видѣ большой картофелины.

Вайндемъ проснулся. Первымъ его движеніемъ было взглянуть на часы : половина четвертаго !

— Куда вы ?

— Чтò вы ?

— Сидите !

— Зачѣмъ вы вскочили ?

Вайндемъ не слушалъ ничего и бѣгалъ какъ помѣшанный ; но догадливыя миссъ ужь предвидѣли эту вспышку и заранѣе припрятали его шляпу.

— А ! вы ищете шляпы, отвѣчала Антонія на его нештовые вопросы. Который часъ ?

— Половина четвертаго.

— Половина четвертаго ? Такъ вы опоздали.

— Нужды нѣтъ. Я долженъ итти.

— Пустое.

— Пустое ! пустое ! повторило нѣсколько голосовъ.

И, какъ-будто шутя, прелестныя миссъ не отдали ему шляпы, заставили бѣдняка опять сѣсть на стулъ и не выпускали его отъ себя до самаго вечера, когда наконецъ папенька, возвратившійся отъ Годнотовъ, объявлялъ, что онъ, и безъ зову, можетъ везти ихъ на балъ, оттого что его не звали, вѣроятно, единственно по ошибкѣ.

— Посмотрите же носъ, сказала тогда миссъ Джеральдина, которая, какъ видно, чувствовала особенное ищечіе къ этому члену.

Но Монтегю, выручивъ свою шляпу, не хотѣлъ уже слушаться. Минуту спустя, его не было въ домъ Вайтгодовъ. Онъ кинулся къ Сентъ-Обайнамъ : они увхали. Надо было скорѣе бѣжать домой, одѣться и скакать на балъ. Монтегю дорожилъ каждой минутой : земля горѣла у него подъ ногами, сердце билось, руки дрожали. Но, вы знаете, гдѣ спѣшать, тутъ-то именно и не ладится. Кончилось тѣмъ, что молодой человекъ,

какъ мы видѣли, прѣвхалъ на балъ въ одно время съ семействомъ Вайтгедъ.

Юлія танцевала, когда онъ вошелъ въ залу. Остановившись вдали, онъ слѣдовалъ за каждымъ ея движеніемъ. «Какъ-то она меня встрѣтитъ? думалъ онъ: повѣритъ ли она моимъ оправданіямъ? О! конечно, повѣритъ: можно ли не повѣритъ человѣку, который такъ ее любитъ? Ежели она обнаружитъ сомнѣніе, это будетъ значить, что она никогда меня не любила.» Такъ утѣшалъ себя Монтегю, забывая, что поведеніе его, въ самомъ дѣлѣ, было довольно странно. Но мужчины всегда готовы обвинить женщину и пропустить безъ замѣчанія собственные свои грѣхи. Однако жъ, Вайндему стало немножко странно: Юлія продолжала танцевать, не обращая на него никакого вниманія; она танцевала съ прекраснымъ Адонисомъ, разговаривала, смѣялась, была такъ мила съ своимъ партнеромъ, а ему, бѣдному, хотъ бы взгляды! Монтегю подвинулся и раскланялся съ Бланкой. Бланка тоже очень сухо отвѣчала на его поклонъ: очевидно, что сестры ссорятся. Монтегю не подумалъ, что этотъ гнѣвъ — лучшее доказательство ихъ вниманія, и морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ. Въ смущеніи, онъ отошелъ къ дивану, гдѣ сидѣла мистрисъ Сентъ-Обайнъ, и хотѣлъ у матери искать защиты отъ гнѣву дочери; но увы! и тутъ неудача: мистрисъ Сентъ-Обайнъ находилась въ крѣпкой осады отъ москѣ Дюбоа и сэръ Цезаря; одинъ рассказывалъ ей о своемъ обширномъ и знатномъ родствѣ и знакомствѣ; другой надсажался, стараясь увѣрить ее, что она похожа на розу, а дочери ея на розовыя распуковки. Видя, что ему тутъ нечего дѣлать, Монтегю ушелъ въ отдаленный уголъ, съ намѣреніемъ дожидаться конца кадрили и тогда подойти къ Юліи или къ Бланкѣ, и рассказать имъ всѣ свои приключенія. Кадриль кончилась; онъ вскочилъ.... Но Юлія была непрístupна: ее окружала толпа молодежи, съ

услугами, съ комплиментами. Вайндемъ долженъ былъ обратиться къ сестрѣ. Бланка сперва слушала его очень холодно, однако жъ по-немногу смягчилась: повѣствованіе Монтегю носило на себѣ столь вѣрные признаки истины, а самъ онъ казался такимъ несчастнымъ, что нельзя было ему не повѣрить. Между-тѣмъ, въ залѣ составлялась другая кадрили : Юлія была уже ангажирована, Бланка тоже. Монтегю рѣшился не танцовать и пошелъ-было опять въ прежній уголъ, какъ вдругъ къ нему подбѣжала Антонія.

— Мистеръ Вайндемъ, вонъ тамъ недостаетъ одной пары. Пойдемте.

Отказываться нельзя, невѣжливо, да миссъ Антонія и не дала ему говорить, а просто взяла и насильно повела къ мѣсту. И по несчастію имъ пришлось танцовать противъ Юліи : для миссъ Антоніи торжество, для Вайндема новая мука. Онъ не смѣлъ смотрѣть на свою любезную, которая съ своей стороны не хотѣла удостоить его ни однимъ взглядомъ. «Несчастный! думала она : мало того, что онъ не сдержалъ обѣщанія, пріѣхалъ на балъ вмѣстѣ съ Вайтгедами, слѣдовательно, провелъ у нихъ цѣлый день, промѣнялъ меня на Вайтгеда : онъ еще смѣетъ танцовать противъ меня съ этой наглой дѣвчонкой, съ Антоніей.....» Какъ и въ самомъ дѣлѣ не разсердиться?....

По окончаніи кадрили Бланка отвела сестру въ сторону и передала ей все, что слышала отъ Вайндема.

— Скажи ему, отвѣчала Юлія : что я совершенно его извиняю. Человѣкъ, который позволилъ управлять собою какой-нибудь миссъ Антоніи, не заслуживаетъ, чтобы я на него сердилась.

— Но полно, Юлія! ты сердишься.

— Нимало. Я очень рада, что мистеръ Вайндемъ находитъ удовольствіе въ обществѣ миссъ Антоніи. Бѣдный братецъ Джоффри! я была къ нему очень несправедлива!

— Но, посмотри, Юлиа, какъ онъ жалокъ.

— Да, братецъ Джофри очень жалокъ. Но я... я переменяю къ нему; я хочу его любить, я буду его любить.

Сэръ Цезарь помышлялъ дальнѣйшему разговору. Дѣвочки разошлись. Бланка сообщила Вайндему отвѣтъ сестры своей. Молодой человекъ почти обезумѣлъ: блѣдный, задумчивый, онъ скитался изъ комнаты въ комнату, не говоря ни съ однимъ человекомъ и не принимая участія ни въ какихъ забавахъ.

Между-тѣмъ забавы шли своей чередой: послѣ танцевъ начали играть въ фанты; мосьё Дюбоа былъ главнымъ распорядителемъ и заслужилъ всеобщую похвалу: только одинъ сэръ Цезарь Вайтгедъ сомнѣвался, приличны ли подобныя игры для такихъ знатныхъ дѣвицъ, какъ его дочери, и хотѣлъ отнестись по этому случаю къ дядюшкѣ, епископу лейстерскому.

— Антонія, сказалъ онъ: напомни мнѣ завтра написать къ его степенству. Ежели онъ не одобритъ фантовъ, въ такомъ случаѣ ты, и прочія миссъ Вайтгедъ, болѣе не играете.

— Слушаю, папенька, отвѣчала Антонія: но вотъ тутъ осталось еще нѣсколько фантовъ. Что съ ними дѣлать?

— Я разыгрываю ихъ самъ, сказалъ сэръ Цезарь. Чей бы фантъ ни вынулся, я беру его на себя. Спрашивай.

— Чей фантъ вынется, что́ тому дѣлать? спросила Антонія, возвысивъ свой рѣзкій и пронзительный голосъ.

— Пусть тотъ сядетъ на тронъ, отвѣчалъ сэръ Цезарь: онъ будетъ представлять турецкаго султана, который принимаетъ дары отъ своихъ подданныхъ. Всякій долженъ одѣлать ему какой-нибудь подарокъ, до ленточки, кто кольцо, кто что́ хочетъ; мужчинамъ могутъ давать и деньги.

Валюня была очень затейлива, но не имела успику; лица не выхотала дарить сорь Цезаря и просили его не вмешаться въ дѣло. Повторили вопросъ, назначили другой розыгрышъ и вынули фантъ. Жребій упалъ на Юлію : ей досталось быть статуей, то есть, стоять на скамейкѣ и принимать разныя положенія, какое кто ей назначитъ.

Этотъ розыгрышъ очень не понравился Вайндему : молодой человекъ не могъ равнодушно вообразить, что всякій Французъ, всякій повеса, будетъ брать Юлію за руки, прикасаться къ ея талии, къ головѣ, къ плечамъ, и приводить ее въ то положеніе, которое ему больше нравится, можетъ-быть съ оскорбленіемъ ея дѣвчешей скромности. Онъ сказалъ о томъ Бланкѣ и вышелъ изъ комнаты, чтобы не быть свидѣтелемъ неприятной для себя сцены. Бланка ту же минуту передала все сестрѣ, которая между-тѣмъ, несмотря что была очень сердита на Вайндема, начинала ужъ чувствовать къ нему некоторое сожалѣніе : блѣдность и печальный видъ Монтегю трогали ея любящее сердце. Выслушавъ разсказъ Бланки, она отъ души пожелала не огорчать его; но какими же образомъ избѣжать исполненія фанта? Добрая сестра вызвалась взять его на себя, и какъ изъ числа собесѣдниковъ многіе находили ее пригожою Юлію, то это не подаю поводу къ большому спорамъ : всѣ изъявили согласіе, и Бланка очень весело и непринужденно разыграла скучную роль статуи. Робертъ Морре былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, которые давали ей разныя позы; онъ вздумалъ представить ее въ видѣ «Состраданія, оплакивающего смерть генія», и выполнилъ эту мысль мастерони. Комната огласилась громкими рукоплесканіями. Вайндемъ только протривился любопытству, и съ предвѣстимъ сердцемъ подошелъ къ двери, ожидая увидѣть на мѣстѣ Юлію. Но она видѣна не свесетъ нѣсть, была блѣдна и задумчива. Монтегю шумела, смотрѣя то

на нее, то на сестру ея, и не втирает своимъ глазами. Между-тѣмъ Бланка, при общикъ восторженныхъ крикахъ, сошла съ пидеестала. Глаза ея давно уже заглятыли Монтегю; и она поспѣшила пересказать ему все, что случилось. Можно судить о Вайндемовой радости. Вынули еще фантъ, опять Юлинь. На этотъ разъ ей доставалось провальсировать съ мосьё Дюбоа, но Юлія, помня, что Вайндемъ почитаетъ вальсъ танцемъ неприличнымъ для молодыхъ дѣвушекъ, хотѣла опять уклониться. Бланка не могла замѣнить ее, потому что она никогда не вальсировала. Надобно было искать кого-нибудь другаго. Юлія взглянула на Монтегю; глаза ихъ встрѣтились; молодой человѣкъ понялъ чего она хочетъ, и схвативши Француза, ну вертѣтъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ не началъ просить пощады.

Какъ весело бились сердца Юліи и Вайндема, когда послѣ этого Бланка нашла случай посадить ихъ другъ возлѣ друга! Они еще не помѣнялись ни словомъ; но Юлія слышала вздохи Вайндема, Вайндемъ слышалъ вздохи Юліи, и взгляды ихъ не разъ ужъ встрѣчались между собою. Дѣвушка потушала свои глаза; на нихъ тронетали слезы. Молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее съ упоеніемъ. Оба хотѣли бы много, много сказать другъ другу, но не смѣли заговорить, не знали съ чего начать: только чувствовали, что они любятъ другъ друга безъ памяти.

— Вы простили меня? наконецъ спросилъ Вайндемъ.

— О, Монтегю!

— Вы знаете, что я не заслуживалъ вашего гнѣву?

— О! знаю.

— Хотите ли, чтобы я рассказалъ всю исторію? Она помѣняла вась.

— Нѣтъ! Не рассказывайте мнѣ ничего. Въ другой разъ я готова смѣяться, но теперь.... теперь я такъ счастлива, что мнѣ хочется плакать.

Черезъ несколько минутъ движеніе, происшедшее

въ комнату, и оставило ихъ встать съ мѣста. Они отошли къ окну. Ночь была прекрасная, теплая, свѣтлая; и темно-голубомъ небѣ не было ни одной тучки; луна изшла между безчисленныхъ звѣздъ и обливала своимъ серебрянымъ свѣтомъ долину, роши, холмы и, вдали, безпредѣльное пространство моря. Въ одно и то же время, какъ-будто по симпатіи, любовники взглянули сперва на луну и потомъ другъ на друга. Монтегю взялъ Юлину руку; дѣвушка не сопротивилась: она чувствовала, что какая-то непреодолимая сила влечетъ ее къ Вайндему. И въ этомъ положеніи они долго, долго стояли, не говоря ни слова, потому что на человеческомъ языкѣ нѣтъ такихъ словъ, которыми бы можно было выразить то, что имъ хотѣлось сказать.

— Ужинать! ужинать! повторялъ сэръ Цезарь, проходя мимо.

— Гдѣ вы пропадали послѣ фантовъ? спросила у Монтегю миссъ Антонія.

За миссъ Антоніей показался Визеръ. Мистрисъ Дашвудъ и мистрисъ Фетфуль вели его подъ-руки.

— Нѣтъ, москѣ Визеръ! кричалъ ему Дюбоа: я не спорю, что вы прекрасный малой, *vous êtes un charmant garçon*; однако жъ, позвольте мнѣ отнять у васъ мадамъ Дашвудъ.

Другіе гости столпились въ дверяхъ.

— Да проходите же, господа! говорилъ сердито сэръ Цезарь. Мистеръ Дюбоа, вы загораживаете дорогу. Не всё ли равно, идти одному, или съ дамой, когда идемъ ужинать? Антонія! Джеральдина! Пруденція! Фибе! сюда! сюда!.... Мистрисъ Сентъ-Обайнъ, не угодно ли?

Но мистрисъ Сентъ-Обайнъ не хотѣла оставаться ужинать.

— Что съ тобою, мой другъ?, сказала она подходя къ Юлиѣ вмѣстѣ съ Блэккой, которую велъ отецъ: отчего ты такая блѣдная? не больна ли ты? Мистеръ

Вайденъ, докажите се колы-руку: прощайте насъ! Мы идемъ.

Вайденъ не воставилъ повторять просьбы. Какъ онъ блаженствовалъ, чувствуя руку Юлии между своего сердца! Но лэстница такъ хороша! коляска уже готова: надо разетаться. Утѣшая себя мыслями о завтрашнемъ днѣ, онъ посадилъ дамъ въ коляску, и вслѣдъ за ними поѣхалъ также домой.

На другой день Сентъ-Обайны были обрадованы письмами изъ Англїи. Братецъ Джофри прислалъ кучу подарковъ и писалъ особо къ каждому члену семейства; Лїонель писалъ только къ Юлиі. Вотъ его письмо.

«Милочка Юлинька!

«Надѣюсь, что ты здорова и по-прежнему хороша. Я сдѣлался преобстоятельнымъ человѣкомъ: вѣрно вы это ужъ знаете. Здѣсь, въ университетѣ, только о томъ и говорятъ. Пересталъ играть въ карты, почти не знаюсь съ новысами; отъ дурныхъ словъ, которыхъ вы съ сестрою не понимали, совсѣмъ отсталъ. Братецъ Джофри продолжаетъ меня лудить, и потому я не имѣю надобности прибѣгать къ сеудамъ. Посылаю тебѣ кой-какіе подарки. Хотѣлъ послать больше, да ты вѣрно бы не взяла, а ктому жъ у меня нѣтъ денегъ. Чортъ-знаетъ, куда дѣваются деньги! Онъ задолжалъ портному, сапожнику, хозяину; а какъ полюдица говоритъ: «по одежкѣ протягивай ножки»: то ты, душечка, не разсердишься, что мы, студенты, поступаемъ, смотря потому, хороша ли на насъ полуда. Сентъ-Джонъ давно не видалъ, Кастльтона также. Не знаю, знаешь ли ты Кастльтона. Удивительный малой! то есть, въ самомъ дѣлѣ удивительный, а не то чтобы такъ, повѣса, какимъ ты, пожалуй, сочтешь его оттого что я очень хвалю. Натъ, онъ въ другомъ родѣ, даромъ что мы друзья. Жаль, если ты его не знаешь. Мнѣ часто приходитъ въ голову, что бы славный женихъ для Юлиі, потому что онъ такъ и шлетъ что крикеты, а денегъ у него куча. Помилуйте, душечка, не влюбись въ какого-нибудь французскаго мѣтуна!

или изъ замороченаго Англичанина. Я слышала, что некая француженка, названная, въ Дюшанъ там-тушанъ. На Рождество поеду къ сэръ Крезу. Прощай. Желаю тебѣ спокойной ночи. Смерть хочется спать : цѣлый день бѣгалъ въ запуски, а завтра, чашь-свѣтъ, отправляюсь на охоту. Кланійся патеру и поцалуй мамоньку и сестру. Горююшь кончить.. Ялу, ты пропастъ ! какъ хочется свать ! Братъ твой

«Людвигъ Семтъ-Обайнъ.»

«Ежели Кастльтонъ съищется къ тому времени, какъ я поеду съ вами повидаться, такъ можетъ-быть я и его привезу, чтобы ты на него посмотрѣла. Сейчас же ложусь.»

Прочитавши это коротенькое письмо, Юлія взяла толстое посланіе братца Джозефа и, распечатывая его, увидѣла на оберткѣ слова : «Прочтите не медля. Это касается до вашего паненьки». Юлія ту же минуту побѣжала къ себѣ и начала читать слѣдующее :

«Многое, очень многое я хочу сказать вамъ, ежели дрожащая рука моя будетъ въ состояніи управлять перомъ, а разстройство мыслей и трепеть сердца не помешаютъ связывать рчи. Вы знаете, какъ нѣжно, какъ искренно я люблю васъ. Я люблю васъ до такой степени, что нахожу въ себѣ силы жить съ вами въ разлуку, для счастья особъ, милыхъ вашему сердцу. Другіе умираютъ для своихъ возлюбленныхъ; я дѣлаю больше : я переношу мучительную жизнь въ одиночествѣ, не зная, когда васъ увижу, и не свзя даже утѣшать себя мыслию, что вы цѣните мое пожертвованіе, что вы отдаете мнѣ справедливость, что вы не видите человека, заслужившаго вашу признательность, на какого-нибудь бродягу безъ вины, который умѣетъ только льстить вашему самолюбию. Но нѣтъ ! быть не можетъ ! Я помню, что вы обѣщали мнѣ сладостную награду за труды и заботы о вашемъ батюшкѣ. Вы не исполнили. Однако жъ, милая Юлія, надобно приступить къ дѣлу. Притомъ хочется узнать страшную новость. Ключича по тѣлѣ моего батюшки, я имѣла несчастье сдѣлать одно открытіе, которое мнѣ убиваетъ. Нерадно его знаю по секрету, и ежели вы не захотите сохранный этой тайны, то не читайте

«Дальше, бросьте письмо въ огонь: объ этомъ семействѣ только споминать; но, можетъ-быть, и самимъ живымъ можно батюшкамъ.»

Юлія остановилась, и, блѣдная, трепещущая, нѣсколько секундъ не могла рѣшиться продолжать чтеніе; но мысль объ отцѣ заставила ее преодолѣть свою робость: она подняла выпавшее изъ рукъ письмо и стала читать далѣе.

«Вы знаете, Юлія, что я въ родствѣ съ вашимъ семействомъ. Какъ ни странно вамъ это покажется, однако жъ я долженъ признаться, что когда мы въ первый разъ встрѣтились съ вашимъ батюшкой, то ни онъ, ни я, не умѣли опредѣлить степени своего родства. Родители мои умерли за границей, его — также. Я считалъ себя происходящимъ отъ младшей линіи, и хотя прежде думалъ, что могу доказать права свои на темпльтоновское имѣніе, о которомъ хлопочетъ вашъ батюшка, однако жъ, съ-тѣхъ-поръ какъ познакомился съ вами, выбросилъ изъ головы эти мысли, вѣря въ старшинство его правъ, которыя составляли мечту всей его жизни. Батюшка вашъ до-сихъ-поръ убѣжденъ, что онъ единственный законный наследникъ; но по разсужканіямъ, которыя я долженъ былъ сдѣлать, чтобъ доказать права его, открылось, что наследникъ не онъ, а я!

«Прадѣдъ вашего батюшки и мой были родные братья, дѣти Ліонеля Сентъ-Обайна, брата барона Темпльтона. Я всегда думалъ, что мой прадѣдъ былъ младшій, но теперь оказывается, что прадѣдъ вашего батюшки былъ еще моложе, потому что баронъ имѣлъ еще третьяго племянника, и тотъ былъ старше обоихъ нашихъ предковъ, но умеръ холостымъ. Не могу понять, какимъ образомъ вышла ошибка, подавшая вашему батюшкѣ поводъ считать себя ближайшимъ наследникомъ: прадѣдъ его имѣлъ двухъ старшихъ братьевъ, следовательно, не могъ наследовать. Какъ бы то ни было, но какъ и мой прадѣдъ также имѣлъ надъ собой одного старшаго наследника, то они оба, вѣроятно, предвидя свою печальную будущность, присоединились къ партиѣ претендента, и этимъ такъ огорчили своего отца.»

дядю, что отецъ не пускалъ ихъ къ себѣ на глаза, а дядя какъ-будто и вовсе забыть про нихъ.

«Они уехали на твердую землю и тамъ влюбились оба въ одну кокетку, которая несколько времени водила ихъ за носъ, и наконецъ вышла за Люневелъ, то есть, за вражда нашего батюшки. Это поселило между ними жестокий раздоръ. Мой прадедъ, Джозефи, уехалъ въ Америку, и разнесся слухъ, будто-бы онъ уморъ тамъ не жалявшись, но я могу доказать, что онъ вступилъ въ законное супружество и что я происхожу отъ него по прямой линіи.

«Будучи въ ссорѣ съ отцемъ, съ дядею, съ братомъ, онъ не имѣлъ съ ними рѣшительно ни какихъ сношеній, никогда не говаривалъ о своей фамиліи и внушилъ такое же равнодушнѣе своимъ дѣтямъ. Занятіе его было торговля: онъ пустился на спекуляціи и составилъ себѣ порядочный капиталъ. Старшій сынъ его, мой дядь, счастливо продолжалъ коммерцію, женился и умеръ, оставивъ послѣ себя значительное имѣніе и одного сына, отца моего.

«Въ батюшкѣ ожила старинная гордость фамиліи Сентъ-Обайновъ. Онъ вздумалъ отыскивать доказательства своего происхожденія, собралъ нѣсколько документовъ, но умеръ на дорогѣ въ Англію. Я остался съ матушкой въ Нью-Йоркѣ. Мнѣ было только двѣнадцать лѣтъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, я хотѣлъ продолжать батюшкины разысканія, но матушка старалась отклонить меня, и я, изъ сыновней покорности, не предпринималъ ничего, до-тѣхъ-поръ какъ, по смерти ея, переехавши въ Англію и познакомившись въ вашнѣ батюшкой, случайно открылъ теперь всю исторію вашей фамиліи. Изъ этой исторіи видно, что прадедъ и дядь вашего батюшки жили всегда въ Франціи и померли, не оставивъ послѣ себя ни какого состоянія. Отецъ его перѣехалъ въ Англію, вступилъ въ военную службу, собирая доказательства о своемъ происхожденіи, чтобы получить темпльтоновское наследство, но былъ убитъ на сраженіи, прежде нежели ему удалось что-нибудь доказать. Вашъ батюшкѣ наследовалъ отъ него ошибочную мысль о правахъ своей линіи; но какъ предки его долго жили во Франціи, не имѣя съ Англіею никакихъ сношеній, то въ предпріятіи вашего батюшки втратилось множество разныхъ времѣ-

судил, и только вышло, мои же возвышенныя труды, раскрыта вся истина, увиди истину, для меня чрезвычайно горькая, потому что она лишаетъ моего батюшку и мать правъ на наследство, передавая ихъ мнѣ.

«Разъяслишь о настоящемъ положеніи дѣла, и желалъ бы, моя милая Юлія, чтобы вашъ батюшка до конца своей жизни, въ счастливомъ невѣданіи объ истинѣ, пользовался всеми правами и почетами, о которыхъ онъ такъ давно мечтаетъ. Съ моей стороны это почти не будетъ пожертвованіемъ, потому что я доставлю тѣмъ удовольствіе отцу моей Юліи. Что касается до послѣдствій, то ежели Богу будетъ угодно, чтобы мы его пережили, въ такомъ случаѣ я предоставляю на вашу волю, представлять ли мнѣ права свои, или нѣтъ. Это будетъ зависеть преимущественно отъ одного обстоятельства, о которомъ я не хочу говорить, потому что вы его угадываете. О, милая Юлія! если бы вы знали, какъ я васъ люблю! Короны цѣлой Европы, сокровища всего свѣта, я все готовъ принести въ жертву, только бы обладать вами. Я не честолюбивъ; меня не льститъ титулъ лорда; я думаю только о вашемъ счастьи, о вашемъ спокойствіи, о безбѣдной и независимой жизни, которую я желалъ бы доставить вамъ посредствомъ богатства. Не лучше рѣшите сами, и, не забывая собственно обо мнѣ, помните только своего батюшку, матушку, любезную Бланку, которую я люблю какъ сестру, и милого Мишеля, котораго я вполнѣ стараюсь удерживать отъ печалей.

«Теперь, милая Юлія, позвольте мнѣ предложить вамъ советъ, предостеречь васъ отъ неприятностей. Я слышалъ, что ваши домашніе поретко познакомились съ однимъ человекомъ, котораго называютъ себя Мантего Вайндемонъ. Беритесь этого человека, Юлія: онъ лжецъ; онъ не точь-в-точь кажется; имя его не Вайндемонъ. Чтобы убедиться въ справедливости моихъ словъ, спросите у него только о леди Маріанн Марсонъ, и вы увидите, какъ онъ смѣшается. Я слышалъ, что леди Маріанна была за него помолвлена, но ему отказали; когда открылось что онъ за человекъ. Впрочемъ, можетъ быть, это и не совсѣмъ правда. Удостоверитесь сами, какъ я вамъ говорю; только осторожное, честное слово, не врутъ. Впрочемъ, онъ имѣетъ видъ не Бланку».

такъ вамъ, по долгу сестры, надо предостеречь ее. Надюсь, что она, какъ дѣвушка умная и добродѣтельная, не попадетъ въ разставленныя сѣти.

«Зачѣмъ, моя милая и несравненная Юлія, да хранить имя Возвышеннѣйшій подвѣзъ твоей милосердой десницею. Сомнѣе мое извѣстно, потому что все въ немъ написанное, какъ и счетъ дѣлъ вашего батюшки, такъ и о Вайндемъ, должно оставаться между вами и мною въ глубокой тайнѣ. Весною надюсь увидѣться съ вами въ Діенъ, а до-тѣхъ-поръ поручаю себя вашей драгоценной памяти.

«Вѣчно ваши,

«Джозеффи Селва-Обайль»

Пока Юлія читала это длинное и мучительное письмо, душа ея вытерпѣла ужаснѣйшія страданія. Рокотныя извѣстія, которыя сообщалъ ей Джозефри относительно темпльтоновскаго наслѣдства; его надежда, или, лучше сказать, увѣренность, что она согласится выйти за него замужъ; его самоотверженіе, привязанность, наконецъ таинственное предостереженіе насчетъ Монтегю, и ужасная новость, что онъ былъ помолвленъ на другой женщинѣ, все это почти обезумило несчастную дѣвушку. — «Боже мой! Боже мой! говорила она про себя: что будетъ со мною?»

Бланка постучалась въ дверь и сказала, что Монтегю пришелъ звать ихъ въ гавань, на встрѣчу кораблю, который идетъ изъ Англій.

— Я думаю, ты готова, говорила ей Бланка: папенька ужъ послалъ за коляской, чтобы ѣхать въ Вилльдѣ. Мистеръ Вайндемъ отправляется вмѣстѣ съ нами. Мы будемъ тамъ обѣдать и ночевать, а завтра воротимся.

— Нѣтъ, Бланка, отвѣчала Юлія: я не пойду смотреть на корабль: я нездорова.

Но минутъ десять спустя, какъ всѣ ушли въ гавань, она вдругъ переѣмнила намѣреніе. Мысль о леди Маріаннѣ не выходила у нея изъ головы; Юлія хотѣла скорѣй объясниться съ Вайндемомъ и побѣжала на на-

бережную, въ надеждѣ догнать домашнихъ. Набережная была полна народу; корабль стоялъ ужъ у пристани; пассажиры сходили; ихъ встрѣчали друзья и знакомые; шумъ, бѣготня.... Юлія замѣтила дамоноцъ евоикъ, и старалась пробраться къ нимъ оишею тоишу другихъ зрителей. Въ это время на набережную вышла прекрасная молодая дама, оишраея на руку ножилаго мужчины. Она была удивительно хороша; красота ея принадлежала къ тому роду, который свойственъ исключительно англійской аристократіи : длинныя свѣлорусые волосы, блѣдное, нѣжное лицо, правильныя черты, большіе голубые глаза и высокій ростъ съ величавой, нѣсколько горделивой, осанкой, придававшей чрезвычайно обворожительную наружность. Вышедъ на набережную, она томно окинула взглядомъ всѣхъ зрителей, и вдругъ, закричавъ : « Монтегю ! » упала въ объятія молодого человека.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЗАПИСКИ АЛЬФИЕРИ.

Альфиери занимаетъ высокое мѣсто въ богатой литературѣ семнадцатаго столѣтія; Италия гордится его произведеніями и внесла его имя въ спискиъ украшенныхъ именами Данте, Петрарка, Тассо и Аріоста. Альфиери знаменитъ какъ поэтъ, но онъ не менѣе замѣчателенъ какъ человѣкъ; Независимый, гордый, независимый характеръ, желанная воля, и необузданныя страсти даютъ всей его жизни разную окраску. Онъ былъ раздражителенъ, но благороденъ; лютъ, угрюмъ и холоденъ съ посторонними, но вѣрный, неотступный другъ, и вѣжливый, благодарный сынъ. Исторія его поэтическаго развитія въ высшей степени занимательна: она доказываетъ всю силу человѣческой воли. Альфиери до двадцати шести лѣтъ не думалъ о поэзіи; но зная даже роднаго языка. Но, вдругъ пресмыкающаго призваніе поэта, и самолюбивый Альфиери, стыдился и краснѣя, садился за перо и началъ трудиться, безпрерывными трудами возмещая потерянное время. Его не останавливаютъ нужды, недостатокъ, онъ самъ унижаетъ свои потребности, создавая въ себѣ возможность заниматься

ихъ новыми, лучшими. Сколько трудовъ перенесъ Альфиери, какое прожилъ тяжелое время, сколько разъ оскорблялось его щекотливое самолюбие, пока онъ сказалъ наконецъ самому себѣ: «И я поэтъ!»

Записки Альфиери вышли въ прошломъ году, въ Парижѣ, во французскомъ переводѣ. Онъ носитъ на себѣ характеръ самой строгой истины. Это исповѣдь чловѣка, который такъ гордъ и такъ уврѣенъ въ себѣ, что говорить прямо, не искажая ничего, не умаляя своихъ недостатковъ. Съ жестокостью палача онъ обнажаетъ душу и раскрываетъ сердце, какъ-будто стоитъ передъ судомъ своей совѣсти. Альфиери былъ такъ самолюбивъ, что не хотѣлъ подпасть подъ чужое перо и потому самъ предупредилъ своихъ будущихъ биографовъ, стараясь правдивымъ рассказомъ уничтожить клеветниковъ и успокоить догадливость ученыхъ толкователей.

Графъ Викторъ Альфиери родился въ Пиемонтѣ, въ небольшомъ городѣ Асти, 17 января 1749 года, отъ благородныхъ родителей, «и это происхожденіе, говоритъ онъ, давало мнѣ возможность, не подвергая себя нареканію въ низости или зависти, презирать собственно одной высокою порокой, свѣло разоблачать недостатки и пороки людей въ многомудру и смѣяться надъ тѣмъ, что въ нихъ бывають иногда смешного. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, полезное и существенное дѣйствіе случайности моего протекшенія сдѣлало то, что я иногда и ничтъ не занималъ благороднаго поприща и оскла; на которое былъ призванъ. Достаточность средствъ и снѣжане станила меня въ возможность не торговать чести и нравственности, совѣстью и независимостью мнѣнья; а только работать одной только истины и благодаря чистотѣ нравствъ и честности моихъ родителей, не красясь за мое происхожденіе.» И, дѣйствительно, отецъ его, Антонио Альфиери, не занимал ни какой общественной должности и ничтъ не отличался; не привлекала на себя вниманія своихъ согражданъ, пользовался однако же всеобщимъ уваженіемъ, единственно за несгибающую честность нравствъ и необыкновенную обязательность характера. Будучи уже почти шестидесяти лѣтъ, онъ влюбился въ вдову маркизы Катерини, урожденную Мальоръ де-Турнонь, и женился на ней; но годъ

спустя послѣ рожденія сына, умеръ. Оставшаяся сиротой мать малютки Альфиери, черезъ много лѣтъ, выйдя въ третій разъ замужъ за кавалера Гвидио Альфиери де-Маддано, который принадлежалъ къ той же фамилии, и счастливо прожила съ нимъ до глубокой старости. Она была, въ полномъ смыслѣ, добродѣтельная женщина, и приобрѣла своею скромною и безпорочною жизнью любовь и уваженіе дѣвухъ жителей городка Асти.

Одно изъ первыхъ дѣтскихъ впечатлѣній, сохранившихся въ памяти Альфиери, была разлука его съ сестрою, которую отдали въ монастырь. Послѣ этого семейнаго происшествія, онъ одинъ оставался въ родительскомъ домѣ; воспитаніе его поручили попеченіямъ стараго, честнаго священника, по имени донъ-Ивальди, который надѣлялъ его всѣмъ чимъ могъ, отъ скудной своей учености; онъ училъ его писать и ариметикъ и вмѣстѣ съ нимъ, съ грѣхомъ по поламъ, переводилъ Корнелія Непота, да басни Фэдра.

Совершенное одиночество, въ которомъ жилъ маленькій Альфиери, имѣли сильное вліяніе на его нравственное развитіе. Меланхолическая задумчивость была слѣдствіемъ этого уединенія и связаннаго съ нимъ однообразія жизни. Но въ то же время ребенокъ уже обнаруживалъ явные признаки пыллаго и раздражительнаго характера. Онъ дѣлался боленъ отъ каждаго наказанія, которое оскорбляло его дѣтское самолюбіе. Самымъ ужаснымъ, обиднымъ для него наказаніемъ былъ ночный визаный коннакъ, въ которомъ обыкновенно посылали его за шпалей въ приходскую церковь въ обѣдню. Разъ какъ-то маленький Альфиери провинился, а, главное, отперся и болталъ; преступника пообличили, нарядили въ ненавотный коннакъ и, вмѣстѣ съ учителемъ, отправили въ церковь, да ужь не въ приходскую церковь, а святаго Мартына, находящуюся среди городка, куда собиралось все, что было лучшаго и знаменитаго въ Асти. Дорогой маленький Альфиери фразой, плакалъ и причаля, не только что пришелъ въ церковь онъ замолчалъ, сталъ на колѣни, закинулъ глаза и продолжалъ всей разумнаго не видѣть и не слышать; возвратившись домой, онъ не всталъ, не пилъ, легъ въ постель, и заворчалъ не

на-шутку. Мать перепугалась, насилу могла уговорить его успокоиться, принять лекарство и несколько пищи. Съ той поры не было помину о колпака, а, главное, маэской Альфieri не жаль уже больше и, ктэ знает? можетъ-быть этотъ-то колпакъ и сдѣлалъ его на всю жизнь самымъ правдивымъ и искреннимъ человекомъ.

Альфieri съ дѣтства былъ гордъ и честолюбивъ, настойчивъ и упрямъ, и въ то же время сносливъ и терпеливъ, какъ радко бывають дѣти въ его лѣта; но при небрежномъ воспитаніи всѣ эти порывы сильнаго характера оставались безъ развитія и могли даже принять дурное направленіе. По счастью, опекуны и дядя его по отцу, Пеллегрино Альфieri, возвращаясь послѣ долгаго путешествія по Франціи, Англіи и Голландіи черезъ Асти въ Туринъ, замѣтилъ умственныя и нравственныя способности своего племянника, и обративъ вниманіе на жалкое его воспитаніе, сталъ уговаривать мать отпустить его съ нимъ, убѣждая въ необходимости образованія, котораго она, при всемъ своемъ желаніи, не могла ему доставить домашними средствами. Послѣ долгихъ споровъ, увѣщаній и самой жаркой борьбы съ привязанностью матери къ единственному сыну, умному дядѣ удалось наконецъ уговорить мать, она согласилась, и малолѣтній Альфieri, вырвавшись изъ ея объятій, оставилъ въ первый разъ родительскій кровъ въ 1758 году, уѣхавъ съ дядей и, прибывъ въ Туринъ, вступилъ воспитанникомъ въ тамошнюю академію. Новый, неизвѣстный міръ явился передъ Альфieri, по-крайней-мѣрѣ болѣе обширное поприще открылось его умственному развитію. Но оно могло быть еще обширнѣе и полезнѣе, если бы туринская академія, по своему составу, расположенію классовъ и способу преподаванія въ нихъ не уничтожала охоты къ ученію, иногда въ самомъ любознательномъ воспитанникѣ; если бы сухая, бездушная система полу-ученыхъ воспитателей не охлаждала самыхъ пылкихъ способностей. Грустно тянулись годы школьной жизни Альфieri; переходя медленно изъ класса въ классъ, изъ отдаленія въ отдаленіе, изъ возраста въ возрастъ, онъ испытывалъ на себя всю пытку педагогическаго, безсмысленнаго ученья, вырожденіи котораго, самъ говоритъ про себя, былъ осломъ среди ословъ, руководимыхъ таннымъ

же ослаби. Вдобавокъ къ недостаткамъ школьнаго образованія, къ грубостямъ и жестокому обращенію ассистентовъ, или помѣстныхъ надзирателей, которые, болѣею частью были все изъ невидѣ простолудниковъ и невидѣ наторговъ, къ соблазнительному и безнравственному поведенію старшихъ, которое не могло не тревожить юнаго воображенія и не дѣйствовать на необразовавшіяся еще наклонности, малютка Альфиери, сверхъ моральныхъ и умственныхъ недуговъ, страдалъ и тѣлесно. Тяжкая болѣзнь, которой причиною было золотушное расположеніе, мучило его продолженіемъ нѣсколькихъ лѣтъ. Тѣло его поарывалось ранами, нарывами, потѣмъ струпьями; кожа слезала, волосы падали; жалко было взглянуть на несчастнаго ребенка и, вмѣсто участія и ухода, одно пренебреженіе старшихъ и насмѣшки младшихъ и товарищей, которые иначе не называли его, какъ «гнильмъ» или «вадалью», преслѣдовали его всюду. Несмотря однако же на все это, желѣзная воля и твердость характера и въ ребяческомъ возрастѣ поддерживали будущаго генія Италіи. Самолюбіе подстрекало его; усвѣхи товарищей удваивали его собственное прилежаніе; онъ не терпѣлъ соперниковъ и трудился до тѣхъ поръ, пока уже никто не сталъ оспаривать у него мѣста; но достигнувъ этой цѣли и не поощряемый ничѣмъ, онъ, весьма естественно, впалъ въ бездѣйствіе и охлаждался въ порывахъ своей ревности къ занятіямъ, которыхъ прямой и существенной пользы не могъ еще понимать, какъ ребенокъ.

Около этого времени попался ему Аріосто, но пріобрѣтеніе этой книги обошлось не дешево. Одинъ изъ школьныхъ товарищей Альфиери уступалъ ему сочиненія знаменитаго италіянскаго поэта по частямъ, и бралъ съ него на обмѣнъ, за каждую книжку, по порціи пыленка, которую раздавали воспитанникамъ по воскресеньямъ. Впрочемъ, Альфиери сознается самъ, что дурно еще понималъ въ то время Аріосто, и что пріобрѣтенная имъ польза отъ этого чтенія не стояла пожертвованія порціями; вдобавокъ къ этому, одинъ изъ ассистентовъ замѣтилъ какими запрещенными плодами занимаются его воспитанники, и конфисковалъ Аріосто.

Еще прежде класса риторического, подъ руководством довольно сносного, въ сравненіи съ другими наставниками, донъ-Аматиса, дѣтское самолюбіе Альфіери подверглось сильному испытанію, вступивъ соперника въ одномъ изъ своихъ товарищей. Спорились за первенство; память противника была необычайная: шесть сотъ стиховъ наизусть изъ георгикъ Виргилія, безъ ошибки даже въ одномъ слогѣ, были ему ни-по-чемъ; Альфіери могъ выучивать только по четыреста, и то съ большимъ трудомъ и даже вредомъ для своего слабаго здоровья. Послѣдствія такого соперничества были иногда бѣдственны для самолюбиваго малютки: онъ разрывался, плакалъ, страдалъ душою и тѣломъ, но никогда не ссорился съ своимъ противникомъ, уважая его достоинства, а, главное, любя его за наружныя качества: соперникъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова, а для Альфіери красота въ человекѣ, въ лошади, въ собакѣ, вообще въ каждомъ животномъ, была съ малолѣтства выше всего и, съ перваго взгляду, дѣлала на него столь сильное впечатлѣніе, что на некоторое время лишала способности разсуждать, и часто скрывала отъ него истину.

Изъ риторическаго класса, гдѣ безъ донъ-Аматиса онъ опять, какъ говорить, свѣлся среди ословъ, Альфіери будучи уже четырнадцать лѣтъ отъ роду, перешелъ въ классъ философіи и началъ посѣщать университетъ, потому что некоторые предметы философскаго класса преподавались тамъ, а вслѣдствіе этого онъ необходимо сталъ пользоваться и бѣльшею свободою; по-крайней-мѣрѣ приставленный къ нему дядька, Андрей, не видялъ его некоторыхъ проказъ и не былъ безщадно и самовольно, какъ это водилось прежде. Въ классъ философіи, несмотря на то что Альфіери былъ моложе всѣхъ своихъ товарищей, онъ равнялся однако же съ ними, и часто, не понимая сухихъ, педагогическихъ положеній, отвѣчалъ на нихъ даже лучше чѣмъ другіе, затворживая дѣяніемъ отвѣты; но съ геометріею, которую читали по книгамъ Эвклида, не могъ справиться; да и кому полезли бы въ голову проблемы греческаго математика на латинскомъ языкѣ? послѣ объѣда, хотя и весьма тощаго, анатомическаго, проблемы эти всего меньше могли вмѣщаться въ голову Альфіери, который самъ назыв-

вѣтъ ее совершенно антигеометрическуи. Посреди скучныхъ, утомительныхъ и безполезныхъ занятій, Альфиери ималъ и нѣкоторые развлеченія; самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ въ эту эпоху его жизни было посѣщеніе въ первый разъ опернаго театра. Удовольствіе это доставилъ ему, урывкомъ и обманомъ отъ начальниковъ, дядя, бывшій губернаторомъ въ Кони и прѣхавшій на время въ Туринъ. Давали il Mercato di Marmontile, оперу, сочиненіе одного изъ извѣстныхъ маэстро того времени, и играли въ ней, пѣрвые буффы Италіи, Карратоли и Бальюни съ дочерьми. Восторгъ зрителей былъ неимовѣрный, но впечатлѣніе, произведенное на четырнадцати-лѣтняго Альфиери, превосходило все. Онъ возвратился домой въ самомъ страстномъ расположеніи духа; звуки толпились въ его груди, головѣ, сердцѣ; музыкальная гармонія наполняла все существо его, фантазія кипѣла, чувства волновались, мысли самыя поэтическія смѣняли одна другую. «Въ этомъ порывѣ вдохновенія, въ эту минуту, говоритъ онъ, я былъ готовъ съѣсть и писать стихи, и писалъ бы ихъ, если бы зналъ какъ взяться, если бы хотя сколько-нибудь понималъ самага себя и чувствовалъ свои силы.» Впечатлѣніе, произведенное въ первой разъ музыкой на душу Альфиери, осталось навсегда въ его памяти. Это искусство сдѣлалось для него вдохновительнымъ двигателемъ; всѣ почти его трагедіи впоследствии были задуманы подѣ влияніемъ музыки, всѣ драматическія ситуаціи, самыя страшныя и самыя трогательныя, были плодомъ этого искусства. «Онъ входили въ меня, говоритъ онъ, въ мою голову, въ мое воображеніе, вмѣстѣ съ звуками, и ничто, никогда, не дѣлало на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ музыка вообще и въ особенности голоса женскіе и контральто.»

Около этого времени умеръ дядя, бывшій опекуномъ его, и по піемонтскимъ законамъ четырнадцати-лѣтній Альфиери сталъ полнымъ распорядителемъ весьма значительнаго состоянія. Опекуна замѣстилъ попечитель, но власть такого попечителя весьма ограничена: онъ не можетъ требовать отчета въ употребленіи годовыхъ доходовъ и имѣетъ одно только право не допускать продажи недвижимаго имѣнія. Такимъ образомъ Альфиери, сверхъ всякаго ожиданія,

ств заветной мнѣн школы, почти вдругъ вступилъ въ очаровательный кругъ независимой, разсыпанной жизни, и преданъ ей общеніемъ со всею горячкою еще неопытнаго юноши. Явились друзья, которые, по привычкѣ всѣхъ друзей этого рода, жили и тѣшились на счетъ своего товарища. Впрочемъ, первая половина этого періода жизни Альфieri не ситъ еще слишкомъ рѣзкій слѣдъ его ребяческаго возраста: во всѣхъ шалостяхъ, движеніяхъ ума, души и сердца виденъ всё-еще школьникъ только-что вырвавшійся на волю. Поэтическимъ обстоятельствомъ въ это время была первая любовь Альфieri. Онъ жилъ на дачѣ своихъ двухъ университетскихъ товарищей, друзей по охотѣ, такихъ же какъ онъ смѣльчаковъ на скачкѣ и собесѣдникахъ на *подслащеннѣхъ* еще пирушкахъ. Въмѣстѣ съ ними, тутъ же на дачѣ, жила жена старшаго брата товарищей Альфieri. Живыя, огненные черты лица, и игривое, непринужденное обращеніе хорошенькой, миленькой брюнетки, плѣнили Альфieri; онъ привязался къ ней, какъ привязываются пятнадцатилѣтніе пылкіе мальчики, влюбился въ нее, какъ влюбляются юноши, — будущіе поэты, и вотъ какъ самъ описываетъ первые признаки этой первой страсти: «Я грустилъ по ней и впадалъ въ самую глубокую меланхолю, искалъ ее и находя тотчасъ же убѣгалъ, смущался оставаясь наединѣ съ нею и бродилъ по всѣмъ закоулкамъ города, чтобы увидѣть, когда она пройдетъ по той или по другой улицѣ; не могъ слышать, когда назовутъ ея имя и еще меньше самъ говорить о ней, словомъ, я испыталъ на себѣ всѣ стѣнки того чувства, той страсти, которая съ такимъ искусствомъ, съ такою любовью описаны нашимъ вдохновеннымъ Петраркомъ. Не многіе понимаютъ ихъ, немногіе чувствуютъ, но эти немногіе избранники и возвышаются надъ толпой, они-то и дѣлаются жрецами искусства.»

Второй періодъ той же эпохи юности Альфieri замѣтеленъ уже не дѣтскими страстями, хотя по сущности не иначе капризными и странными, какова напримѣръ страсть къ лошадямъ. Лошадь для Альфieri была все, была его другъ, сестра, товарищъ, любовь, мечта, трагедія. Въ красивѣхъ статьяхъ этого гордаго животнаго, онъ видѣлъ и обожалъ

все прекрасное и возвышенное міра идеальнаго и вещественнаго. Цѣлуя гриву коня, онъ цѣловалъ какъ-бы локонь волосъ милой сердцу; трепля коня по шеѣ, онъ пожималъ руку друга; смотря въ его величавый, огненный взоръ, онъ чувствовалъ невольный трепетъ уваженія и смиренія, какъ-бы передъ героемъ-побѣдителемъ, или въ томъ же самомъ взорѣ читалъ вдохновеніе и увлекался имъ, согрѣтый теплотою дѣйствительно поэтическаго чувства. Мы увидимъ впоследствии до чего доходила эта страсть къ лошадямъ въ Альфіери. Другая его страсть была къ путешествію. Первое, которое онъ сдѣлалъ, было, какъ мы сказали, въ Туринъ, въ академію. Перемена предметовъ и движенія быстро мчавшагося экипажа сдѣлали сильное впечатленіе на малютку. Потомъ, въ академіи, знакомство и рассказы некоторыхъ товарищей изъ иностранцевъ, Французовъ, Англичанъ, Нѣмцовъ, всего болѣе Русскихъ, содѣйствовали не мало къ возбужденію любопытства и развитію этой врожденной страсти въ Альфіери. Оставивъ академію, первое о чемъ онъ наиболѣе позаботился, первое что всего сильнѣе взволновало его—было желаніе удовлетворить этой страсти къ путешествіямъ. Вступивъ въ военную службу въ одинъ изъ провинціальныхъ кавалерійскихъ полковъ королевства сардинскаго, онъ взялъ отпускъ и черезъ содѣйствіе мужа своей сестры выпросилъ у короля позволеніе, отправился на годъ въ Римъ и Неаполь съ некоторыми изъ своихъ товарищей, онъ, къ крайнему своему прискорбію, подъ надзоромъ весьма солиднаго и почтеннаго наставника, родомъ Англичанина. Кроме-того ему дали ловкаго и вѣрнаго камердинера, Илью, который впоследствии сдѣлался неразлучнымъ его товарищемъ почти во всехъ путешествіяхъ. Увольненіе это стоило Альфіери большихъ хлопотъ, искалъ и даже хитрости, и онъ самъ сознается, что этотъ случай былъ единственнымъ въ его жизни, въ которомъ онъ интриговалъ и хитрилъ, а не шелъ на-прямикъ, какъ бывало обыкновенно.

Въ октябрь мѣсяцъ 1776 года, Альфіери отправился въ дорогу, и первый городъ, въ которомъ онъ остановился, былъ Миланъ. Но послѣ Генуи и Турина, Миланъ и его

мѣстоположеніе не понравились ему. Какъ совершенный невжда, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на достопримѣчательности города. Въ Амвросіанской библіотекѣ показали ему, между прочимъ, собственноручный манускриптъ Петрарка; Альфіери взялъ его, повертѣлъ въ рукахъ, и безъ зазрѣнія совѣсти бросилъ, какъ вещь вовсе для него не занимательную. Десять лѣтъ спустя, мы увидимъ, что этотъ самый Петрарка былъ болѣе чѣмъ важенъ для Альфіери, и что каждая строчка, каждый стихъ признаннаго поэта иначе дожились на душу и сердце поэта еще не узаннаго. Изъ Милана, пробывъ тамъ двѣ недѣли, Альфіери отправился черезъ Парму и Модену, въ Болонью, которая съ своими портиками, колоннадами, храмами и другими произведеніями, замѣчательными по всемъ родамъ искусствъ, не могла остановить чловѣка, жаждавшаго переменны мѣсть, какъ воздуха, какъ необходимой для него потребности. Наконецъ, въ исходѣ октября, онъ пріѣхалъ въ Флоренцію, и это былъ первый городъ, который понравился ему послѣ Турина. Посѣщая галереи, дворцы, церкви, болѣе по волѣ другихъ чѣмъ по собственному побужденію, Альфіери между прочимъ былъ пораженъ изумленіемъ при видѣ гробницы Микель-Анжело Буанороти въ Сентъ-Кроа, и не могъ не почтить памяти этого гения художественнаго міра, не могъ не сказать въ душѣ своей, *«Великіе только тѣ, которыхъ дѣла, мало того что велики, но и прочны»*... Но и это единственное размышленіе пришло ему вскользь, и сердца тогдашней, пустой и разсѣянной, его жизни было, въ полномъ смыслѣ, кандей въ морѣ. Самымъ уваженіемъ къ Микель-Анжело, онъ былъ обязанъ тогда не собственному сознанію, а рассказамъ и толкамъ объ искусствахъ одного изъ своихъ дамъ, который былъ архитекторомъ въ Туринѣ и который не говорилъ иначе о Микель-Анжело, какъ прежде славъ шляцу.

Пробывши мѣсяцъ въ Болоньи, Альфіери снова соскучился, и, черезъ Луку, Пизу и Ливорно отправился въ Римъ. О Римѣ онъ имѣлъ по-крайней-мѣрѣ хотя нѣкоторое, тѣмное, понятіе, и потому съ трепетнымъ ожиданіемъ приближался къ нему. Дорогой онъ почти не спалъ, не переставая твердить про себя: «Соборъ, Коллеа, Панде-

онъ.» Наконецъ, въ одинъ изъ декабрьскихъ дней 1776 года Альфіери уподѣлъ въчуждый городъ, столицу всѣхъ городовъ, вѣнокъ, народовъ, — увидѣлъ Римъ. Ожиданіе не обмануло Альфіери; первое, что остановило его, было громадный памятникъ архитектуры, — церковь святаго Петра. Другіе памятники искусства, славы, величія римскаго, также привлекали его, но храмъ святаго Петра преимущественно. Каждый день, но нѣскольکو разъ, онъ прибѣгалъ къ нему; смотрѣлъ на него, и съ каждымъ разомъ удивленіе его болѣе и болѣе возрастало. Первое пребываніе Альфіери въ Римъ продолжалось всего осемь дней, но и въ это короткое время онъ убѣдился, что «если кто хочетъ отдохнуть отъ мѣшурной ничтожности остальнаго міра, то долженъ ѣхать въ Римъ,» вѣдствіе чего далъ себѣ слово непременно возвратиться въ него при первой возможности.

Между-тѣмъ приближалась зима, а съ нею и время карнавала. Альфіери расположился съ своими товарищами провести его въ Неаполь, куда и прибылъ на второй день праздника Рождества Христова. Но Альфіери любилъ въ путешествіи именно путешествіе; разъ на мѣсть онъ начиналъ скучать, и самыя разнообразныя окрестности Неаполя не могли надолго приковать его. Общество также не привлекало его; познакомившись случайно въ Неаполь съ нѣкоторыми молодыми людьми изъ хорошихъ фамилій, онъ не сблизился съ ними и, по врожденной необщительности характера, даже дичался ихъ. Женщинъ, хотя любилъ, но избѣгалъ, и имѣя твердое намѣреніе ѣхать за Апеннины онъ именно боялся затѣять какую-нибудь интригу и попасться въ сѣти. Въ это время душа Альфіери искала одной только дѣятельности и полной независимости. Последняя много терпѣла отъ скучнаго товарищества двухъ спутниковъ и надзору Англичанина. Альфіери задумалъ освободиться отъ нихъ. Представленный къ неаполитанскому двору, онъ вошелъ въ милость сардинскаго посланника, и воспользовавшись его хорошимъ расположеніемъ, упросилъ исходатайствовать ему въ Туринъ свободу путешествовать одному. Представительство почетнаго, государственнаго человека, въ этомъ случаѣ помогло какъ-вѣдьма лучше, и Альфіери добился наконецъ того, чего хотѣлъ такъ давно.

Простившись съ Неаполемъ, съ товарищами, съ посланниками, къ которому сохранилъ навсегда уваженіе, и который въ свою очередь полюбилъ его, совѣтовалъ ему учиться политикѣ и посвятить себя дипломатическимъ занятіямъ, Альфіери, на свободу, независимый уже ни отъ кого, тотчасъ же собрался въ дорогу, и первую цѣль своего путешествія избралъ только-что оставленный имъ Римъ. Слугу своего, Илью, онъ отправилъ впередъ, а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и самъ. Поселившись въ Trinite dei monti, вначалѣ онъ съ жаромъ предавался разсматриванію всѣхъ достопримѣчательностей Рима, которыя въ первое, кратковременное, свое пребываніе видѣлъ только мелькомъ; но этотъ жаръ продолжался не долго; Альфіери скоро охладѣлъ въ порывахъ своей любознательности; скука, меланхолія, жажда странствованій стали томить его но-прежесму; но болѣе всего тяготило его незнаніе и совершенное невѣжество въ тѣхъ предметахъ, которыхъ стыдно было не знать всякому порядочному челоуѣку. Напрасно Альфіери боролся съ самимъ собою, принуждалъ себя жить въ Римѣ и разсматривать его: духъ странствованій увлекалъ юношу дальше. Онъ познакомился въ это время съ графомъ Ривіеро, сардинскимъ посланникомъ, находившимся въ Римѣ, и черезъ его ходатайство выпросилъ себѣ дозволеніе путешествовать по Франціи, Англіи и Голландіи, а самъ между-тѣмъ, къ празднику Вознесенья, отправился въ Венецію. Путешествіе это Альфіери сдѣлалъ болѣею частью пѣшкомъ, изъ скупости и расчета. Причиною ихъ была временная размолвка съ попечителемъ, который не соглашался удовлетворять всѣмъ излишнимъ его прихотямъ и, отговариваясь разстройствомъ дѣлъ по имѣнію, хотя высылалъ деньги, но въ самомъ умѣренномъ количествѣ. Нечего дѣлать! надобно было по неволѣ скупиться, и эта скупость дошла до-того, что онъ отказывался даже платить жалованье Ильѣ, до-тѣхъ-поръ пока Илья вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и погрозился украсть то, что ему слѣдуетъ.

Венеція съ своею разнообразною, пестрою фнзіономіею, съ своею дѣятельною, мнущеюся жизнью, развлекала и занимала Альфіери. Съ умѣренностью предавался наслажденіямъ

и бессостать шумнаго города, разсчитывая ихъ, какъ говорить, по пальцамъ, онъ прожилъ такъ до іюня мѣсяца, и оставивъ царство дожей, гондолъ и баркаролъ, черезъ Венецію, Верону, Мантую и Миланъ прїѣхалъ въ Геную. Здѣсь онъ чуть-было не влюбился въ одну прекрасную женщину, но, по счастью, получивъ деньги и позволеніе изъ Туринна ѣхать за горы и море, прожилъ въ Генуѣ недолго, и затуманивъ чувства разгоравшейся страсти, поѣхалъ моремъ въ Францію.

Между многими побудительными причинами этого путешествія въ Францію, главнѣйшею, говоритъ Альфиери, было желаніе видѣть театръ. За два года передъ этимъ въ Туринъ была труппа французскихъ актеровъ, и впродолженіи цѣлаго лѣта онъ не пропускалъ ни одного представленія, отчего ббольшая часть лучшихъ произведеній французскихъ драматическихъ писателей была ему известна. Но какъ въ посещеніяхъ этихъ спектаклей, такъ и въ желаніи видѣть театры во Франціи, Альфиери сознается самъ, что не имѣлъ въ ту пору ни какой особенной цѣли. Онъ и не думалъ и не воображалъ, что когда-нибудь будетъ трагическимъ писателемъ, и въ тогдaшнее время комедію гораздо болѣе предпочиталъ трагедіи, хотя, по природѣ своей, всегда болѣе имѣлъ расположенія къ слезамъ чѣмъ къ смѣху. Впоследствии, Альфиери убѣдился, что причиною его равнодушія къ трагедіи, были фактура и составъ именно французскихъ трагедій, въ которыхъ обыкновенно второстепенные дѣйствующія лица, своими безконечными, пустыми декламаціями задерживая ходъ дѣйствія, и утомляя однообразнымъ стихосложеніемъ, охлаждали и выводили изъ терпѣнія самаго внимательнаго слушателя. И несмотря на то, что труппа французскихъ актеровъ въ Туринъ была самая лучшая, что давались трагедіи превосходныя и по мыслямъ, и по страсти, и по искусству, Альфиери часто выходилъ изъ театра недовольный и зѣвая отъ скуки. Изъ немногихъ трагедій наиболее занимали его тогда «Федра», Расина, «Альзира» и «Магомедъ», Вольтера.

Вступивъ на берегъ Франціи, Альфиери поразовался, увидѣвъ новыі народъ и новыя нравы; но скоро эта по-

визна приглядѣлась, чувство, возбужденное ею, началось. Въ Тулонѣ онъ не видалъ ничего, или, вѣрнее, не хотѣлъ видѣть; Марседа занялъ его только на несколько дней, а зъ Парижъ прѣехалъ онъ уже скучный, возбужденный и гордомъ, и грязью, и націею, и погодой, дотога что, если бы не было стыдно, то, сознается, что тотчасъ же бы вернулся назадъ. Даже представленіе ко двору, который былъ важное и значительное всѣхъ досель имъ посещенныхъ, не потышило нисколько его любопытства. Онъ вышелъ изъ блистательной аудіенць-залы Людовики XV болѣе скучный и разстроенный чѣмъ когда-либо, и разсуждая о судьбѣ Франціи, сѣлъ въ дилижансъ и поѣхалъ въ Калѣ, а оттуда въ Англію, въ Лондонъ. Здѣсь впечатлѣнія Альфіери были совершенно противоположны тѣмъ, которыя произвели на него Парижъ и Франція, и онъ не были минутными, скоропреходящими. Съ перваго взгляду Альфіери полюбилъ Англію, Лондонъ, и полюбилъ надолго, навсегда. Все правилось ему на меркантильномъ островѣ, въ торговой столицѣ міра, — улицы, дома, лошади, женщины, довольство жителей, чистота, опрятность, всеобщее благосостояніе, отсутствіе нищихъ, груды золота, обороты, дѣятельность, скачки, вѣчное движеніе, — все занимало, все привлекало вниманіе Альфіери. Кромѣ Лондона, онъ былъ въ Портсмутѣ, Салисбюри, Батъ, Бристоль и, черезъ Оксфордъ, снова возвратился въ Лондонъ. Поѣздки эти по провинціямъ и шейрамъ Англіи только что болѣе раздражили его страсть къ путешествію, однако же онъ долго боролся съ нею, провелъ почти всю жизнь въ Лондонѣ, съ утра до ночи не слѣзая съ англійскихъ скакуновъ, и если наконецъ разстался съ своимъ «любимымъ занятіемъ» и съ Англіею, то разстался съ самыми пріятными ощущеніями, и давъ себѣ обѣщаніе непременно снова посѣтить Великобританію. Въ іюнь мѣсяцъ сѣлъ онъ на корабль въ Гарвикъ, и при попутномъ вѣтрѣ, черезъ двѣнадцать часовъ вышелъ на берегъ Голландіи. Здѣсь, остановившись на короткое время въ Гаагъ, Альфіери совершенно нечаянно встрѣтился съ одной прелестной, молодой женщиной, и, несмотря на всѣ убѣжденія разсудку и прежней осторожности, несмотря на всѣ предостереженія, противу легкомысленнаго замужества очаровательницы Голландки, онъ успѣлъ, и

Клиблкс въ нее по уши. Любовь эта была уже не дѣтская; Альфиери былъ готовъ на все, страдать, томиться и даже умереть, но, — чего не вылечиваютъ время, необходимость и разлука!.... Мужъ увезъ жену въ Парижъ; Альфиери побѣдовался, пошумѣлъ, поплакалъ, и, какъ водится, спряталъ свое горе въ сердце, а вещи въ чемоданъ и поѣхалъ черезъ Брюссель, Альзасъ, Швейцарію и Савойю въ Пиемонтъ, на родину. Замѣчательнымъ результатомъ этой несчастной страсти Альфиери, было въ немъ, можно сказать, развитіе внутренней жизни: разлука на вѣчно съ милой, заставила его обратиться къ самому себѣ, и отыскивать въ глубинѣ души источникъ утѣшенія: оттуда пробужденіе мысли, призывъ къ творчеству, и, наконецъ, потребность чтенія. Въ это время Альфиери, первое, разумѣется, что прочелъ, была «Элопза», Руссо, но она ему не понравилась; и это весьма естественно: онъ увидѣлъ исполное, даже невѣрное изображеніе своего собственнаго положенія и, какъ сказалъ самъ, «исторію любви, написанную умомъ, а не сердцемъ, что производитъ въ цѣломъ романъ болтливую несносную и несовѣстную съ языкомъ сердца». Потомъ, Альфиери прочелъ Монтэни, по совѣту одного изъ своихъ друзей, заглянулъ также въ Макиавелла, и остановился на Плутархѣ, котораго полюбилъ, кажется, больше Голландки, и впоследствии никогда съ нимъ не разставался.

Во время пребыванія въ Италіи, и собственно въ Туринѣ, два обстоятельства тревожили въ особенности Альфиери: женитьба весьма выгодная, по сѣвямъ и состоянію молодой дѣвушки, которую прочилъ за него мужъ его сестры, и еще желаніе быть дипломатомъ и служить при посольствѣ. Первое рѣшилось само собою: молодая особа предпочла Альфиери пажа наследственнаго принца Сардиніи. Нестололюбивые планы службы и будущей дипломатической карьеры, были не прочнее: основанные на неутомимой его погребѣности жить въ своей родинѣ и рыскать во чужбѣхъ и правлѣ, для разсѣдлать съ дѣрвымъ лучемъ весенняго солнца, съ дѣрвымъ убѣжденіемъ въ возможности торжества свободнаго и любимаго удовлетворять этой страсти на волеу въ службу.

Въ 1769 году, въ маѣ, получивъ снова дозволеніе отъ ко-

роля, Альфіери похалъ въ Вѣну. Здѣсь онъ засталъ Матазіо, имѣлъ возможность и случай познакомиться съ нимъ, но увидѣвъ какъ-то разъ въ Шёнбрунѣ, въ королевскомъ саду, какъ раскланивался онъ съ Маріей Терезіей и приближенными къ ея двору, раздумалъ и позабылъ о своемъ знаменитомъ соотечественникѣ-поэтѣ. Изъ Вѣны, къ сентябрю, черезъ Прагу, Альфіери прибылъ въ Дрезденъ, а оттуда въ Гамбургъ и потомъ въ Копенгагенъ. Самымъ значительнымъ обстоятельствомъ пребыванія его въ столицѣ Даніи была встрѣча и знакомство съ графомъ Катанти, посланникомъ неаполитанскаго двора. Въ разговорахъ на чужбинѣ съ этимъ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, не столько слѣдя за мыслями и идеями, сколько за выраженіями, оборотами и звуками, Альфіери былъ пораженъ прелестью и гармонією своего языка и музыкальностью нарѣчія тосканскаго. До-сихъ-поръ онъ не обращалъ на нихъ вниманія, къ стыду своему не зналъ ихъ, или зналъ да очень плохо; до-сихъ-поръ онъ думалъ, читалъ, говорилъ, писалъ, постоянно на одномъ французскомъ языкѣ; но теперь, среди этого шипѣнья, свиста, гнусливости датскихъ нарѣчій, которыя раздавались вокругъ него, вдругъ онъ услышалъ музыку Тосканы, услышалъ языкъ ея въ самомъ чистомъ, правильномъ произношеніи. Альфіери краснѣлъ, стыдился; но послѣ одной изъ бесѣдъ съ графомъ Катанти возвратился домой, и давъ себѣ слово заняться своимъ языкомъ, сдержалъ его. Онъ прочелъ все, что на ту пору попалось ему писаннаго по-италіянски; и прочелъ, можно сказать, деля каждую фразу, каждое слово. Между прочимъ попались ему «Разговоры Аретино», хотя не целомудренныя, грязныя по содержанію, зато щегольскіе по слогу, оборотамъ и выраженіямъ. Самымъ любимымъ занятіемъ Альфіери, во время пребыванія его въ Копенгагенѣ, было катанье на саняхъ. Будущему великому поэту юга понравилась забава нашего холоднаго сѣвера. Но и кромя санейхъ поѣздокъ, много другихъ необычайностей, не замѣченныхъ имъ ни въ одной еще изъ несчастливыхъ странъ, привлекали его къ суровой родинѣ Нормановъ. Климатъ, нравы, извѣстность, лѣса, озера, горы, словомъ Осіановскій характеръ и людей и природы, все занимало и приводило его въ изумленіе, и онъ не огра-

ицился одною Данией. Въ мартъ мѣсяцъ переправился черезъ Зундъ на берегъ Швеціи и потомъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ. Здѣсь только далъ перейти зимъ, и тотчасъ же отправился дальше.

Припоминая рассказы еще академическихъ товарищей, родомъ Русскихъ, читая и прежде исторію Петра, написанную Вольтеромъ, составивъ себѣ въ своемъ воображеніи какую-то страну чудесъ изъ нашей Россіи, Альфиери захотѣлъ ее видѣть, и черезъ Финляндію, Або, на почтовыхъ прискакалъ въ Петербургъ. Но ожиданія его, преувеличенныя воображеніемъ, не сбылись; проведя болѣе шести недѣль въ Петербургъ, въ какой-то странной надеждѣ увидѣть чудное, онъ, разочаровавшись, не поѣхалъ въ Москву, какъ предполагалъ прежде, а черезъ Берлинъ, Германію и Голландію возвратился въ свой оборочительный, заветный Лондонъ.

Еще въ первое пребываніе Альфиери въ Лондонъ случай познакомилъ его съ одною прекрасною дамою изъ лучшаго круга общества, и вниманіе, оказанное ему молодою особой, было одною изъ главнѣйшихъ причинъ, которыя такъ выгодно расположили его къ Англіи, преимущественно къ Лондону. Первое ихъ знакомство, первыя ихъ встрѣчи были однако же сухи, но-крайней-мѣрѣ безъ особенныхъ послѣдствій: дикость обращенія, странности характера и благоразумная осторожность снасли Альфиери отъ сего, которыя ми готова была онутать его молодая Англичанка. Но не такъ-то было легко устоять противъ вторичныхъ покушеній соблазнительницы. Пріѣхавъ въ другой разъ въ Лондонъ, онъ тотчасъ же возобновилъ съ нею свое знакомство. Большой навыкъ въ свѣтской жизни и опытность въ любви какъ-бы давали ему большія права быть самонадѣяннымъ и даже безразсуднымъ. Сближившись съ нею, въ короткое время онъ нечувствительно увлекся и полюбилъ ее. Любовь эта вначалѣ болѣе свѣтская, пустая, легкая, скоро преврѣла въ самую бурную, нецеловую страсть, воспоминаніе о которой и подъ старость еще тревожило его и приводило въ трепетъ и ужасъ.

Чаще всего встрѣчался Альфиери съ предметомъ любви

своей въ домъ князя Массерано и, особенно, въ итальянскую оперу, въ ложу, которую княгиня Массерано абонировала по-поламъ съ прекрасною Англичанкою. Къ ней, — то есть, собственно въ ея домъ, не было никакого доступа; правила общества, наблюдаемаго лондонскимъ свѣтомъ, не допускали еще въ то время посещеній и визитовъ самыхъ церсанныхыхъ даже къ замужнимъ женщинамъ иначе какъ въ присутствіи мужа; прибавьте къ этому, что мужъ очаровательницы Альфіери былъ очень ревнивъ, по-крайней-мѣрѣ столько, сколько можетъ быть ревнивъ Англичанинъ, и представьте все грустное положеніе влюбленнаго двадцатилѣтнаго Италіянца.

Но все эти препятствія только что подстрекали страсть Альфіери. Онъ съ утра до ночи бѣгалъ по паркамъ, являлся во всѣ общества, въ театры, на балы, гдѣ могъ только увидѣть свою милую. Встрѣчи были коротки, но онъ нечувствительно привелъ къ болѣе продолжительнымъ. Любовь хитра, изобрѣтательна, даже смѣла тамъ, гдѣ надобно. Какъ бы то ни было, къ концу зимы Альфіери былъ уже «счастливейшимъ изъ смертныхъ».

Дни блаженства неслись быстро; наступила весна, наступило время разлуки. Мужъ, подозрѣвавшій уже интригу и позарность своей прекрасной половинки, собирался отаранить ее въсащенъ на семь на осемь въ деревню, гдѣ она никакинъ образомъ не могла бы видѣться съ Альфіери, и идалъ только лѣта. Альфіери ожидалъ въ свою очередь этого роковаго времени, но возмущъ совершенно другаго роду ощущеніями. Большое сердце его и умъ ничче не могли представить себѣ этого для разлуки, какъ для послѣднимъ его жизни. Въ своемъ сумасшествіи онъ готовъ былъ на все крайности, и какъ отчаянный, не щади ужаснаго и ничего, предавался упоеніямъ страсти, ни сколько не думая о приличіи. Любимница Альфіери была тоже не изъ скромныхъ женщинъ, не могла жить, любить и неважкаться вволювану, и каждый день новыя глупости, новыя безразсудства и самыя сумасшедшія выходки сопровождали или заканчивали ихъ тайныя, предосудительныя, свиданія. Мужъ все видѣлъ и уже не разъ грозился отыскать Аль-

Альфиери
20
Фіери за оскорбленіе своей чести. Наконецъ, будя разразилась, и вотъ какинъ образомъ.

До врѣмени отъѣзда въ деревню, Англичанка жила на дачѣ, въ шестнадцать верстахъ отъ Лондона. Альфиери посещалъ еѣ постоянно во время отлучекъ мужа по службѣ въ городъ, и всегда счастливо; благополучно; никакъ незамѣченный; такъ по-крайней-мѣрѣ онъ предполагалъ. Самыя тяжостныя, убійственныя для него дѣловыя; было возвращеніе въ Лондонъ, и тѣ дни, въ которые онъ не могъ видѣть милой и долженъ былъ оставаться въ городѣ. Положеніе его въ это время доходило до безумія; онъ не ѣлъ, не пилъ; не спалъ, бродилъ какъ шальной по комнатамъ, рвался, стоналъ, кричалъ, или вдругъ, въ припадкѣ неистовства; выбралъ изъ дому, садился на коня и тогда уже не было вожады никому, не исключая и бѣднаго животнаго, котораго онъ, вѣроятно, любилъ больше всего, послѣ своей Англичанки.

Въ одно утро, наканунѣ заветнаго посещенія очаровательнаго пріюта, былъ онъ на скачкѣ съ маркизомъ Карачіоли. Красивый скакунъ Альфиери, купленный имъ въ Спа, расордася во всемъ своемъ блескѣ; самъ онъ походилъ больше на бакуина степей арабскихъ чѣмъ на породнаго джентльмена. Показывая маркизу всю удачу и легкость своей лошади, Альфиери между-прочимъ вѣдся перепрыгнуть черезъ высокія верши, отдавація большую дорогу отъ луку; далъ шпоры, понесся, но не подскакавъ къ барьеру, вдругъ вспомнилъ о своей Англичанкѣ и позабывъ о правилахъ вѣды, задержалъ поводья. Конь взвился, но зацѣпился за барьеръ, и вмѣстѣ съ всадникомъ рухнулъ на землю. Альфиери всталъ, снова вѣдся на лошадь, разскакался и перелетѣлъ съ берейторскою ловкостью черезъ барьеръ. Сгоряча Альфиери не почувствовалъ послѣдствій паденія, но возвратившись домой, сильная боль въ плечѣ заставила его послать за докторомъ. Ушибъ былъ ужасенъ, плечо вывихнуто и ключица переломлена. Призванный докторъ осмотрѣлъ поврежденные члены, вправилъ и перевязалъ ихъ, потомъ уложилъ больнаго въ постель и запретилъ ему шевелиться. Надобно знать что такое любовь, что-

бы мнѣть вся мученія, все неистовство Альфиери : не трогаться и пролежать въ постели день, назначенный для свиданія съ милой, — да это хуже всякой пытки! Происшествіе это случилось въ субботу, и Альфиери еще кое-какъ выдержалъ вечеръ, ночь и утро другого дня; но дальше не стало терпѣть. Ударило шесть часовъ; Альфиери вскочилъ, оделся и будучи не въ силахъ идти верхомъ, несмотря на все убавленіе Илья, взялъ почтовую карету и поскакалъ на дачу Англичанки. Не довезая двухъ миль, онъ оставилъ карету у трактира, а самъ, чтобы отклонить вся подозрѣнія, отправился пѣшкомъ. Найдя калитку сада запертою, онъ перешелъ черезъ заборъ и, въ полной утраченности, что ни одна душа за нимъ не подсматриваетъ, явился къ Англичанкѣ. Мужа не было дома; по обыкновенію онъ находился на службѣ въ городѣ. Восторги любви, ласки и заботливостъ милой были дѣйствительнае всѣхъ декоративъ и деревязокъ доктора, и Альфиери возвратился домой совершенно почти здоровый, по-крайней-мѣрѣ онъ увѣрялъ въ томъ и самого себя и своего доверчиваго и не весьма искуснаго эскулапа.

Прошло не болѣе двухъ дней послѣ этого свиданія; но Альфиери начиналъ уже снова тосковать, грустить и предаваться мятельнымъ волненіямъ своей страсти. Вторникъ, во вторникъ вечеромъ, не зная что съ собою дѣлать; онъ взглянулъ въ афишу, и прочитавъ объявленіе о какомъ-то новой оперѣ, пошелъ машинально въ театръ; но обыкновенію, прямо въ ложу князя Мастертино. Музыка, какъ ему видѣли и прежде, всегда производила сильное впечатлѣніе на Альфиери, а этотъ разъ его душа еще болѣе была настроена къ воспріимчивости: въ ней кипѣла буря страсти; но онъ казался, или, вѣрнѣе, старался казаться, спокойнымъ; и его холодная наружность, его всегда блѣдное, спокойное, какъ-бы мрачное лицо, не измѣняли ему ни слова. Вдругъ, за дверьми ложи послышался шумъ и знакомый голосъ спросилъ капельдинера: «Здѣсь ли графъ Альфиери?» Альфиери вскочилъ, выбѣжалъ изъ ложи и, закрывъ за собою дверь, лицомъ къ лицу встрѣтился съ мужемъ своей любимицы. Одно мгновеніе — и Альфиери понялъ въ чемъ

дыо. Давно уже ожидалъ онъ этого свиданія, желалъ его, но не дѣлалъ первый шагъ впередъ, не дѣлалъ вызову, удерживаемый однимъ только долгомъ чести.

— «Я здесь; что вамъ надобно? спросилъ онъ Англичанина.» — Переговорить съ вами. — «Готовы; войдите.»

И враги вышли.

Уже вечерело. Изъ Ге-Маркета пришли они къ сентъ-жемскому парку, почти ночью. Дорогой Англичанинъ упрекалъ Альфиери. Но упреки эти были только какъ масло на огонь. Въ пылу негодованія, Альфиери старался однако же сколько могъ спасти честь своей любезной, и говорилъ противъ совѣсти, чтобы только разувѣрить и успокоить ревниваго мужа. Англичанинъ зналъ все, рассказывалъ ему малѣйшія подробности послѣдняго ихъ свиданія съ своей женой и наконецъ, выведенный изъ терпѣнія настойчивостью Альфиери, сказалъ съ горькой насмѣшкой: «Вамъ-то къ чему запирались, когда она во всемъ созналась.»

Слова «во всемъ» были произнесены такимъ тономъ, что нѣтъ можно было дать самое обширное значеніе и видѣть въ нихъ болѣе, нежели простой намекъ на простую интригу. Но Альфиери ничего не слушалъ; старался заглушить голосъ справедливо упрекавшей совѣсти, и, достигнувъ назначеннаго мѣста, первый скинулъ фракъ и обнажилъ шпагу.

Увидавъ перевязку на лѣвомъ плечѣ Альфиери, Англичанинъ съ великодушіемъ и вѣжливостью спросилъ, не помѣшаетъ ли она ему драться; но Альфиери, вмѣсто отвѣту, напалъ на своего противника. Альфиери мало учился фехтованію и бился дурно. Удары его сыпались зря, безъ расчёту, противно самымъ основнымъ правиламъ искусства. Соперникъ его былъ гораздо опытнѣе и искуснѣе; отражая отчаянные удары Альфиери, онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай заколоть его, но щадилъ, и кончилъ тѣмъ, что нанесъ ему небольшую рану въ лѣвую руку. Увидѣвъ кровь, Англичанинъ опустилъ шпагу, Альфиери также. Дуэль кончилась, соперники разошлись; Англичанинъ, очень довольный собою, возвратился домой, Альфиери, несмотря на рану, снова пошелъ въ театръ.

На другой день Альфиери получилъ записку отъ своей любезной, которою она уведомляла его о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ открытія ихъ связи и приглашала его къ себѣ. Англичанка разошлась уже съ мужемъ и до формальнаго разводу перешла жить въ домъ своей невестки. Альфиери тотчасъ же явился на приглашеніе, и радуясь болѣе чѣмъ огорчаясь этимъ открытіемъ ихъ тайныхъ сношеній, этой размовкой ея съ мужемъ, клялся ей въ вѣчной любви, клялся никогда не оставлять ее, и жениться на ней лишь-только позволить англійскіе законы и нѣкоторыя условія ея разводу. Родственники Англичанки, между прочимъ и ея отецъ, разделяли вполне чувства Альфиери и радовались тоже, что судьба такъ милостиво и счастливо распорядилась за ихъ прекрасную родевку: развела съ однимъ и тотчасъ приготовила на смѣну первому другому мужа, и такого чудеснаго, умнаго, ловкаго, какъ выражалась невестка Англичанки. Все были въ восхищеніи, но одна только мнимая счастливица оставалась неутѣшною, горестною, день и ночь плакала, разрывалась, не говоря никому о причинѣ слезъ своихъ и горя, Альфиери напрасно допытывался, напрасно выведывалъ. Англичанка отъшурывалась одними только пустыми отговорками и намеками на то, что несмотря на всю любовь его къ ней, несмотря на всѣ увѣренія и клятвы, думаетъ, что онъ не женится. Проходили дни въ этихъ долубьясненіяхъ, этихъ увѣреніяхъ съ одной стороны, сомнѣннхъ и разувѣреніяхъ съ другой. Наконецъ, какъ-бы согласившись на неотступныя просьбы и убѣжденія Альфиери, послѣ большихъ пзворотовъ и вступленій, Англичанка рѣшилась объяснить ему ужасную тайну своего сердца, заплакала, зарыдала, и заломавъ въ отчаяннхъ руки, объявила, что онъ не можетъ жениться на ней, потому что прежде связи съ нимъ... она... любила другаго...

- Кого же? кого? спросилъ въ неистовствѣ Альфиери.
- Жюкея моего мужа.... отвѣчала смиренно Англичанка,
- Жюкея?.... Это ужасно!....

И точно, положеніе Альфиери было ужасно, по-крайней-мѣрѣ въ эту минуту. Онъ упалъ съ неба блаженства, упалъ въ грязь общественнаго разврата и нарушенія самыхъ без-

стыднымъ образомъ всѣхъ приличій. Какъ восторженный, влюбленный поэтъ, онъ, въ это титостное мгновеніе, жалъ въ душу только объ одномъ : зачемъ объявила ему роковую тайну, зачемъ разрушила его очарованіе. Скоро, однако же, дальнѣйшая исповядь несчастной очаровательницы, если не усвоилась, то по-крайней-мѣрѣ образумила его. Въ длинной, весьма вѣселивой реляціи, она объявила ему, какъ полюбила жокея, какъ обманывала вѣрность съ нимъ мужемъ; какъ разочаровалась потомъ и предпочла Альфиери жокею, какъ жокей поклялся ей отмстить, какъ онъ подкараулилъ ихъ и все откровенно разсказалъ мужу, и свою интригу съ нею и интригу Альфиери. Каждое слово этой жалостной исторіи жокейской любви, въ которой Альфиери игралъ такую смѣшную роль, обдавало холодомъ его сердце, но вѣсть съ тѣмъ и вымечивало его отъ сумасшедшей страсти. Къ концу исповяди онъ утомился, но былъ уже почти нравственно здоровъ. Однако же, не безъ состраданія смотрѣлъ онъ на несчастную нарушительницу обязанностей супружескихъ. Откровенное признаніе показало и добрую сторону ея порочнаго сердца. Альфиери сожалѣлъ объ ней и, сознавая въ свою очередь, что и онъ самъ былъ не совершенно правъ и чистъ въ этомъ дѣлѣ, далъ себѣ слово если не любить ея по прежнему, то по-крайней-мѣрѣ не оставлять совершенно. Альфиери вышелъ отъ Англичанки почти помирившись съ нею, съ надеждой еще исправить ее и готовый слѣдовать за нею на край свѣта.

На другой день, послѣ самой тревожной ночи, Альфиери проснулся, и первое что попалось ему на глаза, былъ листокъ на канунъ вышедшей газеты. Смотритъ; въ одной изъ статей помѣщено его имя; читаетъ, не вѣрять глазамъ. О ужасъ! снова ужасъ! передъ нимъ цѣлкомъ вся интрига его съ Англичанкой, съ малѣйшими подробностями, съ соперничествомъ жокея, съ дуелью, съ великодушіемъ мужа и, главное, съ объявленіемъ формальнаго процесса и неминуемымъ присужденіемъ къ платежу огромнѣйшей пени.

Тутъ только Альфиери увидѣлъ, что мнимая сердечная откровенность его любезной была толко слѣдствіемъ необходимости, то есть, слѣдствіемъ того, что соблазнительная

хроника ея поведения была уже опубликована, что она сама уже прочла ея въ печати.

Вероятно, никто не хотѣлъ бы быть наместъ Альфіери; напрасно, прибавляя какъ сумасшедшій къ своей безстыдной любвищѣ, онъ осуждалъ ее упреками, проклятіями самыми ужасными, неостовными; собственное убѣжденіе дорисовало ему, что словами уже не поправишь дела, и что онъ столько же виноватъ сколько и та, которую упрекалъ и проклиналъ.

Кромѣ огласки и дурной славы, процессъ, о которомъ было объявлено въ журналѣ, могъ разорить его кошелькъ; но, къ счастью Альфіери, оскорбленный имъ мужъ действительно былъ добрый и великодушный человекъ, желалъ только развязаться съ своею женою и отказался отъ всякихъ денежныхъ сдѣлокъ; и въ первый разъ самолюбіе и гордость Альфіери, должны были вытерпѣть униженіе пощады и даже подарка. Одно только искреннее сознаніе въ своихъ слабостяхъ и уваженіе къ достоинствамъ противника, поправляетъ нѣсколько дѣло и прикрываетъ пятно на имени Альфіери.

Разочарованный, больной, съ тяжкимъ опытомъ жизни, съ презрѣніемъ къ женщинамъ, впрочемъ временнымъ, Альфіери скоро выѣхалъ изъ Англій.

Въ Голландіи, скучая и не зная что дѣлать съ собою, съ своею грустью и меланхоліею, которая развилась еще сильнѣе подъ вліяніемъ его разочарованья, его глубокой сердечной раны, онъ составилъ себѣ проектъ путешествія въ Испанію, единственную можетъ-быть страну въ Европѣ которой онъ еще не видалъ. Проездомъ черезъ Парижъ онъ имѣлъ-было случай познакомиться съ Руссо, но не познакомился, потому что на одну грубость этаго философа, невѣжды въ обращеніи, боялся взаимно наговорить и надѣлать сотню. Въ это же время Альфіери началъ собирать первую бібліотеку своихъ отечественныхъ писателей, прозаиковъ и стихотворцевъ, и въ толпѣ именъ, утонувшихъ въ Лету, шесть великихъ именъ сохранились въ его маленькой литературной сокровищницѣ; то были имена Данте и Петрарка, Аріоста и Тассо, Боккачіо и Макиавеля. Не зналъ еще ни

востоящій цѣны, онъ смотрѣлъ на эти многотомные сочиненія, какъ на единственное орудіе противъ скуки, какъ на утѣшеніе въ своемъ сердечномъ горѣ, какъ на средство противъ истощающей его праздности, и съ ними онъ перебрался черезъ Пиренеи.

Барцелона былъ первый городъ, въ которомъ онъ оставался послѣ Парижа, и тотчасъ же обратилъ вниманіе на изученіе, по-возможности, языка Испанскаго. Въ короткое время, грамматика, карманный лексиконъ и «Донъ-Кихотъ» навели его на путь изученія языка. Романъ Сервантеса понравился ему какъ-нибудь больше, и вмѣстѣ съ Монтанемъ и некоторыми отечественными поэтами, лечилъ его отъ грусти и скуки. Тутъ же проснулась снова его завѣтная страсть къ лошадямъ. Онъ продалъ, или раздарилъ, всѣхъ своихъ англійскихъ и голандскихъ лошадей, и на мѣсто ихъ закупилъ испанскихъ, о которыхъ бредилъ еще въ дѣтствѣ, и, между прочими, андалузскаго скакуна знаменитой породы *Chargéux de Xerez*, и кордуанскаго коня, немного меньше ростомъ перваго, но зато полнаго огня. Съ этой покупкой Альфиери былъ почти счастливъ, и говоритъ: «Лучшая половина меня самого, моя добрая лошадь была со мною! Въ этомъ расположеніи духа онъ выѣхалъ изъ Барцелоны, намѣреваясь бѣльшую часть путешествія сдѣлать романтически, верхомъ, или пѣшкомъ. Кочевое это странствованіе дотогу, понравилось Альфиери, что пріѣхавъ въ Мадридъ онъ чуть-было не отправился тотчасъ же далѣе, и болѣе изъ приличія чѣмъ по желанію остался на мѣсяцъ въ столицѣ Испаніи. Отъ нечего дѣлать Альфиери сердился и выходилъ изъ себя. Единственнымъ знакомымъ ему собесѣдникомъ въ трактирѣ, въ которомъ онъ остановился, былъ молодой Испанецъ возвратившійся тоже не задолго передъ тѣмъ изъ путешествія въ Голандію, гдѣ обучался часовому мастерству. Испанецъ этотъ былъ добрый, умный мальчикъ, зналъ людей, свѣтъ, испыталъ горе жизни, дѣльно толковалъ о несправедливостяхъ, которыя видѣлъ на каждомъ шагу въ своемъ отечествѣ, и востригивъ въ Альфиери челоуѣка, который охотно его слушалъ, полюбилъ его и сблизился съ нимъ какъ-можно короче. Разъ какъ-то сѣдали они послѣ ужина вмѣстѣ; Испа-

еще рассказывалъ, а Альфиери слушалъ, и между прочимъ завивался. Илья, камердинеръ Альфиери, человекъ, что на зывается, на вся руки, исправлялъ по обыкновенію должность парикмахера. Илья былъ чрезвычайно искусенъ въ этомъ мастерствѣ, но тутъ вдругъ какъ-то промахнулся и припекая волосы, совершенно нечаянно дернулъ, а можетъ-быть и вырвалъ одинъ изъ нихъ. Альфиери взбѣсился и, не говоря ни слова, схватилъ подсвѣчникъ и ударилъ имъ въ високъ Илью. Кровь хлынула ручьемъ и прямо на Испанца. такъ, что несмотря на широкій столъ отдѣлявшій его отъ трагической сцены, въ одну минуту онъ весь былъ ею обрызганъ. Между-тѣмъ Илья, вышедшій въ свою очередь изъ себя, бросаясь на Альфиери съ поднятыми кулаками и съ желаньемъ, если не убить, то побить порядкомъ своего барина. Альфиери успѣлъ увернуться, прыгнулъ въ уголъ комнаты, къ шпагъ и, обнаживъ ее, ждалъ Илью. Въ ожесточеніи, Илья ничего не видѣлъ и лѣзъ прямо на оружіе. Испанецъ, предполагая причиной этой кровавой ссоры случай гораздо важнѣе чѣмъ случай выдернутаго волоса, не зналъ что дѣлать; и тщетно унималъ то того, то другаго, то слугу, то господина. Различіе званій исчезло еще въ самомъ началѣ вспышки: это уже не были Альфиери и Илья, графъ и мужикъ, — то были два звѣря, два Piemontца, ожесточившіеся и готовые засть другъ друга. И Богъ-знаетъ чѣмъ бы кончилось дѣло, если бъ на ревъ Илья, проклятій Альфиери и крики о помощи Испанца, не съжалялась трактирная прислуга и неразлучила наконецъ Piemontцевъ. Причина ссоры объяснилась. Альфиери былъ кругомъ виноватъ, сердился, но уже на себя; бранилъ Илью, но не за намѣреніе побить его, а за то, зачѣмъ онъ съ своимъ колоссальнымъ ростомъ, силою и испытанною смѣлостью, не сладилъ съ нимъ и не исполнилъ этого прекраснаго намѣренія. Ссора и объясненія кончились, всѣ улеглись спать. Альфиери оставилъ дверь къ себѣ въ спальню не запертою, несмотря на подозрѣнія и совѣты Испанца и нисколько не опасался мстительности Илья. «Если онъ и убьетъ меня, говорилъ онъ своему пріятелю прощаясь: такъ по-дьявольски; вѣдь я готовъ же былъ убить его изъ-за волоска...» Что касается до Илья, то унявши кровь, онъ перевязывалъ рану и

успокоившись уже совершенно, не думалъ о мщеніи; единственной памятью этого происшествія сохранялъ онъ на всю жизнь два окровавленные платка, которыми была перевязана его рана и которые онъ любилъ иногда показывать Альфиери.

Разсуждая самъ съ собою объ этомъ зѣвскомъ поступкѣ, Альфиери относить его не столько къ своей природной горячкѣ и запоспчивости, сколько къ дикой праздности и жизни почти совершенно внѣ общества. И дѣйствительно, его лѣнь и нелюдность дошли до невѣроятной степени. Какъ, подумаешь, жить въ Мадридѣ и не видать ни Эскуриала, ни Аранхуэца, ни знаменитаго королевскаго дворца въ городѣ! мало того не видать, но не думать и не хотѣть видѣть; не сойтись ни съ однимъ грандомъ, несмотря на то что Альфиери имѣлъ къ десятку изъ нихъ рекомендательныя письма, не повидаться даже съ посланникомъ своего двора! Альфиери жилъ въ Мадридѣ, какъ бы по заказу и до извѣстнаго срока: прошелъ срокъ, онъ повѣхалъ дальше.

Однако же характерная физіономія Португалии, красивые берега Таго и живописная мѣстность Толедо и Бадаюзы, а, главное, движеніе, безъ котораго не могъ жить Альфиери, сдѣлали на него самое благотворное вліяніе и расшевелили снова его уснувшее-было воображеніе и застоявшуюся страсть къ путешествіямъ. Въ Лиссабонѣ пріѣхалъ онъ уже по-прежнему странствующимъ, восторженнымъ и «порядочнымъ» человѣкомъ, а не зѣвремъ Пиемонтцемъ, который изъ-за волоска готовъ былъ убить своего ближняго».

Самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ пребыванія въ этомъ городѣ осталось для Альфиери знакомство и дружба, которую онъ свелъ здѣсь на всю жизнь съ абатомъ Фомою Калюзо, меньшимъ братомъ графа Вальперга, бывшаго въ то время сардинскимъ посланникомъ при португальскомъ дворѣ. Встрѣча съ соотечественникомъ и притомъ съ такимъ достойнымъ человѣкомъ по качествамъ ума и сердца, была бѣ находкой для Альфиери и не на чужбинѣ. Давно уже его сердце, его душа, волнуемая до-сихъ-поръ одними мятежными чувствами, искали чего-нибудь болѣе спокойнаго, болѣе прочнаго: искали дружбы; и нашелся именно такой человѣкъ, ка-

кого было надобно Альфieri: умный, образованный, честный и снисходительный, словомъ Калюзо. Встрѣчался съ нимъ то у брата, то у него, то у себя на дому, бесѣдуя, разсуждая иногда по цѣлымъ зимнимъ вечерамъ о тысячи предметахъ. Калюзо первый умѣлъ говорить съ Альфieri не оскорбляя его самолюбія, первый умѣлъ дать ему почувствовать его невѣжество, не хвастаясь своею обширною ученостію. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ, читая какъ-то вмѣстѣ оду Гвиди «О счастья» и пораженный невольно необыкновеннымъ энтузіазмомъ Альфieri, котораго воодушевляла каждая строка грандіознаго поэта Италіи, Калюзо первый замѣтилъ поэтическое призваніе своего слушателя, первый назвалъ его поэтомъ, и первый посоветовалъ Альфieri серьезно, дѣльно заняться образованіемъ своего таланта, и взялся помогать ему въ этомъ тяжеломъ подвигѣ. Искра глѣлась: надобно было только раздуть ее, и потомъ уже ничто не могло потушить пожара. Доканчивая свое путешествіе по Португаліи и Испаніи, возвращаясь черезъ Францію на родину, Альфieri, несмотря на всѣ дорожныя препятствія, лишения, неудобства и развлеченія, бредилъ въ поэтической горячкѣ, и умѣлъ онъ писать стихи, зналъ хоть сколько-нибудь стеченіе — призваніе его, какъ поэта, развилось бы уже съ этого времени.

Возвратившись въ Туринъ, Альфieri цѣлое лѣто пролежалъ въ постели. Изнурительныя путешествія, душевныя тревоги и неумѣренная жизнь разстроили совершенно его здоровье и произвели рядъ тѣхъ болѣзней, отъ которыхъ менѣе крѣпкое сложеніе необходимо бы разрушилось. Одна изъ этихъ болѣзней, имѣвшая, какъ ея описываютъ, всѣ ужасныя признаки холеры, которой въ то время еще не знали; сбила съ толку всѣхъ докторовъ. Все, что было лучшаго, ученѣйшаго по части медицины въ Туринъ, все собиралось къ Альфieri, совѣтовалось, лечило и приходило въ отчаяніе не видя средствъ къ спасенію; но молодость и желѣзная организація и тутъ помогли Альфieri лучше всякихъ медицинскіихъ средствъ, и, сверхъ общаго ожиданія, онъ вырвался изъ члѣстей, по видимому неминуемой, смерти.

Разъ выздоровѣвъ, Альфieri снова увлекся прежней

жизнью, со всеми ея крайностями и заблужденіями. Никогда уже двадцать три года отъ роду, освободившись стало-быть отъ ленивосты и отъ ленивосты, онъ предался вождь изнѣщенствать, на который пока могло давать ему средства, еще довольно значительное состояніе.

Переехавъ въ лучшую часть города, онъ нанялъ превосходную квартиру на площади Санъ-Карло, меблировалъ ее съ роскошью, вкусомъ и даже нѣкотораго роду оригинальностью; накупилъ новыхъ лошадей, собралъ около себя кругъ старыхъ академическихъ товарищей и друзей, которые, разумеется, тотчасъ же признали его своимъ корифеемъ, составилъ, такимъ образомъ, нѣчто въ родъ клуба постоянного, прочнаго, неразрывнаго, котораго цѣлью было все, кромѣ воздержанія, умеренности и трудолюбія. Въ это время Альфieri снова, то есть, въ третій разъ, влюбился какъ сумасшедшій въ пожилую уже «дѣву», пользовавшуюся извѣстностью общей любимицы.

Между разными глупостями, которыя дѣлалъ въ регулярномъ клубѣ Альфieri, замѣчательно было чтеніе куплетовъ, советовъ и другихъ мелкихъ стихотвореній, сочиненныхъ, болѣею частью на французскомъ языкѣ, членами этого клуба. Самыми лучшими считались изъ нихъ тѣ, которыя были глупѣе, смѣшнѣе; пошлѣе, и Альфieri не разъ получалъ пальму первенства.

Скоро, однако же, наслучивая Альфieri эта безалаберная жизнь въ кругу бурной толпы новъ-сверстниковъ, наслучивая и эти триумфы среди доморощенныхъ стихоплетовъ. Годъ провалялъ онъ въ оргіяхъ, скачкахъ, развлеченияхъ, дурачествахъ; въ цѣлый годъ не бралъ въ руки ни одной порядочной книги, прозябалъ въ бездѣйствіи и праздности, но наконецъ проснулся для своего призванія. Самая любовь его къ пошлой дѣвѣ, любовь безумная, разрушительная и для здоровья и для способностей, должна была уступить мѣсто любви чистой, высокой — любви къ наукамъ и поэзій, которая стала какъ-бы руководителемъ его къ новому поприщу. «Кто знаетъ», говоритъ онъ, «можетъ-быть добрый Аполлонъ нарочно избралъ для меня этотъ страшный путь, и мнѣ обрѣсти

разстеленной Вакханки бросилъ меня въ объятія чистой-ней, ему подвластной, музы.»

Разъ, какъ-то, шовал очаровательница Альфиери, будучи уже беременна, самоюгла принадлежи обыкновеннѣйши въ этихъ случаяхъ. Альфиери, хотя и не умѣрный совершенно, что онъ въ некоторомъ образомъ виновникъ этой болѣзни, однако же влюбленный, въжрый, страстный, находился при ней и сидѣлъ безотлучно у ея постели. Припадки болыной были такого рода, что малѣйшій шумъ, говоръ, неосторожное движеніе, могли сдѣлать ея положеніе еще болѣе опаснымъ, и Альфиери, какъ въжрый любовникъ, боялся дышать, не только говорить съ своей возлюбленной. Всѣ это было хорошо вначалъ, но просидѣвъ и промолчавъ цѣлый день и ночь въ безпрестанномъ страхъ заснуть и свалиться со стула, Альфиери, несмотря на всю свою въжность и твердость воли, наконецъ не выдержалъ. Увидавъ между-тѣмъ что его любезная успокоилась и заснула, не зная чѣмъ занять себя, чѣмъ разсѣять дремоту, онъ машинально взялъ нѣсколько листовъ бумаги, приготовленной для рецептовъ, вооружился перомъ и принялся писать, совершенно безъ всякаго плану, какую-то драматическую сцену въ стихахъ, и, что всего замѣчательнѣе, въ первый разъ на италянскомъ языкѣ. Трудно было ожидать чего-нибудь отличнаго отъ этой полу-сонной дѣятельности воображенія, отъ этого случайнаго вдохновенія посятившаго пѣвца вприсонни. И плодомъ ихъ явилось созданіе самое уродливое, несвязное, противъ всехъ правилъ искусства и грамматики; смотря однако же на него, какъ на первой шагъ, который сдѣлалъ Альфиери на драматическомъ поприщѣ, какъ на первый очеркъ его превосходной впоследствии трагедіи «Клеопатры», нельзя не поблагодарить случая. Малобю примолвить, что по стѣнамъ комнаты, гдѣ лежала больная, были развѣшаны лубочныя картинки, изображавшія «Жизнь Антоніа и Клеопатры», и онъ-то первая навела Альфиери на мысль написать трагедію.

Это случилось въ январь 1774 года.

Скоро больная оправилась и съ ея выздоровленіемъ началась сильнѣе чѣмъ когда-нибудь невольническая къ ней пред-

вещность Альфиери. Эта жалкая, унижительная зависимость отъ продажной красавицы, дотога наконецъ сделалась тягостна, что самъ Альфиери, несмотря на все ослабленіе свое, убѣдился въ необходимости развязаться съ нею. Сначала, онъ думалъ, что путешествіе вылечитъ его; но не дохавъ до Рима и получивъ письмо отъ своей очаровательницы, не устоялъ и возвратился къ ней. Наконецъ, разъ какъ-то, выходя изъ ея ложи послѣ длинной и скучной оперы, Альфиери, взбѣшенный на себя и на цѣлый міръ, съ любовью и ненавистью въ сердца, далъ въ душа слово прекратить совершенно всѣ любовныя свои связи. Началъ онъ тѣмъ, что заперся дома, не ходилъ самъ ни къ кому и ни кого не принималъ къ себѣ; выбрилъ голову и привязалъ себя къ стулу.

Одинъ Илья былъ порядкомъ его собесѣдникомъ, свидѣтель его борьбы ума и страсти, сторожемъ его добровольнаго заточенія, и наконецъ палачемъ, развязывая и привязывая его къ стулу. Альфиери имѣлъ твердую рѣшимость перемѣнить свой образъ жизни, и бросивъ развлеченія, предаться поэзіи, которой вдохновенія неразъ уже посѣщали его; но не вдругъ рѣшимость эта нашла себѣ пищу и приведена была въ исполненіе.

Первые два мѣсяца, находясь всё-еще подъ вліяніемъ не совершенно миновавшей горячки страсти, онъ провелъ въ какомъ-то странномъ коснѣніи ума и всѣхъ способностей. Часто просиживая по цѣлымъ днямъ, хотя и привязанный, передъ столомъ, онъ не имѣлъ однако же ни духу ни желанія чѣмъ-нибудь заняться. Книга валялась изъ рукъ, оттого что пробѣгая иногда машинально глазами по нѣсколькимъ страницѣ, онъ не добивался въ нихъ смысла и не понималъ ни слова; бралъ перо, бумагу, старался принудить себя писать, но ни пол-строчки не выходило изъ этого болѣзненнаго авторскаго побужденія. Такъ прожилъ, или, вѣрнѣе сказать, провалялся Альфиери до конца марта 1775 года. Наконецъ, однажды, послѣ большихъ усилій, Альфиери удалось сковать, съ грѣхомъ по поламъ, четырнадцать стиховъ счетомъ и расположить ихъ по правиламъ въ форму сонета. Сонетъ былъ очень дуренъ, какъ сознается самъ авторъ, но по-счастью

попался въ отъязку одному изъ снисходительныхъ пріятелей сочинителя, отцу Пачіоди, который, похваливъ его противъ совѣсти, спасъ тѣмъ и сонетъ и самолюбіе авторское и проснувшееся наконецъ побужденіе создавать и писать. Съ этого сонета Альфіери почувствовалъ самъ необходимую для себя потребность поэтическаго творчества, которая, не имѣя еще вначалѣ хорошаго направленія, перешла скоро въ своего рода поэтическую горячку, и даже, просто, сумасшествіе. Къ этому времени надобно отнести его первую «коластіонату», или стихотворное попури, которое онъ сочинилъ на случай своей размолвки съ возлюбленной, и которое, вдобавокъ, имѣлъ глупость пропѣть на публичномъ маскарадѣ, въ костюмѣ Аполлона, съ лирой въ рукахъ. Получивъ также отъ Пачіоди въ подарокъ трагедію «Клеопатру», сочиненіе кардинала Дельфинно, Альфіери вспомнилъ о своей, и сравнилъ свое положеніе съ положеніемъ Антонія, чувствуя непреодолимое желаніе высказаться, вылиться душею, принялся съ жаромъ за обдѣлку начатой трагедіи. Писалъ, прибавлялъ, убавлялъ, кропилъ, одоранивалъ, наставлялъ и, наконецъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, съ помощію грамматиковъ и лексиконовъ, выслушавъ все наставленія и добрые совѣты Пачіоди, выдержавъ все насмѣшки и колкія замѣчанія другихъ грамотѣевъ, не менѣе снисходительныхъ пріятелей, ему удалось сѣзпить пять жалкихъ обрывковъ въ видѣ ягтовъ и назвать все это «Клеопатра, трагедія.»

Самолюбіе автора въ то время не ограничилось однимъ комнатнымъ прочтеніемъ, въ кругу пріятелей, своего весьма слабого созданія. Труппа актеровъ, хотя и весьма дурныхъ, находившаяся въ Туринѣ, возбудила въ немъ желаніе увидѣть свою трагедію на сценѣ, и она была играна шестнадцатаго іюня 1775 года. Успѣхъ и лестный пріемъ публики не увлекли однако же поэта; только яснѣе увидѣлъ онъ свои недостатки и слабости. Трагедію давали во второй разъ по требованію публики, но уже въ сопровожденіи небольшой «фарсы, подъ названіемъ «Поэты», которую также написалъ Альфіери и въ которой онъ самъ осмѣялъ себя и свою «Клеопатру». Второе представленіе этой трагедіи было и послѣднимъ: онъ упростилъ директора вычеркнуть его обѣ піэсы

въ репертуара; отобрасть роли у актеровъ и сошелъ съ драматической сцены; на которую, какъ говоритъ самъ, съступилъ болѣе чѣмъ въ неприличномъ видѣ; чувствуя, что одна только нога его въ классической котурнѣ, и то дурно обутая, а другая еще въ простой сандаліи.»

Однако же самоотверженіе, съ которымъ Альфиери оставилъ сцену, не было слѣдствіемъ охлажденія къ искусству; напротивъ, никогда такъ не волновало ниъ желаніе пріобрести когда-нибудь эту драгоценную пальму первенства на драматическомъ поморіи, и никакая острота, илиная горячка любви, не могли сравниться съ этою жаждою драматической славы.

Этимъ оканчивается первый періодъ жизни Альфиери и его литературнаго развитія. Альфиери уже двадцати семи лѣтъ отъ роду; онъ уже пріобрѣлъ знаніе людей, свѣта, опытъ практической жизни; пріобрѣлъ желаніе быть трагическимъ поэтомъ, и нѣкоторымъ образомъ вступилъ съ публикою въ обязательство исполнить ея надежды, и оправдать незаслуженный добрый пріемъ своему первому произведенію. И вотъ какія были данныя этого условія, какія средства къ достиженію смѣлаго предпріятія, какія стихіи будущаго великаго поэта: умъ рѣшительный, непокорный, черезъ-чуръ даже упрямый, сердце еще полное кипучихъ страстей, между которыми главнѣйшими была любовь, со всѣми ея ужасами, ненависть ко всякаго роду принужденіямъ, и, въ добавокъ ко всему этому, характеръ самый непреклонный, заносчивый и самоуверенный въ высочайшей степени. Запасъ его собственно авторскихъ средствъ былъ еще бѣднѣе и невыгоднѣе: смутныя воспоминанія о разныхъ французскихъ трагедіяхъ, которыя онъ видѣлъ некогда въ Италіи и Франціи, но не читалъ и не обдумывалъ ни одной; потомъ, совершенное невѣжество въ правилахъ драматическаго искусства, и наконецъ, главное, неумѣнье писать, говорить и думать на своемъ родномъ языкѣ. Словомъ, было отчего прійти въ отчаяніе и не брать пера въ руки; но не такъ поступилъ Альфиери. Самые его душевные недостатки, его настойчивость, упрямство, самоуверенность, непреклонность, послужили ему въ пользу. Безъ

нихъ можеть-быть онъ не совершилъ бы своего преобразования, не достигъ бы своего предназначенья; онъ обратилъ ихъ только на самого себя, истощилъ въ борьбѣ съ самимъ собою, былъ на время дхъ жертвой, уцалъ подъ гнетомъ своего собственного желзнаго характера, но всталъ добрымъ, прекраснымъ, не обыкновеннымъ какъ челоукъ, и великимъ какъ писатель.

Убдлившись, что онъ можеть создавать, творить какъ драматическій повтъ, но что ему не достаетъ самаго главнаго, — изложенія; не достаетъ знанія роднаго языка, онъ занялся его изученіемъ. Подвигъ былъ необычаенъ, немотѣ выдержалъ бы его! грамматическая бездна разверзлась передъ Альфіери, но онъ не смутился и, какъ новый Курцій, бросился въ нее.

Первое чѣмъ озаботился Альфіери, начавъ свое изученіе языка италіянскаго, было по возможности совершенное забвеніе французскаго, и длятого онъ не ходилъ никуда, гдѣ говорили на этомъ языкѣ, выбросилъ вся французскія книги, раззнакомился даже со всеми пріятелями, которые, по принятому обыкновенію въ высшемъ туринскомъ обществѣ, не иначе говорить какъ по-французски, могли бы напомнить ему, что и онъ нѣкогда «французилъ». Имѣя уже въ портфелѣ двѣ новыхъ трагедій, «Филиппа II» и «Полянка» написанныя дурной французской прозой, онъ задумалъ переложить ихъ на италіянскій языкъ и непременно въ стихи, но, зная слабость своихъ средствъ, не приступалъ еще къ дѣлу. Въ августѣ 1775 года, боясь развлеченій столичной жизни, которыя могли бы нарушить его занятія, онъ оставилъ Туринъ, переехалъ въ горы между Пиемонтомъ и Дофинѣ и поселился въ маленькомъ городкѣ Сезаннѣ. Здѣсь, сблизившись съ двумя аббатами, однимъ ученымъ, а другимъ музыкантомъ, Альфіери дѣлилъ съ ними все свободное время отъ своихъ тяжкихъ трудовъ, бесдуя съ однимъ о литературѣ, съ другимъ о музыкѣ; и, не ограничившись одними теоретическими разсужденіями объ этомъ искусствѣ, сталъ брать уроки на гитарѣ, но не пошелъ далеко, потому что скоро получилъ къ этому инструменту точно такое же

отращённѣ, какое во время своего детства имѣлъ въ Кларк-кордандъ,

Между-тѣмъ существенныя его занятія относительно къ итальянскому языку, или какъ-нибудь дьявольскія усидишныя. Въ это время онъ прочелъ Тааста, Ариосто, Петрарки и Данте, изучая каждый стихъ, на каждыя обороты, каждое слово этихъ великихъ писателей, анатомируя ихъ, но не наслаждаясь еще вполнѣ ихъ красотами, оставляя это наслажденіе, какъ говорить, «до лучшаго времени».

Приготовляясь писать свои будущія трагедіи бальными стихами (sciolti), онъ исмалъ образцы для этого стопосложенія, и напавъ нечаянно на переводъ Бенгиволіо Стаса, прочелъ его съ жадностью, отивчая на поляхъ все, что было новаго и поучительнаго въ оборотахъ этого правильнаго, точнаго, версификатора; но фактура стиха его, черезъ-чуръ мягкая и извѣженная, не могла быть принята за образцовую въ изложеніи трагическомъ, и одинъ только Цезароти, съ своимъ Оссіаномъ, съ своимъ желѣзнымъ кованымъ стихомъ, послѣ долгаго изученія пришелся набоенца; но сердцу Альфіери и удовлетворилъ вполне свое желаніе.

Возвратясь въ Туринъ, Альфіери возобновилъ свои дружескія сношенія съ Пачіоди, а съ ними возобновились и добрыя, полезные совѣты и наставленія этаго умнаго, ученаго чловѣка.

Неспроста дѣятельность Альфіери, и въ душѣ радужны его умахамъ, Пачіоди, между-прочимъ, ублажалъ своего литературнаго воспитанника не пренебрегать прозой; называя сочиненіемъ стихотворства, и принявъ книгу-то прозы Альфіери «Галатею» Казы. Зная еще съ дѣтства это сочиненіе за свое скучное, Альфіери былъ восторженъ удивленъ пофигическою выходкой своего пріятеля и развернулъ книгу; но тутъ съ шедловольствіемъ; но взглянувъ только на *Composia Coraibe* — первая слова, которыми начиналась Галатея, и на безконечный рядъ надутыхъ, чокорныхъ периодовъ, которые следовали за этими *Composia Coraibe*; Альфіери долго взвѣсився, что выбросилъ книгу въ окно и закричалъ во все горло: «Это ни начто не похоже! въ двадцать ома»

дуть; куда хочется писать трагедіи, а тутъ дають читать этакія глупости, и хотять чтобы я слушалъ себя мѣтъ идеантическими бреднями!»

— Писатели успѣли выходя поэтическаго гурора своимъ критикамъ и предсказалъ Альфieri, что, рано или поздно, онъ возвратится въ Галагасъ. И это предсказаніе сбылось черезъ несколько лѣтъ.

Занимаясь изученіемъ отечественныхъ писателей, Альфieri встрѣчалъ иногда цитаты на латинскомъ языкѣ и, чтобы понять ихъ, долженъ былъ прибѣгать къ переводамъ, помещаемымъ обыкновенно внизу страницъ, или на концѣ книги; обстоятельство это заставило его снова заняться основательно латинскимъ языкомъ, и такъ какъ онъ уже привыкъ возвращаться къ задачамъ, то и тутъ долженъ былъ начать опять съ грамматики; а между-тѣмъ, чтобы сдѣлать для себя это сухое, школьное, изученіе сколько-нибудь пріятнымъ и полезнымъ, сталъ читать латинскихъ трагиковъ и началъ съ Сенеки...

— Въ апрѣлѣ 1776 года, найдя, что изъ однихъ мертвыхъ книгъ, хотя и самыхъ лучшихъ отечественныхъ писателей, не выучишься языку живому, разговорному, такому, какой нуженъ былъ для его трагедій, онъ, для того чтобы наконецъ совершенно «объиталиниться», предпринялъ путешествіе въ Тоскану, какъ въ страну, въ которой говорятъ самымъ правильнымъ и поэтическимъ нарѣчіемъ; Пророчествомъ рекомендательныхъ писемъ отъ Начала, Альфieri ознакомился и сблизился со всеми учеными и умными людьми въ Пармѣ, Моденѣ, Болоннѣ и вообще во всей Тосканѣ; между-прочимъ въ Пармѣ познакомился онъ съ знаменитымъ Болонни, Гутенбергомъ своего вѣку; образованнымъ и умнымъ типографомъ того времени не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Разсматривая его типографію, да еще превосходную по устройству и надпечатку и бирмингемскую, Альфieri въ первый разъ увидѣлъ эти латинскія буквы, эти тысячи шриотовъ, станки и другіе снаряды книгопечатанія, которые могли доставить ему славу, или подвергнуть насмѣшкамъ и поруганію.

Привалъ въ Диву, онъ позавоковалъ съ инвентаремъ чести-
на, предосторожнаго тамошней академіи; беззаботно съ востор-
гомъ вѣдая, что живо касалось, что приваломъ и оно имело
несколько занятій, но больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, болелъ
еще драматомъ и смѣрялся въ своемъ незнанин.

Между прочимъ, здѣсь же, въ шести-недельное свое пре-
бываніе, набросалъ онъ планъ «Антигоны», переложилъ
«Полиника» въ стихи и, гораздо удачнѣе нежели прежде, пе-
редѣлалъ «Филлипа Второго». Тутъ же, перечитывая Сенеку,
онъ не устоялъ отъ искушенія сдѣлать попытку написать
«Агамемнона» и «Ореста», начертилъ довольно удачное из-
ложеніе въ прозѣ двухъ этихъ сюжетовъ своихъ будущихъ
трагедій, и закончилъ кругъ ученыхъ занятій этого года
точнымъ, вѣрнымъ переводомъ для себя Гораціевой Агс
poetica, и самымъ внимательнымъ изученіемъ Саллюстія.

Въ слѣдующемъ, то есть, 1777, году, въ мая, Альфіери
предпринялъ вторичное путешествіе въ Тоскану, намѣре-
ваясь ѣхать черезъ Геную водою, а лошадей и багажъ свой
отправивъ сухимъ путемъ на Леричи и Сарцану; но неба-
гоприятный вѣтеръ задержалъ его въ Рапалло и онъ, вы-
шедши на берегъ въ двухъ станціяхъ отъ Генуи, пріѣхалъ
въ Сарцану черезъ Аппенины самую ужасною и опасною
дорогою. Здѣсь, разбросавшись съ своимъ вещами, изъ ко-
торыхъ часть осталась на баркѣ, а другая была еще въ до-
рогѣ, и имея при себѣ одного только Горація и Петрарка
въ маленькомъ форматѣ, начиналъ-было скучать, но, по
счастью, познакомившись съ священникомъ этого городи-
ща, а, главное, съ его бібліотекою, началъ, еще въ дорогѣ,
послѣ академическаго ученія, на Титъ-Ливія.

Саллюстіи правился поэту своей быстротою и краткостью;
но возвышенность предмета и граціозное изложеніе въ
Титъ-Ливіи поразило его не менѣе. Описаніе смерти Вирги-
ніи, пламенный рѣчи Цицеліуса и картина возстанія римской
черни, живо подѣйствовали на воображеніе Альфіери, и ре-
зультатомъ этого сильнаго впечатанія была трагедія «Вир-
гидіа», которой онъ тотчасъ же забросалъ мысль и былъ
бы вѣсело привести его и въ окончательному исполненію,
если бы ошадніе вещи, отправляемыя водою, и безпокой-

отавъ и нѣтъ не возмущали его политическаго вѣдѣнія. Не обманывало его сердце. Оставляя эти вторичныя Альфieri, онъ отвѣчалъ на судьбу своей «*Виргини*», зная, что значило для него. Оставшій не развить въ первый планъ трагедіи, или отложить его на более поздній срокъ. Въ созданныхъ Альфieri было три главныхъ момента. Встрѣчая сюжетъ драматическій, онъ тотчасъ же разбивалъ его на акты, сцены, определялъ число действующихъ лицъ и, иногда, не болѣе какъ на двухъ страничкахъ самой дурной прозы, набрасывалъ по сценно, вкратцѣ, содержаніе ихъ разговоровъ: это называлъ онъ собственно *изобрѣтеніемъ*. Излагая потомъ, въ прозѣ же, полнѣйшимъ образомъ, сюжетъ трагедіи, съ настоящимъ движеніемъ, ходомъ, положеніями характеровъ, словомъ, драматизируя его какъ слѣдуетъ, и притомъ со всею силою и энергіею оборотовъ и выраженій, не гоняясь впрочемъ за ихъ чистотою и правильностью, онъ писалъ свою трагедію прозою; и эту, самую трудную, часть имъ созданнаго драматическаго процессу называлъ *развитіемъ*. Наконецъ уже, давъ отдохнуть уму и своимъ способностямъ, брался въ третій разъ за созданіе, и изъ избытка рудника мыслей, избирая только лучшія, сокращая и выбрасывая все лишнее, облакалъ мѣста, уцѣлѣвшія отъ беспощаднаго опустошенія, въ стихотворную форму и называлъ этотъ моментъ окончательной разработкой своихъ произведеній — *переложеніемъ*, разумѣя подъ нимъ не одно простое переложеніе рѣчей изъ прозы въ стихи.

Вся трагедія Альфieri, начиная съ «*Филиппа Второго*», прошла сквозь это тройное горнило очищенія; некоторыя не выдерживали, или охлаждади Альфieri при второй и третьей разработкѣ, и онъ, просто, бросалъ ихъ въ огонь. Такова была судьба «*Ромео и Джульеты*» и «*Карла Перваго*».

Наконецъ, пріѣхала вожделѣнная барка. Весь походный багажъ былъ снова подъ руками поэта: гардеробъ, лошади и книги; и *поэтическое* запасъ, какъ онъ выражается, умножился новою, дорогою, вещью, умножилась «*Виргиніею*», которая такъ пришлась ему по сердцу. Альфieri оставилъ Сардинію и поѣхалъ снова въ Пизу. Но вторичное

его пребываніе въ этомъ городѣ продолжалась не болѣе двухъ дней. Встрѣтившись съ одною молодою дѣвушкою, которой родители имѣли на него виды еще въ первый его пріездъ въ Пизу, которая и сама была непрочь отъ предложенія поэта, Альфиери побоялся искушенія, и притомъ, движимый всё-еще желаніемъ совершенно «объиталиннить-ся», и зная, что нигдѣ такъ не говорятъ хорошо на итальянскомъ языкѣ какъ въ Сиеннѣ, онъ тотчасъ отправился туда, и впоследствии благословилъ счастливую мысль посѣтить этотъ городъ, въ которомъ сошелся съ многими добрыми, почтенными людьми, и между прочимъ съ Франческо Гори Ганделлини. Память объ этомъ замѣчательномъ чловѣкѣ до самой смерти была драгоценна для Альфиери. Его совѣты поддерживали иногда упадавшаго духомъ поэта въ трудномъ слѣдованіи на драматическомъ поприщѣ. Кроме-того, Ганделлини своею обширною ученостію и иногда умными, одушевленными бесѣдами, наводилъ Альфиери на новые элементы искусства, и даже случалось, что подсказывалъ самыя сюжеты для трагедій. Такимъ образомъ, безъ живаго, огненнаго разсказа Ганделлини о заговорѣ Пацци, Альфиери и не подумалъ бы можетъ-быть о трагедіи, извѣстной подъ этимъ названіемъ. Дѣятельность Альфиери въ это пяти-мѣсячное пребываніе въ Сиеннѣ была невозможная; онъ началъ и развилъ нѣсколько трагедій, прочелъ Макиавеля, Тацита, и составилъ планъ и введеніе большаго политическаго сочиненія «О тираніи.» Цѣлый слѣдующій 1778 годъ, въ особенности два обстоятельства занимали Альфиери: первое, мысль удалиться совершенно изъ родины, мысль давно уже бродившая въ головѣ поэта и исполнившаяся наконецъ, хотя не безъ утраты болѣе части собственности, переданной имъ своей замужней сестрѣ; второе — новая любовь, новая страсть, но на этотъ разъ не бѣшеная, не разрушительная, а тихая, спокойная, такой давно уже искала душа поэта и нашла наконецъ, для того чтобы навсегда остаться въ ея очаровательныхъ оковахъ и прожить до могилы подъ сѣнью ея сладостныхъ, упоительныхъ ощущеній.

Во время пребыванія своего въ Флоренціи, въ продолженіи всей осени 1778 года, Альфиери посѣщалъ очень часто

одну молодую замужнюю женщину, которая жила открыто, и, как любительница искусств и наук, принимала у себя все, что было ученаго и художественнаго въ Флоренціи. Тихій нравъ, святлыій женскій умъ, прекрасная наружность, любовь ко всему изящному, съ перваго взгляду увлекли Альфіери, и онъ не замедлилъ влюбиться. Кроме ума, добраго сердца и очаровательной наружности, было еще одно обстоятельство, не ускользнувшее отъ вниманія Альфіери и привлекившее его еще болѣе къ прекрасной дамѣ, — это душевное ся горе, несчастіе и мученія, которыя она должна была переносить каждый день отъ грубаго, стараго, глупаго и еще, ко всему этому, пьянаго мужа.

Чувства Альфіери были поняты, раздѣлены, и, несмотря на то, что самая горькая необходимость дѣлала ихъ счастье невозможнымъ, что этотъ вѣчно-пьяный мужъ, словно тень, преслѣдовалъ ихъ и за обѣдомъ, и за ужиномъ, и въ театрѣ, и на гуляньи, они сходились и расходились самыми чистыми, но не менѣе того пламенными, любовниками.

Платоническая страсть Альфіери ни мало не разрушала его дѣятельности; напротивъ, она возбуждала ее, и изъ чистѣйшей привязанности къ другу своего сердца, Альфіери черпалъ новыя вдохновенія, какъ изъ новаго свѣтлаго родника. Вся его мелкія стихотворенія этого времени напоминаютъ намъ его милую и дышать восторгомъ, но не однихъ любовныхъ сонетовъ поглощали всю его дѣятельность, работы болѣе важныя, — трагедіи, поэмы, даже самое чтеніе и изученіе, шли также своимъ порядкомъ. Въ это время, то есть, въ серединѣ 1778 года, онъ окончилъ поэму «Смерть Александра Медичи», трагедію «Пацци», развилъ въ прозѣ «Донъ Гарсія», началъ политическое сочиненіе «Правитель и просвѣщеніе», и, въ угожденіе своей подругѣ, набросалъ планъ «Маріи Стюартъ». Слѣдующій 1779 годъ былъ еще обильнѣе произведеніями его таланта, уже развернувшася въ полномъ своемъ объемѣ: Явились «Розамунда», «Октавія», «Тимолеонъ», и окончательно былъ обработанъ «Донъ-Гарсія». Творчество поэта было въ самомъ сильномъ напряженіи, дѣятельность неутомима, такъ, что къ концу 1782 года, ровно черезъ семь лѣтъ послѣ пер-

его представляли «Клеопатра» и «Юрродо» Альфиери был до уже четырнадцать трагедій (считая съ поэмой, «Медора» и «Саулоч»), совершенно готовыхъ, исправленныхъ и переписанныхъ на-было. Советниками и первыми слушателями его были Франческо Гори Гаделани, и милый ему другъ, Аббатъ Калозо, приехавшій наконецъ изъ Испаніи, Они наводили поэта на предметы для трагедій, высказывали добросовѣстно его недостатки и первые отдавали справедливость его достоинствамъ, первые увлекались его красотами. Но вскорѣ Альфиери не ограничился этими тѣсными кругами читателей. Ихъ искренность могла совпадать съ пристрастіемъ, по-крайней-мѣрѣ привязанности и личнаго уваженіе къ поэту могли поддерживать вниманіе, иногда и неслуженное, къ его произведеніямъ. Сверхъ-того, болѣе масса слушателей, ихъ равнодушное молчаніе или вдругъ возбужденный энтузіазмъ, а иногда невольный и сальнй невинный эввокъ, лучше всякаго произнесеннаго софиту, одобренія или порицанія, показываютъ настоящее достоинство читаемой вещи. Альфиери чувствовалъ это, поинилъ свой опытъ съ «Клеопатрою» и, находясь въ это время въ Римѣ, собиралъ около себя значительный кругъ слушателей, часто знакомыхъ ему не болѣе какъ по имени, и читалъ имъ свои трагедіи.

Послѣдствія этихъ чтеній, какъ говоритъ, были болѣе чѣмъ поучительны. Не всѣ трагедіи выдержали эту смѣлую критику, нѣкоторыя остались до *лучшаго времени*, другія назначены къ новому просмотру. Изъ четырнадцати трагедій, совсѣмъ готовыхъ, только четыре отданы въ печать, одна, именно «Антигона», явилась на сценѣ въ Римѣ, и то не-сценѣ не публичной, а на домашнемъ театрѣ герцога Гримальди.

«Антигона» имѣла успѣхъ; четыре напечатанныя трагедіи также; имя Альфиери сдѣлалось извѣстно въ Италіи. Но нѣсть съ отраднымъ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія автора, явились и тернія его литературнаго призванія. Въ первый разъ Альфиери испыталъ зависть согражданин своихъ по-искусству, въ первый разъ долженъ былъ вынести чуждъ критику, насмѣшки, и придрокъ молодой прѣтѣди, диктатора

ныхъ и бездарныхъ педантовъ. Самые добротные его собитники (за исключеніемъ, разумается, близкихъ сердцу друзей), самые услужливые его наставники и учителя въ правилахъ языка и искусства, не могли простить ему радующейся его славы и обрушились на него со всемія громою своей пристрастной критики, со всемія хламомъ и коптою мнимаго пурисма.

Однако же эти громы войны литературной не слишкомъ тревожили Альфieri, онъ даже отшанилъ на многихъ изъ своихъ критиковъ: не долго ему было. Домашнее горе, сердечная рана была для него важнее въ это время отравы, ранъ и оскорбленій отъ вновь нажитыхъ враговъ литературныхъ. Преследованія мужа женщины, милой сердцу, несмотря на то, что онъ лежалъ почти на одрѣ смерти, слѣлись сильнее чѣмъ когда-либо и дошли до того, что Альфieri долженъ былъ разстаться съ обожаемымъ другомъ, если не навсегда, то надолго, и обречь себя на добровольное влеченіе. Жить близко и невидать ее, было бы для него нестерпимой пыткой; оставаться въ Италіи, значило бы все-таки не совершенно усюконтить подозрѣнія больного, умирающаго ревнивца и подвергнуть новымъ мученіямъ его жену, несчастную жертву корысти отца и матеря. И въ этомъ-то грустномъ состояніи души, колеблясь и волнуясь, потерявъ надежду, покой, позабывъ даже о начинающейся своей славы, оставивъ свои трагедіи и поэмы на попеченія друзей, Альфieri собрался въ несколько дней и похалъ въ третій разъ черезъ Францію въ Англію.

Казалось трудно, чтобы эти страны, видѣвныя имъ уже неоднократно, могли что-нибудь представить новаго на пищу его любопытству и разсвѣять сколько-нибудь его грусть и скуку; но душа поэта, привыкшая къ дѣятельности, привыкшая безпрестанно волноваться, не могла оставаться праздною и внѣ вліянія какого бы то нибыло чувства, или страсти. И эта страсть явилась, или, вѣрнѣе сказать, проснулась въ поэтѣ: страсть, равнявшаяся въ немъ съ самыми сильными другими его наклонностями, самая странная, разорительная, доходившая въ немъ до фанатизма, — страсть къ дошадливъ... Поэтъ какъ-бы испомнилъ объ ней, засуеталъ

ст; заблужденъ; забылъ о своихъ трагедіяхъ, любовной, забывъ все, и пріѣхалъ въ Лондонъ больше ни о чемъ не думая и не мечталъ какъ о красивыхъ головахъ, высокихъ шеехъ, сильныхъ грудяхъ, широкихъ крупахъ и другихъ стадахъ своего любимаго животнаго, словошь, преобразовался изъ поэта въ самаго горячаго лошадинаго охотника.

Въ послѣднее время пребыванія своего въ Италіи, вѣдалъ съ большимъ расчетомъ и экономією, онъ скопилъ довольно значительную сумму наличныхъ денегъ, и этотъ то плодъ своей бережливости, лишеній и затворнической жизни, рѣшился изстратить вдругъ и употребить на покупку лошадей. Не прошло осьми дней послѣ его пріѣзду въ Лондонъ, какъ на конюшнѣ знатока и любителя лошадей, графа Альфіери, стоялъ ужъ одинъ рысакъ, двѣ верховныя лошади, шесть упряжныхъ, три заводскихъ кобылицы, и два жеребца; словомъ, всего четырнадцать лошадей, — число какъ разъ соответствующее числу трагедіи поэта Альфіери..... Альфіери ожилъ, былъ счастливъ, утѣшенъ; покупалъ, мѣнялъ, торговалъ, приходилъ въ восхищеніе отъ каждой удачной лошадиной сдѣлки и торжествовалъ, когда кто хвалилъ его покупки и признавалъ въ немъ талантъ знатока въ лошадяхъ. Но не такъ еще были странны выходки этого тщеславія, не такъ смѣшны и оригинальны его восторги отъ лошадей, не такъ, наконецъ, замѣчательны и въ тоже время трудны, мелочны и изнурительны его хлопоты и заботливость объ этихъ новыхъ друзьяхъ, какъ доставка въ Италію и торжественное ихъ шествіе черезъ Альпы и Аппенины. Словомъ, не такъ былъ важенъ и великъ конюхъ и барышникъ Альфіери, какъ былъ великъ и вмѣстѣ смѣшонъ Альфіери-коноводъ.

«Я считалъ себя ни сколько не ниже героя карагенскаго, когда подошелъ съ моймиъ караваномъ къ Монъ-Ценису, говорить онъ описывалъ эту экспедицію: я былъ убѣжденъ, что его подвигъ ни сколько не выше моего, и самыя цѣли трудныхъ походовъ нашихъ казались мнѣ одинаково важными. Мои лошади ни чемъ не были хуже его слоновъ; онъ третью бездуку укусу, и втрое больше вина; потому что не одна лошадь; а я конюхи, проводники, словомъ, все мое полчище шло напропалую.»

Такъ искренно и добродушно смеется Альфиери надъ своими глупостями, и эти не многія строчки, какъ и каждая изъ его записокъ, убеждаютъ въ томъ, что онъ думалъ право быть своимъ биографомъ.

Возвратясь въ Италию, и почти прямо въ Туринъ, гдѣ онъ уже не былъ болѣе семи лѣтъ, Альфиери не безъ удовольствія провелъ нѣсколько времени въ этомъ городѣ. Воспоминанія юности, друзья и школьные товарищи, рассказы о бывшихъ жалостяхъ, дурчествахъ, страстяхъ, интригахъ, все это занимало, тѣшило Альфиери; но не надолго. Прошедшее было прекрасно, настоящее не безъ горя и неприятностей, и вѣкъ чувствительнѣе изъ нихъ тревожило поэта немольное сознаніе того, что онъ уже болѣе не членъ, не гражданинъ своего отечества.

Оставляя Туринъ, Альфиери имѣлъ случай самымъ нечаяннымъ образомъ присутствовать при одномъ изъ представленій своей любимой трагедіи «Виргинія». Та же самая труппа, которая за двѣнадцать лѣтъ тому уродовала его «Клеопатру», обошлась теперь не лучше и съ «Виргинією». Пытки мученія автора были ужасны; готовый вырвать роли своей трагедіи изъ ртовъ этихъ безжалостныхъ палачей вѣсть съ ихъ языками, онъ долженъ былъ просидѣть до конца и благодарить еще и артистовъ и публику за успешный ходъ и лестный пріемъ своего безчеловѣчно искаженного созданія. Это обстоятельство и еще нѣкоторыя другія сдѣлали то, что Альфиери ухалъ изъ Турина прежде нежели можетъ-быть располагалъ, и далеко не съ тѣми отрадными ощущеніями, съ которыми въѣзжалъ въ этотъ городъ.

По дорогѣ оттуда, онъ остановился на нѣсколько дней въ Асти и имѣлъ свиданіе съ своей дочтенной престарѣлой матерью, которую всегда любилъ нѣжной и оживленной любовью. Въ это же время возобновились и его сношенія съ подругой сердца, прерванныя самою горькою необходимостью; но эти сношенія ограничивались: не болѣе какъ двѣнадцатидневной перепиской. Онъ жилъ въ Пиавъ, она въ Билонья, въ ожиданіи разводу съ мужемъ. Аппениты раздѣляли ихъ; но что такое горы директетины для двухъ восторженныхъ и платоническихъ любовниковъ! Каждый день писала ей

судителю; пылкая, трогательная, далам эту разлуку, если не совершенно нечувствительною, то по крайней мере снисходительною и не столь убийственною, какою казалась она въ предположеніи власти мещанствъ.

Дальное путешествіе въ Англію, лошади, къ которымъ, считаясь мимолетомъ, Альфиери уже несколько покландаль, беспрестанно перескаль, отвлеченъ было его совершенно отъ литературныхъ занятій; но разъ вступивъ въ прелкій кругъ дѣятелъ, онъ снова вооружился осязкою авторской дѣятельностью, мнѳолическое вдохновеніе снова осязало его. Однажды, какъ-то, попался ему Младшій Плиній. Чистота слогу, правильность и точность выраженій, интересныя подробности римскихъ нравовъ, наконецъ, благородство души и возвышенность характера самаго автора, высказывавшіяся въ его сочиненіяхъ, все нравилось, все привлекало Альфиери къ этому знаменитому писателю. Прочитавъ его письма съ большимъ удовольствіемъ, онъ непосредственно перешелъ къ «Панегирику Трациану»; но съ первыхъ же страницъ какое-то чувство, какъ-бы негодованія, зашевелилось въ сердцѣ поэта. Читая далье и не видя ни ума, ни умъня прослащеннаго писателя, ни истины, ни правдивости, которыхъ можно было бы ожидать отъ друга Трациана... какъ-то любилъ себя выдавать Плиній, Альфиери наконецъ не выдержалъ, бросилъ книгу и вскочивъ съ постели, въ досадѣ сказалъ самъ себѣ въ слухъ: «Нѣтъ, любезный Плиній! если ты точно былъ другомъ Трациана и его сорешователемъ, такъ вотъ какъ надобно было говорить съ Трацианомъ.» И вслѣдъ за этой энергической выходкой, схвативъ перо, ни сколько не приготавливаясь и не размышляя, принялся писать. Впродолженіи двухъ часовъ, четыре листа кругомъ, письма самаго мелкаго, что называется, скляли, подъ рукою поэта. Утомившись и отъ труда и отъ волненія, которымъ сопровождался этотъ трудъ, онъ оставилъ его и позабылъ даже о своей работѣ. На другой день утромъ Плиній былъ снова въ рукахъ Альфиери, снова развернуть на панегирикъ, но, послѣ нѣсколькихъ страницъ, тоже негодованіе зашевелилось въ сердцѣ поэта, книжка такъ же выскочила изъ рукъ: Альфиери, какъ и на конунъ, принялъ

на за свою работу съ тѣмъ же жаромъ, съ той же порывающей порывкой.

Прошло пять дней, небольшие, но въ это короткое время создалось одно изъ лучшихъ произведеній Альфieri; создался «Панегирикъ Трагичъ.» Онъ написалъ его съ двенадцати по семнадцатое марта 1785 года. Альфieri не отдавалъ самъ всей справедливости своему новому сочиненію, изъ скромности, которая не дозволяла ему даже иронически судить сравненіе своего Панегирика съ Платиномъ. Онъ восхищался имъ болѣе какъ доказательствомъ, что его творческія способности не истощились еще ни временемъ, ни трудомъ, ни тоскою по милой сердцу.

Въ концѣ мая того года, проѣздъ короля неаполитанскаго съ семействомъ черезъ Пизу одушевилъ этого горца, и Альфieri, принимая участіе въ публичныхъ гуляньяхъ, скачкахъ, турнирахъ, учрежденныхъ для увеселенія его величества, имѣлъ случай щегольнуть своими англійскими лошадьми и обратить общее вниманіе на богатство упряжи и роскошь своихъ экипажей; тщеславіе охотника до лошадей проснулось-было снова, но самолюбіе поэта, на этотъ разъ взяло верхъ, и мысль, что въ этой мертвой, испорченной Пизини, легче расшевелить умы и чувства лошадьми чѣмъ людьми привела его въ отчаяніе.

Между-тѣмъ, обстоятельства, которыя такъ занимали Альфieri, переменялись. Подруга его сердца, къ которой стремились всѣ его мысли, мечты, чувства, получила полную свободу располагать собою. Мужъ ея умеръ, и она, избывая тождовъ и неприятностей, которыя могли еще нарушать ея спокойствіе въ Италіи, поѣхала на время къ родственникамъ въ Францію и извѣстила о томъ своего друга. Обрѣдовавшаго Альфieri полетѣлъ за ней слѣдомъ, но сигналъ ее уже въ Альзасъ, откуда они вмѣстѣ отправились въ Парижъ.

Все время пребыванія своего въ Франціи, Альфieri держалъ спокойный духомъ, а это было весьма полезно для его здоровья, которое уже начинало-было разстроиваться. Не желая потерять случая и имея подъ руками хорошаго топографа, Альфieri задумалъ сдѣлать исправное и красивое

издание своихъ сочиненій, и хотѣлъ приступить къ весьма
хозяйственнымъ распоряженіямъ, которыя были необходими
для этого предпріятія. Среди дѣловъ, трудовъ, сола-
щаній и сделокъ съ типографіками и бумажными фабри-
кантами, Альфіери не оставалъ и своихъ литературныхъ
занятій. Онъ изложилъ и развилъ «Брутуса», исправилъ
сократилъ «Панегрику Траяну», «Освобожденіе Америки»
и окончилъ трагедію «Софонисбу». Но судьба и жизнь по-
слѣдняго созданія были плачевны и недолговременны. Разъ,
читая Софонисбу одному изъ своихъ пріятелей-Францу-
зовъ, котораго давно уже зналъ за хорошаго совѣтника и
безпристрастнаго, толковаго, судью въ литературномъ дѣлѣ,
Альфіери слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, болѣе присма-
тривался къ его фізіономіи и тѣлодвиженіямъ, чѣмъ прислу-
шиваясь къ замѣчаніямъ, которыми онъ иногда перебивалъ
чтеніе. Но, въ половинѣ втораго акта, Альфіери, пораженный,
охваченный холодомъ своей піесы, самъ вдругъ остано-
вился; чувство это было такъ сильно и быстро, что позабывъ
о слушателѣ и не думая уже слѣдить по его наружности
за впечатлѣніями производимыми на него сочиненіемъ, онъ
повернулъ нѣсколько мгновеній тетрадь и бросилъ ее въ
каминъ. Пріятель кинулся было спасать, но Альфіери преду-
предилъ его, и подсунувъ рукопись шипцами еще дальше
къ огню, съ безстрастіемъ палача выждалъ пока она сго-
рѣла до тла. «Это безотчетное и порывистое движеніе,
говоритъ самъ Альфіери, было одного рода съ моею несто-
вой выходкой въ Мадридъ, которой чуть не слѣдствіемъ
жертвой Илья, но на этотъ разъ я не краснѣлъ за себя и
даже отчасти былъ себѣ благодаренъ».

Слѣдующіе три года Альфіери провелъ почти безвыѣздно
въ Франціи, то въ Парижѣ, то въ Альзасѣ, въ небольшомъ
имѣніи своей подруги; но наконецъ, соскучивъ сидячею
жизнью, утомительными и мелочными хлопотами, въ кото-
рыя вовлекло его изданіе своихъ сочиненій, а, главное, пред-
видя смутныя дѣла Франціи, Альфіери рѣшился переи-
менить свое мѣстопробываніе и искать болѣе спокойнаго и
безопаснаго. Подруга его на разу еще не была въ Англіи,
хотѣла видѣть эту землю, и Альфіери, изъ угожденія ей,
въ четвертый разъ перѣхалъ Кале.

Общественная жизнь Англии не изменилась, но Альфиери уже криво переизменился, и потому эти безконечные обиды; неизбежные и губительные гости; скачки; шить-шить; слезы; всё эти разлазачья туманного и пропитанного временем полу-острова; нисколько не соответствовавшие уже ни идеалам, ни чувствам, ни уму, ни призванію Альфиери, не могли ему нравиться; подруга его также не находила больших удовольствій, и скучала, а потому, взглянув только мелькомъ на всю достопримечательности этой страны, осмотревъ поверхностно Лондонъ, Батъ, Бристоль и Оксфордъ, они возвратились въ Дувръ, въ намърѣніи переправиться снова въ Францію, на короткое время, устроить тамъ дела свои и оттуда тотчасъ же вхать въ Италію.

Въ Дувръ, въ ту минуту какъ пакетботъ готовился уже къ отправленію, самая романтическая встрѣча нарушила на некоторое время спокойствіе поэта. Между пассажирами Альфиери увидѣлъ одну даму, и совершенно не думая и не ожидая, узналъ въ ней героиню жокейской драмы, въ которой онъ тоже разыгрывалъ не послѣднюю роль. Двадцать лѣтъ нисколько не изменила красавицу: она также была хороша, очаровательна; также мила, любезна съ некоторыми изъ пассажировъ, которые были ей знакомы. Альфиери смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ, но приятная улыбка, обращенная къ нему, какъ къ старинному другу сердца, разрушила всю сомнѣнья и пробудила въ душѣ его тысячи ощущеній самыхъ бурныхъ и разнородныхъ. Въ эту минуту раздался голосъ новаго друга сердца, и Альфиери очнулся, прижалъ въ себя, вспомнилъ разницу и, спустившись въ каюту, разсказалъ откровенно своей подругѣ весь случай, какъ онъ былъ, съ самаго перваго знакомства съ Англичанкой до настоящей встрѣчи съ нею, не скрывъ ни одного обстоятельства, не исключая и волненій душевныхъ, которые возбуждало ея неожиданное появленіе на пакетботѣ.

Принимавъ въ Калѣ, детадываясь о родъ жизни, который вела грѣшница-Англичанка, и считая себя отчасти виновникомъ ея униженія, Альфиери, чтобы успокоить хоть часть-нибудь свою совесть, счелъ за долгъ написать къ ней письмо; но отвѣтъ снялъ грѣхъ съ души Альфиери: очаро-

отказавшись была в том отчаянии и дожила счастливо, живя по законамъ, и не думала возвращаться на путь пошлости.

Такъ странно окончила судьба этотъ любовный и не во все красивый эпизодъ жизни Альфиери, какъ-бы нарочно судьба его, черезъ двадцать лѣтъ, съ женщиной, которая никогда не стояла его страсти и всѣхъ тѣхъ страданій, свѣтя оны вытерпѣла изъ-за нея. Случай этотъ можетъ казаться послѣднимъ треволненіемъ Альфиери, послѣднимъ воспоминаемъ объ его бурной, кипучей молодости. Альфиери сталъ старикомъ.

Этотъ періодъ жизни Альфиери представляетъ утѣшительное зрѣлище внутренняго, душевнаго спокойствія, невозмущаемаго ни какими бурями предшествовавшихъ, возрастовъ, и среди котораго дозрѣли и приведены были къ успѣшному концу все высокія, полезныя начинанія и порывы его творческаго духа, способностей, ума, таланта; словомъ, зрѣлище торжественнаго отдыха старца-поэта заранѣ, осмысленнаго лучомъ славы и безсмертія.

Но и въ это время справедливаго отдохновенія послѣ столькихъ тяжкихъ и славныхъ трудовъ, Альфиери не могъ совершенно предаться праздности и бездѣйствію, и если силы творчества отказывались ему служить по-прежнему, то страсть къ познаніямъ не могла оставаться спокойною; она все еще обладала имъ и вызывала на подвиги, почти непреодолимые, передъ которыми смирилась бы самая пылкая, сильная сила, молодость. Такимъ образомъ, на пятидесяти лѣтахъ ходу своей жизни, Альфиери далъ себя слово, не творить больше трагедій, изучиться греческому языку, и достигъ цѣли, несмотря на болезнь, имъ самимъ признанную, и способности къ языкознанію. Поэтому случило Альфиери говорить, что четыре раза принимаясь онъ за англійскій языкъ, и все четыре раза безуспѣшно, такъ, что наконецъ бросилъ свое намѣреніе, въ желаніи убѣдившись, что онъ никогда не достигнетъ исполненія.

Въ преклонныхъ лѣтахъ было счастливымъ, что прочитано было еще много книгъ: убого, прочитаны Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ и комментаріи Прокла на Платона, смѣль на Эврипидъ.

доль въспоминанья о «Альцестѣ». Но не довольны восхищеніемъ, не однимъ удовольствіемъ чтенія, назвали этотъ геркулесовскій подвигъ Альфіери. Онъ перевелъ трагедію Эврипида, перевелъ ее художественно, и собственное вдохновеніе прозвучало въ немъ: онъ задумалъ создать свою «Альцесту»; и, несмотря на тысячъ упрековъ, которыми осыпалъ себя за нарушеніе даннаго уже однажды слова «не писать болѣе трагедій», несмотря на горькія слезы, которыми обливали онъ первыя двѣ странички плана виднаго задуманнаго созданія, въ концѣ 1798 года, и именно двадцать пятаго октября, явилась «Альцеста», трагедія съ хоромъ, совершенно оконченная и переложенная въ стихи. Умилительна эта борьба вдохновенія съ устарѣвшими уже силами поэта, борьба творчества съ собственнымъ сознаніемъ творца въ слабости и неспособности. Но въ то же время борьба эта и поучительна, какъ доказательство, что никогда не проходитъ пора вдохновенія, что никогда не должно пренебрегать вѣдній Феба, и что не одни только тѣ произведенія поэтовъ бываютъ хороши, за которыя они берутся охотно, но часто и тѣ, даже чуть ли не болышею частью, отъ которыхъ отвращались и отрекались вначалѣ.

«Альцеста» была принята всеми какъ нельзя лучше, но Альфіери смотрѣлъ уже на нее какъ на предсмертное свое созданіе.

Годъ 1799 былъ эпохой рѣшительнаго вторженія Французовъ въ Италію. Враги моралили уже въ Тоскану, и воевали въ то время во Флоренціи, вѣсть съ другими гражданами этого народа приготовилась къ актъ неизбежнаго повстанія: устроилъ для свои, и литературныя и хозяйственныя такъ, какъ только могли позволить обстоятельства. «Я вижу Французовъ, говорю онъ, и, не срывая никогда моея ненависти и презрѣнія къ этимъ неблагопріятнымъ рабамъ, былъ готовъ на вся ниспадъ, грубостямъ и непріятности, совершенно незабавныя, рѣшилъ даже умереть, но отмстивъ за себя.»

Альфіери навѣдалъ, въ этотъ случай, на единичныя свои сочиненія, только что оконченное около того времени, и именно «Misogallo», состоявшее изъ сатиръ и комиче-

самыхъ разсудковъ; въ которыхъ безпомощно осмѣялъ онъ и въпервую по-изнанку французскую революцію со всеми ея обратительными, безобразными; фактами и героическими.

Готовность Альфіери въ то время ко всемъ крайностямъ, опасностямъ и, дѣйствительно, даже къ смерти, всего убѣдительнѣе подтверждается его автобіографіею, оконченною за нѣсколько дней до вторженія непріятеля, и двумя эпитафіями, себѣ и своей подругѣ. Тутъ же Альфіери собралъ все свои мелкія сочиненія, сонеты, эпиграмы, въ одну небольшую книгу и, пропѣвъ, какъ Пиндаръ, послѣднюю оду, которую называлъ *Telcutodia*, онъ повѣсилъ лиру и сошелъ съ своего поэтическаго поприща.

Въ остальные годы жизни своей, Альфіери продолжалъ заниматься изученіемъ греческаго языка, переводами Гезіода и Аристофана: послѣдній навелъ даже его на мысль самому испытать свои силы въ комическомъ родѣ сочиненій, и нѣсколько комедій были плодомъ еще разъ пробудившейся самобытной дѣятельности старца; но, неконченныя и неразвитыя вполне, онъ могутъ служить только доказательствомъ многосторонности его генія, а не идти, по эстетическимъ достоинствамъ, въ рядъ съ другими произведеніями поэта.

Часто и охотнѣе всего читалъ Альфіери и изучалъ въ это время Гомера: уваженіе и даже страсть къ царю эпопей доходили въ немъ до самыхъ странныхъ и смѣшныхъ затѣй; одною изъ нихъ было изобрѣтеніе почетнаго ордена «Кавалеровъ Гомера». Альфіери предполагалъ сдѣлать цѣпь изъ двадцати камней, надписать на каждомъ изъ нихъ имя одного изъ величайшихъ поэтовъ, повѣсить на нее камень съ изображеніемъ, на одной сторонѣ творца Иліады, а на другой, сочиненной имъ самимъ надписи; надѣть этотъ орденъ на себя, какъ-бы въ награду за то, что, имѣя подъ пятьдесятъ лѣтъ отъ-роду, онъ, послѣ столькихъ трудовъ и стараній, наконецъ выучился по-гречески и могъ переводить Гомера на латинскій и италіянскій языки.

Смерть Альфіери, можетъ-быть и преждевременная, послѣдовала отъ изнуренія и болѣзни, которыя, несмотря

на свою жестокость, не могли отвлечь его отъ любимыхъ занятий. За нѣсколько дней до смерти, онъ сидѣлъ еще за письменнымъ столомъ и дѣлалъ выписки изъ Гомера. Не смущаясь говорилъ онъ о своихъ предчувствіяхъ близкой кончины, и встрѣтилъ ожидающую гостью съ твердостью, достойною великаго поэта. Альфиери умеръ 8 октября 1803 года, и похороненъ въ Санта-Кроче, недалеко отъ мотылы Микель-Анджело. Памятникъ надъ нимъ, работы Кановы, воздвигнутъ графинею Альбани. Ожидалъ ли этой почести поэтъ, когда, будучи еще юношей, въ первый разъ посетилъ гробницу Микель-Анджело и размышлялъ о подвигахъ этого великаго генія искусства?....

=

ИХТЛИЛЬХОЧИТЬ.

Вотъ имя, достойное всякаго уваженія, по своимъ пирамидальнымъ размѣрамъ, и книга, вполне заслуживающая любовь и вниманія тѣхъ читателей, которые не терпятъ безцвѣтной исторіи. Многіе нынче находятъ, что въ новѣйшіе вѣка, исторія, жалкая картина темныхъ интригъ и потѣшныхъ дракъ, имѣла настоящей свой цвѣтъ при одномъ только Наполеонѣ, когда, въ одинъ сутки, текла по полямъ сраженій кровь шестидесяти, девяноста или ста тысячъ человѣкъ; и что со смерти этого великаго человѣка она сдѣлалась мелочною и совершенно незанимательною. Этого не скажутъ они по крайней мѣрѣ о книгѣ почтеннаго историка Ихтлильхочитля; потому что въ ней постоянно сражаются арміи въ шестьсотъ тысячъ человѣкъ, которыя, въ одинъ сутки, геройски истребляютъ по триста тысячъ своихъ ближнихъ. Но, кромѣ этого важнаго пункта, книга дикаго принца Ихтлильхочитля заключаетъ въ себѣ еще многія другія интересныя стороны. Настоящее состояніе древней Мексикки, этого романическаго государства, съ своею странною архитектурою, загадочною образованностью и непостоянною исторіей, о которомъ мы неоднократно сообщали нашимъ читателямъ новыя свѣдѣнія, открываемыя терпѣливыми исследователями, это состоянія, и все, что можетъ пояснить его, будетъ всегда заслуживать вниманія мыслящихъ лю-

дей. Обширное пространство земель, безчисленные богатства, вывезенныя оттуда на гибель Испанцамъ, страшное положеніе жителей, удивительно образованныхъ и въ то же время удивительно дикихъ, наконецъ отчаянныя войны, которыя перенесли они, и нынѣшній видъ Мексики въ политическомъ мѣрѣ, все это — хоть сейчасъ въ романъ. Въ исторіи этого государства, какая донинѣ была намъ известна, ужасныя и невѣроятныя сказки перемѣшаны съ такой же ужасной и почти столь же невѣроятной истиной. То, что объ исторіи древней Мексики до-сихъ-поръ было извѣдано, вовсе не удовлетворяло любопытныхъ: никому не вѣрилось этимъ напыщеннымъ рассказамъ о колоссальной и воинственной имперіи, покоренной толпою европейскихъ бродягъ, и всѣ доводы защитниковъ этого факта, вмѣсто убѣжденія читателя, только увеличивали сомнѣнія. Но вотъ письменное свидѣтельство о существѣ дѣла, представляемое древнимъ мексиканскимъ княземъ, потомкомъ тѣхъ непонятныхъ монарховъ, которые позволили испанскому Ермаку, безъ всякихъ военныхъ средствъ, овладѣть своею огромною и богатою имперіей. Подтверждая фактъ, оно, къ счастью, дѣлаетъ его совершенно понятнымъ посредствомъ престоупно-рассказываемыхъ обстоятельствъ великаго происшествія, уничтожаетъ все нелѣпости, выдуманныя хвастливостью Испанцевъ и затемнявшія исторію покоренія Мексики, и бросаетъ на нее свѣтъ, какого никогда не бывало. Великій Кортесъ впервые является здѣсь въ настоящемъ своемъ видѣ, такимъ, какъ логически и можно себя его представить въ подобныхъ обстоятельствахъ, — не героемъ, не Александромъ Великимъ, — отнюдь нѣтъ, — а попросту дерзкимъ и бессовѣстнымъ интриганомъ, который, попавшись съ горстью дурно вооруженныхъ солдатъ среди воинственныхъ, сильныхъ и свирѣпыхъ народовъ, могшихъ уничтожить его въ одно мгновенье, коварно пользуется ихъ дѣтскимъ престоупническимъ дѣломъ чтобы перессорить ихъ между собою, вооружить другъ противъ друга, и собственными же ихъ руками покорить себѣ Мексику. Заглавіе книги не вѣрно; она называется: *«Исторія о страшныхъ тиранствахъ тирановъ Мексики, а также объ Индейцахъ, какъ она была покорена свою имперію испанскому скитнику; сочиненіе*

донъ Фернандо д'Альба Иттлихочитль". Этого донъ Фернандо Иттлихочитль былъ родной внукъ одного нѣмецкоамериканскаго государя. Повествованіе его взято изъ іероглифическаго этонисой туземцевъ, изъ мѣстныхъ преданій, и разсказовъ свидѣтелей, которые были еще живы, когда онъ писалъ. Оно переведено господиномъ Бустаманте на испанскій и французскій языки, и напечатано было сперва въ 1829 году въ Мексикѣ, а потомъ въ 1838 въ Парижѣ. Изданіе этой необыкновенно любопытной книги можно считать за эпоху въ литературѣ завоеванія Мексики.

Но сердитому заглавію, прежде всего, подумавши, что авторъ ее назарное — потомокъ какого-нибудь мексиканскаго вождя, погибшаго подъ ударами коварныхъ и безжалостныхъ Европейцевъ во время отчаянной защиты своего отечества, и что онъ, авторъ, надумалъ обезсмертить геройскія дѣла своего предка, мученика мексиканскаго патріотизма. Ничего не бывало. Донъ Фернандо Иттлихочитль, дѣйствительно, доводится очень близкою родней одному храброму мексиканскому владѣтелю, по имени тоже Иттлихочитлю, но этотъ храбрый владѣтель, вместо того чтобы положить кости свои за независимость святой отчизны, одинъ въ порывѣ связался съ отчаяннымъ пришельцомъ Кортесомъ, передался Испанцамъ и преусердно помогалъ имъ поработать имперію своихъ достославныхъ прародителей. Главная цель автора — выставить добродѣтели и мужество этого мудраго и великаго своего предка; но, какъ якорь и балластъ охотникъ до крови, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется вовсе не думаетъ, ни о томъ чтобы преувеличивать ни о томъ чтобы извинять жестокости побѣдителей. Онъ съ очевидною тщательностью описываетъ все дѣяніе Кортеса, какъ скоро она касается до храбраго Иттлихочитля, и ни до его ближнихъ, не опускаетъ, въ такомъ случаѣ, ни одной интересной подробности; но тогда дѣло идетъ собственно

* CRUAUTÉS HORRIBLES DES CONQUÉRANTS DU MEXIQUE, et des Indiens qui les aidèrent à soumettre cet empire à la couronne d'Espagne. Mémoire de don Fernando d'Alva Ixtlilxochitl; supplément à l'Histoire du père Sahagun, publié et dédié au gouvernement suprême de la confédération Mexicaine, par Charles-Marie de Bustamante. Mexico, 1830. Paris, 1836.

объ Испанцахъ, тогда нападаютъ и пропускъ и небрежность: Въ самомъ началѣ повести индійскій историкъ притомъ речить испанскіе историкомъ: По рассказамъ Гонсалъ и Диасъ, что вскорѣ по выходы Кортеса на берегъ, къ нему присоединился царь Семпоалы, что онъ получилъ отъ этого царя немощательное войско и разные запасы, и что двое семпоальскихъ вельможъ были отправлены къ Тлахкалканцъ для сдѣланія ихъ къ союзу съ христианами, но они, народъ гордый, воинственный, не довѣряя своимъ землякамъ и ненавидя Испанцевъ, вопреки всемъ законамъ дипломатіи, постигнули на неприкосновенность посланниковъ, то есть, съяди ихъ, и, послѣ этого завтрака, дали сраженіе неспрѣтлю. Заѣтныи будто бы послѣдовали три кровопролитныи битвы, въ которыхъ Испанцы, будучи лучше вооружены и обучены, не оставили въ живъ ни одного туземца: Ихтльхочитль утверждаетъ совершенно противное: онъ пишетъ, что Европейцы изъ Семпоалы пошли въ Тлахкану и тамъ были приняты съ радостью, такъ, что между ними и мѣстными жителями не произошло ни одной ссоры, кроме тѣхъ, къ которымъ сами Испанцы подали поводъ.

Пропустимъ разсказъ о прибытіи Кортеса въ столицу мексиканскаго царства и арестованіе слабого императора Мотекусомы, или Монтекумы, какъ его у насъ называютъ. Эти перевороты не имѣли связи съ судьбою героя книги, и потому авторъ очеркиваетъ ихъ только слегка. Но вскорѣ случилось одно происшествіе, обнаруживающее виды Испанцевъ и бывшее, кажется, первой изъ тѣхъ жестокостей, за которыи справедливо считаютъ Кортеса великимъ злодѣемъ. Около сорока дней спустя послѣ приходу въ столицу Мексикки, онъ вздумалъ посвятить городъ Тескуко, принадлежавшій особому царю, Какамъ. Цѣль этого посвященія состояла въ томъ, чтобъ увѣрить Какаму въ безопасности его поданныхъ. Тескукскій царь прислалъ къ нему двухъ своихъ братьевъ, Нецавалькенцина и Тетлавескитицина; но черезъ нѣсколько времени по прибытіи Испанцевъ въ Тескуко, одинъ солдатъ, увидѣвъ, что Нецавалькенцину разговариваетъ съ меконканскимъ посланникомъ, возмущенъ на него подозрѣніе, ударилъ его палкой и притащилъ къ Кор-

тосу, а тотъ, безъ всякихъ разспросовъ, везеть цудьснъ несчастнаго и си въ чемъ невнятнаго принципа.

Послѣ этого блистательнаго подвига, испанскій военачальникъ былъ принужденъ оставить столицу мексиканской имперіи, чтобы отразить Нарвуеса, посланнаго губернаторомъ острова Кубы, лишить его начальства надъ войскомъ. Кортесъ побѣдилъ своего соперника, губернаторскія войска бросили Нарвуеса и передались ему. Удаляясь изъ Мехико, онъ оставилъ тамъ одного своего офицера, по имени Альбаррадо, смотрѣть за плѣннымъ императоромъ. Этотъ человекъ, изъ суевѣрія и корыстолюбія, сдѣлался мучителемъ Мексиканцевъ. Случилось, что на ту пору подошелъ большой праздникъ, который изстари отправлялся въ Мехико. Альбаррадо далъ свое согласіе, чтобы все было по старинѣ, и обѣщалъ не мѣшать обычаю; но когда онъ увидѣлъ толпы народа, бѣжавшаго въ главный храмъ, когда онъ замѣтилъ, что все безъ оружія и въ богатыхъ одеждахъ, жадность въ немъ одолѣла благоразуміе: онъ ворвался въ храмъ съ ватагой товарищей, перебилъ всѣхъ богомольцевъ, ниспровергъ идоловъ и захватилъ все золото, которымъ они были урашены.

Послѣдовало всеобщее возстаніе народа; но Альбаррадо употребилъ въ дѣло Мотекусому: пользуясь плѣномъ несчастнаго государя, онъ заставилъ его усмирить своихъ подданныхъ. Мотекусоба, обожаемый ими, сдѣлалъ это безъ всякаго затрудненія; но святотатство и безчеловѣчіе Альбаррадо не были забыты, и это, конечно, много увеличило жестокость той мести, которую испытали Испанцы, удаляясь изъ Мехико.

Кортесъ въ непродолжительномъ времени воротился въ столицу. Силы его умножились: прежде онъ имѣлъ только около шести сотъ человекъ солдатъ; теперь, съ перешедшими отъ Нарвуеса, у него было до полуторы тысячи. Мексиканцы тотчасъ опять взбунтовались и напали на пришельцевъ съ крайнимъ остерсеніемъ. Послѣ продолжительнаго сраженія, Кортесъ былъ принужденъ, по примѣру Альбаррадо, обратиться къ посредничеству Мотекусомы; но и тотъ разъ народъ не хотѣлъ слушать своего государя, сжигалъ

его судатамствами, называлъ неминуемо и богоступникомъ, пустилъ въ него градомъ стрѣлъ и каменцевъ.

Императоръ былъ раненъ двумя стрѣлами и оглушенъ ударомъ камня. Замѣтивъ, что онъ упалъ, народъ пришелъ въ ужасъ и разбѣжался безъ дальнѣйшихъ насилій. Кортесъ хотѣлъ-было успокоить раненаго монарха, но терпѣніе Мотекусомы наконецъ истощилось, гордость проснулась : онъ отвергъ всякія утѣшенія, не принялъ ни какихъ предложеній отъ своихъ утѣснителей, и мужественно уморилъ себя съ голоду.

Тогда положеніе Испанцевъ сдѣлалось очень опаснымъ. Вѣсть о кончинѣ императора въ-мигъ распространилась по городу; народъ выбралъ на его мѣсто Квитлавацина, и сталъ потихоньку приготовляться къ войнѣ. Испанцы это замѣтили и не знали что дѣлать. Оставаться въ городъ, значило обречь себя на вѣрную гибель, а удаление также сопряжено было съ опасностями : Мехико находился посреди озера и соединялся съ твердымъ берегомъ посредствомъ узкаго перешейка, пересѣкаемаго множествомъ рвовъ, черезъ которые переправлялись по мосткамъ; ежели отнять эти мостки, выходъ изъ города становился почти невозможнымъ. После долгаго совѣщанія, рѣшились однако жъ выступить. Положено было отправиться ночью, такъ какъ суевѣріе жителей подавало надежду, что они въ такое время не произведутъ нападенія. Кортесъ велѣлъ готовиться какъ-можно осторожнѣе, подъ величайшимъ секретомъ. Наконецъ, въ назначенное время, Испанцы навьючили на себя всю свою добычу и выступили въ опасный путь. Когда они проходили городомъ, вокругъ нихъ царствовало глубокое молчаніе, не предвѣщавшее ничего добраго : городъ казался не то чтобы спящимъ, а совершенно пустымъ и оставленнымъ. Идучи далѣе, они замѣтили, однако жъ, что предмѣстія и дорога по перешейку свободны; надежда ихъ возродилась, и во мнѣніи того, какъ они приближались къ этому пункту, страхъ совершенно разсыпался. Но Кортесъ, съ своей стороны, думалъ, что тутъ-то именно и начинаются действительныя опасности. Подозрѣнія оправдались : подоидя къ главному рву, бѣглецы не нашли на немъ мосту, и въ то же вре-

вне ульишши вдругъ себя крики туземцевъ, а по берегамъ озера въ-мигъ загорѣлись факелы, при свѣтѣ которыхъ отступилось безчисленное множество вооруженныхъ людей. Са-ое озеро было покрыто лодками, и тучи Индейцевъ ринулись на непріятеля съ обѣихъ сторонъ дороги. Погибель всего испанскаго войска казалась рѣшительно неизбежною, но Кортесъ, съ своей небольшой кавалеріей, бросился на Индейцевъ, и послѣ отчаянной битвы успѣлъ кое-какъ проложить себѣ дорогу къ стоявшему на озерѣ кораблю. Часть его товарищей взошла на корабль и достигла берега; нѣкоторые спаслись по перешейку; многіе потонули, болѣеполовины убито или попало въ плѣнъ къ Мексиканцамъ. Такъ совершилось это достопамятное отступленіе, которое нанесло существенный вредъ планамъ Кортеса. Мексиканцы, следуя старинному обыкновению, принесли своихъ плѣнниковъ въ жертву солнцу, а Кортесъ, завидуя этой жестокости, приказалъ умертвить царя Какамацина съ тремя его сестрами и двумя братьями. Правда и то, что это варварское возмездіе могло быть вынуждено яростью пострадавшихъ солдатъ и имѣло цѣлю проучить непріятеля, чтобы онъ впередъ не дѣлалъ подобныхъ жертвоприношеній. Нѣкоторые историки видятъ напротивъ, будто Какамацинъ умеръ на побѣдѣ.

Новый императоръ Квитлавацинъ или Кетлавава, виновику несчастій, перенесенныхъ Испанцами, началъ поспѣшно набирать и вооружать войско, чтобы совершенно истребить или прогнать ихъ. Но его воинственныя намѣренія рушились почти въ самомъ началѣ, потому что онъ умеръ отъ оспы, одной изъ болѣзней и другихъ золъ, занесенныхъ въ Америку Европейцами. На мѣсто покойнаго избрали Квантемокцина или Гватиносина, а Кованакочцинъ былъ возведенъ на престолъ тескуксій. Пока Кортесъ, съ своими разбитыми войсками, приближался къ Тлахкаль, жители этого города нѣсколько разъ вступали съ нимъ въ битву, наконецъ примирились, сдѣлались его союзниками; но Кортесъ боялся, что если онъ ввійдетъ къ нимъ съ слабыми силами, то они нарушатъ мирный трактатъ и возобновятъ непріязненныя дѣйствія. Онъ обманулся: Тлахкаланцы показали себя такими же вѣрными ему друзьями, какъ

ми прежде были жестокими неприятелями. Пробавив у них довольно долгое время и приобрести многих новых союзников, онъ выступилъ опять противъ Мехико.

По прибытіи его къ Тескуко, множество князей и другихъ знитійныхъ жителей города вышли на встрѣчу къ Испанцамъ. Между ними были и Ихтлильхочитль, герой книги, изъ которой мы заимствуемъ эту статью.

Ночью принесли Кортесу неприятную вѣсть, что все граждане уходятъ изъ города. Желая предупредить опасности этого мятежа, Кортесъ тотчасъ велѣлъ сказать имъ, что они могутъ выбирать себя государя. Они уснокомились; воротились и провозгласили Текокольцина, который немедленно объявилъ себя союзникомъ Испанцевъ. Тогда Кортесъ пошелъ къ Ихтапалапану, сильному городу на границахъ мексиканскаго государства. Тамошніе жители защищались храбро; городъ ихъ былъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ водой, подойти къ нему было очень трудно. Послѣ тяжелыхъ усилій, продолжавшихся цѣлый день, осаждающіе отступили по случаю темноты. Около полуночи граждане сдѣлали вылазку, изломали плотины, которыя удерживали воду, и если бы осаждающіе не успѣли уйти, то потонули бы все до одного человѣка. Не менѣе того граждане преслѣдовали бѣгущихъ, убили одного Испанца и положили на мѣсть множество союзниковъ.

Ихтлильхочитль также отличился въ этомъ сраженіи; но императоръ, не находя для себя приятнымъ видѣть въ числѣ враговъ своихъ близкихъ родственниковъ, собралъ совѣтъ и объявилъ, что осыплетъ того богатствомъ и почестями, кто схватитъ измѣнника и приведетъ въ Мехико. Одинъ изъ главныхъ военачальниковъ, страшный по своей силѣ, а еще больше по имени, котораго никакая человѣческая память не можетъ въ себя вмѣстить, вызвался на опасный подвигъ; онъ послалъ сказать Ихтлильхочитлю, что желаетъ съ нимъ сразиться на поединкѣ; тотъ принялъ предложеніе; рѣшено было сойтись безъ свидѣтелей на долину ихтапалапанской. Ихтлильхочитль обезоружилъ своего противника, взялъ его въ плѣвъ и, не подражая великодушію храбрыхъ витязей, которое любятъ воспѣвать стихотворцы, отвелъ къ себѣ въ станъ, чтобы сжечь живаго. Вскорѣ цо-

этого Текоколицинъ, царь тескуксій, умеръ: правленіе его было не долговременно, но очень полезно Испанцамъ, потому что онъ съ большимъ жаромъ помогалъ ихъ предпріятію. Онъ былъ первый Мексиканецъ, принявшій Святое Крещеніе. Жители Тескуко выбрали на его мѣсто Атриакиакина, царствовавшего еще менѣе своего предшественника, потому что Кортесъ тотчасъ же свергнулъ его съ престола, и Ихтлильхочитль былъ объявленъ царемъ. До этой эпохи повѣствованіе нашего автора чрезвычайно темно и сбивчиво; самыя важныя происшествія обозначены очень слабо; все написано, кажется, по однимъ слухамъ. Но со времени возведенія предка, онъ начинаетъ черпать изъ верныхъ источниковъ; мельчайшія обстоятельства изложены съ надлежащей подробностью; приведены разговоры дѣйствующихъ лицъ, и пополнены пропуски, оставленные другими повѣствователями.

Испанская армія сдѣлалась наконецъ такъ многочисленна, что могла вести правильную осаду противъ Мехико. Вслѣдствіе того, Кортесъ велѣлъ построить въ горахъ три бригаantina и доставить ихъ по частямъ къ озеру, а между тѣмъ союзники вербовали и вооружали своихъ подданныхъ и составляли ужасную рать, какой никогда не бывало у Мексиканцевъ. Кованукохцинъ также не терялъ времени: онъ мужественно оспаривалъ у Испанцевъ всякій шагъ впередъ, и ни одна, самая негодная, деревушка не досталась имъ безъ жестокой битвы. Испанскіе плотники и туземцы, занимавшіеся постройкою бригаантиновъ, подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ, а когда дѣло дошло до перевозки, то сильный отрядъ непріятеля, скрывшись въ засадѣ, былъ готовъ кинуться на конвой, и Богъ-знаетъ чѣмъ бы кончилась эта свхатка, если бы Испанцы не имѣли тысячи чело-вѣкъ пѣхоты и нѣсколькихъ всадниковъ, которые помогли имъ добраться до мѣста безъ значительной потери. Когда все нужное для осады было приготовлено, Кортесъ назначилъ, на другой день праздника Пятидесятницы, сдѣлать смотръ всемъ войскамъ и распределить ихъ къ началу приступа. У него было двѣсти тысячъ солдатъ и пятьдесятъ тысячъ рабочихъ изъ подданныхъ Ихтлильхочитля, триста тысячъ другихъ союзниковъ, а всего-на-все, съ Испанцами,

около шести сотъ тысячъ человекъ. Онъ расположилъ ихъ отрядами вокругъ озера, чтобы напасть на городъ въ одне дни со всехъ сторонъ, и самъ принялъ начальство надъ бригаantinaми, которые сопровождалъ Ихтлильхочитль съ флотиллею изъ шестнадцати тысячъ лодокъ съ пятидесятью тысячами солдатъ и осью тысячами предводителей изъ знатнѣйшихъ семей. Что касается до Кованукохцива, то у него, для отраженія этой огромной рати, было не болѣе трехъ-сотъ тысячъ человекъ, но онъ, сколько умѣлъ, укрѣпилъ свой городъ и тщательно старался вооружить и ободрить своихъ подданныхъ.

Въ промежутокъ приготовленій, Кованукохцивъ нѣсколько разъ присылалъ въ Ихтлильхочитлю выговоры за измену отечеству и требовалъ, чтобы онъ возвратился къ долгу. Ихтлильхочитль отвѣчалъ, что онъ хочетъ быть другомъ Испанцевъ, что онъ любитъ ихъ въру и готовъ положить за нихъ жизнь свою. Императору совѣтовали сдать, когда гонецъ, веротившійся отъ Ихтлильхочитля, передавалъ ему рѣшительный отвѣтъ этого князя и описывалъ странную силу испанскаго оружія, многочисленность непріятельскихъ войскъ, ихъ грозныя приготовленія; но Кованукохцивъ отвѣчалъ, что онъ лучше умретъ защищая отечество, нежели сдѣлается подданнымъ испанскаго короля. Между тѣмъ Альбарадо, главный военачальникъ Кортеса, началъ атаку и, послѣ отчаяннаго сопротивленія со стороны жителей Мехико, успѣлъ отравать у нихъ водопроводы, такъ лишивъ городъ воды.

Десятаго мая дали приказъ о всеобщемъ приступѣ. Кортесъ съ бригаantinaми вышелъ впередъ, чтобы овладѣть скалою, которая торчала изъ воды неподалеку отъ города. Завязалась кровопролитная драка: всѣ воины, защищавшіе скалу, были частію побиты, частію принуждены отступить въ городъ. Испанскія суда въ великомъ множествѣ подвѣшались дальше и дальше впередъ; Мексиканцы бѣжали, спешили найти спасеніе за городскими стѣнами, и въ тѣрѣнахъ давили другъ друга. Артиллерія осаждающихъ осеивала ихъ выстрѣлами, Ихтлильхочитль тѣшилъ ихъ со всехъ сторонъ, и несмотря на храброе сопротивленіе Монтеанцего, побѣща было такое кровопролитное,

что скоро казалось невозможным моремъ. Между тѣмъ Аль-барадо и Кристобаль де-Олида оружіемъ преложили себѣ дорогу по перешейку и, соединясь съ Кортесомъ, опротивили всѣ преграды, которыя были укрѣплены входа въ находившійся тутъ храмъ и большую башню, пробились носъ ужасной битвы во внутренность этихъ зданій и выгнали оттуда непріятеля. Такимъ образомъ сраженіе длилось нѣсколькими днями; Испанцы постепенно одерживали новые успѣхи, наконецъ ворвались въ главную улицу города и начали разрушать дома. Это не обошлось, однако жъ, безъ затрудненій и важной потери, потому что граждане отчаянно защищали свои жилища, осыпая нападающихъ стрѣлами съ соседнихъ кровель и не уступая до тѣхъ поръ, пока мѣсто не было завалено трупами. Наконецъ Испанцы пробились къ большому храму Эвцилопохтли, и тутъ произошла ужасная битва. Сами они были такъ вооружены, что оружіе Мехиканцевъ не причинило имъ почти никакого вреда; зато ихъ союзники гибли въ безчисленномъ множествѣ: кровопролитіе, которое между ними происходило, приводитъ въ трепетъ. Наконецъ, защитники храма потеряли свою позицію; Испанцы успѣли взобраться на кровлю и начали опрокидывать идолы, грабить драгоценныя украшенія. Кортесъ сорвалъ золотую маску съ лица главнаго кумира; Ихтлильхочитль усердно ломалъ изображенія боговъ, которыхъ не задолго передъ тѣмъ самъ поклонялся. Тѣмъ временемъ Кованукохциль собралъ свои разстроенныя войска; они съ яростью кинулись на грабителей и выгнали ихъ изъ храма. Напрасно Кортесъ старался ободрить товарищей: непріятель тѣснилъ ихъ такъ сильно, что они, сколько ни защищались, принуждены были отступать вдоль улицы. Къ счастью Кортеса, онъ имѣлъ благоразумную предосторожность расположить отряды по нѣкоторымъ домамъ: безъ этого подкрѣпленія, вся его дружина погибла бы непременно. Но съ помощью такого резерва, онъ успѣлъ отразить нападающаго непріятеля, и послѣ кровопролитнаго бою, принудилъ его къ своей очереди къ отступленію. Тогда Испанцы постепенно одержали побѣду, выигрывая каждый шагъ земли съ величайшимъ успѣхомъ и послѣ осады, продолжавшейся цѣлыхъ восемьдесятъ дней.

Мужество и убожество, съ которыми занимались Мексиканцы, заслуживаютъ особеннаго вниманія по чрезвычайному превосходству силъ непріятельскихъ. У нихъ, какъ сказано выше, было только триста тысячъ воиновъ; оружіе ихъ состояло изъ дубинъ или деревянныхъ мечей, стрѣль съ остріями, сдѣланными изъ камня, и деревянныхъ пикъ съ обожженными концами; лодки изъ древесной коры составляли всю ихъ флотилію. Напротивъ-того, Испанцы имѣли, во-первыхъ, тысячу человекъ своихъ солдатъ въ толстыхъ простеганныхъ курткахъ, которыя были почти непроницаемы для стрѣль и для копій; многіе изъ нихъ были вооружены мушкетами и пищалями; у всѣхъ были мечи и пистолеты. Во-вторыхъ, у Кортеса было нѣсколько сотъ человекъ кавалеріи, хорошо обученной, дисциплинированной и предводительствуемой искусными офицерами. Далѣе, надо упомянуть о шести стахъ тысячъ союзниковъ, вооруженныхъ такъ же какъ Мексиканцы, а частію и по-европейски. Наконецъ, со стороны Кортеса была многочисленная флотилія лодокъ и нѣсколько бригаантиновъ, которые доставляли ему владычество надъ всѣмъ озеромъ. И несмотря на такое неравенство силъ, императоръ защищался мужественно и до послѣдней минуты жизни не измѣнилъ благородной гордости, которую обнаружилъ съ самаго начала своего царствованія и которая была достойна лучшей судьбы.

Двѣнадцатаго августа повели атаку противъ послѣдняго укрѣпленія Мехиканцевъ. Нападающіе постепенно отбывали у нихъ позиціи, одну за другой, такъ, что наконецъ во власти несчастныхъ осталась самая малая часть города, но этотъ остатокъ они защищали съ отчаяннымъ мужествомъ, какъ люди, судьба которыхъ вся тутъ заключалась. Наконецъ, превосходство непріятеля и слабость собственныхъ силъ принудили ихъ оставить безъ прикрытія одну часть крѣпости; нападающіе тотчасъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ и ворвались во внутренность города. Мексиканцы дѣлали невозможныя усилія, чтобъ поправить это несчастье, но тѣмъ самымъ ослабили оборону стѣнъ. Союзники атаковали ихъ на всѣхъ пунктахъ, кинулись въ безчисленномъ множествѣ и превратили сраженіе въ битву. Рѣдко взятіе города сопровождалось такими ужасными слѣ-

ими: мужчины, женщины, дѣти, были убиваемы безъ пощады, и Нхтлильхочитль самъ сознается, что жестокость побѣдителей превзошла все, что можно себя представить. Небольшой остатокъ мексиканской арміи хотѣлъ-было спастись черезъ озеро; но Испанцы узнали, что императоръ находится въ числѣ бѣгущихъ, отправили за нимъ одинъ бригантинъ, и лодка, въ которой онъ ѣхалъ, была задержана. Квантемокцинъ, замѣтивши, что онъ узнанъ, велѣлъ гребцамъ поворотить назадъ и вступить въ бой съ преслѣдующими, но увидѣвъ ихъ превосходство, не захотѣлъ напрасну подвергать своихъ подданныхъ новымъ опасностямъ, сдѣлся добровольно въ плѣнъ и былъ приведенъ къ испанскому полководцу. Надмѣнность его поразила Кортеса; завоеватель обошелся съ нимъ очень учтиво; но императоръ выдернулъ кинжалъ, висѣвшій на поясъ Испанца, и подавъ его Кортесу, сказалъ: «Я сдѣлалъ все, чтобы спасти и защитить отъ тебя свое государство; счастье не помогло мнѣ. Возьми жъ мою жизнь: ты сдѣлаешь доброе дѣло. Положи конецъ мексиканской династіи, разрушивъ ея столицу и перебивши всѣхъ подданныхъ.» Кортесъ хотѣлъ его успокоить, сказалъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ и просилъ запретить Мексиканцамъ дальнѣйшее сопротивленіе, чтобы не проливать по-пустому крови. Квантемокцинъ выполнилъ это требованіе: шестьдесятъ тысячъ воиновъ сдѣлось въ плѣнъ Испанцамъ; въ этомъ состоялъ весь остатокъ отъ трехъ-сотъ-тысячной арміи, которая защищала городъ.

До сихъ-поръ мы видѣли Кортеса какъ воина, и если замѣтили въ немъ черты жестокости и коварства, это могло еще отчасти извиняться его затруднительнымъ положеніемъ и поступками противниковъ. Но послѣ взятія столицы мексиканскаго государства, этотъ человекъ не считалъ уже нужнымъ долже носить маску: онъ вполне обнаружилъ свой настоящій характеръ, характеръ жадности, корыстолюбія, безчестности и варварства. По подаркамъ, которые были присланы Испанцамъ тотчасъ по вступленіи ихъ на твердую землю Америки, они составили себѣ самую романтическую идею о неистощимыхъ богатствахъ страны: разные случаи во время войны утвердили ихъ еще болѣе въ

этой мысли; они, естественнымъ образомъ, стали думать, что столица должна быть средоточіемъ роскоши всей имперіи, и каждый солдатъ воображалъ ее рудникомъ, изъ котораго получить достойную награду за свои труды и опасности. Можно себя представить, каково было ихъ безпокойство, когда они увидѣли, что все сокровища Мехико заключались въ небольшомъ числѣ украшеній весьма не высокой цѣны! Рѣшено было, что, вѣрно, императоръ спряталъ свои богатства въ озеро, или въ какое другое безопасное мѣсто. Сглаголи его допрашивать, и какъ онъ ничего не открылъ, то употреблено было послѣднее и самое гадкое орудіе силъ, пытка.

Историки вообще говорятъ, что вмѣстѣ съ Квантемокиномъ пытали еще одного изъ его верховныхъ сановниковъ; первому ломали члены желѣзнымъ инструментомъ, послѣдняго жгли. Въ мученіяхъ смерти несчастный подданный громко взывалъ къ своему государю, чтобы тотъ открылъ тайну, но Квантемокинъ, обернувшись къ нему, спросилъ равнодушно, не думаетъ ли онъ, что государь его нажился на розахъ. Пристыженный этимъ упрекомъ, подданный стиснулъ губы и умеръ геройски, не вымолвивъ ни слова болѣе, а Кортесъ, по угроженію совѣсти, или по холатайству своихъ союзниковъ, велѣлъ оставить Квантемокину послѣднюю искру жизни, которая еще уцѣлѣла.

Таковы подробности, сообщаемыя почти всеми историками, которые писали объ этомъ предметѣ; но авторъ книги, которую мы разбираемъ, говоритъ, будто бы предокъ его, Ихтлильхочитль, своимъ холатайствомъ, спасъ жизнь обоимъ страдальцамъ, и государя и его подданнаго. Онъ утверждаетъ также, что Ихтлильхочитль вымогнулъ свободу Квантемокину, что Кортесъ потребовалъ за него огромнаго выкупа, и что великодушный князь отступился отъ своей доли въ добычѣ и собралъ все принадлежавшее себе золото, для удовлетворенія жадности испанскаго подданнаго. Квантемокинъ былъ отправленъ опять въ Тесуко и тамъ вылеченъ своими подданными. Наимъ авторъ съ величайшею подробностію описываетъ, какъ заводители покорили разныя провинціи, съ помощію Ихтлильхочитля, и по его повѣствованію надобно заключить, что Ихтлильхочитль,

какъ тыя, слѣдовалъ за Испанцами. Авторъ очень любитъ распространяться объ ихъ взаимной пріязни, хотя, правду сказать, поспѣшность, съ которою Кортесъ при всякомъ удобномъ случаѣ приказывалъ вынаты Ихтлильхочитльемъ родственничковъ, не можетъ служить слишкомъ блистательнымъ доказательствомъ ихъ взаимной дружбы.

Испанскіе историки, съ своей стороны, были такъ невнимательны къ Ихтлильхочитлю, что нѣкоторые вовсе о немъ не упоминаютъ. Это очень естественно: они основывались на извѣстіяхъ Кортеса и его земляковъ, а Кортесу и его землякамъ было гораздо славнѣе приписать завоеваніе Мексики одной своей храбрости, чѣмъ пособію шести сотъ тысячъ союзниковъ. Впрочемъ, нельзя чрезъ-чуръ доврять и вашему автору, который, какъ добрый родственникъ, очевидно хлопочетъ только о томъ, чтобы возвеличить своего предка. Диктаторскій тонъ, который онъ приписываетъ Ихтлильхочитлю въ продолженіи всей исторіи, несомнѣтеленъ и съ умѣренностію его подвигавъ, и съ характеромъ Кортеса. Послѣдній былъ совсѣмъ не такой человекъ, чтобы позволить Ихтлильхочитлю быть независимымъ, и ктому же, многіе изъ поступковъ этого князя явно доказываютъ слабость и шаткость права, которыя очень противорѣчатъ придаваемой ему роли. Но станемъ продолжать извѣщенія: читатели сами увидятъ, какъ надо оцѣнить Ихтлильхочитля.

Оказавъ Кортесу всевозможную помощь при разрушеніи города Мехико, индейскій князь вздумалъ потомъ возобновить его и опредѣлилъ сто тысячъ каменщиковъ къ этой работѣ. Между-тѣмъ Кортесъ уведомялъ обо всемъ случившемся короля Фердинанда. Король одобрилъ его поступки и прислалъ къ нему корабль съ аммуниціей и монахами. После этого Кортесъ объявилъ Ихтлильхочитлю именемъ императора, что за нимъ и его наследниками утверждаются три провинціи, Отумба, Иценовакъ и Чолула; а Ихтлильхочитль, на эту милостивую рѣчь, отвѣтствовалъ, что онъ и безъ того уже принадлежалъ ему и его наследникамъ вмѣстѣ съ многими другими областями; вследствие чего Кортесъ, по увѣренію нашего автора, будучи пораженъ справедлив-

воотъ замѣчанія своего союзника, не сказалъ ему больше ни слова.

Вскорѣ затѣмъ многіе жители Мехико изъ высшаго класса, бѣжавшіе при взятіи города, получивъ извѣстіе о пытке, которой былъ подвергнутъ ихъ императоръ, подняли оружіе противъ Испанцевъ, но были усилкоены, хотя не безъ большаго труда, самимъ государемъ. Нѣкоторые изъ нихъ попались къ Кортесу, и онъ осудилъ ихъ на висѣлицу, а трупы, изъ экономіи, велѣлъ бросить собакамъ. Въ томъ числѣ былъ Кванекохцинъ, родной братъ Ихтлильхочитля. Народъ не любилъ его, однако жъ защитилъ отъ животныхъ.

Значительный отрядъ Испанцевъ стоялъ въ городѣ Памико, чтобъ не допустить жителей взбунтоваться и тѣмъ ввести завоевателей въ новыя хлопоты. Гарнизону слѣдовало бы дружить съ гражданами, но онъ, вмѣсто того, принялся грабить ихъ жилища, отнимать у нихъ все, что было по-дороже, и дѣлать имъ всякія обиды и притѣсненія, какія только можно вообразить. Жители Памико были неспособны къ терпеливому перенесенію подобныхъ несправедливостей: какъ большая часть Мехиканцевъ, они были народъ гордый, рѣшительный и вовсе нерасположенный къ союзу съ Испанцами. Вслѣдствіе того, они внезапно возстали на своихъ притѣснителей и въ одну ночь убили до четырехъ сотъ христіанъ. Кортесъ отправилъ Сандобала и Ихтлильхочитля наказать и смирить мятежниковъ. Съ ними было послано полтораста Испанцевъ и пятьдесятъ тысячъ туземцевъ. Они побили бунтовщиковъ на двухъ сраженіяхъ и во-время подошли въ городъ, чтобъ спасти около ста человекъ Испанцевъ, которыхъ было назначено умертвить въ слѣдующій день. Союзники набрали множество пленныхъ, и четыреста пятьдесятъ человекъ изъ нихъ были сожжены по приказанію Кортеса.

Въ 1524 году папскій наместникъ, Мартинъ Валенскій, и два священника прибыли въ область Чиквасень и Типуль, для обращенія туземцевъ въ христіанскую вѣру. Это были первыя распространители Евангелія въ той сторонѣ. Ихтлильхочитль и братъ его Кватемакъ, лишь-только услышали о приездѣ миссіонеровъ, тотчасъ же отправили къ нимъ

онцовъ, съ приказаніемъ доставлять имъ все, чего они пожелаютъ, и пригласить ихъ въ Тескуко. Миссіонеры приняли приглашеніе. Князья встрѣтили ихъ далеко за городомъ и проводили въ свой царскій дворецъ. Ихтлильхочитль доставилъ имъ все нужное для устройства и украшенія церкви. Миссіонеры воздвигли Распятіе и изображеніе Богоматери, совершили миссу, отслужили вечерню: то была первая христіанская церковная служба въ новопокоренной землѣ. При ней находились Кортесъ съ своими Испанцами и главные предводители Индѣйцевъ. Когда отецъ Педро де-Ганте изложилъ сущность христіанской вѣры, Ихтлильхочитль потребовалъ Святаго Крещенія. Ему дали имя Фернандо; Кортесъ былъ крестнымъ отцомъ. Послѣ того совершили обрядъ надъ нѣкоторыми другими знатнѣйшими лицами, которыя уже принадлежали къ христіанской религіи. Но королева Тлакохавсинъ, мать Ихтлильхочитля, закоренная язычница, не хотѣла сдѣлаться христіанкою, спряталась въ своемъ языческомъ храмѣ, и когда сынъ сталъ уговаривать ее, осыпала его жестокими упреками за измѣну родины и роднымъ богамъ. Новообращенный Ихтлильхочитль наконецъ разсердился: прибѣжалъ въ капище и сказалъ, что велитъ ее сжечь живую. Это подѣйствовало: упрямая старуха крестилась и названа Марією. Она была первая крещенная Мексиканка.

Въ октябрь того жъ года Кортесъ и Ихтлильхочитль выступили въ походъ противъ Ивуеры. Армія послѣдняго состояла изъ двадцати тысячъ человекъ. Онъ самъ ея предводительствовалъ, оставивъ владѣнія свои подъ надзоромъ одного изъ вельможъ, по имени Хокуквани. Кортесъ, съ своей стороны, отправляясь въ походъ, назначилъ губернаторами въ Мехико Алонсо де-Эстраду и Родриго де-Альборноса. Намѣстники вскорѣ открыли нѣсколько очень опасныхъ заговоровъ: Испанцы, перессорясь между собою, издумали вымѣщать свое неудовольствіе на беззащитныхъ туземцахъ, стали дѣлать имъ всякія непріятности, и наконецъ довели до того, что бѣдняки, потерявши терпѣніе, взбунтовались и перебили всѣхъ Европейцевъ, сколько могли ихъ найти на первый случай. Миссіонеры, напрасно предупреждавшіе Испанцевъ, чтобъ они не оскорбляли ту-

земныхъ жителей, теперь точно такъ же напрасно свились успокоить послѣднихъ. Мятежники говорили, что Кортесъ единственно ддятого вышелъ изъ города, оставивъ въ немъ своихъ земляковъ, чтобы эти истребили туземцевъ. Между-тѣмъ Испанцы ссорились съ миссіонерами, зато что тѣ приняли сторону Мексиканцевъ. Однажды благочестивый монахъ, говоря проповѣдь, упрекалъ Испанцевъ въ отступничество; солдаты взбѣсались, хотѣли стащить старика съ кафедры; по счастью папскій намѣстникъ, вмѣшавшись въ дѣло, успѣлъ внушить имъ, что они хотятъ поравняться съ грубыми и непросвѣщенными варварами. Когда извѣстіе объ этихъ смятеніяхъ дошло до Ихтлихочитля, онъ отдалъ приказъ, чтобы святымъ отцамъ было оказываемо въ его столицѣ всякое уваженіе, а въ противномъ случаѣ велѣлъ перевезти ихъ въ Тескуко и тамъ приставить къ нимъ стражу, которая бы охраняла ихъ денно и ночью. Что касается до Кортеса, то онъ, съ своей стороны, для прекращенія безпорядковъ, послалъ двухъ чиновниковъ, чтобъ смѣнить губернаторовъ, но эта мѣра только увеличила зло, потому что губернаторы не разсудили повиноваться отсутствующему начальнику и произвели междоусобную войну. Двѣ партіи не имѣли между собой ни малѣйшаго сходства, не могли ни въ чемъ согласиться, и оба обрушились на несчастныхъ жителей, которые были ихъ беззащитною жертвой.

Между-тѣмъ Кортесъ, съ своимъ отрядомъ и союзниками, продолжалъ походъ. Въ началѣ все было порядочно: народъ, покорный своему государю, Ихтлихочитлю, въ изобиліи доставлялъ войскамъ все, чего они требовали. Но по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ столицы, туземцы стали оказывать меньше повиновенія и принимали Испанцевъ очень недружелюбно. Тогда наступила бѣдственная пора: войска терпѣли недостатокъ въ водѣ и пищѣ, многіе союзники померли съ голоду. Наконецъ отрядъ пришелъ въ землю, гдѣ жители вовсе не знали Испанцевъ; они смѣялись надъ ихъ наружностью, но замѣтивъ, однако жъ, что чужестранцы не дѣлаютъ никакого зла, натаסקали пропастъ състныхъ припасовъ и другихъ подарковъ, какъ самому

Кортесу, такъ и сопутствовавшимъ ему индѣйскимъ князь-
ямъ.

Вышедъ изъ этой гостепримной области, Кортесъ направилъ свой путь къ Эилену, и втеченіи нѣсколькихъ дней пробирался сквозь пространнѣйшую дремучію лѣсу, въ которой страданія союзниковъ были такъ жестоки, что даже сами князья подвергались опасности умереть съ голоду, тогда какъ у Испанцевъ, при обильномъ запасѣ маису, не было недостатку въ пищѣ не только для нихъ самихъ, но и для лошадей ихъ. Поступки Индѣйцевъ, въ это несчастное время, могутъ служить доказательствомъ ихъ патриархальнаго добродушія: между-тѣмъ какъ Испанцы кормили коней своихъ, они стояли кругомъ, подбирали падавшія на землю зерна, и хотя сами терзались голодомъ, однако жъ все отдавали князьямъ своимъ.

Въ февраль 1525 года отрядъ пришелъ въ Теотилакъ, мѣсто, прославленное одною изъ самыхъ гнуснѣйшихъ подлостей, которыя составляютъ вообще отличительный характеръ всей мексиканской войны. Это случилось во время карнавала. По старому обычаю, индѣйскіе князья и ихъ подданные сдѣлали приготовленія для празднованія игръ, которыя, послѣ трудностей продолжительнаго похода, обѣщали имъ необыкновенное наслажденіе. Два царя, Кватемокъ и Кованукохцинъ, разговаривали о послѣднихъ событіяхъ; къ нимъ подошелъ Тетлепанкетпуцинъ и потомъ еще одинъ знатный чиновникъ, по имени Темелоцинъ. Кортесъ, замѣтивъ ихъ веселую и дружескую бесѣду, воображалъ, что тутъ скрывается какой-нибудь умыселъ противъ Испанцевъ. «Негодяи считаютъ всѣхъ негодяями», простолюдуно замѣчаетъ нашъ авторъ. Не будучи въ состояніи самъ понимать ихъ разговоръ, Кортесъ велѣлъ какому-то Костемохи подслушать и пересказать себѣ о чемъ они говорятъ. Этотъ Костемохи не задолго передъ тѣмъ былъ пытанъ по приказанію Ихтлильхочитля, и однако жъ вѣрно передалъ все, что слышалъ: въ словахъ собесѣдниковъ не заключалось ничего подозрительнаго. Какъ бы то ни было, Кортесъ нашелъ, что въ нихъ замѣтно тайное намѣреніе перебить всѣхъ Испанцевъ, и, вслѣдствіе того, на другой день приказалъ ихъ арестовать и повѣсить. Начали съ Кван-

тешокцина; за нимъ послѣдовалъ Тетлепанкетпуцигъ со всею своею свитою; а Кованукохцигъ заключилъ потѣху. Когда его тащили на мѣсто казни, Ихтлильхочитлю даю было знать объ умерщвленіи его брата. Ихтлильхочитль тотчасъ кинулся въ братнинъ лагерь, собралъ его народъ и былъ уже готовъ напасть на Испанцевъ, какъ вдругъ Кортесъ узналъ объ опасности, и предвидя, что дѣло можетъ кончиться худо, велѣлъ поскорѣй освободить послѣдняго осужденнаго, а самъ побѣжалъ къ Мексиканцамъ. Они хотѣли разорвать его на куски, но Ихтлильхочитль удержалъ ихъ и поддався хитрымъ словамъ испанскаго генерала. Мнимое подозрѣніе Кортеса, что индѣйскіе князья стоварились убить его, очевидно было только уверткой, чтобы успокоить справедливый гнѣвъ Ихтлильхочитля; настоящая же причина казни заключалась въ томъ, что Кортесъ хотѣлъ по немножку перевести мексиканскія владѣтельныя фамиліи, въ надеждѣ искоренить черезъ это все поводы къ бунтамъ и сдѣлаться единственнымъ властелиномъ завоеванной имперіи. Но Ихтлильхочитль, кажется, не имѣлъ основанія терпѣливо смотрѣть на безжалостное истребленіе своего рода: силы, которыми онъ предводительствовалъ, могли однимъ разомъ уничтожить всю шайку, совершавшую эти злодѣйства, и притомъ онъ, какъ говоритъ авторъ, не былъ запуганъ Испанцами. Чему же приписать его равнодушіе къ смерти братьевъ? Вѣроятно, онъ самъ желалъ истребленія всѣхъ своихъ родственниковъ, надѣясь сдѣлаться наследникомъ императорскаго престола, или Кортесъ приобрѣлъ такое вліяніе надъ слабоумнымъ своимъ союзникомъ, что тотъ былъ не въ силахъ прямо противождать волю Испанцевъ. Какъ бы то ни было, они помирились и кончили походъ безъ новыхъ неприяностей. Кованукохцигъ скоро умеръ отъ перенесенныхъ въ послѣднее время мученій.

Ихтлильхочитль, зная, что все прежніе его подвиги не дають ему права на славное имя въ потомствѣ, рѣшился принять окончательныя мѣры для достиженія этой почести. Планъ его былъ очень простъ: искатель безсмертія упростилъ одного владѣтельнаго князя приказать своимъ мастерамъ выдолбить его ликъ на одной большой скалѣ подлѣ го-

реша, какъ это изображеніе уподобить до нашихъ дней. Ихтлильхочитль представленъ въ своемъ національномъ костюмѣ и съ оружіемъ, которое носилъ онъ къ то время.

Но мы просимъ читателя не смѣяться надъ этимъ, безаппетитнымъ способомъ къ прославленію своего имени, и также не удивляемся, что нашъ герой чувствовалъ оцоту увѣковичить имя свое, заклеименное измяною и братоубійствомъ. Если вѣрить автору, то Ихтлильхочитль, въ сущности, не былъ ни въ чемъ виновенъ: онъ дѣйствовалъ по причинамъ, заслуживавшимъ всякаго уваженія. Отчего же, послѣ этого, ему не желать славы, даромъ что онъ самъ умерщвлялъ земляковъ своихъ, которыхъ могъ спасти онъ погибли, произвелъ войну, когда могъ водворить миръ, и что вся его жизнь представляется моремъ человѣческой крови, по которому онъ идетъ въ бродъ къ безсмертію?

Поставивъ себя монументъ въ самой отдаленной области государства, Ихтлильхочитль, вмѣстѣ съ Кортесомъ, пошелъ обратно къ столицѣ. Тамъ ожидали его великія непріятности: три намѣстника, которымъ онъ поручилъ, въ отсутствіе свое, управлять тремя главными городами, не оказывали его народу того уваженія, которое подобало подданнымъ такого великаго государя; напротивъ, они обнаружили большую склонность къ любостыжанію, а, что еще хуже, подражали самому Ихтлильхочитлю въ услужливости Испанцамъ, насчетъ своихъ соотечественниковъ. Они не только обобрали у послѣднихъ всѣ ихъ сокровища, но еще отдали въ рабство завоевателямъ многія изъ самыхъ почетныхъ фамилій, въ томъ числѣ и нѣсколько членовъ неистощимаго рода Ихтлильхочитля. Впрочемъ, онъ въ это время ужъ такъ приглядѣлся, что родственниковъ его то жгутъ, то вѣшаютъ, что отдача маленькаго числа его братьевъ въ рабство, не произвела на него сильнаго впечатлѣнія. По крайней-мѣрѣ біографъ Ихтлильхочитля, описавъ очень подробно, какъ онъ строилъ церковь, вдругъ прерываетъ свое повѣствованіе и не говоритъ ни слова о томъ, наказалъ ли онъ виновныхъ намѣстниковъ.

Некруглость, неоконченность составляютъ отличительную черту всей книги. Авторъ стремился къ одной только цѣли: хотѣлъ описать подвиги своего предка. Поэтому онъ начи-

наетъ разсказъ безъ всякаго предварительнаго введенія и переходитъ отъ одного приключенія къ другому, не связывая ихъ ничѣмъ, кромѣ случайныхъ возгласовъ о несправедливости завоеваній. Но, какъ мы уже сказали, достоинство его сочиненія заключается не въ разсказъ, а въ самыхъ фактахъ. Робертсонъ уже осыпалъ цвѣтами краснорѣчія завоеванія Мексики; испанскіе стихотворцы сдѣлали его предметомъ своихъ пѣснопѣній: Ихтлильхочитль пополняетъ промежутки, оставленные другими историками: онъ сообщаетъ подробное и вѣрное описаніе дѣлъ Кортесовыхъ союзниковъ, о которыхъ прежніе писатели почти не упоминали, а между-тѣмъ они-то и были главными дѣйствующими въ покореніи Мексики Испанцами.

=

ВАЗАРИ.

=

БЮГРАФІЯ ДЖУЛІО РОМАНО.

=

Изъ многочисленныхъ и даровитыхъ учениковъ Рафаэля, говоритъ Вазари, ни одинъ счастливче Джуліо Романо не поддавался подъ манеру, композицію, рисунокъ и колоритъ великаго урбинскаго живописца. Джуліо превзошелъ всѣхъ своихъ соперниковъ познаніями, твердой и смѣлою кистью, пылкимъ и блестящимъ воображеніемъ. Настоящее его имя Джуліо Пиппи. Онъ родился въ Римѣ въ 1492 году, но современные писатели не оставили намъ ни какихъ извѣстій объ его семействѣ. Джуліо былъ такъ ласковъ, такъ веселъ и пріятель въ обществѣ, что Рафаэль всегда любилъ его какъ сына, и позволялъ ему принимать участіе въ исполненіи своихъ важнѣйшихъ работъ. Такъ, напримеръ, когда папа Левъ X предложилъ Рафаэлю расписать комнаты Ватикана, тотъ поручилъ любимому ученику исполненіе многихъ картинъ по своимъ рисункамъ, въ томъ числѣ «Сотвореніе Адама и Евы», «Построеніе Ноева ковчега», «Жертвоприношеніе» и «Моисей», спасаемаго дочерью Фараона». Въ той залѣ Торте Воргіа, гдѣ находится «Пожаръ Борго», Джуліо помогалъ Рафаэлю расписывать цоколь, и писать фигуры, изображающія графиню

Матильду, короля Пешина, Карломана, Годофреда Бульионскаго, короля іерусалимскаго, и другихъ лицъ, принесшихъ дары Римской Церкви: нѣкоторые изъ этихъ картинъ были, въ недавнее время, выгравированы по рисунку Джуліо Романо. Онъ также кончилъ большую часть фрескъ галереи Агостино Киджи, и работалъ надъ великолѣпною картиною Рафаэля, представляющую святую Елисавету. Картина эта известна подъ именемъ «Святое Семейство», и отослана къ французскому королю, вмѣстѣ съ картиною «Святая Маргарита», и портретомъ Іоанны Аррагонской, въ которомъ кисти Рафаэля принадлежитъ одна только голова, а остальное писано Джуліо, равно какъ вся фигура святой Маргариты. Эти картины были поставлены въ Фонтенблѣ, въ придворной церкви.

Изучивъ труднѣйшее въ искусствѣ живописи подъ руководствомъ Рафаэля, который съ любовью занимался его образованіемъ, Джуліо Романо вскоре научился чертить перспективу зданій, ихъ планы и фасады. Часто случалось и то, что Рафаэль набрасаетъ только простой очеркъ своего изобрѣтенія, поручитъ Джуліо начертить его въ подробности, и по немъ уже исполняетъ архитектурныя свои созданія. Это самое и было причиною, что Джуліо Романо, мало-по-малу, пристрастился къ подобнаго рода занятіямъ, и не замедлилъ сдѣлаться очень искуснымъ архитекторомъ.

Джуліо Романо и Джіовани Франческо, прозванный Фаторе, остались, какъ известно, наследниками Рафаэля, подъ условіемъ привести къ окончанію начатыя имъ работы, и съ честію выполнили принятое на себя условіе.

Кардиналъ Юлій Медичи, впоследствии папа Климентъ VII, замѣтивъ прекрасное мѣстоположеніе на Monte Mario, гдѣ скатъ горы, по которому струится множество ручейковъ, идетъ вдоль Тибра по холмамъ, отъ Monte Molle до Воротъ Святаго Петра, рѣшился разбить на немъ сады и построить дворецъ, нещаая издержекъ, лишь бы создать что-нибудь изящное. Юлій Медичи ввѣрилъ производство всѣхъ этихъ работъ Джуліо Романо, и знаменитый художникъ воздвигъ прекрасный дворецъ, названный въ ту пору Vi-

gna de' Medici, а теперь известный подъ именемъ 'Vigna di Madama. Джулио, сообразясь съ мнѣтельствомъ и желаніями кардинала, далъ фасаду зданія видъ полукружія, въ родѣ амфитеатра, съ нишами и окнами по размерамъ іоническаго ордена, и все это одѣлалъ съ такимъ превосходнымъ искусствомъ, что многіе полагаютъ, будто первоначальные очерки принадлежатъ рукѣ Рафаэля. Въ этомъ дворцѣ находится множество фресковъ работы Джулио, особенно на стѣнѣ изящной галереи, украшенной двумя большими и многочисленными нишами, которыя все заняты античными статуями. Въ числѣ этихъ статуй находился и «Юпитеръ», извѣстнаго красота необыкновенной, принесенное домою Фарнезе въ даръ королю Франциску I. Въ этой-то галерей, которой стѣны и своды покрыты чудесной живописью, Іоаннъ Удинскій помѣстилъ свои гротески. Здѣсь же находится и прекрасная фреска Джулио, изображающая Полифема, окруженнаго дѣтми и маленькими сатирами. Но между-тѣмъ послѣдовала кончина папы Льва X: папа Адрианъ вступилъ на ватиканскій престолъ; кардиналъ Медичи возвратился въ Флоренцію, и все публичныя работы, начатыя Львомъ X, остановились.

Въ это время Джулио Романо и Джіовани Франческо принялись за довершеніе многихъ работъ, не конченныхъ Рафаэлемъ: они собирались даже писать по его картонамъ въ ватиканской залѣ, гдѣ великій художникъ уже началъ-было четыре фрески, на предметы извлеченные изъ исторіи императора Константина, и приготовилъ грунтъ подъ одну картину масляными красками, но увидѣли, что папа Адрианъ не любитъ ни живописи, ни скульптуры, и вовсе не заботится объ окончаніи прежденачатой работы.

Пока Адрианъ былъ живъ, Джулио Романо, Фатторе, Перино дель-Вега, Іоаннъ Удинскій, Себастьяно Венецианецъ, и другіе славные художники, чуть не успѣли умереть съ голоду. Уже придворные, окружающіе папу и привыкшіе къ щедрости и пышности Льва X, смутились духомъ, а художники печально подумывали о своей будущности; видя, что всякое дарованіе остается въ совершенномъ забвеніи, какъ, волею Божіею, папа Адрианъ помре; и мѣсто его

заступилъ кардиналъ Юлій Медичи, принявшій имя Климента VII. Вся художества мгновенно одушевились новою жизнью.

По приказанію папы, Джуліо и Фатворе немедленно приступили къ окончанію константиновской галереи. Начали они тѣмъ, что сняли грунтъ, приготовленный Рафаэлемъ для картины масляными красками, но сохранили однако жъ двѣ фигуры, одну, изображающую «Правосудіе», другую «Кротость», которыя передъ тѣмъ написали сами, хотя и которые и утверждаютъ, будто объ эти фигуры принадлежатъ кисти Рафаэля. Въ той же самой залѣ, Рафаэль, надъ всѣми дверьми устроилъ большія ниши, которыя украсилъ онѣ изображеніями дѣтей, держащихъ лиліи, брилліанты, перья, и другія эмблемы дому Медичи; а Джуліо Романо написалъ на внутреннихъ стѣнахъ этихъ нишей нѣсколькихъ римскихъ первосвященниковъ, причтенныхъ къ лику святыхъ, и при каждомъ изъ нихъ изобразилъ по двѣ Добродѣтели. Эти фрески считаются лучшимъ произведеніемъ Джуліо: и должно сказать, что онѣ трудился надъ ними съ особеннымъ тщаніемъ, судя по превосходному рисунку его руки, представляющему святаго Сильвестра, рисунку, въ которомъ больше красоты чѣмъ въ самой картинѣ. Замѣтимъ кстати, что Джуліо Романо вообще отчетливѣе передавалъ свои идеи въ рисункахъ нежели въ картинахъ: въ первыхъ у него всегда видно больше одушевленія, характеру и чувства; это легко можетъ быть слѣдствіемъ того обстоятельства, что рисунки свои набрасывалъ онѣ въ одинъ часъ времени и еще подъ вліяніемъ творческаго генія, тогда какъ на произведеніе картины ему нужны были цѣлыя мѣсяцы, а иногда цѣлыя годы.

Но возвратимся къ живописнымъ произведеніямъ заключающимся въ константиновской залѣ. Сначала, Джуліо написалъ Константина, произносящаго рѣчь къ своимъ воинамъ; сверху картины видна надпись, и на ней видно вѣсело, и лучезарный Крестъ, несомый тремя ангельчиками; у ногъ Константина изображенъ карле, который слится прижать шлемъ. Потомъ, написалъ онѣ «Битву при Понте-Молле», гдѣ Константинъ разбилъ Максенціа. И нельзя на-

дивиться искусству, съ какими художникъ размѣстилъ въ этой картинѣ группы воиновъ и всадниковъ, придавъ имъ самыя разнообразныя позы: Максимианъ изображенъ здѣсь въ тотъ моментъ, когда онъ, вѣсть съ конемъ своимъ, готовъ съдѣлать добычею водъ Тибра. Эта картина была бы превосходнымъ произведеніемъ, если бы Джуліо Романо, по своему обычаю, не устрѣбилъ на нее слишкомъ много черной краски; но, какъ бы то ни было, она все-таки останется образцомъ для живописцевъ, заимствующихъ этимъ родомъ живописи. Примечнымъ, что, при исполненіи этой картины, Джуліо умѣлъ воспользоваться барельефами колоннъ Траяна и Антонина, съ которыхъ списалъ онъ оружіе и одежды воиновъ, знамена, бастіоны, тараны, и формы другихъ военныхъ машинъ и орудій.

Третья картина, созданная Джуліо въ этой залѣ, изображаетъ «Крещеніе Константина». Святой Сильвестръ, въ которомъ легко было узнать портретъ Климента VII, креститъ императора точно въ такой купели какъ та, что находится теперь въ церкви святаго Іоанна Латеранскаго. Въ числѣ особъ, окружающихъ папу, и которыхъ лица отчасти портреты современниковъ Джуліо, замѣчательна фигура мессера Николо Веспуччи, родосскаго рыцаря, прозваннаго Cavalierino, любимца его святѣйшества. Бенвенуто Челлини говоритъ, что этотъ Cavalierino былъ человекъ низкаго происхожденія, и сперва служилъ, просто, при конюшняхъ Филиппа Строцци; но папа, по какому-то случаю, увѣрился въ его преданности, почтилъ полною довѣренностью и осыпалъ богатствами.

Подъ фрескою «Крещеніе Константина», Джуліо написалъ свято-тѣмъ другую фреску, представляющую того же императора, занятаго построеніемъ храма Святаго Петра; очевидно, что художникъ хотѣлъ намѣкнуть въ этой картинѣ на папу Климента VII, потому что изобразилъ на ней Браманта и Джуліани Леми, держащихъ планъ этой церкви.

Наконецъ, Джуліо Романо написалъ «Константинъ даруетъ Римъ папѣ». Картина эта, занимающая верхнюю

часть здания, представляють перспективу внутренности храма Святаго Петра, въ изворонъ сидятъ кардиналы, драматы, певчіе и музыканты; Констанцанъ, на колѣняхъ, предлагаетъ Римъ въ даръ папѣ, святому Сильвестру, погоруаго Джуліо омыть синеель съ папы Клементя VII, а Римъ изобразилъ точно въ томъ видѣ, какъ онъ изображается на древнихъ медаляхъ; несколько прелестныхъ женщинъ, тоже на колѣняхъ, смотрятъ на эту торжественную церемонію; вѣнчикъ проситъ милостыни; ребенокъ играетъ съ собакой, а папская стража отталкиваетъ чернь. Въ числѣ множества портретовъ разныхъ лицъ, изображенныхъ художникомъ на этой картинѣ, замѣчательны портреты самого Джуліо Романо, искреннаго его друга графа Бальдандаре Кастильоне, Пентано, Маруліо, и многихъ другихъ ученыхъ и придворныхъ. Въ простѣнкахъ, между окнами этой залы, Джуліо написалъ также очень много девизовъ и другихъ поэтическихъ вымысловъ, такъ, что папа остался совершенно довольнымъ работою художника и щедро наградилъ его.

Занимаясь этимъ великимъ трудомъ, Джуліо Романо и Фаторе нашли однако жъ время написать «Успеніе,» для женскаго монастыря Monte Lucci въ Перуджии. Потомъ, Джуліо сталъ работать одинъ и создалъ изящную картину, «Мадонна, играющая съ кошкой», извѣстную въ Италіи подъ названіемъ Quadro della gatta; другая, большая картина Джуліо, «Страсти Господни у столба,» украсила алтарь Santa Prassedia, въ Римѣ.

Спустя нѣсколько времени, мессеръ Джіованни Маттео Джиберти, искренній другъ Джуліо, докладчикъ папы Клементя и впоследствии епископъ веронскій, попросилъ у него рисунковъ лѣстницы и нѣкоторыхъ комнатъ зданія, которое въ ту пору строилось на Площади Святаго Петра, близъ Вагиканскихъ Воротъ. Зданіе это теперь не существуетъ. Потомъ, Джуліо написалъ, для того же Джиберти, картину «Мученіе святаго Стефана», которую тотъ отправилъ въ Геную, въ свою приходскую церковь. Лишь первомученика вполне выражаетъ покорность воли Провидѣнія и истинно небесное терпѣніе: можно сказать, что святой страдалецъ

уже видятъ въ небесахъ Христа Спасителя, садящаго одесную Бога-Отца! Виссальдтвин, Маттео Джилберти подарилъ эту картину монахамъ Monte Olivetto, и въскоре съ тѣмъ передалъ имъ свою приходную церковь, изъ которой они создали монастырь. По заказу Якова Фукера, родомъ Германца, въ принадлежащей ему приходъ церкви Santa Maria di Anima въ Римѣ, Джуліо Романо написалъ также прекрасную картину, въ которой изобразилъ Пречистую Дѣву, святыхъ Анну, Іосифа, Іакова, малютку Іоанна Крестителя, и евангелиста Марка, стоящаго на колыняхъ подлѣ льва, котораго грива и шерсть отдѣланы превосходно; на этой картинѣ тоже представлено много женщинъ: одна изъ нихъ прядетъ и смотритъ на насѣдку съ цыплятами. Надъ Пречистою Дѣвой раскинутъ наметь, поддерживаемый дѣтми. Видъ зданія, украшеннаго статуями, дополняетъ картину, и въ ней не было бы рѣшительно ни какихъ недостатковъ, если бы Джуліо воздержался отъ всегдашней привычки класть много черной краски, которая, будь она составлена изъ угля, слоновой кости, сажи, или жженой бумаги, неминуемо производитъ слишкомъ сильный эффектъ, которому не поможетъ никакой лакъ. Картина эта втеченіи долгаго времени находилась въ ризницѣ, и въ разлитіе Тибра была снизу подмочена водою; но всѣ фигуры остались цѣлыя; она слегка возобновлена и поставлена за престолъ.

Въ числѣ многихъ учениковъ Джуліо Романо, помогавшихъ ему въ работахъ, считаютъ Бартоломмео де-Кастильоне, Томмасо Папарелло де-Кортоня, Бенедетто Паньи де-Пескіа; но ни Папарелло ни Кастильоне не оставили по себѣ никакихъ произведеній; однако жъ надобно думать, что они были люди съ талантомъ, если могли помогать такому великому живописцу какъ Джуліо Романо. Чаше другихъ своихъ учениковъ Джуліо занималъ работою Джованни даль-Лионе и Рафаэло даль-Колле, изъ Борго-Санъ-Сеполькро. Эти два искусные художника написали, по рисунку своего учителя, близъ стараго монетнаго двора, in Vaschi, гербъ папы Климента VII, поддерживаемый двумя фигурами въ рода Терациновъ. Черезъ не много времени потомъ, Рафаэло даль-Колле, тоже первушкину Джуліо, испол-

нига, въ залукружии нѣтъ двораго дворца кардинала дель-Валле, фреску, на которой изображена Божія Матерь, одѣвающая въ покровъ спящаго Младенца Христа. На этой картинѣ, по сторонамъ, представлены, съ одной, апостолъ Андрей Первозванный, съ другой святитель Николай; она справедливо почитается изящнымъ произведеніемъ искусства.

По желанію искренняго своего пріятеля, мессера Бальдацаре Турини де-Пескіа, Джуліо Романо построилъ для него дворець на Яникуловой Горѣ, близъ самаго того мѣста, гдѣ некогда находился загородный домъ Марціала, и съ котораго, какъ говоритъ поэтъ, можно обнять взоромъ весь Римъ :

..... Totam possis aestimare Romam.

Въ этомъ дворцѣ было соединено все, чего только можно желать для удобства и пользы хозяина. Комнаты украшены штукатуркою и фресками. Джуліо самъ написалъ на стѣнахъ нѣсколько чертъ изъ жизни Нумы Помпиліа, котораго надгробный памятникъ стоялъ, въ давно минувшія времена, на самомъ мѣстѣ дворца, и, при помощи своихъ учениковъ, изобразилъ онъ на стѣнахъ купальни баснословныя похождения Венеры, Купидона, Аполлона и Іакіноа. Со всѣхъ этихъ фрескъ сдѣланы гравюры.

Разставшись совершенно съ Джіованни Франческо, Джуліо занялся въ Римѣ архитектурой. Такимъ образомъ, онъ составилъ рисунокъ дому фамиліи Альберини in Banchi, который многіе приписывали Рафаэлю, и рисунокъ дворца, что и теперь еще можно видѣть на Площади Дога-ны, въ Римѣ, и, на одной изъ сторонъ *Masello de' Corbi*, гдѣ былъ домъ, въ которомъ онъ родился, поставилъ строеніе, примѣчательное по отличной граціозности своего фасада.

По смерти Рафаэля, Джуліо Романо увидѣлъ себя въ первомъ ряду италійскихъ художниковъ. Графъ Бальдацаре Кастильоне, находившійся въ то время при ванскомъ дворѣ въ качествѣ посланника Фридриха, владѣтельнаго гер-

киза Мантуи, получилъ отъ своего государя приказаніе пригласить къ нему какого-нибудь искуснаго архитектора, который бы могъ завѣдывать всѣмъ производствомъ работъ, какъ въ его столицѣ такъ и во дворцѣ. Фридрихъ присовокуплялъ, что ему всего бы желательнѣе пригласить Джуліо Романо. Графъ Бальдаццаро сталъ такъ убѣдительно просить художника, что тотъ согласился съ нимъ вхатъ, лишь бы только папа изъявилъ на то соизволеніе. Папа соизволилъ, и графъ увезъ Джуліо въ Мантую: тамъ онъ представилъ его Фридриху, который, осыпавъ гостя ласками, приказалъ отвѣсть ему великолюбно меблированный домъ, назначилъ значительное жалованье и столъ, какъ для него такъ и для ученика его Бенедетто Паньи, и еще для одного молодого челоуька, находившагося въ услугахъ счастливаго художника. Кроме того, маркизь подарилъ ему кусковъ бархату, атласу, и другихъ дорогихъ тканей; потомъ, соображая, что Джуліо не на чемъ выѣзжать, отдалъ ему собственнаго любимаго коня, Руджіери.

Между-тѣмъ, замѣтимъ, что не только блестящій пріемъ, сдѣланный Джуліо владѣтелемъ Мантуи, принесъ художнику честь и пользу, но, главное, это удаленіе изъ Рима спасло его отъ праведнаго гнѣву папы, который, въ скоромъ времени послѣ отъѣзду Джуліо, узнавъ, что рисунки слишкомъ извѣстныхъ шестнадцати гравюръ Маркантоніа Раймонда принадлежатъ карандашу этого художника, хотѣлъ его повѣсить. Аретинъ, авторъ сонетовъ приложенныхъ къ этимъ гравюрамъ, однимъ только бѣгствомъ спасся отъ справедливаго наказанія, но Маркантоніо былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, и вѣроятно поплатился бы за дерзость головой, если бы за него не вступился кардиналъ Ипполитъ Медичи и не умилостивилъ разгнѣваннаго папы.

Разъ, Фридрихъ вывелъ Джуліо въ поле, на недалеое разстояніе отъ воротъ святаго Себастіана, на мѣсто, называемое Те, лежащее посреди лугу, на которомъ были расположены конюшни его святлости. Маркизь желалъ, чтобы художникъ, не уничтожая существующихъ уже конюшенихъ зданій, построилъ ему тутъ загородной домъ. Со-

обращаясь съ этою идеей, Джуліо принялся за работу. Онъ началъ тѣмъ, что построилъ большую залу, съ рядомъ комнатъ, идущихъ отъ обѣихъ ея сторонъ, и, не имея подъ руками ни каменодомней ни готовыхъ камней, придумалъ выдѣлать колонны, капители, карнизы, украшенія къ дверямъ, окнамъ, и другимъ частямъ зданія, изъ кирпичу, обожженного гипсомъ. Такъ началась постройка дворца, который, впоследствии, по приказанію маркиза, разросся въ огромное зданіе, скоро оконченное Джуліо Романо при содѣйствіи другихъ художниковъ.

Главный корпусъ этого дворца составляетъ правильнѣйшій квадратъ. Дворъ, крестообразно раздѣленный четырьмя въѣздами, тоже расположенъ въ видъ четверугольника. Одинъ изъ въѣздовъ — къ крыльцу на открытую галерею, выходящую въ садъ; другія двѣ галереи, украшенные штукатуркой и фресками, ведутъ въ разныя отдѣленія апартаментовъ. По стѣнамъ залы, которой сводъ разбитъ на нѣсколько частей и покрытъ живописью, Джуліо велѣлъ своимъ ученикамъ, Бенедетто Паньи и Ринальдо Мантуанскому, изобразить любимыхъ собакъ и лошадей Фридриха, которыхъ нарисовалъ самъ. На сводъ другой залы, Бенедетто и Ринальдо написали масляными красками «Свадьбу Психеи и Амура» и «Миценіе Венеры». На стѣнахъ этой комнаты представлена, фресками, остальная часть исторіи Психеи. Съ одной стороны видна Психея въ купальнѣ: она окружена амурами, которые льютъ на нее благовонныя воды; съ другой Меркурій готовитъ все къ брачному пиру. Грація сидитъ на столѣ цвѣты; бакхантки играютъ на разныхъ инструментахъ; Силенъ, опирается на своего осла: его поддерживаютъ сатиры, а два ребенка сосутъ козу. Два тира лежатъ у ногъ Бахуса, облокотившагося на буфетъ, по сторонамъ котораго стоятъ верблюдъ и слонъ. Верхъ этого буфета сведенъ полу-кругомъ, и покрытъ фестонами зелени, цвѣтовъ и виноградными вѣтвями, обремененными плодомъ; по его подкамъ въ три ряда разставлена разная посуда странныхъ формъ, чаши, вазы, бокалы, глубоки блюда, все золото и серебро, дотога превосходно изображенныя, что кажется, будто это и въ самомъ дѣлѣ серебро

и золотого. Тутъ и Психея, окруженная прислуживающими женщинами: она смотритъ на показывающагося вдали Феба, который ѣдетъ на своей колесницѣ, запряженной четырьмя лошадьми, а Зефиръ, покоясь на облакахъ, дуетъ въ рогъ, чтобы прохладить воздухъ. Вся эта картина, за исключеніемъ фигуръ Бахуса, Силена и духъ налютокъ, сосущихъ козу, кисти Бенедетто и Ринальдо, только должно сказать, что Джуліо впоследствии поправилъ почти всю ихъ работу.

Джуліо Романо, по примѣру Рафаэля, заставлялъ своихъ учениковъ писать по рисункамъ, которые самъ сочинялъ для нихъ. Эта метода чрезвычайно полезна для учениковъ; она, отъ одного уже навыку, по необходимости должны приобрести большое искусство; а если и съищется между ними какой-нибудь гордецъ, который вообразить, будто знаетъ въ рисунокъ толкъ не меньше своего учителя, то ему скоро придется сознаться, что онъ только по-пустому тратить время въ тщетныхъ попыткахъ, и что не должно оставлять руководителя, пока не достигнешь цѣли.

Изъ залы Психея, входишь въ другую залу, украшенную двойнымъ гипсовымъ фризомъ, исполненнымъ Франческо Принагиччио Болоньскимъ и Джованни-Батиста Мантуанскимъ, по рисункамъ Джуліо Романо. Эти фризы — подражаніе барельефовъ Траяновой Колонны. На стѣнахъ крыльца представлены двѣнадцать мѣсяцовъ года и исторія Икара. Наконецъ, Джуліо Романо, желая показать весь объемъ своего генія, создалъ залу, въ которой живопись и архитектура производятъ эффектъ действительно очаровательный. На твердомъ фундаментѣ велѣлъ Джуліо вывести стѣну, которая, возвышаясь, описывала кругъ, и составляла скаты сводъ въ видѣ устья печи. Глыбы гранита; изъ которыхъ были образованы двери, окна и наполь, расположены такимъ образомъ, что казались готовыми обрушиться. Джуліо написалъ на нихъ гигантовъ, громадныхъ Юпитеромъ, предметъ по изобрѣтенію и новый и смѣлый. Самый верхъ свода представлялъ небо и тронъ младика Олимпа, воздвигнутый посреди круговиднаго храма; поддерживаемаго колоннами дорическаго ордена. Раз-

гнѣванный Юпитеръ бросаетъ свои молніи на гордыхъ гигантовъ. Юнона какъ-будто помогаетъ державному супругу уничтожать противниковъ. Вѣтры изливаютъ свою ярость на землю, а богиня Опасъ, испуганная ревомъ громовъ, бѣжитъ съ своими львами: за нею следуютъ многіа другія божества, между которыми видны Венера, Марсъ, Грація и Часы. Діана, Сатурнъ и Янусъ летятъ отъ этой бури въ горнія пространства. Нептунъ, сопровождаемый Тритономъ, старается удержаться при помощи своего трезубца. Панъ спасаетъ въ объятяхъ нимфу. Аполлонъ сѣлъ на свою колесницу, а нѣсколько Часовъ удерживаютъ бычь его коней. Трепетныя сатиры и нимфы окружаютъ Бахуса и Силена; Вулканъ, вооруженный своимъ молотомъ, глядитъ на Геркулеса, разговаривающаго съ Меркуріемъ; Пошона, Вертунъ, и другія божества, поражены сильнымъ страхомъ; Гиганты несутъ на своихъ мощныхъ плечахъ огромныя скалы, по которымъ хотятъ достигнуть до самаго неба; но минута ихъ гибели наступаетъ, перуны обрушиваются на нихъ тѣ горы, которыя они сами взгромоздили въ безумной своей дерзости: подумаешь, цѣлое мірозданье готово разрушиться! Въ группѣ убитыхъ или низверженныхъ гигантовъ, замѣчательнъ Бриарей, тѣсно бьющійся подъ тяжестью придавившей его огромной скалы; сквозь отверстіе грота видны многіа гиганты, остановленные въ бѣгствѣ: молнійными стрѣлами Юпитера; съ другой стороны тоже гиганты, подавленные обломками разрушающихся храмовъ, колоннъ и зданій: словомъ, картина полная ужасу! Посреди развалинъ всѣхъ этихъ зданій, Джуліо Романо устроилъ каминъ, въ которомъ, какъ-скоро разведутъ огонь, являюся новыя гиганты, охваченные пламенемъ, и Плутонъ, сопровождаемый Фуріями, низвергающійся въ бездну ада на своей колесницѣ, влекомой тощими конями. Повторимъ: въ этомъ созданіи геніальнаго воображенія все служитъ къ тому, чтобы вселять ужасъ. Зритель не можетъ удержаться отъ страха быть задавленнымъ этими окнами, дверьми, скалами, зданіями, которыя все падаютъ и рушатся; но произведеніе это въ особенности кажется изумительно своею общностью, затѣмъ что въ немъ, такъ сказать, не видно ни конца ни начала: все такъ последова-

тельно, все такъ одно съ другимъ связано, что когда войдешь въ эту залу, которой длина не превосходитъ тринадцати сажень, то кажется, будто вошелъ въ обширное поле; и чтобы обманъ былъ совершеннѣе, полъ въ ней устланъ небольшими круглыми камешками, и такіе же камешки нарисованы кругомъ стѣнъ до высоты одного фута отъ помосту. Исполняя эту работу по рисункамъ Джуліо Романо, Ринальдо Мантуанскій сдѣлался превосходнымъ колористомъ, и вѣрно принесъ бы большую честь своему учителю, если бы смерть не похитила его рановременно.

Между-тѣмъ, императоръ Карлъ Пятый, посѣтивъ Мантую, до того былъ доволенъ пиршествами, данными въ его честь подъ руководствомъ Джуліо, что возвелъ мантуанское маркизатство на степень герцогства. Джуліо, окончивъ загородный дворецъ, возобновилъ замокъ, мѣстопробываніе герцога, устроилъ въ немъ двѣ превосходныя винто-образныя лѣстницы и украсилъ многія комнаты драгоценною гипсовою работою; въ одной изъ залъ велѣлъ онъ изобразить «Троянскую войну», а въ другой, гдѣ находятся портреты двѣнадцати императоровъ, работы Тиціана, велѣлъ, поверхъ этихъ портретовъ, написать, надъ каждымъ, по картинѣ масляными красками. Потомъ, Джуліо далъ рисунокъ зданія, воздвигнутаго въ Мармируоло, въ пяти миляхъ отъ Мантуи, и украсилъ это зданіе фресками не менѣе измѣнными фрескѣмъ дворца въ Те. Въ церковь Сантъ-Андреа, для придѣла синьоры Изабеллы Бускета, Джуліо написалъ; масляными красками, картину, представляющую Пречистую Дѣву и святаго Іосифа, поклоняющихся Младенцу Христу, по сторонамъ котораго стоятъ Іоаннъ Евангелистъ и святой Логгинъ. На стѣнахъ этого придѣла, Ринальдо, по рисункамъ своего учителя, исполнилъ двѣ картины, изъ которыхъ одна представляетъ Господа, распятаго между двумя разбойниками.

Джуліо Романо написалъ, также для герцога Фридриха, Пречистую Дѣву, омывающую Младенца Христа, между-тѣмъ какъ ребенокъ Іоаннъ Креститель, играя, проливаетъ воху изъ сосуда: всѣ фигуры на этой картинѣ, изображен-

ныя во весь ростъ, чрезвычайно хороши; вдали видно несколько женщинъ, идущихъ посвятить Божию Матерь. Картину эту герцогъ подарилъ синьору Изабелла Бускета, которой портретъ Джулио помѣстилъ на небольшой своей картинѣ «Рождество», доставшейся синьору Веспасиано Гонцага: для него же кисть художника написала картину «Святой Иеронимъ», а для графа Николая Маффеи другую, «Александръ, держащій статуику Победы». Для мессера Джироламо, органиста мантуанскаго собора, своего искренняго пріятеля, Джулио сдѣлалъ на каминѣ фреску, представляющую Вулкана, кующаго стрѣлы, между-тѣмъ какъ Венера обмакиваетъ въ сосудъ лезвья уже откованныхъ и наполняетъ ими колчанъ Амура; а для мессера Людовико да-Фермо, дописалъ «Умершаго Спасителя», котораго Іосифъ Аримафейскій и Никодимъ готовятся положить въ гробъ. Эта же самая картина была написана Джулио Романо въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, и отдана въ Венецію, Флорентинцу мессеру Томасо да-Эмполи.

Въ 1526 году, когда Іоаннъ Медичи, раненный пулею, былъ привезенъ въ Мантую и тамъ умеръ, Джулио Романо, по просьбѣ мессера Піетро Аретино снялъ съ лица покойнаго гипсовый слѣпокъ, и написалъ его портретъ.

Во время посѣщенія Мантуи императоромъ Карломъ Пятымъ, Джулио соорудилъ нѣсколько триумфальныхъ аркъ, изобразилъ множество театральныхъ декорацій и значительное число другихъ великолѣпныхъ украшеній, приличныхъ обстоятельству. Никто не умѣлъ лучше его составлять планы маскарада и выдумывать необыкновенные костюмы для разныхъ надрилей.

Мантуя, городъ некогда дотога грязный и неопрятный, что въ немъ почти нельзя было жить, сталъ, благодаря Джулио Романо, мѣстомъ жительства здоровымъ и приятнымъ. Мантуя обязана ему большею частью своихъ домовъ, садовъ, и прекрасныхъ фасадовъ разныхъ зданій. Разъ, случилось, что рѣка По прорвала плотины, и вода затопила, слишкомъ на три сажени, низменные кварталы города, такъ, что въ нихъ, едва не круглый годъ, цировали лягушки:

Джулио Романо, сталъ придумывать средства, какъ бы помочь такому горю, и кончилъ тѣмъ, что заставилъ воду стечь; но, не довольствуясь этимъ и желая предохранить городъ отъ могущихъ впоследствии случиться наводненій, онъ возвысилъ насыпями всю низменныя улицы, примыжающія къ рѣкѣ, снесъ множество незначительныхъ домишекъ, и на мѣста ихъ соорудилъ великолѣпные дома, служащія украшеніемъ всему городу. Многія частныя лица стали было противиться исполненію этого распоряженія художника, и жаловались герцогу, что оно причиняетъ имъ слишкомъ ощутительные убытки; но герцогъ не хотѣлъ никого слушать, и даже приказалъ, чтобы безъ позволенія Джуліо никто не смѣлъ производить построекъ. Тогда, мѣсто жалобъ заступили угрозы; но герцогъ тотчасъ же намѣкнулъ, что прійметъ за личное себѣ оскорбленіе каждую обиду, нанесенную своему архитектору, и будетъ умѣть наказывать дерзкихъ. И въ самомъ дѣлѣ, Фридрихъ до того любилъ Джуліо Романо, что не могъ обойтись безъ него; зато и художникъ, съ своей стороны, безгранично былъ преданъ своему благодѣтелю, отъ котораго никогда и ни въ чемъ не зналъ отказа, и щедрости котораго былъ обязанъ состояніемъ, приносившимъ въ годъ слишкомъ тысячу червонцевъ дохода. Джуліо Романо построилъ себѣ въ Мантуѣ домъ, напротивъ церкви Санъ-Барнаба, и украсилъ его фасадъ разноцвѣтнымъ гипсомъ. Внутреннія стѣны этого дому обогатилъ онъ подобнымъ же гипсомъ, фресками и антиками, подаренными герцогомъ. Число рисунковъ, слѣданныхъ имъ для зданій въ самой Мантуѣ и ея окрестностяхъ, поистинѣ, превосходить вѣроятіе: но что жъ мудренаго, когда ни въ городѣ ни въ его окрестностяхъ никто не могъ и не смѣлъ строить чуть-чуть порядочнаго зданія иначе какъ по рисункамъ Джуліо Романо! Онъ выстроилъ также на прежнемъ фундаментѣ церковь Санъ-Бенедетто, и украсилъ ее дорогими фресками и картинами.

Джованни-Матео Жиберти, епископъ веронскій, пожелалъ, чтобъ его соборная кафедра была вполне расписана по рисункамъ Джуліо кистью ле-Моро, пользовавшагося извѣстностью во всей Ломбардіи. Герцогъ феррарскій попросилъ

силъ тоже знаменитая художница доставить себѣ картины для золотомъ и шелкомъ тканыхъ обоевъ, которые были исполнены двумя Фламандцами, маэстро Николъ и Джованни-Батиста Россо. Эти картины впоследствии выправированы Джованни-Батиста Мантуанскимъ, равно какъ и многія другія созданія Джуліо, въ числѣ которыхъ мы не забудемъ упомянуть картины «Врачъ, приставляющій кровососныя банки къ плечамъ женщины»; «Бѣгство въ Египетъ», на которой изображено нѣсколько Ангеловъ, преклоняющихъ вѣтви фигового дерева, чтобы Младенцу Христу можно было достать ручкою до плодовъ; «Ремъ и Ромулъ» сосущіе волчицу на берегахъ Тибра; «Плутонъ, Юпитеръ и Нептунъ» дѣлящіе по жеребью державу неба, земли и моря; «Юпитеръ» сосущій козу Альфею, которую держитъ Меллеса; наконецъ, картина большаго размѣру, «Плѣнники въ нѣтъ», съ картинъ же Джуліо Романо выправированы Сципионъ и Аннибалъ, говорящіе рѣчи къ своимъ войскамъ. «Рождество» воспроизведено рѣзцомъ Себастьяно да-Реджіо, и множество гравюръ съ другихъ превосходныхъ рисунковъ Джуліо сдѣлано въ Италіи, Франціи и Фландріи; но мы не станемъ ихъ исчислять, потому что они неисчислимы; мы скажемъ только, что Джуліо Романо приобрѣлъ такой навѣкъ къ быстротѣ работы, что никогда ни какой художникъ не могъ съ нимъ сравниться въ плодовитости.

На какия вѣтви искусства не были чужды Джуліо Романо: онъ пожертвовалъ много времени и много денегъ на изученіе нумизматики, и, несмотря на множество своихъ серьезныхъ занятій, занимался тмою бездѣлицъ, изъ угожденія герцогу или своимъ друзьямъ. Едва, бывало, кто изъ нихъ успѣетъ въ нѣсколькихъ словахъ намѣкнуть на новую мысль, какъ мысль эта уже схвачена и нарисована.

Въ числѣ рѣдкостей, хранимыхъ Джуліо Романо, находился портретъ Альберта Дюрера, рисованный гуашью и анварелью на полотнѣ чрезвычайно тонкомъ, работы самаго Альберта Дюрера, который прислалъ его въ подарокъ Рафаэлю. Онъ показывалъ его какъ какое-нибудь чудо.

Кончина герцога Фридриха дотого опечалила Джуліо, котораго онъ такъ любилъ, что художникъ готовъ былъ протяться съ Мантуей, и можетъ-быть исполнилъ бы это намереніе, если бъ его не упросилъ остаться кардиналъ Гонцаго, принявшій правленіе на время малолѣтства своихъ племянниковъ; впрочемъ, должно сказать, что жена, дѣти друзья и имѣніе, также удерживали Джуліо во второмъ его отечествѣ. Какъ бы то ни было, кардиналъ очень былъ доволенъ присутствіемъ художника, потому что имѣлъ нужду въ его совѣтахъ; намѣреваясь почти вовсе перестроить соборную церковь.

Въ это-то время, Джорджо Вазари, проѣздомъ въ Венецію, заѣхалъ въ Мантую, чтобы увидѣться съ Джуліо, котораго любилъ, и съ которымъ велъ переписку, хотя и не былъ знакомъ лично. Джорджо, пріѣхавъ въ городъ, встрѣтился на улицѣ съ своимъ «заочнымъ» пріятелемъ, и оба художника, никогда не видавшіе одинъ другаго, тотчасъ узнали другъ друга, какъ-будто вѣчно жили вмѣстѣ. Джуліо Романо, восхищенный пріездомъ Вазари, не отходилъ отъ него въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ дней. Онъ показывалъ ему всѣ свои произведенія, всѣ планы древнихъ зданій Рима, Неаполя, Пондуоло, Кампаньи и всѣхъ знаменитѣйшихъ старинныхъ построекъ, которыя болѣею частью были имъ самимъ нарисованы. Потомъ Джуліо отворилъ большой шкапъ, и вынулъ изъ него планы всѣхъ зданій, сооруженныхъ по его рисункамъ и указаніямъ въ Мантуѣ, Римѣ и во всей Ломбардіи. Нѣтъ, кажется, возможности имѣть по части архитектуры идей новѣе, прекраснѣе и отчетливѣе идей Джуліо. Когда кардиналъ Гонцаго спросилъ Вазари, какаго онъ мнѣнія о произведеніяхъ Джуліо Романо, тотъ отвѣчалъ, въ присутствіи самого Джуліо, что творецъ всѣхъ этихъ произведеній достоинъ того чтобы ему воздвигли по статуѣ на каждой улицѣ города, и что половины всѣхъ владѣній мантуанскаго герцога не доставитъ на вознагражденіе трудовъ и таланта великаго художника. Кардиналъ отвѣчалъ, что Джуліо и дѣйствительно имѣетъ въ области большую власть чѣмъ самъ онъ, правитель. Вазари оставилъ Мантую съ чувствомъ нѣжнѣйшей признательно-

сти за все ласки Джуліо Романо, и возвратисъ изъ Венеціи въ Римъ въ самое то время, когда Микель-Анджело только-что вовсе выставилъ свою картину «Страшный Судъ», немедленно отправилъ къ нему, черезъ посредство мессеръ Нино Ни-ни ди-Кортонна, секретаря кардинала Гонцаго, три рисунка, снятые имъ самимъ, съ семи смертныхъ греховъ изображенныхъ кистью Буанароти. Подарокъ этотъ былъ очень приятенъ Джуліо, которому тогда предстояло расписывать домовую церковь кардинала. Взглядъ на великолѣпное созданіе Микель-Анджело породилъ въ умъ Джуліо новыя идеи, и онъ тотчасъ же принялся за работу превосходнаго картона, на которомъ изобразилъ святыхъ апостоловъ Петра и Андрея въ то мгновеніе, когда они, повинаясь слову Спасителя, оставляютъ свои мрежи, идутъ за Нимъ, и изъ ловцовъ рыбы становятся ловцами челоуьковъ. Картонъ этотъ, превосходнѣйшій изъ всѣхъ картоновъ Джуліо Романо, былъ впоследствии исполненъ масляными красками, его ученикомъ, Фермо Гвизони, искуснымъ и опытнымъ художникомъ.

Спустя не много времени, казначей Санъ-Петроніо, желая приступить къ пересозданію фасада своей церкви, убедили Джуліо пріѣхать въ Болонью, вмѣстѣ съ Тофано Ломбардино, миланскимъ архитекторомъ, построившимъ уже многія зданія и очень уважаемымъ во всей Ломбардіи. Рисунки Балдаццаре Перуччи Сіенскаго были потеряны: Джуліо и Ломбардино составили новыя, и рисунокъ первобытный такъ хорошъ, что заслужилъ ему величайшихъ похвалъ и богатаго награжденія.

Между-тѣмъ, Антоніо да-Санъ-Галло умеръ въ Римѣ, и комиссія для построенія храма Святаго Петра находилась въ большомъ затрудненіи, не зная кому бы доверить окончаніе этого огромнаго зданія. Наконецъ, комиссія разсудила, что никто не заслуживаетъ ея довѣренности болѣе чѣмъ Джуліо Романо, котораго достоинства были известны всѣмъ ея членамъ. Будучи уврены, что великій художникъ съ удовольствіемъ воспользуется случаемъ съ честью возвратился въ отечество, они поручили многимъ изъ

его друзей сдѣлать ему блестящія предложенія. Но кардиналъ Гонцаго воспротивился его отъезду, а жена, друзья и родственники употребили весь свои усилія чтобы удержать его. Однако жъ, все эти настоянія не остановили бы Джулио, если бы на ту пору онъ не сдѣлался больнымъ. Соображая выгоды, которыя могъ получить для себя и дѣтей своихъ отъ исполненія желанія комиссіи, онъ рѣшился-было умолять кардинала чтобы тотъ не удерживали его болѣе, какъ вдругъ болѣзнь усилилась.

Провидѣніе уже положило предѣлъ жизни Джулио Романо, и вскорѣ потомъ, въ 1546 году, въ самый день праздника Всѣхъ Святыхъ, онъ умеръ въ Мантуѣ, пятидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду. Послѣ него остался сынъ, которому далъ онъ имя Рафаэль, въ честь своему незабвенному учителю. Этотъ молодой человекъ, оказавшій счастливое расположеніе къ живописи, былъ также похищенъ смертью черезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ отца, и умеръ почти въ одно время съ своею матерью. Такимъ образомъ, въ живыхъ осталась одна только дочь Джулио Романо, Виргинія, вышедшая въ Мантуѣ замужъ за мессера Эрколе Мала-тесты.

Великій художникъ, искренно оплакиваемый всеми, кто только зналъ его, похороненъ въ церкви Санъ-Барнаба, гдѣ предположено было воздвигнуть ему памятникъ, но жена и дѣти отложили это дѣло въ длинный ящикъ, и умерли прежде чѣмъ успѣли отдать достойный долгъ знаменитому человеку. Стыдно сказать, что въ Мантуѣ, обитанной Джулио Романо столькими великолѣпными произведеніями, не нашлось человека, который бы почтилъ его память. Но, къ счастью, его геній оставилъ самъ по себѣ памятникъ, котораго не сокрушатъ ни годы ни столѣтія.

Джулио Романо былъ средняго росту; черты лица его были прекрасныя, борода и волосы черные, глаза тоже, взоръ веселый и полный жизни. Одевался онъ изящно и со вку-

сомъ; жизнь велъ воздержную; въ обращеніи былъ щедръ и ласковъ: его все уважали.

Имя таланта его многочисленныхъ учениковъ, замѣчательнѣйшими художниками вышли Джанъ дель-Ліоне, Рафаэль дель-Келле, Бенедетто Панди де-Пескѣа, Фигурино де-Фоссиа, Ринальдо и Джованни-Баттиста Мантуанскіе и Ферме Глизонъ.

На камнѣ, покрывающемъ могилу знаменитаго, вырѣзана надпись:

Romanus moriens secum tres Julius artes
Abstulit; aud mirum, quator unus erat.

Въ дополненіе къ біографіи Джуліо Романо мы приведемъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній комментаторовъ творенія Вазари. Джуліо привезъ съ собой въ Маную только одного ученика; но онъ перенялъ отъ великаго своего учителя, Рафаэля, искусство пользоваться каждымъ обстоятельствомъ и каждымъ человекомъ, когда счастливое обстоятельство или даровитый человекъ случайно являлся ему. Поэтому-то и обрели мы его въ Мануе самымъ последователемъ старинныхъ живописцевъ, некогда процвѣтавшихъ сюда первыми Гондатоми. Все эти художники оставались до него въ движеніи, сообщеннаго въ Ломбардіи искусству произведеніями Корраціо и де-Виджи, потому что никогда не въизнашли изъ города, въ которомъ имѣла место Гондато (доставляла) имъ возможность жить и трудиться живою. Легко понять, какую выгоду могли извлечь изъ такихъ запоздалыхъ и нерышительныхъ художниковъ, дождавшихся только учителя чтобы идти за нимъ, такой человекъ какъ Джуліо Романо, научившійся въ лучшей школѣ живописи, великому искусству развѣдывать и дѣлать боротой спящихъ. Сколько засталъ онъ въ Мануе уч-

1711 - 1712

Джоннионы, стѣлко, приобрати и учениковъ, то есть, въ
смысле сотрудничать. Талантъ Джуліо Романо какъ нельзя
больше подродилъ подлѣ условія таково раздѣленія работъ и
сотрудничества, безъ котораго художники и бояе великіе
не могли бы вполне развитъ свои дѣятельности. Живописецъ
болѣе прележный чѣмъ постоянный художникъ болѣе
по духу предприимчивости чѣмъ по самосознанію одарен-
ный умомъ болѣе изобретательнымъ чѣмъ глубокимъ, харак-
теромъ болѣе честолюбивымъ чѣмъ самовольнымъ, Джуліо
Романо былъ такой человекъ, которому необходимо было
окружать себя людьми, какъ Микель-Анжело искать уедине-
нія. Микель-Анжело самъ дѣлалъ для себя каждый, даже са-
мый ничтожный, инструментъ, въ которомъ встрѣчалась ему
надобность, потому что не считалъ ни какого ремесленника
довольно искуснымъ чтобы сдѣлать его по своему желанію.
Джуліо Романо позволялъ другимъ принимать участіе въ
исполненіи лучшихъ своихъ созданій, находя каждого ху-
дожника достаточно къ тому способнымъ. Джуліо Романо,
собственно, былъ, такъ сказать, подрядчикъ, механикъ
болѣе чѣмъ живописецъ, и въ этомъ онъ не похожъ на своего
учителя. Произведенія Рафаэля тѣмъ изящнѣе, прекраснѣе,
драгоценнѣе, что ничья рука, кромѣ его собственной, не
прикасалась къ нимъ; произведенія Джуліо Романо тѣмъ
цѣннѣе, чѣмъ больше рукъ работало ихъ; и понять это не
мудрено. Геній Джуліо любилъ великолѣпіе: онъ лучше по-
нималъ пышность чѣмъ благородство, и ему привольнѣе
было заниматься созданіями многосложными чѣмъ идеями,
важными только по простотѣ. Довольно взглянуть на ма-
локу, портретъ, головку ребенка кисти Рафаэля, чтобы убѣ-
диться, съ какою любовью, съ какимъ увлеченіемъ, онъ де-
лалъ незначительнѣйшее изъ своихъ произведеній, какъ
старался, въ каждую свободную минуту, достигнуть посред-
ствомъ совершенства формы, расчету свѣту, тѣни и
эффекта, до полного, отчетливаго, выраженія своей мысли.
Джуліо Романо, напротивъ, если принимался за работу,
которую приходилось кончить одному, то принимался какъ
будто противъ воли. Судить о Джуліо Романо должно непо-
сто картинамъ, находящимся въ музеумахъ, а по Мантуѣ,

по ея герцогскому замку, по остаткамъ дворца въ Те, по сбору; по всемъ этимъ великодушнымъ заданиямъ, исполненнымъ по его чертежамъ. Для нихъ Джуліо привнесъ съ собою изъ Рима безчисленное множество рисунковъ, богатое наследіе послѣ Рафаэля, все свои этюды, планы, архитектурные проекты: настоящій колодезь, изъ котораго долго черпала мантуанская школа. Следовательно, по справедливости можно сказать, что школа мантуанская — отрасль школы римской, что Джуліо Романо совершилъ подвигъ равный подвигу Рафаэля.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

КУРС ОБЩЕВОДСТВА.

ЧТЕНИЕ ПЯТОЕ.

IX.

Устройство и рост шерсти. Космы и пружины

Перство называют более или менее кудрявые волосы, поразившие кожу овцы. Эта витая или извилистая форма волоса и есть отличительное качество шерсти от собственно так называемых волос других животных. Но кудрявость или извилистость не всегда присвоена шерсти: многие породы овец имеют шерсть прямую. Такая форма шерсти свойственна, не только породам, обитающим в северных широтах, и, особенно в очень жарких, полосах, но встречается также и в полосах умеренных, например в Англии и Голландии, где ее образование составляет особый предмет тщательности некоторых хо-

завязь. Однако же, волнистая форма волосъ, какъ изъятіе, встрѣчается и на другихъ родахъ животныхъ, напримѣръ, на собакахъ, или, особенно, на американскомъ быкъ или бизонѣ, котораго волосы длинны, тонки, мягки, шелковисты, и очень часто бываютъ волнистаго образованія. Полагаютъ даже, что если бы волосы этого животнаго стали предметомъ особыхъ попеченій, клонящихся къ измѣненію его кожи, то можетъ-быть было бы возможно образовать тонкорунную породу волнистаго овецъ, какъ производятъ тонкорунныя овцы; конечно, такое предположеніе съ перваго взгляда кажется страннымъ, но опытные овцеводы полагаютъ это дѣло не въ границѣ возможности.

Если форма шерстинокъ не можетъ служить для различія шерсти отъ вѣса, то различіе между шерстью различія этихъ двухъ видовъ одежды животныхъ на свойствѣ волосъ «линять», то есть, время отъ времени выпадать и замѣняться новыми, между-тѣмъ какъ овечья шерсть можетъ расти, не выпадая, во всю жизнь животнаго. Это свойство шерсти, кажется однако жъ болѣе искусственное, какъ и вообще другія ея качества у тонкорунныхъ овецъ, потому что встрѣчается только у животныхъ содержимыхъ въ нязѣ и роскоши, тогда какъ овцы, за которыми уходъ не хорошъ, линяютъ ежегодно весною, что каждый хозяинъ имѣлъ случай видѣть на нашихъ русскихъ овцахъ. Тоже самое бываетъ ежегодно и съ исландскими овцами. Кроме того линяетъ всякая овца послѣ жестокихъ, изнурительныхъ болѣзней, при переходѣ отъ скуднаго корму на кормъ сытный и роскошный, а иногда свойство линять встрѣчается даже какъ наследственная принадлежность дѣлать дѣтени, если одаренныя этимъ порокомъ животныя не выбрались изъ стада.

Шерстинка составляетъ тонкую, длинную, трубчатую, очень рѣдко, и то какъ изъятіе, двойную, но обыкновенно однокую, цилиндрическаго, или, часто, коническаго вѣдъ сжатую, выходящую изъ-подъ кожи овецъ, и къ внутреннему или наружному концу, до перваго срастанія, замыкающагося тонкимъ роговиднымъ остриемъ. Стѣнка этой трубочки состоящая изъ болѣе или менѣе мягкой, прозрачной, розоватой ткани, по всему протяженію своему снабжена

дествующих мельчайшихъ скважинъ, или поръ; вся полость шерстинки наполнена жирною массою, называемою жиромъ или мозгомъ. Мозгъ этотъ, наполняющій трубочку, непрерывно просачивается черезъ ея поры, и облекая всю наружную поверхность шерстинки, получаетъ названіе *топы* или *жиру шерсти*. Сходствуя устройствомъ своимъ съ былинкою растенія, шерстинка, подобно ей, выводитъ изъ овальной или грушевиднаго очертанія луковички, которая гнздается въ разостланной подъ кожей клетчатой плевъ. Изъ этой ткани, служащей луковичку почвою, шерстинка вбираетъ въ себя питаніе посредствомъ мельчайшихъ всасывающихъ мочекъ. Образовавшаяся въ этой луковичке тонкая шерстинка поднимается отъ нея какъ ростокъ отъ зерна, остриемъ проникаетъ нижній, толстый, мягкій слой кожи, потомъ проходитъ черезъ слизистую плену, и достигнувъ верхняго слоя кожи или кожицы, состоящей изъ ткани болѣе плотной, медленно проникаетъ наружу.

Какъ ни простъ кажется весь этотъ процессъ выходения ростка наружу, которому явно способствуетъ крѣпкое роговидное остріе молодой шерстинки, неутомимные наблюдатели не все думаютъ одинаково объ этомъ дѣлѣ. Такъ, некоторые увѣряютъ, что шерстинка вовсе не проходитъ черезъ верхнюю кожицу, а только поднимаетъ ее, и что кожица, растягиваясь по мѣрѣ подростанія трубочки, нагнувшись окружаетъ ее со всехъ сторонъ, образуя такимъ образомъ наружную оболочку всей шерстинки. Изъ этого ходу дѣла видно, какъ важно для тонкоруннаго овцеводства, чтобы кожица овецъ была какъ-можно тоньше и живѣе; потому-то постоянная умеренная теплота, изнѣживающая кожицу, способствуетъ тонинѣ и мягкости шерсти, а постоянный холодъ и, особенно, жаръ, превращающіе ее въ плотную, толстую ткань, имѣютъ вредное вліяніе, увеличивая толщину стенокъ шерстяныхъ и уменьшая ихъ мягкость. Другіе говорятъ, что нижняя шерстинка тонкорунныхъ верныхъ, дошедши до верхней кожицы, встрѣчаетъ въ плотномъ составѣ ея непреодолимое препятствіе, и потому, упиравшись въ нее своимъ остриемъ, останавливается въ дальнейшемъ ростѣ. Подрастающая между-тѣмъ нижняя часть шерстинки, не имея мѣста расположиться во всю длину

свою, прижимаясь сжаться спирально, на подобіе пробочка, или, просто, изгибается мелкими изгибками, и находится такимъ образомъ въ слезистой перепонкѣ, образуетъ соответственный своимъ изгибамъ ходъ, который плотно окружается сгущиваемою слезью, и, впоследствии, образуетъ форму проходящей черезъ него шерстинки. Наконецъ, по мѣрѣ умноженія изгибовъ, шерстинка приобретаетъ болѣе упругости и достаточно силы чтобы пробить кожу, и тогда выходитъ наружу. Иныя ошелоны, однако жъ, отвергаютъ это объясненіе выростанія шерстинки, утверждая, что толщина и форма ея зависятъ единственно отъ величины и болѣе или менѣе прямого направленія кожныхъ скважинъ, въ которыхъ шерстинка, протянувшись при своемъ прохожденіи, какъ черезъ лекаль, получаетъ соответствующую величину скважины, толщину, и прямую растянутую форму, если направленіе скважины прямое, а извилистую или спиральную, если скважина имѣетъ извилистую или вѣтую фигуру.

Дуконошникъ, составляющая корень этого животно-растительнаго произведенія, состоитъ, по разсказаніямъ естественныхъ татоловъ, изъ многихъ, концентрически одна на другой, расположенныхъ слоевъ. Она снабжена всасывающимъ сардокомъ, похожимъ на почки, и одарена нервами, а иногда, особенно у молодыхъ животныхъ, видны въ ней и кровеносныя нитки. Выходящая же отъ нея шерстинка не имѣетъ нервовъ, и потому нечувствительна, и къ общему кровообращенію тогда не участвуетъ. Какъ растение, шерстинка возобновляется послѣ сращиванія, образуя на верхушкѣ пустой кончикъ; будучи вырвана отъ корня, существованіе ея прекращается. Жизнь ея, столь сходная съ жизнью растений, отчасти поддерживается мозгомъ, наполняющимъ ее дупло, потому что при высыханіи его шерстинка и сама, теряетъ жизнь, и засыхаетъ. Мозгъ этотъ въ холодной водѣ не растворяется, и даже въ горячей, если не прибавить къ ней щелочи. Это обстоятельство причиною того, что тонкіе разборы шерсти, дабылующіе мозгомъ, безъ предварительной, самой тщательной, промывки, труднѣе принимаютъ краски, чѣмъ простыя шерсти, въ которыхъ мозгу ошелоны. Просачивающій наружу, черезъ скважины шерстинки

мозгъ, называемый потокомъ или жиромъ шерсти, на воздухѣ претерпываетъ некоторое измѣненіе, такъ, что дѣлается способнымъ удобно растворяться въ холодной водѣ, и потому при мытьи шерсти на животныхъ смывается. Впрочемъ, многочисленными скважинками своими шерстинка не только извергаетъ мозгъ изъ своего дупла, освобождаясь такимъ образомъ отъ испорченныхъ, не годныхъ для ея существованія, частицъ, но, посредствомъ поръ, она тоже всасываетъ изъ воздуха водяные пары, отчего раздувается и дѣлается толще, если овцы будутъ подвержены частымъ дождямъ, продолжительному вліянію сырыхъ мѣстностей и сырыхъ овчаренъ. Отъ этой же способности шерстинокъ вбирать въ себя воду, происходитъ, что шерсть отъ мытья, какъ на животныхъ, такъ и послѣ стрижки, дѣлается замѣтно толще, приобретаая впрочемъ, послѣ высушиванія, прежній, присвоенный ей поперечникъ.

Клѣтчатая плева овецъ, въ которой гнѣздятся луковички шерстинокъ, доставляетъ этимъ послѣднимъ нужное имъ питаніе, и потому есть для нихъ тоже, что почва для растений. Въ этой почвѣ шерстинки растутъ наподобіе всѣхъ растительныхъ былиннокъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, свойственными имъ различіями въ порядкѣ произрастанія или развитія стебелька своего. Сначала волгаютъ, что шерстинка получаетъ постепенное приращеніе по всей своей длинѣ, какъ растенія; но послѣ точнѣйшихъ наблюденій оказалось, что мнѣніе это такъ же несправедливо, какъ и предположеніе, будто длина ея увеличивается посредствомъ прибавленія у конца. Наконецъ, вѣрнѣйшіе опыты показали, что шерстинка получаетъ приращеніе въ длину единственно постепеннымъ выходеніемъ изъ кожи, и, следовательно, растетъ только снизу, отъ луковички, между-тѣмъ какъ верхняя часть, вышедшая наружу, относительно длины остается рѣшительно въ одноиъ и томъ же положеніи, измѣняясь рѣзв; и то не много, въ толщину, отъ вліянія наружныхъ условій. Такой способъ удлинненія шерстинки доказывается уже и тѣмъ, что если, тотчасъ послѣ стрижки, овцы голыдаютъ, такъ, что шерсть отъ того принимаетъ болѣзненную тонину, то при внезапной перемѣнѣ скуднаго содержанія на роскошное, одна только нижняя часть шерстинокъ

принимаетъ свойственную ей толщину и постоянно уравнивается въ длину, между-тѣмъ какъ голодомъ замѣненная часть, равно какъ и находившаяся надъ нею частичка, оставшаяся послѣ стрижки на кожѣ, постоянно во все время роста занимаютъ верхнія части шерстинки въ такомъ порядкѣ, въ какомъ она слѣдовала одна за другою, резко различаясь между собою въ толщину, тогда какъ въ длину остаются неизмѣнными. Следовательно, шерстинка такого рода будетъ состоять изъ трехъ частей: изъ нихъ верхняя, настоящей толщины, во все время росту шерстинки останется такой же длины, какой была оставлена на кожѣ при стрижкѣ; слѣдующая за нею, тончайшая часть, образовавшаяся подъ вліяніемъ скуднаго нитанія, въ теченіе всей жизни и росту шерстинки не приобрететъ никакого прибавленія противъ той мѣры, какую она имѣла при замѣненіи скуднаго корму роскошнымъ; нижняя же часть одна будетъ постепенно увеличиваться длиною. Тоже самое окажется, если, тотчасъ послѣ стрижки, оставшіеся на кожѣ концы шерстинки окрасить какою-либо смолистою краскою, которая во все время росту шерстинокъ постоянно будетъ находиться на поверхности руна, ни мало не растягиваясь внизъ и не прибавляясь отъ концовъ къ корню, между-тѣмъ, какъ нижняя ихъ часть, постепенно подрастающая, будетъ бѣла. Наконецъ, если по серединѣ шерстинокъ сдѣлать смолистою краскою знакъ известной мѣры, напримѣръ длиною въ осмьмушку вершка, то, по истеченіи года найдется, что окрашенная часть не прибавилась въ длину, а осталась точно такой же мѣры, какъ была во время наведенія краски. Это свойство шерсти прибавляться только отъ корня, важно для овцевода, потому что каждая значительная скудость или небрежность въ кормленіи овецъ, дѣйствуя прямо на корни шерсти, имѣетъ вліяніе на ея измѣненіе, которое въ послѣствіи никакими мѣрами исправлено быть не можетъ.

Если отъ какого-нибудь случая, нарыву, разрыву, ожогу, и прочая, воспослѣдуетъ разстройство луковицы, то на поврежденномъ мѣстѣ шерсть уже больше не вырастаетъ, а вмѣсто ея пойдутъ толстые, прямые, гладкіе волосы, похожіе на тѣ, которые покрываютъ складки шорды ивановодо.

« Шерсть » весьма замечательное свойство шерсти составляет способность ее продолжать свой рост и после смерти овецъ. Несмотря на прекращеніе жизни животного, шерсть, какъ и раньше: ту же самое растение производило, можетъ быть, еще рѣзче прибавляется въ длину, до тѣхъ поръ пока жива: ее, ильчаемая плеса, не разстроится совершенно гниениемъ. Даже на сытой съ овецъ: нога, складываемой въ сушью: мяса, шерсть: продолжаетъ расти въ теченіе нѣсколькихъ недѣль.

Цвѣтъ, и особенно форма шерстянокъ, длинна иль толщина, бывають весьма различны, по различію породъ овецъ, возрасту и полу животныхъ, и наконецъ по частямъ тѣла, на которыхъ шерсть произрастаетъ,

Цвѣтъ шерсти, зависящій вероятно отъ различныхъ отътковъ слизистой перешенки, обыкновенно бываетъ бѣлый; но часто и черный и другихъ отътковъ, соответствующихъ обыкновенно такому же цвѣту кожи.

Форма шерстянокъ, болѣею частью, бываетъ извилистая, волнистая; шерстинки вдутъ то изгибами правильными, округленными, приблизительно одинаковой мѣры, то они извиваются ликтообразно, а нерѣдко бывають совершенно расправлены и прямы. По этому различію въ формахъ шерстянокъ, шерсть раздѣляютъ на *овлого-волнистую*, которой изгибы вращены округлены и приблизительно ровной между собою мѣры; на *круто-волнистую*, одаренную изгибами неправильными, стянутыми въ основаніи, различной мѣры и очертанія, округленными и угловатыми; на *симптообразносиную*, или, собственно, *кудрлявую*, и, наконецъ, на *прямую* шерсть, которой изгибы расправлены, такъ, что шерстинкамъ имѣють фигуру почти прикладнейшую.

Длиною шерсть различествуетъ удивительныя образцы, и бывають отъ полу-вершка до полу-аршина; соответственно тому ее раздѣляютъ на короткую, длинную и среднюю.

Относительно толщины, въ шерстянкахъ встрѣчается весьма значительное различіе. Не только по различію породъ, но и въ одной и той же породѣ шерсть бываетъ различной толщины ввѣтывая тѣла, возрасту и полу животныхъ. Самая толстая, присвоенная простымъ русскимъ овцамъ, называется прѣ-

Стою шерсть состоит из волосных и волосяных, волособразных, шерстяных, весьма разнообразных по своему почти, для овца волнистых, накрученных всю длину свою для плавления лугами. Гораздо тончайшие оказываются шерстяныя на шайки, а именно тончайшая шерсть с шерстяными баранами; тонкость шайковой шерсти бывает весьма различна, шерсть по степени обжаренности шерсти, но негодными шерстью и ниже меринсовой, почему ее называют среднюю или шайскою. Вследствие своей тонкости шерсть достигает только на различных племенах крепких меринсов, почему меринсовой шерсти преимущественно присвоено название тонкой шерсти, которая раздвигается на множество разборов. По частям тела, на которых произрастает, шерсть различают боковую, которая самая тонкая и лучшая; шеею тонкою одорочная и шейная; а самая лучшая на шее животного годовная, брюшная и шовная.

По возрасту животных шерсть разделяют на ягнчью, и овечью. Шерсть ягнчья тоньше шерсти взрослых животных, мягче, нежнее, блже и омерена большею жесткою, до шерстинки у них смягчаются тонкими остриемъ, которое, после первой стрижки, больше не возобновляется. Она имеет коловинную чистоту в сравнении с шерстью взрослых животных, которой ягнчь и удерживает шерсть годовников, но уступает ей в тонкости и мягкости.

Относительно пола животных первое место занимает шерсть барановъ, лучшая потому, что племенные омы составляют всегда часть овчарии; но и сверху того шерсть овново, крепостью и упругостью, превосходит шерсть козлиныхъ матокъ, которая, въ свою очередь, отличается однако же, большею тонкостью, мягкостью и нежностью. Шерсть диконин, козла; овцы кормяты ягнчатъ, шерсть ягнчатныхъ матокъ почти останавливается въ ростъ и отъ рождения молода шерсть много крепости. Напротивъ, шерсть козловъ, въ свою крепость и упругость, превосходит шерсть барановъ.

Шерстяныя различаются между собой въ весьма разномъ довлѣнн. У шерстяныхъ породъ животных различныя

шерсти — это прутья, скрепленные по ширине, и эти различия зависят от породы, а не от скрещивания с другими породами. Вывод: параллельные прутья, кроме прутьев овец, свойственно только длинношерстным породам. У других, особенно северных, или постоянно под влиянием морозов и холоду приближающих пород, шерстинки у скрещивания, непосредственно над кожей, спутаны и склеиваются шерстью шерстью посредством подрастающего с волосами пуха, из которого они выходят как бы из одного приюта. У благородных пород шерстинки на одной коже собираются в отделения различной величины, и эти отделения склеиваются между собой в пучки различной толщины и формы, соответственно толщине, длине, уровню и густоте расположения шерстинок, а особенно соответственно образованию изгибов, и таким образом составляют одну цельную массу шерстинок, которых совокупность образует руно. Пока руно на животном, его называют также «шубою», означая преимущественно наличие «руна» всю массу шерсти овцы, если она так обстрижена, что составляет одно целое; но шерсть благородной породы овцы или меринеса, вся в совокупности, на просторычии всегда называется руном, как на голых животных, так и после стрижки, пока она остается склеивающейся между собой в таком же виде, в каком была на овец.

Важнейшее склеивание шерстинок в пучки, означенное техническим названием «косица», присуще только рунам благородных пород; в низких же, простых, породах, склонность к образованию косицы проявляется вместе с облытением, и новеллою усиливается, как в этих видах на всех породах швейцарских. Косицы возникают от самой кожи, где уже заметно их различие между собой. Они состоят из нескольких, расположенных в параллельном направлении между собой направленных пучков до кончиков; составляют отдельные пучки или столбы, выходящие почти вертикально от овец склеиваясь непосредственно на коже пучки эти склеиваются между собой шерстинками; шерстинки эти тесно между собой

нравом, можно их сформовать: переложив шерсть на правую сторону; косицы торчатъ почти вертикально, а косицы лежатъ одна къ другой. Складские шерстяные, состоятъ изъ каждой отдельной косицы, произрастающей изъ одного изъ изгибовъ, которые во всю длину столбика, свободно, безъ заворотовъ или скручиванія, лежатъ одна въ другую. Оттого при раскрытій руна поверхность косицы представляется волнистою, или, лучше сказать, испещренною правильными, мелкими, поперечными зарубками, которые такъ мелка и правильны расположены отъ основанія до верхушки, чѣмъ мелка и правильны образованы изгибы шерстяные, такъ, что одинъ взглядъ на поверхность пучковъ даетъ уже коронное предварительное понятіе о характерѣ и достоинствѣ шерсти.

Чѣмъ толще шерстинки и больше ихъ изгибы, тѣмъ толще бываютъ косицы; и наоборотъ, чѣмъ шерстинки тоньше, тѣмъ тоньше и косицы. Въ грубыхъ рунахъ, косицы имеютъ болѣе или менѣе округленныя основанія, занимающія на каждой площадку отъ полу-вершка до цѣлаго вершка квадратнаго; на тончайшихъ же рунахъ столбики или пучочки имеютъ толщину не болѣе булабочной головки, а часто они не толще самой булавки. Естественно, что въ первомъ случаѣ, при обширномъ основаніи, шерстинки, плотно складываясь между собою, при правильномъ своемъ образованіи, не могутъ составлять цилиндръ, а образуютъ болѣе или менѣе заостренный конусъ, потому что одинъ центральныя шерстинки достигаютъ до верхушки столбика, между тѣмъ какъ находящіяся въ окружности, прислоняясь косвенно къ среднимъ, остаются ниже ихъ. Изъ этого устройства болѣе или тоньше, ясно видно, что если, несмотря на ихъ толщину, въ шерстинки одной высоты, то на ростъ ихъ не одинаковой, такъ: отъ къверху дѣлаются тоньше, такъ, что въ верхушкѣ своей косица занимаетъ болѣе места чѣмъ у основанія. Изъ этого следуетъ, что равную толщину отъ основанія до верхушки, или форму цилиндра, могутъ имѣть только шерстинки тонкаго, занимающія въ основаніи, площадку, приблизительно, въ квадратную линію, и постепенно имѣть постепенно уменьшающуюся толщину и образованія отъ основания до конца. Такіе тонкіе пучочки на основаніи имеютъ

дъ къ отъ одного друга отъ друга расположеніи по всему руку, но тѣсно прилегла одна къ другому, образуя утолщенія въ изогнутыхъ, жеротныхъ, косицы болѣе заметныя, приходя въ поперечника до осмышки вершка и болѣе, смотря по тонкости шерсти.

Длина колець разнствуетъ соответственно длинѣ шерстинокъ. Обыкновенно, чѣмъ круче и болѣе сжаты между собою извилины шерстинокъ, тѣмъ колець короче, и чѣмъ изгибы кругле, отложе и болѣе растянуты, тѣмъ она длиннѣе. Первое образованіе болѣе принадлежитъ весьма упругой, круто-извилистой шерсти породы инфантадо; второе преимущественно присвоено правильно-извилистой, съ округленными дугами, шерсти саксонскихъ или электоральныхъ племенъ. Если же, по причинѣ необыкновеннаго распрямленія изгибовъ, шерсть очень длинна, и, теряя отъ такого устройства шерстинокъ свою упругость, слѣзается въ мягкую, тогда толкіе столбики или пучечки не имѣютъ достаточно силы держаться прямо, а по собственной тяжести немного осѣдаютъ, отчего косицы дѣлаются въ серединѣ толще, оставаясь къ обоимъ концамъ тонѣе, такъ, что принимаютъ выпуклую форму. Слѣдовательно, совершенно правильная, цилиндрическая форма косиць, равной толщины отъ основанія до верхушки, всегда означаетъ шерсть самую тонкую, которая, при соответственной тонинѣ колець, свойственна только самымъ высокимъ племенамъ меринсовъ электоральныхъ породъ.

По различному устройству шерстинокъ и тонкости ихъ, косицы оканчиваются болѣе или менѣе округленными, различной мѣры, плоскими, узкими, тонкими и даже заостренными верхушками, составляющими въ совокупности поверхность руна, которая отъ такого различнаго устройства концовъ косиць получаетъ весьма различный наружный видъ, свидѣтельствующій, приблизительно, о внутреннемъ устройствѣ колець а потому и о характерѣ и достоинствѣ самой шерсти. Вообще, концы колець, въ хорошо образованномъ руна, плотно сжаты между собою, такъ, что составляютъ одну, болѣе или менѣе связную, гладкую поверхность, которая, отъ прилипанія къ шерстинкамъ пыли, бле-

цветъ сверху темноватаго дѣла; съ отливомъ сѣроватаго или желтоватаго, смотря по качеству 'жису' обыкновеннаго шерстинки, по содержанию овецъ и даже по почвѣ страны. Вробле, руны овецъ породы инфантадо присвоить цветъ болѣе темный, который, у такъ называемаго племена Негретти, имѣетъ черноватый отливъ, между-тѣмъ какъ дѣлтъ руны саксонскихъ меринсовъ имѣетъ отливъ сѣрый или сѣро-желтоватый.

Чѣмъ болѣе сжаты между собою концы колець, тѣмъ поверхность руна менѣе проницаема для дождя, вѣтру, пыли и солнечныхъ лучей, и оттого такое руно означается названіемъ «замкнутого» или закрытаго, въ противоположность къ открытому, въ которомъ концы колець, на поверхности руна, видимо между собою раздѣляются, предоставляя пыли, сырости и солнечнымъ лучамъ свободный доступъ до внутренности руна. Замкнутое руно обыкновенно предполагаетъ тѣсное расположеніе колець внутри, и густое стояніе шерсти; однако жъ это бываетъ не всегда: именно, при порочномъ образованіи шерстинокъ, когда онѣ къ верху толще, руно можетъ быть коротко закрыто сверху, между-тѣмъ какъ внутренность его состоитъ изъ рядовато-расположенныхъ колець. Подобное образованіе руны встрѣчается нерѣдко. Въ такомъ случаѣ, концы колець на поверхности руна всегда образуютъ широкія, круговато-угловатыя, большія площадкі, отъ полу-вершка до цѣлага вершка въ поперечникѣ, раздѣляемыя между собою видимыми линіями, которыя называются *шовами*. Руно такого широко-косичнаго образованія, присвоеннаго породѣ инфантадо, очень гладко, ровно и хорошо защищаетъ находящуюся подъ замкнутою его поверхностью шерсть отъ дѣйствія всякихъ наружныхъ вредоносныхъ вліяній; но оно скрываетъ въ себѣ шерсть средней толщины, соединенную въ толстыя кольца; обыкновенно шерстинки такихъ руны къ концамъ тоньше, нежели при основаніи. Если же скатость поверхности руна есть слѣдствіе тѣснаго расположенія его косиць, зависающаго отъ густоты шерсти, тогда шерстинки, обыкновенно, одрѣны образованіемъ желобоватыхъ, съ правильными округленными дугами, и собраны въ толстыя пучочки, соединенно-

носа между собою, къ тонкія же диллиндрическія колечки, которыя на поверхности руна оканчиваются небольшоими, въ осмудку, вершика, округленными пучками, весьма сплюснутыми, тѣсно сжатыми между собою, отчего все руно получаетъ большое сходство съ видомъ кочия прѣтной капусты, и всегда означаетъ, что шерсть животнаго во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ къ высшимъ разбору и одарена всеми хорошими качествами. Такого образованія руно исключительно присвоено саксонской или алекторальной породѣ. Ближе къ этому образованію подходитъ руно съ сплуженными къ верху косицами, имѣющими тонкіе концы, которые, однако жъ, отнюдь не должны оканчиваться действительнымъ остриемъ. Это тонко-косичное руно присвоено шерсти длинныхъ разборовъ, но далеко не всегда соединено съ рѣзкимъ ея расположеніемъ. Напротивъ, почти всегда, при необыкновенной длинѣ, шерсть въ такомъ руно пронзается густо, но образуетъ, у основанія, косицы довольно толстыя, которыя, по мѣрѣ возвышенія своего, раздѣляются на несколько частей или концовъ. Тонко-косичное устройство руна означаетъ шерсть длинную, съ отлогими изгибами, но весьма тонкую и имѣющую правильно образованныя шерстинки. Остро-косичное руно, котораго косицы оканчиваются острыми, иногда зазатыми, всегда обнаруживаетъ порочное устройство шерстинки. Оно, обыкновенно, бываетъ складчатѣе неровной длины шерстинокъ, соединенныхъ въ пучки, или же происходитъ отъ того, что центральныя шерстинки толстыхъ косицъ торчатъ выше тѣхъ, которыя занимаетъ окружность, и высовываются надъ поверхностью руна. Такіе концы, выходящіе наружу изъ общей массы шерсти, отъ мѣдвѣ на нихъ вѣтру, пыли и солнечнаго зноя, лишаются своего жира, засыхаютъ, и оттого часто образуютъ твердые острия по всей поверхности руна, или закручиваются въ сухіе завитки. Будучи худо закрыто, такое руно плохо защищаетъ нижнія части шерсти отъ доступу пыли, вѣтру, мокроты и солнечныхъ лучей, которыхъ соединенное дѣйствіе такъ вредно для шерсти.

Самое худшее устройство руна есть жидкое, всегда открытое, неразлучно соединенное съ рѣзкимъ расположе-

ншемъ шерстинкахъ. Это руно, обыкновенно, составлено изъ шерсти самой тонкой, часто хорошо образованной, которая, однако жъ, будучи лишена всякой защиты, много терпитъ отъ вредоносныхъ наружныхъ влияній. Концы косиць жидкаго руна находятся въ разобщенномъ состояніи, и потому не составляютъ ровной, закрытой поверхности; а лишеныя взаимной подпоры, на бокахъ животного немного отвисаютъ; если же она очень коротка, то сохраняютъ отъясное направленіе, но во всякомъ случаѣ составляютъ поверхность неровную, разобщенную, особенно, когда косицы не цилиндрической, а плоской, скатой, формы.

Руна простыхъ породъ въ устройствѣ своемъ чрезвычайно разнятся отъ руна кровныхъ мериносовъ. Вѣнчобразная; толстая ихъ шерсть, вовсе лишена жесткихъ изгибовъ; произрастаетъ сплошь по всему тѣлу животного, не собираясь въ пучки, къ образованію которыхъ, гладкіе, направленные ихъ шерстинки не показываютъ никакой склонности; оттого и концы шерстинокъ у нихъ не соединяются въ одну связную поверхность, а торчатъ свободно. Шерсть простыхъ породъ почти вовсе лишена, свойственнаго мериносовымъ рунамъ, жиру. На квадратномъ дюймѣ шерсти, по исчисленію господина Петри, у лучшихъ простыхъ овецъ произрастаетъ около пяти тысячъ шерстинокъ. По мнрѣ облагороживанія простой породы посредствомъ кровныхъ барановъ, изменяется и образованіе шерстинокъ, на которыхъ, вмѣстѣ съ появляющимся жиромъ, оказываются изгибы, и въ тоже время начинается образованіе косиць. Изъ нихъ образуется, на шлѣнкахъ первыхъ поколѣній, руно, часто весьма неправильное, открытое, въ которомъ концы косиць едва показываютъ наклонность къ взаимному между-собою сдѣвленію; часто, однако жъ, и у первыхъ поколѣній шлѣнокъ руно бываетъ уже порядочно закрытое. По неправильному устройству шерстинокъ и ихъ неровности, направленіе ихъ бываетъ не совсемъ параллельное, отчего весьма толстыя косицы, обыкновенно, смышляются между собою, и оттого концы ихъ на поверхности руна представляютъ почти однообразную массу шерсти, раздѣленную швами на большія, неправильнаго очертанія, площадки, изъ

которыхъ, терять множество шерсти. Но если шерсть изъ этой породы сплюснута, облегодроживаема, сдвигается и прижимается, примакая шерсть съ тѣмъ благороднымъ качествомъ, хотя въ очень легкой степени, то приближалась къ чистому козачьей, такъ, что на квадратный дюймъ, по численности того же овцевода, приходило уже около семнадцати тысячъ шерстинъ, следовательно, слишкомъ въ три раза больше шерсти у простой овецъ.

Дальше, съ постепеннымъ приближеніемъ шлюмомъ къ величавой породе и приобретениемъ ими некоторой самостоятельности, устройство шерстинки дается болѣе однообразнымъ по всему руно: тонкостью и правильностью излобовъ, шерсть ихъ уже начинаетъ близко подходить къ верицосовой. Вместе съ тѣмъ въ направленіи шерстинокъ исчезаетъ прежняя неправоульность и все становится параллельное ихъ расположеніе между собою. Большіе, неправильнаго очертанія, пучки шерсти первыхъ поколѣній шлёнокъ уступаютъ мѣсто тонкимъ косицамъ, на которыхъ видны правильные зарубы, отъ основанія до концовъ. Тогда верхушки ихъ, вмѣсто прежнихъ широкихъ, неправильныхъ отдѣленій, образуютъ на поверхности руна небольшія, кругловатая площадки, которыя такъ между собою скаты, что составляютъ уже хорошо закрытую, непроницаемую поверхность, свойственную доброкачественному руно. Вместе съ утонченіемъ шерстинокъ, ихъ число, по словамъ господина Петри, увеличивается до двадцати семи тысячъ на квадратномъ дюймѣ, отчего руно сохраняетъ нужную для правильнаго своего образованія густоту.

Наконецъ, лучшаго качества руно кровнаго меринуса саксонской или электоральной породы, составленное изъ тончайшихъ шерстинокъ правильнаго образованія, съ округленными отлогими изгибами, собранныхъ въ числа отъ двухъ до трехъ тысячъ въ тонкіе, иногда нитеобразные, пучечки, которые соединяются между собою въ цилиндрическую тонкія косицы, съ тупыми, округленными, въсколькочко выпуклыми концами, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Первое. Поверхность руна, сирѣмалговатого, болѣе или менѣе темнаго, цвѣту, состоитъ изъ небольшихъ, кругло-

вдоль их расположения, образуются тупые и тонкие концы, различного поперечника, от «выпуклой» вершины, до тонкой булавочной головки; главная масса составляет боковые косицы, несущие на себя всю тяжесть шерсти; боковые косицы, которые образуются от сближения волос между собой, боковые концы. Вся видимая масса шерсти представляется плоскостями не совсем ровными, но очень выпуклыми; сближаясь между собою, они составляют одну сплошную поверхность, ровную, но не очень гладкую, а как-бы зернистую, оттого что каждый тонкий пучок шерсти, входящий в состав косицы, достигает с своею поверхностью руна, округливается особо, и образует своим округленным выпуклостью, выходящую как-бы шероховатость. Это же устройство косицы и дает поверхности руна вид скатанной массы цветной ватулы.

Чѣмъ меньше площадки, образуемыя на поверхности руна концами косицъ; чѣмъ яснѣе видно устройство какъ-бы зернистое, зависящее отъ тонины и правильнаго образования шерстяныхъ пучковъ и совершенно одинаковой ихъ длины; чѣмъ болѣе сжаты между собою косицы, — такъ руно означаетъ шерсть болѣе высшаго достоинства. Само-собой разумеется, что изъ поверхности руна не должны торчать одиночныя шерстинки или жесткія острія порочно образованныхъ косицъ, которыя иногда загнуты въ зыбки. Напротивъ, чѣмъ обширнѣе площадки косицъ, чѣмъ онѣ ровнѣе и глаже, и чѣмъ болѣе онѣ, такъ сказать, сливаются въ однообразную гладкую поверхность, на которой не выступаютъ тупыя, округленныя головки тоненькихъ пучковъ шерстинъ, тѣмъ ниже достоинство шерсти составившаго руно.

Второе. При давленіи на руно рукою, оно оказываетъ роль сопротивленія, которое не должно свидѣтельствовать ни о слишкомъ большой упругости ни объ излившей упругости косицъ. Давя этою опытною и прохватывая пальцами во внутренность руна, должно, при снятіи косицъ, захватить полную горсть шерсти.

Третье. При разрываніи руна обѣими руками, оно не разрывается на двѣ части многою тѣло, но исключается

спереди, а въ задней части, къ основанію, надрезаны и живы на
 одной части, которая, по всю длину раздѣлена, представляя,
 ровную, широкую, узкую полосу, совершенно чистую, безъ
 развѣсистой, никакихъ одиночныхъ шерстинкамъ и длинныхъ
 или лучевидныхъ. Разсматривая, на мѣстѣ раздѣленія руна,
 косица, должна имѣть форму цилиндрическую, до конца,
 отъ основанія до конца, и, прелегавъ, до вѣра, свою длину,
 одинаковой мѣры изогнутыя зарубы, означаютъ изгибы,
 шерстинокъ. Чѣмъ мельче и непримѣтны зарубы, тѣмъ
 шерсть тоньше, а извилины ея круглыя и отложе; чѣмъ зарубы
 грубыя и различныя по числу, тѣмъ шерсть толще
 и изгибы ея крупныя. Одинаковая мѣра всѣхъ зарубовъ отъ
 основанія до конца косицы, означаетъ правильное образо-
 ваніе изгибовъ и совершенно одинаковую ихъ мѣру, что мо-
 жетъ быть присвоено только тѣмъ шерстинамъ, которыя
 имѣютъ совершенно одинаковую топину по всей своей дли-
 нѣ. Чистота образуемой, при раздѣленіи руна, дорожки на
 кожѣ, свидѣтельствуетъ о правильномъ, параллельномъ рас-
 положеніи всѣхъ шерстинокъ, которыя не перебѣгаютъ
 съ одной косицы въ другую. Такое расположеніе предпо-
 лагаетъ правильное устройство изгибовъ, которые безъ
 принужденія ложатся одни въ другіе и производятъ между
 шерстинками сдѣленіе, необходимое для составленія ко-
 сицы. На толстыхъ косицахъ, къ основанію, означаются
 пучки, изъ которыхъ они составлены, и эти пучки
 простираются внизъ до самой кожи. Такое правиль-
 ное направленіе и устройство шерстинокъ, соединяющихся
 въ правильныя же косицы, означаетъ ихъ параллельность,
 чистоту устройства руна.

Четвертое. Пучки и косицы должны имѣть направле-
 ніе отвѣсное къ своему основанію, такъ, что на спинѣ жи-
 вотнаго должны торчать вверхъ, а на бокахъ и окорокахъ
 лежать всторону, плотно сжимаясь между собою и поддер-
 живая другъ друга. Если же расположеніе ихъ внутри руна
 негустое, рядкое, такъ, что при раскрытіи его представ-
 ляется на кожѣ полоса широкая, а снаружи оно закрыто, то
 это заставляетъ подозрѣвать, что шерстинки къ концамъ
 талстѣютъ. Косицы отвѣсныя, разбросанныя по бокамъ
 животнаго, показываютъ порочную жидкость руна; но ко-

сиды, суживающася въ концахъ, не составляютъ веревку, если это суживаніе происходитъ отъ плотнѣшаго сдѣланнаго шерстинкомъ при основаніи, а не отъ веревочной ея длины; и если высота съ тѣмъ въ стикъ концовъ не оканчивается жесткости и твердости, или скручиванія и узловатости шерстинокъ. Въ рунѣ такого устройства, составленнаго изъ самой тонкой шерсти, господинъ Петра насчитываетъ до сорока осми тысячъ шерстинокъ на каждомъ квадратномъ дюймѣ.

БАРОНЪ БЕДОРЪ УНГЕРЪ ИТЕРЕНСКОЕ.

=

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

X.

Хорошія качества шерсти.

Какъ главная цѣль тонкоруннаго овцеводства состоитъ въ произведеніи шерсти лучшаго качества, при возможно большемъ ея количествѣ, то само собою разумѣется, что надлежащее познаніе ея достоинствъ составляетъ основаніе этой промышленности. Только при полномъ понятіи о всѣхъ хорошихъ и дурныхъ качествахъ шерсти, овцеводъ способенъ дать надлежащее, сообразное съ своими видами, направление овчарствъ и доставить торговлѣ цѣнный товаръ; годный для выдѣлыванія тканей высшаго достоинства. Съ хорошимъ зрѣніемъ и тонкимъ чувствомъ осязанія въ пальцахъ, не трудно достигнуть, при тщательномъ, постоянномъ, упражненіи, нѣкоторой легкости и навыка въ оцѣннѣ всѣхъ качествъ шерсти: качества эти раздѣляются на зависящія отъ формы шерстинокъ, и на тѣ, которыя основаны на ихъ сущности, то есть, составѣ ихъ ткани. Начнемъ съ первыхъ.

Разное изъ всѣхъ хорошихъ качествъ шерсти, обыкновенно соединяющее въ себѣ всѣ остальные, есть ея тонкость, определяемая поперечникомъ шерстинки. Чѣмъ меньше поперечникъ, тѣмъ шерстинка тоньше; чѣмъ онъ больше, тѣмъ шерстинка грубѣе и толще. Въ послѣднемъ случаѣ, достаточно простаго взгляду, чтобы отличить шер-

сти больше толстыя отъ шерстей нѣсколько менѣе толстыхъ, но при тонкихъ шерстяхъ, гдѣ различія зависятъ отъ тысячныхъ долей линій, дѣло это сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями, которыя заставили овцеводовъ придумать различныя способы, облегчающіе зрѣніе.

Одинъ изъ простѣйшихъ и лучшихъ способовъ, назначенный для опредѣленія тонны шерсти, состоитъ въ разсмотрѣніи нѣсколькихъ, на удачу взятыхъ, шерстинокъ, поставленныхъ противъ какого-либо чернаго или темнаго предмета. Для этого, на разныхъ частяхъ руна овцы, срѣзывается ножницами по клочку шерсти, съ тою предосторожностью, чтобы не растянуть ее; потомъ изъ каждаго клочка бережно выбираютъ по нѣскольку шерстинокъ и кладутъ ихъ въ тонкую пропускную бумагу, освобождающую ихъ, при легкомъ сжиманіи, отъ облегающаго жира. Однако жъ, должно наблюдать, чтобы, во время этихъ приготовленій, шерстинки отнюдь не растягивались и не теряли присвоеннаго имъ образованія, потому что растянутая шерстинка можетъ казаться тонѣе чѣмъ действительно есть, и, кромѣ того, если она лишится своихъ изгибовъ, то встрѣтятся нѣкоторыя затрудненія въ опредѣленіи прочихъ ея достоинствъ и даже самой тонны. Очищенные такимъ образомъ отъ жира, шерстинки раскладываются на черной, не лоснящейся бумагѣ, или, лучше, на сузивъ чернаго цвѣту, и приводятся въ такое положеніе, чтобы свѣтъ на нихъ падалъ не прямо противъ глаза разсматривающаго, а сбоку или сзади его. Такимъ образомъ, при хорошихъ зрѣніи, можно различить самыя ничтожныя различія въ тоннѣ между разсматриваемыми шерстинками, и посредствомъ упражненія достигнуть такой вѣрности въ глазомерѣ, которая не уступитъ никакому инструменту, какъ это ежедневно встрѣчается у овцеводовъ и сортировщиковъ шерсти.

Другой способъ, тоже весьма употребительный; для приблизительнаго опредѣленія тонкости шерсти, состоитъ въ томъ, что известное число шерстинокъ, напримеръ, двадцать пять, взятыхъ изъ такой шерсти, которой тонна положительно известна, скручиваютъ въ нитку, и слѣдятъ съ ниткою же, скрученною изъ равнаго числа шерстей

испытанной шерсти. Разница въ толщинѣ обложки ниткой, болѣе замѣтная для слабаго или необычнаго глаза, указываетъ степень тонкости шерсти, подвергнутой испытанію.

Однако жъ оцѣнка тонины шерсти посредствомъ опредѣленія поперечника тонкой шерстинки глазомѣромъ, достаточна только для овцевода, торговца и фабриканта; но для науки способъ этотъ не довольно положителенъ. Дѣйствительно, зрѣніе наше, само по себѣ уже весьма измѣнчивое, бываетъ болѣе или менѣе остро по степени яркости свѣту, и потому самый опытный глазъ можетъ обмануться, особенно, если цвѣтъ шерсти очень блѣдъ и сильно лоснится; сверхъ-того, посредствомъ зрѣнія опредѣляются размеры шерсти болѣе сравнительно; опредѣлительнаго же масштаба, вѣрнаго во всѣхъ случаяхъ и могущаго служить для сличенія различной тонины шерстицъ въ отдаленныхъ между собою овчарняхъ, зрѣніе доставить не можетъ, и потому оно останется всегда только относительно хорошимъ средствомъ, не удовлетворяющимъ требованіямъ науки. Чтобы помочь этому обстоятельству, придуманы разные способы, посредствомъ которыхъ положительно опредѣляется толщина шерсти и поперечникъ шерстинки означается дробными раздѣленіями принятаго масштаба, или же опредѣляютъ ея тонину по числу изгибовъ, находящихся на известной ея протяженіи.

Этотъ послѣдній способъ, основывающійся на числѣ дугобразныхъ изгибанъ, которыя занимаютъ известную длину шерстинки, по достаточной своей точности и положительности, для обыкновенныхъ случаевъ остается удовлетворительнымъ, особенно если нельзя имѣть вѣрныхъ инструментовъ хорошаго устройства. Мериносовая шерсть всегда извилиста, и даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда виденъ подходитъ къ прямой шерсти, она всё-таки сохраняетъ изгибы, хотя и весьма растянутые; словомъ, эти малія извилины, вовсе не существующія въ рунахъ простыхъ овецъ, составляютъ исключительную и необходимую принадлежность мериносовой шерсти, которая безъ нихъ и не бываетъ. По тонкости и качеству шерсти, форма ея изгибовъ бываетъ значительно различна; то составляютъ они

правильныя полукружія, которыхъ высота совершенно равна поперечнику размеру основанія; то изгибы эти болѣе сжаты у основанія, такъ, что вышнія лежащія дугъ превосходятъ половину ихъ ширины, и даже иногда равняется всему размеру основанія, отчего и принимаетъ фигуру эллипса; то она очень растянута, на подобіе отлогихъ изгибовъ французской буквы S; наконецъ, встречается шершавая шерсть съ изгибами неправильнаго очертанія, которые, на одной и той же шерстинкѣ, бывають различной величины и виду, округленные, большіе, малые, угловатые, заломленные подъ разными углами, и въ иныхъ точкахъ какъ-будто заворачивающіеся назадъ. Вообще, чѣмъ мягче шерсть тѣмъ изгибы ея болѣе округлены и растянуты; чѣмъ болѣе она упруга и жестка, тѣмъ изгибы уже, менѣе округлены, угловатые и расположены болѣе сжато. Шерсть наилучшей, средней, степени мягкости и упругости имѣетъ изгибы, въ видѣ полукружія, которыхъ высота равняется полу-поперечнику основанія; чѣмъ эти изгибы правильнѣе образованы, тѣмъ шерсть лучше, а чѣмъ болѣе форма ихъ удаляется отъ этого очертанія, тѣмъ шерсть понижается въ достоинствѣ, потому что, при угловатости и суживаніи изгибовъ, становится жесткою, а при ихъ растяженіи слишкомъ мягкою и не довольно упругою. Правильные изгибы ровной мѣры, подходящіе наиблизе къ очертанію правильныхъ полукружія, составляютъ преимущественно общую принадлежность шелковистой шерсти саксонскихъ или электоральныхъ меринсовъ, тогда какъ высокія дуги и неправильные, угловатые, изгибы, принадлежатъ весьма упругимъ, болѣе жесткимъ разборамъ шерсти породы инсангадо. Очень растянутые изгибы шерсти образуются на рукахъ овецъ пасущихся на сырыхъ, низменныхъ мѣстностяхъ, при обильномъ, водянистомъ кормѣ, и составляютъ признакъ переходу къ совершенному разращенію извиванія, свойственному длинношерстнаго породы.

Впрочемъ, должно замѣтить, что основываясь на однихъ счетъ изгибовъ можно ошибиться въ опредѣленіи толщины шерстинки, съ одной стороны потому, что если изгибы имѣють форму эллипса сжатого въ основаніи, и вследствие

точечные узлы, то на известномъ протяженіи шерстинки, въ вѣдѣннѣи больше, чѣмъ правильно округленныя, что часто встрѣчается у самыхъ простыхъ, весьма упругихъ, средняго достоинства разборовъ; съ другой стороны, если шерсть, отъ вліянія мѣстности и способу содержанія овецъ, теряетъ среднюю свою упругость и дѣлается мягкою, какъ-бы вялою, то изгибы ея расправляются, и, следовательно, число ихъ убавляется, и потому шерстинка будетъ казаться толще, хотябы дѣйствительно была тонше другой, упругой, круто или узко-извилистой. Изъ этого само по себѣ явствуетъ, что по числу изгибовъ можно съ приближенительною точностію опредѣлить тонину шерсти только тогда, когда эти изгибы имѣютъ возможно правильную форму полукруглій, или по-крайней-мѣрѣ близко подходить къ ней, потому что математическая точность, въ этомъ отношеніи, въ природѣ не существуетъ.

Дуги, обыкновенно, сосчитываются на одной шерстинкѣ, которой длину свѣриваютъ или всю, или некоторое известное ея протяженіе. Удобнѣе, однако жъ, производится счетъ на цѣлькѣ косицахъ, на которыхъ изгибы шерстинокъ, обыкновенно, означаются гораздо явственнѣе. Для этого бережно вырываютъ ножницами косицу, съ тою предосторожностію, чтобы отнюдь ее не растянуть, и, удостоверившись въ правильномъ образованіи и округленной формѣ изгибовъ, циркулемъ отсѣриваютъ произвольную часть, и сосчитываютъ находящіяся на ней «зарубы.» Какъ эти зарубы въ высокыхъ разборахъ шерсти очень мелки, то для облегченія зрѣнія можно употребить увеличительное стекло, которое ясно показываешь едва видимыя простымъ глазомъ изгибы тончайшихъ шерстей. Еще легче производится счетъ изгибамъ на особенно устроенномъ масштабѣ, раздѣленномъ на четверти линій; на этомъ инструментѣ располагаютъ косицу или шерстинку, и пригоняютъ ея изгибы къ раздѣленіямъ масштаба, если они придутся по нимъ, или составляютъ извилины на известномъ протяженіи, что весьма облегчается мелкими дѣленіями инструмента.

Если же шерсть, подлежащая разсмотрѣнію, имѣетъ дуги сматыя у основанія и высокія, то надобно поступать слѣдующимъ образомъ. Должно свѣрить косицу циркулемъ и

сочитать ся изгибъ; потомъ, на косицъ другой шерсти, такой же длины, съ правильными, округленными изгибами, слѣдуетъ также опредѣлить число дугъ. После того должно растягивать обѣ косицы до тѣхъ поръ пока изгибы ихъ совершенно не расправятся: тогда, та изъ нихъ будетъ тоньше, которая окажется короче, потому что дуги той, которая растянется длиннѣе, должны быть уже въ основаніи, и, слѣдовательно, означаютъ шерсть весьма упругую и всегда болѣе толстую.

Механики тоже придумали множество инструментовъ для измѣренія поперечника шерстинокъ. Иные изъ нихъ разрешаютъ эту задачу посредствомъ щипчиковъ, захватывающихъ одну шерстинку, и устроенныхъ такимъ образомъ, что соединенный съ ними механизмъ означаетъ на масштабъ расширеніе щипчиковъ, или, что всѣравно, діаметръ захваченнаго ими волоса, въ известномъ увеличенномъ размѣрѣ; иные щипчики устроены такъ, что захватываютъ и измѣряютъ по сотнѣ шерстинокъ разомъ. Однако жъ оба эти способа не вѣрны, потому что отъ давленія щипцовъ, поперечникъ шерстинокъ всегда болѣе или меньше уменьшается, смотря по болѣе или менѣе мягкой шерсти, подвергаемыхъ измѣренію. Въ инструментахъ этого рода, шерсть, одаренная болѣею упругостью, всегда покажется толще шерсти очень мягкихъ разборовъ, удобно уступающихъ самому легкому давленію щипчиковъ, и оттого-то этимъ инструментамъ предпочитаютъ тѣ, которые, посредствомъ стеколъ показываютъ шерстинку въ увеличенномъ видѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ особаго своего устройства, отмѣчаютъ поперечникъ шерстинки на приложенномъ масштабѣ. Изъ такихъ изобрѣтателей, которыхъ имѣется нѣсколько, лучшій и общепринятый есть «эирометръ», или «волосомѣръ» братьевъ Долмондъ, лондонскихъ механиковъ, опредѣляющій тонкость шерсти, увеличенную въ пятьдесятъ разъ, десяти-тысячными частями англійскаго дюйма, которыхъ семь равны четыремъ вершкамъ нашей меры. Эирометръ этотъ, немного сложный въ своемъ устройствѣ, по вѣрности вообще принятъ въ основаніе при опредѣленіяхъ тонины шерстинокъ, по которой шерсть раздѣляется на слѣдующіе классы:

I классъ; Электра № 1.

1 степень $\frac{4}{10'000}$
 2 степень $\frac{9}{20'000}$
 3 степень $\frac{17}{10'000}$

англійскаго
дюйма.

II классъ; Электра № 2.

1 степень $\frac{11}{20'000}$
 2 степень $\frac{9}{10'000}$
 3 степень $\frac{15}{20'000}$

англійскаго
дюйма.

III классъ; Электра № 3.

1 степень $\frac{7}{10'000}$
 2 степень $\frac{15}{20'000}$
 3 степень $\frac{9}{10'000}$

англійскаго
дюйма.

IV классъ; Дрима.

1 степень $\frac{17}{20'000}$
 2 степень $\frac{9}{10'000}$
 3 степень $\frac{19}{20'000}$

англійскаго
дюйма.

V классъ; Секунда.

1 степень $\frac{10}{10'000}$
 2 степень $\frac{21}{20'000}$
 3 степень $\frac{11}{10'000}$

англійскаго
дюйма.

VI классъ; Терція.

1 степень $\frac{23}{20'000}$
 2 степень $\frac{19}{10'000}$
 3 степень $\frac{23}{20'000}$

англійскаго
дюйма.

VII классъ; Квартя.

1 степень $\frac{15}{10'000}$
 2 степень $\frac{27}{20'000}$
 3 степень $\frac{16}{10'000}$

англійскаго дюйма.

Если инструментъ хорошо сдѣланъ и въ исправности, то опредѣленія его доставляютъ вѣрныя данныя для одѣнки тонкости шерсти, и посредствомъ его, овцеводы стали наконецъ понимать другъ друга съ удовлетворительною ясностью. Конечно, для обыкновеннаго сортированія шерсти на овцахъ, и шерсти стриженной, измѣренія инструментами слишкомъ копотки, и потому лучшимъ и единственнымъ мѣрителемъ для ежедневнаго употребленія, безспорно, остается глазъ, который, однако жъ, необходимо иногда поправлять посредствомъ эйрометра.

Къ этимъ же семи классамъ, окончательно основаннымъ на опредѣленіи инструментомъ, приспособлено и опредѣленіе тонкости шерсти посредствомъ числа изгибовъ на шерстинкахъ. Такъ, по исчисленію опытнаго въ овцеводствѣ знатока, Блока, на протяженіи одного англійскаго дюйма приходится:

- на электу № 1 отъ 28 до 36 изгибовъ.
- на электу № 2 отъ 25 до 27
- на электу № 3 отъ 22 до 24
- на прямую отъ 19 до 21
- на секунду отъ 16 до 18
- на терцію отъ 13 до 15
- на кварту отъ 10 до 12.

Повторяю, что способъ этотъ опредѣлить тонину шерсти по числу изгибовъ на шерстинкѣ, вообще весьма употребительный, можетъ быть вѣренъ только тогда, когда изгибы правильнаго, круговиднаго, очертанія, и; следовательно, способъ этотъ можетъ быть употребляемъ только при сортированіи лучшихъ разборовъ, саксонской или электоральной, шерсти; но для шерсти породы инфантадо, вообще болѣе упругой и жесткой, не годится, потому что, по существу устройства ея шерстинъ, не можетъ доставить даже приблизительно вѣрнаго вывода.

Ровная тонина всей шерстинки, отъ основанія до конца, можетъ быть присвоена каждой шерсти, длинной и короткой, тонкой и толстой; однако жъ качество это встрѣчается только у самыхъ высокихъ разборовъ электоральной шерсти, и потому всегда свидѣтельствуетъ о высокой степени благородства производящихъ ее животныхъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что математическая точность въ равномерности поперечника шерстинки, на всѣхъ точкахъ ея протяженія, въ природѣ не существуетъ, или встрѣчается только какъ изъятіе, и потому, говоря о равномерной тонинѣ шерстинки во всю ея длину, всегда подразумѣвается приближительная точность въ этомъ уровненіи, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ шерстямъ электоральной породы; въ шерстяхъ породы инфантадо качество это встрѣчается рѣдко, только какъ изъятіе, потому что вообще шерстинки ея къ концамъ толще; въ смѣшанныхъ породахъ, уровненіе тонкости шерстинокъ оказывается вмѣстѣ съ постепеннымъ ихъ улучшеніемъ и приближеніемъ къ качествамъ электоральныхъ мериносовъ.

Кромѣ вліянія породы и степени благородства, дѣйствуютъ на измѣненіе уровненія шерстинъ, у лучшихъ даже породъ, возрастъ животныхъ, стрижка, и условія, присвоенныя мѣстности. Въ ягнчей шерсти уровненія тонкости, на всѣхъ точкахъ протяженія шерстинъ, быть не можетъ, потому что онъ въ этомъ возрастѣ, до первой стрижки, оканчиваются закрытымъ остриемъ, придающимъ шерстинкамъ видъ конуса. Въ другихъ возрастахъ овецъ, дундо трубочки, послѣ стрижки, открываются свободному вліянію воздуха, свѣту, сырости и разныхъ степеней теплоты, отчего

верхняя часть ихъ, обыкновенно, немного раздувается; вследствие того изгибы дѣлаются больше и на известномъ протяженіи помѣстится ихъ меньшее число, чѣмъ въ нижней части шерстинки. Изъ этого видно, какъ важно предохраненіе шерсти, тотчасъ послѣ стрижки, и вообще втеченіи всего времени ея росту; отъ вліянія дождя, жаровъ, холоду и вѣтровъ. Только при надлежащихъ предосторожностяхъ со стороны овцевода, шерсть его стада можетъ сохранить, приблизительно, такую же тонину у своихъ концовъ, каковую имѣетъ близъ основанія; и чѣмъ эта равномерность ближе подходитъ къ математической точности, тѣмъ яснѣе свидѣтельствуетъ о высшемъ достоинствѣ самаго руна.

Для прочности и цвѣту шерстяныхъ издѣлій, важно чтобы шерстинки были совершенно круглыя, и представляли вездѣ форму цилиндра. Качество это присвоено обыкновенно самымъ разборамъ шерсти, тонкимъ и толстымъ, и развѣ только очень рѣдко въ ней не встрѣчается. Оно важно потому что, во опытамъ, однѣ круглыя шерстинки прядутся хорошо и, крѣпко сцепляясь между собою, образуютъ нить ровную и круглую, которая имѣетъ надлежащую крѣпость и способность ровнѣе и прочнѣе держать краску. Совершенная круглота шерстинки познается отчасти катаніемъ ея между пальцевъ, при чемъ угловатости или неровности обнаруживаются осязаніемъ, отчасти же посредствомъ переломленія на ея поверхности солнечныхъ лучей, такъ, что когда возьмете шерстинку за оба конца, и, растянувъ ее до распрямленія изгибовъ, станете вертѣть противъ свѣту, то, если она совершенно кругла, вамъ будетъ казаться будто она во все не двигается на своей оси, или, по-крайней-мѣрѣ, поперечникъ ея, во время оборотовъ, вездѣ останется одинаковымъ; между-тѣмъ какъ обороты плоскаго или угловатаго волоска, явно будутъ обнаруживаться непрерывными измѣненіями въ поперечникъ и различнымъ лоскомъ при каждомъ коловратномъ движеніи шерстинки около своей оси.

Лучшая, сообразнѣйшая, длина шерсти определяется надѣлками, для которыхъ она требуется, и потому общая мѣра длины хорошей шерсти назначена быть не можетъ. Въ отпавленіи длины, шерсть разделяютъ на *каретную*, обра-

ботываемую для прядения кардами, и на длинную, или арбелю, которая чешется гребнями прежде прядения. Гребенная шерсть должна быть не короче двухъ вершковъ; она достигаетъ этой мѣры на рунахъ длинношерстныхъ мериносовъ высокаго разбору, а у англійскихъ длинношерстныхъ породъ бываетъ и гораздо длиннѣе, — вершковъ до семи и даже до осьми, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается гораздо толще. Шерсть эта употребляется только для гладкихъ тканей, безъ ворсы, потому что, по длинному протяженію шерстинокъ, даетъ гладкую нить и гладкую ткань, надъ поверхностью которой торчатъ только весьма малое число концовъ. Для суконъ нужна шерсть короткая, одаренная извилинами, которыми, при обработываніи на кардахъ, шерстинки сдѣляются между собою, и, скручиваясь при пряденіи, даютъ и нить и ткань ворсистыя; такого роду ткань, отъ упругости шерстинъ, при валаніи сжимается и приобретаетъ бѣльшую крѣпость, несмотря на то, что шерстины при этомъ дѣйствіи разрываются, такъ, что на поверхности сукна выставляется, въ видѣ ворсы, безчисленное множество концовъ разорванныхъ шерстинъ. По этой причинѣ для выдѣльванія суконъ нужна шерсть короткая, невилыстая, какова мериносовая; но есть однако же некоторая средняя мѣра и для шерсти употребляемой на сукна, которой необходимо держаться для того чтобы выпрадываемая нить была крѣпка и всё-таки ворсиста. При этомъ случается представляется также необходимость согласить выгоды овцевода, который, при производствѣ очень короткой шерсти, былъ бы въ убыткѣ, и принять во вниманіе необходимость фабриканта имѣть для выдѣльванія суконъ шерсть не длинную; вслѣдствіе этого, средняя мѣра шерсти для суконъ, опредѣлена отъ пяти до девяти осьмихъ вершка, или очень мало болѣе, полагая состояніе шерсти въ ея естественномъ, не растянutomъ видѣ, какъ находится на овцахъ; въ растянutomъ же, или лучше сказать въ расправленномъ, состояніи, шерсть можетъ имѣть до полутора вершка, но длиннѣе этой мѣры быть не должна. Шерсть такой длины годна для бѣльшей части хорошихъ валенокъ и шапокъ. Двухъ-вершковая, и болѣе длинная, шерсть принадлежитъ уже къ гребеннымъ разборамъ и преимущественно обраба-

дятся для гладких, но валеныхъ, тканей. Но этому, для овцовода выгоднее всего производить шерсть, которая въ естественномъ, навлажномъ, не растянутомъ состояніи, имѣетъ въ длину около вершка, и, следовательно, соединяетъ въ себя удобную для производителя мариу и пригодна на выдѣлку всякаго роду валеныхъ тканей. Означенная длина шерсти присвоена электоральной породѣ болѣе чѣмъ породѣ инфантадо, которой короткая шерсть не превышаетъ, среднюю мариу, трехъ четвертей вершка.

Уравненіе шерсти, о важности котораго мы уже нѣсколько случаевъ говорить прежде, занимаетъ и здѣсь мѣсто не менѣе значительное. Это уравненіе шерстинокъ можно узнать посредствомъ тщательнаго разсматриванія руна во многихъ мѣстахъ, и посредствомъ сличенія между собою косицъ, какъ въ длину, такъ устройствъ и тонкости. Если шерстинки имѣютъ изгибы приблизительно одинаковаго устройства и по всей своей длинѣ свободно ложатся одна къ другой, составляя такимъ образомъ ровныя, цилиндрическія, пучки или косицы, то онѣ одинаковой тонны и образованія. Если шерстинки одинаковой длины, то образуемая ими косица, простирается вверхъ въ параллельномъ между собою направленіи, оканчиваются на поверхности руна тупыми, округленными, площадками; такъ, что по одной уже поверхности руна можно сдѣлать основательное заключеніе объ уравненіи шерсти овцы: чѣмъ образуемая концами косицъ площадка, при нѣкоторой выпуклости, правильнѣе округлена, чѣмъ онѣ меньше, равнѣе поперечникомъ и протяженіемъ, тѣмъ шерсть ровненнѣе на всѣхъ частяхъ тѣла, и тѣмъ животное высшаго достоинства. Противуположныя признаки показываютъ, съ перваго взгляду, противныя качества руна и, следовательно, низшую породу самаго животного. При смѣшеніи между собою шерстинокъ различной тонкости и устройства, устройство косицъ не можетъ имѣть надлежащей правильности, потому что однѣ только шерстинки одинаковой тонны и образованія, простираются въ параллельномъ другъ къ другу направленіи, будутъ складываться между собою въ правильныя пучки; тогда какъ тѣ, которыя толще; растянуты въ изгибахъ и длиннѣе, не укладываются въ косицы: съ первыми, а разрастаются по разнымъ направ-

ленинъ, и потому пробьгають поперегъ косиць по всему руноу, высовываясь въ большиё или меньшиё чюла на его поверхности. При раскрытїи такого руна, не окажется на днѣ его чютой, уздой, волосы кожи, какъ всегда бывають при параллельномъ направлеиіи шерстинокъ однообразнѣ устройства и правильномъ образованїи косиць, но пелоса эта будетъ переставяема во многихъ мѣстахъ разбросанными по разнымъ направленїямъ шерстинками и пучечками. Если впустить въ такое руно все пальцы и прочесать его, то это неправильное расположенїе шерстинокъ слышно ославиенїемъ. Животныя съ такимъ руномъ, свидѣтельствующимъ о недостаточномъ устройствѣ клетчатой племы и дурномъ достоянствѣ породы, даютъ плохое потомство, и потому не годны къ употребленїю на племя.

Все остальные хорошия качества шерсти зависятъ больше отъ свойства животной ткани, изъ которой составлены ствѣнки шерстинокъ, и въ противоположность формѣ, различаемой глазами, могутъ быть названы «динамическими» качествами шерсти. Конечно, раздѣленїе это не совсемъ правильно, потому что все качества шерсти, какого бы роду и названїа она ни были, всё-таки зависятъ прямо отъ качества ствѣнокъ шерстинокъ, составляющихъ основу и причину той или другой изъ формъ, равно какъ и причину крѣпости, слабости, жесткости, мягкости и другихъ, динамическихъ, свойствъ шерсти. По этой причинѣ, все качества шерсти могли бы быть разсматриваемы въ совокупности, безъ раздѣленїа ихъ на разряды, которые на самомъ дѣлѣ не существуютъ, а суть вымыселъ нашей ученой братьи овцеводовъ. Но какъ раздѣленїе это въ овцеводномъ мїрѣ уже принято и считается необходимымъ для лучаго объясненїа дѣла, хотя само по себе очень простаго, то и мы будемъ продолжать исчисленїе остальныхъ качествъ шерсти по общепринятому порядку.

Изъ всехъ качествъ, зависящихъ отъ ткани ствѣнокъ шерстинокъ, главнѣйшее в самое необходимое есть крѣпость или прочность шерсти, потому что безъ этого свойства, ткани изъ нея выдѣлываемыя, будутъ не прочны. Какъ крѣпость шерсти зависитъ отъ сильнѣйшаго соединенїа или сдѣланїа между собою частей, составляющихъ ствѣнку шерстинокъ, то она обнаруживается тою вязкостью или тою со-

противодействию, которое шерсть оказывает при насильственномъ ея разрываніи. Это качество, сравнительно, познается, если одну шерстинку, или лучше, пучочекъ шерсти, просто или скрутивъ въ нитку, придерживая за одинъ конецъ, растягивать за другой до тѣхъ поръ пока пучочекъ разорвется; сопротивленіе, оказываемое при этомъ нитками разныхъ шерстей, обнаружить сравнительную ихъ прочность. Упражненіемъ можно приобрести и въ этомъ дѣлѣ способность съ большою точностью определять, нужную для надѣій, прочность шерсти, подобно тому какъ зрѣніемъ различаются положительныя степени ея тонкости и различныя измѣненія въ образованіи шерстинокъ. Но чтобы определить въ математическою точностью степень крепости шерсти, то необходимо прибѣгнуть къ тѣмъ способамъ, которыми физика опредѣляетъ степень сдѣленія различныхъ тѣлъ. Для такихъ опытовъ берутъ определенное число шерстинокъ, известной толщины, и взявъ ихъ, или скрутивъ въ нитку, однимъ концомъ ущемляютъ въ неподвижно утвержденныя шпичкакъ или тисочнахъ, а къ другому, тоже придерживаемому свободно-висящими крошечными тисками, которыхъ вѣсъ известенъ, привѣшиваютъ исползовавъ столько тяжести, сколько нужно для совершеннаго разорванія пучка. Различіе между тяжестями, употребленными на это разорваніе, покажетъ различную степень крепости испытываемыхъ шерстей, и съ математическою точностью, независимо отъ случайныхъ измѣненій нашего чувства, покажетъ намъ относительную прочность.

Естественно, что, вообще, толстая шерстинка оказываетъ болѣе крепости, нежели тонкая, если испытывать ихъ поодиночкѣ; но если принять въ соображеніе поперечники шерстинокъ, то тонкая шерсть, обыкновенно, сравнительно-крепче, и потому было бы не справедливо предпологать, будто прочность шерстинки уменьшается въ прямомъ содержаніи утонченія шерстинокъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляду. Если, напримеръ, шерстинка, имѣющая въ поперечникѣ двадцать градусовъ, или десяти-тысячныхъ долей англійскаго дюйма, по эйрометру Доллонда, разорвется отъ тяжести четырехъ золотниковъ, то шерстинка пяти градусовъ въ діаметрѣ, которая, следовательно, въ че-

тыре раза тоньше вервой, не разорвется от тяжести одного золотника, что бы должно было послужить при равномерномъ уменьшеніи крѣпости относительно въ уменьшенію толщины, но выдержитъ тяжесть въ полтора и даже до двухъ золотниковъ. Сравнительно большая крѣпость тонкой шерсти противъ толстой, особенно очевидна въ ниткахъ, потому что изъ двухъ нитей одинаковой толщины, равномерно скрученныхъ, та, которая сдѣлана изъ тонкой шерсти, будетъ въ несколько разъ крѣпче другой, скрученной изъ толстой. Разность въ крѣпости не только оказывается по болѣе или менѣе значительному поперечнику шерстиннокъ, но и шерсти, одинаковой по-видимому толщины, часто обнаруживаютъ весьма различныя степени прочности. Свойство быть крѣпкою, хотя особенно необходимо длиннымъ шерстямъ, употребляемымъ для производства гладкихъ и валеныхъ тканей, но равно нужно и для шерсти употребляемыхъ на выдѣлку суконъ; такъ, что вообще можно принять за правило, что чѣмъ крѣпче шерсть, при вышней толщинѣ шерстиннокъ и другихъ хорошихъ своихъ качествахъ, тѣмъ она выше достоинствомъ и пригоднее для всѣхъ изъ нея дѣлаемыхъ издѣлій.

Крѣпость шерсти должна, однако жъ, быть соединена съ тягучестью или растяжимостью, то есть, съ способностью, не разрываясь, дѣлаться длиннее, если будетъ растягиваема. Въ напрягаемомъ пучкѣ шерсти, сначала расправятся всѣ изгибы шерстинъ, такъ, что изъ извилистыхъ, волнистыхъ, онѣ сдѣлаются прямыми; при этомъ распрямленіи длина шерстиннокъ, смотря по формѣ изгибовъ, окруженныхъ или высокихъ и сжатыхъ, прибавится на четверть и даже до цѣлой трети противъ той длины, которую шерстинна имѣла въ естественномъ, извилистомъ, состояніи. Однако жъ эта способность шерсти расправляться, или дѣлаться изъ извилистой прямою, не называется еще тягучестью. Если распрямленную такимъ образомъ шерсть, приведенную въ свойственную ей прямую длину, растянуть еще больше, то она рвется не тотчасъ, а растягивается еще немного больше, и эта-то способность растянуться сверхъ той мѣры, которая ей присвоена послѣ совершеннаго распрямленія всѣхъ ея изгибовъ, называется

«растяжимостью» или «тягучестью» шерсти. Прибавление длины шерстинки при таком растягиваніи, послѣ совершеннаго распрямленія, бываетъ различно, смотря по ббльшей или мѣньшей ихъ мягкости; рѣдко, однако жъ, шерсть приобретаетъ растягиваніемъ больше одной четверти противъ естественной своей длины. Вообще, чѣмъ она больше жестка, и чѣмъ круче загнуты ея изгибы, тѣмъ она мѣтче тлуча; и наоборотъ, чѣмъ она мягче и чѣмъ круглѣе ея изгибы, тѣмъ она больше растягивается не разрываясь. Изъ этого видно, что и это свойство, почитаемое весьма важнымъ въ фабрикаціи, преимущественно присвоено мягкой саксонской шерсти, и не часто встрѣчается въ рунахъ породы инфантадо. Важность этого качества для фабрикаціи состоитъ въ томъ, что шерсть, насильственно растягиваемая, по мѣрѣ прибавленія длины дѣлается тонше на столько своей мѣры, такъ, что если въ естественномъ видѣ имѣетъ поперечникъ въ восемь градусовъ по Доллондову эйрометру, то, съ прибавленіемъ лишней четвертой части прежней своей длины отъ растягиванія, будетъ уже имѣть въ диаметръ только шесть градусовъ. Какъ при обработываніи, особенно при пряденіи и тканьи, шерсть растягивается, и, следовательно, дѣлается тоньше, то та, которая одарена тягучестью, не только даетъ нить болѣе длинную, но и ткань болѣе тонкую, чѣмъ другая шерсть, одинаковой тонины, но не имѣющая равной степени тягучести. Для опредѣленія съ математическою точностью степени тягучести каждой шерсти, изобрѣтенъ особый инструментъ, называемый, «динамометромъ», въ которомъ шерстинка, или пучочекъ изъ опредѣленнаго числа шерстинокъ, натянутый, до совершеннаго распрямленія изгибовъ, двумя тискамп, въ видѣ струны, невольнаго растягивается посредствомъ оборотовъ винта, соединеннаго съ особымъ механизмомъ, который каждый оборотъ винта означаетъ извѣстнымъ числомъ градусовъ на прямомъ масштабѣ или на раздѣленномъ на линіи полукруга. Снарядъ этотъ, конечно, не нуженъ ни овцеводу ни фабриканту для обыкновеннаго употребленія, но для науки имѣетъ свою цѣну.

Одно изъ важнѣйшихъ качествъ короткихъ, извилистыхъ, шерстей, употребляемыхъ на выдѣлку суконъ, составляетъ

«упругость», по той причине, что отъ нея зависитъ «эластичность» сукошныхъ издѣлій. Упругость, какъ известно, болѣе или менѣе присвоена всемъ тѣламъ, оставляя на нѣбѣ ихъ самосохранительную силу, посредствомъ которой они противудѣйствуютъ силамъ, стремящимся къ разрушенію присвоенныхъ имъ формъ. Если посторонняя кака-либо сила измѣняетъ эти формы, сжимая тѣло въ меньшій объемъ или растягивая его сверхъ свойственной ему мѣры, то оно, посредствомъ присвоеннаго ему внутренняго качества, называемаго упругостью, по прекращеніи дѣйствія посторонней силы, стремится принять прежнюю свою форму: раздвигается, если было сжато; стягивается, если было растянато.

Степень упругости шерсти узнается еще прежде чѣмъ руно будетъ сострижено съ животнаго, и узнается по виду изгибовъ шерстинъ: чѣмъ болѣе эти изгибы сжаты, и составляютъ высокія, въ основаніи узкія, дуги, или же неровныя, угловатыя, извилины, тѣмъ болѣе шерсть имѣетъ упругости; чѣмъ изгибы шерстинокъ болѣе растянуты или расправлены и, следовательно, чѣмъ прямѣе шерсть, тѣмъ упругость ея менѣе значительна. Среднюю, лучшую для производства шерстяныхъ издѣлій, степень упругости оказываетъ шерсть съ ровными, округленными, изгибами, которыхъ вышина равняется полу-поперечнику основанія, какъ у овецъ саксонской или электоральной породы, которыхъ шерсть и одарена оттого среднею степенью упругости. Если такое руно, еще на тѣлѣ овцы, придавить рукою, то оно обнаруживаетъ степень своей упругости, оказывая рукѣ болѣе или менѣе сопротивленія или уступчивости, отъ которыхъ зависитъ и скорость, съ какою сжатыя, сверху внизъ, косицы приподнимаются по удаленіи руки и приходятъ въ прежнее свое положеніе. Чѣмъ шерсть тоньше и длиннѣе, тѣмъ она окажетъ менѣе упругости; чѣмъ она толще и короче, тѣмъ съ болѣею скоростью вновь приподнимется до прежняго уровня. Такимъ же образомъ снятое съ овцы руно или клочекъ шерсти, сжимаемые въ рукѣ, по степени упругости своей болѣе или менѣе скоро раздадутся и займутъ прежній объемъ, когда давленіе прекратится.

Упругость шерсти не уничтожается при самомъ насиль-

ственною ея растягиваніи и даже разорваніи; напротивъ, въ такомъ случаѣ упругость ея еще увеличивается, и этимъ, то объясняется, почему и какимъ образомъ шерстяныя ткани отъ валянія дѣлаются гораздо плотнѣе. Именно, если шерстинку, изъ длинныхъ разборовъ, разорвать пополамъ, то упругость ея, отъ природы ничтожная, до того усиливается, что въ шерстинѣ, первоначально прямой, около обонхъ разорванныхъ концовъ окажутся изгибы, болѣе или менѣе крутые, смотря по степени плотности ея состава; когда шерстинка извилистая, сама по себѣ уже упругая, то изгибы около концовъ разрыва тѣснѣе сжимаются, и дуги ихъ становятся выше, такъ, что кажется, будто они числомъ увеличались. Если же извилистая шерсть имѣетъ при этомъ образованіи крутые, сжатые у основанія, изгибы, и, следовательно, принадлежитъ къ разборамъ очень упругимъ, то разорванные концы шерстинокъ, особенно если разорваніе ихъ производилось съ некоторою скоростью, иногда свдвигаются спирально, и верхушки ихъ загибаются назадъ, такъ, что на разорванныхъ концахъ образуются какъ-бы головки или узлы. Это свойство шерстинокъ объясняетъ зависящую отъ него валяемость шерстяныхъ тканей.

Къ необходимымъ качествамъ извилистой, или годной на сукна, шерсти, принадлежитъ ея «валяемость», или способность шерстинъ соединиться между собою въ войлокъ, которая обнаруживается и въ шерстяныхъ тканяхъ, при такъ называемомъ валяніи и смачиваніи водою. Качество это, какъ уже сказано, есть прямое слѣдствіе упругости шерсти, и всегда обнаруживается тѣмъ въ значительнѣйшей степени, чѣмъ сильнѣе упругость шерстинъ. Поэтому, некоторые еще до сихъ поръ не безъ основанія почитаютъ оба качества, упругость и валяемость, за одно и то же свойство шерсти, приписывая, какъ то такъ и другое, одинаковой формѣ изгибовъ, на которыхъ оба эти качества обнаруживаются, всегдѣ въ одинаковѣйшей степени. Употребляемые при валяніи теплая вода и мыло, освобождаютъ шерсть отъ разматывающаго ее жиру, возвышаютъ ея упругость, и потому способствуютъ плотнѣйшему сваливанію шерстинъ или сжиманію и сцепленію ихъ между собою. Подобнымъ же образомъ усиливается упругость и валяемость шерсти отъ одного смач-

чаванія сукна водою, которая; проникая въ составъ шерстины, расширяетъ ихъ и заставляетъ тѣсье стягиваться. Чѣмъ прямѣ шерстинки, тѣмъ меньше имѣютъ способности валаться; чѣмъ круче ихъ изгибы, тѣмъ она упруже, и прище сжимаются при валаніи; средняя, сообразнѣйшая степень валемости, принадлежитъ шерсти съ округленными, низкими, изгибами, которая сваливается весьма равномерно, и потому приготовляемая изъ нея ткани принимаютъ гибкость, мягкость и плотность.

Далѣе, отъ хорошей шерсти требуется, чтобы шерстины имѣли надлежащую степень гибкости. Свойство это, понятное уже изъ самаго его названія, состоитъ въ томъ, чтобы шерстины легко сгибались во всѣ стороны отъ каждаго, малѣйшаго, давленія. Гибкость шерстины необходима для выдѣлыванія прочныхъ шерстяныхъ тканей, потому что, имѣя это качество; шерстины во время пряденія плотнѣе одна съ другою свиваются и составляютъ нить болѣе крѣпкую, чѣмъ та, которая выпрядается изъ шерсти жесткой, затѣмъ что жесткія шерстины, во время скручиванія, не могутъ ложиться такъ плотно одна на другую и потому нить изъ нихъ выйдетъ не столь крѣпкая. Обыкновенно, гибкость шерсти бываетъ въ прямомъ отношеніи съ ея тонкостью. Однако жъ, этотъ законъ также не безъ исключенія, и случается, что шерсть, менѣе тонкая, гибче другой, болѣе тонкой. Изъ этого слѣдуетъ, что основную причину качества гибкости должно искать въ различной плотности состава стѣнь шерстинокъ; вообще, однако жъ, овцеводы полагаютъ, что гибкость главнѣйше зависитъ не столько отъ состава, сколько отъ толщины стѣнь трубочки, такъ, что при равной плотности состава стѣнь, болѣе глубокою будетъ та шерстинка, которой стѣньки тоньше.

Болѣе или менѣе значительная гибкость шерстинки легко познается, если ее взять между пальцами, такъ, чтобы конецъ, съ полъ вершка длины, свободно торчалъ въ воздухъ, и потомъ дышать на нее; тогда, чѣмъ болѣе шерстинка согнется отъ легкаго дуновенія, тѣмъ она гибче. Въ случаяхъ, въ которыхъ требуется точнѣйшее определеніе степени этого качества, испытываютъ оба конца шерстинки; поочередно, или перекидывая ее пальцами на серединѣ. Въ коси-

на можно узнать гибкость шерстинки, если ее концами тереть по лицу, какъ иглою, при чемъ ощущается большая или меньшая способность шерстинки изгибаться. При сильственномъ разрываніи концы гибкой шерстинки сдвигаются съ удивительною скоростью, между-тѣмъ какъ менее гибкія сжимаются медленно, а концы жесткихъ шерстинъ, послѣ разрыва, иногда остаются въ совершенно прямомъ положеніи, не сдвигаясь вовсе. Шерстинка, которой изгибы расправлены растагиваніемъ, тѣмъ медленно сжимается и приходитъ въ прежнее свое положеніе, тѣмъ она гибче, и тѣмъ скорѣе стигается въ прежнюю форму, чѣмъ она тверже. Увѣряютъ также, что изъ некотораго числа шерстинокъ, расположенныхъ свободно на столѣ, натертымъ сургучемъ, скорѣе притягиваются болѣе гибкія, чѣмъ жесткія; это, вѣроятно, зависитъ отъ ихъ легкости.

Въ рунахъ, находящихся на тѣхъ животныхъ, можно судить о степени гибкости шерсти по совротивленію, оказываемому ею при давленіи: чѣмъ шерстяная гибче, тѣмъ долѣе останутся въ рунахъ ямки, или углубленія, отъ давленія; а чѣмъ она менѣе гибка, тѣмъ скорѣе вдавленные места приподнимутся до общаго уровня. Въ стриженномъ рунахъ опредѣляютъ степень гибкости шерсти по легкости, съ которою весь шерстинки приходятъ въ движеніе, если разложенное на столѣ руно, снятое въ цѣлости, тянуть за одинъ конецъ: чѣмъ съ болѣею скоростью производимое такимъ образомъ движеніе сообщается всему шерстинкамъ руна, даже самымъ отдаленнымъ, тѣмъ шерсть имѣетъ болѣе гибкости, и на оборотъ. Изъ этого видно, что свойство это весьма важно для пряденія, особенно на машинахъ, потому что одна только гибкая шерсть будетъ тянуться въ непрерывную нить, и гораздо рѣже будетъ разрываться чѣмъ шерсть жесткая.

Съ гибкостью шерсти, означающею однообразіи, изгибы, мягкій составъ шерстинокъ и тонкость ихъ стѣны, неразлучно связана мягкость ея на осязъ. Некоторые опыты доказываютъ, что мягкость шерсти зависитъ отъ образования шерстинъ, именно такъ, что чѣмъ правильнѣе и круглѣе ихъ изгибы, тѣмъ и шерсть мягче на осязаніе, а нечлѣнныя неправильныя и угловатыя, тѣмъ она жестче на

ощущ. Не надо забывать, что различныя степени мягкости, действительно, соответствуют различныя формы выгибовъ шерстинъ, и потому, не только осязаніемъ, но и зрѣніемъ, безошибочно можно определять ея мягкость, по величинѣ и правильной округленности извилинъ; но изъ того не слѣдуетъ, чтобы мягкость и мягкость шерсти на ощупь зависѣли отъ формы выгибовъ, а, напротивъ, оба эти качества суть слѣдствіе самаго состава шерстинъ. Мягкость шерстинъ на ощупь особенно зависитъ отъ гладкости или шероховатости, мягкости и количества увлажняющаго ихъ жиру, и въ хорошей шерсти мягкость должна соответствовать впечатленію, производимому на осязаніе шелкомъ. Такая шелковитая мягкость предполагаетъ мягкій, гибкій, мягкий составъ шерстинъ, обнаруживающійся всегда правильными, низкими, округленными и весьма мелкими дугами выгибовъ. Чѣмъ составъ шерстинокъ тверже, тѣмъ дуги выгибовъ выше, неправильнѣе, угловатыя, и тѣмъ шерсть меньше мягка на осязаніе. Изъ этого видно, что составъ шерстинокъ, дающій форму извилинъ, определяетъ и мягкость шерсти, и потому естественно, что чѣмъ мельче, округленнее, ниже и правильнѣе образованы дуги выгибовъ, тѣмъ шерсть бываетъ мягче. Какъ это образованіе присвоено только лучшимъ разборамъ саксонской шерсти, то она-то именно въ особенности и отличается этимъ качествомъ въ высокой степени, между-тѣмъ какъ шерсть шлепокъ и шерсть породы вистадо далеко не подходитъ къ ней мягкостью.

Хорошей шерсти присвоенъ также особенный, хотя не яркий, лоскъ, который составляетъ важное качество, потому что отъ него зависитъ чистота и яркость красокъ и лоскъ шерстяныхъ издѣлій. Лоскъ шерсти обнаруживается при раскрытіи руны, когда солнечный свѣтъ падаетъ на косяцы, особымъ, болѣе или менѣе бѣлымъ, какъ-бы жемчужнымъ или серебристымъ, отблескомъ, который, однако жъ, не зависитъ отъ облекающаго шерстинки жиру, но особенно проявляется тогда, когда шерсть совершенно освобождена отъ него, что доказывается образцами, сохраненными некоторое время въ тонкой, мягкой бумагѣ. Особенно видно лоскъ такой шерсти, если одну или нѣсколько

очиненныхъ отъ жиру шерстинокъ вертять между пальцами противъ свѣту; тогда, тѣ изъ нихъ, которыя одарены чистотой, ровнымъ лоскомъ, оказываютъ жемчужный блескъ и представляются просвѣчивающимися. Полагаютъ, что лоскъ шерсти зависитъ особенно отъ гладкости поверхности шерстинъ, при совершенной ихъ круглости и уровненіи поперечника. Какаѣ бы ни была ея причина, но лоскъ присвоенъ только шерсти животныхъ здоровыхъ и хорошо содержанныхъ; шерсть же больныхъ, или пострадавшихъ отъ дурнаго содержанія, овецъ, не имѣетъ этого жемчужнаго лоску, а принимаетъ мутно-бѣлый или почти молочный цвѣтъ безъ лоску. Мутность эта сохраняется и при крашеи такой шерсти; именно, свѣтлыя краски на ней выходятъ не ярко, а выдѣланныя изъ нея, даже темныя, сукна, при самой тщательной, искусной отдѣлкѣ, лоску не принимаютъ. Чистый, жемчужный, лоскъ шерсти важнѣе всего для бѣлыхъ шерстяныхъ тканей, которымъ никакое бѣленіе сыроку не можетъ придать лоснящейся бѣлизны, если она не природна шерсти.

Цвѣтъ шерсти въ сыромъ, не мытомъ, ея состояніи, на овцахъ, бываетъ различный, смотря по цвѣту жиру или поту, облекающаго шерстинки, и переходитъ отъ бѣлаго до темно-желтаго. Изъ разныхъ этихъ оттѣнковъ, пріятнѣйшую наружность придаетъ шерсти чистый, бѣлый жиръ, отъ котораго она получаетъ яркій, лоснящійся, бѣлый цвѣтъ. Нѣкоторые овцеводы, и въ томъ числѣ господинъ Петри, полагаютъ, что бѣлый жиръ есть всегдашняя, неизмѣнная, принадлежность шерсти высшихъ разборовъ, и что одна только шерсть, оvlажаемая такимъ жиромъ, способна принимать самую яркія, свѣтлыя, краски: они сравниваютъ такую шерсть съ бѣлымъ шелкомъ, который въ этомъ отношеніи предпочитается желтому. Мнѣніе это, однако жъ, не совсѣмъ справедливо, потому что желтизна шелку не зависитъ отъ смываемаго жиру, а отъ самаго состава шелковицы; да и кромѣ-того, часто, шерсти съ желтоватымъ жиромъ бываютъ качествомъ лучше тѣхъ, которыя покрыты бѣлымъ. Какъ шерсть, при обработываніи, очищается отъ жиру, то, естественно, должно смотреть не столько на ея цвѣтъ, какъ на легкость, съ какою онъ смывается, и на

цвѣтъ и лоскъ очищенныхъ шерстянъ. Въ этомъ отношеніи оказывается, что бѣлый жиръ часто смывается не такъ легко, какъ желтоватый, и что по этой причинѣ шерсть, одаренная въ сыромъ состояніи чистымъ, бѣлымъ, цвѣтомъ, послѣ мытья принимаетъ мутную, меньше приятную бѣлизну, чѣмъ овлажасмая желтоватымъ потомъ. Трудно-смываемый бѣлый жиръ особенно встрѣчается на лучшихъ животныя породы инфантадо. Затрудненіе смыть его происходитъ отъ того, что онъ смолистаго состава, и потому не совсемъ распускается въ холодной водѣ. Такого качества жиръ позволяетъ и безъ мытья, если клочекъ сырой шерсти сжать между пальцами и послѣ того медленно ихъ раздвинуть: шерсть, налитанная смолистымъ жиромъ, прилипаетъ къ пальцамъ и отрывается отъ нихъ только при значительномъ раздвиганіи ихъ между собою. Бѣлый жиръ саксонскихъ рунъ, даже при весьма тепломъ содержаніи и самокъ роскошномъ кормѣ животныя, никогда смолистаго качества не принимаетъ, и потому всегда легко распускается въ холодной водѣ.

Свѣтло-желтоватый жиръ не есть особая принадлежность шерсти электоральной породы, хотя онъ и свойственъ большей части животныя, преимущественно высшаго разбору, саксонскихъ стадъ, но составляетъ произведеніе особыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ они находятся. Бѣлый жиръ подучаетъ желтоватый отливъ отъ постоянного содержанія мериносовъ въ теплыхъ, душныхъ, худо освѣщенныхъ овчарняхъ, при весьма сытномъ зимнемъ кормѣ. Желтоватому жиру свойственна особая мягкость и растворимость въ водѣ, отчего одаренная имъ шерсть замѣтно легко моется и дѣлается послѣ мытья очень бѣлою; поэтому свойству, онъ не только не составляетъ пороку, какъ иногда полагаютъ, но даже нѣкоторое преимущество шерсти, хотя она, въ немытомъ состояніи, и лучше на видъ, когда жиръ бѣлаго цвѣту. Вѣроятно, большая растворимость желтоватого жиру, находится въ прямой связи съ его химическимъ составомъ, въ которомъ находится значительное количество аммиачныхъ и щелочныхъ частицъ, сильно развивающихся въ очень теплыхъ овчарняхъ. При холодномъ, менее роскошномъ содержаніи, жиръ шерсти остается бѣлымъ, но,

меньше измѣняясь химически, онъ гораздо болѣе сохраняетъ свое сальное свойство, и потому смывается труднѣе.

Темнаго или красно-желтаго цвѣту жиръ, обыкновенно, смолистъ, и потому тяжело отмывается въ холодной водѣ; онъ встрѣчается только у породы инфантадо, у которой садятся сальными кусочками или крупинками вдоль шерстиннокъ. Но случается, что жиръ лучшихъ электоральныхъ породъ тоже принимаетъ красноватый цвѣтъ, не будучи однако жъ смолистъ; такая шерсть называется «ржавою». Измѣненіе это обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда овцы содержатся въ каменныхъ, изъ голыша построенныхъ, овчарняхъ, которыя такъ потѣютъ, что мокрота течетъ по стѣнамъ, и притомъ, когда теплота въ этихъ сырыхъ строенияхъ чрезмѣрно высока, а овцы въ очень морозные зимніе дни часто выпускаются на холодный воздухъ, и сверхъ того получаютъ слишкомъ обильный кормъ. Отъ соединеннаго вліянія этихъ обстоятельствъ, жиръ можетъ принять даже кирпичный и буроватый цвѣтъ, и придать шерсти такой дурной видъ, что невозможно будетъ, до мытья, и опредѣлить ея достоинства. Случается даже, что при такомъ содержаніи, вмѣстѣ съ измѣненіемъ цвѣту жиру, концы шерсти высыхаютъ, и шерсть подбрюшная и окорочная, утрачиваетъ параллельность росту, сбивается въ родъ войлока.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что бѣлый, не смолистый, жиръ, и особенно свѣтло-желтоватый, свойственный большей части лучшихъ саксонскихъ стадъ, составляютъ лучшаго качества потъ, и присвоены хорошей шерсти; но бѣлье ли онъ, или немного желтѣе, а главное дѣло состоитъ, однако жъ, въ томъ, чтобы онъ не былъ смолистъ и былъ болѣе мыльнаго качества, легко смывался въ холодной водѣ; оставляя шерстинки совершенно бѣлыми, просвѣтляющіяся, засиявшія чистымъ жемчужнымъ отблескомъ.

Наконецъ, одно изъ важныхъ, хорошихъ, качествъ шерстяной шерсти есть ея легкость, которая преимущественно свойственна тончайшимъ разборамъ. Вообще, чѣмъ тоньше шерсть, тѣмъ она легче. Качество это цѣнится не только потому что приготовляемая изъ легкой шерсти ткань, при равной крѣпости, относительно чрезвычайно легка, но, кромѣ того, въ известномъ количествѣ по всю, въ легкой

шерсти находится, сравнительно, большее число шерстянокъ чѣмъ въ грубыхъ тяжелыхъ шерстяхъ, и потому изъ нея выходитъ, сравнительно, длиннѣйшая нить. Возьмемъ, напримеръ, пряденую шерсть, употребляемую для вышиванія. Въ фунтѣ лучшей, пряденой, торговой шерсти, цѣною въ осьмнадцать рублей, нить почти въ полтора раза длиннѣе нити низкихъ сортовъ, и притомъ гораздо толще, а следовательно и гораздо спорѣе въ шитьѣ. По этой причинѣ легкія шерсти справедливо цѣнятся, сравнительно, гораздо выше, чѣмъ тяжелыя, и овца, дающая въсомъ въ половину меньше, но тонкой, шерсти, доставляетъ овцеводу въ три и четыре раза больше выгодъ, чѣмъ овца покрытая грубымъ, тяжеловѣснымъ руномъ.

Изъ этого разсмотрѣнія хорошихъ качествъ шерсти видно, что нить ни одного изъ нихъ, которое не было бы преимущественно присвоено самымъ тонкимъ разбрамъ; и оттого-то овцеводы, а особенно фабриканты, почитаютъ тонкость шерсти главнымъ ея качествомъ, соединяющимъ къ себѣ всѣ прочія хорошія свойства, требуемая отъ товару лучшей доброты. Дѣйствительно, самымъ тонкимъ шерстямъ исключительно присвоены и всѣ другія лучшія качества. Кроме-того, тончайшія руна всегда свободны отъ такъ называемыхъ «длинныхъ» волосъ, и рѣже другія оказываютъ наклонность къ морочнымъ измѣненіямъ. Требуется, однако жъ, чтобы толщина шерсти была естественная, присвоенная ей при совершенно здоровомъ состояніи животныя и хорошемъ кормѣ, а не происходила бы отъ истуренія овецъ вслѣдствіе плохаго корму или болѣзненнаго состоянія: въ этихъ обоихъ случаяхъ шерсть, конечно, слѣдуютъ тоньше, но вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ свою крепость, упругость, мягкость и лоскъ. Кроме-того еще нужно, чтобы такая шерсть росла въ хорошо закрытомъ рунѣ, защищающемъ ее отъ вреднаго вліянія мокроты, пыли и вѣтру. Если она снята съ здоровыхъ, хорошо содержанныхъ, чистотныхъ, и пронзростала въ густомъ, хорошо закрытомъ, рунѣ, то обыкновенно соединяетъ въ себѣ всѣ хорошія качества, въ степени тѣмъ болѣе, чѣмъ она тонше, и потому одна степень тонкости, болѣею частью, достаточно для опредѣленія достоинства шерсти во всѣхъ отношеніяхъ.

Совокупность всѣхъ качествъ шерсти составляетъ ея «характеръ», названіе, которымъ, однако жъ, въ особенности означаютъ различную форму, присвоенную шерстинкамъ. Если принять въ соображеніе, что изгибы правильные, мелкіе, одинаковой мѣры отъ основанія шерстинки до ея верхушки, округленные, знаменуютъ ея тонину, урвненіе, мягкость, отъ которой зависятъ всѣ прочія качества шерсти, то форма шерстинъ, дѣйствительно, можетъ служить выраженіемъ ея характера или совокупности всѣхъ ея качествъ, тѣмъ вѣрнѣе, что изгибы ея всегда переменяютъ свою форму и величину, вмѣстѣ съ различными измѣненіями въ составъ шерстинокъ и ихъ урвненіи. Французскіе овцеводы и фабриканты означаютъ характеръ шерсти выраженіемъ «натура шерсти», которое также хорошо соответствуетъ подразумеваемому понятію.

Характеръ шерсти, различный до безконечности, какъ и ея качества, зависитъ главнѣйше отъ породы животныхъ, выражаясь въ различныхъ племенахъ, смотря по чистотѣ ихъ крови и благородству, а въ смѣшанныхъ породахъ по степени достигнутаго облагороживанія, разнообразнымъ устройствомъ шерстинокъ; но не менѣе того имѣютъ вліяніе на развитіе характера шерсти, кормъ, пастбища и содержаніе овецъ. Поэтому онъ можетъ или дѣлаться хуже или улучшаться, смотря по обстоятельствамъ, въ которыхъ находится стадо, и по мѣрамъ, принимаемымъ хозяиномъ. Впрочемъ, характеръ шерсти можетъ быть весьма разнообразный, и съ тѣмъ вмѣстѣ почитаться хорошимъ, въ отношеніи къ тому употребленію, для котораго она назначается; такъ, напримѣръ, быть шерсть короткая или длинная, а въ своемъ родѣ всё-таки можетъ имѣть хорошій характеръ. Но, изъ двухъ родовъ шерстей, съ виду одинаковыхъ, одной, настоящей жериносовой электоральной, а другой облагороженной или произведенной породою инфантадо, первая, конечно, будетъ лучшаго характера.

Вообще называютъ характеръ шерсти хорошимъ, если она, по образованію шерстинокъ, ихъ соединенію въ пучочки и косицы, и по длинѣ своей способна для выдѣлыванія множества различныхъ хорошихъ тканей. Если же образованіе шерсти такое, что она годна только для выдѣлыванія

небольшаго числа тканей, особенно малоцѣнныхъ, тогда характеръ ея дурной. Къ такимъ шерстямъ принадлежатъ тѣ, которыхъ шерстинки, хотя бы и весьма тонкія, одарены изгибами неправильными, угловатыми, слишкомъ растянутыми, короткими, или слишкомъ сѣуженными, винтообразно загнутыми, и тѣ, которыя склонны къ скручиванію, узловатости испутанному направленію въ ростѣ; и наконецъ руна не уравниныя, состояція изъ смѣшенія разнокачественныхъ шерстинъ. Всѣ эти отклоненія отъ хорошаго образованія происходятъ отъ порочнаго измѣненія состава шерстинокъ, и потому всегда соединены съ разными недостатками въ прочихъ качествахъ шерсти.

Кромѣ хорошаго и дурнаго характеровъ, шерсть имѣетъ характеръ «особый», если она преимущественно оказывается способною для выдѣлыванія нѣкоторыхъ тканей, а для другихъ вовсе не годна. Такова, на примѣръ, меринсовая шерсть съ весьма расправленными, едва замѣтными, изгибами, длинная и одаренная особенною близкою и ложкомъ, которая, однако жъ, не можетъ быть причисляема собственно къ длиннымъ разборамъ. Она особенно годна а для выдѣлыванія многихъ, гладкихъ, цѣнныхъ тканей, и составляетъ переходъ отъ кудрявыхъ къ длиннымъ шерстямъ. Мы уже сказали, что такая шерсть происхожденіемъ своимъ болѣе обязана вліянію наружныхъ условій, чѣмъ породѣ, и потому можетъ быть искусственно присвоена каждому племени тонкуранныхъ овецъ.

По поверхности руна, образуемой концами косицъ, можно сдѣлать заключеніе о характерѣ шерсти, тѣсно соединенномъ съ образованіемъ или формою и длиною самыхъ шерстинъ. Исправленіе дурнаго характера, или измѣненіе хорошаго, сообразно видамъ овцевода, основаннымъ на требованіяхъ промышленности, само по себѣ понятно изъ разсмотрѣнія условій, соблюдаемыхъ при облагораживанія прѣстныхъ породъ и сохраненія въ чистотѣ кровныхъ.

БАРОНЪ Ф. В. УНГЕРНЪ-ШТЕРНБЕРГЪ;

V.

КРИТИКА.

БИОГРАФИИ РОССИЙСКИХЪ ГЕНЕРАЛЪ И СЕНЬЮСОВЪ И ГЕНЕРАЛЪ-ОКЛАДНИКОВЪ, составлены Бантышъ-Каменскимъ. Санкт-петербургъ, 1840. Четыре части. Съ сорока осемью литографированными портретами.

Судьба всѣмъ управляеть, даме и князю. Этой, замечательной, прекрасной книги, видно, не суждено было, чтобы мы скорее познакомились съ теми, которые не могли сами сделать ей первого визита. Охотнее она, въ ожиданіи этого великаго дня, и продолжаете сидеть-поръ на нашемъ столѣ. Каждый мѣсяць надѣялась она, что вотъ уже наступила ея очередь, что вотъ теперь представитъ она передъ надменными читателями, которые не благоволятъ взглянуть къ ней прежде, чѣмъ она будетъ формально имъ представлена, и каждый мѣсяць сердце ея трепетало; но ярувал, больше счастливая, смѣленная иирира всегда похищала, у ней, возжадевший случай. Надебно думать, что эти оборотъ осемь ли-

T. XLVI. — Отд. V.

тографированныхъ портретовъ принесли ей несчастье: въ-самомъ-дѣлѣ, въ нихъ есть что-то не совсѣмъ привлекательное!... Даже и въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ чуть-чуть не подверглась она снова непріятности видѣть себя обойденною, въ пользу образцоваго «Описанія Финляндской войны», новаго творенія генерала Михайловскаго-Данилевскаго; но старшинство — великое дѣло. Старшинство должно быть уважено даже и между книгами.

Рѣшено! «Биографіи російскихъ генералиссимусовъ и фельдмаршаловъ», съ портретовъ осенію литографированными портретами идутъ прежде. Мы проводимъ читателей въ эту портретную галерею русскихъ полководцевъ, въ этотъ пантеонъ военной славы дорогаго отечества, въ эту Валгаллу витязей, проливавшихъ кровь за землю, на которой вы живете. Не взыщите: пантеонъ снаружи не великолѣпенъ, архитектура его очень не пышна, входъ не завидный, и самая даже внутренность освѣщена тусклою. Портреты.... какъ бы сказать вамъ?.... портреты.... ну, да вы страстные охотники до художественныхъ древностей!.... эти портреты.... мы должны предвартить васъ по обязанности усерднаго и исправнаго чичероне.... писаны очень давно, во времена глубокой древности, еще до Чингиса, а литографированы они ровно за полтора года до рожденія Золотого Фелдера, который изобрѣлъ литографію. Всмотритесь однако жъ въ уютныя лица ерота осени мужей, слава въ бранѣ и въ советѣ, и изображение перенесетъ васъ въ колыбели могучаго царства русскаго, золотатаго Петромъ Великимъ и его достойными Преемниками. Мы, съ каталогомъ въ рукахъ, проведемъ васъ по этимъ палатамъ, указывая на всѣ достопримѣчательности музея: наше дѣло рассказывать. Что будетъ на новое, то пробудитъ въ васъ воспоминаніе, что новое, за то скажете спасибо и основателю пантеона и чичероне. Во всякомъ случаѣ, останетесь довольными: воспоминаніе былого

всегда составляется одна из лучших и величайших во-
ловья.

Вотъ первое отдѣленіе, въ которомъ шесть кар-
тинъ, изображающихъ жизнь и подвиги болѣе или
менѣе знаменитыхъ полководцевъ шести царствованій,
начиная отъ Петра Великаго, который впервые ввелъ
въ Россіи достоинство генералиссимуса, вмѣсто «дво-
роваго воеводы», и фельдмаршала, вмѣсто «главнаго
воеводы большаго полка». Генералиссимусовъ было у
насъ три, Меньшиковъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люне-
бургскій, и Суворовъ. Ближній стольникъ и начальникъ
тайной канцеляріи, князь Федоръ Юрьевичъ Ромоданов-
скій, хотя и носилъ титулъ «генералиссимуса» еще въ
исходѣ семнадцатаго столѣтія, однако жъ только во
время забавъ юнаго Петра; Ромодановскій именовался
также «княземъ кесаремъ» и «его величествомъ». Ге-
нераль-фельдмаршаловъ, по настоящее время, втеченіи
ста тридцати девяти лѣтъ, было сорокъ восемь, не счи-
тая двухъ фельдмаршаловъ-лейтенантовъ.

Портретъ первый. Статный мужчина, съ черными
усами. Это первый русскій генераль-фельдмаршалъ,
графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ. Онъ прославилъ
свое болѣе на дипломатическомъ поприщѣ, нежели
на военномъ. Годъ рожденія его не извѣстенъ. Царь
Алексій Михайловичъ на смертномъ одрѣ завидѣвъ
ему, — вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, Прохоровскимъ и
Головкинымъ, — «хранить юнаго царевича Петра око-
зницу ока»: доказательство, что Головинъ былъ уже
тогда лѣтъ возмужалыхъ. Заботясь о вѣрномъ оубъ
драгоценномъ залогѣ; Головинъ посоветовалъ Петру
укрыться въ Троицкомъ Монастырѣ, когда митенные
стрѣльцы покушались лишить его жизни и вѣстла.
Черезъ три года жемъ Головинъ воевалъ въ степ-
ныхъ въ околышчѣе и намѣстникъ Бранска, назначенъ
великимъ и полномочнымъ посломъ для заключенія

широкаго договора съ Китаицами, въ 1685 году. Тогда первымъ великожею въ Россіи былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, любимецъ Софін. Онъ управлялъ вмѣстѣ съ нею кормиломъ государства и, пользуясь слабостію Іоанна и малолѣтствомъ Петра, удалилъ Головина, котораго не терпѣлъ за привязанность къ Петру, за умъ и приобретенное отъ народа уваженіе. Великій посолъ выѣхалъ изъ Москвы, двадцать-шестаго января 1686, на пятидесяти подводкахъ, въ сопровожденіи двухъ товарищей и пяти сотъ шести московскихъ стрѣльцовъ, съ ихъ начальниками. Въ Сибири къ нимъ присоединилось еще тысяча четыреста гарнизонныхъ солдатъ. Двадцать-четвертаго марта онъ прибылъ въ Тобольскъ, откуда, съ солдатами и пушками, отправился на судахъ въ Рыбный Острогъ; тамъ провелъ всю зиму въ землянкахъ и шалашахъ, потомъ съ великимъ трудомъ продолжалъ плаваніе внизъ по рѣкѣ Тунгускѣ, къ Братскому Острогу, наконецъ, опять на подводкахъ, доѣхалъ до Иркутска. Вслѣдъ затѣмъ онъ построилъ деревянную крѣпость Удинскъ, оборонялъ, съ малыми силами, Селенгинскъ отъ неоднократныхъ нападеній монгольскихъ князей и, желая наказати илликовъ за опустошенія окрестностей Албазина, воследъ за ними раздѣломъ идъ съ Калмыками, выступилъ въ половинѣ сентября, изъ Удинска, встрѣтился, въ двухъ стахъ верстахъ отъ этого острога, съ табунутскими тайшами; разбилъ ихъ наголову, захватилъ множество пшеничныхъ и рогатаго скота; привелъ, въ октябрѣ, въ русское подданство одного табунутскаго тайшу; шесть зайсанговъ, тридцать шулецкѣ и тысячу дѣтти юрты; обложилъ ихъ ясакъ, ввелъ аманатовъ и назначилъ мѣста для поселенія между Селенгинскомъ и Удинскомъ. Въ декабрѣ, двое тайшей клятвенно обязались быть русскими данниками; примѣру ихъ вскоре послѣдовали еще семеро. Въ августѣ 1689 года, Головинъ съѣхался цодъ Нерчинскомъ съ китайскими пос-

лани. После взаимныхъ привѣтствій, русскіе немощныя объявили, черезъ переводчика, на латинскомъ языкѣ, что щель прѣзду ихъ состоитъ въ прекращеніи возникшихъ неудовольствій отъ набеговъ со стороны Китая, и въ опредѣленіи границъ между обоими государствами. Головинъ предложилъ назначить рѣку Амуръ, такъ, чтобъ вся мѣста, лежащая по ней къ северу, осталась Россію, а къ полудню за Китаемъ; онъ доказывалъ, что таковая страна издавна принадлежала Россіи. Китайскіе послы простирали свои требованія, не только на Албазинъ, но и на Нерчинскъ, Селентинскъ и на доѣ земли до озера Байкала. На второмъ съездѣ Китайцы одвинулись нѣсколько уступчивѣе и назначили нашимъ пограничнымъ городомъ Нерчинскъ. «Благодарю васъ, отвѣчалъ съ улыбкою Головинъ, что вы не высылаете меня изъ Нерчинска.» Онъ предлагалъ имъ границею сначала Амуръ, потомъ Быструю, наконецъ Зюю и Горбину. Китайцы рѣшительно объявили, что не уступятъ Россіи Албазина. Они переправились съ войскомъ черезъ рѣку Шилку, окружили Нерчинскъ со всѣхъ сторонъ и старались склонить къ измѣнѣ подвластныхъ русскому скипетру Тунгусовъ и Монголовъ. Головинъ приготовился къ отчаянной и ненадежной оборонѣ. Около двухъ тысячъ юртъ онокцихъ и братскихъ ясачныхъ присоединились къ противной сторонѣ. Китайцы объявили, что согласны на миръ, если мѣсто, называемое промышленниками Святой Носъ, на берегу Западнаго Моря, близъ рѣки Уди, будетъ признано границею. Они желали такимъ образомъ присоединить къ владѣніямъ богдохана, не только все Охотское Море, но и большую часть Камчатки. Четырнадцать дней продолжались споры и угрозы со стороны Китайцевъ. Въ таковыя затруднительныя обстоятельства Головинъ, словъ и дарами, склонилъ на свою сторону сумасбродныхъ служившихъ Китадцамъ переводчиками; и употребилъ ихъ посредство къ заключенію мира. Онъ при-

нуждѣ быль, однакожь отказался отъ Албаниа и всякаго права на земли севернѣ по ту сторону Амура. Двадцать седьмого августа, 1689, первый договоръ съ Китаицами былъ подписанъ.

На дороге въ столицу, Головина встрѣтилъ полковникъ съ милостивою царскою грамотой. Въ Москвѣ онъ представлялся царямъ Ивану и Петру, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Власовымъ, при чемъ думный дѣльцѣ объявлялъ посланъ царское милостивое слово за службу и радѣніе. Головинъ тогда не возведенъ въ достоинство боярина и сибирскаго наѣстника, однакожь уступку Албаниа доставилъ ему въ вину, несмотря на весь оправданіе.

Головинъ, послѣ пяти-лѣтней отлучки, нашелъ большую перемену на родинѣ. Властолюбивая Софія жила въ заточеніи, въ монастырѣ; гордый Голицынъ былъ въ ссылкѣ; осьмнадцати-лѣтній Петръ, второй царь по рожденію, первый по уму и способностямъ, начиналъ великое дѣло преобразованія государства. Головинъ передалъ ему любопытныя свѣдѣнія о Сибири, описалъ богатство и разнообразіе той стороны. Петръ слушалъ со вниманіемъ и употреблялъ потомъ въ пользу разсказъ опытнаго наблюдателя.

Тѣсная дружба соединила Головина съ Лесфортомъ, неразлучнымъ товарищемъ Петра. Они имѣли одну цель, благосостояніе Россіи и славу ея обладателя. Головинъ не завидовалъ Лесфорту, который пользовался неограниченною довѣренностью государя; онъ не зналъ постыдной лести, любилъ правду больше чѣмъ самого себя, воступалъ всегда по внутреннему убѣжденію и, будучи человекомъ умнымъ, всегда одобрялъ и содѣйствовалъ къ полезнымъ нововведеніямъ, противъ которыхъ возмущалось невѣжество.

Въ началѣ 1697 года, Петръ Великій, оставивъ скипетръ и корону, отправился въ чужіе края, въ свѣтъ великаго русскаго посольства, подъ именемъ урядника преображенскаго полка Петра Михайлова. Первымъ послемъ наименованъ намѣстникъ новгородскій, генералъ-адмиралъ Лесортъ; вторымъ сибирскій намѣстникъ, генералъ-кригсъ-коммиссаръ Головинъ; третьимъ думный дьякъ, болховской воевода, Возницинъ. Прѣхавъ Эстляндію, Лифляндію, Митаву, бранденбургскую Пруссію, Померанію, Берлинъ, посольство прибыло, семнадцатаго августа, въ Амстердамъ, гдѣ было почти цѣлый годъ. Между-тѣмъ государь, съ маюю свитою, совершилъ путешествіе въ Лондонъ, и съ Годовинымъ обозрѣлъ обѣ палаты парламента. Послы наши, во время торжественныхъ аудіенцій, являлись всегда, исключая Лесорта, въ русскомъ платьѣ, на соболяхъ, украшенномъ драгоценными каменьями и жемчугомъ. Изъ Амстердама посольство отправилось въ Вѣну, гдѣ Федоръ Алексѣевичъ въ короткое время пріобрѣлъ отличное благоволеніе австрійскаго императора. Путешествіе въ Италію не состоялось: получено извѣстіе изъ Москвы о новомъ стрѣльцкомъ бунтѣ, и государь поспѣшно отправился въ Россію, со своими любимцами, Лесортомъ, Головинымъ и Меньшиковымъ.

Привязанность государя къ Федору Алексѣвичу, основанная на уваженіи, примѣтнымъ образомъ возрас- тала. Онъ приказалъ выбить въ честь его серебряную медаль, — такого отличія никто до того не удостоивался въ Россіи, — съ портретомъ Головина и съ надписью *Ed. consilio et robore, «И совѣтомъ и мужествомъ»*, и, урядивъ, въ 1699, орденъ святаго апостола Андрея Первозваннаго, пожаловалъ первымъ его кавалеромъ, баршннго боярина Головина. Въ томъ же году Годови- нъ возведенъ въ достоинство генералъ-адмирала, и вскорѣ подчинена ему Оружейная Палата. Въ слѣдую-

нѣмъ году, сохранивъ званіа ближняго боярина, генералъ-адмирала и намѣстника сибирскаго, назначенъ онъ президентомъ посольскихъ дѣлъ и начальникомъ, — сверхъ Оружейной Палаты, — приказовъ малороссійскаго, княжества смоленскаго, новгородскаго, галицкаго, устюжскаго, ямскаго, и монетнаго двора. Такъ обширны и разнообразны были занятія этого государственнаго сановника. Управляя высшими дѣлами, флотомъ, отдаленною Сибирью, южной Россіей, многими городами великороссійскими, внутренними сообщеніями въ государствѣ, Федоръ Алексѣевичъ пожалованъ еще, въ 1700 году, генералъ-фельдмаршаломъ и сдѣланъ главнымъ предводителемъ новонабранной сорока-пяти-тысячной арміи, съ которою выступилъ къ Нарвѣ. Однако жъ несчастная для Русскихъ битва подъ Нарвою происходила безъ Головина : онъ былъ въ то время нуженъ царю при переговорахъ, въ Москвѣ, съ турецкимъ посломъ, и, въ Биржахъ, съ Августомъ II.

Въ 1702 году, Головинъ сопутствовалъ Петру въ Архангельскъ и въ Соловецкій Монастырь; участвовалъ въ осадѣ Шлюссельбурга и, первый изъ Русскихъ, получилъ отъ императора графское достоинство Римской Имперіи. Въ слѣдующемъ году, десятаго мая, онъ, какъ старшій кавалеръ, возложилъ орденъ Святаго Андрея Первозваннаго на Петра Великаго, который былъ тогда бомбардирскимъ капитаномъ, и на поручика отъ бомбардиръ Меньшикова, за оказанную ими храбрость при взятіи нѣсколькихъ шведскихъ военныхъ судовъ, близъ устья Невы. Подъ Нарвою, въ 1704, Головинъ подписалъ съ чрезвычайнымъ посломъ польскимъ, воеводою Дзялынскимъ, договоръ, который имѣлъ цѣлю изложеніе Станислава Лещинскаго и изгнаніе Шведовъ изъ Польши. Среди блистательныхъ побѣдъ Петра Великаго помышлялъ о мирѣ; но усилія Головина, искуснѣйшаго дипломата того времени, даже при содѣй-

ствій шведскихъ министровъ , не могли поколебать упорной рѣшимости Карла XII : его еще ожидало полтавское пораженіе.

Въ мѣя 1706 года , къ обширнымъ занятіямъ графа Федора Алексѣевича присоединено управленіе Астраханью и Тереккомъ , поступившее въ посольскій приказъ изъ казанскаго. Въ послѣднихъ числахъ іюня , государь поѣхалъ въ Кіевъ , и приказалъ Головину для нѣкоторыхъ совѣщаній поспѣшить въ этотъ городъ. Фельд-маршалъ , занимавшійся тогда заключеніемъ дружественнаго договору между Россією и Пруссією , немедленно отправился въ дорогу , но занемогъ въ Глуховѣ , и , черезъ нѣсколько дней , скончался втораго августа 1706.

« Если сіе письмо васъ заставеть въ Москвѣ , писаль Пётръ Великій къ Апраксину , то не изволь ѣздить на Воронежъ ; буде же на Воронежъ , изволь ѣхать къ Москвѣ : ибо , хотя бы никогда сего нѣ вамъ не желаль писать , однако воля Всемогущаго на те Насъ понудила : ибо сея недѣля господинъ адмиралъ и другъ Нашъ оти сего свѣта посѣченъ смертію въ Глуховѣ : того ради извольте , которые приказы , кромѣ посольскаго , еще въдалъ , присмотрѣть , а деньги и прочія вещи запечатать до указа . Сіе возвѣщаетъ нечлани исполненный Пётръ . »

Графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ первый изъ русскихъ бояръ обрилъ себѣ бороду , сохранивъ только усы . Онъ отличался просвѣщеннымъ умомъ ; обширными свѣдѣніями въ дѣлахъ дипломатическихъ ; рѣдкимъ праводушіемъ ; былъ безкорыстенъ , трудолюбивъ ; пламенно любилъ государя и отечество ; старался о благѣ народномъ ; содѣйствовалъ Петру Великому къ распространенію наукъ и художествъ въ Россіи ; заведъ издавіе газетъ и календарей ; увеличилъ выбиваніе серебряной монеты и , управляя монетнымъ дворомъ , выплав-

для серебряную руду, которую самъ отыскалъ близъ Черчинска.

Слѣдуетъ портретъ нумеръ второй. Это не портретъ, а кто-то въ рѣдѣ казакѣ, на которомъ лежитъ покійникъ, генералъ-фельдмаршалъ герцога Крой (de Croÿ). Но мы не будемъ останавливаться передъ нимъ: онъ служилъ въ Россіи только два мѣсяца съ половиною, и не много одѣлалъ полезнаго въ это время.

Но вотъ третій генералъ-фельдмаршалъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, достойный сподвижникъ славы Петровой, одинъ изъ первыхъ полководцевъ своего времени. Онъ родился 25 апрѣля 1652 года, сначала служилъ при высочайшемъ дворѣ, однако жъ вскорѣ, по врожденной склонности, перешелъ на военное поприще, и въ молодыхъ лѣтахъ уже пожиналъ лавры, подъ руководствомъ своего родителя. Въ 1681, онъ самъ, въ званіи воеводы и намѣстника тамбовскаго, предводительствовалъ частію войскъ противъ крымскихъ Татаръ. По вѣстившіи на престолъ государей Юанна и Петра Алексѣевичей, Шереметевъ пожалованъ изъ стольниковъ въ бояре, и съ того времени участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ, не взиравъ однако жъ ни въ какіе внутренніе раздоры. Варность и любовь къ правдѣ сдѣлали его любезнымъ царю и народу; а обширныя познанія и рѣдкія достоинства способствовали къ успѣху въ многихъ полезныхъ дѣлахъ. Для доверенія своего образованія и обогащенія ума, онъ испросилъ позволеніе у государя и отправился въ чужіе края, путешествовалъ по Германіи и Италіи, вездѣ приобрѣлъ благорасположеніе государей, и былъ принятъ папою, а потомъ въ Мальтѣ, съ большою почестью; наконецъ, въ февралѣ 1699 года, снова увидалъ Блѣкокаменную и представился государю въ нѣмецкомъ платьѣ, съ мальтійскимъ командорскимъ крестомъ и драгоцѣнною шпагою. Можно предъ-

ставиле себя съ какимъ восторгомъ онъ былъ принятъ монархомъ, который употребилъ тогда всѣ усилія для искорененія въ бодряхъ старинныхъ предразсудковъ и обидливостей.

Возгорѣлась война между Россіей и Швеціей. Шереметевъ начальствовалъ иррегулярною конницею подъ Нарвой, совѣтовалъ главнокомандующему обложить городъ мамою частью войска, а съ остальною итти на встрѣчу Карлу XII, ожидать его на выгодномъ мѣстѣ и дать рѣшительное сраженіе, въ которомъ вся армія могла бы дѣйствовать противъ Шведовъ соединенными силами. Но герцогъ Крой отвергъ совѣтъ опытнаго вождя. Сраженіе проиграно, и Шереметевъ принужденъ былъ отступить, для прикрытія границъ. Удостоверясь въ правотѣ любимаго полководца, Петръ возвелъ Бориса Петровича въ достоинство генералъ-аншефа, и вскоре пожаловалъ генералъ-фельдмаршаломъ, поручивъ ему открыть военныя дѣйствія въ Ливоніи, въ 1701; Шереметевъ оправдалъ довѣріе государя. Несмотря на холодную погоду и глубокій снѣгъ, 30 декабря, онъ рѣшился атаковать, при деревнѣ Эррестѡеръ, генерала Шлиппенбаха, который имѣлъ подъ ружьемъ семь тысячъ человѣкъ. Непріятель сначала опрокинулъ русскую кавалерію, которая, однако жъ, при подкрѣпленіи пѣхоты, начала вторично и прогнала Шведовъ къ Сагницъ, на двадцать верстъ за Эррестѡеръ. Три полковника, съ многими офицерами и тремястами пятидесятью солдатами, взяты въ плѣнъ. Весь обозъ, четыре пушки и осемь знаменъ достались побѣдителямъ. За этотъ подвигъ фельдмаршалъ удостоенъ ордена святаго Андрея Первозваннаго. Вскорѣ Шереметевъ украсился еще новыми лаврами: девятнадцатаго іюля онъ истребилъ шведскую эскадру, которая намѣревалась переправиться черезъ озеро Пейпусъ, для высадки въ исковскую и новгородскую гу-

берниа, и сразился; въ томъ же мѣсяцѣ, во второй разъ съ Шлиппенбахомъ. Не желая загладить прежнюю поудачу, шведскій полководецъ выступилъ противъ русскихъ съ свѣжими полками. Фельдмаршалъ не любилъ дожидаться нападенія: онъ охотнѣе предупреждалъ непріятеля. Пошелъ на встрѣчу, совершивъ переходъ довольно трудный, ударилъ на Шведовъ при селеніи Гуммельгофъ, истребилъ большую часть ихъ пехоты, взялъ около пяти сотъ человекъ въ плѣнъ, положилъ на мѣстѣ до пяти тысячъ человекъ и прогналъ Шлиппенбаха къ Пернову. Следствіемъ этой победы было опустошеніе Лифляндіи. Съ того времени Шведы начали иначе думать о Русскихъ. Въ 1706, Шереметевъ смирилъ мятежныхъ стрѣльцовъ въ Астрахани. Вначалѣ лѣта того же года Карлъ XII разбилъ совершенно войско Августа II, короля польскаго, и, принудивъ его отказаться отъ короны, выступилъ изъ Саксоніи въ Польшу, откуда намѣревался нагнать на Россію. Узнавъ объ этомъ, Петръ Великій собралъ военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса, гдѣ удобнѣе сразиться съ непріятелемъ, въ Польшѣ или на границѣ. Мнѣніе фельдмаршала состояло въ томъ, «что въ Польшѣ производить войну не удобно; потому что не вездѣ полагаться можно на обывателей; а лучше противустать Шведамъ на собственной границѣ, и, не вѣтушая съ ними въ рѣшительное сраженіе, стараться мало-помалу обезсиловать ихъ лишеніемъ всѣхъ способовъ получать въ пути провіантъ и фуражъ, также безпокоить при переправахъ черезъ рѣки и во время походу». Военный совѣтъ и монархъ одобрили мнѣніе; послѣдствія оправдали его.

Въ полтавской битвѣ Шереметевъ, въствѣтъ Рынннвымъ, командовалъ центромъ арміи. «Послѣдній фельдмаршалъ! оказалъ тогда Петръ Великійъ гласу Шереметеву, осѣнивъ крестообразно полки свои обла-

кончить мечомъ ; дерукаи даиъ армію. Мого и наде-
 юсь, что въ начальствованіи оному поступите вы согласи-
 но, предивадию, даиъ данному; а въ случаѣ непредви-
 денномъ, даиъ искусный полководецъ. Моя же долж-
 ность, надирать за всякъ даиный, начальствованіемъ, и
 быть готовымъ на сейкуръ до всякъ мѣстахъ, гдѣ тре-
 боватъ будетъ онасность и нужда».

Въ 1711 году, Петръ Великій перенесъ оружіе свое
 въ Молдавію. При Прутѣ, когда государь, лишенный
 продовольствія, и окруженный со всѣхъ сторонъ не-
 пріятелемъ, находился въ самомъ отчаянномъ положеніи,
 Шереметевъ пригласилъ генераловъ на военный
 совѣтъ и сообщилъ имъ письменно слѣдующее мнѣ-
 ніе : « Если непріятель, на предложенныхъ ему конди-
 ційхъ, не пожелаетъ миру, а будетъ требовать, чтобы
 мы сдалися ему на дискрецію и ружья положили, то
 итти въ отводъ подлѣ рѣки. » Всѣ генералы единодушно
 утвердили это предложеніе, но отважная рѣшимость
 русскихъ воиновъ осталась безъ исполненія : визирь
 согласился на миръ, и Петръ Великій, посредствомъ
 уступки Азова, Таганрога и нѣсколькихъ маловажныхъ
 крепостей, освободился отъ такого опаснаго положенія
 при Прутѣ, въ какомъ Карлъ XII былъ подлѣ Пол-
 тавою. Графъ Шереметевъ повелъ потомъ ввѣренныя
 себѣ войска въ Польшу, Померанію и Мекленбургію,
 гдѣ со всѣмъ усердіемъ продолжалъ споспѣшествовать
 вѣдамъ своего монарха, рѣвносно исполняя его волю
 и порученія, наконецъ, по его же приказанію, возвра-
 тился въ Россію, въ исходѣ 1717 года.

Здоровье графа Бориса Петровича примѣтнымъ обра-
 зомъ ослабѣвало; онъ не могъ слѣдовать за государемъ
 въ Петербургъ, остался въ Москвѣ, испросилъ позво-
 леніе ѣхать къ Олонецкимъ водамъ и, на смертномъ
 одрѣ, печалился о томъ только, чтобы Петръ Великій
 не усомнился въ болѣзни его. « Кромѣ Бога и вашего

величества, всемогущества и великаго государя моего, и писалъ Шереметевъ къ монарху, никого не боясь, и жалостно вашего величества высказать : то такъ на конецъ жизни моей явлюсь передъ вашими величествомъ въ притворствъ ; а не въ истиннъ.» Наконецъ долго скрытая подлая болѣзнь обнаружилась во всей силѣ, и тщетно лучшіе доктора старались сохранить жизнь славнаго воина : онъ скончался, семнадцатаго февраля 1719, на шестьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ былъ росту высокаго, имѣлъ привлекательную наружность и крѣпкое сложеніе тѣла ; онъ отличался благочестіемъ, пламенною любовію къ престолу, храбростію, строгимъ исполненіемъ обязанностей и великодушіемъ. При Прутѣ, до открытія переговоровъ, когда наша армія начинала было отступать, одинъ солдатъ отсталъ отъ товарищей. Турецкій набздицкъ наскочилъ съ обнаженною саблею, и навѣрно изрубилъ бы его, если бъ фельдмаршалъ не подоспѣлъ на помощь и не убилъ Турка въ цѣлолетѣ. Домъ графа Шереметева былъ пріобрѣщеніемъ для всѣхъ немущихъ : за его стоилъ, на которомъ не ставилось менѣе пятидесяти приборовъ, даже въ походное время, садился всякій авантъ и незваный, только съ условіемъ, не считаться передъ хозяиномъ. Обѣды его, хотя обильныя, однако жъ никогда не превращались въ шумные дивы ; Борисъ Петровичъ не любилъ излишества, и не завидѣлъ бостды, въ которыхъ кубки съ виномъ играли главную роль. Самъ Петръ столько уважалъ его, что никогда не принуждалъ пить, и, во время праздниковъ государевыхъ, Шереметевъ былъ освобожденъ отъ наказанія осушать «кубокъ большаго орла». Общество его состояло изъ людей самыхъ образованныхъ, и не было человека въжливѣе и ласковѣе его въ обращеніи. Часто, развѣщая по Москвѣ, окруженный множествомъ скорохо-

голь и слугъ, Шереметовъ останавливался на улицѣ и спешить изъ кареты, чтобы подать руку старому сослуживцу. Последние годы свои Борисъ Петровичъ посвятилъ благотворительности: бѣдные толпами осаждали домъ его. Герой былъ отецъ сиротъ, принималъ къ себѣ подъ свое покровительство и, по способностямъ, определялъ къ звѣстамъ. Петръ Великій чрезвычайно уважалъ его, называлъ своимъ *Баяромъ* и *Тюренномъ*, всегда встрѣчалъ и провожалъ до двери своего кабинета, и поставилъ бы ему монументъ въ Невскомъ Монастырѣ, если бы смерть не помѣшала государю въ исполненіи этого намѣренія.

Пропустимъ двухъ иностранцевъ, генералъ-фельдмаршаловъ-лейтенантовъ Огильви и Голца, и обратимся къ четвертому генералъ-фельдмаршалу, первому генералиссимусу, князю Александру Даниловичу Меншикову.

Узнаете ли вы, въ этомъ портретѣ, того Меншикова, который изъ пирожниковъ сдѣлался высшимъ сановникомъ и любимцемъ государя, котораго Великій Петръ называлъ Алексашкою, дитятею своего сердца и братомъ, который содѣйствовалъ къ восшествію на престолъ императрицы Екатерины I и послѣ ея смерти кончилъ жизнь въ ссылкѣ. Меншиковъ родился, шестаго ноября 1673, близъ Москвы. Одаренный отъ природы быстрымъ, живымъ умомъ и красивою наружностью, этотъ необыкновенный человекъ обратилъ на себя вниманіе Лесорта, который взялъ его къ себѣ въ услуженіе, и хотѣлъ, вскорѣ, принужденъ былъ уступить государю. Меншиковъ сначала получилъ должность дѣйствительнаго камергера, и находился безотлучно при государѣ, даже спалъ у его кровати, тщательно исполнялъ приказанія и съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносилъ вспыльчивость своего владыки. Довѣренность къ нему Петра притѣнимъ образомъ возрастала. Онъ записалъ его въ

роту потышныхъ, составленную изъ однихъ дворянъ; былъ свидѣтелемъ его храбрости при взятіи Адора; бралъ его съ собою, въ качествѣ дворянина, въ путешествія по Англіи, Германіи, Голландіи, гдѣ Меньшиковъ, вмѣстѣ съ государемъ, учился кораблестроенію, каждый день, съ топоромъ за поясомъ, ходилъ на работу, и получалъ отъ плотника Поола письменную похвалу за успѣхи и прилежаніе. Отсюда начинается его быстрое возвышеніе. 1698 онъ пожалованъ сержантомъ гвардіи преображенскаго полка, а въ 1706, за славную побѣду подъ Калишемъ, надъ польско-шведскимъ корпусомъ Мардефельда, получилъ фельдмаршалскій жезлъ, а черезъ годъ титулъ князя Ижерскаго. Меньшиковъ сталъ на верху почестей, выше всѣхъ сановниковъ въ государствѣ: только одинъ Шереметевъ не преклонялъ передъ нимъ украшеннаго лаврами чела.

Удовлетворивъ жажду военной славы, храбрый полководецъ вложилъ мечъ въ ножны и началъ увеличивать свое огромное состояніе, входилъ подъ чужимъ именемъ въ разные казенные подряды и надлежъ на себя гнѣвъ государя. Надъ нимъ учреждено нѣсколько слѣдственныхъ комиссій. Чувствуя вину свою и надѣясь на милосердіе Петра, Меньшиковъ явился въ судъ съ повинною, которую подалъ въ руки самого государя. Живое выраженіе раскаянія, жалобный голосъ, какимъ онъ вымаливалъ себѣ прощеніе, и, въ особенности, неувыдаемые лавры полководца, смягчили грознаго монарха. Онъ принялъ просьбу любимица и, прочитавъ, сказалъ: «Э, братъ, и того ты не умѣешь написать!» потомъ началъ поправлять. Тогда младшій членъ всталъ съ своего мѣста и пригласилъ товарищей послѣдовать своему примѣру. «Куда ты идешь?» спросилъ съ гнѣвомъ государь. — Домой. Чтѣ намъ дѣлать здѣсь, когда ты самъ научаешь преступника, какъ ему

оправдываться. — «Сядь на свое мѣсто, и говори, что ты думаешь,» возразилъ Петръ Великій капитану, съ ласковымъ видомъ. Капитанъ потребовалъ, чтобы просьба Меншикова была прочтена вслухъ, а олъ, какъ виновный, чтобъ сталъ у дверей и, по прочтеніи, высланъ былъ изъ присутствія. «Слышишь, Данилычъ, какъ должно поступать?» сказалъ государь любимцу. Потомъ члены, начиная съ младшаго, стали предлагать свои мнѣнія о наказаніи Меншикова, приговаривали его къ ссылке и даже къ смерти. Дошла очередь до Петра Великаго. Возвысивъ голосъ, онъ сказалъ: «Гдѣ дѣло идетъ о жизни или чести человека, тамъ правосудіе требуетъ взвѣсить на вѣсахъ безпристрастія какъ преступленія его, такъ и заслуги, оказанныя имъ отечеству и государю, и буде заслуги перевѣсятъ преступленія, въ такомъ случаѣ милость должна хвалиться на судъ.» Послѣ того монархъ исчислилъ все подвиги Меншикова, упомянулъ, что онъ спасъ и собственную жизнь его. «И такъ, заключилъ Петръ Великій, по мнѣнію моему, довольно будетъ, едѣлавъ ему, въ присутствіи, за преступленія, строгій выговоръ, наказать его денежнымъ штрафомъ, соразмѣрнымъ хищенію; а онъ Мнѣ и впредь нуженъ.» Простивъ своего любимца, государь наказалъ однако жъ тѣхъ, которые помогали Меншикову въ лихоимствѣ, не будучи равны ему по заслугамъ.

Со смертію Петра Великаго для честолюбивыхъ замѣсловъ Меншикова открылось еще болѣе обширное поприще. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что содѣйствовалъ къ восшествію на престолъ Екатерины I въ царствованіе которой имѣлъ большое вліяніе на государственныя дѣла, не довольно ему было именоваться свѣтлѣйшимъ княземъ / Ижорскимъ, графомъ русской и римской имперій, рейкс-маршаломъ, генералъ-фельдмаршаломъ, президентомъ военной коллегіи, вице-адмираломъ, петербургскимъ генералъ-гу-

бернаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, подполковникомъ преображенской лейбъ-гвардіи, полковникомъ трехъ полковъ и капитаномъ бомбардирской роты, — онъ еще посягалъ на курляндскую герцогскую корону и хотѣлъ видѣть своихъ потомковъ на императорскомъ престолѣ. Умерла Екатерина, воцарился Петръ II, и Меньшиковъ, правитель государства, будущій тестъ императора, не зналъ себя равнаго. Но враги его не дремали : Остерманъ и Долгорукіе давно совѣщались о низверженіи могущественнаго любимца счастья, и ожидали только удобнаго случая. Случай представился. Меньшиковъ оскорбилъ государя слишкомъ самовольными и дерзкими поступками, и, лишенный чиновъ и знаковъ отличій, сосланъ въ рязанскую губернію, въ городъ Раніенбургъ, который самъ выстроилъ. Имѣніе было оставлено ему, но дочь, княжна Марія, должна была возвратить императору обручальное кольцо. Опальный царедворецъ, сохранивъ свои богатства, предполагалъ найти пріятное убѣжище въ Раніенбургѣ, и, не теряя надежды на возвращеніе счастья, въѣхалъ изъ Петербурга какъ сильный вельможа, а не какъ изгнанникъ. Неумѣстная цынность еще болѣе раздражила враговъ его. Въ Твери приказано оцѣнать всѣ вещи Меньшикова, а ему оставить только необходимое. Имѣніе взято въ казну, богатые экипажи отобраны, опальный посаженъ въ кибитку, и стража удвоена. Въ семи верстахъ отъ этого городу, тяжкая печаль прекратила жизнь супруги несчастливца. Почти въ одно время съ Меньшиковымъ, въ Раніенбургъ прибылъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Плещеевъ, для произведенія слѣдствія о разныхъ злоупотребленіяхъ и вѣрстукахъ его. Меньшиковъ обвиненъ въ несчастіи царевича Алексѣя Петровича, родителя императора; въ тайной перепискѣ съ шведскимъ сенатомъ, во время болѣзни императрицы Екатерины I; въ присвоеніи шестидесяти тысячъ рублей, принадлежавшихъ герцогу Гольштинскому, и во многихъ дурныхъ похище-

ннхъ. Его приговорили къ ссылке въ Березовъ, го-
бельской губернии. Второго мѣся 1729, Меньшиковъ,
съ семействомъ, отправленъ водою до Казани. Пору-
ченныя Кривошовой и двадцать оставшихъ солдатъ пре-
ображенскаго батальона провожали ссылаемаго. Ему
позволено было взять десять человекъ двоичныхъ лю-
дей, и определено на содержаніе по пяти рублей въ
день.

Отсюда начинается новая эпоха въ жизни любимаца
Петрова, эпоха достопамятная: прежде, въ счастіи,
Меньшиковъ торжествовалъ надъ врагами отечества и
былъ рабомъ своихъ страстей; въ несчастіи онъ явля-
ся побѣдителемъ надъ страстями, и удивлялъ потом-
ство необыкновенною твердостью духа, совершеннымъ
самоотверженіемъ. Отчужденный отъ всего міра, среди
ледяныхъ пустынь Сибири, Меньшиковъ не ропталъ
на судьбу, покорялся ей съ смиреніемъ и ободрялъ
своихъ дѣтей, жалва только объ нихъ, а не о себѣ.
Подлѣ острога онъ соорудилъ деревянную церковь,
при строеніи которой самъ работалъ, съ тоноромъ въ
рукахъ. Потомъ, когда наступало время церковнаго
служенія, самъ звонилъ въ колоколъ, исправлялъ долж-
ность дьячка, пѣлъ на клиросѣ и читалъ простолюди-
намъ назидательныя книги. «Благо мнѣ, Господи, нѣдъ
смирилъ мя вси!» повторялъ онъ безпрестанно въ мо-
литвахъ. Такъ проводилъ время въ Березовѣ изгнан-
никъ, котораго нѣкогда Феоданъ Прокоповичъ привѣт-
ствовалъ словами: «Мы въ Александрѣ видимъ Пет-
ра!» Вскорѣ любимая дочь его Марія занемогла острою.
Въ Березовѣ не было докторовъ. Меньшиковъ видѣлъ
приближеніе новаго креста, и старался лишь скрыть
отъ дѣтей свою печаль. Предчувствіе его исполнилось.
Онъ лишился дочери, вырубилъ могилу и самъ опу-
стилъ въ мерзлую землю драгоценныя себѣ останки
невинной узицы. Поколебалось твердое Меньши-
кова! Орошай слезами послѣднее жилище Марія онъ

утышала себя мыслию, что скоро соединится съ ней. При тускломъ свѣтѣ рыбьяго жира, горькаго вѣтра казармъ, онъ самъ приготовилъ себѣ гробъ изъ кедроваго дерева, изъяснилъ желаніе, чтобъ его похоронили подлѣ донскари, въ халатъ, туфляхъ и стеганой шапочкѣ, которая тогда носилъ; совѣтовалъ двѣмъ возлечь всю надежду на Бога и ожидать скорого освобожденія. «Вы невинны, говорилъ онъ: страждете за меня; обстоятельства переменятся.....» Меньшиковъ исполнилъ обрядъ церковный, простился съ банкинъ сердцу, хранилъ глубокое молчаніе, отказался отъ пищи, кромѣ холодной воды, и скончался, двадцать втораго октября 1729, на пятьдесятъ шестомъ году отъ рожденія. Три аршина земли приняли въ грѣбра свои знаменитаго изгнанника, у алтаря сооруженной изъ черкии, въ десяти саженьяхъ отъ берега рѣки Сосны. Нынче на томъ мѣстѣ возвышается земляная насыпь, окруженная деревянною рѣшеткой. Меньшиковъ, при всѣхъ слабостяхъ своихъ, имѣеть право на уваженіе Русскихъ, какъ снаенитель жизни монарха, его любимецъ и непобѣдимый полководецъ.

Группу Петровыхъ сподвижниковъ заключаетъ князь Аникита Ивановичъ Рѣпинъ, который личными заслугами и храбростію проложилъ себѣ блестящій путь до сана фельдмаршала, потѣмъ, безвинно проигравъ сраженіе при Головчинѣ, впалъ въ немилость, преданъ суду, разжалованъ въ солдаты, не отличился опять на глазахъ государя и прощенъ по великодушной просьбѣ своего прежняго врага Галицына. Къ чести князя Аникиты Ивановича должно сказать, что служба отечеству сорокъ три года безпрерывно, онъ терпѣливо переносилъ всѣ непріятности своей многотрудной жизни. Въ 1708 году, онъ пострадалъ невинно, по еговору Меньшикова: при Головчинѣ, дивная Рѣпинна, на которую Карлъ XII наналъ внезапно, была ослаблена разными

откобандированы отрядовъ; фельдмаршалъ не получая никакого подкрѣпленія отъ своихъ, и совѣтъ тѣмъ, оставова бѣжавшихъ, защищая отчаянно и нанесъ чувствительный вредъ Шведамъ. Потомъ онъ былъ подчиненъ своему обвинителю, который не имѣлъ еще никакого значенія, когда Рѣпинъ былъ уже генераломъ. Утверждаютъ, будто князь Аникита Ивановичъ, по дѣлу камергера Монса, отклонилъ Петра, въ минуту гнѣва, отъ мщенія, которое могло бы помрачить безсмертныя дѣла Великаго.

Вторую группу составляютъ три генералъ-фельдмаршала времени Екатерины I; отважный завоеватель Шлюссельбурга, храбрый и великодушный воинъ, князь Михайло Михайловичъ Голицынъ; графъ Янъ Сапѣга, который обязанъ своимъ быстрымъ повышеніемъ болѣе сильному покровительству Меншикова, нежели собственнымъ подвигамъ; и неустрашимый воинъ, уважаемый ученый и искуснѣйшій министръ своего времени, графъ Яковъ Виллимовичъ Брюсъ.

Въ третьей группѣ, царствованія Петра II, двое генералъ-фельдмаршаловъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій и князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой.

Въ четвертой, въ царствованіе Анны Іоанновны, и въ правленіе великой княгини Анны Леопольдовны, два генералъ-фельдмаршала, графъ Минихъ и графъ Ласси, и второй генералиссимусъ, принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгъ-Люнебургскій.

Затѣмъ слѣдуютъ полководцы Елисаветы Петровны, принцъ Людовикъ Вилгельмъ Гессенъ-Гомбургскій, графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, графъ Алексій Григорьевичъ Разумовскій, Степанъ Федоровичъ Апраксинъ, графъ Петра Семеновичъ Солтыковъ, и фельдмаршалы Петра III,

графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Пётръ Ивановичъ Шуваловъ, принцъ Пётръ Гольштейнъ-Бакскій и принцъ Георгъ Гольштейнскій. Игъ оканчивая первое отдѣленіе.

Но вотъ второе; вотъ полководцы славнаго вѣка Екатерины II, столь богатаго безсмертными подвигами воиновъ. Вотъ Румянцовъ-Задунайскій, вотъ Потемкинъ-Таврическій, вотъ Суворовъ-Рымникскій. Какія имена! какія воспоминанія!

Графъ Пётръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, сынъ генераль-апшефа графа Александра Ивановича и правнукъ знаменитаго боярина Матвѣева, родился въ 1725 достопамятномъ году кончины славнѣйшаго русскаго полководца, Петра Великаго. Сначала Румянцовъ, записанный, по шестому году, въ солдаты, обучался въ деревнѣ, подъ надзоромъ отца, потомъ отправленъ въ Берлинъ, для обученія дипломатикѣ, наконецъ отозванъ въ отечество и поступилъ въ шляхетный сухопутный кадетскій корпусъ, гдѣ однако жъ пробылъ только четыре мѣсяца. Пылкій юноша не хотѣлъ подчинити своего ума однообразнымъ школьнымъ занятіямъ и, пользуясь отсутствіемъ отца, на свободѣ самъ начерталъ себѣ полетъ, котораго обыкновенные умы не въ состояніи постигнуть. Румянцовъ возвышался стремительно, и на девятнадцатомъ году былъ уже армейскимъ капитаномъ, и присланъ отцемъ, въ 1745, въ Петербургъ, изъ Або, съ мирнымъ договоромъ. Императрица Елисавета Петровна была столь довольна прекращеніемъ войны съ Швеціею, что пожаловала молодаго Румянцева въ полковники. Будущій герой въ то время превосходилъ всѣхъ товарищей въ удалствѣ, страстно любилъ женщинъ и былъ, говорятъ, *irrésistible*, много шалилъ, однако жъ при всемъ томъ отню былъ покоренъ какъ ребенокъ. Императрица, узнавъ о проказахъ молодаго полковника, отправила его къ

— одну, съ тѣмъ, чтобы тотъ изнасилъ его. Старикъ не-
 зная привелъ нунъ ровотъ «Я полковникъ», сказалъ
 сынку: — Знаю, отвѣчалъ отецъ; и уважаю твой муш-
 дартъ; но ему ничего не сдѣлается: я буду наказывать
 те, полковника: — Графъ Петръ Александровичъ пови-
 новался; не дозволивъ однако жъ конюхамъ прикасать-
 ся до себя. Потомъ, когда его, какъ самъ рассказы-
 валь, порядочно «припоянили», онъ закричалъ: «Дер-
 жите, держите, утекаю!»

Когда вступила на престолъ Екатерина, Румянцовъ,
 генераль-аншефъ и кавалеръ ордена святаго Андрея
 Первозваннаго, уже былъ увѣчанъ нѣсколькими сла-
 вными побѣдами въ Пруссiи. Императрица назначила
 его генераль-губернаторомъ въ Малороссiю, президен-
 томъ тамошней коллегiи, учрежденной въ Глуховѣ,
 главнымъ командиромъ малороссiйскихъ казацкихъ
 полковъ, запорожскихъ казаковъ и украинской дивизiи.
 Вскорѣ возгорѣлась война съ Турцiей. Румянцовъ на-
 значенъ сначала командиромъ второй армiи и вскорѣ
 главнокомандующимъ. Ни зима 1770 года, ни моровая
 язва не ослабили мужества русскихъ солдатъ, подъ
 предводительствомъ отличнаго полководца. Турковъ,
 несмотря на превосходящее число, разбивали вездѣ. Въ
 июнѣ Румянцовъ обратилъ въ бѣгство двадцать тысячъ
 Турковъ близъ Рябой Могилы; въ июлѣ одержалъ совер-
 шенную побѣду за рѣчкою Ларгой. Принявъ началь-
 стве, Румянцовъ отвергъ малодушныя предосторожно-
 сти славянскихъ полководцевъ, Монтекукулли, Бьре-
 нн Савойскаго, графа Миника. Онъ отбранилъ дере-
 вянныя рогати, которыми наша армiя прикрывалась
 прежде отъ нападенiя конницы. «Не рогати, сказалъ
 онъ своимъ полкамъ, а огонь и мечъ защита ваша.
 Битва Ларгская была только предвѣстiемъ побѣды надъ
 Кагуломъ. Это сраженiе такоо блистательно, что похот-
 дитъ на баснословное: семнадцать тысячъ Русскихъ

побѣди наголову полтораста тысячъ Турковъ, отпра-
 дивъ сто тысячъ Татаръ, угрожающихъ съ тылу. Планъ
 великаго князя, Галиль-Бей, состоялъ въ томъ, чтобы,
 поставивъ Румянцова между двухъ огней, уничтожить
 его малую армію, потомъ пробраться къ Львову, при-
 соединить къ своимъ полчищамъ конфедератовъ, и пе-
 ренести театръ войны правымъ крыломъ въ Россію, а
 левымъ въ Польшу. Двадцатаго іюля, на левой сторонѣ
 устья Кагула, Турки расположились лагеремъ, въ се-
 ми верстахъ отъ нашего, между-тѣмъ какъ Татары на-
 чали облегалъ тылъ и отрывали подвозъ продоволь-
 ствія. Русскіе находились въ затруднительномъ поло-
 женіи, но не унывали: съ ними былъ Румянцовъ. Онъ
 раздѣлилъ свою небольшую армію на пять каррѣ, ра-
 сположенныхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи одна отъ
 другаго, и престообразнымъ ихъ огнемъ не только удер-
 жалъ въ страхѣ турецкую конницу, но и защитилъ
 свою собственную, поставивъ ее въ пустыхъ проме-
 жуткахъ каррѣ. Турки, изумленные отчаяннымъ му-
 жествомъ Русскихъ, надѣялись истребить ихъ превос-
 ходствомъ силъ, и спѣшили зайти имъ съ тылу. Но Ру-
 мянцовъ, сивоздымъ и огонь, наблюдалъ всѣ шаги му-
 сульманъ, и съ пятого до осьмага часу утра пролагалъ
 себѣ дорогу къ турецкому стану, между-тѣмъ какъ Пе-
 теминъ и Гудовичъ прикрывали тылъ и обозы отъ ха-
 на крымскаго. Визирь въ одну ночь сдѣлалъ укрепле-
 ніе, обведенное тройными рядами. Всѣ пушечные вы-
 стрѣлы были направлены на каррѣ, въ которомъ нахо-
 дился Румянцовъ, такъ, что подъ окружавшими его
 убито множество лошадей, но Русскіе всё шли впередъ.
 Уже турецкія батареи начинали умолкать, уже каррѣ
 Племиничева простирали руки къ овладѣнію укрепле-
 ніемъ, наружъ десять тысячъ янычаръ, выскочивъ изъ
 лощины, съ саблями, съ кинжалами, съ крикомъ удра-
 ли на правый флангъ каррѣ, ворвались въ середину,
 сбили уби дошка и заставили ихъ бѣжать въ каррѣ Оли-

ла. Умываясь смотаніе въ своихъ рядахъ, наустраши-
 ный Румянцовъ сказалъ принцу Брауншвейгскому: «Те-
 перь дѣло дошло до насъ!» И съ этими словами по-
 тѣлъ къ бѣгушимъ отъ турецкихъ сабель. «Стой, ре-
 бята!» закричалъ командирь. Русскіе остановились.
 Первый гренадерскій полкъ, подъ начальствомъ Озар-
 ва, отразилъ янычарь. Карръ Племянникова сѣкнуло
 рады и воскликнувъ «Да здравствуетъ Екатерина!»
 устремилось впередъ. Черезъ тройные ряды Русскіе пере-
 шагнули въ укрѣпленія. Визирь, устрешенный пора-
 женіемъ янычарь, составившихъ первый его отрядъ,
 обратился въ бѣгство. Турки, спасаясь отъ штыковъ,
 гибли толпами въ волнахъ Дуная. Русскіе войны прѣ-
 вѣтствовали своего предводителя съ побѣдой и воскри-
 чали: «Ты прямой солдатъ!» Весь турецкій лагерь, сто-
 сорокъ орудій, шестьдесятъ знаменъ, множество воен-
 ныхъ снарядовъ и двѣ тысячи плѣнныхъ достались
 побѣдителю. Второго августа императрица возвела его
 въ достоинство генераль-фельдмаршала.

Въ 1774 году, громъ русскаго оружія раздался за
 Дунаемъ. Побѣды Румянцова доставили крымскимъ
 Татарамъ независимость; Россіи Азовъ съ его обла-
 стію; Керчь и Эникале, въ Крыму; Кибуръ, при устьѣ
 Днѣпра, и степь между этою рѣкой и Бугомъ; свободное
 плаваніе по Черному Морю и черезъ Дарданеллы до
 стѣвъ Константинополя, и четыре милліона пять сотъ
 тысячъ рублей въ вознагражденіе за военныя издержки.

Велики были заслуги, оказанныя Румянцовымъ оте-
 честву, но и награды справедливой монархини соответ-
 ствовали имъ. Екатерина, въ день мирнаго торжества,
 десятого іюля 1775, пожаловала графу Петру Алексан-
 дровичу наименованіе *Задунайскаго*, «для прояснен-
 нія опаснаго переклада его черезъ Дунай»; грамоту съ
 прописаніемъ его побѣдъ; алмазами украшенный фельд-
 маршалскій жезлъ, «за разумное полководство»; ина-

ту, съ алмазами, «за храбрый предпріятіи»; шевроувъ вѣнокъ, «за победы»; масличную вѣтвь «за заслуги къ миру»; крестъ и звѣзду ордена Святаго Андрея Первозваннаго, «въ знакъ монаршаго благоволенія»; медалъ съ его изображеніемъ; «въ честь побѣдителя» для поощренія потомства его «примѣрять»; дарованію въ пять тысячъ душъ, въ Бѣлоруссіи, «для увеселенія его»; сто тысячъ рублей «на постройку дому»; серебрянный сервізъ «для стола», и картины «на убранство дому». Этому мало: императрица желала устроить для Задунайскаго триумфальный вѣздъ въ столицу. Но скромный герой, привыкшій къ лагерной жизни, отказался отъ этой почести, и явилъ себѣ еще болѣе великимъ въ глазахъ соотечественниковъ.

Въ слѣдующемъ году Румянцовъ сопровождалъ наследника престола въ Берлинъ, по случаю предназначеннаго бракосочетанія его съ племянницей короля прусскаго. «Привѣтствую побѣдителя Оттомановъ!» сказалъ Фридрихъ Великій, когда фельдмаршалъ преклонилъ передъ нимъ свое побѣдоносное чело: «я нахожу большое сходство между вами и моимъ генераломъ Винтерфельдомъ». — Государь, отвѣчалъ Румянцовъ, для меня весьма лестно было бы хотѣть немного походить на генерала, столь славно служившаго Фридриху. — «Нѣтъ, возразилъ король, вы должны гордиться не этимъ, но побѣдами, которыя передадутъ имя Румянцова позднѣйшему потомству».

Возвратясь въ отечество, графъ Петръ Александровичъ, по-прежнему, вступилъ въ управленіе Малороссіею. Въ то время Потемкинъ, бывшій въ турецкую войну подъ начальствомъ его, представлялъ первое лицо въ государствѣ. Благоволеніе Императрицы къ кавказскому вѣдущему не изменилось: она продолжала награждать его отличіями и почестями. Но совсѣмъ-тѣмъ, Задунайскій представлялъ уже второстепеннаго поавождца: По-

тонкими «близкими» : Когда Екатерина предприняла путешествие въ Тавриду, Румянцовъ, въ Малороссіи присоединяемъ къ себѣ. «На лицѣ этого знаменитавоннаго, говорить очевидецъ, графъ Сегиоръ, «идо-бражались отличительныя черты его характера, съмесь скромности и възвѣтъ гордаго благородства, которымъ всегда украшается жетинное достоинство. Внутренняя печаль и досада на предпочтеніе къ Потемкину; поспрачли величественное чело Задунайскаго. Онъ открыто възвѣлялъ неудовольствіе, между-тѣмъ какъ другіе передворцы тайно старались вредить любимцу счастья; который, по званію президента военной коллегіи и перваго министра, представлялъ къ наградамъ однихъ только своихъ подчиненныхъ, стрѣлялъ великозвѣныя заданія въ върѣтвомъ ему намѣстничествѣ, придавалъ своей арміи блескъ новою красивою одеждою, тогда какъ солдаты Румянцова носили ветхіе мундиры, офицеры не получали новыпеній, казенныя работы въ Украинѣ остановились». Вражда эта, по видимому, въ томъ же году прекратилась : Потемкинъ до открытія военныхъ дѣйствій, писалъ къ Задунайскому письмо, называлъ себя *ученикомъ его*, испрашивалъ совѣтовъ и *посельній своего наставника*.

Побѣдителю Оттомановъ суждено было родиться и умереть въ двѣ значительныя для Россіи эпохи. Осьмаго декабря 1796 года, черезъ мѣсяць по смерти Екатерины Великой, параличный ударъ прекратилъ славную жизнь Румянцова. «Въ память его великихъ заслугъ», императоръ Павелъ I повелѣлъ наложить военный трауръ на три дня.

«Задунайскаго, вѣншетъ Карамзинъ, можно смѣло называть Тюрениномъ Россіи. Онъ былъ мудрый полководецъ, зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю и подчинялъ его върѣтностямъ разсудка; на-

заявля сѣбя знающимъ, но быть только проинтересованъ; соединять рѣшительность съ тихимъ и ласковымъ действиемъ ума; не знать ни страху, ни заискиваемости; бороться въ сраженіяхъ единственно для победы; обожать славу, но могъ бы снести и поражение, чтобы въ самомъ несчастіи доказать свое искусство и величіе; обзаванный природою своимъ гениемъ, онъ прибавилъ къ ея дарамъ и силу науки; чувствовалъ свою цену, но хвасталъ только другихъ; отдавалъ справедливость подлиннымъ, но огорчился бы въ глубинахъ сердца, если бы кто-нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ этого неудовольствія».

Рядомъ съ Румяновымъ, на поприщѣ великаго подвига лежалъ покоритель Очакова и Крыма, славный побѣдами и блестящими праздниками, великодушный князь Тавриды, Григорій Александровичъ Потемкинъ, мужественный воинъ и искусный министръ, о которомъ Суворовъ говорилъ, что онъ былъ «великій человекъ и человекъ великій; великъ умомъ, великъ и ростомъ; не походилъ на того высокаго французскаго посла въ Лондонъ, о которомъ панцлеръ Беконъ сказала, что чердакъ обыкновенно худо мебелируютъ». Вглянитесь на этотъ портретъ. Это тотъ самый Потемкинъ, который то мечталъ о курляндскомъ герцогствѣ, о коронѣ польской, то хотѣлъ быть архіереемъ, монахомъ; это хитрый и доверчивый, гордый и обходительный, скрытый и откровенный, расточительный и скупой, жестокий и сострадательный, робкій и отважный, скромный и честолюбивый Потемкинъ, котораго Екатерина называла своимъ воспитанникомъ. «Я произвела его во всѣ чины, говорила она, отъ унтеръ-офицера до генералъ-фельдмаршала. Онъ имѣлъ необыкновенный умъ, горячій нравъ, сердце доброе; глядѣлъ вѣчно въ небо и потому не былъ любимъ; но, давая нелюбимыя, благодѣлствовалъ даже врагамъ своимъ. Его нельзя было подкупить. Трудно найти другаго, подобнаго ему».

Вотъ трезое и самое благотворное свѣтлое рус-
ской военной славы время: Екатерина, вотъ Суво-
ровъ.

Генералъ-фельдмаршалъ и генералиссимусъ, князь
Александръ Васильевичъ Италійскій, графъ Суворовъ-
Рымникскій, сынъ генералъ-аншефа и сенатора Васи-
лія Ивановича Суворова, родился въ Москвѣ, тринад-
цатаго ноября 1729 года. Отецъ, человекъ просвѣщен-
ный и зажиточный, приготовлялъ его къ гражданской
службѣ, но Александръ Васильевичъ съ юныхъ лѣтъ
оказывалъ предпочтеніе къ военной и заставилъ роди-
теля переменить намѣреніе. Онъ былъ записанъ въ
Семеновскій полкъ и продолжалъ учиться въ сухопут-
номъ кадетскомъ корпусѣ, съ успѣхомъ занимался язы-
ками отечественнымъ, французскимъ, нѣмецкимъ, ита-
ліанскимъ, исторіей и философіей, съ жадностію чи-
талъ Корнелія Непота, Плутарха, описаніе походовъ
Тюрения и Монтекукулли, и зналъ Вобана почти на-
изусть.

Медленно возмывался Суворовъ. Современники ему
полководцы шагали гораздо быстрее: Румянцовъ, на
двѣнадцатомъ году, былъ полковникомъ; Потемкинъ,
на двадцать шестомъ, намѣръ-юнкеромъ двора, въ чи-
нѣ бригадира; Репнинъ, въ тѣхъ же лѣтахъ, полко-
вникомъ; Суворовъ служилъ капраломъ, унтеръ-офи-
церомъ, сержантомъ и уже на двадцать-пятомъ году
выпущенъ поручикомъ. Черезъ пять лѣтъ, 1759, ког-
да побѣдоносныя войска наши въ третій разъ вступили
въ Пруссію, Суворовъ имѣлъ чинъ премьеръ-маіора и уча-
ствовалъ въ побѣдѣ Фридриха Великаго при Франк-
фуртѣ. «Я бы пошелъ прямо къ Берлину», оказалъ
онъ, когда главнокомандующій повелъ армию обрат-
но къ Одеру. Отважность, быстрота, внезапность, уже тог-
да были принадлежностію Суворова. Онъ имѣлъ мно-
гія стычки съ неприятелемъ, и вездѣ дѣйствовалъ съ по-

обыкновеннымъ усилкомъ. Держась правая, яте «обладать и въ мирное время на войнѣ», онъ обучалъ солдатъ своихъ разнымъ маневрамъ, дѣлалъ фальшивыя тревоги, большіе, быстрые переходы. Однажды, проходя мимо монастыря, ему захотѣлось показать имъ штурмъ. Онъ тотчасъ составилъ планъ; полкъ, исполняя повелѣнія дачальника, бросился, по всемъ правиламъ приступа, и овладѣлъ монастыремъ. Екатерина пожелала видѣть чудака. «Это первое свиданіе, говорилъ Суворовъ, проложило мнѣ путь къ славѣ».

Прошло шесть лѣтъ по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Пруссіи, и Суворовъ, съ чиномъ бригадира, отправленъ, въ 1768, съ величайшею поспѣшностію къ польскимъ границамъ, гдѣ его ожидали побѣды надъ конфедератами. Въ 1773, онъ перешелъ въ армию Задунайскаго и поступилъ въ корпусъ генералъ-аншефа Салтыкова. Первый шагъ Суворова, въ предѣлахъ Турціи, ознаменованъ побѣдой. Салтыковъ отрядилъ его къ Туртукаю. Генералъ-маіоръ Суворовъ въ одну ночь прискакалъ, не почтѣ, въ Негошигъ; въ три дня осмотрѣлъ мѣстоположеніе, все устроилъ, и, несмотря на приказаніе Румянцева отступить, овладѣлъ Туртукаемъ, прекратилъ Туркамъ сообщеніе между Салистрией и Бушукюмъ, обезопасилъ отряды, посылаемые отъ устья Арпаса, и, уведомляя Румянцева объ этомъ стихами:

«Слава Бегу! слава вамъ!

Туртукской влады, и я тамъ».

Задунайскій представилъ императрицѣ оригинальный рапортъ, «какъ безпримѣрный лаконичный безпримѣрнаго Суворова», но въ сѣть долженъ былъ предать слушника суду. «Римъ, говорилъ потомъ Суворовъ, меня бы казнилъ. Военная коллегія поднесла докладъ, въ которомъ секретарь ея не вынулъ изъ ни одного заго-

на на мою погибель, но Екатерина написала — побѣдишь судить не должно, и остался въ арміи, на служеніе моей спасительницѣ». Военный орденъ святаго Георгія, большаго креста, втораго класса, былъ наградою его знаменитаго подвига.

Кучукъ-кайнарджійскій договоръ положилъ конецъ кровопролитной брани. Уюлкли громы на берегахъ Дуная, но еще продолжались въ нѣдрахъ нашего отечества, доколь Суворовъ не привезъ къ графу Панину мятежника, дерзкаго самозванца Пугачева, въ деревянной плѣткѣ.

Вскорѣ въ древней столицѣ ошастливленной присутвіемъ государыни, праздновали миръ съ Оттоманскою Портою: Суворовъ награжденъ золотою шпатою, осыпанною брилліантами, и наименованъ побѣдиъ начальникомъ Санктпетербургской дивизіи. Тогда Потемкинъ, съ которымъ Суворовъ сравнился было на полѣ чести, вдругъ, предприимчивымъ умомъ и отважностію, опередилъ многихъ, сдѣлался главнымъ вѣлможею въ государствѣ и приступилъ къ исполненію гигантскаго плану — нагнать невѣрныхъ изъ Европы. Войска наши вступили въ Крымъ, подъ предводительствомъ князя Прозоровскаго. Явился Суворовъ, и разсвѣлъ скопища хана Девлетъ-Гирея, содѣйствовалъ Прозоровскому въ утвержденіи въ достоинствѣ хана Шагинъ-Гирея, малодушнаго и неспособнаго управлять народомъ, котораго политическое существованіе исчезло съ возстановленіемъ мнимой независимости. Турція готовилась къ новой войнѣ. Суворовъ укрѣпилъ правый берегъ Кубані, сдѣлалъ укрѣпленія въ разныхъ пунктахъ полуострова и даже въ горахъ. Въ началѣ 1778, князь Прозоровскій отозванъ въ Петербургъ, и войска, находившіяся въ Крыму, поручены Суворову. Турецкій флотъ крейсировалъ въ Черномъ Морѣ, подступилъ къ берегу Крыма, угрожалъ высадкою, но удалился безъ бою.

Между-тѣмъ неутомимый полководецъ занялся переселеніемъ двадцати тысячъ Грековъ и Армянъ въ Екатеринбургскую губернію. Духовенство содѣйствовало ему, но министры, управлявшіе новыя ханомъ, встали противъ распоряженій, которыя лишали ихъ значительныхъ доходовъ. Суворовъ окружилъ домъ солдатами, навелъ пушку, и министры на все согласились. Въ половинѣ 1779 года, Порта признала Шагинъ-Гирей ханомъ; Суворовъ вышелъ изъ Крыма, вслѣдъ за тѣмъ присоединеннаго къ Россійской имперіи.

Россія наслаждалась миромъ, и Суворовъ, въ Малороссіи, занимался обученіемъ своихъ полковъ. Императрица предприняла путешествіе въ полуденный край, и встрѣтивъ Суворова, въ Кременчугъ, спросила, не имѣетъ ли онъ какой просьбы. Заслуженный воинъ бросился къ ногамъ государыни и умолялъ о заплата денегъ за квартиру. Въ тотъ же день выдано ему двадцать пять рублей съ копейками. Но разрывъ съ Портою былъ неизбѣженъ. Турки снова приступили къ нашимъ предѣламъ, и Суворовъ снова полетѣлъ защищать ихъ. Вотъ, послѣ жаркой и опасной скватки, что писалъ онъ къ дочери, которая воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. — «У насъ были драки сильнѣе нежели вы деретесь за волосы; а какъ вправду потанцовали, въ боку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ нуля дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрѣлили: насилу, часовъ черезъ семь, отпустили съ театра въ намеру. Я теперь только-что возвратился; выгладилъ близъ пяти сотъ верстъ верхомъ, въ шесть дней и ночью. Какъ же весело на Черноомъ Морѣ, на Лиманѣ! Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики; во полямъ жаворонки, синички, ливчан, а въ водѣ стерляди, осетры: пропасть! Прости, мой другъ, Наташа»...

Оправившись отъ тяжелой болѣзни, послѣ кинбурнскихъ ранъ, Суворовъ, принявъ, въ Берладѣ, корпусъ,

возрешный генералъ-поручикъ Дерфельдену, и по приказанію князя Рымниа, начальствовавшего въ Молдавіи и Бессарабіи, вступилъ въ сношенія съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, который командовалъ вспомогательными австрійскими войсками. Двадцать-перваго іюля 1789. произошло сраженіе при Фокшанахъ, гдѣ осьмнадцать тысячъ Австрійцевъ и семь тысячъ Русскихъ совершенно разбили сорокъ тысячъ Турковъ. Вскорѣ верховный визирь, съ шестидесяти-тысячнымъ войскомъ, переправился отъ Браилова черезъ рѣку Бузео и сталъ лагеремъ при деревнѣ Градонешти, въ близкомъ разстояніи отъ Австрійцевъ. Принцъ отправилъ нарочнаго къ Суворову, который находился въ Берладъ. Русскій полководецъ сначала не спѣшилъ походомъ, но получивъ второе увѣдомленіе, далъ письменный отвѣтъ въ двухъ словахъ — «Иду. Суворовъ», полетѣлъ на помощь союзникамъ и, 9 сентября, вечеромъ, соединился съ ними, въ виду неприятеля. Принцъ тотчасъ пригласилъ его къ себѣ, но получалъ въ отвѣтъ, что «Суворовъ Богу молится». Принцъ отправилъ другаго посланнаго. «Суворовъ уживаетъ», отвѣчалъ герой. Явился третій и услышалъ, — «Суворовъ спитъ». Между-тѣмъ дѣятельный полководецъ не помышлялъ о снѣ. Онъ съ высокаго дерева обозрѣвалъ мѣстоположеніе и, на разсвѣтъ, явился къ принцу, условиться о нападеніи. «Если бѣ при самомъ началѣ, сказалъ Суворовъ генераламъ, пошелъ я къ принцу, мы провели бы всю ночь въ толкованіяхъ *тактическихкихъ*, мы спорили бы и упустили время».

Одннадцатаго сентября происходила достопамятная битва при Рымникъ, слѣдствіемъ которой были взятіе Бендеръ Лаудономъ, сдача Бендеръ и Акермана Потемкину. Екатерина наградила Суворова брилліантовыми знаками ордена Святаго Андрея Первозваннаго, шпагою, украшенною брилліантами, и лавровымъ вѣнкомъ, съ надписью — «Побѣдителя великаго визиря», и

Т. XLVI. — Отд. V.

вслѣдъ затѣмъ препроводили къ нему дипломъ на греческое достоинство российской имперіи, съ императорскимъ Рымлякскаго, также георгиевскій орденъ первой степени. Последняя награда чрезвычайнае обрадовала героя. Между-тѣмъ оружіе наше торжествовало и во многихъ другихъ мѣстахъ Турціи; контръ-адмиралъ Рибасъ овладѣлъ Тульчею, братъ его вступилъ въ Исакчу, Гудовичъ въ Килию. Тогда Потемкинъ, въ глубокую осень, приказалъ Суворову *взять Измаилъ, во что бы то ни стало*. Седьмого декабря, Суворовъ вступилъ въ сношенія съ сераскиромъ, два раза убѣждалъ его сдать крѣпость. Гордый Адзулу-Паша, надѣясь на неприступность своей твердыни, отвѣчалъ, — «Скорѣе Дунай остановится въ теченіи своемъ и небо преклонится къ землѣ, нежели сдастся Измаилъ». Суворовъ въ третій разъ увѣдомилъ сераскира, что, если въ тотъ же день не выставитъ онъ бѣлаго флага, крѣпость будетъ взята приступомъ, а гарнизонъ сдѣлается жертвою смелосточенныхъ побѣдителей. Паша оставилъ отвѣтъ главннкомандующаго безъ отгову. Въ то время князь Трубецскій, страшась погрязнуть славу русскаго оружія неудачей, вдругъ отменилъ данное приказаніе, и совѣтовалъ Суворову не отвѣщаться на приступъ, если онъ не совершенно увѣренъ въ успѣхъ. «Мое мнѣніе непременно, отвѣчалъ Суворовъ: два раза русское войско было у воротъ Измаила; стыдно будетъ, если въ третій оно отступить не вошедши въ него». Собрали были военный совѣтъ. Бригадиръ Платовъ первый написалъ — *штурмовать*. Всѣ подтвердили то же. Суворовъ вѣбжалъ въ ставку, перецѣловалъ вѣвчъ и сказалъ, — «Одинъ день Богу молиться; другой день умилясь; въ третій день славная смерть или побѣда!». Одинадцатаго числа, въ четыре часа по полудни, крѣпость была взята. «Гордый Измаилъ палъ къ стопамъ вашего императорскаго величества!» — *домосъ Суворовъ государынъ, и въ то же время написалъ къ*

фельдмаршалу, — «Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила!»!

Тогда князь Таврическій былъ въ Яссахъ, гдѣ, среди блеску и пышности, предавался внутренней скорби, страшился потерять свое значеніе. Онъ притягивалъ къ себѣ покорителя Измаила, желалъ сдѣлать ему почетную встрѣчу, велѣлъ разставить по дорогѣ парочкѣхъ сигнальщиковъ и поручилъ любимцу своему, Воуру, доложить лишь только генералъ-аншефъ будетъ подъѣзжать къ городу. Суворовъ нарочно пріѣхалъ въ Яссы ночью, и на другой день отправился къ фельдмаршалу, въ длинной молдавнанской повозкѣ, запряженной парой, съ кучеромъ и лакеемъ, въ широкихъ платьяхъ. Проницательный Воуръ, несмотря на страшный жкинажъ, узналъ Суворова, когда онъ въѣхалъ въ ворота княжескаго дворна, и успѣшилъ уведомить фельдмаршала. Потемкинъ немедленно вышелъ на парадное крыльцо, но не успѣлъ сойти трехъ ступеней какъ увидѣлъ Суворова передъ собой. «Чѣмъ могу я васъ награждать за ваши заслуги?» сказалъ Потемкинъ, обнищая его. — «Нѣтъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ неспѣшно Суворовъ, я не купецъ, и не пріѣхалъ съ вами торговаться. Мнѣ награждать, кромя Бога и всемилостивѣйшей государини, никто не можетъ.» — Потемкинъ перевалился въ лицъ, замолчалъ и пошелъ въ залу. Тамъ Суворовъ подалъ ему рапортъ. Фельдмаршалъ принялъ его съ привѣтливой холодностью, и они, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по залѣ, разстались въ разговорѣ не слова.

Суворовъ явился въ Петербургъ въ началѣ 1791, Императрица велѣла спросить, гдѣ ждетъ онъ быть, наместникомъ. «Я знаю, отвѣчалъ полководецъ, что Матушка Царица сдѣлникомъ любитъ своихъ подданныхъ, чтобы мною наклатъ какую-либо провинцію. Я размырю плечъ съ бременемъ; какое могу поднеть. Для другаго же, въ моготу фельдмаршала, кой мундиръ,» Но Пе-

тёмкинъ, оскорбленный Суворовымъ, воспрепятство-
валъ ему тогда получить военачальнической жезлъ.
Присутствіе графа Римникскаго тяготило гордаго вель-
можу, который приготавлилъ въ Таврическомъ дворцѣ
великолѣпный праздникъ для Екатерины, по случаю
взятія Измаила, и намѣревался представить ей цѣль-
ныхъ пажей. Двадцать-шестаго апрѣля Суворовъ от-
правленъ въ Финляндію, съ порученіемъ укрѣпить гра-
ницу. Скоро, однако жъ, неустройства и мятежи въ Поль-
шѣ открыли ему новый путь къ славѣ. Пала Прага, и
Варшава поднесла ключи побѣдителя. «Ура! Варшава
манна!» донесъ Суворовъ государынѣ, и среди полного
торжества вспомнилъ о херсонскомъ изгнанникѣ, Валь-
ронтѣ, который былъ разжалованъ въ матросы. «Знаю,
писалъ онъ въ Петербургъ, что Матушка-Царица меня
наградить; но величайшая для меня награда — помило-
ваніе Вальронта.» Екатерина отвѣчала побѣдителя
также тремя словами, — «Ура! фельдмаршалъ Суво-
ровъ!», пожаловала ему военачальнической жезлъ, осы-
панный брилліантами, и семь тысячъ душъ крестьянъ
около Кобрина. «Вы видите, говорила императрица въ
раскриптъ, что я никого не произвожу черезъ очередь, и
никогда не дѣлаю обиды старшимъ; но вы, завоевавъ
Польшу, сами сдѣлали себя фельдмаршаломъ.» Вальро-
нту возвращенъ чинъ капитана первого ранга.

Во всехъ дѣйствіяхъ своихъ единственный, Суворовъ
праздновалъ полученіе фельдмаршальскаго достоинства
слѣдующимъ образомъ: приказалъ поставить въ по-
ходной церкви нѣсколько стульевъ, соотвѣтственно чи-
слу лицъ, которыхъ онъ обещалъ; тогда явился въ на-
дѣтку въ камзолѣ, и началъ перепрыгивать черезъ
стулья, именуя, по одиночѣ, старшихъ генералъ-ар-
шефовъ, — двухъ Салтыковыхъ, Рѣпинна, Долгорука-
го, Эльмта, Прозоровскаго, Мусина-Пушкина, Камен-
скаго, Каховскаго, — потомъ надѣлъ фельдмаршальскій

мундиръ, всѣ свои ордена; принялъ жезлъ, велѣлъ служить благодарственный молебенъ и вышелъ къ войску.

Вскорѣ императрица переселилась въ вѣчность. Фельдмаршалъ неутѣшно оплакивалъ невозвратную потерю. «Безъ Матушки-Царицы, говорилъ онъ со слезами, не видать бы мнѣ Кинбурна, Рымника, Измаила и Варшавы!»

По военной части послѣдовали разныя перемѣны: Суворовъ наименованъ предводителемъ екатеринославской дивизіи, и получилъ маленькія палочки для мѣры косъ и буклей солдатскихъ. Не терпя нововведеній; онъ сказалъ, — «Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ; я не Нѣмецъ, а природный Русакъ.» Слова эти, обратившіеся въ пословицу, перелетѣли въ столицу въ то самое время, когда фельдмаршалъ изложилъ въ письмѣ къ императору, что онъ скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ. Тогда послѣдовало именное повелѣніе: «За сдѣланный отзывъ фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, ему дѣлать нечего, — онъ отставляется отъ службы.»

Оставляя дивизію, Суворовъ собралъ полки, велѣлъ сдѣлать передъ фронтомъ пирамиду изъ литавръ и барабановъ, вышелъ въ простомъ гренадерскомъ мундирѣ, но во всѣхъ орденахъ. «Прощайте ребята! друзья! чудо-богатыри! говорилъ онъ: молитесь Богу; мы дрались со славою и будемъ опять вмѣстѣ!» Потомъ, снявъ съ себя знаки отличій и положивъ ихъ на пирамиду, прибавилъ, — «Настанетъ время, когда Суворовъ снова явится среди васъ, и возьметъ назадъ то, что теперь оставляетъ вамъ.» Мужественные воины не могли удержаться отъ слезъ, разставаясь съ отцомъ-командиромъ.

Суворовъ избралъ мѣстомъ пребыванія Москву, гдѣ

имѣть небольшой домъ. Но частный майоръ объявилъ фельдмаршалу приказаніе отправиться съ нимъ въ деревню, по случаю скорого прибытія императора въ столицу. «Сколько назначено швъ времени, для приведенія въ порядокъ дѣлъ?» хладнокровно спросилъ Суворовъ полицейскаго чиновника. — «Четыре часа,» отвѣчалъ майоръ. — «О! слишкомъ много милости : для Суворова довольно одного часу.» Дорожная карета ожидала его у крыльца. «Суворовъ, вдушій въ ссылку, сказалъ онъ, не имѣетъ надобности въ каретѣ, можетъ отправиться туда въ томъ экипажѣ, въ какомъ ѣздилъ ко двору Екатерины или въ армію.» Подвезли кибитку, и майоръ принужденъ былъ проѣхать въ ней съ фельдмаршаломъ пять сотъ верстъ.

Удаленный въ свое село Кончанское, побѣдитель Турціи и Польши проводилъ остатокъ знаменитыхъ дней въ бѣдной хижинѣ, звонилъ въ колокола, пѣлъ на клиросѣ, читалъ въ церкви аностолъ, писалъ своимъ «Замѣтки» и, съ немногими особами, которыя посѣщали его, любилъ бесѣдовать о дѣлахъ Европы. Протекло нѣсколько времени, и къ опальному явился курьеръ, съ рескриптомъ отъ Императора. Суворовъ былъ тогда въ банѣ, куда велѣлъ прійти и посланному. На пакетѣ было написано большими буквами—*Генераль-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому*. «Это не ко мнѣ,» сказалъ хладнокровно старый герой, прочитавъ надпись ; фельдмаршалъ при войскѣ; я въ деревнѣ.» Изумленный курьеръ тщетно увѣрялъ его, что присланъ къ нему, а не къ другому. Суворовъ рѣшительно отказался отъ рескрипта, и нарочный, пропотѣвъ довольно долго въ банѣ, отправился обратно въ Петербургъ, съ чѣмъ пріѣхалъ. Государь не обнаружилъ досады своей, но съ того времени надзоръ за изгнанникомъ усиленъ. Лишась надежды быть полезнымъ отечеству, Суворовъ обратился къ государю съ просьбой, дозволить ему удалиться въ Нилуvu пустынь. «Я намѣренъ, писалъ онъ,

сказать тамъ братіе дѣла въ службѣ Богу. Неумы-
сленности прости, милосердый государь!» Отвѣта не
было : Суворова ожидаютъ душищій жребій.

Пользуясь бездѣйствіемъ сильнѣйшихъ государствъ
Европы, французская республика продолжала свои за-
воеванія и угрожала Австріи. Принцъ Оранскій, назна-
ченный предводителемъ войскъ въ Италиі, скончался;
баронъ Меласъ заступилъ его мѣсто. Императоръ Па-
велъ I, не желая приобрѣтеній, но имѣя въ виду безо-
пасность Европы, и полагая, что другіе монархи по-
слѣдуютъ его великодушному примѣру, двинулъ въ
австрійскія наслѣдственныя владѣнія вспомогательный
корпусъ, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи
Розенберга. Французскою арміею предводительствовалъ
Журданъ. Ему были подчинены Массена и Бернадотъ.
Эригерцогъ Карлъ вступилъ въ Швабію. Въ это время
Австрія и Англія обратились къ Императору Павлу I
съ просьбою вернуть начальство надъ союзными вой-
сками Суворову. «Вотъ, Русскіе на все пригожаются!»
сказалъ Императоръ графу Растопчину, управлявшему
тогда иностранными дѣлами, и, взявъ перо, написалъ
слѣдующій лестный рескриптъ, —

«Графъ Александръ Васильевичъ ! Теперь намъ не
время разсчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Рим-
скій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей
арміи, и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италиі. Мое
дѣло на сіе согласиться, а ваше — спасти ихъ. Поспѣ-
шите пріѣздомъ сюда, и не отнимайте у славы вашей
время, у Меня удовольствія васъ видѣть. Пребываю
вамъ доброжелательнымъ. Павелъ.

Облебызавъ рескриптъ, Суворовъ прижалъ его къ
своимъ ранамъ, немедленно отслужилъ молебны въ
сельской церкви и, готовясь къ невозвратнымъ поди-
гамъ, отдалъ слѣдующій приказъ старостѣ : « Часъ се-

бираться, другой отпрапляется. Походка съ четверно товарищами; я въ повозкѣ, они въ саняхъ. Лошадей осьмнадцать, а не двадцать четыре. Взять денегъ на дорогу двѣсти пятьдесятъ рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Фомкѣ и сказать, чтобъ такую сумму повернулъ, потому что я ѣду не на шутку. Да я жь служилъ и дьячка, пѣлъ басомъ, а теперь побѣду пѣть Марсомъ.

Завистники утверждали, что побѣдитель нбустроенныхъ войскъ турецкихъ и польскихъ утратитъ всю свою силу предъ искусными вождями Франціи. Нелѣпые отзывы доходили до Суворова. Онъ отомстил тайнымъ врагамъ.... дѣлами.

Начался новый рядъ блистательныхъ подвиговъ, которые доставили Суворову прозваніе князя Италійскаго, и которыхъ лучезарнымъ вѣнцомъ былъ переходъ черезъ Альпы.

Показались грозные утесы Семъ-Готара. Осенняя ненастная погода придавала этой дикой громадѣ еще болѣе мрачности. Между солдатами, утомленными отъ дальнихъ маршей, воцарилъ рожокъ на трудный переходъ. Услышавъ негодованіе, Суворовъ предоставилъ имъ на выборъ — повиноваться безпрекословно или предать его землѣ, у подошвы горы, и вельмъ рыть могли. «Здѣсь похороните меня, сказалъ герой: вы болѣе не дѣти мои; я болѣе не отецъ вамъ. Мнѣ ничего не останется кромь смерти.» Изумленные, растроганные солдаты бросились къ вождю съ громкими криками, — «Веди, веди, насъ!» — и подняли его на руки. Въ донесеніи государю Суворовъ такъ описалъ свой знаменитый переходъ:

«На каждомъ шагѣ, въ этомъ царствѣ ужаса, мѣлкія пропасти представляли отвѣстныя, и поглощающія топыя, гробы смерти. Дремучія, мрачныя пещи, непроходимыя ударяющіе громаы, лиющіеся дожди и густой

гуманно облаговъ , при шумныхъ водопадахъ , съ джоньями съ вершинъ низвергавшихся , увеличивали трепетъ . Тамъ явилась зрѣнію нашему гора Сейт-Готардъ , этотъ величайшійся колоссъ горъ , нища дреботоу котораго громахосныя облака плаваютъ , и другая , удоблющаяся ей , Фогельсбергъ . Вся опасности , вся трудности были преодолены , и при таковой борьбѣ со всеми стихіями , непріятель , гнѣздившійся въ ущелияхъ и въ неприступныхъ , выгоднѣйшихъ мѣстополюженіяхъ , не могъ противустоять храбрости вонноу , явившихся неожиданно на этомъ новомъ театрѣ : онъ всюду прогнавъ . Войска вашего императорскаго величества прошли черезъ темную горную пещеру Урзерн-Лохъ , заняли мѣсть , удивительною игрою природы из двухъ горъ сооруженный и проименованный Тейфельсбрикъ (чертовымъ) . Омый разрушенъ непріателемъ ; но это не остановило побѣдителей : они связываютъ доски шарами офицеровъ , бѣгутъ по этимъ доскамъ , спускаются съ вершинъ въ бездны , и достигая врага , поражаютъ его всюду . На послѣдокъ надлежало вослѣдъ на снѣжную гору Бикшнеръ-Бергъ , скалистою крутизною всю прочія превышающую ; утопая въ скользкой грязи , должно было подыматься противъ и посреди водопада , низвергавшагося съ ревомъ , и низвергавшаго съ яростію страшные камни , снѣжныя и земляныя глыбы , на которыхъ много людей , съ лошади , съ величайшимъ стремленіемъ летѣли въ преисподніа пучины , гдѣ многіе убивались , а многіе спасались . Всякое израженіе недостаточно къ изображенію этой картины во всемъ ея ужасѣ . Единое воспоминаніе исполняетъ душу трепетомъ и теплымъ благодарственнымъ моленіемъ къ Всевышнему , Его же невидимая , всеильная десница видимо охраняла воинство вашего императорскаго величества , подвизавшееся съ Богомъ и вѣроу .

Суворовъ совершилъ невозможный походъ , среди

своего войска, на лошади, едва золоченной кони, въ круглой большой напунжиной шляпѣ и въ синемъ обшталомъ плащѣ, который достался ему отъ отца и былъ извѣстенъ подъ именемъ *редимаскино*. «Бла-ришь вышь въ уша вышннль, говорили солдаты во-лукъ: Божь вѣсть, куда насъ завель!» Суворовъ, слышавшій это, спрашивалъ обыкновенно, что они говорятъ. «Амъ омыните сами,» отвѣчали ему. — «Да! кричалъ онъ, пошнлуу Богъ! они меня хвалютъ; такъ хвалили они меня въ Туретчинъ и въ Подышь.» И утомленные солдаты хохотали, забывали свою усталость, радостно повторяли слова предводителя, — «Впередъ! съ нами Богъ! русское войско побвдоносно! Ура!» — *адль нвтъ des belles retirades*, улыбаясь говорилъ Суворовъ приближеннымъ: развѣ въ пропастяхъ.» Одно слово *retirada* приводило его въ гнѣвъ и вступленіе. Окруженный со всехъ сторонъ непріятелемъ и оставленный союзниками, онъ повторялъ, — «Не дамъ костей своимъ врагамъ; умру здѣсь, и изыщите на камиъ — Суворовъ, жертва измыны, но не трусосяи.» Великій князь Константинъ Павловичъ, участвовавшій въ итальянской кампаніи, проводилъ съ фельдмаршаломъ ночи подъ открытымъ небомъ; иногда, въ равнинахъ только, нн-ли они пристанище въ сараяхъ, гдѣ, въ лѣтнее время, укрываются отъ непогоды насущіяся стада.

Выгнанные Французовъ изъ горныхъ ущелій, обративъ ихъ въ бѣгство, сначала къ долинь Урзернъ, потомъ, черезъ Чортовъ Мостъ, за мѣстечко Вазенъ, въ Амстегу, и занявъ городъ Альтдорфъ, Суворовъ пре-одолѣлъ съ своимъ войскомъ чрезвычайныя трудности при переходѣ черезъ Кольмбергъ, высочайшую гору до Сентъ-Говаръ. Армія вступила въ Мутанъ. Здѣсь фельдмаршалъ узналъ о печальной участи корпусовъ Римскаго-Корсакова и Готце. Слѣдуя повелѣніямъ ав-стрийскаго гоокригерага, эрцгерцога Карлъ оставилъ

Швейцарію въ то самое время, когда, соединивъ силы свои съ Римскимъ-Корсаковымъ и Готце, — которые въ составили бы до ста тысячъ, — хотъ разбить Массену, имѣвшаго подъ ружьемъ только шестьдесятъ тысячъ. Французскій генераль, узнавъ о приближеніи Суворова, рѣшился внезапнымъ ударомъ отдратить угрожавшую опасность. Готце, храбро обороняясь отъ Сульта, палъ героемъ при деревнѣ Шандисъ; Римскій-Корсаковъ, растянувшій силы свои въ Швейцаріи, по случаю удаленія эрцгерцога, послѣ упорныхъ битвъ, былъ окруженъ въ Цирихъ многочисленнымъ непріателемъ, не согласился на постыдныя условія и, съ десяти-тысячнымъ корпусомъ, съ двѣнадцатью орудіями, нитками проложилъ себѣ дорогу къ Элизгау, сквозь сорока-тысячную армію. Жители Швейцаріи не отважились возстать единодушно: нѣсколько тысячъ сражались подъ знаменами Французовъ и не щадили Русскихъ, пришедшихъ защищать ихъ свободу.

У Суворова оставалось менѣе двадцати тысячъ войска, утомленнаго битвами и дальними походами, почти безъ патроновъ и пороху: онъ не могъ дѣйствовать наступательно, въ открытыхъ долинахъ, противъ Массены, который былъ втрое сильнѣе, и, обдумавъ дѣло въ военномъ совѣтѣ, рѣшился итти на Гларисъ горами, и открыть себѣ нуть оружіемъ. Непріатель нападалъ на Русскихъ днемъ и ночью, со всѣхъ сторонъ; въ мокрую, холодную погоду они должны были подниматься на утесы, покрытые снѣгомъ, проходить по тѣснымъ, болотистымъ дорогамъ, и, вправо отъ Глариса, пробиваться вооруженною рукой въ Коиру. Безпрестанно происходили кровопролитныя сраженія, въ которыхъ воины Суворова всегда оставались побѣдителями. Наконецъ, послѣ шестнадцати-дневнаго побѣдоноснаго странствованія по альпійскимъ горамъ, Русскіе достигли Хура, откуда выступили, черезъ Майнфельдъ и

Баллеръ, въ Фельдмаршалъ. Переговоры съ австрійскими министрами ни къ чему не поведутъ, и вскорѣ послѣдуютъ формальное объявленіе императора Павла I, что онъ прекращаетъ свое участіе въ дѣлѣ.

«Государь, братъ мой, писалъ великодушный монархъ Россіи къ императору Францу II : вашему величеству должно уже быть извѣстно о послѣдствіяхъ удаленія изъ Швейцаріи вашей арміи, — подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, — совершившагося вопреки всѣхъ причинъ свѣта, по коимъ она оставалась тамъ до соединенія фельдмаршала князя Италійскаго съ генералъ-лейтенантомъ Корсаковымъ. Видя войска мои оставленныя и такимъ образомъ преданныя неприятелю, — политику, противную моимъ намѣреніямъ, и благосостояніе Европы принесенное на жертву, имѣя совершенный поводъ къ негодованію на поведеніе вашего министерства, коего побужденій не желаю знать, я объявляю вашему величеству, съ тѣмъ же чистосердечіемъ, которое заставило меня летѣть на помощь къ вамъ и споспѣшествовать успѣхамъ вашего оружія, что отнынѣ общее дѣло прекращено, дабы не утвердить торжества въ дѣлѣ вредномъ. Пребываемъ съ должнымъ къ вамъ почтеніемъ,» и прочая.

Суворовъ получилъ высочайшее повелѣніе возвратиться въ Россію и, читая въ будущемъ, сказалъ, — «Я билъ Французовъ, но не добилъ. Парижъ мой пудръ; бѣда Европѣ!» Признательный къ заслугамъ, государь возвелъ героя въ почетное достоинство російскаго генералиссимуса.

Сдавъ команду генералу Розенбергу, генералиссимусъ, въ Прагѣ, простился съ войсками, горестно и трогательно : солдаты предчувствовали, что не увидятъ больше своего водителя къ побѣдамъ.

Начало болѣзни Суворова оказалось въ Краковѣ.

Онъ проснулся въ свое кибиткѣ Кобринѣ и тамъ слезъ въ постель. Получивъ нѣкоторое облегченіе, заслуженный воинъ отправился въ Петербургъ, гдѣ его ожидали торжественныя встрѣчи и новыя почести. Но онъ уже не могъ путешествовать по своему обыкновенію, въ кибиткѣ, а вѣхалъ въ дормезѣ, на перицѣ, окруженный врачами, и прибылъ въ столицу чрезвычайно слабый. Спустя двѣ недѣли, Суворовъ причастился Святыхъ Тайнъ, исполнилъ христіанскій долгъ какъ истинный христіанинъ, и простился съ окружающими одръ его. Настала ночь. Въ безпамятствѣ, умирающій, слабымъ голосомъ произносилъ разныя приказанія, какъ-бы находясь съ военачальниками въ главной квартирѣ, твердилъ о Генуѣ, о своихъ новыхъ военныхъ планахъ. Бредъ продолжался до другаго дня, и, наконецъ, шестаго мая 1800 года, во второмъ часу по полудни, Суворовъ умолкъ на всегда, на семьдесятъ второмъ году отъ роду.

Огорченный смертію генералиссимуса, императоръ послалъ своего генералъ-адъютанта утѣшить родственниковъ и объявить имъ, что онъ, наравнѣ съ Россією и съ ними, раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго человека. Великолѣпный гробъ былъ поставленъ въ богато-убранной залѣ, гдѣ, въ продолженіи семи дней, жители столицы орошали брѣнные останки Суворова слезами признательности. Въ назначенный день, вельможи, чиновники и всѣ сословія двинулись къ Александроневской Лаврѣ. Императоръ, окруженный блистательною свитой, ожидалъ печальнаго шествія у Публичной Библіотеки, и, по приближеніи гроба, снявъ шляпу, низко и почтительно поклонился праху знаменитаго мужа, который прославилъ его царствованіемъ. У монастырскихъ воротъ, высокий бадахишъ затруднилъ входъ дрогамъ; уже хотѣли снимать его, какъ одинъ унтеръ-офицеръ, находившійся во всехъ походахъ съ Суворовымъ, вскрикнулъ, — «Оставьте! Онъ пройдетъ какъ и всадъ про-

ходилъ!» Двинулись..... и гробъ проткнулъ блестящее луно.

Тактика Суворова состояла въ трехъ словахъ — *быстрота*, *глазомѣръ*, *натискъ*. Пѣхота его дѣйствовала штыками, конница саблями. «Ошибки великихъ полководцевъ поучительны, говорилъ онъ : за ученаго даютъ трехъ неученыхъ. Намъ мало трехъ! давай намъ шесть, давай намъ десять на одного.... всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ. Береги пулю на три дни, а иногда на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣлай рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишуются, а штыкъ не обмишуются; пуля дура, штыкъ молодецъ». Въ рымникскомъ сраженіи, замѣтивъ ужасныя лица янычаръ, Суворовъ тотчасъ приказалъ солдатамъ *не смотреть бусурманамъ въ лицо, а колоть прямо въ грудь*.

Все Русское было близко сердцу Суворова : любя родину, онъ часто повторялъ, — «Горжусь, что я Русской!» Суворовъ переписывался съ Державинымъ и Костровымъ. Державинъ воспѣлъ его славные подвиги въ безсмертныхъ стихахъ; Костровъ посвятилъ ему свой переводъ «Оссіана.» Эта книга была любимымъ чтеніемъ героя : онъ носилъ ее съ собою во всѣхъ походахъ. «Оссіанъ, мой спутникъ, онъ мнѣ воспламеняетъ, говорилъ онъ : я вижу Фингала, въ туманѣ, сидящаго на высокой скалѣ; слышу слова его : *Оскаръ, одождь виду въ оружіи; щадь слабую руку. Честь и слава двадцать! Они мужаютъ насъ, и дѣлаютъ творцами общихъ благъ.*»

«Хотите ли меня: знаешь, какъ сказать единично Суворовъ : я вѣкъ себя раскрою. Меня назвали царь, любилъ отчизну, друзья мнѣ удивлялись, величавый конюшески, при дворѣ царьчичного съялся. Не бываю при дворѣ, но не придворный, а вѣстникъ, а вѣстникъ, шутокъ и звѣринныхъ лѣтъкъ» говорилъ правду. По-

добро шуту Балакиреву, который былъ при Петръ Первомъ и благодѣтельствовалъ Россіи, кривлялся и корчился. Я пилъ потукѣвъ, пробуждалъ сонливыхъ, угощалъ буйныхъ враговъ Отечества. Если бы я былъ Кесарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороковъ.»

«Суворовъ, говоритъ Дерфельденъ, бывшій втеченіи тридцати пяти лѣтъ его спутникомъ: пробѣжалъ обширное поле исторіи всѣхъ вѣковъ; со вниманіемъ читалъ, слушалъ біографіи великихъ людей; хвалилъ примѣры ихъ величія; но для своей славы проложилъ новую, до того неизвѣстную, тропу. Не имѣя сановитости и дару слова Румянцева, ни милліоновъ Потемкина, и одаренный отъ природы невидною наружностію, онъ началъ играть роль ни отъ кого не заимствованную, а имъ самъ для себя созданную, и выдержалъ ее во всѣхъ превратностяхъ долговременной жизни: былъ героемъ, и казался чудакомъ.»

Но мы такъ заговорились о Суворовѣ, что забыли время; и не мудрено.... Однако жъ пора заперать галерею, и намъ уже нѣтъ возможности говорить объ остальныхъ портретахъ этой залы: мы можемъ только бѣгло указать на нихъ. Ко времени Екатерины Великой относятся еще три генералъ-фельдмаршала, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ. За ними — послѣдняя группа, генералъ-фельдмаршалы государственія императора Павла I: князь Николай Ивановичъ Салтыковъ, князь Николай Васильевичъ Рѣпинъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, графъ Иванъ Карповичъ Эльмтъ, графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Михайло Федотовичъ Каменскій и дюкъ Викторъ-Францискъ Брольіо.

Третью залу украшаютъ четыре портрета славныхъ полководцевъ Александра Благословеннаго, — князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, князь Михаилъ Иларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій и князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.

Отъ четвертой залы у насъ нѣтъ ключа. Четвертая часть прекрасной книги господина Вантыша-Каменскаго, кажется, еще не вышла. По-крайней-мѣрѣ мы ее не знаемъ. Когда мы ее получимъ, то тутъ же вѣсть скажемъ вамъ и о примѣчательнѣйшихъ лицахъ изъ числа тѣхъ, которыхъ, за недостаткомъ мѣста, только назвали здѣсь по имени.

==

1. О НИПОКРАТЪ И ЕГО УЧЕНІИ. *Новое прагматическое сочиненіе. Санктпетербургъ, 1840.*

2. ОНЫТЪ МЕДИЦИНСКОЙ ПОЛЕМИКИ, или *Отчетъ прагматическаго сочиненія о Ганеманъ и Гомеопатіи. Санктпетербургъ, 1841,*

3. UEBER PREISFRAGEN ZUR VERMITTLUNG DER EXTREME IN DER HEILKUNDE. (Von demselben armen Doctor, «der jetzt für die Heilkunde dasselbe ist, was Miraboux und Luther, zu ihrer Zeit, in politischen und geistlichen Reformen, waren»). Leipzig, 1839.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Я не докторъ, и обращаюсь къ вамъ, *savantissimi doctores, medicinae professores* : какъ у васъ, въ медицинѣ, настоящимъ медицинскимъ терминомъ, называется врачъ, который не знаетъ различія между *satyriasis* и *satyrias* или *satyriasmus*?... тотъ, который *satyriasmus*, или *болъзнь, искажающую чловѣческое лицо такъ, что оно бываетъ похоже на лицо Сатира*, принимаетъ за «*болъзненное половое побужденіе*», за *satyriasis*?... тотъ, который «*болъзненное половое побужденіе*» причисляетъ къ *наростамъ*?... да! къ *наростамъ*, именно къ *наростамъ* : я покажу между вами такого «*врача*»; словомъ, который у дѣтей, въ періодъ ихъ жизни, слѣдующемъ тотчасъ за появленіемъ зубовъ, находитъ такой чудный «*наростъ*» каковъ «*болъзненное половое побужденіе*», беретъ послѣ этого, перево-

дять «Афоризмы» Иппократа, издаеть въ то самое время неслыханныя брошюры, воспѣваетъ въ нихъ громкія похвалы самому себѣ, и, съѣвъ верхомъ на какую-то динамико-симметрическую методу леченія, любимаго своего конька, осыпаетъ грубою бранью тѣхъ, которые не вѣрятъ его учености?... Скажите, умоляю васъ, какъ зовутъ такого «врача»? Если не скажете, какъ у васъ такой врачъ называется, хоть по-латыни, то я не могу продолжать статьи, потому что въ порядочномъ русскомъ языкѣ нѣтъ, я не нахожу, не вижу, названія для такого «врача». Всѣмъ вамъ извѣстенъ этотъ афоризмъ почтеннѣйшаго отца вашего, Иппократа: «У дѣтей по-старше (то есть, послѣ прорѣзыванія зубовъ) бываютъ воспаленія горла, искривленіе внутрь затылочныхъ позвонковъ, одышки, задержаніе мочи, камни, круглыя глисты, аскариды, круглыя большія бородавки (*akrochordones*), *сатировыя желваки за ушами (satyriasm)*, зобы (*choirades*), и *другіе наросты (kai t'alla phymata)*, но преимущественно вышесказанные.» Замѣтьте хорошенько эти слова,—бородавки, сатировыя желваки, или сатириазмы, зобы и *другіе наросты*, — и посмотрите теперь, какъ вашъ динамико-симметрической собратъ переводитъ изрѣченіе почтеннѣйшаго отца вашего: «Дѣти, болѣе *взрослыя (!)*, подвержены воспаленіямъ горла, искривленіямъ внутрь затылочныхъ позвонковъ, образованію мочевыхъ и *другихъ* камней, круглымъ глистамъ и аскаридамъ, *висячимъ бородавкамъ, сатириазму (болѣзненному половому побужденію), задержанію мочи, зобамъ, и другимъ различнаго рода и вида наростамъ на тѣлѣ, наиболѣе же вышесказаннымъ*» (стр. 200). Такъ вотъ «болѣзненное половое побужденіе» пошло въ число *и другихъ наростовъ*, подобныхъ камнямъ, глистамъ, бородавкамъ, заушнымъ желвакамъ или сатириазмамъ, и зобамъ! Вѣрите ли вы глазамъ своимъ? Но этого мало: вашъ динамико-симметрической собратъ къ раз-

ряду и других наростовъ (какъ *t'alla rhymata*) относятся еще другой страшной наростъ: какой именно? — задержание мочи, или странгурию!.... странгурию, которая, по логическому порядку исчисления, здравой критикъ текста и явному смыслу рѣчи, должна стоять подлѣ «каменной»! Наконецъ, онъ позволяетъ себѣ и поправлять Иппократа: приписываетъ ему, вмѣсто и другихъ наростамъ, слова, которыхъ авторъ никогда не могъ бы сказать, — и различнаго рода и вида наростамъ на тѣлѣ!.... Откуда взялъ онъ эти наросты различнаго рода и вида? Въ подлинникъ ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ словъ и другихъ подлѣ слова камнямъ! Да и какимъ образомъ попали они на тѣло? Наросты на тѣлѣ: такъ, видно, глисты и камни, растутъ по динамико-симметрической мудрости на тѣлѣ? Иначе быть не можетъ; потому что у Иппократа слово *rhymata*, «наросты», означаетъ все, что нарастаетъ, и равно относится здѣсь къ глистамъ и камнямъ, какъ бородавкамъ, сатириазмамъ и зубамъ; онъ принималъ добровольное зарождение глисть.

Этихъ строкъ я не отыскивалъ: онѣ попались мнѣ случайно; вѣтеръ раскрылъ книгу, и я увидѣлъ, въ статьѣ о маленькихъ дѣтяхъ, слова — сатириазмъ (вмѣсто сатириазмы) или болѣзненное половое побужденіе, то есть, ложный переводъ и бессмыслицу вмѣстѣ. Это заставило меня взять Иппократа и сравнить переводъ этихъ осьми строкъ съ подлинникомъ. Что же выходитъ изъ сравненія первыхъ попавшихся осьми строчекъ? что доказывается ими? Очень не многое; а именно:

1. Совершенное незнаніе языка книги, избранной къ переводу.
2. Совершенное незнаніе духа и помысловъ переводимаго автора.
3. Полное, совершенное и безпредѣльное незнаніе предмета, другими словами, медицины и физиологій, когда *satyriazmi* могли быть приняты за *satyriasis*, и

saturnialis, «болзненное половое побужденіе», могло быть предположено въ дѣтяхъ, едва отнятыхъ отъ груди.

4. Отсутствие всякой логики, доказываемое однимъ уже предположеніемъ, будто-бы какой-либо авторъ со здравымъ смысломъ могъ между «наростами» помѣстить «болзненное половое побужденіе».

5. Полное и совершенное отсутствіе всякой критики: одно только оно и могло не примѣтить, что слово *sigillatim* должно стоять въ другомъ мѣстѣ, а не между «наростами.»

6. Искаженіе и даже совершенное уничтоженіе смысла подлинника произвольными и противными понятіямъ автора прибавленіями при переводѣ такого текста, котораго слова должны быть передаваемы съ дипломатической точностью.

7. Удивительная и непостижимая легкомысленность, браться за переводъ классическаго творенія не изучивъ его языка, автора и предмета, и, все перенутивъ, все исказивъ, гордо вынискать подобный трудъ въ публику съ хвастливыми предисловіями, въ той вѣроятности надеждъ, что никто на Руси не будетъ въ состояніи примѣтить или не захочетъ обнаружить его ученическихъ промаховъ.

Этого ужъ слишкомъ! Этого не можетъ допустить у себя никакая литература, знающая честь себя и другимъ, неговоря о тѣхъ бранчивыхъ брошюрахъ, которыми динамико-симметрической переводчикъ «Афоризмовъ» сопровождаетъ такіе труды, и въ которыхъ онъ очень вѣжливо расточаетъ слова — *ложь* — *невѣжество* — *клевета* — *дерзость* — *безстыдство* — людямъ, больше его смыслящимъ и въ дѣлѣ и въ приличіяхъ. Такая самонадѣянность, при такомъ позорѣ, наносимомъ достоинству печати и русской врачебной литературѣ, заслуживаетъ того, чтобы безъ церемоніи указали ей предѣлы, и мы беремъ убѣдить положительно всѣхъ и каждого,

кому *sic* читать надлежитъ, въ томъ числѣ и самого переводчика «Афоризмовъ» Иппократа, что мѣра его познаній и родъ его способностей возлагаютъ на него долгъ гораздо болѣе скромности. Разбирая переведенные имъ афоризмы, я буду имѣть честь показать вамъ, что всѣ семь великихъ качествъ, только-что открытыя нами въ первыхъ взятыхъ наудачу осьми строчкахъ, озаряютъ своимъ блескомъ всѣ поочередно параграфы этого знаменитаго *труда*, которымъ виновникъ его занимался цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ, — «во всѣхъ моихъ походахъ съ гвардіей», говоритъ онъ, — изучая Иппократа будто-бы въ то самое время, какъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ нашего времени изучалъ Юлія Цезаря, «и по его примѣру». Виновникъ!... я называю его «виновникомъ», но это единственно потому что не знаю, не придумаю, настоящаго имени такому писателю. Даскажите же, ради Эскулапа, какъ у васъ въ медицинѣ, называется такой врачъ, который, въ своихъ «походахъ», въ то самое время какъ великіе люди изучаютъ Юлія Цезаря, принимаетъ сатиrowья серьги у сопливыхъ ребятишекъ за «болѣзненное половое побужденіе», и который... Позвольте : окно открыто ; вѣтеръ перекинулъ нѣсколько страницъ, и я вижу новое чудо учености и остроумія виновника. «Въ самыхъ лучшихъ изданіяхъ *Иппократовыхъ твореній* это осьмое отдѣленіе вовсе не находится, *напримѣръ*, in optimis quoque Codd. MSS. aphorismi hi additi non leguntur, и *хоти у другихъ*», и прочая. Что это такое? Что за такой «напримѣръ»? Для какого *напримѣру* приведена здѣсь эта латинская сентенція? Чьи это слова? Что они объясняютъ? Вѣрите ли вы опять глазамъ своимъ? Да вѣдь нашъ виновникъ такъ глубоко ученъ, что онъ даже не знаетъ значенія латинскаго слова *codex* и аббревіаціи *MSS.* !... *Codex*, какъ вамъ извѣстно, значитъ списокъ, а *MSS.* есть сокращеніе слова *manuscriptus*, «рукописный»; такимъ образомъ *Codd. MSS.*

поставлено здѣсь вмѣсто *codicibus manuscriptoris*, въ смыслѣ «рукописныхъ списковъ», и, слѣдовательно, приводимая виновникомъ въ «напримѣръ» латинская сентенція, означаетъ: «Даже и въ самыхъ лучшихъ рукописныхъ спискахъ этихъ афоризмовъ не существуетъ.» А виновникъ *рукописные списки*, *Codd. MSS.*, признаетъ за печатныя изданія!! И вообразите, что онъ, виновникъ, приводитъ эти слова въ «напримѣръ» для поддержанія совершенно противоположнаго утвержденія своего, а именно, будто-бы, афоризмы, о которыхъ идетъ рѣчь, не находятся въ самыхъ лучшихъ изданіяхъ! Такъ самыми лучшими изданіями кажутся ему изданія неполныя, такія изданія, въ которыхъ была бы пропущена часть сочиненій, принадлежащихъ или приписываемыхъ автору?... *Umis Himmelswillen!* да скажите же, пожалуйста, какъ мнѣ впередъ называть, какъ у васъ въ медицинѣ собственно называютъ, такого ученаго врача? эскулапа, который такъ хорошо знаетъ латинскій языкъ? медицинскаго писателя, переводчика древнихъ классическихкихъ твореній, который имѣетъ такое ясное понятіе о рукописныхъ спискахъ и объ ихъ изданіяхъ?....

Я знаю, откуда почерпнута эта чудесная латинская сентенція, поставленная здѣсь въ «напримѣръ» съ такимъ отличнымъ остроуміемъ и вкусомъ: она взята изъ вступленія Пирера, — виновникъ пишетъ *Пирера*, — къ его изданію Иппократовыхъ сочиненій, въ *Bibliotheca iatrica*. Этотъ Пиреръ, который, какъ на зло, писалъ по-латыни, на каждомъ шагу приноситъ новое несчастіе учености виновника. Нашъ виновникъ до такой степени чуждъ латинскаго языка, или латинскій языкъ чуждъ нашего виновника, — вѣтеръ опять перекинулъ нѣсколько страницъ, — что вотъ, я вижу, онъ вынулъ изъ того же Пирера еще и другую сентенцію, въ которой опять встрѣчается *MSS.*, но тутъ уже, рѣшительно не зная какъ перевести это несчастное *MSS.*, онъ оставилъ его, подлѣ русскихъ словъ своего перевода, въ

того же дѣла, какъ оно есть у Пирера. Бѣдный виновникъ! онъ боялся тронуть это MSS., чтобы не дать промаху переводя эти латинскія буквы наугадъ, и наконецъ сохранилъ ихъ въ цѣлости какъ собственное имя, какъ названіе какихъ-то таинственныхъ библиотекъ! «Въ первомъ томѣ сочиненій Пирера, говоритъ онъ, упоминается о двадцати девяти книгахъ, будто-бы оставшихся, за смертію Иппократа, неизданными, но книги эти пропали или, по-крайней-мѣрѣ скрыты, въ библиотекахъ М. S.» Эти знаменитыя библиотеки М. S., какъ вы догадываетесь, не что иное какъ непонятое виновникомъ латинское выраженіе, bibliothecae MSS., то есть, «собранія рукописей». Въ самомъ дѣлѣ у Пирера сказано: *Passim Hippocratis libri citantur, ab ipso scripti, illive tributi, qui tamen plane interierunt, saltem in bibliothecis MSS. latent.* «Библиотеки М. S.»! Это ужъ стоить двухъ *Intelligenzblatt*'овъ. Быть не можетъ, чтобы въ медицинѣ, гдѣ всѣ вещи такъ ясно называются по своимъ природнымъ именамъ, не было настоящаго названія и для такого ученаго «врача»! Не называть же мнѣ его всю статью виновникомъ, словомъ, которое ровно ничего не значитъ и которое я употребляю только временно, до отысканія другаго, болѣе выразительнаго!

Ну, какъ называется такой врачъ, — вѣтеръ опять перекинулъ нѣсколько страницъ, — который ссылается на авторитетъ Гримма, никогда не выдавъ его книги и даже не зная его фамиліи?... который, напримѣръ, найдя у латинскаго писателя, Пирера, это имя украшенное латинскимъ окончаніемъ, *Grimmii*, наивно называетъ Гримма по-русски *Гриміемъ* и даже не догадывается, что это нѣмецкій, а не латинскій писатель, что онъ всегда подписывался *Grimm*, и что даже и на сочиненіи, призываемомъ въ свидѣтели, его имя выставлено *Grimm*, а не *Grimmii*?

Какъ называется такой врачъ, который.... вѣтеръ опять перекинулъ двѣ страницы.... Надобно закрыть

своими: и знаете, мы никогда не могли бы определить какого удивительного врача. И я даже припоминаю, что чѣмъ больше страницъ переминаете услужливый вѣторъ, тѣмъ труднѣе становится намъ самимъ приискать приличное названіе для такого ученаго мужа. Надо признать, въ отношеніи къ нему, какую-нибудь рѣзительную мѣру: это тѣмъ необходимѣе, что пора приступить къ дѣлу; до-сихъ-поръ мы къ нему не приступали. Дѣло еще впереди, ужасное дѣло, а это одно только вступленіе. Мнѣ хотѣлось, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, показать вамъ съ самаго начала, съ какого роду писателя я, несчастнѣйшій изъ людей, долженъ здѣсь вознѣсть, какія принужденъ разбирать книги, въ какія литературныя нечистоты проникать взоромъ.... и когда же!... въ то самое время какъ все около меня цвѣтеть, поетъ, сіяетъ, какъ все въ природѣ издерживаетъ сокровища жизни на радость, на веселье, на удовольствіе, и этотъ воздухъ, насыщенный свѣтомъ, благоуханіемъ и звукомъ, явственно говоритъ всѣмъ, что счастье чловѣка не можетъ заключаться въ чтеніи «прагматическихъ сочиненій», что мы вѣроятно предназначены къ чему-нибудь лучшему и умнѣйшему на землѣ. О! пожалѣйте обо мнѣ!...

Да что же я хлопочу о приличномъ названіи для нашего неудобно-выразимаго врача, когда онъ самъ себя называлъ какъ-нельзя удачнѣе! На оберткахъ его чудныхъ твореній ясно сказано, что и книжки, и авторъ, и слогъ, и содержаніе, все здѣсь—*прагматическое*, то есть, Богъ знаетъ какое. Вы помните, что это слово, въ его понятіи, заключаетъ въ себя именно это значеніе. Я совершенно доволенъ этимъ самоопредѣленіемъ, и отнынѣ впредъ называю ихъ не иначе какъ «прагматическими».

Открывъ настоящее названіе вещей, мы можемъ приступить къ дѣлу. Начнемъ съ «Опыта медицинской полемики, или Отчета прагматическаго сочиненія».

Въ чемъ состоитъ этотъ «Отчетъ»?

Я долженъ сперва просить у васъ извиненія, если быть-можетъ употреблю во зло терпиміе ваше молчаніе отъ этого «Отчета», то есть, изложеніемъ исторіи этой безпримѣрной у насъ книжницы. Я тутъ человекъ посторонній, совершенно неприкосновенный къ дѣлу, и мнѣ самому очень прискорбно, что злая судьба меня именно избрала судьей въ такой глѣбѣ, которая неминуемо возбудитъ въ васъ отвращеніе; но долгъ правосудія требуетъ сказать все, не убавляя и не прибавляя. Я постараюсь однако жъ изложить дѣло какъ-можно короче.

Вначалѣ 1840 года родился здѣсь, въ Петербургѣ, уродецъ съ тремя пустыми головами, имѣвшими, какъ изъ дѣла видно, видъ трѣхъ книжечекъ свѣтло-мѣднаго цвѣту: а у того уродца, на лбахъ такого же цвѣту, надпись; а въ надписяхъ тѣхъ сказано, что онъ-де есть «Прагматическое сочиненіе о Ганеманнѣ и Гомеопатіи.» Уродецъ давно былъ объявленъ къ рожденію, и заставлялъ ждать себя очень долго. Извиняясь въ замедленіи, онъ такимъ образомъ объяснялъ причину своего поздняго появленія. «Чтобы быть полезнымъ медицинскимъ сочинителемъ, нужно много знанія, еще больше опыта и совѣсти..... Вотъ почему дониндѣ не издано было ничего важнаго по этой части! (Введеніе стр. XXII и XXIV).» Несмотря на это, — со смѣлыми счастіе! — онъ рѣшился предстать передъ дневной свѣтъ. Изъ дѣла видно, что приготовленія уродца къ этому великому дню сопровождались, какъ кажется, необыкновеннымъ страхомъ, потому что онъ благовременно старался, всѣчески, задобрить себя благосклонный отзывъ тѣхъ, чье мнѣніе могло бы имѣть вліяніе на его будущую судьбу. Между прочимъ, онъ обращался къ одному очень известному журналу, котораго имени мы не въ правѣ объявлять, потому что это *le secret de la comédie*. Это и повредило уродцу: безъ того прагматическое сочиненіе вѣроятно прошло бы незамѣченнымъ; сказанный жур-

нагъ нагърнов и не обратилъ бы на него своего вниманія, котораго оно въ самомъ дѣлѣ и не заслуживало; но этотъ обидный поступокъ вызвалъ со стороны сказаннаго журнала объявленіе, что, послѣ того, прагматическое сочиненіе не должно ожидать себѣ пошады, если только оно въ самомъ-дѣлѣ таково, какимъ заранее изображается его общая молва. Желая загладить первый промахъ, уродецъ по-несчастію сдѣлалъ другой: онъ приклеилъ къ одному изъ вышесказанныхъ лбокъ своихъ, вышесказаннаго цвѣту, огромное предисловіе, въ которомъ, pro caritanda benevolentia, превознесъ похвалами, и вышесказанный несговорчивый журналъ, и его редактора, въ томъ унованіи, что, они, слѣдуя ланкастерской методѣ, станутъ за это взаимно его расхваливать. Похвалы такого роду не могутъ возбудить другаго чувства кромѣ отвращенія. Вотъ почему, сказанный несговорчивый журналъ, несмотря на похвалы, однажды, въ прекрасное утро, въ веселую минуту, откровенно высказалъ прагматическому сочиненію все свое мнѣніе объ его достоинствахъ. Какъ судья въ ихъ дѣлѣ, я долженъ объявить, что не одобряю за это сказаннаго журнала: онъ сдѣлалъ своимъ разборомъ слишкомъ много чести прагматическому сочиненію; оно ея не стоило ни въ какомъ отношеніи, и, слѣдовательно, имѣло полное и неоспоримое право пользоваться блаженнымъ спокойствіемъ книгъ, не заслуживающихъ серіознаго вниманія. Я люблю спокойствіе, и защищаю прагматическое сочиненіе. Сказанный журналъ, нарушая его спокойствіе, поступилъ сверхъ-того весьма неблагоразумно: онъ могъ предвидѣть послѣдствія! Похвалы, не достигающія своей цѣли, у извѣстнаго роду книгъ и людей тотчасъ превращаются въ ругательства. И дѣйствительно, мы теперь видимъ, что тотъ же восхваленный прагматическимъ сочиненіемъ журналъ, тотъ же самый «знаменитый и ученый» его редакторъ, превознесенный до небесъ за свои достоинства, теперь, въ

новомъ прагматическомъ порожденіи, въ его «Опытъ медицинской политики», почти на каждой страницѣ безъ зазрѣнія совѣсти называются *жельзамы*, *лжецами*, *клеветниками*, и еще нѣсколько хуже. Какъ чело-вѣкъ посторонній, какъ судья въ ихъ дѣлѣ, я опять должень сказать прагматическому сочиненію, что это очень нехорошо, и что мнѣ больно видѣть, что на свѣтъ водятся такія книги и такіе люди. Я люблю скромность и приличіе, и мой долгъ теперь, наоборотъ, защитить всѣмъ своимъ правосудіемъ тѣхъ, кого ноносятъ такъ грубо и такъ несправедливо.

Грубость прагматическихъ возраженій на вполнѣ заслуженную критику очевидна сама собою: эта критика, безспорно, стояла бѣльшаго уваженія со стороны прагматическаго сочиненія: статья, право, была недурная, какъ для профана въ медицинѣ; ее приписывали многимъ ученымъ и извѣстнымъ врачамъ, и одинъ изъ нихъ, отрекаясь отъ всякаго въ ней участія, объявилъ недавно въ Сѣверной Пчелѣ (№ 93, 1841) и Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, что ему однако жъ *приятно было бы поставить свое имя* подъ этою умною и мастерски написанною статьею. Не постижимо, почему эта критика не нравится прагматическому сочиненію, когда она всѣмъ такъ нравится! Какъ судья въ этомъ дѣлѣ, я считаю долгомъ объявить, что у прагматическаго сочиненія долженъ быть престранный вкусъ. Я удивляюсь, и не понимаю, какъ могла не понравиться ему критика, которая пользовалась такимъ успѣхомъ между здѣшними врачами, что они перевели ее на нѣмецкій языкъ и отправили уже для напечатанія въ Германію! Прагматическое сочиненіе должно, напротивъ, быть ей чрезвычайно благодарнымъ: теперь оно по-крайней-мѣрѣ сдѣлается извѣстнымъ во всей Германіи и, пожалуй, попадетъ даже въ Конверсационсъ-Лексиконъ, чего ему и очень хочется.

Что касается до несправедливости грубостей «Опы-

та»,—если грубости когда-либо могутъ быть справедливыми, — то она явственна изъ самаго способу его оправданій. Эти оправданія состоятъ всѣ изъ двусмысленностей, изворотовъ, уловокъ, голословныхъ показаній, и вообще такой діалектики, которая, какъ кажется, считаетъ добросовѣстность излишнимъ качествомъ «медицинской полемики», полагая всѣ аргументы позволительными, въ томъ числѣ и явныя опечатки. Посмотрите слѣдующій (стр. 27):

«Критика меня упрекаетъ за то, что я рѣшительно умолчалъ о Высочайшемъ повелѣніи отъ 26 сентября 1823 года, которымъ дозволено гомеопатамъ производить во всей имперіи лечение по гомеопатическому способу.

«Вотъ опять неправда; потому что вышесказаннаго Высочайшаго повелѣнія въ показанное критикою время вовсе не существовало, въ чемъ я положительно убѣдился, справляясь въ самыхъ источникахъ, изъ которыхъ публикуются всѣ Высочайшія повелѣнія!!!?»

Не нужно и замѣчать, что здѣсь, у критика, въ цифрахъ 1823, вкралась опечатка : должно быть 1833. Высочайшее повелѣніе отъ 26 сентября 1833 года такъ хорошо извѣстно, что каждый, при чтеніи, легко могъ открыть и поправить этотъ недосмотръ типографіи. Что же отвѣчаетъ прагматическое сочиненіе на сдѣланный себѣ упрекъ въ умолчаніи объ этомъ важномъ законѣ въ пользу гомеопатовъ? Оно говоритъ, что это *не правда*, что оно ничего не умолчивало, потому что Высочайшаго повелѣнія о гомеопатахъ, отъ 26 сентября 1823 года, не существуетъ : оно даже *справилось съ источниками, и убѣдилось*, что въ томъ году еще не было издано ничего подобнаго!... Не стыдно ли писателю, который хоть нѣсколько дорожитъ своимъ именемъ, прибѣгать къ такимъ непростительнымъ изворотамъ? Въмѣсто того чтобы скромно признаться въ пропускѣ или забвеніи, онъ придирается къ опечаткѣ своего критика и ставитъ себя подъ ея защиту! Такія оправданія равносильны страш-

ному саморобиненію : въ другомъ мѣстѣ они называются *крючкомтворствомъ*. Положивъ, что онъ добросовѣстно принялъ число 1823 за настоящее, о которомъ хотѣла говорить критика, въ чемъ однако жъ все будутъ сомнѣваться : тѣмъ не менѣе упрекъ въ умолчаніи о правительственномъ распоряженіи въ пользу гомеопатовъ остается въ полной силѣ. Спрашивается : зачѣмъ же прагматическое сочиненіе, хвастая непрерывно, будто оно основывается на печатныхъ правительственныхъ актахъ, ничего не сказало о Высочайшемъ повелѣніи отъ 26 сентября 1833 года, которое однако же положительно существуетъ и не можетъ быть ему неизвѣстнымъ? Какая причина утайки? Почему прагматическое сочиненіе даже и здѣсь уклоняется отъ того, чтобы назвать его и признаться въ его существованіи? Въдѣ ему говорить, не одними числами, въ которыхъ такъ часто бывають и у него самого опечатки, но въ то же время и словами, что дѣло идетъ здѣсь отомъ именно Высочайшемъ повелѣніи, *которымъ дозволено гомеопатамъ производить во всей имперіи лечение по гомеопатическому способу?*

Послѣ этого можно было бы прямо заключить слѣдствіе и произнести приговоръ, уже совершенно образовавшійся въ умъ каждаго благороднаго человѣка; и этотъ приговоръ былъ бы жестокъ для писателя и для книги, которые позволяютъ себѣ подобныя средства къ оправданію. Но прагматическое сочиненіе готово обвинить нашъ судъ въ поспѣшности рѣшенія. Обратимся къ другимъ его оправданіямъ.

Прагматическое сочиненіе было обвинено критикою въ присвоеніи себѣ статья доктора Спаскаго о книгѣ Шинко безъ указанія на источникъ, изъ котораго оно ее выписало не только самопроизвольно, но еще съ присовокупленіемъ думысленностей на счетъ ея автора. Эта статья была, по желанію господина Спаскаго, возобновлена въ томъ же журналѣ, въ которомъ черезъ

дѣлать явилась и критика : такъ-какъ авторъ статьи слышалъ, что журналъ собирается серьезно разобрать прагматическое сочиненіе, то онъ и просилъ, въ письмѣ къ редактору, дать ей мѣсто въ томъ же изданіи, потому что она, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, могла быть полезна читавшей публикѣ для нѣкоторыхъ любопытныхъ сравненій. Каждый понимаетъ, о какихъ «любопытныхъ сравненіяхъ» скромно говоритъ авторъ : онъ только хотѣлъ доставить читателямъ средство сравнить, въ случаѣ критики, множество страницъ прагматическаго сочиненія со страницами своей статьи, некогда напечатанной въ «Сынъ Отечества». Онъ полагалъ, и весьма основательно, что читателямъ будетъ любопытно видѣть, какъ смѣло, съ какой самоуверенностью, прагматическое сочиненіе, среди бѣлаго дня, ограбило его статью, и присвоило себѣ чужой трудъ для увеличенія своего объема. Подобныя явленія, къ счастью, еще рѣдки въ нашей литературѣ, и когда они случаются, особенно съ такою неслыханною смѣлостью, то могутъ по-справедливости возбуждать общее любопытство. Что же дѣлаетъ, какъ оправдывается, «Опытъ медицинской полемики»? Притворясь, будто онъ не понимаетъ, для какихъ «сравненій» господинъ Спасскій почиталъ возобновленіе своей статьи полезнымъ, онъ отважно самъ нападаетъ съ упреками на того, чью похитилъ собственность, издѣвается надъ нимъ, обвиняетъ его даже въ самонадѣянности, и говоритъ : «Несмотря однако жъ на такую самоуверенность въ пользу своей статьи (какъ-будто господинъ Спасскій намѣчалъ на «пользу» своей статьи какъ статьи!), господинъ Спасскій вовсе не объяснилъ, что это за нѣкоторыя любопытныя сравненія : а безъ этого какъ добраться до этихъ нѣкоторыхъ любопытныхъ сравненій?» И въ томъ же тонѣ прагматическое сочиненіе продолжаетъ цѣлыхъ двѣ страницы насмѣхаться надъ трудомъ, который хотѣло выдать за свой, и надъ авторомъ, котораго

собственностью наполнили лучшія страницы своей книжки для цин. Во всей исторіи литературныхъ безнравственностей, которыхъ списокъ по-несчастію безконеченъ, мы не помнимъ ни одного примѣру, болѣе соблазнительнаго и болѣе прискорбнаго. Если бы негодованіе всѣхъ благородныхъ людей не становилось въ такомъ случаѣ надежнѣйшимъ щитомъ для скромныхъ и даровитыхъ писателей противъ такихъ поступковъ, то нужно было бы сожалѣть о литературѣ, въ которой современныя изданія прикрывали бы ихъ своимъ молчаніемъ. Господинъ Спасскій здѣсь виноватъ только въ томъ, что онъ выразился слишкомъ деликатно, скававъ для *нѣкоторыхъ любопытныхъ сравненій*: очевь естественно, что прагматическое сочиненіе и «Опытъ медицинской полемики» не понимаютъ этихъ тонкостей благороднаго языка; надобно было сказать просто: *для удобнѣйшей повѣрки съ помочнымъ*.

Тѣ, которые читали критику, возбужденную ярость прагматическаго сочиненія, и статью господина Спасскаго, нарочно возобновленную въ томъ же журналѣ для «нѣкоторыхъ любопытныхъ сравненій», очень хорошо помнятъ тождественность съ нею множества выписанныхъ тамъ страницъ изъ прагматическихъ книжечекъ. Само прагматическое сочиненіе созналось потомъ (стр. 14—17 «Опыта»), что оно дѣйствительно взяло себѣ безъ просу трудъ господина Спасскаго, и оно оправдывало свое похвальное дѣйствіе тѣмъ, что однако жъ поставило передъ ея параграфами знаки отреченія. Оно даже спорило тамъ съ своимъ критикомъ, который говорилъ, что изъ слогу господина Спасскаго устранены только *сіи* и *онѣ*, и утверждало, что это — «ложь», что его *сіи* и *онѣ* находятся всѣ на-лицо во *всѣхъ приведенныхъ параграфахъ*. Хотя отъ сочиненія, котораго образъ дѣйствія такъ каромо видѣтъ изъ двухъ предъидущихъ примѣровъ, можно ожидать всего, однако не многіе въ состояніи вообразить, до какой степе-

ни простерло онъ въ этомъ случаѣ свое привычное забвеніе уваженія къ истинѣ. Можно ли представить себѣ, что, несмотря на свои собственные признанія, несмотря на предъявленную критикой улыбку, несмотря на убѣжденіе двадцати тысячъ читателей, которые собственными глазами видѣли въ журналѣ, что прагматическое сочиненіе дѣйствительно перепечатало у себя почти всю статью господина Спасакаго, съ сохраненіемъ его слогу и выраженій и только съ небольшими измѣненіями въ наружномъ видѣ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ контрафакторы для прикрытія своихъ похлещеній, оно осмѣлилось утверждать въ другомъ мѣстѣ (стр. 14, 15, 16), что будто-бы ни сколько не воспользовалось этою статьею и что его критикъ не постыдился обманывать читающей публики, увѣряя ее, будто оно перепечатало статью господина Списакаго. «Не обиденъ ли, прибавляетъ оно, такой обманъ для читающей публики, и не есть ли онъ клевета на меня?» Такая храбрость рѣшительно непонятна! Такъ вѣрно къ слову «перепечатаніе» придирается здѣсь крючкотворство прагматическаго сочиненія?... Оно однако жъ гораздо учтивѣе слова «контрафакція», которое употребляетъ законовѣднѣе, говоря о подобныхъ дѣйствіяхъ! Не болѣе ли по вкусу ему латинское *plagiatus* или англійское *rigasy*? Если это не «перепечатаніе», такъ безспорно *plagiatus*, въ самомъ обширномъ значеніи слова.

Какъ бы не такъ! прагматическое сочиненіе, перепечатавъ разсужденіе господина Спасакаго о книгѣ Шинко, не только имъ не воспользовалось, но даже нашло его совершенно негоднымъ и по-тихоньку замѣнило, говорить, переводомъ той же книги, принадлежащимъ ученому перу господина Гаевского. Оно, съ удивительною отвагою и ни сколько не краснѣя, еще хочетъ торжественно показать критикъ все ея невѣжество въ медицинской литературѣ и, для этого, ставитъ ей на видъ, что она, критика, вовсе не знаетъ, что въ то же самое время,

мессе, съ 1830 году, сѣтливникъ Шамко, было извѣдено С. Ф. Гаевскимъ, что переводъ (?) господина Слесского есть уже старомодный (?) переводъ (?). Это даже нѣжно укрываетъ себя за то, что, включивши въ трудъ, тихонько взятый у господина Спасскаго, дѣль парграфовъ, тихонько взятыхъ изъ перевода господина Гаевского, ничего не сказало, что это взято у другаго. «Но вотъ мое оправданіе», продолжаетъ онъ: «Этотъ почтенный мужъ (С. Ф. Гаевскій), который трудится, не изъ кичливости или суетнаго самолюбія, а для пользы своихъ соотечичей» (искусныхъ въ перепечатаваніи), «хотя бы они того и не знали, не позволялъ мнѣ много объ немъ распространяться.» Это очень надеждательно. Но можете ли вообразить, что тутъ нѣтъ ни одного слова истины! Вся эта трогательная исторія отъ начала до конца выдумана единственно для того чтобы недоброжелательными похвалями поставить себя подъ защиту извѣстнаго и уважаемаго въ медицинкѣ имени: такъ нѣкогда, и точно такими же средствами, драматическое сочиненіе ставило себя подъ защиту журнала, который теперь оно такъ грубо поноситъ; но журналъ отказалъ въ ней: господинъ Гаевскій безъ сомнѣнія сдѣлаетъ то самое. Онъ, впрочемъ, не потерпитъ, чтобы его имя употребляли такъ легкомысленно. Господинъ Гаевскій никогда не переводилъ сочиненія Шамко, и такого перевода нѣтъ и не бывало въ русской литературѣ. Господинъ Гаевскій въ 1830 году помѣстилъ въ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» (II, стр. 191—205) одно только коротенькое извѣстіе объ этомъ сочиненіи, на семи листочкахъ самой крупной печати, и безъ подписи своего имени, потому что такіа летучія ститейки никогда и не подписываются порядочными писателями. Господинъ Гаевскій не приписывалъ самъ ни какой важности этому бѣглому обзору содержанія новой въ то время книги, обзору, который, очень удобно умѣстился бы, вѣсь на четырехъ или пяти страницахъ

этого журнала; не назвала его ни «переводчикъ», ни даже разборонъ, но, просто и скромно, «Извѣстія о новой книгѣ». При такой тѣсотѣ рамки, этотъ обзоръ содержанія книжки, имѣющей въ подлинникѣ сорокъ, сѣмъ страницъ мелкой печати, составленъ искусно, весьма хорошо, какъ для маленькой статейки, предназначеной къ Смихъ журнала; но онъ только «извѣстіе о новой книгѣ», въ точномъ значеніи словъ, и ничего больше. На эту-то скромную статейку прагматическое сочиненіе указывало съ иверболическою похвалою еще въ своемъ разсужденіи о Ганеманъ и Гомеопатіи, и ее-то выдаетъ оно теперь за полный и «вѣрный» *переводъ* Шимкова сочиненія. Надобно имѣть обертку темно-мѣднаго цвѣту, и чернила, готовые на все, чтобы всѣмъ почитаемымъ людямъ приводить въ замѣшательство и краску такою необузданною лестью; чтобы человѣка извѣстнаго, врача, пользующагося въ ученоемъ свѣтѣ и въ обществѣ заслуженнымъ уваженіемъ, умнаго писателя, который въкогда сочинилъ для журнала коротенькое «Извѣстіе» о новой книгѣ и тотчасъ забылъ объ немъ, такъ могло увѣрять, въ глаза, передъ всею публикою, будто онъ — *переводчикъ* этой книги, его немногія строчки — *прекрасный и самый вѣрный переводъ* ея, его бѣзвѣдый обзоръ — *самое точное и подробное ея изложеніе*; чтобы сверхъ-того еще притворно признаваться, будто оно, прагматическое сочиненіе, чрезвычайно многимъ ему обязанно — что грѣха таять! — помянуло у него даже девять самыхъ важныхъ параграфовъ своей книги!... тогда какъ оно рѣшительно не взяло изъ этой статейки *ни одного слова*, да и не могло ничего взять по чрезвычайной смелости ея изложенія!... Мы, изъ любопытства, тщательно сравнили въ прагматическомъ сочиненіи страниццы, выписанныя имъ у господина Спаскаго, со статейкой господина Гаевскаго, и не нашли ни малѣйшаго слѣда заимствованія изъ этого «Извѣстія» о новой книгѣ, помѣщеннаго въ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». И всю

эту комедию притворнаго признанія въ мнимоиъ похищеніи у господина Гаевского его мнимаго перевода книжки Шимко, прагматическое сочиненіе изобрѣло — для чего, — для того чтобы имѣть новый случай унизить присвоенный себѣ трудъ господина Спасакаго; чтобы похвалу, должную этому труду, перенести на небывалый и несуществующій переводъ другаго ученаго; чтобы вопреки истинѣ и очевидности, увѣрять публику, будто этотъ трудъ есть только *второстепенный!* Какъ второстепенный? Въ сравненіи съ чѣмъ онъ второстепененъ? Разсужденіе господина Спасакаго, его изложеніе содержанія книжки Шимко, заключаетъ въ себѣ, въ «Сынѣ Отечества», столькоже, если не болѣе, печатныхъ страницъ какъ и подлинникъ, а «Извѣстіе» господина Гаевского имѣетъ только семь листочковъ самой крупной и рѣдкой печати. Разсужденіе господина Спасакаго вышло въ свѣтъ до появленія «Извѣстія» господина Гаевского. Въ какомъ же отношеніи оно можетъ быть «второстепеннымъ» сравнительно съ этою летучею статейкою? Если коротенькое «Извѣстіе» господина Гаевского такой вѣрныиъ переводъ сочиненія Шимко, то зачѣмъ же прагматическое сочиненіе не взяло хотя ея таблицы? Зачѣмъ эту таблицу перепечатало оно отъ слова до слова изъ разсужденія господина Спасакаго? Зачѣмъ во всей контрафакціи этого разсужденія нѣтъ и двухъ строкъ, перенесенныхъ туда изъ мнимаго перевода господина Гаевского? И что значитъ все это оправданіе прагматическаго сочиненія, предположивъ даже, что въ немъ есть хоть одно слово правды? Не думаетъ ли оно уменьшить вину свою страннымъ признаніемъ, что оно тихомолкомъ присвоило себѣ труды, не одного писателя, а двухъ? что оно напихало въ свою компиляцію столько чужаго, сколько могло поймать и присвоить себѣ, не поблагодаривъ ни одного владѣльца за его собственность? Такое признаніе, напротивъ, удваиваетъ проступокъ прагматическаго сочиненія, которымъ сверхъ-того оно

безъ всякаго перевода обмануть и фальсифицируетъ одну изъ почетнѣйшихъ врачебныхъ именъ въ Россіи. Мы полагаемъ, что самъ С. Ф. Гаевскій поставитъ отгласить отъ себя исторію, выдуманную прагматическими властями объ его небываломъ переводѣ сочиненія Шинкова «первостепенности» этого перевода. Онъ, вѣроятно, не захочетъ самъ, чтобы кто-либо, по его молчанію, могъ подумать, будто онъ соглашается носить въ литературу принадлежащее себѣ званіе Шинкова переводчика, которое приписываетъ ему неловкое подобострастіе, нищее убѣжища подъ щитомъ его имени отъ порицанія, заслуженнаго въ общественномъ мнѣніи.

Послѣ такихъ образчиковъ добросовѣстности прагматическаго сочиненія и его дерзкаго дѣтства, «Опыта медицинской полемики», очень трудно уже извлечь изъ предлагаемой книжицы что-нибудь любопытное: читатель не станетъ болѣе ничему удивляться. Эту сторону «Опыта» можно похвалить приведенною въ достаточную ясность. Я укажу теперь на ребячество и двусмысленность другихъ его оправданій, сопровождаемыхъ, разумеется, неизбѣжными грубостями. Вотъ примѣръ ребячества (стр. 16): я предаю его оцѣнкѣ читателей.

«Критика далее рассказываетъ такъ:

«*Лѣтъ одиннадцать или двѣнадцать тому назадъ*» — «шла въ Германіи небольшая книга господина Шинко, «которой настоящаго (разумеется, немецкаго) заглавія мы не знаемъ.»»

«Это опять *убѣдительно* доказываетъ, что критика *сама не читала* моего сочиненія, въ первой части котораго, на страницѣ 3, подъ номеромъ 19, *настолице* заглавіе этой книги самымъ подробнымъ образомъ изложено....» (А тамъ самымъ подробнымъ образомъ изложено заглавіе французскаго перевода этой книги, изданнаго съ прибавленіемъ докторомъ Дрейфуссомъ въ Москвѣ: «настоящаго» заглавія, заглавія подлинника, вовсе нѣтъ!). «Критика до такой степени озабочена была изобрѣтеніемъ *ложныхъ* показаній въ

прагматическое сочиненіе, что уже забыла въ мнѣ, что напечатала у себя въ апрѣлѣ, гдѣ, на страницѣ 165, самымъ подробнымъ образомъ показано во французскомъ переводѣ настоящее заглавіе книги Шимко....» (настоящее заглавіе немецкой книги показано посредствомъ французскаго перевода!). «Критикъ не знаетъ первыхъ четырехъ правилъ арифметики, потому что я самъ сказалъ, что книга Шимко вышла 1826 года, 29 октября. Следовательно, если бы критикъ зналъ правила простаго вычитанія, то онъ не имѣлъ бы нужды прибѣгать къ догадкамъ и говорить одиннадцатъ или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, а сказалъ бы просто, что она вышла одиннадцатъ лѣтъ И 7 МѢСЯЦЕВЪ тому назадъ.»

Это, извольте видѣть, опытъ медицинской полемики: авторъ пытается умно разсуждать съ своимъ критикомъ и прилично оправдываться!

Изъ такихъ-то остроумныхъ нападковъ состоитъ вся защита прагматическаго сочиненія, которое постоянно придирается къ мѣстамъ, вовсе не касающимся до его грѣховъ, а отъ настоящихъ и важныхъ обвиненій, произносимыхъ противъ него критикою, всегда отдѣляется двусмысленностями, общими словами и грубостями.

Одна изъ этихъ двусмысленностей заслуживаетъ особеннаго вниманія читателей по злобному направленію, которое старается сообщить ей «Опытъ медицинской полемики» уловками настоящей ябеды. Прагматическое сочиненіе думало найти страшное оружіе противъ своего критика въ остроумной мысли изобразить передъ публикою оужденіе этого частнаго сочиненія такъ, чтобы оно показалось порицаніемъ правительственныхъ актовъ и распоряженій. Къ этому клонитъ оно всѣ свои извѣсты, и безпрерывно поставяетъ на видъ, что оно, настоящее прагматическое сочиненіе, сочиненіе сочиненное съ духомъ правительственнымъ, народнымъ и медико-полицей-

...сочиненіе основанное на притворствѣ...
 ...составленное по порученію Медицинскаго Совѣта, просмотренное и одобренное Медицинскомъ Совѣтомъ къ напечатанію (стр. 4, 21, 26, 27 и прочія), оно, такое важное для гусударства сочиненіе, сдѣлалось однако жъ жертвою дерзновенной критики, которая коротко и ясно доказала ему, что въ немъ нѣтъ, ни смысла, ни логики, ни знанія дѣла, ни слогу, ни языка, ни грамматики. Вы уже думаете: какъ, въ самомъ дѣлѣ? неужели у насъ оказываютъ такое неуваженіе официальнымъ актамъ, книгамъ, издаваемымъ отъ имени правительственныхъ мѣстъ? Да это ужасъ! говорите вы. Властей не уважаютъ! Что жъ Медицинскій Совѣтъ? Неужели онъ не вступился за сочиненіе, столь существенное для здоровья и счастья отечества? неужели не обидѣлся тѣмъ, что въ книгѣ, составленной по его порученію, и нимъ самимъ просмотренной и одобренной къ напечатанію, частная критика не нашла ни смысла, ни логики, ни грамматики?— Ну, ни сколько!—Такъ, видно, «Опытъ» сочиняетъ, и Совѣтъ не поручалъ составлять этой книги?—Нѣтъ, «Опытъ» не сочиняетъ, а только всегда начинаетъ говорить правду съ той точки, гдѣ оканчивается истина. Вы «Опыта» не понимаете: онъ твердъ въ крючкотворствѣ, котораго все искусство основано на умѣнъ не досказывать и сказанному придавать, кромѣ внутренняго смыслу, еще другой смыслъ, наружный, такъ, чтобы въ каждомъ словѣ были и правда и неправда вмѣстѣ. «Опытъ», конечно, не осмѣлился бы говорить о порученіи, если бы его не было. Очень вѣроятно, что прагматическое сочиненіе, по-крайней-мѣрѣ первоначально, было предпринято влѣдствіе какого-нибудь «порученія» Медицинскаго Совѣта: это безъ-сомнѣнія истина, но не вся. «Опытъ» сказалъ половину правды, и молчитъ: понимайте ее, какъ угодно; второй половины онъ не досказываетъ, а эта вторая половина состоитъ въ томъ, что Совѣтъ нашелъ составленное по

своему порученію сочиненіе вполнѣ, поприличію, и съобразно съ своимъ достоинствомъ, и оклеветъ его, и такимъ образомъ оно оцѣнилось соборностью своего сочинителя. — Да какъ же мы это знаемъ? — Посредствомъ логики: у меня есть логика посподлика Рамблеттвенскаго. Доказательствомъ тому, что я вѣрно угадалъ вторую половину истины, служить то, что сочиненіе вышло въ свѣтъ частнымъ образомъ, отъ имени какого-то врача, совершенно неизвѣстнаго въ наукѣ, и частнымъ смышленнымъ титуломъ «прагматическаго», что Медицинскій Совѣтъ вовсе не обидѣлся за критику, которая обнаружила все базобразіе этого «прагматическаго сочиненія». — Однако жъ, подумайте сами: «Совѣтъ» говоритъ, что Совѣтъ одобрилъ это сочиненіе къ напечатанію! Неужели вы скажете, что и это только половина истины? — Да! непременно половина, и еще меньшая половина. Полная истина, по логикѣ и во ходу дѣлъ человеческихъ, будетъ такова: прагматическое сочиненіе, найденное, во всѣхъ отношеніяхъ, несообразнымъ съ сущностью даннаго автору порученія и совершенно противнымъ образу мыслей Совѣта, не было, и не могло быть, одобрено какъ сочиненіе, составленное вслѣдствіе этого порученія; но какъ въ немъ нѣтъ ничего вреднаго для общаго здоровья и противнаго правиламъ медицинской цензуры, какъ отъ него никто не можетъ заболѣть даже и зубами, то оно и одобрено (пропущено) къ напечатанію, если автору угодно издать его на свой собственный счетъ. Не думайте, что бы я очень измучилъ свою голову, возстановливая по логикѣ эту длинную истину; ее очень легко угадать во всѣхъ подробностяхъ: таковъ порядокъ «одобреній» всѣхъ ученыхъ сословій, не только у насъ въ Россіи, но и во всей Европѣ! Притомъ, вы тутъ еще не знаете кое-какихъ тонностей ученаго языка, и прагматическое сочиненіе, надвѣясь на это, хотѣло поймать насъ на чучело: книга, одобренная учеными сосло-

вѣтъ, одобрявалъ, коротко, и одобряетъ въ напечатаніи; то есть; въ ценсурномъ отношеніи; это двѣ совершенно равныя вещи. Въ творенія Орлова и Кузнецова одобрены къ напечатанію: это однако нѣтъ ничего не доказываетъ въ пользу ихъ внутренняго достоинства. Забудьте, что прагматическое сочиненіе говорятъ только: а-де одобрено *Совѣтомъ къ напечатанію*, а не просто — я одобрено. Оно хитро! — Очень хорошо: но вы такъ утвердительно говорите, что Медицинскій Совѣтъ не одобрялъ, не могъ одобрить, прагматическаго сочиненія какъ медицинской книги, такъ сильно уверяете, что она совершенно противна образу мыслей этого ученаго трибунала, какъ-будто вы были его секретаремъ. На это надобно имѣть однако жъ какиибудь доказательства! — Я и имѣю ихъ. И я тоже основываюсь на правительственныхъ актахъ; но я дѣйствую прямо и чище чѣмъ прагматическое сочиненіе: я называю эти акты. Законъ 26 сентября 1833 года, который оговорясь скрываетъ, основанъ на предварительномъ «заключеніи» Медицинскаго Совѣта. Это фактъ. Какъ же вы хотите, чтобы ученое сословіе, которое, въ этомъ заключеніи, признало гомеопатію медицинскимъ ученіемъ, одною изъ настоящихъ врачебныхъ теорій, и шло впередъ дозволить гомеопатамъ во всей имперіи свободное леченіе по этой теоріи, могло когда-либо одобрить содержаніе, духъ и направленіе книги, гдѣ, почти на каждой страницѣ, авторъ, вовсе непонимающій дѣла, чувствуетъ гомеопатію шарлатанствомъ, обманомъ, ложью, ничтожествомъ, изобрѣтеніемъ среднимъ для человечества, и осыпаетъ ее эпитетами, свойственными только языку прагматическаго сочиненія и его сына, «Опыта медицинской полемики»? Это такъ ясно, какъ то, что, следовательно, въ подобномъ сочиненіи нѣтъ, и не можетъ быть, здраваго смысла, и что прагматическое сочиненіе совсѣмъ неосновательно жалуется черезъ своего дерзкаго сына на при-

шаръ, которая говоритъ ему то же самое, — Но прагматическое сочиненіе говоритъ, что оно *нездорово* *выдается* на *красивый* *статистическій* *актъ*, что оно написано *св* *духомъ* *правдиваго* *государственнаго*, *народнаго* и *медико-политическаго*: никакъ, тутъ, по положенію, есть только *политика*, *правды*. . . . — Извините! тутъ ужъ нѣтъ правды, ни на волея. Какъ можете вы вѣрить тому, что оно говорить о своихъ достоинствахъ, когда оно не умѣетъ сказать ни одного правдиваго слова о достоинствахъ другихъ? Оно говоритъ это съ отчаянія. Критика замѣтила ему, что оно не знаетъ значенія словъ, которыя употребляетъ; что оно, напримѣръ, назвало себя *прагматическимъ*, полагая, будто-бы это слово противоположно слову *полемическій*, между-тѣмъ какъ оно значитъ — политическій, государственный, правительственный, *дѣловой*. Для оправданія себя, оно, въ торопяхъ, вздумало увѣрять, будто оно и въ самомъ дѣлѣ — ничто политическое, правительственное, основанное на *прагматахъ*, то есть, на государственныхъ дѣлахъ, или актахъ, потому что въ одной аптекъ Гороховой Улицы разсмотрѣло шесть тысячъ гомеопатическихъ рецептовъ, не выучившись сперва читать ихъ и такъ хорошо зная общую медицину и латинскій языкъ, что всѣ лекарства, прописанныя въ этихъ *актахъ* противъ *satyriasis*, сочло за antidоты противъ *satyriasis*. Настоящие правительственные акты оно знаетъ только дѣлаго, чтобы дѣлать на нихъ неправильныя ссылки, для подкрѣпленія своихъ неправильныхъ показаній, или совершенно скрывать ихъ, когда они противны его страстямъ. Доказательство — законъ отъ двадцатшестатаго сентября 1833 года, въ существованіи котораго ни оно ни его сынокъ никакъ не хотятъ сознаться, Почему? Потому, что этотъ законъ есть слѣдствіе заключенія Медицинскаго Совѣта, которое однимъ ударомъ уничтожаетъ всѣ чудеса его остроумія, всѣ изобрѣтенныя имъ доводы и сравненія для доказанія шаръ-

латанства и вреди гомеопатіи. Что касается до правильности ссылки на те правительственные акты, которыми оно иногда свидетельствуется, то докторъ Славскій уже освободилъ насъ отъ труда подводить справки: Въ статьѣ его, напечатанной въ «Сверной Пчелѣ» и повторенной официальной газетою, «Санктпетербургскими Вѣдомостями», показано, что всѣ тѣ параграфы прагматическаго сочиненія, которое оно называетъ *словами* изъ заключенія Медицинскаго Совѣта о гомеопатіи, помѣщеннаго въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» (1832, II, 48 — 63), суть неотъемлемый плодъ собственной его изобрѣтательности. Прагматическое сочиненіе, въ самомъ дѣлѣ, несчастнѣйшее сочиненіе въ мірѣ! гдѣ оно выставяетъ на показъ подвиги своего искусства и трудолюбія, тамъ ему кричатъ, что это — чужое добро; гдѣ оно признается въ похищеніи чужаго ума, тамъ ему показываютъ, что это его собственный, прагматическій умъ. Можно съ ума сойти съ отчаянія! А между-тѣмъ, полагаясь именно на то, что читатели повѣрятъ ему на-слово, будто-бы эти параграфы взяты изъ мнѣнія верховной врачебной инстанціи, оно и провозглашаетъ себя *сочиненіемъ, основаннымъ на заключеніи Медицинскаго Совѣта* и, следовательно, *правительственнымъ, народнымъ, медико-полицейскимъ*, коротко сказать, *прагматическимъ*. Хорошо: положимъ, что ему приснилось, будто эти параграфы находятся въ заключеніи Медицинскаго Совѣта и что оно, основаннись на нихъ съ-просонья, сочло себя и въ самомъ дѣлѣ «прагматическимъ». По какому же поводу опять эта другая книжица, «О Иппократѣ и его ученіи», названа тоже *прагматическимъ сочиненіемъ*? Она-то на какихъ прагматахъ, на какихъ государственныхъ дѣлахъ, имѣетъ честь основываться? Чьимъ же она-то правительственная? или народная? или медико-полицейская? Это ясно, что прагматическое сочиненіе совершенно спуталось, съ горя: чтобы спасти свою ученость, оно представляеть

такія оправданія, которые еще явственнѣе показываютъ, что оно употребляетъ разныя ученые слова наобумъ, не понимая ихъ смыслу. Нужны ли новыя доказательства? Вотъ и его сынокъ, почтеннѣйшій «Опытъ»; *digno patre filius dignior*, котораго, и его батюшка, и всѣ батюшкины друзья, міромъ учили уму-разуму: вотъ и онъ дѣлаетъ то же самое! По его мнѣнію, à priori значитъ — *безотчетно*; онъ такъ и переводитъ этотъ философскій терминъ: «*A priori, то есть, безотчетно*» (стр. 11). А библиотеки *M. S.*!.... помните ли?

При всемъ должномъ уваженіи къ отеческимъ чувствамъ, нельзя не сказать откровенно прагматическому сочиненію, что если оно хотѣло оправдываться, то надобно было прислать, въ званіи адвоката, кого-нибудь по-умнѣе своего сынка, «Опыта». Воспитаніе и разсудокъ этого грубияна вовсе не дѣлаютъ чести его учителямъ, которыхъ, какъ кажется, было много. Они научили его одному только, — площадной брани. Въ отвѣтахъ его нѣтъ ни какого толку: онъ отвѣчаетъ всегда не на тотъ вопросъ, который ему предлагаютъ, по-минутно противорѣчитъ самому себѣ, запутывается, и вдругъ начинаетъ шумѣть и браниться.

Его спрашиваютъ: какими судьбами «*Intelligenzblatt*» попалъ у васъ въ число медицинскихъ источниковъ? Въдъ это газетныя прибавленія, и каждая нѣмецкая газета имѣетъ свой *Intelligenzblatt*: о какомъ же *Intelligenzblatt*'ѣ вы говорили? — А онъ отвѣчаетъ: Ну, ужъ батюшка знаетъ, о какомъ!... *Виноватъ ли я*, что берлинское общество естествоиспытателей не нашло себѣ другаго журнала кромѣ прибавленій къ лейпцигской газетѣ.... Батюшка «*составилъ исторію гомеопатіи по мѣрѣ своихъ средствъ и источниковъ, къ которымъ безспорно принадлежитъ и Intelligenzblatt, самымъ подробнымъ образомъ, изъ году въ годъ, и во многихъ націяхъ.*» (стр. 4.)

Прошу понять!

Ему объясняютъ, что гомеопатія увлекла къ своей пользѣ мнѣнія по-крайней-мѣрѣ трети, быть-можетъ половины, врачей-аллопатовъ.— А онъ кричитъ: Дождь! дождь!.... у насъ всего на все практикуютъ только три гомеопата!

Ему толкуютъ, что гомеопатія, теперь, въ (1840) году, въ Германіи, совершенно измѣнилась и прописываетъ лекарства только во второмъ и третьемъ раздѣленіяхъ.— А онъ реветъ: Ложь! вонющая ложь! батюшка когда-то разсматривалъ въ Гороховой Улицѣ шесть тысячъ правительственныхъ актовъ, хранящихся въ гомеопатической аптекъ, и убѣдился изъ нихъ, что здѣшніе гомеопаты въ то время еще прописывали дециліонныя частицы.

Ему говорятъ положительно, что и аллопатія и гомеопатія — обѣ лучшія! — А онъ бѣсится: Зачѣмъ вы хвалите гомеопатію? Вотъ, вы ее хвалите! А прежде говорили, что гомеопаты морочатъ людей, лечатъ и по другимъ системамъ, пишутъ дрянныя книжочки: какъ же можно хвалить гомеопатію? — И пошелъ браниться!

Подите говорите! у него, гомеопатія и гомеопаты, это всё-равно; и когда говорятъ, повторяютъ и доказываютъ въ разныхъ видахъ, что обѣ системы плохи, то это значить, что одну изъ нихъ очень хвалятъ. Онъ того не понимаетъ, что защищать гомеопатію отъ тако-го умнаго и совѣстливаго врага какъ его батюшка, прагматическое сочиненіе—есть долгъ всякаго благомыслящаго человѣка, а не похвала!

А спросите его: Зачѣмъ вы, господа, сперва не изучили науки, о которой вздумали писать книгу? зачѣмъ не познакомились хорошенько съ сущностью и духомъ гомеопатіи, прежде чѣмъ принялись бранить ее?—Тутъ онъ вамъ отвѣтитъ чудныя вещи: Чтѣ, дискать, гомеопатія!..... дрянъ!..... стоить ли изучать?..... Батюшка,

какъ Вамъ известно изъ его предисловія, видя, что гомеопатія въ большой модѣ, что всѣ желаютъ лечиться по Ганеманну, хотѣлъ самъ быть гомеопатомъ. Не удалось!... не попалъ въ модные врачи!... не было счастья. Другіе, знаете, гомеопаты, по-ловчѣе его, много ему вредили. Батюшка ужасно на нихъ осердился! Семка тисну я, говорить, на нихъ три смертельныя книжонки, чтобы, говорить, отнять у нихъ практику; да попробуемъ, говорить, пустить въ то же время въ ходъ нашу собственную методу леченія... У насъ, вѣдь, знаете, есть своя! Батюшка ждетъ только, пока судьба надѣлитъ его «даромъ слова *изложить*», чтобы растолковать ее порядкомъ «своимъ любезнымъ соотчичамъ». Пойдетъ, хорошо; не пойдетъ, нужды нѣтъ: не пропадемъ! У насъ есть средства. Батюшка, прагматическое сочиненіе, пзволилъ недавно изобрѣсть совершенно новую науку, которой онъ хочетъ быть основателемъ. Онъ нарекъ ее *медицинской полемикой*, и почитаетъ за нѣчто самостоятельное. Удивительная наука!... какъ ужъ славно можно по ней браниться!... и я — первый, смѣю даже сказать, блистательный, опытъ его въ этой наукѣ. Онъ попалъ теперь въ свою настоящую колею! Для созданія такого дива какъ я, первый «Опытъ медицинской полемики», онъ «пожертвовалъ временемъ, здоровьемъ, трудомъ, значительными издержками и своею личностью, и все это въ томъ твердомъ убѣжденіи, что *полемика есть верховный и гласный литературный судья и... вопиющая потребность Россіи!*» (стр. 19.)

Дайте же, пожалуйста, этому неучу, вашему сынку, греческій словарь! Пусть онъ изъ него узнаетъ, что *полемика* происходитъ отъ слова *полемосъ*, «брань», «война»: тогда только можетъ-быть онъ догадается, до какой степени компромитируетъ онъ васъ, своего батюшку, этимъ хвастовствомъ. Узнавъ теперь и сами происхожденіе слова «полемика», вы можете отечески растолковать ему, что драка не судъ, вой-

на не гражданская палата, что тамъ, съ дур-ся и воюють, — на штыкахъ или на перахъ, это все равно, — не произносятся приговоры, и что новеллика, или литературное боксированіе, всегда оставляетъ синія пятна на личности того, кто гордится и много шумитъ. Она можетъ быть идоломъ однихъ только страстныхъ, мстительныхъ, задорныхъ писаекъ безъ дарованія и, следовательно, съ непомернымъ самолюбіемъ: умные и ученые люди не пускаются въ полемику и презираютъ ее, потому что всегда могутъ завлечь чѣмъ-нибудь полезнѣйшимъ. Polemica никогда не была и не будетъ верховнымъ трибуналомъ въ литературу. Вашъ «Опытъ» несетъ такую околесицу единственно оттого что, по примѣру вашему, никогда не понимаетъ значенія употребляемыхъ словъ. На страницѣ 38, онъ заговорилъ даже о какихъ-то «климактерическихъ болѣзняхъ». *Климактерическія болѣзни!!?*.... Видно, что онъ учился медицинѣ у своего батюшки!

Можно судить объ его удивительномъ толкѣ по одному уже тому, какъ онъ одолжилъ своего почтеннаго родителя на страницѣ 12. Батюшка, «пожертвовавъ временемъ, здоровьемъ, трудомъ, значительными издержками и даже личностью» на его воспитаніе для своихъ цѣлей, нарочно послалъ его — защищать себя противъ критики и, при сей вѣрной оказіи, порекомендовать читателямъ его собственный способъ врачеванія, знаменитую динамико-симметрическо-антагонистическую методу. Сыночекъ, разгорячившись, вдругъ разругалъ *специфическое* леченіе: да и какъ разругалъ!... А динамико-симметрическо-антагонистическая метода батюшки основана именно на *специфическомъ* дѣйствіи лекарствъ! Это положительно сказано и въ прагматическомъ сочиненіи, и у «Опыта» на страницѣ 31. Просто, зарѣзалъ!

Это однако жъ ни мало не привело въ замѣшательство ни отца ни сына, благодаря отвагѣ, которыми из-

данные или судьба въ ожиданіи «дара слова изло-
жить»). Значительная часть вниманія занята дилемма-
стикъ въ честь этой методѣ и картиною чудесныхъ из-
леченій, произведенныхъ по ней изобретателемъ. По-
ложивъ кончена, гомеопатія встрѣблена, поприще очи-
щено : прагматическое сочиненіе выносятся на площадь
свою динамико-симметрическо-антагонистическую ме-
тоду леченія, и само выступаетъ на сцену какъ основа-
тель новой медицинской теоріи, какъ начальникъ рож-
дающейся врачебной школы. Оно будетъ ея Иппокра-
томъ! Хотя по этой методѣ, какъ видно изъ картины
ея чудесныхъ дѣйствій, можно лечитъ съ успѣхомъ
однихъ только NN., однако жъ это ни сколько не умень-
шаетъ ея важности для человѣчества : NN, тѣ же лю-
ди, или около того, и мы должны встрѣтить съ почте-
ніемъ вѣрный и испытанный способъ возстановлявать
ихъ драгоценное здоровье. Дорогу новому Иппократу!

Старый Иппократъ говорить:

«Castam et ab omni scelere puram, tum vitam, tum artem
meam, perpetuo praestabo.

ИППОКРАТИСЪ ЮВУЮАНДИУМЪ.

Новый Иппократъ говорить:

«Дай Богъ, чтобы это предсказаніе сбылось, (чтобы го-
меопаты написали такую же подробную исторію моей жи-
зни, какую я сообщилъ о Ганеманнѣ), и чтобы они почерп-
нули свѣдѣнія для исторіи моей жизни и моихъ поступковъ
изъ такой же книги *бессмертія*, то есть, изъ *Конверса-
ціонсъ Лексикона*, изъ которой я почерпнулъ самое главно-
е о Ганеманнѣ, и гдѣ находится и жизнеописаніе бес-
смертнаго Иппократа, *идеала всѣхъ моихъ поступковъ и
дѣлъ*. О! если бъ это когда-либо осуществилось!

МОЛПТВА ПРАГМАТИЧЕСКАГО СОЧИНЕНІА (Опытъ, стр. 35 и 36).

У всякаго свой вкусъ : одному Иппократу хочется со-
хранитъ навсегда какъ жизнь свою такъ и искусство до-

бродячельными и чистыми отъ всякого пятна; другому, который изъподтѣшна пользуется чужими трудами, выдумываетъ исторіи о небывалыхъ переводахъ и основываетъ науку «брани» (полемику), хочется попасть въ Конверсаціонсъ-Лексиконъ, во что бы то ни стало, хоть-бы даже подъ знаменемъ такой лестной біографіи, какова Ганеманнова въ прагматическомъ сочиненіи. *O cives, cives, quaerenda pecunia primum est, virtus post nummos! Rem facias, rem; si possis, recte, si non, quocunque modo: rem!*

Но эта молитва ясно показываетъ, что почтеннѣйшее прагматическое сочиненіе не-шути жьтитъ въ Иппократы! Посмотримъ его новое ученіе.

Какой - то русскій врачъ, на тридцатомъ году своей военноположной и гражданской госпитальной и частной практики (стр. 28 и 29), предлагаетъ намъ новый свой, особый, или частный, способъ леченія, который онъ составилъ для себя изъ множества различныхъ медицинскихъ способовъ врачеванія. Составилъ же онъ этотъ способъ во время 1812—1815 годовъ. Къ составленію же онаго своего, особаго, или частнаго способа леченія онъ былъ наведенъ, не теоретическими мечтаніями, но однимъ численнымъ опытомъ и счастливымъ соображеніемъ встѣхъ тѣхъ медицинскихъ случаевъ, которыя ему удалось видѣть, наблюдать и лечить. Его особый или частный способъ леченія есть плодъ самыхъ великихъ и поучительныхъ обстоятельствъ и неизбежной потребности.... Это и есть тридцатилетний (?) особый способъ леченія. Кажется, что между двумя Иппократами есть маленькая разница въ скромности. Ни Непиръ, изобрѣтѣя логарифмы, ни Ньютонъ, открывъ величайшій изъ законовъ природы, не говорили о себѣ такъ напыщенно, какъ изобрѣтатель своего, особаго или частнаго способа леченія. Великій Ньютонъ говорилъ о себѣ: «Я собралъ, какъ ребенокъ, нѣсколько раковинокъ на берегу морскомъ, и оставилъ все»

вданнымъ цѣлый охсанъ передъ собою!» Великій прагматикъ говоритъ о себѣ советѣмъ другое. Ипнократъ, Галилей, Беконъ, Кеплеръ, Ньютонъ, Лапласъ, Деви, всѣ геніальные умы, сознавались въ томъ, что ихъ мысли могутъ заключать въ себѣ ошибки. Прагматическое сочиненіе выше всего этого: оно непогрѣшимо какъ Анвальдова панацея!

Новый его, частный или особый, способъ называется, какъ вы знаете, *динамико-симметрическимъ* или *антагонистико-симметрическимъ*. Онъ основывается на слѣдующемъ:

Каждая изъ болѣзней (стр. 37) производитъ своего рода специфическое пораженіе, исключительно той или другой части, органамъ или системамъ свойственное или натурою предназначенное, которое нарушаетъ динамическую симметрію между ними (или здоровьемъ) и порождаетъ болѣзнь, не проходящую радикально дотолъ, пока не возстановится натурою, или посредствомъ рациональнаго леченія, потерянная динамическая симметрія тѣла (или здоровья) между болною и между противоположною ей частію, органомъ или системою. Причина этого та, что для сохраненія устройства и гармоніи (то есть, здоровья) между разнородными частями, органами и системами тѣла, дана составнымъ его частямъ свыше едохновенная динамія или жизненная сила, и каждому (?) изъ нихъ (?) назначена особая ея часть, сила и симметрическое ея состояніе, и доколь эта динамическая симметрія сохраняетъ въ организмъ законную правильность (здоровье), дотолъ человекъ здоровъ и наоборотъ.

Что-то очень мудреное! Надобно разложить столь высокое ученіе на основныя его части. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ блистательныхъ положеній:

1. Каждая изъ болѣзней производитъ специфическое пораженіе какой-нибудь части тѣла. Это пораженіе нарушаетъ здоровье и порождаетъ болѣзнь. Слѣдовательно,

болъзнъ, производя пораженіе, нарушаетъ здоровье и производитъ болъзнъ. Какое глубокомысліе!

2. Болъзнъ не проходитъ дотолъ, пока не возстановится здоровье. Какая въковая истина!

3. Составнымъ частямъ тѣла дана свыше вдохновенная динамія, или жизненная сила, и каждому (?) изъ нихъ (?) назначена особая ея сила. Какое свѣтлое открытіе!

4. Доколъ здоровье сохраняетъ въ организмъ законную правильность, дотолъ человекъ здоровъ. Какъ это просто!... и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вѣрно!

Иппократъ, Сталь, Сайднемъ, Бургааве, Браунъ — просто ученики подлѣ прагматическаго сочиненія! Никто еще не открывалъ въ человѣческой природѣ такихъ великихъ истинъ! И на нихъ-то, какъ на непоколебимые столбы, опирается весь золотой чертогъ новаго, своего особаго, или частнаго, способа леченія. По этому ученію, при леченіи, должно дѣйствовать лекарствами, не на больной органъ, а на тѣ органы, которые находятся въ симпатическомъ, или антагонистическомъ, къ нему отношеніи. На этомъ основаніи, при болъзняхъ желудка оно назначаетъ лекарства, дѣйствующія на толстыя кишки (наблюденіе 1), хроническое воспаленіе крови въ артеріяхъ (?) онъ истребляетъ, отвлекая наклонность (!) къ накопленіямъ крови изъ артерій въ вены (наб. 2), болъзненное состояніе нервовъ движенія онъ лечитъ, производя возвышенное (?) болъзненное чувство въ самомъ мозгъ (наб. 3), болъзни легкаго онъ исцѣляетъ лекарствами, дѣйствующими на мочевые пути и на охлажденіе (?) крови (наб. 4), болъзни суставовъ, костей и легкнхъ, возстановленіемъ въ тѣлѣ динамической симметрии черезъ возбужденіе жизнедѣятельности въ кожъ (наб. 5), болъзни сердца и груди средствами, специфически дѣйствующими (а сынокъ-то что сказалъ о специфическомъ леченіи?... забыли ль вы, какъ-онъ его отдѣлалъ?) специфически дѣйствующими на однѣ

толстая кишка и мочевые пути (наб. 6); болезни глазъ (наб. 7), головы (наб. 8), нервическія боли нижнихъ оконечностей (наб. 9), антагонистическимъ раздраженіемъ на икрахъ ногъ и въ толстыхъ кишкахъ, боль плеча лекарствами, дѣйствующими на толстую кишку, печень, и отведеніемъ крови отъ тѣхъ жилъ, которыя сопровождаютъ и раздражаютъ больные нервы лица (наб. 11), и такъ далѣе.

Разумѣется, что изобрѣтатель новаго, своего, особаго, или частнаго, тридцати-лѣтняго способа леченія самъ изобрѣлъ его! Онъ вездѣ и приписываетъ себѣ честь изобрѣтенія, хочетъ обратить на него вниманіе врачей, требуетъ для него ближайшаго критическаго наблюденія и изслѣдованія врачей, и бовтсся... да!... рѣшительно бовтсся, чтобы знаменитый Шёнлейнъ, *magnus ille Apollo*, не покорыстовался его геніальнымъ изобрѣтеніемъ (стр. 32 и 37).

Странно, однакожъ! Мнѣ кажется, что тутъ есть маленькая ошибка, — хотя я знаю, что прагматическое сочиненіе выше этихъ изъяновъ слабой человѣческой природы. Я сказалъ вамъ съ самаго начала, что я не врачъ. Какъ мыло Саадія, которое, когда его спросили — не роза ли оно? отчего оно такъ пахнетъ розою? — скромно отвѣчало, что оно вовсе не роза, а только долго лежало подлѣ розы, такъ и я о себѣ могу сказать, что я вовсе не медикъ, и если отъ меня крѣпко несетъ медициною, запахомъ, признаться, немножко различнымъ отъ розоваго, такъ это единственно потому что я долго лежалъ подлѣ медицинскихъ книгъ. Я не какое-нибудь прагматическое сочиненіе, и могу ошибаться. Поэтому я опять обращаюсь къ вамъ, *savantissimi doctores, medicinae professores*: не помните ли вы... вы, которые читаете все, что каждому врачу читать надлежитъ!..... не помните ли вы, въ исторіи вашего искусства, чего-то какъ двѣ капли воды сходнаго съ этою новою, особою, частною, или тридцати-лѣтнею ме-

тодою леченія?... Мнѣ кажется, что если бы ея изобрѣтатель, гдѣ-нибудь и когда-нибудь встрѣтился случайно съ медициной и полежалъ хоть съ часъ подлѣ нея, то, къ великому удивленію своему, онъ бы увидѣлъ, что онъ изобрѣлъ порошокъ, котораго, ужъ конечно, не изобрѣсть ему!.... (потому что порошокъ изобрѣтенъ давнымъ-давно). Мнѣ кажется, что ему стоить только заглянуть въ любой курсъ общей терапіи, чтобы посмѣяться надъ самимъ собою и разувѣриться въ своей изобрѣтательности. Ученіе объ отвлеченіи изъ ближайшихъ и изъ отдаленныхъ органовъ, *derivatio et revulsio*, такъ же старо какъ искусство похищать старыя ученые труды и мысли и, перемѣнивъ заглавіе, выдавать ихъ за новыя. Еще Галепъ излагалъ правила, какъ производить отвлеченіе, и у него найдете пути динамико-симметрическаго леченія. Отъ начала медицины донинѣ врачи обращали вниманіе на связь и отношенія частей тѣла между собою. Цельсь ставилъ это въ число медицинскихъ правилъ. Oeder собралъ все, что до него было извѣстно de *derivatione ac revulsione*, привелъ въ систему и издалъ, подъ этимъ заглавіемъ, въ 1749 году. Впоследствии *Watts*, *Vogel*, *Timmermann*, *Willis*, *de Neufville*, и многіе другіе, которыхъ вы лучше моего знаете, развивали ученіе о симпатическихъ и антагонистическихъ отношеніяхъ органовъ между собою. Вольно же прагматическому сочиненію подмѣнить слово *симпатическій* смѣшнымъ терминомъ *симметрической* и давно извѣстное выдавать за плодъ своихъ «счастливыхъ соображеній!» Блаженны несвѣдущіе; но и ничего не зная порядочно по своей части имѣетъ тоже свои неудобства: какъ-разъ сдѣлаешься посмѣшищемъ всѣхъ своихъ товарищей! А хуже всего то, что и мы, профаны, станемъ смѣяться во все горло надъ посвященнымъ, вмѣстѣ съ его товарищами!

Что касается до физиологической теоріи, которую я-

торъ объясняетъ происхожденіе болѣзней, то она не сказаннымъ образомъ забавна при нынѣшнемъ состояніи наукъ. Болѣзнь есть измѣненіе *законои правильной динамической симметріи въ частяхъ тѣла*: чего нѣтъ въ этихъ не многихъ словахъ! И отсутствіе логики: *измѣненіе правильности симметріи вдохновенной динаміи!* И іатроматематическое ученіе о равновѣсіи въ тѣлѣ силъ и соковъ, ученіе, которое бы сдѣлало честь любому равнину Гамбергеровой синагоги. И *вдохновенная динамія*: въ этой «вдохновенной динаміи», которой, признаемся откровенно, ни изобрѣтатель ни я не понимаемъ не только существа, но даже и названія, есть просторъ для всѣхъ бредней, старыхъ и новыхъ; тутъ удобно помѣстятся и архей, и раздражительность, и пневма, и сжимаемость фибры, и душа природы, и жизненность, и останется еще довольно мѣста для всѣхъ будущихъ старыхъ выдумокъ прагматическаго сочиненія. Во всемъ этомъ одно только нахожу я совершенно новое и исключительно принадлежащее генію прагматическаго сочиненія: это — названіе метода, *динамико-симметрическая*, то есть, совокупленіе въ одинъ терминъ двухъ словъ безъ всякаго положительнаго смысла, или — двѣ бессмыслицы въ одномъ словѣ. Одно только прагматическое сочиненіе и умѣетъ изобрѣтать такіа богатяя слова!

Болѣе всего, однако жъ, замѣчательны въ новомъ, особомъ, частномъ, или тридцати-лѣтнемъ *динамико-симметрическомъ* способѣ леченія тотъ гордый видъ самоувѣренности и то сознаніе своей важности, съ какими онъ выходитъ на сцену ученаго свѣта. Нельзя не видѣть, что тó и другое опираются на дознанную *успѣшность* способу, на тó, что онъ помогаетъ тамъ, гдѣ *ничего не было упущено, и употреблено было множество лекарствъ, но все безъ успѣха* (наб. 1.), гдѣ больные были *уже при смерти* (наб. 4.), на краю гроба (наб. 5 и 6.), гдѣ *ничто не помогало* (наб. 7.),

гдѣ всѣ жизненные отправленія большого разстроились (наб. 9.), гдѣ больной былъ лечимъ, теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, первыми врачами въ столицѣ, но безуспѣшно (наб. 10.), гдѣ больная не получала облегченія отъ первыхъ врачей въ Парижѣ, Италиі, Эмсѣ, Москвѣ, Петербургѣ, и больная угрожала опасностью жизни (наб. 11.), и такъ далѣе. Надобно знать, что динамико-симметрическая метода — о чудеса! — приходи сюда, Иппократъ, и поучись у твоего преемника, который уже назначилъ себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія подлѣ тебя, въ нѣмецкомъ Конверсаціонсѣ-Лексиконѣ! — успѣшно излечаетъ въ короткое время пятнадцатилѣтнюю рвоту (наб. 1.), изчурительный кашель (наб. 3.), чахотку (наб. 4. 5 и 12.), и хроническое воспаленіе крови въ артеріяхъ : слышали ль вы про такую больную со времени открытія кровообращенія?... хроническое воспаленіе крови въ артеріяхъ? (наб. 2.).... кровь, изволите видѣть, стояла неподвижно въ артеріяхъ въ продолженіи многихъ годовъ и пылала : ужъ это больная такого рода, что ей надобно ЗАЛИТЬ ЛЕКАРСТВАМИ! (извѣстный афоризмъ динамико-симметрической метода)... Но это еще не все: та же метода успѣшно излечаетъ въ короткое время изчурительную лихорадку (наб. 5.), костьдицу правой ключицы и грудной кости (наб. 5), бользни сердца и грудную водяную (наб. 6.), разные виды болей (наб. 8—11.), и тому подобныя счастливыя леченія : авторъ могъ бы привести ихъ много. Эта метода — плодъ самыхъ великихъ и поучительныхъ обстоятельствъ и неизбѣжной потребности, основанная на тридцати-лѣтней опытности и счастливыхъ ея послѣдствіяхъ (стр. 29). Эта метода составлена, не изъ какихъ-нибудь теоретическихъ мечтаній, а изъ счастливаго соображенія всѣхъ медицинскихъ случаевъ. Эта метода, тѣмъ же счастливымъ соображеніемъ, изобрѣтена самимъ ея изобрѣтателемъ изъ множества различныхъ способовъ врачеванія. Коротко

сказать, это свой, особый, или частный, тридцатилетний способъ леченія (стр. 30), который, того и гляди, похитить у насъ на-дняхъ великій Шёнлейнъ (стр. 32).

Странная вещь : какъ иногда бываютъ сходны слова, мысли и ихъ направленіе у людей, отдѣленныхъ другъ отъ друга столѣтіями ! Казалось бы, и я самъ сначала такъ думалъ, что если во всемъ новомъ изобрѣтеніи прагматическаго сочиненія не изобрѣтено ничего новаго, то по-крайней-мѣрѣ эта рекомендація его чудесныхъ свойствъ должна быть оригинальнымъ и неотъемлемымъ плодомъ смѣлости и отваги прагматическаго сочиненія. Ничего не бывало ! Однажды, лежа по-обыкновенію подлѣ медицины, беру на-удачу нѣсколько старинныхъ книжонокъ—гляжу!—что это ?... да вѣдь точно такимъ образомъ говорили нѣкогда о себѣ и о чудесахъ своихъ изобрѣтеній многіе смѣлые и отважные мужи, которыхъ имена тоже внесены въ книгу *beasmerthia*, въ Конверсаціонсъ-Лексиконъ ! Известный Георгъ Анвальдъ, лиценціатъ правъ, впоследствии практикъ и изобрѣтатель знаменитой панацеи *anwaldina*, которая сводила съ ума Европу въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія, былъ призванъ на экзамень передъ аугсбургскимъ медицинскимъ факультетомъ : и не такъ ли изъяснялся онъ ?... «*Ich achte euch nicht würdig, dass ihr mich examiniren sollt. Ich habe dennoch dergleichen Krankheiten curiret, die ihr sammt und sonders nicht curiren könnt, Schlag, Paralyisin, Wassersucht, allerlei Podagram und andere mehr, wie auch das Vergicht (вмѣсто Vergiftung) und rechten Wehetag.*» (*Breslauer Sammlung, 1718, Februar.*) Не такъ ли печаталъ о себѣ одинъ странствующій эскулапъ въ концѣ прошедшаго столѣтія. «*In Roussel-Court..... ist kürzlich ein Wundarzt gekommen, welcher die Wundarznei und andre Arzneikunst diese 24 Jahre lang, beides zu Wasser, als Lande,*

getrieben hat. Er curirt die Gelbsucht, die Bleichsucht, den Scharbock, die Wassersucht, verderbten Magen, lange Seereisen, Feldzüge und das Missgebühren der Weiber, das Wochenbette und so weiter, glücklich, wie verschiedene Leute, welche dreissig Jahre her lahm gewesen sind, bezeugen können; — kurz, er heilt alle Krankheit, welche Manns- und Weibspersonen oder Kinder befallen.» (*Unzer, der Arzt, 214 St. p. 77. edit. 1769.*) Какое удивительное сходство! Разница между этимъ языкомъ и языкомъ прагматическаго сочиненія и его почтеннаго потомства состоитъ только въ томъ, что ни Анвальдъ, ни этотъ странствующій эскулапъ, не уверяли въ то же самое время публики, будто они избрали Иппократа идеаломъ въсѣхъ своихъ дѣйствій (см. Молитву, въ Опытъ) и во всю жизнь слѣдуютъ примѣрамъ великихъ людей, свѣтилъ и украшеній науки, которыхъ нравственность составляетъ предметъ ихъ ежедневнаго размышленія и возбуждаетъ въ нихъ усерднѣйшее желаніе достигнуть возможности, хотя нѣсколько приблизиться къ нимъ въ этомъ отношеніи (см. О Иппократѣ, параграфъ 19.).

Я совершенно вѣрю желанію прагматическаго сочиненія, хоть нѣсколько къ нимъ приблизиться несмотря на то, что оно ѣдетъ въ противоположную сторону, но не могу не замѣтить, что одинъ изъ этихъ великихъ людей, именно, Бургааве, не только не бранился, когда ему доказывали, что онъ ошибается, но еще благодарилъ всякаго, кто открывалъ ему то, что онъ, Бургааве, будучи ученѣйшимъ человекомъ своего времени, называлъ своимъ невѣжествомъ. Удивительная проницательность давала ему тысячи средствъ метко открывать причины скрытой болѣзни; а между-тѣмъ, по свидѣтельству лучшаго его біографа, Мати, онъ очень часто признавался больному, что вовсе не понимаетъ его болѣзни. De Haen, van Døeveren, van Swieten, Morgagni, Tralles, поставляли себѣ честию скромно сознаваться

въ своихъ ошибкахъ, и приводили ихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Какую пользу думаетъ прагматическое сочиненіе принести наукъ, себѣ и читателямъ, самонадѣленною, бранной и въ высочайшей степени неприличною книжицей, въ которой, подъ именемъ *особаго и частнаго или тридцати-лѣтняго способа леченія*, оно выхваляетъ само себя и своего автора, приводя мнимые блистательные случаи исцѣленія болѣзней, признанныхъ всѣми за неизлечимыя?

Оно, не запинаясь, вылечиваетъ въ короткое время изнурительныя лихорадки и чахотки, даже такія, гдѣ изъ *легкихъ извергалось ежедневно по нѣсколько глубокихъ тарелокъ мокроты самаго злокачественнаго свойства* (наб. 12).

Оно легко уничтожаетъ *болѣзни сердца и грудную водянку* (набл. 6).

Оно лечитъ множество другихъ болѣзней, въ которыхъ лучшіе практики Москвы, Эмса, Парижа, Италіи и нашей столицы, ничего не могли помочь!

Но чѣмъ лечитъ оно? На это наложена печать глубокаго, торжественнаго молчанія: а между-тѣмъ изобрѣтатель методы хочетъ, чтобъ мы ему вѣрили на слово! Чтò толку въ этихъ коротенькихъ исторіяхъ болѣзней NN., гдѣ болѣе говорится о докторѣ чѣмъ о больномъ? Ктò повѣрялъ эти рассказы? Ктò наблюдалъ признаки этихъ болѣзней? Изъ чего состояли рецепты и какое имѣли они дѣйствіе? Никто этого не знаетъ. Да и ктò станетъ вѣрить наблюденіямъ и описаніямъ врача, который не знаетъ различія между *satyriasmus* и *satyriasis*, не понимаетъ даже значенія буквъ *MSS.*, à priori переводитъ — *безотчетно*, и поминутно доказываетъ однимъ уже ложнымъ употребленіемъ ученыхъ терминовъ, что онъ не свѣдущъ по своей части, чуждъ латинскаго языка и не обладаетъ даже тѣми общими свѣдѣніями въ наукахъ, которыя нынче сдѣлались необходимыми для всякаго? Читая *врачебныя*

наблюденія, помѣщенные въ «Опытъ медицинской полемики», невольно вспоминаешь анекдотъ Бальдингера о томъ, какъ одинъ эскулапъ переважно говоритъ больному : «Только бы прошли dolores, а ужъ съ болями-то мы сладимъ!» Neuratis periodica этихъ наблюденій (наб. 9) удивительно напоминаетъ другой анекдотъ ; но теперь здѣсь нѣтъ для него мѣста.

Такъ вотъ развязка *тридцати-лѣтней походной и гражданской и госпитальной и частной практики, счастливыхъ соображеній* всѣхъ медицинскихъ случаевъ и *великихъ поучительныхъ* событій ! Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus.

Напрасно прагматическое сочиненіе хвастаетъ похвальными письмами и статейками, которое оно получило. Эти документы не имѣютъ ни какой цѣнности въ наукахъ. Извѣстно, какъ они получаютъ; и люди, похвалами, часто *отдѣлываются* отъ людей и книгъ, а не хвалятъ ихъ. Люди часто также и ошибаются. Тиссерану, который теперь въ Конверсаціонсъ-Лексиконѣ носить титулъ «медицинскаго шарлатана», люди въ прошломъ столѣтїи выходили на встрѣчу цѣлыми городами ; власти окружали жилище его почетнымъ карауломъ ; богословы спорили о томъ сколько дать ему gratiae gratis datae, газеты и журналы прославляли его ученость и искусство : и каковъ былъ конецъ его?.... Ни Гейнродъ, ни Симонъ-Младшій, ни Лейпцигское Медицинское Общество, не знаютъ по-русски, не читали и не будутъ читать прагматическихъ сочиненій: какой же авторитетъ могутъ имѣть для насъ ихъ письменные отзывы, основанные на одной только учтивости къ иностранцу ? Мы желали бы знать, напротивъ, что сказалъ бы Гейнродъ Симону-Младшему, если бы онъ прочелъ нѣсколько страницъ прагматической книги, или такія на примѣръ медицинскія наблюденія въ «Опытѣ»:

НАБЛЮДЕНІЕ ВТОРОЕ. Чиновник *НН.* страдает хроническимъ воспаленіемъ волосныхъ артерій, въ видѣ остраго ревматизма, который четыре года, лишалъ его спокойствія и наконецъ всякой возможности сдѣлать какое-либо движеніе руками и ногами. При осмотрѣ больнаго нашлось, что болѣзнь его заключается въ хроническомъ воспаленіи крови въ артеріяхъ. *Mein Gott! mein Gott!* вскричалъ бы этотъ честный Нѣмецъ: въ какомъ ужасномъ положеніи медицина должна быть въ Россіи! Да въдь тамъ не дошли еще до кровообращенія! Что это за небывалая болѣзнь, воспаленіе крови въ артеріяхъ? Гдѣ жъ у нихъ остается логика, когда они изобрѣтаютъ такія вещи? Принять кровь за органъ болѣзни, и именно кровь въ артеріяхъ! Какъ-будто для артерій существуетъ особенная кровь; какъ-будто кровь въ человѣкѣ раздѣлена на части и эти части прикованы къ извѣстнымъ сосудамъ и органамъ; какъ-будто кровь всею своей массою не течетъ непрерывно по всему тѣлу; какъ-будто каждая частица крови, вышедши изъ сердца, не пробѣгаетъ съ быстротой молніи полного круга, изъ одного органа въ другой, изъ артерій въ вены, и черезъ полъ-минуты не возвращается опять въ сердце? И гдѣ было это воспаленіе крови въ артеріяхъ, въ отдѣльныхъ ли органахъ, или въ цѣломъ тѣлѣ? Что за болѣзнь хроническое воспаленіе въ видѣ остраго ревматизма? Это оглушаетъ самый нечувствительный слухъ и можетъ быть поставлено въ одну категорію съ учеными отвѣтами Іоанна-Андрея-Стефана Фелоци, практиковавшаго въ прошедшемъ столѣтіи въ Венгріи. Его спросили въ медицинскомъ совѣтѣ: «*Ist auch das Blut im menschlichen Körper und wo hält sich selbiges auf?*» А онъ отвѣчалъ: — «*Ja, in der Gegend vom Magen und circa praecordia*». — «*Läuft das Blut auch herum?*» — «*Ja, wenn der Mensch lustig ist, läuft selbiges herum, wenn er aber verschreckt und zornig ist, cessirt solches*». (*Prü-*

fungsprotokol des Herrn Dr. Felosi въ Бальдингеровомъ N. T. für Aerzte.)

Между-тѣмъ, отъ этихъ мнѳологическихъ болѣзней, болъной, потерявъ, втеченіи двадцати-одного дня, девять чашекъ крови и принимая одну простую магнезію, въ мѣсяць совершенно выздоровѣлъ. *Credat Judaeus Apella, non ego!*

НАБЛЮДЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. NN. страдалъ чахоткою, развившеюся вслѣдствіе жестокаго и многократнаго кровоизливанія и воспаленія легкиихъ, отъ которой, въ ноябрь 1826 года, былъ уже при смерти. Я далъ ему лекарства, дѣйствующія на мочевые пути и на охлажденіе крови (?), которую старался отвлекать отъ легкиихъ къ периферіи тѣла черезъ повторенныя общія и частныя кровопусканія (!?). Болъной, разумѣется, выздоровѣлъ, и намъ извѣстно нѣчто очень сходное съ этимъ наблюденіемъ: подробности описанія и метода леченія совершенно одинаковы; только, нидеррейнскій эскулапъ 1788 года точнѣе прагматическаго писателя, хотя и не говоритъ, что у болънаго его была чахотка. Мы приведемъ это наблюденіе съ дипломатическою точностію, для сличенія. «Dieser Kranke hat das seitens Stegen beikommen, der Pulss war ganss voll und hart, die Stige waren sehr stark, er schbie auch etwas Blut, so habe ich ihm drei mahl zur Ater gelassen, bis sich die Stige verlohren haben und der Pulss Weiger und milder Geworden ist, darnach hab ich die Laxsirente Mixtur zur Hand genommen um ihm damit die Ersten wege zu reinigen, auch hab ich ihm das beistängige Drinken von Gersten Wasser anrekmandirt... die schbanische Pfligen, die ich an die Waden gelegt habe, szin recht gut zu ziehen.» У нашего наблюдателя почти тѣ же и лекарства; даже и антагонистическое раздраженіе на крахъ ногъ (наб. 7 и 8).

НАБЛЮДЕНІЕ ПЕРВОЕ. При пятнадцати-лѣтней рвотѣ, на основаніи своего динамико-симметрическаго

способа леченія, изобрѣтатель оставилъ желудокъ больной въ спокойствіи, и далъ ей лекарство, дѣйствующее специфически на толстыя кишки. Какъ же! это очевидно! больная непременно выздоровѣетъ, если данное лекарство найдетъ себѣ путь въ толстыя кишки мимо желудка, чтобы не раздражать его болѣе, и, попавши въ нихъ, не будетъ на него дѣйствовать! Не на такомъ ли расчетѣ основывался одинъ, нѣкогда извѣстный, эскулапъ? Больной его былъ раненъ дробью въ голову; призванный на помощь цирюльникъ совѣтовалъ вынуть дробины изъ костей и покрововъ головы. «Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ : это произведетъ сильную боль и раздраженіе въ части и безъ-того раздраженной; лучше положить ему на всю рану шпанскую мушку : она прилипнетъ къ себѣ дробь.» (Baldinger's N. T. f. Aerzte, XV.)

Но к чему продолжать этотъ разборъ? Другое дѣло, если бѣ мы могли этимъ возвратить прошедшее и заглазить стыдъ нанесенный нашей medicinѣ и литературѣ «прагматическими сочиненіями» и ихъ «*Опытомъ медицинскои полемики*». Для этого всѣ мы общими силами написали бы, вмѣсто искупительной жертвы, цѣлыя сотни фолиантовъ. Но стыдъ нанесенъ, книжица напечатана и разошлась уже далеко : остается — молить Бога, чтобы Нѣмцамъ никогда не приходила мысль учиться по-русски.

Странное дѣло! *тридцати-лѣтней военной походной и гражданскои госпитальной и частной практики* не достаточно было прагматическому сочиненію, чтобы удостовѣриться, что, въ медицинѣ, составляетъ честь-чувствовать и сознаваться, что мы многого не понимаемъ! Великій Сайднемъ, когда его спросили, почему онъ ничего не писалъ о болѣзняхъ головы, отвѣчалъ : «Я не понимаю ихъ». *Самыхъ великихъ и поучительныхъ обстоятельствъ и неизбѣжной потребности* недостаточно было прагматическому сочиненію, чтобы

понять, что для больныхъ гораздо полезнѣе, если вратъ, вмѣсто тридцати-лѣтнихъ трудовъ надъ изобрѣтеніемъ давно изобрѣтеннаго, посвятить хоть два года ипократической жизни своей тому, чтобы познакомиться съ первыми основаніями своей науки! Кто чуждъ ихъ при выходѣ своемъ изъ академіи, пусть лечитъ по «Практическимъ руководствамъ медицины»: они съ этою цѣлю и написаны. Прекрасно назвалъ Лютеръ свой катихизисъ : *Kleiner Katechismus für einfältige Prediger und Pfarrherrn!*

Не въ учтивостяхъ отвѣтныхъ писемъ на посланные ученымъ лицамъ и сословіямъ экземпляры своей книги, не въ этихъ условныхъ комплиментахъ, которые, къ сожалѣнію, одинаково рсточаются и передъ истиннымъ дарованіемъ и передъ докучливымъ ничтожествомъ, должно искать настоящей оцѣнки своихъ ученыхъ подвиговъ. Есть тысячи другихъ средствъ узнать подлинное о себѣ мнѣніе тѣхъ, которые, если ихъ попросите черезъ добрыхъ друзей, пришлютъ вамъ двѣ дюжины дипломовъ, а между-тѣмъ думаютъ не очень лестно о вашихъ ученыхъ заслугахъ. На свѣтъ, какъ въ алгебрѣ, все узнается, если не прямо, то черезъ сближеніе. Напримѣръ, Нѣмцы, въ Германіи, не знаютъ русскаго языка и не читали прагматическаго сочиненія : я однако жъ берусь показать вамъ съ математическою вѣрностью все, что они думаютъ о прагматическомъ сочиненіи.

Similis simili gaudet. Это аксіома житейской альгебры, столь же вѣрная какъ то, что въ прямоугольномъ четвероугольникѣ каждые два противоположные бедра совершенно равны между-собою. Если А находитъ, что В ровно такой же великій человекъ какъ самъ онъ, А, и чистосердечно ему удивляется, тогда то, что люди думаютъ про себя о великомъ человекѣ В, необходимо примѣняется во всей точности и къ великому человекѣ А. Приложимъ эту теорему къ данному случаю.

Требуется знать настоящее мнѣніе ученыхъ германскихъ Нѣмцевъ о прагматическомъ сочиненіи, котораго они не читали и читать не стануть. — Прагматическое сочиненіе чистосердечно удивляется твореніямъ доктора Мірабоух : оно признаетъ ихъ прекрасными, превосходными, и отъ-души радуется, что *встрѣтилось съ ними въ мысляхъ*. Это фактъ, засвидѣтельствованный «Опытомъ», законнымъ сыномъ Прагматическаго сочиненія, несмотря что у «Опыта» было много отцовъ. Достойный батюшка его, послѣ самаго тщательнаго сличенія, *убѣдился*, увѣренъ и положительно всѣхъ увѣряетъ, что геній доктора Мірабоухъ совершенно равенъ его генію, и обратнѣ : онъ даже называетъ его своимъ *предтечею* (Опытъ, стр. 22). А потому, если мы откроемъ настоящее мнѣніе ученыхъ германскихъ Нѣмцевъ о твореніяхъ геніальнаго доктора Мірабоухъ, то будемъ знать и настоящее ихъ мнѣніе о прагматическомъ сочиненіи, котораго они не читали и читать не стануть.

Вотъ *Jahrbücher der in- und ausländischen gesammten Medicin*, изданіе весьма уважаемое въ ученомъ свѣтѣ (1841, N° II). Статья извѣстнаго ученаго Нѣмца, доктора Блумрѣдера, о прекрасныхъ и превосходныхъ твореніяхъ доктора Мірабоухъ, вообще, и о послѣднемъ его прекрасномъ и превосходномъ твореніи, въ особеннѣности (стр. 264). Заглавіе этого творенія выписано въ началѣ подлежащей статьи нашего журнала.

«Es ist eine der ärgerlichsten Aufgaben, die es geben mag, über eine Schrift berichten zu sollen, welche nichts ist, als ein bunt zusammengewürfeltes Untereinander hundertmal gesagter, und doch nichts sagender, breit und leer getretener Trivialitäten, allgemeinsten und vagsten Hin- und Herredens, schwindlicher, ebenso unnöthiger wie unnützer Planmachereien und confuser Collectanea der ungehörigsten Gemeinprüche aus allen erdenklichen Schriftstellern und Zeitungsschreibern citirt, hier und da mit fehlerhaft ge-

schriebenen lateinischen Brocken, wie Kraut und Rüben durch einander geworfen. (Similis simili gaudet.) Dazu kommen nun noch alle Zeichen pathologischen Ursprungs, *eitle, anmassende Schreibsucht, stetes Reden von sich selber, Zudringlichkeit und Anhängen an bedeutende Männer, forcirte Ostentations-Schwärmerei, mit sentimentaler Kläglichkeit durchspickt.* (Similis simili gaudet.) Es ist zu widerlich.

«Das Quodlibet beginnt mit einer Vertheidigung der Medicin gegen den berühmten russischen Kritiker S..... : es wird bloß das abgedroschene Thema noch einmal ausgedroschen, dass, wie die Aerzte, auch die Künstler und Philosophen nicht einig seien, Kunst, Philosophie und Medicin aber doch zur Einheit strebe. – In einem Schreiben an Dieffenbach (der Verfasser an Dieffenbach) redet der Verfasser sodann über die bekannte, gegen die Homöopathie gestellte Preisfrage der Gesellschaft correspondirenden Aerzte in Petersburg. Diese Frage war aber augenfällig so unwissenschaftlich gestellt, und wurde von Seite der Homöopathie selbst so hinlänglich gewürdigt und bezeichnet, dass das wiederholte Reden darüber ganz unnöthig ist. – Kindisch ist der Brief an Raimann, von welchem der Verfasser durch Zusammenwirken der Facultäten einen Codex universalis medicalis (sic!) verlangt, in welchem man die Wahrheit und Gewissheit der ganzen Medicin schwarz auf weiss beisammen habe. Mit 40,000 Franken wäre die Sache abgemacht. Wenn es nicht zureiche, wolle der Verfasser selber 25 Dukaten beisteuern. Dass ihm niemand antwortete, brauchte der Verfasser nicht erst zu versichern. Dass überhaupt mit Preisaufgaben, mit Geld, alles dieses und noch mehr zu effectuiren sei, daran zu zweifeln, fällt ihm gar nicht ein. Von diesem Mittel will und hofft er die Versöhnung der Parteien, Vermittelung der Extreme, Reform und Ausbildung der Medicin zur Gewissheit. Aber nicht nur die Heilkunde in allen ihren Zweigen und Richtungen werde reformirt, zu Einheit und Gewissheit gebracht : *das Recensirwesen vor Allem bedürfe einer durchgreifenden Reform* (Similis simili gaudet). – Nun folgt ein langes Klagelied, wie weh dem Verfasser die steinherzigen Recensenten gethan, welche, statt in seine Lage mit zartem Sinne einzugehen, statt seine Schmerzen und Krämpfe,

seine dornenreiche Bahn, seine Kränklichkeit, seine arme gequälte Brust, — «die alles Recht habe, ihren Klagelauten in vielfachen Variationen Luft zu machen», — menschlich zu berücksichtigen, ihn schrecklich misshandelt, körperkrank, geistesschwach, im Gehirne verwirrt, resonirend WIE EIN PFERD genannt hätten*, worüber seine Frau Mutter, und seine Frau Schwester, in die grösste Betrübniß versetzt worden waren. — Hier müsste aus tiefem Erbarmen Referent die Feder aus der Hand fallen lassen, hätte er dem Verfasser nicht noch einen menschenfreundlichen Rath zu ertheilen. Der Verfasser sagt: «Durch Berufsgeschäfte verhindert, durch Praxis gestört, durch Kränklichkeit verstimmt, und dennoch durch manchen Umstand zum Schreiben gezwungen, bringe ich diessmal Weniges, Schwaches, Unreifes.» Ums Himmelswillen, warum muss er denn schreiben? Warum ruht er nicht auf seinen Lorbeeren? Wozu denn dieses unselige Obenaus und Nirgendsan, dieses krampfhaftes, phantastisch leere Zappeln und weitstanzartige Treiben einem Ziele zu, welches zu erreichen seinen Kräften offenbar unzulänglich ist? Wir rathen und wünschen dem sehr verehrten Herrn Verfasser aufrichtig theilnehmend von ganzem Herzen: Ruhe!»

Кончимъ это длинное разбирательство тяжбы прагматическаго сочиненія съ критикою. Мы забыли сказать, за что такъ осердилось оно на господина Спаскаго. Ему приснилось, будто докторъ Спасскій былъ авторомъ или участникомъ критики, которая разрушила его гордость и превратила ее въ крики ярости и отчаянія. Основываясь на этомъ *актъ*, оно съ грубыми и обидными пасмъшками напало на почтеннаго и совершенно невиннаго писателя, и на его сочиненіе, которое само оно перенесло на свои страницы. Мы помнимъ, что, послѣ появленія этой критики, въ публикѣ также многіе приписывали ее, одни доктору Спаскому, другіе другимъ извѣстнымъ врачамъ. Но мы считаемъ себя совершенно въ правѣ

* За его «прекрасное и превосходное твореніе» подъ заглавіемъ Zur Vermittelung der Extreme in der Heilkunde; за *предтечу* прагматическаго сочиненія.

объявить, для разсвѣянiя всѣхъ сомнѣнiй, что, ни господинъ Спасскiй, котораго въ то время не было даже и въ Петербургѣ, ни кто-либо другой изъ врачей или неврачей, не имѣлъ ни прямого ни косвеннаго участiя въ этой знаменитой критикѣ : настоящiй и единственный ея авторъ — баронъ Брамбеусъ, страстный любитель прагматическихъ сочиненiй, и онъ принимаетъ на себя всю отвѣтственность за ея содержанiе.

Однако жъ это еще не конецъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мы приступимъ къ разбору втораго прагматическаго сочиненiя, «О Иппократѣ, и его ученiи».

=

МАЙ, 1841.

НОВЫЯ КНИГИ И ВРОШЮРЫ.

ФРИТЮФЪ, СКАНДИНАВСКІЙ БОГАТЫРЬ. *Поэма Тег-
нёра въ русскомъ переводѣ Я. Грота. Гельсингфорсъ, въ
тип. вдовы Симелиусъ, 1841, въ-12, стр. 27.*

При видѣ скандинавскаго, мы всякой разѣ сожалѣемъ о томъ, что наши поэты и романисты оставляютъ нетронутымъ это богатое поле оригинальной поэзіи и занимательныхъ разсказовъ, что никто изъ нихъ не изучаетъ сагъ, единственнаго зеркала нравовъ и понятій древняго сѣвера, никто не старается составить себѣ яснаго понятія о томъ, что была Россія въ первые три столѣтія своего существованія, когда въ ея исторіи, характеръ и нравахъ еще преобладалъ норманскій характеръ, принесенный скандинавскою Русью на славяно-чудскую землю. Эти три столѣтія можно назвать *героическими вѣками* Россіи. Связь нашей родной страны со скандинавскимъ сѣверомъ и его нравами гораздо древнѣе и тѣснѣе, нежели какъ полагаютъ тѣ, которые предаютъ мечтаніямъ славяноманіи. Поймите хорошенько одно: мы, наша земля, наше отечество, Россія, до-сихъ-поръ называется *Скандинавами* и *Скандинавіей*. Это не парадоксъ. Слово «Скандинавія» — только географической терминъ Грековъ и Римлянъ: оиъ, быть-можетъ, взятъ отъ названія одной изъ областей сѣвернаго полуострова, именно, Сланін, но народы, которые мы нынче называемъ Скандинавами, вовсе его не знали. Какое же было настоящее, общее, родовое названіе племенъ населявшихъ земли и острова нынѣшнихъ Швеціи, Даніи и Норвегіи? какъ все эти народы

собственно назывались у себя? — Они назывались *Русами*, а отечество ихъ — *Русью*. Чѣмъ далѣе подвигаются историческія изслѣдованія нашего времени, тѣмъ яснѣе съ каждымъ днемъ становится эта истина, которая въ то же время превосходно соглашается между собою всѣ показанія среднихъ народовъ, казавшіяся несогласными. Интересное открытіе ученаго академичка Френа недавно доставило намъ свидѣтельство одного арабскаго писателя въ томъ, что Скандинавы, или Норманны, даже въ Испаніи и на Средиземномъ Морѣ извѣстны были подъ общимъ именемъ *Руси*. Этотъ фактъ возбудилъ во всѣхъ насъ удивленіе: извѣстіе, добытое изъ словъ арабскаго географа, показалось намъ необыкновенною новостью, и никто изъ насъ не вспомнилъ, что Несторъ, нашъ Несторъ, давно говорилъ намъ то же самое. Въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя положительнѣе Нестора утверждать, что *Русью* называются всѣ народы, живущіе за моремъ, въ Скандинавіи. Но такова сила преубѣжденія и предвзятыхъ идей, что никто изъ насъ не хотѣлъ понять словъ лѣтописца: Шлѣцеръ превратно понялъ начало одного періода и поставилъ въ немъ произвольные знаки препинанія, чтобы кое-какъ согласить текстъ съ своимъ ученіемъ, и съ тѣхъ поръ, по его указкѣ, всѣ мы превратно переводимъ совершенно ясный разсказъ Нестора и удивляемся, что въ немъ не выходитъ логическаго смысла. А между-тѣмъ, намъ стоило только понять самыя первыя слова періода въ ихъ естественномъ смыслѣ и поставить запятая въ приличныхъ мѣстахъ, чтобы, и найти логическій смыслъ въ цѣломъ періодѣ, и давно услышать отъ нашего роднаго лѣтописца то же самое, что говоритъ этотъ Аравитянинъ. Я знаю, что здѣсь не мѣсто переводить на нашъ скуку подобными разысканіями, но какъ дѣло можетъ быть объяснено въ одно штиновеніе, въ нѣсколькихъ строкахъ, то позвольте мнѣ представить вамъ текстъ Нестора съ теми запятыми. «*И идоша за море къ Варягомъ, — къ Руси; сицебо свазхуся ти (Русины) Варяги-Русь: яко се, друзии (Русины) зовутся Свое, друзии же Урманн, Аманн, инии и Готе, тако и ти*». Это значитъ: «И пошли шесты за море къ Варягамъ, то есть, къ Руси; потому что къ Русины Звались Варяги-Русь: какъ другіе Русины зо-

звутся Славяны, другіе же — Норманны и Англы, а диче и «Готы, дакъ и те — вонуться Варягами». Или, еще яснѣе: «И пошли за море къ Варягамъ, то есть, къ Руси; потому что те заморскіе люди, та часть Руси, зовется Варяги-Русь; дакъ другіе заморскіе люди зовутся Свен-Русь, другіе же Норманны-Русь или Англы-Русь, а диче и Готы-Русь, такъ и къ — *Варяги-Русь*». Какъ ни ворочайте текстъ Нестора, другаго логическаго смысла не извлечете изъ него. Безсмыслица выходила всегда оттого что первымъ словомъ этого знаменитаго мѣста — *идоша за море къ Варягомъ къ Руси* — досель приписывали по примѣру Шлѣдера значеніе, противудолжное ихъ естественному и настоящему значенію, а именно: думали, что послы отправились къ той части *Варяговъ, которая называлась Русью*, между-тѣмъ какъ выраженіе летописца явственно представляетъ обратный смыслъ: послы, напротивъ, отправились къ той части *Руси, которая называлась Варягами*. Сказавъ, что они пошли къ Варягамъ, летописецъ тотчасъ объясняетъ, кто такіе были Варяги: они были *Русь*, такая же Русь какъ Свен, Норманны, Англы, и Готы: *идоша къ Варягомъ, — къ Руси*. Весь періодъ становится яснымъ и логическимъ только при этомъ простомъ смыслѣ перваго предложенія. Шлѣдеръ не могъ же него рѣшиться: въ то время, надобна еще была большая смѣлость, чтобы утверждать, что Русь, которую всѣ почитали Славянами, была какаа-то неизвѣстная частіца Варяговъ, принимаемыхъ за Скандинавовъ вообще. Нынче понятія измѣнились: мы достаточно убеждены, что Руссы не были Славянами, и знаемъ также, что нѣтъ ни какихъ слѣдовъ, чтобы Скандинавы когда-либо носили общее названіе Варяговъ, а напротивъ, имѣемъ уже два или три положительныя доказательства, что всѣ они назывались *Русами*: если, еще, поймемъ слова Нестора въ ихъ точномъ и буквальномъ значеніи, тогда и дадо рѣшится окон-

* Арабскій писатель, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, называетъ Норманновъ *Руссами*: Византіяны своихъ паченныхъ Англовъ называли *Руссами*; у Лавровцевъ *Русь* и *Готъ* значать одно и то же, и насъ самихъ они называютъ *Готами*, и Фливы донынѣ сохранили Шведемъ названіе *Руссовъ*. Не толи самое повторять и Нестору? выкиньте хорошеяко, въ смыслъ его словъ!

патетично. Вся Скандинавия—Русь: это — единственное название, и наша родная Русь—тоже Скандинавия, или, если угодно, часть ея. Древнее, коренное название всего скандинавского сѣвера, «Русь», совершенно забыто въ За-балтійской Скандинавии: оно уступило тамъ мѣсто частнымъ именамъ трехъ главныхъ народовъ, Шведовъ, Датчанъ и Норвежцевъ; по-сю-сторону моря, у насъ, оно, напротивъ, сохраняется донныиъ. Следовательно, скандинавскій миръ — нашъ миръ! Все, что къ нему относится, должно въ высочайшей степени занимать наше любопытство, должно быть для насъ предметомъ тщательнаго изученія, потому что здѣсь только можемъ мы получить ясное понятіе о томъ, что такое были предки наши отъ *русскаго* роду. Древняя скандинавская литература ровно столько же національна для насъ какъ и для обитателей обоихъ сѣверныхъ полуострововъ. Рурикъ былъ почти современникъ Фритіофа, быть-можетъ и родня ему. Нѣтъ сомнѣнія, что, еще до Рурика, Русь, то есть, Скандинавия, основывала владѣнія на нашей землѣ и ширеко на ней владычествовала. Имперія Эймунда-Стараго не басня: Рурикова была только ея продолженіемъ. Если, по филологическимъ причинамъ, потому что нынче говоримъ однимъ изъ славянскихъ языковъ, стараемся мы жить у себя публичныя каедры славянскихъ литературъ, то, конечно, еще болѣе, по національнымъ, желательно видѣть такія же почести возданными языку и литературѣ тѣхъ, чье славное имя достойно носимъ мы донныиъ, — языку и литературѣ Руссовъ, *Руси*, словомъ, древней Скандинавии. Въ честь этому древнему имени, которымъ мы гордимся и которое заставили почитать всю Европу и Азію, должны мы изучать съ любовью все древнее *русское*. Неужели безцвѣтная мифологія и темные нравы нашихъ вѣжнихъ *Человѣковъ*, могутъ быть важнѣе и занимательнѣе для насъ вѣры и обычаевъ ихъ славныхъ вождей и повелителей, сподвижниковъ Рурика, Олега и Владиміра Великаго? До принятія христіанской религіи господствующею вѣрою, вѣрою *мужей*, или благороднаго сословія, была у насъ несомнѣнно вѣра Тора: это явно изъ одного уже названія касты жрецовъ при Владимірѣ, *волхвы*, собственно *олфы*, славянскою передѣлки слова *alfve*, которое служило у за-

балтійской Руси родовымъ именемъ священному племеню скандинавскихъ жрецовъ, происходившему отъ боговъ. Вся эти Перуны, Диди-Лады, Бьлбоги и Чернобоги, о которыхъ одинъ ученый мужъ прислалъ мнѣ недавно цѣлую книгу, но-мнѣ, не дворянскіе боги: и, право, не постижимо, какъ могутъ люди выше девятаго класса серьезно заниматься ими? — такими нечѣсами!.... Для меня весьма понятно быстрое и безмолвное паденіе этихъ боговъ по первому слову Владимира: когда господствующимъ, богатымъ русскимъ богамъ безцеремонно выбросили изъ великолѣпныхъ божницъ, что и не трудно было сдѣлать, по милости христіанъ между *мужами отъ русскаго роду* и нашими Варягами, такъ что жъ тутъ и разсуждать обормозаннымъ деревенскимъ божкамъ Человѣковъ? Въ болото этихъ «чертей»! — и все исчезли: отсюда и поверье, что чортъ сидитъ въ болотѣ. Коротко сказать, славянская міеологія вовсе меня не прельщаетъ, и, по моему вкусу, если мужу отъ русскаго роду изучать какую-нибудь міеологію, такъ ужъ изучать свою, русскую, скандинавскую. Это настоящая міеологія героевъ. Какіе богатые источники поэзіи открываетъ она человѣку съ воображеніемъ и талантомъ! Какіе прекрасные матеріалы извлекли изъ нея для своихъ созданій Эленшлегеръ и Тегнеръ! Я бы совѣтовалъ нашимъ поэтамъ, которые, въ подраженіе Ньцангъ, пишутъ баллады о пошлыхъ привидѣніяхъ въ бѣлой простыни, поискать сюжетовъ лучше въ нашей исторіи норманскаго періода, писать баллады о Рурикъ, объ его славныхъ «мужахъ», объ этихъ геройскихъ нравахъ, этихъ невычайныхъ подвигахъ храбрости и силы, которыми отличалась «Русь» во всѣхъ частяхъ свѣта, и которые заставляли трепетать Кавказъ и среднюю Азію еще до Рурика, — доказательство, что «Русь» на нашей Руси древнѣе этого храбраго кенунга. Знаю, очень хорошо знаю, что воспѣвать «льнъ» и «пыгу» гораздо легче нежели удачливыя походы Синеуса и Трувора, что для такой поэзіи надобно много учиться, много читать, а до этого наши поэты не большіе охотники: но, право, пора уже и имъ приняться за что-нибудь основательное. *Луна — Она — Гробъ — Поэтъ — Кладбище — Мечта* — всамъ надовли: поверьте, что объ нихъ

уже не скажете намъ ничего новаго. Прочитайте Тегнброма «Фритюфа», котораго перевелъ намъ господинъ Гротъ, и посмотрите, какъ это свяжо, оригинально, волшебво.

Объ этой знаменитой поэмы и ея авторъ уже много разъ было говорено въ «Библиотекъ для Чтенія». Года два тому назадъ было даже объявлено, что господинъ Гротъ готовитъ намъ русскій переводъ «Саги о Фритюфъ». Этотъ переводъ вышелъ теперь въ Гельсингфорсѣ, и мы вмѣстѣ съ осуществленіемъ нашихъ ожиданій имѣемъ удовольствіе видѣть первую русскую книгу, напечатанную въ столицѣ Финляндіи. Переводчикъ прибавилъ къ поэмы маленькую, но хорошо составленную, картину скандинавскихъ нравовъ, какъ необходимый комментарий ея для большей части русскихъ читателей. Мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ этого вступленія.

«Главное сословіе народа составляли владѣльцы болѣе или менѣе обширныхъ участковъ земли, которыми они управляли независимо. Вся ихъ обязанность въ отношеніи къ конунгу состояла въ томъ, что они, вслучаѣ войны, должны были идти вмѣстѣ съ нимъ на общаго врага. Они назывались бондами (bonde). Каждый бондъ носилъ оружіе, и, если былъ богатъ, держалъ при себѣ наемную дружину. Онъ вероятно бывалъ въ тѣсномъ союзѣ съ конунгомъ (княземъ), но нахвѣстаться въ дружину его считалъ для себя униженіемъ.

«Конунгъ всегда избирался народомъ, и съ самомъ своимъ соединялъ званіе верховнаго жреца. Онъ при торжествахъ самъ отправлялъ богослуженіе въ храмѣ. Его сыновья, еще при жизни отца, также назывались конунгами. Случалось, что отецъ съ сыномъ или два брата вмѣстѣ управляли краемъ. Державныя семейства обыкновенно съ гордостію производили свой родъ отъ боговъ. За конунгами, по знатности сѣва, слѣдовали яры (графы), которые и сами бывали иногда вѣдями областей.

«Скандинавскіе владѣтели часто воевали другъ съ другомъ. Война была для Норманна главнымъ и самымъ почетнымъ занятіемъ; но особенно уважались морскіе походы. Ихъ предпринимали наиболее владѣльцы омовья конунговъ и бондовъ, то есть люди, которые, не имѣя права на наследство земли, хотѣли поправить оружіемъ обиду судьбы. Ихъ целью было добыть себѣ имущество или даже область. Но иногда ихъ побуждало къ походу одно удеальство или желаніе славы.

«Такой вонтель назывался *вѣкингомъ* или *морскимъ конунгомъ*. Первоначально онъ строго руководствовался правилами чести и великодушія, но впоследствии блатородное ратованіе обратилось въ раз-

братством. Сверхъ дружины, была при викингах перемещенная сподвижники, называвшіяся *братомъ по оружію* (*varpenbroder*) или по *воспитанію* (*fosterbroder*).

•Надобно объяснить начало и значеніе этого священной для Нормановъ союза.

•Вопитанію отцу некогда было самому заниматься воспитаніемъ дѣтей своихъ. Это, а можетъ-быть и желаніе удалить ихъ отъ вредныхъ развлеченій, было причиною, что знатный Скандинавъ часто отдавалъ сына или дочь въ домъ какого-нибудь старца, известнаго своею мудростью и уединенною жизнью. Послѣдній становился для своихъ питомцевъ *отцомъ по воспитанію* (*fosterfader*) и навсегда принималъ въ отношеніи къ нимъ родительскія обязанности.

•Между-тѣмъ дѣти, соединенныя подъ его надзоромъ, дѣлались братьями по воспитанію (*fosterbröder*). Два мальчика, возрастая вмѣстѣ, торжественно заключали другъ съ другомъ вѣчный союзъ. Обыкновенно каждый изъ нихъ наносилъ себѣ по легкой ранѣ, и слитая на землю въ одно мѣсто кровь ихъ служила печатью братства.

•Съ той поры они уже никогда не разлучались; дѣлила веселье и горе, труды и опасности. Самая собственность была у нихъ общая. Если оба возвращались изъ своихъ странствованій, то и среди мира, даже до глубокой страсти, они продолжали жить вмѣстѣ. За смерть одного другой мстилъ кровью. Въ братскій союзъ вступали впрочемъ не только воспитанія въ одномъ домѣ, но и вообще люди, которыхъ сближали одинаковая страсть къ славнымъ подвигамъ. Въ такомъ случаѣ сподвижники назывались братьями по оружію.

•Суда ихъ, на которыхъ иногда помещались до 300 человекъ, были *гребными ладьями съ парусами*. Они строились, во большинствѣ случаевъ, въ видѣ драконовъ, улятокъ и тому подобнаго, отчего и назывались именами этихъ животныхъ. Дракономъ было военное судно, именемъ купеческое. У насъ въ Россіи на Мурманскомъ (Норманскомъ) берегу, по Сѣверному Морю, и теперь еще называютъ *шнекомъ* лодку известной величины. Паруса на скандинавскихъ судахъ были часто изъ дорогихъ, разноцвѣтныхъ тканей, иногда съ шитьемъ. Норманцы употребляли четыре паруса. У богатыхъ вождей ладьи были украшены разными изображеніями и позолотою, а въ торжественныхъ случаяхъ борты унизывались щитами.

•Оружіе Скандинавовъ соединяло съ удивительною простотою издѣлываніе. Древнѣйшими были кремневые ножи; но уже скоро они употреблялись разными образомъ мечи стальные и медные. Магички находились иногда таинственные знаки или руны (родъ буквъ), которымъ приписывалось волшебное дѣйствіе. У Нормановъ было повѣрье, что мечу посредствомъ чаръ можетъ быть сообщена сверхъестественная сила; я ничто, кромѣ колдовства же, не всосотвѣдѣ

одолеѣть. Вотъ отъ чего истинному герою не дозволено было крабровать; ему необходимо было и умѣнье притуплять мѣтею или усыплять заколдованное оружіе. Мечъ былъ первымъ оокровищемъ Свиднива и обыкновенно означался особеннымъ именемъ, которое вмѣстѣ съ нимъ переходило изъ рода въ родъ и славилось наравнѣ съ именемъ самаго героя. Такъ знаменитый мечъ Фритіофа назывался *Ангуурейде-лемь*.

Щиты, которыми Норманны особенно щеголяли, были у богатыхъ то золотые или вызолоченные, то съ живописью или выпуклыми начертаніями, преимущественно изображавшими цвѣты. Простые воины носили щиты желѣзные, мѣдные, деревянныя и даже кожаные. Величиной скандинавскій щитъ былъ обыкновенно въ ростъ того, кому принадлежалъ, и, независимо отъ прямого своего назначенія, употреблялся въ разныхъ случаяхъ. На щитѣ отводили покойника къ мѣсту погребенія; ударъ въ щитъ былъ вызовомъ на бравь; въ войскахъ, поднятые щиты разнаго цвѣту служили вмѣсто знаменъ для отличія отрядовъ. Красный, такимъ образомъ несомый, щитъ былъ вѣстникомъ войны; напротивъ, бѣлый означалъ, что требуютъ мира. Изъ щитовъ ратники составляли иногда родъ шатра или крепости (*sköldborg*) вокругъ вождя для огражденія его отъ врага или отъ несчастія. Наконецъ, палаты и корабли укрывались развѣшанными щитами.

Скандинавы любили одѣваться роскошно. Изготовленіе платья было дѣломъ однихъ женщинъ; вообще онѣ употребляли свои досуги на разныхъ рукодѣлія. Даже знатныя жены и дочери не чуждались такихъ занятій: ткали, вышивали шелкомъ и золотомъ. Дочь богатаго владѣльца жила въ отдѣльной, такъ называвшейся дѣвической, палатѣ (*jungfrubur*), обыкновенно построенной въ самой отдаленной части двора. Такова была мѣра предосторожности противъ хищничества тогдашнихъ жениховъ.

Скандинавскія женщины были столь же прекрасны, какъ и ихъ мужья и братья воинственны. Можно однако жъ не раздѣлять вкуса послѣднихъ: они одною изъ главныхъ принадлежностей истинной красавицы считали золотистыя волосы. Въ скандинавскихъ сказаніяхъ эпитетъ *желтой, золотой* часто придается, въ смыслѣ похвалы, слову *кудри*. Онъ и въ «Фритіофѣ» встрѣчается нѣсколько разъ. Норманны уважали женщину; никогда не запирали ея, не обращали въ рабыню. Пиры свои умѣли они украсить ея присутствіемъ. Тутъ вмѣстѣ съ ховинномъ сидѣли передъ гостями жена его и дочери; тутъ и прислуга была женская. Вообще въ обхожденіи съ женщинами было у Норманновъ что-то романтическое, рыцарское.

Зато и соотечественницы ихъ ни въ чемъ не уступали своему полу. Онѣ любили нравиться и для того украшались ожерельями, кольцами, запястьями (браслетами) изъ дорогихъ металловъ. Вся эти

сокровища выигрывали утонченным работой и ласкли разнаго роду мудреными шедеврами, свидѣтельствовавши объ ихъ глубокой драгоцѣнности. То же надобно разумѣть и о другихъ драгоцѣностяхъ, составлявшихъ домашнюю утѣру. Золото и серебро Норманы въ изобиліи добывали на Югѣ оружіемъ, а отчасти и торговлей. Искусноmakers же ковать металлы они надреши обладали въ высокой степени. У нихъ между богами былъ, какъ и у Грековъ, хромоногий богъ-ковачъ : ихъ Вулканъ назывался Ваулундонъ (въ переводѣ чужеземъ).

«Когда нужно было, скандинавскія жены не уступали самими грезимы вѣтлзямъ въ свирѣпости и воинственномъ духѣ. Для отмщенія за убитыхъ родственниковъ онѣ готовы были на ужаснѣшій дѣла: Выли и такія, которыя, пылая отвагой, спвшали въ доспѣхахъ на поле брани и съ губительнымъ оружіемъ отчаянно бросались въ толпу сражающихся. Эти свѣрныя Амазонки извѣстны въ преданіяхъ подъ именемъ *дѣвъ-щитоносиць* (sköldmör).

«Я скавалъ, что дѣвическая палата стояла отдѣльно. Вообще каждая комната хороша или чертога составляла особый домъ. Строевія были, обыкновенно, деревянныя (сосновыя), но внутри представляли часто великолѣпное убранство. Главнымъ зданіемъ была хранилища для щитовъ.

«Щиты Скандинавъ любилъ почти такъ же, какъ битвы. Ему всегда нужно было тревоги и шуму, и когда вокругъ него не стучало оружіе, не раздавались воинскіе клики, онъ хотѣлъ слышать, по-крайней-мѣрѣ, стукъ зазданныхъ кубковъ и клики веселые, хотѣлъ упиваться медомъ, если не кровью.» (*Русскому любо пиши, говорить Несторъ*).

«Поэзія, проникавшая весь бытъ Скандинавовъ, жила у нихъ и своею самобытною жизнью. Вамъ безсомнѣнія хотя отчасти уже извѣстны Скальды. То были поэты-импровизаторы, которыхъ народъ любилъ слушать и на пиргахъ и въ сраженіяхъ. Скальдъ былъ самъ героемъ; онъ жилъ въ чертогахъ конунга, служилъ ему другомъ и совѣтникомъ, украшалъ пиры его звуками и вмѣстѣ съ нимъ отправлялся на поле брани. Тамъ онъ не только воодушевлялъ дружины воинскими пѣснями, но и самъ бился въ первыхъ рядахъ, чтобъ быть свидѣтелемъ подвиговъ и послѣ увѣковѣчивать ихъ стихами. Званіе скальда было весьма почетное : ихъ гордились мужи высокаго происхожденія, знаменитые вожди и даже конунги. Иногда пѣвецъ странствовалъ изъ краю въ край, отъ одного двора въ другому, и вездѣ находилъ блестящій пріемъ. Онъ пѣлъ съ арфою въ рѣмѣхъ, осливалъ боговъ и героевъ, восхвалялъ храбрость или нарекалъ правде глубокой мудрости, которая считалась драгоцѣннѣшимъ достояніемъ скальда.

«Такъ въ поэзіи Скандинавовъ соединялись и религія и исторія.»

чужесовѣтны. Тѣмъ Скалды были не только истощенныя, и пере-
сить, но такія витію, лгтошныя, шумныя. Наравнѣнная на
этой волнѣ потрясенная сила сопровождалась всею простотою,
но въслѣдствіи потерялась въ неясности образовъ и извѣстныхъ
сволическихъ выраженій. Между разными родами поэзіи особенно тор-
жественно отличалась такъ называвшаяся *Драма* или «Смертная
пѣсня». Не на погребальномъ пирѣ возмѣшала собранная Скалды
въ похвалу усопшему. Сильды были отряхивать, какъ-бы вода-
стическими разгаромъ. Въ нихъ пѣснь не было рѣшны, но она зря-
шалась тѣмъ, что въ двухъ, рядомъ стоящихъ, стихахъ нѣсколько
словъ начинались одною и той же буквою. Созвучіе этого рода на-
зывается аллитераціей. Тегетръ въ одной изъ пѣсней «Фритіова сдѣ-
лалъ опыты употребленія аллитераціи. (Господинъ Гротъ также
употребилъ ее въ некоторыхъ мѣстахъ своего перевода : мы приве-
демъ одно изъ нихъ; читатели будутъ судить объ эффектѣ.)

«Вы видите, что все въ Скандинавскихъ правахъ было зачатливо
воняственностью. Самые рѣзкіе выраженія этого характера бы-
ли особые вонны, въ которыхъ боевой жаръ доходилъ до настоящихъ
неступленій. Они не носили панцыря, почему и назывались на языкѣ
Норманновъ *берсерками*, то есть, вопнами въ сорочкѣ. Въ припадкѣ
бѣшенства Берсеркъ не щадилъ ни людей, ни предметовъ воздуш-
ленныхъ. Съ обнаженнымъ мечомъ бросался онъ на все, что ему ни
встрѣчалось, или грызъ собственный щитъ свой, и неистовствовалъ,
пока его не укротили насильно : способъ, употреблявшійся къ этому,
состоялъ въ томъ, что его ствояли щитами. Берсерки жили, въ ка-
чествѣ тѣлохранителей, при дворѣ многихъ конунговъ. Были въ скан-
динавскихъ правахъ и другія черты суровости. Такова была, напри-
мѣръ, *кровавая мѣсть*. Особенно ужасенъ былъ одинъ видъ ея : въ
однѣхъ врага вырѣзалась фигура орла; потомъ, отдѣливъ ребра отъ
спиннаго хребта, вынимали легкія. Это называлось *рѣзать кроваваго
орла*. Впрочемъ, только гнуснѣйшія преступленія наказывались та-
кимъ образомъ. Иногда дѣло между двумя врагами рѣшалось поеди-
нкомъ, который обыкновенно происходилъ на какомъ-нибудь неболь-
шомъ островѣ или на скалѣ въ морѣ (отчего и назывался *holm-gang*):
такимъ образомъ предупреждались и обманъ и помощь и бѣгство.
Подобно сему, цѣлыя рати сражались иногда въ зимнее время на
льду морскомъ, представлявшемъ имъ равнины, какихъ въ Скандина-
віи, при гористой почвѣ ея, мало.

«Первою добродѣтью для Скандинава была храбрость, первое за-
слугное — смерть въ бою; а трусость — самымъ низкимъ порокомъ,
особоенная смерть — величайшимъ позоромъ и бѣдствіемъ. На этомъ
основывалось понятіе народа о будущей жизни: рай былъ наградою
храбрымъ, шадшихъ рть оружія; адъ — заслуженъ робкимъ, умершихъ

въ старости или болѣзни. Вѣстившая смерть презрительно называлась *смерть на солды (stráðð)*. Чтобы избѣгнуть ея, храбрый, которому не удавалось пасть отъ руки непріятеля, считалъ священнымъ долгомъ самоубійство. Оно совершалось особымъ торжественнымъ образомъ. Чувствуя приближеніе кончины, воинъ облачался въ свои богатырскіе доспѣхи, и обнаживъ себя грудь и руки, конемъ вырывалъ на тѣлѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ таинственный знакъ, послѣ чего истекала кровь. Наносить себѣ такую смерть называлось *чертанъ себя концемъ колы (marka sik geirsoddi)*. Было преданіе, что древній вождь *Оддъ*, писемъ котораго ослѣдствовали въ послѣдствіи отъ *Боови*, поддѣлывалъ примѣръ такой смерти. Оттого избравшій се Скандинавскія говорилъ также, что онъ изрѣзаетъ себя для *Одина*.

Но въ чемъ полагалъ онъ блаженство рая и муки ада? Битвы и пиры, первые свои наслажденія въ здѣшней жизни, призналъ онъ и лучшими украшеніями будущей. Онъ върился, что на небѣ есть огромная и великолѣпная палата, *Валгалла*, въ стѣнахъ которой устроено нѣсколько сотъ широкихъ вратъ, ведущихъ на неизмѣримую долину. Въ палатѣ той храбрые пируютъ за роскошными столами и пьютъ медъ, подаваемый имъ дѣвами; на долину же они спускаются, падаютъ, но не умираютъ отъ ранъ, и вставъ исцѣлѣнными, вновь отправляются пировать.

Адомъ, напротивъ, служитъ глубочайшая подземная область; здѣсь властвуетъ *богиня смерти*, *Гелла*, представляемая въ образъ полу-бѣлой и полу-синей женщины. Сюда, какъ ужъ замѣчено, попадаютъ трусы, вообще — умершіе тихомъ смертью. Есть еще особый адъ для клятвопреступниковъ и безчестныхъ убійцъ. Это большая палата, вымощенная змѣями; адъ, извергаемый ими, образуетъ въ ней цѣлыя рѣкы. Имя ея: *Настравдъ*.

Въ Скандинавіи, какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, встрѣчаются древнія насыпи изъ земли и камней. Это курганы, могилы вождей и героевъ скандинавскихъ. Подъ такую насыпь устраивали одинъ, или нѣсколько покоевъ со сводами, куда сажали усопшаго мужа или, постепенно, цѣлое семейство. Вмѣстѣ съ воиноплюкомъ, богато одѣтымъ и съ ногъ до головы вооруженнымъ, хоронили предметы, добытые имъ въ бояхъ, и вообще любимыя его сокровища. Въ числѣ ихъ обыкновенно были и конь, украшенный золотомъ и серебромъ; или *корабль* со всѣми снастями. Случалось, что воетель, желая скрыться, еще при жизни поселялся съ своею дружиною подъ курганомъ.

Могильные холмы знаменитыхъ вождей служили часто *сборнымъ мѣстомъ* народу. Онъ по временамъ съзываемъ былъ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ, для выслушанія законовъ, для суда и респравы. Такое собраніе или вѣчъ называлось *тингомъ (ting)*. Конунгъ или, по смерти его, тотъ, кому наследство давало право искать этого са-

не, занимала на вершинѣ толсто взраженный круглый камень, а народъ стоялъ кругомъ, и спускался по скатамъ до самой подошвы кургана. Все было тутъ въ полномъ вооруженіи.

«Для позаченія народа употреблялся особый способъ, который отчасти и теперь еще въ обыкновеніи на сѣверѣ скандинавскаго полуострова и Англій. Онъ состоитъ въ томъ, что изъ селенія въ селеніе переносится небольшою деревянною желзъ, иногда съ надписью. Въ переводѣ такой желзъ (vidkalle) можно назвать «привычками».

При переводѣ поэмы, который отличается особенною верностью, господинъ Гротъ старался сохранить и разнообразный размѣръ подлинника : это мѣстами помѣшало гладкости стиха. Но слѣдующая (десятая) пѣснь, «Фритіофъ на морѣ», подаетъ читателямъ выгодное понятіе о достоинствахъ этого труда, который наша литература должна принять съ благодарностью.

«Гемъ, коварства полкъ,
У моря стоялъ;
Плвнемъ изъ воли
Земля чудовищъ звалъ

Стремно небо вдругъ стемнѣло,
Грохъ пронесся въ вышнѣхъ,
Море въ безднахъ закипѣло,
Стало пѣваться извѣ.
Вотъ кровавыми брздами
Тучи блещутъ здѣсь и тамъ;
Птицы съ крикомъ надъ волнами
Быстро мчатся къ берегамъ. —

«Быть погода, братья!
Слышите ль, какъ буря
Бьетъ вдали крылами?
Но не намъ блздить.
Ты, покойся въ рошѣ,
Плачь по мнѣ въ разлуку,
Милая невѣста,
Милая въ слезахъ!»

Вотъ сплываетъ на плавающихъ
Два чудовища въ бой :
Справа бурный Гамъ ,
Слѣва Гейдъ ледной.

Буря крылья расширяетъ :
То стремить ихъ въ глубину,
То крутятся улетаетъ
Къ Асамъ , въ горнюю страну.
И выносить мрака силы
На хребтѣ своемъ волна
Изъ kloкочущей могилы
Везъ предѣловъ и безъ дна.

«Сладостяе было
При сянѣи лунномъ
Плавать въ тихой рошѣ
По стеклу зыбей.
О, теплый въ объятяхъ
Нижной Нигеборги,
Ярче блвой пьвы
Блещеть грудь ея.» —

Изъ валовъ сладыхъ
Острова встають :
Тише околѣ нихъ ;
Кормчій! тамъ приють.

Но спокоснъ вождь средь моря
На родномъ кораблѣ;
Бодро, съ яримъ вѣтромъ споря,
Самъ стоитъ онъ при рулѣ.
Онъ косяй вѣтрило ставить,
Онъ съчетъ валы быстрый,
И на Западъ смѣло прагнуть
По теченію зыбей.

«Весело мнѣ, братья,
Съ бурей бороться :
Вуръ и Норманну
На-моръ житье.

«Историческая поэзия».

Нитя буре, отдала бы
 Стало, если бы на приставь
 Полетать отъ ветра.
 Взорный съ арела.»

Валь растеть. Кницкь
 Страшно въ глубинь,
 И въ свастяхъ свистать
 И трещить на дивь.
 Но пускай неугомонно
 Ополчается волна .
 Для Элиды врьцкодонной
 Ярость бури не страшна;
 И палучю зазодою
 Дочь боговъ свершаетъ путь;
 Сначать сердой молодою
 Черезъ пропасть, черезъ зруть.

«Слаще были въ храмъ
 Дзымъ поцълунъ,
 Чымъ солевой пзымъ
 Брызги на устахъ.
 Сладостиве было
 Обнимать неволю,
 Нежели кормило
 Здась въ рукахъ держать.»

Съ тучи сизгъ валить,
 Вветъ лютый хладъ,
 На помость и на щить
 Съ шумомъ сылеть градъ.

Все сокрылося въ туманъ;
 На ладъ со всѣхъ сторонъ
 Мгла густая, какъ въ курсахъ,
 Гдѣ усопшій заключенъ,
 Околдованъ, валь взлетаетъ
 На пловца, расширивъ,

И пучина разверзаетъ
Жадно пещельный своей зевъ.

•Синее намъ лане
Стелеть въ бедлакъ Рана;
Но меня подушки
Ингеборги ждуть.
Люди дружно ишгуть
Вослави Эланды;
Кмль богами строешь,
Высесеть борьбу.»

Рать ревущихъ водъ
Бъшево бжнть
На корабль, и вотъ
Весь помость залтъ.

Вождь запысье дорогое
Смилъ съ руки; ему оно,
Лучезарно-золотое,
Прежнимъ конугомъ дано.
Онъ запысье разрубаетъ
(Карлы дѣлали его)
И межъ ратныхъ раздѣляетъ,
Не забывъ ни одного.

•Отправляясь сватать,
Златомъ запасайтесь;
Къ синей Рани нищимъ
Не ходи никто.
Ледъ — ся лобзанья,
Станъ бжнть объятій,
Златомъ лишь повѣсту
Моря удержать.»

Яростней стократъ
Буря поднялась;
По-поламъ вавать,
Ря сорвалась.

Волны придаютъ, всеобщее
Поглотить корабы грозы;
Люди черпать; но напрасно —
Моря вычерпать немы.
Фривое видеть : ужь възжи
Смерть на палуби сидеть;
Но, пучину заглушая,
Голосъ выкинга греметь :

« Бьёркъ, сюда! медвжьей
Въ руль вцѣпился лавой;
Вура не богами
Нынѣ послава.
То затви Гелга :
Знать, онъ злыя чары
Вызвалъ изъ пучины;
Взлвзу, посмотрю. »

Вверхъ по мачтѣ онъ
Балкою залетѣлъ;
На пустыню волнъ
Съ высоты глядѣлъ.

Вотъ, какъ островъ, на Эланду
Гитъ плыветь прямымъ путемъ,
И ужасные по виду
Два чудовища на немъ :
Гейдъ, подъ шубой снѣговой :
Блжый тѣ медвдь на взглядъ ;
Гамъ, морской орелъ : грозою
Грылья черныя шумять.

« Докажи, Эланда,
Что въ груди дубовой,
Жесткій какъ желѣзо,
Храбрый носишь духъ.
Выслушай приказъ мой :
Если дочь боговъ ты,
Гривъ и медвжьимъ клемь
Звѣря порази. »

И узнала та
 Богатырский гласъ,
 И на грудь кита
 Летомъ почеслась.

Равенъ китъ; дымяся, принулъ
 Лучъ кровавый въ вышину;
 Звѣрь, насквозь пронзенный, канулъ
 Съ ревомъ къ илистому дну.
 Взявъ два дрота, вправо, влево
 Разомъ мечеть ихъ герой,
 И одинъ въ медвѣжье чрево,
 Въ грудь орла впился другой.

«Честь тебѣ, Элида!
 Изъ кровавой тины
 Выплыветь не скоро
 Конунга драконъ.
 Гейдъ и Гамъ надъ моремъ
 Болѣе не властны;
 Жесткое желѣзо
 Пагубно кусать.»

И гроза молчить,
 Отдавъ миръ водамъ;
 Лишь бурунъ бѣжитъ
 Къ ближнимъ островамъ.

Показалось днѣ свѣтло,
 Будто конунгъ средь палатъ;
 Доль и воды и вѣтрило
 Оживилъ его возвратъ.
 Вечеръ въ пурпуръ облакаетъ
 Скалы, роци и луга,
 И дружина отличаетъ
 Эъсезунда берега.

«Трепетныя дѣвы, —
 Просьбы Ингеборги, —
 Вознеслись въ Валгалу,
 Пали предъ боговъ.»

Сквозь нить и издохи
Изъ лебзяихъ персей
Преклонили Асовъ :
Благодарность имъ !

Но Эллиду кить
Въ битвѣ поразилъ ;
Чуть она скользнуть
Въ изнуреннѣ силъ.

Изнурился отъ тревоги
И народъ на шею съ трудомъ
Удалые движуть ноги,
Подпирается мечомъ.
Вотъ на берегъ Вьёрнъ могучій
Переноситъ четверныхъ ;
Фрятьювъ предъ огонь трескучій
Съ плечъ слагаетъ осьмерыхъ.

« Не стыдитесь, мужи !
Валь — могучій викиатъ ;
Тягостно борются
Съ двумя морей.
Вотъ и рогъ медовый
Съ ножкой золотою :
Члены онъ согрѣеть,
Пью невестъ въ честь !

Чтобы судить о достоинствахъ этой знаменитой поэмы, надобно читать ее всю. Въ отечествѣ своемъ она имѣла необыкновенный успѣхъ. Красоты ея прельстили и иностранцевъ : она по нѣскольку разъ была переводима на англійскій, нѣмецкій, датскій и французскій языки, разныя части ея были положены на музыку, и почитатели поэтическаго таланта Тегнѣра воздали даже честь поэту великодушными изданіями его творенія.

НА СОВЪ ГРЯДУЩІЙ. *Отрывки изъ всегдашней жизни. Сочиненіе графа В. А. Соллогуба. СПб.-бургъ, въ Гуттенберговой типографіи, 1841, въ-8., стр. 428.*

Но всему видно, что это — произведеніе весьма даровита-

го, но еще очень молодого человека, которого первая разочарованія въ мечтахъ теплаго и благороднаго сердца приводятъ въ негодование противъ свѣта, общества, людей; все, или почти все, еще представляется ему помраченными глубокими тѣнями, и онъ охотно набрасываетъ ихъ на самыя блестящія вещи, на красоту, юность, любовь, золото и надежду. Отсюда — нѣкоторое однообразіе въ разсказахъ, исполненныхъ съ другой стороны большой прелести, движенія жизни, остроумія и вкуса. Увы! этотъ недостатокъ слишкомъ скоро въ немъ сочетаетсяъ съ болѣею опытностью въ жизни, глазъ его такъ привыкнетъ къ зрелищамъ зла, что оно сдѣлается для него почти непримѣтнымъ, какъ сырая темнота подземелья для зрѣнія узника. Между тѣмъ мы, читатели, можемъ поздравить себя съ приобретениемъ, въ русской литературѣ, весьма примѣтельнаго таланта, которому нужно только честолюбіе, чтобы перо его не остановилось на этихъ «отрывкахъ», но неутомимо продолжало искать новыхъ отличій посредствомъ болѣе важныхъ твореній. Слава любитъ трудъ. Геній, это — терпѣніе, говаривалъ графъ Бюффонъ: я думаю, что онъ правъ!

БИОГРАФІЯ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА БИСТРОМА, составленная Н. Лукьяновичемъ. СПб.-бургъ, въ тип. Фишера, 1841, въ-8., стр. 151 и 28.

Имя Карла Ивановича Бистрома есть одно изъ прекраснѣйшихъ именъ въ нашей арміи. Рѣдкіе изъ военныхъ начальниковъ достигали столь пламенной любви у своихъ подчиненныхъ, и рѣдкіе изъ людей заслуживали у своихъ согражданъ столь глубокаго уваженія за свои добродѣтели. Русскій солдатъ называлъ его — *нашъ герой*, подчиненный считалъ его отцомъ своимъ, несчастный и угнетенный всегда находилъ въ немъ щедрого и дѣятельнаго покровителя. Биографія такого человека уже сама по себѣ есть утѣнительная книга. Господинъ Лукьяновичъ умѣлъ еще придать ей особенный интересъ занимательными подробностями о службѣ своего незабвеннаго начальника, особенно во время послѣдней польской кампаніи, объ его частной жизни, характерѣ, привычкахъ и обращеніи. Эта книга вполне заслуживаетъ быть читанною.

— Что жъ еще можно порекомендовать вамъ для чтенія?... Ищу, ищу вокругъ себя, и ничего не вижу! Но хуже всего то, что и наша книжная торговля находится въ такомъ же припадкѣ какъ и нашъ гешей: книжные магазины и лавки такъ бѣдны новостями, какъ еще никогда не бывали.

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

— Всей читающей публикѣ будетъ безъ-сомнѣнія очень пріятно узнать, что сегодня, тридцатаго мая, выходятъ въ свѣтъ вдругъ давно ожидаемыя книги, семнадцатый томъ *Энциклопедическаго Лексикона*, и второй томъ *Ста русскихъ литераторовъ*. Оба изъ нихъ заключаютъ въ себя много прекрасныхъ статей.

«Энциклопедическій Лексиконъ» одушевился необыкновенною дѣятельностью и, при усердномъ содѣйствіи многочисленныхъ сотрудниковъ, общаетъ быстро и съ успѣхомъ пробѣгать свое обширное и полезное поприще. Въ этомъ томѣ окончена буква Д. Слѣдующій будетъ заключать въ себя буквы Е и Ж, и выйдетъ въ началѣ іюля.

Во второмъ томѣ «Ста литераторовъ» заключаются гравированные въ Лондонѣ на стали портреты Крылова, Загоскина, покойнаго Веревкина, А. С. Шишкова, Ф. В. Булгарина, А. Ф. Вельмана, П. Н. Каменскаго, К. Н. Массальскаго, Н. И. Надеждина и В. И. Панаева и десять прелестныхъ картинокъ къ десяти сочиненіямъ тѣхъ же писателей. Между картинками, двѣ гравированы съ рисунковъ Карла Брюллова, и одна съ рисунка графа Толстаго, всѣ три — большого художественнаго достоинства, но въ особенности та, которая приложена къ статьѣ А. С. Шишкова. Прочія принадлежатъ господамъ Тиму, Зеленцову и Дезарно. Томъ заключаетъ въ себя до семи сотъ страницъ. Вообще наданіе такъ же изящно и великолѣпно какъ въ первомъ томѣ.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

АПРѢЛЬ, 1841.

НОВЫЕ КНИГИ И ПРОШОРКИ.

Если вы думаете, что дѣло о гекзаметрѣ кончено и что болѣе не услышите о гласныхъ и согласныхъ, которыми столько надобѣ я вамъ въ послѣдній разъ, то очень ошибаетесь. Ужъ когда я стану говорить о гласныхъ и согласныхъ, съ которыми—увѣ! кто мнѣ воротитъ это время?—съ которыми вознѣся я почти двадцать лѣтъ, то не такъ-то легко остановить меня. Съ другой стороны, и остановиться не возможно: многого еще не досказавъ я въ прошломъ мѣсяцѣ, объ иномъ только намѣкнулъ, на одинъ пунктъ не представилъ осязательныхъ доказательствъ. А поэтовъ не убудишь такъ скоро: они—народъ упрямый, называють себя «учителями человечества», и никакъ не хотятъ, чтобы порою ихъ самихъ учили, — даже самой малости,—напримаръ, правописанію. И если говорить, такъ ужъ говорить теперь: въ другой разъ, или я не вспомню, или

Т. XLVI. — Отд. VI.

вы не будете расположены слушать, или настанутъ лучшія времена, времена счастья, веселья и благоденствія, когда все не будетъ русскихъ гекзаметровъ, такъ, что мы и не найдемъ предлога чтобы завести рѣчь объ нихъ. Теперь, напротивъ, у всѣхъ еще свѣжо въ памяти то, что было здѣсь сказано о древнемъ гекзаметрѣ, и что конечно всѣхъ поразило, что даже многимъ могло показаться парадоксомъ: а именно, здѣсь было сказано, что въ греческомъ гекзаметрѣ какъ *долгую и короткую дактиль и спондеевъ, метрически равно длинныя и короткія, но еще правильная мелодія, настоящая музыкальная композиція.* Это сегодня я и хочу доказать всѣмъ и каждому, кому стихи писать или читать надлежитъ, доказать самымъ яснымъ и неопровержимымъ образомъ.

А впрочемъ, я повторю, отъ слова до слова, то, что было здѣсь сказано.

«Если хорошо и понятно положить на ноты греческіе гекзаметры, то изъ разнообразія ихъ дактилей и спондеевъ, которое теперь намъ кажется случайнымъ, изъ повышений и пониженій «тому» посредствомъ ударенія, о которыхъ мы до-сихъ-поръ и не думали, конечно окажется, что тутъ, кромѣ стихотворной гармоніи, есть еще настоящая мелодія, *cantilena*, композиція, словомъ истинная музыка, — музыка, какъ ее понималъ и слагалъ Бетто-венъ, одинъ изъ всѣхъ новѣйшихъ композиторовъ, у котораго она изображаетъ естественной музыки одушевленной и умной человеческой рѣчи и потому такъ чудесна, такъ несравненна. Но изъ этого неизбежно слѣдуетъ, что нѣтъ ни какой возможности писать такіе стихи какъ греческіе не будучи вмѣстѣ музыкантомъ и композиторомъ. И действительно, всѣ древніе поэты были въ то же время музыканты и композиторы. Эсхилъ, Софокль, Эврипидъ, Пиндаръ; сами сочиняли музыку для своихъ поэмъ, и это было не трудно, потому что музыкальный рисунокъ уже заключенъ въ словахъ ихъ поэмъ. Тогда-то стихи, вещь одназначительная съ музыкой и композиціей, и была чѣмъ-то несемнымъ; тогда-то поэзія, превращавшая трубы и лютни въ человеческія въ воздушную мелодію, и могла по праву называться извѣкомъ боговъ. Увы! что она теперь... Такъ вотъ

почему музыка и была всегда неразлучно соединена съ поэзіей: Вотъ почему она была въ такомъ уваженіи у древнихъ. Вотъ почему съ благоговѣніемъ изучали ее все философы, геометры, физики, астрономы; почему она и поэзія такъ усовершенствовались, и производили такое могущественное дѣйствіе, что теперь мы и не хотимъ ему вѣрить, слушающіе наши бездушныя оперы, для которыхъ музыку сочиняетъ одинъ, а слова другой; и часто уже послѣ сочиненія музыки.»

Теперь приступимъ къ делу. Вооружитесь терпѣніемъ: оно, необходимо при такомъ изслѣдованіи, но оно, я надѣюсь, будетъ вознаграждено важными и совершенно новыми результатами.

Вы уже знаете метрическую систему Финикійцевъ, Грековъ, Аравитянъ, Персовъ, Турковъ, и другихъ умныхъ народовъ, толкующихъ о длинныхъ и короткихъ слогахъ. Согласныя составляютъ долготу или краткость слоговъ; гласная ничего не составляетъ: она только — *тонъ*, звучное движеніе согласныхъ; удареніе тоже ничего здѣсь не значитъ: оно только возвышеніе тону, а не продолженіе звуку. Двѣ согласныхъ въ слогъ — длинный слогъ; одна согласная — короткий слогъ. Это положительно и вѣрно. Два короткихъ слогъ, въ языкъ, акустически равны одному длинному, какъ въ музыкѣ двѣ кроши, или осьмушки равны одной черной, или четверти. Это также не подлежитъ сомнѣнію. Въмѣсто двухъ согласныхъ и одной гласной, въ слогъ могутъ быть одна согласная и двѣ гласныхъ, или дифтонгъ: этотъ слогъ также будетъ длинный, потому что одна изъ двухъ гласныхъ превращается тогда въ настоящую согласную. Гекзаметръ, слѣдственно, изъ какого ни состоялъ бы числа слоговъ, всегда равенъ двѣнадцати длиннымъ слогамъ, или двѣнадцати чернымъ нотамъ, раздѣляемымъ на шесть тактовъ. Все это уже вамъ извѣстно.

Вамъ извѣстно также, — объ этомъ мы подробно говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, — нѣтъ гласная, на которую падаетъ удареніе, есть самый высокий *тонъ*, самая высокая нота, въ словѣ. Если удареніе стоитъ въ началѣ слова, составленнаго изъ нѣсколькихъ слоговъ, то, въ чистомъ произно-

шенія, первый слогъ всегда бываетъ самый высокій тономъ, а вся слѣдующіе постепенно понижаются, до послѣдняго, самаго низкаго; если удареніе — на концѣ слова, тогь, наоборотъ, постепенно возвышается отъ перваго слога до послѣдняго, самаго высокаго; если, наконецъ, удареніе падаетъ на одинъ изъ среднихъ слоговъ, то до этого слога тогь постепенно возвышается, на немъ достигаетъ онъ наибольшей высоты, а потомъ болѣе и болѣе понижается. Яне думаю, чтобыкто-либо подь солнцемъ, подь луной или подь землею, будь онъ даже такъ прыпокъ на ухо, какъ новыіе шоты, которые вочитають удареніе за признакъ долготы слога, ршились отвергать столь очевидную истину. Станете ли спорить, что, во всякомъ словѣ, произнося его естественно, безъ натяжки, мы слышимъ ясно и чисто только одну гласную, именно, ту, на которую падаетъ удареніе, а вс прочія остаются для уха какъ-бы въ полу-тѣни?... Произнесите слово *баба*, внимательно прислушиваясь къ своему голосу: не правда ли, что здѣсь ясно и чисто раздается только первое *а*, — потому что оно самое высокое тономъ изъ двухъ, — и что второе *а* слышно невнятно, какъ-бы вполонину, — потому, что оно цѣлымъ тономъ, если не болѣе, ниже перваго? Возьмите слово *мама*: не правда ли, что здѣсь, наоборотъ, первое *а* слышится, тише втораго, самаго чистаго и самаго высокаго изъ двухъ? Въ словахъ трехъ-сложныхъ это еще примѣтнѣе. Въ словѣ, напримѣръ, *голова* (*galava*) два первыя *а* гораздо невнятнѣе, гуще, тише, ниже тономъ, третьяго, снабженнаго удареніемъ, и изъ нихъ самое первое еще тише втораго. Гласныя слова *малал* представляютъ совершенно то же явленіе, только наоборотъ: здѣсь, изъ трехъ *а*, ясно и чисто слышится только первое, на которое падаетъ удареніе: второе уже тише его; третье еще гуще и тише. Въ словѣ *давала*, съ удареніемъ на среднемъ *а*, оно только и слышно совершенно чисто: первое *а* ровно столько же гуще его сколько и второе; «ровно» — потому что удареніе находится здѣсь въ самомъ центрѣ слова, слѣдовательно двѣ боковыя гласныя уравниваются въ тогь между собою, и одна лишь средняя примѣтно возвышается надъ ними. Но совсемъ что будетъ въ словѣ, напримѣръ, *замыкала*, гдѣ удареніе па-

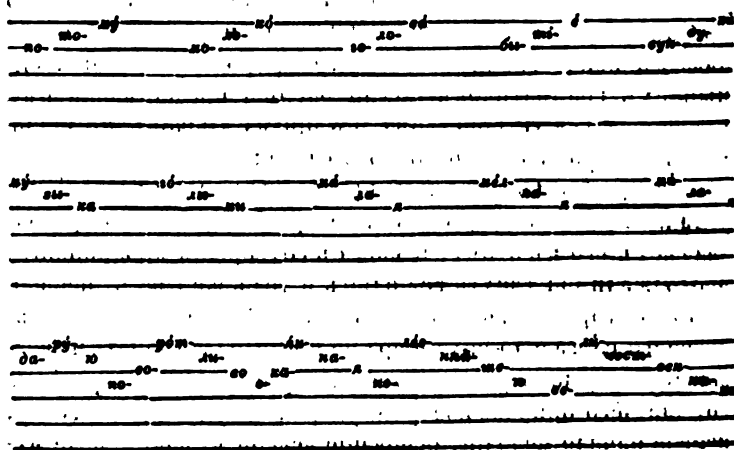
двѣтъ на одинъ изъ среднихъ слоговъ, именно, на второй : здѣсь также, изъ четырехъ, вы слышите одно чистое *â*, второе ; третье *a* уже гуще, четвертое еще гуще : а первое?... какую степень густоты будетъ имѣть оно въ отношеніи къ второму, чистому? будетъ ли она равна густотѣ третьяго или четвертаго *a*? Очевидно, первое *a* будетъ тономъ равно четвертому. Почему? Да потому что, послѣ ударенія, здѣсь еще есть два слога и, чтобы произнести ихъ, должно между первымъ *a*, простымъ, и вторымъ *â*, ударяемымъ, возвысить голосъ на интерваллѣ двухъ слоговъ, или двухъ нотъ. Если, отъ перваго *a*, для ударенія, возвысите голосъ на интерваллѣ только одного слога, одной ноты, то послѣ ударенія будете въ состояніи произнести тоже одинъ только слогъ, именно, третій; а на четвертый уже не достанетъ у васъ голосу. Поэтому, въ словѣ *заплакала*, возвышая голосъ отъ перваго *a* до втораго, нужно перескочить черезъ одну ноту : другими словами, между тонами этихъ двухъ *a* интерваллѣ, будетъ терція, потому что, послѣ *a* съ удареніемъ, слѣдуютъ еще два слога, которые надобно произнести воздухомъ и голосомъ, захваченными въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ *a*. Въ греческомъ языкѣ удареніе никогда не бываетъ далѣе какъ на третьемъ съ конца слогѣ : изъ этого слѣдуетъ, что, тамъ, самое обыкновенное возвышеніе тону между удареніемъ и предшествующею гласною — терція. Но то ли будетъ въ русскомъ языкѣ, гдѣ, въ аршинныхъ словахъ, часто, послѣ ударенія, случаются три, четыре, пять, шесть и семь слоговъ? Кажется, разсчитать всежъ : если голосъ нужно возвысить на одну ноту въ словѣ, имѣющемъ послѣ ударенія одинъ слогъ, а на двѣ ноты, или на терцію, въ словѣ, имѣющемъ послѣ ударенія два слога, то въ болѣе длинныхъ словахъ, гдѣ за удареніемъ слѣдуютъ еще три, четыре, пять, шесть, семь слоговъ, вы по необходимости принуждены будете, между гласною, предшествующею ударенію, и гласною ударяемою, возвышать голосъ на кварту, квинту, сексту, септиму, а при семи такихъ слогахъ и на цѣлую октаву. Примеровъ я приводить не стану. Каждый легко найдетъ ихъ въ родномъ языкѣ, и нѣсколько опытовъ произношенія съ такими словами убѣдятъ самаго недобрычливаго въ справедливости факта. А если кому угод-

но, чтобы при этих опытах и грудь у него лопнула — вот самый простой и верный рецепт: возьми пятьдесят два слога, по числу картъ въ колодѣ, составь изъ нихъ одно слово; дай ему единственное удареніе, на второмъ слогѣ, и произнеси все это за разъ. Грудь лопнетъ: я дам расписку! Какая грудь можетъ выдержать? *Для того* чтобы произнести такое слово съ однимъ удареніемъ, нужно возвысить голосъ на семь октавъ, то есть, на цѣлый фортепьянный діапазонъ.

И здѣсь-то очень кстати приходится одно маленькое, но весьма любопытное, замѣчаніе, относящееся лично къ бадной, обижасмой «Библиотекѣ для Чтенія». Я рѣшительно думаю, что она, во многомъ, смысляетъ гораздо болѣе своихъ почтеннѣйшихъ обидчиковъ, которые выдаютъ себя за великихъ знатоковъ въ грамматическомъ дѣлѣ. Такъ, напримеръ, я совершенно одобряю мудрую мѣру этого журнала, принятому имъ, въ отношеніи къ союзу *для того*, котораго слоги оны всегда пишутъ вмѣстѣ, въ видѣ одного слова. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ языкѣ есть два этого роду выраженія, различныя по удареніямъ и, следовательно, по смыслу, — *для того* (кто) и *для того* (чтобы): въ послѣднемъ случаѣ, *для того* явственно — одно слово, потому что *того* теряетъ здѣсь свое удареніе, которое переходитъ на *для* и прибавляется къ коренному ударенію этого предлога, чтобы достаточнѣе возвысить тонъ его для удобнаго произнесенія двухъ прибавочныхъ слоговъ. То же самое разумется о словахъ *вдвремя* и *скоро*, и всѣхъ прочихъ, гдѣ только удареніе переносится на предшествующую имъ гласную. Попробуйте произнести отдѣльно *для*, *вд*, *на*, съ удареніемъ, а *того*, *время*, *скоро* безъ ударенія: будь я на мѣстѣ погранъ грамматиками, которые давно уже терзаютъ меня своими тупыми зубами, если вы произнесете вслухъ хоть одинъ слогъ словъ *того*, *время* и *скоро*! Если угодно, вы ихъ произнесете, но только не вслухъ, а шопотомъ. А какъ-скоро нельзя произнести какого-нибудь слова отдѣльно отъ другаго, то и писать его отдѣльно не должно, не прилично, и не благоразумно. Собственно, по всей строгости логическихъ законовъ, и, *потому что* следовало бы писать вмѣстѣ: что также теряетъ свое удареніе, которое сливаетъ

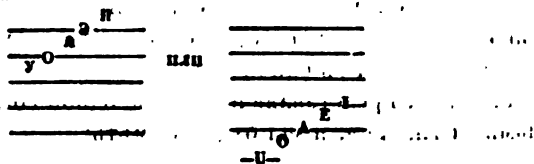
рей, но-тише, — онъ всегда однимъ терцией ниже первого; и наконецъ третій, самый тихій, пониженный на цѣлую квинту. Это, просто — трехъ-сложное слово безъ согласныхъ, съ удареніемъ на первой гласной, на основаніи тонъ незначагой оси. Вотъ бы изъяснились почтеннѣйшіе, если бы послѣ этого я отправилъ ихъ учиться устройству языковъ у скрипучихъ чухонскихъ колесъ! Смерть хочется это сдѣлать. Однако жъ, не смѣю: такъ и послышались бы градомъ бранчивыя статьи на бѣдную «Библиотеку для Чтенія!» Лучше возвратиться къ дѣлу.

Такимъ образомъ, если возьмемъ три ряда словъ, — слова съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, каковы *потому, молодъ, голова, бытѣ, сундуки*, — слова съ удареніемъ на первомъ, каковы *мѣла, мѣлка, мѣла, голыми, жужка*, — и наконецъ слова съ удареніемъ на одномъ изъ среднихъ слоговъ, каковы *дарюю, поворотливо, окающая, полѣзавшею, величественными*, и захотимъ написать все это въ нотныхъ графахъ, то мы получимъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ каждомъ изъ этихъ трехъ рядовъ словъ, удареніе падаетъ поочередно на всѣ гласныя, — *у, ъ, ѣ, ѓ, ѣ*, — и какъ эти ударяемыя гласныя одна ясно и чисто слышатся въ

произношеніи, составляла каждая свой высокій тонъ въ слухъ слова, то она и поминется здѣсь на самой высокой нотной линіи. Прочія, простые гласныя, находящіяся въ этихъ словахъ, передъ удареніемъ постепенно нѣкому возвышаются, сдвигая снизу вверхъ, а послѣ ударенія понижаются, идутъ сверху внизъ, по общему акустическому закону для всякаго звука, выдуваемого изъ цилиндрическихъ или коническихъ горлу. Относительно къ интерваламъ между гласною, предшествующею ударенію, и гласною ударною, соблюдено правило, изложенное прежде. Не этого мало. Могутъ ли, собственно, *если* эти разнородныя, самыя чистыя и высокія, гласныя быть поставлены на одной и той же линіи? равны ли между собою, въ природѣ, высоты всѣхъ этихъ самыхъ высокіхъ, ударяемыхъ, гласныхъ? Конечно, нѣтъ! Мы уже знаемъ изъ опытовъ Виллиза съ цилиндрами, приложенными къ кларинетному рыльцу съ язычкомъ, что, сдвигая эти цилиндры, то есть, возбуждая въ нихъ звукъ, постепенно понижающійся, воздухъ произноситъ гласныя въ такомъ порядкѣ : и, э, а, о, у; раздвигая цилиндры, то есть, производя звукъ восходящій, онъ даетъ намъ тѣ же гласныя въ обратномъ порядкѣ : у, о, а, э, и; потомъ, когда звукъ, достигнувъ самой высокой ноты, и, самъ собою начинаетъ понижаться, ухо опять слышитъ : и, э, а, о, у. Это ясно говоритъ намъ, что гласныя имѣютъ свою натуральную гамму, которой каждый тонъ соотвѣтствуетъ только одной изъ нихъ; что между у, самою густою и низкою гласною, и и, самою высокою, въ природѣ существуетъ интервалъ въ пять нотъ, или на цѣлую квинту; и что, следовательно, въ нотныхъ графахъ никакъ нельзя писать на одной и той же линіи всѣ различныя чистыя гласныя, или гласныя съ удареніемъ. Какъ же быть? А вотъ какъ : надобно, во-первыхъ, написать на линіяхъ натуральную гамму гласныхъ, начиная ее съ какой угодно ноты, напримеръ съ самой простой и естественной, съ UT:

Но это постороннее обстоятельство хоть и очень важное.

Пятнадцать взятых въ примѣръ словъ мы выразили нотами. Можно теперь взять эти ноты на клавиатурѣ фортепiano, и звуки инструмента изобразить точное подобіе *произходящаго удареніемъ* движенія тоновъ въ человѣческомъ голосѣ при произношеніи словъ, написанныхъ надъ адъсь граффинъ. Мелодія, музыкальнаго сочиненія, адъсь еще не будетъ, потому что эти ряды высшихъ тоновъ (гласныхъ съ удареніемъ) и низшихъ (простыхъ гласныхъ) не выражаютъ ни какой ясной музыкальной мысли, и притомъ такты не ровны, или, скорѣе, тутъ нѣтъ ни какого такту, размеру, *метра*. Но если бы подобрать слова такъ, чтобы ихъ длинныя и короткія слоги представляли строгіи акустическій размеръ, или метръ, какъ это было у Грековъ, и чтобы возвышенія голосу посредствомъ больше и меньше высокихъ удареній, и пониженія его посредствомъ простыхъ гласныхъ безъ удареній, образовали между собою послѣдовательный напѣвъ, то изъ таковаго расположенія словъ непременно выйдутъ настоящая мелодія и правильное музыкальное сочиненіе. Мы вскоре увидимъ на опытъ, что древніе Греки именно такъ и подбирали слова, такъ и располагали ударенія, въ своихъ метрическихъ стихахъ.

О строгомъ акустическомъ размерѣ, мы уже знаемъ, что онъ действительно существуетъ въ греческомъ стихѣ, въ которомъ находится правильный музыкальный тактъ, основанный на равности двухъ короткихъ слоговъ одному длинному. Что касается до искуснаго расположенія удареній, то простой взглядъ на первые стихи Илиады тотчасъ убѣждаетъ меня, что тутъ есть какая-то мелодическая метода: съ самаго начала, ударенія симметрически восходятъ выше и выше, падая сперва на три *a*, потомъ на три *e*, потомъ на два *i*, а тамъ начинаютъ понижаться въ весьма замѣсловатомъ порядкѣ и совершенно музыкальнымъ образомъ. Порядокъ дактилей и спондеевъ, кажется, тоже не произволенъ: въ немъ рѣшительно замѣтенъ музыкальный рисунокъ. Такимъ образомъ, если нашъ способъ вырѣзывать слова нотами вѣренъ, — а онъ, кажется, совершенно вѣренъ, — то, написавъ стихи Илиады на нотныхъ линейкахъ точно такимъ же образомъ, какъ мы написали здѣсь пятнадцать русскихъ

словъ, непременно должны мы получить правильную мелодію, тотъ самый напѣвъ, тотъ самый речитативъ, на который сочинялъ и который произнесъ Иліаду самъ ее сочинитель, Гомеръ. А вотъ попробуемъ!

Но, сперва, позвольте мнѣ немножко объяснить слова «напѣвъ, на который сочинялъ Иліаду самъ Гомеръ». Вы бы права спросить меня: Такъ вы думаете, что напѣвъ древнихъ поэмъ сочинялся въ одно время съ ихъ содержаниемъ? Да! я такъ думаю; дубижденъ въ этомъ. Я видѣлъ, какъ Восточные поэты, настоящіе поэты, стихотворцы и музыканты вмѣстѣ, сочиняють свои метрическіе стихи: они сочиняють ихъ, не свистая какъ мы, *по распѣвалу*. Они подбирають слова къ мелодіи, рождающейся съ перваго метра, съ перваго танту, часто измѣняютъ эту мелодію по словамъ, и стихъ являеться у нихъ вмѣстѣ съ своимъ распѣвомъ. Аравитяне и теперь еще; при всемъ уваженіи у нихъ къ музыкѣ и стихотворному искусству, не понимаютъ, что такое *чимама стихи* по-нашему: дайте стихи въ руки любому арабскому мальчику, ребенку, знающему грамоту, онъ тотчасъ начинаетъ распѣвать ихъ особеннымъ речитативомъ, который свойственъ только этой пѣснѣ и уже не можетъ повториться въ другой; просите его, не пѣть, а читать естественнымъ голосомъ, онъ вамъ простодушно скажетъ, что это не возможно, что стихи *никакъ не читаются*; что ихъ можно только *распѣвать*. И, выкинувъ въ дѣло, мы сами вскорѣ съ нимъ согласитесь, что метрическіе стихи точно «никакъ не читаются», а распѣваются, распѣваются сами собою, потому они—настоящая музыкальная композиція изъ словъ, составленная по точнымъ законамъ звуковой музыки и съ помощью средствъ ее: совершенно такъ же у насъ, «никакъ не читаются» фразы звуковой композиціи, изображенной нотами, а надобно напѣвать ихъ. Такія же понятія о стихахъ господствовали и у Грековъ; и если ужъ простой читатель не можетъ «читать» метрическихъ стиховъ, но долженъ распѣвать ихъ чтобы понять *весь ихъ смыслъ*, смыслъ литературный и неразлучный съ нимъ смыслъ музыкальный, то очевидно, что и поэту нельзя сочинять ихъ не распѣвая каждого метра, каждого слова. Будучи вмѣстѣ и стихотворцемъ и музыкантомъ, и воспитаннымъ въ двухъ нераздельныхъ искусствахъ, поэтин

правильно декламировать. А весь секрет ушьяя правиль-
но декламировать метрические стихи состоитъ въ томъ,
чтобы каждый тактъ, каждый отпоръ, вынимали отдѣль-
но и въ то же время сохраняли совершенно натуральное
природное каждаго слова, безъ малѣйшей перемены
въ его природномъ удареніи: въ собою енигъ стихи двухъ
условій, когда стихъ сочиненъ по томъ музыкантомъ, не-
прѣменно должна въ речитативѣ родителъ мелодія; и если
вы поэтъ-музыкантъ, если вы ударены музыкальнымъ
ухомъ и поощенъ натурою, такъ и сами не сочините стихи
безъ поддержанія въ немъ мелодіи, родившейся въ васъ при
первыхъ тактахъ. Тогда, вамъ даже гамму, существую-
щей музыки, возьмите совсѣмъ другую: основной напѣвъ
стиха останется при немъ даже и тогда. Какова бы ни бы-
ла гамма, употребительная въ другое время, какъ скоро она
гамма, то уже по существу своему имѣетъ какое-нибудь симме-
трическое дѣленіе звуку, и первоначальный напѣвъ метри-
ческаго стиха долженъ повториться и по ней, но толь-
ко въ другомъ тонѣ, по причинѣ другаго дѣленія октавы.
Но гамма времени Гомера была самая простая и, ко-
нечно, весьма не многимъ разнилась съ нашею диатониче-
скою. Поэтому, несмотря даже и на огромное различіе меж-
ду древнею музыкаю и нынѣшнею, есть вся логическая воз-
можность добыть изъ гекзаметровъ Гомера тотъ самый,
даже тотъ самый напѣвъ, на который они сочинялись и
пѣлись самимъ безсмертнымъ пѣсноплетомъ, переписавъ
эти гекзаметры на ноты, по нашему способу выражать про-
изношеніе словъ музыкальными знаками, — если только,
повторяю, способъ нашъ вѣренъ. Но вѣрность нашего спо-
собу, и основательность всего, что здѣсь сказано о сущно-
сти метрическаго стихотворства, можетъ быть рѣшена въ
одно мгновеніе: съ первыхъ нотъ тотчасъ обнаружится
справедливость или ложность всего нашего сужденія;
съ ухомъ нѣтъ объясненій: оно не стерпитъ и не проститъ
парадокса, какую бы благовидность ни придала ему логи-
ка посредствомъ силлогизма. Приступимъ къ опыту. Если,
въ самомъ дѣлѣ, дѣйствуя въ точности по этому простому
способу, изъ гекзаметровъ Гомера родится правильная ме-
лодія, то, милостивыя государыни и государи, мы здѣсь,

шутя, сделавъ удивительное открытіе, такое открытіе, которое, по меньшей мѣрѣ, стѣмтъ шамполоновскаго ключа къ египетскимъ іероглифамъ.

Прежде всего, выберемъ въ нашей діатонической гаммѣ начальную точку для гаммы гласныхъ, у, е, а, о, и. Эта точка, какъ известно, можетъ быть произвольна. Я желалъ бы помѣстить ее въ LA. Но, чтобы дѣйствовать какъ можно прѣстѣе и не вводить ничего новаго, лучше держаться прежняго порядку и воставить ее въ UT. Такимъ образомъ, двѣ гаммы будутъ состоять въ слѣдующей соответственности:

Гамма діатоническая: UT. RE. MI. FA. SOL. LA. SI.

Гамма гласныхъ: и. о. а. е. і.

Вы знаете, что, превращая слова въ музыкальные знаки, этими нотами діатонической гаммы должно означать *одну только гласную съ удареніемъ*, какъ самую высокую. Изъ нихъ образуются у насъ верхушки мелодіи.

Беру нотную бумагу и Иліаду.

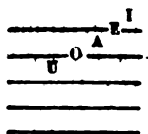
Сначала, означаю на линейкахъ, четвертями и осьмушками, то есть, длинными и короткими нотами, какъ гдѣ придется по слогамъ, всѣ ударяемыя гласныя цѣлаго стиха.

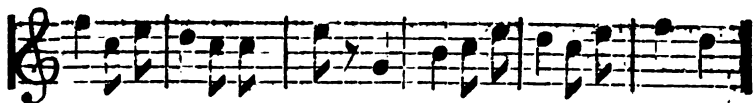
Потомъ, возлѣ каждой изъ этихъ самыхъ высокихъ нотъ, группирую прочіе слоги принадлежащихъ имъ словъ, тщательно стараясь, чтобы вездѣ, въ каждомъ словѣ, тоны слоговъ передъ удареніемъ шли къ нему въ восходящемъ порядкѣ, а тоны слоговъ послѣ ударенія опускались отъ него въ нисходящемъ.

Наблюдаю, чтобы между удареніемъ и предшествующею гласною былъ интервалъ въ терцію: вы знаете почему.

Послѣдній слогъ стиха, какъ известно, не важенъ: въ немъ голосъ упадаетъ произвольно, *если только этотъ слогъ безъ ударенія*.

Наконецъ, разбиваю ноты на такты. Чудо!.... просто, чудо!.... вездѣ выходитъ шесть совершенно правильныхъ музыкальных тактовъ.

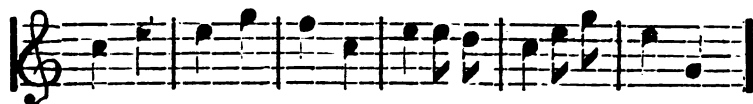

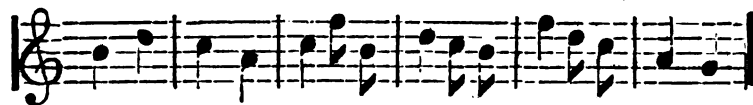
Meè-nin-à-cy-de Te--à Pee-lee-i-à-den A-chi-lè-os

Ou-lo-mè-neen-heè mü-rì A-chae-wis àl-ge è-thee-keen

Pol-làs dif-thi-mous psü-chàs-à-i---dip ro-i--aps-en

Hee-roù--oon au toùs dè he-loù-ri-a tèk-che kù-nas-sin

Да вѣдь это прелестная религиозная мелодія! Эти ноты, поставленные нами механически, безъ всякой музыкальной мысли, поются какъ-нельзя плавнѣе и даютъ чудесный напѣвъ въ томъ родѣ, который въ музыкѣ технически называется *chant religieux* или *mélodies sacrées*. Какъ вамъ угодно, господа риторы, которые много разсуждаете объ Илиадѣ и находите ее эпичесей, картиною геройскихъ подвиговъ, умышленнымъ и замысловатымъ сочетаніемъ историческаго съ чудеснымъ: я вамъ говорилъ прежде, что Гомеръ вовсе и не думалъ изображать ни какихъ подвиговъ, что онъ былъ богословъ своей вѣры, какъ вся первые поэты Греціи, что онъ хотѣлъ только сказать — должно всячески уважать жрецовъ, должно благодарить передъ ними, а оскорблять ихъ бранчивыми словами, или между собою ссориться, сердиться, бѣситься, браниться — грѣхъ! — боги васъ за это попутаютъ! — жестоко накажутъ! — вотъ посмотрите, какую тму бѣдствій навлекла

на любовныхъ и дружескихъ соотечественниковъ индивидуальности покойнаго Ахилла Пелеевича, когда онъ, поссорившись съ Агамемнономъ Атреемъ, пришелъ въ бѣшенство и разругать его върахъ, въ мѣстѣ обиды, нанесенной Атреемъ жрецу Аполлона! — словомъ, я вамъ говорилъ, что это поэма чисто религіозная или, если угодно, нравственно-духовная; и теперь, вотъ видите, выходитъ по моему: даже и напѣвъ, на который она сочинена, имѣетъ совершенно религіозный характеръ. Вотъ подлинный, буквальный, смыслъ «вступленія» къ разсказу Идіалы, которое мы начали класть на ноты; онъ ясно говоритъ то же самое, что это будетъ повесть назидательно-духовная.

«Спой, богиня, про бѣшенство Пелеевича Ахилла,
Окаянное, что тму кручинъ на Грековъ изваляло.
Многя-то побросало оно въ Адъ крѣпкія души
Богатырскія, трубки же ихъ угостило собѣхъ
Да-воронавъ вѣихъ (Юпитера-то свершалась воля!....),
Съ тѣхъ поръ, то есть, какъ впервые разошлись, побранившись,
Атеичъ, царь мужей, и божий Ахиллъ!

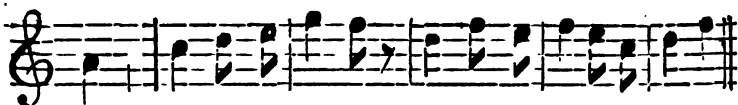
Кто же это изъ боговъ свелъ ихъ раздѣлываться бранью?
Датоны и Юпитера сызъ! Овъ-то, прогнѣвавшись на государя,
И поднала въ станъ болѣзнь злую, — вотъ гибля-то люди! —
Затѣвъ что Хриса, жреца, обезчестилъ
Атреечъ, и прочая.

Но вы скажете, что первые четыре стиха еще ничего не доказываютъ: мелодія и ея характеръ могутъ быть случайны. Хорошо: станемъ продолжать; посмотримъ все «вступленіе». Но, какъ это по роду своему, священная мелодія, то перепишемъ все сначала другими нотами, и притомъ, тутъ, въ пятомъ стихѣ, есть вставная фраза въ скобкахъ, (Юпитера-то свершалась воля!), которая, при чтеніи произносится тише, sotto voce, какъ-бы всторону. Въ этой фразѣ нужно будетъ понизить тонъ на квинту, чтобы отдѣлить ее отъ предшествующаго и послѣдующаго.

Благоразумный читатель! благоволите съesty къ фортепиано и разыгрывать, но тихо и мѣрно.

Чудеса, да и только! волшебство! чары! дѣло непостижимое и почти невѣроятное!... вездѣ, сплошь, выходитъ, простаа, но превосходная мелодія, безъ малѣйшей погрѣшности противъ уха, хотя начало гаммы гласныхъ совершенно произвольно поставили мы въ U1; и вездѣ эта мелодія сохраняетъ тотъ же самый характеръ религіознаго часнопѣнія. Нѣтъ это уже не случайность! Это истина! Я раскрываю Иліаду на-удачу, и беру первый стихъ, который попадается мнѣ на глаза. Значеніе его не затѣйливо :

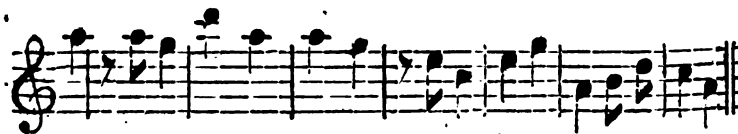
«А тому, опять, отвѣчалъ Пептуъ Землебой,»

Просто, но чрезвычайно мило, и безъ всякой ошибки. Раскрываю Одиссею, и беру какой-нибудь стихъ :

«Ба! ба! ба! какъ ужъ выше-то смертные стали обвинять боговъ!»

Въ этомъ стихѣ, для восклицанія, я повышу первые три такта на квинту, какъ тамъ, для фразы въ скобкахъ, я понижу.

Прекрасно!... Беру другой стихъ, совершенно на-удачу. Пишу его въ другомъ тонѣ и въ другой октавъ. Въ немъ говорится что-то о томъ, какъ богиня, — не знаю, право, какая, — надѣваетъ на свою ножку прекрасный башмачокъ:

Ну, право, прелесть! Знаете ли, что вся эти гомеровскія штуки очень напоминають знаменитыя мелодіи Шуберта, которыя именно потому такъ очаровательны, что онѣ удивительно просты?

Но зачѣмъ мнѣ мучиться напрасно? Зачѣмъ писать ноты, когда я теперь знаю клавиши, соответствующіе каждому ударенію? Я возьму книгу въ руку, и стану брать прямо на клавиатурѣ высокія и низкія гласныя по точнымъ правиламъ нашего способу.

Удивительно!.... невообразимо!... просто комедія!

Вся Иліада, вся Одиссея Гомера, разыгрываются сплошь, безъ всякаго затрудненія!.... И вездѣ участвуетъ правильная мелодія, — очень милая, — нѣсколько однообразная: ну, да это и не можетъ быть иначе; вся речитативы таковы: вспомните, что элементы этого очень ограничены: ихъ всего два, дактиль и спондей, тактъ въ двѣ длинныя ноты и тактъ въ одну длинную и двѣ короткихъ. Большаго движенія тутъ и быть не можетъ, по существу самаго метра: да оно даже и было бы противно характеру сочиненія. Игра тоновъ въ мелодіи, конечно, могла бѣ быть разнообразнѣе, не противорѣча цѣли науѣву: но не забудьте, что я беру эти ноты совершенно механически, строго придерживаюсь правилъ нашего способу, не позволяю себѣ даже самыхъ законныхъ отступленій; я почти не выхожу изъ квинты и все время изворачиваюсь пятью или шестью тонами; я не обращаю ни малѣйшаго вниманія на смыслъ стиховъ подлинника, и читаю ихъ на клавиатурѣ такъ же однообразно какъ палатскій повѣтъчикъ читаетъ записку о дѣлѣ: въ подлинникѣ — множество вставныхъ фразъ въ скобкахъ, пропасть восклицаній, въ иныхъ мѣстахъ много жару въ разсказѣ, въ другихъ большое спокойствіе; во всѣхъ такихъ тактахъ, должно, въ хорошемъ речитативѣ, то возвышать голосъ, то понижать его, на терцію, квинту, и на цѣлую октаву, сообразуясь со смысломъ словъ; следовательно и здѣсь, при разыгрываніи этихъ прекрасныхъ гензаметровъ на инструментѣ, по-настоящему нужно было бы соблюсти такіе же попеременные переходы отъ низшихъ гаммъ къ высшимъ и отъ высшихъ къ низшимъ, и

тогда мелодія получила бы совсемъ другую прелесть, жизнь, одушевление.

Способъ нашъ, котораго вѣрность доказана теперь несомнительнымъ опытомъ, подлежитъ еще многимъ усовершенствованіямъ, и онъ въ состояніи получить большое развитіе не уклоняясь отъ основныхъ началъ своихъ. Теперь онъ даетъ только скелетъ напѣву, только трупъ умершей за три тысячи лѣтъ мелодіи, и годится лишь для «вступленій» въ поэмы, для мѣстъ спокойныхъ, лишенныхъ всякаго одушевленія. Дѣло усовершенствованія и развитія я предоставляю умнымъ и понятливымъ музыкантамъ-поэтамъ.

Несторъ Васильевичъ! я думаю объ васъ въ эту минуту. Вы тутъ откроете гораздо больше нашего. Вамъ принадлежитъ по праву разработка этого новаго и богатаго рудника.

Но вы еще не имѣете настоящаго понятія и о той мелодіи, которую мы добыли изъ вступленія въ Илиаду : надо разыграть ее съ аккомпаниментомъ, который былъ *obligé* при метрическихъ стихахъ, то есть, съ аккордами при всѣхъ длинныхъ слогахъ, со вспомогательными звуками инструмента, которыми рѣзко означался бы размѣръ стиха, какъ распѣваютъ Восточные свои стихотворенія, какъ распѣвали Греки. Тогда только получите эту мелодію въ подлинномъ ея видѣ, мѣрномъ, гармоническомъ, величественномъ.

Прибавимъ аккорды, самые простыя, ко всѣмъ длиннымъ слогамъ. Благоволите разыграть !

Но играйте медленно, очень медленно, и ровно.

Il tempo bene marcato.

First system of musical notation. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#). The lower staff is in bass clef. The music consists of a melodic line in the upper staff and a rhythmic accompaniment in the lower staff. Dynamics include *f* (forte) and *ff* (fortissimo).

Second system of musical notation. Similar to the first system, it features a melodic line in the upper staff and a rhythmic accompaniment in the lower staff. Dynamics include *f* (forte) and *pp* (pianissimo).

Third system of musical notation. The upper staff continues the melodic line, and the lower staff continues the rhythmic accompaniment. Dynamics include *ff* (fortissimo), *pp* (pianissimo), and *f* (forte).

Fourth system of musical notation. The upper staff continues the melodic line, and the lower staff continues the rhythmic accompaniment. Dynamics include *ff* (fortissimo) and *pp* (pianissimo). The instruction *solo voce* is written above the lower staff.

Какой чудесный речитативъ! Теперь только онъ и дастъ отчасти понятие о музыкальномъ эффектѣ древнихъ гекзаметровъ. Но, чтобы еще больше приблизиться къ настоящему, древнему, ихъ эффекту, надо непременно пѣть эти стихи въ такомъ же простомъ аккомпаниментѣ. Надѣясь, что между моими читателями найдутся многіе отличные рапсоды, съ голосомъ не хуже гомеровскаго, я предлагаю пѣть тѣ же самыя строчки, переписанныя для пѣнія, и прошу всѣхъ сказать по совѣсти, можно ли желать болѣе изящныхъ мелодій въ родъ chants religieux.

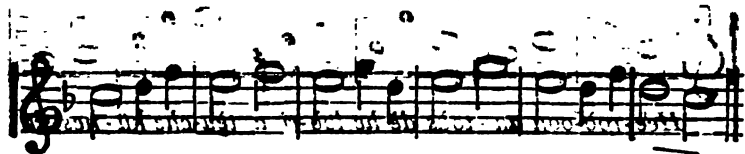
ВАПСОДІЯ ТОМБРА

Для гитари.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПІСНІДУ.

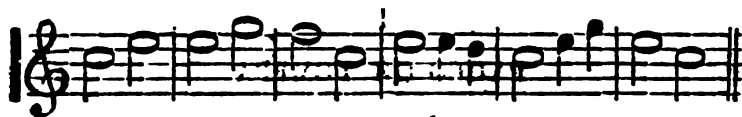

Meè-nin à - ey-de Te-à Pee - lee-i-à - deu A-chi-lee-os

Ou-lo-mè-neen heè mü-rì A-chae-wis àl-ge è-tee-ken

Pol-làs dif-thi-mous psù-chàs à-i - dip ro-i - aps-en

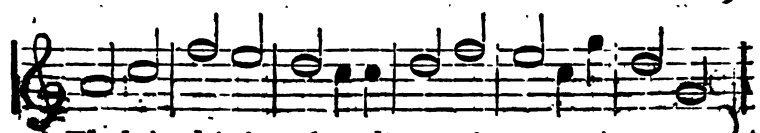

Hes-rod-oon au - tous de he-tò-ri-a têu-che kù-nes-tis

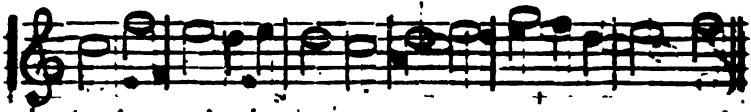

Wi-oon-wi-si-te pad-si (Di-òs de-te-lèu e-to bou-lèè!)

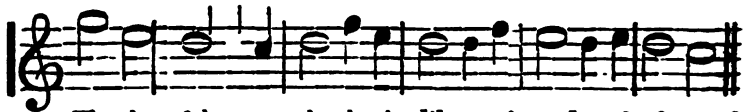

Eks hòu deè tàp rob-ta di-ast-èè-tee me-ri-san-te

At-rèy - dees-te à-naks anti-roòn kàe diy-os A-chil-lèus.

T'is tàr sfod-e te-oòn è-ri-dik sü-nè-ee-ke mà-ches-tae?

Теперь мнѣ еще остается показать ту же самую мелодію въ четвертомъ и последнемъ видѣ, а именно, съ болѣе полныиъ басомъ, съ аккомпаниментомъ новѣйшей гармоніи. Благоразумный читатель! покорнѣйше прошу разъиграть ее еще разъ. Но только, пожалуйста, играйте очень, очень медленно; не торопитесь. Это очень нужно. Я скажу послѣ, послѣ.

Та же

РАПСОДИЯ ГОМЕРА

Для фортепиано.

Играется весьма медленно.

The musical score is arranged in seven systems, each consisting of a treble and bass staff. The notation includes various rhythmic values, dynamic markings, and articulation marks. The first system begins with a *ff* marking in the treble staff and a *p* marking in the bass staff. The second system features a *f* marking in the treble staff and a *p* marking in the bass staff. The third system has a *f* marking in the treble staff and a *p* marking in the bass staff. The fourth system includes a *f* marking in the treble staff and a *p* marking in the bass staff. The fifth system has a *f* marking in the treble staff and a *p* marking in the bass staff. The sixth system features a *f* marking in the treble staff and a *p* marking in the bass staff. The seventh system has a *f* marking in the treble staff and a *p* marking in the bass staff. The score concludes with a double bar line at the end of the seventh system.

First system of musical notation, consisting of two staves. The upper staff is in treble clef and the lower in bass clef. Dynamics include *ff* and *pp*. The instruction *sotto voce* is written below the lower staff.

Second system of musical notation, consisting of two staves. Dynamics include *ff* and *f*. The instruction *crescendo* is written between the staves.

Third system of musical notation, consisting of two staves. Dynamics include *p* and *f*. The instruction *crescendo* is written between the staves.

Fourth system of musical notation, consisting of two staves. Dynamics include *ff*, *p*, *pp*, *f*, and *p*.

Что это?... Придишись; и сама явится на очады. Да иди эти величественные звуки — разительно напоминают коринфское иже латинскаго Шапада! Я очень радъ, что мы дошли до этого неожиданнаго и удивительнаго результата, потому что это иже — очень древнее; и когда мы добыли такую же мелодію изъ гекзаметра древнѣйшей религіозной поэмы Грековъ, то она действительно въ ней и находится. Какъ мы знаемъ, что греческій гекзаметръ происходитъ отъ Финикійцевъ, то смѣло можемъ теперь отыскивать начало этого пѣнія въ глубочайшей древности Сиріи, восходя до временъ патриарховъ. Язычники, вѣроятно, заимствовали его у Евреевъ. Такимъ образомъ еще мы совершенно въ правѣ сдѣлать общее заключеніе: гекзаметръ, собственно и первоначально, былъ религіознымъ метромъ, и заключаетъ въ себя древнѣйшіе священныя пѣвны чело-вѣчества.

До этого любопытнаго открытія ужъ навѣрное никогда бы мы не достигли, если бы предметей изслѣдованія избрали нашъ новѣйшій гекзаметръ, писанный по удареніямъ. Что бы мы получаемъ при переводѣ его на музыкальное знаніе по тому же способу? Въѣсто правильной мелодіи, мы получаемъ страшную чепуху звуковъ, ликую разладницу, достойную ушей однихъ только Омныхъ Дукчей. И эту-то чепуху, эту разладницу, навываютъ у насъ *размѣромъ Гомера!*

Какъ, даже и смѣть писать въ наше время гекзаметры на пишнѣй маперъ древнихъ? Что они представляютъ? къ чему служатъ? къ какай музыкальной системѣ относятся? Вы видите, что, не зная музыки, нельзя сочинить ни одного гекзаметра. Вы видите, что гекзаметры должны быть музыкальнымъ выраженіемъ своего времени и своего предмета.

Хотите ли въ наше время писать стихи этого роду? — ну, такъ придумайте же для нихъ совсѣмъ другой размѣръ, сообразный съ условіями нынѣшней музыкальной системы. Но вамъ непримѣнно хочется шести тактовъ въ стихъ! А шесть тактовъ совсѣмъ пеидуть къ нашему слуху, даже и въ

важно въ ней; которое знача употребить только четыре. И сверхъ того, въ греческомъ: дошныя речаются съ длиннымъ начелю: нечитать слога съ удареніемъ: а длинныя, потому только что они слоги съ удареніемъ. Допустить даже невозможное, — предположить даже, что при такой силе у насъ былъ бы правильный тактъ въ стихахъ, — что мѣдоть, хотя все наши длинныее слоги будутъ съ удареніемъ!

Выйдетъ то, что, вѣчно и безсмынно, въ каждомъ тактѣ первая нота будетъ самая высокая; выйдетъ ужасная нонотонія, убійственное однообразіе. Вы видите, что, напротивъ того, главный секретъ греческаго гекзаметра состоитъ именно въ томъ, чтобы ударенія большею частью не сходились съ длинными слогами, чтобы они часто перекрещивались съ ними, чтобы цѣлые такты были иногда безъ ударенія, чтобы въ иныхъ скопилось по двѣ и по три ударяемыхъ гласныхъ, потому отъ этого зависитъ все движеніе мелодіи.

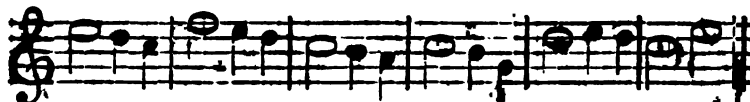
Но что касается до не возможнаго, которое мы предположили, то ужъ на это не надо ите безъкоптыся: пока не станете вести счету согласныхъ, до такъ-норъ не получите правильного музыкальнаго такту въ стихахъ; а до рашивому.

Возвратимся къ рашивомъ Гомера. Попробуемъ Одиссею. Эта поэма, хоть именованно-религіозная подобно Илиадѣ, имѣетъ совсѣмъ другой характеръ: она не столь важна, силье разнообразна, болѣе шутлива, и особенно отличается простонародною бойкостью выраженій и всего рашивому. Если мы найдемъ, что и мелодія, скрытая въ ея гекзаметрѣ, имѣетъ также совсѣмъ другой характеръ, то это будетъ послѣднимъ, торжественнымъ и убедительнымъ доказательствомъ, что поэтъ действительно положилъ се трудъ что это отнюдь не игра какого-нибудь удивительнаго случая; а великая и неопровержимая истина, фактъ, роѣзіс, «работа» сажого поэта. Роѣзіс вѣд значить просто — работа, то же что гравіи въ нынѣшней музыкѣ, а именно, мелодико-гармоническая обдѣлка звуковъ.

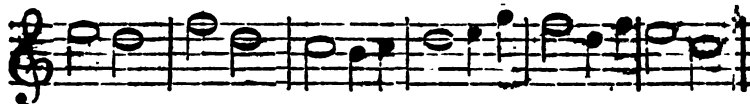
Начнемъ.

Посмотрите! послушайте!.... вадь тутъ въ самомъ дѣлѣ совершенно другая мелодія! А между-тѣмъ метръ одинаковъ! Этотъ простой, милый напѣвъ легокъ, пріятель, совсѣмъ не такой строгій и торжественный какъ въ Иліадѣ. Въ немъ даже болѣе мелодіи, нежели въ первомъ.

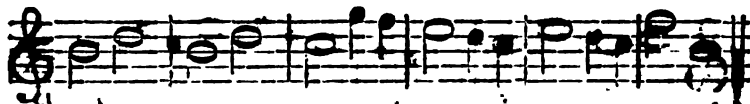
Играть весьма медленно.

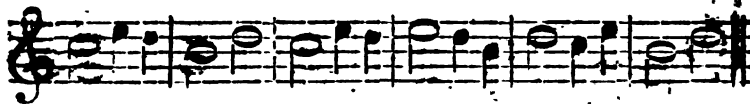
àn-dra-mi èn-ne pe Mou-sa po-lüt-ro-po nõs mà la pol-lâp

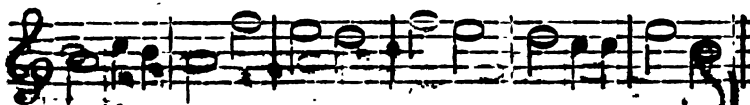
lànch-thee-pèy trøy - ees hù e - rop to-li - eeth-ro nè-per-se.

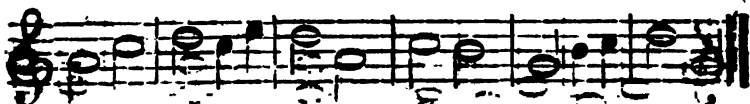
Pol-loòn dan-troò-poon ì-de' nàs-te-a kàe nõ-o nèg-noo.

Pol-là dò-gen pòn-too pà-te nùl-ge-a hòn ka-lâ thū-mòn

Ar-nũ-me nos heèn-top sũ - cheèn kàe nõs-to ne-tà-roop.

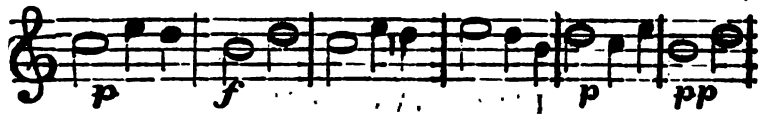
All-òud hòds he-tà-rous er - - rü-sa-to Ìi-e nõs per.

(онъ въ началѣ.)

Надобно непременно сыграть ее съ аккордами при всѣхъ длинныхъ слогахъ, чтобы ясно слышать метръ и ощутить тотъ общій эффектъ, какой она имѣла въ пѣніи рансодовъ съ аккомпаниментомъ инструмента.

Играть весьма медленно.

The image displays a musical score for piano, organized into three systems. Each system consists of two staves: a treble clef staff on top and a bass clef staff on the bottom. The music is written in a style characteristic of early 20th-century American piano music, featuring a mix of eighth and sixteenth notes in the right hand and block chords in the left hand. The score includes dynamic markings such as *ff*, *p*, *pp*, and *f*. The first system begins with *ff*, followed by *p*, *pp*, *f*, *ff*, and *p*. The second system starts with *f*, then *p*, *pp*, *f*, and *p*. The third system begins with *p*, followed by *f*, and *p*. The notation includes various note values, rests, and chord symbols, all set against a background of musical staves.

Third system of musical notation, grand staff. Dynamics: f, ff, f, pp.

Fourth system of musical notation, grand staff. Dynamics: pp, pp, p, ff, ff, f, p.

Посмотрите еще ее съ болѣе полнымъ басомъ, чтобы по-
ложительно убедиться, что музыкальный ея характеръ со-
всѣмъ другой, совсѣмъ на похожій на величественный ре-
квиемъ Игнаты.

РАПСОДІА ГОМЕРА.

=

ВОСТАНОВЛЕНІЕ ВЪ ДАНСЕСЪ.

Играть весьма медленно.

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a common time signature (C). It contains a melodic line with dynamic markings: *ff*, *p*, *pp*, *f*, *ff*, and *p*. The lower staff is in bass clef and contains a bass line with chords and single notes.

The second system of musical notation consists of two staves. The upper staff continues the melodic line with dynamic markings *f*, *p*, *f*, and *p*. The lower staff continues the bass line with chords and single notes.

The third system of musical notation consists of two staves. The upper staff continues the melodic line with dynamic markings *f*, *p*, *f*, and *p*. The lower staff continues the bass line with chords and single notes.

Но можетъ-быть вы думаете, что, поискавъ хорошенько, найдете такую же или подобную мелодію и въ нашихъ стихахъ, сочиняемыхъ по удареніямъ. А вотъ посмотрите. Возьмемъ нѣсколько такихъ стиховъ. Разумется, я не возьму нашихъ гекзаметровъ! Это значило бы обманывать васъ на-вѣрняка: это ужъ было бы совершенно безчестно. Я возьму нѣсколько настоящихъ, старыхъ, стиховъ, и, вѣро-ятно лучше, пріятельскихъ: пріятеля какъ-нибудь умилосты-

«... если даже его стихи съидутъ славянская музыка, а исприятель можетъ такъ изъяснить, что въ оправданіе предъ нами написать цѣлую Илиаду и зачитать съ Гомеромъ :

«Свой, богиня, про бышество Н-я-В-вичи,
Что стихи безъ такту по удареніямъ писалъ!»

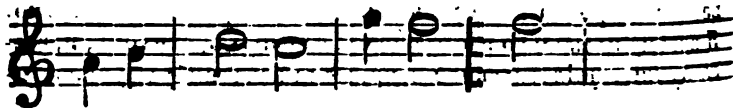
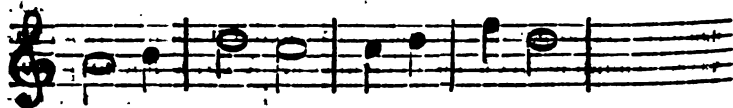
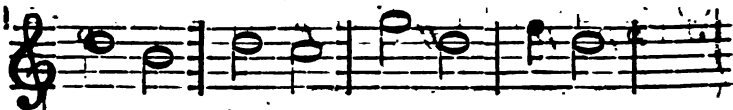
Вотъ прекрасные стихи Эдуарда Ивановича Губера, въ которыхъ Николай Ивановичъ Бахметьевъ сочинилъ одну изъ прелестнѣйшихъ мелодій, какія я знаю : только эта мелодія находится, не въ стихахъ, а подлѣ стиховъ; стихи сами по себѣ, мелодія сама по себѣ : это, у насъ, двѣ разныя вещи. Вся знаютъ эти прекрасные стихи :

— — — — —
«Своемъ эпо-кой-нымъ спл млад-ле-пецъ,

Чуж-днѣмъ гора вст-рас-тей,

Без-за-бот-ный по-се-ле-пецъ

Ми-мо-лет-ной жи-зни сей.»

Ничего не выходит! Галиматья, и беззлица.

А между-тѣмъ вся говорятъ, будто это греческіе хорен!

Безъ такту, безъ правильнаго музыкальнаго времени, ничего и выйти не можетъ. Чтобы въ этихъ стихахъ получить тактъ, нужно было бы у многихъ слоговъ отнять къ произношенію по одной буквѣ, къ другимъ по одной прибавить, и произносить такъ:

Своиъ ...во- | кой-вы... | епи ...ла- | жи-вещь,

Чуж- ды... | гор- ря | ист- ра | стей.

Без- за- | бот- вы... | пос- се- | лен-вещь

Мим- мо- | лет-во... | жи- ви | сей.

Тогда получится по-крайней-мѣрѣ то начало глухой мелодіи, которую правильный тактъ образуетъ вездѣ, даже и на барабанѣ. Но настоящей мелодіи, музыкальной мысли, не будетъ ни какой, хотя въ этихъ стихахъ и заключается уже важное къ ней нособіе, — риема, — то есть, возвратъ, въ известныхъ мѣстахъ, однихъ и тѣхъ же гласныхъ съ удареніемъ, однихъ и тѣхъ же высокихъ нотъ. Такъ образънные и растянутые слоги изображаются, по нашему способу, слѣдующими нотами:

RE.....ut — RE.....ut — SOL.....mi — FAmi.

UF.. — RE.....ut — SOL ...mi — FA.
я

..... ut — RE.....ut — Re.....vi — FA.....mi.
SI

.....ut — Re..... ut — SOL.....fa — FA.
SI

И всё-таки нѣтъ мелодіи, несмотря и на строгій тактъ, и на риему, или возвратъ одинаковыхъ высокихъ нотъ въ одинаковыхъ мѣстахъ. Теперь, уничтожьте еще риему, какъ вы это дѣлаете въ своихъ гекзаметрахъ и пяти-стопныхъ бѣлыхъ іамбахъ, устраните этотъ правильный возвратъ высокихъ

ночь, такъ получите просто рядъ тонкихъ, вялыхъ звуковъ безъ всякаго смысла. А почему въ этихъ стихахъ нѣтъ мелодіи даже при тактѣ и при возвратѣ одинаковыхъ нотъ? Потому что авторъ не положилъ ея туда: онъ и не думалъ объ ней, не сочинялъ своихъ стиховъ съ декламацией, и не старался, чтобы изъ вѣрнаго такту, изъ игры высшихъ и низшихъ удареній, изъ счастливаго перекрещенія удареній съ длинными слогами, образовался въ натуральной декламацин настоящій напѣвъ. Музыкальная мысль не соединялась у него съ поэтической. въ минуту вдохновенія, онъ не «работалъ» вмѣстѣ, и оттого не вышло настоящей «работы», *robis*, не вышло поэтико-музыкальной композиціи. Вѣдь не даромъ же Греки называли *работой* то, что мы теперь называемъ *поэзіей*! Надобно было крѣпко «поработать», чтобы изъ простыхъ, чisto декламируемыхъ, словъ, составить пріятный напѣвъ для уха, очаровать душу вмѣстѣ и смысломъ и музыкою рѣчи. *Поэтизировать* значитъ теперь — заниматься пустяками, ничего не дѣлать, а у древнихъ это слово значило — *работать*, тяжело работать. Времена и понятія ужасно измѣнились!

Въ противоположность этимъ стихамъ я поставлю, — уже не древніе греческіе стихи, не стихи, сочиненные за три тысячи лѣтъ, — иной, пожалуй, можетъ подумать, что для насъ нынѣшнихъ совсѣмъ не доступно то, что люди дѣлали за три тысячи лѣтъ, — я поставлю стихи нашей эпохи, новѣйшіе, почти сѣвременные намъ, стихи народовъ, съ которыми мы живемъ въ мирѣ и докончавіи, и у которыхъ можно, когда угодно, потребовать объясненія; словомъ, персидскіе или турецкіе стихи. Когда Аравитяне изобрѣтали свои метры, они не думали ни о Персіанахъ ни о Туркахъ, не знали ихъ, не слышали ни одного слова ихъ языковъ. Послѣ покоренія Персіи Аравитянами, Персіане, сдѣлавшись учениками побѣдителей, приняли и метрическую ихъ систему. Турки потомъ взяли ее у Персіанъ; и оба народа прѣлагодполучно до-сихъ-поръ сочиняютъ стихи свои по арабскимъ метрамъ. Я приведу въ примѣръ нѣсколько персидскихъ стиховъ, чтобы показать, какія чудныя вещи можно дѣлать съ новѣйшими языками при помощи настоя-

ного метра, основанного на счете согласных и искусной игре ударений. Вы уже нашли прекрасныя важныя мелодіи въ древнемъ метрическомъ гекзаметрѣ: но готовы ли вы повѣрить, что, по той же методѣ, можно изъ словъ любого языка, даже самаго неблагодарнаго, даже такого, какъ персидскій, въ которомъ ударенія однообразно падаютъ на послѣдній слогъ, сочинять всякія музыкальныя піесы, выиронть вальсъ, кадрили, мазурку, то есть, написать стихи, которые въ натуральной декламациі, изъ длинныхъ, короткихъ и удареній, представляютъ вамъ въ точности напѣвы этихъ танцевъ? Всякой, кто слышитъ Персіанна, декламирующаго начало одного изъ знаменитѣйшихъ стихотвореній Хафиза, которое я сейчасъ выпишу, бываетъ пораженъ удивительнымъ сходствомъ кантилены этого речитатива съ напѣвомъ нашихъ мазурокъ. Эта кантилена, выдумка ли декламирующаго Персіанъ, или она дѣйствительно и съ умысломъ заключена въ стихъ самимъ поэтомъ, такъ, что при хорошей декламациі нельзя не произвестъ ея и не слышать? Посмотрите!

Вотъ метръ Хафизова стихотворенія:

о — — — | о о — — — | о — — — | о о — — —
 о — о — — | о — — — | о — — — | о о — — —

Конечно, если короткіе слоги первой, третьей, шестой и седьмой стопъ будутъ *очень* коротки, съ едва слышными гласными, нѣсколько въ родъ нашихъ *вз, съ, къ*, какъ и должно быть для ровности такту въ такомъ метрѣ, и если длинный слогъ положимъ здѣсь равнымъ осьмушкѣ «цѣлой» ноты, такъ это тактъ мазурки, $\frac{3}{8}$. Но попробуйте сочинить по этому метру четыре стиха на-удачу, безъ начертанной въ умъ кантилены, безъ намѣренія выдержать въ нихъ последовательность мотива, рождающагося тотчасъ въ первыхъ двухъ тактахъ: выйдетъ ли въ декламациі что-нибудь похожее на мазурку? Ничего не выйдетъ, если нарочно не расположите никакихъ и высокихъ гласныхъ съ музыкальною цѣлью. А между-тѣмъ у Хафиза, въ первыхъ четырехъ стихахъ его піесы, то есть, въ первыхъ шест-

надцать тактахъ, слышна полная мазурка! И такъ хорошо слышна, что пронесете ихъ какъ слыдусть, медленно, нарочно, по тактамъ, съ соблюденіемъ воакъ удареній и выдерживая длинныя и короткія слоги, и вы сами ульшиште се. Но мазурка, скажете вы, польскій танецъ и коренной польскій мотивъ : откуда онъ можетъ быть у Хафиза? Коренной польскій ! Вамъ благоугодно такъ говорить. Мазурка — столько же коренной польскій мотивъ, сколько кунтушь и жупанъ — коренное польское платье: то и другое взято было на прокатъ у крымскихъ Татаръ. А Татары взяли и это платье и эту музыку у Персіанъ. Три ноты, или три съ маленькой, въ тактъ, и наивы въ стилъ мазурки, только очень медленные, и очень минорные, заунывные, напротивъ того, коренная музыка азійскихъ народовъ. Большая часть арабскихъ метровъ состоятъ изъ трехъ нотъ, и трехъ съ маленькой, въ тактъ, въ различныхъ порядкахъ. Стихи Хафиза, о которыхъ мы говоримъ, потому и такъ восхищаютъ Персіанъ, что они сочтены на старинный народный наивъ. Я означу соотношение этихъ стиховъ поперемяннымъ употребленіемъ прямого и курсивнаго шрифтовъ : такимъ образомъ и метръ будетъ виденъ и слова не будутъ разбиты.

Эгъеръ однь тюрки шираазій бь дѣсть ааредь дили май-раа,

Бе - хади гиндѣвшъ бехишѣмъ Семеркѣнд - уу Бухараа - раа.

Бь-дѣхъ саакій, мѣп бакиій !....(къ дѣръ джисметѣ въ ханій аютъ

Кембръ одб -и Руин -абанд -и шале-каштій - и Мусаллий - раа.)

Это бахическая ода. Тактъ мазурки очень идетъ къ смыслу ея словъ :

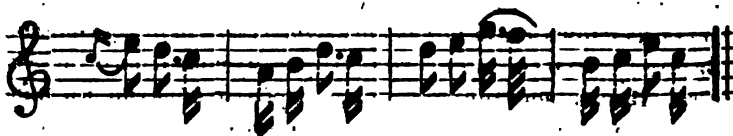
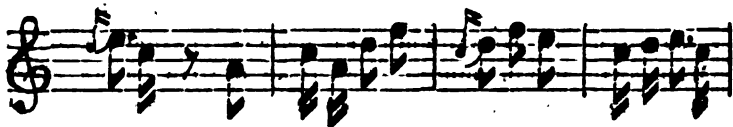
•Если бь эта ширазская Турчанка взяла себѣ мое сердце,
За ея злодѣйскую улыбку отдадъ бы я Самарканду и Бухару.
Подай, цѣльчикъ, остальное вино!.... (вздъ и въ раю не найдеть на
Ничего оградис мусаллійскихъ роземъ, усидничихъ береговъ руси-
баской ривъ) •

Въ подлинникъ, слово, которое я перевелъ словомъ «улыбка», имѣеть другое значеніе: это потребовало бы длинныхъ объясненій. Но вынесъ лишь и тотъ же.

Мы положимъ эти четыре слова на ноты, по той методѣ какъ клалъ гекзаметры Гомера. Но сперва покорнѣйше прошу вспомнить, что девятый и десятый тактъ въ мазуркѣ всегда переходять въ другую гамму, высшую или низшую, и зачатъ это восклицаніе въ началѣ третьяго стиха: «Маэтихъ! падай вино!» Оно тоже находится въ десятыхъ и десятомъ тактахъ! А восклицаніе, когда нибудь зовушь кого-нибудь, заставляетъ зовущаго возвысить голосъ по крайней-мѣрѣ на квинту; и въ натуральномъ речитативѣ нужно здѣсь непременно возвысить голосъ, перейти въ высшую гамму. Этого мало: вспомните еще, что девятый и десятый тактъ въ мазуркѣ долженъ имѣть свою каденцію, и замѣтьте, какъ искусно поэтъ вводитъ въ нихъ два коротенькія риминическія фразы съ удареніями на самыхъ высокихъ гласныхъ: *Въ-дѣхъ саакій — мѣи баакій!* Замѣтьте еще, въ третьемъ и одиннадцатомъ тактахъ, симметрическія каденціи удареній на одинаковыя гласныя, именно на *е*, по два въ каждомъ тактѣ: *бу-дѣствъ аарддъ — къ дѣрзъ доменидѣвъ.* Видите, сколько тутъ стихотворно-музыкальнаго искусства! Писать восклицанія, какъ перейти обратно въ низшую гамму? Очень просто, посредствомъ вставной фразы въ скобкахъ, произносимой всегда въ полголоса! Мы видели, что Гомеръ точно такъ же употребляетъ восклицанія и скобки. Вся метрическія поэты употребляютъ ихъ, и съ одинаковою музыкальною цѣлью. Следственно, и мы въ девятомъ и десятомъ тактахъ возвысимъ тонъ на квинту, а во вставной фразѣ обратно перейдемъ натуральными терціями въ низшую гамму, соблюдая во всей точности правила нашего способа относительно удареній и низшихъ гласныхъ.

Играйте какъ можно медленнѣе: тогда только получите истинную декламацию этихъ стиховъ. Выдерживайте чётче каждую ноту, и каждую точку. Тихо, очень тихо, и мягко!

Играть весьма медленно, и всю пьесу со столь же медл.

Сыграйте теперь скорее, съ аккордами, и услышите чистую мазурку.

Вотъ, что значитъ нарочно помешать въ стили мазурку!... Положенную вещь всегда найдешь, торжественно скавши. И вотъ, какъ должно употребить иерархическое стопосложение и понимать стихотворное искусство!

Но не должно однако жъ думать, чтобы все метрическія стили народовъ, слѣдующихъ этой системѣ стопосложения, замочали въ себя музыку. Гдѣ человекъ, безъ грака, народъ безъ плохихъ поэтовъ, литература безъ варваровъ!

Весьма многие из метрических поэтов не знают музыки, не имеют уха, не въ состояніи правильно выдержать мелодіи въ трехъ тактахъ сряду, и даже не воспеваютъ, есть ли она и къ чему служитъ въ стихахъ великихъ мастеровъ дѣла, настоящихъ поэтовъ-музыкантовъ. Но зато такіе поэты технически называются «бездѣльными», а стихи ихъ «плохими»!

А непременно ли нужна послѣдовательная и правильная мелодія въ метрическихъ стихахъ?.... Вопросъ этотъ я предоставляю собственному вашему рѣшенію. Доложу вамъ только, что метрическіе стихи всегда читались и читаются на распѣвъ, и затѣмъ осмѣлюсь спросить: можно ли распѣвать то, въ чемъ нѣтъ ни какой мелодіи? и долго ли печтенинѣе ухо ваше въ состояніи выдержать при распѣвѣ наборъ звуковъ, склеенныхъ на-удачу, толкотню тоновъ безъ всякой логической послѣдовательности?....

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что, мы теперь не въ состояніи правильно судить о настоящемъ достоинствѣ древнихъ метрическихъ стиховъ: мы знаемъ одну только ихъ литературную сторону; музыкальная совсѣмъ для насъ исчезла. Въ числѣ этихъ стиховъ, есть множество такихъ, которые съ литературной, или умственной, стороны не представляютъ ничего необыкновеннаго, а между-тѣмъ они славились въ древности, она восхищалась ими, приходила отъ нихъ въ восторгъ. Такіе стихи, по всей вѣроятности, особенно поражали ее своей музыкальной стороной, прелестью открытаго, теперь въ нихъ нашву. Я думаю, что Пиндаръ бралъ много изъ этого. Судя по смыслу словъ, его стихи, право, не представляютъ ничего удивительнаго; но зато они, безъ сомнѣнія, были очень блистательны со стороны музыкальной: композиціи; вѣрно, въ нихъ было много *musique*, то есть *travail*, работы композиторской; вѣрно, оно было *travaillé*, — какъ и донынѣ говорится въ композиціи, — очень, очень «обработаны» музыкально. Не худо бы разобрать ихъ такъ же, какъ мы разобрали гекзаметры Гомера, и посмотреть, что такое въ нихъ скрывается, какой могъ быть эффектъ ихъ натурального речитатива съ привлеченіемъ аккомпаниментомъ.

По тому же способу мы без-сочисленны могли бы восстановить весь репертуаръ *каломаний*, то есть, «трагедій», Эсхила, Софокла, Еврипида. Известно, что эти трагедіи вовсе не походили на наши; что это были формальныя оперы. Можетъ-быть, разбирая такимъ же образомъ и хоры, мы найдемъ бы тоже и изъ нихъ по-крайней-мѣрѣ скелеты тѣхъ мелодій, на которыя они были сочинены поэтами, музыкантами.

Приложеніе нашего способа къ еврейской поэзи также обѣщаетъ изследователю богатые результаты: посредствомъ его можно было бы рѣшить многіе вопросы о загадочномъ стихотворствѣ и темной метрической системѣ древнихъ Евреевъ.

Споръ о настоящемъ произношеніи древняго греческаго уже больше трехъ столѣтій занимаетъ геленистовъ: къ сожалѣнію, онъ всегда вѣденъ былъ односторонно, съ весьма ограниченными понятіями въ общемъ языкознаніи, и оттого не привелъ спорящихъ ни къ какому ясному результату: одни остались при византийскомъ, другіе при, такъ называемомъ, вразмовскомъ. Мнѣ кажется, что вопросъ разрабатывается теперь самъ собою. Если бы ратоборствующіе геленисты были вмѣстѣ хорошими арабистами, то они давно бы уже признали, что у Грековъ, точно такъ же какъ у Аравитянъ, вся орфографія языка совершенно припоровлена, принормирована, приложена, исключительно къ метрической системѣ стихотворства; что какъ арабскіе такъ и греческіе грамматичны обдѣльвали лишь единственно съ этой стороны, — въ пользу метра, — и что наконецъ такая обдѣлка, не только необходима, но и неизбежна, въ языкахъ, принявшихъ музыкальную теорію въ основаніе своего стопосложенія. Въ этихъ языкахъ, оная по-необходимости, должны существовать рядомъ два произношенія, одно стихотворное, или музыкальное, другое обще-употребительное. Нѣтъ ни одного въ свѣтѣ языка, который бы, въ томъ видѣ, какъ онъ есть, вполне удовлетворялъ строгія условія музыкальнаго метра: тутъ всегда будутъ нужны разныя условныя измѣ-

носія въ произношеніи. Мы видимъ, что, въ арабскомъ языкѣ, всегда существовали, и до-сихъ-поръ существуютъ, два различныхъ произношенія, одне подлѣ другаго, и ни сколько не мѣшая другъ другу: произношеніе музыкально-стихотворное, почитаемое учеными, грамматическими, морфологическими, прибавляетъ различныя гласныя танъ, гласныхъ вовсе нѣтъ въ обыкновенномъ народномъ выговорѣ, даятого чтобы уничтожить скопленія согласныхъ, противныя музыкальной чистотѣ метра, или отсыкать буквы, мѣшающія его правильности. Вся грамматика, покорнѣйшіе слуги метра, не вводятъ ни малѣйшаго доказательства, чтобы такое произношеніе было когда-либо обще-употребительнымъ и разговорнымъ у какой-нибудь части арабскаго народа, твердятъ только то, что такъ должно произносить. О народномъ, разговорномъ, употребительномъ, они даже и не упоминаютъ, какъ-будто оно не существовало: между-тѣмъ нѣтъ, и даже сами они, въ обыкновенной жизни, и при чтеніи врестой прозы, не рѣшаются произнести ни одного слова по своему «нормальному» выговору: заговорятъ такимъ образомъ было бы въ высочайшей степени смѣшно, и даже не понятно для слушателей. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это—искусственное произношеніе и выдумка метрическихъ-поэтовъ. Но также и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, особенно подъ Восточнымъ. Выдумка эта процвѣтаетъ на лицѣ воли съ несметныхъ временъ, съ минуты вымышленія музыкальнаго метра для стихотворства, потому что она неизбежное слѣдствіе его. Не арабскіе поэты ее изобрѣли: она, конечно, ведетъ еще отъ Финикійцевъ, и вѣсть съ нихъ метромъ перешла во всѣ языки, которые его приняли. Такимъ же образомъ она должна была перейти и къ Грекамъ. Они тоже имѣли искусственное произношеніе, прикованное, какъ и все ичѣ правописаніе, къ метрической системѣ и почитавшееся «нормальнымъ»: ихъ грамматика и схоластика, подобно арабскимъ, обѣ могли только и толковали; всякое другое считалось неученымъ, недостойнымъ искусства, и его прятали. Если мы съ одной стороны видимъ, что Римляне часто выражаютъ греческое *эма* своей литерою *i*, а съ другой; въ то же самое время, греческіе схоластики уверяютъ насъ положительо, что

оно равно двумъ *aa* и переводчики Библии тоже ставят слезы, гдѣ въ еврейскомъ языкѣ случается длинное *a*, что значитъ это вопиющее противорѣчiе? Ну, просто, тѣ, что туго, какъ и у Арабовъ, есть два различныя, современныя, произношенiя, одно ученое, искусственное, придуманное и поддерживаемое для метра, другое обще-употребительное и разговорное. Вся подобныя противорѣчiя, начало безконечныхъ расиръ и двухъ великихъ сектъ между гелленистами, очень естественно улаживаются такимъ образомъ. Не очемъ болѣе и скорѣе: обѣ стороны правы! Искусственное произношенiе, известное у насъ подъ названiемъ эразмовскаго, служило для стиховъ, было почитаемо за нормальное, принято и защищено грамматиками, объяснено школами: греческiе стихи можно читать только по одному этому произношенiю. Гдѣ доказательство? спросить послѣдователи византийскаго или обще-употребительнаго выговору гласныхъ. А вотъ, гдѣ: только съ этимъ «нормальнымъ» произношенiемъ гекзаметръ Гомера и дастъ тѣ прелестныя мелодiи, которыя мы изъ него получили: следуя византийскому выговору гласныхъ, — выходитъ чепуха. Съ византийскимъ выговоромъ нѣтъ ни метра, ни такту, ни музыки въ стихѣ. А между-тѣмъ и византийскаго выговора дѣйствительно быль известенъ еще Гомеру: вы сами замѣтите, когда станете музыкально разбирать его равсодiи, что въ некоторыхъ случаяхъ, чтобы получить строгiй метръ и сохранить последовательность мелодiи, непременно нужно произносить дѣсныя слоги по обще-употребительной, или византийской, методѣ. Эту вольность позволѣтъ себѣ и арабское стихотворство. Я не вхожу здѣсь въ разборъ вопроса, было ли когда-нибудь, и гдѣ-нибудь, въ какой-либо части Греции, нормальное, драматическое, произношенiе разговорныхъ и народныхъ: можетъ-статься, и было, хотя вероятно всего, что оно составлено ученымъ образомъ, для ученой, музыкальной цели, изъ произношенiй различныхъ нарѣчiй. Мнѣ хотѣлось указать только на то, что оно латентно занимаетъ въ греческомъ языкѣ ту же самую степень искусственности и состоитъ въ тойъ же отношенiи къ метрической системѣ, какъ, въ арабскомъ, основательное или стихотворное или ученое произношенiе.

Можно ли изъ гекзаметра Энеиды извлечь какую-нибудь мелодію?... Я не думаю. И, посмотрѣвъ внимательно на стихи Виргилія, не хочу даже пытаться. Этотъ гекзаметръ слишкомъ грубъ. Латинское правописаніе вовсе не приспособлено къ метрической системѣ. Долгота и краткость слоговъ болѣею частію произвольны въ этой орографіи: латинскіе поэты и грамматики думаютъ, будто, сказавъ что такой-то слогъ *длинень по природѣ*, а пауза, они уже все сказали этимъ. Для музыки не можетъ быть длинныхъ слоговъ «по природѣ»: для ней они длинны только по числу своихъ согласныхъ, по времени, нужному на ихъ произнесеніе. Римскіе поэты, очевидно, не знали сами, что имъ дѣлать съ своимъ необработаннымъ языкомъ: хотѣли держаться какой-то середины между счетомъ согласныхъ и удареніями, признавали за длинные, то слоги, состоящіе изъ трехъ буквъ, то опять тѣ, на которые падаетъ удареніе. Это совершенно ученическая метода. Удареній они также не означали: а мы теперь знаемъ всю важность этихъ высокихъ гласныхъ для правильной мелодіи въ метрическихъ стихахъ! Словомъ, нѣтъ возможности положить такой гекзаметръ на ноты: почти при каждомъ шагѣ должно встрѣтяться сомнѣніе, которое нужно будетъ рѣшить произвольно. Да притомъ латинскіе поэты, рабы греческихъ, подражали имъ въ стихотворномъ искусствѣ уже въ такое время, когда это искусство находилось въ полномъ упадкѣ въ самой Греціи. Я не увѣренъ даже въ томъ, знали ли Виргилій музыку. Лира у этихъ господъ была уже простою поэтическою фигурою, а не дѣйствительностью; она для нихъ существовала только на бумагѣ. Они уже подражали Грекамъ невозможно по-нашему, то есть, сами не понимая хорошенько того, чему подражаютъ. Гораций кричалъ латинскимъ поэтамъ: Учитесь! подражайте! днемъ и ночью перечитывайте греческія творенія! *Vos exempla graeca manu versate vestigia, versate diuina!* Это уже показываетъ, въ какомъ жалкомъ положеніи были стихотворное искусство и понятія объ немъ въ Римѣ. Оставьте подражателей въ покоѣ.

Я уже, вѣроятно, никогда не возвращусь къ предмету, который занялъ здѣсь столько драгоценнаго мѣста, и если въ этомъ быломъ разговорѣ о дѣлѣ найдется что-нибудь любо-

пытное для читателя или полезное для ушей искус-
ства у насъ, то яжедалъ бы еще пополнить разсужденіе од-
нимъ важнымъ замечаніемъ о гаммѣ гласныхъ.

Мы здѣсь всё разсуждали о пяти главныхъ гласныхъ, о пя-
ти основныхъ тонахъ человѣческой рѣчи. Но въ этой гам-
мѣ есть гораздо мельчайшія дѣленія, есть полу-тоны и чет-
верти тоновъ, есть настоящія лѣстницы *хроматическая*
и *ангармоническая*, въ древнемъ значеніи этихъ обонхъ
словъ. Иначе и быть не можетъ: человѣскій голосъ — та-
кой же звукъ какъ и звукъ металлической струны, и онъ не-
прямѣнно долженъ имѣть тѣ же самыя дѣленія. Этого мало:
всѣ гаммы, по-моему, первоначально вышли изъ удачна-
го наблюденія движеній нашего голоса въ языкѣ и въ оду-
швленномъ разговорѣ; въ этихъ движеніяхъ заключается
вся музыка въ миниатюрѣ. Наше горло — самый превосходный
музыкальный инструментъ въ природѣ: следовательно, дѣле-
нія звуку должны быть въ немъ даже несравненно тоньше,
рѣже и совершеннѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, про-
караденномъ нашими грубыми руками. Пять начальныхъ то-
новъ, и, о, а, е, і, существуютъ въ разговорной октавъ всѣхъ
языковъ, но, во многихъ, каждая изъ этихъ гласныхъ дѣ-
лится еще на нѣсколько хроматическихъ дробей, мельче на-
шихъ инструментальныхъ полу-тоновъ, каждая имѣетъ въ
природѣ свой «тетракордъ», или кварту, и едва-ли кто при-
мѣтилъ, что распределеніе въ ней этихъ пяти квартъ удиви-
тельно сходно съ дѣленіемъ греческой октавы и съ ея пятью
тетракордами. Гласная *U* дѣлится на два бемольныхъ-четвер-
ти тону *й* и *и**, и на дисольный или хроматическій полутонъ
й: странно! такъ именно и древняя ангармоническая гамма
начиналась двумя бемольными четвертями тону! *O* дѣлится
также на четыре части. Но, лучше, станемъ писать все это
въ видѣ таблицы.

1. и....русское, польское (у), и прѣсія; известно почти всѣмъ славянскимъ языкамъ и, вообще, во всѣхъ языкахъ сѣверо-западно-европейскаго ствара. Оно состоитъ изъ *е* и *і*. Греческое *ο*, въ многотонныхъ варіантахъ, впродѣло было очень близко къ нему; теперь оно превратилось въ острое *υ*.

* Я буду здѣсь писать видъ *й*; чтобы означать европейское и восточное *й*, греческое и и шведское *у* (upsilon).

2. *й*... французское, немецкое, персидское, турецкое, и прочая. Древнее греческое *й*.
3. **У**. —
4. *й*... или *ю*; финское, итальянское, арабское, и прочая, названо во весьма многих языках. Также итальянское *о* во всяких случаях, где оно (как в словъ *Роды*, почти *гума*) тьсно сближается съ *и*. Эта гласная была известна и въ греческомъ языкѣ, хотя не имѣла особенной буквы: во многихъ словахъ писалось *о* и *оу*, безъ различія.
5. *ё*.... сжатое; польское *ё*, между *и* и *а*. *ви* и *ви о*, но прежде болѣе *о*, хотъ теперь болѣе *и*. Оно слышится почти во всякихъ языкахъ въ видѣ сжатого *о* въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударенія и произносимыхъ очень быстро.
6. **О**. —
7. *о*... открытое, болѣе полное чѣмъ предъидущее. Греческое *отога*. Сюда же принадлежитъ французское *ди*, или *б* уже съ легкою примѣсью *а*, такъ что этотъ рядъ полу-тону можетъ пойти въ эгармоническій тетракордъ слѣдующей гласной *А*.
8. *а*.... сжатое; *а* польское, *а* шведское, персидское, и прочая. Между *а* и *о*, но собственно уже болѣе *а* чѣмъ *о*. Русское *о* безъ ударенія.
9. **А**. —
10. *а*... открытое, высшее, и болѣе полное, особенно примѣчательное въ арабскомъ языкѣ послѣ эмфатическихъ или вѣнчающихъ согласныхъ буквъ.
11. *а*.... *ае*, между *а* и *е*. Греческое и французское *ай*. Арабское послѣ мягкихъ согласныхъ. Русское *я*, которое въ наречіяхъ, да чистотѣ и въ изреченіи *аристотелинъ*, превращается въ *а* въ *е*.
12. *э*... *эе*; французское *еи*, немецкое *э*, и прочая, *е* предъ *е*. Тутъ собственно болѣе, или звукъ *о* или *и*. Это, особенно полу-тонное измѣненіе гласной *е*. Оно, повисившись полу-тономъ, въ наречіяхъ переходитъ въ чистое *е*.
13. *э*.... сжатое; *е* шлетъ французское. Оно слышится почти во всякихъ языкахъ, въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія. Высшее, полу-тонное измѣненіе полу-тону *е* или *ё*, болѣе близкое къ *е*.
14. **Е**. —
15. *э*... открытое, выше и выше обыкновеннаго *е*. Оно слышится во всякихъ языкахъ. Греческое *эста*, или двойное *е* съ весьма легкою примѣсью *и*. Оно теперь повисилось и по-

решло въ мягкое *i*. Русское *ь*, которое тоже, въ партіяхъ, превращается въ *i*. Французское *ai*. Итальянское и испанское *ie*. Нѣмецкое *ie*, тоже превращающееся въ *i*.

16. *é*.... самое высокое; польское *é*, уже почти *i*. Греческое *ai*, выше тоже мягкое *i*.

17. *i*. — мягкое.

18. *i*... острое, высшее, уже нѣсколько похожее на тонкое, высокое и слѣдующей октавы. Повышенное полу-тономъ, оно можетъ слѣдаться высокимъ *ii*, п, наоборотъ, высокое *ii*, понизившись полу-тономъ, всегда превращается въ партіяхъ въ это острое *i*, въ которомъ уже есть нѣсколько высокаго *u*. Англійское *wee*. Греческое *oi*, вышедшее острое *i*. Русское *i* въ *ii*, переходящее въ *ei* (третьей ниже), и въ *oi* (квintoй ниже).

— (*и*.... более полная гласная *i*, съ припискою *u*. Начало второй октавы, и замѣченное круто. Мы начали съ этой буквы.)

Не должно думать, чтобы эти различныя измѣненія гласныхъ были исключительною принадлежностью только нѣкоторыхъ языковъ. Конечно, чѣмъ ближе языкъ къ своему началу и къ природѣ, чѣмъ меньше выглаженъ или обезцвѣченъ образованностью, тѣмъ онъ обильнѣе такими полу-тонами и четвертками тоновъ; однако жъ вѣрно и то, что они болѣе или менѣе слышатся въ каждомъ языкѣ во время различныхъ наклоненій голоса, но мы не обращаемъ на нихъ вниманія. Они порознителны для уха и имѣютъ особенныя буквы только въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ занимаютъ постоянныя мѣста въ извѣстныхъ словахъ или слогахъ и повергаются удареніямъ: во всѣхъ прочихъ, эти минорныя ноты, болѣею частью мельчеполу-тоновыхъ, и притомъ случайныя, пробѣгающія вскользь по всѣмъ слогамъ, или непріятны для обыкновеннаго уха, не предвареннаго объ ихъ существованіи, или почитаются слѣдствіемъ произвольныхъ пониженій, возвышеній и паденій голоса, признаками его полноты и сжатости, принадлежностью особеннаго «топу разговору».

Но перепишемъ ту же самую хроматическую гамму гласныхъ въ видѣ, нѣсколько удобнѣею для раздѣленія и натуральныя кварты.

Хроматическая гамма гласныхъ.

1.	и	SI
2.	й	$\frac{1}{2}$
3.	У	UT
4.	й	ut dièse.
5.	о	RE
6.	б	re dièse.
7.	а	MI
8.	а	$\frac{1}{4}$
9.	д	(FA)
10.	д	$\frac{1}{4}$
11.	з	SOL
12.	з	$\frac{1}{4}$
13.	е	LA
14.	е	$\frac{1}{4}$
15.	и	и, съ котораго начинается кругъ.

Это — чистый сколокъ греческаго дѣленія октавы, или октакорда, на осемнадцать тоновъ, и на пять тетрахордовъ. Оно, непременно, и вѣто было изъ человѣческаго голоса. Судя по примѣрному сближенію, въ этой таблицѣ, полной гаммы гласныхъ съ нынѣшнею хроматическою гаммою, и, е, а, е, і, соответствовали бы тонамъ *ut, re, mi, sol, la*, такъ что всѣ пять основныя гласныхъ заключались бы въ сексть. Не это — только примѣрное сближеніе.

Однако жъ, въ этомъ видѣ, хроматическая гамма гласныхъ можетъ пояснить многія до-сихъ-поръ темныя статьи древней музыкальной теории. Я укажу только на одну. Замѣтите интервалъ между гласными О и А : это — кварта, тетрахордъ; онъ состоитъ изъ О, б, а, А, то есть, изъ главнаго полу-двухъ полу-тоновъ, и тону, образующаго кварту съ первымъ. Хроматическая кварта Грековъ заключала въ себя точно такіе же ноты, главный тонъ, два полу-тона, и тонъ, принадлежащій къ квартѣ. Этотъ «аккордъ», — если только онъ былъ настоящимъ аккордомъ, въ нынѣшнемъ значеніи слова, а не быстрое скольженіе пальца по струнѣ въ последовательномъ порядкѣ, до-сихъ-поръ любимое Восточными, и которое со времени Паганини вошло въ моду у нашихъ роман-

тическихъ сдвигами; — и приводя въ отчетливѣйшій новѣйшихъ толкователей древнихъ трактатовъ о музыкѣ: его провозгласили противнымъ всякой гармоніи. Конечно, если взять на фортепиано такую кварту, какъ MI, FA, fa dièse, SOL, то она произведетъ очень непріятное впечатлѣніе въ слушателя. Но мы здѣсь видимъ, что хроматическія кварты гласныхъ соответствуютъ интерваламъ, не кварта нашихъ, а секунда или, много, малыхъ терцій. Если то же самое дѣленіе существовало и въ ладахъ древнихъ инструментовъ, какое мы здѣсь примѣчаемъ въ гаммѣ человѣческаго голоса, то оно вовсе не было бы неестественно. Объ эффектѣ надобнаго «аккорда» мы судить не можемъ: мы не знаемъ такихъ мелкихъ полу-тоновъ, но, на видъ, тутъ нѣтъ ничего противнаго гармоніи.

Хроматическая гамма гласныхъ заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія со стороны грамматиковъ и тѣхъ, которые спорятъ о произношеніи древнихъ языковъ. Въ ней только и можно удобно обозрѣть по порядку всѣ ноты чуднаго инструмента человѣческаго голоса, открыть ихъ постепенность, увидѣть, какъ, черезъ какія полу-тонныя измѣненія, гласныя естественно переливаются одна въ другую. Многое, донынѣ непонятное, объяснится имъ здѣсь самыми простыми образомъ, по законамъ акустики. Напримеръ, *ā*, въ начаткѣ, превращается въ *ai* и *ei*, *ai* и *ei* въ *ā*; о становится *oe* (*ō*), *ō*, *ie*, острымъ *i* и *y*. Все это происходитъ такъ просто, такъ естественно, что, взглянувъ на хроматическую гамму гласныхъ, всякой, знающей вервья основаній музыкальной гармоніи, мгновенно пойметъ тайну. Но не всѣ ихъ знаютъ: древніе философы и грамматикъ были въ сѣбѣ и музыканты; ильзиціе, нѣтъ. Надобно несколько пояснить дѣло. Ударьте какую-нибудь струну самой низкой октавы фортепиано, напримеръ UT; и приложите ухо къ инструменту: услышите, сперва UT, тонъ струны, которую вы ударили; потомъ, слегка прозвучать струна MI той же октавы (терція тонъ *ie*), наконецъ, еще тише, струна SOL (квинта). Эти тоны, добровольно откликающіеся въ природѣ на тонъ «основнаго», то есть, перваго слышимнаго звука, называются, въ акустикѣ и въ музыкѣ, *суб-гармоническими нотами*. Больше и нужао знать для первоначальнаго изученія.

чаднаго уражэння всьхъ чудесныхъ превращеній гласныхъ. Всмотритесь въ ихъ хроматическую гамму. Полу-тонъ *ä, ae* (примѣрно, FA нашей діатонической гаммы) образуетъ терцію съ мягкимъ *i* (SOL) : ясно, что мягкое *i* — гармоническая нота полу-тону *ä*, и что если въ одномъ нарѣчїи *a* прозвучитъ какъ *ä*, то въ другомъ оно добровольно откликнется какъ *ai* (ай). Въ сѣверной Франціи, *faige* произносятъ почти *феръ*, между *a* и *e*, въ южной — *фаире*. Теперь понятно, почему! По той же причинѣ, мягкое *i* должно въ нарѣчїяхъ превращаться, наоборотъ, въ *ai*, гармонизируя съ *ä*, основнымъ тономъ этой терціи : и мы видимъ, что, дѣйствительно, въ разныхъ германскихъ языкахъ и нарѣчїяхъ, *i* (*y* англійское) непрерывно слышится какъ *ai* (ай) или какъ *ä*, то есть, терціей ниже или терціей выше. Мягкое *i* составляетъ хроматическую квинту со сжатымъ или тихимъ *e* : и вотъ, отчего оно также превращается въ *ei*; вотъ, отчего *vino* произносятъ — *wein*, *skrib* становится — *skreib* или *schreib*. Другими словами : видно, Германцы, которые передѣлали *vino* въ *wein*, говорили въ тонъ ниже цѣлою хроматическою квинтою, чѣмъ тѣ, у кого они заимствовали это слово ; чтобы сказать *vino*, они принуждены были брать на гаммѣ гласныхъ *e*, и тогда только въ ихъ голосѣ могло прозвучать мягкое *i* какъ гармоническая нота этого *e*. Бретанцы произносятъ *ei* какъ простое *e* : значитъ, они говорятъ въ другомъ тонъ, тремя четвертями тону выше, чѣмъ Французы. Польскіе грамматикки еще въ прошломъ столѣтїи дѣлали большое различіе между *á* и *a*, между *é* и *i* : нынче *á* и *é* превратились въ устахъ воспитаннаго класса въ острые *à* и *í* : очевидно, что настоящее образованное поколѣніе говоритъ полу-тономъ выше въ сравненїи съ своими предками. Почему русское *o* раздается въ малороссійскомъ языкѣ какъ *i*? Потому что мягкое *i* (SOL) составляетъ квинту съ *o* (RE) : интонація множества словъ у Малоросїянъ должна быть цѣлою діатоническою квинтою выше нашей; это неизбѣжно. Наше *ь* (полутонъ, чреческое *эта*, нѣмецкое *ie*) переходитъ у нихъ *i*, то есть, оно возвышается только на хроматическую терцію : но и оно, конечно, возвышается, бы также на діатоническую квинту, если бы *i* не была самая высокая нота гаммы гласныхъ; но, достиг-

нужь еще до *í*, выше нельзя идти: горло не пускает! Если древние Греки, въ *нѣкоторыхъ* областяхъ, имѣли интонацію на цѣлую диатоническую квинту ниже нынѣшнихъ, то очень часто чистое *o* могло сливаться у нихъ своей гармоническою нотой, *i*, такъ, что изъ этого выходило бы *oi*, по тому же правилу какъ у Германцевъ изъ *i* выходитъ *ei*. Но въ большей части областей интонація была гораздо выше, и *oi* произносилось, гдѣ какъ *ö* (терція *o*), гдѣ какъ мягкое *i* (квинта *o*), а въ иныхъ нарѣчійхъ, рѣшительно, возвышаясь еще полу-тономъ, совпадало съ острымъ *í*, въ которомъ уже есть примѣсь тону *u*, такъ, что *oi* являлось произношеніемъ похожимъ на англійское *wee*: *oínon* и *uínun* (*vinum*) безспорно произносились одинаково. Для древнихъ грубыхъ Германцевъ такая интонація была слишкомъ высока: они, какъ мы уже видѣли, взяли на гаммѣ хроматической квинтою ниже, и вотъ у нихъ образовалось *weín*, или *ueín*, которое, опустясь еще ниже, на хроматическую терцію, стало англійскимъ *wáin* (*wine*). Наконецъ высокая интонація взяла верхъ повсюду въ Греціи, вслѣдствіе моды, распространившейся вѣроятно изъ Аѳинъ, и вся греческія *ei*, *oi*, *ee* (*ээта*), *ü*, очень естественно превратились въ чистыя *i* и въ острые *í*, всѣ *ai* въ простыя *e*, повысившись различными терціями и квинтами. Тогда и хроматизмъ исчезъ въ греческомъ языкѣ, точно такъ же какъ исчезъ онъ, очень недавно, въ польскомъ. Около Рождества Христова, латинское *ui* Греки уже должны были писать, не *oi*, а *oui*: ихъ прежнее *oi* (англійское *wee*) уже было острымъ *í*. Возьмемъ еще слово *молоко*, и посмотримъ какъ оно гармоническими интервалами проходитъ гамму гласныхъ, сообразно съ интонаціями разныхъ языковъ:

Молоко.....	δ = RE dièze.
Mölk	\ddot{o} = FA dièze (терція).
Mléko.....	\acute{e} = SOL dièze (квинта).
Малако	\acute{a} (сжатое) = RE dièze съ $\frac{1}{4}$
Máik	\check{e} (тнет) = FA dièze съ $\frac{1}{4}$ (терція).
Mlko, Mlch..	i острое = LA dièze съ $\frac{1}{4}$ (квинта).

Интонация вездѣ повысилась. Грубая лютница нашей музыкальной гаммы не позволяетъ съ точностью выражать нотами слишкомъ тонкихъ соотношеній между тонами гласныхъ; но и это приблизительное сравненіе ясно уже показываетъ, что тѣ же законы управляютъ звуками лютного кита и прочими звуками въ природѣ, и что всѣ упомянутыя гласныхъ, или слѣдуютъ различнымъ порядкамъ терцій и квинтъ, діатоническимъ, хроматическимъ, септармоническимъ, или зависятъ отъ простыхъ пониженій и повышеній народныхъ интонацій тономъ, полу-тономъ или четвертью тона. И странное дѣло! — у новѣйшихъ народовъ вообще обнаруживаются повышеніе интонацій. Это можно приписать образованности, которая влечетъ за собою низженность: голосъ, въ такомъ случаѣ, необходимо становится болѣе пискливымъ и женоподобнымъ.

Система арабскихъ грамматиковъ, относительно къ гаммѣ гласныхъ, чрезвычайно замѣчательна и любопытна. Всякому извѣстно, что въ арабскомъ языкѣ, и во языкѣхъ этого корня, пишутся одні только согласные, а гласныя пропускаются, и всякому изъ насъ, привычныхъ къ другому роду орфографіи, это кажется чрезвычайно страннымъ. Между-тѣмъ, дѣло какъ-нельзя болѣе естественно, и оно иначе быть не можетъ. Въ языкѣхъ сирійскаго племени гамма гласныхъ удивительно обильна. полу-тонными и еще болѣе мелкими измѣненіями: всѣ семнадцать гласныхъ, которыя мы внесли въ таблицу, рѣшительно въ нихъ находятся, особенно въ арабскомъ, но онѣ такъ непостоянны въ выговорѣ этого множества поколѣній, на которыя всегда раздѣлялись народы Сиріи, Месопотаміи и Аравійскаго Полуострова, что нѣтъ ни какой возможности установить ихъ правописаніе на пространствѣ даже двухъ смежныхъ округовъ. Не было другаго средства какъ рѣшиться на общую мѣру — вовсе не писать ихъ. Изъ этой нѣстной, племенной, необходимости возникло правописаніе, основанное на однихъ согласныхъ, которыя каждое поколѣніе могло бы произносить съ своими тонами, полу-тонами и дробями тоновъ, или гласныхъ. Чтобы облегчать чтеніе шестреческихъ стиховъ, которыхъ вся мелодія опирается на игру высшихъ и низшихъ гласныхъ, арабскіе грамматикъ необ-

-рассъ при помощи знака, родъ нашихъ нотъ, и названъ первымъ изъ двухъ «разногласіемъ» родосу, *nasbz*, второй «свогласіемъ», *rybz*, а третій «пониженіемъ», *xabdz*. Весь гласнорядъ согласной *a*, съ своими полу-тонами и дроблештопу, какъ занимающій среднему октавы, принадлежитъ звуку *разногласія*. Два другіе знака, смотря по тому гдѣ они поставлены, надъ строчкою или подъ строчкою, указываютъ читателю, что тонъ этой буквы долженъ подыматься доквартъ гласныхъ *a* и *i*, или опускаться доквартъ гласныхъ *e* и *u*, съ правомъ пробѣгать весь ихъ интерваллы сообразно съ мѣстными произношеніемъ слова. Эта, совершенно музыкальная, метода нотациі гласныхъ превосходно объясняетъ также ихъ чисто тоновое свойство, ихъ мгновенность во времени, и неспособность ихъ быть самимъ по себѣ ни короткими ни длинными.

Тутъ я уже предвижу остроумный вопросъ почтеннѣйшихъ буквочеловѣковъ: Если гласныя не пишутся, и если можно не писать ихъ, то какъ быть съ такими слогами, кои состоятъ изъ одной гласной, безъ согласной?» На сіе имъ отвѣщается: О милостивые и высокоумные государи! если бы вы знали, что въ этомъ голубомъ воздухѣ, который окружаетъ нашу планету, нѣтъ, нельзя слышать, не возможно произвестъ, гласной безъ согласной, тону безъ удара, то не перебывали бы меня въ такомъ интересномъ мѣстѣ. Купите себѣ флюту, и изъ нея узнаете, что для возбужденія звука въ воздухѣ непременно нуженъ ударъ: въ этой великой истинѣ можете убѣдиться барабаня пальцами по столу. Удары, это—согласныя: безъ нихъ нѣтъ звука. Подуйте въ трубку, наиримъръ, флейту: вылетаетъ звукъ, котораго тонъ — основной тонъ этой трубки, основная его гласная. Эта гласная, она ли вылетѣла она оттуда? Нѣтъ! Она вылетѣла изъ уста съ ударомъ вашихъ губъ, съ тѣмъ легкимъ шипѣніемъ или глухимъ дохомъ, которые издаете вы сами, дующъ отвратіе трубки; она вылетѣла съ согласной, съ болѣе для меня примѣтнымъ *ш*, *с*, или съ чрезвычайно тихимъ *л*, смотря по вашему умѣнію дуть. Закрываютъ и открываютъ пальцами дырочки флейты: удары пальцевъ — согласныя, тоны, производимые ими — гласныя, гласныя этой трубки: другая трубка, наиримъръ, кларнетъ, будетъ дѣять другою

роду гласных; выходящая изъ нея тоже съ весьма тихимъ и въ припадкѣ къ мундштуку кларнета еще два цилиндра въ способу кембриджскаго профессора Виллига, такъ эта трубка идиеть вслѣдъ совершенно тѣ же самыя гласныя, какія идиеть трубка, известная подъ именемъ «человѣческаго горла», симундштукомъ, иже у Философовъ называется «ротъ»; издавать — *у, о, а, э, и, — и; э, а, о, у, —* съ тѣми же очень тихими *х*, въ промежуткахъ, потому что, какъ дохъ продолжается, то и *х* повторяется безпрерывно, хотъ и неудобно для слуху. Приносновеніе смычка къ струнѣ скрипки — согласная. Глухой толчокъ молотка въ струну фортепіано — согласная. Все на свѣтъ — согласная, даже оплеуха; какъ все на свѣтъ дымятъ, со включеніемъ славы. Наше горло — кларнетъ; гортань собственно — его мундштукъ съ двумя Виллизовыми цилиндрами, только по-искусствѣ сдѣланный, а къ гортани еще прилаженъ ротъ съ языкомъ, зубами, и губами, — настоящая трещотка для производства ударовъ, или согласныхъ. Премудро называли ихъ Греки *сим-фонез*, чтó Римляне и перевели *сел-сонапс*, а львовскіе студенты *со-гласная*; то есть, то, чтó слышится вмѣстѣ съ «гласомъ», хотъ иногда и не слышится, — потому что одна изъ этихъ со-гласныхъ, производимая простымъ дыханіемъ, именно *х*, часто бываетъ такъ легка, что совершенно теряется для нашего уха. Французы тогда называютъ ее — *h aspiré*. Безъ нея, безъ этого легкаго дохновенія, этого *h aspiré*, этой непримѣтной «аспираціи», нельзя произнести «и — помни какъ звали». Передъ нашими *и*, передъ *о* и *объ*, передъ *у*, передъ всякою гласною, не имѣющею другой согласной, существуетъ непременно это *h*, это «легкое придыханіе». Въ словахъ *сообща*, *сообрази*, *попытайся*, она раздѣляетъ между собою гласныя *о* и *о*, *о* и *а*; не будь ея, два *о* превратились бы въ греческую *омега*, *о* и *а* слились бы въ средній полу-тонъ, въ звукъ между *о* и *а*, и представили бы польское *я*. Безъ нея не было бы возможности произнести отдельно двухъ словъ, изъ которыхъ одно оканчивалось бы гласною, а другое бы начиналось ею. Греки придумали для нея особенный знакъ; и очень справедливо. Въ этомъ они вероятно только подражали грамматикамъ сирійскихъ языковъ, лучшимъ въ мірѣ наблюдателямъ своей къ законамъ человѣческой рѣчи, первымъ

открытеемъ ея музыка, первымъ изобретателемъ метрической системы. У тѣхъ, каждая степень силы дозвоненія имѣеть свой знакъ, свою букву, пренебрежительно или за согласную. Такимъ образомъ, въ ихъ правописаніи, безъ согласной не можетъ быть ни одного слога; и какъ они, по известной себѣ и вѣкъ причина, гласныя вовсе не пишутъ, слова ихъ на бумагѣ — ряды однихъ согласныхъ, буква ихъ и согласная — одно и то же, то слогъ у нихъ очевидно будутъ состоять, или изъ одной буквы, или изъ двухъ, — потому что слоговъ длиннѣе этого не бываетъ въ тѣхъ языкахъ. Написавъ такимъ образомъ слово, каждому тотчасъ придетъ въ голову, что двѣ буквы — ровно вдвое больше одной: и вотъ откуда правило: двѣ согласныхъ — длинный слогъ; одна согласная — короткій слогъ; одинъ длинный равенъ двумъ короткимъ. Тотъ, кто первый сказалъ это, открылъ метръ и науку музыки! А сказать этого не могъ никто въ свѣтъ кромѣ народа, который пишетъ свой языкъ одними только согласными. Но если бы Финикійцы говорили по-русски, то они открыли бы еще удивительнѣйшія вещи: они открыли бы, не только что два ровно вдвое больше одного, но и что три ровно втрое больше одного, а четыре — ровно вчетверо, и, написавъ, по-своему, *и, дм, срм, смрт, стрст*, вместо *но, дѣмъ, срамъ, смерть, страсть*, они бы тотчасъ сказали: Есть на свѣтѣ слоги одинакіе, двойные, тройные, четвертные и пятерные; изъ нихъ самый короткій — одинакій, самый длинный пятерный; онъ явственно равенъ пяти одинакимъ, или самымъ короткимъ, которыхъ два будутъ поэтому равны одному двойному, три одному тройному, четыре одному четвертному: следовательно, если положимъ, что четвертной слогъ равенъ *цѣлой* нотѣ, то самый короткій будетъ равенъ ея *четверти*; двойной тогда будетъ равенъ *половинѣ* цѣлой или двумъ четвертнымъ, тройной *половинѣ* и *четверти* или тремъ четвертнымъ, а пятерный, *цѣлой* и *четверти*, или двумъ *половинамъ* и *четверти*, или пяти *четвертнымъ*. Они бы сказали: Да вѣдь это чудно! съ русскими языкомъ можно выдумать метрическую систему въ тысячу разъ разнообразнѣе и музыкальнѣе той, которую мы выдумали по своему языку и передали Грекамъ, и которой — чего

добраго! — если бы русские поэтѣ стали еще подражать; зато не догадываясь о музыкальных средствахъ своего роднаго языка. У насъ Финикійцевъ, въ нашемъ финикійскомъ языкѣ, всего только двѣ ноты, *половина* и *цѣлая*; и *четверть*: это ужасно монотонно для метра, или такту. Грекамъ мы хорошо продали нашу метрическую систему: они еще не образованы, сами ничего не смыслятъ въ музыкальномъ слогѣ, и притомъ любятъ монотонію; но для русскаго языка эта система никуда не годится. Изъ русскихъ слоговъ можно составлять удивительно разнообразныя такты; напримеръ, *смерть, пѣль, пѣль и сѣмъ**, имѣютъ все по четыре согласныхъ и, музыкально, совершенно равны между собою: сколько движенія могло бы возникнуть въ тактѣ при искусномъ употребленіи, по правиламъ западной музыки, подобныхъ этимъ одинакихъ, двойныхъ, тройныхъ, четверныхъ и даже пятерныхъ слоговъ, вмѣсто нашихъ однообразныхъ одинакихъ и двойныхъ! сколько музыки было бы въ стихѣ при такомъ стихотворномъ размѣрѣ! Онъ — не чета нашему, по милости Беловой благополучно спущенному съ рукъ Грекамъ, которымъ мы дали аршинъ и метръ, и которыхъ однако жъ обмѣриваемъ и на сукнѣ и на слогахъ. Надобно для русскаго языка выдумать совсѣмъ другіе метры!.....

Но пора покончить эти гласныя и согласныя дѣла. Они уже утомили и васъ и меня. Теперь настоящее свойство метрическихъ стиховъ, я надѣюсь, сдѣлалось яснымъ и понятнымъ для всякаго. Мы нашли въ древнѣйшемъ гекзаметрѣ прекрасныя священныя мелодіи, восходящія до первыхъ временъ исторіи, и, следовательно, мы не напрасно трудимся. Мы открыли дорогу другимъ къ дальнѣйшимъ этого рода изслѣдованіямъ. Разборъ хроматической гаммы гласныхъ далъ намъ весьма любопытныя результаты относительно музыкальному устройству языковъ и вліянію его на ихъ грамматику, и, посредствомъ этого разбору, мы очень естественно дошли до того, что мнѣ особенно хотѣлось показать вамъ; а именно, что метрическая система стопосложенія есть прямое, натуральное и неизбежное слѣдствіе драматическаго правописанія, основаннаго на однихъ согласныхъ,

* *Смерть, полѣль, пѣль, сѣмъ, и сѣмъ.*

ся устроившись галдеть, и, слышащегося, короткое шрифтаніе скрипки и народное. Наши последователи могут особенно быть полезны въ томъ отношеніи, что заставляютъ людей съ поэтическимъ гениемъ и музыкальнымъ образованіемъ къ созданію для русскаго языка новой метрической системы, сообразной съ его внутреннимъ устройствомъ и съ духомъ новаго музыка, и что имъ благороднымъ усиліемъ выведутъ насъ наконецъ изъ нынѣшняго грубаго, безобразнаго и беззаконнаго стихотворства. Новая Европа смеложможно сказать, еще не имѣетъ стиха, какъ въ десятомъ столѣтіи не имѣла еще музыки, въ четырнадцатомъ живопись, въ пятнадцатомъ скульптуру; и, зная теперь чудесное значение метрическаго стихотворства, высокую мысль древнихъ, на которой эта система была основана, — превратить языкъ въ музыку, — и идеальное совершенство имъ способомъ осуществлять волю свою, вы легко согласитесь въ справедливости замеченія. Да! мы еще безъ *стиха!* То, что нынѣ называемъ мы стихомъ — ужасъ, галдящая звуковъ, какъ-то варварская беззаконница въ сравненіи съ тѣмъ, что Греки, въ древности, Аравіяне, въ средніе вѣка, называли *эпосомъ*. Персіяне и Турки, принявше систему Аравіянъ, несравненно выше насъ, образованныхъ народовъ, въ отношеніи къ стихотворству какъ искусству. Я... я не могу смущать европейскихъ стиховъ: мнѣ все кажется, что это народы надъ искусствомъ или насмѣшка надъ человеческимъ умомъ!

Теперь, пока у насъ еще не положены первыя основанія лучшаго, образованнаго, усовершенствованнаго стихотворства, я обращаюсь къ вамъ, поэты, «учителя человечеству». Что вамъ за охота «учить» насъ безъ такту, считая гонимыя по удареніямъ, безъ всякаго понятія объ ихъ сущности, о метрѣ, и о музыкѣ? Развѣ вы будете ошметывать, когда засорите наши уши своими грубыми дактилантами и ономедиями, изъ которыхъ, въ мнѣшное подражаніе Грекамъ, составляете эти анти-музыкальныя строчки?... И развѣ вы не совершенно счастливы съ вашими прекрасными *ямбамъ* и *хоремъ*, отъ которыхъ, сказать между нами, вся древняя Греція, заткнувъ уши, бѣжала бы въ разсыпанную въ Массаретамъ? Посудите только сами!.... И не позволяйте на меня гнѣ-

ваться: я защищаю истинное искусство, которое вы варварски попираете. По-моему, если подражать; такъ ужъ знать, чему подражаешь и дѣлать въ точности то же самое; не то вовсе не дѣлать. Извольте дѣлать изъ звуковъ языка настоящую музыку, какъ дѣлалъ покойный пэснопѣецъ Гомеръ: я не скажу ни слова!

Дѣлайте хоть мазурки, какъ дѣлалъ Хаонъ!

Мильтонъ сочинилъ анданте, аллегро и рондо въ стихахъ. Анданте, аллегро и рондо: это полный концертъ. Великій поэтъ догадывался, предчувствовалъ, постигалъ гениемъ своимъ, что, въ природѣ вещей, стихъ и музыкальная фраза одно и то же, что поэзія должна быть собственно не что иное какъ музыка изъ звуковъ языка, или *языкъ-музыка*. Она тѣмъ и была у древнихъ! Но великое искусство древнихъ было совершенно потеряно, никто ясно не понималъ, въ чемъ состояла его сущность, какія оно употребляло средства, къ чему стремилось, какія достигало результатовъ; и въ стихотворномъ концертѣ Мильтона, написанномъ по новѣйшему стопосложенію, есть предствія *Мѣлми*, но нѣтъ такту, нѣтъ мелодіи, нѣтъ ни следа музыки. Теперь, когда дѣло благополучно объяснилось, вы можете сочинять и настоящіе концерты въ стихахъ, въ которыхъ будетъ все, — тактъ, мелодія, гармонія, — и даже инструменталка; если съумаете прибавить ее сами къ своимъ стихамъ, по примѣру древнихъ трагическихъ поэтовъ; словомъ, будетъ полная музыка. Да и что такое *Иліада* и *Одиссея*?.. Два огромныя стихотворныя концерта въ стилѣ религіозной музыки!

Нѣсколько мыслителей тому назадъ, одинъ французскій педантъ преважно утверждалъ въ полномъ засѣданіи Академіи Наукъ, что наша нынѣшняя музыка — верхъ совершенства; и говорилъ: *la musique qui, chez les anciens, se traitait péniblement à la santé de la poésie....* Больше не помню: изъ всего разсужденія только эти слова остались въ моей памяти, потому что они ужасно меня раздражили. Музыка у древнихъ *умило тащилась за поэзіей!* Хорошо потѣпалъ педантъ понимаетъ дѣло, о которомъ пустилъ онъ разсуждать. Зачѣмъ ей было тащиться за поэзіей; когда она всегда и неразлучно шла рядомъ съ нею? когда сама поэзія бы-

ла музыкой, и музыка, сливаясь метрически съ ея словами, получала въ этомъ благородномъ сообществѣ смыслъ, выразительность и могущество настоящей поэзіи? После смерти поэзіи, старшей сестры своей, бѣдная сирота, музыка, поступила подъ опеку капельмейстеровъ; и славно эти господа обдѣляли дѣла своей питомицы: она лишилась главнаго своего достоянія, смыслу! Теперь, говорятъ, надо *понимать* языкъ музыки, и только немногіе, *избранные*, могутъ ясно понимать, что она глаголетъ. Чудесно! А прежде всѣ ее понимали, и она владычествовала подъ сердцами безпредельно, гармонировавъ, не съ контрабасомъ и барабаномъ, а съ высокою музыкою слова, и постоянно озарялась брызжущими изъ него молніями поэзіи и лучами ума человѣческаго. Да я думаю, что и «избранные»-то ровно ничего не понимаютъ въ ея нынѣшнемъ языкѣ, — кромѣ одной грамматической части этого нѣмецкаго языка, кромѣ большей или меньшей новости его фразъ безъ всякаго определенного значенія въ отношеніи къ человѣку, большаго или меньшаго искусства въ подборѣ гармоніи къ этимъ извѣстнѣйшимъ струямъ мертвыхъ звуковъ, большаго или меньшаго умения выводить на сцену различные инструменты и наноситьъ имъ неожиданныя удары. Это, скорѣй, махматная игра съ ухомъ, а не языкъ. Тѣ, которые нынче говорятъ, что, изъ всѣхъ несносныхъ шумовъ, самый несносный — музыка, можетъ быть одарены лучшимъ ухомъ и толкомъ нежели всѣ мы, восторженные ея поклонники. Да и тѣ, которые въ наше время терпятъ не могутъ стиховъ и называютъ новѣйшую поэзію гадко исковерканною прозою, право, не такіе безчувственные къ истинному прекрасному, какъ кажется. Пока музыка и поэзія учились, жили и дѣйствовали вмѣстѣ, никто не вооружался противъ ихъ могущества; всѣ благоговѣли передъ ними. Музыка была въ поэзіи, поэзія въ музыкѣ; кто любилъ одну ихъ изъ нихъ, тотъ долженъ былъ любить и другую. А теперь? Посмотрите, въ какомъ жалкомъ положеніи и поэзія и музыка: почти всѣ великіе новѣйшіе поэты не могли терпеть музыки, и всѣ вообще композиторы не терпятъ стиховъ!... да и какъ человѣку съ музыкальнымъ ухомъ терпѣть такую дикою безладницу на-удачу собранныхъ звуковъ, въ которыхъ нѣтъ ни какой мелодической

последовательности? Только при нынѣшнемъ варварскомъ состояніи стиха въ Европѣ, когда хорошая проза бываетъ несравненно пріятнѣе для уха и музыкальнѣе лучшихъ нашихъ стиховъ, и могли до такой степени превратиться понятія о поэзіи, что Французы стали положительно увѣрять, будто ихъ Фенелоновъ «Телемахъ» — поэма, и будто поэзія можетъ заключаться въ прозу. Такой глупости навѣрное не сказали бы, даже и въ шутку, ни древніе Греки ни древніе Аравитяне; и теперь еще ни за что въ свѣтъ не скажутъ ей ни Персіяне ни Турки. Все они знали и знаютъ, что поэзія — музыка выше всѣхъ музыкъ, и что тамъ, гдѣ въ словахъ нѣтъ правильной музыки, не можетъ быть поэзіи.

Ну, такъ теперь это — дѣло рѣшеное. Вы усовершенствуете, преобразуете новѣйшее скіенское стихотворство, возвратите поэзіи древнее ея величіе, воскресите настоящее искусство, подведете стихъ подъ строгіе законы музыки, изобрѣтете новые метры для нашего языка, — все это не трудно: я въ подмогу вамъ сообщу даже полный списокъ восточныхъ метровъ, — и будете писать въ стихахъ мазурки, какъ Хафизъ, и величественные концерты, или ораторіи, какъ Гомеръ. Мы станемъ слушать, произносить всѣ стихи ваши на распѣвъ, восхищаться ихъ смысломъ и музыкой, и будемъ счастливы. Никто не посмѣетъ возставать противъ стиховъ. Философы, и самые закоренѣлые математики, будутъ благоговѣть передъ высокимъ и могущественнымъ искусствомъ поэта-музыканта, какъ они благоговѣли въ древности. Все пойдетъ прекрасно. Явятся даже новые Гомеры и новые Софоклы. Но я предвижу одно маленькое затрудненіе: вамъ надо сперва перевоспитать себя и получить музыкальное образованіе! У кого нѣтъ уха, тотъ и не будетъ поэтомъ, а по-гречески *poietetês*, что значитъ, «работникъ», или, правильнѣе, *мастеръ*, *маэстро* музыки слова, а отнюдь не то, что вы теперь полагаете. Я боюсь, что, при такихъ условіяхъ, не такъ-то легко будетъ, ничему ни учась, быть «учителемъ человечества», и что количество стиховъ ужасно у насъ уменьшится!

А впрочемъ, нужды нѣтъ: пусть его уменьшается. Многіе изъ тѣхъ, которые теперь ничего не дѣлаютъ, — пишутъ стихи!... *воспѣваютъ* шопотомъ лѣнь и пѣгу!... стихотвор-

ство, по своей легкости, и лень, сделались, извольте видеть, однозначительными, — многие изъ нихъ, увидя, что «позвія» въ самомъ дѣлѣ «работа», займутся чѣмъ-нибудь менѣ трудныхъ и болѣе полезнымъ для себя и для общества. Я такъ думаю, что Финикійцы, народъ хитрый и промышленный, нарочно для того и изобрѣли метрическое стопосложение, чтобы на свѣтъ было менѣ поэтовъ и менѣ стиховъ....

Отъ высокаго до смѣшнаго только одинъ шагъ. Вообразите, что послѣ Иліады, послѣ Одиссея, послѣ Гомера, послѣ всѣхъ этихъ величественныхъ мелодій, добытыхъ изъ его чудеснаго стиха, я долженъ здѣсь же разбирать для васъ новыя произведенія нашей текущей литературы, стихи господина Ивана Языкова, и дѣтскія книжки, изданныя на праздникъ! Но этому не бывать. Нѣтъ, этого никакъ не возможно. Рука неподнимается!... Изъ уваженія къ высокому предмету, которымъ мы до-сихъ-поръ занимались, я не пушусь въ эти ничтожныя оцѣнки вещей неодолимыхъ по своей ничтожности. Пойдемте, лучше, разыграть еще разъ рапсодію «божественнаго» Гомера! Эти удивительныя звуки во сто тысячъ разъ любопытнѣе всей нашей литературы за апрѣль мѣсяць.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

=

— Мы уже говорили однажды объ остроумной и исполненной весьма пріятнаго юмора сатирѣ, въ которой одинъ умный русскій путешественникъ, наблюдавшій нашихъ соотечественниковъ и соотечественницъ, кочующихъ по Каренъ, чрезвычайно удачно изобразилъ типъ русской провинціальной барини, путешествующей *dans l'étranger*: токъ, языкъ, образъ мыслей, привычки и замѣчанія *de ces dames*, все это такъ вѣрно подмѣчено и такъ хорошо высказано, что, кажется, слышишь, какъ одной изъ нихъ —

..... сивали доктора:

«Мидамъ Курдюковъ! пора
Вамъ бы на воды въ Германію;
Тамъ найдете вы компанію
Лордовъ, графовъ и князей,
Препорядочныхъ людей.
Правое, мыслить il ne faut pas:
A тѣ будете! malade!
Отправляйтесь-ка въ Крошкюды!»

и какъ она изъ Тамбова —

«Въ городъ Питерь дотацилась,
И промышляла билетъ
Для себя, э нуль Анетъ,
Э нуль Харитонъ, ле мѣдникъ,
Сюръ ле пироскафъ Наследникъ.»

Эта комическая поэма вышла здѣсь въ началѣ апрѣля мѣсяца, прекраснымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ «*Сенсация и замѣчанія госпожи Курдюковой за границею. Тамбовъ, 1841*», и она въ полнѣ заслуживаетъ того блестящаго усилію, которымъ въ эту минуту пользуется въ петербургскихъ гостинныхъ, гдѣ уже и дѣти повторяютъ изъ нея цѣлыя страницы наизусть. Чтобы хорошо оцѣнить всю ея тонкую и совершенно свѣтскую насмѣшливость, всю аттическую соль ея, подобно, или самому читать ее слухъ или слушать хорошо читающихъ: этотъ опытъ мы видѣли въ умной декламаціи госпожи Каратыгиной, въ устахъ которой она произвела чрезвычайный эффектъ на слушателей. Мы поговоримъ объ ней подробнѣе въ будущемъ мѣсяцѣ.

— Вотъ заглавія новѣйшихъ произведеній нашей «литературной дѣятельности»:

1. *Филатка и Мирошка соперники*, или Четыре женки и одна вѣста. Сочиненіе П. Григорьева. Идавіе четвертое. Сиб., въ тип. Сыцова, въ 12, стр. 57.

2. *Карманный пѣсенникъ*. Издавъ М. С. Сиб., въ тип. Сыцова, въ-12, книжки I—V.

3. *Прегферансъ*. Москва, въ тип. Семенова.

4. *Соловиный и канарейный охотникъ*, или Новый подарокъ дѣбителямъ пѣвчихъ птицъ. Москва, въ тип. Стецацова, въ-8, стр. 4.

5. *Руководство къ мундштученію лошадей*, и —

6. *Опытъ медицинскій полемики*, или Отвѣтъ прагматическаго сочиненія, — два новые подарка кучерамъ.

7. *Новый способъ добыванія сахара изъ свѣтлосицы*, и прочая, и прочая.

И вы хотите, чтобы мы здѣсь, послѣ Гомера, говорили о такихъ произведеніяхъ «литературной дѣятельности?».... чтобы мы ихъ читали?.... разбирали?.... Нѣтъ! нѣтъ!

— же не ве па! же не ве па!

Же не манжъ ти де ла рѣпа!

Скорѣ укажемъ на сочиненія, вполне достойныя вашего вниманія :

1. **КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ**, или Систематическое собраніе рисунковъ по всемъ отраслямъ человѣческихъ познаній, съ объяснительнымъ текстомъ. Спб., въ тип. Плюшара, 1841, въ 4. Три тома.

2. **ЛЕКЦИИ о МѢТЕОРОЛОГИИ**, Л. Ф. Кемца, профессора физики въ Галле. Перевелъ М. Спаскій. Москва, въ тип. Университетской 1841, въ-8. Томъ первый, стр. XIII и 615.

3. **ОПИСАНІЕ ПАМЯТНИКОВЪ СЛАВЯНО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**, хранищихся въ публичныхъ бібліотекахъ Франціи и Германіи. Составлено *Сергѣемъ Строевымъ*. Издавъ Павелъ Строевъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1841, въ-8., стр. 175.

4. **ПРИБАВЛЕНІЯ къ ПУТЕШЕСТВІЮ по СИБИРИ и ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ**, флота лейтенанта *Фердинанда фонъ-Врангеля*, издаваемыя издательствомъ Императорской Академіи Наукъ. Спб., въ тип. Бородина, 1841, въ-8., стр. 125.

5. **НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ**, отрывки изъ вседневной жизни. Сочиненіе графа *В. А. Соллогуба*. Спб., въ тип. Гуттенберговой, 1841, въ-8., стр. 428.

— Изъ продолженій прежде начатыхъ изданій, въ последнее время вышли : тетради шестая и седьмая *Памятника искусствъ*, который продолжаетъ отличаться той же изящностью и тѣмъ же разнообразіемъ ; вторая и третья книжки *Россійскаго родословнаго сборника*, издаваемого княземъ П. Долгоруковымъ ; вторая часть *Учебнаго руководства къ архитектурѣ*, для преподаванія въ Горномъ Корпусѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ и третья часть *Географіи* господина Соколовскаго, заключающая въ себѣ географію Россіи.

— Вышли вторыми изданіями , *Исторія Россійской Церкви*, автора «Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ», и известное сочиненіе генерала Окунева, *О Большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, битвахъ и сраженіяхъ, происходившихъ въ Россіи при вторженіи въ 1812 году.*

VII.

ОПЕРА.

МЕТАСТАЗИО. Что бы сказать il divino Метастазіо, авторъ *бесмартинихъ теоремъ*, приводившій въ упоение весь XVIII вѣкъ, если бы онъ былъ свидателемъ равнодушія нашего времени къ своимъ лирическимъ драмамъ, которыя никогда не станились на ряду съ Софокловыми? Известно, что Вольтеръ, столь разборчивый, столь застывшій ко всякой славы, возникшей возлѣ его собственной, Вольтеръ, который не терпѣлъ совершенства себя же, поэтамъ, искренно возмечивалъ многія сказы Метастазіо, сравнивалъ ихъ съ лучшими произведеніями Гречимъ, объявлялъ «достоинными Корнеля и Расина». Руссо также увлекся итальянскимъ поэтомъ и написалъ объ немъ прекрасные стихи. Графъ де-Местръ, авторъ «Санктпетербургскихъ венеровъ», ободященный стихами Метастазіо, провозглашалъ ихъ *несмыслима излишними*.

Итальянскіе критики утверждали, даже, что втеченіи десяти сдѣлющихъ вѣковъ природа не произведетъ другаго такого поэта. Эпидетъ il divino данъ былъ ему Пиндемонте, а слова Пиндемонте чего нѣбудъ ле-стоютъ. А въ іери, скажъ, свою трагедію «Филиппъ Втори» оттого, что Пиндемонте не похвалилъ ея. Несмыслины гадны стоиались на представленіе драмъ Метастазіо, вѣнчате- томъ мало навѣстныхъ даже въ самой Итали, гдѣ сорбъ- тамъ ея твореній являлось еще при жизни автора.

Такое страшное наденіе столь огромной славы — жестокий урокъ всѣмъ славамъ. Но такова участь всѣхъ «великихъ» поэтовъ, не создавшихъ ни одного изъ тѣхъ вѣчныхъ типовъ, которые стоить только назвать чтобы вызвать тысячу мыслей и ощущеній? У Метастазіо нѣтъ того смѣлаго, хоть и неправильнаго, полету, которымъ отличаются творческіе гениі Софокла, Данте, Аріоста, Шекспира, Бирона, Гёте; изъ груди его рѣдко бьетъ сильное вдохновеніе; онъ не вырываетъ у васъ крику ужасу или любви; онъ никогда не тронетъ васъ глубоко. Это — человѣкъ съ вѣжливыми, свѣтскими чувствованіями, съ разнообразнымъ взглядомъ на вещи, съ роскошнымъ гармоническимъ и изящнымъ стихомъ, и съ притворною восторженностью. Аристотель для него — законъ, Расинъ — образецъ поэтическаго величія. Его манера сочинять драмы совсѣмъ не мудрена. Онъ беретъ лица французскихъ трагиковъ, или у Массеи и Апостола Цено, и, смотря по сюжету, переименливъ только имена, изъ Грековъ и Римлянъ дѣлаетъ Египтянъ, Персовъ, Китайцевъ, или дикихъ Африканцевъ. Вся народы вѣшаютъ у него одну и ту же физиономію. Вспомнимъ только «Мерону» Массеи, которая превратилась въ «Узнаннаго Кира» у Метастазіо. Онъ не замѣтилъ, что дѣйствіе изъ Греціи перешло въ Востокъ: Ормуздъ, Агриманъ, Зердуштъ; совершенно незаметно автору «Узнаннаго Кира», какъ бы ихъ никогда не существовало. Шлегель называетъ драмы римскаго поэта *трагическою минилтюрною живописью*: презрительно, но не совсѣмъ несправедливо. Онъ говоритъ: «Прочитавъ одну пьесу Метастазіо, вы уже знаете всѣ, и вкорѣ удостоверитесь, что въ составъ ихъ нѣтъ ни какой физиономіи». Для разнообразія онъ вводилъ, изобрѣталъ разныя особенности личности: обожженія своихъ поэмъ отъ этой несчастной обидчивости, или, по крайней мѣрѣ, принцевъ; воспитанныхъ въ пастушескомъ званіи, бѣглыхъ и несчастныхъ принцессъ, которыя принуждены сдѣлаться пастушками и водить агнцы въ поле, съ гордостью Торкватовой Зринни; или тѣхъ принцессъ, которыя — настояціе принцы; искусство владѣють саблею и копьемъ, и скрываютъ свои женскія правдсти подъ мужскою одеждою. Онъ всегда выводитъ на сцену двухъ, достойныхъ полнаго «обоженія»; принцессъ, чѣмъ же

торыхъ одна до безумія любима нѣсколькими герцогами, другая пользуется въ томъ же родѣ отвратимой любовью. Зенобия имѣетъ не меньше трехъ любовниковъ; у Береники, въ «Антигонѣ», и не совсѣмъ протѣвъ «Яголу», такъ же благогодеетъ на обожателей. Отъ соперничества всегда вытекаютъ ссоры къ самымъ шумнымъ сценамъ: любовники грозятъ другъ другу и потомъ дерутся безъ памяти; презранные любовники объясняются передъ благодарными обаяніемъ: женщины : за это публично оскорбляютъ, и ше-дьяловъ! Иногда ревнивый Отемо бросаетъ свою Дездемону въ рину, откуда она выходитъ живѣею и здоровѣею, : только съ «жаромъ въ сердца» пуще прежняго : Семирамида попалась именно въ такую продѣлку. Покушеніе на убійство или самоубійство—непрѣмное украшеніе каждой драмы Метастазіо. Въ затруднительныхъ случаяхъ, онъ прибѣгаетъ къ поджогу дворцовъ. Тамъ Ярль приказываетъ превратить къ себѣ Дидоны, и царь Паровъ Осроетъ утешаетъ враніемъ въ Адриану, своему побѣдителя. Дидона тоже бросается въ пламя.

Что за мысль была у Метастазіо историческую трагедію переключать на идиллическій ладъ? Вѣдь въ историческія и истолкованія не по плечу были ему. Зачѣмъ ушло не писалъ онъ однихъ пасторалей въ родѣ своей «Олимпіады», «Ахилла на Сиврѣ», «Ипернестры», или «Царицѣ Ступи»? Тамъ, по крайней мѣрѣ, его нѣжное воображеніе, его звучный стихъ и безусловная покорность предписаніямъ иасонцама, лямель бы на своемъ мѣстѣ.

Метастазіо не достаетъ любви къ природѣ: онъ видитъ ее ощущающею, живущею на него не дѣйствующею. Будетъ онъ въ тріаномѣ горѣ или на цвѣтущемъ дугу; или онъ себя горизонтомъ, стапы, или отдаленныя горы, или море, или безпредѣльныя небеса; или на уничтоженію шуму, или жаромъ лесовъ, движимыхъ могуществомъ воздуха: для него все равно, онъ тамъ будетъ мыслить и писать все по одной системѣ. Пусть вѣтеръ приноситъ растеніямъ новую жизнь, пусть жаръ летитъ въ нихъ благоуханіемъ, похищеннымъ у земли, пусть день пышетъ и роетъ, а ночь полна таинственныхъ волшебныхъ очарованій, внушающихъ поэтамъ средь ихъ въ высшей склонности къ задумчивости и любви во всею прекрасному,

трудъ его, не открывая ни для какого, сильного, и глубокого интуитивна. Можно думать, будто-бы никогда не видалъ, нишъ цвѣтутъ розы и зрѣютъ колосья; будто не слыжалъ, какъ шибочутъ птицы, когда гнѣзда ихъ еще прикрываются ветвями, или когда настаетъ пора ихъ отлету въ лучшія страны. Этого человека — олицетвореннаго искусства и подальность.

Мегагастаіо самъ изобразилъ себя въ письмѣ къ Фаринелло (1750): «Я поэтъ, споспѣый между дурными, говоритъ онъ: мужчина я, ни дурной, ни красивый; человекъ я бѣдный, но не скупой; нашныи къ прекрасному полу, но почтительный; мирный въ дружбѣ; но бесполезный другъ; имѣю желаніе дѣлать добро, но не имѣю къ тому средства.» Письмо это имѣетъ оный характеръ жалобами на судьбу, которая отказываетъ ему въ вознагражденіи за труды.

Въ самомъ дѣлѣ, все это подтверждается его жизнію.

Піетро-Антоніо-Доменико-Вантура Трапасси, известный поэтъ именованъ *Мегаотидіо*, родился въ Римѣ, третьего января 1698 года, отъ Феличе Трапасси и Франчески Галати. Отецъ его, прослужившій нѣсколько времени солдатомъ, открылъ въ Римѣ, на площади della Valicella, лавочку, и сталъ торговать мажорчѣ, мукою, дичагами. Въ небольшой комнатѣ, рядомъ съ этой-то лавочкою, родился Мегагастаіо. Кардиналъ Піетро Виттобони, крестный отецъ его, далъ ему имя свое имя, и черезъ десять лѣтъ после того этому мальчкѣ открылась довольно блестящая участь.

Юриспрудентъ, философъ и поэтъ, Джованни-Витчандо Гравина, услышавъ однажды отъ своего бородатого (это въ Римѣ есть десяти или одиннадцатилѣтній мальчикъ, докторъ) по вечерамъ, импровизируетъ стихи на площади della Valicella, захотѣлъ его познакомиться, развѣ отразилъ, съ нѣсколькими друзьями, отыскиваетъ этого мальчика по улицамъ. Въ своемъ дѣлѣ, то бывшій красивый десяти или одиннадцатилѣтній мальчикъ, ироничнаго вѣсту, котораго чары: гдѣзъ близкая описанъ ироничнаго индифферентна. Восхищенный Гравина подошелъ къ мальчонку, импровизатору, и сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и сузилъ въ руку золотыя монеты. Мальчонкъ возвратилъ со незнающею улыбочкою благодарностью. Гравина не сталъ болѣе за

стайвать, но черезъ нѣсколько времени возвратился въ Лавочку бѣднаго Трапасси и выпросилъ у него позволеніе взять къ себѣ его сына; обѣщая воспитать какъ собственнаго.

Первою заботою Гравины было перевести италіянское имя ребенка — *Трапасси*; на греческое, — *Метастазіо*.

Черезъ четыре года послѣ того, мы видимъ, что *Метастазіо* уже хорошо знакомъ съ двумя классическими языками, греческимъ и латинскимъ, и оканчиваетъ свою первую трагедію въ пяти актахъ, «*Giustino*». Трудъ этотъ былъ довольно тяжелъ для четырнадцатилѣтняго ребенка; особенно, когда знаешь, что Гравина безпрестанно призывала его къ строгому подражанію Грекамъ! «Не надобно повтореній, повторялъ Гравина: Греки — наши вѣчные учителя; уклонись отъ нихъ, нельзя не пойти по ложному пути.»

Приведемъ слѣдующія любопытныя строки, помѣщенныя подъ заглавіемъ «*Giustino*»:

«*Tragedia scritta dall'autore in Roma nella sua prima adolescenza l'anno 1712. Cioè in età di soli anni 14, allorchè l'autorità del suo illustre maestro no lo lasciava desistere un passo della religiosa imitazione de Greci.*»

Эти строки замѣчательны. *Метастазіо* всю жизнь свою сохранилъ въ умѣ и сердцѣ слѣды, напечатлѣнные произведеніями древнихъ и уроками Гравины; такимъ образомъ, въ большей части драмъ его замѣтенъ пастушескій тонъ *Аркадіи*; выдуманый въ новѣйшее время.

Метастазіо, сдѣлавшись ученикомъ Гравины, импровизировалъ больше чѣмъ когда-либо, и уличный поэтъ сталъ любимцемъ обитателей чертоговъ и дворцовъ. Наконецъ, частое напряженіе воображенія и груди, начало разстраивать здоровье *Метастазіо*, которому было тогда не больше семнадцати лѣтъ; встревоженный Гравина запретилъ ему импровизировать: онъ чувствовалъ, что ученикъ его, кромѣ потери здоровья, много терлеть и въ отношеніи къ образованности. Не хотѣлъ ли онъ сдѣлать изъ него законника? Но смерть разрушила все планы и намѣренія Гравины: *Метастазіо*, на девятнадцатомъ году отъ роду, лишился въ немъ лучшаго друга своего. Гравина умеръ въ 1718 году:

Сдѣлавшись владѣтелемъ довольно блестящаго наслѣдства и свободнымъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, Метастазіо забылъ прежнюю привычку къ труду и порядку. Феличе Траппези широкимъ образомъ говорилъ ему объ экономіи и грозилъ бѣдностью: молодой человекъ и въ ушѣ не дулъ. Онъ сочинялъ стихи, давалъ обѣды, праздники, давалъ деньги въ займы «приятелямъ», которые, разумеется, никогда ихъ не возвращали, щедро платилъ за ложныя обещанія пристроить къ порядочной должности; и наконецъ, въ одинъ изъ дней 1724 года, грѣзы его кончились: молодой безумецъ проснулся бѣдникомъ, съ укорами совѣсти, и оставленный всѣми, кромѣ кредиторовъ. Библіотека Кравины была почти единственнымъ достояніемъ, которое спасъ онъ отъ бѣдноты промоданнаго наслѣдства. Метастазіо оставилъ Римъ, отправился искать себѣ дѣла въ Неаполь, который тогда принадлежалъ императору. Униженная просьба доставила ему мѣсто у одного знаменитаго адвоката; но и въ конторѣ адвоката поэтъ остался поэтомъ, несмотря что хозяинъ презиралъ всякаго рода поэзію.

Недолго, однако жъ, оставался Метастазіо въ неизвестности. Принцъ Марко-Антоніо Боргезе, вице-король неаполитанскій, желая достойнымъ образомъ отпраздновать день рожденія императрицы, искалъ порядочнаго стихотворца. Некоторые значительныя лица вспомнили о нѣкомъ Метастазіо, который когда-то продалъ ихъ, и сказали объ немъ принцу, а принцъ заказалъ молодому адвокату написать двѣртисментъ на языкѣ боговъ, и вдохновиться какъ-можно скорѣе и лучше. Метастазіо согласился, съ удовольіемъ, чтобы имя его осталось неизвѣстнымъ, и немедленно принялся за работу; плодомъ ея была мнелогическая драма, «Садъ Эсперидъ», Это произведеніе имѣло при дворѣ огромный успѣхъ; кто съ кѣмъ ни встрѣчался, сейчасъ спрашивалъ, объ имени автора degli «Orti Esperidi», а этого имени никто не зналъ. Однако жъ Метастазіо договорился Маріаднѣ Бенти Бульгарини, прозванной la Romolina, дѣтицею, наиболее содѣйствовавшей къ успѣху его пьесы; она, увидѣвъ тайну, стала съ лѣвѣмъ дорѣ отсутствіемъ, уговаривать поэта оставить званіе адвоката. — Но вамъ же, я буду жить? говорилъ робкій Метастазіо, не позабывшій еще своихъ не-

счастій, гдѣ «Развѣ нѣтъ у тебя таланта къ поэзіи?» возразила прекрасная, пылкая и упрямая женщина. Мужъ Маріанцы предложилъ поэту свой домъ и столъ. Метастазіо, повинаясь, не менѣе собственному вѣченію какъ и умилынымъ просьбамъ пѣвицы, рѣшился наконецъ попытать счастья на другомъ пути. Дѣло рѣшено. Собравши все, что ему принадлежало и чего было очень немного, Метастазіо перешелъ къ друзьямъ своимъ. La Romanina оказала ему самыя безумныя ласки, когда онъ вошелъ въ домъ и сказалъ: «Теперь я даю!» Небольшія піесы, славовавшія одна за другою, поддерживали удивленіе публики къ неизвѣстному поэту, пока La Romanina не вынула ему драмы «Didone abbandonata».

Въ карнавалъ 1724 года, сыграна была первая драма Метастазіо, съ музыкою Сарро. Одна только Италия можетъ представить зрѣлище столь неистоваго восхищенія. Не только образованные и порядочнаго круга мужчины и женщины присутствовали на представленіи «Дидоны»; были даже мужики: они приходили нарочно изъ деревень плакать съ оставленною любовницею. «Evviva! Evviva!» кричали зрители, полные энтузіазма, и обливались слезами, произнося имя Метастазіо. Поэтъ говорилъ пѣвицѣ, что ея голосъ—причина успѣху драмы, а пѣвица увѣряла, что единственно мелодія стиховъ и самое созданіе чаруютъ зрителей. Венеція, черезъ посланника, потребовала у неаполитанскаго поэта какой-нибудь драмы. Онъ послалъ ей «Sigoe».

La Romanina была призвана въ Римъ. Метастазіо не рѣшался было возвратиться въ тотъ городъ, гдѣ вытерпѣлъ онъ столько униженій и гдѣ надежды сердца его были столько разъ обмануты; но la Romanina побѣдила его воспоминанія: драгоценное сокровище было сердце этой женщины!

Отъ 1727 до 1730 года (въ последнемъ онъ оставилъ Римъ и болѣе уже туда не возвращался), Метастазіо отдалъ на сцену «Catone in Utica», «Ezio», «Semiramide», «Alessandro nell'Indie» и «Artaserse». Музыка Винчи много способствовала къ успѣху этихъ драмъ.

Въ эти, проведенные имъ въ Римѣ, годы, критика, оценка и литературными трудами и частною его жизнью. Онъ

страдать отъ нея; больше чѣмъ кто другой, потому что и такъ былъ созданъ, чтобъ стрѣлы злоловъ не задевали его живое. Мысль отказаться отъ поэзіи искашала его не однажды. И, въ самомъ дѣлѣ, что приносила ему поэзія? Оскорбленія и бѣдность. Въ эти минуты огорченій забывалъ онъ поклоненіе толпы. Маріанна, считавшая себя счастливою, что могла пѣть на сценѣ стихи Метастазіо, отстраняла отъ него черныя мысли; но его не переставали тревожить вѣсты о золотѣ и почестяхъ. Эти чертоги, гдѣ онъ принималъ былъ принцами и герцогами, заставляли его ненавидѣть свое скромное жилище. Маріанна и ея неистощимая важность не удовлетворяли уже его горделиваго сердца. Что значила бѣдная пѣвица въ сравненіи съ тѣми знатными синьоринами, которыхъ видалъ онъ каждый день, окруженныхъ блескомъ, слугами и поклонниками? Мужчины обращались съ Маріанною слишкомъ фамиліярно и говорили объ ней слишкомъ съ невыгодной стороны; Маріанна была для всѣхъ *la Romanina*, и ничего болѣе какъ *la Romanina*; а когда снимала она театральнѣйшій уборъ и изъ принцессы превращалась въ бѣдную жепщину, хозяйство ожидало ее дома и занятія по кухнѣ слѣдовали за аріями. Если Метастазіо и любилъ ее, всё-таки его гордость и тщеславіе глубоко отъ этого страдали; ктому жъ отецъ уже старѣлъ, а у него на пѣсь было, кромѣ Піетро, еще двѣ дочери и нѣсколько сыновей, изъ которыхъ одинъ адвокатъ. Надобно было стараться о поддержаніи всего этого семейства: хлопотъ куча!

Но вотъ, вдругъ приходитъ изъ Вѣны письмо самое оболестьительное. Германскій императоръ, Карлъ VI, предлагаетъ Метастазіо, черезъ посредство принца Людовика Савойскаго, должность *цесарскаго поэта*, *il poeta cesareo*, которую занималъ передъ тѣмъ Апостоло Цено, благородный старикъ, можетъ-быть слишкомъ забытый въ настоящее время. Цено самъ выхвалялъ своего молодого соперника и требовалъ, чтобы тотъ сдѣланъ былъ его преемникомъ. Когда первая радость прошла, Метастазіо почувствовалъ, что грусть начинаетъ тѣсниться въ его душу. Покинуть отечество, семейство, Маріанну, добрую и изжнущую Маріанну, — сколько пожертвованій изъ-за золота! — наконецъ онъ рѣшился вхатъ. Послѣ долгаго и зрѣлаго рассу-

идеи; посланъ былъ наконецъ отвѣтъ императору: Ме-тастазіо требовалъ жалованья Апостола Цено, четыре ты-сячи флориновъ, и времени для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ. Императоръ согласился положить только три тысячи, а о времени не спорилъ.

Наконецъ; Метастазіо разстался съ Римомъ, предо-ставивъ доброй Маріаннѣ заботиться о содержаніи сво-его семейства и расположиться небольшими суммами и до-ходами, которые были у него въ Римѣ и Неаполѣ. Семнад-цатаго апрѣля 1730 года, прибылъ будущій *цесарскій поэтъ* въ Вѣну. Николо Мартинесъ, церемоніймейстеръ папска-го нунція, принялъ его въ свой домъ; Метастазіо про-жилъ въ немъ пятьдесятъ два года, и только тогда оставилъ его, когда уже былъ мертвецомъ.

Каковы были первыя письма Метастазіо къ Маріаннѣ, мы не знаемъ; но, спокойный, самолюбивый и холодно въжи-мый тонъ четырнадцати сохранившихся, не заставляетъ жалеть о прочихъ. Гораздо больше теплоты въ его письмѣ къ одному пріятелю о представленіи своемъ ко двору, нежели въ четырнадцати писанныхъ къ женщннѣ, которую онъ любилъ, которая такъ любила его!

Первыя произведеніемъ Метастазіо въ Вѣнѣ была ма-ленькая библейская драма, «*Passione di Gesù Cristo*».

Переписки Метастазіо сохранилось пять томовъ; но боль-шая часть его писемъ не заслуживаетъ ни какого вни-манія: во всѣхъ письмахъ Метастазіо встрѣчаете все одно и тотъ же тонъ; все фразы, и однѣ только фразы; громкія слова толкутся и тѣснятъ, а не оставляютъ по себѣ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Шутки его тяжелы, ни одна остроумная идея не оживляетъ ихъ: видишь только дурной вкусъ. Языкъ страстный, вдохновенный, но обдуман-ный, но важный и сильный — не его дѣло. Въ письмахъ къ лучшимъ друзьямъ, онъ много толкуетъ о своихъ мате-риальныхъ потребностяхъ, о своемъ здоровьи, трудахъ, успѣхахъ; но нѣтъ выраженія чувствованій, нѣтъ теплоты, нѣтъ души. Прошедшее для него не существуетъ; у него нѣтъ такихъ воспоминаній, гдѣ было бы радостью сердцу, гдѣ душа высказалась бы просто и безыскусственно. Въ этихъ письмахъ не видно также ежедневной внутренней жизни;

описанія характера, а сценикоміи, существовать, которыми онъ любилъ и чаще другихъ, видеть: только для дѣлъ является на сцену, и всѣ-туть. Такая же, точно добродѣтель и въ письмахъ къ Маріаннѣ; и нигдѣ не видно, чтобы она жаловалась на это отсутствіе чувствительности: напротивъ, она усердно просила позволенія приѣхать къ нему къ Вѣну. Метастазіо кротко, но постоянно, отказывалъ ей въ этомъ, потому что, съ пріѣздомъ Маріанны, могъ, какъ казалось ему, потерять доброе о себѣ мнѣніе слышомъ възыскательнаго вѣнскаго общества, и быть принужденъ измѣнить привычій, регулярный образъ своей жизни, которымъ шелъ у него, какъ однажды заведенные часы. Каждый день вставалъ онъ въ одинъ и тотъ же часъ, и шелъ въ церковь капуциновъ слушать обѣдню, потомъ завтракалъ, обѣдалъ, укладывалъ декламацию въ урочное время. У него положены были минуты, когда войти къ себѣ въ кабинетъ для занятій, и когда изъ него выйти. Замѣтимъ кстати, что Кантъ былъ себя подобнымъ же образомъ; но Денартъ не могъ совершенно свѣжнуться съ такимъ родомъ однообразной жизни. Замѣтимъ также, что всѣ драмы нашего поэта имѣютъ по три акта: въ одной только «Giustino» осмѣлился онъ разпространиться на пять; но это произведеніе ранней его юности.

Съ помощію строгаго соблюденія времени, Метастазіо легко было производить по одному священнопредставленію для страстной недели, по драмѣ къ двадцать-осьмому августа, дню рожденія императрицы, и къ четвертому ноября, тезоименитству императора, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ кантатъ, сонетовъ, канцонеттъ, которые служили ему отдохновеніемъ отъ болѣе серіозныхъ трудовъ. Сказать правду, въкоторыя изъ этихъ мелкихъ піесъ имѣютъ невыразимую прелесть. Мелодія въ нихъ совершенно Педаркова, но въ выраженіи болѣе простоты. Отъ ноября 1731 до 1734 года, когда умерла Маріанна, поэтъ произвелъ пять драмъ: «Adriano», «Issipile», «Demetrio», «Olimpiade», и «Demofonte». Кроме «Issipile», остальные четыре были играны съ музыкою знаменитого въ то время Кальеры, въ присутствіи государей и знатнѣйшихъ особъ двора.

Метастазіо обдумывалъ свою «Clemenza di Tito», когда былъ

вая *La Rosalinda* боролась съ смертію. Она, умирая, оставила своему милому послѣднее доказательство любви, и духовнымъ завѣщаніемъ передала ему все небольшое свое достояніе, двадцать пять тысячъ скуди. *Метастазіо* грубою такъ давно не видался, но не принялъ завѣщанныхъ денегъ, и по этому случаю писалъ брату своему, адвокату *Леопольдо Трапасси*: «честь и совѣсть поставляютъ мнѣ въ обязанность отказать отъ наслѣдства *Маріанны* и уступить эти деньги ей жужу. Мнѣ слѣдуетъ увѣрить свѣтъ, что онъ жестоко ошибался, если думалъ, что дружба моя къ ней основывалась на скупости и любостыжаніи. У меня есть достаточно средствъ на мои личные нужды и на честное содержаніе моихъ родственниковъ». Замѣьте и тутъ эгоизмъ! Иной онъ меньше, иной онъ нужду, онъ принялъ бы наслѣдство несчастной пѣвицы.

Послѣ «*La Clemenza di Tito*», *Метастазіо* произвелъ въ одинъ годъ три драмы, «*Achille a Sciro*», написанную въ семнадцать дней, «*Ciro riconosciuto*» и «*Temistocle*». Вѣщеніи слѣдующихъ трехъ лѣтъ съ половиною, онъ производилъ преимущественно легкія піески и литературныя разсужденія; написалъ также много писемъ и задумалъ писать новыхъ драмъ. Наконецъ «*Zenobia*» явилась на сценѣ въ 1740 году. «*Attilio Regolo*» былъ уже конченъ, и его предполагалось играть въ томъ же году, какъ вдругъ императоръ скончался, и все обстоятельства переизменилось: вооруженная Европа стала оспаривать у *Маріи-Терезіи* наслѣдство отца. Тогда вѣнскому двору стало не до театральныя представленія, и «*Attilio Regolo*» не былъ игранный. *Метастазіо* занялся своими любезными канцонеттами и каватинами.

Надобность въ драмахъ снова обнаружилась въ 1744 году. Эригерцогиня вышла замужъ, и *Метастазіо* написалъ «*Иермнестру*». Музыка *Гассе* замѣнила музыку *Кальдари*. За «*Иермнестрой*» послѣдовала почти немедленно «*Antigona*», написанная для дрезденскаго двора.

Между-тѣмъ адорандъ «цесарскаго поэта» начало разстроиваться; съ нимъ стали дѣлаться дерзкія припадки, отъ которыхъ онъ уже не могъ избавиться до конца своей

жизни; несмотря на то что перемѣнлялъ воздухъ и мѣсто жительства и ѣздилъ на некоторое время въ помѣстье лучшаго друга своего; графини Альтганъ.

Возвратясь въ Вѣну, онъ два раза въ день посѣщаетъ графиню Альтганъ. Графъ Каналь часто прѣзжаетъ также дѣлать съ нимъ время, а семейство Мартинесовъ замѣняетъ ему его собственное.

Многія замѣчательныя лица вступили съ нимъ въ переписку, и, между прочими, Карло Боски, знаменитый под именемъ Фаринелли, обязанный пріятности своего голоса, возвышеніемъ на степень министра могущественнаго короля испанскаго. Два короля, Филиппъ V и Фердинандъ VI, страстно любили его пѣніе. Дружба Фаринелли, котораго Метастазіо называлъ своимъ «близнецомъ», *gemello*, была полезна поэту. Его кантаты и канцонетты сдѣлались столько же извѣстными на берегахъ Мансанареса, сколько на берегахъ Дуная. Въ нихъ поэтъ обезсмертилъ имя «Nisse», какъ Данте имя Беатриче, а Петрарка Лауры.

Спрашивается теперь, что же была эта «Nisse», которую Метастазіо прославлялъ въ своихъ кантатахъ, сонетахъ, канцонеттахъ, втеченіи по крайней мѣрѣ семнадцати лѣтъ? Критики изслѣдывали этотъ вопросъ съ неутомимымъ терпѣніемъ; но какъ были удивлены имъ, когда узнали отъ самого Метастазіо, что эта Nisse не существовала вовсе! Въ письмѣ къ Фаринелли (1750), при которомъ отправляетъ къ нему одно изъ своихъ стихотвореній, поэтъ пишетъ: «Вотъ канцонетта на отъездъ Nisse. Вы найдете ее довольно изъжною; но изъ этого не заключайте, чтобы я былъ влюбленъ. Вы знаете, что я неспособенъ къ подобной слабости».

Часто, въ письмахъ къ Фаринелли, Метастазіо жалуется на нужду. Любимецъ Фердинанда VI обращаетъ на это вниманіе, и богатые подарки присылаются поэту отъ дворовъ вѣнскаго и мадридскаго. Однажды получилъ онъ изъ Мадрида четыре серебряныя и одну золотую вазы; наполнены испанскимъ табакомъ. Поэзія никогда не упомяла Метастазіо до того чтобъ онъ могъ позабыть денежныя выгоды.

Гайды, по собственному опыту, знали кое-что о скудости Метастазіо и объ его беззаботности на счетъ безвѣстныхъ бедняковъ. Они жили въ томъ же домѣ, гдѣ поэтъ, и получали отъ козлевыяницы и небогдшюю квартиру за то, что училъ играть на фортепіано молодую дамыцу Маріанну Мартинесъ. Въ холодныя зимніе дни, онъ принужденъ былъ, по недостатку иъ дровакъ, проводить большую часть сутокъ въ постели нѣтъ, омылкомъ; но бедность молодого, и уже великаго человека, не обратила на себя вниманія Метастазіо. Какое было ему до него дѣло? У него были ковры и чудесный каминъ для защиты отъ холоду!

Время теперь возвратится къ «Attilio Regolo». Эта драма, послѣ десяти-лѣтняго забвенія, была наконецъ сыграна въ 1750 году, при дворѣ польскаго короля Августа III. Метастазіо часто говаривалъ объ этомъ твореніи, которое считалъ еще самымъ обдуманнѣйшмъ и совершеннѣйшмъ изъ всѣхъ своихъ произведеній. «Если бы оумлено было мнѣ, говорилъ онъ, сохранить одну только мою драму отъ забвенія, и сохранилъ бы Регула». А между-тѣмъ, этотъ Регулъ, столь высоко цѣнимый авторомъ, не что иное какъ холодная и скучная драма во вкусъ древнихъ, драма, въ которой много высокихъ чувствованій и мыслей, но эти чувствованія и мысли никого не трогаютъ.

Въ угодность некоторымъ знатнымъ лицамъ, Метастазіо написалъ въ 1750 и 1752 годахъ «Il Re pastore» и «Egrotto Cesare»; эти пьесы были разыграны придворными дамами и кавалерами въ обширныхъ садахъ императорскаго дворца Шенбрунна, съ музыкою Цераролитанца Бошно.

Въ 1755 году Метастазіо постигло жестокое несчастье: умеръ лучший другъ его, графиня Альтганъ. «Вотъ чѣмъ двадцати-четырёхлѣтняя дружба, чуждая всѣхъ упрековъ совѣсти! Не разрывается безъ сердечной боли!» Вотъ и все, чѣмъ Метастазіо изъяснилъ свое сожалѣніе о потерѣ графини; и ни въ одномъ письмѣ его нѣтъ уже болѣе объ ней слова!

Между-тѣмъ и у Метастазіо были свои досады. *Царя* с-
дѣла въ томъ, какъ называлъ онъ посредственныхъ, цо-

этомъ, приставали къ нему передо: Порпора, старикъ, немощный и умирающій съ голоду, пришелъ также однажды потревожить его. Бѣдный композиторъ лишился нести, которая давала ему хлѣбъ, и не могъ трудиться. Метастазіо былъ богатъ, но богатъ только для себя. Если бы Порпора рѣшился умереть съ голоду, Метастазіо не отказалъ бы ему въ своей сожалѣнн; но Порпора приходитъ къ нему, Порпора шумить въ его квартиру, у Порпоры острый и разный голосъ: какъ же Метастазіо обратить на него милостивое вниманіе? Чтобъ отдѣлаться отъ бѣдника, онъ шлетъ къ Фаринелли, приглашая могущественнаго министра спросилъ отъ щедротъ и челолюбія своихъ соотрадательныхъ государей одну изъ тѣхъ маленькихъ пенсій, которыя раздаются ими въ видѣ милостыни убогимъ людямъ».

Черезъ семь лѣтъ послѣ того, Порпора умеръ въ бѣднотѣ, забытый друзьями своей пенности, въ числѣ которыхъ были Метастазіо и Фаринелли.

Марія-Терезія извлекла наконецъ «цесарскаго поэта» изъ бездѣйствія: она потребовала отъ него драмы, и Метастазіо, произвелъ «Il Trionfo di Clelia». Гассе написалъ для нея музыку. Черезъ три года императрица понудила опять умъ поэта, сдѣлавшійся бесплоднымъ, къ произведенію чего-нибудь порядочнаго. Тяжело ему было такое требованіе, но дѣлать нечего: женился эригерцогъ Лесенвальдъ, и, ктому жъ, какъ рѣшился отказать государыню, которая осмѣла его цѣлншнми подарками и самыми благосклонными письмами. Фаринелли, въ исходѣ 1764 года, получилъ отъ Метастазіо письмо, въ которомъ поэтъ выражалъ свое неудовольствіе. «La cementissima ragione требуетъ отъ старого и охриплаго лебедя, псалмъ, которая была еще его». Приневоленный такимъ образомъ къ дѣлу, старый лебедь даетъ двору, въ 1765 году, самую слабую изъ своихъ драмъ, «Romolo ed Esilia», и возвращается въ прежнюю бездѣйственность, которая ему такъ нравилась. Синьоръ Филиппони побезпоконъ его однажды: онъ осмѣлился заговорить съ нимъ о поэтическихъ трудахъ и изълить надежду, что гетій не вовсе оставилъ Парнассъ. У Ме-

тотъ же въсприся иреть у Маса и утомленіе: «Посла столь чашечномъ долгиа въ странствіи, спятъ казній и цолоній, послъ пишнууть они, на дора-ла, моему бллаому, старому Пессону, аокъ овецъ въ нокозъ?» Олаво ить, будучи семилсоети-трехклетъ отъ роду, находитъ онъ спие, мовольно сплы ятобы, по сдуваю поной свалбы пра дларъ провалестъ, съ помощью Orlando furioso и Olympiade, подымашю свою драму: «Il Ruggiero».

Метастазіо ставитъ себя въ честь, что онъ отказался отъ предложенія Карла VI, который хотѣлъ пожаловать ему титулъ барона; но когда знаешь характеръ Метастазіо, то, конечно, не припишешь такого отказу скромности поэта, а вѣрной расчетливости. Метастазіо отказался также отъ званія надворнаго совѣтника и отъ малаго креста ордена Святаго Стефана, которые предлагала ему Марія-Терезія. «Я желаю быть только цесарскимъ поэтомъ вашего величества», возражалъ онъ всегда. Такой отвѣтъ былъ пріятенъ Маріи-Терезіи и не лишалъ поэта права на какое-нибудь другое, болѣе блестящее, отличіе: оно и действительно ему готовилось. Императрица сговорила съ папою Климентомъ XIV увѣнчать Метастазіо въ Капитоліи. Но поэтъ, воздавъ должную благодарность за столь лестную для себя мысль своей государыни, отказался отъ триумфа. Отвѣтъ его былъ постоянно одинъ и тотъ же: «Я слишкомъ старъ.» Императрица думала только объ его славѣ; а онъ, онъ, страшился и подумать, что его привычки, его правильный образъ жизни будутъ нарушены, что прійдетъ нездоровье, сократится жизнь... да притомъ путешествіе въ Римъ повлечетъ издержки: всё это приводило Метастазіо въ страшное раздумье. А между-тѣмъ торжество готовилось въ родномъ его городѣ, въ Римѣ!

Марія-Терезія въ 1780 году умираетъ. Судьба Метастазіо нѣсколько измѣняется. Ему остается очель не много друзей; онъ становится печаленъ и задумчивъ; къ этому много содействуютъ усилившіяся нервическія страданія. Нѣтъ болѣе жисень: поэтъ принимается за изученіе *Питтики*. Драматическія и за извѣстные разборы греческихъ трагиковъ. Этого труда, буди по уму автора, довольно захенъ, но онъ

интереснѣе были представлять Метастазіо запертымъ чинъ въ такой стѣнѣ, въ какой тоталь бы самъ онъ. Померъ приближенія старика къ концу, писаны его становитель раны и пороче. За несколько мѣсяцевъ до смерти, онъ жалуется, что уже больше духъ мѣсяцевъ страждетъ удупчить и не можетъ покою ни днемъ ни ночью. Голова его такъ утомлена, что онъ не только не можетъ ни читать, ни писать, но даже думать. Двадцатаго марта 1782 пишетъ онъ въ послѣдній разъ къ Фаринелли, бывшему тогда въ Италіи.

Кончина Метастазіо послѣдовала двѣнадцатаго апрѣля 1782 года; старецъ умеръ спокойно. Послѣ него осталось значительное состояніе. Кареты, лошади, прекрасная бібліотека, пропасть драгоценныхъ вещей, подарковъ отъ царственныхъ особъ, и капиталъ во сто тридцать тысячъ гульденовъ. Іосифъ Мартинесъ наследовалъ все это, кромѣ сорока тысячъ гульденовъ, назначенныхъ двумъ сестрамъ покойника. Мартинесъ приказалъ въ честь Метастазіо выбить медаль, съ надписью: «Sofoclo italico».

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Концертъ Карла Майера, первый послѣ праздниковъ, въ Энгельгардовской залѣ, былъ очень блистателенъ. Господинъ Майеръ игралъ въ немъ, съ своей обыкновенною прелестью, ровностью, чистотою, зорностью, новое соперго свсего сочиненія, совершенно новое, и даже въ новомъ родѣ: это прекрасное твореніе, превосходно инструментованное, снискало себѣ всеобщее одобреніе, и композитору самыя лестныя поздравленія со стороны знатоковъ дѣла и цѣнителей его таланта.

— Концертъ Серве составляетъ всегда столь важное музыкальное событіе для нашего города; замученнаго до смерти «большими» и малыми концертами, что нельзя не возгордиться объ немъ съ большимъ подробностью. Серве — думай нашего меломаніческаго міра, и — талантъ Людовика! — послѣднія чудеса его смычка торжественно доказали, что музич. не даромъ стоитъ на первомъ высочайшемъ мѣстѣ, окруженномъ толпою обожателей. Да, одинъ онъ

узнать глубоко шевелить сердце и страсти своихъ слушателей; игра его возбуждаетъ, не то не шумное и бесплодное удивленіе, къ которому приучили насъ другіе великіе виртуозы нашего времени, но совсѣмъ другія ощущенія: она, то радуетъ васъ, въ восторгъ радости и счастія, то поражаетъ горемъ и печалью, то исторгаетъ вздохъ любви, то наводитъ внутренность восторженнаго слушателя ненавистью, ревностью или упоеніемъ. Такого чуднаго дѣйствія, конечно, не производили звуки инструмента со временъ блаженной древности, съ тѣхъ поръ какъ поэзія и музыка перестали составлять одно искусство и инструментальные звуки потеряли положительный смыслъ рѣчи, метрически сливавшейся съ ними въ одни тоны. Но таково могущество выраженія и чувства въ изумительной игрѣ Сервѣ, что рѣчь какъ-будто возраждается подъ его смычкомъ, слова какъ-будто брызжутъ изъ струнъ, и явственный смыслъ образуется въ этихъ безчисленныхъ и неопредѣлимыхъ тонахъ: кажется, слышишь ее, со всеми красотами ея поэзіи, и чувствуешь, какъ она проникаетъ внутрь путемъ разума и понятія; и, невольно позволяешь ей самовластно управлять собою посредствомъ этого глубокаго и убѣдительнаго смысла, который приметно увлекаетъ, не только васъ, но и самаго артиста. Это—идеальное совершенство исполненія на новѣйшемъ инструментѣ: выше нельзя ничего ни желать ни придумать. Сервѣ — виртуозъ совсѣмъ въ родъ покойныхъ Орфевъ, Амфіоновъ и Тиртеевъ, — поэтъ-музыкантъ, — только безъ словъ, — и между-тѣмъ производящій въ слушателяхъ почти то же самое дѣйствіе, какое «языкъ-музыка» оказывала въ тѣ времена надъ умомъ и сердцемъ народовъ. Превосходство его инструмента, котораго звукъ такъ похожъ на человѣчскій голосъ, много также способствуетъ къ усилению этого дѣйствія и довершаетъ очарованіе. Трудно было бы сравнить его съ кѣмъ-либо изъ нынѣшнихъ «геніальныхъ» виртуозовъ: онъ — Кинъ своего инструмента, — прямой Кинъ, относительно къ исполненію, умному, страстному, и въ высочайшей степени драматическому, — не считая достоинствъ его какъ автора; потому что Сервѣ въ то же время и отличный композиторъ, очень оригинальнѣйшій, одаренный пламеннымъ воображеніемъ и ис-

полненныи прелестныхъ мыслей : доказательство — и въ красное concerto, которое съигралъ онъ намъ теперь, творение въ высокомъ стилѣ, сильно ; широко начертанное ; и отлично инструментованное , и въ особенности эта удивительная « Большая фантазія », которою заключился его концертъ. Человекъ съ истиннымъ гениемъ безпрерывно дѣлаетъ новые успѣхи въ своемъ искусствѣ, совершенствуясь въ достигнутомъ уже совершенствѣ. Сервѣ тоже должно было сдѣлать большіе успѣхи, съ тѣхъ поръ какъ мы его слышали ; и эти успѣхи, приобретенные втеченіи столь кратковременнаго отсутствія изъ Петербурга, стоятъ названія баснословныхъ : гигантскія его силы удвоились ; онъ втрое выросъ въ экспрессіи, въ которой у него воздушная толкось сливается съ бурнымъ и поэтическимъ напряженіемъ страсти, приобрѣлъ новыя мелодическія богатства, открылъ въ гении своемъ новый рудникъ волшебныхъ эффектовъ, придалъ ивнью своему неизъяснимую прелесть, и дерзость совершенства въ исполненіи простеръ до послѣднихъ пределовъ возможнаго : при всемъ томъ, онъ свободно пойдетъ еще дальше ; онъ не можетъ остановиться такъ рано. Впечатлѣніе, произведенное его игрою въ этомъ блестящемъ концертѣ, было столь необычайное и почти мистическое, что совѣстно даже его описывать : мы видѣли весьма важныхъ и почтенныхъ людей внѣ себя, чтобъ не сказать въ изступленіи, отъ восторгу. Престаньте себя многословное собраніе, эту добрую петербургскую публику, обыкновенно столь холодную, столь методическую, вдругъ разстроенную въ конецъ маленькимъ смѣчкомъ : нервы въ страшномъ раздраженіи, глаза въ пламени, дыханіи приостановлены, груди стѣсненыя неслыханными, неостыжимыми звуками, и, вмѣсто пошлаго хлѣбныя въ ладоши, — прегадкой наградъ, песенной для всѣхъ, и всегда бо-
 лѣе или менѣе двусмысленной, — вздохъ и небольшие стоны, вырывающіеся изъ глубины душъ, погруженныхъ въ умъ въ пучину блаженства. Вотъ торжество для художника ! Достигните сперва такого же, вы господа прочіе, и потомъ уже говорите о Сервѣ « по своему крайнему разумію ». И притомъ поймите хорошенько одно важное обстоятельство : благоразумная имаренность этого великаго артиста прелесть.

не только въ области, обремененной его талантъ, особенную
 чуждому наслажденію, но слышать; онъ не обременяетъ съ
 своими концертами, до двѣхъ дѣлъ до пяти и шести сразу,
 не промышляетъ звуками. Онъ даже слишкомъ скупъ на
 нихъ, или слишкомъ не внимателенъ къ нашему удоволь-
 ствію и своимъ торжествамъ. Этотъ концертъ, единственный
 во всю зиму, далъ онъ по настоятельному убѣжденію своихъ
 многочисленныхъ энтузіастовъ. И онъ скупъ до такой сте-
 пени на свои волшебные звуки только тамъ, гдѣ дѣло ка-
 сается личной его выгоды; потому что, въ то самое время,
 нѣтъ почти ни одного маленькаго концерта, затѣян-
 наго гдѣ-нибудь добрыми людьми съ благотворительною
 цілю, въ которомъ бы Сервѣ отъ чистаго сердца не
 принесли подаянія ~~благотворительности~~ своими драгоценными звука-
 ми. Дѣлайте все такъ, и все будете столько же какъ
 онъ любимы и уважаемы обществомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что
 господинъ Сервѣ не имѣетъ причины раскаиваться, послѣ-
 довавъ совѣту своихъ друзей и друзей намъ этотъ концертъ,
 для котораго Е. С. графъ В. К. Браницкій съ удовольствіемъ
 предложилъ свою великодушную заду, яtbody чтобы содѣйстви-
 вать къ общему наслажденію: несмотря на усталость, про-
 изведенную множествомъ концертовъ и зрѣлищъ, публика
 съ радостью потѣшилась въ эту залу; весь цвѣтъ нашего
 общества, ума, дарованій, вкуса, находился на-лицо здѣсь,
 и говорятъ, будто сборъ одного этого вечера, о которомъ
 даже не было объявлено посредствомъ афишъ, простирался
 до двухъ съ половиною тысячъ рублей серебромъ. Зала
 была совершенно полна. Между-тѣмъ болѣе ста человекъ
 усердныхъ дилетантовъ, успѣвшихъ благовременно запастись
 билетами, не могли присутствовать въ этомъ блестящемъ
 собраніи, одни по невозможности переправиться
 черезъ Неву; покрытую ледокопками льдами, другіе по
 поводу устроеннаго на тотъ же вечеръ драматическаго
 представленія въ одномъ изъ почтеннѣйшихъ домовъ глав-
 ной столицы. И хорошо такъ случилось, что они не могли
 присутствовать: для той или для другой части собранія рѣши-
 тельно не было бы мѣста въ огромной залѣ, оглашаемой
 звуками виолончели Сервѣ. Госпожа Сабина Гейнефеттеръ,
 и господа Герке и Билингъ, принимали участіе въ его

великодушномъ концертѣ, за который собранные дружески
 изъѣвало артисту живѣвшую благодарности, и несколько
 разъ въѣзвало его самими ласковыми образами.

НОВЫЯ КНИГИ.

II

Французскія.

- L'EUROPE, pendant le consulat et l'empire de Napoléon, par *M. Capefigue*. Vol. IX et X. Ouvrage complet. 75 fr.
 ESSAI sur l'histoire du droit privé des Romains. Praticiens. Préface
 avant les Douze Tables. Par *A. Guérard*. 1 vol. 7 fr.
 HISTOIRE DE LA LUTTE des papes et des empereurs de la maison de
 Souabe, par *C. de Cherrier*. Première période (1153—1197). 1 vol. 7 fr.
 HISTOIRE politique, religieuse et littéraire du Midi de la France, par
Mary Lafon. Avec cartes. 4 vol. Par livraisons, ou 30 fr. d'avance.
 MÉMOIRES DU FELDMARÉCHAL COMTE MÉRODE WESTERLOO, capitaine
 de trabans de l'empereur Charles VI, publiés par son arrière-petit-
 fils. Bruxelles. 2 vol.

JENNY, ou Les Trois marchés aux Ours de Paris, par *Paul de Kock*.
 2 vol.

MATHILDE, ou Les Mémoires d'une jeune femme, par *Eugène Sue*.
 2 vol. 15 fr.

LUCIE, roman, par *Jules Lacroix*. 2 vol. 15 fr.

PHYSIOLOGIE DE L'AMOUR. Par *N. H. C. Dufayel*. 1 vol. 8 fr.

Ancient

- THE CIVIL HISTORY OF THE JEWS; FROM JOSHUA; TO HIRSHAH. By the
rev. O. Cochrayne. 1 vol.
- SEPHARDINE; or The History of the Jews in Spain and Portugal. By
J. Finn. 1 vol.
- THE HINDOO AND MAHOMEDAN PERIODS of the history of India. By
hon. M. Bingham. 2 vols.
- THE MARTYRS OF SCIENCE. Lives of Galileo, Tycho Brahe, and Kepler.
By sir David Brewster. 1 vol.
- LIVES OF EMINENT NATURALISTS. Cabinet Cyclopaedia. 1 vol.
- MEMOIRS OF PAUL CUSTE, a man of colour. 1 vol
- PERSONAL HISTORY of George the Fourth. By doctor Croly. 1 vol.
- HISTORY of George the Third. By Adolphus. Vols I and II.
- FRANCE since 1830. By T. Raikes. Esq. 2 vols.
- THE SPORTSMAN IN FRANCE. By F. Tolfrey. Esq. 2 vols.
- THE MOUNTAINS AND LAKES of Switzerland. By Mrs Bray. 3 vols.
- OVERLAND JOURNEY through France and Egypt to Bombay. By miss
Emma Roberts. 1 vol.
- TRAVELS in the Himalayan provinces of Hindostan and Pundjaub. By
Moorecroft and Trebeck. 2 vols.
- JOURNEY to the source of the river Oxus. By St. Wood. 1 vol.
- A VISIT TO THE INDIANS of the frontiers of Chili. By captain A. F.
Gardiner. 1 vol.
- THE COURTS OF EUROPE at the close of the last century. By the late
H. Swinburne. 2 vols.
- ROME SKETCHES and foreign recollections. By lady Chatterton. 3 vols.
- BELGIUM By J. E. Tennant, M. P., Esq. 2 vols.
- SIX MONTHS with the Chinese Expedition. By lord Jocelyn. 1 vol.
- THE CHINESE, as they are. By T. G. Lay. 1 vol.
- NOTES ON UNITED STATES of North America. By George Combe. 3 vols.
- PILGRIMAGE TO THE SPAS in pursuit of health. By doctor Johnston.
1 vol.
- THE SPAS OF ENGLAND. Northern spas. By Doctor Granville. 1 vol.
- THE NEGROLAND of the Arabs, examined and explained. By W. D.
Cooley. 1 vol.
- ON THE RELIGIOUS ILLUSIONS of insane persons. By doctor N. Bingham.
1 vol.
- THE PHYSIONOMY OF MENTAL DISEASE. By sir Alexander Morison.
1 vol.

- DRAMATIC WORKS of sir Edward Lytton Bulwer. 1 vol.
 BISHOP HEBER'S poetical works. 1 vol.
 TROOP-SERGEANT; a tale of the Mysore War; By captain Meadows Taylor. 3 vols.
 CONVERSATION SCHOOLS in Paris. By Mrs. Gera. 2 vols.
 CORSE DE LEON; a romance. By C. P. R. James 3 vols.
 NIGHT AND MORNING. By the author of Rienzi. (E. L. Bulwer). 3 vols.
 THE CLIFFORD; or The Constant man. By the author of Trovaine. 3 vols.
 THE ROSE WITH OUT A NAME. By Sir Charles and lady Morgan. 2 vols.

Handwritten.

- AUFZEICHNUNGEN EINES NACHGEBORNEN PRINZEN. Aus der nachgelassenen Handschrift. Stuttgart. 1 Bd.
 GESCHICHTE VON RUEGEN UND POMMERN, verfasst durch F. W. Barthold. Hamburg. 2-ter Theil.
 ALLGEMEINE KIRCHENGESCHICHTE. Von A. G. Gfrörer. Erster Band. Geschichte der christlichen Kirche in den drei ersten Jahrhunderten. Stuttgart.
 GESCHICHTE DES BAUERNKRIEGS in Ostfranken, aus den Quellen bearbeitet von Dr. H. W. Bensen. Erlangen. 1 Bd.
 REISEN IN SUEDRUSSLAND, von J. G. Kohl. Dresden. 2 Bde.
 MORGENLAND UND ABENDLAND. Bilder von der Donau, Türkei, Griechenland, Aegypten, Palästina, Syrien, Spanien, Portugal und Frankreich. Vom Verfasser der Cartons. Stuttgart. Bd. I. und. II.
 ZACHARIAE'S Reise in den Orient in den Jahren 1837 und 1838. Heidelberg. 1 Bd.
 STREIFZUEGE durch die norischen Alpen. Von Freiherrn von Augustin. Wien. 1 Bd.
 KASCHMIR und das Reich von Sikk. Von Freiherrn von Hügel. Stuttgart. 1 Bd.
 DIE ORGANISCHE CHEMIE in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie. Von Dr. Liebig. 1 Bd.
 UEBER DAS STUDIUM DER NATURWISSENSCHAFTEN, und über den Zustand der Chemie in Preussen. Von Dr. Liebig. Braunschweig. 1 Bd.
 GEDICHTE von Nicolaus Becker. Köln. 1 Bd.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

Для оркестра.

- FÄHNBACH. Die Schwärtnier. Walzer. Oeuvre 43. (2 rb. 85 cop. arg.)
 LANNER. Maskenbilder. Walzer. Oeuvre 170. (4 rb. arg.)
 — Die nächtlichen Wanderer. Oeuvre 171 (4 rb. arg.)
 STRAUSS. Palmzweige. Walzer. Oeuvre 122. (3 rb. 43 cop. arg.)
 — Amors-Pfeife. Walzer. Oeuvre 123. (2 rb. 85 cop. arg.)

Для разныхъ инструментовъ:

- BOZDANER. Etudes journalières pour violoncelle, consistant en vingt-quatre exercices dans tous les modes. Oeuvre 155. (3 rb. 43 cop. arg.)
 FRANCISCHINI. Trois solos pour le violoncelle avec accompagnement de piano. Oeuvre 18. Numéros 1, 2, 3. (à 1 rb. arg.)
 MAZAS. L'école du violoniste, troisième degré. Six duos brillants pour deux violons. Oeuvre 72. Livres 1, 2, 3 (à 1 rb. 71 cop. arg.)
 ROMBERG. La belle hongroise. Pièce pour le violoncelle. Oeuvre 68, avec accompagnement de quatuor (1 rb. 85 cop. arg.); avec pianoforte (1 rb. 43 cop. arg.)
 SCHUBERTH. Six caprices de concert pour le violoncelle seul, avec accompagnement d'un second violoncelle ou de pianoforte. Oeuvre 4 (1 rb. 43 cop. arg.)
 — Nocturne pour deux violoncelles avec accompagnement de pianoforte. Oeuvre 6 (85 cop. arg.)

Для фортепиано.

- BERTINI. Duo brillant, à quatre mains, sur l'opéra *La fille au vétement*, de Donizetti. Oeuvre 128 (1 rb. 71 cop. arg.)
 — Duo brillant, à quatre mains, sur l'opéra: *Les Martyrs*, de Donizetti. Oeuvre 129 (2 rb. arg.)
 CHOPIN. Quatre mazourkas. Oeuvre 41 (1 rb. 20 cop. arg.)
 CHERNY. Réverie pour le piano, sur la romance favorite: *Beppa la Napolitaine*, de J. Rossini. Oeuvre 602. (1 rb. 15 cop. arg.)
 DUVERNOY. Mosaïque. Trois suites de Mélanges des morceaux favoris de l'opéra: *Les Martyrs*, de Donizetti. N° 1, 2, 3. (à 1 rb. 15 cop. arg.)
 HERZ. La Catalane. Rondo boléro sur un motif de A. Elwart. Oeuvre 116 (1 rb. 15 cop. arg.)

- HUENTEN.** Petites fleurs de salon. Quatre rondinos. Oeuvre 112. Livraisons 1, 2 (à 1 rb. arg.).
- Mélodies célestes. Trois airs variés. Oeuvre 113. 1. Mélodie de Donizetti. 2. Mélodie de Vaccay. 3. Mélodie de Proch (à 1 rb. arg.).
- KALKBRENNER.** Souvenirs de *Zanetta*, opéra d'Anber. Fantaisie. Oeuvre 145 (1 rb. 15 cop. arg.).
- LISSE.** Valse mélancolique (57 cop. arg.).
- Hussiten-Lied aus dem XV. Jahrhundert (1 rb. 15 cop. arg.).
- PIKE.** Six duos à quatre mains, arrangés d'après les trios pour piano-forte, violon et violoncelle. Oeuvre 95, numéro 3 (2 rb. 57 cop. arg.).
- Grand caprice dramatique sur les *Huguenots* de Meyerbeer, à quatre mains. Oeuvre 131 (2 rb. 57 cop. arg.).
- Fantaisie avec variations sur un dup de l'*Eclair* de Maléry, à quatre mains. Oeuvre 133 (2 rb. arg.).
- Grande fantaisie pour piano-forte seul, sur des motifs favoris de la *Festale* de Mercadante. Oeuvre 141 (1 rb. 71 cop. arg.).
- NOBELLEN.** Morceau de concert. Grandes variations de bravura, sur deux cavatines favorites de Donizetti. Oeuvre 99 (1 rb. 29 cop. arg.).
- Deux airs de ballet, sur des motifs de la *Tarentule* de Charles Gide. Oeuvre 94, numéro 1, 2 (à 85 cop. arg.).
- RUMMEL.** Soirées italiennes. Collection de huit vtiettes et quatre duos, mis en musique par Mercadante. Suite, 1, 2 (à 1 rb. 71 cop. arg.).
- SCHUMANN.** Scherzo, Gigue, Romanze und Fughette. Oeuvre 33 (à 15 cop. arg.).
- TAUBERT.** Suite. Prélude, ballata, gigue, toccata. Oeuvre 50 (1 rb. 71 cop. arg.).
- TOMASCHKE.** Six églogues, en forme de danses pastorales. Oeuvre 83 (85 cop. arg.).
- Tre allegri capriciosi di bravura. Oeuvre 84 (1 rb. 15 cop. arg.).
- WIECK.** Trois romances. Oeuvre 11 (85 cop. arg.).

(Всѣ эти сочиненія издаются въ стамбульскомъ печатнѣ въ Олонецъ, на углу Большой Мостъ и Герцовой, въ домѣ Шварца, № 114, и на Петербургъ, у Кошелева Никиты, въ домѣ Виталардина, № 47.)

ОТРАЖЕНИЕ ЗЕМНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ НА ОБЛАКАХЪ.

Удивительно, какъ многія очень простыя вещи съ трудомъ проникаютъ въ ученые головы! Въ числѣ такихъ вещей должно помѣстить между прочимъ отраженіе земли на облакахъ, которое всё-еще кажется имъ невѣроятною новостью, хотя многочисленныя факты и простая логика могли бы убѣдить ихъ въ совершенной естественности этого явленія. Освѣщенные солнцемъ скопленія паровъ всегда болѣе или менѣе отражаютъ на своей поверхности окружающіе предметы: доказательство — восточный миражъ, о которомъ уже столько говорили и писали. Что такое облако? Просто, такое же скопленіе паровъ въ воздухѣ, какое бываетъ у самой земли во время миража, и когда оно хорошо освѣщено солнцемъ, то его бѣлая блестящая поверхность должна, по необходимости, представлять такой же родъ зеркала противоположнымъ предметамъ и повторять въ высшихъ слояхъ атмосферы явленія приземнаго миража. И дѣйствительно, воздухоплаватели, которымъ случалось пролетать мимо такихъ облакъ, свидѣтельствуютъ, что предметы отражаются въ нихъ какъ въ зеркалѣ: многіе изъ этихъ путешественниковъ видѣли на ихъ поверхности чистыя изображенія своего воздушнаго шара, лодки, веревки и себя самихъ, только всегда въ колоссальномъ видѣ. Здравый смыслъ говорить, что земля, съ своими предметами, не можетъ не отражаться на этихъ паровыхъ зеркалахъ, носящихся надъ нею. Земной зритель не видитъ облачныхъ отраженій по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, чтобы видѣть предметъ и въ обыкновенномъ зеркалѣ, глазамъ нужно помѣститься непременно въ точку, съ которой бываетъ видно его отраженіе: мы рѣдко находимся въ такихъ точкахъ относительно къ отраженіямъ облаковъ.

облакъ. Во-вторыхъ, по отдаленности облакъ, эти отраженія становятся микроскопически малыми и, следовательно, непримѣтными, для нашего глаза. Бывали однако жъ случаи, что хорошее зрѣніе успѣвало различать ихъ съ земли. Въ нѣсколькихъ путешествіяхъ, изданныхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, упоминается о необыкновенномъ чловѣкѣ, жившемъ, кажется, на островѣ Маврікія и получающемъ жалованье отъ англійскаго правительства за то, что онъ, за сутки и болѣе, предсказывалъ появленіе кораблей на водахъ острова и описывалъ ихъ величину, число мачтъ и другіе признаки : уроженцы колоніи утверждаютъ, что онъ видѣлъ все это на облакахъ. Новоть другой, еще болѣе разительный примѣръ такого же явленія, примѣченный адъюнктомъ дижонской академіи наукъ, господиномъ Регтеу, когда онъ еще былъ студентомъ въ Лангрѣ, и описанный имъ теперь въ письмѣ къ господину Арагó. «Это было въ іюль 1826 года. Мы гуляли за городомъ. Послѣ чрезвычайно жаркаго дня, солнце съшло за горами, закрывающими горизонтъ города Лангра. На западѣ небо было чисто ; въ сѣверной сторонѣ лежало сѣровато-бѣлое облако странной наружности : она-то привлекла къ нему мое вниманіе. Я сталъ всматриваться, и вскорѣ явственно увидѣлъ на немъ полное изображеніе какого-то города. По двумъ башнямъ собора, по тонкой и высокой колокольнѣ церкви святаго Мартина, по куполу на зданіи главной больницы, не трудно было узнать въ этомъ воздушномъ изображеніи нашъ родной Лангрѣ, отраженный съ удивительною чистотою и вѣрностью. Это открытіе подало поводъ къ самому шумному восторгу моихъ юныхъ товарищей : мы вмѣли передъ глазами городъ на землѣ и могли сравнивать подлинникъ съ его копіей на небѣ ; всѣ подробности представляли совершенно зеркальное сходство. Вскорѣ примѣтили мы надъ городомъ два другія, ярко-бѣлыя, облака, и на нихъ тоже различили изображенія разныхъ частей Лангра ; отраженные зданія вмѣли сѣрый видъ и рѣзко отдѣлялись отъ бѣлаго грунту облака. Мы прошли шаговъ двѣсти, не спуская глазъ съ трехъ облакъ и узнавая на ихъ поверхности семинарію, ратушу и разные знакомые намъ дома. Наконецъ, на одномъ облакъ увидѣли мы лежащую въ четырехъ вер-

стахъ отъ Лангра деревню Saint-Georges, съ ея церковью и ветряною мельницею, которыя мои товарищи и я тотчасъ узнали въ этомъ изображеніи: даже деревня, которыя усажена дорога отъ этой деревни въ городъ, не были забыты облачнымъ зеркаломъ. Явленіе, вѣроятно, продолжалось послѣ того съ полчаса, потому что, когда намъ велѣли идти въ спальни, я взглянулъ еще разъ на облака и могъ различить на нихъ разные зданія, но уже не такъ явственно: они какъ-бы валились одни на другія своими вершинами.»

Это наблюденіе лангрскихъ школьничковъ сообщено было парижской академіи наукъ господиномъ Араго, и, странное дѣло, оно только возбудило сомнѣнія въ ученыхъ мужахъ, которые его слушали, вмѣсто того чтобы показаться имъ совершенно естественнымъ и заслуживающимъ полного вниманія, какъ новое подтвержденіе того факта, что облака дѣйствительно отражаютъ на своей поверхности земные предметы, и что изъ этихъ отраженій можно извлечь практическую пользу, особенно, если примѣнить къ наблюденію ихъ оптическіе инструменты. Нѣтъ сомнѣнія, что съ помощію приспособленныхъ къ этой цѣли телескоповъ мы очень часто могли бы видѣть на облакахъ, что дѣлается въ мѣстахъ, отдаленныхъ или закрытыхъ отъ нашего глаза: всякому понятна важность подобнаго средства въ военное время.

ИСКУССТВЕННЫЕ ИРАМОРЫ КУЛЬМАНА. Фабрика искусственныхъ ираморовъ существуетъ уже и здѣсь въ Петербургѣ, благодаря поспѣшности спекуляторовъ, которые, худо разслышавъ чужое открытіе, вздумали тотчасъ извлечь изъ него пользу для себя. Процессъ превращенія мела, гипсу, магнезій, свинцовыхъ бѣлизъ, и прочая, въ твердые камни, принадлежитъ французскому химикъ господину Кульману, и не составляетъ ни какого секрета въ наукѣ. Способъ этотъ такъ простъ, что каждый хозяинъ можетъ дѣлать у себя искусственные камни, а скульпторы, въ особенности, должны были бы имъ воспользоваться для своихъ работъ, которыя въ такомъ случаѣ очень легко производились бы ими изъ мягкой массы и тотчасъ сами собою превращались

въ алюминія. Можно ли придумать для искусства что-либо выроднее представляющагося средства — лить бюсты, статуи, барельефы и цѣлыя группы изъ гипсу или изъ тѣста свинцовыхъ бѣлизъ, и изготовленнымъ изъ такой массы произведеніямъ вдругъ сообщать твердость, доскъ и зерно прекраснѣйшаго камня? Кроме легкости работы и прочности произведенія, искусство выигрываетъ здѣсь еще ту выгоду, что оно можетъ достигать удивительной тонкости въ подробностяхъ. Эти преимущества столь же драгоценны и для форматорскихъ работъ; они особенно важны для произведеній орнаментной скульптуры. Вся тайна состоитъ въ томъ, что предметъ, сдѣланный изъ мела или гипсу, и *очень хорошо высушенный*, погружается нѣсколько разъ въ холодный или горячій растворъ кремнеземо-кислаго поташу: послѣ того, простое дѣйствіе воздуха въ нѣсколько дней придаетъ такую твердость мелу или алебастру, что нужкомъ этихъ тѣлъ можно рѣзать мраморъ; и чѣмъ далѣе остаются они на воздухѣ, тѣмъ болѣе твердѣютъ. Три или четыре процента кремнезему, поглощенные меломъ или гипсомъ, дѣлаютъ уже ихъ весьма твердыми камнями. Сначала каменѣетъ одна только поверхность; но потомъ, постепенно, каменѣніе проникаетъ во всю массу, которая тотчасъ принимаетъ отличную пелитурю, имѣя зерно очень ровное и мелко. Господинъ Кульманъ пробовалъ употреблять для литографіи камни, изготовленные такимъ образомъ изъ мела, и первый его опытъ далъ самые успѣшные результаты.

Вмѣсто кремнеземо-кислаго, можно взять растворъ марганцо-кислаго поташу: нанитанная имъ масса также очень скоро каменѣетъ на воздухѣ, и притомъ, кроме обыкновенной окраски мелу или гипсу марганцомъ, на поверхности ихъ образуется еще прекрасная арборизація, совершенно похожая на естественную.

Если сдѣлать тѣсто изъ свинцовыхъ бѣлизъ съ растворомъ кремнеземо-кислаго поташу, и потомъ лить или формировать изъ этого тѣста скульптурные предметы, то дѣйствіе воздуха черезъ нѣсколько времени превратитъ массу ихъ въ камень, удивительной красоты, который поворачивается какъ мраморъ.

Растворъ кремнеземо-кислаго погашу или соды, смешанный въ достаточномъ количествѣ съ меломъ въ порошокъ, можетъ съ величайшею пользою быть употребляемъ вмѣстѣ съ цементомъ, преимущественно для большихъ и смальхъ сводовъ : онъ такъ сильно пристаеъ къ поверхности камней и кирпичей, что спустя нѣсколько времени уже никакъ нельзя отдалить его отъ нихъ, и образуетъ вмѣстѣ съ ними настоящий искусственный камень.

ОКРАШИВАНІЕ ДЕРЕВЪ. *Просачиваніе ртути сквозь свинець. Средство доктора Ганналя сохранить мѣсо на долгое время.* Французскія газеты, и за ними журналы другихъ странъ, въ томъ числѣ и русскіе, съ удивленіемъ и восторгомъ говорили втеченіи двухъ послѣднихъ годовъ о важномъ открытіи господина Boucherie, который будто-бы изобрѣлъ средство окрашивать деревья подъ разные цвѣта ставя ихъ, тотчасъ послѣ срубленія, въ сосуды, наполненные растворами красильныхъ веществъ, при чемъ всасывающая сила листьевъ заставляеъ окрашающую жидкость подыматься до самой верхушки дерева и сообщаетъ всей его массѣ, за исключеніемъ сердцевины, цвѣтъ употребленной краски. Если мы до-сихъ-поръ не упоминали объ открытіи господина Boucherie, то это потому что, какъ намъ кажется, тутъ нѣтъ ничего новаго: опыты этого рода известны еще со времени открытіи Nales'a касательно всасывающей силы корней и испарительныхъ свойствъ листьевъ въ растеніяхъ. Nalesъ показалъ первый, что, не только вода, но и зѣръ, камфора, и разныя пахучія и красильныя вещества, восходятъ такимъ образомъ въ растенія и сообщаютъ имъ свой запахъ и цвѣтъ. Послѣ него, нѣкто de la Baïsse повторялъ тѣ же самыя опыты въ Бордо и, употребляя сокъ червы, показывалъ, что всякое дерево, срубленное вмѣстѣ съ листьями и цвѣтами, если поставить его нижнимъ концомъ въ сосудъ, наполненный этою краскою, быстро всасываетъ ее въ себя, дотога что, иногда въ нѣсколько минутъ, не только волокна дерева, но даже листья и жесткія цвѣтотъ, становятся красными. Nalesъ и de la Baïsse удосто- вѣрились также, что краска никогда однако жъ не проникаетъ въ плоды. Господинъ Biot, въ 1833 и 1834 годахъ

повторялъ эти опыты наоборотъ, доказывая, что можно заставить воду и краску пробгать растительные стволы и сверху внизъ : онъ бралъ сырые бревна, ставилъ ихъ вертикально въ томъ положеніи, какъ они росли, и наливалъ разныя жидкости на верхній конецъ : жидкость, при помощи собственной своей тяжести, проходила черезъ весь стволъ и, спустя нѣсколько времени, начинала вытекать нижнимъ концомъ. Следовательно, этотъ способъ окрашивать дерево былъ бы еще легче того, какой предлагаетъ господинъ Boucherie : вѣтви и листья вовсе не нужны здѣсь для успѣху операціи. Опыты господина Biot были тогда же напечатаны въ L'Institut. Недавно, случай открылъ одному физику, котораго имени неупомяну въ эту минуту, еще болѣе удивительный фактъ, подходящий подл опыты господина Biot : если налить ртути въ чашку, надѣтую на верхній конецъ свинцоваго прута, довольно толстаго и поставленнаго вертикально, то черезъ нѣсколько дней ртуть, собственною своей тяжестью, пройдетъ черезъ весь пруть и станетъ капать изъ нижняго конца его. Что касается до окрашиванія деревъ съ нижняго конца, то ихъ не надобно даже рубить съ корня и ставить въ сосуды съ красками : довольно просверлить пень буравомъ въ нижней его части, приладить къ этой дирѣ какой-нибудь сосудъ и налить въ него краски : въ нѣсколько часовъ окрасятся все дерево, листья и цвѣты. Охотники до ботаническихъ по- тѣхъ могутъ повторить этотъ опытъ въ своихъ садахъ или надъ растеніями, живущими въ горшкахъ, употребивъ для приданія необыкновеннаго цвѣту георгинамъ или розанамъ индиго, сафранъ или карминъ. Мы упоминаемъ объ этихъ хорошо извѣстныхъ обстоятельствахъ только потому, что рѣчь о такъ называемыхъ «открытіяхъ» господина Boucherie возобновилась теперь во многихъ журналахъ.

Здѣсь кстати упомянуть, что на томъ же началѣ, только примѣненномъ къ животнымъ тѣламъ, докторъ Gannal основалъ свой способъ сохраненія мяса, который состоитъ въ томъ, чтобы тотчасъ послѣ убіенія животнаго выпустить изъ главныхъ жилъ его всю кровь и вспрыснуть въ нихъ, посредствомъ шприца, столько растворенныхъ въ водѣ квасцовъ, сколько этой жидкости можетъ вмѣстять-

ся въ кровеносныхъ трубкахъ. Пока животное еще не остыло и жизнь въ немъ не совсѣмъ погасла, шприць замѣнитъ только-что остановленное дѣйствіе сердца, и растворъ квасцовъ, обтекая по всѣмъ кровеноснымъ приборамъ, разойдется по тѣлу въ видѣ кровообращенія и вездѣ ровно напитаетъ его своимъ веществомъ. Известно, что квасцы — лучшее предохранительное средство отъ гніенія: они имѣютъ еще то преимущество передъ солью, что не сообщаютъ мясу ни какого посторонняго вкуса.

ИЗВЕРЖЕНІЕ НЕФТИ АРТЕЗИАНСКИМИ КОЛОДЦАМИ. Въ послѣднемъ засѣданіи парижской академіи наукъ было говорено объ артезианскомъ колодцѣ, ниже-рейнскаго департамента, который извергаетъ нефть вмѣсто ключевой воды. Лѣтъ десять назадъ, подобный случай былъ въ Америкѣ, и представилъ тамъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ зрѣлищъ, какія можно вообразить, — пожаръ на водѣ, огромную пылающую рѣку. Вотъ извлеченіе изъ свидѣнія, сообщеннаго объ этомъ изверженіи.

Десять лѣтъ тому, въ Берксвиллѣ, что въ Кентукки, при буравленіи колодца, для добытія соленой воды, проникли въ глубь скалы слишкомъ на двѣсти футовъ. Тутъ буравъ попалъ въ лужу чистой нефти, и струя масла брызнула слишкомъ на двѣнадцать футовъ выше поверхности земли. Хотя количество убыло послѣ первыхъ минутъ, въ которыхъ колодець выбрасывалъ по семидесяти пяти галлоновъ, однако жъ нефть продолжала изливаться втеченіи нѣсколькихъ дней. Колодець буравили по близости ручья, который впадаетъ въ рѣку Комберлендъ, и нефть, увлеченная туда, въ нѣсколько дней покрыла поверхность воды. Кто-то коснулся до этой воды горящею лучиной, и вся рѣка вспыхнула. Пламя взвилось надъ глубокою долиною и хватало до вершинъ самыхъ высокихъ деревьевъ. Эта нефть даетъ бѣлый, блестящій, огонь, подобный огню каменно-угольнаго газа. Ею наполнили нѣсколько боченковъ, но бѣольшая часть вытекла. Жидкость такъ тонка, что трудно удержать ее въ деревянной посудѣ: она испускаетъ столько газа, что даже бутылки, налитыя ею, и закупоренныя, часто разрываются. Будучи подвержена вліянію воздуха, она

принимаетъ зеленоватый цвѣтъ. Она чрезвычайно летуча, имѣетъ крѣпкій, острый, необъяснимый словами запахъ, и вкусомъ походить на еловую смолу. Долгое время по открытіи этого минеральнаго масла, его всё-еще добывали въ некоторое количество при выкачиваніи соленой воды, и воображали, что всегда такъ будетъ. Но скоро нефть перестала выходить съ водою, и всѣ усилія добыть ея иначе нежели какъ добровольнымъ изверженіемъ остались бесполезными. Эти естественныя изверженія отъ времени до времени повторяются. Последнее началось четвертаго іюля 1840, и продолжалось около шести недѣль. Нефти собрали двадцать боченковъ. Минеральное масло и соленая вода, во время этихъ изверженій, отъ расширенія газу, поднимаются въ насосъ на двѣсти футовъ. Отсюда жидкость проходитъ въ закрытый резервуаръ, гдѣ нефть легко отдѣляется и исчерпывается съ поверхности воды, на которой она плаваетъ. Изверженіе нефти всегда сопровождается подземнымъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому, и обильнымъ испареніемъ газу изъ отверстія колодца, въ которомъ вода въ то время хлопочетъ какъ кипятокъ. (The American Journal, 1840.)

АГРОГРАФІЯ, или гравированіе на металл по способу гравированія на деревѣ. Мы находимъ въ англійскихъ журналахъ, что нѣкто господинъ Шонбергъ, родомъ Полякъ, сдѣлалъ изобрѣтеніе, чрезвычайно важное для нынѣшняго вѣка, въ которомъ самый лучшій книжный умъ сходитъ съ рукъ не иначе какъ подъ покровительствомъ мненькихъ картинокъ. Это изобрѣтеніе называлъ онъ *агрографіей*, то есть, «выпуклой гравировкой». Агрографія не что иное какъ способъ производить на металлъ выпуклыя изображенія, которыя во многомъ еще лучше и красивѣе гравированныхъ на деревѣ, и подлѣ которыхъ нынѣшніе наши *политинажи* играютъ жалкую роль монгольскихъ картинокъ. Процессъ господина Шонберга, покаместъ, тайна, но дѣло чрезвычайно полезное, потому что можно готовить въ пяти и шести печатальныхъ досокъ въ сутки. Другая выгода состоитъ въ томъ, что есть средство тотчасъ же сдѣлать и размножить до безконечности картинку прямо съ оригинальныхъ рисунковъ художника, не прибѣгая къ ри-

совальному искусству гравёра, которое всегда такъ не надёжно. Наконецъ, здѣсь не то что въ гравированіи на деревъ: гравёръ не встрѣчаетъ препятствій отъ расположенія волоконъ и отъ грубого зерна массы дерева; онъ можетъ произвольно распоряжаться своими линіями. Нѣкто господинъ Краучъ, въ Лондонѣ, уже украшаетъ картинками господина Шонберга свое изящное изданіе Tudor Library, и первые образчики превосходны. Нельзя сомнѣваться, что вскорѣ агрографія войдетъ во всеобщее употребленіе, какъ по удобству этого способу получать кони прямо съ оригиналовъ, нарисованныхъ художниками, такъ и по его дешёвизнѣ и весьма важному обстоятельству, что число картинокъ можетъ всегда быть равно числу экземпляровъ печатаемой книги. Политинажамъ — смерть. А что будетъ съ бѣдной гравировкой на деревъ, одинъ Богъ знаетъ: ей тоже нельзя не предсказать конца. Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, когда искусства, двигаясь сильными скачками впередъ, по-минутно создаютъ намъ новыя или упрощаютъ старыя изобрѣтенія, и когда всякое улучшеніе въ наслажденіяхъ жизни кажется только удовлетвореніемъ безпрестанно возрастающихъ нуждъ чловѣчества въ наслажденіи. Напримѣръ, прежде люди читали книги: это, признаться, было скучно, хотя невзыскательные отцы наша называли это великимъ наслажденіемъ. Теперь довольно — *смотреть книги*. Труда меньше, а наслажденія вдвое больше: теперь ужъ не слобровать уму, постоянному врагу чловѣческихъ наслажденій!

ПРИВЯЗАННОСТЬ КИТОВЪ КЪ СВОИМЪ ДѢТЕНЬШАМЪ. Тысячи достовѣрныхъ свидѣтелей утверждаютъ, что чувство самой нѣжной материнской любви не чуждо самкѣ кита, и что этотъ гигантъ морской жестоко мститъ за смерть своего дѣтеныша. Изъ множества примѣровъ, мы приведемъ одинъ. Это было въ 1830 году. Китоловное судно, находясь близъ Тристрама Акуни, замѣтило обременаго кита не въ дальнемъ отъ себя разстояніи, легло въ дрейфъ и спустило свои лодки. Приблизясь къ нему, люди, находящіеся на лодкахъ, увидѣли, что сбоку лежитъ молодой китенышъ. Острога кинута сильной рукою, и глу-

боже вышестся къ его тѣлу; онъ хочетъ бѣжать; поздно. Сначала, мать пытается освободить и спасти его, но вся усилія чудовища тишеты : китенышъ убить, она сама ранила въ голову, и отплыла далеко. Лодки спасаются къ берегу; но китъ видитъ судно и хочетъ утолить свою ярость : ему нужна жертва; ему надобно отмстить за смерть своего дѣтеныша. Онъ стремится всею силой своей быстроты : а быстрота эта велика, потому что китъ можетъ оплыть вокругъ всего земнаго шара въ пятнадцать или двадцать дней. Ударъ, сдѣланный имъ въ подводную часть судна, ужасенъ : точно киль взброшенъ бурей на скалу. Другой ударъ слѣдуетъ за первымъ, потрясаетъ до основанія трехмачтовое судно : вода бѣжитъ въ него со всѣхъ сторонъ. Экипажъ принимается за насосы; напрасно : яростное чудовище разитъ борта огромнымъ хвостомъ своимъ : пучина разверзлась; корабль потонулъ. Но китъ еще не удовлетворенъ; онъ бросается къ лодкамъ : онъ, въ своемъ бышестве, не разсчиталъ, что эти лодки стоятъ близъ самаго берегу и что масса его тѣла не найдетъ тамъ довольно воды, чтобы поднять его : онъ ринулся, и сталъ на мель. Остатки экипажа несчастнаго корабля овладѣли имъ, и передали извѣстіе о бѣдственной гибели товарищей.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ ДОРОГЪ ВЪ АНГЛІИ. *Бѣдственное положеніе содержателей. Вліяніе желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ на упадокъ шоссе.* Весьма достойно вниманія нынѣшнее положеніе turnpike trustees, то есть, «*дорожныхъ компаній*», или обществъ акціонеровъ, которые завѣдываютъ англійскими шоссе, обязываясь содержать ихъ въ исправности и собирая за то въ свою пользу извѣстную пошлину съ проезжихъ. Возникло опасеніе, что ошибочная система управленія этимъ дѣломъ, неблагоприятныя обстоятельства и затруднительное финансовое положеніе «*дорожныхъ компаній*» будутъ имѣть очень печальный конецъ. Въ обихъ палатахъ парламента разсуждали о средствахъ устранить зло, много спорили, и, какъ водится, ничѣмъ не рѣшили вопросу.

Англійскія шоссе, turnpike roads, состоятъ подъ управ-

лишнее число комиссаровъ, *trustees*, которые имеютъ пай въ капиталъ компаніи и обязаны присягою, управлять ея дѣлами на крайнему своему разуманію, и по совѣсти. Границы и сущность ихъ власти определены въ каждомъ мѣстѣ особымъ положеніемъ, *trust-deed*, возобновляемымъ въ определенные сроки. Они замѣщаютъ отъкрывающіеся между собою вакансіи, избирая для того людей раннаго съ собою званія, то есть, джентльменовъ, лапочниковъ, фермеровъ; определяютъ младшихъ служителей, какъ то, вадерателей, писарей, сборщиковъ пошлинъ; и исправляютъ вся вообще дѣла, какия могутъ встрѣтиться по управленію или содержанію дороги. Сверхъ-того имъ предоставлено, съ известными ограниченіями, распоряжаться доходомъ и дѣлать расходы на капиталъ. Доходъ состоитъ, главнѣйше, изъ пошлины или подорожнаго сбора, взимаемаго съ провзжихъ на шоссеиныхъ заставахъ: сборъ этотъ иногда отдается на откупъ; но комиссары имѣютъ право и не отдавать его, ежели предлагаемая цѣна будетъ признана недостаточною: въ такомъ случаѣ они могутъ сами собирать пошлину. Владѣльцы земли, прилегающей къ дорогѣ, обязаны поддерживать въ исправности дорожныя каналы, окопы и загороды; комиссары же, въ добавокъ къ доходу отъ сбора съ провзжихъ, могутъ, по согласію съ мѣстнымъ начальствомъ, устанавливать сверхъ-того особыи денежныи налогъ на сосѣдственные съ дорогою приходы, только не болѣе какъ по десяти пенни съ фунта (немного болѣе четырехъ съ половиною процентовъ), и, наконецъ, имъ дозволяется еще дѣлать займы, съ обезпеченіемъ подорожнымъ сборомъ, безъ всякой личной отвѣтственности. Вслучаѣ такого займа, кредиторы получаютъ удовлетвореніе изъ первыхъ сборовъ, или имѣютъ право занять сборные домъ и сами собирать подорожную пошлину, для погашенія своихъ претензій.

Изъ поданнаго парламенту въ прошломъ году рапорта комиссіи, которая была послана обревизовать состояніе дорогъ въ Англии и Валлисѣ, видно, что тамъ считается теперь тысяча сто шестнадцать «дорожныхъ компаній», изъ которыхъ каждая имѣетъ въ своемъ завѣдываніи около девятнадцати съ половиною миль дороги, а вся вооб-

ше, двадцать два тысяччи миль (31,200 верстъ). На содержаніе и поправку этой дороги, на жалованье тремъ тысячамъ пяти ста мъ пятидесяти служащихъ, и на разныя казенныя издержки, выходило въ годъ, крупный счетомъ, по пятидесяти одному фунту стерлинговъ съ каждою милею, или, по-нашему, около 365 рублей серебромъ съ каждыхъ 756 сажень, а со всѣхъ двадцати двухъ тысячъ миль 1,122,000 фунтовъ стерлинговъ, или 8,014,286 рублей серебромъ. Доходу отъ сбора съ проезжихъ и отъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ, въ 1838 и четырехъ предшествовавшихъ годахъ, получалось по 1,490,517 фунтовъ (10,646,550 рублей серебромъ) въ годъ: следовательно, компаніи имали ежегоднаго барыша 2,632,264 рубля серебромъ. Но при этомъ должно замѣтить, что на компаніяхъ есть значительный долгъ, который въ 1829 году, составлялъ 7,304,803 фунта стерлинговъ, а втеченіи девяти лѣтъ возросъ такъ, что въ 1838 году дошелъ до огромной суммы 8,345,267 фунтовъ, или 59,609,050 рублей серебромъ. Осемьдесятъ две компаніи нѣсколько лѣтъ вовсе не платили процентовъ, и сумма этой недоимки, простиравшаяся въ 1828 году до 821,586 фунтовъ, прибавляясь ежегодно втеченіи девяти лѣтъ слишкомъ по 33,559 фунтовъ, въ 1838 году возрасла до 1,123,623 фунтовъ (8,025,879 рублей серебромъ). Такимъ образомъ долги непрерывно увеличиваются; доходы постоянно уменьшаются; и тогда какъ на уменьшеніе доходовъ есть множество разныхъ причинъ, на сокращеніе въ той же мѣрѣ расходовъ нѣтъ ни малѣйшей надежды.

Главными причинами, отъ которыхъ «дорожныя компаніи» пришли и приходятъ въ упадокъ, надобно почитать небережливую систему содержанія самыхъ дорогъ, значительные казенные расходы, между прочимъ на возобновленіе «дорожныхъ актовъ», уничтоженіе рабочей повинности, *statute labour*, несоразмѣрность казенныхъ пошлинъ съ разнаго роду вѣзды, усилившуюся вѣзду по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ и, наконецъ, право почтоваго ведомства не платить *подарожнаго* за своихъ пассажировъ. Двѣ изъ этихъ причинъ недавно устранены на время уничтоженіемъ пошлины, называемой *statute duty*, и неда-

нѣмъ правила, по которому «дорожные акты», по истеченіи срока, возобновляются уже не на одинъ годъ, какъ было прежде, а на нѣсколько лѣтъ. Отъ ежегоднаго возобновленія актовъ, по большому ихъ числу въ Англіи и Валлисѣ (до трехъ тысячъ осьми сотъ), «дорожные компаніи» несли убытку на сопряженные съ тѣмъ издержки по-крайней-мѣрѣ 72,400 фунтовъ (517,143, рубля серебромъ) въ годъ: теперь этотъ убытокъ, составлявшій около одной-двадцатой части всего доходу, на нѣсколько времени устранился. Что касается до уничтоженія пошланны statute duty, то этимъ немножко отвращено затрудненіе, которое «дорожныя компаніи» чувствовали послѣ отмены рабочей повинности, не только въ деньгахъ, но и въ рабочихъ. Дале доходило до того что нѣкоторые, менѣе другихъ провзвѣя, дороги, особливо въ Валлисѣ, не могли бы долго держаться безъ открытія какого-нибудь новаго источника доходу, и правительство рѣшилось оказать имъ помощь: въ 1835 году возобновлено старинное правило, по которому надзиратель дороги можетъ требовать отъ всякаго владѣльца земли известнаго числа лошадей и людей, для употребленія ихъ въ продолженіи положеннаго времени на дорожную службу, и сверхъ-того, во второмъ и третьемъ годахъ царствованія королевы Викторіи, предоставлено комиссарамъ право, въ извѣстныхъ случаяхъ, съ согласія мѣстнаго начальства дѣлать особый денежный сборъ для поддержанія шоссе. Установленіемъ этого сбора, вмѣсто прежней рабочей повинности, бремя поддерживанія дорогъ переложено съ однихъ на многія плечи: прежде не требовали ни съ кого денегъ, и только одни фермары, какъ единственные люди, у которыхъ есть лошади съ деревенскою упряжью, должны были отъ времени до времени исправлять дорожную службу; теперь, напротивъ, и обыватель, и лавочникъ, и хозяинъ хутора, и человекъ, пользующійся только десятинной доходу съ какого-нибудь имѣнія, обязаны давать деньги. Но это не принесло такихъ выгодъ, какихъ можно было надѣяться: годовою итогомъ денежнаго сбора весьма незначителенъ, въ сравненіи съ цѣнностью прежней рабочей повинности, и, отъ разности между ними, въ капиталахъ «дорожныхъ компаній» оказывается большой недочетъ.

Еще важныя убытки, которые понесли компании отъ размноженія желѣзныхъ дорогъ въ Англіи. Вѣзда по желѣзнымъ дорогамъ дешевле другихъ; притомъ она почти вдвое скорѣе; путешественники помыщаются просторнѣе, не такъ утомляются. Однимъ словомъ, она имѣетъ вся выгоды на своей сторонѣ, и хотя представляетъ нѣсколько больше опасности, однако жъ это весьма не многихъ удерживаетъ, такъ, что гдѣ есть желѣзная дорога, тамъ вся прочіе пути ообщенія, сравнительно, очень густы. Не должно воображать, чтобы монополія рельсовъ была послѣдствіемъ какихъ-нибудь особенныхъ распоряженій въ ихъ пользу: имъ не предоставлено ни какихъ привилегій; но публика сама отдаетъ преимущество новой методѣ вѣзды передъ старою.

Знатокъ дѣла, еще до размноженія желѣзныхъ дорогъ, утверждали, что онъ вытѣснитъ изъ употребленія простымъ вѣссѣ; такого же мнѣнія были и хозяева diligencсовъ, извозчики и другіе люди, принимающіе въ этомъ дѣлѣ денежное участіе. Опытъ доказалъ, что они правы. Нѣкто господинъ Леви, откупщикъ подорожныхъ сборовъ во многихъ компанияхъ, сдѣлалъ въ 1839 году счетъ, изъ котораго видно, что съ открытія бирмингамской желѣзной дороги, на одномъ протяженіи отъ Барнета до Сентъ-Альбана, и съ однихъ только diligencсовъ, подорожный сборъ, составлявшій прежде семьдесятъ четыре фунта въ недѣлю, упалъ до двадцати пяти фунтовъ; такіе же факты замѣчены и въ разныхъ другихъ мѣстахъ; а какъ путешественники на большихъ разстояніяхъ вѣзять по желѣзнымъ дорогамъ еще охотнѣе чѣмъ на малыхъ, то очевидно, что подорожный сборъ будетъ быстрый и быстрый уменьшаться, по мѣрѣ того какъ линіи желѣзныхъ дорогъ стануть протягиваться дальше и дальше отъ Лондона.

Для доставленія обыкновеннымъ дорогамъ возможности выдержать соперничество съ желѣзными, предполагалось избавить diligencсы и почтовые экипажи отъ платежа разныхъ казенныхъ пошлинъ на нѣкоторыхъ дистанціяхъ. Пошлина, которую платятъ содержатели почтовыхъ лошадей, состоитъ изъ семи шиллинговъ шести пенни (2 рубля 68 копѣекъ серебромъ) за право, изъ пяти фунтовъ пяти ши-

линггахъ (37 рублей 50 копѣекъ серебромъ) съ каждою по-
возки; и изъ трехъ пенни (9 копѣекъ серебромъ) прованокъ за
всякую милю. Содержатся дилжансовъ платитъ по пяти
фунтовъ (35 рублей 70 копѣекъ серебромъ) за каждый отпу-
щенный экипажъ, и еще прибавочную сумму за конера и за
проводатаго, также прогоны, которыя возрастаютъ по
числу пассажировъ. Ежели отменить эти поборы, надержки
сократятся съ небольшимъ тремя пенни (9 копѣекъ сере-
бромъ) на милю, такъ, что съ пассажировъ будетъ можно
брать тремя или тремя съ половиною шиллингами (отъ рубля
семи до рубля двадцати пяти копѣекъ серебромъ) меньше съ
каждаго человека за провздъ ста миль (150 верстъ). Но тутъ
должно замѣтить, что въ такомъ случаѣ и управленія желѣз-
ныхъ дорогъ понизятъ свои провозныя цѣны; что многія
желкія компаніи, въ избѣжаніе соперничества дешевыхъ
шоссейныхъ цѣнъ, стануть брать еще и еще дешевле, хотя
бы понесли отъ того убытокъ; что компаніи желѣзныхъ
дорогъ употребятъ, безъ-сомнѣнія, всевозможныя средства,
какимъ-нибудь косвеннымъ образомъ воспрепятствовать
успѣхамъ шоссё; что хозяева желѣзно-дорожныхъ станцій,
составляющихъ ихъ частную собственность, перестануть
пускать къ себѣ шоссейные экипажи; что полиція желѣз-
ныхъ дорогъ не будетъ оказывать ни въ какой помощи, и
прочая, и прочая. Однимъ словомъ, соперничество дил-
жансовъ и почтовыхъ экипажей съ желѣзными дорогами
невозможно, и какъ бы ни велика была выгода первыхъ отъ
сложенія казенныхъ повинностей, послѣднія всё-таки одер-
жатъ надъ ними верхъ, по своему превосходству и по рас-
положенію публики.

Въ комитетъ дорогъ, учрежденномъ въ 1839 году ниж-
нею палатою парламента, было много толковъ о томъ, не-
льзя ли на обыкновенныхъ шоссё завести паровозы. Нѣко-
торые думали, что для этого годятся экипажи, изобрещен-
ные полковникомъ Мачерони и Колльменомъ. Въ ученомъ
смыслѣ, конечно, изобрѣтеніе машинъ для обыкновенной
дороги не кажется невозможнымъ дѣломъ; но до-сихъ-поръ,
что ни выдумывали, всё-еще не имѣло успѣху, и нѣтъ ни
какой надежды, что выдумщики будутъ счастливѣе со-вре-
менемъ.

Замышлено, что на мартъ уменьшения подорожнаго сбора на главныхъ путяхъ сообщенія, сборъ на побочныхъ и рекрестныхъ дорогахъ, водущихъ къ тѣмъ пунктамъ, съ сходится жалованья, безпрестанно возрастаетъ. Но это служитъ только немалымъ доводомъ торжества рельсовъ, и далеко не вознаграждаетъ за общіе убытки, которые терпятъ шоссейныя компаніи. Главный доходъ этихъ компаній былъ отъ сбора на большахъ трактахъ: теперь онъ почти прекратился. Путешественникамъ, идущимъ изъ большей части важнѣйшихъ провинціальныхъ городовъ, рѣдко приходится заплатить *подорожнаго* одинъ разъ, и никогда болѣе разу. Недавно открыли желѣзную дорогу между Ливерпулемъ и Лондономъ; скоро откроютъ другую изъ Лондона въ Бристоль: тогда девять-десятыхъ всей массы провозныхъ изъ Ирландіи въ Лондонъ, и обратно, не будутъ вовсе платить подорожнаго. Между-тѣмъ сообщеніе Лондона съ Шотландіей производится также по желѣзнымъ дорогамъ: рельсы уже соединили съ нами два ближайшіе шотландскіе пункта, Ланкастеръ и Йоркъ: вѣроятно, они протянутся скоро и далѣе къ сѣверу. Такимъ образомъ, за исключеніемъ Балгса, во всѣхъ трехъ королевствахъ едва-ли будетъ одно направленіе, гдѣ путешественнику прійдется ѣхать болѣе по шоссе нежели по желѣзной дорогѣ. Какое же тутъ соперничество?

Многія шоссе пострадали также отъ пароходовъ. Хотя возрастающее плаваніе на пароходахъ, вѣроятно, оживляетъ сухопутное движеніе, однако жъ, въ результатъ оно было вредно для содержателей сухопутныхъ дорогъ. Нынче, кто отправляется изъ Лондона въ Нидерланды, никакъ не поидетъ съѣсть на корабль въ Гарвичъ, а пускается прямо изъ Лондона; идущіе во Францію не спыняютъ прежде въ Дувръ; между Лондономъ и Эдинбургомъ, между Ливерпулемъ и Глазговымъ, и между многими другими городами путешественники нынче взятъ не иначе какъ водою, тогда какъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ, на многихъ изъ этихъ разстояній не было другаго сообщенія кромѣ сухопутнаго.

Наконецъ, должно замѣтить несообразность въ раскладѣ наземныхъ повинностей, которая тоже нанесла значительный вредъ шоссейнымъ дорогамъ, благопріятствуя дружку

родамъ сообщенія. На обыкновенныхъ дорогахъ, за каждаго человека, идущаго на почтовыхъ, берется въ казну три четверти пени (2 $\frac{1}{4}$ копѣйки серебромъ) съ мили, а за дилижансы по одному пени (3 копѣйки серебромъ) за каждый четверомыслный экипажъ, съ мили; напротивъ, на желѣзныхъ дорогахъ берется по одному пени съ мили за осемь пассажировъ, а сообщеніе по водѣ не обложено ни какой повинностью. Сверхъ-того, въ одномъ случаѣ повинность берется за пассажировъ, дѣйствительно отправившихся; въ другомъ только за право отпустить экипажъ: компаніи желѣзныхъ дорогъ платятъ этотъ налогъ за осемь путешественниковъ, а извозчикъ за карету или какую-либо повозку, хотя бы она была пустая. Правда, что тутъ вкрадываются злоупотребленія: извозчики сажаютъ въ свои экипажи пассажировъ болѣе нежели сколько должно; но если хорошенько разсчесть, то на повѣрку выходитъ, что повинность на обыкновенныхъ дорогахъ все-таки гораздо тяжелѣе тѣмъ на желѣзныхъ, неговоря уже о жестокомъ соперничествѣ водянаго сообщенія, которое, какъ мы сказали, не обложено ни какой повинностью.

О! если бы желѣзныя дороги и у насъ завелись скорѣе! Сколько государство приобрѣло бы полезныхъ рабочихъ людей, которые теперь, нагнувши на плеча синеѣ армяки и овчинныя тулупы, сидятъ въ празности на заваленкахъ своихъ избъ и, лишь-только вы подѣхали къ станціи, окружаютъ вашу коляску, спорятъ между собою и выводятъ васъ изъ терпѣнія своимъ алтынничествомъ.

• ПРИКЛЮЧЕНІЯ ИРЛАНДСКАГО МАТРОСА ДЖОНА БЕККЛЕРА, ВЪ ВРЕЗВІЛІИ. «Ирландскій бригъ *Амеліа*, рассказываетъ слѣпецъ Араго, прибылъ въ Ріо-Жанейро и остановился между крѣпостями Вильганьонъ и Бота-Фого, на прекрасномъ рейдѣ, окруженномъ красивыми домами европейскихъ консуловъ. Уже давно была ночь; на морѣ лежала тишина, не возмущаемая нималяйшимъ дуновеніемъ вѣтерка, и экипажъ *Амеліи* беззаботно отдыхалъ въ спокойной пристани. Не спалъ одинъ матросъ Джонъ Бекклеръ: онъ облокотился на бортъ, и, при свѣтѣ послѣднихъ лучей за-

ходящей луны, съ жадностью любознательна на прекрасныя виды, которыми корабль былъ окруженъ.

Вдругъ, отвязываютъ пирогу и пспышно шьнутъ отъ берегу : матросъ напрягаетъ зрѣніе и видитъ негровъ и женщину, которая, какъ ему кажется, испускаетъ отчаянные крики. Джонъ Бекклеръ удвоиваетъ вниманіе. Пирога остановилась, раздался глухой шумъ, волны открылись и закрылись, шумъ весель мало-по-малу утихъ въ отдаленіи.

Джонъ Бекклеръ подозрѣваетъ злодѣяніе, мгновенно рѣшается на дѣло самоотверженія и челолюбія. Онъ быстро бросается въ море, сильною рукою разсѣкаетъ волны, и тотчасъ доплываетъ до того мѣста, гдѣ остановилась пирога. Легкой шумъ подъ водою руководствуетъ опытнаго матроса; онъ погружается въ воду, схватываетъ края мокраго платья, и держа его зубами, изо всѣхъ силъ несется къ берегу вмѣстѣ съ своею драгоценною добычей. Послѣ продолжительной борьбы, смѣлый морякъ достигъ наконецъ до берегу, и, утомленный, безъ чувствъ упалъ на землю.

Спустя нѣсколько минутъ, Джонъ Бекклеръ пришелъ въ себя, и тогда только увидѣлъ, что спасенный имъ предметъ — тѣло молодой дѣвушки съ окровавленными щеками, шеей и ушами. Между-тѣмъ, легкое движеніе дѣвушки оживляетъ мужество и надежды матроса : онъ старается своимъ дыханіемъ возратить къ жизни спасенную жертву, громно требуетъ помощи, кричитъ на все стороны, но никто его не слышитъ, ни чей голосъ не откликается. Наконецъ, онъ рывается завалить ее на свои утомленные плечи.... но вдругъ послышались шумные крики, и матросъ остановился.

Человѣкъ двѣнадцать рабовъ съ зажженными свѣчами, въ сопровожденіи женщины въ отчаяніи, нападаютъ на великодушнаго моряка и окружаютъ его. При видѣ раненой молодой дѣвушки, женщина падаетъ въ обморокъ. Негры схватываютъ за горло храбраго Джона и уже готовы разбить его объ острые камни, какъ вдругъ прибѣгаетъ велицейскій офицеръ :

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ.

— Джонъ Бекклеръ, отвѣчаетъ матросъ по-англійски,

уточняя смысл вопроса, сделанного на португальском языке.

— Хорошо, я говорю и по-английски. Какъ здесь очутился съ тобой этотъ ребенокъ, избранный и умирающій?

Джонъ рассказалъ все, что зналъ, что видалъ, что слышалъ.

— Давно ли ты въ Бразиліи?

— Со вчерашняго дня.

— На какомъ кораблѣ пріѣхалъ?

— На Амелии.

— Но этотъ корабль въ карантинѣ.

— Да, въ карантинѣ.

— Ступай за мной.

Сеньору де-С^{***} привели домой. Ея дочь столь чудесно возвращенная къ жизни, подробно рассказала о случившемся съ нею насильемъ: на девушку напали негры, зажали ей ротъ, сорвали съ нея браслеты, серги, ожерелье, насильно втащили въ пирогъ и бросили въ море.

Не оставалось никакого сомнѣнія въ великодушнѣйшемъ матроса.

Сеньора де-С^{***} немедленно идетъ къ судья, который допрашивалъ Джона. Она обвиняетъ матроса, благодаритъ его въ самыхъ нежныхъ выраженіяхъ, обѣщаетъ обогатить его и проситъ къ себѣ въ домъ.

— Неделя! говорятъ судья: этотъ человекъ ушелъ съ корабля, который въ карантинѣ, и долженъ быть судимъ за нарушение законовъ.

— Я буду просить короля, вскричала потрясенная сеньора де-С^{***}: этотъ матросъ спасъ жизнь моей дочери: его должно наградить, а не наказывать. Иду къ его величеству.

На другой день сеньора де-С^{***} пала къ ногамъ короля и рассказывала ему объ ужасномъ приключеніи съ своею дочерью и о великодушномъ поступкѣ матроса. Король старался успокоить просительницу, обѣщая своею властью спасти ея дочь, и отпустить ее безвредною.

Черезъ несколько дней, судья приговорилъ Джона Бенлеора, французскаго матроса, къ смертной казни, за нарушение карантинныхъ законовъ.

Но ходатайству богатой фамилии де-С... , роковой приговоръ не былъ исполненъ, но храброго моряка осудили на десяти-лѣтнюю ссылку въ Минасъ-Джерашъ, во внутренность королевства.

Спустя нѣсколько времени Джонъ Бекклеръ шелъ шагомъ позади муловъ, по крутымъ, каменистымъ дорогамъ, въ направленіи къ западу отъ Брезиліи. Въѣзъ съ нимъ шли шесть негровъ, приговоренныхъ также къ ссылке, зато что они бросили въ море молодую дѣвушку, которую изранили и ограбили. Впрочемъ, должно сказать, что единъ только случай свелъ и поставилъ на одну доску избавителя и убійцу; но какой случай!

Начальникъ конвоя сдалъ арестантовъ минасъ-джерашскому губернатору. — «Я долженъ прибавить, сказалъ онъ, что вамъ вѣрно, отъ имени короля, покровительствовать Джону Бекклера, какъ несчастнаго друга; вы должны оказывать ему возможное снисхожденіе. Онъ будетъ, подлѣ вашихъ распоряженіемъ, надзирать за работами, станетъ, за вашимъ отсутствіемъ, присматривать за арестантами и будетъ объ-дать за вашимъ столомъ.»

Такое же повелѣніе заключалось въ королевскомъ предписаніи, присланномъ на имя губернатора.

Между-тѣмъ дни шли за днями, мѣсяцы за мѣсяцами, а Джонъ, которому обѣщали скорѣе освобожденіе, томился и стоналъ въ этихъ пустыняхъ, наравнѣ съ убійцами и невольниками. Однажды, онъ сказалъ себѣ: «Когда я возвращусь изъ Брезиліи на свою родину, какой бѣсъ останется у меня отъ великодушнаго поступка, по милости котораго томлюсь теперь въ неволѣ? Чтѣ мѣшаетъ мнѣ въ свою очередь наказанъ этихъ безжалостныхъ скрягъ за ихъ жестокость? Да и какое зло сдѣлаютъ имъ мои намѣренія? Будетъ ли океанъ менѣе глубокимъ, ежели взятъ изъ него каплю воды? и чтѣ тутъ долго толковать! — я рѣшилъ въ Брезилію чтобы составить какъ-нибудь маленькое состояніе и помочь своему бѣдному семейству....»

И вотъ Джонъ Бекклеръ каждый вечеръ, передъ заходомъ солнца, собирается на пальмовое дерево, при поднош-віи котораго стоялъ его плащанъ, и говоритъ своему начальнику, что идетъ подышать чистымъ воздухомъ и посмот-

реть, не видать ли корабля, съ которымъ ему позволять возвратиться на корабль.

Что же дѣлалъ Джонъ? Каждый разъ, какъ ему удавалось украсть драгоценный камень, онъ взлѣзъ на свое пальмовое дерево, служившее ему обсерваторіей, глубоко разрезывалъ ножомъ кору одной вѣтви, и, ни кѣмъ не примѣчаемый, мало-по-малу скоплялъ себѣ драгоценное сокровище. Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ онъ довольно часто повторялъ эту операцію, и накопилъ изрядную кучу алмазовъ.

Наконецъ, приходитъ королевское повелѣніе: Джонъ можетъ возвратиться въ Ріо, и отъѣздъ его назначенъ послѣ завтрашняго дня.

Догадливый морякъ жалуется, что мускиты, проклятыя микроскопическія насѣкомыя, которыя впиваются въ кожу, сдѣлали глубокую рану у него на ногѣ. Больному непрерывно стараются помочь, поздравляютъ его съ вожделенной свободой и всячески хлопчутъ, чтобы путешествіе въ Ріо не повредило его разстроеннаго здоровья. Наступилъ день отъѣзду; матросу привели отличнаго лошака, но Джонъ замѣчаетъ, что по дурнымъ дорогамъ ему часто будетъ нужно идти пѣшкомъ, и, что для этого долженъ онъ запастись палкою: онъ проситъ позволенія срезать упругую вѣтвь пальмоваго дерева, на которую такъ удобно опираться. Въ скромной просьбѣ отказу не было: морякъ въ послѣдній разъ взбирается на завѣтное дерево, срезываетъ драгоценную вѣтвь и овладѣваетъ своимъ сокровищемъ.

Съ какою заботливостью счастливый матросъ хранилъ свою драгоценную подпору! Съ какимъ блаженствомъ онъ прихрамывалъ, и сколько разъ благодарилъ неугомонныхъ и опасныхъ насѣкомыхъ, которымъ такъ часто бѣдныя негры добровольно отдаютъ себя на съѣденіе.

Джонъ Бекклеръ счастливо прибылъ въ Ріо. Желая какъ можно скорѣе возвратиться въ Европу, онъ даже не хотѣлъ заходить къ роднымъ спасенной дѣвушки, изъ опасенія чтобы они не заставили его промедлить нѣсколько дней. Датскій корабль стоялъ въ гавани, и въ слѣдующее воскресенье долженъ былъ отплыть въ Европу. Джонъ безъ труда получилъ на немъ мѣсто, и въ ожиданіи отъѣзда нашолъ скромную квартиру, недалеко отъ гавани.

Насупротивъ его квартиры жила молодая, довольно хорошенькая, мулатка, и Джонъ отъ скуки послалъ ей два три поцѣлуя, которые однако жъ были приняты не очень благосклонно. Въ самомъ дѣлѣ, на матросѣ былъ костюмъ, подававшій слишкомъ жалкое понятіе объ его особѣ; и вотъ, на другой же день Джонъ пошелъ на Королевскую Площадь, отыскалъ какого-то иностранца, продалъ ему одинъ или два алмаза, купилъ щегольское платье и съ большою старостію возобновилъ свои любовные поиски. Мулатка, вѣрная во всемъ своей кастѣ, перестала быть суровой, и наконецъ совершенно смирилась передъ убѣдительными доводами матросской вѣжности.

Было рѣшено, что любовники немедленно отправятся въ Европу и тамъ обвѣнчаются. Довѣрчивый морякъ ни мало не сомнѣвался въ преданности къ себѣ своей возлюбленной, и послѣ звонкаго поцѣлуя, безъ обиняковъ разсказалъ ей всѣ обстоятельства своей жизни, и въ заключеніи открылъ тайну своего богатства, значительно указавъ на драгоценную палку.

Еще одинъ день, и любовники навсегда распрощаются съ Брезиліей.

Вдругъ начали стучаться въ дверь.

— Именемъ короля, отворите.

— Не отпирай, прошептала мулатка.

— Именемъ короля, повторилъ голосъ, и дверь разлетѣлась въдребезги.

Джонъ и мулатка арестованы; ихъ повели къ судья.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ судья у дѣвушки.

— Нагѣ, свободная мулатка.

— А тебя?

— Джонъ Бекклеръ, Ирландецъ, только-что возвратившійся изъ ссылки, куда былъ сосланъ за спасеніе благородной дѣвицы, ограбленной неграми и брошенной въ море.

— Все это хорошо и похвально, отвѣчалъ судья; но, посмотримъ, всегда ли ты велъ себя какъ честный человѣкъ. Подай сюда палку, на которую ты опираешься.

Палка выдана, переломлена, и алмазы покатались по ковру.

— Конечно, сказалъ Бекклеръ своей подругѣ, простили наши головушки, насъ навсегда разлучатъ.

— Твое преступленіе явно, продолжалъ судья, и законы осуждаютъ тебя на вѣчную ссылку, а половина украденныхъ тобою алмазовъ, теперь найденныхъ, принадлежитъ особѣ, открывшей похитителя.

— Кто жъ эта особа?

— Я, отвѣчала улыбаясь мулатка. Я не люблю Европы, и предпочитаю остаться въ Бразиліи.

Бекклеръ положилъ руку на сердце и поднялъ глаза къ небу. Бѣднягу отвели въ тюрьму и оттуда отправили на галеры, гдѣ скоро онъ умеръ подъ палочными ударами приставовъ. Что касается до любезнѣйшей и благородной мулатки, она содержитъ нынче, въ Рио, въ Ювелирной Улицѣ, прелестный магазинъ модъ и китайскихъ рѣдкостей, и охотно рассказываетъ всѣмъ, кому о томъ знать и выдать надлежитъ, исторію своего друга Бекклера и сказаніе о томъ, какимъ образомъ положила она основаніе своему богатству, теперь очень значительному. Впрочемъ, Бразилія еще въ полу-дикомъ состояніи : во Франціи, въ землѣ полного развитія цивилизаціи, mademoiselle Nagè давно бы ужъ вздѣла въ пегольскомъ экипажѣ, и давно бы имѣла великолѣпный домъ, лакеевъ въ богатой ливрѣ, и прочая, и прочая.»

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Давно уже не говорили мы о новыхъ произведеніяхъ французской драматургіи. Почему? По весьма простой причинѣ : не о чемъ было говорить. Въ доказательство этой великой истины мы приведемъ слова предпоследней книжки *Revue des deux mondes*, которая такъ начинается свое театральное обозрѣніе за первую половину мая мѣсяца. «Парижскіе театры выдерживаютъ съ нѣкотораго времени кризисъ, и никто не въ состояніи сказать, когда онъ кончится. Публика дошла до послѣдней степени равнодушія, и писатели, какъ-будто нарочно, стараются поддержать ея въ этой печальной дремотѣ. Кто бы, лѣтъ десять назадъ, подумалъ, что новѣйшую драму ждетъ такая жалкая участь ! Не станемъ разсматривать кто тутъ виноватъ, публика или писатели ; но насъ,

этого вопроса не подлечь на мадафскому соннику. Партія была хороша, если бы только новая школа умѣла разогнать ее, если бы въ дерзкихъ, пылкихъ опытахъ, послѣдствіи творенія, зрѣло обдуманная, написанная съ искренною и скромною любовію къ искусству. Но не такъ было; это всякому извѣстно; и публика мало-по-малу дошла до той сонливой безпечности, въ которой она погружена нынче. А теперь уже не легко отучить писателей отъ лѣни и разогнать скуку публики».

Мы расскажем, однако жъ, содержаніе нѣсколькихъ новѣйшихъ піесъ, не то чтобы хорошихъ, но менѣе дурныхъ, чѣмъ ихъ сестрицы.

1. Le Tyran d'une Femme, *Тиранъ женщины*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господина Bayard'a.

Давно уже мосьё Баяръ не выдумывалъ водевила милѣе этого.

Дориваль — молодой, ученый профессоръ, и очень хорошій человекъ. Какъ-то, въ досужное время, видно о-вакаціяхъ, онъ женился на Клотильдѣ, молоденькой, хорошенькой, образованной дѣвушкѣ, и оба они счастливы, каждый по-своему: онъ, какъ человекъ, съ утра до ночи погруженный въ ученія занятія, она, какъ женщина вѣтреная, не много кокетка, которая мужа видитъ рѣдко, любезниковъ часто. Что же изъ этого выходитъ? То, что между мужемъ и женой, между ученостью и кокетствомъ, втирается мосьё Шарль, этотъ вѣчный мосьё Шарль, который всегда парадируетъ передъ супругами, какъ не помню какая-то рыба передъ китомъ. Не то, чтобы Клотильда любила Шарля: да по милости его она капризна и прихотлива, то хочетъ, то не хочетъ, то добра, то сердита, то да, то нѣтъ: а все хороша!... и мужъ всё ее любитъ, и говоритъ, какъ она прикажетъ, и да и нѣтъ, и нѣтъ и да. Поѣдемъ на балъ. — Поѣдемъ. — Останемся дома. — Останемся. Однимъ словомъ, добрый Дориваль

Мужъ мальчикъ, мужъ слуга

.....

Великій идеалъ парижскихъ всѣхъ мужей.

Но мадамъ такая-то, мать Клотильды, теца (c'est tout dire)

уверяеть его, что онъ неучъ, грубіянь, тиранъ, непослушній дѣлъ мужей; до того уверяеть, что добродушный профессоръ начинаеть думать, что онъ и въ-самомъ-дѣль тиранъ.

Къ счастью, кузенъ Клотильды, какой-то прокуроръ, увозитъ тещу на балъ, а Шарля сироваживаеть:

И хищникъ хищанку достался на обѣдъ.

Въ домъ Дориваля воцаряеться спокойствіе, и утѣшеная теща, не тревожимая болѣе Клотильдою, вычеркиваеть его изъ списка тирановъ.

2. *Tiridate, Тиридатъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господина Fournier.

Лѣтъ сто назадъ, на первый французскій театръ поступила женщина, маленькая ростомъ, неуклюжая и не хорошая: но зато взглядъ у нея былъ дивный! Эту женщину звали мамзель Дюмени. Когда она въ первый разъ явилась на сценъ, всѣ говорили, что она годится развѣ только въ наперсницы; но она тотчасъ доказала, что судьба создала ее играть королевъ. Вступая на сцену, она какъ будто выростала; станъ ея выпрямлялся подъ королевской мантией; голова гордо поднималась подъ короной; сердце сильно билось подъ наптіемъ страсти, гнѣву, мщенія, ужасу, рѣдко состраданія, а любви почти никогда. Шестидесяти лѣтъ отроду, послѣ сорока лѣтъ безпорочной службы, она сошла съ театра и получила двѣ тысячи пять сотъ франковъ пенсіона. Нынче актриса съ самымъ посредственнымъ талантомъ на это бы и не посмотрѣла! Мамзель Дюмени умерла девяноста лѣтъ, и еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти обучала, желающихъ, театральному искусству, которое, къ сожалѣнію, ученіемъ не передается. Эта женщина, по своей неукоризненной жизни, своему трудолюбію, своей любви къ искусству, и даже по самой строгости своего таланта, стоила бы того, чтобъ водевилъ оstarилъ ее въ декоръ. Но у него никому нѣтъ пощады.

Авторъ предлежащаго водевила рассказываетъ, якобы Адриакъ Дюбиоссонъ, единственный сынъ судейскаго пристава, который служитъ въ городкѣ Манъ, призываетъ въ Па-

ршишь: ~~перече~~ дайтего чтобы поможеть къ ногамъ мамзель Дюмени свою трагедію «Тиридатъ» и свое юношеское сердце. Трагедію мамзель Дюмени охотно принимаетъ, потому что стихи ей очень нравятся, а юношескіе сердца не береть. Мало этого: чтобы заставить молодого человека одуматься, она старается казаться какъ-можно старше и хуже, одъзается безъ вкусу, даже нечисто, является Адриану во всей пошлости домашняго быту актрисы, ржетъ куриць, сама себя готовитъ кушанье, и штопаеть чулки. Приэтомъ видъ бѣдный Адрианъ готовъ отказаться отъ своей богини: онъ не можетъ вынести этого контраста между идеальнымъ и положительнымъ, между царицею Египта и хозяйкою, между золотой короною и ситцевымъ платьемъ. Онъ уходитъ; но тотчасъ возвращается; потому что, какъ-скоро онъ вышелъ въ переднюю, мамзель Дюмени начала декламировать стихи «Тиридата»: а можетъ-ли быть дурна и стара женщина, которая декламируетъ первые ваши стихи! Онъ слушаетъ, и сначала не смотритъ; немножко погодя слушаетъ, и смотритъ; не множко погодя, смотритъ и уже не слушаетъ. Вотъ она, такова, какою представлялась она ему въ мечтахъ его! вдохновенная, великая, дивная! Адрианъ падаетъ къ ногамъ мамзель Дюмени и она отдаетъ ему свою руку, а манскій приставъ, видя это, съ радости плачетъ.

Нать ничего глупе этихъ панегириковъ умершимъ актерамъ и актрисамъ, потому что произносятъ ихъ живые актеры и актрисы; но водевилъ господина Fourquier изъ ряду вонъ: онъ составленъ очень искусно; даже стихи изъ «Тиридата» прекрасны и показываютъ, въ авторъ, водевилиста достойнаго лучшей судьбы.

3. L'École des jeunes filles, *Школа молодыхъ девицъ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ въ прозѣ, Melanin Waldor.

Заглавіе съ претензіями; но известно, что въ нашемъ вѣкѣ свирепствуютъ въ особенноти двѣ страсти, самолюбіе и страсть учить.

Девушка хорошенькая, скромная, благовоспитанная, Гортенсія д'Альбрэсъ, единственная дочь графа д'Альбрэсъ, влюблена всерьезъ сердцемъ и по-секрету въ молодого ху-

девушка, Жерма Савинья. И этого Савинья чаше дерзнули, что просить у графа д'Альбреса руки его дочери.

— Угожь я отдамъ дочь мою за васъ?... да кто вы? позвольте спросить, говорилъ графъ. — Я, бѣдный художникъ, отвѣчаетъ Савинья: я беру кисть и краски, и какъ угодно красю на холстѣ, кончаль, и весь городъ восхищается. У меня есть другаго ремесла, другаго званія, другихъ титуловъ; а когда прикежу, то народъ говоритъ: это Савинья! это нашъ знаменитый живописецъ! При томъ, графъ, я люблю вашу дочь, она любитъ меня: жените насъ.

Графъ сердится, и отказывается ему отъ дому, а Савинья и Гортенсія, взявшись подъ руки, уходятъ куда-то въ скромный уголокъ Паржа заниматься эгоизмомъ вавоена.

Во второмъ дѣйствіи Гортенсія и любовникъ ея Савинья живутъ себя и наслаждаются при блѣдныхъ лучахъ молодого мѣсяца. Скука еще не закралась къ нимъ; но она уже стойтъ одной ногой на порогъ. Сначала они счастливы, очень счастливы, и думаютъ, что любовь оправдываетъ все, и что какъ они любятъ другъ друга, то не зачѣмъ имъ и жениться, — чтобы не разлюбить, какъ обыкновенно люди, которые женятся. А Савинья никогда еще не бывалъ такимъ великимъ артистомъ, никогда еще не врониалъ еще такъ глубоко въ таинства формы, колорита и жизни? Онъ никогда не бывалъ такъ изженъ, такъ почтителенъ съ Гортенсією, и никогда не казался ей такимъ прекраснымъ! Все такъ: но между-тѣмъ счастье ихъ уже мало-по-малу возвращается; они мечтали о тиши и уединеніи, а теперь одиночество тяготитъ ихъ. Они обманули общество: а оно это не прощаетъ; они уверяютъ, что женаты, а это не правда. Гортенсія только черезъ три года будетъ совершеннолѣтнею и получитъ возможность располагать своею рукою. Съ осьмнадцати до двадцати одного: да это цѣлый вѣкъ! Изъ чего и слѣдуетъ, что «Школа дѣвумскъ» научаетъ ихъ убегать съ любовниками только тогда уже, когда имъ недалеко до возраста законной свободы.

Второе и третье дѣйствія ведскы очень искусно яви, лучше сказать, очень естественно. Тутъ начинаются все горести и бѣдствія незаконнаго брака, худшие изъ всѣхъ возможныхъ союзовъ. Сначала Жерма печалитъ, потому что

привязанъ дома, потому что запертъ въ своемъ домашнемъ быту, на-долго, можетъ быть на всегда; потому что малая стѣна наложничества растетъ и растетъ вокругъ него. Потому Гортенсіа печальна: она вспоминаетъ о своей дѣвичьей невинности; объ уваженіи, которыми уже не пользуется; о родныхъ, которыхъ уже нѣтъ; о подругахъ, которые уже отворачиваются, когда съ ней встрѣтятся: и это тѣмъ ужаснѣе, что презрѣніе падаетъ на нея одну. Свѣтъ прощаетъ оболъстителя, и не прощаетъ оболъщенной: въ глазахъ свѣта Савиньи правъ, Гортенсіа виновата. Савиньи можетъ жить и не женатый; Гортенсіа не можетъ никуда показаться, потому что она не замужемъ. Савиньи вездѣ принимаютъ, вездѣ ласкаютъ; на нее никто и смотреть не хочетъ: а если и смотреть, то какъ смотреть! съ какимъ презрѣніемъ или съ какими оскорбительными надеждами! Но теперь, какъ всѣ ее покинули, она еще болѣе дорожитъ однимъ, который у нея остался. Она знаетъ, что его ждутъ въ гостяхъ и хочетъ чтобъ онъ остался дома: изъ быта она дѣлается тираномъ. Миръ душевный уже не живетъ въ ихъ поэтической горенкѣ. Начинаются бури, плачь и раскаяніе; свѣтлые, ясные глаза Гортенсіа краснѣютъ отъ слезъ; улыбка стирается съ лица; эгоизмъ, настоящій эгоизмъ, себялюбіе, заступаетъ мѣсто эгоизма вдвоемъ; тихій сонъ, благорасположеніе, внимательность, нежность, надежда, все исчезаетъ, и, вмѣсто ихъ, являются безсонница, сожалѣніе, раскаяніе, суровость, жестокость, скука. Этими исполнены два дѣйствія и они такъ хорошо написаны, что ихъ слушаютъ не смѣя перевести духъ. — Но это исторія очень обыкновенная, всендѣвная? — Э! тѣмъ лучше: нѣтъ ничего занимательнѣе всендѣвныхъ исторій.

Такова «школа дѣвушекъ», въ которую попала Гортенсіа: сюжетъ смѣшонъ, двойнѣ смѣшонъ. Дѣвицы изъ порядочнаго дому, какъ Гортенсіа, не постыщаются подобныхъ школъ, а если это и случается, такъ очень рѣдко, и для нихъ этотъ урокъ не нуженъ. Во-вторыхъ, страсть возвышать, превъше всѣхъ людей, актеровъ и живописцевъ, общая страсть этой уродливой парижской литературы, которая только и знаетъ что пресмыкаться передъ торжествующею толпою и льстить развочичеству, противна здравому раз-

судку. Такъ что исторія Гортенсін д'Альбрёзъ выходитъ глупа, хотъ и очень интересна.

Кузень ея, Артуръ, хочеть защитить несчастную и все дѣло портить. Онъ вдругъ является посерединѣ этихъ горестей и требуетъ, чтобы Савиньи женился на Гортенсін. Средство плохое, особенно на театрѣ, убъжницѣ всѣхъ ложныхъ, преувеличенныхъ и лицемерныхъ чувствованій, гдѣ порядочный человекъ всегда долженъ охотнѣе драться на дуэли, чѣмъ выполнить долгъ свой, даже самый священный. Артуръ и Жоржъ идутъ драться, какъ вдругъ является графъ д'Альбрёзъ, который, провинившись передъ июльскою революціею, принужденъ былъ бѣжать: теперь онъ уже самъ *умоллетъ* Савиньи жениться на Гортенсін.— Тогда все мое богатство — ваше, говоритъ онъ. — Ваше богатство! отвѣчаетъ Савиньи. Оно помъшало вамъ отдать мнѣ руку вашей дочери, когда я просилъ васъ о томъ на колынахъ; теперь оно же не позволяетъ мнѣ породниться съ вами. Если бъ я хотѣлъ денегъ, то вотъ письмо богатой вдовы, мадамъ д'Атанжъ, которая сама предлагаетъ мнѣ свою руку.

Такъ говоритъ Савиньи; но потомъ онъ начинаетъ жалеть о бѣдной Гортенсін, и говоритъ ей: — Будь моею женою, — но безъ вашего богатства, прибавляетъ онъ, обращаясь къ графу.

Но поздно! Всѣ они, и отецъ, и кузень и любовникъ, который вдвое противъ другихъ жестокъ и неблагодаренъ, такъ жестоко играли судьбою Гортенсін, что теперь, какъ они готовы помириться и подать другъ другу руки надъ головою своей несчастной жертвы, она уже дотога истерзана горестію, что радость убиваетъ ее, и бѣдняжка умираетъ между своими тремя мучителями.

Въ этой простой, учтивой, трогательной драмѣ, много занимательности, много слезъ. Въ ней нтъ ничего неожиданнаго, ничего придуманнаго, ничего такого, чего бы нельзя было угадать заранее; но зато все ложно и невѣроятно.

4. *Le Mari de sa cuisinière, Мужъ своей кухарки*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господина Lockroy.

Да къ чему жъ жениться на своей кухаркѣ? Это система

дешевая. Если кухарка говорит и фразично, такъ, и сиплящично на ней, вы ей будете мѣшать; если же и плачетъ, то она будетъ мѣшать другимъ кухаркамъ, заставляя имъ дѣлать по-своему. Слѣдственно, въ отношеніи къ кухнѣ, вы ровно ничего не выигрываете. Теперь посмотримъ, что приноситъ вамъ такой бракъ съ другою стороною: толстыя, красныя, корявыя руки, отвратительный запахъ пригорѣлаго масла, грубый, дряблый полось, и языкъ, способъ выраженія, найдетъ же у кухарокъ и бывають. А между-тѣмъ это случается женился въ на кухаркахъ! Иной, добрый малой, говорить себя: «По-крайней-мѣрѣ мнѣ не надо будетъ нанимать кухарки!» А на другой день жена въ кухню ни ногой, и кухарку всё-таки приходится нанять. Другой думаетъ: — «Я буду свободенъ.» Э, любезный мой! да чтобъ быть свободнымъ, оставайся господиномъ своей кухарки; нето, неона тебѣ, а ты ей будешь повиноваться. Третій говоритъ... Да мало ли чего не говорятъ, когда хотять съдѣлать глупость! Впрочемъ, какъ на кухаркахъ женился, то справедливость требовала, чтобы изъ этого съдѣланъ былъ во-девилъ.

Мосьё Довринъ не говоритъ, за что ему вздумалось жениться на своей кухаркѣ; а это слѣдовало бы объяснить. Я знаю одного фортепианнаго учителя, который возвелъ кухарку на степень жены своей, потому дикать, что она ужасно плакала: вотъ онъ и женился на ней, чтобъ она въеракъ не воровала, да чтобъ хоть чѣмъ-нибудь ваять съ нея за прежніе убытки. Женидба на кухаркахъ изобрѣтена философами, для собственнаго ихъ употребленія. Но этотъ мосьё Довринъ не философъ и не фортепианный учитель, а человекъ, котораго, лицею почестей. Зачемъ же онъ женился? Къ счастью супруга его, и съдѣлавшаго маму Довринъ, така же матушка какъ прежде, круглая, мягкая и простодушная: она любитъ мужа и зоветъ его своимъ голубчикомъ; любитъ мужнина племянника и зоветъ его своимъ голубничкомъ; любитъ мужнина братья и зоветъ ихъ своимъ голубничками. Она вездѣ ѣздитъ; по гостямъ и по баламъ. Вы можете вообразить, какова бывшему Довринъ: начистъ она говорить, она дрожитъ; прійметса размахивать руками, она трепещетъ; воздумаетъ писать, она чуть не падаетъ въ

обморокъ, потому что она пишетъ еще лучше чѣмъ говорить и жестируетъ. Спрашивается: зачѣмъ же онъ на ней женился? Не женись онъ, такъ былъ бы подъ-префектомъ. Къ счастью, мадамъ Довриньи выпрашиваетъ это мѣсто мужнину племяннику и тѣмъ спасаетъ какого-то москѣ Ламбера отъ бѣды, потому что мадамъ Ламберъ уже подарила племяннику Довриньи свой браслетъ.

Послѣ этого водевиля смѣло можете жениться на своей кухаркѣ.

5. Le Beau-Pérez, *Тестъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, господъ Comon и Chabot de Voin.

Здѣсь всѣ тревоженія тестя выставлены съ веселой стороны. Москѣ Мишоннѣ третьяго дня выдалъ дочку замужъ за москѣ Шарля, и въ восхищеніи отъ своего зятя. Чтѣ за молодецъ! чтѣ за весельчакъ! чтѣ за лихой малой! Ну, какъ дочери не быть счастливою съ нимъ! Вдругъ, посреди такихъ утѣшительныхъ размышленій, является судебный приставъ и требуетъ уплаты по векселю зятя. Вслѣдъ за приставомъ прибѣгаетъ крыса. Надобно вамъ знать, что въ модномъ французскомъ лексиконѣ «крыса» — танцовщица, которая еще не поступила въ львицы, то есть, толкушка изъ танцевальныхъ хоровъ. Увидѣвъ хорошенку дѣвушку, которая спрашиваетъ москѣ Шарля, бѣдный Мишоннѣ приходитъ въ жестокое смущеніе: съ крысой неразлучается такъ скоро какъ съ приставомъ. Крыса — существо бохатливое, львиное, хитрое, прожорливое и неутомимое; крыса кусается, царапается, падаетъ въ обморокъ и рветъ на себя корсетъ; притомъ крыса, вѣчно, встѣ и пить хочетъ. Дѣлать нечего: тестъ потчуетъ крысу завтракомъ; мало-помалу крыса пріучаетъ его къ себѣ и добрякъ дѣлается совсемъ ручнымъ; крыса его приголубливаетъ; крыса надъзываетъ ему на шею розовую ленточку. Вдругъ доходитъ... кто бы вы думали?... мадамъ Мишоннѣ! Вотъ уже не скрести! Можете вообразить, что мадамъ Мишоннѣ, увидѣвъ мужа въ розовой ленточкѣ, кричитъ и рокошетъ; мужъ бунтуетъ: ссора, гвалтъ, крикъ! Но прибѣгаетъ Шарль, умиротворяетъ крысу, уговариваетъ тещу и выручаетъ тестя.

Вотъ и все.

НОВЫЯ КНИГИ.

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ГРЕФА,

(на углу Невскаго Проспекта и Адмиралтейскоѣ Пляцадѣ).

Французскія.

(Цѣны на серебрѣ.)

- BESQUEVEL.** Electricité. 7 vol. in-8. et Atlas. Folio cart. 28 rb.
BIBLIOTHÈQUE grecque-latine. vol. 1 à 14. gr. 8. le vol. à 4 rb. 60 c.
BOSCHER. Voyage en Espagne. livr. 1 à 12. folio. 72 rb.
BOURBERRY. Anatomie. livr. 19. folio. 4 rb. 30 cop.
BURBANQUE. Physiologie. 9 vol. in-8. 21 rb.
BURETTE. Histoire de France illustrée. 3 vol. gr. 8. 9 rb.
CARFIGUE, le Consulat et l'Empire. 10 vol. in 8. 21 rb. 50 cop.
CAUCHY. Exercices d'analyse. Abonnement pour 12 livr. in-4. 7 rb. 15 cop.
CHRONIQUES anglo-normandes. 3 vol. in-8. 6 rb.
CLAUDIUS, la Science populaire. Tome 31 à 36. in 18. 1 rb. 70 cop.
LE CORPS DE L'HOMME. T. 4. livr 6 à 9. in-4. colorié. 3 rb. 15. cop.
COUVEILHIER. Planches anatomiques. livr. 36 à 37 folio. 7 rb.
COUVIER. Histoire naturelle des Poissons. livr. 15. in-8. color. 9 rb. 50 cop. noir. 7 rb.
CUVIER. Règne animal. livr. 106 à 117. gr. 8. colorié 1 rb. 70 cop. noir. 3 rb.
DELABORDE. Voyage en Orient. livr. 23 et 24. folio à 4 rb. 30 cop.
DESHAYES. Conchyliologie. 5 livr. in-8. colorié. 3 rb. 36 cop. noir. 1 rb. 60 cop.
DEVERGIE. Médecine légale. 3 vol. in-8. 7 rb. 50 cop.
DICTIONNAIRE DU COMMERCE. 24 livr. in-8. 17 rb.
DICTIONNAIRE DES DICTIONNAIRES DE MÉDECINE. 13 livr. in-8. 66 cop.
DICTIONNAIRE DE MÉDECINE. Tome 22. in 8. 2 rb.
D'ORBIGNY. Voyage dans l'Amérique méridionale. livr. 1 à 51. folio. 271 rb.
D'OLINCOURT. Choix d'édifices publics. livr. 1 à 7. 6 rb.
FLEMMING ET **TIBBINS.** Dictionnaire anglais-français et français-anglais. in 4. livr. 1 à 48. 7 rb. 50 cop.
GRÈCE PITTORESQUE. Livr. 1 à 24. gr. 8. 10 rb. 30 cop.

- HAMMER.** Histoire de l'Empire ottoman. 2 vol. gr. 8. 9 rb. 30 cop.
- JACQUEMONT.** Voyage dans l'Inde. livr. 27 à 30. folio. 11 rb. 85. cop.
- JAHN.** Manuel homœopathique. vol. 3 et 4. in 12. 2 rb. 58 cop.
- KIENNER.** Spécies des coquilles. livr. 58 à 61. in-8. à 2 rb.
- LAMÉ.** Traité de physique. 3 vol. in-8. 6 rb.
- LANDOIS.** Complément du dictionnaire de l'Académie. in-4. livr. 35 à 42. à 15 cop.
- LEBLANC.** Recueil de Machines. livr. 4 de la 3 Partie. folio. 2 rb.
- LENORMANT.** Antiquités égyptiennes. livr. 14. fol. 3 rb. 40 cop.
- LIEBIG.** Chimie organique. 2 vol. in-8. 5 rb. 15. cop.
- MILNE EDWARDS.** Crustacés. in 8. Tome 3. 1 rb. 80. Planches color. 1 rb. 80 cop. noir. 85 cop.
- MOREAU.** Traité d'accouchemens. T. 1. in-8. Gratis aux Abonnés.
- PARIS HISTORIQUE.** livr. 73 à 102. in 8. à 20 cop.
- POITEAU.** Pomologie. livr. 131 à 157. folio à 60 cop.
- POUILLET.** Elémens de physique. 2 vol. in-8. 6 rb.
- QUERARD.** France littéraire. Tome 10. 1 livr. in-8. 2 rb. 30 cop.
- RAYER.** Maladies des reins. livr. 1 à 12. folio. 60 rb.
- SGANZIN.** Cours de constructions. livr. 8 et 9. in 4. et folio.
- SPANK.** Histoire des Phanérogames. T. 10. in-8. 2 rb.
- STAEI.** Corinne, édition illustrée. livr. 16 à 19. in-8. à 15 cop.
- SUITES aux éditions de Buffon.** livr. 30 à 34. in-8. à 1 rb. 80 cop. Planches color. à 2 rb. noir à 85 cop.
- TÉLÉMAQUE,** édition illustrée. 33 livr. in 8. 3 rb. 40 cop.
- TEXIER.** Voyage dans l'Asie mineure 9 à 12. fol. 22 rb.
- THESAURUS græce lingue.** livr. 24. fol. 4 rb. 30 cop.
- VELPEAU.** Leçons orales de clinique. 3 vol. in-8. 6 rb. 45. cop.
- ALBUM vénitien.** in 4. relié. 10 rb.
- ANNUAIRE** historique pour 1841. 70 cop.
- ARCHIVES** des voyages. livr. 2. in-8.
- ARMENGAUD,** guide de l'inventeur. in 8 70 cop.
- ARMENGAUD,** publication industrielle. Abonnement pour 10 livr. in 8. et fol. 11 rb.
- AUBANEL,** recherches sur l'aliénation mentale. in-8. 1 rb. 70 cop.
- AUDIFFRET,** système financier. 2 vol. in-8. 5 rb.
- BALBI,** abrégé de géographie, in-8. 7 rb. 15 cop.
- BARBERET ET MANGIN,** précis de géographie. in-8. 3 rb. 60 cop.
- BARTHE,** auscultation. in-18. 1 rb. 40 cop.
- BEAUMARCHAIS,** oeuvres. gr. 18. 1 rb. de la Collection Didot.
- BERTHEREAU,** petit traité d'agriculture, in-18. 75 cop.
- BESCHERELLE,** exercices de grammaire, in-8. 3 rb. 40 cop.
- BESCHERELLE,** grammaire. gr. 8. 5 rb.
- BESUCNET,** sur la gastrite. in-8. 1 rb.
- BIBLIOTHÈQUE** choisie de Charpentier, 77 vol. à 1 rb. 15 cop. in-12.
- BIBLIOTHÈQUE** choisie de Delloye, 96 vol. à 60 cop. in-12.
- BIOCHE,** formulaire de procédure. in-8. 2 rb.
- BOISTE,** dictionnaire. in 4. 6 rb. 30 cop.
- LE BON JARDINIER** pour 1841. in-12. 2 rb. 30 cop.
- BONNET,** maladies du foie. in-8. 2 rb.
- BOUILLAND,** maladies du cœur, 2 vol. in-8. 5 rb.
- CALLET,** tables des logarithmes. gr. 8. 5 rb.
- CASEAUX,** traité d'accouchemens. in-8. 3 rb.
- CHAPSAI,** exercices. in-12. 40 cop.

- CHEVIER**, eaux minérales, in-8, livr. 1 et 2. 70 cop.
CHOMEL, clinique. T. 3, in 8. 2 rb. 30 cop.
CHOMEL, pathologie, in-18. 2 rb. 70.
CHRONIQUE des abbés de Saint-Omer, in-4. 1 rb. 70 cop.
CLAUDIUS, la Science populaire, 36 vol., collection terminée, in-18. 10 rb.
COMPENIUM de chirurgie, livr. 1. et 2, in-8. 2 rb. 15 cop.
COURS sur le service des officiers d'artillerie avec atlas, in-8 et fol. 4 rb. 30 cop.
DAVIDOFF, guerre des partisans, in-8. 2 rb. 15 cop.
DUBOURG, organisation militaire de la France, in-8. 3 livr. 3 rb. 40 cop.
D'ORBIGNY, l'homme américain. 2 vol. in-8 et Atlas fol. 6 rb.
DESCORDES, sur les facultés humaines, 2 vol. in 8. 5 rb.
D'ORBIGNY Keepsake des mammifères, gr. in-8 colorié 6 rb. 50 cop.
ELLIS, aliénation mentale, in 8. 3 rb.
FAUNE de l'Andalousie, livr. 4me in 8. 1 rb. 80 cop.
FAVROT, traité de physique et de chimie, 2 vol. in-18. 4 rb. 30 cop.
FLORIAN, album, in-8. 2 rb. 60 cop.
FORGET, de l'entérite, in-8. 3 rb.
FREGIER, des classes dangereuses, 2 vol. in-8. 5 rb.
FRITZ, esquisse d'un système d'Education. 2 vol. in-8. 4 rb. 30 cop.
FURNARI, maladies des yeux in-8. 2 rb. 65 cop.
GABILLLOT, études des phénomènes. in-8 1 rb. 90 cop.
GAULT DE SAINT-GERMAIN, guide de l'école allemande, flamande et hollandaise. 2 vol. in-8. 4 rb.
GAULTIER, introduction au magnétisme. in-8. 2 rb. 15 cop.
GENDRIN, leçons sur les maladies du cœur. in-8. 1 rb. 80 cop.
GEOFFROY SAINT HILAIRE, zoologie. in-8. et Atlas. 3 rb.
GIRAudeau, maladies vénériennes. in-8. 2 rb. 15 cop.
DE GLOBE, atlas géographique par Dufour, Jomard et Balbi. in 4. 4 rb. 30 cop.
GROGNIER, cours de multiplication des animaux. in 8. 3 rb. 40 cop.
GUIBERT, émissions sanguines. in-8 1 rb. 20 cop.
BENCHEL, dictionnaire français-allemand et allemand-français. 2 vol. gr. in 8. 10 rb.
HISTOIRE DE L'ILE DE CUBA, livr. 19 à 22. folio. 15 rb.
HUFELAND, enchiridion medicum. in-8. 3 rb.
MUSSON, législation des travaux publics. 2 vol. in-8. 5 rb.
JACOB, Science des Finances. 2 vol. in-8. 6 rb. 75. cop.
JAMER, manuel d'homéopathie. 4 vol. in-12. 5 rb.
JOUY, jeux de cartes instructives. 9 vol. in-12. cart. 5 rb.
 Savoir : Angleterre, Animaux, Astronomie, Botanique, Chronologie, Empereurs, Grammaire, Lecture, Musique, séparément à 60 cop.
KANPELIN, cours de physique. in-12. 2 rb. 60 cop.
KANT, logique. in-8. 2 rb. 15 cop.
KUNZERS, maladies de la peau. in-8. 2 rb.
LAMARCK, animaux sans vertèbres. vol. 1 à 8. in-8. 21 rb.
LASSAIGNE, dictionnaire des réactifs. in 8. 3 rb.
LEBAS, histoire ancienne. 2 vol. in-12. 2 rb. 30 cop.
LEFEVRE, Essai sur la Peste. in 8. 60 cop.
LESSON, species des mammifères. T. 1. in-8. 2 rb. 70 cop.
LETRONNE, fragmens des géographes grecs. in-8. 4 rb. 60 cop.
LEYELL, géologie. in-12. cart. 3 rb.
LIEBIG, chimie organique appliquée à l'agriculture. in 8. 2 rb. 50 cop.

- LOUIS**, de la fièvre typhoïde. 2 vol. in-8. 4 rb.
MAGENDIE, fonctions du système nerveux. 2 vol. in 8.
MAINE BIRAN, oeuvres philosophiques. 3 vol. in-8. 5 rb. 50 cop.
MAISON rustique du XIXe siècle. 4 vol. gr. in-8. 13 rb.
MALGAIGNE, hernies. in-8. 1 rb. 30 cop.
MÉMOIRES DE COMYNES. in-8. 3 rb.
MERCIER, recherches sur les maladies d'organisation. in-8. 2 rb.
MÉTAPHYSIQUE D'ARISTOTE. 2 vol. in-8. 3 rb. 40 cop.
MICHEL CHEVALIER, de l'industrie manufacturière. in-18. 15 cop.
MIGNON, réflexions sur la mécanique animale. in-8. 45 cop.
MONDAT, de la stérilité. in-8. 1 rb. 70 cop.
MORCEAUX CHOISIES DE BUFFON. in-18. cart. 40 cop.
MORCEAUX CHOISIES DE MASSILLON in-18. cart. 40 cop.
MOREAU, traité d'accouchemens. in-8. folio-Atlas. 17 rb. 50 cop.
MOULINIÉ, engorgemens. in 8. 85 cop.
NAVIER, leçons d'analyse. 2 vol. in-8. 3 rb. 40 cop.
NECKER, études géologiques. in-8. 3 rb. 40 cop.
NIEBUHR, histoire romaine. 7 vol. in-8. et Supplément. 16 rb.
LA NOEL, Keepsake pour 1841. in-8. 2 rb. 60 cop. relié.
NUGENT, dictionary. in-18. 1 rb.
OSTÉOGRAPHIE FRANÇAISE. livr. 6 et 7. in 4. et folio. 25 rb.
PAUTHIER, les livres sacrés de l'Orient. gr. in 8. 3 rb. 40 cop.
PETITE BIBLIOTHÈQUE morale et philosophique. 12 vol. cartonnés. 5 rb.
PONTÉCOULANT, traité de physique céleste. 2 vol. in-8. 3 rb. 40 cop.
LE PROCÈS LAFARGE examiné selon le droit prussien. in-8. 1 rb. 60 c.
RECUEIL des réglemens forestiers. in-4. 1840. 1 Partie. 1 rb. 70 cop.
RENDU, agriculture du département du Nord. in 8. 1 rb. 70 cop.
RENDU, traité de morale. in-8. 2 rb.
RICARD, du magnétisme. in-8. 2 rb.
RIGOT, anatomie des animaux domestiques. in-8. 1 livr. 1 rb. 20 cop.
ROUGE, grammaire anglaise, in-12. 1 rb. 30 cop.
ROUSSEL, scènes patriarcales. in 8. 2 rb.
RONDELET. Architecture. in 4. 5 vol. et Atlas folio. 35 rb.
ROUFF, guide de l'homéopathie. in-18. 2 rb.
AUG. SAINT-HILAIRE, leçons de botanique. in-8. 5 rb.
SALNEUVE, cours de topographie, in-8. 2 rb. 80 cop.
LE SALON de 1841, in-4, livr. I. 50 cop.
SEDILLOT, manuel de médecine, in-18. 1 rb. 80 cop.
SEDILLOT, de la revaccination, in-4. 1 rb. 20 cop.
SGANZIN, programme des leçons d'architecture, 3 vol. in-4, et atlas in-folio. 35 rb.
TANDON, élémens de tératologie végétale, in-8. 2 rb. 15 cop.
LA TERRE, atlas géographique, folio cartonné. 9 rb.
THIERRY, application du fer à l'artillerie, 2 vol. in 4. et atlas. 9 rb.
TOMMAREO, dizionario dei Sinonimi, 2 vol. gr. in 8. 10 rb.
TOUVENEL, hygiène, 2 vol. in-8. 3 rb. 40 cop.
TRAITÉ D'HISTOIRE NATURELLE, livr. 46 à 48, in-8. colorié. 1 rb. 70 c.
VELPEAU, médecine opératoire, 4 vol. in-8, et atlas colorié. 17 rb. 50 c.
VELPEAU, traité d'accouchemens. 2 vol. in-8. 5 rb.
VERNOIS, maladies du cœur, in 8. 50 cop.
VIDAL, vie de Dupuytren, in-8. 60 cop.
VIE DES SAINTS, T. IV, gr. in-8. 3 rb.
VIOLETT, théorie des puits artésiens. in-8. 2 rb. 60 cop.
VOYAGE PITTORESQUE EN BOURGOGNE, 2 vol. in fol. relié. 43 rb.

- VOYAGE DANS L'AMÉRIQUE DU NORD**, livr. 10 et 11, in folio colorié.
5 rb. 50 cop.
- VOYAGE DE LA BONITE** autour du monde, livr 5 à 8, in-fol. 15 rb
- VOYAGE EN ISLANDE**, 25 livr. in-fol. et texte. in-8. 120 rb.
- WALTER-SCOTT**, œuvres, vol. 1 à 14, in-8. 14 rb.
- ZIMMERMANN**, de la solitude, in-8. 9 rb. 30 cop.

-
- Album de la Syrie et de l'Égypte**, in 4. 5 rb.
- Album de l'ornemaniste**, par E. Leconte, in-fol. 20 rb.
- Animaux peints par eux-mêmes**, par Grandville, gr. in-8. 1 à 22.
2 rb. 80 cop.
- Assises de Jérusalem**, par Beugnot, in-fol., tome premier (assises de la haute cour.) 14 rb.
- Astronomie pratique**, par Francoeur, in-8. 3 rb.
- Bibliothèque d'élite**, 44 vol. in-12. à 1 rb. 15 cop.
- Des brevets d'imprimeurs**, par Crapet, in-8. 1 rb.
- Calcul fait des pieds de fer**, par Bablot, 1 vol. in-12. 85 cop.
- Chemin du salut**, in-8. 1 à 24. 17 rb. 50 cop.
- Claude Bernard**, par M-me Ulliac Tremadure, in-12. 1 rb. 15 cop.
- Complément des élémens de géométrie**, par Lacroix, 1 vol. in 8. 85 cop.
- Cours d'analyse de l'école polytechnique**, par Dulamel, in-8. 2 vol.
3 rb. 40 cop.
- Cours d'étude**, par Henri Prat, in-12. 1 rb.
- Correspondance de P. Jacquemont**, 2 vol. in-12. 2 rb. 30 cop.
- Dictionnaire universel d'histoire naturelle**, par d'Orbigny, in-8 color.
Livraison 1 à 14. 14 rb.
- Dictionnaire des sciences naturelles**, supplément, in-8 colorié. 1 et 2.
7 rb.
- Dictionnaire turc-français**, par Kieffer et Bianchi, 2 vol. in-8. 25 rb.
- Éléments d'arithmétique**, par Bourdon, in-8. 1 rb. 50 cop.
- Elisabeth**, par M-me Cottin (illustré), in-18. 1 rb. 80 cop.
- Enfans célèbres**, par Massou, in 12. 1 rb. 20 cop.
- Enfans (les) peints par eux-mêmes**, par Saillel, in-8. 3 rb. 40 cop.
- Épîtres et Évangiles**, édition illustrée, in-8. 5 rb.
- Ethique**, par Tissot, in-8. 2 rb. 15.
- Études sur l'établissement des charpentes à grandes portées**, par Ardent, in 4. 3 rb. 40 cop.
- De la fortune publique**, par Macarel, in 8. T. 3. 2 rb. 60 cop.
- Génie et Bienfaisance**, in 8. 3 rb. 40.
- Grèce pittoresque**, 1 vol. gr. in 8. 10 rb. 30 cop.
- Griseldis**, poème, par Halm, in-12. 1 rb. 20.
- Heures nouvelles**, illustrées, in-8. 10 rb.
- Histoire de Malte**, par Miège. 3 vol. in 8. 7 rb. 50 cop.
- Histoire des croisades**, par Michaud, in 8. grav. T. 1 et 2. 4 rb.
- Histoire des voyages**, 3 vol. in-12. 3 rb. 40 cop.
- Historiettes et images**, in 4. 3 rb
- Journal de l'école royale polytechnique**, in-4. T. 26 et 27. 6 rb.
- Jours de bonheur**, par Guérin, in 12. 1 rb.

- Jocelyn**, par de Lamartine, éd. illustrée, gr. in-8. 4 rb.
Leçons de calcul différentiel, par Moigno, in-8. 2 rb. 60 cop.
Lettres de familles, par Guizot, in-12. 2 rb.
Manuel d'ornithologie, par Temminck, in-8. T. 4. 3 rb.
Mélanges d'ornemens divers, par E. Leconte, in fol. 20 rb.
Missel, in-12 illustré. 3 rb. 40 cop.
Misère des classes laborieuses, par Buret. 2 vol. in-8. 4 rb.
Moyen âge pittoresque, folio. 70 rb.
Nouveau recueil de décorations intérieures, par E. Leconte, in-folio. 20 rb.
Œuvres complètes de A. de Lamartine, 13 vol. in-8. 28 rb.
Ornemens gothiques, par Emile Leconte, in-fol. 25 rb.
Paris et Loudres, in-8. 4 rb. 30 cop.
Petit Buffon, 4 vol. in 32. 2 rb.
De la profession d'imprimeur, par Crapelet, in-8. 1 rb.
Robinson suisse, par Elise Voyart, in-8 illustré. 3 rb. 40 cop.
Système de voitures pour chemin de fer, par Claude Arnoux, in-4. 2 rb.
Tableau du règne animal, par A. Comte, livr. 86 à 89 fol. à 40 cop.
Traité élémentaire d'astronomie physique, par J. B. Biot, in 8 et atlas in-4. Tome I. 5 rb.
Traité sur la théorie élémentaire des logarithmes, par Vallès, in-8. 50 cop.
Voyages d'un chasseur, 1 vol. in-8. 6 rb. 50 cop.

Suite de souscriptions.

- Chauveau**, théorie du Code pénal, in-8. T. 6. 2 rb. 30 cop.
Frauce dramatique, in-8, livr. 631 à 673. à 15 cop.
Mémoires de Saint-Simon, in-12. T. 14 à 38. à 60 cop.
Œuvres d'Ambroise Paré, in-8. T. 3. 3 rb. 40 cop.
Règne animal, par Cuvier, livr. 118, colorié à 1 rb. 70 cop., noir à 1 rb.
Thesaurus Græcæ linguæ, in-fol, 25-me livr. 4 rb. 30 cop.

Нѣмецкія.

- ORIGINAL-DEUTSCHE** zur deutschen Schaubühne (von der Prinzessin von Sachsen) 5 Bde. gr. 8. Dresden 1841. cart. 2 Rb. 80 Kop.
SCHNELLER. Böhmens Schicksal und Thatkraft vor dem Vereine mit Ungarn. Oestreich und Steiermark. gr. 8. Stuttgart 1841. geh. 1 Rb. 80 Kop.
MUERNBERGER. Ernste Dichtungen. 8. Kempten 1841 geh. 1 Rb. 80 Kop.
UNIVERSUM, das kleine, der Erd- Länder- und Völkerkunde. Ein Bilderwerk in interessanten Ansichten mit erklärendem Texte. 9 Lieferungen. quer 12. Stuttgart. 1810. geh. 3 Rb.

- BOETTGER**, teutsche Kriegsglieder. kl. 8. Leipzig. 1841. geh. 90 Kop.
- BURG**, Memoiren einer Pairin von England zu Fox Zeiten, übersetzt von Winter. kl. 8. 3 Th. Braunschweig 1840. geh. 4 Rb. 30 Kop.
- EGINHARDT**, Mathilde, 3 Bände. kl. 8. Altenburg 1840. 4 Rb. 50 Kop.
- BLUMAUER'S** gesammelte Werke 3 Bde. in 1 Bd. in-12. elegant geh. Stuttgart. 1840. 2 Rb.
- ENGELBRECHT**, die Feierabende der Familie Gutmann oder Worte eines Vaters an seine Kinder. mit 1 Kupfer kl. 8. Passau 1840. geh. 45 Kop.
- BERNOULLI**, Bevölkerungs-Wissenschaft 1 Hälfte gr. 8. Ulm 1840. geh. 2 Rb. 25 Kop.
- FRANK**, Taschenbuch dramatischer Originalien. 5 Jahrgang. kl. 8. Leipzig. 1841. 4 Rb. 95 Kop.
- FREGIER**, über die gefährlichen Klassen der Bevölkerung in den grossen Städten und die Mittel, sie zu bessern. 2 Hefte. gr. 8. Coblenz 1840. geh. 1 Rb. 80 Kop.
- DIE GEMESCHUTZTEN ODER KAISER MAXIMILIANS GEFABR AUF DER MARTINSWAND**. Eine Erzählung aus der Vorzeit des Tyrolerlandes, für die reifere Jugend. Mit 1 Stahlstich. kl. 8. Regensburg 1841. geh. 40 Kop.
- HAHN. HAHN**, Gräfin Faustine kl. 8. Berlin 1841. geh. 2 Rb. 40 Kop.
- HANKE**, der Braut Tagebuch. kl. 8. Hanuover. 1841. geh. 2 Rb. 80 Kop.
- HATIN**, Malerische Beschreibung der Regentschaft Algier aus dem franz. von Ganger, mit 2 Bildnissen 4 Holzschnitten und einer schönen Karte der Barbareskenstaaten. gr 8. Karlsruhe 1841. geh. 2 Rb. 40 Kop.
- GOEDSCHKE**, Nächte, romantische Skizzen aus dem Leben und der Zeit. 2 Thl. kl. 8. Altenburg 1841. geh. 2 Rb. 40 Kop.
- SCHWAENKE DES HEBELSCHEN RHEINLAENDISCHEN HAUSFREUNDES. 1808—1831**. Mit allen spasshaften Geschichten vom Zundelfrieder, rothen Dieter und Heimer. 2 Thl. in 1 Bd. mit 120 Abbildungen. in-12. Stuttgart 1839. geh. 2 Rb.
- MUHN**, Poetische Schriften. N° 1. Gedichte. gr. 8. Karlsruhe 1841. geh. 80 Kop.
- FRANZ**, Buch für Kinder 2 Thl. mit Originalzeichnungen von Koska. Breslau 1841. cart. 3 Rb. 40 Kop.
- KURLAENDER**, dram. Almanach für 1841. kl. 8. Leipzig 1840. cart. 1 Rb. 80 Kop.
- LEWALD**, Rheinsberg. Aus dem Jugendleben Friedrich des Grossen. kl. 8. Stuttgart 1841. geh. 2 Rb. 10 Kop.
- LOCHNER**, Kaiser Ludwig der Bayer und die Stadt Nürnberg. gr. 8. Nürnberg 1840. geh. 30 Kop.
- MUELLER**, König Friedrich Wilhelm der III. und Preussen unter seiner Regierung. 4 Lieferungen. kl. 8. Cöln 1840. geh. 80 Kop.
- HÜGEL KASCHMIR UND DAS REICH DER SIEK**. In 4 Bd. 1. 2. Bd. gr. 8. Stuttgart 1840. cart. 10 Rb. 80 Kop.
- FERN**, Friedrich der Grosse 1 Thl. gr. 8. Magdeburg. 1840. geh. 2 Rb. Dasselbe, mit 18 Kupfern. gr. 8. Magdeburg 1840. geh. 4 Rb. 5 Kop.
- HAUS DAS, oder Familiensorgen und Familienfreuden. Aus dem Schwedischen.** 2 Thl. kl. 8. Leipzig 1840. geh. 3 Rb. 60 Kop.
- BECHSTEIN**, die Weissagung der Libussa. 2 Thl. kl. 8. Stuttgart 1841. geh. 3 Rb. 60 Kop.
- COSMAR**, Berliner Theater Almanach f. 1841. in-12. Berlin. geh. 2 Rb.

- WALDEN**, General Graf Hoheim. kl. 8. Hamburg 1840. geh. 1 Rb. 80 K.
SÜDOESTLICHER BILDERSAAL. 3 Bände. gr. 8. Stuttgart. 1840. geh. 13 Rb. 5 Kop.
- DER PROZESS LAFARGE**, beleuchtet nach Preussischem Strafrechte durch Temme und Noerner. gr. 8. Berlin 1841. geh. 1 Rb. 40 Kop.
- FOETTMMAN CHATERTON**. 2 Bde. kl. 8. Barmen 1840. geh. 2 Rb. 20 K.
- RABENER**, SAEMTLICHE WERKE mit einem Vorwort und der Lebensbeschreibung des Verfassers, neu herausgegeben von Ortlepp. 4 Bde. kl. 8. Stuttgart 1839. geh. 3 Rb. 30 Kop.
- VOIGT**. Briefwechsel der berühmtesten Gelehrten des Zeitalters der Reformation mit Herzog Albrecht von Preussen. gr. 8. Königsberg 1841. geh. 3 Rb. 60 Kop.
- SCHILLERS WERKE** in 1 Bde. Lex. 8. Stuttgart. 1840. gh. 9 Rb. 90 K.
- ORBIS pictus** 7 Lieferungen. in-4. Leipzig 1840. 3 Rb. 15 Kop.
- MANSFELD**. 12 Declamations-Abende ernsten und launigen Inhalts. kl. 8. Meissen 1840. geh. 1 Rb. 40 Kop.
- WIESE**, Sagen und Märchenwald im Blüthenschmuck. kl. 8. Barmen 1841. geh. 1 Rb. 20 Kop.
- SADI'S Rosengarten**. Aus dem Persischen durch Wolff. kl. 8. Stuttgart 1841. geh. 1 Rb. 35 Kop.
- EGYPTEN WIE ES JETZT IST**. Das Land, seine Bewohner und der Herrscher desselben. von *r. kl. 8. Leipzig 1841. geh. 1 Rb. 20 Kop.
- KLEIN**, Maria von Medici. Trauerspiel. gr. 8. Berlin. 1841. geh. 2 Rb. 40 Kop.
- BLUM**. Theater. 2 Bd kl. 8. Berlin 1841. geh. 1 Rb. 60 Kop.
- BAUFACH DRAMATISCHE WERKE**, erster Gattung. 15. Bd. kl. 8. Hamburg 1840. geh. 1 Rb. 80 Kop.
- WAGNER**, Reisen in der Regentschaft Algier in den Jahren 1836. 37 u. 1838. 2 Bde. Nebst einem naturhistorischen Anhang und einem Kupferatlas. gr. 8. 16 Rb. 20 Kop.
- KLOPFSTOCKS** sämtliche Werke in 9 Bänden Taschenausgabe. Leipzig 1839. geh. 4 Rb.
- THURMELS** sämtliche Werke in 8 Bänden, Taschenausgabe. Leipzig 1839. geh. 3 rb. 60 cop.
- WIELANDS WERKE** in 36 Bde. Taschenausgabe. Leipzig 1840. 14 rb. 80 c.
- RYCHNER** Bujatrik oder systematisches Handbuch der äusserlichen und innerlichen Krankheiten des Rindviehes. 2 Auflage. gr. 8. Bern 1841. geh. 3 rb.
- MEYER** über Sanitäts-Anstalten im Orient und über die Stellung der dortigen Aerzte. gr. 8. Erlangen 1840. geh. 25 cop.
- WEINIG** Lehrbuch der theoretischen Chemie 2. 3. Lf. gr. 8. Leipzig. 1840. geh. 4 rb. 25 cop.
- BUCHNER** homöopatische Arzneibereitungslehre 2. 3. Lf. gr. 8 München 1840. 2 rb. 10 cop.
- GRAHAM**, Lehrbuch der Chemie, bearbeitet von Otto 5. 6. 7. Lf. mit 83 in den Text eingedruckten Holzschnitten. gr. 8. Braunschweig. 1840. geh. 2 rb.
- LEFÈVRE** Essai critique sur la Peste. in-8. Stuttgart 1840. 60 cop.
- BABON**, der gegenwärtige Zustand der Vaccination. Aus dem engl. von Gmelin. gr. 8. Stuttgart 1840. 60 cop.
- SEN. BAITHEAR**, grosse Zusammenstellung über die Kräfte der bekannten einfachen Heil- und Nahrungsmittel. Aus dem Arabischen von Sontbeimer. 1 Bd. Lex. 8. Stuttgart 1840. geh. 18 rb. 90 cop.

- SCHRAMM.** Unterricht für Bruchkranke oder Verhütung, Erkenntnis und Heilung der Brüche. kl. 8. Leipzig. 1841. 45 cop.
- LEHARS,** Anleitung zur praktischen Chirurgie. Aus dem englischen 2. Abtheilung mit 24 Kupfertafeln gr. 8. Leipzig 1840. geh. 2 rb. 40 c.
- ORGAN** für die gesammte Heilkunde von Naumann Wutzer und Kilian 1—4 mit lithographirten Tafeln. gr. 8. Bonn 1840. geh. 4 rb. 50 c.
- MARTINY,** die Influenza oder Grippe, eine contagiös epidemische Krankheit. gr. 8. Weimar 1841. gh. 30 cop.
- HASSE.** Specielle pathologische Anatomie I. 1. 2. Abtheilung. gr. 8. Leipzig 1841. 3 rb. 60 cop.
- OTTO.** Grundzüge der Physiologie. gr. 8. Leipzig 1840. geh. 60 cop.
- CZELECHOWSKY.** Chemisches Wörterbuch, zum Gebrauch für Aerzte, Pharmaceuten, Techniker und Gebildete jeden Standes 1. 2. Lief. gr. 8. Wien 1841. geh. 1 rb. 60 cop.
- MOST.** Ueber alte und neue medicinische Lehrsysteme im allgemeinen und über Dr I. L. Schönleins neuestes natürliches System der Medizin insbesondere. gr. 8. Leipzig 1841. geh. 2 rb. 20 cop.
- WILLIS.** Die Krankheiten des Harnsystems und ihre Behandlung. Aus dem englischen von Heusinger. gr. 8. Eisenach 1841. geh. 3 rb.
- MAGNUS.** Ueber das Flusswasser und die Cloaquen grösserer Städte. In medizinisch-polizeilicher Hinsicht. gr. 8. Berlin 1841. geh. 45 cop.
- HOLSCHER.** Hannoversche Annalen für die gesammte Heilkunde. 6 Hefte. gr. 8. Hannover 1841. geh. 5 rb. 40 cop.
- WOLF.** Neue Methode der Operation des Schielauges durch subuetante Tenotomie. gr. 8. Berlin 1840. geh. 45 cop.
- GREINER,** die rheumatischen Krankheiten nach ihrem Wesen. gr. 8. Leipzig 1841. geh. 1 rb. 20 cop.
- WAGNER.** Lehrbuch der Physiologie für akademische Vorlesungen, 2. Abtheilung. gr. 8. Leipzig 1840. geh. 1 rb. 35 cop.
- ORBIS PICTUS.** Ein Lern- und Unterhaltungsbuch für die wissbegierige Jugend mit 30 feinen colorirten Tafeln. in-4. Düsseldorf 1841. cart. 6 rb. 75 cop.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

Для разныхъ инструментовъ.

- HAUPTMANN.** Trois sonates pour pianoforte et violoncelle. Oeuvre 5, numéros 1, 2, 3 (à 1 rb. 71 cop. arg.)
- KUZECKEN.** Sonate pour piano et violon, ou pour piano et violoncelle, ou pour piano et flûte. Oeuvre 16, numéros 1, 2 (à 2 rb. arg.)
- KUMMER.** Reminiscenses sur des mélodies de François Schubert, pour piano et violoncelle. Oeuvre 59 (1 rb 71 cop. arg.).

- MENDELSSOHN-BARTHOLODY.** Trois quatuors, pour deux violons, viola et violoncelle. Oeuvre 44, numéros 1, 2, 3 (à 2 rb. 57 cop. arg.).
 — Grand trio pour piano, violon et violoncelle. Oeuvre 49 (3 rb. 14 cop. arg.).
- OSBORNE et BÉRIOT.** Duo concertant, pour piano et violon sur le *Domino noir*. Oeuvre 31 (2 rb. arg.).
- OSBORNE et LAFONT.** Duo brillant, pour piano et violon sur l'opéra de Clapisson : *La Figurante* (2 rb. 14 cop. arg.).
- REISSIGER.** Treizième trio pour piano, violon et violoncelle. Oeuvre 150 (3 rb. 71 cop. arg.).
- SCHUBERT.** Six caprices pour le violoncelle seul, avec accompagnement d'un second violoncelle ad libitum. Oeuvre 4 (1 rb. 43 cop. arg.).
 — Nocturne pour deux violoncelles avec pianoforte. Oeuvre 6 (57 cop. arg.).
- SPOHR.** Sonate concertante pour harpe et violon, ou harpe et violoncelle. Oeuvre 113 (à 3 rb. 14 cop. arg.).
 — La même pour piano et violon, ou piano et violoncelle. Oeuvre 113 (à 3 rb. 14 cop. arg.).

Для фортепiano.

- BENEDICT.** Fantaisie sur trois airs favoris de l'opéra : *Farinelli*, de Barnett. Oeuvre 30 (1 rb. 14 cop. arg.).
 — *La Calabraise*, rondeau brillant (71 cop. arg.).
- BERTINI.** Duo brillant sur l'opéra : *Les Martyrs*, de Donizetti, à quatre mains. Oeuvre 129 (2 rb. arg.).
 — Grand Caprice sur un motif de *La Straniera*, de Bellini, à quatre mains. Oeuvre 131 (2 rb. arg.).
- CRAMER.** Seize nouvelles études. Oeuvre 81 (3 rb. 43 cop. arg.).
- DUVERNOY.** Deux mélodies italiennes, à quatre mains. Oeuvre 98. — Cavatine de Bellini variée. — Rondeau sur un thème de Rossini (à 71 cop. arg.).
- HABERNIER.** Caprice romantique. Oeuvre 8.
 — *Le Ruisseau*, grande étude. Oeuvre 10 (1 rb. arg.).
 — Impromptu. Oeuvre 12.
- HENSELT.** *La gondole*, étude; édition corrigée par l'auteur; avec vignette (75 cop. arg.).
- HUNKE.** Variations sur l'hymne russe : *Боже Царя храни*. Oeuvre 6 (1 rb. 75 cop. arg.).
- KALLIWODA.** Grand galop sur un thème de Donizetti, à quatre mains. Oeuvre 92 (86 cop. arg.).
 — Grande valse, à quatre mains. Oeuvre 93 (1 rb. 43 cop. arg.).
 — Contredanses brillantes et variées, à quatre mains. Oeuvre 95 (2 rb. arg.).
 — Septième ouverture, à quatre mains. Oeuvre 101 (1 rb. 43 cop. arg.).
 — Cinquième symphonie, arrangée à quatre mains. Oeuvre 106 (4 rb. a.).
- LANNER.** Hofballtänze. Oeuvre 161 (86 cop. arg.).
 — Maskenbilder. Oeuvre 170 (86 cop. arg.).

- LANNER. Die nächtlichen Wanderer. Oeuvre 171 (86 cop. arg.)
 — Les mêmes, arrangées à quatre mains (à 1 rb. 14 cop. arg.).
- LEMOINE. Deux divertissements sur le ballet : *Le Diable boiteux*; à quatre mains. Oeuvre 34, numéros 1, 2 (à 1 rb. 14 cop. arg.).
- ROSELLEN. Grande fantaisie et variations concertantes sur le chœur favori de l'opéra : *Norma*, de Bellini; à quatre mains. Oeuvre 21 (2 rb. 57 cop. arg.).
- SCHMITT. Douleur et triomphe. Grande fantaisie. Oeuvre 225 (1 rb. 71 cop. arg.).
 — Grand nocturne brillant sur des thèmes favoris de l'opéra : *Le Domino noir*. Oeuvre 284 (1 rb. 43 cop. arg.).
- SCHUBERT. Grand duo, à quatre mains. Oeuvre 140, dédié à Clara Wieck-Schumann (4 rb. 57 cop. arg.).
- SCHUMANN. Kreisleriana. Phantasieen. Op. 16 (2 rb. 86 cop. arg.).
- STRAUSS. Palm-Zweige. Oeuvre 122 (86 cop. arg.).
 — Amors-Pfeile. Oeuvre 123 (86 cop. arg.).
 — Les mêmes, arrangées à quatre mains (à 1 rb. 14 cop. arg.).
- THALBERG. Fantaisie sur des motifs de l'opéra : *Oberon*, de Weber. Oeuvre 37 (2 rb. 29 cop. arg.).

Для пѣнія.

- КАРЕЛЕНЪ. Новіе русскіе романы : *Красавица*. — *Голубыми очами* — *Бабушка и внучка*. — *Горькая доля*. — *Предчувствіе*. — *Выборъ жены*. — *Еще тройка*. — *Когда у ногъ моихъ мечтаю*. — *Не впрѣ*. — *Падучая звезда* (1 руб. 75 коп. серебромъ).
 СТОЛЫННИНЪ. *Не пой*. Романсъ для баса (29 коп. серебр.).
 — *Не спрашивай о чемъ страдаю*, романсъ (57 коп. серебр.).

(Всѣ эти сочиненія находятся въ книжномъ магазинѣ «Олеонъ», на углу Большой Жеронъ и Герасовоу, въ домѣ Ширауха, № 114, и на Невскомъ Пресненскѣ, у Кавказскаго Моста, въ домѣ Энгельгардта, № 47.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ШЕСТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Бедуинъ. <i>Л—ва</i>	5.
Русская пѣсня. <i>Д. Чернецкаго</i>	7.
Былое. <i>М. Т—скаго</i>	8.
Завѣтъ. <i>А. Леонова</i>	9.
Разочарованіе. <i>А. Томиловскаго</i>	10.
Ночь въ Венеціи	11.
Memento mori. <i>П. Волкова</i>	111.
Не знаю отчего. <i>Н. Грекова</i>	112.
Элегія. <i>Н. Грекова</i>	113.

ПРОЗА.

Эвелина де-Вальероль. Романъ <i>Н. В. Кукольника</i> .	
III. Roma Varberina	13.
— IV. Возвращеніе на родину	115.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Витторія Аккоромбона, романъ Тика въ пяти книгахъ. 1.	
Старый холостякъ, или Cousin Goeffrey. Романъ Гука.	
Часть первая	109.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Записки Альфиери	1.
✓ Ихтанильхочитль	53.
Вазари. Біографія Джуліо Романо	75.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Курсъ овцеводства. Барона <i>Ө. Б. Унгернъ-Штернберга</i> . Чтенію пятое. — IX. Устройство и ростъ шерстиннокъ. — Косицы и руно	1.
— Чтенію шестое. — X. Хорошія качества шерсти.	19.

V.

КРИТИКА.

Біографія російскихъ генералиссимусовъ и фельдмаршаловъ. Г. Бантыша-Каменскаго	1.
1. О Иппократъ и его ученіи. Новое прагматическое сочиненіе. 2. Опытъ медицинской полемики, или Отчетъ прагматическаго сочиненія о Ганеманъ и Гомеопатіи. 3. Ueber Preisfragen zur Vermittelung der Extreme in der Heilkunde. Von demselben armen Doctor, «der jetzt für die	

Heilkunde dasselbe ist, was Miraboux und Luther, zu ihrer Zeit, in politischen und geistlichen Reformen, waren». Leipzig, 1839 49.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль, 1841. Новыя книги.....	1.
— — Разныя извѣстія.....	66.
Май, 1841. Новыя книги.....	69.
— — Разныя извѣстія.....	51.

VII.

СМѢСЬ.

МАЙ.

Метастазію.....	1.
Музыкальныя новости.....	16.
Новыя книги. Французскія. Англійскія. Нѣмецкія.....	20.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	23.
Моды (съ рисунками).....	25.

ІЮНЬ.

Отраженіе земныхъ предметовъ на облакахъ.....	25.
Искусственныя мраморы Кульмана.....	27.
Окрашиваніе деревъ. Просачиваніе ртути сквозь свинець. Средство доктора Ганселя, сохранять мясо на долгое время.....	29.
Изверженіе нефти артезіанскими колодцами.....	31.
Агрографія, или гравированіе на металлѣ, по способу гравированія на деревъ.....	32.
Привязанность китовъ къ своимъ дѣтенышамъ.....	33.
Порядокъ содержанія дорогъ въ Англии. Бѣдственное положеніе содержателей. Вліяніе желѣзныхъ дорогъ и парходовъ на упадокъ шоссе.....	34.

Приключенія шведскаго матроса Джона Беккера въ Брезанн.....	41.
Французскій театръ въ Парижѣ : Le Tugan d'une femme, водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Taritade, водевилъ въ одномъ дѣйствіи. L'Ecole des jeunes filles, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Le Mari de sa cuisinière, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Le Beau-Père, водевилъ въ одномъ дѣйствіи	47.
Новыя книги. Французскія и Нѣмецкія.....	56.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	64.

OCT 16 1936

